

АНТИЧНАЯ ГРЕЦИЯ
Политогенез, политические
и правовые институты

И. Е. Суриков

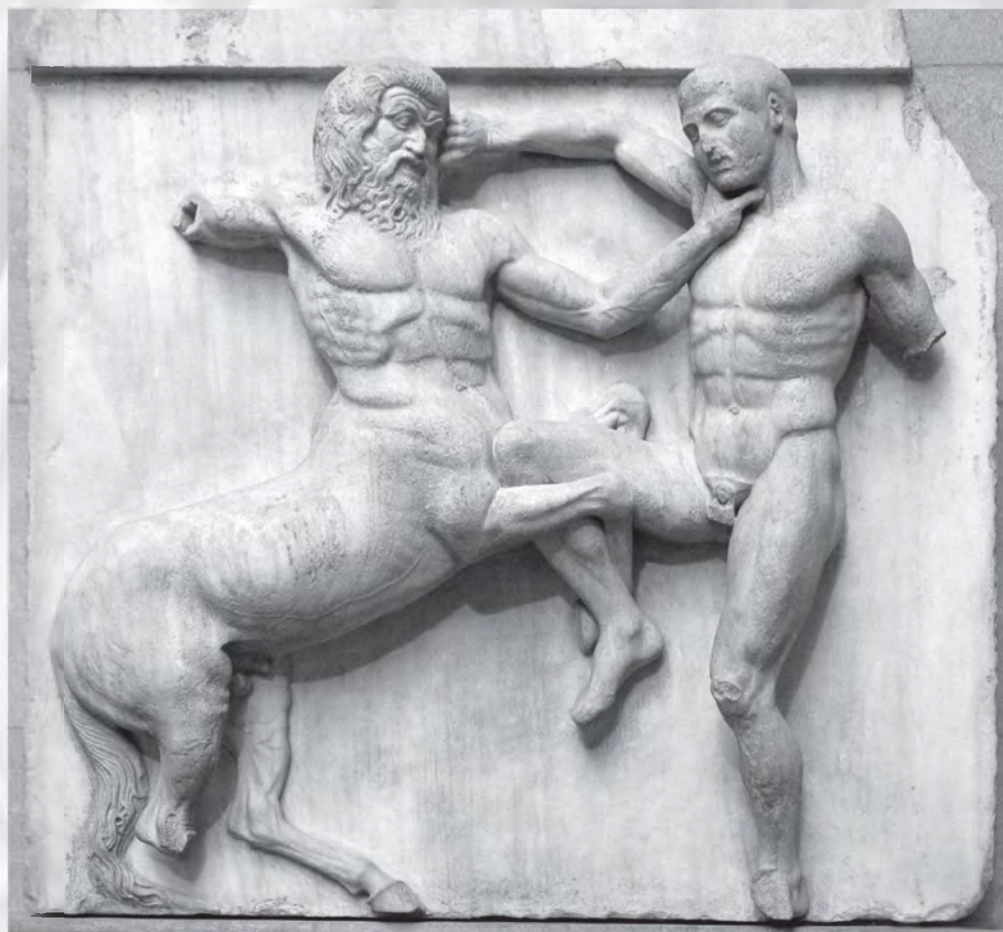
OPUSCULA
SELECTA
=

И. Е. Суриков

АНТИЧНАЯ ГРЕЦИЯ

Политогенез, политические
и правовые институты

Opuscula selecta II

STUDIA HISTORICA

S T U D I A H I S T O R I C A

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

И. Е. Суриков

АНТИЧНАЯ ГРЕЦИЯ

Политогенез,
политические и правовые
институты

Opuscula selecta II

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32
С 90

Суриков И. Е.

С 90 Античная Греция: Политогенез, политические и правовые институты (Opuscula selecta II).

В книгу вошли очерки, написанные автором в разные годы на достаточно разнообразных темы. Рассматриваются как общие проблемы древнегреческого политогенеза (особенно в связи с феноменом полиса), так и их аспекты применительно к конкретным государствам (Афинам, Спарте), институтам (народному собранию, магистратурам, Советам, судебным органам), правовым и законодательным реалиям (от времен Драконта и Солона до времен Антифонта).

Книга предназначена для историков-антиковедов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов и всех, кто интересуется историей и культурой Древней Греции.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32

В оформлении переплета использовано:

«Кентавр и лапиф». Метопы № 31 с южной стороны афинского Парфенона.

Школа Фидия. V в. до н. э.

*Дорогой супруге Зое Валентиновне Клименко
посвящает эту книгу автор*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9
-------------------	---

Раздел I

Политогенез в Древней Греции: общие проблемы

Некоторые общие соображения об античном пути развития	15
«Темные века» в Греции (XI–IX вв. до н. э.) – первый переходный период в истории европейской цивилизации	28
«Полиархия» или все-таки полис?	46
Территориальный фактор политогенеза в различных регионах античного греческого мира (попытка сравнительного анализа)	59
Письменность и политогенез в античном греческом мире: сравнительный анализ трех разнохарактерных вариантов (Атика, Крит, Кипр)	64
Предпосылки становления культа правителей в доэллинистической Греции	69

Раздел II

Политогенез в Древней Греции: Афины и Спарта

Афины в VIII–VII вв. до н. э.: становление архаического полиса (К вопросу о степени специфичности «аггического варианта»)	107
Об общем характере «солоновского» кризиса	131
Воительница Афина: Солон, Писистрат и афинское полисное ополчение в VI в. до н. э.	138
Как экономические реформы Солона повлияли на развитие афинского полиса?	162
Классическая афинская демократия: «свет и тени народовластия»	183
Ре-актуализация и ре-интерпретация опыта античной демократии в исторических исследованиях на современном этапе	196
О некоторых проблемах спартанского политогенеза (архаическая и классическая эпохи)	199

Раздел III

Политические институты в древнегреческих государствах

Как назывался высший орган власти в демократическом афинском полисе?	235
Архонтат в Афинах: от истоков института до утраты им политического значения	243
Афинский Ареопаг в первой половине V в. до н. э.	274
ΒΟΥΛΑΙ в Афинах (эпоха архаики)	300
Некоторые проблемы истории афинской гелиен	320
Еще раз об афинской гелие	338
Архивы в античной Греции и историческая наука (некоторые замечания)	361

Раздел IV

Право и законодательство в античной Греции: эпоха архаики

Законодательные реформы Драконта и Солона: религия, право и формирование афинской гражданской общины	375
Еще раз о законодательствах Драконта и Солона в Афинах (полемиические заметки). Часть I	394
Еще раз о законодательствах Драконта и Солона в Афинах (полемиические заметки). Часть II	412
Самый загадочный закон Солона: вопросы аутентичности и исторический контекст	441
Стасис как право и обязанность: закон Солона против нейтралитета в гражданской смуте	455
Гендерный аспект поэзии и законодательства Солона	464
Драхмы в законах Солона. I. Постановка проблемы и предварительный анализ ключевых свидетельств	493
Драхмы в законах Солона. II. Варианты решения проблемы в свете реалий солововского времени	518
Где были помещены законы Солона?	533
Знал ли Антифонт законы Солона?	550

Раздел V

Право и законодательство в античной Греции: эпоха классики

Специфика древнегреческого государственного права в сравнении с римским	575
Изменения в афинских законах в V в. до н. э. (на примере закона об остракизме)	606
Судебная пытка рабов в речах Антифонта	628
Речи Антифонта как источник сведений о древнегреческом праве классической эпохи	652
«Тетралогии» Антифонта в контексте древнегреческой юридической и философской мысли V в. до н. э.	677
Философские и юридические концепции торговли и денежного обращения у греческих мыслителей архаической и классической эпох	705

Заключение

Греческий полис архаической и классической эпох	725
---	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Политогенез в Древней Греции представляет колоссальный интерес для историков, поскольку процессы, связанные с ним, именно в данном регионе являлись совершенно уникальными. Там-то и рождался, собственно, «западный» путь цивилизационного развития (в противовес традиционному на тот момент «восточному»), причем рождался, в числе прочего, и в политическом его аспекте: происходило становление полисной формы государственности.

В данной книге сделан упор на институциональную сторону анализируемых процессов. На важность ее исследования в свое время справедливо указал выдающийся антиковед М. Хансен¹. И указал заостренно-полемически, споря с мнением большинства. Преобладающее ныне направление смещает внимание, по удачному выражению Хансена, с «политической анатомии» на «политическую физиологию» или с «политической морфологии» на «политический синтаксис».

Однако вышеупомянутый ученый справедливо подчеркнул огромную роль политических институтов, особенно органов государственной власти, в демократическом афинском полисе (а мы бы добавили – и в любом древнегреческом полисе). В отличие от современных представительных демократий, прямая демократия античной эпохи способствовала тому, что подавляющее большинство граждан регулярно (а не от случая к случаю) участвовало в работе этих институтов. В условиях отсутствия или, во всяком случае, весьма слабого развития неинституциональных, не связанных с государством форм общественной жизни последняя была предельно институционализована.

Никогда в истории европейских национальных государств, подчеркивает Хансен, политические институты не значили так много, как в греческом полисе. В частности, изучая политическую элиту демократических Афин, ни в коем случае не следует забывать о том, что эта элита осуществляла свою власть не путем каких-то закулисных манипуляций, как это столь часто бывает в наши дни, когда видимость волеизъявления народа сплошь и рядом оказывается лишь ширмой для решений, принятых на совсем ином, «незримом» уровне, а именно (и только) посредством существующих конституционных институтов. Отсюда, кстати, то колоссальное значение, которое придавалось в общественной жизни ораторскому искусству, риторике. Одним из важнейших талантов, требовавшихся

¹ Hansen M. H. The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983–1989. Copenhagen, 1989. P. 263–269.

от политического деятеля, было красноречие, умение убедить укомплектованные демосом государственные органы. Датский антиковед подчеркивает, что возрождение интереса к политическим институтам афинской демократии абсолютно необходимо для лучшего понимания сущности этого исторического феномена. Приведя процитированные выше красивые метафоры («политическая морфология» и «политический синтаксис»), он делает остроумное замечание: для греческого языка (в отличие, например, от английского) характерны относительно простой синтаксис и сложная морфология.

Итак, в нашей книге речь пойдет именно об институтах, политических и правовых, как и обозначено в ее названии (на неинституциональных формах общественной жизни надеемся остановиться в следующей работе данного цикла). Ключевым для античности институтом был, естественно, полис как таковой; и, соответственно, «тема полиса» проходит красной нитью через всю книгу.

Конкретные же институты (народное собрание, Советы, магистратуры, гелиея) разбираются в основном на примере Афин, которыми наиболее детально доводилось заниматься автору этих строк. Это относится и к правовой стороне затрагиваемой проблематики: освещаются в первую очередь опять же афинские данные по праву и законодательству (тем более что они и наиболее многочисленны).

* * *

Статьи, из которых составилась эта книга, уже видели свет в различных изданиях; во всех случаях нами указывалось место первой публикации. Изменений в тексты мы не вносили, давая их в том виде, в каком они были написаны. Последние слова мы выделили не случайно: приводимые тут тексты могут иметь (непринципиальные) отличия от тех, которые были ранее опубликованы, поскольку с последними работали редакторы, а здесь мы приводим именно первоначальные авторские варианты.

Естественно, пришлось унифицировать систему ссылок на предшествующую литературу: в первопубликациях они были, понятно, неединообразными, ориентированными всякий раз на стандарты изданий, для которых предназначались (где-то требовались подстрочные сноски, где-то – концевые, где-то – ссылки по иным системам, например указание фамилии автора и года выхода, с выводом библиографических описаний в отдельный список литературы).

Также в этих ссылках нами были элиминированы практически все сокращения (то есть раскрыты до полных названий соответствующих изданий, в основном периодических) – опять же, именно потому, что в разных местах и системы сокращений использовались разные, а теперь необходимо единообразие. Единственное исключение: мы удержали особенно часто встречавшуюся и, конечно,

прекрасно известную каждому из коллег аббревиатуру ВДИ («Вестник древней истории»).

В заключительной главе о греческом полисе мы добавили подстрочные сноски: по условиям книги, в которой текст впервые выходил, нельзя было делать ссылки на литературу, и теперь мы этот пробел хотя бы частично восполнили.

Наконец, еще парочка небольших оговорок. Такой интереснейший древнегреческий политико-правовой институт, как остракизм, в данном томе почти не затрагивается, поскольку остракизму мы в свое время посвятили отдельную, довольно объемную монографию², в которой проанализировали его максимально скрупулезно. Далее, в разделе о праве и законодательстве архаической эпохи хотя фигура Солона и занимает достаточно видное место, но рассмотрены далеко не все его законы. Во-первых, Солон – во всей совокупности его достижений – заслуживает отдельного труда (который автор этих строк уже несколько лет пишет и всё никак не напишет); во-вторых, ряд важных законодательных актов афинского мудреца (в частности, те, которые имели отношение к погребальным обрядам) нами был разобран в книжке, которая почти полтора десятка лет назад была по любезной инициативе А. Д. Кошелева опубликована издательством ЯСК³.

² Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006.

³ Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004.

Раздел I

ПОЛИТОГЕНЕЗ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ: ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ ОБ АНТИЧНОМ ПУТИ РАЗВИТИЯ*

Отечественное антиковедение в постсоветский период приобрело в значительной мере идиографический характер, специалисты концентрировались в основном на изучении тех или иных частных проблем и сюжетов, интерес к широкому обобщению почти исчез. Ситуация во многом закономерная. До того на протяжении многих десятилетий единственной теоретико-методологической базой любых построений в области исследования античности (равно как и любой другой исторической эпохи) являлся марксизм-ленинизм. Со времен перестройки на смену ему пришел идеологический плюрализм, что было воспринято многими историками фактически как освобождение от необходимости пользоваться какими бы то ни было «теориями и методиками». В результате возобладал позитивизм самого крайнего толка, с демонстративным отторжением любого теоретизирования. Психологически это вполне понятно – как реакция на засилье «единственно верного учения». Но, с другой стороны, с точки зрения развития науки это был шаг едва ли не назад (и уж во всяком случае, точно не вперед).

Уместно здесь привести цитату, принадлежащую видному отечественному гуманитария Ю. И. Семенову:

...Вообще без теории обойтись невозможно. В результате историки, даже те, которые на словах решительно порицают любое теоретизирование, на деле с неизбежностью обращаются к тем или иным концепциям историософии и теоретической историологии. И так как в большинстве своем они не обладают навыками самостоятельного теоретического мышления, то не могут должным образом оценить существующие концептуальные построения и нередко берут на веру далеко не лучшие из них... Еще хуже обстоит дело, когда они сами занимаются теоретизированием. Крайности сходятся: люди, пренебрегающие теорией, оказываются нередко в плену самых нелепых концепций: чужих или собственных... С этим связано бесконечное изобретение велосипедов. Заново создаются концепции, которые давно уже известны и отброшены в силу полной их несостоятельности¹.

* Впервые опубликовано в: Альманах Славяно-греко-латинского кабинета Приволжского федерального округа. Нижний Новгород, 2013. Вып. 5. С. 78–88.

¹ Семенов Ю. И. Философия истории: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М., 2003. С. 6.

Как бы то ни было, но, думается нам, рано или поздно должно миновать это своеобразное «безвременье» в области теории, когда большинство коллег интересуются преимущественно проблемами «размера комариного носа». Кто спорит, иногда весьма полезно бывает скрупулезно и филигранно разобрать какой-нибудь конкретный вопрос. Но не только на этом стоит наука; точнее, если она будет стоять только на этом, она будет именно стоять. А любое движение вперед возможно только при условии построения и применения общетеоретических моделей. Причем, полагаем, нет смысла специально оговаривать, что такие модели должны находиться на современном мировом уровне, а не представлять собой чуть модифицированные «перепевы» идей, высказывавшихся еще в советскую эпоху.

С 2011 г. Институт всеобщей истории РАН начал издавать академическую «Всемирную историю» – капитальный многотомный коллективный труд. Как нам представляется, это уже само по себе стало неплохой возможностью обратиться в том числе и к проблемам теории исторического процесса. Первый том «Всемирной истории» вполне ожидаемо несет заголовок «Древний мир». В свое время автору этих строк тоже было любезно предложено принять участие в его создании. Однако не все тексты, подготовленные нами для этого тома, появились на его страницах.

В частности, мы получили поручение написать небольшую вводную главу к разделу «Античный мир», что нами и было сделано. Уж не знаем, по какой причине редколлегия тома не понравилось то, что мы подали, но, во всяком случае, вместо нашего текста в вышедшем томе помещен иной², в качестве авторов которого обозначены В. И. Уколова (одна из ответственных редакторов тома) и А. И. Немировский (последнее произвело несколько необычное впечатление: ведь Александра Иосифовича Немировского на момент начала работы над томом уже не было в живых).

Многое в этом обобщающем материале сказано совершенно верно. Например: «Обращаясь к реалиям античного мира, следует отметить, что на протяжении большего периода его существования основной силой, создавшей его материальную и хозяйственную базу, являлись не рабы, а свободные труженики»³. Здесь налицо акцентированная полемика с расхожей, но некорректной точкой зрения на античное общество как «рабовладельческое» по своему основному принципу⁴. Нам тоже доводилось об этом недавно писать (применительно к греческой полисной цивилизации):

² Уколова В. И., Немировский А. И. Ареал распространения, периодизация и материальная основа античной цивилизации // *Всемирная история: В 6 т. / Гл. ред. А. О. Чубарьян. Т. 1: Древний мир* / Отв. ред. В. А. Головина, В. И. Уколова. М., 2011. С. 403–406.

³ Там же. С. 405.

⁴ См. в связи с проблемой классическое исследование: *Westermann W. The Slave Systems of Ancient Greek and Roman Antiquity*. Philadelphia, 1955.

...в большинстве греческих полисов, безусловно, применялся рабский труд, в некоторых из них – даже в значительном количестве, но вряд ли можно сказать, что они совсем не могли обходиться без рабовладения, что оно определяло характер их общества. Все-таки античность – в основе своей крестьянская, а не рабовладельческая цивилизация⁵.

Вполне справедливо подчеркивается и роль категории полиса как структурообразующего для античности: «При рассмотрении античности как особого исторического феномена его смыслообразующим ядром оказывается возникновение и развитие *полиса*...»⁶. Под всем этим можно только с удовольствием подписаться. В то же время встречаются в разбираемом тексте и суждения, с которыми трудно согласиться.

В частности, от какого момента начинать отсчет античности? Позиция В. И. Уколовой и А. И. Немировского однозначна, она проводится постоянно и настойчиво: «...в Средиземноморье расцвела Минойская цивилизация с центром на о-ве Крит, с которой принято (кем? – И. С.) связывать начало античности»⁷. Далее, правда, следует резонная оговорка, что минойская цивилизация «была ближе к Востоку... чем к брезжащему где-то в исторической перспективе Западу в облике классической Греции. Тем не менее отсчет античности начинается (кем? – И. С.) именно с нее»⁸.

Налицо внутреннее противоречие. С одной стороны, указывается на то, что античная цивилизация – по принципиальной сути своей полисная цивилизация⁹. С другой стороны, в рамки античности включается даже минойский Крит (и, понятно, *a fortiori* Микенская Греция), где мы не найдем даже каких-либо намеков на полис или что-то подобное. Общества, о которых идет речь, были по своему типу еще вполне древневосточными, с бюрократическими монархиями, централизованным дворцовым хозяйством и всем из этого вытекающим.

Внесем некоторую ясность. Материал по эгейским культурам и цивилизациям III–II тыс. до н. э., созданным отчасти догреческими этносами региона, отчасти греками (в основном ахейцами) – то есть по минойской цивилизации

⁵ Суриков И. Е. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М., 2012. С. 191–192.

⁶ Уколова В. И., Немировский А. И. Указ. соч. С. 403. Курсив принадлежит авторам цитируемой работы.

⁷ Там же. В цитатах мы сохраняем те написания, которые в них наличествуют, даже если они нам непонятны. В частности, почему здесь «минойская» идет с прописной буквы?

⁸ Там же.

⁹ Даже имперский Рим сохранял в значительной мере полисные черты; см. об этом в соответствующей главе того же издания: Смышляев А. Л. Эпоха принципата // Всемирная история: В 6 т. / Гл. ред. А. О. Чубарьян. Т. 1: Древний мир / Отв. ред. В. А. Головина, В. И. Уколова. М., 2011. С. 603–639.

Крита, микенской цивилизации, а также ряду «недоразвившихся» – кикладской, раннеэлладской и др.¹⁰, – традиционно включается в вузовские (да и школьные) учебники по истории Древней Греции. Но всем специалистам, конечно, надо понимать, что это делается исключительно в силу некой дидактической конвенции. Просто нужно же, в конце концов, эти цивилизации где-то освещать. По большому счету, место им, конечно, в учебнике «История Древнего Востока», но конвенция, ставшая традиционной, – вещь, которую трудно переломить¹¹.

Однако здесь перед нами – не вузовский (или тем более школьный) учебник, а капитальный академический труд, обращенный в том числе и к специалистам. В издании такого рода не нужны конвенции; рассмотрение материала должно подчиняться не дидактическому, а системному принципу. На самом деле в первом томе «Всемирной истории» именно так и сделано: глава о минойском Крите и ахейской (микенской) Греции находится в составе древневосточного раздела¹². А потом мы вдруг читаем, что, оказывается, критяне-минойцы – это уже античность...

Из допущенной ошибки общего характера вытекает ряд частных. «Становление античной цивилизации пришлось на бронзовый век...»¹³. Мы с особенным удивлением прочитали эти слова. Для нас (и, думаем, не только для нас) античность однозначно ассоциируется с железным веком. Можно было бы привести массу аргументов в пользу того, что античная цивилизация могла сложиться и полис как феномен мог возникнуть *только* в условиях железного века. Мы не будем конкретизировать здесь эти аргументы, поскольку нужно двигаться дальше; думаем, их более или менее представляет каждый специалист.

Далее, из того же отсутствия дифференцированности между собственно античным и неантичным в историю античности В. И. Уколова и А. И. Немировский включают даже финикийскую колонизацию¹⁴, что также представляется неоправданным, поскольку порождает очередное противоречие: сама Финикия

¹⁰ По отношению ко всем этим очагам культуры традиционно применяли термин «крито-микенская цивилизация», но он устарел ввиду своей недифференцированности. Правильнее говорить именно об «эгейских цивилизациях».

¹¹ Бывают конвенции и похуже (причем формирующиеся буквально на наших глазах). «Не верь глазам своим», но в некоторые издания учебника по истории Древнего Рима, подготовленного кафедрой истории древнего мира МГУ под редакцией В. И. Кузищина, оказался включен раздел о... доколумбовых цивилизациях Мезоамерики.

¹² Молчанов А. А. Древнейшие цивилизации Европы: минойский Крит и ахейская (микенская) Греция // Всемирная история: В 6 т. / Гл. ред. А. О. Чубарьян. Т. 1: Древний мир / Отв. ред. В. А. Головина, В. И. Уколова. М., 2011. С. 207–221.

¹³ Уколова В. И., Немировский А. И. Указ. соч. С. 405.

¹⁴ Там же. С. 404.

однозначно принадлежит к древневосточным обществам¹⁵, а ее колонии мы почему-то должны считать обществами античными?

Отдельная тема – периодизация античной истории, предлагаемая в анализируемой главе. Перед авторами стояла, оговорим сразу, непростая задача, поскольку обычно даются отдельные периодизации для истории Древней Греции и истории Древнего Рима, а тут, видимо, стояла задача представить некую единую. Она имеет следующий вид: выделяются семь периодов¹⁶, характеристики которых мы предельно кратко приведем. Первый период – эгейский мир в III–II тыс. до н. э. (как мы говорили выше, этот период вообще не следует включать в античность). Во второй попал целый ряд эпох древнегреческой истории («темные века», архаика, классика). Третий, по сути, совпадает с эллинизмом. Несколько загадочны четвертый (он «ознаменован образованием римской мировой державы в ходе войн в Средиземноморье»¹⁷) и пятый (приходящийся «на кризис и падение Римской республики. Он охватывает столетие от Гракхов до Августа»¹⁸). Недоумение здесь вызывает то, что в хронологическом плане эти два периода полностью накладываются на третий. Так стоило ли обозначать их как отдельные? Во всяком случае, следовало более последовательно продумать соотношение временного и географического критериев. Периоды – это вообще-то отрезки времени, следующие строго друг за другом.

Наконец, в связи с шестым и седьмым периодами каких-либо проблем не возникает. В качестве таковых указаны соответственно ранняя Римская империя (принципат) и кризис III в. н. э. плюс поздняя империя. Но вообще, конечно, чувствуется, что главу писали специалисты в области истории Древнего Рима, на которой они и сделали акцент. Достаточно заметить, что из семи предложенных периодов четыре (!) связаны с Римом, а вся полисная Греция уместилась в один (!) период.

Разбавившиеся только что положения, пожалуй, как нельзя лучше отражают то состояние отечественного антиковедения, которое имеет место на сегодняшний день¹⁹: ясности в общетеоретических вопросах нет, налицо некая

¹⁵ Потому она и рассмотрена в «восточном» разделе тома: *Немировский А. А.* Страны Леванта (Финикия, Сирия, Палестина) // *Всемирная история: В 6 т. / Гл. ред. А. О. Чубарьян. Т. 1: Древний мир / Отв. ред. В. А. Головина, В. И. Уколова. М., 2011. С. 197–206.*

¹⁶ *Уколова В. И., Немировский А. И.* Указ. соч. С. 404–405.

¹⁷ Там же. С. 404.

¹⁸ Там же.

¹⁹ К характеристике этого состояния и тех предпосылок, которые его породили, см. совсем недавнюю работу: *Makhluyuk A. V., Gabelko O. L.* Classical Studies in Russia at the Beginning of the Twenty-First Century: A Collective Portrait in Contemporary Context // *Ruthenia Classica Aetatis Novae: A Collection of Works by Russian Scholars in Ancient Greek and Roman History. Stuttgart, 2013. P. 13–30.* Впрочем, не можем не ответить, что в указанной статье есть

путаница. И мы, безусловно, тоже ни в малейшей мере не претендуем на то, чтобы внести «окончательную ясность». Просто обозначим (скорее конспективно) то, как мы понимаем некоторые важнейшие особенности античного пути развития. Формулировать свои мысли будем по большей части применительно к истории Древней Греции, которая нам по ряду причин гораздо ближе.

* * *

Античность, или античная цивилизация, – принятое в науке общее название двух древних цивилизаций Европы²⁰: древнегреческой (с рубежа II–I тыс. до н. э.) и римской, сформировавшейся несколько позже (с VIII–VI вв. до н. э.) под ее сильным влиянием. Эти цивилизации с рубежа нашей эры слились в рамках Римской империи в единую греко-римскую средиземноморскую цивилизацию, которая существовала до V–VI вв. н. э.²¹

Понятие «античность» обычно противопоставляют понятию «Древний Восток», включающему древние цивилизации Азии и отчасти Африки (Египет), но это противопоставление не имеет формального, чисто географического характера. При всех специфических особенностях в развитии древнегреческой

кое-какие «перегибы». Так, в однозначно черных красках нарисован советский период нашего антиковедения: будто бы в каждой работе нужно было совершенно обязательно делать ссылки на классиков марксизма-ленинизма, а на зарубежных ученых, напротив, ссылаться было нельзя (кроме как жестко-критически), иначе ждали неприятности... Никто не спорит, что плохого было много. Но зачем было до такой степени исказить реальную картину, особенно в статье, выпущенной на английском языке и, стало быть, адресованной нашим западным коллегам? Зачем вводить их в заблуждение? Мы же еще прекрасно помним советское время (более того, мы, в сущности, родом из этого времени). Неужели действительно не было работ с «позитивными» ссылками на зарубежных антиковедов? Да сколько угодно! Неужели не было вообще работ без цитирования Маркса – Энгельса – Ленина? Вполне были и такие. Рассуждать так – это даже в чем-то несерьезно...

²⁰ Подчеркиваем, что речь идет именно о двух разных цивилизациях. Все-таки греки и римляне, даже при общей полисной основе, очень непохожи друг на друга. См. детальнее об этом цивилизационном аспекте: *Суриков И. Е.* Камень и глина: К сравнительной характеристике некоторых ментальных парадигм древнегреческой и римской цивилизаций // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). М., 2000. С. 273–288.

²¹ Ставим «завершающую» датировку именно так, – может быть, несколько необычно для многих антиковедов, привыкших завершать историю этой эпохи «фатальной» датой – 476 г. до н. э. Эта дата (низложение Ромула Августула) на самом деле современниками не была даже всерьез замечена. Она чисто условна. В качестве реального цивилизационного рубежа было бы предпочтительнее, скажем, закрытие афинских философских школ Юстинианом I в 529 г. до н. э. С другой стороны, медиевисты «закрывают» античность и «открывают» Средние века гораздо раньше, упирая на время Константина I Великопостольного.

и римской цивилизаций у них обеих есть ряд общих черт принципиального характера, в то же время отличающих их от древневосточных.

Этими чертами являются: в области экономики – решительный приоритет общинно-частного сектора над государственным²², большая, нежели когда-либо в мировой истории, роль отношений, основанных на рабстве классического типа²³, интенсивный, динамичный характер производства, порой выходящего на товарный уровень, достаточно важное значение ремесла и торговли²⁴, тесная связь с морем²⁵; в области социальных отношений – четкая грань между свободными и рабами, существенный удельный вес последних (до трети населения), наличие значительного слоя свободных мелких крестьян²⁶, большая внутренняя мобильность общества²⁷, высокий уровень урбанизации²⁸.

В государственно-политической сфере основополагающим для античности феноменом является полис²⁹, проходящий ряд стадий в своей эволюции

²² Античной экономике, разумеется, посвящено очень много работ. Некоторые из них, являющиеся классическими, будут упомянуты ниже – при разборе вопроса о двух основных концепциях античного пути развития. А здесь упомянем, для ориентации, несколько монографий самого последнего времени (по ссылкам в них желающий читатель сможет обратиться и к другой, более ранней литературе): *Amemiya T. Economy and Economics of Ancient Greece*. L.; N. Y., 2007; *Foxhall L. Olive Cultivation in Ancient Greece: Seeking the Ancient Economy*. Oxf., 2007.

²³ Хотя, как отмечалось выше, все-таки не следует абсолютизировать рабовладельческие отношения в античности, преувеличивать их роль до такой степени, чтобы считать их преобладающими в экономике.

²⁴ Но все-таки при сохранении сельского хозяйства в качестве главного сектора экономики.

²⁵ *Reed C. M. Maritime Traders in the Ancient Greek World*. Cambridge, 2003.

²⁶ К проблеме соотношения слоя свободных крестьян-граждан и слоя рабов см.: *Gschnitzer F. Griechische Sozialgeschichte von der mykenischen zum Ausgang der klassischen Zeit*. Wiesbaden, 1981; *Wood E. M. Peasant-Citizen and Slave: The Foundation of Athenian Democracy*. L., 1988.

²⁷ *Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э.* 2-е изд. СПб., 2000. С. 68 сл.

²⁸ См. к проблеме: *Gates C. Ancient Cities: The Archaeology of Urban Life in the Ancient Near East and Egypt, Greece, and Rome*. 2 ed. L.; N. Y., 2011; *Settlement, Urbanization, and Population* / Ed. by A. Bowman and A. Wilson. Oxf., 2011.

²⁹ Античный полис – еще одна тема, которая постоянно привлекает внимание специалистов, причем уже очень давно, как минимум со времен революционного исследования Фюстеля де Куланжа (см. в русском переводе: *Фюстель де Куланж Н. Д. Древняя гражданская община*. М., 1903). Соплемея на недавно выпшедший у нас коллективный труд: *Античный полис: Курс лекций* / Отв. ред. В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. М., 2010. Из зарубежных работ на сегодняшний день наиболее важны исследования, проводившиеся в Копенгагенском центре по изучению полиса (Copenhagen Polis Centre) под руковод-

(возникновение, развитие, расцвет, кризис) и в конечном счете растворяющийся, как на греческой, так и на римской почве, в «мировых империях» поздней античности, но оказывающий сильное влияние на их структуру. В тесной связи с полисным типом государственности стоят безусловное преобладание республиканских форм над монархическими³⁰, ключевое значение категории гражданина³¹, в наиболее развитых полисах – тенденция к складыванию демократии³² (впервые в истории человечества).

Важнейшие черты античной цивилизации в области культуры и ментальности³³ – меньшая, чем на Древнем Востоке, роль традиционных религиозных представлений в общем культурном развитии, появление целого ряда сфер культурной деятельности, не связанных напрямую с религией (философия, наука и др.), рациональный подход к явлениям природы и общества, гуманизм, большое значение личности и интерес к ней, что в своей совокупности привело к созданию в ходе античной истории огромного количества шедевров мирового, непреходящего значения.

ством М. Хансена (к характеристике этой организации см.: *Суриков И. Е.* Изучение феномена полиса в западной историографии на рубеже XX–XXI вв.: Копенгагенский центр М. Хансена // *Studia Historica*. М., 2004. Т. 4. С. 164–176). Центром был подготовлен фундаментальный справочник, включивший в себя все полисы греческого мира (*An Inventory of Archaic and Classical Poleis: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation*. Oxf., 2004), выпущен ряд монографий (например: *Hansen M. H. Polis and City-State: An Ancient Concept and its Modern Equivalent*. Copenhagen, 1998; *Hansen M. H. Polis: An Introduction to the Ancient Greek City-State*. Oxf., 2006) и большое количество сборников статей, – одним словом, внесен исключительно серьезный вклад в разработку данной проблематики.

³⁰ См. к проблеме: *Braund D. Friends and Foes: Monarchs and Monarchy in Fifth-century Athenian Democracy* // *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece*. Oxf., 2000. P. 103–118; *Nadon C. Republicanism: Ancient, Medieval, and Beyond* // *A Companion to Greek and Roman Political Thought*. Oxf., 2009. P. 529–541.

³¹ *Finley M. I. Politics in the Ancient World*. Cambridge, 1983; *Farenga V. Citizen and Self in Ancient Greece: Individuals Performing Justice and the Law*. Cambridge, 2006; *Lape S. Race and Citizen Identity in the Classical Athenian Democracy*. Cambridge, 2010.

³² Вот еще одна много исследовавшаяся тема. Укажем на нашу книгу: *Суриков И. Е.* Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб., 2008 (в ней упомянута важнейшая зарубежная литература).

³³ Очень хорошо эти черты освещены в замечательной работе: *Андреев Ю. В.* Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. См. также: *Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988; *Видаль-Накэ П.* Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001; *Суриков И. Е.* Полис, логос, космос...; *Gernet L. Anthropologie de la Grèce antique*. P., 1968; *Cartledge P. The Greeks: A Portrait of Self and Others*. Oxf., 1993.

Подчеркнем, что лишь совокупность перечисленных признаков или, по крайней мере, их большинства позволяет относить то или иное общество к античным. Так, в некоторых регионах Древнего Востока (например, в Финикии) наблюдалось и значительное развитие ремесла и торговли, и высокий уровень урбанизации, но это само по себе еще не дает права считать их частями античного мира. Особым и довольно сложным случаем являются общества, в которых совместились и вступили в синтез античные и древневосточные элементы (прежде всего эллинистическая цивилизация).

Античность – в полном смысле слова фундамент, на котором возникла и до сих пор основывается вся последующая европейская цивилизация, немыслимая без своего античного наследия. Само понятие «античность» возникло в начале XVIII в. во Франции и первоначально охватывало все древние общества, в т. ч. и восточные, но впоследствии сузилось до рамок греко-римской древности; иногда в том же значении употребляется термин «классическая античность».

Античность является не вторым после Древнего Востока этапом истории древнего мира, а особым типом древнего общества, сформировавшимся в уникальных конкретно-исторических условиях. По вопросу о специфике античного пути развития в историографии еще на рубеже XIX–XX вв. сформировались две основные точки зрения, которые, в сущности, и по сей день продолжают свое сосуществование и взаимное противоборство (разумеется, уже в модифицированном виде и в совокупности с появившимися с тех пор промежуточными концептуальными вариантами). Эти две точки зрения часто определяют как «модернизаторство» и «примитивизм».

С одной стороны, Эд. Мейер³⁴ делал акцент на тех чертах античного социума, которые роднили его с капиталистическими обществами Нового времени. Речь идет прежде всего о развитии товарно-рыночных отношений. Мейер безоговорочно употреблял по отношению к античной истории термины «буржуазия», «пролетариат» и т. п., что впоследствии дало повод его оппонентам упрекать его в модернизаторском подходе к прошлому. Аналогичных взглядов придерживался выдающийся русский ученый М. И. Ростовцев, на протяжении длительного периода являвшийся признанным главой мирового антиковедения³⁵. В целом можно сказать, что в первой половине XX в. именно такого рода концепции задавали тон в исследовательской литературе об античности.

С другой стороны, К. Бюхер³⁶, напротив, подчеркивал те особенности экономики и социальной жизни античности, которые отличали эту цивилизацию

³⁴ Мейер Эд. Экономическое развитие древнего мира. СПб., 1907.

³⁵ См., например: *Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World*. N. Y., 1941. Vol. 1–3.

³⁶ Бюхер К. Возникновение народного хозяйства. СПб., 1907.

от современных. Этот автор считал, что античные общества были значительно более простыми, даже «примитивными», нежели то представлялось Мейеру, что элементы рыночного хозяйства в них не развились до такой степени, чтобы стать основополагающей характеристикой этих обществ. Соответственно, любые разговоры об «античном капитализме» определялись как некорректные. Бюхера, в свою очередь, упрекали в примитивизме, искусственном упрощении реальной картины жизни античного мира, и, действительно, элементы такого упрощения в его работах были.

М. Вебер³⁷ и его ученики (Й. Хазебрек³⁸ и др.), также являвшиеся противниками практиковавшейся Мейером модернизации, но понимавшие и слабости концепции Бюхера, внесли в эту последнюю ряд существенных уточнений. Во второй половине XX в. решительным адептом этого «модифицированного примитивизма» выступил такой крупный специалист, как М. Финли³⁹. С его трудами связан новый этап в понимании специфики античности. По сути дела, они надолго определили общий настрой основного потока историографии, стали своего рода «новой ортодоксией», как их иногда определяют в литературе.

К настоящему времени в антиковедении происходит отчасти реакция на длительное преобладание построений Финли; нередко раздаются призывы к ревизии этих построений, к возврату – разумеется, на более высоком уровне, – к тому пониманию античного пути развития, которое фигурировало еще у Мейера⁴⁰.

Наверное, эти две основные концепции так и обречены на вечное противостояние – прежде всего потому, что и в той и в другой есть значительное, хотя и абсолютизированное, зерно истины. Необходим, видимо, синтез между двумя крайностями. Есть также мнение, что греческая античность по своим главным чертам ближе к «бюхеровской» модели, а римская – к «мейеровской».

³⁷ Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., 2001; Вебер М. История хозяйства. Город. М., 2001.

³⁸ Hasebroek J. Stadt und Handel im alten Griechenland. Tübingen, 1928.

³⁹ Его главный труд по данной проблематике: Finley M. I. The Ancient Economy. Berkeley, 1973. См. также: Finley M. I. Economy and Society in Ancient Greece. N. Y., 1982.

⁴⁰ Несколько примеров работ, написанных в таком духе: Tandy D. W. Warriors into Traders: The Power of the Market in Early Greece. Berkeley, 1997; Cohen E. E. Athenian Economy and Society: A Banking Perspective. Princeton, 1997; Schaps D. M. The Invention of Coinage and the Monetization of Ancient Greece. Ann Arbor, 2004. См., с другой стороны, важное исследование с выводами несколько иного характера: Reden S. von. Exchange in Ancient Greece. L., 1995.

* * *

История Древней Греции и история Древнего Рима, судя по всему, должны изучаться как две части античной истории, каждая из которых имеет самостоятельное значение. В частности, в каждом из двух случаев применяется собственная периодизация. Для античной Греции I тыс. до н. э. эта периодизация имеет следующий вид (перечисляем этапы развития с краткой характеристикой):

1. «Темные века», или «гомеровский период»⁴¹ (XI–IX вв. до н. э.). Время социального, политического и культурного упадка после крушения ахейской (микенской) цивилизации.

2. Архаическая эпоха (VIII–VI вв. до н. э.)⁴². Резкий подъем во всех областях жизни («архаическая революция»). Повторное формирование государства, складывание полисной цивилизации. Расселение греков по берегам Средиземного и Черного морей (Великая греческая колонизация)⁴³.

⁴¹ Недавно мы предложили называть его просто «переходным периодом» (см.: Суриков И. Е. «Темные века» в Греции (XI–IX вв. до н. э.) – первый переходный период в истории европейской цивилизации // Переходные периоды во всемирной истории: Трансформация исторического знания. М., 2012. С. 13–38. К проблемам, связанным с терминологией этого периода, см. также: Coulson W. D. E. The Greek Dark Ages: A Review of the Evidence and Suggestions for Future Research. Athens, 1990. P. 7 ff.

⁴² Эта эпоха долгое время находилась в некотором пренебрежении, но теперь литература о ней необъятна (подробнее см.: Суриков И. Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 40 сл.). Если нас спросят, какая из зарубежных работ будет наиболее полезной для понимания греческой архаики, ответ, пожалуй, будет таков: Osborne R. Greece in the Making, 1200–479 BC. L.; N. Y., 1996. Рекомендуем эту монографию, мы, разумеется, не заявляем, что безусловно согласны со всем, что в ней сказано.

⁴³ Великая греческая колонизация неоднократно и углубленно изучалась в мировой историографии; можно сказать, что это одна из приоритетных тем современного антиковедения. Укажем ряд классических исследований по данной проблематике: Bérard J. La colonisation grecque de l'Italie méridionale et de la Sicile dans l'Antiquité: l'histoire et la légende. P., 1957; Graham A. J. Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester, 1964; Boardman J. The Greeks Overseas: Their Early Colonies and Trade. 4 ed. L., 1999 (из многочисленных изданий этой знаменитой книги, впервые выпущенной в 1964 г., указываем последнее по времени, с каким нам доводилось работать). Отметим также относительно недавнюю монографию: Miller Th. Die griechische Kolonisation im Spiegel literarischer Zeugnisse. Tübingen, 1997 (ее примечательной чертой является то, что автор, в отличие, например, от Дж. Бордмана, уделяет основное внимание не археологическим памятникам, а данным нарративной традиции). Наконец, в самое последнее время одним из крупнейших специалистов в этой области выступает бывший наш соотечественник Г. Р. Цепхладзе, ныне работающий в Австралии. См. хотя бы: Tsatskheladze G. R. The City in the Greek Colonial World // A History of the Greek City. Oxf., 2009. P. 143–167. Он же – ответственный редактор капитальной двухтомной коллективной монографии: Greek Colonisation: An Account

3. Классическая эпоха (V–IV вв. до н. э.)⁴⁴. Высший расцвет древнегреческого общества, полисного строя. Победа греков над великой Персидской державой Ахеменидов. «Золотой век» демократии в Афинах. Время создания величайших шедевров в области культуры. В конце данной эпохи – серьезный кризис классического полиса, установление македонской гегемонии в Элладе.

4. Эпоха эллинизма (конец IV – I в. до н. э.)⁴⁵. Завоевание греко-македонянами Персидской державы. Создание на ее территории новых социально-политических образований – эллинистических государств, сочетавших начала греческого полисного строя и древневосточного общества. В конце периода – завоевание эллинистических государств Римом.

Безусловно, с включением в состав Римской державы Греция не перестала существовать. Иногда выделяют еще пятый, римский период ее истории (I–V вв. н. э.), в течение которого области греческого мира были провинциями в составе Римской империи. Но в этот период история греческой цивилизации обычно изучается уже как часть римской истории, а нам в рамках данной небольшой работы (уже и так разросшейся сильнее, чем нам хотелось бы) не пристало вторгаться в «сферу Рима».

Таким образом, общие хронологические рамки истории античной Греции – от рубежа II–I тыс. до н. э. до V в. н. э., то есть около полутора тысячелетий. Это огромная историческая эпоха. Следующие за античностью две эпохи – средневековье и Новое время – в своей совокупности пока примерно равны ей по протяженности.

Ареал распространения древнегреческой цивилизации не был неизменным, ее географические рамки расширялись по мере исторического развития. Основной, «исконной» греческой территорией был Эгейский регион, то есть юг Балканского полуострова, западное побережье Малой Азии и острова Эгейского моря. В архаическую эпоху греки освоили Сицилию и Южную Италию, а также побережье Черного моря. Наконец, после походов Александра Македонского эллинистический мир охватывал огромную территорию от Сицилии

of Greek Colonies and Other Settlements Overseas. Vol. 1–2 / Ed. by G. R. Tsitsikhladze. Leiden; Boston, 2006–2008.

⁴⁴ Эта и следующая эпохи – так уж получилось в силу ряда факторов – изучены мировой историографией гораздо лучше, чем предшествующие (исследование которых находилось буквально на наших еще глазах *in statu nascendi*). Литература о греческой классике и об эллинизме буквально необъятна; именно поэтому здесь нет смысла давать какие-либо ссылки.

⁴⁵ Она особенно активно изучается в отечественном антиковедении (см. работы А. С. Шофмана, К. К. Зельина, С. Ю. Сапрыкина, О. Ю. Климова, О. Л. Габелко и многих других).

до границ Индии, от Крыма до порогов Нила. Особенно глубокой эллинизации подверглось Восточное Средиземноморье. Но центральной частью древнегреческой цивилизации всегда считался Эгейский регион, где греческая государственность и культура зародились и достигли расцвета.

Завершая, полагаем, что тем, кто приступает к изучению античности (например, студентам), наш предельно краткий по формулировкам текст не покажется лишним. Возможно, они даже почерпнут из него что-то полезное для себя.

«ТЕМНЫЕ ВЕКА» В ГРЕЦИИ (XI–IX ВВ. ДО Н. Э.) – ПЕРВЫЙ ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ*

Вопросы хронологии и терминологии. «Темные века» – пожалуй, наиболее распространенное в науке наименование самого раннего, начального периода истории античной греческой цивилизации¹. Причем периода в полной мере переходного, более того – первого переходного периода в истории Европы². Хронологические рамки этой эпохи в собственно исторических работах обычно определяются как XI–IX вв. до н. э. Правда, в трудах археологов – несколько иначе: в них она чаще датируется XI–X вв. до н. э., а VIII в. до н. э. относят уже к геометрическому периоду³ (который получил название, как часто бывает в археологии, от стиля вазописи, преобладавшего в те времена); но историки как таковые последним термином, как правило, не пользуются, а сразу после «Темных веков» начинают архаический период. Что же касается дальнейшего дробления интересующей нас эпохи на более малые подпериоды, то оно таково: первые полвека (до 1050 г. до н. э.) выделяют в субмикенский подпериод, а отрезок 1050–900 гг. до н. э. – в протогеометрический. В основе таких наименований опять же лежат соответствующие стили вазописи, и естественно, что они тоже употребляются в основном археологами. Но считаться с ними, безусловно, приходится и историку, поскольку в изучении ранней

* Впервые опубликовано в: Переходные периоды во всемирной истории: Трансформация исторического знания. М., 2012. С. 13–38.

¹ См., например, классические работы, в которых к данному периоду было впервые в полной мере привлечено внимание специалистов: *Snodgrass A. M. The Dark Age of Greece: An Archaeological Survey of the Eleventh to the Eighth Centuries BC.* Edinburgh, 1971; *Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages.* L., 1972.

² Сразу оговорим, что на роль такого первого переходного периода не может претендовать XV в. до н. э., когда имели место крушение государственности минойского Крита и переход лидерства в Эгейде к грекам-ахейцам. Дело в том, что в цивилизационной сфере тогда принципиальных изменений не произошло. Минойцы и ахейцы представляли собой одну цивилизацию («крито-микенскую», по традиционной формулировке, которая, впрочем, на сегодняшний день представляется несколько устаревшей – в свете исследований на островах Эгейского моря; пожалуй, корректнее говорить об эгейской цивилизации III–II тыс. до н. э.).

³ Важнейшее исследование о нем: *Coldstream J. N. Geometric Greece: 900–700 BC.* 2 ed. L.; N. Y., 2003.

истории Греции археология ныне играет колоссальную (и постоянно возрастающую) роль.

Само же название «Темные века» сразу обращает на себя внимание некоторой необычностью и требует объяснения⁴. Всем более или менее ясно, что такое в археологии «каменный век», «бронзовый век», «железный век»: здесь в качестве определяющего признака взят основной материал, использовавшийся для изготовления оружия и орудий труда. Но как понять «темные века»?

Сразу напрашивается два возможных объяснения. Исторический период называют «темным», с одной стороны, в том случае, когда для него характерны упадок, регресс, как бы погружение во мрак, – особенно если предыдущая и последующая эпохи были, по контрасту, временем расцвета. Так, «темным» часто (и, разумеется, во многом неправомерно) называли европейское средневековье, расположенное между блистательными культурами античности и Возрождения.

С другой же стороны, эпитет «темный» может обозначать и то, что по каким-либо причинам крайне скудны, недостаточны наши знания о данном периоде. Иными словами, «темные века» могут быть «темными» сами по себе, а могут быть «темными» для нас; это не одно и то же.

Традиционно считалось, что древнегреческие «Темные века» – «темные» в обоих смыслах. Но на современном этапе развития науки эта устоявшаяся точка зрения в значительной мере пересматривается. Как выясняется и как мы увидим ниже, на деле всё было не столь однозначно, гораздо сложнее. В выработке нового взгляда на этот период главное, определяющее значение имеет, повторим, его археологическое исследование⁵. Ведь греческих письменных текстов, относящихся к XI–IX вв. до н. э., просто не существует.

Впрочем, тут необходима оговорка. Весьма часто высказывается суждение, согласно которому греки на протяжении названных столетий вообще не знали письменности (линейное письмо В было забыто, а алфавит еще не создан). И однако же это суждение слишком категорично: как будет подробнее говориться ниже, в эллинских городах Кипра традиции письменности не пресеклись. Однако даже там надписей, которые относились бы к XI–VIII вв., не сохранилось, за исключением, может быть, одного-двух примеров, да и они под сомнением⁶.

⁴ См. в связи с соответствующими терминологическими проблемами: *Coulson W. D. E.* The Greek Dark Ages: A Review of the Evidence and Suggestions for Future Research. Athens, 1990. P. 7 ff.

⁵ Ср.: *Tandy D. W.* Warriors into Traders: The Power of the Market in Early Greece. Berkeley, 1997. P. 2; *Суриков И. Е.* Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 40 сл.

⁶ *Masson O.* Les inscriptions chypriotes syllabiques: Recueil critique et commenté. P., 1961. P. 38–39.

Но вернемся к терминологической проблематике. Как видно из вышесказанного, в связи с наименованием «Темные века» возникают определенные сложности. Историки используют для той же эпохи еще альтернативное обозначение (в отечественной науке оно даже употребительнее) – «гомеровский период», поскольку одним из главных источников сведений о жизни греков интересующих нас лет являются поэмы Гомера⁷. Но археологи этим вторым названием, как правило, не пользуются, поскольку оно включает признак, не имеющий отношения к археологии. Да и в целом «гомеровский период» – далеко не самая удачная характеристика: ведь «Илиада» и «Одиссея» обрели свою окончательную форму уже после его окончания, в VIII в. до н. э. (а то и позже, как всё чаще считают в антиковедении последних лет⁸).

Однако и термин «Темные века», хоть он и более употребителен, тоже далеко не оптимален, особенно учитывая, что в свете становящихся всё более интенсивными археологических изысканий пресловутые «Темные века» становятся всё менее «темными» – и в смысле наших знаний о них, и в смысле представлений об абсолютной «темноте» (то есть упадке и регрессе), характерной для реалий эпохи.

Не случайно в науке последних лет начинает всерьез ставиться вопрос о неудовлетворительности обоих названий и о необходимости создания нового. Так, археологи часто для обозначения той же эпохи пользуются еще выражением «ранний железный век»⁹. В одном конкретном отношении (чисто археологическом) данная формулировка вполне корректна; однако для общехисторических целей подобное наименование по понятным причинам не подходит. К тому же ранний железный век на рубеже II–I тыс. до н. э. имел место во всем Восточном Средиземноморье; таким образом, это, строго говоря, не период собственно древнегреческой истории.

Т. В. Блаватская в своей последней монографии¹⁰, высказав полную неудовлетворенность существующими названиями «Темные века» и «гомеровский период», предложила собственную альтернативу: «эпоха роста сплоченности этноса и укрепления политико-правового полиморфизма многих его земель».

⁷ Тот факт, что гомеровские поэмы отражают именно реалии «Темных веков», наиболее убедительно продемонстрирован в известной работе: *Finley M. I. The World of Odysseus*. N. Y., 1954.

⁸ Например: *Sauge A. «L'Iliade», poème athénien de l'époque de Solon*. Bern, 2000; *Irwin E. Solon and Early Greek Poetry: The Politics of Exhortation*. Cambridge, 2005.

⁹ *Dickinson O. The Aegean from Bronze Age to Iron Age: Continuity and Change between the Twelfth and Eighth Centuries BC*. L.; N. Y., 2007; *Morgan C. The Early Iron Age // A Companion to Archaic Greece*. Oxf., 2009. P. 43–63.

¹⁰ *Блаватская Т. В. Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н. э.)*. СПб., 2003. С. 15–19.

Но это наименование представляется и совсем уж неприемлемым. Даже не говоря о том, что оно громоздко до неудобопроизносимости; еще важнее то, что оно никак не оттеняет специфику именно данной эпохи, не акцентирует ее ключевых феноменов. По большому счету, его можно было бы приложить к любому периоду древнегреческой истории, да и не только древнегреческой¹¹.

Может быть, следует присвоить периоду, о котором идет речь, название «предархаического»¹²? Но тогда не вполне понятно, как быть с XI в. до н. э., он выпадает из этой схемы. Дело в том, что по всем своим основным параметрам он тяготеет не к последующему, архаическому времени, а еще к предшествующему, микенскому. Не «пред-», а скорее «пост-» – такая приставка ему куда более уместна.

Перед нами, таким образом, весьма интересная эпоха, которая первой своей частью как бы смотрит в прошлое, а второй – в будущее. Понимаем, что сказанное может прозвучать банальностью, применимой едва ли к любой исторической эпохе. Но именно в данной эта «двуликость» проявляется в какой-то особенной, уникальной степени.

В связи с этим мы склоняемся к тому, чтобы предложить для греческих XI–IX вв. до н. э. наименование «переходный период». Да, именно так: просто *переходный период*. Прецеденты такого рода известны. Так, в истории Древнего Египта, как известно, выделяют переходные периоды, причем даже несколько. В древнегреческой же истории такой переходный период был один, но очень ярко выраженный, играющий роль «мостика» между двумя цивилизациями принципиально разного типа: микенской, еще вполне древневосточной, дворцовой по своему характеру, и собственно античной, полисной.

Предложенное здесь название представляется нам корректным и по существу, со своей содержательной стороны, поскольку оно подчеркивает момент именно перехода, трансформации одного общества в другое, преемственности (континуитета) между ними, а не разрыва этой преемственности (дисконтинуитета). Точка зрения, подчеркивавшая разрыв, до относительно недавнего времени преобладала в науке и стала, мы бы сказали, модной (собственно, сам термин «Темные века» – прямое порождение именно этой позиции), но ныне, кажется, становится достоянием прошлого – и во многом в силу новых археологических открытий, заставляющих по-иному, более широко и более глубоко, увидеть реалии интересующего нас времени. Авторы самых недавних работ

¹¹ Нашу критику как этой формулировки, так и ряда других положений, высказываемых в этой книге Т. В. Блаватской, см.: Суриков И. Е. «Полиархия» или всё-таки полис? // *Studia historica*. 2004. Т. 4. С. 150–163; Суриков И. Е. Архаическая и классическая Греция... С. 49.

¹² Несколько иначе у В. П. Яйленко: «раннеархаический период» (Яйленко В. П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990. С. 5).

по этой тематике смело и уверенно отвергают концепцию «полного разрыва», говорят о значительных элементах преемственности, связывающих на греческой почве II и I тыс. до н. э. в самых разных сферах жизни¹³. Разумеется, континуитет не следует абсолютизировать: он проявлялся больше всего в этнокультурной, религиозной сферах и сошелся с рождением принципиально новых явлений в политической жизни (а эту последнюю археология, в силу специфики своих возможностей, как раз в наименьшей степени способна осветить). Но это-то и есть диалектика переходного периода.

Таким образом, в скорректированной форме периодизация древнегреческой истории должна иметь следующий вид: по XII в. до н. э. – эпоха ранней эгейской цивилизации; XI–IX вв. до н. э. – переходный период; VIII–VI вв. до н. э. – архаическая эпоха и т. д. Считаем своим долгом вынести на суд коллег это предложение; найдет ли оно поддержку – покажет будущее, а пока, естественно, приходится пользоваться традиционным обозначением «Темные века».

Основные черты эпохи: современный взгляд. С археологической точки зрения «Темные века», как и отмечалось выше, представляют собой самое начало железного века на Балканском полуострове и в Эгеиде, а сменяют микенскую (ахейскую) цивилизацию, которая относилась еще к бронзовому веку¹⁴. Для нас, однако, значительно важнее общеисторическое содержание этого периода.

Согласно точке зрения, которая долго была господствующей в науке, да и теперь сохраняет немалое влияние¹⁵, для греческих «Темных веков» характерны следующие три главные особенности. Во-первых, сильнейший упадок и застой буквально во всех отношениях, откат назад по сравнению с временами ахейских царств. Говорят в этой связи о резком сокращении численности населения, об угасании городской жизни, об утрате важнейших производственно-технических навыков (так, на несколько веков прекратилось каменное строительство, греки больше не обращались к фресковой живописи), о забвении

¹³ Thomas C. G., Conant C. Citadel to City-state: The Transformation of Greece, 1200–700 B. C. Bloomington, 1999; Dickinson O. Op. cit.

¹⁴ Kayafa M. From Late Bronze Age to Early Iron Age Copper Metallurgy in Mainland Greece and Offshore Aegean Islands // Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer. Edinburgh, 2006. P. 213–231; Андреев Ю. В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII вв. до н. э. СПб., 2004. С. 28 сл.

¹⁵ В зарубежной историографии см. прежде всего известные работы Ч. Старра: Starr Ch. G. The Origins of Greek Civilization 1100–650 B.C. L., 1962; Starr Ch. G. The Economic and Social Growth of Early Greece 800–500 B.C. N. Y., 1977; Starr Ch. G. Individual and Community: The Rise of the Polis, 800–500 B.C. N. Y.; Oxf., 1986. В отечественном антиковедении см.: Айленко В. П. Указ. соч.; Андреев Ю. В. От Евразии к Европе: Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа. СПб., 2002.

письменности, о примитивизме и отсталости тогдашних ремесел. Во-вторых, полный разрыв преемственности с предшествующей эпохой: постепенно вырастала совершенно новая цивилизация, причем вырастала, как считалось, «с нуля», без оглядки на прошлое¹⁶. В-третьих, пресечение контактов с обществами и культурами Ближнего Востока, которые во II тыс. до н. э. были весьма активными.

Но в последнее время эта довольно мрачная картина начинает существенно пересматриваться. Выясняется, что «Темные века» были «темными» не столько в смысле свойственного им абсолютного регресса, сколько в смысле имевшего место недостатка наших знаний о них. Чем больше в ходе раскопок ученые получают сведений об этой эпохе, тем становится яснее, что прежние представления о безусловном упадке были несколько превратными.

Конечно, нельзя спорить с тем, что крах микенской цивилизации, каковы бы ни были его причины, отбросил Грецию назад, сделал ее более бедной. Города и цитадели ахейских владык были в большинстве случаев заброшены, и на смену им пришли разбросанные по местности сельские поселения.

Однако, например, мнение о чрезвычайном сокращении числа жителей, о демографическом коллапсе оказалось сильно преувеличенным. Оно исходило из того, что в «Темные века» существовало намного меньше, чем ранее, населенных пунктов, обнаруженных археологами. Но это убедительно объясняется иной причиной: судя по всему, значительная часть греков на время перешла от оседлого к более подвижному (хотя все-таки не полностью кочевому) образу жизни¹⁷. Города не нужны пастухам, передвигающимся со своими стадами. А стоянки этих скотоводов в силу своего временного, а не длительного характера археологических следов практически не оставляют.

Кстати, и из поэм Гомера вырисовывается общество, в котором преимущественно питаются мясом¹⁸, богатство оценивают скотом и т. п., то есть общество, больше похожее на скотоводческое. Другой вопрос: почему греки сменили основной род занятий и образ жизни? Но однозначного ответа на этот вопрос пока нет и, видимо, не будет. Часто даваемый ответ в духе «потому что им стало хуже жить» является возможным, но не единственным. К тому же он создает проблемы ввиду неясности конкретных механизмов причинно-следственной связи. Допустимы и другие варианты ответа, в том числе, например, и такой:

¹⁶ «Почти все исследователи с полным основанием говорят об отсутствии преемственности между микенской Грецией и последующей эпохой, наступившей в начале I тысячелетия» (Яйленко В. П. Указ. соч. С. 3).

¹⁷ См. к проблеме: Howe T. R. *Man and Beast in the Ancient Greek World: Animal Husbandry and Elite Status*. Diss. Pennsylvania Univ., 2000. P. 11 ff.; Андреев Ю. В. Гомеровское общество... С. 451 сл.

¹⁸ Tandy D. W. Op. cit. P. 29; Андреев Ю. В. От Евразии к Европе... С. 749.

наконец появилась возможность заниматься тем, чем хочется, а не тем, что приказывает центральный аппарат царства. В любом случае, уже в начале следующей, архаической эпохи произошло возвращение населения к оседлости.

Остановимся теперь на вопросе о разрыве преемственности. И в этом отношении тоже всё сложнее, чем казалось на первый взгляд. В беспокойном мире ранней Греции явственно выделяются «островки стабильности», в частности Аркадия в центре Пелопоннеса и особенно Аттика со своей столицей Афинами¹⁹.

На судьбе Аттики в «Темные века» необходимо остановиться особо. Эта область не подверглась дорийскому нашествию. И согласно письменным источникам, и согласно археологическим данным, в ней на рубеже II–I тыс. до н. э. не произошло смены населения, не прервались многие традиции. На Акрополе – центральном афинском холме, где раньше стоял царский дворец, – возникло теперь святилище, и Акрополь навсегда стал сакральным «сердцем» Аттики²⁰.

По той причине, что в Аттике наблюдался континуитет развития, в ней и упадок проявился в гораздо меньшей степени, чем в большинстве других регионов Эллады. «Темные века», пожалуй, были для Афин даже временем относительного процветания, хотя, разумеется, их положение может быть названо процветающим только на общем незавидном фоне тогдашнего греческого мира. Афины, которые ранее были лишь одним из второстепенных центров ахейской цивилизации, в начале I тыс. до н. э. стали едва ли не самым значительным в Греции центром, особенно в экономическом отношении.

Раскопки афинских некрополей, крупнейший из которых располагался в районе, впоследствии получившем название Керамик, показали: погребальный инвентарь в некоторых могилах этой эпохи богаче, чем почти в любом другом месте Эллады. А значит – и благосостояние живых было довольно высоким. Именно в Афинах родился самый характерный для «Темных веков» стиль вазописи – протогеометрический, а уже оттуда распространился по Эгее. Особенно быстро подхватили и развили это афинское новшество жители соседнего с Аттикой большого острова Эвбеи.

История Эвбеи в период «Темных веков» – отдельная, очень интересная тема. Археологические открытия на острове были в последнее время особенно многочисленными, а главное – чрезвычайно значимыми, во многом изменившими представления ученых о характере всей эпохи. Был поставлен вопрос:

¹⁹ Об Аттике в «Темные века» см.: *Thomas C. G., Conant C. Op. cit. P. 60–84; Nielsen-Houby S. Attica: A View from the Sea // A Companion to Archaic Greece. Oxf., 2009. P. 189–211.*

²⁰ *Mountjoy P. A. Mycenaean Athens. Jonsered, 1995; Hurwit J. M. The Athenian Acropolis: History, Mythology, and Archaeology from the Neolithic Era to the Present. Cambridge, 2001.*

применим ли к Эвбеи сам термин «Темные века»?²¹ Ведь, как говорилось уже выше, это определение подразумевает в качестве одного из важнейших компонентов изоляцию эллинских земель как друг от друга, так и, что еще важнее, от ближневосточных центров. А из современных данных выясняется, что эвбейцев эта изоляция вообще не коснулась, их связи с Востоком продолжались²².

Именно города Эвбеи раннего железного века своим богатством, огромным экономическим и культурным значением в наибольшей степени бросают вызов традиционному взгляду на историю Древней Греции, подчеркивающему прежде всего роль Афин. Из этих городов в последующие времена важнейшими были два – Халкида и Эретрия²³, постоянно соперничавшие друг с другом. Но, как ныне стало известно, раньше них возвысился и достиг большего могущества третий город, недавно как бы «восставший из небытия» в результате археологических раскопок. Он неизвестен из письменных источников; соответственно, не знаем мы и его названия. В науке его условно именуют Левканди – по находящемуся поблизости современному поселку²⁴.

Открытие Левканди стало одной из главных сенсаций в античной археологии XX в., в целом весьма богатого ценнейшими находками. Значение этого поселения в наибольшей степени выясняется по итогам раскопок его некрополей, на которых обнаружены почти две сотни могил и более сотни погребальных кострищ. Все они датируются XI–IX вв. до н. э., и, что чрезвычайно примечательно, ни одно не было разграблено в древности. В результате богатейший материал предстает во всей своей изначальной полноте.

Особенно важен для наших знаний о «Темных веках» некрополь Тумба. Именно на нем в 1980 г. были открыты остатки постройки середины X в. до н. э. – здания периптерально-апсидного типа (то есть с рядом колонн по периметру и с полукруглым в плане выступом – апсидой – на одном из торцов)

²¹ См., например: *Coldstream J. N. Op. cit. P. 371* (на данный вопрос дается отрицательный ответ).

²² *Crielaard J. P. Basileis at Sea: Elites and External Contacts in the Euboean Gulf Region from the End of the Bronze Age to the Beginning of the Iron Age // Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer. Edinburgh, 2006. P. 271–297.*

²³ Эретрия прекрасно исследована археологически. См. обобщающий труд: *Walker K. G. Archaic Eretria: A Political and Social History from the Earliest Times to 490 BC. L.; N. Y., 2004.* А вот изучение Халкиды чрезвычайно затруднено ввиду того, что она существует и по сей день (причем на том же месте), так что остатки древнего города находятся под зданиями современного.

²⁴ О Левканди (или Лefканди, как этот топоним порой не вполне верно транскрибируют в отечественной историографии) см., например: *Thomas C. G., Conant C. Op. cit. P. 85–114; Coldstream J. N. Op. cit. P. 373 ff.; Lemos I. S. Athens and Lefkandi: A Tale of Two Sites // Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer. Edinburgh, 2006. P. 505–530.*

размером 45×10 м. Этот уникальный памятник²⁵ сразу перечеркнул и в корне изменил многие элементы устоявшихся воззрений на историю эволюции античной архитектуры, направления и темпы ее формирования, побудил к серьезной ревизии всех этих взглядов. Еще недавно никому и в голову не могло прийти, что в столь раннюю эпоху возводились такие монументальные сооружения, как левкандийский «героон» (так его обычно называют, хотя вопрос о функциях здания, строго говоря, еще не решен, о чем подробнее будет сказано чуть ниже). Перед нами уже очень серьезный аргумент против теории тотального упадка «Темных веков».

Ранее всегда считалось, что сколько-нибудь монументальные постройки начинают возникать в Греции не ранее VIII в. до н. э. Вначале они очень невелики по размерам, в течение следующих двух столетий их величина возрастает. Архитектурный тип храма проходит несколько последовательных стадий: храм в антах (две колонны перед входом), простиль (ряд колонн по фасаду), амфипростиль (ряды колонн по обоим фасадам), наконец, периптер (колонны по всему периметру), ставший наиболее распространенным, «классическим» вариантом. Потом возникают еще более сложные, вторичные типы, такие как диптер (два ряда колонн по всему периметру), но они не получают значительного распространения.

А теперь выясняется, что уже в середине X в. до н. э. – так рано, как никто из исследователей и предполагать бы не мог, – на Эвбее была возведена постройка, по размерам, с одной стороны, сопоставимая со средним дворцом микенской эпохи²⁶, а с другой – приближающаяся к среднему храму эпохи классической и, что самое главное, по типу представляющая собой почти сформировавшийся периптер (хотя пропорции еще иные – более узкие и вытянутые²⁷). Здание было окружено рядом колонн, и пусть эти колонны были пока деревянными, не очень толстыми и вряд ли отличались величием колонн Парфенона. Создание ордерной системы во всей ее законченности и монументальности было еще впереди, но основной принцип, как видим, уже

²⁵ О нем см.: *Popham M., Touloupa E., Sackett L. H. The Hero of Lefkandi // Antiquity. 1982. Vol. 56. No. 218. P. 169–174; Mazarakis-Ainian A. Contribution à l'étude de l'architecture religieuse grecque des Âges obscures // L'Antiquité classique. 1985. Vol. 54. P. 5–48; Osborne R. Greece in the Making, 1200–479 BC. L.; N. Y., 1996. P. 41 ff.; Суриков И. Е. Рождение «греческого чуда»: восточные влияния и самобытность в архаической Эллад // Античная история и классическая археология. М., 2006. С. 84–85.*

²⁶ *Coldstream J. N. Op. cit. P. 375.*

²⁷ Впрочем, аналогичные пропорции имели и древнейшие храмы следующей, архаической эпохи (храмы Эретрии, этолийского Ферма, первый Герайон на Самосе). Причина в том, что еще не сформировались технические навыки, позволявшие при сооружении потолка и крыши перекрывать поперечными балками более широкие пролеты).

существовал: в плане истории искусства в Левканди перед нами несомненно прямой, хотя отдаленный и очень ранний прообраз греческого храма.

В центральной части постройки открыты два очень пышных захоронения, мужское и женское. Труп мужчины был кремирован, а прах помещен в кипрскую бронзовую амфору середины XI в. до н. э., тело же женщины подверглось ингумации (то есть было предано земле). Столь близкое соседство двух разных погребальных обрядов само по себе наводит на некоторые размышления. Судя по всему, похороненные – царь и царица Левканди.

Назначение эвбейской постройки пока неясно и является предметом дискуссий. Первое, что приходит в голову: перед нами царский дворец. Однако согласно преобладающей ныне точке зрения, это героон; так назывались храмы, посвященные не богам, а героям – сверхъестественным существам более низкого уровня. Он был возведен для почитания героизированной после смерти царственной четы прямо над их могилами, то есть являлся одновременно их своеобразной гробницей.

Впрочем, это предположение имеет, как нам представляется, существенное слабое место: по археологическим данным, вскоре после погребения здание было разобрано. Довольно странной выглядит ситуация, когда столь монументальное сооружение, не имеющее сколько-нибудь близких аналогий в Греции этого времени (по крайней мере, пока такие аналогии неизвестны), вначале строится, а затем, чуть ли не сразу, ликвидируется.

Нам кажется наиболее вероятным вот какой ход событий. Правитель Левканди, беспрецедентно возвысившись, возвел себе подобающий своему величию дворец. Затем он скончался – кстати, не была ли его смерть насильственной, происшедшей в результате переворота? На эту мысль наводит тот факт, что царь и царица одновременно умерли и были погребены, а естественным путем такое случается редко. Владетельных особ похоронили в их же прежней резиденции, а после этого саму эту резиденцию разрушили, а весь прилегающий регион обратили в кладбище.

Мотивы подобного поступка могли быть разными и, не исключено, действовавшими в комплексе. С одной стороны, если действительно имело место убийство, то неизбежным последствием для убийц становился страх ритуального осквернения²⁸ и, несомненно, мести со стороны духа погибшего монарха. Не удивительно в подобных условиях, что дворец, в котором этот последний

²⁸ В связи с древнегреческими представлениями о ритуальном осквернении (вызываемом, в частности, убийством) см.: *Parker R.* Miasma: Pollution and Purification in Early Greek Religion. Oxf., 1985; *Blickman D. R.* The Myth of Ixion and Pollution for Homicide in Archaic Greece // *Classical Journal*. 1986. Vol. 81. No. 3. P. 193–208; *Bendlin A.* Purity and Pollution // *A Companion to Greek Religion*. Oxf., 2007. P. 178–189; *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 227–238.

жил, был, вероятно, умерщвлен и там же (прямо на месте умерщвления?) похоронен, уже никак не мог выполнять свою прежнюю функцию, становился в этом плане табуированным.

С другой стороны, разрушение царского дворца могло в политической сфере символизировать ликвидацию монархии и переход к иной форме государственного устройства. Таким устройством, скорее всего, была самая ранняя форма олигархии, при которой власть находится в руках бывшего царского рода. Это примерно то, что Аристотель (Pol. 1292b10) характеризует как династию – крайнюю форму олигархии.

Интересен в качестве исторической параллели тот факт, что в то же время – на хронологическом промежутке «Темных веков» – аналогичным образом (разве что без кровавых эксцессов, да и это нельзя утверждать с полной определенностью) развивались события в Афинах – государстве соседнем с Эвбеей и конкурировавшем в эту пору с Левканди за положение важнейшего экономического и политического центра Эллады. Эти афинские события, в отличие от левкандийских, получили некоторое отражение в нарративной традиции. Там происходил постепенный переход от царской власти к республиканским структурам, к выборной и коллективной магистратуре архонтата, но участие в политическом процессе вплоть до конца VIII в. до н. э. принимали только члены царского рода Медонтидов²⁹. В целом этот процесс (как в Афинах, так и в Левканди) может быть охарактеризован как начальный шаг в становлении и формировании античного полиса из примитивного субмикенского потестарного образования. Разумеется, речь идет о самой первой стадии в эволюции полиса – раннеархаическом полисе, или протополисе³⁰. В любом случае характерно, что этот шаг был совершен примерно одновременно в двух самых развитых поселениях тогдашнего греческого мира.

Кажется, в пользу нашего понимания левкандийского памятника как дворца, превращенного в гробницу, говорит тот факт, что у входа в разрушенный «героон» возникла группа необычайно богатых могил – особый сектор некрополя, функционировавший около 130 лет. В нем справедливо видят кладбище царского рода. Того самого царского рода, добавим мы, который, судя по всему, после смерти «правителя-героя» осуществлял в Левканди власть.

Для этих захоронений, наиболее показательных для демонстрации уровня развития, достигнутого Левканди, отмечаются три бросающиеся в глаза особенности. Во-первых, наличие высококачественной импортной керамики

²⁹ Данный круг вопросов мы подробнее разбираем в другой работе: Суриков И. Е. Архонтат в Афинах: от истоков института до утраты им политического значения // ВДИ. 2012. № 2. С. 29–54.

³⁰ В связи с категорией протополиса см.: Суриков И. Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций. М., 2010. С. 14, 47.

аттического производства. Как считает один из крупнейших специалистов в области раннегреческой археологии Дж. Н. Колдстрим, за этим «может скрываться что-то более личное, чем простая коммерция»³¹, особенно учитывая, что в нескольких случаях наблюдаются элементы афинского погребального обряда. Возникает мысль о группе иммигрантов из Афин – настолько знатных, что они влились в состав левкандийского царского рода. Перед нами, таким образом, подтверждение нарративной традиции об Афинах как главном очаге ранней ионийской колонизации³².

Во-вторых, обилие золотых украшений. Они изготовлены под ближневосточным влиянием, но местными мастерами. Очевидно, последние имели учителей с Востока. Значит, связи с этим регионом не прервались, о чем свидетельствует и третья черта – наличие в могилах немалого количества «восточных диковинок», происходящих из Египта, Сирии, Финикии, с Кипра. Учитывая, что на Леванте, со своей стороны, уже в это время тоже обнаруживается эвбейский импорт, Колдстрим приходит к выводу о «сотрудничестве между эвбейцами и финикийцами как партнерами в морской торговле»³³. Вопрос о том, кому из двух сторон принадлежала инициатива, он считает не имеющим смысла, но, впрочем, тут же сам отвечает на этот вопрос в том смысле, что более активная роль, вероятно, принадлежала эвбейцам³⁴. Тамошние аристократы были настоящими «воинами-торговцами». Интересно, что в могиле одного из них наряду с роскошными левантийскими и аттическими изделиями найден набор каменных гирь. Трудно предположить, для каких иных целей, кроме торговых, могли эти гири использоваться.

Кроме Аттики и Эвбеи, в греческом мире «Темных веков» имелись как минимум еще два региона, для которых характерно как сохранение преемственности с цивилизацией II тыс. до н. э., так и поддержание контактов с Востоком. Это – острова Крит и Кипр, что и не удивительно: островное положение, с одной стороны, создавало некоторую изоляцию, что способствовало консервации древних элементов культуры, а с другой стороны, в кипрских и критских водах проходили традиционные средиземноморские корабельные маршруты.

³¹ *Coldstream J. N. Op. cit. P. 373.*

³² Анализ этой традиции см., например: *Roebuck C. Ionian Trade and Colonization. N. Y., 1959. P. 26 ff.*

³³ *Coldstream J. N. Op. cit. P. 374.*

³⁴ Различные оценки роли финикийцев в Эгеиде и Средиземноморье в раннем железном веке см.: *Beekes R. S. P. Kadmos and Europa, and the Phoenicians // Kadmos. 2004. Bd 43. S. 167–184; Niemeyer H. G. The Phoenicians in the Mediterranean. Between Expansion and Colonisation: A Non-Greek Model of Overseas Settlement and Presence // Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas. Leiden; Boston, 2006. Vol. 1. P. 143–168.*

К сожалению, в современной науке есть тенденция отрывать историю Кипра начала I тыс. до н. э. от истории греческого мира в целом³⁵. В обобщающих трудах о Греции этого периода Кипр либо совсем не упоминается, либо фигурирует как «чужой» по отношению к эллинам левантийский регион (наряду с Финикией, Сирией и др.), источник восточных влияний на античную культуру³⁶. Однако на Кипре в конце II и в I тыс. до н. э. весьма значительная часть населения (пожалуй, большинство) была греческой по этническому составу. Особенно много греков-ахейцев бежало на Кипр в конце существования микенской цивилизации, когда ахейские царства рушились³⁷.

Правда, на острове появились также финикийские поселения³⁸ (впрочем, все-таки несколько позже, чем греческие). Однако эллины-киприоты в основном не смешивались с финикийцами и оставались очень далеко отодвинутым на восток форпостом греческой цивилизации. Они, с одной стороны, постоянно поддерживали связи со своими соплеменниками в Эгее (что подтверждается археологическими находками), а с другой – более, чем какие-либо другие греки, сохраняли микенские традиции. Так, их правителям после смерти устраивались очень пышные похороны, совершенно в эпическом духе: в гробницу помещали колесницу, запряженную конями, а сверху насыпали погребальный курган. На Кипре степень преемственности с обществом II тыс. до н. э.³⁹ была настолько велика, что там вплоть до V–IV вв. до н. э. (а кое-где и позже) даже продолжали пользоваться силлабической письменностью⁴⁰, напрямую происходящей от минойской и микенской!

³⁵ О причинах такого положения дел см.: Суриков И. Е. Ценный свод иконографического материала с древнего Кипра // *Studia historica*. 2010. Т. 10. С. 208–209.

³⁶ Например: *Coldstream J. N.* Op. cit. P. 382–383; *Karageorghis V.* Aspects of Everyday Life in Ancient Cyprus: Iconographic Representations. Nicosia, 2006. P. 209.

³⁷ Родство кипрского диалекта с аркадским – прямым потомком древнего ахейского – является надежно установленным фактом и сомнению не подвергается.

³⁸ Сохранявшиеся, как известно, до эллинистического времени (*Mehl A.* Griechen und Phoiniker im hellenistischen Zypern – ein Nationalitätenproblem? // *Hellenismus: Beiträge zur Erforschung von Akkulturation und politischer Ordnung in den Staaten des hellenistischen Zeitalters*. Tübingen, 1996. S. 377–414).

³⁹ О Кипре как регионе ярко выраженного континуитета см.: Молчанов А. А. Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н. э. (Проблемы источниковедения минойстики и микенологии). М., 2000. С. 179 сл. Ср. также: *Iacovou M.* From the Mycenaean *qa-si-re-u* to the Cypriote *pa-si-le-wo-se*: The *Basileus* in the Kingdoms of Cyprus // *Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer*. Edinburgh, 2006. P. 315–335.

⁴⁰ Наиболее фундаментальным исследованием о кипрском силлабрии остается монография: *Masson O.* Op. cit.

Во многом аналогична ситуация на Крите⁴¹. Ныне уже совершенно ясно, что глухой периферией греческого мира этот остров в начале I тыс. до н. э. не являлся; напротив, он находился, наряду с Эвбеей, в ряду интенсивно развивавшихся регионов. При этом сохранялась значительная преемственность с критской цивилизацией II тыс. до н. э. Она проявлялась, в частности, в чертах позднеминойской иконографии, воспроизводившихся в вазописных изображениях. Эти черты соседствовали с новыми, восточными по происхождению элементами; позже появляется и аттическое влияние.

Некоторые предметы аттического производства попадали на Крит вряд ли торговым путем. Предполагается обмен дарами между элитами Афин и Кносса, возможно, даже семейные связи между главенствующими родами двух центров. Что же касается контактов с Востоком, то и в них теперь склонны видеть личную подоплеку. Согласно одной гипотезе, некий восточный мастер-ювелир (финикиец?) переселился на Крит, вошел – видимо, посредством брачных уз – в состав местной аристократии и передал свои навыки потомкам, изготавливавшим рельефные изделия из металла в смешанном греко-восточном стиле. Есть и более категоричная интерпретация, предполагающая, что целое семейство высококвалифицированных финикийских ремесленников прибыло на Крит и обитало там на протяжении нескольких поколений, хороня своих умерших в купольной гробнице минойского времени⁴². Впрочем, преобладающим из восточных влияний на критян является кипрское, то есть опять-таки греческое.

Разумеется, далеко не все регионы Эллады в «Темные века» были столь же развиты и открыты внешнему миру, как Эвбея, Аттика, Крит, Кипр. Так, центры значительной части Пелопоннеса безусловно отставали и демонстрируют большую степень замкнутости.

На Пелопоннесе важнейшим археологическим достижением последнего времени стали тщательные раскопки хорошо сохранившегося поселения, находившегося на юго-западе полуострова, в области Мессения. Его античное название неизвестно, в науке оно условно именуется Нихорией – по расположенному неподалеку современному местечку⁴³. Изучен, в частности, довольно

⁴¹ О Крите в период «Темных веков» см.: *Chaniotis A.* Das antike Kreta. München, 2004. S. 35 ff.; *D'Agata A. L.* Cult Activity on Crete in the Early Dark Age: Changes, Continuities and the Development of a «Greek» Cult System // *Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer*. Edinburgh, 2006. P. 397–414; *Wallace S.* The Gilded Cage? Settlement and Socioeconomic Change after 1200 BC: A Comparison of Crete and Other Aegean Regions // *Ibid.* P. 619–664.

⁴² К проблеме финикийцев на раннем Крите см.: *Stamplidis M. C., Kotsonas A.* Phoenicians in Crete // *Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer*. Edinburgh, 2006. P. 337–360.

⁴³ В связи с изучением Нихории см.: *Thomas C. G., Conant C.* Op. cit. P. 32–59; *Coldstream J. N.* Op. cit. P. 377 ff.

обширный дом правителя, имевший, по обыкновению тех времен, апсиду⁴⁴. Нихория непрерывно существовала на всем протяжении «Темных веков»⁴⁵, и ее исследование позволило ответственно утверждать: даже в такой заолустной глуши, далеко от моря, обитатели жили, конечно, скромно, но отнюдь не бедствовали.

Как бы то ни было, коль скоро имелись хотя бы отдельные регионы, для которых этнокультурный континуитет несомненен, то и в принципе нельзя говорить о полном разрыве преемственности с цивилизацией бронзового века. Ведь греки даже в худшие времена «Темных веков» продолжали поддерживать контакты друг с другом. И, соответственно, традиции, сохраненные в одних местах, не могли быть полностью забыты и в других.

Итак, ныне вырисовывается не столь однозначная, как раньше, а более взвешенная и многогранная картина эволюции греческих земель в начале I тыс. до н. э.: не «начало на пустом месте», а медленная и непростая трансформация, переход от микенского к полисному типу общества.

Некоторые аспекты культуры периода «Темных веков». Повторим еще раз то, что уже было сказано выше: имевший место в XI–IX вв. до н. э. упадок по сравнению с временами микенской цивилизации не следует преувеличивать, но его невозможно и отрицать. Во многих сферах культурной жизни этот упадок, безусловно, сказался, как демонстрируют данные археологических исследований.

Сказанное справедливо, например, применительно к архитектуре. До нас не дошло относящихся к «Темным векам» монументальных построек. Единственное исключение – уникальный «героон» в Левканди, о котором подробно говорилось выше. В столь же плачевном состоянии находилась и скульптура.

Однако не стояла на месте вазапись, в области которой во все эпохи столь блистали древние греки. Для самого начала «Темных веков» характерен субмикенский вазописный стиль, деградировавший из позднемикенских. А с середины XI в. до н. э. сосуды начинают расписываться (вначале в Аттике

⁴⁴ Кстати, заставляет задуматься сам факт наличия апсид, с одной стороны, в самых ранних древнегреческих храмах, с другой – в домах правителей в тех поселениях, которые храмов как таковых еще не имели (а, следовательно, религиозными центрами таких поселений были именно дома правителей, являвшихся одновременно и жрецами). Уж не находился ли именно в апсиде главный сакральный центр? Напомним в связи со сказанным, что традиционный православный обычай строить храмы с апсидой, в которой помещается алтарь (*sacra sacrorum*), идет именно из Греции. Не оказывается ли перед нами «реинкарнация» спустя много веков исключительно древней парадигмы? Разумеется, столь сложный вопрос мы неизбежно оставляем здесь без ответа, тем более что прямого отношения к тематике данной работы он не имеет.

⁴⁵ Погибла она, как считают, в ходе завоевания Мессении Спартой.

и на Эвбее, затем в других местах бассейна Эгейды) в протогеометрическом стиле. На вазы, приобретшие четкие, выразительные очертания, наносились узоры в виде геометрических фигур, пока еще довольно простых. Особенно часто встречаются серии концентрических кругов разного размера, нарисованных с помощью циркуля. Протогеометрический стиль получил такое название потому, что впоследствии, в IX–VIII вв. до н. э., на его основе вырос стиль геометрический, гораздо более известный и зрелищный, поскольку в нем те же основные принципы проявились в более яркой и сложной форме.

Пожалуй, именно на материале вазописи едва ли не лучше всего виден континуитет, преемственный характер развития эллинской культуры. Не происходит никакого резкого разрыва или «скачка»; идет медленная, постепенная эволюция и трансформация от субмикенского стиля к протогеометрическому и далее к геометрическому. Каждый из этих стилей рождается не на пустом месте, а органически вытекает из предшествующего.

Поздние образчики субмикенских ваз и ранние экземпляры протогеометрических вообще довольно сильно напоминают друг друга, трудно провести между ними границу. Но, по меткому наблюдению видного исследователя ранней истории Греции Ч. Старра, с определенного момента что-то неуловимо для глаза меняется⁴⁶. Создается впечатление, что общий дух вазописного искусства становится более оптимистическим. Протогеометрическая роспись еще остается достаточно примитивной, но ее, в отличие от субмикенской, уже не назовешь упадочной. Выражаясь метафорически, эпоха как бы поворачивается «лицом вперед» (отметим, что это – характернейший симптом именно *переходного периода*!).

Протогеометрическая вазопись еще не предполагает изображений людей и животных на сосудах. Впрочем, и тут есть одно, недавно ставшее известным исключение, и характерно, что появилось оно на Крите, который в ту пору находился, как мы видели, в числе передовых регионов эллинского мира. На вазе из Кносса, относящейся ко второй половине «Темных веков» (около 900 г. до н. э.) встречаем – впервые в античном греческом искусстве⁴⁷ – целую сцену: два охотника, которых сопровождает собака, разбирают свою добычу⁴⁸.

Что касается регионов на юге и западе Пелопоннеса, то они занимали несколько изолированное положение, что сказалось и на искусстве. Там развивались самобытные вазописные стили, и в последнее время их тщательное исследование заставило археологов прийти к выводу, что эти стили, в общем-то,

⁴⁶ *Starr Ch. G. The Origins...* P. 102.

⁴⁷ Конечно, опять же не считая Кипра, где традиция изображать сцены из жизни людей, кажется, вообще не прерывалась на переходе от бронзового к железному веку (см. соответствующие примеры, с иллюстрациями: *Karageorghis V. Op. cit.* P. 87 ff.

⁴⁸ *Coldstream J. N. Op. cit.* P. 382.

никак не связаны с протогеометрическими и геометрическими стилями бассейна Эгейды, не соответствуют им. Поэтому было выдвинуто предположение вообще не относить эту керамику к разновидности геометрической, как делали раньше, а принять для нее особое определение – «темновековая» керамика⁴⁹.

Для установления уровня развития культуры всегда важно знать, имела ли письменность в данном обществе. Господствующим является взгляд на греческие «Темные века» как на эпоху абсолютно бесписьменную, исключительно устную. Обычно считают, что между гибелью ахейских царств, пользовавшихся линейным письмом В слогового характера, и появлением у эллинов на рубеже IX–VIII вв. до н. э.⁵⁰ алфавита, созданного на основе финикийского, лежат несколько веков жизни совсем без какой бы то ни было письменности.

Однако эта точка зрения не вполне точна. Здесь не учитывается фактор Кипра. Выше уже говорилось, что тамошние греки вообще не забыли секретов письменности, продолжали пользоваться слоговым письмом. Правда, сохранившиеся надписи, сделанные этим кипрским письмом, датируются более поздним периодом (VI–IV вв. до н. э.). Однако, поскольку несомненно, что оно напрямую восходит к письменностям II тысячелетия до н. э.⁵¹, то должны были существовать и кипрские тексты эпохи «Темных веков». Просто эти памятники пока не обнаружены (скорее, почти не обнаружены, все-таки пара надписей, гипотетически относящихся к этому периоду, имеется).

А ведь это принципиально: как бы далек ни был Кипр от Балканской Греции, контакты с ним никогда полностью не прерывались, о чем свидетельствуют и археологические данные. А это значит, что и прочие греки даже в «Темные века», по меньшей мере, имели представление о том, что существует такая вещь, как письменность. Тем легче им было вновь адаптироваться к ней, когда для того возникли необходимые исторические условия.

Отметим еще, что на Крите, в Кноссе, недавно открыта финикийская надпись на бронзовом сосуде, датируемая тоже весьма ранним временем – рубежом

⁴⁹ Dark Age pottery, сокращенно DA, с соответствующими дальнейшими подразделениями – DA I, DA II и т. п. (по аналогии с принятыми для традиционной геометрии обозначениями типа MG II или LG I). См.: *Coldstream J. N. Op. cit. P. 378.*

⁵⁰ И никак не позже, вопреки часто высказываемому мнению! Самым началом VIII в. до н. э. (*Tandy D. W. Op. cit. P. 203*) датируется греческая надпись, найденная не где-нибудь, а в Габиях (Лаций, Италия). Иными словами, к этому моменту алфавитная письменность попала уже и в мир эллинских колоний. Передатчиками были, конечно, пресловутые эвбейцы, чье мореходство в рассматриваемую эпоху охватывало пространства от Леванта до будущей Великой Греции.

⁵¹ *Daniel J. F. Prolegomena to the Cypro-Minoan Script // American Journal of Archaeology. 1941. Vol. 45. No. 2. P. 249–282.*

X–IX вв. до н. э.⁵², вполне в рамках «Темных веков». Таким образом, уже в этот период эллины имели возможность ознакомиться с письмом, которое затем легло в основу их собственного. Вполне закономерно, что место этого знакомства – опять-таки Крит, известный как контактная зона между различными культурами.

Итак, всё снова оказывается сложнее, чем считали раньше. Этим и можно подытожить рассказ о «Темных веках» в Греции, охарактеризовав их как весьма сложную и неоднозначную эпоху. Да, Эллада в XI–IX вв. до н. э. была бедным, жестоким, в чем-то варварским обществом. Но в ее глубинах зрели предпосылки невиданного культурного взлета. «Темные века» – не только время упадка и застоя, но и время накопления сил перед решающим рывком. Сам этот рывок пришелся уже на следующие исторические периоды. Но первые его симптомы с полной ясностью проявились уже в «Темные века».

Упомянем хотя бы о гомеровских поэмах. Подробно говорить о них в рамках данной главы, естественно, не приходится; но нужно всегда держать в памяти, что столь грандиозные и одновременно утонченные⁵³ произведения человеческого духа, как «Илиада» и «Одиссея», складывались в основном именно на протяжении «Темных веков». Уже это, полагаем, о чем-то говорит.

⁵² *Coldstream J. N. Op. cit. P. 405.*

⁵³ Именно утонченные! Сравнивая гомеровские поэмы с другими памятниками раннего эпоса самых разных стран, цивилизаций и эпох, всякий раз убеждаешься, насколько возвышаются над ними «Илиада» и «Одиссея» – не размерами, даже не масштабностью повествования, а именно своей художественной, эстетической утонченностью.

«ПОЛИАРХИЯ» ИЛИ ВСЕ-ТАКИ ПОЛИС?*

История доклассической, так называемой ранней Греции, охватывающая собой первую половину I тыс. до н. э., в течение последних десятилетий привлекает к себе все более пристальное внимание антиковедов во всем мире. И это отнюдь не случайно. Если применительно к Элладе классической эпохи ныне уже не приходится рассчитывать на сколько-нибудь существенное пополнение источниковой базы¹, ученым остается иметь дело, в общем, с одним и тем же корпусом хорошо известных данных и, соответственно, исследование чаще и чаще вырождается в некие интеллектуальные игры, когда предлагается очередная, сто первая точка зрения на ту или иную проблему, ранее сто раз изучавшуюся и дискутировавшуюся, – то с архаической эпохой, тем более с «Темными веками», ситуация обстоит совсем иначе. Поскольку сведений об этом хронологическом отрезке в принципе немного, то вполне естественно, что их постоянно становится все больше и больше² – прежде всего за счет археологических раскопок, но также в результате активного привлечения сравнительно-исторического материала, применения новых, современных подходов и методик, комплексных интерпретаций. Иными словами, в данной области еще возможны (и по сей день делаются) открытия – настоящие, полноценные открытия, как на чисто фактологическом уровне (чего стоит только одно обнаружение в Левканди на Эвбее остатков монументального – 45 × 10 м в плане – здания периптерально-апсидного типа, датируемого X в. до н. э. и в корне

* Впервые опубликовано в: *Studia historica*. М., 2004. Т. 4. С. 150–163.

¹ Случаются, конечно, и исключения. Прежде всего следует назвать открытие в 1960-х гг. огромного комплекса остраконов на Керамике, материал которого только-только начинает вводиться в научный оборот (об этих памятниках см. наиболее подробно: *Brenne S. Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka*. Wien, 2001; *Brenne S. Die Ostraka (487 – ca. 416 v. Chr.) als Testimonien // Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.)*. Stuttgart, 2002. S. 36–166). Но это именно лишь исключения, к тому же, по большому счету, маргинальные: если бы в нашем распоряжении не было обширного спектра нарративных текстов о классических Афинах, сами по себе остраконы мало что прибавляли бы к нашим знаниям о них.

² По остроумному замечанию одного современного исследователя (*Tandy D. W. Warriors into Traders: The Power of the Market in Early Greece*. Berkeley, 1997. P. 2), «Темные века» не могут стать еще более «темными»; вполне естественно, что мрак над ними должен понемногу рассеиваться.

изменившего устоявшиеся представления о направлениях и темпах формирования раннегреческой архитектуры³, или совсем недавняя находка древнейшей на сегодняшний день греческой надписи рубежа IX–VIII вв. до н. э., причем не где-нибудь, а в Лации⁴), так и на уровне концептуальном (вспомним открытие демографического взрыва в Аттике VIII в. до н. э., сделанное по итогам количественного анализа погребений⁵, концепцию «биполярного полиса» Ф. де Полиньяка, установившего роль крупных святилищ на границах хоры в складывании полисных структур⁶, или оценку подлинного масштаба восточного влияния на все стороны архаической греческой цивилизации, позволившую говорить об особом «ориентализующем периоде» ее истории⁷).

Не удивительно, что на столь плодородной ниве нет недостатка в работах. По сути дела, это – передний край сегодняшней антиковедческой науки. Если вплоть до 1960-х гг. мы практически не находим в историографии обобщающих концептуальных исследований по архаической Элладе⁸, то начиная

³ См.: *Mazarakis-Ainian A.* Contribution à l'étude de l'architecture religieuse grecque des Âges obscures // *L'Antiquité classique*. 1985. Vol. 54. P. 5–48.

⁴ В Габиях, неподалеку от Рима. См.: *Tandy D. W.* Op. cit. P. 203. Там же дается ссылка на сообщение Дионисия Галикарнасского (*Ant. Rom.* I. 84. 5) о том, что именно в Габиях юные Ромул и Рем изучали греческую грамоту, – сообщение, которое теперь получает подтверждение с самой неожиданной стороны.

⁵ В работе: *Snodgrass A.* *Archaic Greece: The Age of Experiment*. L., 1980. Впоследствии отмечалось, что масштабы демографического взрыва были, пожалуй, чрезмерно завышены Снодграссом (наиболее подробный разбор проблемы см. в монографии: *Morris I.* *Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State*. Cambridge, 1987), но нельзя отрицать сам факт резкого роста населения – если не в 7 раз за 60 лет, как считалось ранее, то, во всяком случае, примерно в 3 раза по самым минималистским оценкам (*Tandy D. W.* Op. cit. P. 19 ff.), что тоже очень много.

⁶ Книга де Полиньяка, только появившись, сразу стала классической: *Polignac F. de.* *La naissance de la cité grecque: Cultes, espace et société VIIIe – VIIe siècles avant J.-C.* P., 1984. См. также английское, дополненное переиздание этой книги: *Polignac F. de.* *Cults, Territory, and the Origins of the Greek City-State*. Chicago, 1995. Де Полиньяк считает Афины исключением из выведенной им нормы «биполярного полиса». Впрочем, на наш взгляд, они таковым все же не являлись, во всяком случае с того времени, как в состав афинского государства был инкорпорирован Элевсин и его святилище Деметры стали выполнять искомую роль второго, «маргинального полуса».

⁷ См. во всех деталях: *Burkert W.* *The Orientalizing Revolution: Near Eastern Influence on Greek Culture in the Early Archaic Age*. Cambridge, MA, 1992; *Murray O.* *Early Greece*. 2 ed. L., 1993.

⁸ Наиболее значимое исключение – большая статья А. Хейса «Архаические времена Греции как историческая эпоха», впервые вышедшая в 1946 г. (ссылаемся на переиздание: *Heuss A.* *Die archaische Zeit Griechenlands als geschichtliche Epoche* // *Zur griechischen Staatskunde*. Darmstadt, 1969. S. 36–96).

с известных книг Ч. Старра и вплоть до наших дней такие исследования (как правило, монографического формата) идут буквально потоком, особенно в англоязычной литературе⁹. Можно, пожалуй, даже говорить о складывании особого историографического жанра – общего очерка истории ранней Греции. Следует указать, что и в среде отечественных специалистов эта тема тоже не обделена вниманием¹⁰. Весьма заметен контраст с изучением греческого мира классической эпохи: в этой области ничего подобного мы не обнаруживаем¹¹, что, очевидно, связано с факторами объективного порядка: охватить греческую классику в одном труде, будь он сколь угодно фундаментален, невероятно трудно, а доклассический материал все-таки более компактен и обозрим.

Как бы то ни было, каждая новая монография, посвященная ранней греческой истории, вызывает вполне естественный интерес: поскольку развитие наших знаний и представлений в данной сфере антиковедения идет, повторим, наиболее бурно, есть резон ожидать все новых и новых шагов на этом направлении.

Стала ли таким очередным новым шагом вперед новая книга старейшего российского историка античности Т. В. Блаватской¹²? Автор хорошо известен читательской аудитории широтой и разносторонностью своих научных интересов. Т. В. Блаватской принадлежат работы, посвященные Причерноморью

⁹ Кроме работ, указанных в предыдущих примечаниях, см. также следующие, наиболее важные книги: *Starr Ch. G. The Origins of Greek Civilization 1100–650 B.C. L., 1962; Starr Ch. G. The Economic and Social Growth of Early Greece 800–500 B.C. N. Y., 1977; Starr Ch. G. Individual and Community: The Rise of the Polis, 800–500 B.C. N. Y.; Oxf., 1986; Jeffery L. H. Archaic Greece: The City-States c. 700–500 B.C. L., 1978; Boardman J. Pre-Classical: From Crete to Archaic Greece. Harmondsworth, 1978; Burn A. R. The Lyric Age of Greece. L., 1978; Snodgrass A. Archaic Greece: The Age of Experiment. L., 1980; Finley M. I. Early Greece: The Bronze and Archaic Ages. 2 ed. L., 1981; Hurwit J. M. The Art and Culture of Early Greece, 1100–480 B.C. Ithaca, 1985; Lévêque P. La naissance de la Grèce: Des rois aux cités. P., 1990; Welwei K.-W. Athen: Von neolithischen Siedlungsplatz zur archaischen Großpolis. Darmstadt, 1992; Osborne R. Greece in the Making, 1200–479 B.C. L.; N. Y., 1996; Грант М. Греческий мир в доклассическую эпоху. М., 1998.*

¹⁰ См., в частности: *Андреев Ю. В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Л., 1976; Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988; Яйленко В. П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990; Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). СПб., 2002.*

¹¹ Десять лет назад – в рецензии на книгу В. М. Строгачева «Полис и империя в классической Греции» (ВДИ. 1994. № 1. С. 215) нам уже приходилось указывать на это обстоятельство. С тех пор мало что изменилось.

¹² *Блаватская Т. В. Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н. э.). СПб., 2003.*

в античную эпоху¹³, проблемам культуры эллинизма¹⁴, но в первую очередь, конечно, Микенской (Ахейской) Греции¹⁵. В рецензируемой же монографии исследовательница обратилась к самому «темному» периоду древнегреческой истории – XII–VII вв. до н. э., как обозначено в заголовке. Иными словами, хронологически работа охватывает самый конец микенской эпохи, так называемый гомеровский период и большую часть архаической эпохи, не считая поздней архаики (изложение завершается на реформах Солона).

Кстати, к вопросу о наименовании периодов. Т. В. Блаватская уже во введении к книге¹⁶ решительно возражает против устоявшихся в науке определений «гомеровский период» (более характерного для отечественной историографии) и «Темные века» (в основном принятого на Западе), считая их ошибочными и устаревшими. Взамен она предлагает собственное определение того же хронологического промежутка: «эпоха роста сплоченности этноса и укрепления политико-правового полиморфизма многих его земель». Согласимся с тем, что и «гомеровский период», и «Темные века» – выражения, весьма далекие от идеала, обладающие многими и серьезными недостатками. Ими пользуются главным образом за неимением лучших. В то же время нам решительно непонятно, чем лучше определение Т. В. Блаватской, громоздкое до неудобопроизносимости и в то же время, в общем-то, никак не акцентирующее ключевые феномены именно данной эпохи (его, по большому счету, можно приложить к любому периоду древнегреческой, да и не только древнегреческой, истории). Крайне маловероятно, что это наименование приживется в науке об античности, вытеснив ныне существующие, как бы эти последние ни были неудачны.

Монография состоит из введения, трех глав и заключения. Каждая из глав представляет собой отдельный очерк, посвященный тому или иному кругу проблем. Об этих проблемах дают достаточное понятие заголовки глав: «Эллада в XII–VIII вв.: эпоха роста сплоченности этноса и его политико-правового полиморфизма», «Значение Элиды и Олимпии в процессе укрепления общеэллинского правосознания», «Развитие государственности и правовых порядков (sic) в раннеполиархической Аттике (XI–VII вв.)».

В нашу задачу, тем более в неизбежно кратких рамках рецензии, отнюдь не входит сколько-нибудь детальный анализ всех положений, выдвигаемых Т. В. Блаватской по ходу исследования, и аргументов, используемых для их

¹³ Блаватская Т. В. Западнопонтийские города в VII–I вв. до н. э. М., 1952; Она же. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н. э. М., 1959.

¹⁴ Блаватская Т. В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983.

¹⁵ Блаватская Т. В. Ахейская Греция. М., 1966; Она же. Греческое общество второго тысячелетия до н. э. и его культура. М., 1976.

¹⁶ Блаватская Т. В. Черты истории... С. 15–19.

обоснования. Такой анализ потребовал бы разбора, сопоставимого по объему с самой рассматриваемой книгой, а то и превосходящего ее, поскольку наша позиция в каждом случае тоже должна была бы быть специально аргументирована. Не ставим мы себе целью и заниматься мелкими придирками, полемизировать с автором по тем или иным частным вопросам (придется остановиться разве что на отдельных моментах, которые представляются особенно неприемлемыми). Более важно, на наш взгляд, другое: попытаться дать общую оценку работы с точки зрения методологических установок, наиболее эффективных при изучении истории ранней Греции.

Речь пойдет, в общем-то, о вещах достаточно очевидных. Что необходимо для того, чтобы работа по этим сюжетам не стала «мертворожденной», чтобы в ней не просто было сказано некое новое слово (этого мы *a priori* вправе ожидать от любой работы), но слово ценное, полезное для дальнейших изысканий? Выполнение как минимум трех требований (есть, конечно, и другие, но те, которые будут сейчас перечислены, следует считать абсолютно необходимыми, *sine quibus non*). Во-первых, ученый должен обладать знанием всех источниковых данных – как вещественных свидетельств, так и нарративных текстов¹⁷ – и комплексно их использовать. Исследование следует основывать на источниках, а не на умозрительных соображениях. Во-вторых, обязателен учет всех предыдущих разработок в той же сфере. Игнорирование даже тех точек зрения, с которыми автор не согласен, решительно недопустимо: мнения, которые представляются неверными, нужно не замалчивать, а аргументированно опровергать¹⁸. Такой учет, помимо прочего, важен еще и для того, чтобы

¹⁷ Увы, по отношению к этим последним в современной западной историографии, особенно в рамках влиятельной гиперкритической тенденции, наблюдается определенная недооценка. Нередко можно встретить эксплицитное суждение о том, что только археологические данные могут служить в полной мере достоверным источником по истории ранней Греции. Характерно, например, высказывание одного антиковеда: он является учеником Финли и потому считает недостоверной всю афинскую историю вплоть до Пелопоннесской войны (*Todd S. C. Response to Sally Humphreys // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 47*). Откровенная позиция! Но плодотворная ли? Никто не будет спорить с тем, что сведения по эпохе архаике, содержащиеся даже у Геродота и Фукидида (не говоря уже об Аристотеле, Плутархе, Павсании и т. д.), подлежат критическому анализу. Но критический анализ и отбрасывание *a limine* – отнюдь не одно и то же.

¹⁸ К слову сказать, игнорирование, о котором идет речь, может принимать две разные, но в равной мере не заслуживающие поддержки формы. Относительно редко в наши дни оно бывает явным, когда иные мнения просто не упоминаются, как будто их и нет. Значительно чаще встречается латентное игнорирование точек зрения оппонентов: они упоминаются в изложении, которое, однако, в дальнейшем разворачивается опять-таки так, как будто других точек зрения не существует.

часом не «открыть Америку», не выдвинуть в качестве новой и собственной идею, которая уже высказывалась. Третье требование тесно связано со вторым и заключается в том, что каждый новый шаг вперед должен быть продолжением предыдущих, а для этого надлежит двигаться с того места, где остановились предшественники. Иначе это будет шаг куда угодно – назад, в сторону, на месте, – но только не вперед. Поясним свою мысль. Есть некий концептуальный фонд, в который входят установленные с полной надежностью, прошедшие проверку временем и не подлежащие уже пересмотру теоретические положения (если бы его не было, то попросту ни к чему был бы труд поколений ученых). Применительно к науке об античности в этот фонд входит прежде всего концепция полиса. В ее рамках эпоха архаики рассматривается как период формирования полисных форм социума и государственности. Из этой посылки и следует исходить всем, кто занимается изучением ранней Греции. Любой иной подход не оправдывает себя, более того, создаст самые непредвиденные сложности и в конце концов заведет в такой тупик, из которого нелегко будет выбраться.

Как можно на основе вышесказанного оценить рецензируемую монографию? Насколько нам представляется, в ней далеко не в достаточной степени задействован потенциал источников. В большей мере обращается внимание на вещественные памятники, однако Т. В. Блаватской известны далеко не все из археологических находок последнего времени, во многом изменивших, повторим, наши представления о путях развития эллинского мира в первой половине I тыс. до н. э. Более широко и интенсивно можно было бы привлекать и нарративный материал. В частности, говоря о первых этапах эволюции государственного устройства Афин, исследовательница чаще всего апеллирует к кратким и не всегда понятным без контекста свидетельствам из «Афинской политики» Аристотеля (а ведь, не забудем, начало этого трактата, которое для данной темы как раз наиболее важно, не сохранилось в основной папирусной рукописи и известно лишь по эксцерптам, что значительно усложняет работу с соответствующей информацией). Нам не вполне понятно, почему бы в дополнение к этим данным не использовать активнее также сообщения более поздних авторов, таких, например, как Павсаний. Пренебрежение таковыми характерно для представителей гиперкритицизма, но ведь Т. В. Блаватская, насколько нам известно, к таковым отнюдь не относится, более того, в своих предыдущих работах всегда отстаивала необходимость доверия к традиции (всей, а не только ранней)¹⁹. А занимающие буквально несколько строчек пассажи Аристотеля,

¹⁹ В связи со сказанным не можем не отметить, что нас несколько удивил следующий факт: в рецензируемой книге Т. В. Блаватская часто апеллирует к аргументам, используемым В. П. Яйленко, и признает их правомерность. Но ведь этот исследователь, идущий вполне в фарватере гиперкритической тенденции, по большинству принципиальных вопросов

к которым вновь и вновь возвращается автор, сами по себе скудны и недостаточны для ответственных выводов.

С другой стороны, в подходе Т. В. Блаватской к письменным свидетельствам, как нам показалось, нет должного критицизма. Между двумя в равной мере досадными крайностями – гиперкритической презумпцией и безграничным доверием к тексту источника²⁰ – существует некая «золотая середина», путь умеренной критики²¹. Только она позволяет прийти к плодотворным результатам. А брать всю информацию того же Аристотеля «как она есть», как полную и безусловную истину (а именно так по большей части поступает автор рассматриваемой книги) – это означает одновременно и переоценку, и недооценку античных писателей. Переоценку – поскольку негласно постулируется, что, скажем, автор IV в. до н. э. имел в своем распоряжении исчерпывающую и неоспоримо достоверную информацию о событиях пятисотлетней (и более) давности, но при этом не ставится вопрос, откуда бы такая информация ему была доступна. Недооценку – поскольку великий Аристотель в рамках такого подхода воспринимается как некий туповатый хронист без всяких признаков оригинальных идей или фантазии, способный только на то, чтобы механически воспроизводить факты. Но ведь прекрасно известно, насколько в действительности собственные взгляды Стагирита окрашивали его повествование о событиях прошлого! К тому же он стоял в конце длительной историографической традиции классической эпохи, имел целый ряд предшественников (применительно к афинским реалиям – прежде всего аттидографов), чьими трудами постоянно пользовался. А каждый из этих предшественников тоже был не летописцем, а исследователем, тоже имел круг собственных мнений, влиявших на изложение.

придерживается взглядов, кардинально расходящихся со взглядами самой Т. В. Блаватской. Он, в частности, убежден в принципиальном дисконтинуитете греческой истории II и I тыс. до н. э., в «отсутствии преемственности между микенской Грецией и последующей эпохой» и декларирует это в самом начале своей основной работы (*Яйленко В. П.* Указ. соч. С. 3). В. П. Яйленко, таким образом, считает, что после крушения микенской цивилизации греки в полном смысле слова начали с нуля. А Т. В. Блаватская начинает свою новую монографию словами о «бесспорно установленной преемственности развития эллинизма на протяжении двух тысячелетий» (*Блаватская Т. В.* Черты истории... С. 8). Более полярных позиций при всем желании невозможно представить. Далее ждем интересной полемики – а встречаем длинный ряд похвал по адресу В. П. Яйленко. Это представляется определенной непоследовательностью.

²⁰ Т. В. Блаватская признает историчность даже Иона. Отсюда – буквально два шага до того, чтобы поверить в реальное существование Эллина, Девкалиона и Пирры и т. д.

²¹ См. важные методологические замечания в работе: *Немировский А. А.* У истоков древнееврейского этногенеза: Ветхозаветное предание о патриархах и этнополитическая история Ближнего Востока. М., 2001. С. 3 сл.

В рецензируемой монографии, как мы отмечали, используются и нарративные, и археологические источники. К некоторому сожалению, они рассматриваются как бы в разных плоскостях. Попытка комплексной корреляции двух типов свидетельств если и предпринимается, то на довольно поверхностном уровне²².

Часто, значительно чаще, чем следовало бы, апелляция к материалу источников подменяется аргументацией по принципу «позволительно предположить, что...». Позволительно, конечно, предположить всё что угодно. Однако досадно, что это «позволительно предположить» мягко и, похоже, незаметно для самого автора (но отнюдь не для читателя) перерастает из статуса гипотезы в статус установленного факта, на основе которого начинают уже строиться новые предположения, и т. д.

Что же касается опоры на предшествующую антиковедческую литературу, то, как ни парадоксально, подавляющее большинство важнейших работ последнего времени, посвященных ранней Греции и перечисленных нами в предыдущих примечаниях, в книге Т. В. Блаватской даже не упоминаются. Признаться, мы в большом недоумении. Никак не можем допустить, что почтенная исследовательница незнакома с этими работами, тем более что они посвящены как раз тем сюжетам, которыми занимается она. Но тогда зачем же было их игнорировать? Неужели заведомо признается их полная бесполезность для изучения всего круга затрагиваемых в монографии проблем? Такая позиция не представляется конструктивной и способствующей поступательному развитию науки. Не только зарубежная, но и отечественная историография учтена далеко не в полной мере. Так, поскольку в книге немаловажное место занимают вопросы истории Греции во II тыс. до н. э., резонно было бы встретить в соответствующих местах отсылки к работам А. А. Молчанова²³, который интенсивно разрабатывал эту проблематику. Точно так же полностью

²² Впрочем, данный упрек адресован не столько Т. В. Блаватской, сколько общему состоянию науки в данной сфере. В западной историографии попытки такой корреляции тоже, как правило, не предпринимаются (из-за пренебрежения к нарративной традиции), хотя порой она по меньшей мере не помешала бы. Только один пример. Иан Моррис в своей, без преувеличения, этапной книге (*Morris I. Op. cit.*) очень убедительно показал на чисто археологическом материале, что в середине VIII в. до н. э. в Афинах имели место какие-то чрезвычайно серьезные изменения социально-политического плана. Исследователю даже и в голову не пришло сопоставить свои выводы с сообщением традиции, относящим как раз к этому времени (к 753–752 гг. до н. э.) такую принципиальную реформу афинского государственного устройства, как ликвидация пожизненной царской власти и переход к десятилетнему архонтату.

²³ Материал важнейших из этих работ недавно был обобщен в книге: Молчанов А. А. Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н. э. (Проблемы источниковедения минойстики и микенологии). М., 2000.

за пределами внимания Т. В. Блаватской остается недавняя посмертная монография такого выдающегося специалиста, как Ю. В. Андреев²⁴, где предметом анализа становится, в числе прочего, тот же переходный период.

Наконец, коснемся самого главного – концептуальной стороны. Мы уже видели, что автор и в новой книге остается приверженцем давно отстаиваемого им тезиса о принципиальном континуитете истории греческого мира II и I тыс. до н. э. Бесспорно, каждый исследователь имеет право на собственную позицию. Самое главное, чтобы она, во-первых, не приходила в противоречие с фактами, а, во-вторых, учитывала всю неоднородность и многоплановость анализируемой исторической ситуации. В данном случае речь идет о сложной динамике, мы бы сказали даже, диалектике элементов континуитета и дисконтинуитета на переходе от микенской цивилизации к собственно эллинской (в «классическом» смысле).

Никто не будет спорить с тем, что, скажем, в сфере религиозно-мифологических воззрений прослеживается значительная степень преемственности. Большей, чем подчас считают, была эта степень также и в этнодемографических процессах. Но больше всего нас здесь интересует политическое развитие Эллады. Во-первых, потому что политика была, если так можно выразиться, стержнем, ключевым элементом всей греческой цивилизации²⁵. Во-вторых, потому что рецензируемая монография посвящена преимущественно именно политическим сюжетам.

Будем исходить из того, что классическая греческая цивилизация была цивилизацией полисной, и этим определяются практически все ее основополагающие черты. С другой стороны, в микенском обществе феномена полиса явно еще не существовало. Таким образом, именно формирование этого феномена стало главным содержанием первой половины I тыс. до н. э. и привело к появлению кардинально новых черт в политических структурах и политической жизни.

Вполне естественно, что сторонникам идеи полного континуитета ничего иного не остается, как затушевывать значение указанной перемены, преуменьшать значение «рождения полиса». В сущности, как раз по этому пути идет Т. В. Блаватская. Не то чтобы исследовательница отрицала саму концепцию полиса; кажется, в наши дни это уже невозможно²⁶. В ее книге можно встре-

²⁴ Андреев Ю. В. От Евразии к Европе: Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа. СПб., 2002.

²⁵ Murray O. *Cities of Reason // The Greek City: From Homer to Alexander*. Oxf., 1991. P. 1–25 (с детальной аргументацией тезиса).

²⁶ Впрочем, нам доводилось слышать, как Т. В. Блаватская в устной форме давала очень высокую оценку книге А. К. Бергера «Политическая мысль древнегреческой демократии» (М., 1966), в которой, как известно, концепция полиса отвергается как «буржуазная».

тить (хотя и нечасто) само слово «полис» (впрочем, употребляемое без особой терминологической нагрузки, просто как синоним слов «государство», «город» и т. д.). Однако создается полное впечатление, что все значение появления полисных форм государственности автор явно недооценивает.

Так, политическое устройство доклассических Афин характеризуется в монографии специально вводимым термином «полиархия». Эта «полиархия», в понимании Т. В. Блаватской, существовала вначале в форме «триархии» (архонт-эпоним, басылей и полемарх), а затем, с введением в VII в. до н. э. коллегии фесмофетов, – в форме «эннеархии». Помимо того, что вся эта сложная терминология, отнюдь не принадлежащая к категории общепринятой, мало что разъясняет, скорее, наоборот, затрудняет восприятие читателем авторского изложения²⁷, – она неверна и по существу. В действительности, конечно, речь следует вести не о «триархии» или «эннеархии», а о постепенном складывании системы полисных магистратур. Один и тот же процесс получает ясное и четкое объяснение, если смотреть на него с точки зрения концепции полиса, и становится какой-то загадкой, если этой концепцией фактически пренебрегать.

Кстати, и само становление афинского архонтата шло не вполне тем путем, как представляется Т. В. Блаватской. Она рисует следующую картину: наряду с ранее существовавшей должностью басылея, которую и в дальнейшем по традиции продолжали занимать представители династии Кодридов-Медонтидов, была на определенном этапе введена должность архонта (эпонима). За басылями сохранилась компетенция в сакральной сфере, архонтам же (ими становились члены других родов) отошли собственно государственные дела. Таким образом, «задачи военно-политического управления полисом были изъяты из ведения Кодридов»²⁸. Однако в действительности ситуация развивалась не столь прямолинейно. Дело в том, что так называемые пожизненные архонты XI–VIII вв. до н. э. – а они происходили, безусловно, из Кодридов²⁹ – были не басылями, как считает исследовательница, а именно первыми архонтами (то, что позже стало называться архонтами-эпонимами), высшими магистратами государства. К Кодридам же принадлежали и десятилетние архонты вплоть до 714–713 гг. до н. э., когда произошел известный инцидент с Гиппоменом,

²⁷ Следует отметить, что Т. В. Блаватская в своей новой книге и в целом тяготеет к немотивированному употреблению нарочито усложненных терминов собственного изобретения. Чего стоит хотя бы следующее новообразование, противоречащее законам любого языка – и русского, и греческого: «олигархократы»!

²⁸ Блаватская Т. В. Черты истории... С. 223.

²⁹ Об этих архонтах (полный перечень их имен сохранила хронографическая традиция) см. наиболее подробно: Carlier P. La royauté en Grèce avant Alexandre. Strasbourg, 1984. P. 325 ss.

после которого архонтат стал доступен и для других родов³⁰. До того, таким образом, Кодриды отнюдь не были отстранены от управления.

В своем изложении Т. В. Блаватская постоянно прилагает к аттическим родам наименование «кланы», что представляется совершенно неоправданным. Во-первых, вообще вряд ли следует калькировать в данном случае иноязычное словоупотребление. Если по-английски *clan* – просто ‘род’, то в русском языке «клан» – уже термин, причем неизбежно вызывающий ассоциации с отнюдь не греческими реалиями.

Во-вторых, называть афинские роды кланами неверно еще и по существу. В исследовании этих родов несколько лет назад был совершен коренной прорыв, в первую очередь благодаря работам французских ученых Д. Русселя и Ф. Буррио³¹. Т. В. Блаватская опять же эти работы даже не упоминает, а жаль. Если она не согласна с концепциями их авторов, то, наверное, следовало бы артикулировать и аргументировать свое несогласие³².

Прежде всего, афинский род (γένος) имел весьма отдаленное отношение к первобытной родо-племенной структуре общества. Прошло, как нам кажется, то время, когда в литературе, и не только отечественной, смело писали о родо-племенных отношениях в Аттике чуть ли не до реформ Клисфена. Благодаря трудам этнографов теперь, наверное, каждому известно со школьной скамьи, что уже общины поздней первобытности были отнюдь не родовыми, а соседскими.

Далее, в Афинах (в отличие, скажем, от Рима) членами родов (γεννῆται) были не все граждане, а только аристократы. Афиняне незнатного происхождения (оргеоны) входили в систему фратрий, но не в систему родов³³. Что же здесь общего с кланом в традиционном понимании? Афинские роды были, если можно так выразиться, не слишком-то институционализированы, не имели четкой и общепринятой номенклатуры и т. п. По нашему мнению, которое

³⁰ Озадачивает утверждение Т. В. Блаватской о том, что «в трудах Аристотеля имя Гиппомена не упоминалось» (Блаватская Т. В. Черты истории... С. 223). Аристотель писал о Гиппомене в начальной, недодетской части «Афинской политики», содержание которой известно по эпитомам Гераклида (кстати, давно устарела точка зрения, отождествляющая эпитоматора с Гераклидом Понтийским, а Т. В. Блаватская продолжает ее придерживаться).

³¹ Roussel D. Tribu et cité. Études sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique. P., 1976; Bourriot F. Recherches sur la nature du genos. Étude d'histoire sociale athénienne. Périodes archaïque et classique. Lille; P., 1976. T. 1–2.

³² Как делает, например, Р. Литтман: Littman R. J. Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C. N. Y., 1990. P. 5 ff.

³³ О формировании фратрий вокруг знатных родов см. чрезвычайно интересные и плодотворные мысли в работе: Forrest W. G. The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800–400 B.C. L., 1966. P. 45 ff.

мы подробнее обосновываем в другом месте³⁴, афинский аристократический род – в сущности, явление одного порядка с русскими аристократическими родами. Когда говорят о родах Голицыных, Шереметевых, Юсуповых, никому и в голову не приходят ассоциации с какими-то кланами, с первобытными родовыми структурами; все прекрасно понимают, что речь идет о знатных семьях или, чаще, системах семей, связанных происхождением от общего предка. То же можно сказать о родах Алкмеонидов, Филаидов и пр.

Преувеличивая степень континуитета политического развития Эллады в рассматриваемую историческую эпоху, Т. В. Блаватская предлагает свое, оригинальное до парадоксальности объяснение значительного снижения материального уровня жизни в Элладе «Темных веков» (а это снижение фиксируется археологическими данными со всей очевидностью), утраты контактов с цивилизациями Востока. По ее мнению, все это было предпринято вполне сознательно. Связи с восточными царствами были «свернуты», дабы в греческие общины оттуда не проникала монархическая идеология. Пресловутая бедность ранних полисов – на деле не столько бедность в собственном смысле, сколько намеренный отказ граждан от роскоши, результат «уравнительной политики» властей, поддерживавшейся народом. Исследовательница говорит³⁵ об «успешном утверждении принципа усредненного равенства в повседневном обиходе большинства населения». Даже вазописцы геометрического стиля строгостью узоров и жесткостью канонов выполняли – в самом прямом смысле – заказ властей, некоего «верховного булевтерия», под которым, насколько можно судить, разумеется Арэопаг³⁶.

Перед нами встает картина какого-то полного тоталитаризма. Разумеется, в действительности государственные структуры гомеровских и раннеархаических Афин были недостаточно сильны, чтобы проводить по отношению ко всему гражданскому коллективу подобный постулируемый диктат, даже если бы носители власти этого пожелали, что само по себе сомнительно.

С устаревших позиций автор рецензируемой монографии подходит к анализу реформ Солона. Достаточно указать, что она по-прежнему стоит на точке зрения, согласно которой в Афинах к солоновской эпохе уже чеканилась монета. Так еще можно было считать во времена Ч. Селтмана (на которого, собственно, и ссылается в данной связи Т. В. Блаватская). Но с этих времен много воды утекло. К настоящему времени трудами поколений историков и нумизматов со всей

³⁴ Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М., 2000. С. 29–31.

³⁵ Блаватская Т. В. Черты истории... С. 332.

³⁶ Отметим, что вряд ли стоило смешивать термины «булевтерий» и «буле». Булевтерий – помещение для заседания Совета, а не сам этот орган.

надежностью установлено, что первые афинские монеты (*Wappenmünzen*) были отчеканены уже в послесолоновское время, скорее всего при Писистрате³⁷. Никак не можем согласиться и с утверждением исследовательницы о том, что Солон установил в Афинах демократию. Это этапное событие истории афинского полиса следует, конечно, связывать с Клисфеном (а некоторые исследователи³⁸ считают, что даже с Эфиальтом), но уж никак не с Солоном.

Отклик наш приближается к предельному объему, допустимому для этого жанра. Хотелось бы еще о многом сказать, но пора, видимо, подводить итоги. В отечественной историографии появилось новое исследование, посвященное «ранней Греции». Однако читателям, интересующимся данной проблематикой, мы все-таки рекомендовали бы по-прежнему обращаться к важнейшим зарубежным работам, перечисленным выше, в примечаниях. В этих работах предмет рассматривается в более верной, пожалуй, единственно правильной перспективе – с точки зрения формирования полиса. Любая иная перспектива препятствует полноценному и всестороннему пониманию процессов, имевших место в греческой истории первой половины I тыс. до н. э.

³⁷ Kraft K. Zur solonischen Gewichts- und Münzreform // *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte*. 1969. Bd 19. S. 7–24; Crawford M. H. Solon's Alleged Reform of Weights and Measures // *Eirene*. 1972. Vol. 10. P. 5–8; Kraay C. M. *Archaic and Classical Greek Coins*. Berkeley, 1976. P. 55 ff.; Kroll J. H. From Wappenmünzen to Gorgoneia to Owls // *The American Numismatic Society. Museum Notes*. 1981. Vol. 26. P. 1–32; Kroll J. H. *The Greek Coins (The Athenian Agora. Vol. 26)*. Princeton, 1993. P. 5; Welwei K.-W. Op. cit. S. 199; Reden S. von. Exchange in Ancient Greece. L., 1995. P. 179–181; Osborne R. Op. cit. P. 222; Rebuffat F. La monnaie dans l'antiquité. P., 1996. P. 36–39; Theodorou J. *Athenian Silver Coins: 6th–3rd Centuries BC. The Current Interpretation* // Μνήμη Martin Jessop Price. Athens, 1996. P. 53 ff.

³⁸ Например: Kinzl K. H. Athens: between Tyranny and Democracy // *Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory*. B., 1977. P. 222.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ФАКТОР ПОЛИТОГЕНЕЗА В РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНАХ АНТИЧНОГО ГРЕЧЕСКОГО МИРА (ПОПЫТКА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА)*

В античной Греции существовали как полисные, так и неполисные типы государственности. Преобладали, естественно, первые; речь идет не только и даже не столько о чисто количественном преобладании (хотя и оно было налицо), сколько о том, что они представляли собой, так сказать, магистральную линию развития на эллинской почве (во всяком случае, если говорить об эпохах архаики и классики).

Полис – весьма специфический тип государственности. Настолько специфический, что некоторые исследователи вообще отказывают ему (на наш взгляд, все-таки неправомерно) в праве считаться государством. В этом плане отмечают, например, отсутствие в полисных условиях бюрократии, а ведь, согласно принятой ныне политологической точке зрения, государств без бюрократии не бывает.

Но в рамках данного доклада остановиться хотелось бы прежде всего на том, что и в территориальном аспекте древнегреческий полис демонстрировал ярко выраженную специфику. В нем территориальный фактор политогенеза играл меньшую роль, нежели в других известных человечеству формах государственности. Он по значимости сильно уступал тому, что можно назвать человеческим фактором. Многими архаическими и классическими авторами повторялась известная сентенция «Полис – это мужи, а не стены». Если перевести этот античный дискурс на язык современных, привычных нам терминов, то как раз и получим преобладание человеческого фактора над территориальным (и урбанистическим).

Полис как тип государства представлял собой общину граждан. Как следствие, он парадоксальным образом мог существовать даже и вообще без территории (аллюзия на известную статью Ф. Хампля «*Poleis ohne Territorium*»¹). Обычно в связи с этим приводят ряд хрестоматийных (но от того не перестающих быть показательными) примеров: моряки афинского флота на Самосе,

* Впервые опубликовано в: Восточная Европа в древности и средневековье: Государственная территория как фактор политогенеза. М., 2015. С. 254–259.

¹ *Hampf F. Poleis ohne Territorium // Klio. 1939. Bd 32. S. 1–60.*

в 411 г. до н. э. фактически конституировавшие свой коллектив как полис, воины-наемники ксенофонта «Анабасиса», десятилетие с небольшим спустя при своем возвращении из Азии сделавшие ровно то же самое, и т. п.

Не случайно надполисные государственные объединения, встречавшиеся в древнегреческом мире, часто называют «территориальными державами». Это относится к государству Дионисиев, созданному в великогреческом регионе², к государству Спартокидов на Боспоре Киммерийском³ и др. Относительно корректности выражений «территориальная держава», «территориальное государство» можно спорить; но, думается нам, ясно, что специалисты, употребляющие эти выражения, именно и хотят с их помощью противопоставить соответствующие государственные образования полисам, в которых аспект «территориальности» был куда менее выраженным.

Повторим важный момент: в правовой теории и практике греческого мира полис как государство осознавался именно в качестве совокупности своих граждан. В межгосударственных отношениях не существовало правовых субъектов «Афины», «Спарта» или «Коринф»; таковыми были «афиняне», «лакедемоняне», «коринфяне» и пр. Это вполне четко видно даже при беглом прочтении как античных нарративных текстов, так и эпиграфических памятников: воюют друг с другом, заключают мир, вступают в союзы не Афины и Спарта, а *только* афиняне и спартанцы (или, скажем, милетяне и самосцы). Судя по всему, официальным наименованием полиса было название именно его гражданского коллектива, а не некоей территории (региона, города). Это, конечно, сильно отличается от привычных нам практик.

Интересно, что древнегреческие полисы в целом, если брать обобщенно, не проявляли тенденции к расширению своей территории. В качестве наиболее значимого исключения можно указать на насильственное присоединение Спартой Мессении в VIII–VII вв. до н. э. Но оно, во-первых, хронологически и стадийно относится к весьма раннему этапу политогенеза; во-вторых же, этот случай так и остался одним из единичных. Даже сама Спарта в дальнейшем новых территориальных захватов не осуществляла, перейдя к практике создания Пелопоннесского союза под своей гегемонией.

Афиняне, создав в V в. до н. э. Архэ, не выказали ровно никакого желания включить подчинявшиеся им полисы в состав своего (отнюдь не потому, что им это было бы не под силу). Не иначе было и в других гегемониальных симмахиях, даже высокоцентрализованных. Возьмем, например, Беотийский союз. Даже в периоды наибольшего преобладания в нем Фив (как во времена

² Фролов Э. Д. Сицилийская держава Дионисия. Л., 1979.

³ Завойкин А. А. Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь; Керчь, 2013.

Эпаминонда) он не переродился в Фиванское государство; фиванские, полисные органы власти четко отделялись от беотийских, союзных.

Несомненно резкий контраст в данном отношении между эллинскими полисами и Римом, который на протяжении веков постоянно расширял свою государственную территорию. В чем причина различия? Иногда считают, что греческим полисам просто некуда было расширяться: на ограниченном пространстве Эллады они располагались, так сказать, буквально «впритык» друг к другу. Это так; но ведь и Рим возрос отнюдь не в вакууме, а в плотном окружении других городских общин (*civitates*) Лация, Этрурии и прочих регионов Италии, что, однако, не воспрепятствовало римлянам покорить и абсорбировать эти общины. Тем самым увеличивался *ager publicus*, создавались возможности для вывода туда излишков римского гражданского населения, то есть для внутренней колонизации.

Греки же, за редкими исключениями (как та же ранняя Спарта), всегда предпочитали внешнюю колонизацию, в ходе которой увеличения государственного территориального массива метрополии не происходило, поскольку колонии-апоикии «отпочковывались» от нее, становясь независимыми полисами. На наш взгляд, отличие в динамике процессов, имевших место у греков и у римлян, следует связывать в первую очередь с неоднократно уже отмечавшимся⁴ разным восприятием идеи гражданства. Ведь в норме присоединение новых территорий сопрягается с принятием в качестве новых граждан жителей этих территорий (или хотя бы какой-то их части). Рим на такое охотно шел, а вот в греческих полисах гражданские коллективы были несравненно более закрытыми, «эксклюзивными».

Сказанное относится к Греции как таковой (включавшей юг Балканского полуострова и Эгейский регион). В мире же эллинских колоний, характеризовавшемся иными условиями (в частности наличием «варварского» окружения), возможны были новые коллизии, в частности, образование тех же «территориальных держав». Эти последние проявляли уже большую склонность к расширению. Так, завоеванием новых земель занимался Дионисий Старший (и другие сиракузские тираны – как до него, так и после него).

Но особенно яркий пример – деятельность Спартокидов на Боспоре Киммерийском. Начав как правители Пантикапея, они в конечном счете создали крупное по греческим меркам государство, включившее как ряд других полисов, населенных эллинами, так и «варварские», племенные регионы. Применительно к гражданам покоренных ими полисов было создано в некотором роде надполисное общепоспорское гражданство (А. А. Завойкин использует в данной связи формулировку «мегаполиса» Боспора, в составе которого бывшие независимые

⁴ Последний раз – в: Hammer D. Introduction // A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic. Oxf., 2015. P. 3.

полисы стали, так сказать, «демами»); что же касается завоеванных «варваров», к ним категория гражданства, само собой, не относилась – они оказались в статусе подданных.

Не приходится сомневаться, что именно подобным положением дел была порождена уникальная титулатура Спартокидов IV в. до н. э. как архонтов Боспора и Феодосии и в то же время царей (точнее, «царствующих») над рядом туземных племен. Надо полагать, что к «варварским» землям применять территориальный принцип было заведомо проще (не возникало коллизии между полисной хорой и «доменом» правителя). Но вторжение этого принципа даже и в эллинскую часть спартокидских владений теперь облегчалось. Обратим внимание на титул «архонта Боспора и Феодосии» (что характерно, не «боспоритов и феодосийцев») и заметим отличие от того, что говорилось ближе к началу данных тезисов об официальных названиях государств. Также и Дионисий Старший в некоторых источниках именуется «архонтом Сицилии», но никогда не «архонтом сицилийцев».

Рассмотрим в качестве особого случая еще такой тип неполисной государственности в Элладе, как так называемый этнос⁵. В архаическую и классическую эпохи он был распространен в менее развитых регионах Балканской Греции, в основном на ее западе и севере (Этолия, Акарнания, Локрида, Фокида, Эпир, Македония и др.). Эти образования весьма мало напоминали полис; не случайно по отношению к одному из них в литературе как-то было употреблено выражение «совершенно не-аристотелевская вселенная»⁶.

Но, кстати, даже в названиях государств такого типа все-таки подчеркивался человеческий, а не территориальный фактор. В источниках они фигурируют как «этолийцы», «фокидяне», «локры» и т. п. Тем не менее в рамках «этносов» территориальная составляющая имела немаловажную специфику, в том числе и большую значимость по сравнению с полисным миром. Достаточно напомнить, скажем, о территориальных захватах македонских царей, начавшихся еще задолго до эпохи эллинизма (особенно преуспел на этой ниве Филипп II), или же об этолийской экспансии с IV в. до н. э.

Вообще говоря, «федерации» эллинистического времени, столь часто трактуемые как новый тип неполисных государственных образований, являлись собой весьма пеструю картину. Этолийский и Ахейский союзы часто рассматривают как явления одного порядка (подаваясь в данном случае влиянию нарративной традиции), а ведь между ними было настолько мало общего,

⁵ О нем теперь см. наиболее подробно: *Morgan C.* Early Greek States beyond the Polis. L.; N. Y., 2003.

⁶ *Davies J. K.* A Wholly Non-Aristotelian Universe: The Molossians as Ethnos, State, and Monarchy // *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece.* Oxf., 2000. P. 234.

что их и сопоставлять-то трудно. Этолийский союз – государство, выросшее из «этноса» (полисы в Этолии не получили сколько-нибудь сильного развития). Совсем другое дело – Ахейский союз. Даже в регионе его первоначального образования, в Ахайе, полисное начало заведомо было более ярко выраженным, чем в периферийной Этолии. Что уж говорить о дальнейшем периоде развития Ахейского союза, когда он включил в себя значительную часть Пелопоннеса (в том числе такие полисные центры, как Сикион, Коринф, аркадский Мегалополь и др.)?

Но на этом мы вынуждены поставить точку – как ввиду исчерпания лимита объема, предложенного для тезисов, так и по той причине, что эпоха эллинизма уже не относится к сфере наших приоритетных интересов. *Feci quod potui; faciant...*

ПИСЬМЕННОСТЬ И ПОЛИТОГЕНЕЗ В АНТИЧНОМ ГРЕЧЕСКОМ МИРЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРЕХ РАЗНОХАРАКТЕРНЫХ ВАРИАНТОВ (АТТИКА, КРИТ, КИПР)*

Сравнительно недавно, в докладе на одних из предыдущих Чтений памяти В. Т. Пашуто, автору этих строк довелось обратиться на древнегреческом материале к теме «письменность и экономика»¹. А теперь вот приходится затронуть на том же материале не менее важную тему «письменность и государственность».

Для нас совершенно несомненно, что специфика политогенеза в каждом конкретном социуме связана со спецификой функционирования письменности в том же социуме (имеются в виду тип письма, сферы его применения, степень распространенности). Говоря пока в самой общей форме, обратимся хотя бы к такому примеру.

Отнюдь нельзя считать чисто случайным совпадением по хронологии тот факт, что в античной Греции абсолютно в одно и то же время имели место два чрезвычайно важных явления: с одной стороны, формирование государственности в уникальной по мировым масштабам полисной форме, с другой же стороны – появление и распространение алфавитной письменности, тоже вещи для тех времен абсолютно беспрецедентной.

Можно данный тезис даже конкретизировать путем сопоставления диахронного развития двух процессов. В IX в. до н. э. оба они, так сказать, «балансируют на грани»: в сфере политогенеза протополисы еще не оформились в полисы, но уже близки к тому, а в сфере письменности греческий алфавит тоже еще не возник, но тоже всё к тому идет (возможно, его появление следует-таки отнести к самому концу этого столетия); во всяком случае, с протоалфавитным письмом финикийцев в некоторых регионах Эллады² греки уже сталкиваются.

* Впервые опубликовано в: Восточная Европа в древности и средневековье: Письменность как элемент государственной инфраструктуры. М., 2016. С. 272–277.

¹ Суриков И. Е. Были ли экономическими причины появления алфавитной письменности в античной Греции? // Восточная Европа в древности и средневековье: экономические основы формирования государства в древности и средневековье. М., 2013. С. 245–249.

² Например, на том же Крите, см. *Coldstream J. N. Geometric Greece: 900–700 BC*. 2 ed. L.; N. Y., 2003. P. 405.

Далее, в VIII в. до н. э. начинается процесс становления полиса³, и в том же столетии памятники греческой алфавитной письменности уже однозначно зафиксированы⁴, но пока они еще очень редки. Во всяком случае, в первой половине века; но и это закономерно: «старт» процесса формирования полиса в развитых регионах тогдашней Греции (как Афины, Аргос, Коринф) относят как раз к периоду около 750 г. до н. э.⁵

Наконец, в VII в. до н. э. полис (пока как архаический полис⁶) уже вполне сложился, и опять же совершенно не случайно, что тогда же в греческом мире начинает несравненно более широко употребляться письменность, причем для самых разных целей – от фиксирования законов и вплоть до досужих «туристских» надписей на достопримечательностях в духе «Киса и Ося были здесь» (да, это не шутка; см. наш комментированный перевод того, что понаписали греки в начале VI в. до н. э. на ноге колоссальной статуи Рамсеса II в Абу-Симбеле, на юге Египта⁷).

Сразу хотим подчеркнуть: пожалуй, нельзя усматривать в имеющемся материале прямой и однозначной зависимости по принципу «чем развитее регион – тем употребительнее в нем письменность». Тем не менее даже и на этом более конкретном уровне можно уловить некую системную связь между особенностями политогенеза и особенностями письменной традиции. Далее как раз на этом мы и остановимся, проведя сопоставительный анализ трех очень не похожих друг на друга примеров.

1) Афины уже в VI в. до н. э., в результате реформ Солона, встали в полном смысле слова на путь «модернизации». В результате этот полис с какого-то момента начал сильно отличаться по своей государственной инфраструктуре от всех остальных. Особенно сильно это ощущалось в V–IV вв. до н. э., когда

³ Snodgrass A. M. *Archaic Greece: The Age of Experiment*. Berkeley, 1981; Starr C. G. *Individual and Community: The Rise of the Polis 800–500 B.C.* Oxf., 1986; Hall J. M. *A History of the Archaic Greek World ca. 1200–479 BCE*. 2 ed. Oxf., 2014.

⁴ См. к вопросу важную монографию: Powell B. B. *Homer and the Origin of the Greek Alphabet*. Cambridge, 1991.

⁵ Morris I. *Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State*. Cambridge, 1987; KǎivM. *Ancient Tradition and Early Greek History: The Origins of States in Early-Archaic Sparta, Argos and Corinth*. Tallinn, 2003; Суриков И. Е. Афины в VIII–VII вв. до н. э.: становление архаического полиса (К вопросу о степени специфичности «аттического варианта») // ВДИ. 2013. № 4. С. 23–43.

⁶ См. к типологии: Суриков И. Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций. М., 2010. С. 14 сл.

⁷ Суриков И. Е. Многоликая Клио: Антология античной исторической мысли. Т. 1: Возникновение исторической мысли и становление исторической науки в Древней Греции. СПб., 2014. С. 232.

функционировала классическая афинская демократия. В тот же период и судьбы письменности в Афинах были, в общем-то, иными, нежели в каком-либо другом месте Эллады.

Письменных памятников, происходящих из Афин, сохранилось, как известно каждому, чрезвычайно много. Речь идет о памятниках практически всех возможных категорий. Если говорить о древнегреческой нарративной традиции, то ведь «львиную долю» в ней (во всяком случае, если говорить о доэллинистическом времени, а только оно нас здесь и интересует) занимают сочинения афинских авторов (афинских если не по месту рождения, то, по крайней мере, по факту многолетнего пребывания в «городе Паллады» – вспомним Анаксагора, Протагора, Лисия, Аристотеля, Эфора, Феопомпа – да имя им легион).

Если говорить об эпиграфических памятниках, перед нами аналогичная ситуация – ни из какого иного центра не имеется столь же много лапидарных надписей, сколь из Аттики. Вспомним хотя бы о знаменитых декретах (псефисмах) афинского народного собрания, которые являются воистину украшением любого издания лучших образчиков греческой эпиграфики.

Есть, правда, мнение (его наиболее убежденно отстаивает Ч. Хедрик), согласно которому большинство афинских граждан не могли прочесть надписи общественного характера, в огромном количестве выставленные повсюду на территории города. Эти надписи, таким образом, вырезались не для того, чтобы их читали, а для того, чтобы служить своего рода символами демократии⁸. Но тут перед нами явно утрированное суждение. Изготавливать монументальные эпиграфические памятники, размером порой в сотни строк, и при этом предназначенные не для чтения, а для чего-то другого? Это отдает абсурдом. Кроме того, действительно массовое распространение грамотности в Афинах подтверждается большим процентом надписей частного характера (даже уже в архаическую эпоху). А уж самым блестящим свидетельством, говорящим о том же, является обилие таких уникальных и в то же время характерных памятников малой эпиграфики, как остраконы для остракизма⁹, каковых на сегодняшний день открыто более десятка тысяч, и это лишь малая толика от того их количества, которое наличествовало в V в. до н. э.

⁸ *Hedrick Ch. W. Writing and the Athenian Democracy // The Birth of Democracy. Athens, 1993. P. 7–114; Hedrick Ch. W. Writing, Reading, and Democracy // Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis. Oxf., 1994. P. 157–174; Hedrick Ch. W. Ancient History: Monuments and Documents. Oxf., 2006.*

⁹ О них наиболее подробно см. в нашей книге: *Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006.*

2) Полисы Крита, напротив того, характеризовались крайне олигархическим государственным устройством. Соответственно, в них и с письменностью наблюдается совершенно иная ситуация. Дж.-П. Вильсон в данной связи говорит о «писцовой грамотности» (*scribal literacy*), которая определяется так: «Грамотность фактически ограничивается небольшой группой специалистов, для которой умение писать является специализированным (и иногда передающимся по наследству) мастерством»¹⁰. Это значительно ближе к древневосточным обществам. С указанным обстоятельством напрямую связано другое – на Крите публичные надписи (особенно законы) преобладают над частными, даже в чисто количественном отношении. В Афинах всё в точности наоборот, больший контраст трудно себе представить.

Для иллюстрации данного положения дадим в сопоставлении некоторые цифровые данные¹¹. Для хронологического отрезка, охватывающего вторую половину VI в. до н. э., известны следующие эпиграфические памятники из Аттики: 101 посвящение, 66 надгробных надписей, 32 граффити, 531 дипинти (всё это надписи частного характера) и притом 4 закона. А вот соответствующие данные для того же хронологического отрезка на Крите: 2 посвящения, 1 надгробная надпись, 4 граффити, 0 дипинти – и притом 16 законов! Иными словами, законов в два с лишним раза больше, чем всех остальных надписей, вместе взятых. Цифры говорят сами за себя. Но, может быть, данный период являет собой исключение? Что ж, приведем данные для предыдущего, охватывающего первую половину VI в. до н. э. Аттика: 35 посвящений, 12 надгробных надписей, 63 граффити, 45 дипинти – и при этом 0 законов. Крит: 0 посвящений, 0 надгробных надписей, 0 граффити, 0 дипинти – и при этом 7 законов. Как видим, перед нами не какие-то случайные соотношения, а устойчивая тенденция.

3) Ситуация же в эллинских полисах Кипра и вовсе совершенно беспрецедентна. Из всех греков только киприоты вплоть до начала эллинистического времени не перешли на алфавит, а пользовались слоговой письменностью¹², напрямую происходящей, как теперь окончательно доказано¹³, от кипро-минойского письма II тыс. до н. э., созданного еще для догреческого субстратного «этеокипрского» языка. А с точки зрения государственных структур на Кипре тоже имеем положение, не встречающее близких параллелей: в полисах острова –

¹⁰ Wilson J.-P. *Literacy* // *A Companion to Archaic Greece*. Oxf., 2009. P. 560.

¹¹ По: Wilson J.-P. *Op. cit.* P. 560.

¹² Классический труд о ней: Masson O. *Les inscriptions chypriotes syllabiques: Recueil critique et commenté*. P., 1961.

¹³ Egetmeyer M. *From the Cypro-Minoan to the Cypro-Greek Syllabaries: Linguistic Remarks on the Script Reform* // *Syllabic Writing on Cyprus and its Context*. Cambridge, 2013. P. 107–131.

и опять же вплоть до начала эпохи эллинизма¹⁴ – сохранялась традиционная царская власть и бытовали соответствующие реалии, весьма напоминающие те, которые отражены в гомеровских поэмах. Время ликвидации кипрских греческих царств и отказа от слоговой письменности фактически совпадает. Весь этот набор фактов однозначно производит впечатление взаимосвязанных элементов целостного комплекса.

¹⁴ *Mehl A.* Cypriot City Kingdoms: No Problem in the Neo-Assyrian, Late Egyptian and Persian Empires, but why were they Abolished under Macedonian Rule? // *Επετηρίδα του Κέντρου Επιστημονικών Ερευνών (Λευκωσία)*. 2004. Vol. 30. P. 9–21.

ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ КУЛЬТА ПРАВИТЕЛЕЙ В ДОЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ*

Данный очерк – в нем мы ставим перед собой цель обрисовать тот существовавший в греческом мире религиозно-политический фон, на котором в эпоху эллинизма свершилось складывание культа правителей, – неизбежно и с полной четкостью делится на две части. В первой из них будут рассмотрены релевантные процессы, имевшие место до конца V в. до н. э.; хронологические рамки второй можно обозначить как «от завершения Пелопоннесской войны до установления македонской гегемонии» (иными словами, речь идет о позднеклассическом периоде). Дело в том, что на двух обозначенных этапах ситуация в связи с предпосылками формирования культа правителей была во многом принципиально различной: применительно к первому из них можно говорить о «латентной фазе», в то время как на втором «кристаллизация» феномена резко интенсифицировалась, так что это стало заметно даже невооруженным взглядом.

I

До конца V в. до н. э. в рамках полисного мира эллинов вообще не приходится говорить в какой бы то ни было связи о культе правителей в строгом смысле слова. Однако всё же имели место элементы сакрализации носителей власти¹; об этом далее и пойдет речь.

Даже и таковая сакрализация натывалась на весьма серьезные препятствия, связанные со вполне очевидным фактором – пресловутым полисным характером древнегреческой цивилизации времен архаики и классики. Пестрый конгломерат полисов, раскинувшийся далеко за пределы Эгейского бассейна, охвативший собой значительную часть средиземноморских и черноморских побережий, при всех имевшихся различиях являл собой – за редкими исключениями, которые по понятным причинам будут представлять для нас особый интерес, – картину стабильного республиканского, а не монархического

* Впервые опубликовано в: «Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире. М.; СПб., 2016. С. 34–75.

¹ Нам уже доводилось об этом писать: *Суриков И. Е.* Status versus charisma: сакрализация правителя в Греции и греческом мире I тыс. до н. э. // Сакрализация власти в истории цивилизаций. М., 2005. Ч. II–III. С. 7–34. Естественно, в дальнейшем изложении мы будем в определенной степени опираться на результаты, полученные в указанной работе.

государственного устройства². Эта политическая система характеризовалась высшим суверенитетом гражданского коллектива, практическим отсутствием бюрократического аппарата, выборностью должностных лиц. В подобных условиях, как правило, не получает реального наполнения и категория «правителя» как таковая. В самом деле, не называть же правителями ежегодно сменявшихся, подотчетных народному собранию или Совету (в зависимости от того, идет ли речь о демократическом или олигархическом полисе), обладавших ограниченными полномочиями магистратов.

Равным образом греческому религиозному менталитету был свойствен ряд весьма специфичных черт. В частности, в условиях полисной государственности оказывается весьма расплывчатой (а в рамках каждого отдельного полиса, пожалуй, даже просто irrelevantной) известная оппозиция «сакральное» – «профанное». Строго говоря, не вполне ясно, имелось ли в греческом полисе вообще хоть что-нибудь в полном смысле слова профанное³. В сущности, было сакрализовано буквально все, любая сфера общественной деятельности. Полис являлся не только политическим, но и религиозным феноменом. Часто отмечают тесную связь религиозных структур полиса с политическими, государственными⁴. Такая формулировка кажется нам, пожалуй, даже недостаточной, слишком слабой. Вернее было бы сказать, что религиозные и государственные структуры в принципе совпадали⁵.

Конечно, нельзя сказать, что в полисе все было наделено равной степенью сакральности. Понятно, что, например, такие центры общественной (в том числе культовой) жизни, как акрополь или агора, считались сакральными в большей мере, нежели обычные улицы или дома граждан. И тем не менее здесь налицо лишь «количественное», а не «качественное» различие. По большому

² О несовместимости типичного полиса с монархией см.: *Runciman W. G. Doomed to Extinction: The Polis as an Evolutionary Dead-end // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 348.*

³ Ср.: *Jones J. W. The Law and Legal Theory of the Greeks: An Introduction. Oxf., 1956. P. 32; Finley M. I. Early Greece: The Bronze and Archaic Ages. 2 ed. L., 1981. P. 129; Maffi A. Τὰ ἱερὰ καὶ τὰ ὄσια. Contributo allo studio della terminologia giuridico-sacrale greca // Symposium 1977: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1982. S. 33–53; Суриков И. Е. Категория сакрального в пространственной модели античного греческого полиса // Восточная Европа в древности и средневековье: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. М., 2006. С. 181–186.*

⁴ Например: *Ehrenberg V. The People of Aristophanes. 2 ed. Oxf., 1951. P. 253 ff.; Flacelière R. La vie quotidienne en Grèce au siècle de Périclès. P., 1960. P. 236 s.; Vernant J.-P., Vidal-Naquet P. Mythe et tragédie en Grèce ancienne. P., 1986. T. 2. P. 22–23.*

⁵ Подробнее см.: *Суриков И. Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций. М., 2010. С. 23 сл.*

счету, граница между сакральной и профанной зонами для жителей полиса пролегла на его границах.

Таким образом, полис в норме был миром деперсонифицированной государственности⁶ и, как следствие, всеобщей и деперсонифицированной же сакральности. Может показаться, что в подобных условиях не оставалось вообще никакого места для сакрализации личности правителя. Но, как ни парадоксально, такое суждение будет неверным. Более того, в тех случаях, когда в полисе все-таки существовал или возникал режим личной власти, сакрализация носителя этой власти оказывалась закономерной и даже необходимой. Такой режим в вышеописанной религиозно-идеологической среде мог восприниматься населением как легитимный и обрести стабильность лишь в том случае, если он имел сакральную санкцию, по меньшей мере не уступавшую (а желательно – превосходившую) сакральной санкции, которой обладал полис в целом.

Сакрализации личности правителя способствовало и наличие такого специфического элемента древнегреческой религии, как почитание героев – особой категории сверхъестественных существ, находившейся на грани божественного и человеческого миров⁷. Если обожествление человека для греков доэллинистического времени⁸ было делом практически немыслимым, то героизация – не только вполне возможной, но и нередко практиковавшейся.

⁶ О деперсонифицированном характере полисной государственности см. также: *Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988. С. 58 сл.

⁷ О культе героев в Греции и его эволюции см., например: *Rose H. J.* The Degradation of Heroes // *Studies Presented to D. M. Robinson*. St. Louis, 1953. Vol. 2. P. 1052–1057; *Easterling P. E.* Constructing the Heroic // *Greek Tragedy and the Historian*. Oxf., 1997. P. 21–37; *Lemos I.* Songs for Heroes: The Lack of Images in Early Greece // *Word and Image in Ancient Greece*. Edinburgh, 2000. P. 11–21; *Mills D. H.* The Hero and the Sea: Patterns of Chaos in Ancient Myth. Wauconda, 2003; *Nagy G.* The Epic Hero // *A Companion to Ancient Epic*. Oxf., 2005. P. 71–89; *Finkelberg M.* Greeks and Pre-Greeks: Aegean Prehistory and Greek Heroic Tradition. Cambridge, 2006; *Wees H. van.* From Kings to Demigods: Epic Heroes and Social Change c. 750–600 BC // *Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer*. Edinburgh, 2006. P. 363–379; *Antonaccio C.* Religion, *Basileus* and Heroes // *Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer*. Edinburgh, 2006. P. 381–395; *Ekroth G.* Heroes and Hero-Cults // *A Companion to Greek Religion*. Oxf., 2007. P. 100–114; *Minchin E.* The Language of Heroes and the Language of Heroines: Storytelling in Oral Traditional Epic // *Politics of Orality*. Leiden; Boston, 2007. P. 3–38; *Calame C.* Identities of Gods and Heroes: Athenian Garden Sanctuaries and Gendered Rites of Passage // *The Gods of Ancient Greece: Identities and Transformations*. Edinburgh, 2010. P. 245–269; *Jones C. P.* New Heroes in Antiquity: From Achilles to Antinoos. Cambridge, MA, 2010; *Yoon F.* The Use of Anonymous Characters in Greek Tragedy: The Shaping of Heroes. Leiden; Boston, 2012.

⁸ Точнее, до начала предэллинизма (подробнее см. ниже, во второй части данного очерка).

Круг героев был не сомкнут, не ограничивался персонажами древних мифов и продолжал пополняться в историческое время – не только в архаическую, но еще и в классическую эпоху⁹. В частности, как правило, героизировались, становясь объектами культа, ойкисты (ктисты) – основатели новых полисов (обычно в зоне колонизации)¹⁰. Правда, их героизация была посмертной. И отсюда один шаг до признания особого сакрального статуса индивида и при жизни. Понятно, что человека, который после кончины обречен был стать героем, сограждане должны были воспринимать уже не как простого смертного¹¹. Высоким прижизненным сакральным статусом (хотя и отличным от героического в точном значении слова) обладали победители в панэллинских Олимпийских играх (олимпионики)¹², зачастую активно участвовавшие в политической жизни.

И еще один нюанс следует оговорить, прежде чем перейти к основной тематике исследования. Как известно, греческий полисный мир I тыс. до н. э. представляет собой, так сказать, «вторую попытку» создания цивилизации в Эгейском бассейне. В связи с этим нельзя не сказать хотя бы несколько слов о том, какие формы принимала сакрализация правителей в крито-микенскую эпоху. Насколько можно судить из имеющегося в нашем распоряжении весьма скудного материала (документального, археологического, лингвистического), в «дворцовых государствах» минойского Крита и ахейской Греции II тыс. до н. э. цари были объектом статусной сакрализации (не исключено, даже обожествления)¹³ независимо от своих личных качеств и при, похоже,

⁹ Ср. героизацию драматурга Софокла (под именем Дексионa) в конце V в. до н. э. (о ней см.: *Суриков И. Е.* Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э. М., 2002. С. 270). Софокл был причислен к героям, конечно, не за свое поэтическое творчество, а за учреждение в Афинах культа Асклепия (об этом событии см.: *Auffarth C.* Aufnahme und Zurückweisung «Neuer Götter» im spätklassischen Athen // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.* Stuttgart, 1995. S. 342 ff.).

¹⁰ О культе ойкистов см. в работах: *Leschhorn W.* «Gründer der Stadt»: Studien zu einem politisch-religiösen Phänomen der griechischen Geschichte. Stuttgart, 1984; *Malkin I.* Religion and Colonization in Ancient Greece. Leiden, 1987.

¹¹ Ср. совершенно правомерные замечания по этому поводу в книге: *Зелинский Ф. Ф.* Религия эллинизма. Томск, 1996.

¹² *Зельин К. К.* Олимпионики и тираны // ВДИ. 1962. № 4. С. 21–29; *Суриков И. Е.* Олимпийские игры и греческая скульптура конца VI – V в. до н. э. // *Античность: общество и идеи.* Казань, 2001. С. 258; *Суриков И. Е.* Афинская аристократия и Олимпийские игры (просопографический этюд) // *Норция.* Воронеж, 2009. Вып. 6. С. 21–38.

¹³ Интересно, в частности, что микенский царский титул «анакт» (wa-na-ka) использовался применительно не только к земным правителям, но и к богам: *Молчанов А. А., Нерозник В. П., Шарыткин С. Я.* Памятники древнейшей греческой письменности (введение в микенологию). М., 1988. С. 40; *Palaima T. G.* *Wanaks* and Related Power Terms in Mycenaean

довольно незначительном объеме реальной власти. Резонно обратить внимание, в частности, на следующий факт: в крито-микенском мире практически не фиксируется столь характерный для древних обществ феномен храма как специально религиозной структуры. Функцию храма, наряду со многими другими, выполнял дворец. Возможно даже, что именно культовые полномочия царя были самыми важными. Во всяком случае, прерогатива военного командования делегировалась отдельному вельможе – лавагету, занимавшему второе место в государственной иерархии.

После этих предварительных соображений имеет смысл уже более конкретно рассмотреть факты, определяемые тематикой исследования. Говоря о формах сакрализации правителя в архаической и раннеклассической Греции, следует обратить внимание на наличие в этой области религиозно-политической идеологии и практики двух совершенно различных парадигм – различных и по времени происхождения, и по этиологии, и по интенциям. С одной стороны, в подавляющем большинстве раннеархаических полисов (если бы не диктуемая скудостью имеющейся информации осторожность, может быть, чрезмерная, следовало бы сказать – во всех раннеархаических полисах) сохранялся еще институт правителей, носивших титул «басилей» (βασιλεὺς), что обычно переводится на русский как ‘царь’¹⁴. Басилеи являлись деградировавшими и измельчавшими наследниками могущественных ахейских анактов¹⁵, пытавшимися – хотя в меньших масштабах и имея в своем распоряжении несравненно меньшие средства – реализовать ту же модель власти. По традиции басилеи оставались объектом статусной сакрализации, то есть сакрализован был титул, а не личности конкретных правителей. Об обожествлении басилея речи

and Later Greek // *Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer*. Edinburgh, 2006. P. 53–71; *Carlier P.* Ἀναξ and βασιλεὺς in the Homeric Poems // *Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer*. Edinburgh, 2006. P. 101–109.

¹⁴ Наиболее фундаментальные исследования о раннегреческих басилеях: *Drews R.* Basileus: The Evidence for Kingship in Geometric Greece. New Haven, 1983 (эта монография, правда, отличается гиперкритическим отношением к свидетельствам источников); *Lenz J. R.* Kings and the Ideology of Kingship in Early Greece (c. 1200 – 700 B.C.). Diss. N. Y., 1993. В более широкой исторической перспективе см. в работе: *Carlier P.* La royauté en Grèce avant Alexandre. Strasbourg, 1984.

¹⁵ В Микенской Греции II тыс. до н. э. басилеи (*qa-si-re-u*) – правители не слишком высокого ранга, возглавлявшие отдельные сельские общины и подчинявшиеся анакту. После распада «дворцовых государств» и ликвидации института анактов басилеи остались «последней инстанцией», взяв суверенитет в свои руки. См. на примере Кипра: *Iacovou M.* From the Mycenaean *qa-si-re-u* to the Cypriote *pa-si-le-wo-se*: The *Basileus* in the Kingdoms of Cyprus // *Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer*. Edinburgh, 2006. P. 315–335. Хотя нельзя не оговорить, что кипрские реалии в данной сфере имели определенную специфику.

быть уже не могло; сакрализация проявлялась прежде всего в том, что базилей исполнял функции верховного жреца, предстоятеля и представителя общины перед миром божеств.

Со временем базилеи из пожизненных и наследственных вождей полиса превратились в выборных должностных лиц, причем не самых влиятельных в государстве¹⁶. Однако религиозный компонент их былых полномочий – а как раз это интересует нас здесь в первую очередь – был ими практически полностью удержан. Особенно ясно это видно на лучше всего известном из источников примере Афин. В афинском полисе классической эпохи одним из членов коллегии девяти архонтов был архонт-базилей – прямой преемник древних царей, о чем говорит уже название этой магистратуры¹⁷. По своим прерогативам, о которых наиболее подробно сообщает Аристотель (Ath. pol. 57), он может быть с полным правом определен как верховный жрец государства, являвшийся высшей инстанцией в религиозной области и осуществлявший надзор над полисным культом. В непосредственном ведении архонта-базилея находилось большинство афинских религиозных праздников¹⁸. То же должностное лицо имело и некоторые судебные функции, причем распространявшиеся преимущественно на сферу сакральной жизни. Так, базилей разбирал споры между жрецами, председательствовал в судебных процессах по делам о «нечестии» (ἀσεβεια)¹⁹, то есть о правонарушениях в религиозной области, а также по делам об убийствах, которым также придавалось подчеркнуто религиозное значение²⁰.

¹⁶ Этот процесс подробнее очерчен в нашей работе: *Суриков И. Е.* Архонтат в Афинах: от истоков института до утраты им исторического значения // ВДИ. 2012. № 2. С. 29–54.

¹⁷ О магистратуре архонта-базилея в Афинах см.: *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. Ч. 1: Государственные и военные древности. СПб., 1997. С. 221–222; *Ленская В. С.* Архонт-базилевс в Афинах // ВДИ. 2001. № 4. С. 126–141.

¹⁸ Впрочем, не все без исключения. Некоторые праздники, учрежденные позже остальных (в частности, Великие Дионисии, берущие свое начало в VI в. до н. э.), находились в ведении не базилея, а другого магистрата – архонта-эпонима. Очевидно, начиная с какого-то момента новые праздники в компетенцию базилея уже не передавались, но его традиционные полномочия оставались неприкосновенными (урезать их означало бы серьезное нарушение «отеческих» сакральных обычаев). Об афинских религиозных праздниках в целом см.: *Deubner L.* Attische Feste. B., 1932; *Parke H. W.* Festivals of the Athenians. L., 1977; *Simon E.* Festivals of Attica: An Archaeological Commentary. Madison, 1983.

¹⁹ О процессах такого рода см.: *Суриков И. Е.* Эволюция религиозного сознания... С. 86 сл. (со ссылками на источники и литературу).

²⁰ *Gagarin M.* The Basileus in Athenian Homicide Law // Polis & Politics: Studies in Ancient Greek History Presented to M. Hansen on his Sixtieth Birthday. Copenhagen, 2000. P. 569–579. В целом по поводу той сферы афинского права, которая имела касательство к религиозной сфере, см., в числе прочих работ: *MacDowell D. M.* Athenian Homicide

Пожалуй, ни в чем так отчетливо не проявлялся сакральный статус архонта-басилея, как в ритуале «священного брака» (ἱερὸς γάμος) его супруги с богом Дионисом, осуществлявшемся раз в год, на празднике Анфестерий (об этом ритуале см.: Demosth. LIX. 73 sqq.; Arist. Ath. pol. 3. 5). Этот же ритуал демонстрирует и другое – именно статусный, а не личностный характер сакрализации. В классическую эпоху в Афинах басилей выбирался посредством жеребьевки, занимал свой пост в течение одного года. На каждых следующих Анфестериях, таким образом, в качестве «мистической супруги» божества выступала новая женщина, однако, как считалось, ритуал не становился от этого менее действенным.

Переходя от Афин к другому важнейшему (и тоже относительно хорошо освещенному в источниках) древнегреческому полису – Спарте, – мы обнаруживаем материал, который в еще большей степени подкрепляет сделанные выше наблюдения. Царская власть в Спарте, по точному замечанию В. В. Латышева, «по своему значению и прерогативам весьма близко подходила к царской власти героического периода»²¹. Иными словами, спартанские басилеи²² могут рассматриваться как наиболее чистый, не искаженный переменами конкретный пример «парадигмы басилея» вообще²³. Рассматривая же положение царей в спартанской «общине равных (гомеев)» (наиболее подробно об этом см.: Herod. V. 56–58; Xenoph. Lac. pol. 13; 15), невозможно не заметить их ярко выраженную статусную сакрализацию. В сущности, единственными гражданами позднеархаической и классической («ликурговой») Спарты, на которых не распространялись нормы всеобщего равенства, были именно цари. В этом смысле они могут считаться даже как бы «чуждым», неорганичным элементом в сформировавшемся полисе, законсервированным «осколком прошлого»²⁴. Порой создается впечатление, что их «неравенство» прочим спартиатам, привилегированность просто-таки нарочито утрировались. Так, на знаменитых

Law in the Age of the Orators. Manchester, 1963; *Stroud R. S.* Drakon's Law on Homicide. Berkeley, 1968; *Gagarin M.* Drakon and Early Athenian Homicide Law. New Haven, 1981; *Mélèze Modrzejewski J.* La sanction de l'homicide en droit grec et hellénistique // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 3–16; *Boegehold A. L. et al.* The Lawcourts at Athens (The Athenian Agora. Vol. 28). Princeton, 1995. P. 43–50.

²¹ Латышев В. В. Указ. соч. С. 97.

²² О спартанских царях в целом см.: *Bradford A. S.* Leonidas and the Kings of Sparta: Mightiest Warriors, Fairest Kingdom. Santa Barbara, 2011.

²³ Разве что такая черта, как двойной характер царской власти, когда на престоле одновременно находились два царя из разных династий (Агиадов и Еврипontiдов), отличает Спарту от других полисов.

²⁴ Ср.: *Georges P.* Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon. Baltimore, 1994. P. 152–157.

совместных трапезах (сисситиях) цари (они и, естественно, только они) получали двойную порцию.

Главные из царских обязанностей лежали в сфере культа. Басилеи (точнее, архагеты – таков был, судя по всему, официальный титул царя в Спарте) возглавляли религиозную жизнь общины: занимали *ex officio* две главные жреческие должности (жрецов Зевса Лакедемонского и Зевса Небесного), заведовали сношениями государства с Дельфийским оракулом, совершали важнейшие жертвоприношения, выносили решения по некоторым судебным делам (очевидно, изначально имевшим сакральные коннотации). Ни в чем, однако, так ярко не виден сакральный статус спартанских царей, как в ритуалах, связанных с их похоронами. В целом спартанцы очень рано (по преданию, еще при Ликурге) до предела упростили погребальный обряд, сделав его одинаково скромным для всех граждан (Plut. Lycurg. 27)²⁵. Но опять-таки для царей и в этой сфере делалось демонстративное (именно демонстративное!) исключение. Их уход из жизни сопровождался необычайно пышными церемониями – пышными по меркам любого греческого полиса, а не только суровой Спарты, куда больше напоминающими похороны восточных монархов. Ксенофонт, прекрасно знавший спартанские реалии, прямо пишет (Lac. pol. 15. 9): «Что же касается почестей, оказываемых почившему царю, то законы Ликурга тем самым хотят показать, что цари лакедемонян почитаются не как люди, но как герои». Иными словами, спартанские архагеты были объектом полномасштабной героизации.

Сакрализация, о которой идет речь, была чисто статусной: ей подлежал любой носитель царского титула независимо от своих личных качеств. Она сочеталась, далее, со значительно менее высоким статусом в политической жизни. «Профанная» власть царя была сильно ограниченной. Даже на полях сражений архагеты, несмотря на то что в военное время они принимали на себя верховное командование, отнюдь не являлись полномочными в своих решениях. По сути дела, в наиболее принципиальных стратегических вопросах они выполняли волю геронтов и эфоров, направлявших им скиталы (специальные шифрованные послания) или лично присутствовавших при войске. Не говорим уже о том, что царь мог быть отстранен от власти, наказан, подвергнут изгнанию, даже казнен, и примеров всему этому более чем достаточно в спартанской истории²⁶. Глубоко симптоматичен тот факт, что те из спартанских царей,

²⁵ Подробнее см.: Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 111–112.

²⁶ Характерно, кстати, что поводы для отстранения царей в спартанской истории были чаще всего религиозными (небесные знамения, физические недостатки, нечистокровное происхождение).

которые являлись сколько-нибудь яркими и амбициозными личностями²⁷, в какой-то момент начинали тяготиться существующим положением вещей и вступали в борьбу (обычно обреченную для них на поражение) с другими органами власти за расширение своих полномочий, высвобождение из-под чужого контроля²⁸. В то же время цари-посредственности (таковых было значительно больше) вполне удовлетворялись престижным положением «священно-го символа» государства и не стремились к большему.

Наряду с обрисованной выше моделью сакрализации (условно назовем ее «моделью басилея»), уже в эпоху архаики отходившей в прошлое, необходимо теперь рассмотреть возникшую в тот же период (с VII в. до н. э.) принципиально иную модель, которая может быть определена как «модель тирана». Сами слова «тирания», «тиран» заимствуются в греческий язык из Малой Азии именно в это время (первое упоминание – Archiloch. fr. 19 West), дабы маркировать новый, ранее не существовавший в Элладе политический феномен²⁹. Тиран (τύραννος) отличался, в понимании греков, от басилея тем, что был правителем-узурпатором, пришедшим к власти не наследственным путем, а ее прямым захватом³⁰. О тиранических режимах эпохи архаики (так называемая старшая тирания) существует достаточно обширная литература³¹. Поэтому

²⁷ Пожалуй, самый яркий пример такого рода – Клеомен I, царствовавший на рубеже VI–V вв. до н. э. Мы в свое время посвятили ему главу в монографии: Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 211 сл.

²⁸ См. о некоторых из таких случаев (помимо упомянутой в предыдущей сноске нашей главы о Клеомене I): Строгоцкий В. М. Истоки конфликта эфората и царской власти в Спарте // Античный полис. Л., 1979. С. 42–57; Строгоцкий В. М. Некоторые особенности внутриполитической борьбы в Спарте в конце VI – начале V в. до н. э. Клеомен и Демарат // ВДИ. 1982. № 3. С. 38–49; Строгоцкий В. М. Политическая борьба в Спарте в 70-е годы V в. до н. э. (дело Павсания) // Проблемы античной государственности. Л., 1982. С. 60–85.

²⁹ Forrest W. G. The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800–400 B.C. L., 1966. P. 78.

³⁰ Не исключено, что образцом для первых греческих тиранов послужил переворот Гигеса в Лидии, о времени которого см.: Грантовский Э. А. Иран и иранцы до Ахеменидов. М., 1988. С. 157.

³¹ Укажем лишь важнейшие исследования: Andrewes A. The Greek Tyrants. N. Y., 1963; Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. Bd 1–2. München, 1968 (имеется русский перевод, к сожалению не включивший в себя обширного научного аппарата работы: Берве Г. Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997); Mossé C. La tyrannie dans la Grèce antique. P., 1969; Stahl M. Aristokraten und Tyrannen im archaischen Athen: Untersuchungen zur Überlieferung, zur Sozialstruktur und zur Entstehung des Staates. Stuttgart, 1987; Barcelò P. Basileia, Monarchia, Tyrannis. Untersuchungen zu Entwicklung und Beurteilung von Alleinherrschaft im vorhellenistischen Griechenland. Stuttgart, 1993; Giorgini G. La città e il tiranno. Varese, 1993; Libero L. de. Die archaische Tyrannis. Stuttgart, 1996.

в рамках данной работы мы ограничимся лишь несколькими замечаниями, имеющими прямое отношение к ее тематике.

Сакрализация власти тирана, в противоположность власти басилея, была не статусной, а в полной мере личностно-харизматической. Титул тирана не мог стать объектом сакрализации уже по той причине, что такого титула просто не существовало³². В своих официальных сношениях (как внутрисполитических, так и межполитических) тираны могли принимать те или иные престижные титулы (именоваться, например, архонтами, простатами, в некоторых случаях, – впрочем, редких, – возможно, также басилеями³³) или же просто не носить никаких титулов, не оформляя, таким образом, своей власти институционально.

Главным же для обретения тираном сакрального статуса в полисе была, бесспорно, приписываемая ему божественная харизма. Тираны (в отличие от басилеев, чья сакральность признавалась всеми по традиции) должны были прилагать сознательные и весьма интенсивные усилия для прокламирования своего «сверхчеловеческого» статуса. Для этого они распространяли рассказы о знамениях, имевших место при их рождении; подчеркивали свои особые связи с богами (как через происхождение от небожителей, так и через получение от них специальной санкции на власть); уподобляли себя древним мифологическим героям, реанимируя старинные мифы и ритуалы и наполняя их новым смыслом³⁴, поддерживали активные контакты с наиболее авторитетными святынями (в частности, с Дельфийским оракулом)³⁵; участвовали и побеждали в Олимпийских или иных панэллинских играх; избирали местом своей резиденции главную городскую святыню – акрополь, где, кроме них, никто не жил, а находились только храмы; осуществляли реформы политических структур, позволявшие назвать тирана «новым основателем» города с присвоением статуса

³² Противоположную точку зрения (впрочем, не подкрепленную достаточно убедительными аргументами) см.: *Высокий М. Ф.* Тирания: к вопросу о терминологии // *Власть, человек, общество в античном мире*. М., 1997. С. 182–196.

³³ *Oost S. I.* The Tyrant Kings of Syracuse // *Classical Philology*. 1976. Vol. 71. No. 3. P. 224–236. Неправомерным, однако, представляется подход некоторых исследователей (например: *Туманс Х.* Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). СПб., 2002. С. 299), считающих, что именование тирана басилеем было нормой.

³⁴ *Connor W. R.* Tribes, Festivals and Processions: Civic Ceremonial and Political Manipulation in Archaic Greece // *Journal of Hellenic Studies*. 1987. Vol. 107. P. 40–50; *Boardman J.* Herakles, Peisistratos, and the Unconvinced // *Journal of Hellenic Studies*. 1989. Vol. 109. P. 158–159; *Андреев Ю. В.* Тираны и герои. Историческая стилизация в политической практике старшей тирании // *ВДИ*. 1999. № 1. С. 3–7.

³⁵ *Макаров И. А.* Тирания и Дельфы в рамках политической истории Греции второй половины VII – VI в. до н. э. // *ВДИ*. 1995. № 4. С. 117–131; *Brandt H.* Pythia, Apollon und die älteren griechischen Tyrannen // *Chiron*. 1998. Bd 28. S. 193–212.

«ктиста». В целом политика тиранов в сфере культовой жизни полиса была чрезвычайно многогранной и целеустремленной³⁶. Ее элементами оказываются возведение храмов и других построек религиозного характера, учреждение новых культов, организация празднеств (или реорганизация существовавших ранее) и т. п.

Практически все перечисленное прослеживается, в частности, в карьере того тирана, жизнь и деятельность которого лучше всего освещена в источниках, – Писистрата Афинского (см. о нем наиболее подробно: Herod. I. 59–64; Arist. Ath. pol. 14–16). Присматриваясь к этой яркой фигуре³⁷, мы обнаруживаем и легенду о божественном предзнаменовании, якобы полученном отцом Писистрата, и воспроизведение им в ритуализованной форме (при возвращении к власти из изгнания в 557 г. до н. э.) авторитетного архетипа *ἱερός γάμος*, и особое внимание тирана к разного рода оракулам и предсказаниям, относящимся к его власти, и, наконец, активнейшую религиозную политику – как внутри полиса, так и на межгосударственном уровне. Достаточно вспомнить, что при Писистрате в Афинах появились (как на акрополе, так и за его пределами) первые каменные храмы, был учрежден ряд важнейших полисных празднеств (в том числе Великие Дионисии³⁸), что он поставил под свой контроль

³⁶ О различных аспектах религиозной политики архаических тиранов см., в числе прочих работ: Kolb F. Die Bau-, Religions- und Kulturpolitik der Peisistratiden // *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*. 1977. Bd 92. S. 99–138; Shear T. L. Tyrants and Buildings in Archaic Athens // *Athens Come of Age: From Solon to Salamis*. Princeton, 1978. P. 1–19; Young P. H. Building Projects and Archaic Greek Tyrants. Diss. Pennsylvania Univ., 1980; Shapiro H. A. Painting, Politics, and Genealogy: Peisistratos and the Neleids // *Ancient Greek Art and Iconography*. Madison, 1983. P. 87–96; Shapiro H. A. Art and Cult under the Tyrants in Athens. Mainz, 1989; Залобовина Г. Т., Щербakov В. И. Афины в период становления гражданской общины: афинские тираны и полисная религия // *Ранние цивилизации: государство и право*. М., 1994. С. 17–33; Молчанов А. А., Суриков И. Е. Писистратиды – потомки отказавших в гостеприимстве (Актуализация династического мифа) // *Закон и обычай гостеприимства в античном мире*. М., 1999. С. 122–130; Туманс Х. Идеологические аспекты власти Писистрата // *ВДИ*. 2001. № 4. С. 12–45.

³⁷ В связи с тиранией Писистрата и его сыновей ныне наиболее ценны работы Б. Лейвелла. См.: Lavelle B. M. The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids, c. 560–510 B.C. Stuttgart, 1993; Lavelle B. M. Fame, Money, and Power: The Rise of Peisistratos and «Democratic» Tyranny at Athens. Ann Arbor, 2005.

³⁸ Недавно была высказана точка зрения, согласно которой Великие Дионисии были учреждены не при Писистрате, а позже, после учреждения Клисфеном демократии в Афинах: Connor W. R. City Dionysia and Athenian Democracy // *Aspects of Athenian Democracy*. Copenhagen, 1990. P. 9 ff. Однако это не более чем проявление модной ныне в антиковедении тенденции отрицать какие бы то ни было исторические достижения тиранов (критику этой тенденции см.: Shear T. L. Op. cit.; Salmon J. Lopping off the Heads? Tyrants, Politics

священный остров Делос и совершил его культовое очищение, боролся за влияние в Дельфах (правда, потерпев в этом поражение) и т. п.

Тираны стремились в полном смысле слова возглавить религиозную жизнь гражданской общины и преуспевали в этом. Характерно, однако, что они, насколько известно, не принимали жреческих должностей³⁹. Собственно, им это было и не нужно: они обладали более высоким сакральным статусом, чем жреческий, – статусом, практически идентичным статусу героя. Именно поэтому тираны чрезвычайно болезненно воспринимали появление в полисе других лиц, чей сакральный статус был так же (если не более) высок, – олимпиоников. В них видели потенциальных конкурентов (даже если олимпионик и не предъявлял претензий на власть), от них старались избавиться⁴⁰.

Главным источником сакрализации тирана, повторим еще раз, была его личная харизма⁴¹. Харизма эта, по большому счету, не передавалась по наследству. Сыну (или иному преемнику) тирана, как правило, приходилось заново добиваться признания со стороны сограждан, и далеко не всегда это ему удавалось. Потому-то лишь в достаточно редких случаях можно говорить о династиях тиранов, да и эти династии оказывались, за единичными исключениями, непродолжительными (2–3 поколения)⁴². Затем харизма окончательно иссякала, и все попытки удержать власть оказывались тщетными: тирания ликвидировалась.

and the Polis // *The Development of the Polis in Archaic Greece*. L.; N. Y., 1997. P. 32–38). Более взвешенную точку зрения см.: *Маринович Л. П.* Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология // *Человек и общество в античном мире*. М., 1998. С. 303 сл.; *Янковский А. И.* Раннегреческая тирания и возникновение трагедии // *Античный мир: проблемы истории и культуры*. СПб., 1998. С. 110; *Родс П. Дж.* Афинский театр в политическом контексте // *ВДИ*. 2004. № 2. С. 36.

³⁹ Известны исключения из этого правила (впрочем, весьма редкие): Гелон и Гиерон I в Сиракузах, возможно, Ферон в Акраганте. Но эти тираны пришли к власти, уже имея наследственный жреческий сан, а не наоборот. Данный нюанс принципиален.

⁴⁰ Ср. весьма сложные отношения Писистрата и его сыновей с трехкратным олимпийским победителем Кимоном (Herod. VI. 103).

⁴¹ *Wallace R. W.* Charismatic Leaders // *A Companion to Archaic Greece*. Oxf., 2009. P. 411–426. Понятие харизматического лидерства введено в науку Максом Вебером. Применительно к античной Греции см. также: *Taege F.* Charisma: Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes. Bd 1–2. Stuttgart, 1957–1960.

⁴² Наиболее значимым исключением являются, безусловно, пантикапейские тираны Спартокиды. Придя к власти в 438/437 г. до н. э., эта династия благополучно продержалась на престоле вплоть до эллинистической эпохи, да и позже, в ее течение. К вопросу об этой тирании см.: *Суриков И. Е.* К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском: стадийно-типологический контекст // *Из истории античного общества*. Нижний Новгород, 2007. Вып. 9–10. С. 140–156.

Добавим к сказанному, что «модель тирана», в противоположность «модели басилея», предусматривала, вместе с высшим сакральным статусом, еще и полноту профанной власти. В этом, наверное, причина того, что в архаической Греции мы находим, пусть и нечасто, тип правителя, стоявший на стыке этих двух моделей. Здесь прежде всего следует сказать об аргосском басилее Фидоне⁴³, который, по выражению Аристотеля, достиг тирании на основе царской власти. Иными словами, Фидон, будучи законным басилеем из династии Теменидов⁴⁴, в эпоху, когда сам институт басилеев приходил в упадок, в пик господствующей тенденции осуществил государственный переворот «сверху»: присвоил себе единоличную власть и обратился к иной модели сакрализации, лично-харизматической, а не статусной, как раньше. Превращение «из царя в тирана» означало для него переход к новому типу собственной легитимации. Аналогичным примером может служить Кирена. В ней басилей из династии Баттиадов во второй половине VI в. до н. э. (начиная с царя Аркесилая III) тоже для укрепления своей власти легитимировали себя как тиранов, прибегнув к соответствующей модели сакрализации⁴⁵.

Суммируем сказанное. Речь шла о двух фактически противостоящих друг другу моделях сакрализации («модели басилея» и «модели тирана»). В первом случае сакрализировался титул (статус) правителя, вне всякой зависимости от его личности, во втором – его личность, при отсутствии официального титула. Мы считаем возможным оперировать такими категориями, как, соответственно, «статусная сакрализация» и «личностная сакрализация».

В рамках «модели басилея» основания сакрализации коренились в глубинах многовековой традиции, восходящей в конечном счете к анактам микенской эпохи, и, в общем-то, осознавались довольно смутно, не будучи предметом эксплицитной рефлексии. На прямой вопрос, чем обусловлено отличие басилея по своему сакральному статусу от обычных граждан (если допустить, что такой вопрос был бы задан), грек архаической эпохи, скорее всего, ответил бы:

⁴³ Хронология правления Фидона весьма дискуссионна. Нам кажется наиболее правомерной датировка его второй четвертью VII в. до н. э.: *Jeffery L. H.* *Archaic Greece: The City-States c. 700–500 B.C. L.*, 1978. P. 134; *Robinson E. W.* *The First Democracies: Early Popular Government outside Athens.* Stuttgart, 1997. P. 82 ff. Куда менее основательно отнесение Фидона к VIII в. до н. э. (*Kōiv M.* *Ancient Tradition and Early Greek History: The Origins of States in Early-Archaic Sparta, Argos and Corinth.* Tallinn, 2003. P. 239 ff.).

⁴⁴ О Теменидах (возводивших свое происхождение, как и спартанские царские династии, к Гераклу и через него к Зевсу) см.: *Молчанов А. А.* Персеиды–Гераклиды–Темениды: идея непрерывной династической легитимности в официальных родословных античных монархов // *Восточная Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти.* М., 2001. С. 135–139.

⁴⁵ См. об этих событиях: *Безрученко И. М.* Древнегреческая Киренаика в VII–IV вв. до н. э. // *Проблемы истории, филологии, культуры.* 1999. Вып. 7. С. 89.

«Происхождением басилея от древних героев, а через них – от богов»⁴⁶. Однако же этот критерий происхождения оказывался довольно шатким (может быть, это явилось одним из факторов упадка власти басилеев). Дело в том, что аналогичными генеалогиями, восходящими к небожителям, располагали отнюдь не только басилеи, но и практически все евпатриды – представители высшего слоя аристократии⁴⁷, соответственно оказывавшиеся в точно такой же мере потомками божества. Даже в Спарте цари считались далеко не единственными гражданами, происходящими от Геракла. Басилей в подобной среде был лишь «первым среди равных», а для полноценной и прочной легитимации этого явно не хватало.

В рамках «модели тирана» фактор происхождения *a priori* играл еще меньшую роль. Конечно, нельзя сказать, что им вовсе пренебрегали. Тираны архаической эпохи (а все они принадлежали к аристократии) тоже прокламировали свои генеалогии, связывавшие их с богами⁴⁸. Однако такие генеалогии были если и необходимым, то, во всяком случае, отнюдь не достаточным условием приобретения и удержания власти. Находясь в окружении столь же (а то и более) родовитых евпатридов, тираны должны были апеллировать преимущественно к иным средствам обоснования своего сакрального статуса. Речь идет прежде всего об отмечавшейся выше личной харизме, об особой, так сказать, «отмеченности» богами, на которую они претендовали. Именно эта харизма воспринималась как главный способ связи правителей данного типа с божественным.

Правитель в обеих рассмотренных моделях, бесспорно, воспринимался как посредник (но не единственно возможный) между миром людей и миром высших сил. В рамках «модели басилея» его место в иерархии посредников

⁴⁶ Собственно, именно эту мысль еще в классическую эпоху прямо выражает Ксенофонт, говоря о Спарте (Лас. пол. 15. 2): «Итак, законодатель постановил: царю как происходящему от божества приносить общенародные жертвования от имени государства...»

⁴⁷ См. об этих генеалогиях: Суриков И. Е. Место аристократических родословных в общественно-политической жизни классических Афин // Из истории античного общества. Нижний Новгород, 2001. Вып. 7. С. 138–147; Суриков И. Е. Демократический полис и родословные аристократов: о некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 175–188. Приведенные в этих работах наблюдения сделаны на афинском материале, но не иначе обстояли дела и в любом другом греческом полисе.

⁴⁸ См., в частности, по афинским Писистрагидам: Shapiro H. A. *Painting...*; Молчанов А. А., Суриков И. Е. Указ. соч. Сказанное относится даже к тем тиранам, которых в историографии считают своеобразными «парвеню», например к Кипселу Коринфскому. Этот последний возводил свое происхождение по отцовской линии к герою Кенее, а по материнской – к самому Гераклу.

такого рода определялось статусом верховного жреца, представителя государства в общении с богами, чьи священнодействия тем самым считались более эффективными, чем священнодействия любого другого жреца. Характерно, что в тех полисах, где устанавливалась демократия (например, в классических Афинах), жреческие должности имели тенденцию превращаться в выборные, то есть считалось, что в принципе каждый гражданин может выполнять роль посредника между сакральной и профанной сферами. В частности, как мы видели, избирался в афинском государстве и архонт-басилей, причем с 487 г. до н. э. – даже не голосованием, а жеребьевкой. Положение же тирана в рассматриваемом отношении было, как мы видели, более высоким. Практически приравняв к «живому герою», тиран стоял на более высокой ступени, чем жрец, хотя бы даже и верховный.

В обоих случаях актуальная сакральность фактически обреталась с момента прихода к власти, хотя, естественно, впоследствии правителю могла «задним числом» приписываться некая «потенциальная сакральность», которой он обладал от рождения. Единообразных и абсолютно авторитетных обрядов обретения, выражения и подтверждения сакральности (наподобие известных в других обществах ритуалов помазания, коронации и т. п.), насколько можно судить, не существовало; во всяком случае, состояние источниковой базы не позволяет делать каких-либо категоричных выводов по поводу таких обрядов. Выше говорилось о «священном браке» (как в связи с «моделью басилея», так и в связи с «моделью тирана»)⁴⁹. Но скудные сведения об этой процедуре исходят только из Афин. Можно ли трактовать материал расширительно, распространяя его импликации на весь греческий мир, а главное, следует ли считать данный ритуал обязательным, – неизвестно и, строго говоря, маловероятно. Известно, в частности, что в Спарте реалии были совершенно иными. Там раз в девять лет эфоры наблюдали небесные знамения и имели право на их основании отрешить царей от престола; впрочем, затем их акция могла быть дезавуирована Дельфийским или иным оракулом (Plut. Agis 11).

Таким образом, в сущности, община в лице своих полномочных представителей принимала решение о том, обладает ли правитель достаточной степенью сакральности для того, чтобы находиться у власти. Какие критерии использовались для принятия такого решения? Во-первых, конечно, критерий эффективности. Правитель, скажем, проигравший войну или допустивший иные грубые просчеты, должен был восприниматься как утративший расположение богов, и ничто не мешало его отстранению. Другой критерий можно назвать этическим или, точнее, ритуально-этическим. Не то чтобы басилею или тирану предписывалась безгрешность (категории «греха» и «безгрешности»

⁴⁹ Кстати, не случайно тираны чрезвычайно серьезно относились к своей матримониальной политике. См.: *Gernet L. Anthropologie de la Grèce antique*. P., 1968. P. 344–359.

к древнегреческому менталитету вообще вряд ли применимы), не то чтобы от них требовалось обладание высшей полнотой всех положительных качеств. Греки не были максималистами в этом отношении и даже богов своих воспринимали «как они есть», не требуя от них соответствия нравственному идеалу. Однако некоторые виды проступков, очевидно, были решительно несовместимы с сакральностью и, соответственно, с властью.

О каких проступках идет речь? Это лучше всего позволят понять два примера, отделенные друг от друга почти полутысячелетним промежутком. В конце VIII в. до н. э. афинский архонт Гиппомен из династии Кодридов был отстранен от власти за то, что подверг бесчеловечной казни собственную дочь, совращенную кем-то из граждан. Кстати, именно после этого род Кодридов был лишен монопольного права на занятие высшей в Афинах того времени (бывшей царской) должности архонта (об инциденте с Гиппоменом см.: Arist. Ath. pol. epit. 3; Diod. VIII. 22. 1; Diogenian. III. 1; Suid. s.v. Ἰππομένης; о времени его правления: Paus. IV. 13. 7)⁵⁰. Во второй половине III в. до н. э. спартанский царь Леонид II был смещен за то что, как утверждали его обвинители, «прижил двоих детей с женщиной азиатского происхождения» (Plut. Agis 11).

Обратим внимание на то, что в обоих эпизодах правители (принадлежащие к «модели басилея») обвинялись в нарушениях обычаев в семейной, половой сфере. Судя по всему, именно с этой стороны они должны были для сохранения сакральности быть абсолютно чистыми и безупречными. Это, несомненно, было связано с их жреческим саном; возможно и соотнесение данной информации с ритуалом «священного брака». Другим немаловажным требованием было отсутствие телесных недостатков⁵¹. Разумеется, реальная жизнь подчас заставляла смягчать суровость «отбора»⁵², но общие принципы оставались неизбылемыми и долговечными.

В рамках «модели тирана» отмеченные требования отнюдь не характеризовались такой же жесткостью, поскольку вообще данный тип сакрализации правителя предполагал, как говорилось, акцент на личную харизму, а не на статус.

⁵⁰ Даже если перед нами не факт, а этиологическая легенда, связанная с именем Гиппомена (орудием казни послужил конь-ἵππος), она все-таки показательна как иллюстрация древнегреческих представлений о причинах, по которым правитель мог быть отстранен. Кстати, нельзя ли предположить, что главной причиной отстранения архонта была не жестокость по отношению к дочери, а само ее бесчестье?

⁵¹ См. в данной связи по поводу спартанских царей: Латышев В. В. Указ. соч. С. 97.

⁵² Интересен в данной связи династический кризис в той же Спарте, имевший место в 399 г. до н. э. (Xen. Hell. III. 3. 1–4; Ages. 1. 5; Nep. Ages. 1; Plut. Lysandr. 22; Ages. 3–4), когда один из двух претендентов на престол – Леотихид – считался незаконнорожденным, а другой – Агесилай II, в конечном счете ставший царем, – был хром.

Так, известно немало случаев нарушения тиранами обычаев, связанных с браком и семейной жизнью. Создается впечатление, что они прибегали в этой сфере даже к демонстративному эпатажу⁵³. Это связано с тем, что тираны ориентировались не на образ жреца, а на образ героя, а для этого последнего вообще была характерна экстравагантность проявлений⁵⁴. В данной модели на первый план выдвигался критерий эффективности.

Не так уж и просто однозначно ответить на вопрос, в какой мере взаимобусловливалось сохранение сакральности, власти и жизни ее носителя, тем более что мы имеем две различные модели, да и внутри каждой из них картина была достаточно пестрой. Может быть, несколько упрощая, можно сформулировать общие тезисы. Утрата сакральности (для бисилей – в результате совершения «оскверняющих» поступков, для тирана – как итог неэффективности его действий), насколько можно судить, в обеих моделях приводила и к утрате власти, если не моментальной, то, во всяком случае, эвентуальной. Обратный же ход развития событий отмечается лишь для «модели тирана». Теряя власть, тиран тем самым лишался личной харизмы, а тем самым и сакральности. Бисилей же оставался фигурой сакральной вне зависимости от реального объема (или даже наличия) своей профанной власти. Что же касается сохранения жизни, то убийство правителя (даже тирана), утратившего власть (*resp.* сакральность), было в дооблинистическом греческом мире достаточно редким, экстраординарным явлением. Значительно чаще он, будучи свергнут, удалялся в изгнание и доживал свой век в каком-нибудь другом месте в качестве частного лица.

В целом нельзя сказать, что в картине мира полисной (архаической и классической) Греции правитель, будь то бисилей или тиран, занимал какое-то чрезвычайно значительное место. Он был не отчужден от гражданской общины, а, если так можно выразиться, имманентен по отношению к ней; между ним и прочими гражданами не существовало принципиальной грани. Но ведь то же можно сказать и о греческих богах-олимпийцах. Не приходится говорить и о каком-то эксплицитном культе предков правителя; таковыми считались, как правило, мифологические герои, которые почитались именно в силу этого, а не из-за того, что кто-то являлся их потомком. Герои обладали собственными святилищами, жречествами и т. п. Но все это надлежит рассматривать в контексте весьма развитого в Элладе культа предков вообще, а не в связи с сакрализацией правителя.

⁵³ Периандр Коринфский убил собственную супругу. Писистрат Афинский жил с одной из своих жен «неестественным образом» (Herod. I. 61).

⁵⁴ Андреев Ю. В. Тираны и герои... С. 6.

II

Итак, применительно к рассмотренному периоду древнегреческой истории приходится говорить – суммируем – о двух принципиально различных моделях сакрализации правителя («модели басилея» и «модели тирана»). При этом вторая из названных моделей со всей несомненностью приходила на смену первой. Эту эволюцию можно охарактеризовать как путь от статусной сакрализации к личностно-харизматической⁵⁵. В V в. до н. э., то есть в период, когда развитие классических полисных институтов и структур достигло своего апогея, места для режимов единоличной власти в Элладе практически больше не остались. Соответственно, обе эти ранее существовавшие модели сакрализации практически прекратили существование и стали достоянием прошлого.

И действительно, институт басилеев повсеместно сходит на нет или превращается в чистую формальность. Исключениями, помимо упоминавшейся выше Спарты, остаются разве что эллинские города такой периферийной зоны, как Кипр, где полисные монархии продержались до начала эллинистической эпохи⁵⁶. Равным образом и тиранических режимов ко второй половине V в. до н. э. в греческом мире больше не осталось (в качестве чуть ли не единственного исключения можно назвать Боспорское государство в Северном Причерноморье, где власть династии тиранов Спартокидов оказалась необычайно прочной и долговечной⁵⁷).

Правда, позже, в IV в. до н. э., в некоторых эллинских полисах вновь появляются тираны («младшая тирания»). Но вообще IV в. до н. э. лучше рассматривать уже в контексте предпосылок для формирования новых религиозно-политических реалий, в полной мере давших о себе знать позже в эпоху эллинизма.

Как справедливо отмечалось⁵⁸, на исходе классической эпохи, в период кризиса полиса, в древнегреческой религии явственно проступают новые черты. Религиозность становится менее «демократичной», в ней нарастают элементы

⁵⁵ Это соответствует общему стремительному нарастанию личностного начала, характерному для архаической Греции (см. об этом: *Андреев Ю. В.* Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 101 сл.).

⁵⁶ См. важную статью: *Mehl A.* Cypriot City Kingdoms: No Problem in the Neo-Assyrian, Late Egyptian and Persian Empires, but why were they Abolished under Macedonian Rule? // *Επετηρίδα του Κέντρου Επιστημονικών Ερευνών (Λευκωσία)*. 2004. Vol. 30. P. 9–21.

⁵⁷ О тираническом характере власти боспорских Спартокидов см., например: *Сапрыкин С. Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 260; *Суриков И. Е.* К вопросу о характере... Вообще говоря, в последние годы по этой проблеме достаточно много пишут в отечественном антиковедении.

⁵⁸ *Versnel H. S.* Religion and Democracy // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.* Stuttgart, 1995. S. 367–387.

иерархичности, авторитаризма. Складываются предпосылки для появления эллинистической концепции божества. Это не может не отразиться и на способах сакрализации правителя. В качестве переходной фигуры выступает здесь спартанский наварх Лисандр – главный герой последнего этапа Пелопоннесской войны, победивший Афины и установивший гегемонию своего полиса в Элладе. На «феномене Лисандра» обязательно нужно остановиться с некоторой степенью детализации.

Сообщается, что на рубеже V–IV вв. до н. э. «ему первому среди греков города стали воздвигать алтари и приносить жертвы *как богу* (курсив наш. – И. С.), и он был первым, в честь кого стали петь пеаны» (Duris ap. Plut. Lysandr. 18). Некоторые полисы учредили специальные празднества, посвященные Лисандру⁵⁹. В конце концов эти непомерные, божественные почести, воздаваемые Лисандру за пределами Спарты, пришли в настолько резкое несоответствие с его положением в самом спартанском государстве (он хотя и возводил свое происхождение к Гераклу, но не принадлежал ни к одной из двух династий, а стало быть, не мог претендовать на царский сан, оставаясь, несмотря ни на что, рядовым гомеем), что энергичный наварх задумал государственный переворот или, во всяком случае, план радикальных реформ, согласно которому царем мог стать любой Гераклид или, по другим сведениям, даже любой спартиат, выдающийся своей доблестью (Plut. Lysandr. 24). Он имел все основания рассчитывать, что при таких условиях власть достанется именно ему. Лисандр погиб в сражении в 395 г. до н. э., не успев реализовать задуманное, но, если бы переворот состоялся, итог был бы вполне предсказуем: в Спарте на смену традиционному институту басилеев пришел бы фактически тиранический режим, основанный на сакрализации не статусного, а лично-харизматического типа. Вот только теперь правитель уподоблялся бы уже не героям, как прежде, а богам.

Итак, перед нами – самый первый из череды фактов прижизненного обожествления людей, видных государственных деятелей и полководцев. Ничего не могло быть более чуждого греческому мировоззрению нескольких предшествующих столетий. «Не тщишься быть Зевсом: у тебя есть всё... Смертному – смертное!» – говорил великий Пиндар (Isthm. V. 14, 16). Стремление уподобиться богу и – равным образом – уподобить кого-либо иному богу расценивалось как одно из самых страшных проявлений такого однозначно осуждавшегося

⁵⁹ См. об этом: Richardson N. J. *Innovazione poetica e mutamenti religiosi nell'antica Grecia* // Studi classici e orientali. Vol. 33. P. 26; Muccioli F. *Gli onori divini per Lisandro a Samo. A proposito di Plutarchus, Lysander 18* // The Statesman in Plutarch's Works: Proceedings of the Sixth International Conference of the International Plutarch Society. Leiden; Boston, 2005. Vol. 2: The Statesman in Plutarch's Greek and Roman Lives. P. 199–213.

качества, как ὕβρις⁶⁰. Теперь и в этом отношении времена изменились. Впрочем, «казус Лисандра» – столь ранний случай⁶¹ (пожалуй, преждевременный) предоставления божественных почестей смертному человеку⁶² – на первых порах остался чем-то единичным, уникальным. Возможно, дело, помимо прочего, в том, что Агесилай II, к которому после гибели Лисандра перешел статус «человека номер один» в Элладе, был, напротив того, принципиальным противником подобных тенденций. Он, в частности, запрещал создавать его скульптурные или живописные изображения (Plut. Ages. 2; Mor. 210 d). Процесс, таким образом, притормозился.

Но через несколько десятилетий почва для соответствующих изменений в религиозном сознании окончательно сложилась. Конкретные примеры эксплицитного, демонстративного обожествления людей, Впрочем, достаточно трудно отыскать на протяжении большей части IV в. до н. э. – вплоть до начала эллинизма как такового. Действия, направленные на собственное обожествление, предпринимал, насколько известно, Филипп II. Однако македонский материал доэллинистического времени здесь специально не затрагивается⁶³.

⁶⁰ Об этой категории см., например: *Fisher N. Hybris. Revenge and Stasis in the Greek City-States // War and Violence in Ancient Greece. L., 2000. P. 83–123; Суриков И. Е. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М., 2012. С. 111 сл.*

⁶¹ Не исключено, что еще чуть раньше что-то аналогичное могло бы произойти с Алкивиадом, но процесс сакрализации его личности был прерван опалой этого политика (ср.: *Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М., 2011. С. 189).*

⁶² Ср. следующее замечание видного современного ученого (*Ханиотис А. Война в эллинистическом мире: Социальная и культурная история. СПб., 2013. С. 124*): «Задолго до начала эллинистического периода греки удостоивали божественных почестей выдающихся индивидов посмертно, но первым смертным, который получил богоравные почести при жизни, был спартанский военачальник Лисандр». Относительно Лисандра – все верно, а вот в первой части высказывания нам видится неточность. Следовало бы говорить (даже в посмертном аспекте) не об *обожещении*, а о *героизации* выдающихся индивидов. Это отнюдь не одно и то же, о чем говорилось выше. Мы не припомним ни одного случая – до Лисандра, – когда реальное историческое лицо было бы действительно обожествлено. Ну не о Геракле же с Дионисом здесь рассуждать!

⁶³ Традиционно повелось как-то «отчуждать» Македонию от Греции. В принципе, такую постановку вопроса уже пора бы пересмотреть как неправомерную. Согласно данным новейших лингвистических исследований (ставших возможными в результате введения в научный оборот большого количества эпиграфического и ономастического материала, чем прежде), античных македонян следует считать одной из периферийных ветвей греческого народа, а не каким-то отдельным этносом. См.: *Sourvinou-Inwood C. Greek Perceptions of Ethnicity and the Ethnicity of the Macedonians // Identità e prassi storica nel Mediterraneo*

Также известно (Strab. VII. 310), что «почитали богом» Перисада I – архонта (тогда еще не царя) Боспорского государства, правившего в 346–309 гг. до н. э. Однако, по нашему убеждению, он был обожествлен уже посмертно, по инициативе своего младшего сына Евмела, захватившего власть на Боспоре путем узурпации⁶⁴; иными словами, это имело место уже в хронологических рамках эллинизма. Впрочем, А. А. Завойкин – один из крупнейших ныне специалистов по истории Боспора – все-таки считает возможным говорить о том, что в этом регионе определенные предпосылки (до определенного момента скорее латентные) для формирования в дальнейшем культа правителей наличествовали уже в период поздней классики, возможно, даже со времен Сатира I, деда упомянутого Перисада⁶⁵. Что-то подобное, похоже, прослеживается (и тоже пока в латентной или замаскированной форме) и в некоторых сторонах политики обоих сиракузских Дионисиев. Э. Д. Фролов видит здесь «*подход к тому культу властителя, который будет выработан позднее, в эллинистическую эпоху, и который останется краеугольным камнем доктрины о царской власти божьей милостью*»⁶⁶. Аналогичную религиозную политику проводил Клеарх, тиран Гераклеи Понтийской, правивший в тот же период. Он называл себя сыном Зевса, надевал одежду, подобающую только богам, пользовался иными их атрибутами и т. п. (Plut. Mor. 338b; Iustin. XVI. 5. 8–11)⁶⁷.

Вернемся к причинам принципиально новых тенденций – а они, что ни говорить, все-таки имели место. Причинами же таковыми мы видим протекавший в рассматриваемую тут эпоху комплекс процессов, обозначаемый нами как «предэллинизм». По поводу этого последнего термина уже, как говорится, немало копий сломано в научных спорах; а автор этих строк придерживается не вполне традиционной (но, вероятно, все-таки правомерной) трактовки самого названного понятия. Поэтому имеет смысл остановиться на нем чуть подробнее – тем более что, как увидим, эти соображения будут иметь самое прямое отношение к теме становления эллинистического культа правителей.

Greco. Milano, 2002. P. 173–203; *Hatzopoulos M. B. Perception of the Self and the Other: The Case of Macedonia // Ancient Macedonia. 2007. T. 7. P. 1–66; Hatzopoulos M. B. The Speech of the Ancient Macedonians in the Light of Recent Epigraphic Discoveries // Monumentum Gregorianum: Сб. науч. статей памяти ак. Г. М. Бонгард-Левина. М., 2013. С. 204–221.*

⁶⁴ Здесь мы не можем вдаваться в детали, тем более что сам вопрос об обожествлении Перисада I и его целях весьма сложен. Планируем посвятить обоснованию нашей позиции отдельную работу.

⁶⁵ *Завойкин А. А. Σάτυρος* Динарха (I. 43 Blass) и satyrus Плиния (NH. XXXIV. 64) (к вопросу о культе правителя на Боспоре) // *Древности Боспора. 2008. Т. 12. Ч. 1. С. 196–225.*

⁶⁶ *Фролов Э. Д. Сицилийская держава Дионисия. Л., 1979. С. 128–129.*

⁶⁷ *Берве Г. Указ. соч. С. 393.*

В целом солидаризируясь с данным К. К. Зельиным определением эллинизма как конкретно-исторического явления⁶⁸, мы должны при этом принципиально подчеркнуть: не следует путать конкретно-историческое явление с исторической случайностью, с чем-то, наступившим вдруг и неизвестно почему. Возникновение эллинизма, разумеется, имело свои предпосылки; в этой-то связи и уместно введение категории «предэллинизма». Иными словами, предэллинизм (вариант: протоэллинизм) – это и есть некий процесс закладывания предпосылок для эллинизма.

О каких предпосылках идет речь? Это зависит от того, что мы выдвигаем как главное в эллинизме. О. Л. Габелко, недавно посвятивший специальную работу проблеме предэллинизма и в целом весьма скептически относящийся к самому этому понятию (оно «не является адекватным средством, способствующим концептуальному осмыслению феномена эллинизма»⁶⁹), считает «реальным показателем существования эллинизма... в том или ином регионе *греко-варварский синтез*»⁷⁰.

Однако бросается в глаза то обстоятельство, что здесь в качестве черты, основополагающей для эллинизма как такового, выдвигается особенность, на деле характерная лишь для обществ эллинистического Востока. Попробуем опровергнуть ключевой тезис О. Л. Габелко путем *reductio ad absurdum*.

Следуя логике исследователя, получается: если в каком-либо регионе античного мира рассматриваемой эпохи не фиксируется вышеупомянутый греко-варварский синтез, то, стало быть, в этом регионе не было и эллинизма.

Так ли это? Но в подобном случае мы должны решительно отказаться от таких, например, словосочетаний, как «эллинистическая Греция» и «эллинистическая Македония». Если, конечно, не считать, что взаимоотношения греков и македонян – это тоже вариант «греко-варварского синтеза». Но так, разумеется, никто не думает, и когда говорят о пресловутом синтезе (будь то

⁶⁸ Зельин К. К. Основные черты эллинизма (социально-экономические отношения и политическое развитие рабовладельческих обществ Восточного Средиземноморья в период эллинизма) // ВДИ. 1947. № 4. С. 145–156.

⁶⁹ Габелко О. Л. Еще раз о проблеме «предэллинизма» // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 2009. С. 171.

⁷⁰ Там же. Курсив принадлежит О. Л. Габелко. Автор указывает, что следует в данном вопросе мнению К. К. Зельина, но почему-то не приводит ссылок на последнего – ни в этом месте своей работы, ни в каком-либо другом. Что же касается самого Зельина, то он, насколько можно судить, старался избегать этого чрезмерно прямолинейного (и, честно говоря, не очень понятного) выражения «греко-варварский синтез», предпочитая формулировки более тонкие (например: «Эллинизм представлял собою сочетание и взаимодействие эллинских и местных элементов экономического строя, социальных и политических отношений, учреждений, обычаев, представлений и верований» (Зельин К. К. Основные черты... С. 147)).

О. Л. Габелко или любой другой исследователь), имеют в виду, конечно, взаимоотношения эллинов с восточными «варварами» – в основном жителями бывшей Ахеменидской державы.

А синтеза в этом духе Балканская Греция, разумеется, не знала, это всем известно. И тем не менее выражения «эллинистическая Греция», «эллинистическая Македония» – вполне общепринятые, от них не отказываются и не откажутся, ибо нет в этом никакого резона. Названные регионы были неотъемлемой частью эллинистического мира как системы.

Рассуждения о возможности «нулевой степени синтеза», которые нам доводилось слышать от О. Л. Габелко, совершенно не убеждают. И действительно, мы признаём некий признак ключевым для интересующего нас (в данном случае неважно какого) феномена, необходимым условием его существования; а потом вдруг подспудно допускаем, что в каких-то случаях этот признак может присутствовать в «нулевой степени», иными словами... не присутствовать вообще?! Допустим, мы соглашаемся, что рыба обязательно должна иметь жабры, но при этом утверждаем, что бывают рыбы, у которых жабры выражены в «нулевой степени», то есть рыбы без жабр?! Тогда мы впали бы во внутреннее противоречие. Кажется, встречаются двоякодышащие рыбы; но рыб вовсе без жабр, конечно, быть не может, иначе подобное животное просто не будет относиться к рыбам. Полагаем, всё достаточно просто.

Таким образом, если мы хотим найти действительно ключевую черту, общую для всех эллинистических государств при их пестром разнообразии (в том числе имея в виду и Грецию, которая нам здесь наиболее интересна), приходится признать, что греко-варварский синтез такой чертой не является (эллинизм мог существовать и независимо от такого синтеза), и, стало быть, необходимо продолжать поиск, но в каком-то ином направлении.

Вкратце изложим нашу собственную точку зрения на эту проблему. Насколько можно судить, между полисным, доэллинистическим этапом древнегреческой истории и этапом эллинистическим пролегает резкая грань. Перед нами – как бы два сильно отличающихся «мира», и перемены коснулись в первую очередь социально-политической психологии, что уже, в свою очередь, отразилось на формах государственного устройства и т. д.

Основной вектор интересующих нас изменений в менталитете можно определить как путь «от гражданина к подданному». Этот процесс хорошо прослежен в исследовательской литературе на материале римской истории, но не приходится сомневаться в том, что он имел место также в греческом мире, хотя и обладал там своей спецификой⁷¹.

⁷¹ На эту специфику обращается внимание в работе: Павловская А. И. «От гражданина к подданному» – имел ли место этот процесс в Греции в IV в. до н. э.? // ВДИ. 1998. № 4. С. 15–29.

Поясним суть данной формулировки. Применительно к полисной эпохе основополагающими для Эллады были категории гражданина и гражданства. Хронологически их формирование, можно сказать, в точности совпадает со становлением феномена полиса⁷². Можно назвать полис корпорацией граждан, сплотившейся перед лицом всего остального мира – как окружавшего полис, так «проникавшего» в него в лице жителей без гражданских прав.

Утверждением представления о свободном и полноправном гражданине, подчиняющемся только закону и тому, что закон велит, но не произвольной воле другого лица (каким бы высокопоставленным это лицо ни было), обуславливались основные черты самого полисного типа государственности. Благодаря процессу «рождения гражданства» в рамках греческого полиса, пожалуй, впервые в мировой истории сложилось правильное и стабильное республиканское устройство: гражданин в норме не должен был иметь над собой какого-то монарха (не считая «царя-закона», νόμος βασιλεύς)! Понятно, что от нормы (как всегда бывает) случались и отклонения (достаточно вспомнить хотя бы тиранию), но они и воспринимались именно как отклонения от нормы.

В любом случае, возьмем на себя смелость утверждать, что во всех полисах (даже в тех, где в данный момент времени имелся тиран) верховным носителем государственного суверенитета всё равно официально считалось народное собрание, то есть коллектив граждан, воплощенный в конкретном органе. Это подразумевала сама сущность как архаического, так и (в особенности) классического полиса⁷³, хотя, разумеется, в практической жизни наблюдались в той или иной степени отличия от идеала, от теории: где-то власть народного собрания была полной и реальной, где-то – скорее номинальной... Но мы ведем речь о принципе.

Если же посмотреть под тем же углом на реалии эллинистической эпохи, сразу бросится в глаза, что поворот «от гражданина к подданному» свершился. Это нам представляется самым главным.

Дело, подчеркнем, даже не столько в том, что на внешнеполитической арене тон теперь задавали большие и огромные государства, тогдашние «сверхдержавы» – эллинистические монархии. Хотя, конечно, и в этом тоже. Произошел скачок от мира, где доминировали суверенные республиканские полисы, к миру, где доминировали крупные монархические государства. Но наряду с этими последними, конечно же, остались и полисы. Те же города Балканской

⁷² См. на примере Афин: *Manville P. B. The Origins of Citizenship in Ancient Athens.* Princeton, 1990.

⁷³ О различиях между этими двумя типами полиса см.: *Суриков И. Е. Греческий полис...* С. 13 сл. Подчеркнем, что мы говорим именно о стадийно-типологических, а не хронологических различиях. В любом случае при сравнении с реалиями эллинистической эпохи архаический и классический типы полиса можно рассматривать вместе.

Греции никуда не делись и полисного статуса не утратили. В связи с этим наше ключевое положение может быть оспорено: полисы были, граждане были – так не преувеличиваем ли мы масштаб перемен?

Кажется, все-таки нет. Очень часто бывает, что при сохранении некоторых внешних форм становится со временем совершенно иным их внутреннее содержание, и это способно ввести в заблуждение относительно степени континуитета / дисконтинуитета – особенно если придавать форме большее значение, нежели содержанию, что вряд ли следует делать.

Насколько можно судить, именно таким образом обстояли дела и в нашем случае. В другом месте⁷⁴ мы показываем это на примере Афин. Классическая афинская демократия была ниспровергнута в 322 г. до н. э. После этого она неоднократно объявлялась возрожденной, но фактически всякий раз можно говорить лишь о «пустой оболочке» подлинного народоправства, о громком слове без какого-либо реального наполнения.

Политическая система, существовавшая в афинском полисе на всем протяжении эллинистического периода (а затем и римского), официально по-прежнему именовалась демократией. Причем после каждого очередного переворота (а их было немало) лица, пришедшие к власти, торжественно провозглашали, что та демократия, которая была раньше, до них, не являлась истинной, а вот истинная именно теперь-то и будет организована.

Это неоднократно вводило в заблуждение историков – как в древности, так и в наши дни. И поныне ведутся споры о том, когда же афинская демократия реально прекратила свое существование. Не все согласны с традиционной точкой зрения, согласно которой это произошло в 322 г. до н. э., на рубеже эпох классики и эллинизма. Порой можно встретить мнение о завершении истории народовластия в Афинах около 260 г. до н. э. (то есть после Хремонидовой войны)⁷⁵, а то и еще позже. Перед нами – типичная аберрация, вызванная чрезмерной акцентировкой чисто формальной стороны дела.

На деле же в эпоху эллинизма в Афинах утвердилась самая обыкновенная олигархия. Умеренная, маскирующаяся под демократию, – но тем не менее олигархия. Как говорится, не всё то золото, что блестит. Не каждый режим, официально именующий себя демократией, на деле является таковым. Мы бы рискнули заявить, что само слово «демократия» в эллинистическую эпоху изменило свой смысл по сравнению с тем, который оно имело в классических Афинах. По сути дела, теперь демократическим называл себя тот полис, который являлся (или считал, что является) независимым, а какова система его внутреннего управления – это уже имело не столь большое значение.

⁷⁴ Суриков И. Е. Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб., 2008. С. 297 сл.

⁷⁵ Например: Dreyer B. Wann endet die klassische Demokratie Athens? // Ancient Society. 2001. Vol. 31. P. 27–66.

Происходило изменение семантики важнейших понятий, фактически – лексическая девальвация⁷⁶. Думается, не иначе, чем с демократией, обстояли дела также с категориями полиса и гражданина/гражданства. Сразу припоминается, между прочим, вот какой небезынтересный нюанс. Доэллинистические полисы более чем скупой раздавали чужеземцам право гражданства. Дабы добиться такого, нужно было совершить что-либо действительно значительное. Время эллинизма, как хорошо известно, характеризуется чуть ли не повсюду в греческом мире пышным букетом проксенических декретов жителям иных государств, с предоставлением подчас всех возможных привилегий, вплоть до пресловутой *πολιτεία*. Контраст достаточно резкий, и о чем-то, полагаем, он должен говорить? Ответ, кажется, ясен: охотнее делятся тем, чем меньше дорожат.

Что произошло с внутренним и внешним самоощущением «потомков Фемистокла и Аристиды», из-за чего они в эллинистическую эпоху – при достаточно полном сохранении прежних институциональных реалий, выработанных во времена расцвета полиса! – с радостью довольствовались ролью льстивых подхалимов какого-нибудь очередного Деметрия (Антигона, etc.)? И это при том, что, допустим, на рубеже VI–V вв. до н. э. их сильно корбило дать «землю и воду» персидскому сатрапу в Сардах, и, чтобы не делать этого, они готовы были идти на смерть, лишения, разрушение врагами родного города и пр. (хотя даже в случае победы персов ахеменидский сановник вряд ли водворился бы в святыне Акрополя⁷⁷). Снова и снова повторим: без учета изменений в социальной психологии тут, видимо, трудно что-либо будет понять⁷⁸.

Мы наталкиваемся на некий парадокс? Да, но парадокс этот – логичный, если учитывать тот самый путь «от гражданина к подданному». С виду как будто бы осталось так же, как раньше; но только в исторической перспективе («большое видится на расстоянии») всё, как говорится, становится на свои места. В истории вообще нередко бывает так, что громкие, «судьбоносные»

⁷⁶ Интересные рассуждения о феномене подобной девальвации терминов (хотя и в совсем другой связи) см.: *Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 114 сл.

⁷⁷ Суммирование преобладающих в современной науке взглядов, согласно которым цели Ахеменидов в Греции были весьма умеренны (в противовес ранее господствовавшей точке зрения о том, что они хотели чуть ли не завоевать Элладу и сделать ее сатрапией), см., например: *Wiesehöfer J.* *Greeks and Persians // A Companion to Archaic Greece.* Oxf., 2009. P. 162–185.

⁷⁸ Правильно, между прочим, указывают ведущие отечественные специалисты (*Маринович Л. П., Кошленко Г. А.* Причины и обстоятельства падения «Ликургова строя» в Спарте // Проблемы истории, филологии, культуры. 2002. Вып. 13. С. 5–21), что в Спарте IV в. до н. э. «первопричиной кризиса стал слом традиционной морали и традиционных норм поведения», то есть те же социально-психологические факторы, принципиальные изменения в системе ценностей.

революции остаются без далекоидущих последствий, а тихие, «ползучие» процессы со временем (и даже как-то незаметно для современников) в корне меняют ситуацию. Порой «громкие» деяния становятся отражением и выражением подспудных тенденций, порой – идут вопреки им, но, как ни парадоксально, побеждают упомянутые «тихие» процессы. По нашему убеждению, в самом становлении эллинизма (как мы его понимаем) главную роль сыграли не громкие победы Александра, а то, что исподволь было приготовлено в Элладе уже на момент его походов.

Гражданин, подчиняющийся только закону, а не произволу иного лица? Всё это осталось в прошлом. Думается, тут даже нет нужды в какой-то чрезмерно развернутой аргументации. Рабелепные эксцессы афинян (еще не успевших, казалось бы, забыть о демократии) по отношению к Деметрию Фалерскому или Деметрию Полиоркету известны, полагаем, всем, кто будет читать эту книгу. Да и как могло быть иначе в мире, окруженном эллинистическими монархиями, где воля царя официально провозглашалась законом, – иными словами, закон и произвол совпадали?

И опять же, перед нами – не некая мгновенная метаморфоза, а результат длительного процесса. Проиллюстрируем несколько ступеней. Гераклит Эфесский (рубеж эпох архаики и классики, время, когда греческий полис как раз входил в пору полного расцвета): «Народ должен сражаться за попираемый закон, как за стену [города]» (Heraclit. DK 22 B44). Тут еще закон выступает, так сказать, во всей своей силе, ни о каких негативных коннотациях применительно к нему не может быть и речи.

Затем встречаем исключительно занятую беседу между Периклом и юным Алкивиадом (Xen. Mem. I. 2. 40–46), предмет которой – определение закона, его суть. В ее ходе Алкивиад прибегает к различным ухищрениям софистической эристики и буквально загоняет старшего собеседника в угол. «Афинский олимпиец» запутывается и вынужден признать, что закон и беззаконие – одно и то же. Во всяком случае, постановления, принимаемые при олигархии или тирании в интересах правящей верхушки, могут одновременно быть законом и беззаконием. А почему тогда такое же не может случиться и при демократии, – замечает Алкивиад. У Перикла ответа нет. Не приходится сомневаться в том, что данный эпизод, описанный современником, не выдуман⁷⁹.

Итак, идея закона уже «трещит по швам». На рубеже V–IV вв. до н. э. в Афинах ее реанимируют, внедряя представление о «власти закона»⁸⁰, согласно которому владыкой (κύριος) демократического полиса является не народ

⁷⁹ См. об этой сцене: *Harris E. M. Antigone the Lawyer, or the Ambiguities of Nomos // The Law and the Courts in Ancient Greece. L., 2004. P. 25.*

⁸⁰ Процесс очень хорошо описан в исследовательской литературе. Укажем лишь несколько важнейших исследований: *Ostwald M. From Popular Sovereignty to the Sovereignty*

(*δῆμος*), а закон (*νόμος*). Этим представлением афиняне на протяжении довольно длительного хронологического отрезка, казалось бы, и живут. Однако наиболее дальновидные (и откровенные, до цинизма) авторы не скрывали, что «власть закона» – скорее некая благочестивая фикция. Например, говорит тот же Демосфен (XXI. 224): «В чем же состоит сила законов? Если кто-нибудь из вас громко закричит, что его обидели, – прибегут ли к нему законы на помощь, чтобы его защитить? Нет, разумеется! Ведь это написанные тексты, и они сами по себе не могут ничего сделать». И это – Демосфен, который вообще-то при каждом удобном случае подчеркивал свою приверженность идее «власти закона».

Но если и не *δῆμος κύριος*, и не *νόμος κύριος*, и вообще неясно, кто *κύριος*, то почему бы таким *κύριος* не стать представителю какой-нибудь внешней силы? Что мешает этому? В сущности, ничего. Раз уж созрела идея, что обязательно нужно кому-нибудь подчиняться, то в роли господина значительно лучше смотрится живой человек, а не абстрактный принцип.

Весьма симптоматичны в данном отношении, в частности, некоторые пассажи из «Политики» Аристотеля, которые, пожалуй, заслуживают того, чтобы процитировать их *in extenso* (а наиболее важные места в них мы выделим курсивом):

Arist. Pol. III. 1284a4 sqq.:

Если кто-либо один или несколько человек, больше одного, но все-таки не настолько больше, чтобы они могли заполнить собой государство, отличались бы таким избытком добродетели, что добродетель всех остальных и их политические способности не могли бы идти в сравнение с добродетелью и политическими способностями указанного одного или нескольких человек, *то таких людей не следует и считать составной частью государства: ведь с ними поступят вопреки справедливости, если предоставят им те же права, что и остальным, раз они в такой степени неравны с этими последними своей добродетелью и политическими способностями. Такой человек был бы все равно что божество среди людей.*

(2) Отсюда ясно, что и в законодательстве следует иметь в виду равных и по их происхождению, и по способностям, *а для такого рода людей и законов не нужно, потому что они сами – закон.* Да и в смешном положении оказался бы тот, кто стал бы пытаться сочинять для них законы: они сказали бы, пожалуй, то, что, по словам Антисфена⁸¹, львы сказали зайцам, когда те произносили речи в собрании животных и требовали для всех равноправия... При наилучшем же виде государственного устройства большое затруднение возникает вот в чем: как нужно поступать в том случае, если кто-нибудь будет превосходить других не избытком

of Law. Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens. Berkeley, 1986; Harris E. M. Democracy and the Rule of Law in Classical Athens. Cambridge, 2006.

⁸¹ Antisth. fr. 66 Mullach.

каких-либо иных благ, вроде могущества, богатства, или обилием друзей, но будет отличаться избытком добродетели? Ведь не сказать же, что такого человека нужно устранить или удалить в изгнание; с другой стороны, *нельзя себе представить, чтобы над таким человеком властвовали, потому что в таком случае получилось бы приблизительно то же самое, как если бы, распределяя государственные должности, потребовали власти и над Зевсом. Остается одно, что, по-видимому, и естественно: всем охотно повиноваться такому человеку, так что такого рода люди оказались бы в государстве пожизненными царями.*

Arist. Pol. III. 1288a15 sqq.:

Когда случится так, что либо весь род, либо один из всех будет отличаться и превосходить своей добродетелью добродетель всех прочих, вместе взятых, тогда по праву этот род должен быть царским родом, а один его представитель – полновластным владыкой и монархом: как уже ранее было сказано, это будет согласно с тем правовым началом, на которое опираются те, кто обосновывает аристократический, олигархический и даже демократический вид государственного устройства; ведь они всюду признают право за превосходством, но не за любым превосходством, а за таким, какое мы обрисовали выше. Такого выдающегося мужа действительно непростительно было бы убивать, или изгонять, или подвергать ostracismu, равно как и требовать от него хотя бы частичного подчинения, ведь части несвойственно быть выше целого, а таким целым и является в нашем случае человек, имеющий такого рода превосходство. *Следовательно, остается одно: повиноваться такому человеку и признавать его полновластным владыкой без каких-либо ограничений.*

Имеет ли здесь в виду Аристотель под безусловно выдающимся, «божественным» мужем, которому необходимо повиноваться, конкретно Александра (так нередко считают) или же он говорит в более отвлеченном духе – этот вопрос вряд ли вообще подлежит однозначному решению. Важнее иное – сам характер рассуждения. Философ как бы сам находится в недоумении, ощущает определенное противоречие в постановке вопроса. С одной стороны, от самой идеи полиса он ни в коей мере отказываться не намерен: ведь эта идея – краеугольный камень всех его построений в политической теории. С другой стороны, он уже готов примирить с идеей полиса идею полной и неограниченной монархии.

По мысли Стагирита, если кто-либо из граждан выделяется среди остальных своими достоинствами, возможно лишь два способа поведения по отношению к нему: либо избавиться от такого лица (например, посредством ostracismu), либо добровольно подчиниться ему, поставить его выше всех законов и, таким образом, предоставить ему единоличную, абсолютную власть. Или ostracismu, или монархия – фактически такая альтернатива выдвигается Аристотелем⁸².

⁸² Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 29–30, 423–424.

Но как согласовать полис – структуру республиканскую по определению – и монархию? Получается так, что монарх, «идеальный герой», просто стоит за рамками полиса. Напомним: «таких людей не следует и считать составной частью государства», «такой человек был бы все равно что божество среди людей». Монарх – величина отдельная, причем величина сопоставимая с полисом как таковым. Можно быть одновременно гражданином полиса и подданным монарха. Социально-психологический процесс «от гражданина к подданному» тут прямо-таки у нас перед глазами, мы присутствуем при зарождении категории «граждан-подданных» и, таким образом, стоим у истоков эллинистической политической теории (и практики).

Чаще всего считается, что возникшая в эпоху эллинизма новая тенденция – обожествление правителей – была результатом влияния на греков древневосточной религиозно-политической идеологии⁸³. Подобное суждение, конечно, имеет свой резон; тем не менее нам оно представляется не вполне точным и, во всяком случае, слишком категоричным. Бесспорно, что египтяне, например, обожествляли Александра в силу своих традиционных представлений о божественном статусе фараона. Но точно так же бесспорно и то, что греки обожествляли Александра явно не по этой, а по какой-то другой причине. Иными словами, наличествовал не только восточный, но и античный фон для формирования эллинистической идеи «человекобожества».

До нас дошел отрывок из гимна, составленного в IV в. до н. э. афинянами для прославления Деметрия Полиоркета (ар. Duris FGrHist. 76 F13), и следует в интересующем нас контексте повнимательнее присмотреться к той мотивации обожествления диадоха, которую мы находим в этом памятнике. Другие боги, – говорится в гимне, – либо где-то далеко и не вмешиваются людям, либо их вообще нет; Деметрий же с нами, причем не в виде каменного или деревянного изображения, а собственной персоной, так кому же молиться, как не ему?

Данная мотивация самым непосредственным образом связана не столько с постулируемым проникновением восточных идей в античный мир, сколько с религиозными проблемами, давно уже встававшими перед самими греками. На протяжении классической эпохи, особенно в ее вторую половину, в период кризиса, в произведениях философов и поэтов становилась все более настойчивой критика традиционных представлений о божестве. Начинало казаться, что «старые» боги не выполняют своих функций; собственно, из-за этого-то и возникало побуждение обзавестись «новыми». А кто мог лучше подойти на эту роль, чем герой-полководец, для которого, казалось, нет ничего

⁸³ Например: *Зелинский Ф. Ф.* Указ. соч. С. 104; *Ладынин И. А.* Египетские идеологические представления в сообщениях Плутарха об Александре Македонском // *Античность: политика и культура.* Казань, 1998. С. 34–40. Напи возражения см.: *Суриков И. Е.* Эволюция религиозного сознания... С. 240–241.

невозможного? Священнодействия афинян по отношению к Деметрию, обычно расцениваемые как низкопоклонство и признак моральной деградации «льстивых потомков Фемистокла и Аристиды»⁸⁴, в значительной степени явились просто манифестацией перемен в религиозном сознании и в целом в менталитете – перемен, закономерно вызванных внутренними причинами, а не навязанных кем-то «извне».

Вернемся к предэллинизму. Вполне корректным представляется говорить отдельно о предэллинизме на Востоке и предэллинизме на Западе, ни в коей мере не смешивая их друг с другом, поскольку это весьма разные вещи, не имеющие практически ничего общего друг с другом. При этом, что касается предэллинизма на Востоке, О. Л. Габелко в вышеназванной статье, как нам кажется, привел достаточно серьезные аргументы, заставляющие поставить под вопрос саму реальность данного феномена.

Собственно, искать предэллинизм на Востоке, если вдуматься, будет действительно тупиковым путем и, мы бы сказали, каким-то неоправданно телеологичным путем. Ведь именно для Востока начало эллинизма, насколько представляется, не стало логическим завершением назревавших там процессов, а явилось следствием внешнего вмешательства – походов Александра Македонского и завоевания им Персидской державы. В этом смысле вполне можно сказать, что для Востока эллинизм был в известной мере исторической случайностью, обусловленной только тем, что западнее Персии – и совсем рядом – находились Эллада и Македония, из которых экспансия началась. Не было бы их или лежали бы они далеко – не было бы и этой экспансии, а, значит, восточные общества остались бы более или менее прежними и эллинистическая цивилизация на их основе не сложилась бы, своими силами они бы ее не породили.

Итак, хотим мы того или не хотим, а предпосылки эллинизма следует искать на Западе, именно там, «откуда все пошло». О. Л. Габелко в этом отношении прибегает к чрезмерно категоричным формулировкам, считая, что, по крайней мере, в отечественной литературе «предэллинизм на Западе» трактуется в чисто временном аспекте, «как просто “до-эллинистический” отрезок античной истории»⁸⁵. Не можем с этим согласиться: между прочим, именно в российском антиковедении сделано немало для того, чтобы разобраться проблеме не в примитивно-хронологическом, а в сущностном смысле, показать, как зарождались новые реалии, в результате чего мир в конечном счете принципиальным образом изменился. Перейдем теперь именно к этому (некоторые

⁸⁴ Как выразился – правда, по иному поводу – В. Н. Парфенов: *Парфенов В. Н.* Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб., 2001. С. 81.

⁸⁵ *Габелко О. Л.* Указ. соч. С. 173.

замечания были уже сделаны выше, но теперь мы их разовьем и дополним новыми соображениями).

Уже у Демосфена в речи «Против Лептина», произнесенной в 355/354 г. до н. э., указывается, в связи с боспорскими Спартокидами, на серьезную правовую коллизию (Demosth. XX. 30–41). Начали появляться случаи, когда в проксенических декретах чествуемому предоставлялись, наряду с ателией и пр., полные гражданские права. Разумеется, последнее пожалование, как правило, имело чисто почетный характер: все прекрасно понимали, что тот же Левкон I реально на жительство в Афины не переберется⁸⁶. Но в результате складывалась парадоксальная ситуация: поскольку обычные, «исконные» афинские граждане ателии не имели, в силу охарактеризованной выше практики в полисе появлялись граждане, которые были более привилегированными, чем остальные. Причем этими «супергражданами» – парадоксальность усиливается – являлись иноземцы.

Одним из таковых был, как видим, знаменитый боспорский тиран Левкон I (соответственно, этот статус унаследовали его дети и потомки). Главное нарративное свидетельство о данном факте – именно цитированная речь Демосфена. Великий оратор ведет к тому, что если псефисма Лептина (запрещавшая предоставление ателии) будет принята, то Левкона можно будет, как обычного гражданина, подвергать литургиям и т. п. Иными словами, владыка Пантикапея уподобится в данном отношении нормальному афинянину, и Демосфену это кажется возмутительным. Уже в самой подобной постановке вопроса, кстати говоря, сквозит некое подобострастие. А чем, собственно, Левкон лучше или выше среднего афинянина? – спросил бы любой участник народного собрания в V в. до н. э. – Тем, что он тиран? Одним словом, аргумент в подобном духе – есть, дескать, некий особо выдающийся человек, на которого общие «правила игры» не должны распространяться, – никак не подействовал бы (или подействовал бы скорее негативно) на аудиторию в эпоху расцвета афинской демократии⁸⁷, когда существовала гражданственная психология. В следующем

⁸⁶ Хотя, в принципе, такие случаи бывали, например, в V в. до н. э. – Менон Фарсальский (Суриков И. Е. Остракизм... С. 155), Гераклид Клазоменский (Рунг Э. В. Эпиликов мирный договор // ВДИ. 2000. № 3. С. 87–88). Другие примеры см.: Plat. Ion 541cd. Но ясно, что к Левкону I подобная ситуация неприменима.

⁸⁷ См. в данной связи наши соображения в работах: Суриков И. Е. Державный демон – правитель и подданный (власть и социокультурная норма в демократических Афинах V в. до н. э.) // Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти. М., 2008. С. 67–80; Суриков И. Е. Демократия и достоинство: к характеристике некоторых аспектов правовой и политической культуры граждан классических Афин // ИИАО. Нижний Новгород, 2010. Вып. 13. С. 37–60.

столетии, когда начала складываться психология подданного, такие доводы, несомненно, уже принимались во внимание.

Почести, оказывавшиеся в Афинах боспорским Спартокидам, отнюдь не прекратились на Левконе. В дальнейшем они отразились, в частности, в появлении ряда памятников искусства⁸⁸. Так, достаточно ярким и информативным памятником следует считать скульптурный рельеф, венчавший стелу с почетным декретом в честь сыновей Левкона – Спартока II, Перисада I и Аполлония (IG. II². 212). Памятник точно датируется (по имени архонта и указанию номера притании) 346 г. до н. э. Сам декрет хорошо сохранился. Он, если читать его внимательно, оказывается весьма интересен по своему общему духу – в том плане, что он являет собой характерный памятник переходной эпохи. В нем причудливо переплелись бывшее достоинство и нарастающее раболепие. Инициатор постановления – политик и историк Андротион – предложил, в частности, «увенчивать... (сыновей Левкона. – *И. С.*) на Великих Панафинях (т. е. регулярно, раз в четыре года. – *И. С.*) золотым венком стоимостью в тысячу драхм».

Через какое-то время Спартокидам была в Афинах оказана новая, еще более весомая почесь – на сей раз по инициативе Демосфена. Об этом узнаем из произнесенной в 324 г. до н. э. речи оратора Динарха против Демосфена: «...неужели Демосфен даром предложил... поставить на площади (т. е. на афинской Агоре, в почетнейшем месте. – *И. С.*) медные статуи Перисада, Сатира и Горгиппа, тиранов с Понта, от которых ему ежегодно присылается по тысяче медимнов пшеницы...» (Dinarch. I. 43).

Всё познаётся в сравнении. Суть вышерассмотренных эпизодов со Спартокидами становится более ясной, если сопоставить их, например, со случаем, имевшим место в тех же Афинах в начале V в. до н. э. и связанным с Мильтиадом, марафонским победителем.

«Мильтиад домогался было масличного венка, но деклесец Софан⁸⁹, встав со своего места в народном собрании, произнес хотя и не слишком умные, но всё же понравившиеся народу слова: “Когда ты, Мильтиад, в одиночку побьешь варваров, тогда и требуй почестей для себя одного”» (Plut. Cim. 8). В этих словах в полной мере слышен полисный коллективизм, который стал после клисфеновских реформ достоянием всего демоса. Граждане были убеждены в том, что победа при Марафоне – их общее дело, а не единоличная заслуга полководца.

⁸⁸ В связи с нижеследующим см.: *Завойкин А. А.* Указ. соч.; *Суриков И. Е.* О некоторых памятниках афинского искусства, имеющих отношение к Боспору // *Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира.* СПб., 2009. С. 85–88.

⁸⁹ О Софане см.: *Суриков И. Е.* Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов // *Вопросы эпиграфики.* 2009. Вып. 3. С. 120 сл.

Не случайно Аристотель (Ath. pol. 22. 3) отмечает, что именно после Марафонского сражения народ «стал чувствовать уверенность в себе».

И ведь чего просил Мильтиад? Всего-навсего одноразового вручения венка из листьев оливы. А отнюдь не регулярного увенчания золотым венком стоимостью в тысячу драм, тем более – упаси Боже! – не статуи в свою честь. Однако и в желаемой им скромной награде ему было отказано. Спартокидам полтора века спустя уже не отказывали ни в чем. И это несмотря на то, что, как бы велики ни были их заслуги перед афинянами, всё же они в несравненно меньшей степени могли считаться благодетелями Афин, нежели Мильтиад, спасший город от вражеского завоевания.

Того же Мильтиада несколькими годами ранее даже судили «по обвинению в тирании на Херсонесе (Фракийском. – И. С.)» (Herod. VI. 104). Ему, правда, удалось оправдаться. Однако характерно уже само то обстоятельство, что для привлечения к суду было достаточно одного факта бывшей тирании. Хотя, между прочим, даже будучи тираном, он сделал для Афин немало хорошего, в частности присоединил к их владениям острова Лемнос и Имброс⁹⁰. И тем не менее стоило ему прибыть с Херсонеса в афинский полис – он тут же был арестован.

А представим себе, что в IV в. до н. э. в «город Паллады» приехал бы кто-нибудь из Спартокидов (такие случаи в источниках, кажется, не зафиксированы, но ничего невозможного в подобном визите не было бы). Что бы ждало высокого гостя? Совершенно точно не арест, а, напротив, пышная и торжественная встреча, оказание новых почестей...

Причем почести эти, как видим, имели отчетливо выраженную религиозную составляющую. В частности, возведение статуй живым людям в греческих условиях являлось, несомненно, уже актом сакрализации. Создается впечатление, что еще немного – и Спартокидам был бы учрежден в Афинах полноценный культ.

Итак, о чем говорит нам затронутый сюжет о связях афинян с боспорскими тиранами?⁹¹ Проявляется несколько немаловажных вещей, в полной мере иллюстрирующих излагавшиеся нами выше тезисы. Во-первых, девальвация понятия гражданства, порождавшая парадоксальные результаты. Получалось, что Спартокиды, имевшие помимо гражданских прав в Афинах еще и ателию,

⁹⁰ Суриков И. Е. Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы (на примере ранней колонизационной деятельности Афин) // Античный мир и археология. 2010. Т. 14. С. 45–46.

⁹¹ Об этих связях см. также весьма взвешенную по выводам работу: Braund D. The Bosphoran Kings and Classical Athens: Imagined Breaches in a Cordial Relationship (Aisch. 3.171–172; [Dem.] 34.36) // The Cauldron of Ariantas: Studies Presented to A. N. Ščeglov on the Occasion of his 70th Birthday. Aarhus, 2003. P. 197–208.

оказывались афинскими гражданами в большей степени, чем сами афинские граждане! Во-вторых, следует вести речь о более мягком, примирительном по сравнению с предыдущим столетием отношении афинян к тирании и тиранам, да и в целом к монархам и монархии.

Поменялся сам тип политического дискурса. Рост монархических настроений в общественной мысли IV в. до н. э., прослеживающийся у большинства крупнейших мыслителей эпохи, будь то Ксенофонт или Исократ, Платон или Аристотель, представляется явлением совершенно несомненным. Об этом явлении писалось много⁹², и поэтому здесь нам нет нужды на нем подробно останавливаться. Отметим только, что редкие попытки оспорить сам данный факт (например, предпринятая В. Эдером⁹³) выглядят совершенно несостоятельными. Они опираются на довольно замысловатые умозаключения, но ведь нельзя же отрицать очевидное!

С таким-то вот идеологическим (в том числе и религиозно-идеологическим) «багажом» подошла Эллада к началу периода эллинизма, применительно к которому уже и можно говорить о становлении полноценного культа правителей.

⁹² Ранее, в V в. до н. э., монархия воспринималась как прямая противоположность демократии: Braund D. Friends and Foes: Monarchs and Monarchy in Fifth-century Athenian Democracy // *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece*. Oxf., 2000. P. 118. Что же касается ситуации в IV в. до н. э., см., например: Фролов Э. Д. Монархическая идея у Исократ // *Проблемы отечественной и всеобщей истории*. Л., 1969. С. 3–20; Исаева В. И. Греческая идеология IV в. до н. э. и эллинизм // *Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1990–1992. Т. 33. P. 267–271; Исаева В. И. Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994. С. 113–124; Супиков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година... С. 59 сл.; Balot R. K. Greek Political Thought. Oxf., 2006. P. 184 ff.

⁹³ Eder W. Monarchie und Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Die Rolle des Fürstenspiegels in der athenischen Demokratie // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.* Stuttgart, 1995. S. 153–173.

Раздел II

ПОЛИТОГЕНЕЗ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ: АФИНЫ И СПАРТА

АФИНЫ В VIII-VII ВВ. ДО Н. Э.: СТАНОВЛЕНИЕ АРХАИЧЕСКОГО ПОЛИСА (К ВОПРОСУ О СТЕПЕНИ СПЕЦИФИЧНОСТИ «АТТИЧЕСКОГО ВАРИАНТА»)*

Настоящая работа фактически представляет собой прямое продолжение нашей статьи, опубликованной на страницах ВДИ¹, и развивает далее идеи, выдвинутые в ней, а также в недавнем докладе на одной из конференций в ИВИ РАН². Нам, собственно, хочется разобраться в вопросе: действительно ли процесс формирования полиса в архаических Афинах шел столь уникально и беспрецедентно по сравнению с остальной Грецией, как это подчас утверждается в современной западной историографии (см. ниже)? Вначале – в качестве, так сказать, пробного анализа, как *case-study*, – нам представилось уместным рассмотреть трансформацию афинского архонтата, высшей полисной магистратуры. Это и было предпринято в указанной статье, и выяснилось, что в данном отношении говорить о какой-то принципиальной уникальности Афин не приходится. Точнее, можно, конечно, говорить и о ней, но только в той мере, в какой судьба любого из сотен греческих полисов была по-своему уникальной (ясно, что двух «полисов-близнецов» в Элладе просто не было). Таким образом, теперь можно остановиться на интересующей нас проблематике уже и в более общем плане.

Прекрасно известно, что для процесса политогенеза в античном греческом мире архаическая эпоха была ключевым временем³: ведь именно тогда рождался феномен полиса, закладывались основы «греческого чуда». Соответствующий термин «архаическая революция», призванный отразить «взрывной», в чем-то даже неожиданный характер имевших место перемен⁴, в какой-то

* Впервые опубликовано в: ВДИ. 2013. № 4. С. 23–43.

¹ Суриков И. Е. Архонтат в Афинах: от истоков института до утраты им политического значения // ВДИ. 2012. № 2. С. 29–54.

² Тезисы см.: Суриков И. Е. К проблеме формирования греческого полиса: Афины в VIII–VII вв. до н. э. // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. М., 2011. С. 273–278.

³ В целом об этой эпохе греческой истории см.: Суриков И. Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 40–83, со ссылками на важнейшую предшествующую литературу.

⁴ В истории любого политогенеза можно выделять как периоды «спокойные», подчас просто статичные, когда ничего или почти ничего принципиально не меняется, так и эпохи,

степени даже уже набил оскомину: он постоянно используется, им злоупотребляют, и в результате сам термин может утратить какую-либо эвристическую ценность.

Более конструктивным представляется подход, предложенный выдающимся антиковедом, основателем направления «новой классической археологии»⁵ Энтони Снодграссом, который в своей замечательной, этапной книге «Архаическая Греция: эпоха эксперимента»⁶ указал, что резоннее говорить о двух «архаических революциях», которые имели место соответственно в начале и в конце периода архаики⁷.

Развивая эти соображения Снодграсса, мы в другом месте⁸ высказали идею о том, что в ходе первой из этих двух «революций» формировался греческий полис как таковой, причем пока еще в форме архаического полиса. Этот процесс в основном завершился к середине VII в. до н. э.; вторую же половину архаической эпохи охватывает складывание уже классического полиса (последний в типологическом плане отличен от архаического), закончившееся в периферийных регионах эллинского мира к рубежу VI–V вв. до н. э.

Поясним нашу мысль. Мы настоятельно подчеркиваем необходимость различать между собой полис архаический и полис классический. Это, разумеется, не одно и то же; это – две стадии в развитии феномена. Специально оговариваем, что в категории «архаический полис» и «классический полис» мы вкладываем не столько хронологический, сколько именно стадийно-типологический смысл. Дело в том, что даже и в классическую эпоху в греческом мире вполне можно было встретить полисы, остававшиеся еще на «архаической» стадии и не продвинувшиеся на «классическую». Если говорить о полисах крупных и известных, то таковы, бесспорно, Спарта, полисы Крита, Фессалии, в известной степени Аргос и др.

характеризующиеся высоким динамизмом, «бурным потоком перемен». Ср.: *Суриков И. Е.* Две проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н. э. («взгляд из Эллады») // *Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза.* М., 2012. С. 310.

⁵ Основные теоретико-методологические принципы этого модного ныне направления изложены, например, в обобщающих трудах самого Снодграсса: *Snodgrass A. M.* *An Archaeology of Greece: The Present State and Future Scope of a Discipline.* Berkeley, 1987; *Snodgrass A. M.* *Archaeology and the Emergence of Greece.* Edinburgh, 2006.

⁶ *Snodgrass A. M.* *Archaic Greece: The Age of Experiment.* Berkeley, 1981.

⁷ О первой из них см. также: *Morris I.* *The Eighth-Century Revolution* // *A Companion to Archaic Greece.* Oxf., 2009. P. 64–80.

⁸ *Дементьева В. В., Суриков И. Е.* Античная гражданская община: греческий полис и римская *civitas*. Ярославль, 2010. С. 10 сл.; *Суриков И. Е.* Греческий полис архаической и классической эпох // *Античный полис: Курс лекций.* М., 2010. С. 13 сл.

Соответственно, становление архаического и классического полиса – тоже два разных процесса, которые не следует смешивать друг с другом (при том, что оба имели в полной мере революционный характер). Так вот, мы считаем, что на протяжении первой половины эпохи архаики (VIII – первая половина VII в. до н. э.) произошло формирование архаических полисов из «осколков» распавшихся монархий микенского времени, через промежуточный этап протополиса. Главный элемент этого процесса – складывание системы полисных институтов. Следует упомянуть, в частности, постепенное создание набора базовых магистратур.

Вторую же половину архаической эпохи (с середины VII по рубеж VI–V вв. до н. э.) охватывает формирование классического полиса. Брать ли отдельные регионы или греческий мир в целом, – не может не броситься в глаза целый ряд принципиально новых реалий, появившихся именно на указанном хронологическом отрезке. Среди них – кодификация права⁹; введение гоплитской фаланги и нарастание связанных с ее социальными функциями эгалитарных тенденций¹⁰; резкая интенсификация внутриволисных смут (стагиса)¹¹ и, как

⁹ Самые ранние из сохранившихся греческих законов, происходящие с Крита, датируются как раз второй половиной VII в. до н. э. О праве и законодательстве в архаической Греции см.: *Gagarin M.* Early Greek Law. Berkeley, 1986; *Koerner R.* Inschriftliche Gesetzestexte der frühen griechischen Polis. Köln, 1993; *Hölkeskamp K.-J.* Schiedsrichter, Gesetzgeber und Gesetzgebung im archaischen Griechenland. Stuttgart, 1999.

¹⁰ Строго говоря, первые известные экземпляры паноплии относятся, кажется, еще к концу VIII в. до н. э. Однако наличие гоплитского вооружения не означает еще с неизбежностью наличия фаланги как таковой. Появление последней со значительно большим основанием можно датировать следующим столетием. Вопрос о генезисе гоплитской фаланги чрезвычайно дискуссионен, по нему существует обильная литература (см. хотя бы: *Hanson V. D.* Introduction: The Ideology of Hoplite Battle, Ancient and Modern // *Hoplites: The Classical Greek Battle Experience*. L., 1993. P. 3–11; *Wees H. van.* The Development of the Hoplite Phalanx: Iconography and Reality in the Seventh Century // *War and Violence in Ancient Greece*. L., 2000. P. 125–166; *Krentz P.* Fighting by the Rules: The Invention of the Hoplite Agôn // *Hesperia*. 2002. Vol. 71. P. 23–39). В частности, и социальные последствия ее введения оцениваются неодинаково (в связи с этой контроверзой см.: *Суриков И. Е.* Война как фактор политогенеза в архаической и классической Греции: к вопросу о направленности воздействия // *Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза*. М., 2012. С. 241–242). Как бы то ни было, даже если гоплиты и фаланга изначально были вполне аристократическим изобретением (а это наиболее вероятно), всё же их внедрение, не приходится сомневаться, повело к тому, что военное дело стало более эгалитарным, чем прежде; это не могло не влиять и на эволюцию социально-политических структур.

¹¹ О стагисе, помимо классических трудов (*Lintott A.* Violence, Civil Strife and Revolution in the Classical City, 750–330 B.C. Baltimore, 1982; *Gehrke H.-J.* Stasis. Untersuchungen zu den inneren Kriegen in den griechischen Staaten des 5. und 4. Jahrhundert v. Chr. München,

результат, частое установление тиранических режимов, относимых наукой к так называемой Старшей тирании¹²; вытеснение архаичных форм зависимости (как долговая кабала или внеэкономическая эксплуатация покоренного местного населения) и развитие классического рабства¹³. Впрочем, дав здесь краткую справку обо всех этих процессах, в дальнейшем возвращаться к ним мы почти не будем, поскольку глава посвящена в основном более раннему времени, когда складывался архаический полис.

Исследование сложных перипетий становления полисной государственности (к тому же имевшего, разумеется, в различных областях Греции свою специфику) наиболее эффективным может быть при комбинированном использовании нарративной традиции и данных археологии. В настоящее время ощущается некоторая, на наш взгляд, чрезмерная акцентировка второй из названных двух категорий источников. Психологически это вполне понятно – как контраст нередко встречавшемуся ранее пренебрежению археологическим материалом со стороны антиковедов (по большей части нарративистов – историков и филологов-классиков), что порождало негативные последствия. Ныне же изучение греческой архаики преимущественно находится именно в руках археологов¹⁴.

1985), см. также: *Manicas P. T.* War, Stasis, and Greek Political Thought // *Comparative Studies in Society and History*. 1982. Vol. 24. P. 673–688; *Fisher N.* *Hybris*. Revenge and Stasis in the Greek City-States // *War and Violence in Ancient Greece*. L., 2000. P. 83–123; *Ober J.* Tyrant Killing as Therapeutic *Stasis*: A Political Debate in Images and Texts // *Popular Tyranny: Sovereignty and its Discontents in Ancient Greece*. Austin, 2003. P. 215–250.

¹² О Старшей тирании как о феномене, тесно связанном именно с процессом складывания классического полиса (в противопоставление Младшей тирании, возникшей в период кризиса классического полиса), нам уже приходилось писать: *Суриков И. Е.* К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском: стадийно-типологический контекст // *Из истории античного общества*. 2007. Вып. 9–10. С. 140–156; *Суриков И. Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М., 2011. С. 33 сл. В целом литература о тиранических режимах в архаической Греции колоссальна. Нам хотелось бы только привлечь внимание к одному исключительно важному исследованию (к сожалению, пока недооцененному в историографии в той мере, в какой оно того заслуживает), в котором Старшая тирания великолепно поставлена в общий контекст тогдашней политической жизни: *McGlew J. F.* *Tyranny and Political Culture in Ancient Greece*. Ithaca, 1996.

¹³ В связи с этими процессами, дабы не растекаться мыслию по древу, укажем на новейшее исследование (*Kyrtatas D. J.* *Slavery and Economy in the Greek World* // *The Cambridge World History of Slavery*. Cambridge, 2011. Vol. 1: *The Ancient Mediterranean World*. P. 91–111), а из библиографического аппарата в нем читатель при желании получит полное представление и об остальной существующей литературе.

¹⁴ См. оценку тенденций: *Davies J. K.* *The Historiography of Archaic Greece* // *A Companion to Archaic Greece*. Oxf., 2009. P. 3–21.

Необходимо сказать и еще об одном факторе, породившем подобную ситуацию. Ныне вообще больше обращают внимание на первую, нежели на вторую половину архаической эпохи, что, в свою очередь, вполне понятно. Во-первых, прежде как раз активнее занимались событиями и процессами, имевшими место ближе к концу этого периода (причины станут ясны чуть ниже); они были изучены достаточно досконально, а вот то, что происходило ранее, как бы «тонуло во мгле». Во-вторых, на современном этапе развития науки резонно признается, что в целом для древнегреческой истории первая половина архаики, пожалуй, имела большее значение. «Корни» полисной цивилизации лежат именно там¹⁵, а в дальнейшем мы сталкиваемся в основном с реализацией уже заложенных тенденций.

Так вот, даже при беглом взгляде на архаическую Грецию просто-таки бросается в глаза, насколько неравномерно освещены в источниках эти два ее хронологических отрезка (ранняя архаика и поздняя архаика, как их будет уместно называть), – притом что по продолжительности они примерно одинаковы. По сути дела, более или менее связную историю эллинских государств по нарративным свидетельствам удастся писать лишь со второй половины VII в. до н. э. Сказанное справедливо в первую очередь для Афин (мятеж Килона 636 г. до н. э. и законодательство Драконта 621 г. до н. э. – в сущности, первые события в истории Афин, которые все признают достоверно известными и относительно точно датируемыми¹⁶), но совершенно аналогичную ситуацию имеем и в случаях с другими центрами. Так, применительно к Коринфу у нас есть только самые смутные представления о том, что происходило там до установления тирании Кипселидов в середине VII в. до н. э.¹⁷ Не иначе обстоят дела и с такими значительными полисами, как Милет¹⁸, Самос¹⁹,

¹⁵ Ср., например: *Davies J. K. The «Origins of the Greek Polis»: Where should we be Looking? // The Development of the Polis in Archaic Greece. L.; N. Y., 1997. P. 13–20.*

¹⁶ Ср.: *Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и классической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М., 2000. С. 78.*

¹⁷ См. прежде всего: *Salmon J. B. Wealthy Corinth: A History to the City to 338 B.C. Oxf., 1997* (переиздание классического исследования, впервые вышедшего в 1984 г.). Здесь в интересующей нас связи нужно обратить внимание на всю первую часть книги. См. также: *Kōiv M. Ancient Tradition and Early Greek History: The Origins of States in Early-Archaic Sparta, Argos and Corinth. Tallinn, 2003. P. 227 ff., 339 ff.* Более оптимистический взгляд: *Thomas C. G., Conant C. Citadel to City-State: The Transformation of Greece, 1200–700 B.C.E. Bloomington, 1999. P. 115 ff.*

¹⁸ Об огромных сложностях, связанных с датировкой и интерпретацией многих событий раннеархаического Милета, см.: *Соломатина Е. И. Из истории политической борьбы в архаическом Милете: проблемы датировки событий и интерпретации источников // Античный мир и археология. 2011. Вып. 15. С. 15–24.*

¹⁹ *Shipley G. A History of Samos 800–188 B.C. Oxf., 1987. P. 41 ff.*

Мегары²⁰, Аргос²¹, да, в сущности, и Спарта (отсюда – все нескончаемые дискуссии о генезисе «ликургова космоса»).

Из этого и можно делать вывод о том, почему до середины XX в. ранняя архаика изучалась крайне слабо, а ныне, с выходом классической археологии на принципиально новый уровень, она, напротив, оказалась в фокусе внимания. Конечно же, потому, что применительно к первой половине архаической эпохи – ввиду столь явного дефицита достоверных письменных источников – об очень многом приходится судить с опорой почти исключительно на археологический материал. Если о периоде, когда действовали Килон, Солон, Писистрат, Клизфен, весьма часто (и вполне компетентно) писали исследователи, не имеющие специальных познаний в области археологии (хотя ныне уже и это становится затруднительным), то о периоде предыдущем ныне и слова ответственно нельзя сказать без этого.

Да, никому не может прийти и в голову усомниться в огромном значении достижений современной археологии для лучшего понимания истории архаической Греции. Но тем не менее любая односторонняя крайность вредна, особенно когда абсолютизация археологических данных (то, что мы однажды, правда в другой связи, назвали «ультра-археологическим подходом» и определили как редукцию к следующей принципиальной, хотя обычно эксплицитно не высказывающейся, презумпции: *все события и процессы античной истории должны были получить отражение в археологическом материале, и если такое отражение не прослеживается, то это достаточное основание ставить под сомнение или отрицать само событие или процесс*²²) сочетается с гиперкритическим отношением к письменным источникам, вплоть до их игнорирования.

А примеры подобного рода – не редкость. Так, Иан Моррис, второй по авторитетности после Э. Снодграсса представитель «новой классической археологии», около четверти века назад опубликовал известную книгу «Погребения и античное общество»²³, которая фактически произвела сенсацию в науке

²⁰ Legon R. P. Megara: The Political History of a Greek City-State to 336 B.C. Ithaca, 1981. P. 41 ff.; Пальцева Л. А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999. С. 28 сл.

²¹ Известно, как сильно «плавают» датировки даже такой крупнейшей фигуры раннеархаической истории Аргоса, как Фидон. См. к проблеме: *Kdiv M.* Op. cit. P. 239 ff. (с не очень убедительным отнесением этого правителя к VIII в. до н. э.; первая половина следующего столетия выглядит гораздо вероятнее).

²² Суриков И. Е. «Херсонес изначальный» или «предхерсонесское поселение»? // *Studia historica*. 2009. Вып. 9. С. 195. Этот подход является, в сущности, предельным выражением тенденций, заложенных в самом направлении «новой классической археологии», которое стремится сделать археологическую науку независимой от исторической.

²³ Morris I. Burial...

акцентированной новизной утверждений. В этой работе автор, в частности, убедительно показал на чисто археологическом материале, в основном путем анализа погребений, что в середине VIII в. до н. э. в Афинах (а также в ряде других центров – Аргосе, Коринфе) имели место чрезвычайно серьезные изменения социально-политического плана. В них он видит именно рождение полиса, и это совершенно верно.

Сказанное нуждается в пояснении. В свое время произвели весьма убедительное впечатление на коллег выкладки Снодграсса²⁴ о вроде бы имевшем место как раз тогда же – в середине VIII в. до н. э. – мощнейшем демографическом взрыве в Элладе. Его выводы стали хрестоматийными, и поныне повсеместно ими пользуются²⁵. Нужно, однако, отдавать себе отчет в том, какими конкретными реалиями они обусловлены. Укажем: прежде всего резким возрастанием во второй половине названного столетия количества обнаруженных *погребений*. Иными словами, люди стали в несколько раз чаще умирать. Действительно, закономерен вывод, что для этого их, как минимум, должно было намного больше и рождаться? Не всех подобный ход мысли устроил. Так, Дж. Кэмп²⁶ предложил иную точку зрения (впрочем, мало кем безоговорочно принятую): люди стали чаще умирать потому, что в конце VIII в. до н. э. Атике постигла беспрецедентная засуха.

Но тут властно прозвучал тезис И. Морриса, гласящий: количество известных нам погребений указывает не на количество умерших (и, соответственно, за какое-то время до того родившихся) в целом, а на количество умерших, которым было разрешено официальное погребение (*formal burial*). Последнее в рамках рассматриваемой концепции выступает неким статусным признаком. В представлениях Морриса (да и отнюдь не только его одного) жители ранне-архаических полисов делились на ἀγαθοί и κακοί, с трактовкой этих категорий в социологическом смысле (соответственно как элиты и простонародья)²⁷. Впрочем, по Моррису, эта элита (ἀγαθοί) составляла в количественном

²⁴ Snodgrass A. M. *Archaic Greece*... 19 ff.

²⁵ Берем в руки первый попавшийся обобщающий труд – и там встречаем этот постулат о демографическом взрыве (Андреев Ю. В. *Архаическая Греция // История Европы*. М., 1988. Т. 1: Древняя Европа. С. 234).

²⁶ Camp J. M. A Drought in the Late Eighth Century B.C. // *Hesperia*. 1979. Vol. 48. P. 397–411.

²⁷ Признаться, у нас вызывают серьезные сомнения (и чем дальше, тем больше) подобные социологические интерпретации названных терминов. Нам трудно представить, чтобы кто-либо (будь то хоть Терсит!) сам осознавал себя как κακός. Мы всё сильнее склоняемся в пользу их этической трактовки (см. предварительные замечания: Суриков И. Е. Еще раз о законодательствах Драконта и Солона в Афинах (полемиические заметки). Ч. II // *Из истории античного общества*. 2009. Вып. 12. С. 35–36) и намерены в дальнейшем рассмотреть вопрос подробнее.

отношении 25–50 % взрослого населения²⁸. Право же, можно ли такой мощный слой определять как элиту? Тут, пожалуй, более уместной была бы формулировка «элита плюс средний класс». Иными словами, в эту группу входили знатные богачи, а также лица среднезажиточные, а в группу како́й – бедняки.

И. Моррис считает, что на протяжении протогеометрического, раннегеометрического и среднегеометрического периодов (т. е. в общей сложности на хронологическом отрезке около 1050–750 гг. до н. э.) како́й были лишены права на официальное погребение. В результате они как бы археологически не существуют для нас, что и ведет к заниженным оценкам численности населения до второй половины VIII в. до н. э. Признаться, все это не вполне понятно. Ибо встает вопрос: а каким же образом поступали со своими умершими бедняки, если они их не хоронили? Выбрасывали на съедение зверям и птицам? Это немножко отдаст абсурдом. Сжигали, а пепел развеивали? Но кремация – обряд более дорогостоящий, чем ингумация, и более чем сомнительно, что он мог когда-либо являться основным для беднейшей части населения.

Впрочем, оставим наши недоумения при себе (в конце концов, в современной археологии, при ее весьма продвинутом уровне, немало таких премудростей, которые непостижимы для «простых смертных»²⁹) и продолжим

²⁸ *Morris I. Burial...* P. 94.

²⁹ Проиллюстрируем это таким примером (кстати сказать, тоже имеющим прямое отношение к погребальным обрядам): не так давно А. А. Завойкин и Н. И. Сударев в серии статей рассмотрели боспорские погребения с оружием VI–V вв. до н. э. (*Завойкин А. А., Сударев Н. И. Погребения с оружием VI–V вв. до н. э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. I // Древности Боспора. 2006. Т. 9. С. 101–151; Завойкин А. А., Сударев Н. И. Погребения с оружием VI–V вв. до н. э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. II // Древности Боспора. 2006. Т. 10. С. 263–303*), и полученные выводы нашли отражение также в докторской диссертации А. А. Завойкина (*Завойкин А. А. Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления территориальной державы. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2007. С. 32–35*). Опшюнируя эту диссертацию, мы не могли не подметить некоторые вещи, которые кажутся странными историку-нарративисту. Так, принимается следующий постулат: если погребение содержит вооружение, то оно принадлежит военному, а если не содержит – то «гражданскому лицу». Соответственно, чем больше (для такого-то периода или полиса) погребений с вооружением, тем, значит, больше полисная армия. Однако нам не вполне ясно, что такое «гражданские лица» в условиях полиса, когда армия являлась ополчением граждан и фактически совпадала с гражданским коллективом. Соответствующее отношение – к выражениям в духе «Нимфей наращивает (с нуля) армию» и т. п. Невозможно допустить, что в полисе в какой бы то ни было момент армия равняется нулю: это означало бы, что в полисе нет граждан. Так рассуждали мы, «непосвященные». А вот коллеги-археологи высоко оценили эти разработки А. А. Завойкина и Н. И. Сударева, признав предложенную ими модель анализа погребений весьма перспективной. Возможно, мы были тогда и не вполне правы. Пришлось

изложение концепции Морриса. Итак, по его мнению, в позднегеометрический период (а это и есть ключевая для нас вторая половина VIII в. до н. э.), в отличие от предшествующих, официальное погребение стало доступным также и для какой. Это и создало у исследователей иллюзию демографического взрыва. В действительности же, с точки зрения ученого, какой были уравнины с ἀγαθοί, получили статус граждан. А это означает рождение полиса, ибо для Морриса ключевой признак феномена полиса (даже архаического) – эгалитаризм³⁰.

Э. Снодграсс полемизировал с новой идеей³¹, но, впрочем, достаточно мягко, указывая, что по-своему правы и он, и И. Моррис, а главное – что между их концепциями, наряду с различиями, имеются и черты существенного сходства. Так, Моррис ведь не отрицает в принципе сам факт значительного роста населения в VIII в. до н. э., а просто полагает, что Снодграссом этот рост преувеличен³² и что в любом случае не всё им объясняется. С другой стороны, и сам Снодграсс ныне, кажется, склонен признать, что его первоначальные оценки мощности демографического взрыва были несколько завышенными. Ученый пишет:

...Думаю, что детализированные аргументы Морриса убедят большинство читателей. Он признаёт, что около середины VIII в. до н. э. имел место *некоторый* рост афинского населения, но только в гораздо более скромном масштабе, чем казалось мне; и в историческом плане он был менее значим, чем резкая перемена в размере «группы, заслуживающей погребения». Но особенно поразительно то, что объяснение, данное Моррисом этой важной перемене в общественной жизни, в сущности, совпадает с тем, которое я ранее предложил для предполагаемого роста населения: в основе лежит появление афинского полиса. То, что мне виделось демографическим взрывом, способствовавшим ускорению формирования государства, Моррис трактует как только что сложившийся коллектив граждан с семьями, заявляющих права на официальное погребение такого типа, который ранее

же нам позже писать, в частности, что в Афинах (в VI в. до н. э.) бывали времена, когда отсутствовало полисное ополчение: *Суриков И. Е.* Воительница Афина: Солон, Писистрат и афинское полисное ополчение в VI в. до н. э. // *Мнемон.* 2010. Вып. 9. С. 47 сл.

³⁰ *Morris I.* The Early Polis as City and State // *City and Country in the Ancient World.* L.; N. Y., 1992. P. 41 ff.; *Morris I.* Equality and the Origins of Greek Democracy // *Ancient Greek Democracy: Readings and Sources.* Oxf., 2004. P. 45 ff.; *Morris I.* The Eighth-Century Revolution... P. 73 ff. Cp. также: *Raaflaub K. A., Ober J., Wallace R. W.* Origins of Democracy in Ancient Greece. Berkeley, 2007. P. 22 ff.

³¹ Например: *Snodgrass A. M.* Archaeology and the Study of the Greek City // *City and Country in the Ancient World* / J. Rich, A. Wallace-Hadrill. L.; N. Y., 1992. P. 16 ff.

³² По мнению Морриса, население возросло не в семь раз за шестьдесят лет, как считал Снодграсс, а лишь в три раза. Но даже и эта цифра впечатляет.

был лишь привилегией для избранных: ближайшая причина стала непосредственным следствием. Если мы оба не ошибаемся, оказывается всё более вероятным, что в VIII в. до н. э. в Афинах начали происходить коренные перемены³³.

Итак, с точки зрения археологов, при всех различиях в нюансах, в середине VIII в. до н. э. в Афинах сформировался полис. С этим спорить невозможно и не нужно. Но вот на что хотелось бы обратить внимание. Моррис так и остается на чисто археологической почве, поскольку он даже не попытался сопоставить свои выводы с сообщением традиции (Castor FGrHist. 250. F 4), относящим как раз к *этому самому времени* (к 753–752 гг. до н. э.) такую принципиальную реформу афинского государственного устройства, как ликвидация пожизненной царской власти и переход к десятилетнему архонтату, иными словами, по сути дела, то же самое рождение полиса со свойственной ему системой магистратур из примитивной протополисной монархии³⁴.

Судя по всему, это даже и не пришло ему в голову, помешал субъективно-гиперкритический настрой: если достаточно поздний источник³⁵ сообщает о весьма ранних событиях, то эти данные можно вообще не принимать во внимание, как будто бы их и нет. В результате гиперкритики, как неоднократно отмечалось³⁶, вынуждены на место источникового материала ставить собственные умозрительные реконструкции, и совершенно непонятно, чем последние лучше первых.

В связи с гиперкритицизмом мы просто вынуждены обозначить, во избежание недоразумений, свою принципиальную позицию, уже не в первый раз³⁷ (уж очень это животрепещущая тема, когда занимаешься архаикой).

Чрезмерное господство этого гиперкритического направления в оценке источников стало одной из досадных издержек современного этапа изучения архаической греческой истории (преимущественно в западном антиковедении). Жертвой данного подхода становится в первую очередь нарративная традиция. Как известно, для «ранней Греции» существует лишь очень малое количе-

³³ Snodgrass A. M. *Archaeology and the Study...* P. 16 ff.

³⁴ Нашу критику см. также: Суриков И. Е. Архаическая и классическая Греция... С. 44 сл.; Суриков И. Е. К проблеме формирования...; Суриков И. Е. Архонтат в Афинах... С. 39.

³⁵ Хотя, кстати, Кастор, автор вышеупомянутого фрагмента, – писатель более ранний, чем, например, Плутарх. А в мире найдется, полагаем, не так уж много столь смелых антиковедов, которые решатся совершенно игнорировать Плутарха как источник. О ценности свидетельств Плутарха применительно к архаике см., например: Blois L. de. *Plutarch's Solon: A Tissue of Commonplaces or a Historical Account?* // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden; Boston, 2006. P. 429–440.

³⁶ См. хотя бы: Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 18 сл.

³⁷ Ср.: Суриков И. Е. Архаическая и классическая Греция... С. 43 сл.

ство современных эпохе письменных источников. Причем они ограничены не только в количественном отношении, но и в тематическом. В частности, собственно исторические труды появляются только на самом закате архаической эпохи. Это – произведения так называемых логографов, от которых к тому же дошли лишь жалкие фрагменты. Приходится довольствоваться литературными памятниками других жанров, особенно поэзией: гомеровским и гесиодовским эпосом, лирикой VII–VI вв. до н. э. Но ведь это – весьма специфические источники, из которых информацию о многих сферах бытия в принципе невозможно почерпнуть, поскольку она в них никогда и не содержалась.

А в то же время существует достаточно богатая нарративная традиция о греческой архаике, но созданная в более позднее время, в классическую, эллинистическую, римскую эпохи. Среди представителей этой традиции – крупные историки, ученые: Геродот и Фукидид, Аристотель и Плутарх, Диодор и Павсаний... Но все они жили позже (порой – намного позже) тех событий, которые ими описываются. Потому-то адепты гиперкритической тенденции откровенно недооценивают сообщения этих авторов об архаическом периоде, а то и просто пренебрегают ими. Считается, что они не могли сохранить достоверных данных о том, чего не видели своими глазами.

Характерно, например, встреченное нами высказывание одного западного антиковеда³⁸: он-де является учеником Финли и поэтому считает недостоверной всю афинскую историю вплоть до Пелопоннесской войны. Откровенная, но вряд ли конструктивная позиция! Никто не будет спорить с тем, что сведения по эпохе архаики, содержащиеся даже у Геродота и Фукидида (не говоря уже о Плутархе, Павсании и др.), подлежат критическому анализу. Но критический анализ и отбрасывание «с порога» – отнюдь не одно и то же.

Ведь очень часто гиперкритицизм порождает выборочный и произвольный подход к сведениям источников. Исследователь берет только те данные, которые укладываются в разделяемую им общую схему, подкрепляют ее. А те, которые ей противоречат, отбрасываются как не содержащие в себе зерно истины. Вряд ли такого рода субъективизм полезен для науки.

Нередко можно встретить эксплицитное суждение о том, что только археологические данные могут служить в полной мере достоверным источником по истории ранней Греции. И опять же: уже из сказанного выше в данной главе, наверное, видно, что мы ни в коей мере не хотим умалить значение археологии для изучения этого исторического этапа античности. Это значения, без сомнения, колоссально. Но – снова и снова не скроем наше недоумение – почему нужно трактовать данные археологии изолированно? Пример, приведенный чуть выше, со всей ясностью демонстрирует, что гораздо более перспективным

³⁸ Todd S. C. Response to Sally Humphreys // Symposium 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 47.

представляется комплексная корреляция двух основных типов свидетельств: письменных источников и вещественных памятников. Оказалось, что анализ материала, независимо почерпнутого из этих двух сфер, дает фактически один и тот же результат, в том числе и в хронологическом отношении. А это, полагаем, о чем-то говорит?

Подчеркнем: наш протест против гиперкритицизма отнюдь не следует понимать в том смысле, что мы призываем вовсе отказаться от критики нарративных источников. Есть две в равной мере досадные крайности – гиперкритическая презумпция и безграничное, буквалистское доверие к тексту источника. Если на первых стадиях развития антиковедения Нового времени торжествовала крайность, упомянутая последней, то со времен Нибура всё чаще «перегибают палку» в противоположную сторону.

Гиперкритицизм, может быть, в свое время был понятен как естественная реакция на некритическое следование источнику и даже в чем-то полезен. Но теперь, как представляется, свою функцию он выполнил и стал скорее тормозом развития научного знания об античности. Вместо того чтобы с упорством, достойным лучшего применения, держаться за него, как и по сей день делается на Западе, от этого подхода давно пора бы отказываться. Исследования последних лет³⁹ убедительно показывают, что даже применительно к крито-микенской эпохе (!) нарративная традиция I тыс. до н. э. содержит массу ценнейшей и аутентичной информации. Необходимо только научиться правильно согласовывать эту информацию с данными археологии – и результаты оказываются впечатляющими. Тем более сказанное должно относиться к эпохе архаики. Работы западных антиковедов, зачастую исключительно богатые как фактологическим материалом, так и идеями, страдают именно от неверной методологической установки.

В то же время и брать всю историческую информацию, скажем, того же Аристотеля «как она есть», как полную и безусловную истину, неправомерно⁴⁰. Это означает одновременно и переоценку и недооценку античных писателей. Переоценку – поскольку негласно постулируется, что автор IV в. до н. э. имел в своем распоряжении исчерпывающую и неоспоримо достоверную информацию о событиях пятисотлетней (и более) давности, но при этом не ставится вопрос, откуда бы такая информация ему была доступна. Недооценку – поскольку

³⁹ См. хотя бы: Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996; Молчанов А. А. Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н. э. (проблемы источниковедения минойстики и микенологии). М., 2000; Немировский А. А. «Троянская дискуссия» в историографической перспективе: возможен ли определенный результат? // *Studia historica*. М., 2002. Т. 2. С. 14–43.

⁴⁰ Суриков И. Е. Досолоновские «шестидольники» и долговой вопрос в архаических Афинах // ВДИ. 2007. № 3. С. 37.

великий Аристотель в рамках такого подхода воспринимается как некий туповатый хронист без всяких признаков оригинальных идей или фантазии, способный только на то, чтобы механически воспроизводить факты. Но ведь прекрасно известно, насколько в действительности собственные взгляды основателя перипатетической школы окрашивали его повествование о событиях прошлого! К тому же он стоял в конце длительной историографической традиции классической эпохи, имел целый ряд предшественников (применительно к афинским реалиям – прежде всего аттидографов), чьими трудами постоянно пользовался. А каждый из этих предшественников тоже был не летописцем, а исследователем⁴¹, тоже имел круг собственных мнений, влиявших на изложение.

Необходимо пройти «между Сциллой и Харибдой». Наряду с крайними позициями существует ведь и «золотая середина», путь умеренной критики⁴². Только этот путь позволяет прийти к плодотворным результатам.

Сделаем несколько наметок к поискам этого среднего пути. Как работать с данными античного автора, который отделен от описываемой им эпохи столетиями? Во-первых, прослеживается следующая закономерность. Непосредственные эмпирические факты, которые сообщаются даже такими довольно поздними писателями, как Диодор, Плутарх и др., как правило, заслуживают доверия. Их вряд ли следует отвергать – конечно, за исключением тех случаев, когда эта информация либо вступает в прямое противоречие с заведомо более аутентичными источниками, либо она сама по себе внутренне противоречива.

С другой стороны, необходимо проводить четкое разграничение между фактами и их интерпретациями. Как раз эти интерпретации у поздних авторов и являются тем, что далеко не всегда и не во всем заслуживает доверия. Даже Аристотель, отделенный от событий V в. до н. э. всего лишь столетием, при рассказе о них (в частности, в «Афинской политике») подчас не вполне корректен в их трактовке, дает порой упрощенную и одностороннюю картину политической жизни, в определенной степени модернизирует ситуацию и судит о более ранних эпохах с помощью категориального аппарата своего времени, во многом чуждого реалиям ранней классики. В тем большей мере сказанное относится, например, к аристотелевскому анализу реформ Солона и породившего их кризиса. Факты изложены в основном верно, но их интерпретация умозрительна, априорна⁴³.

⁴¹ Суриков И. Е. Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011. С. 11 сл., 83 сл.

⁴² См. в связи с этим важные методологические замечания в: Немировский А. А. У истоков древнееврейского этногенеза. Ветхозаветное предание о патриархах и этнополитическая история Ближнего Востока. М., 2001. С. 3 сл.

⁴³ Пожалуй, в наибольшей степени эта особенность оттенена в книге: Day J., Chambers M. Aristotle's History of Athenian Democracy. Berkeley, 1962.

Еще более сомнительными, откровенно риторическими, наивно-морализаторскими бывают трактовки фактов у Плутарха. Мы, таким образом, не обязаны слепо следовать всем рассуждениям, встречающимся у того или иного автора, но сообщаемые им факты мы, безусловно, всегда должны учитывать.

Во-вторых (это тесно связано с тем, что было отмечено чуть выше), историческая память античности, очевидно, по какому-то закону общечеловеческой психики, лучше, надежнее фиксировала одни вещи и значительно хуже – другие. К первым относятся как раз факты, события, личности; ко вторым – процессы, реалии, институты. Выражаясь, может быть, несколько упрощенно, позволим себе заметить, что нарративный источник, как правило, в гораздо большей степени дает нам достоверно знать о том, *что* произошло, чем *как* это произошло. Тут уже начинаются детали, а детали – идеальное поле для искажения.

* * *

Хотелось бы специально остановиться на критике другой идеи И. Морриса – на наш взгляд, глубоко ошибочной, но тем не менее почему-то весьма востребованной в антиковедении⁴⁴. На тех же археологических данных исследователь приходит к парадоксальному заключению⁴⁵: в отличие от большинства развитых регионов Греции (Аргос, Коринф и др.), где полис, возникнув в середине VIII в. до н. э., далее так и продолжал развиваться, в Афинах данный процесс в конце того же столетия был свернут усилиями консервативной аристократии, и афинское государство надолго, на целый век, перестало быть полисом, а вновь стало таковым лишь в результате реформ Солона 594 г. до н. э. Таким образом, для Афин здесь постулируется совершенно уникальный, не имеющий параллелей в эллинском мире вариант развития, приобретшего на определенном этапе регрессивный характер. Основанием для подобного вывода становится у Морриса опять же в основном анализ погребений: по его

⁴⁴ Не все в науке определяется внутринаучными факторами. В Америке М. Бернал том за томом пипет свою «Черную Афины» (относительно недавно вышел третий том: *Bernal M. Black Athena: The Afroasiatic Roots of Classical Civilization. New Brunswick, 2006. Vol. 3: The Linguistic Evidence.*), в которой настаивает на афро-азиатских корнях не только греческой цивилизации, но и самого греческого этноса. Теория эта – совершенно несостоятельная (см. аргументированную критику: *Hall E. When is a Myth not a Myth? Bernal's «Ancient Model» // Arethusa. 1992. Vol. 25. No. 1. P. 181–201*), однако она стала чрезвычайно популярной. Причина проста: высказывания Бернала – этого американского Льва Гумилева, – разумеется, весьма лестны для афроамериканской составляющей населения США, сильной и влиятельной во всех смыслах.

⁴⁵ *Morris I. Burial...* P. 205 ff.

мнению, в этой сфере после 700 г. до н. э. в определенной мере восстанавливается динамика, схожая с той, которая имела место до 750 г. до н. э.

В рассматриваемой монографии, относящейся к ранним работам И. Морриса, изложенный тезис высказывается с большим полемическим задором; в последующих своих исследованиях этот ученый стал куда осторожнее, значительно смягчил свою позицию⁴⁶. Однако его идея об отсутствии полисных структур в Афинах в VII в. до н. э. – насколько можно судить, именно в силу своей необычности, экзотичности – была с энтузиазмом воспринята некоторыми другими специалистами. Бывает так, что точка зрения, на момент своего возникновения являющаяся «еретической», со временем превращается едва ли не в «новую ортодоксию»; нечто подобное довольно быстро произошло и в рассматриваемом случае. Ныне это представление подчас уже воспринимается как доказанный факт, как нечто само собой разумеющееся и служит уже опорой для дальнейших концептуальных построений. При этом ссылаются не на какие-то факты или новые появившиеся данные, а, по сути, единственно на сам тезис Морриса, как на *ultima ratio*. Более того, формулируют этот тезис в еще более заостренной и категоричной форме, нежели сам его автор, стремятся быть, так сказать, «католичнее папы римского».

Так, Дж. Альмейда в книге о политической поэзии Солона⁴⁷ всецело исходит из того, что Моррис прав и Солону пришлось восстанавливать в Афинах ранее исчезнувшую полисную государственность⁴⁸. Соответственно, с этой точки зрения он и рассматривает стихи великого законодателя. Особенный упор ученый делает на мысли о необходимости справедливости (*dike*), часто встречающиеся у Солона⁴⁹, причем саму концепцию справедливости он считает ключевым элементом самой «идеи полиса». В этом отношении Альмейда опять же идет за Моррисом: мы уже видели, что в представлениях последнего для полиса всего важнее эгалитаризм, предполагающий, в частности, справедливое, то есть равное, участие граждан в жизни общины.

В подобном ходе мысли, в принципе, есть немало верного. Ведь не случайно же, что первым на греческой почве певцом справедливости, «богини Дики», стал Гесиод – как раз в период формирования архаического полиса. А в литературе

⁴⁶ Например: *Morris I. The Eighth-Century Revolution...*

⁴⁷ О которой см. также: *Anhalt E. K. Solon the Singer: Politics and Poetics*. Lanham, 1993; *Mülke Chr. Solons politische Elegien und Iamben* (Fr. 1–13: 32–37 West). Einleitung, Text, Übersetzung, Kommentar. Lpz., 2002; *Irwin E. Solon and Early Greek Poetry: The Politics of Exhortation*. Cambridge, 2005.

⁴⁸ *Almeida J. A. Justice as an Aspect of the Polis Idea in Solon's Political Poems: A Reading of the Fragments in Light of the Researches of New Classical Archaeology*. Leiden, 2003. P. 159 ff.

⁴⁹ *Ibid.* P. 207 ff.

неоднократно отмечалось⁵⁰, что Солон прекрасно знал поэмы Гесиода и во многом ориентировался и опирался на их традицию – хотя при этом очень сильно перерабатывал эту традицию с целью сделать ее более актуальной для новой эпохи с изменившимися условиями. Подчеркнем: условия были именно изменившимися, новыми. А если доводить теорию Морриса до ее логического предела, то получается, что Солон в Афинах на рубеже VII–VI вв. до н. э. находился в Афинах примерно в такой же ситуации, какая была в гесиодовской Беотии на столетие с лишним раньше⁵¹: в ситуации, когда рождается полис. Однако подобное ни из чего не вытекает (подробнее мы это покажем ниже), явным образом не соответствует действительности, да и – скажем прямо – просто невысказано. Да, у Солона и вправду тема справедливости занимает немалое место. Но почему это должно означать, что Солон возрождал афинский полис из небытия? Кстати, нужно еще разбираться, насколько пресловутая солоновская справедливость была эгалитарной. Знаменитый мудрец – посмотреть ли на его литературное творчество или на практическую деятельность – отнюдь не производит впечатления адепта всеобщего равенства⁵².

Ф. Стенли в монографии, вышедшей несколькими годами раньше⁵³ – в ряде выводов достаточно интересной, хотя и не лишенной некоторых странностей⁵⁴,

⁵⁰ Например, *Irwin E.* Op. cit. P. 155 ff.; *Blaise F.* Poetics and Politics: Tradition Re-worked in Solon's «Eunomia» (Poem 4) // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches.* Leiden; Boston, 2006. P. 114–133.

⁵¹ В связи с общей ситуацией, отраженной у Гесиода, см.: *Thomas C. G., Conant C.* Op. cit. P. 144 ff.; *Edwards A. T.* Hesiod's Ascrea. Berkeley, 2004; *Ulf C.* The World of Homer and Hesiod // *A Companion to Archaic Greece.* Oxf., 2009. P. 81–99.

⁵² Точнее говоря, он был адептом «геометрического» равенства («каждому – по заслугам»), а не равенства «арифметического» («всем – одинаковые права»). Не можем здесь рассматривать этот вопрос подробнее. Во многом (хотя и не во всем) верны суждения, высказываемые в работе: *Туманс Х.* Еще раз об аристократизме и «буржуазности» Солона // ВДИ. 2007. № 2. С. 19–39. Отметим еще, что некоторое внешнее сходство гесиодовских и солоновских идей может объясняться тем, что первые коррелировали со становлением архаического полиса, а вторые высказывались в те времена, когда складывался полис классический (этот нюанс не учитывается И. Моррисом и его последователями, на чем мы еще остановимся ниже, в конце главы). Понятно, что начальные фазы двух разных этапов греческого политогенеза должны были иметь между собой нечто общее (по «принципу спирали»).

⁵³ *Stanley P. V.* The Economic Reforms of Solon. St. Katharinen, 1999.

⁵⁴ Так, желательно было бы, чтобы в книге, озаглавленной «Экономические реформы Солона», побольше говорилось именно об *экономических реформах Солона*. Однако в трехсотстраничной работе им уделено около полусотни страниц, остальные же посвящены общим соображениям об экономической ситуации в Афинах и в Греции в целом в досолоновские и послесолоновские времена. Если бы не этот странный дисбаланс, можно было бы назвать эту

руководствуется тем же самым «моррисовским» постулатом, опять же доводя его порой до крайности. Разбирая экономические реформы Солона, он приходит к выводу, что законодатель «возродил Афины в качестве полиса, развивающегося в том же направлении, что и другие части Греции»⁵⁵. Ранее, в VII в. до н. э., имел место перерыв в этом развитии»⁵⁶. Так ли это в действительности – нам уже вскоре предстоит увидеть.

Автор, о котором сейчас идет речь, вообще склонен к теоретизированию. Так, он постулирует три возможных варианта развития политической жизни в греческих полисах VIII–VII вв. до н. э. По его мнению, в каждом полисе в рассматриваемый период имелись три основные борющиеся силы: цари, аристократия и верхушка демоса (закиточные крестьяне-гоплиты). Соответственно, могли объединяться либо аристократы с верхушкой демоса против царей (случай Коринфа, где это повело к ликвидации монархии и установлению олигархии Бакхиадов), либо цари с верхушкой демоса против аристократов (случай Аргоса, где на этой «волне» поднялся Фидон⁵⁷), либо цари с аристократией против верхушки демоса (случай Спарты, где в результате утвердилось ее уникальное государственное устройство)⁵⁸. В Афинах, полагает Стенли, события пошли (вначале) скорее по «аргосскому» пути⁵⁹.

Сказанное, бесспорно, наводит на некоторые достаточно результативные размышления, но тем не менее всё это «вилами по воде писано». Поневоле снова и снова приходится удивляться «двойным стандартам» гиперкритиков: с одной стороны, они готовы отказать в доверии свидетельствам источников,

монографию наиболее фундаментальной (или, по крайней мере, наиболее объемной) из имеющихся по проблематике, обозначенной в ее заголовке. Из более ранних см.: *Woodhouse W. S. Solon the Liberator: A Study of the Agrarian Problem in Attika in the Seventh Century*. Repr. ed. N. Y., 1965 (переиздание книги, впервые вышедшей в 1938 г.).

⁵⁵ Уже сама эта формулировка порождает вопросы. Что, разве для *всех* «частей Греции» характерно одинаковое развитие? Давайте сравним хотя бы Ионию и, скажем, Этолию.

⁵⁶ *Stanley P. V. Op. cit.* P. 258.

⁵⁷ Наличие басилеев из рода Теменидов, то есть потомков Фидона, зафиксировано в Аргосе вплоть до первой половины V в. до н. э. (*Robinson E. W. The First Democracies: Early Popular Government outside Athens*. Stuttgart, 1997. P. 82 ff.). О династии Теменидов в целом см.: *Молчанов А. А. Персеиды-Гераклиды-Темениды: идея непрерывной династической легитимности в официальных родословных античных монархов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 151–159.*

⁵⁸ *Stanley P. V. Op. cit.* P. 128.

⁵⁹ Ученый, будучи последователем И. Морриса, тоже «не замечает» реформу 753 г. до н. э. и поэтому расплывчато пишет, что в Афинах «институт царской власти был отменен к 682/681 г. до н. э., когда была впервые учреждена годичная должность архонта» (*Stanley P. V. Op. cit.* P. 150).

которые, дескать, недостаточно строго отражают действительность, а, с другой – самим себе позволяют куда более смелый «полет мысли»⁶⁰. Нам, со своей стороны, еще хотелось бы отметить: ничто, в общем-то, не позволяет отнести Афины раннеархаического времени к «аргосскому» пути. Ровно ничего, хоть отдаленно напоминающего деятельность Фидона, мы в эту эпоху в Аттике не встретим. Подробнее о том, что в действительности имело место, будет сказано чуть ниже.

Мы могли бы указать и на другие примеры того, как интенсивно сейчас развивается восходящее к Моррису представление об отсутствии полисных структур в Афинах VII в. до н. э. Но, думается, приведенных иллюстраций достаточно. Обратимся теперь к анализу данной точки зрения по существу.

Что же все-таки говорят нам по этому поводу факты, сохранные нарративной традицией? Характерно, что из них вырисовывается картина полярно противоположная взглядам И. Морриса и его последователей. На протяжении VII в. до н. э. в Афинах, во-первых, происходило дальнейшее развитие системы архонтских магистратур. Подробно этот вопрос рассмотрен нами в статье на страницах ВДИ⁶¹, а здесь мы дадим краткую характеристику процесса, опираясь на сделанные там выкладки.

Еще в конце предшествующего столетия получили право становиться архонтами не только члены бывшей царской династии Кодридов-Медонтидов, как прежде, но и все другие афинские евпатриды. Иными словами, была ликвидирована монополия одного рода на высшую магистратуру. Бесспорно, здесь перед нами победа аристократических сил над монархическим принципом, воплощенным в Медонтидах. Вполне вероятно, что это повело одновременно и к ухудшению положения рядовых жителей Аттики, которые стали оказывать-ся по отношению к знати в различных формах зависимости, что и отразилось

⁶⁰ Как тут не вспомнить, что Моррис весьма сочувственно отнесся (*Morris I. Death-Ritual and Social Structure in Classical Antiquity. Cambridge, 1992. P. 108 ff.*) к выкладкам Э. Фрэнсиса и М. Векерса, безответственно предлагающих очень серьезно передатировать всю позднеархаическую и раннеклассическую аттическую расписную керамику (а заодно уж и всё с ней хронологически сопряженное, например древнейшие афинские монеты). См.: *Francis E. D. Image and Idea in Fifth-Century Greece: Art and Literature after the Persian Wars. L.; N. Y., 1990; Vickers M. Early Greek Coinage, a Reassessment // Numismatic Chronicle. 1985. Vol. 145. P. 1–44; Vickers M. Attic Symposia after the Persian Wars // Symptica: A Symposium on the Symposion. Oxf., 1990. P. 105–121.* «Новая хронология» Фрэнсиса – Векерса неоднократно подвергалась суровой критике: *Cook R. M. The Francis – Vickers Chronology // Journal of Hellenic Studies. 1989. Vol. 109. P. 164–170; Williams D. Refiguring Attic Red-figure: A Review Article // Revue archéologique. 1996. Vol. 2. P. 227–252; Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 63 сл.; Суриков И. Е. Древнейшие афинские монеты (Wappenmünzen): проблемы интерпретации и датировки // Античный мир и археология. 2006. Вып. 12. С. 43–51.*

⁶¹ Суриков И. Е. Архонтат в Афинах...

в сообщениях источников о пелатах, «шестидольниках» (гектеморах), кабальных должниках и т. п. в предсолоновское время⁶². Раннее царская власть, пока она не сошла на нет, худо-бедно защищала крестьян от произвола «сильных». Опыт самых разных стран и эпох показывает, что институт монархии, всегда претендующий на надсословность, стремится поэтому сохранять определенный баланс в социуме между основными слоями населения – аристократией и простонародьем⁶³. В случае же усиления аристократии, «дрейфа» от монархического устройства к олигархическому (а именно это мы наблюдаем в Афинах) перемены ударяют не только по царям, но и по этому самому простонародью.

В этом смысле, может быть, и имеет определенный резон определение Моррисом Афин VII в. до н. э. как «реакционного» государства⁶⁴. Но это ни в коей мере не означает, что они не являлись тогда полисом. Полисы могли быть очень разными. В той же эволюции архонтата, наряду с расширением круга лиц, имевших к нему доступ, происходили и другие процессы. В 683 г. до н. э. архонтат был сделан из десятилетнего годичным, и это очень важный шаг. Еще некоторое время спустя коллегия архонтов сформировалась в своем окончательном, «классическом» составе: эпоним, басилей, полемарх и шесть фесмофетов. В целом можно сказать, что к середине VII в. до н. э. система магистратур в Афинах в общих чертах сложилась, что следует считать завершением складывания архаического полиса в интересующем нас регионе.

Позже встречаем и ряд иных новых явлений. К 636 г. до н. э. относится первая попытка установления в Афинах тирании – известный мятеж Килона, который, впрочем, окончился неудачей ввиду упорного сопротивления гражданского коллектива и, несомненно, был преждевременным. Интересно, что

⁶² Хотя в целом вопрос этот весьма сложен. Подробнее см.: *Суриков И. Е.* Досолоновские «шестидольники»... (с анализом предшествующей литературы по проблеме).

⁶³ Этот принцип, пожалуй, столь же древен, как сама монархия. Вот как характеризует В. А. Яacobсон известную клинописную надпись Урунимгины, царя шумерского Лагаша в III тыс. до н. э., в которой тот рассказывает о своих реформах: «Урунимгина сообщает, что... он принял меры к устранению злоупотреблений и вообще к тому, чтобы богатый не притеснял бедного, а сильный – слабого, и чтобы сирота и вдова не были отданы во власть важных персон. Этот лейтмотив защиты слабых от сильных повторяется затем в различных вариантах на протяжении многих веков...» (*Яacobсон В. А.* Введение в историю бюрократии // ВДИ. 2012. № 1. С. 105).

⁶⁴ *Morris I.* Burial... P. 205. Интересно, кстати, что это повлекло негативные тенденции и в области экономики. Именно в VII в. до н. э. Афины уступают Коринфу лидирующую позицию в керамическом производстве, которая ранее им принадлежала. Они вновь перехватывают лидерство в этой области уже после солоновских реформ. Да и в целом в VII в. до н. э. в Аттике наблюдается какая-то общая стагнация (*Суриков И. Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М. 2005. С. 106; *Суриков И. Е.* Солнце Эллады: история афинской демократии. СПб., 2008. С. 35 сл.).

демос не поддержал Килона, а, напротив, встал на сторону аристократических вождей, подавлявших путч (Тус. I. 126. 7–8)⁶⁵. Так, может быть, не так-то уж он и притеснялся знатью, коль скоро даже не попытался выразить свой протест, принять участие в попытке свержения ее владычества?

Далее, в 621 г. до н. э. Драконтом введен первый свод письменных законов. Поздно это или рано? Вероятно, несколько попозже, чем были изданы древнейшие законы на Крите, этой «колыбели греческого права». Может быть, даже чуть позже, чем действовал Залевк в Великой Греции (хотя, вообще говоря, хронология Залевка и тем более Харонда крайне дискуссионна). Но если брать в общем контексте архаической истории эллинского мира, то по времени старта «первоначальной законодательной реформы»⁶⁶ Афины отнюдь не в арьергарде.

Еще лет через 10–15 Афины впервые предпринимают попытку включиться в Великую греческую колонизацию: отправляют морскую экспедицию в Геллеспонт, основывают апойкии в Сигее и Элеунте⁶⁷. Что можно сказать по этому поводу? Да, участие афинян в колонизационном движении архаической эпохи было достаточно поздним и не слишком активным. Но причину подобного положения дел совершенно незачем искать в специфике государственного устройства, ибо причина эта лежит в совсем иной сфере, и она предельно ясна. Афины, будучи одним из самых больших по территории полисов Эллады, не страдали в рассматриваемый период от стенохории и не нуждались в удалении излишнего населения (скорее напротив)⁶⁸.

Все вышеперечисленные факты и события, подчеркнем, имели место еще до реформ Солона. Ну и где же здесь хоть малейший намек на то, что Афины VII в. до н. э. не были полисом? Факты, как видим, свидетельствуют совсем

⁶⁵ В связи с этим пассажем Фукидида см.: *Ellis J. R. Thucydidean Method in the Kylon, Pausanias and Themistokles Logoi // Arethusa. 1994. Vol. 27. No. 2. P. 165–191.*

⁶⁶ *Фролов Э. Д.* Указ. соч. С. 120.

⁶⁷ Об этих событиях нам доводилось писать подробнее: *Суриков И. Е.* Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы (на примере ранней колонизационной деятельности Афин) // *Античный мир и археология.* 2010. Вып. 14. С. 31 сл.

⁶⁸ Иногда встречающиеся в литературе утверждения о том, что в архаической Аттике наблюдалась стенохория (например: *Manville Ph. B. The Origins of Citizenship in Ancient Athens. Princeton, 1990. P. 122; Блаватская Т. В.* Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н. э.). СПб., 2003. С. 313, 315), приходят в вопиющее противоречие с исторической действительностью. Совершенно справедливо замечание Р. Осборна, что главной аграрной проблемой архаических Афин была не нехватка земель, а, наоборот, нехватка рабочих рук для обработки этих земель, находившихся в достаточном количестве (*Osborne R. Greece in the Making, 1200–479 B.C. L.; N. Y., 1996. P. 221; ср. также: Hurwit J. M. The Art and Culture of Early Greece, 1100–480 B.C. Ithaca, 1985. P. 80; Rihll T. E. EKTHTHMOPOI: Partners in Crime? // Journal of Hellenic Studies. 1991. Vol. 111. P. 102).*

об ином: в Афинах в названном столетии происходило принципиально то же, что и в других регионах Греции, в которых наличие полисных структур несомненно. А следовательно, и Афины развивались как совершенно нормальный архаический полис. Точнее будет сказать так: на протяжении VII в. до н. э. в Афинах завершилось формирование архаического полиса (примерно к середине столетия, как и следовало ожидать) и вскоре началось складывание классического полиса. Налицо и все те процессы, которые являлись внешним выражением этих глубинных тенденций политогенеза. Среди этих процессов – формирование магистратур, законодательство, колонизация, межаристократическая борьба, чреватая тиранией (пусть пока еще и не приведшая к ней).

Повторим вновь и вновь: это ровно те же самые процессы, которые имели место и в других полисах этого времени. Да, пожалуй, развитие полисных структур (и, соответственно, прохождение основных необходимых этапов) в Афинах шло несколько более медленными темпами, чем, например, в Коринфе или Мегарах, но зато более быстрыми, нежели, допустим, в городах соседней Беотии⁶⁹. Иными словами, афинский полис до солоновских преобразований эволюционировал средними темпами, что, в общем, вполне находится в рамках традиционных представлений, с которыми полемизируют ученые «школы Морриса».

Разумеется, становление полиса в Афинах имело свою специфику. Но сказать это – значит всего лишь сказать банальность, ибо, как мы уже отметили в начале главы, становление *каждого* эллинского полиса имело свою специфику и двух «полисов-близнецов» в Греции не было. *A fortiori* это относится к Афинам, в которых уже такой фактор, как очень крупный (по греческим полисным меркам) размер хоры, диктовал некоторые особенности в ходе развития. Но эти особенности не выходили всё же за рамки общих закономерностей, характерных для рассматриваемой эпохи.

* * *

Насколько нам представляется, главные методологические ошибки И. Морриса и его сторонников, из которых вытекает и ущербность их остальных построений, заключаются в следующем. Выше уже говорилось об издержках «ультра-археологического» подхода с порождаемым им гиперкритическим пренебрежением свидетельствами нарративной традиции. Собственно, этот подход

⁶⁹ Это легко прослеживается на конкретике. Так, в Коринфе и Мегарах тиранические режимы установились в VII в. до н. э., Афины «созрели» для тирании только в следующем столетии, а Беотия не дошла до этой стадии даже и тогда. Аналогично и с колонизационным движением: афинская колонизация началась много позже коринфской и мегарской и была куда менее активной, но беотийские полисы по обоим этим показателям значительно уступали даже и Афинам.

представляет собой доведение до логического предела (иногда хочется сказать – до абсурда) тех тенденций, которые имманентны для самого направления «новой классической археологии». Если в рамках более традиционных методик археологический материал интерпретируется в свете письменных источников, то представители направления, о котором идет речь, призывают анализировать этот материал сугубо независимо от любых иных данных и на основании такого анализа делать ответственные выводы, реконструировать имевшие место процессы и т. д. Свои теоретические принципы они активно реализуют на практике.

Вот и получается, что их реконструкции истории архаических Афин никак не коррелируют с теми реконструкциями, которые осуществляются историками-нарративистами. Перед нами две совершенно не похожие друг на друга картины и, можно сказать, как бы два разных государства: в одном политогенез происходит в формах, в целом аналогичных тем, в которых он происходил и в других развитых регионах Эллады (и это, как мы видели, подтверждается фактами), а в другом он самым резким образом отклоняется от нормы, вплоть до ликвидации полисных структур. Признать историческую реальность этих «вторых Афин» можно, как нам представляется, лишь в том случае, если совершенно закрыть глаза на то, что сообщают нам античные авторы. Это будет шаг вперед или назад?

Еще более важно вот что. Ученые, чьи работы рассматривались выше, смешивают понятия полиса и демократии. Для них полисом является только такое античное государство, в котором низшие слои населения уравниваются с высшими и пользуются одинаковыми с ними гражданскими правами. А если налицо отсутствие подобного положения дел – то перед нами вроде бы уже и не полис.

Да, в демократических, эгалитарных полисах уравнивание граждан, о котором тут говорится, действительно было реальностью. Но полисы такого типа характерны для классического периода истории Эллады; в эпоху же архаики решительно преобладали олигархические⁷⁰. Разумеется, таковым следует считать и Афины VIII–VII вв. до н. э. А отказывать олигархическому полису в праве являться и называться полисом абсолютно неправомерно; это означало бы – отвергать всю античную традицию во главе с Аристотелем и выдвигать на ее место собственные, в известной мере произвольные выкладки. Если придерживаться подобных критериев, в Древней Греции (на родине полиса!) и полисов-то почти не останется, поскольку лишь очень немногие из них дошли до степени столь радикальной демократии, что предоставляли всю полноту прав, скажем, неимущим беднякам. Нежизнеспособность того или иного

⁷⁰ Попытка Э. Робинсона отыскать демократии в греческом мире эпохи архаики (*Robinson E. W. Op. cit.*) принесла, конечно, кое-какие результаты, но, честно говоря, не слишком впечатляющие. И в любом случае все эти архаические демократии относятся ко времени не ранее VI в. до н. э.

выдвинутого в науке положения можно продемонстрировать и так – доведени-ем его до абсурда.

В связи с полисным эгалитаризмом, на котором столь настаивает шко-ла Морриса, хотелось бы сказать еще несколько слов. Эгалитаризм отнюдь не тождествен демократии в смысле *всеобщего* равенства. Вполне возможен эгалитаризм как равенство *внутри релевантной группы*. Применительно к ар-хаическим полисам, олигархическим по форме правления и аристократиче-ским по составу правящего слоя, приходится говорить о своего рода «элитар-ном эгалитаризме» (пусть этот невольный каламбур не покажется содержащим в себе внутреннее противоречие⁷¹).

Эгалитаризм такого типа возник в Элладе намного раньше, чем какие бы то ни было демократические идеи. Собственно, он появился с крушением прими-тивных протополисных монархий и заменой их на аристократические режимы (последние уже зиждились на коллегиальности управления и равенстве между членами правящей элиты). Иными словами, со складыванием архаического полиса. Сам термин *ἰσωνομία*, несомненно, выковался еще в среде аристократов VI в. до н. э. Это с одной стороны. А с другой – даже и в классическую эпоху ни в одном, хоть самом демократическом греческом полисе не была достигнута полная степень эгалитаризма – до такой степени полная, чтобы распростра-нить принципы равенства, скажем, на женщин, метэков, не говоря уж о рабах... Иными словами, полис, несмотря ни на что, всегда оставался в известной мере элитарной структурой. В олигархических роль элиты играл правящий слой, а в демократических – весь демос, коллектив граждан. Но он все-таки был эли-той, если рассматривать отношение этой группы к остальному населению.

Таким образом, признание эгалитаризма как базового принципа полисного социума неизбежно, и тут И. Моррис прав. Но для полной точности необхо-дима оговорка, уточнение: следовало бы говорить не просто об эгалитаризме, а именно об *элитарном эгалитаризме* (с варьирующейся степенью элитарно-сти для различных конкретных случаев).

Говоря вообще, ясно, что в архаическом полисе эта элитарность была *ceteris paribus* выражена более ярко, в классическом – менее. Не можем здесь не заме-тить, что применение этой предлагаемой нами стадияльно-типологической ди-хотомии, «архаический полис – классический полис», значительно лучше по-зволяет понять всю ту проблематику, о которой шла речь в данной главе. Взять хотя бы реформы Солона. В подобном контексте они оказываются, вопреки

⁷¹ Хотя слова «элитарный» и «эгалитарный» часто противопоставляют (например: Молчанов А. А. Социальные структуры... С. 6; Туманс Х. К идее государства в архаической Греции // ВДИ. 2006. № 3. С. 93), но тут, кажется нам, сказывается скорее именно желание воспользоваться удачным каламбуром, нежели стремление к терминологической точности. Эти два термина ни в каком отношении не являются антонимами.

Моррису и его последователям, не восстановлением в Афинах полиса, ранее якобы прекратившего существование, а ключевым шагом в процессе перерождения архаического полиса в классический – «второй архаической революции» по Снодграссу.

Все становится на свои места; свидетельства нарративных источников, данные археологии и общенсторические соображения перестают противоречить друг другу и приходят в полную корреляцию. Появляется возможность предложить следующую периодизацию афинского политогенеза в архаическую эпоху:

VIII в. до н. э. – революционная стадия политогенеза («первая архаическая революция»): формирование архаического полиса. Как следствие – высокий динамизм происходящих процессов;

VII в. до н. э. – спокойная стадия политогенеза. Как следствие – замедление ранее имевшего место динамизма и некоторая стагнация (то, что некоторым археологам представляется признаком «отсутствия полиса»);

VI в. до н. э. – вновь революционная стадия политогенеза («вторая архаическая революция»): превращение архаического полиса в классический. В результате – опять высокий динамизм происходящих процессов, начиная с реформ Солона.

ОБ ОБЩЕМ ХАРАКТЕРЕ «СОЛОНОВСКОГО» КРИЗИСА*

В последнее время проблематика, связанная с реформаторской деятельностью Солона (594/593 г. до н. э.), безусловно, не относится к числу наиболее востребованных. Современными исследователями, обращающимися к этой личности (а среди них преобладают не историки античности, а филологи-классики), Солон воспринимается в основном не как реальный афинский политик и законодатель, а как фигура литературная – либо как автор определенных текстов (стихов)¹, либо как персонаж определенных текстов (принадлежащих более поздним авторам, начиная с Геродота)². Данная тенденция конечно же стала последствием проникновения в антиковедение постмодернистской деконструкционистской парадигмы.

Однако нам Солон все-таки интересен как исторический деятель, как реформатор, сильнейшим образом повлиявший на пути и темпы развития самого знаменитого эллинского полиса. Его преобразования, явившиеся самым крупным событием в истории Афин начала VI в. до н. э., были комплексными, охватившими целый ряд сфер жизни общества, и притом представляли собой стройную систему взаимосвязанных элементов.

Исходить следует из того, что коль скоро солоновские реформы были осуществлены, значит, они назрели. Попытка проведения столь масштабных и довольно радикальных реформ могла быть только попыткой выхода из некоего кризиса.

Историчность кризиса, породившего меры, о которых идет речь, признается всеми учеными, которые не подходят к традиции о Солоне с гиперкритических

* Впервые опубликовано в: Древний мир: история и археология [Электронное издание]. М., 2017. С. 89–96.

¹ Несколько характерных примеров: *Anhalt E. K.* Solon the Singer: Politics and Poetics. Lanham, 1993; *Mülke Chr.* Solons politische Elegien und Iamben (Fr. 1–13; 32–37 West): Einleitung, Text, Kommentar. Lpz., 2002; *Almeida J. A.* Justice as an Aspect of the Polis Idea in Solon's Political Poems: A Reading of the Fragments in Light of the Researches of New Classical Archaeology. Leiden, 2003; *Irwin E.* Solon and Early Greek Poetry: The Politics of Exhortation. Cambridge, 2005; *Lewis J. D.* Solon the Thinker: Political Thought in Archaic Athens. L., 2006; *Noussia-Fantuzzi M.* Solon the Athenian, the Poetic Fragments. Leiden; Boston, 2010.

² Этот подход весьма характерен для двух недавних, весьма важных коллективных трудов: *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches* / Ed. by J. H. Blok, A. P. M. H. Lardinois. Leiden; Boston, 2006; *Solon in the Making: The Early Reception in the Fifth and Fourth Centuries* / Ed. by G. Nagy, M. Noussia-Fantuzzi. B.; Boston, 2015.

позиций. Наличие этого кризиса фиксировалось уже античными авторами (Аристотелем, Плутархом и др.), а в историографии термин «кризис» порой даже выносятся в заголовки работ на данную тематику³. Вопрос заключается в том, какой характер имел «солоновский» кризис. В рамках нашей небольшой заметки будет высказано на этот предмет несколько суждений максимально общего характера⁴.

Как представляется, можно говорить о двух типах кризисов в человеческих обществах. Один из этих типов – «кризис упадка», «кризис-болезнь». Собственно, для характеристики именно такой формы кризиса и был заимствован в социальные науки из медицины сам термин. Ведь в понимании медиков кризис – некий переломный момент в течении тяжелого заболевания, который либо разрешается выздоровлением в результате врачебного вмешательства (каковому в политике соответствуют радикальные реформы), либо приводит к смерти организма.

Но есть и понятие «кризис роста». А вот это, напротив, уже не негативное, а позитивное историческое явление. Ведь никак же нельзя назвать болезнью рост, переход на более высокий уровень. В частности, применительно к кризису классического полиса в Греции IV в. до н. э. (а этот кризис особенно интенсивно анализировался в исследовательской литературе⁵) его концепцию как «кризиса роста», ставшую достаточно влиятельной, предложил Я. Печирка⁶. Согласно этой концепции, суть кризисных явлений в период поздней классики заключалась в том, что экономическая и политическая эволюция древнегреческого общества вышла за полисные рамки, что и привело в конечном счете к формированию эллинистического мира.

Когда Печирка воспользовался понятием «кризис роста» и предал гласности свои идеи, они, особенно на первых порах, звучали чрезвычайно парадоксально. Ведь в то время практически никто не сомневался, что эллинский IV в. до н. э. – это именно година упадка, «болезни»⁷. Чешский ученый далеко

³ Например: *Hopper R. J. The Solonian «Crisis» // Ancient Society and Institutions. Oxf., 1966. P. 139–146.*

⁴ Более подробно о социально-экономической составляющей кризиса мы писали в одной из более ранних статей: *Суриков И. Е. Досолоновские «шестидольники» и долговой вопрос в архаических Афинах // ВДИ. 2007. № 3. С. 28–46.*

⁵ См. общие обзоры точек зрения на данный кризис: *Davies J. K. The Fourth Century Crisis: What Crisis? // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 29–39; Маринович Л. П. Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса). М., 1993. С. 7–19.*

⁶ *Pečírka J. The Crisis of the Athenian Polis in the Fourth Century B.C. // Eirene. 1976. Vol. 14. P. 5–29.*

⁷ См. прежде всего известную книгу: *Mossé C. La fin de la démocratie athénienne. P., 1962.* В дальнейшем К. Моссе во многом изменила точку зрения (отчасти под влияни-

не всех убедил. В частности, автор этих строк считает, что реальная картина происходивших тогда процессов была намного более сложной, многовекторной: налицо динамика переходного периода, отчасти обращенного «назад», а отчасти – «вперед»⁸.

Однако возвратимся к куда менее изученному «солоновскому» кризису рубежа VII–VI вв. до н. э. А вот тут, на наш взгляд, с куда бóльшим основанием можно говорить о типичном «кризисе роста» в чистом виде. И действительно, к середине VII в. до н. э. в Афинах завершилось становление полиса в его первой стадияльной форме архаического полиса⁹. Этот процесс был в целом характерен для наиболее развитых регионов греческого мира на протяжении первой половины эпохи архаики, и Аттика, вопреки возражениям И. Морриса¹⁰, не стала исключением¹¹.

Пришло, таким образом, время для следующей стадии развития, для «второй архаической революции», по выражению Э. Снодграсса¹². Эта последняя пришлась на вторую половину архаической эпохи, и ее продуктом стал новый тип полисной государственности – классический полис. Подчеркнем, в рамках системы концептуально-теоретических взглядов, которых мы придерживаемся, «архаический полис» и «классический полис» – понятия именно стадияльно-типологические, различие между ними – в существенных чертах, а не в хронологии.

В частности, к началу классической эпохи отнюдь не все полисы эллинского мира перешли на стадию классического полиса. Не говоря уже о Спарте, этого не случилось, например, в Фивах и других полисах Беотии; весьма сомнительно, чтобы это произошло в Аргосе (если для краткости говорить здесь только о крупных центрах). С другой стороны, несомненно, что процесс,

ем выкладок Печирки); ее более поздние работы (например: *Mossé C. La classe politique à Athènes au IV-ème siècle // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 67–77*) написаны с существенно иных позиций.

⁸ Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М., 2011. С. 9–66; Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М., 2015. С. 19–68.

⁹ Мы рассматриваем стадияльно-типологические формы архаического и классического полисов прежде всего в работе: Суриков И. Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций. М., 2010. С. 8–54.

¹⁰ *Morris I. Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State. Cambridge, 1987.*

¹¹ Напу аргументацию см. в работе: Суриков И. Е. Афины в VIII–VII вв. до н. э.: становление архаического полиса (К вопросу о степени специфичности «аттического варианта») // ВДИ. 2013. № 4. С. 23–43.

¹² В этапной книге: *Snodgrass A. M. Archaic Greece: The Age of Experiment. L., 1980.*

о котором идет речь, свершился в государствах Истма (Коринф, Мегары), Инии, отчасти – Сицилии.

Афины занимали промежуточную позицию: процесс перерождения одной формы полиса в другую шел в них (уже во второй половине VII в. до н. э. встречаем и попытку установления тирании, и первое письменное законодательство, и первую колонизационную экспедицию), но шел медленно, так сказать, «со скрипом». Все события, о которых было только что упомянуто, несут на себе отпечаток неуспеха: и мятеж Килона был подавлен, и законы Драконта нельзя признать особенно удачными (существовавших проблем они не ликвидировали, потомкам запомнились только своей вящей жестокостью, да и сам факт, что через какие-нибудь четверть века Солону пришлось составлять новый свод законов, тоже говорит не в пользу свода Драконта), а попытка поучаствовать в Великой греческой колонизации, создав апойкию в Сигее на проливе Геллеспонт, тоже сорвалась: Сигей был тогда отобран у афинян митиленианами.

И в целом Афины в VII в. до н. э. производят (в частности, и по своему археологическому материалу) не особенно яркое впечатление (в частности, и по сравнению с афинским же VIII в. до н. э.). Полис, являвшийся одним из крупнейших в Греции по размерам и одним из перспективнейших по экономическому потенциалу, в названном столетии как бы «стушевался», отошел на второй план. Здесь мы видим некие издержки латентного политогенеза, происходившего достаточно тяжело.

Среди причин подобного положения дел можно назвать локальные особенности аттического региона. В частности, как раз большая территория государства могла оказать здесь «медвежью услугу»: элементарно не хватало рабочих рук для ее освоения¹³. Также препятствовало становлению классического полиса наличие архаичных форм эксплуатации. Как бы ни понимать статус досолоновских гектеморов («шестидольников») и его происхождение, совершенно очевидно, что перед нами группа населения, которая справедливо характеризуется в источниках и литературе выражением *μεταξὺ ἐλευθέρων καὶ δοῦλων* («между свободными и рабами»)¹⁴. В ту же категорию попадают спартанские илоты, фессалийские пенесты, аргосские гимнеты, сиракузские киллирии, критские мноиты и др. Происхождение перечисленных групп достаточно разнообразно, но при этом в их положении явно было много общего.

¹³ Osborne R. *Greece in the Making, 1200–479 B.C.* L.; N. Y., 1996. P. 221; ср. также: Hurwit J. M. *The Art and Culture of Early Greece, 1100–480 B.C.* Ithaca, 1985. P. 80; Rihll T. E. ΕΚΤΗΜΟΡΟΙ: Partners in Crime? // *Journal of Hellenic Studies*. 1991. Vol. 111. P. 101–127.

¹⁴ См. классический труд: Lotze D. *Μεταξὺ ἐλευθέρων καὶ δοῦλων*: Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4. Jahrhundert v. Chr. B., 1959.

А ведь полис классического типа не мог в полной мере сформироваться, пока в нем присутствовали эти зависимые слои населения. Одним словом, в Афинах в начале VII в. до н. э. существовало ясное тяготение к классическому полису, но не было пока такой возможности. Всеобъемлющие реформы Солона как раз и дали такую возможность, привели Афины – подчеркнем, не в краткосрочной, а в среднесрочной и особенно в долгосрочной перспективе – к вступлению этого государства в свою «классическую» фазу, а потом и превращению его в середине V в. до н. э. в некий уникальный феномен, с которым в Греции и сравнивать-то нечего: близких случаев нет.

Мы никак не хотим утверждать, что Солон предвидел такой эффект своих реформ. В субъективном плане все, казалось бы, получилось как-то помимо его воли (ведь сам-то он не выказывал себя радикалом, а постоянно подчеркивал свою умеренность¹⁵). Но вот в объективном плане, если подумать, вырисовывается следующая линия. Не было бы Солона – не было бы и Писистрата, внесшего огромный вклад в интенсификацию афинского политогенеза¹⁶. Не было бы Писистрата – не было бы Клисфена, подлинного «отца афинской демократии». Не было бы Клисфена – не было бы Фемистокла, Эфиальта, Перикла...

Солон интенсифицировал развитие афинского полиса. Причем, как ни парадоксально, сделал это и в позитивном, и в негативном плане. Что касается последнего – вспышка стасиса (гражданской смуты), разразившаяся в Афинах практически сразу же после солоновских реформ и отъезда законодателя¹⁷, похоже, была предусмотрена и, можно сказать, «запрограммирована» им самим¹⁸. А ведь этот стасис как таковой тоже в значительной степени двигал Афины вперед; собственно, и клисфеновские преобразования зародились в процессе стасиса.

Афинский полис, до Солона находившийся где-то среди греческих государств среднего темпа роста (не самых передовых, но и не самых отстающих), после его архонтата (еще раз подчеркнем: не сразу, а постепенно, примерно

¹⁵ См., впрочем, недавнюю работу, в которой предпринимается попытка доказать, что Солон старался больше слыть «умеренным», чем быть им: *Sagstetter K. S. Solon of Athens: The Man, the Myth, the Tyrant? Diss. Univ. of Pennsylvania, 2013.*

¹⁶ См. хотя бы: *Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). СПб., 2002. С. 317–360.*

¹⁷ О десятилетнем путешествии Солона сразу после ухода его с поста архонта см.: *Reeker H.-D. Solons Reisen // Antike und Abendland. 1971. Bd 17. Ht. 2. S. 96–104; Ker J. Solon's Theōria and the End of the City // Classical Antiquity. 2000. Vol. 19. No. 2. P. 304–329.*

¹⁸ *Суриков И. Е. Самый загадочный закон Солона: вопросы аутентичности и исторический контекст // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2009. Т. 6. С. 239–252; Суриков И. Е. Стасис как право и обязанность: закон Солона против нейтралитета в гражданской смуте // Monumentum Gregorianum. Сб. научных статей памяти акад. Г. М. Бонгард-Левина. М., 2013. С. 222–230.*

с середины VI в. до н. э.) стал беспрецедентным, уникальным по этому темпу. Сам Солон не увидел этих плодов своей деятельности: от современников ему доставались в основном упреки (на которые он интенсивно, эмоционально реагировал в своих стихах), потомки же, конечно, восхвалили его в полной мере, и для афинян классической эпохи Солон – грандиозная, почти идеальная фигура, «отец-основатель» их демократии¹⁹.

В заключение коснемся еще вопроса: был ли «солоновский» кризис экономическим, социальным, политическим, ментальным? Как нам представляется, все эти компоненты в нем присутствовали, поскольку это был общий «кризис роста», и на каждую из встававших перед государством проблем Солон своими реформами дал более или менее адекватный ответ.

В экономической области он проводил меры торгового протекционизма (запрет вывоза из Аттики зерна²⁰, что поощряло экспорт оливкового масла, этого главного богатства региона²¹), привлекал на льготных условиях (вплоть до предоставления гражданских прав) ремесленников из других местностей. В социальной сфере он запретил долговое рабство, что со временем повело к ликвидации в афинском полисе архаичных форм зависимости. В политической области Солон учредил достаточно демократичный (по сравнению с древним Советом Ареопага) Совет Четырехсот²², сделал одним из важнейших полисных институтов гелиею (суд присяжных)²³, превратил архонтат в магистратуру, на которую избирали все граждане голосованием в народном собрании²⁴. В ментальном же плане он утвердил в Афинах идею «благозакония» (εὐνομία)²⁵, согласно которой, с одной стороны, полис должен в своей жизни

¹⁹ О складывании этой традиции в классических Афинах см.: *Mossé C. Comment s'élabore un mythe politique: Solon, «père fondateur» de la démocratie athénienne // Annales: économies, sociétés, civilisations. 1979. Vol. 34. № 3. P. 425–437; Hansen M. H. Solonian Democracy in Fourth-Century Athens // Classica et mediaevalia. 1989. Vol. 40. P. 71–99.*

²⁰ *Garnsey P. Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World: Responses to Risk and Crisis. Cambridge, 1989. P. 74–75.*

²¹ *Foxhall L. Olive Cultivation in Ancient Greece: Seeking the Ancient Economy. Oxf., 2007.*

²² *Суриков И. Е. ΒΟΥΛΑΙ в Афинах (Эпоха архаики) // Studia historica. 2005. Т. 5. С. 3–22.*

²³ *Суриков И. Е. Некоторые проблемы истории афинской гелиеи // Древнее право. 2005. № 2 (16). С. 8–20; Суриков И. Е. Еще раз об афинской гелиеи // Древнее право. 2008. № 2 (22). С. 8–24.*

²⁴ *Суриков И. Е. Архонтат в Афинах: от истоков института до утраты им исторического значения // ВДИ. 2012. № 2. С. 29–54.*

²⁵ Об этой идее см.: *Jaeger W. Solons Eunomie // Sitzungberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. 1926. S. 69–85 (классическая работа); Myres J. L. Eunomia // Classical Review. 1947. Vol. 61. No. 3/4. P. 80–82; Ameduri O.*

руководствоваться наилучшими законами, а с другой – каждый гражданин должен беспрекословно повиноваться этим законам. «Закон – владыка полиса»; эту концепцию (она вошла даже в современную западную политическую науку; в англоязычной литературе ее обозначают *sovereignty of law* – «верховенство права») охотно принимали афиняне IV в. до н. э., сменяя идею «власти демоса» на идею «власти закона»²⁶, а ведь у начала самого процесса ее зарождения стоял именно Солон.

«Солоновский» кризис по самой своей комплексной природе был очень жесток. Да, в общем-то, достаточно жестокими были и меры Солона по его преодолению. Так, сисахфия – полная отмена долговых обязательств, – несомненно, должна была надолго подорвать всю финансовую систему, которая во многом основывается на кредите. Не потому ли, что Афины при Солоне пережили столь суровый кризис, заставивший пойти на изменение основных «параметров» всего бытия, те же Афины потом и состоялись как полис, о котором и поныне в первую очередь вспоминают, говоря о Древней Греции? Этим вопросом и завершим главу.

L'Eunomia di Solone e le Eumenidi di Eschilo // Annali della facoltà di lettere e filosofia dell'Università di Napoli. 1970–1971. Vol. 1. P. 31–46; Blaise F. Poetics and Politics: Tradition Re-worked in Solon's «Eunomia» (Poem 4) // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 130–131; Raaflaub K. A. Athenian and Spartan Eunomia, or: What to Do with Solon's Timocracy? // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 390–428.

²⁶ Основополагающим по данной проблематике является известный труд: Ostwald M. From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens. Berkeley, 1986.

ВОИТЕЛЬНИЦА АФИНА: СОЛОН, ПИСИСТРАТ И АФИНСКОЕ ПОЛИСНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ В VI В. ДО Н. Э.*

Всем известно, что в демократических Афинах V в. до н. э., а конкретно – со времени знаменитой «морской реформы» Фемистокла¹, главной, самой эффективной частью вооруженных сил являлся флот. Соответственно, можно предположить (и традиционно именно так и считают), что ранее, до начала процесса радикальной демократизации (даже еще в 490 г. до н. э., в годину Марафона), эту роль играла гоплитская фаланга, представлявшая собой ополчение граждан, но не всех, а лишь тех, кому финансы позволяли экипироваться доспехом гоплита. Иными словами, из нее исключались бедняки-феты. Впрочем, в историографии самого последнего времени нет полного согласия по вопросу о том, была ли принадлежность к фетам совершенно несовместима со статусом гоплита. Х. ван Веес, например, полагает, что вполне могли быть гоплиты-феты, а К. Раафлауб с ним полемизирует².

Уже из самого факта подобных споров по достаточно важным и принципиальным вопросам видно: о пресловутой фаланге для архаической эпохи истории афинского полиса мы знаем удручающе мало. Как ни парадоксально, значительно лучше известны принципы комплектации флота Афин – не только для периода классики, что вполне естественно, но и для VII–VI вв. до н. э. В ту пору Аттика делилась на 48 округов-навкрарий³, и каждая из навкрарий была обязана построить, оснастить корабль и обеспечить его экипажем.

* Впервые опубликовано в: Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2010. Вып. 9. С. 27–54.

¹ Для ее исследования и по сей день не утратила значения специальная работа: *Labarbe J. La loi navale de Thémistocle. P., 1957.*

² См. их дискуссию: *Wees H. van. Mass and Elite in Solon's Athens: The Property Classes Revisited // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 351–389; Raaflaub K. A. Athenian and Spartan Eunomia, or: What to Do with Solon's Timocracy // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 390–428.*

³ См. последнюю работу о навкрариях (с указаниями на предшествующую литературу): *Schubert Ch. Die Naukrarien: Zur Entwicklung der attischen Finanzadministration // Historia. 2008. Bd 57. Ht. 1. S. 38–64.*

Так и формировались военно-морские силы, численность которых в результате вплоть до Фемистокла составляла около 50 судов⁴.

А что же все-таки с фалангой? «Туман» несколько развеивается лишь на самом исходе VI в. до н. э. После нововведений Клизфена, учредившего 10 новых фил⁵, сухопутные силы делились тоже на 10 таксисов (по одному от филы) во главе с таксиархами. Таксиархи подчинялись 10 стратегам, осуществлявшим командование коллегиально (коллегиальность могла принимать разные формы, но на этом мы тоже не будем подробно останавливаться). На первых порах после клизфеновских преобразований стратеги подчинялись, в свою очередь, архонту-полемарху, считавшемуся верховным главнокомандующим. Но уже на момент Марафонской битвы положение полемарха было скорее номинальным, а вскоре оно и вовсе сошло на нет.

По «принципу рудиментов» понятно, во всяком случае, одно: в архаических Афинах полемарх еще реально, а не номинально руководил войском. Магистратуры стратегов, насколько можно судить, еще не существовало. В остальном же – загадка следует за загадкой. Составлялась ли общеполисная фаланга из четырех таксисов, принадлежавших четырем старым ионийским, «доклизфеновским» филам? Или же использовались какие-то иные принципы деления – например, по фратриям?⁶ Было ли какое-то членение вообще или на бой выступали, так сказать, единой массой? Кто отвечал за мобилизацию фаланги при необходимости – магистрат(ы), аристократические лидеры? Неясностей очень много, и мы не исключаем, что на какие-то из поставленных вопросов вообще никогда не удастся дать корректный и надежный ответ.

В подобных условиях острого дефицита сведений буквально на вес золота – любое свидетельство об архаической афинской армии, будь то свидетельство прямое или же косвенное. Пожалуй, использование косвенных даже более перспективно: какие-то из них могли до сих пор остаться незамеченными (в то время как прямые все наперечет), и их введение в научный оборот,

⁴ Число 50, фигурирующее обычно в источниках в данной связи, либо является «округленным», либо вместе с 48 кораблями навкрайей посчитаны 2 «государственных корабля». Существование последних для V–IV вв. до н. э. зафиксировано со всей надежностью, но не вполне ясно, когда они впервые появились. Этот вопрос не может быть здесь специально рассмотрен, тем более что он не имеет прямого отношения к тематике данной работы.

⁵ О военном аспекте этой реформы Клизфена см.: *Siewert P. Die Trittyen Attikas und die Heeresreform des Kleisthenes. München, 1982.*

⁶ В таком предположении есть свой резон, особенно если учитывать весьма импонирующую нам, предложенную У. Дж. Форрестом трактовку фратрий как вторичных социально-политических институтов, своеобразных «групп поддержки» или «клиентел», сложившихся вокруг знатных родов. См.: *Forrest W. G. The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800–400 B.C. L., 1966. P. 48–53.*

возможно, позволит открыть какие-то ранее неизвестные нюансы и детали. При этом наиболее ценны, разумеется, свидетельства самые ранние, современные рассматриваемой эпохе. Любая информация непрямого характера должна рассматриваться в надлежащем контексте и во взаимном сочетании с сообщениями более недвусмысленными. Акцент необходимо делать на то, чтобы попытаться установить некие системные связи между фактами, которые обычно считаются не имеющими отношения друг к другу и рассматриваются изолированно.

* * *

Два самых больших и самых известных стихотворения знаменитого поэта-политика Солона – элегии «К музам»⁷ и «Благозаконие» («Евномия»). Обоим посвящена обширная литература, но только совсем недавно было замечено⁸ интересное соответствие между несколькими строками в одном из этих литературных памятников и несколькими строками в другой.

Во второй половине элегии «К музам» (Sol. fr. 1. 43 sqq. Diehl) автор даст довольно пространный перечень различных родов человеческой деятельности. Такого рода перечни вообще характерны для архаической (отнюдь не только греческой) поэзии; их «сверхзадача» – дать в совокупности исчерпывающую картину социума.

Кто же упомянут в солоновском «списке»? Мореплаватель-купец, земледелец, ремесленник, поэт, прорицатель, врач. Поразительно, что среди перечисленных здесь нужных для общины людей совершенно не фигурирует воин. Правда, известно, что в условиях эллинского полиса «военная функция», как правило, не являлась отдельной, отчлененной от прочих сферой бытия⁹. В принципе воином был или должен был быть любой гражданин. Однако это еще недостаточный повод для того, чтобы «муж войны» не появился в перечне. В солоновское, архаическое время специализация внутри гражданского коллектива и в целом-то не зашла далеко, и предлагаемое поэтом четкое деление представляет собой скорее «идеальный тип», чем строгое отражение реальности. Ну, а в рамках «идеального типа», казалось бы, вполне могло найтись место и воину. Тем более что к эпохе Солон в Элладе уже появился и получил

⁷ Или «К самому себе», как ее тоже иногда называют в литературе. Оба варианта, конечно же, вполне условны, поскольку оригинальное название до нас не дошло, да и вряд ли Солон вообще озаглавливал свои стихи.

⁸ *Martin R. P. Solon in No Man's Land // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches.* Leiden; Boston, 2006. P. 161 ff.

⁹ Это особенно подчеркивал Ж.-П. Вернан. См.: *Vernant J.-P. Myth and Society in Ancient Greece.* Brighton, 1980. P. 19 ff.

достаточно широкое распространение такой феномен, как профессиональные солдаты-наемники¹⁰.

Нет, судя по всему, пропуск афинским мудрецом фигуры воина имеет какую-то иную причину. В данной связи обращает на себя внимание начало элегии «Благозаконие» (Sol. fr. 3. 1 sqq. Diehl):

Наша страна не погибнет вовеки по воле Зевеса
И по решенью других присноблаженных богов.
Ибо хранитель такой, как благая Афина-Паллада,
Гордая грозным отцом, длани простерла над ней.
Но, уступая корысти, объятые силой безумья,
Граждане сами не прочь город великий сгубить... и т. д.

Афина – богиня-воительница – изображалась, как известно, всегда с элементами гоплитского вооружения. Она, так сказать, идеальный гоплит, и иметь такую защитницу и хранительницу – вполне достаточное условие для безопасности государства; больше никаких воинов просто не нужно. Собственно, об этом эксплицитно говорится в только что процитированном фрагменте: погибнуть полис может только от *внутренней* смуты (стасиса). Стало быть, *внешняя* угроза (а именно для ее отражения создается гражданское ополчение) государству не страшна – именно в силу попечения Афины.

Автор приведенного здесь наблюдения, Р. Мартин, впрочем, делает его лишь мимоходом, никак не развивает и в целом останавливается на этом вопросе предельно кратко, в нескольких строках. Однако же нам, со своей стороны, представляется, что оно позволяет, выстраивая цепочку аргументации, прийти в конечном счете к достаточно ответственным, далекоидущим выводам, относящимся как к Солону и его времени, так и к реалиям послесолоновских десятилетий.

Начнем с того, что Афина в «Благозаконии» упомянута с эпитетом «Паллада», и это, надо полагать, не случайно. Афина в городе, носящем ее имя, почиталась в нескольких «ипостасях»¹¹, причем каждой соответствовало конкретное культовое изображение. В данном случае, несомненно, имеется в виду «палладий» – древнейшая статуя богини. Согласно легендам, палладий упал

¹⁰ Часто они находились на службе восточных монархов – лидийских царей, египетских фараонов и др. Одна из групп таких наемников при Псамметихе II, в 591 г. до н. э. (как раз в солоновское время!) добралась до Абу-Симбела и оставила на колоссальных статуях Рамсеса II первые в истории надписи типа «Мы здесь были». См.: Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised ed. Oxf., 1989. P. 12–13. No. 7.

¹¹ О культе Афины в Афинах в целом см.: Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Судьба Парфенона. М., 2000. С. 44 сл.

с неба по молитве одного из царей Трои и первоначально находился именно в этом городе. Считалось, что Илион не падет, пока его охраняет палладий. Соответственно, в ходе Троянской войны грекам пришлось тайно похищать его из троянских стен (по наиболее распространенному варианту мифа, это сделал Одиссей), и только после этого они одержали полную победу над троянцами. Затем палладий был увезен в Элладу, но о его дальнейшей судьбе рассказывали разноречиво. Несколько греческих полисов, в том числе Афины, имели у себя палладий¹², причем, естественно, жители каждого утверждали, что именно их палладий – настоящий, а все остальные являются подделками.

Сказания о палладии особенно распространились в греческом мире в связи с широкой циркуляцией героического эпоса в архаическую эпоху. К этому последнему процессу Солон был напрямую причастен: ведь именно при нем в Афинах началась фиксация канонического текста эпических поэм, завершившаяся позже, при Писистрате¹³. Бесспорно, крайней и некорректной является точка зрения, высказанная А. Сожем, чей главный тезис сформулирован уже в заглавии его работы – «“Илиада”, афинская поэма эпохи Солона»¹⁴. Однако не приходится сомневаться в том, что поэт-законодатель внес определенный вклад в редактирование эпоса; на сей счет есть прямые свидетельства источников (Plut. Sol. 10; Diog. Laert. I. 48). И уж во всяком случае он прекрасно знал эпическое наследие¹⁵, а стало быть – и фигурирующие в нем мифы.

Итак, Солон убежден, что, коль скоро Афина в виде своего священного кумира присутствует в городе, последний вполне надежно и достаточно защищен от внешних врагов, с этой стороны ему ничего не грозит. Реальной опасностью для него, повторим, выступает не война с чужеземцами (πόλεμος), а внутренний стасис. Для ликвидации же такого стасиса нужны совершенно иные качества, нежели для победы в войне: прежде всего – не мужество и доблесть,

¹² В Афинах палладий хранился в храме, который после постройки нового здания в конце V в. до н. э. стал называться Эрехтейоном. Даже в классическую эпоху и позже именно этот храм, стоявший на месте дворца афинских царей микенской эпохи, а не Парфенон, являлся сакральным «сердцем» афинского полиса. См.: Молчанов А. А., Суриков И. Е. Писистратиды – потомки отказавших в гостеприимстве (Актуализация династического мифа) // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999. С. 124.

¹³ Лосев А. Ф. Гомер. 2-е изд. М., 1996. С. 84 сл.; Cook E. F. The Odyssey in Athens: Myths of Cultural Origins. Ithaca, 1995.

¹⁴ Sauge A. «L'Iliade», poème athénien de l'époque de Solon. Bern, 2000.

¹⁵ Настолько хорошо, что он мог в собственной поэзии одновременно опираться на эпическую традицию и переосмыслять ее. См.: Blaise F. Poetics and Politics: Tradition Re-worked in Solon's «Eunomia» (Poem 4) // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 114–133.

а справедливость. Не случайно именно идея справедливости занимает колоссальное по значимости место в солоновской поэзии¹⁶.

Читая сохранившиеся фрагменты этой поэзии, нельзя не заметить, насколько она выделяется своим гражданским характером (если бы мы не опасались употребить чрезмерно современное выражение, то даже сказали бы – «штатским» характером, насколько вообще можно говорить о «штатском» применительно к полисным условиям). Военная тематика и лексика – редкий гость в стихах Солона. А если она и встречается, то нередко производит странное, даже смущающее представление. Пример – известный образ в одной из элегий (Sol. fr. 5. 5–6 Diehl):

Мощным щитом (σάκος) прикрывая и тех и других, не дозволил
Я ни одним, ни другим верх взять в неправой борьбе.

Перед нами, кстати, не гопплитский щит-ἀσπίς, а «героический» щит-σάκος (как, например, у Аякса), что лишний раз демонстрирует прекрасное знакомство автора с эпической поэзией. Но главное не в этом, а в том, что изображенную здесь метафорическую ситуацию невозможно представить¹⁷. Как можно прикрыть *обе* враждующие стороны *одним* щитом? Щит может либо оборонять одну из этих сторон от другой; либо если он обороняет обе стороны, то от кого? Метафора выглядит достаточно сомнительной, если не нелепой.

Можно сказать, что мир военных образов для Солона – не вполне родная стихия. Со строк его произведений не раздается «звон мечей», что особенно заметно по контрасту с многими другими архаическими лириками, предшественниками и современниками афинского мудреца, будь то Архилох, Тиртей, Алкей или даже женщина-поэтесса Сапфо¹⁸.

Из сказанного есть одно значимое исключение, которое, казалось бы, подрывает весь ход наших размышлений. Именно поэтому на данном исключении следует остановиться подробнее. По сообщениям целого ряда авторов – Демосфена (XIX. 252), Плутарха (Sol. 8 sqq.), Полиена (I. 20. 1), Юстина (II. 7. 9 sqq.), Фронтин (Strat. II. 9. 9), Элиана (Var. hist. VII. 19) и Диогена Лаэртского (I. 46 sqq.), Солон инициировал войну Афин с Мегарами за Саламин, для чего написал пронизанную боевым духом элегию (Sol. fr. 2 Diehl), а затем сам

¹⁶ Vlastos G. Solonian Justice // Classical Philology. 1946. Vol. 41. No. 2. P. 65–83; Almeida J. A. Justice as an Aspect of the Polis Idea in Solon's Political Poems: A Reading of the Fragments in Light of the Researches of New Classical Archaeology. Leiden, 2003.

¹⁷ Ср.: Stehle E. Solon's Self-reflexive Political Persona and its Audience // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 97.

¹⁸ В любовных стихах Сапфо военные образы отнюдь не редки. Вспомним хотя бы знаменитое: «Конница – одним, а другим – пехота, / Стройных кораблей вереницы – третьим...» (Sapph. fr. 16. 1–2 Lobel–Page).

возглавил афинские вооруженные силы в этом конфликте и добился перехода спорного острова под афинское владычество.

В связи с этим эпизодом хотелось бы обратить внимание на некоторые значимые детали. Прежде всего для того, чтобы продекламировать свою «саламинскую» элегию на афинской Агоре, Солон притворился сумасшедшим¹⁹. Сам этот факт сомнений не вызывает, а вот его интерпретация, предлагаемая вышеназванными античными авторами (кстати говоря, в большинстве своем довольно поздними), кажется, некорректна: якобы афиняне до того были измучены длительной борьбой с Мегарами за Саламин, что законодательно запретили кому-либо из граждан поднимать вопрос о ее возобновлении.

Помимо того что само издание подобного закона вызывает серьезные сомнения (другие аналогичные случаи нам неизвестны), данная версия никак не объясняет поведение Солона. Он симулировал психическое заболевание для того, чтобы избежать наказания? Однако в древнегреческом праве столь ранней эпохи, несомненно, не существовало еще понятия невменяемости, освобождающей от кары. Иными словами, если бы Солон действительно нарушил закон – он был бы наказан, и не спасло бы никакое сумасшествие (тем более что быстро выяснилось бы, что сумасшествие это – мнимое).

Очевидно, причину симуляции следует искать в чем-то ином. Как нам представляется (мы, разумеется, отнюдь не настаиваем на безусловной верности этого предположения, выдвигаем его чисто в порядке гипотезы), Солон подобным демонстративным, символическим жестом²⁰ подчеркивал необычность своего поведения в тот момент. Сograждане, хорошо знавшие Солонa, не могли представить себе, чтобы он в нормальном состоянии прибегнул к «риторике ястреба»²¹. Не надень он, пусть на краткое время, маску притворного безумия, афиняне просто не поняли бы его, он слишком далеко отошел бы от их ожиданий по поводу того, что из уст этого политика можно услышать.

¹⁹ См. об эпизоде: *Irwin E. The Transgressive Elegy of Solon? // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 40 ff.*

²⁰ О важности символических форм поведения в архаической Греции см. в программной статье: *Connor W. R. Tribes, Festivals and Processions: Civic Ceremonial and Political Manipulation in Archaic Greece // Journal of Hellenic Studies. 1987. Vol. 107. P. 40–50.*

²¹ В произведениях Солонa, несмотря на раннее время их создания, присутствуют уже, как убедительно показала М. Нуссия, элементы достаточно изощренной риторики: *Noussia M. Strategies of Persuasion in Solon's Elegies // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 134–155.* Разумеется, исследовательница вполне отдает себе отчет в том, что применительно к архаической эпохе следует говорить скорее о «проториторике»: риторика как таковая появляется в V в. до н. э., прежде всего в связи с интеллектуальной деятельностью Горгия (*Romilly J. de. Magic and Rhetoric in Ancient Greece. Cambridge, MA, 1975. P. 1 ff.; Wardy R. Rhetoric // Greek Thought: A Guide to Classical Knowledge. L., 2000. P. 465–485.*)

Таким образом, воинственная «саламинская» элегия Солона – воистину то самое исключение, которое только подтверждает общее правило.

Кстати, а настолько ли уж она воинственна? От длинного стихотворения, к сожалению, сохранилось лишь восемь строк. Трудно сказать, насколько по их содержанию можно делать ответственные заключения о характере всего произведения. Нам представляется все же, что эти строки (две из них – начало, четыре взяты из середины, а еще две, судя по всему, являются завершением) вполне репрезентативны: ведь не случайно именно их цитировали позднейшие авторы, желая дать читателям впечатление о памятнике в целом. Прочитируем поэтому все восемь:

С вестью я прибыл сюда от желанного всем Саламина,
Стройную песню сложив, здесь, вместо речи, спою...
Лучше бы мне позабыть об Афинах, оставить отчизну,
Лучше бы родиной мне звать Фолегандр и Сикини,
Чтобы за мною вослед худая молва не летела:
Вот он, из Аттики трус, вот саламинский беглец!..
На Саламин! Поспешим и сразимся за остров желанный,
Чтобы с отчизны стряхнуть горький и тяжкий позор!

Здесь не упоминается никакое оружие; только один раз промелькивает глагол μάχομαι ‘сражаться’ (в форме причастия будущего времени). Стоящее в негативном контексте слово «трус» – добавление переводчика (М. Л. Гаспарова); в оригинале его нет, там встречаем солоновский неологизм Σαλαμιναφετέων (со значением ‘утративших Саламин’). Одним словом, даже самое воинственное сочинение Солона на общем фоне архаической лирики и по меркам этой лирики оказывается далеко не выделяющимся какой-то особой воинственностью.

Далее, сама война Афин с Мегарами за Саламин, в которой не только словом, но и делом отличился Солон, не была гоплитской войной, и исход ее решался не в столкновениях фаланг. Она велась на море (а как иначе, коль скоро речь шла о борьбе за спорный остров?); более того, главную роль в этом затянувшемся²² вооруженном конфликте сыграли неоднократно использовавшиеся вначале Солоном, а затем Писистратом военные хитрости, μηχαναί²³.

²² Судя по всему, с рубежа VII–VI вв. до н. э. См.: Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 119, 182.

²³ А также и дипломатические уловки. Последние особенно активно применял Солон в ходе итоговых переговоров, завершивших афино-мегарскую войну. Эти переговоры, проходившие при спартанском арбитраже, окончательно закрепили Саламин во владении Афин, причем последние в лице своего представителя Солон апеллировали для подтверждения своих претензий к дельфийским прорицаниям (см.: Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 84–86).

Об одной из них особенно настойчиво, с некоторыми расхождениями, повторяют источники. Приведем основные свидетельства, поскольку, как увидим, они имеют самое непосредственное отношение к теме данной главы, хоть на первый взгляд это и не бросается в глаза.

Плутарх (Sol. 9):

Солон поехал морем вместе с Писистратом на Колиаду. Там он застал всех женщин приносящими жертву Деметре по древнему обычаю. Он послал на Саламин верного человека, который должен был выдать себя за перебежчика и посоветовать мегарянам, если они хотят захватить афинских женщин из лучших домов, как можно скорее ехать с ним на Колиаду. Мегаряне поверили ему и послали отряд на корабле. Когда Солон увидел, что корабль отчаливает от острова, он велел женщинам уйти прочь, а юношам, еще не имеющим бороды, приказал надеть их платья, головные уборы и обувь, спрятать под платьем кинжалы, играть и плясать у моря, пока неприятели не выйдут на берег и пока афиняне не завладеют кораблем. Между тем обманутые их видом мегаряне, пристав к берегу, наперебой стали выскакивать из корабля, приняв их за женщин. Ни один из них не спасся, все погибли. А афиняне поплыли на Саламин и овладели им.

Полиен (I. 20. 2):

Была война у афинян и мегарцев за Саламин. Солон отплыл к Колиаде; там женщины устраивали праздник в честь Деметры у самого моря. Солон отправляет перебежчика, чтобы он сообщил мегарцам: «Если к Колиаде вы поплывете, то захватите афинских женщин, пляшущих в хороводе; но не медлите». Мегарцы верят обману. Итак, они поплыли; Солон же приказывает, чтобы женщины ушли. А безбородых юношей, наряженных в женские одежды, наделивших венки и вооруженных скрытыми под одеждой кинжалами, он поставил на морском берегу играть и водить хороводы. Мегарцы, обманутые видом безбородых юношей и женской одеждой, сойдя с кораблей, попытались схватить этих будто бы женщин, а они, обнажив кинжалы, вместо женщин оказались очень даже мужчинами: врагов убили, на корабли взобрались, Саламином овладели.

Юстин (II. 8. 1–5):

Между тем мегаряне не забыли о войне, которую начали против них афиняне, и, боясь, как бы не показалось, что они, мегаряне, воевали без всякого успеха, садятся на корабли, намереваясь захватить афинских женщин ночью во время элевсинских таинств. Афинский вождь Писистрат, узнав об этом, сажает в засаду юношей и приказывает женщинам справлять празднество, как обычно, с шумными кликами, даже и тогда, когда враги приблизятся, чтобы те не догадались, что замысел их открыт. Когда мегаряне, ничего не подозревая, сошли с кораблей, Писистрат напал на них и их уничтожил. Затем он тотчас же на захваченных кораблях поплыл в Мегары, посадив кое-где между воинами женщин, чтобы их сочли за пленниц. Когда мегаряне узнали свои корабли как по их наружному виду, так

и по тому, что увидели на них ожидаемую добычу, они выбежали к гавани встретить их. Писистрат перебил мегарян и едва не захватил город.

Фронтин (Strat. II. 9. 9):

Афинянин Писистрат захватил флот мегарцев, на котором те подплыли ночью к Элевсину, чтобы захватить занятых исполнением мистерий афинянок. Отомстив им жестоким избиением, он посадил на эти самые захваченные суда афинских воинов и поместил на виду несколько почтенных женщин, якобы пленниц. Мегарцы, обманутые видимостью, толпою вышли навстречу, думая, что это их корабли возвращаются, да притом с успехом, и, безоружные, вновь были разгромлены.

Элиан (Var. hist. VII. 19):

Солон, стоя во главе афинян во время войны за остров Саламин, отбил два мегарских корабля, отдал их под команду афинян, передел воинов в одежду, снятую с врагов, и, достигнув Мегар, перебил в городе много народу, так как мегарцы не распознали военной хитрости и потому не вооружились.

Как видим, за много веков, прошедших между афино-мегарской войной и временем жизни всех пяти процитированных писателей, эпизод, о котором идет речь, стал передаваться со значительными вариациями, что, конечно, порождает ряд проблем. Неясно даже, Солону или Писистрату нужно приписывать данную стратегию; источники в этом отношении не согласны друг с другом. Впрочем, вполне вероятно, что ближе всех к истине Плутарх, ставящий в своем рассказе имена этих двух государственных мужей рядом. Доподлинно известно из гораздо более достоверных авторов (Herod. I. 59; Arist. Ath. pol. 14. 1), что Писистрат, как и Солон, участвовал в войне с Мегарами (несомненно, уже на ее последнем этапе) в качестве полководца; собственно, именно это и стало первой причиной возрастания влияния будущего тирана. Солон и Писистрат, находившиеся, кстати, в родственных отношениях, долгое время действовали в политике как союзники. Не будет ничего невероятного в предположении, что описанную военную хитрость против мегарян задумал Солон, а Писистрат ее непосредственно воплотил в жизнь.

Из приведенных свидетельств наименее достоверным представляется сообщение Элиана. В нем, судя по всему, имеет место контаминация двух событий: интересующего нас, с переодеванием, и другого – с захватом мегарского корабля. О последнем подробнее также повествует Плутарх (Sol. 9), который, со своей стороны, не смешивает эти эпизоды.

Остальные четыре рассказа четко группируются по двум парам: Плутарх и Полиен, Юстин и Фронтин. Два первых совпадают между собой до деталей, два вторых – тоже, а вот друг от друга эти пары существенно отличаются. Несомненно, следует говорить о двух конкурирующих традициях. И более

аутентичной из них представляется, бесспорно, та, которая отразилась у Плутарха и Полиена. Другая традиция, представленная Юстином и Фронтином, содержит как минимум одну очень грубую ошибку, серьезно подрывающую доверие и ко всей излагаемой ими версии. А именно: стратегема, главную роль в которой играет попытка захвата женщин, никак не может приурочиваться к Элевсинским мистериям, в которых участие не ограничивалось по половому принципу, а только к какому-то чисто женскому празднеству. Несомненно, речь может идти только о Фесмофориях, поскольку в первый день Фесмофорий обряды происходили как раз на мысе Колиаде, в Фалерской гавани²⁴.

Что же главное в наиболее достоверных свидетельствах? Мотив, связанный с *переодеванием мужчин-воинов в женщин*. И думается нам, что здесь с большим основанием следует говорить не столько о банальном трюке, направленном на обман противника, сколько об актуализации некоего архаичного ритуала. Смутные отголоски этого, кстати, прослеживаются и в сообщениях менее достоверных, искажающих факты. В них появляются то женщины (но без переодевания), то переодевание (но без женщин), а Плутарх и Полиен дают наиболее полную и внутренне согласованную картину.

Принимая на себя женское обличье, но при этом оставаясь воинами, молодые афиняне как бы уподоблялись Афине – в одном лице женщине и воину²⁵.

²⁴ Латышев В. В. Очерк греческих древностей: Богослужбные и сценические древности. СПб., 1997. С. 132.

²⁵ Не можем здесь удержаться от того, чтобы затронуть (хотя бы кратко, в подстрочном примечании и без развернутой аргументации) вопрос, связанный с уникальной чертой Афины как богини. В религиозных традициях многих обществ древности присутствуют воинственные женские божества (начиная, как минимум, с шумеро-аккадской Инанны-Иштар). Но они, как правило, сочетают воинственность с сексуальной страстностью, порой – даже ярко выраженной грубой похотливостью. Совсем другое дело – Афина. Она – в какой-то степени «чистый разум». Холодная девственность акцентируется во всех ее характеристиках. Данная черта доведена в ней до *nec plus ultra*: Афина не имеет не только мужа (или любовника) и детей – у нее, по сути дела, нет даже и матери. Помимо внешних физических признаков, она вообще лишена чего бы то ни было женского. По гендерному облику это в полном смысле слова «маскулинная женщина» (названная черта совершенно верно отмечена в работе: Селиванова Л. Л. Сравнительная мифология (Мифы о возрождении в древнем мире). М., 2003. Ч. 2: Античный мир. С. 37 сл.). Как мог сложиться подобный образ? Хотелось бы предложить попытку объяснения. С мифогенетической точки зрения Афина – хранительница акрополя, городской цитадели, – восходит к одной из «ипостасей» Богини-Владычицы, ведущей фигуры минойско-микенского пантеона. Консортом Владычицы считался монарх, который в таком союзе, естественно, мог играть только вторую роль (не отсюда ли, кстати, некоторые особенности изображения мужчин в критском искусстве, которые часто списывают на счет так называемого минойского матриархата? См., например: Андреев Ю. В. «Минойский матриархат» (Социальные

Припоминается, кстати, интересная параллель. Древний кумир Афины, о котором говорилось выше, раз в год, во время праздника Плинтерий, раздевали и омывали. Вскоре после этого происходило главное афинское торжество в честь этой богини, в ходе которого статуе подносили новый пеплос. Всё это факты хорошо известные, а нам хотелось бы только заметить, что для омовения статую отвозили на берег моря, хотя чисто утилитарной надобности для такой поездки совершенно не существовало: вполне можно было бы омыть статую и в храме. У моря, как мы помним, разыгрался и упоминавшийся выше эпизод с переодеванием. Причем происходил он в той же Фалерской гавани, в которой происходило омовение статуи Афины!²⁶

Целый ряд деталей различного характера начинает связываться в единую цепочку... Ключевым в ней оказывается представление, что афинский полис спасаем от внешних врагов женщиной-воином, богиней Афиной. Соответственно, для достижения успехов на полях сражений нужно не столько самим проявлять храбрость и доблесть, сколько добиться помощи от божественной покровительницы. Сделать это можно было, конечно, несколькими способами; в частности, в рамках мифолого-магических представлений (с характерными для них сложными ассоциативными связями по смежности, сходству или даже противоположности) одним из вполне резонных средств воздействия на божество мог быть именно такой: чтобы пришла на подмогу богиня-воин, мужественная и мужеподобная женщина, мужчины-воины должны посредством переодевания принять женское обличье, причем сделать это в том же месте, где обычно «купается», обнажившись, сама Афина.

Между прочим, ассоциативную связь между мотивами купания Афины и смены пола встречаем мы совсем в другом – фиванском – мифологическом цикле, в связи с легендами о пророке Тиресии. По одной из версий, он увидел как-то раз купающуюся Афину и был за это ею ослеплен; по другой – ударил палкой спаривающихся змей и в наказание стал на семь лет из мужчины женщиной, а потом – опять мужчиной²⁷. Похоже, здесь произошло раздвоение базовой мифологемы, в которой Тиресий был покаран временным ношением женского облика за лицемерие купания Афины.

роли мужчины и женщины в общественной жизни минойского Крита) // ВДИ. 1992. № 2. С. 3–14). На переходе к полисной эпохе акрополи, цитадели остались, но там теперь на месте царских дворцов строились храмы. Институт монархии отмер, и Владычица (которая в интересующей нас функции теперь была Афиной) осталась без консорта, стала целомудренной и безбрачной.

²⁶ Латышев В. В. Указ. соч. С. 142.

²⁷ Ярхо В. Н. Тиресий // Мифологический словарь. М., 1990. С. 528.

* * *

В качестве еще более умелого мастера разнообразных военных и политических трюков-μυχαναί, чем Солон, фигурирует в античной традиции Писистрат. Подчеркнем уже не в первый раз: мы вполне солидарны с У. Р. Коннором в том, что такого рода «трюки» не следует трактовать в чрезмерно модернизирующем ключе, что в связи с ними уместнее вести речь скорее об актуализации символических форм поведения, нежели о грубых и дешевых обманах сограждан или врагов.

Самая знаменитая μυχανή Писистрата имеет самое прямое отношение к образу «воительницы Афины». Ее наиболее подробно описывает Геродот (I. 60), а все остальные авторы (Clidem. FGrHist. 323. F15; Arist. Ath. pol. 14. 3; Polyae. I. 21. 1; Athen. XIII. 609c) опираются именно на его рассказ. Прочитируем поэтому только «отца истории».

В Пеонийском деде жила женщина по имени Фия ростом в 4 локтя без трех пальцев и вообще весьма пригожая. Эту-то женщину в полном вооружении (σκευῶσαντες πανοπλίη) (Писистрат и помогавший ему Мегакл Алкмеонид. – И. С.) поставили на повозку и, показав, какую она должна принять осанку, чтобы казаться благопристойной, повезли в город. Затем они отправили вперед глашатаев, которые, прибыв в город, обращались по их приказанию к горожанам с такими словами: «Афиняне! Примите благосклонно Писистрата, которого сама Афина почитает превыше всех людей и возвращает теперь из изгнания в свой акрополь!» Так глашатаи кричали, обходя улицы, и тотчас по всем дедам прошел слух, что Афина возвращает Писистрата из изгнания. В городе все верили, что эта женщина действительно богиня, молились смертному существу и приняли Писистрата (курсив везде наш. – И. С.).

Это было в момент второго прихода Писистрата к власти, обставленно-го таким вот экзотическим образом. Конечно, если считать, что перед нами действительно проделка политика, то остается только подивиться вместе с Геродотом несмышленности афинских граждан. Но, к счастью, ныне в историографии начинает преобладать не столь примитивное толкование описанной сцены²⁸. В действительности Писистрат воспроизводил древнюю и авторитетную религиозно-культурную модель «священного брака» (ιερός γάμος) героя с богиней. В таком случае героя должен воплощать сам тиран. Какой герой здесь имелся в виду, служил, так сказать, мифологическим прототипом? Ю. В. Андреев почему-то считает, что Диомед²⁹. Нам ход его мысли, признаться,

²⁸ Наиболее полно отразилось в работах: Connor W. R. Op. cit.; Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). СПб., 2002. С. 310 сл.; Суриков И. Е. Античная Греция... С. 189 сл.

²⁹ Андреев Ю. В. Тираны и герои. Историческая стилизация в политической практике старшей тирании // ВДИ. 1999. № 1. С. 4.

не вполне понятен. Неизвестно о какой-либо связи Писистратидов (или Алкмеонидов) с фигурой Диомеда. Гораздо более убедительно мнение Дж. Бордмана, согласно которому следует говорить о «подражании» Писистрата Гераклу³⁰. Характерно, что в эти же годы сюжет «Афина и Геракл на колеснице» становится популярным и в аттической вазописи.

Однако важнее для нас сейчас не эти нюансы, а иное. Писистрат прямо-таки демонстративно ассоциирует себя с Афиной, ставит себя под покровительство этой богини – причем как раз в той ее «ипостаси» в которой она была вооруженной воительницей, хозяйкой Акрополя, защитницей всего афинского полиса. Это именно та Афина, которая, как считал еще Солон, простирает свои руки над городом и тем обеспечивает ему полную и абсолютную безопасность от внешней угрозы, делает в сущности ненужной полисную армию.

Похоже, что подобную же систему взглядов имплицитно пропагандировал и ученик Солона Писистрат. Причем не только в конкретном вышеописанном эпизоде, а на протяжении значительной части своей политической карьеры. Пока речь шла о втором его приходе к власти. Как обстоит дело с остальными двумя?

Впервые Писистрат стал тираном, получив от полиса по решению народного собрания отряд телохранителей. Касательно этих людей источники подчеркивают специфическую подробность. «Они были у Писистрата не копьеносцами, а дубинщиками, сопровождая его с деревянными дубинами» (Herod. I. 59). «Получив в свое распоряжение отряд так называемых “дубинщиков”, он с помощью их восстал против народа и занял Акрополь...»³¹ (Arist. Ath. pol. 14. 1). «Аристон внес предложение о том, чтобы дать Писистрату для охраны пятьдесят человек, вооруженных дубинами...» (Plut. Sol. 30). «Народ... для защиты дал ему триста стражников. Этими дубиноносцами пользуясь, он сам стал тираном афинян...» (Polyaen. I. 21. 3).

Мы видим здесь очередной символический жест из числа тех, каковые были особенно характерны для архаических греческих тиранов в целом и для

³⁰ Развито в целом цикле статей. См., в частности: Boardman J. Herakles, Peisistratos, and Sons // *Revue archéologique*. 1972. № 1. P. 57–72; Boardman J. Herakles, Peisistratos, and Eleusis // *Journal of Hellenic Studies*. 1975. Vol. 95. P. 1–12; Boardman J. Herakles, Peisistratos, and the Unconvinced // *Journal of Hellenic Studies*. 1989. Vol. 109. P. 158–159. Выводы Бордмана критиковались в литературе (например: Brandt H. Herakles und Peisistratos, oder: Mythos und Geschichte. Anmerkungen zur Interpretation vorklassischer Vasenbilder // *Chiron*. 1997. Bd 27. S. 316–334), но не очень убедительно.

³¹ О причинах, по которым претенденты на тиранию в Афинах прежде всего стремились захватить Акрополь, см.: Rosivach V. J. Why Seize the Acropolis? // *Historia*. 2008. Bd 57. Ht. 2. S. 125–133 (на Акрополе находился древнейший пританей, выросший на развалинах дворца микенского времени).

афинских Писистратидов в частности³². Античные авторы (и особенно Геродот, наиболее близкий по времени к описываемому событию) специально останавливаются на том, что Писистрат получил отряд, вооруженный не копьями (как, очевидно, ожидалось), а дубинами. Очевидно, именно такой отряд он себе и запросил. Почему?

Копье обязательно входило в комплект гоплитского вооружения, а также, естественно, являлось непременным атрибутом Афины-воительницы. Дубина же весьма далеко отстоит от этого семантического круга. Дубинами, наряду с пращами и др., экипировались легковооруженные воины (гимнеты), сражавшиеся рассыпным строем и не входившие в фалангу. Исход битвы с внешним противником дубинщики и прочие гимнеты не решали никогда; их задачей было завязать схватку с противником, а потом рассеяться, дав место грозно выступающему на поле боя гоплитскому каре.

Писистратовские дубинщики, таким образом, выглядят принципиальными «анти-гоплитами». Тут нужно помнить, что Писистрат набрал их не для внешней войны, а для чисто внутренних дел – для захвата власти. Вероятно, совершить узурпацию с помощью гоплитского контингента означало бы в его глазах оскорбить «идеального гоплита» Афины, дав неподобающее применение покровительствуемому ею роду войска.

Но особенно показательно третье и окончательное установление Писистратом своей тирании. Около 546 г. до н. э. неутомимый политик, находясь на тот момент в изгнании, переправился с Эвбеи в Аттику с войском, состоявшим из наемников и добровольцев – граждан других городов, – и разгромил афинское полисное ополчение. Последнее, нужно сказать, проявило себя совершенно небоеспособным, легко поддавшись на очередную военную хитрость, использованную Писистратом, и практически сразу обратилось в бегство.

Особенный интерес представляет конкретная местность территории афинского полиса, в которой произошло сражение. Предоставим опять же слово античным авторам, повествующим о событии. «Оба войска сошлись у святилища Афины Паллены (ἐπὶ Παλληνίδος Ἀθηναίης ἱερόν» (Herod. I. 62). «Победив в сражении при Паллениде (ἐπὶ Παλληνίδι), Писистрат занял город...» (Arist. Ath. pol. 15. 3). «Писистрат с Эвбеи отправился походом на Аттику и, у святилища Афины Паллены (ἐπὶ Παλληνίδος) напав на первых из врагов, убил всех...» (Polyaen. I. 21. 1).

Разночтения в свидетельствах минимальны, не влияют на смысл, и приведенные тексты позволяют самым исчерпывающим образом ответить на вопрос

³² Лучшая монография на эту тему: McGlew J. F. *Tyranny and Political Culture in Ancient Greece*. Ithaca, 1996. Именно в символическом аспекте (дубинщик как «анти-гоплит») Дж. Макгло рассматривает и этот эпизод. Иными словами, данной его трактовкой мы обязаны ему, но только развиваем ее подробнее и в несколько ином ракурсе.

о том, где случилось решающее столкновение. Речь должна идти о находившемся на пути из Марафона (там высадился Писистрат) к Афинам святилище Афины, почитавшейся там под эпитетом Палленида (вариант написания «Паллена», встречающийся в некоторых переводах, менее точен)³³. Будем исходить из того, что перед нами – не простая случайность. Писистрат принадлежал к числу таких политических деятелей, которые дальновидно просчитывают каждый свой ход. Надо полагать, он сделал все от него зависящее для того, чтобы встреча с противником произошла именно там, где он ее наметил. Получается, он опять получил помощь от Афины!

Скажем несколько слов об эпikleze Палленида. Она означает буквально «Палленская» и смело может быть связана с Палленой (Флегрой) – местностью на Халкидике. Именно там, согласно мифам, произошла гигантомахия – знаменитая битва олимпийских богов с «землеродными» гигантами, в которой Афина особенно отличилась как воительница. Между прочим, как раз в этом сражении она сразила гиганта Палланта (Apollod. Bibl. I. 6. 2), в честь чего и получила свой самый знаменитый эпитет – Паллада. Афина «содрала кожу с еще живого Палланта и использовала ее как панцирь»³⁴. Тем самым она, по сути, изобрела первый прообраз гоплитского доспеха; ведь панцирь являлся его неотъемлемой частью. Кроме того, после победы над гигантами Афина впервые (Dion. Hal. Ant. Rom. VII. 72. 6–7) исполнила пирриху – танец с оружием, который впоследствии был в ряде полисов важным элементом праздничных выступлений гоплитов. Кажется, можно с полным основанием утверждать, что миф о гигантомахии на Паллене внес весьма важный вклад в формирование образа Афины как «идеального гоплита» и прототипа всех гоплитов исторического времени.

И, пожалуй, вот что еще следует отметить. Вступая с наемным, чужеземным войском на родную землю, но при этом ставя себя под покровительство Афины – защитницы всего полиса от внешних врагов, – Писистрат тем самым подчеркивает, что он, несмотря ни на что, не относится к числу этих внешних врагов. Напротив, он как бы ассоциирует, даже отождествляет себя с полисом, претендует на то, чтобы посредством «особых связей» с Афиной олицетворять отныне этот полис в собственной персоне.

А теперь подчеркнем характернейшую акцию, которую предпринял тиран, судя по всему, немедленно после того, как прочно утвердился на афинском престоле. Он – с помощью очередной хитрой уловки – отобрал у граждан

³³ Позже вокруг этого святилища существовало культовое объединение нескольких аттических демонов. См.: *March D. A. Kleisthenes and the League of Athena Pallenis* // *Historia*. 2008. Bd 57. Ht. 2. S. 134–141.

³⁴ *Тахо-Годи А. А. Гиганты* // *Мифологический словарь*. М., 1990. С. 153; *Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян*. М., 1996. С. 819.

оружие и запер его в одном из храмов (Arist. Ath. pol. 15. 4; Polyae. I. 21. 2). В одной из предыдущих работ³⁵ автор этих строк с сомнением отнесся к сообщениям источников о названном эпизоде. Однако ныне – по соображениям, которые будут изложены чуть ниже, – мы должны признать, что достаточных оснований для скептицизма по данному поводу нет, и скорректировать свою точку зрения. В целом подобного рода поступок хорошо укладывался в общую политическую линию Писистрата, которую Аристотель (Ath. pol. 15. 4) кратко, но метко характеризует словами, вложенными им в уста самого тирана: гражданам «следует возвратиться по домам и заниматься своими делами (ἐπὶ τῶν ἰδίων εἶναι), а о всех общественных позаботится он сам (τῶν δὲ κοινῶν αὐτὸς ἐπιμελήσεσθαι πάντων)». Возможно, не лишним будет уточнить, что понимание «общественного» (κοινόν) являлось в условиях полиса необычайно широким. Оно, в частности, было шире понятия «политического» и включало последнее в себя³⁶. «Общественное» объединяло все виды коллективной деятельности, в сущности, всю сферу публичной жизни, которая в полисе (во всяком случае, для граждан) имела существенный приоритет над частной сферой. Κοινόν – это, помимо политики, также и религия, и военное дело, одним словом, все, что относится к уровню полиса, а не ойкоса. А теперь эту публичную сферу брал (официально, если и не фактически) в свои руки единственный правитель.

С другой стороны, мы, корректируя свой взгляд по конкретному вопросу о разоружении афинян Писистратом, при этом не отказываемся от своих прежних слов более общего характера:

Сообщается, что некоторые тираны предпринимали попытки разоружить гражданский коллектив. Но такие акции никогда не могли быть в полной мере эффективными. Во-первых, отсутствовал должный аппарат контроля (типа полиции, бюрократии и т. п.), который позволял бы правителю убедиться в том, что граждане, раз сдав оружие, так и продолжают оставаться без него. Не мог же тиран закрыть все оружейные мастерские! Во-вторых, разоружение граждан означало фактическую ликвидацию полисного ополчения, а это делало государство в высшей степени уязвимым в случае любых внешних конфликтов³⁷.

Поэтому считаем, что вышеописанное мероприятие Писистрата следует относить скорее опять же к числу символических актов, которые так любил этот деятель и которые позднейшими античными авторами, стоявшими уже на чисто рационалистических позициях, односторонне воспринимаются как

³⁵ Суриков И. Е. Античная Греция... С. 193.

³⁶ Scmitt-Pantel P. Collective Activities and the Political in the Greek City // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 199–213.

³⁷ Суриков И. Е. Античная Греция... С. 161.

хитроумные политические трюки. Символизм акции по разоружению граждан акцентируется еще и тем, что в рассказах о ней, содержащихся в нарративной традиции, фигурируют храмы. Причем здесь между двумя основными источниками – Аристотелем и Полиеном – есть определенное разногласие. Согласно первому, оружие было заперто в Тесейоне; второй же называет в данной связи храм Агравлы. Нам кажется, что именно эта вторая версия более аутентична, поскольку в содержательном плане она являет собой *lectio difficilior*, то есть труднее поддается объяснению.

Агравла (Аглавра), одна из чисто аттических мифологических героинь, воспринималась одновременно как «ипостась» Афины (богиня имела, наряду с другими эпиклезами, также и эпиклезу Аглавра)³⁸. Согласно мифу об Аглавре и ее сестрах, дочерях царя Кекропа, Афина вручила им на хранение своего приемного сына Эрихтония в корзине, настрого запретив заглядывать туда. Девушки, однако, нарушили запрет. За это богиня наслала на них безумие, и они бросились со скалы. Впоследствии Аглавра почиталась в Эрехтейоне, там же где стоял древний палладий. Излишне специально оговаривать, что Эрихтоний и Эрехтей – мифологические «дублиеты».

Особенно интересно то обстоятельство, что Афина, поскольку по ее вине погибли царевны, вынуждена была пройти культовое очищение. Она совершила омовение в море, и именно в честь этого события был учрежден упоминавшийся нами выше праздник Плинтерии!³⁹ Очередное звено, встраивающееся в сложную, но стройную с точки зрения мифологической логики цепочку, которую мы здесь реконструируем. Кумир вооруженной Афины, омовение, переодевание, символическая смена пола, лишение оружия... И картина, получающаяся в результате: стоящий на страже полиса «сверхгоплит» Афина, маскулинная женщина, а наряду с ней – граждане-гоплиты, обезоруженные и тем самым феминизированные, исключенные тираном-консортом из публичной сферы и вынужденные замкнуться на делах своих ойкосов.

* * *

Из вышесказанного следует принципиальный и при этом парадоксальный вывод: получается, что в период тирании в Афинах попросту отсутствовало полисное ополчение. Кажется, этот вывод подтверждается и иными данными, прямыми и косвенными.

Геродот (I. 64) пишет в связи с третьим приходом Писистрата к власти: «Он упрочил свое господство сильными отрядами наемников (ἐπικούροισι τε πολλοῖσι)...» Строго говоря, термин ἐπικούρος не обязательно должен

³⁸ Тахо-Годи А. А. Аглавра // Мифологический словарь. М., 1990. С. 19.

³⁹ Латышев В. В. Указ. соч. С. 142–143.

обозначать именно наемника. Речь может идти, например, о союзных контингентах из других полисов. Но, во всяком случае, этими ἐπίκουροι не могли быть граждане-ополченцы.

Далее, что известно о военных предприятиях Писистратидов? В связи с основателем династии в источниках упоминаются несколько операций, и, что интересно, все они морские, флотские: захват Наксоса, тираном которого был поставлен писистратовский протеже Лигдамид, очищение священного Делоса, окончательное отвоевание у лесбосцев Сигея на Геллеспонте. В принципе, мы не исключаем, что следует говорить о единственной крупной экспедиции Писистрата (ближе к началу его третьего правления), в ходе которой и были достигнуты все эти успехи⁴⁰. В любом случае для похода на кораблях совершенно не было необходимым привлечение сил афинского ополчения. Такой поход вполне мог быть осуществлен силами тех самых ἐπίκουροι, кем бы они ни были.

О сухопутных же военных действиях Писистрата ничего не сообщается. А его сын и преемник Гиппий, похоже, вообще не вел войн, решительно предпочитая дипломатические методы и создав сеть дружественных союзов Афин с различными центрами силы в Элладе – Фессалией, Аргосом, Спартой. Последний союз был, впрочем, в 511 г. до н. э. расторгнут по инициативе лакедемонян. Последние совершили два вторжения в Аттику, из которых второе оказалось успешным и привело к свержению тирании.

Рассмотрим свидетельства об этих вторжениях подробнее. Они принадлежат Геродоту, поскольку Аристотель (Ath. pol. 19. 5) не приводит никакой независимой от «отца истории» информации. Первое спартанское нападение было с моря, эскадра пристала в Фалере.

Писистратида же проводили заранее о походе и вызвали помощь (ἐπίκουρίην) из Фессалии, так как у них уже прежде был заключен союз с фессалийцами. По просьбе Писистратидов фессалийцы единодушно решили послать тысячу всадников с царем Кинеем из Кония во главе. С такими союзниками (συνμάχους) Писистратида придумали вот какой способ войны. Они велели вырубить деревья на Фалерской равнине, так что эта местность стала доступной для действий фессалийской конницы (очередная из военных хитростей, столь излюбленных афинскими тиранами. – И. С.). Затем они двинули эту конницу против спартанского войска. При стремительной атаке фессалийцев погибло много спартанцев... Уцелевшие воины были оттеснены к кораблям (Herod. V. 63).

⁴⁰ Ср.: Суриков И. Е. Черноморское эхо катастрофы в Сардах (Персидское завоевание державы Мермнадов и колонизационная политика Гераклеи Понтийской) // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 52.

Теперь о втором вторжении:

После этого лакедемоняне снарядили в поход на Афины более многочисленное войско во главе с царем Клеоменом, сыном Анаксандрида, но отправились на этот раз не морским путем, а по суше. Когда спартанцы проникли в Аттику, то их прежде всего встретила фессалийская конница, но после схватки быстро обратилась в бегство, оставив на месте более 40 убитых. Уцелевшие же тотчас прямым путем возвратились в Фессалию (Herod. V. 64).

Что здесь прежде всего обращает на себя внимание? Иных защитников, кроме фессалийцев, у Гиппия не оказалось. Даже в самую тяжелую для себя пору, когда под угрозой была сама его власть, тиран не попытался прибегнуть к мобилизации ополчения афинских граждан. А эти последние хотя и не выступили активно против своего правителя, но и не поддерживали его – по сути, они остались пассивными зрителями происходящего. Опять выходит, что ополчения просто не было. Зато была богиня-градодержица...

Но не помогла Гиппию на сей раз и «воительница Афина», помогавшая неоднократно его отцу. И это несмотря на то, что второй афинский тиран, судя по всему, уповал на покровительство с ее стороны⁴¹. Это, в частности, заметно на материале его монетной чеканки. В рассмотрении этого вопроса мы будем исходить из той хронологии древнейших афинских монет (т. н. *Wappenmünzen*), которой сами придерживаемся и которая представляется нам наиболее верной⁴².

Wappenmünzen начали выпускаться либо в самый последний период жизни Писистрата, либо сразу после унаследования власти его сыном. Вначале на этих нумизматических памятниках встречаем довольно пестрое разнообразие монетных типов. Однако ближе к концу правления Гиппия (скорее всего, около 513 г. до н. э.) происходит определенная унификация: вводится единый тип лицевой стороны – горгоней. Этот апотропеический символ имел теснейшую связь с мифологическим образом Афины, поскольку традиционно изображался на ее эгиде. В сущности, горгоней был как бы полноценным «заместителем»

⁴¹ Все, что известно о Гиппии, характеризует его как истово набожного человека. Он, в частности, чрезвычайно интересовался предсказаниями оракулов и собрал у себя на Акрополе богатейшую коллекцию этих речений.

⁴² Подробнее, с аргументацией см.: Суриков И. Е. Древнейшие афинские монеты (*Wappenmünzen*): проблемы интерпретации и датировки // Античный мир и археология. Саратов, 2006. Вып. 12. С. 43–51 (в этой статье – все ссылки на предшествующую литературу вопроса); Суриков И. Е. От *Wappenmünzen* к «совам»: в поисках исторического контекста // XIV Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докл. и сообщ. СПб., 2007. С. 10–12.

Афины в тот период, когда на монетах не допускались еще антропоморфные изображения.

Не сомневаемся, что Гиппий поместил горгоней на афинские тетрадрахмы и дидрахмы вполне сознательно – для того, чтобы с помощью божества уберечь себя как от внешних, так и от внутренних врагов. Ведь «тучи на его горизонте» сгушались, так сказать, на всех направлениях: случился заговор Гармония и Аристоклитона, мятежные Алкмеониды вторглись в Аттику и некоторое время удерживали крепость Липсидрий, обострялась напряженность в отношениях со Спартой, наконец, в период скифского похода Дария I персы завладели северным побережьем Эгейды, и в их руках оказались Пангейские серебряные рудники во Фракии, ранее приносившие Писистратидам весомые доходы⁴³.

Что же означал в понимании афинян тот факт, что в 510 г. до н. э. спартанцы вторглись в Аттику и беспрепятственно свергли тирана? Показывал ли он, что «воительница Афина» отвернулась от их города, перестала ему покровительствовать? Разумеется, нет. Речь могла идти только об одном: богиня прекратила содействовать лично Гиппию, не более того. Иными словами, он уже не мог ассоциироваться с государством, воплощать его в своей персоне. Получалось, что Афина берет бразды правления непосредственно в свои руки, властвует теперь без консорта. В связи со сказанным не случайным представляется то обстоятельство, что сразу после ликвидации тирании появляются новые типы на афинских монетах – те самые, которым суждено было стать наиболее знаменитыми: голова Афины на лицевой стороне, сова, священная птица этой богини, на оборотной.

Это первые антропоморфные изображения в афинской чеканке. Позволим себе предположить, что их возникновение связано не в последнюю очередь со следующим обстоятельством. Незадолго до того Дарием I начал чеканиться дарики, на лицевой стороне которых предстал сам персидский царь (или, во всяком случае, человеческая фигура, которая воспринималась греками в качестве такового). Это, кажется, первый прецедент подобного рода (на статерах Креза, ходивших в Малой Азии до введения дарика, имелись только зооморфные символы), наводивший на мысль, что на монетах должен находиться портрет правителя. Помещение афинянами на своих деньгах головы Афины должно рассматриваться как развитие той же идеи – с тем отличием, что древнегреческие религиозные нормы рассматриваемого времени не позволяли

⁴³ О негативном влиянии персидского продвижения на положение Гиппия см.: *Raven E. J. P. Problems of the Earliest Owls in Athens // Essays in Greek Coinage Presented to S. Robinson. Oxf., 1968. P. 57; Грант М. Греческий мир в доклассическую эпоху. М., 1998. С. 93. Правда, ср. также иную точку зрения, не ставящую в данном случае персидские и афинские дела в связь друг с другом: *Castritius H. Die Okkupation Thrakiens durch die Perser und der Sturz des athenischen Tyrannen Hippias // Chiron. 1972. Bd 2. S. 1–15.**

изображать живых людей (за исключением олимпийцев), а только божества и мифологических героев.

Но вернемся к афинскому полисному ополчению. Возрождено оно было, вероятнее всего, в ходе реформ Клисфена и сразу же должно было пройти проверку на прочность (об излагаемых далее событиях см.: Herod. V. 74–77). Поход на Аттику войска Пелопоннесского союза во главе с Клеоменом I с целью водворить у власти лаконофила Исагора, как известно, сорвался и не потребовал отражения военной силой. Но одновременно с пелопоннессцами на афинскую хору напали беотийцы и эвбейские халкидяне. Против этих последних афинская армия провела весьма успешные боевые действия, окончившиеся для нее громкой победой. По данному поводу Геродот (V. 78) замечает:

Итак, могущество Афин возрастало. Ясно, что равноправие для народа не только в одном отношении, но и вообще – драгоценное достояние. Ведь, пока афиняне были под властью тиранов, они не могли одолеть на войне ни одного из своих соседей. А теперь, освободившись от тирании, они заняли безусловно первенствующее положение. Поэтому, очевидно, под гнетом тиранов афиняне не желали сражаться как рабы, работающие на своего господина; теперь же после освобождения каждый стал стремиться к собственному благополучию.

Впрочем, цитированный пассаж все-таки следует воспринимать *sum grano salis*. В целях создания максимально контрастной антитезы «отец истории», несомненно, сгустил краски, изобразил положение, имевшее место в период Писистратидов, уж в очень неприглядном свете. Якобы при тиранах афиняне вообще никого не могли победить – это уж явный перебор. Сразу вспоминается захват Писистратом Наксоса, Сигея... Похоже, Геродот попал здесь под влияние столь распространившейся в Афинах V в. до н. э. тенденциозной анти-тиранической традиции⁴⁴.

Во всяком случае, особо сильным афинское гоплитское ополчение так никогда и не стало. Его важнейшим, самым блистательным достижением – делом при Марафоне – Афины впоследствии гордились века и века, в том числе и потому, что других ярких успехов почти не было. Можно припомнить еще несколько сражений Малой Пелопоннесской войны... А в Пелопоннесской

⁴⁴ О формировании этой традиции см. наиболее подробно: *Lavelle B. M. The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids*, c. 560–510 B.C. Stuttgart, 1993. Анти-тираническая традиция со всеми ее преувеличениями и поныне оказывает негативное влияние на историографию античных Афин (см. по этому поводу: *Shear T. L. Tyrants and Buildings in Archaic Athens // Athens Come of Age: From Solon to Salamis*. Princeton, 1978. P. 1–19).

войне 431–404 гг. до н. э. ни одна афинская победа не была победой фаланги⁴⁵. Наверное, афиняне в это время и сами признавали слабость своих гоплитов, чем объясняется ряд событий их военной истории – и оборонительная тактика Перикла в начале 420-х гг. до н. э., вызванная решительным нежеланием вступать в лобовое столкновение со спартанской сухопутной армией, а также и тот факт, что в начале IV в. до н. э. Афины стали одним из главных очагов экспериментирования с применением передовых, не гоплитских родов войск (имеем в виду знаменитых пелтастов Ификрата).

Но все это время во главе полиса, как считалось, по-прежнему стоит воительница Афина, богиня-гоплит. Над парадоксальной ситуацией иронизирует, например, Аристофан в комедии «Птицы», поставленной в 414 г. до н. э.:

Какой же может быть порядок в городе,
Где со щитом стоит на страже женщина,
Богиня, а Клисфен сидит за прялкою?
(Aristoph. Av. 829–831)

Уточним, что в оригинале говорится несколько иначе – не о щите, а о паннопии, полном комплекте гоплитского вооружения. Упоминаемый же здесь Клисфен, разумеется, не знаменитый законодатель, а его тезка (и, возможно, тоже представитель рода Алкмеонидов), живший ближе к концу V в. до н. э. и часто высмеивавшийся в комедиях за женственную изнеженность своего поведения⁴⁶.

Однако юмор юмором, а в драмах Аристофана есть места, где он снимает маску шута и говорит со своей аудиторией серьезно (чаще всего это хоровые партии). Вот одно из них, датирующееся несколько более поздним временем (411 г. до н. э.), но также периодом Пелопоннесской войны:

Богиню Палладу, хоров подругу,
В наш хоровод звать велит обычай,
Юную, чистую, деву безбрачную!
Ты, полновластно над городом нашим
Мощную руку простершая явно,
Ключедержавная,
Полная злобы законной к тиранам, – явись!
(Aristoph. Thesm. 1136 sqq.)

⁴⁵ Для Пелопоннесской войны вообще не были характерны гоплитские сражения. О крупнейшем из них – битве при Мантинее 418 г. до н. э. – см. во всех деталях: Kagan D. The Peace of Nicias and the Sicilian Expedition. Ithaca, 1981. P. 107–137. В этой битве афиняне со своими союзниками потерпели поражение от спартанцев.

⁴⁶ О нем см.: Roux G. Les grimaces de Clisthène (Aristophane, Grenouilles, v. 422–430) // Revue des études grecques. 1967. Vol. 80. P. 165–175.

Обратим внимание: вся система образов тут та же, что и у Солона почти двести лет назад, но с одним значимым дополнением. Если в солоновские времена Афина воспринималась как защитница от внешнего врага, то у Аристофана добавлена еще одна ее функция – тираноборческая. Она, несомненно, сформировалась уже в послесолоновские годы. Еще Писистрат, как мы видели, активнейшим образом ставил себя под покровительство богини-воительницы, что способствовало его самоотождествлению с государством. Лишь после того, как «градодержлица» отказала в поддержке Гиппию в 510 г. до н. э., ситуация изменилась; пути полиса и пути тирании кардинально разошлись. А когда Гиппий принял участие в Греко-персидских войнах на ахеменидской стороне (490 г. до н. э., Марафон), тиран в общеафинских представлениях прочно занял место рядом с внешним противником.

* * *

В последнее время в западной историографии античности приобретает значительное распространение изучение так называемой культурной поэтики. Следует отметить, что в рамках данного сочетания и культура, и поэтика понимаются максимально широко, в них включаются практически все формы и аспекты общественного и частного поведения. Под углом «культурной поэтики» рассматривают и религию, и политику, и экономику...⁴⁷ Эти сферы человеческой деятельности толкуют как своеобразный «перформанс», что-то вроде постоянно длящегося представления. Несомненно, все это направление в антиковедении сформировалось под сильным влиянием разработок и особенно методик французских ученых школы Л. Жерне и Ж.-П. Вернана.

Не скроем, что данная наша работа тоже несет на себе отпечаток идей названной школы. Да ведь и действительно трудно избавиться от впечатления, что перед нами прошла серия таких «перформансов», в которых неразрывно связаны мифология, политика, война, средства литературы, искусства, даже монетного дела... Это действия такого уровня, что в них трудно отделить символические акты от политических уловок и военных хитростей. И главное место повсюду занимает «женщина-гоплит», воительница Афина, которая парадоксальным образом временами едва ли не замещает собой полисное ополчение.

⁴⁷ Характерен в данном отношении, например, сборник: *Cultural Poetics in Archaic Greece: Cult, Performance, Politics* / Ed. by C. Dougherty, L. Kurke. N. Y.; Oxf., 1998. Вот некоторые из тем, освещенных в статьях этого сборника: «Семь мудрецов как распространители мудрости», «Кульг героев и политика у Геродота», «Солоновские образы у Фукидида»... Сюжеты, связанные с «культурной поэтикой», занимают весьма значимое место также в совсем недавнем сборнике «Solon of Athens», неоднократно упоминавшемся выше.

КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ СОЛОНА ПОВЛИЯЛИ НА РАЗВИТИЕ АФИНСКОГО ПОЛИСА?*

В широкомасштабном комплексе всесторонних преобразований, осуществленных в Афинах в 594/593 г. до н. э. знаменитым законодателем Солоном, занимавшим в это время пост архонта-эпонима с чрезвычайными полномочиями, немаловажное место занимают меры экономического характера. Не удивительно, что литература, посвященная этим последним, весьма обильна. Имеется, прежде всего, целый ряд статей, в которых трактуются экономические реформы Солона в целом¹. Далее, рассматриваются связанные с ними вопросы и в работах об общей социально-экономической ситуации в афинском полисе на рубеже VII–VI вв. до н. э.², да и не только в нем одном, а и в тогдашней Греции в целом³. С другой стороны, есть статьи по конкретным солоновским реформам, имеющим отношение к экономике; их очень много, и пока мы укажем

* Впервые опубликовано в: Древний Восток и античный мир: Труды кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ. Вып. 9. М., 2018. С. 56–83.

¹ Например: *Lewis N.* Solon's Agrarian Legislation // *American Journal of Philology*. 1941. Vol. 62. No. 2. P. 144–156; *Milne J. G.* The Economic Policy of Solon // *Hesperia*. 1945. Vol. 14. No. 3. P. 230–245; *French A.* The Economic Background to Solon's Reforms // *CIQ*. 1956. Vol. 6. No. 1/2. P. 11–25; *Skydsgaard J. E.* Solon's Tele and the Agrarian History: A Note // *Studies in Ancient History and Numismatics Presented to R. Thomsen*. Aarhus, 1988. P. 50–54; *Molina L. A.* Solon and the Evolution of the Athenian Agrarian Economy // *Pomoerium*. 1998. Vol. 3. P. 5–18; *Bintliff J.* Solon's Reforms: An Archaeological Perspective // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden; Boston, 2006. P. 321–333; *Forsdyke S.* Land, Labor and Economy in Solonian Athens: Breaking the Impasse between Archaeology and History // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden; Boston, 2006. P. 334–350.

² Например: *Pečirka J.* Land Tenure and the Development of the Athenian Polis // *ГЕРАΣ: Studies Presented to G. Thomson on the Occasion of his 60th Birthday*. Prague, 1963. P. 183–201; *Ruschenbusch E.* Über das Bodenrecht im archaischen Athen // *Historia*. 1972. Bd 21. Ht. 4. S. 753–755; *Càssola F.* La proprietà del suolo in Attica fino a Pisistrato // *Parola del passato*. 1973. Vol. 28. P. 75–87; *Mossé C.* Les dépendants paysans dans le monde grec à l'époque archaïque et classique // *Terre et paysans dépendants dans les sociétés antiques*. P., 1979. P. 85–97; *Welwei K. W.* Ursachen und Ausmass der Verschuldung attischer Bauern um 600 v. Chr. // *Hermes*. 2005. Bd 133. Ht. 1. S. 29–43.

³ Например: *Asheri D.* Laws of Inheritance, Distribution of Land and Political Constitutions in Ancient Greece // *Historia*. 1963. Bd 12. Ht. 1. S. 1–21; *Link S.* Landverteilung und sozialer Frieden im archaischen Griechenland. Stuttgart, 1991.

только на те из них, в которых наблюдается в той или иной степени выход на проблематику обобщающего характера⁴.

Наконец, естественно, данного круга вопросов касались практически все исследователи, которые писали о деятельности Солон как таковой. Это можно сказать как об авторах статей (из которых мы отметим только некоторые, наиболее важные для интересующей нас проблематики⁵), так и – *a fortiori* – об авторах монографий. Монографических исследований по «солоновской» тематике всегда было немало, а в последнее время их количество возрастает просто-таки «лавинообразно». Если давать характеристику каждой из них (пусть даже только в одном экономическом ракурсе), то весь этот текст и сведется к историографическому очерку, чего не хотелось бы. Остановимся поэтому лишь на тех двух-трех книгах, которые относятся к разбираемому сюжету наиболее прямо и непосредственно.

К концу первой половины XX в. весьма влиятельной была монография У. Вудхауза «Солон-освободитель»⁶. Но ныне ее однозначно следует признать безнадежно устаревшей – постольку, поскольку она была написана еще до той, без преувеличения, революции в изучении архаической Греции, которая имела

⁴ Waters K. H. Solon's «Price-equalisation» // *Journal of Hellenic Studies*. 1960. Vol. 80. P. 181–190; French A. Land Tenure and the Solon Problem // *Historia*. 1963. Bd 12. Ht. 2. S. 242–247; Càssola F. Solone, la terra, e gli ectemori // *Parola del passato*. 1964. Fasc. 94. P. 26–68; Gallant T. W. Agricultural Systems, Land Tenure, and the Reforms of Solon // *Annual of the British School at Athens*. 1982. Vol. 77. P. 111–124; Lotze D. Grundbesitz- und Schuldverhältnisse im vorsolonischen Attika // *Familie, Staat und Gesellschaftsformation*. B., 1988. S. 442–447; Bravo B. I *thetes* ateniesi e la storia della parola *thes* // *Università degli studi di Perugia. Annali della Facoltà di lettere e filosofia*. 1. Studi classici. 1991/1992–1992/1993. Vol. 29–30. P. 71–96; Bravo B. *Pelates*: Storia di una parola e di una nozione // *Parola del passato*. 1996. Fasc. 289. P. 268–289; Harris E. M. Did Solon Abolish Debt-Bondage? // *Classical Quarterly*. 2002. Vol. 52. No. 2. P. 415–430; Németh G. On Solon's Land Reform // *Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae*. 2005. T. 45. Fasc. 2–3. P. 321–328; Ober J. Solon and the *Horoi*: Facts on the Ground in Archaic Athens // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden; Boston, 2006. P. 441–456.

⁵ Колобова К. М. Революция Солон // *Ученые записки ЛГУ*. 1939. № 39. С. 25–72; Груневич К. Э. Солон // *Томский гос. ун-т. Учен. зап.* 1946. № 4. С. 54–74; 1947. № 6. С. 11–34; Hammond N. G. L. The Seisachtheia and the Nomothesia of Solon // *Journal of Hellenic Studies*. 1940. Vol. 60. P. 77–83; Hopper R. J. The Solonian «Crisis» // *Ancient Society and Institutions*. Oxf., 1966. P. 139–146; Musiolek P. Zur Problematik der solonischen Reformen // *Familie, Staat und Gesellschaftsformation*. B., 1988. S. 448–451; Rhodes P. J. The Reforms and Laws of Solon: An Optimistic View // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden; Boston, 2006. P. 248–260.

⁶ Woodhouse W. J. Solon the Liberator: A Study of the Agrarian Problem in Attika in the Seventh Century. Repr. ed. N. Y., 1965, переиздание работы 1938 г.

место во второй половине того же столетия (ее инициаторами стали М. Финли и Ч. Старр, впоследствии весьма значимый вклад внес также Э. Снодграсс) и привела к коренному пересмотру взглядов на базовые реалии эпохи. Вудхауз исходил еще из той, впоследствии в основном отвергнутой точки зрения, согласно которой основным конфликтом, присущим анализируемому периоду, являлась борьба бедных против богатых и незнатных против знатных (в его времена, в общем-то, практически все так и писали, исходя из аналогии – как выяснилось, некорректной – с Римом Ранней республики). Впоследствии – но именно только впоследствии! – стало ясно, что следует вести речь не о противостоянии аристократии и демоса, а о конкуренции аристократических группировок, при которой демос присутствовал по большей части в качестве пассивного наблюдателя⁷.

В результате, несмотря на наличие в книге Вудхауза немалого количества интересных и полезных наблюдений, ее все-таки уже нельзя рекомендовать для чтения тому, что желает ознакомиться с экономическими реформами Солона. Как ни парадоксально, не дали бы мы однозначно позитивной рекомендации и монографии Ф. Стенли на ту же тему, опубликованной через 60 лет, на самом исходе XX в.⁸, несмотря на то, что этот антиковед вполне в курсе всех основных «новых веяний». В особенной степени оказала на него влияние концепция И. Морриса, изложенная в интереснейшем труде⁹, сразу привлечшем к себе всеобщее внимание неортодоксальностью выводов, местами, подчеркнем, вызывающих-таки отторжение¹⁰.

Дело в том, что Стенли, демонстративно озаглавив свою книгу «Экономические реформы Солона», в ее непосредственном содержании отнюдь не уделит главного внимания именно *экономическим реформам Солона*. В трехсотстраничной работе им оказалось посвящено около полусотни страниц, остальные же наполнены общими соображениями об экономической ситуации в Афинах и в Греции в целом в досолоновские и послесолоновские времена. Если бы не этот странный дисбаланс, можно было бы назвать эту монографию наиболее фундаментальной (или, по крайней мере, наиболее объемной) из имеющихся на сегодняшний день по проблематике, которой посвящена и эта наша работа.

Во всяком случае, некоторые замечания Ф. Стенли имеет смысл даже процитировать дословно.

⁷ См. одно из самых ярких изложений этого тезиса в: *Starr C. G. Individual and Community: The Rise of the Polis 800–500 B.C.* Oxf., 1986.

⁸ *Stanley P. V. The Economic Reforms of Solon.* St. Katharinen, 1999.

⁹ *Morris I. Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State.* Cambridge, 1989.

¹⁰ См. нашу критику ряда построений Морриса: *Суриков И. Е. Афины в VIII–VII вв. до н. э.: становление архаического полиса (К вопросу о степени специфичности «аттического варианта»)* // ВДИ. 2013. № 4. С. 23–43.

При оценке экономических реформ, проведенных Солоном, в них явно прослеживается согласованность: он попытался сделать Афины более платежеспособными применительно к импорту иноземных товаров; чтобы достичь этого, он издал законы, поощрявшие афинян производить свои продукты для баланса с импортируемыми... Он также попытался улучшить условия в самом государстве, т. е. исправить условия, на которых давался заём, обеспечить, чтобы на внутреннем рынке было достаточно пищи для нужд общины, предоставить политическую власть богатым, независимо от их происхождения. Таковы были его экономические цели и мотивы его законодательства. Те экономические реформы, которые осуществил Солон в начале VI в. до н. э., напрямую повлекли последующий экономический рост Афин, и в некоторых сферах он (Солон. – *И. С.*), безусловно, достиг успеха. Его меры, поощрявшие производство на экспорт, были, возможно, его самым главным достижением, как можно видеть из развития и разрастания ремесла в Афинах на протяжении VI в. до н. э. До солоновских реформ аттическая расписная керамика еще только начинала продаваться на заморских рынках, а доминировали на этих рынках коринфские вазы... Однако есть и сферы, в которых солоновские реформы не оказались столь же успешными; в некоторых случаях они повели к внутренним проблемам¹¹.

Все эти высказывания выглядят, в общем-то, вполне взвешенными, но мало конкретизированными. Не скажем, что в монографии Стенли вообще нет конкретики; однако ее там не так много, как можно было бы ожидать. Да это и не удивительно в свете того, что было сказано выше о некоторой несбалансированности рассматриваемой работы.

Нельзя не отметить также, что уже в 2000-х гг. была посмертно издана книга известного английского историка-марксиста (подчеркнем: марксиста, но отнюдь не ортодокса!) Дж. де Сент-Круа¹², в которой размышления об экономических реформах Солонa тоже занимают немалое место. Эту работу теперь также совершенно необходимо принимать во внимание.

Теперь для пользы дальнейшего изложения оговорим, что именно следует понимать под экономическими реформами Солонa. Важнейшей из таковых является сисахфия; свою точку зрения на эту меру мы в свое время высказали в другой работе¹³ и теперь постараемся не повторяться, разве что придется

¹¹ *Stanley P. V. Op. cit. P. 296–297.*

¹² *Ste. Croix G. E. M. de. Athenian Democratic Origins and Other Essays. Oxf., 2005.* Собственно, книга была автором не дописана до конца; некоторые главы (особенно последние) выглядят скорее какими-то черновыми набросками. Но о Солоне (главами, посвященными его деятельности, работа начинается) автор, похоже, все-таки успел сказать в основном все то, что планировал.

¹³ *Суриков И. Е. Досолоновские «шестидольники» и долговой вопрос в архаических Афинах // ВДИ. 2007. № 3. С. 28–46.*

вкратце резюмировать те заключения, к которым мы тогда пришли. Кроме сисахфии, к экономическим, безусловно, должны быть отнесены: реформа мер и весов; меры по регулированию экспорта сельскохозяйственных продуктов; меры по развитию ремесел в Афинах.

Спорным является вопрос, принадлежит ли к экономическим известная «цензовая реформа» Солон. Речь идет, конечно же, о разделении афинских граждан на четыре имущественных класса, или разряда (пентакосиомедимны, всадники, зевгиты, феты). Мы бы по ее поводу высказали следующее суждение: данную реформу следует относить скорее к политическим, но тем не менее и социально-экономическая составляющая в ней, несомненно, присутствовала. Поэтому ее тоже придется иметь в виду при дальнейшем изложении. Но все-таки не до такой степени, чтобы углубляться, скажем, в вопрос: ввел ли законодатель четыре класса «с нуля» или же три из них существовали в политике Афин уже и раньше, а Солон выделил четвертый, высший (пентакосиомедимны), а для остальных учредил более четкие градации. Тем более что свой взгляд на проблему автору этих строк уже доводилось артикулированно излагать¹⁴.

Завершая вступительную часть главы, необходимо остановиться, хотя бы вкратце, и на проблеме источников по экономическим реформам Солон. Стихи самого законодателя (а он ведь был еще и одним из крупнейших лирических поэтов архаической Греции) содержат кое-какую информацию по этим его реформам, но информацию явно недостаточную, чрезмерно обобщенно поданную, а главное – маловнятную без контекста. Наиболее содержательна та солоновская элегия, в которой он как бы подводит итоги своей деятельности, а фактически пишет себе апологию (Sol. fr. 24 Diehl)¹⁵. Но и ее данные не приносили бы в вопрос большой ясности, если бы мы располагали только ими. Все-таки имеет смысл привести это стихотворение целиком (в нашем переводе); курсивом в нем будут выделены те места, которые имеют прямое отношение именно к экономическим реформам.

Из тех задач, для коих я народ сплотил,
Ужель я что-то упустил, не выполнил?
Пред Времени судом в том даст свидетельство
Всех лучше Олимпийцев мать великая –
Да, черная Земля! *С нее однажды я*
Снял камни закладные – было много их –
И из рабыни превратил в свободную.

¹⁴ Суриков И. Е. Солнце Эллады: история афинской демократии. СПб., 2008. С. 44–45.

¹⁵ Об этом фрагменте см., например: Blaise F. Solon. Fragment 36 West. *Pratique et fondation des norms politiques // Revue des études grecques*. 1995. Vol. 108. P. 24–37.

*В Афины, в богозданное отечество
Вернул я многих: кто законно продан был,
Кто – незаконно... Были и бежавшие
От бедности и уж язык аттический
Забывшие, в чужих краях скитающиеся.
Иные ж здесь от рабства безобразного
Страдали, гнева трепеща господского, –
Я их освободил. Своею властью я,
Соединивши справедливость с силою,
Сие свершил. Что обещал – то выполнил.
Законы, для дурных и добрых равные,
Чтоб каждому воздать по справедливости,
Я написал. Коль за меня стрекало б взял
Иной муж – злоречивый, деньги любящий, –
Народа не сдержал бы он. Ведь если бы
Сперва я одного держался мнения,
Потом склонился к противоположному –
Мужей бы многих уж лишился город наш.
И потому, от всех обороняясь, я
Вертеться стал, как средь собачьей стаи волк.*

Поясним сразу, что под камнями в начале выделенного курсивом места имеются в виду *ὄροι*. Мы понимаем их в данном контексте не как пограничные камни¹⁶, а именно как закладные камни, то есть поставленные на крестьянских участках для обозначения того, что земля заложена в обеспечение долгов. Таким образом, ликвидация *ὄροι* осуществлялась в рамках самой известной экономической меры Солон – сисахфии, всеобщей кассации долгов. Если бы имелись в виду пограничные камни, то непонятно было бы, почему после их снятия земля становится свободной. Да и неясно, зачем вообще было убирать пограничные камни. В конце же выделенного курсивом места совершенно точно говорится о кабальных должниках, обращенных в рабство.

Помимо же стихов Солон, есть, как известно, три свидетельства источников, наиболее подробно и притом наиболее систематично освещающие солоновскую законодательную деятельность: это посвященный ей пассаж в «Афинской политике» Аристотеля (Arist. Ath. pol. 5–12), биография Солон, написанная Плутархом¹⁷ (Plut. Sol. Passim), и небольшое жизнеописание того

¹⁶ Ср.: Wade-Gery H. T. Horos // Mélanges Gustave Glotz P., 1932. T. 2. P. 882.

¹⁷ О ее источниковой значимости см.: Аверинцев С. С. Наблюдения над композиционной техникой Плутарха в «Параллельных жизнеописаниях» («Солон») // Вопросы классической филологии. Вып. 1. М., 1965. С. 160–180; Суриков И. Е. «Солон» Плутарха: некоторые источниковедческие проблемы // ВДИ. 2005. № 3. С. 151–161; Blois L. de. Plutarch's

же персонажа, содержащееся в труде Диогена Лаэртского (Diog. Laert. I. 45–67). Во всех трех этих свидетельствах с той или иной степенью детальности, достоверности и т. п. перечисляется немалое количество солоновских нововведений, в том числе и имеющих отношение к экономике.

Есть, конечно, и иной источниковый материал, дополняющий вышеуказанный. Но он рассеян по сочинениям самых разных авторов самых разных эпох. К счастью, уже были антиковеды, которые взяли на себя громадный труд по сбору этих сообщений. Это Э. Рушенбуш¹⁸ и А. Мартина¹⁹. Их книги, являющиеся важнейшими сводками свидетельств источников о Солоне, его реформаторской деятельности, его законодательстве, увидели свет почти одновременно. Но они мало напоминают друг друга. Издание Рушенбуша хотя и является менее полным (в него включены свидетельства только о законодательстве Солона, а не обо всей его деятельности), тем не менее значительно предпочтительнее для использования: труд Мартины характеризуется весьма малым уровнем критичности при подходе к источниковым данным. Именно на свод Рушенбуша мы будем в дальнейшем значительно чаще опираться, пусть даже отдавая себе отчет в том, что и он имеет недостатки²⁰.

* * *

В дальнейшем анализе необходимо исходить из следующего ключевого факта. До реформ Солона, в VII в. до н. э., Афины принадлежали к средним по темпу развития эллинским государствам. По территории, безусловно, они являлись одним из самых крупных полисов, но это еще не вело автоматически к каким-то выдающимся последствиям (очень большим с чисто территориальной точки зрения был и, например, такой полис, как Элида, но этот последний, тем не менее, так никогда и не стал играть значимой роли в политической и экономической жизни Эллады, а известностью пользовался в основном в связи с тем, что на его хоре находилось панэллинское святилище Олимпия).

С другой стороны, на протяжении VI в. до н. э. Афины становятся государством, развивающимся необычайно бурно (именно тогда был заложен, так сказать, фундамент всех дальнейших поразительных успехов афинян, пришедших уже на классическую эпоху). Причем очень быстрыми стали, в частности, и темпы экономического роста. Невозможно предположить, что к этому

Solon: A Tissue of Commonplaces or a Historical Account? // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 429–440.

¹⁸ *Ruschenbusch E.* ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden, 1966.

¹⁹ *Martina A.* Solone: Testimonianze sulla vita e l'opera. R., 1968.

²⁰ Указания на главные из них см.: *Scafuro A. C.* Identifying Solonian Laws // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 175–196.

не имели ровно никакого отношения преобразования Солон в области экономики.

Их влияние на кардинальное изменение общей ситуации в Аттике, думается, бесспорно. Но более сложным является вопрос о конкретных механизмах такого влияния. Согласно наиболее распространенной точке зрения, главную роль сыграла сисахфия, представлявшая собой единоразовую кассацию всех долгов в сочетании с полной отменой на будущее долгового рабства²¹. Те исследователи (а их большинство), которые считают, что сисахфия освободила так называемых гектеморов («шестидольников»), придерживаются, соответственно, следующего хода рассуждений. Гектеморы, эксплуатация которых²² в результате сисахфии была прекращена, получили, таким образом, стимул к более интенсивному труду на своих хозяйствах, что и подтолкнуло экономический рост в целом.

Мы с этой точкой зрения не согласны и находим в ней целый ряд слабых мест²³. Во-первых, представляется возможным утверждать, что статус гектеморов не имел прямого отношения к долговому вопросу, решить который была

²¹ Основные свидетельства источников о сисахфии: Androt. FGrHist. 324. F34 (с ошибочной трактовкой этой реформы, см.: *Harding P.* Androtion's View of Solon's Seisachtheia // *Phoenix*. 1974. Vol. 28. No. 3. P. 282–289); Arist. Ath. pol. 6; Diod. I. 79. 4; Plut. Sol. 15; Diog. Laert. I. 45.

²² А эту эксплуатацию некоторые антиковеды признают просто-таки чудовищной, полагая, что термин «шестидольники» означал лишение гектемора пяти шестых его дохода с участка и лишь одна шестая оставалась-де на прокорм его самого и его семьи (*Woodhouse W. J.* 1965. P. 42 ff.; *Fritz K. von.* Schriften zur griechischen und römischen Verfassungsgeschichte und Verfassungstheorie. B., 1976. S. 110 ff.; *Biscardi A.* Nota minima sugli «ectemoroï» // *Aux origines de l'Hellénisme: La Crète et la Grèce*. P., 1984. P. 193–197; *Link S.* Op. cit. S. 25). К счастью, преобладает все-таки противоположный взгляд, предполагающий взимание с гектемора одной шестой его дохода (см., например: *Jones J. W.* The Law and Legal Theory of the Greeks. Oxf., 1956. P. 238; *Forrest W. G.* The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800–400 B.C. L., 1966. P. 147; *Hommel H.* Solon – Staatsmann und Dichter // *Die griechische Elegie*. Darmstadt, 1972. S. 240; *Sakellariou M.* Les hectémores // *Terre et paysans dépendants dans les sociétés antiques*. P., 1979. P. 106; *Manville Ph. B.* The Origins of Citizenship in Ancient Athens. Princeton, 1990. P. 112; *Osborne R.* Greece in the Making, 1200–479 B.C. L.; N. Y., 1996. P. 221; *Stanley P. V.* Op. cit. P. 190; *Rhodes P. J.* The Reforms... P. 252–253).

²³ Подробнее наша точка зрения на этот вопрос изложена в: *Суриков И. Е.* Досолоновские «шестидольники»... Уже после того, как мы написали эту работу, нам довелось ознакомиться с важной работой (*Sancisi-Weerdenburg H.* Solon's Hektemoroi and Pisistratid Dekatemoroi // *De agricultura: In memoriam P. W. de Neeve*. Amsterdam, 1993. P. 13–30), выводы которой только укрепили нашу уверенность в правоте той точки зрения, которой мы тогда придерживались.

призвана сисахфия; происхождение института гектеморов – иное²⁴, их нельзя отождествлять с кабальными должниками. Соответственно, сисахфия их не освободила (а сделал это, судя по всему, только Писистрат).

Во-вторых, экономический рост Афин в VI в. до н. э. вообще связан не с какими-то принципиальными изменениями в сельском хозяйстве, в системе землепользования и т. п. Нет, в этой сфере, кажется, ничего «суперреволюционного» не произошло. «Ветер перемен» коснулся в основном ремесленно-торговых отраслей экономики, к которым гектеморы не имели прямого отношения.

В-третьих, сисахфия и в целом представляется нам мерой неоднозначной, в каком-то смысле даже сомнительной. В архаической Греции, как известно, революционно настроенными слоями выдвигались два наиболее радикальных лозунга: $\chi\rho\epsilon\acute{\omega}\nu \acute{\alpha}\pi\kappa\omicron\tau\eta\iota \kappa\alpha\iota \gamma\eta\varsigma \acute{\alpha}\nu\alpha\delta\alpha\sigma\mu\acute{o}\varsigma$, отмена долгов и передел земли. Из них Солон решился на первую. Но все-таки решился – этот якобы «умеренный», «компромиссный» реформатор, чуждавшийся крайностей... А ведь, между прочим, кассация долгов была чревата полным подрывом кредита. Кто станет вновь давать в долг после того, как однажды уже потерял данное им в долг ранее, и потерял в силу *государственного* постановления? Не удивительно, что годы непосредственно после реформ Солон отображены в источниках как период не то чтобы успокоения, а напротив – жестокой нестабильности!

Подчас может сложиться даже впечатление, что реформаторская деятельность великого афинянина не достигла своих целей, фактически потерпела поражение. Но в данном случае необходимо учитывать и вот какой нюанс. Реформы такого масштаба и размаха неизбежно должны были оказать свои позитивные последствия лишь в долгосрочной перспективе, в лучшем случае – в среднесрочной. В перспективе же краткосрочной, то есть на самых первых порах, они могли вызвать лишь отторжение, поскольку существующий порядок вещей они серьезно поколебали, а каких-то ощутимых сдвигов к лучшему еще не принесли.

Не случайно же к концу архонтата Солон возникала серьезная опасность, что после завершения срока пребывания законодателя в должности его нововведения вообще могут отменить; в связи с этим среди друзей Солон находились и такие, которые советовали ему захватить тираническую власть, дабы, пользуясь неограниченными полномочиями, обеспечить беспрепятственное воплощение реформ в жизнь. Но, как известно, Солон был на редкость

²⁴ Касательно происхождения института гектеморов нам представляется наиболее убедительным мнение, изложенное в работе: *Harris E. M. A New Solution to the Riddle of the Seisachtheia // The Development of the Polis in Archaic Greece. L.; N. Y., 1997. P. 103–112.*

последовательным для своего времени противником тирании и гневно отверг подобный вариант.

Здесь нужно еще отметить: солоновская программа реформ должна быть охарактеризована как воистину уникальная (именно ввиду своей комплексности и притом внутреннего единства), не имеющая сколько-нибудь близких параллелей во всей истории греческого полисного мира. Точнее, одну параллель все-таки можно назвать, и таковой будут, конечно, «ликурговы реформы» в Спарте. Не случайно их нередко и рассматривают вместе, в сопоставлении друг с другом²⁵. Однако, прежде всего, надлежит помнить о том, что в действительности процесс преобразований, породивший «спартанский космос», растянулся на целый ряд поколений, а Ликург, которому все эти преобразования были приписаны, – фигура если не фиктивная, то, во всяком случае, условная (вроде как Гомер в поэзии). А Солон «управился» со своими реформами буквально за год! Далее, в источниках встречаются упоминания о том, что деятельность спартанского реформатора вначале тоже вызвала суровые конфликты в обществе.

Но возвратимся к основной нити изложения. Самой перспективной из экономических реформ Солон, возымевшей наибольшее воздействие на дальнейшую судьбу Афин, нам представляется та мера (или скорее уместно говорить о цикле взаимосвязанных мер), задачей которой было создание более благоприятных условий для развития ремесел. Главным по этому вопросу является свидетельство Плутарха, которое, оговорим сразу, содержит один курьезный момент, нуждающийся в комментарии.

Закон Солон, касающийся «вновь пожалованных граждан», вызывает недоумение: он предоставляет права гражданства только тем, кто изгнан навсегда из родного полиса или переселился в Афины со всем домом для занятия ремеслом. Говорят, при этом Солон имел в виду не столько недопущение в Афины других иностранцев, сколько привлечение этих двух классов надеждою на получение гражданских прав: вместе с тем он рассчитывал, что они будут верными гражданами, – первые потому, что потеряли отечество по необходимости, вторые потому, что оставили его по своему убеждению (Plut. Sol. 24).

Здесь, как всегда у Плутарха, есть факт и есть риторика по этому факту. Громадным достоинством херонейского биографа как источника следует признать то, что морализаторство, к которому он сплошь и рядом был склонен,

²⁵ Эту традицию встречаем уже в XVIII в. Так, одним из первых, кто всерьез занимался Солоном, был Фридрих фон Шиллер, более известный в качестве великого немецкого поэта. См.: *Schiller F. von. Die Gesetzgebung des Lykurgus und Solon. Hamburg, 1946* (переизд. работы 1789 г., в которой, что характерно, Шиллер именно сравнивает законодательства Ликурга и Солон).

отнюдь не мешало ему быть чрезвычайно ответственным автором, не вносящим в изложение реальных исторических событий собственные фантазии. У Плутарха всегда, как говорится, «котлеты – отдельно, а мухи – отдельно».

Что удивило его – этнического грека и притом римского гражданина времен Империи – в законе Солона? Как раз то, что никак не удивило бы эллина архаической и классической эпох: ограничения в предоставлении прав гражданства. Поразительным-то как раз является прямо противоположное: афинский законодатель допустил на редкость крупномасштабное «вливание» чужаков-ремесленников в гражданский коллектив Афин. Вот это-то как раз и следует признать беспрецедентным для Греции, брать ли архаическую или классическую эпоху ее истории.

Обычно выходцев из иных полисов принимали на правах метэков – лиц, свободных, но не пользующихся политическими и иными гражданскими правами²⁶. Метэк в V и особенно в IV в. до н. э. мог просто-таки процветать в Афинах; в частности, метэк-трапезит Пасион на протяжении какого-то времени был, ни много ни мало, богатейшим человеком в афинском государстве. Однако человек мог жить в Аттике десятилетиями, буквально всю свою жизнь – и гражданином от того не становился (в противоположность практике, принятой в большинстве современных западных государств, где мигрант по истечении некоего «цензового срока» – где-то 10 лет, где-то больше или меньше – может уже претендовать на гражданские права). Более того, у афинского метэка уже в Афинах же могли появиться дети; место их рождения, тем не менее, не влияло на сословно-юридический статус, и они оставались метэками. Естественно, в чисто частном, единичном порядке афинская эkklesia могла давать отдельным метэкам, за исключительные заслуги, права гражданства (именно так и получилось с упомянутым Пасионом); но это были именно исключения, для каждого из которых требовалось особое постановление народного собрания.

В массовом же порядке чужаков принимали в состав афинского гражданского коллектива лишь при Солоне (возможно, нечто подобное случилось также при Клисфене, но в меньших масштабах²⁷). Каковы же оказались результаты?

²⁶ См. последние по времени важнейшие монографии о метэках: *Adak M.* Metöken als Wohltäter Athens: Untersuchungen zum sozialen Austausch zwischen ortsansässigen Fremden und der Bürgergemeinde in klassischer und hellenistischer Zeit (ca. 500–150 v. Chr.). München, 2003; *Mansouri S.* Athènes vue par ses métèques (V^e–IVe siècle av. J.-C.). P., 2011. Более ранней, но и более качественной и всеобъемлющей по тематике является книга: *Whitehead D.* The Ideology of Athenian Metic. Cambridge, 1977.

²⁷ См. к вопросу: *Kagan D.* The Enfranchisement of Aliens by Cleisthenes // *Historia*. 1963. Bd 12. Ht. 1. S. 41–46.; *Bicknell P. J.* Whom did Kleisthenes Enfranchise? // *Parola del passato*. 1969. Fasc. 124. P. 34–37.

Они не заставили себя долго ждать. Именно в результате этой солоновской реформы в Афины, в частности, перебрался ряд гончаров и вазописцев из такого крупного в ту пору художественного центра, как Коринф, и, соответственно, после этого афиняне в области вазописи начали опережать коринфян²⁸.

Пожалуй, прозвучит банальностью следующее утверждение (оно даже не нуждается в каких-либо ссылках): если в VII в. до н. э. в области вазописи всецело «царствовал» Коринф (во всяком случае, если говорить о Балканской Греции), то в следующем столетии эту «пальму первенства» у него всецело перехватили Афины. Афинская черно- и (затем) краснофигурная живопись²⁹ затмевает всю предшествующую. Коринфские мастера перебирались в Афины и начинали работать в новой манере – но, впрочем, так, что их «рука» по-прежнему оставалась узнаваемой.

К тому же циклу, несомненно, относится и закон Солона, «по которому сын не обязан был содержать отца, не отдавшего его в обучение ремеслу (τέχνην)» (Plut. Sol. 22). Всем известно, насколько требовалось от афинского гражданина почитать своих родителей³⁰. А в данном случае даже и этот обязательный долг был сделан не безусловным, так сказать, обусловленным нуждами развития ремесел в полисе!

* * *

Отдельного рассмотрения заслуживает такая реформа Солона, как ограничение экспорта, фактически ставшая проявлением «протекционистской» политики (как определяют подобные меры в классической политэкономии). Опять же, не обойтись без ссылки на ключевое свидетельство.

Из продуктов, производимых в стране, Солон разрешил продавать за границу только оливковое масло, а другие вывозить не позволил. Кто вывозил их, того по закону Солона архонт должен был подвергать проклятию, под угрозой в противном случае самому платить сто драхм в казну. Этот закон записан на первой

²⁸ В связи с динамикой развития искусства (в том числе вазописного) рассматриваемого периода см.: *Hurwit J. M. The Art and Culture of Early Greece, 1100–480 B.C.* Ithaca, 1985.

²⁹ Недавно о развитии этих стилей в Аттике в период поздней архаики была подготовлена интересная работа: *Самар О. Ю. Развитие стиля аттической вазописи в позднеархаический период (530–490 гг. до н. э.). Дис. ... канд. искусствоведения. М., 2011.* Опонируя указанную диссертацию, автор этих строк не преминул заметить: акцентируя роль Писистрата в развитии аттической вазописи, молодая исследовательница не обратила внимания на связь резких перемен в этом искусстве в Афинах с «отложенным» влиянием реформ Солона.

³⁰ Эти отношения начали подрываться лишь в конце V в. до н. э. См. к проблеме: *Strauss B. S. Fathers and Sons in Athens: Ideology and Society in the Era of the Peloponnesian War. L., 1993.*

таблице (τῶν δὲ γιγνομένων διάθεσιν πρὸς ξένους ἐλαίου μόνον ἔδωκεν, ἀλλὰ δ' ἐξάγειν ἐκώλυσε καὶ κατὰ τῶν ἐξαγόντων ἀρὰς τὸν ἀρχοντα ποιῆσθαι προσέταξεν, ἢ τίνειν αὐτὸν ἑκατὸν δραχμὰς εἰς τὸ δημόσιον καὶ πρῶτος ἄξων ἐστὶν ὁ τοῦτον περιέχων τὸν νόμον) (Plut. Sol. 24).

Аттика, как все знают, издавна славилась своими масличными деревьями и получаемым из их плодов великолепным оливковым маслом³¹. Разумеется, в солоновском законе не сказано напрямую, что экспорт этого масла поощряется. Однако на фоне запрета вывоза всех остальных сельхозпродуктов фактически именно так оно и выходило.

Препятствие ставилось, естественно, в первую очередь экспортной торговле аттическим зерном (ясно, что не вином: вино этого «терруара» никогда особенной славой среди эллинов не пользовалось). Процитированный закон Солон часто интерпретируют как важное сообщение о том, что Афины уже в его эпоху испытывали дефицит в зерновых и потребность в импорте оных. Собственно, это и есть традиционная точка зрения: данным фактором объясняли, например, колонизационную экспедицию афинян в Сигей на Геллеспонте в конце VII в. до н. э.³² и др. Согласно данной теории, Атика уже тогда-де была в тисках стенохории³³.

Последнее никак не подтверждается фактами. Архаические Афины, обладая огромной – по греческим меркам! – хорой³⁴, в то время – даже несмотря на довольно крупное население – испытывали недостаток не в земле, а наоборот – в рабочих руках, необходимых для обработки этой земли³⁵. Что же касается конкретно зерна, то имели очень большое значение наблюдения, сделанные в фундаментальном исследовании П. Гарнси: афинский полис начал зависеть

³¹ Foxhall L. Olive Cultivation in Ancient Greece: Seeking the Ancient Economy. Oxf., 2007.

³² Напу критику этой точки зрения см.: Суриков И. Е. Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы (на примере ранней колонизационной деятельности Афин) // Античный мир и археология. 2010. Т. 14. С. 20–48.

³³ Блаватская Т. В. Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н. э.). СПб., 2003. С. 313, 315; Manville Ph. B. Op. cit. P. 122.

³⁴ Скажем, на территории Беотии – области, примерно сопоставимой по размеру с Атикой, находилось, по подсчетам Хансена, больше двух десятков полисов (Hansen M. H. Boiotia // An Inventory of Archaic and Classical Poleis: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation. Oxf., 2004. P. 431–461).

³⁵ Hurwit J. M. Op. cit. P. 80; Rihll T. E. ΕΚΤΗΜΟΡΟΙ: Partners in Crime? // Journal of Hellenic Studies. 1991. Vol. 111. P. 111; Osborne R. Op. cit. P. 221 (привлекаем особенное внимание именно к ссылке на Р. Осборна: это – ответственное, акцентированное суждение квалифицированного специалиста); Stanley P. V. Op. cit. P. 192.

от привозного хлеба отнюдь не в эпоху архаики, впервые потребность в нем начала ощущаться на протяжении V в. до н. э.³⁶

Соответственно, для солоновского закона о запрете экспорта сельхозпродуктов Гарнси предложил конкретно-историческое объяснение³⁷: по мнению ученого, это была ситуативная (*ad hoc*) мера, порожденная разразившимся по какой-то причине в Аттике временным хлебным дефицитом, который усугублялся тем, что аристократы-землевладельцы продолжали вывозить зерно на продажу за границу, невзирая на его недостаток в собственной стране и помышляя только о личных прибылях (т. е. стремясь, так сказать, еще и нажиться на кризисе, как во все времена поступает определенная часть населения).

Ф. Стенли, автор упоминавшейся уже выше специальной монографии об экономической политике Солон³⁸, в основном солидаризируется с точкой зрения Гарнси, добавляя еще, что рассматриваемый закон способствовал переходу многих производителей на выращивание оливковых деревьев как основной выращиваемой культуры. Последнее, пожалуй, представляется соответствующим действительности: ясно, что люди, обобщенно говоря, предпочитают заниматься тем, что им более выгодно. Итак, Аттика после солоновских преобразований была переориентирована на интенсивное оливководство.

Но в таком случае, кстати говоря, неизбежна еще одна импликация, которую, правда, напрямую не делают ни Гарнси, не Стенли, а вот мы здесь попробуем сделать. Коль скоро в каком-то (и, видимо, немало) количестве аттических хозяйств были расширены площади под маслины, то, стало быть, были урезаны площади под пашню. Закон Солон³⁸, таким образом, оказался «палкой о двух концах»: заложив, с одной стороны, основы для последующей всегреческой славы афинского оливкового масла, он, с другой стороны, привел со временем (в долгосрочной, очень долгосрочной перспективе – уже в классическую эпоху) к пресловутым проблемам с хлебом, превратившим «город Паллады» в крупнейшего его импортера.

Теперь коснемся метрологической реформы Солон³⁸, которая также имела самое прямое отношение к экономике. Главным свидетельством о ней является то, которое содержится в «Афинской политике» Аристотеля.

Arist. Ath. pol. 10:

Раньше законодательства он (Солон. – И. С.) произвел отмену долгов, а после всего этого увеличение мер, весов и монеты. Именно при нем и меры были увеличены в сравнении с фидоновскими, и мина, имевшая прежде вес в семьдесят

³⁶ Garnsey P. *Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World: Responses to Risk and Crisis*. Cambridge, 1989. P. 105, 273.

³⁷ Ibid. P. 74–75.

³⁸ Stanley P. V. Op. cit. P. 229 ff.

драхм, доведена была до ста. Старинный тип чеканки представлял собой монету двухдрахмового достоинства. Он сделал и вес сообразно с монетой, так что шестьдесят три мины равнялись таланту, и эти три мины, пропорционально распределенные, прибавились на каждый статер и на другие меры веса.

Из приведенной цитаты, прежде всего, совершенно ясно видно, что автор «Афинской политики» четко отличал реформу мер, весов и «монеты» от сисахфии (отмены долгов), то есть не делал той ошибки, которую допустил Андротион (в том фрагменте, который указывался выше). Кроме того, точно так же видно, что обе названные акции Солон Аристотель отделял от его законодательства. Разумеется, предлагаемый Стагиритом конкретный хронологический порядок событий (сисахфия – введение свода законов – метрологическая реформа) не обязательно должен быть верным; но важно то, что основатель Ликея, получается, не встретил упоминания о метрологической реформе на аксонах с солоновскими законами. А аксоны эти он изучал скрупулезно и, как известно, даже посвятил им специальный трактат Περί τῶν Σόλωνος ἄξόνων в пяти книгах³⁹.

Сомневаться в том, что Солон на самом деле провел реформу мер и весов, не приходится⁴⁰. Суть ее заключалась в том, что отныне Афины переходили с эгинских («фидоновских») весовых стандартов на эвбейские. На вопрос, для чего это было сделано, возможно несколько альтернативных ответов. Обычно исследователи подчеркивают экономические, торговые предпосылки данной акции⁴¹, иногда указывается и на ее политический контекст (создание Солоном «тимократического» государственного устройства⁴²).

³⁹ По поводу дошедших от этого трактата фрагментов см.: *Ruschenbusch E.* ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ... S. 40 ff.

⁴⁰ Об этой реформе см.: *Noyen P.* Aristote et la réforme monétaire de Solon // *L'Antiquité classique*. 1957. Vol. 26. No. 1. P. 136–141; *Kraft K.* Zur Übersetzung und Interpretation von Aristoteles, *Athenaion Politeia*, Kap. 10 (Solonische Münzreform) // *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte*. 1959–1960. Bd 10. S. 21–46; *Kraft K.* Zur solonischen Gewichts- und Münzreform // *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte*. 1969. Bd 19. S. 7–24; *Kraay C. M.* An Interpretation of *Ath. pol.* Ch. 10 // *Essays in Greek Coinage Presented to S. Robinson*. Oxf., 1968. P. 1–9; *Crawford M. H.* Solon's Alleged Reform of Weights and Measures // *Eirene*. 1972. Vol. 10. P. 5–8; *Chambers M.* Aristotle on Solon's Reform of Coinage and Weights // *California Studies in Classical Antiquity*. 1973. Vol. 6. P. 1–16; *Fischer T.* Zu Solons Maß-, Gewichts- und Münzreform // *Chiron*. 1973. Bd 3. S. 1–14; *Rhodes P. J.* Solon and the Numismatics // *Numismatic Chronicle*. 1975. Vol. 15. P. 1–11; *Creatini F.* Riflessi sociali della riforma ponderale di Solone // *Studi classici e orientali*. 1984. Vol. 34. P. 127–132; *Horsmann G.* Athens Weg zur eigenen Währung: Der Zusammenhang der metrologischen Reform Solons mit der timokratischen // *Historia*. 2000. Bd 49. Ht. 3. S. 259–277.

⁴¹ Характерные примеры: *Waters K. H.* Op. cit.; *Chambers M.* Op. cit.

⁴² *Horsmann G.* Op. cit.

А вот недавно, например, Дж. Холл⁴³ обратил внимание на интересное обстоятельство: именно при Солоне резко усилилась ориентация Афин на ионийский мир. Между прочим, в одной из своих элегий (Sol. fr. 4 Diehl) поэт-законодатель называет Аттику «древнейшей землей Ионии» (πρεσβυτάτην... γαῖαν Ἰαονίης) и оказывается, таким образом, древнейшим автором (во всяком случае, из числа известных нам), признающим афинян ионийцами, как известно, были и эвбейцы, в то время как эгинеты относились к дорийцам. Так что не исключена и культурно-историческая подоплека солоновской метрологической реформы как одного из шагов на пути определения афинянами своей этнической идентичности.

Как бы то ни было, примерно ясна причина заблуждения Аристотеля, приписавшего Солону, помимо метрологической реформы, еще и монетную, которая просто не могла иметь места в условиях отсутствия монеты. Другое дело, что когда Афины несколько десятилетий спустя все-таки начали собственную чеканку (речь идет о выпусках так называемых *Wappenmünzen*⁴⁴, а уже им на смену позже пришли знаменитые «совы»), они осуществляли ее изначально по эвбейскому стандарту.

Полагаем, что не ошибемся, высказав следующее суждение: регулирование Солонем мер и весов просто не могло не иметь отношения к тому обстоятельству, что Афины в VI в. до н. э. (правда, все-таки несколько позже реформ великого законодателя) стали одним из первых полисов Балканской Греции, начавших собственную монетную чеканку (опередили их в этом плане только Эгина и Коринф⁴⁵).

Также скажем несколько слов о том, какое влияние на экономическую ситуацию в Афинах должна была оказать цензовая реформа Солона (Arist. Ath. pol. 7. 3; Plut Sol. 18)⁴⁶. Обусловленность объема политических прав гражданина

⁴³ Hall J. M. A History of the Archaic Greek World ca. 1200–479 BCE. 2 ed. Oxf., 2014. P. 280.

⁴⁴ В связи с этими монетами сошлемся на собственную статью, которая, кажется, и поныне остается единственной в отечественном антиковедении работой, специально посвященной им. В ней также указана западная литература по проблеме. См.: Суриков И. Е. Древнейшие афинские монеты (Wappenmünzen): проблемы интерпретации и датировки // Античный мир и археология. 2006. Т. 12. С. 43–51.

⁴⁵ См. к сравнительной хронологии монетных выпусков этих центров: Kroll J. H., Waggoner N. M. Dating the Earliest Coins of Athens, Corinth and Aegina // American Journal of Archaeology. 1984. Vol. 88. No. 3. P. 325–340.

⁴⁶ О ее экономическом аспекте см.: Гуцин В. П. Цензовая реформа Солона и кризис в Аттике на рубеже VII–VI вв. до н. э. // ВДИ. 2011. № 3. С. 107–122; Oudenrijn C. M. A. van den. Solon's System of Property-Classes Once More // Mnemosyne. 1952. Vol. 5. Fasc. 1. P. 19–22; Rosivach V. J. The Requirements for the Solonic Classes in Aristotle, AP 7.4 // Hermes. 2002. Bd 130. Ht. 1. S. 36–47 (с неортодоксальной и, представляется нам, довольно перспективной

его принадлежностью к тому или иному имущественному классу, на наш взгляд, не могла не приводить к тому, что у граждан возникал еще один стимул улучшать свое материальное благосостояние. В «Афинской политике» Аристотеля (7. 4) приводится надпись, установленная на Акрополе неким Анфемием в связи с тем, что он из класса фетов попал аж в класс всадников⁴⁷. Думается, он был не единственным человеком в Аттике, который мог сказать о себе что-то в подобном роде.

Далее, мог ли иметь экономическое значение приписываемый Солону закон против праздности? Тут перед нами непростой вопрос. Сам закон весьма проблематичен. Уже античные авторы колебались в вопросе, был ли он издан Драконтом, Солоном или даже Писистратом (Theophr. fr. 99 Wimmer; Plut. Sol. 22; 31; Diog. Laert. I. 55). Л. А. Пальцева пытается выйти из противоречия, высказывая предположение, что в закон, принадлежавший Драконту, затем вносились изменения Солоном и Писистратом⁴⁸. В подкрепление своей точки зрения исследовательница ссылается на один малоизвестный фрагмент оратора Лисия, согласно которому Драконт, введя закон о праздности, назначил наказанием смертную казнь, а Солон затем наказание смягчил (штраф в 100 драхм, а в случае троекратного осуждения – аtimiю).

Л. А. Пальцева комментирует это свидетельство следующим образом:

Будучи профессиональным судебным оратором, Лисий, несомненно, имел возможность изучить афинское законодательство в максимально полном объеме, что само по себе уже заставляет нас внимательно отнестись к данному сообщению... Едва ли может вызвать сомнения историческая достоверность изображенного оратором процесса, что дает основание с доверием отнестись к его сообщению⁴⁹.

Да, Лисий, несомненно, хорошо изучил афинское законодательство, но, подчеркнем, законодательство *действующее*, поскольку именно его нужно было знать для участия в судебных процессах. Но зачем логографу могло потребоваться изучать законы, давным-давно уже утратившие силу? Так сказать, чисто из исторического интереса? Не думаем, что таковой у Лисия был. А никакого прагматического значения исследование отмененных узаконений иметь

мыслью о том, что рукописная традиция исказила некоторые цифры в аристотелевском пассаже – в частности, те, которые показывают на соотношение доходов всадников и зевгитов); Ste. Croix G. E. M. de. Op. cit.

⁴⁷ Keesling C. M. Solon's Property Classes on the Athenian Acropolis? A Reconsideration of IG I³. 831 and Ath. pol. 7. 4 // Cities Called Athens: Studies Honoring John McK. Camp II. L., 2015. P. 115–135.

⁴⁸ Пальцева Л. А. К вопросу о составе законодательства Драконта // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2007. Вып. 6. С. 202–204.

⁴⁹ Там же. С. 203.

не могло. Добавим к этому еще, что судебные ораторы Афин (а к их числу принадлежал и Лисий) охотно шли в своих речах на извращение и искажение законов⁵⁰: ведь в условиях кратковременного (максимум несколько часов) судебного процесса присяжные, в сущности, не имели ни возможности, ни желания проверять слова тяжущихся сторон. А примененный Л. А. Пальцевой оборот «едва ли может вызвать сомнения историческая достоверность...», строго говоря, является вообще не аргументом, а риторическим приемом.

Принимая, что Солон не отменил закон Драконта о праздности, а лишь модифицировал его, мы вступаем в противоречие с основной линией нарративной традиции, согласно которой *все* законы Драконта, кроме законов об убийстве, были в 594 г. до н. э. отменены. Отрицать столь мощную, представленную самыми авторитетными авторами традицию – это уже, конечно, гиперкритицизм, и, насколько нам известно, до такого никто из исследователей вроде бы не доходил.

Но закон о праздности вызывает у нас сильные подозрения относительно своей подлинности даже не столько из-за несогласованности в источниках, сколько по своей содержательной стороне. Неясно, на кого такой закон распространялся и против кого он был направлен. Считать ли, что суровому наказанию за праздность подлежали все афинские граждане? В таком случае выходит, что аристократам-богачам, образ жизни которых в норме был вполне досужим, теперь тоже предписывалось трудиться «в поте лица своего». А это абсурдно. Да они, конечно, и не начали трудиться – однако же неизвестно, чтобы кто-то из них был судим по закону о праздности.

Получается, что рассматриваемый закон имел, так сказать, избирательное действие: рядовые граждане под него попадали, знатные – нет. Так сказать, *quod licet Iovi, non licet bovi*. Но подобный «двойной стандарт» оказывается в противоречии с самой идеей закона как акта, в равной мере относящегося ко всем, не знающего каких-либо исключений, привилегий и т. п. (ср.: Sol. fr. 24 Diehl. 18–20).

Теперь обратимся к вопросу о потенциальных «адресатах» закона о праздности. От какого рода лиц он призван был защитить гражданскую общину? По мнению Л. А. Пальцевой, он противодействовал «образованию слоя не обеспеченных собственностью, праздношатающихся и потому опасных элементов»⁵¹. Насколько можем понять, речь здесь ведется о каких-то люмпенах. Даже не касаясь вопроса о том, были ли такие в Афинах времен Драконта и Солон, обратим внимание на следующее обстоятельство. Л. А. Пальцева, как мы видели, признает вполне аутентичным свидетельство Лисия, согласно

⁵⁰ Кудрявцева Т. В. Карать или миловать: чем руководствовались афинские дикасты, вынося приговор // *Studia historica*. М., 2007. Вып. 7. С. 46.

⁵¹ Пальцева Л. А. Указ. соч. С. 203.

которому штраф по закону о праздности составлял 100 драхм. Мы же, со своей стороны, вынуждены напомнить, что в рассматриваемую эпоху драхма приравнивалась к медимну зерна или овце, 5 драхм – к быку (Plut. Sol. 23). Иными словами, стоимость денег была на этом раннем этапе древнегреческой истории еще очень высокой (наверное, нужно оговорить в скобках, во избежание недоразумений, что это были домонетные деньги, поскольку монета в Афинах ранее второй половины VI в. до н. э. не чеканилась).

Путем простейших расчетов получаем, что штраф за праздность составлял денежный эквивалент стада в 100 овец или 20 быков. И каким же образом такой штраф мог заплатить праздношатающийся элемент, не обеспеченный собственностью, – то есть бедняк, чтобы не сказать нищий? Откуда у него были такие деньги? А обратить долг с состояния и имущества гражданина на его личность (т. е. продать в рабство) было нельзя – как раз со времени реформ Солон!

Самое раннее свидетельство, которое может относиться к закону о праздности, принадлежит Геродоту и находится в контексте его «египетского логоса»⁵²:

Амасис также издал вот какое постановление египтянам: каждый египтянин должен был ежегодно объявлять правителю округа свой доход. А кто этого не делает и не сможет указать никаких законных доходов, тому грозила смертная казнь. Афинянин Солон перенял из Египта этот закон и ввел его в Афинах. Еще и поныне он там сохранился как самый превосходный закон (Herod. II. 177).

Но данный пассаж сам по себе порождает серьезные сложности. Солон, согласно преобладающей и в наибольшей степени заслуживающей доверия ветви нарративной традиции, побывал в Египте в ходе своего десятилетнего путешествия, предпринятого им уже *после* (а не *до*!) его архонтата и законодательства⁵³. Стало быть, предлагаемая Геродотом последовательность событий – заимствование афинским мудрецом чужого закона в результате посещения долины Нила – выглядит невозможной.

Правда, можно допустить, что Солон бывал в Египте и ранее. Известно, что он в молодости занимался морской торговлей и, соответственно, много путешествовал. Так почему бы ему тогда уже было не нанести визит с деловыми целями в «страну пирамид», а конкретно, конечно, в Навкратис? Думается, что именно так оно и было.

⁵² О котором см. (со ссылками на предшествующую литературу): Суриков И. Е. Геродот и египетские жрецы (к вопросу об «отце истории» как «отце лжи») // Исседон: Альманах по древней истории и культуре. Екатеринбург, 2007. Т. 4. С. 7–25.

⁵³ См. к вопросу (со ссылками на предшествующую литературу): Суриков И. Е. Солон на Востоке: коллизии нарративной традиции // ВДИ. 2015. № 4. С. 104–119.

Однако тогда абсолютно необъяснимым оказывается упоминание «отцом истории» фараона Амасиса. Амасис (Яхмос II) правил уже после солоновского законодательства в Афинах (его царствование началось около 570 г. до н. э.). Пребывание Солон в Египте во времена Амасиса, если оно действительно имело место, таким образом, тоже исключает ту самую, предлагаемую самим же историком, последовательность событий.

В целом в связи с законом о праздности возникает, как мы видели, такое количество недоуменных вопросов, что наиболее взвешенным будет вообще исключить его из рассмотрения как сомнительный и иррелевантный. Э. Рушенбуш вообще считает⁵⁴, что сообщения источников об этом законе являют собой плод недоразумения: на самом деле речь идет о ценовой реформе. Каждый гражданин должен был подать (в Ареопаг, как считает немецкий исследователь), так сказать, декларацию о доходах; на основании этих документов афинян и расписали по имущественным классам.

* * *

Настало уже время подводить некоторые итоги. Сомневаться во влиянии солоновских экономических реформ на дальнейшее развитие афинского полиса, как видно из вышесказанного, совершенно не приходится. Однако вот из конкретных интерпретаций механизмов этого влияния далеко не каждая будет безусловно верной. Так, мы не стали бы преувеличивать позитивную роль сисахфии как экономической меры: с ней, как мы видели, всё было далеко не так однозначно.

Совсем другое дело – такие реформы, как поощрение развития ремесел в Афинах (в том числе путем привлечения квалифицированных мастеров из других полисов), а также развития интенсивного оливководства. За этими нововведениями действительно было будущее, они во многом изменили весь облик Афин. Однако даже и они могли реально начать «работать» отнюдь не сразу, а на самых первых порах, безусловно, не могли еще начать приносить зримых, ощутимых результатов. Да и метрологическая реформа смогла оказать свой полный эффект тогда уже, когда афинский полис начал чеканить монету (это произошло во второй половине VI в. до н. э.).

А вот несколько десятилетий непосредственно после преобразований Солон (если говорить совсем конкретно, то речь идет о хронологическом отрезке 593–560 гг. до н. э.) были для Аттики очень тяжелым временем. Обилие политических смут в этот период явно имело и экономическую подоплеку. Закончились же смуты, как известно, установлением тирании Писистрата. Писистрат фактически явился продолжателем дела Солон и во многом довел до конца то,

⁵⁴ *Ruschenbusch E. ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ... S. 99–100.*

что мудрец-законодатель не успел. Уже к концу его правления, а уж тем более к концу правления его преемника Гиппия совершенно четко ощущалось, что Афины перестали быть ординарным полисом, началась реализация их колоссального потенциала (в полной мере осуществившаяся уже в V в. до н. э.).

Также хотелось бы сказать, что на экономическую ситуацию в афинском полисе повлиял и общий дух всего комплекса солоновских реформ, включая и те из них, которые, казалось бы, не имели прямого отношения к хозяйственной жизни. А дух этот отличался резкой эскалацией чувства гражданственности, привел в конечном счете к реальному равенству внутри афинского гражданского коллектива. При самом Солоне все это было еще в потенции, которая реализована была лишь позже. Но нельзя отделаться от впечатления, что какие-то серьезные перемены были внедрены реформами уже на уровне менталитета; у афинян возникло ощущение, что они (в том числе каждый в отдельности) могут стать «кузнецами собственного счастья». А это, в свою очередь, становилось залогом развития и всей общины, государства.

КЛАССИЧЕСКАЯ АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ: «СВЕТ И ТЕНИ НАРОДОВЛАСТИЯ»*

Древнегреческая демократия классической эпохи, несомненно, является одним из крупнейших достижений политической практики античности. В ряде полисов, и особенно в Афинах, где демократия функционировала в 507–322 гг. до н. э.¹, она оказалась чрезвычайно эффективной формой государственного устройства, наиболее адекватно соответствовавшей структуре гражданской общины и поэтому позволявшей в полной мере учитывать интересы различных слоев граждан, динамично реагировать на возникавшие вызовы, как внешнего, так и внутреннего характера. Сказанное, конечно, не обозначает, что классическая демократия была «политической панацеей», дававшей абсолютную гарантию против любых кризисов. Идеальным государством демократический афинский полис нельзя назвать, – но ведь идеальные государства существуют только в утопиях, создаваемых теоретиками². А с другой стороны, характерно, что афинская демократия на протяжении долгого времени снова и снова возрождалась после потрясений и переворотов, как Феникс из пепла. И это демонстрирует ее удивительную жизненность, а значит – эффективность³.

* Впервые опубликовано в: Проблемы антиковедения и медиэвистики. Нижний Новгород, 2006. Вып. 2. С. 20–34.

¹ Есть мнение, что в действительности историю классической афинской демократии следует заканчивать не в 322 г. до н. э., как обычно делается, а около 260 г. до н. э. (*Dreyer B. Wann endet die klassische Demokratie Athens? // Ancient Society. 2001. Vol. 31. P. 27–66*). Но такая точка зрения не представляется оправданной. Бесспорно, государственное устройство афинского полиса и на протяжении эпохи эллинизма продолжало официально называться «демократией». Однако нужно, на наш взгляд, проводить четкое разграничение между формой, которая ведь может быть и фиктивной, и реальным содержанием. Не думаем, что в эллинистическом мире вообще была возможна демократия в своей классической форме.

² Характерно, что древнегреческие теоретики – а они подходили к политическим реалиям именно с точки зрения соответствия идеалу – уже поэтому были в большинстве своем отнюдь не поклонниками афинской демократии. См. наиболее подробно: *Ober J. Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, 1998*.

³ Г. Леманн специально подчеркивает, что и конечная ликвидация афинской демократии в последней четверти IV в. до н. э. была обусловлена не внутренним разложением этой политической системы, а чисто внешними факторами. См.: *Lehmann G. A. Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v. Chr. // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 139–150*.

Что же касается недостатков, то они, несомненно, имелись. При всех несомненных положительных чертах афинской демократии, она все же не стала эталоном для последующих эпох в той степени, в какой она того заслуживала⁴. И не стала во многом именно потому, что этому государственному устройству был присущ ряд органических, неискоренимых пороков. Причем таких, которые представляются особенно нетерпимыми в наше время. Впрочем, хотелось бы подчеркнуть: афинскую демократию отнюдь не следует идеализировать, но другой крайностью, и тоже неправомерной, был бы слишком строгий суд над ней. Неисторично и поэтому недопустимо подходить к античным политическим системам с критериями сегодняшнего дня, предъявлять им завышенные требования, которым они удовлетворять заведомо не могут.

Так, отмечается – и во многом совершенно справедливо, – что афинская демократия, да и любая античная демократия, была, в сущности, «демократией для меньшинства». Она распространялась далеко не на все население, живущее на территории государства. В Афинах никакими политическими правами не пользовались метэки, не говоря уже о рабах. Женщины, хотя номинально и считались гражданками, участия в управлении полисом тоже не принимали. Фактически из жителей Аттики – а их общее количество для «Периклового века» оценивается более чем в 300 тысяч⁵ – всей полнотой гражданских и политических прав обладали лишь взрослые свободные мужчины, принадлежавшие к урожденным афинянам. Иными словами, те, кто входил в состав коллектива граждан, из кого комплектовалось народное собрание. А таковых было, по разным подсчетам, от 45 до 60 тысяч⁶, иными словами, никак не более одной пятой населения. Бесспорно, это была демократия для меньшинства!

Однако следует подчеркнуть: можно сколько угодно упрекать афинян за то, что они не предоставляли гражданских прав женщинам и рабам. Но ведь иная ситуация в дохристианские времена, когда не сложилось еще представления о принципиальном равенстве мужчин и женщин, рабов и свободных как человеческих существ, была бы просто немыслимой! А что касается метэков, то в этом пункте современные упреки по адресу афинской демократии выглядят особенно лицемерными⁷. В сущности, в любом государстве наших дней

⁴ Так, «отцы-основатели» США, составляя конституцию, которая должна была лечь в основу нового государства, сознательно выбрали в качестве модели не демократические Афины, а республиканский Рим (*Roberts J. Athenian Democracy Denounced: The Political Rhetoric of America's Founders // The Birth of Democracy. Athens, 1993. P. 164–167*).

⁵ *Hansen M. H. Three Studies in Athenian Democracy. Copenhagen, 1988. P. 12.*

⁶ *Rhodes P. J., Lewis D. M. The Decrees of the Greek States. Oxf., 1997. P. 14.* Впрочем, пожалуй, верхняя из обозначенных здесь цифр (60 тысяч) будет все же несколько завышенной.

⁷ *Hansen M. H. Was Athens a Democracy? Popular Rule, Liberty and Equality in Ancient and Modern Political Thought. Copenhagen, 1989. P. 28.*

имеются свои метэки, только называют их более уничижительно – мигрантами. Естественно, на своем новом месте жительства они не располагают политическими правами; более того, меры по отношению к ним постоянно ужесточаются. Пожалуй, в Афинах метэкам жилось лучше, свободнее. Во всяком случае, им не приходилось бояться, что их в любой момент остановит полицейский скиф и подвергнет унижительной процедуре проверки документов (тем более что и документов-то никаких не было).

Очень серьезным и отнюдь не голословным выглядит следующее обвинение, делаемое афинской демократии. Блеск и процветание классических Афин, особенно в «золотой век» Перикла, во многом зиждились на беспощадной эксплуатации городов, входивших в Афинскую морскую державу. Ведь демократия – весьма дорогая политическая система, и ее реальное осуществление в любую историческую эпоху доступно далеко не всякому государству, а только богатому. Афиняне смогли воплотить в жизнь основные принципы демократического устройства не в последнюю очередь потому, что форос представлял собой неиссякаемый источник доходов, которые можно было направлять на различные нужды и расходы, порождаемые народовластием.

И опять же – все сказанное, конечно, верно. Но слишком строго судить афинян за их «империализм» – значит опять же впадать в лицемерие, применять двойные стандарты. И поныне сильнейшие демократические государства, во внутренних делах, для собственных граждан, руководствуясь принципами свободы и равенства, на внешнеполитической арене движимы совсем иными мотивами. Для них точно так же характерны империалистические тенденции: стремление навязать свои ценности и интересы более слабым членам мирового сообщества, борьба за зоны влияния, а в конечном счете – за достижение гегемонии, причем теперь уже не в бассейне Эгейского моря, а в глобальном масштабе. Перед нами реальный факт, как бы к нему ни относиться. Почему же античные Афины должны были вести себя иначе?

Подчеркнем снова и снова: мы ни в коей мере не хотим идеализировать афинскую демократию. Но не следует забывать: демократическое устройство полисов Эллады, прежде всего Афин, было первым в человеческой истории образцом подобной политической системы. Пробы и ошибки в самом начале пути были просто неизбежны. И не порицать нужно афинян, а учиться на этих их ошибках. Так, в области внешней политики афинский опыт показал: даже со стороны самого прогрессивного и демократического «центра силы» грубое и неприкрытое навязывание своего диктата другим государствам – а именно этим грешили Перикл и его сограждане в период расцвета Афинской архэ – чревато крахом всей системы, ее развалом от первого же серьезного толчка, как и произошло во время Пелопоннесской войны. И не спасли никакие красивые лозунги свободы и равенства. Об этом не помешало бы задуматься тем, кто

претендует на роль «всеобщих благодетелей» и хочет насильно осчастливить народы.

Переходим к следующему пункту, по которому афинской демократии предъявляются серьезные претензии. Прямой характер этой демократии, при котором властными полномочиями располагал не выборный представительный орган, а весь коллектив граждан, приводил к тому, что она, бесспорно, обладала чертами непрофессионализма, некомпетентности⁸. Следует отметить, что провозглашаемые идеалы (как, впрочем, бывает и всегда) существенно расходились с действительным положением дел. Считалось, что народное собрание объединяет в себе демос во всей его совокупности. Однако все без исключения граждане, несомненно, даже физически не могли собираться на частые заседания экклесии. В этих условиях непропорционально большую роль в управлении государством могли при неблагоприятных условиях начать играть ничем не занятые деклассированные элементы. Такого рода эгоистичная и легковозбудимая масса была просто обречена на то, чтобы подпадать под влияние демагогов.

Проблема демагогов в целом значительно сложнее, чем представляется на первый взгляд. Демагоги были в известном смысле интегральным элементом политической системы афинской демократии в ее наиболее развитой форме⁹. Слово «демагог» служило в классической Греции для обозначения политических деятелей демократической ориентации. Этимология этого слова («вождь народа») выглядит вполне достойной; первоначально оно не имело столь присущего ему впоследствии негативного оттенка и могло прилагаться к политикам, чья деятельность оценивалась вполне положительно (Фемистоклу, Периклу и др.)¹⁰. Однако в последней трети V в. до н. э., в эпоху кризисов, связанных с Пелопоннесской войной, слово несколько изменило свое значение и приобрело – уже навсегда – эмоциональную окраску. С этого времени демагогами назывались политики «низкого происхождения», использующие свой авторитет у демоса в личных, зачастую корыстных целях.

⁸ Сказанное относится в наибольшей степени к V в. до н. э. В следующем столетии элементы профессионализма в государственном управлении Афин значительно возросли. См.: *Eder W.* Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Krise oder Vollendung? // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 23.

⁹ Лучшим исследованием о демагогах остается монография: *Connor W. R.* The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971.

¹⁰ Точно такая же эволюция, между прочим, имела место и в случае с некоторыми другими понятиями («тиран», «софист»). Первоначально они были семантически нейтральными, позже приобрели отчетливо негативные коннотации. Можно говорить о феномене своеобразной «лексической девальвации», характерном, кстати, не только для античности (см. по этому поводу: *Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 115 сл.).

Изменение, о котором идет речь, отнюдь не случайно: оно тесно связано с политическими реалиями эпохи. Дело в том, что после Перикла лидерами афинской демократии были по большей части не представители аристократии, как в предшествующую эпоху, а так называемые новые политики (термин У. Р. Коннора, оказавшийся очень удачным и прочно прижившийся в историографии). Это были лица незнатного происхождения, в основном богатые владельцы ремесленных мастерских. Они резко изменили весь тип политической культуры¹¹. В качестве типичных образчиков демагогов античная традиция, как правило, называет известную «троицу» – Клеона, Гипербола и Клеофонта. Со времен древней аттической комедии (Аристофан, Евполид и др.) демагоги подвергались резкой критике; подчеркивались их дурные манеры, необразованность, наглость, распушенность, взяточничество, заискивание перед толпой. Политические теоретики (Платон, Аристотель) считали именно их в первую очередь ответственными за кризисное состояние греческих полисов.

Критиковать демагогов – нетрудная задача. Никто не будет спорить с тем, что они действительно поднаторели в искусстве направлять эмоции народа в нужное для себя русло, с тем, что демократия, ведомая демагогами, не раз принимала решения, на вид перспективные и заманчивые, но в действительности авантюрные и вредные для государства, с тем, что в отдельные моменты своей истории (хотя, подчеркнем, именно в отдельные моменты, а отнюдь не всегда) демократическое правление в Афинах имело тенденцию перерастания в настоящую охлократию, «власть толпы». Все это верно, но это, так сказать, одна сторона медали. А другая заключалась в том, что совсем без демагогов прямая полисная демократия существовать, видимо, просто не могла.

При отсутствии политических партий, при отсутствии средств массовой информации в собственном смысле слова политическое лидерство могло, в сущности, принимать две формы, которые могут быть охарактеризованы терминами «простат» и «демагог»¹². Простат («предстоятель») – лидер

¹¹ Не можем согласиться с точкой зрения, согласно которой смена ведущего типа политического деятеля произошла позже, на рубеже V–IV вв. до н. э., а ближайшие преемники Перикла на деле ничем от него не отличались (*Hornblower S. A Commentary on Thucydides. Oxf., 1992. Vol. 1. P. 346*). Это мнение входит в противоречие с оценкой всей античной традиции, которая, следует полагать, имела свои весомые резоны.

¹² Мы отдаем себе отчет в том, что у античных авторов (в частности, у Аристотеля в «Афинской политике») эти два термина в принципе могут употребляться как взаимозаменяемые (хотя элементарный статистический анализ немедленно показывает, что к политикам доперикловского времени в упомянутом трактате значительно чаще применяется первый из них, к политикам послеперикловского времени – второй). Как бы то ни было, представляется плодотворным в интересах теоретического анализа противопоставить друг другу термины «простат» и «демагог», поскольку такое противопоставление адекватно отражает различие между двумя основными типами политического лидерства.

старинного, аристократического типа (Солон, Писистрат, Клисфен, Мильтиад, Кимон)¹³, который, даже вставая во главе демоса, возвышается над ним, а демос, соответственно, смотрит на него «снизу вверх». Демагог (в наиболее распространенном понимании) – лидер, вышедший из народа, который «на равных» с остальными согражданами и которого они воспринимают как «своего», многое ему за это прощая. Этот тип политика впервые в полной мере проявился в лице Клеона¹⁴ и стал ведущим со времен Пелопоннесской войны. Он возник, и не мог не возникнуть, на определенной стадии развития афинской демократии, а именно тогда, когда она развила все заложенные в ней потенции, прервав традицию аристократического лидерства. С некоего момента в политической жизни Афин уже не было места для простатов¹⁵, их место заняли демагоги, и не их в том следует винить, а объективные исторические закономерности.

Далее, тому же непрофессионализму управления способствовало и широкое применение жребия при избрании должностных лиц, когда на ответственных постах могли оказываться случайные люди. Впрочем, принципиальная позиция афинской демократии заключалась в том, что случайных людей вообще не бывает. Считалось, что любой гражданин тем самым уже достаточно образован, развит и компетентен, чтобы решать самые серьезные политические вопросы, что в этом деле нет какой-то особенной сложности, которая требовала бы специальной подготовки. Первым, кто поставил такой подход под сомнение (опираясь на собственное, оригинальное этическое учение), был, как известно, Сократ. Его призыв к профессионализации управления полисом (см. предельно четкую формулировку: *Хеп. Мет. I. 2. 9*) для нас представляется чем-то само собой разумеющимся, но в свое время он звучал просто-таки революционно (или «контрреволюционно»?). Достаточно вспомнить, что предшественники и современники Сократа – софисты – были, напротив, «универсалами»,

¹³ Этот тип лидера на ряде примеров описан нами в книге: *Суриков И. Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005.

¹⁴ Хотя, строго говоря, отдельные черты этого типа (пока не воплотившиеся в целостную систему) видны уже в деятельности некоторых более ранних политиков (Фемистокла, молодого Перикла).

¹⁵ Последним, кто пытался играть эту роль, был «живой анахронизм» Алкивиад (см. об этом подробнее: *Суриков И. Е.* Алкивиад: афинский денди или первый «сверхчеловек»? // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 5. Спец. вып.: Историческая биография и персональная история. М., 2001. С. 198–225). Но, как бы он ни стремился заявить себя простатом, гражданский коллектив все равно воспринимал его как демагога: знатного и этим необычного, но все-таки демагога. С этим не в последнюю очередь связана историческая неудача всех начинаний и всей деятельности Алкивиада – лидера, что ни говорить, наделенного исключительными талантами.

а не «узкими специалистами», что они и сами стремились к максимальному охвату всех сторон бытия¹⁶, и слушателей своих учили тому же.

Как бы то ни было, и в этом отношении реальность оказывалась тоже сложнее (и печальнее), чем идеальные принципы. Дурных последствий непрофессионализма было все-таки более чем достаточно. Очень часто они давали о себе знать, в частности, в судебной системе. При функционировании афинских дикастериев¹⁷ некомпетентность судей-присяжных, отнюдь не отличавшихся знанием законов, а судивших больше «по совести» (а это вырабатывало весьма своеобразный тип правосознания¹⁸), сплошь и рядом приводила к обилию несправедливых (при этом беспечелляционных) приговоров и клеветнических доносов. Распространенными фигурами в демократических Афинах стали сикофанты – профессиональные доносчики, сделавшие своим ремеслом шантаж, вымогавшие у состоятельных граждан взятки под угрозой возбуждения против них судебного процесса, хотя бы по заведомо ложному обвинению. От сикофанта легче было откупиться, чем судиться с ним.

Античные греки, впервые в истории создав политическую систему демократии, вряд ли вообще могли предотвратить появление сопряженных с ней негативных черт. Нельзя, конечно, сказать, что ошибки прошлого никогда и ничему не учат. Современные демократические государства многое учли, от многих недостатков избавились. Так, в целом не привилась в нынешнем мире столь характерная для античности идея прямой демократии, «демократии непрофессионалов». В наши дни, как правило, пользуются механизмами демократии представительной. Хотя, впрочем, здесь не обойтись без существенных оговорок. В сфере правосудия многих стран прочно утвердился институт суда присяжных. А ведь он целиком и полностью основан на том, что приговоры обвиняемым должны выносить не специалисты-юристы, а обычные граждане, и руководствоваться при этом не столько буквой закона, сколько своей гражданской совестью. Суд присяжных, как нам прекрасно известно, – институт античного происхождения, ведущий свое происхождение из древнегреческой

¹⁶ Вспоминается известный случай с софистом Гиппием (Plat. Hipp. min. 368b), который как-то появился на Олимпийских играх в оригинальном костюме, изготовленном им собственноручно. См. по этому поводу: *Vernant J.-P. Myth and Thought among the Greeks*. L., 1983. P. 301. В целом о софистах см.: *Kerferd G. B. The Sophistic Movement*. Cambridge, 1984; *Cassin B. Sophists* // *Greek Thought: A Guide to Classical Knowledge*. L., 2000. P. 957–976.

¹⁷ Очень живое и детальное описание их работы на различных этапах истории афинской демократии см.: *Boegehold A. L. et al. The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia (The Athenian Agora. Vol. 28)*. Princeton, 1995. P. 21–42.

¹⁸ См. о нем: *Суриков И. Е. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи* // *Древнее право*. 1999. № 2 (5). С. 34–42.

демократии. Его первый хорошо освещенный в источниках пример – афинская гелиея¹⁹.

С другой стороны, не будем умалчивать и о том, что, избавившись от одних недостатков, современные демократические государства приобрели новые. В некоторых отношениях античная демократия представляется нам имеющей даже преимущество перед нынешней. Так, в классических Афинах власть широких масс граждан, власть народа (не будем забывать, что от этого словосочетания произошел и сам термин «демократия»²⁰) была несравненно более полной и реальной, нежели в любом демократическом государстве наших дней, когда, если называть вещи своими именами, народу позволяется напрямую выражать свое мнение лишь достаточно редко (на выборах, референдумах), да и то в значительной степени фиктивно, а в остальное время, то есть почти

¹⁹ Хорошо известно, что суд присяжных ныне вызывает к себе неоднозначное, противоречивое отношение. И это касается не только нашей страны, где у него всегда (и в XIX в., и в наши дни) было более чем достаточно убежденных противников, но и мира в целом. Характерна острая дискуссия, имевшая место на международном симпозиуме по проблемам афинской демократии в итальянском городе Белладжо в 1992 г. Немецкий ученый Г. Тюр в своем докладе подверг критике афинские дикастерии за их непрофессионализм, а американские антиковеды полемизировали с ним, указывая, что его критика правомерна лишь с точки зрения европейской «континентальной» правовой традиции, но совершенно неоправданна, если принять за основу нормы права, существующие в США. См.: *Thür G. Die athenischen Geschworenengerichte – eine Sackgasse? // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 322–331*, а также выступления участников дискуссии после текста работы.

²⁰ Приходится удивляться, до какой степени об этом порой забывают, в частности, в современной политологии. Не столь давно нам попала в руки книжка: *Сергеев В. М. Демократия как переговорный процесс. М., 1999*. Ее автор претендует на то, чтобы использовать для своих построений материал не только современных обществ, но и различных эпох, в том числе и античной (при этом, естественно, ссылаясь на устаревшую литературу, грубо искажая греческие термины и т. п.). К каким же выводам он приходит? Оказывается, главное в демократии – не власть народа, это всего лишь «демократическая мифология». Главное в демократии – это «эффективная система переговоров, позволяющая поддерживать значительный запас легитимности политического режима». Вот как! Понятно, что с таких более чем странных позиций автор отказывает Афинам и вообще древнегреческим демократиям в праве считаться настоящими, полноценными демократиями. А в качестве образцов демократического устройства прежних эпох выдвигает античный Рим и средневековую Венецию. Олигархический Рим и крайне-олигархическая Венеция оказываются светочами демократии! Так пишут представители науки, служащей тому, чтобы быть руководством к действию для политиков-практиков. Не удивительно, что, опираясь на подобные рекомендации, нам строят под видом демократии новый тоталитарный режим. Демократия, в которой не остается места для власти народа... Это страшно.

всегда, реальная власть находится в руках политических элит, имеющих тенденцию к олигархизации и увековечению своего положения.

Если бы – представим себе невозможное – удалось усилиями науки воскресить древнего грека, скажем Аристотеля, предоставить ему возможность познакомиться с существующими ныне демократическими устройствами и попросить дать их оценку, нет сомнений, что грек вообще не признал бы ни одно из современных государств демократией. Какая же это демократия, если народ почти никогда не влияет на принятие принципиальных решений? Это самая обычная олигархия, сказал бы грек, да еще и с примесью тирании. Ведь в демократических государствах наших дней, что скрывать, явно наличествуют «вождистские» элементы, проявляющиеся в весьма большом объеме власти «первого лица». Ничего подобного не наблюдалось в классических Афинах. Нельзя обнаружить в них должности, хотя бы отдаленно сопоставимой с привычными для нас должностями президента или премьер-министра²¹.

В условиях прямой демократии античности подавляющее большинство граждан – повторим это уже не в первый раз – постоянно, регулярно, а не от случая к случаю участвовало в управлении государством. Сам этот факт ставил очень серьезные границы влиянию элит – тех самых, которые в политической жизни современности имеют определяющее значение. В начале XX в. видный немецкий политолог Р. Михельс, проанализировав функционирование ряда тогдашних обществ, выявил интересную закономерность, которую он, может быть, слишком претенциозно назвал «железным законом олигархии». Согласно этому закону, любой политический строй, возникший как демократия, рано или поздно (и скорее рано, чем поздно) фактически переродится в олигархический, пусть даже и сохраняя прежнее название. Произойдет это потому, что прямое господство масс технически невозможно. Обязательно возникнет необходимость в некоем особом общественном слое, который специально занимается организацией государственного управления. Это – «активное меньшинство», профессионалы – политики и администраторы; это – элита. А для элиты всегда характерны олигархические тенденции.

Применим ли к Афинам «железный закон» Михельса, выработанный совсем на другом историческом материале? Дж. Обер, углубленно занимавшийся политическими практиками афинской демократии, ответственно утверждает:

²¹ Довольно распространено мнение, что «президентом афинской республики» может быть назван эписдат пританов (например: *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. Ч. 1: Государственные и военные древности. СПб., 1997. С. 204). Но это на самом деле очень слабая аналогия. Слишком малы были полномочия эписдата: он, по сути дела, являлся чисто техническим сотрудником. Кроме того, эписдат избирался по жребию сроком всего лишь на одни сутки.

не применим²². И мы с ним полностью согласны, во всяком случае в отношении V в. до н. э., времени расцвета демократического полиса. Никто не будет спорить с тем, что политическая элита уже тогда существовала и действовала. Но эта элита, во-первых, действовала не путем каких-то закулисных манипуляций, как это столь часто бывает в наши дни, когда видимость волеизъявления народа оказывается лишь ширмой для решений, принятых на ином, «незримом» уровне; она действовала только посредством существующих конституционных механизмов²³. Во-вторых, эта элита не проявляла – и просто не имела возможности проявлять – тенденцию к превращению в замкнутый, самодостаточный организм, монополизировавший власть²⁴.

Целый ряд механизмов был задействован для того, чтобы правление народа было реальным, а не фиктивным, чтобы элита «знала свое место»: отсутствие суверенитета должностных лиц, постоянные жеребьевки, ротация «кадров» в органах власти, неукоснительная ответственность магистратов перед гражданским коллективом. Порой отношение державного демоса к своим лидерам не может показаться просто-таки чрезмерно пристрастным: почти нельзя назвать видного афинского политического деятеля V в. до н. э., который на протяжении своей карьеры ни разу не подвергался бы опале²⁵. Как ни был влиятелен и авторитетен Перикл, согражданам ничего не стоило, как только они того пожелали, со скандалом отправить «афинского олимпийца» в отставку. Понятно, что в таких условиях олигархические элементы не могли органично сформироваться внутри политической системы. Характерно, что сторонники олигархии, коль скоро такие появлялись, даже и не пытались как-то внедриться в эту систему и исподволь, изнутри преобразовать ее в своих интересах. Видимо, понимая, что это невозможно, они предпочитали тотально критиковать демократию, отрицать ее целиком и полностью, не находя с ней никаких точек соприкосновения²⁶, а на уровне практической политики – вести против нее подрывную деятельность посредством гетерий²⁷.

²² Ober J. *Mass and Elite in Democratic Athens*. Princeton, 1989. P. 334.

²³ Hansen M. H. *The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983–1989*. Copenhagen, 1989. P. 267.

²⁴ А, скажем, в Риме такая замкнутая, самовоспроизводящаяся элита сложилась (см. интересные наблюдения по этому поводу в работе: Runciman W. G. *Doomed to Extinction: The Polis as an Evolutionary Dead-end // The Greek City: From Homer to Alexander*. Oxf., 1991. P. 347–367). Но ведь в Риме и не было развитой демократии.

²⁵ Knox R. A. «So Mischievous a Beast»? The Athenian Demos and its Treatment of its Politicians // *Greece & Rome*. 1985. Vol. 32. No. 2. P. 132–161.

²⁶ Туманс Х. Псевдо-Ксенофонт – «старый олигарх» или демократ? // ВДИ. 2004. № 3. С. 24 сл.

²⁷ Суриков И. Е. Демократия и гетерии: некоторые аспекты политической жизни Афин V в. до н. э. // *Власть, человек, общество в античном мире*. М., 1997. С. 89–99.

Итак, в «золотой век» афинской демократии «железный закон олигархии» не работал. В IV в. до н. э. наблюдаем несколько иную картину: начинается намечаться формирование профессиональной политической элиты (οἱ πολιτεύόμενοι)²⁸, пока еще под верховным контролем демоса. Полноценная олигархия (но, кстати, все-таки маскирующаяся под демократию и официально именуемая себя демократией) установилась в Афинах в эпоху эллинизма²⁹.

Обратим внимание на то колоссальное значение, которое придавалось в общественной жизни демократического полиса ораторскому искусству, на тот колоссальный взлет, который это искусство пережило в классическую эпоху. Одним из важнейших талантов, требовавшихся от политического деятеля, было красноречие, умение убедить укомплектованные демосом органы государственной власти. Как известно, в современных демократиях ораторское искусство если и существует, то в роли не очень-то уже и нужного рудимента. Это относится даже к той области, где оно может проявиться наиболее ярко и полно, – к парламентским дебатам. Сколько бы ни блистал перлами красноречия парламентарий с трибуны – подавляющее большинство его коллег все равно проголосует не по убеждению, а по директиве, данной им руководством их партий и фракций. Соответственно, парламент и действительно в известной степени превращается, в согласии со своим названием, в «говорильню», а решения фактически принимаются заранее, в ходе кулуарного торга.

В классических Афинах подобная ситуация была не скажем, что совершенно невозможной, но, во всяком случае, ненормальной. Высокое значение ораторского искусства и вообще власть устного слова были связаны с тем, что в условиях прямой полисной демократии оратор действительно *мог* убедить свою аудиторию в необходимости того или иного действия. Все это способствовало реальному, а не номинальному демократизму политической системы. Принятие решений было не предрешено, не монополизировано теми или иными «группами влияния». К тому же, в отличие от современных условий, масса граждан, голосующих в народном собрании, не была скована никакой партийной дисциплиной. Существовавшие политические группировки имели небольшие размеры и включали в себя только политиков-профессионалов. Демос же голосовал так, как считал нужным. Это тоже препятствовало предварительным закулисным сговорам.

²⁸ Mossé C. La classe politique à Athènes au IV-ème siècle // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 67–77.

²⁹ См. наиболее подробно о перипетиях этого процесса: Хабихт Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999.

Не то чтобы таких сговоров совершенно не было. Случалось, тайно договаривались по тому или иному поводу и Перикл с Кимоном, и Никий с Алкивиадом³⁰... Но такие случаи были, во-первых, очень редкими, можно сказать, исключениями. Во-вторых, они почти ничего не гарантировали. Заключая политическую сделку, договариваясь, скажем, о солидарном голосовании «за» или «против» какого-либо законопроекта, политики все равно не могли с уверенностью обеспечить себе успех. Крайне сложно было таким способом повлиять на то, чтобы экклесия сделала требуемый выбор, поскольку политики (даже все, вместе взятые) находились в ней в заведомом меньшинстве. По большей же части народное собрание принимало решение спонтанно, без какой-либо достигнутой заранее договоренности. Временами, особенно в эпохи внутренних и внешних кризисов, это приводило и к негативным эксцессам. Памятна ситуация одного из первых лет Пелопоннесской войны, когда после подавления восстания в Митилене афинская экклесия на одном своем заседании постановила учинить жесточайшую расправу над жителями этого Lesbosского города, а на другом, буквально на следующий же день, отменила это постановление, приняв более мягкое.

Иными словами, трудно объективно оценить, какой способ принятия решений лучше: в ходе ли предварительного кулуарного торга или непосредственно в ходе дискуссии и голосования. Но, во всяком случае, никто не будет спорить с тем, что второй способ демократичнее. Классической афинской демократией очень трудно было манипулировать в чьих-либо личных или групповых интересах. Не то чтобы совсем нельзя: политической системы, абсолютно не подверженной манипуляциям, наверное, никогда не было, нет и не будет. Но афинский полис страдал от этого зла несравненно меньше, чем любое современное демократическое государство.

И наконец, подчеркнем еще один момент: в демократических Афинах принцип свободы неразрывно сопрягался с принципом ответственности. В политических системах наших дней как раз об этом последнем по большей части забывают, и здесь нам тоже есть чему поучиться у афинян. Чрезвычайно разработанными были формы отчетности носителей власти, должностных лиц перед согражданами. Они, например, ни в коем случае не допустили бы, чтобы политический лидер, нанесящий своей деятельностью государству огромный ущерб, после этого избежал наказания и спокойно доживал свой век «на пенсии», огражденный неким юридическим иммунитетом. Политик не только не получал никакой «неприкосновенности» – напротив, он попадал под еще более пристальный надзор общественного мнения и в случае нарушения

³⁰ Анализ перипетий одного из таких сговоров, пожалуй, наиболее известного, см.: Суриков И. Е. К историко-хронологическому контексту последнего афинского ostracism // Античность: эпоха и люди. Казань, 2000. С. 17–27.

существующих законов или норм подвергался особенно суровой каре. У кого много власти, с того больше и спросится; влияешь на судьбы государства – держи ответ за свои действия. Такова была осознанная позиция демоса.

Обратим внимание на то, что недостатки и достоинства афинской демократии были неразрывно сопряжены друг с другом в диалектическом синтезе. Эта политическая система являлась в высшей степени целостным феноменом, обладавшим огромной степенью единства и законченности – подобно классической скульптуре, геометрической теореме или силлогизму. В этом отношении ее следует признать, конечно, явлением абсолютно греческим по своему внутреннему духу.

РЕ-АКТУАЛИЗАЦИЯ И РЕ-ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОПЫТА АНТИЧНОЙ ДЕМОКРАТИИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ*

Постмодернистская парадигма в последние десятилетия XX в. получила в антиковедении – одной из самых консервативных гуманитарных дисциплин, – насколько можно судить, несколько меньшее распространение, нежели в большинстве других областей исторического знания. Тем не менее тенденция к переносу в системе субъект-объектных связей акцента на субъект стала с некоторых пор заметна и в ней¹. Как ни парадоксально, в западной науке об античности важную роль в этой переакцентировке сыграли исследователи, придерживавшиеся модной там одно время марксистской методологии (в отличие от историографии советской, где марксизм был всегда строго монистичен). На упреки в идеологической ангажированности со стороны своих более позитивистски настроенных коллег они отвечали, что *все* ученые, в сущности, ангажированы и занимаются не объективной реконструкцией реальности прошлого, а построением собственных ментальных конструкций; они же, марксисты, имеют в данном плане хотя бы то преимущество, что отдают себе в этом отчет.

Разумеется, «новые веяния» в наибольшей степени коснулись изучения тех проблем античной истории, которые в наши дни выглядят самыми актуальными. В первую очередь это, пожалуй, проблематика, связанная с античной (прежде всего классической афинской) демократией, ее формированием, развитием, кризисом, политическими институтами и политическими процессами, имевшими место в ее рамках, сильными и слабыми сторонами названной системы. Особенно интенсифицировались исследования афинской демократии в связи с тем, что в 1990-х гг. в ряде стран Запада (особенно в США) был проведен ряд мероприятий, посвященных ее 2500-летию (международные конференции и симпозиумы, представительные выставки, публикация достаточно большого числа сборников статей и монографий). В нашей стране,

* Впервые опубликовано в: Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. М., 2008. С. 349–351.

¹ См. наиболее подробно: Rhodes P. J. *Ancient Democracy and Modern Ideology*. L., 2003.

как обычно, про этот юбилей никто, кроме узких специалистов, даже и не слышал: россияне тогда волновали несколько иные проблемы.

Нельзя не отметить, что событие, послужившее «точкой отсчета» для юбилея, было выбрано в известной мере произвольно: реформы Клисфена 508–507 гг. до н. э. Хотя Дж. Обер и называет эти события «афинской революцией», далеко не все антиковеды согласятся с тем, что именно с них следует начинать историю демократии в Афинах. Как бы то ни было, юбилейные мероприятия стали важным импульсом к ре-актуализации опыта афинской демократии. А рука об руку с ре-актуализацией, естественно, шла его ре-интерпретация, причем временами именно в постмодернистском ключе.

Среди важнейших характеристик интересующего нас историографического процесса следует отметить, во-первых, прозвучавшие со стороны некоторых ученых настоятельные призывы к увеличению релевантности нашего постижения истории демократических Афин. «Пальма первенства» на этом поприще принадлежит, бесспорно, упомянутому Дж. Оберу². Этот ученый однозначно принадлежит к числу тех, которые полагают, что исследование прошлого только тогда имеет смысл, когда оно может быть напрямую соотнесено с реалиями современности и предлагает некоторые непосредственные «уроки», что прошлое *per se* не имеет никакого особенного значения и что ценностные суждения при его анализе обязательны. Соответственно, он подвергает достаточно жесткой критике тех коллег, которые этим принципам не следуют, в частности М. Хансена. Впрочем, справедливости ради нужно сказать, что и этому последнему отнюдь не чуждо сравнительное рассмотрение античных и нынешних демократий, но в рамках его концептуальных построений от такого сравнения «в выигрыше» оказываются скорее демократии античные³, а подобный подход решительно не устраивает Дж. Обера, заинтересованного, по большому счету, в подчеркивании большего совершенства современных демократических устройств.

Во-вторых, в связи с развитием междисциплинарных связей между исторической наукой и политологией и с преобладающими ныне в последней тенденциями в изучении античной демократии происходит перенос внимания с политических институтов на неинституциональные политические процессы (роль властных элит, механизмы достижения влияния, формирование общественного мнения, пиар и т. п.)⁴. Здесь в «авангарде» опять же Дж. Обер, а М. Хансен

² См. прежде всего: *Ober J. Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule*. Princeton, 1998; *Ober J. The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory*. Princeton, 1999.

³ Например: *Hansen M. H. Was Athens a Democracy? Popular Rule, Liberty and Equality in Ancient and Modern Political Thought*. Copenhagen, 1989.

⁴ Подробнее см.: *Суриков И. Е. Остракизм в Афинах*. М., 2006. С. 10 сл.

остается в числе немногих, продолжающих отстаивать преимущества институционального подхода к античности, причем отстаивать достаточно аргументированно⁵. Есть и ученые, стремящиеся придерживаться «средневзвешенной» позиции (П. Родс).

В-третьих, все более явным становится стремление специалистов сделать свои разработки политкорректными. Антиковеды, в частности, не раз уже подвергались упрекам в недостаточном внимании к гендерной проблематике, преувеличении места мужчин в античной истории и пренебрежении ролью женщин⁶, хотя все это, нужно сказать, не чья-то вина, а объективное следствие имеющегося состояния источников. Даже в самых демократических полисах женщины и ряд других категорий населения (например, метэки, не говоря уже о рабах) были практически полностью исключены из гражданской жизни. В результате древнегреческим демократиям подчас даже отказывают в праве носить это имя. Но здесь хотелось бы возразить, что следует не забывать о принципе историзма и учитывать хотя бы тот факт, что еще в XIX в. в самых развитых демократиях Запада женщины не пользовались безусловным равноправием.

Наконец, назовем еще такой неожиданный фактор нарастания субъективных установок в историографии, как поступательная коммерциализация всех сторон жизни, сказывающаяся и на науке. Все труднее становится публиковать фундированные монографические исследования, интересные в основном для специалистов и не сулящие выгоды. Издательствами этот жанр не приветствуется, они в последнее время предпочитают, чтобы ученые создавали популярные книги, упрощенным изложением рассчитанные на широкую, максимально невзыскательную аудиторию. По едкому выражению П. Родса, перед авторами ставят задачу «писать для Винни-Пуха». Книги такого рода не предполагают всесторонней и безупречной аргументации выдвигаемых положений, а скорее их более или менее удачное декларирование. Итогом в ряде случаев становятся произвольные трактовки свидетельств источников, не вполне ответственные тезисы, представления о том, что с прошлым «можно делать все что угодно», и т. п.

⁵ Hansen M. H. The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983–1989. Copenhagen, 1989. P. 263 ff.

⁶ См.: Суриков И. Е. Адам и... Адам (К вопросу о специфике гендерных ролей в условиях античного греческого полиса) // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. 2006. № 12. С. 25 сл.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СПАРТАНСКОГО ПОЛИТОГЕНЕЗА (АРХАИЧЕСКАЯ И КЛАССИЧЕСКАЯ ЭПОХИ)*

Как, наверное, известно читателю, автор этих строк не является специалистом непосредственно по Спарте; кажется, до этого момента нам не доводилось писать работы, посвященные конкретно и всецело этому эллинскому полису¹. Однако, коль скоро уж приходится заниматься историей архаической и классической Греции в целом, неизбежным оказывается обращение, помимо прочего, и к спартанской тематике², что, в свою очередь, порождает раздумья о факторах, способствовавших появлению и дальнейшему существованию уникального феномена «лакедемонского государства». Некоторыми плодами этих раздумий и хотелось бы здесь поделиться. Ниже нам предстоит коснуться нескольких конкретных, частных вопросов, а также одной проблемы достаточно общего характера.

* * *

Политогенез, как мы его понимаем, не должен обязательно связываться только с начальной стадией существования каждой данной политии, с ее формированием; этот процесс идет и в дальнейшем, поскольку он имеет отношение также и к последующим трансформациям структурообразующих элементов

* Впервые опубликовано в: *Scripta antiqua*. М., 2017. Т. 6. С. 75–114.

¹ Если не считать главу о Клеомене I в первой книге из цикла о «политиках в контексте эпохи» (*Суриков И. Е.* Античная Греция: Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 211–269). Там мы затрагивали не только вопросы, связанные с фактами биографии этого спартанского царя, но и дали ряд общих характеристик общества, государства, менталитета лакедемонян. Упомянутая глава получила высокую оценку со стороны Л. Г. Печатновой (*Печатнова Л. Г.* Противостояние Клеомена и Демарата (К вопросу о соотношении властных структур в Спарте) // ВДИ. 2006. № 4. С. 29. Прим. 3) – одного из виднейших в стране исследователей истории Спарты.

² Да что уж говорить о Спарте! Даже и в политогенез отдаленного Боспора (Киммерийского) приходится вникать, дабы составить правильное представление о процессах, происходивших тогда в греческом мире (*Суриков И. Е.* Некоторые проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н. э. («взгляд из Эллады») // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М., 2014. С. 76–122).

политической системы. Далее, политогенез – процесс отнюдь не равномерный по темпам протекания и даже в каких-то отношениях дискретный. В истории любого государства можно (с точки зрения политогенеза) выделять как периоды «спокойные», подчас просто статичные, когда в сфере, имеющей отношение к формам власти, ничего или почти ничего принципиально не меняется, так и эпохи, характеризующиеся высоким динамизмом, «бурным потоком перемен». Разумеется, именно эти последние заслуживают наиболее пристального к себе внимания.

Для Спарты детальная хронология этих «динамичных» этапов политогенеза по понятным причинам не вполне ясна. Представляется, что уже в эпоху архаики³ таковых было два или, скорее, три. Их связывают соответственно с именами легендарного Ликурга, царя Феопомпа и знаменитого эфора Хилон⁴. Возможно, и деятельность Тиртея (не синхронизирующегося ни с одной из трех вышеперечисленных фигур) в данной связи не следовало бы оставлять без внимания. Что ни говорить, а первое изложение «спартанской конституции» – Великой ретры – мы встречаем именно у него (Tyr. fr. 4 West), в известной элегии «Благозаконие» (Εὐνομία)⁵. Понятно: многие скажут: кто такой Тиртей, всего лишь поэт и музыкант... Однако чем дальше, тем больше выясняется, что роль именно таких персонажей (как Тиртей, Фалет Критский, Алкман из Сард и т. п.) была в архаической Спарте (причем именно в ее социо- и политогенезе) весьма значительной, ее никак не следует преуменьшать⁶.

³ О значении архаической эпохи для формирования спартанского полиса см.: *Hodkinson S. The Development of Spartan Society and Institutions in the Archaic Period // The Development of the Polis in Archaic Greece. L.; N. Y., 1997. P. 44–54; Nafissi M. Sparta // A Companion to Archaic Greece. Oxf., 2009. P. 117–137; Kennell N., Luraghi N. Laconia and Messenia // A Companion to Archaic Greece. Oxf., 2009. P. 239–254.*

⁴ Не знаем, нужно ли специально оговаривать (вероятно, все-таки нужно), что в случае со Спартой перед нами скорее некие «имена-символы». Увы, спартанский политогенез никак не получается реконструировать с той же степенью нюансировки, как афинский, когда мы твердо знаем, что такие-то реформы инициированы Солоном, такие-то – Писистратом, такие-то – Клисфеном (Фемистоклом, Эфиальтом, Периклом...).

⁵ Тиртей с этой идеей «благозакония» значительно опередил афинянина Солона, с которым названную идею нередко ошибочно ассоциируют (один из последних примеров: *Barta H. «Graeca non leguntur»? Zu den Ursprüngen des europäischen Recht im antiken Griechenland. Wiesbaden, 2011. Bd II: Archaische Grundlagen. Teil 2. S. 217 ff.*). Более взвешенный (хотя тоже не свободный от недостатков) взгляд на проблему см.: *Raaflaub K. A. Athenian and Spartan Eunomia, or: What to Do with Solon's Timocracy? // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 390–428.*

⁶ См., в частности, разработки А. В. Зайкова (например: *Зайков А. В. Музыканты в ранней Спарте: создание жанров и противодействие внутренней распре // Вестник Удмуртского ун-та. 1995. Вып. 2. С. 5–15; Зайков А. В. Фалет Критский в Спарте // Исседон. 2002. Вып. 1.*

В относительно недавно вышедшей книге Ф. Стенли, которая по кругу реально освещаемых в ней вопросов намного шире своего заглавия «Экономические реформы Солона»⁷, предлагаются три возможных варианта развития политической жизни в греческих полисах VIII–VII вв. до н. э. По его мнению, в каждом полисе в рассматриваемый период имелись три основные борющиеся силы: цари, аристократия и верхушка демоса (зажиточные крестьяне-гоплиты). Соответственно, могли объединяться либо аристократы с верхушкой демоса против царей (случай Коринфа, где это повело к ликвидации монархии и установлению олигархии Бакхиадов), либо цари с верхушкой демоса против аристократов (случай Аргоса, где на этой «волне» поднялся Фидон⁸), либо цари с аристократией против верхушки демоса (случай Спарты, где в результате утвердилось ее уникальное государственное устройство)⁹.

Все это в целом наводит на достаточно результативные размышления, но вызывает притом ряд не менее серьезных возражений¹⁰. Не то чтобы ученый был совсем не прав, скорее перед нами упрощение; на самом же деле, естественно, все было намного сложнее. Если следовать схеме, которую выстраивает Стенли, спартанское государство должно было в итоге принять законченный

С. 16–35). Собственно, этот исследователь на протяжении многих лет из работы в работу акцентированно отстаивает (на наш взгляд, с полным основанием) данный тезис. Если говорить об отечественной историографии, см. также замечания в посмертно изданном труде видного ученого, занимавшегося, помимо прочего, и Спартой (Андреев Ю. В. Архаическая Спарта. Искусство и политика. СПб., 2008). Мы в свое время активно ратовали за то, чтобы этот текст был опубликован, и, конечно, не жалеем об этом. Но все-таки, читая Ю. В. Андреева, всегда следует помнить, что его работы не свободны от изрядного элемента ненужного гиперкритицизма, да и в целом на всем, что он писал, лежит отчетливый отпечаток его яркой, неординарной личности. Что же касается зарубежной историографии, по данной проблематике см. хотя бы: Kennell N. M. *The Gymnasium of Virtue: Education & Culture in Ancient Sparta*. Chapel Hill; L., 1995. Впрочем, на Западе эта тема в целом непопулярна. Там предпочитают изображать спартанцев не музыкантами-гармостами, как А. В. Зайков, а носителями какого-то постоянного насилия (Hornblower S. *Sticks, Stones, and Spartans: The Sociology of Spartan Violence // War and Violence in Ancient Greece*. L., 2000. P. 57–82). О причинах этого (равно как и о причинах неприятия нами подобной системы взглядов) будет сказано ниже.

⁷ Stanley Ph. V. *The Economic Reforms of Solon*. St. Katharinen, 1999.

⁸ Наличие басилеев из рода Теменидов, то есть потомков Фидона, зафиксировано в Аргосе вплоть до первой половины V в. до н. э. (Robinson E. W. *The First Democracies: Early Popular Government outside Athens*. Stuttgart, 1997. P. 82 ff.).

⁹ Stanley Ph. V. *Op. cit.* P. 128.

¹⁰ Применительно к Афинам см.: Суриков И. Е. Афины в VIII–VII вв. до н. э.: становление архаического полиса (К вопросу о степени специфичности «аттического варианта») // ВДИ. 2013. № 4. С. 23–43.

олигархический вид, с демосом (включая верхушку оного), находящимся – в силу своего поражения – в максимально приниженном положении. Это была бы даже не *ὀλιγαρχία ἰσόνομος*, которую эллины признавали более или менее приемлемой, а самая настоящая *δυναστεία* – крайняя олигархия, которая однозначно осуждалась греческими мыслителями (и в их лице общественным мнением), будь то Фукидид или Аристотель¹¹.

Факты же говорят нам о полярно противоположном¹². Великая ретра – если рассматривать ее не с нашей современной точки зрения, а в контексте тогдашних реалий¹³ – была отнюдь не олигархическим¹⁴, а *самым демократическим* документом из всех, которые тогда в принципе существовали в мире. «Господство и сила да принадлежит народу (*δᾶμω δὲ τὰν κυρίαν ἡμὲν καὶ κρᾶτος*)» – так значится в том тексте ретры, который сохранен Плутархом (Lycurg. 6)¹⁵ и кажется вполне аутентичным (обратим внимание на архаичный дорийский диалект как в процитированном отрывке, так и в плутарховской версии ретры в целом). Впрочем, не сильно разнятся выражения и в той версии памятника, которую приводит Тиртей: *δήμου δὲ πλήθει νίκην καὶ κᾶρος ἔπρεσθαι*¹⁶. Тут нужно учитывать, что элегии писались на ионическом диалекте

¹¹ См. к проблеме: Сизов С. К. Понятие *ὀλιγαρχία ἰσόνομος* у Фукидида (III. 62. 3) // Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени. XIII Чтения памяти проф. Н. П. Соколова. Нижний Новгород, 2012. С. 18–22. К этой великолепно написанной (как и всё, что выходит из-под его пера) работе С. К. Сизова у нас, правда, были некоторые претензии по частностям, которые мы и высказали автору при обсуждении соответствующего доклада на конференции в Нижнем Новгороде, и он с ними любезно согласился.

¹² Хотя в учебниках традиционно пишется о «спартанской олигархии» (берем первый попавшийся пример: Кузицин В. И. Афинская демократия и спартанская олигархия как политические системы // История Древней Греции. М., 1986. С. 164–183).

¹³ Ср. глубокомысленные замечания М. Л. Гаспарова (сделанные, естественно, совсем по другому поводу): «Глядеть на культурную систему эпохи изнутри – это значит встать на ее точку зрения, забыть о том, что будет после... Историзм требует понимать, что каждое поколение думает не о том, кому бы предшествовать, и старается не о том, чтобы нам понравиться и угадать наши ответы на все вопросы: нет, оно решает собственные задачи. Оно не знает заранее будущего пути истории – перед ним много равновозможных путей» (Гаспаров М. Л. Избранные труды. М., 1997. Т. 2: О стихах. С. 490–491).

¹⁴ М. Э. Курилов как-то, выступая на одной из конференций, иронично заметил, что часто спартанскую *олигантропию* (о которой см.: Курилов М. Э. Социально-политическое устройство, внешняя политика и дипломатия классической Спарты. Саратов, 2005. С. 16) необоснованно путают с олигархией (ввиду схожести звучания терминов).

¹⁵ Цитаты из «Ликурга» Плутарха приводятся в переводе С. П. Маркиша.

¹⁶ «И не покинет народа тогда ни победа, ни сила», как достаточно точно переводит В. В. Латышев.

с эпическим «привкусом» (отсюда *κάρτος* вместо *κράτος* – вне сомнения, в метрических целях, «для позиции»; возможно, для того же – замена *κυρία* на *νίκη*).

Как громко должно было это звучать в то время! Повторим и подчеркнем, дабы стала ясна вся важность данного принципиального обстоятельства: в эпоху, о которой идет речь, *нигде в мире* ничего более (или хотя бы столь же) демократичного народу (рядовому свободному населению) не предлагалось.

Потом, правда, как считается, был сделан известный «шаг назад» и к ретре добавлена (по данным Плутарха, при Феопомпе) поправка: «Если народ постановит неверно (*αἰ δὲ σκολιὰν ὁ δᾶμος ἔλοιτο*), старейшинам и царям распустить» (Plut. Lycurg. 6). Аллюзия на ту же мысль звучит и у Тиртея: *μηδέ τι βουλευεῖν τῇδε πόλει σκολιόν*¹⁷. Что интересно, у Тиртея никак не оговорено, что данная норма представляет собой именно более позднюю поправку, а не изначальный элемент ретры; напротив, она выглядит вполне органично в общем контексте документа. Да и язык поправки и самой ретры не демонстрирует различий.

Поэтому порой высказывается мысль, что никакой поправки вообще не было, что ошибочно принятая за таковую античными авторами последняя фраза ретры на самом деле входила в нее с момента составления. Предлагалась даже и более экзотичная идея: что «поправка» на самом деле появилась раньше основного текста ретры¹⁸. Это представляется маловероятным (какую-то очень уж замысловатую логику приходится применить для подобного построения); однако во всяком случае ясно, что по времени составления ретра и поправка весьма мало отстоят друг от друга. По весьма взвешенной формулировке А. В. Зайкова, и та и другая датируются «между 800 и 625 гг. до н. э.», в результате можно с полным основанием говорить «об этом документе как о самом древнем известном нам греческом законе»¹⁹.

Таким образом, с поправкой, как видим, все не так-то просто. Традиционно в ней видят «важный шаг в сторону постепенного формирования...

¹⁷ В том же переводе В. В. Латышева: «... Умыслов злых не тая против отчизны своей», что уже менее точно. В действительности сказано буквально: «не советовать городу ничего кривого» (о значении термина *σκολιός* см. ниже).

¹⁸ Ogden D. Crooked Speech: The Genesis of the Spartan Rhetra // Journal of Hellenic Studies. 1994. Vol. 114. P. 85–102. В целом к проблеме см.: Зайков А. В. «Кривда» и конституционные процедуры в архаической Спарте // Античная древность и средние века. 2003. Вып. 34. С. 23–33.

¹⁹ Зайков А. В. «Кривда»... С. 24. *Terminus ante quem* – это, разумеется, время творчества Тиртея, а *terminus post quem* – предполагаемое время деятельности исторического прототипа (или прототипов) легендарного Ликурга.

олигархического режима правления»²⁰. Нам, однако, более импонирует точка зрения А. В. Зайкова:

При таком подходе (т. е. при общепринятом подходе, охарактеризованном чуть выше. – И. С.) апелле отводится роль некой ширмы, маскирующей абсолютный произвол правящей элиты. Однако это не соответствует самому духу спартанской политики в архаическую эпоху. Если же мы признаем, что поправка по природе своей является *лишь нормой процедуры* (курсив наш. – И. С.), мы сможем гораздо лучше понять организацию власти у лакедемонян в ранние времена²¹.

Обратим внимание на употребляющийся в поправке термин σκολιός. Он, насколько можно судить, занимал достаточно важное место в политико-правовом дискурсе архаической Спарты²². К нему справедливо привлёк внимание А. В. Зайков в только что цитировавшейся статье, подобрав для субстантивированной формы этого прилагательного, как нам представляется, исключительно удачный русский эквивалент – «кривда». Прямое значение слова σκολιός – ‘кривой’; однако «совершенно очевидно, что “кривое” в данном контексте означает что-то “негодное”, “несудачное”, “неприемлемое”, “неподходящее” – короче говоря, “плохое” в каком-то отношении»²³. Мы бы, пожалуй, добавили к набору возможных контекстуальных коннотаций такие смыслы, как «неправильное», «несправедливое», может быть, даже «незаконное» (исходя из того, что ретра являлась законом). Иными словами, в нашем случае словоупотребление имеет отчетливый этико-правовой (но, подчеркнем, не социально-политический) оттенок²⁴.

²⁰ Курилов М. Э. Указ. соч. С. 9.

²¹ Зайков А. В. «Кривда»... С. 32.

²² В этом плане тесно соседствовал со σκολιός ‘кривой’ другой негативный эпитет – χωλός ‘хромой’. Ср. известный оракул о «хромом царстве» (χωλῇ βασιλείᾳ), связанные с ним проблемы при вступлении на престол Агесилая (Plut. Ages. 3) и т. п. Релевантны здесь интересные соображения Д. Огдена о том, что греками кривизна как физическое уродство воспринималась едва ли не в первую очередь как кривизна ног, т. е. хромота (Ogden D. Op. cit.).

²³ Зайков А. В. «Кривда»... С. 25.

²⁴ Вообще говоря, немалое количество ошибок в антиковедении было сделано оттого, что этические категории неоправданно и прямолинейно принимали за социально-политические. Так произошло, например, с терминами ἀγαθοί и κακοί. Мы вкратце говорили об этом в другом месте (Суриков И. Е. Еще раз о законодательствах Драконта и Солона в Афинах (полемиические заметки). Ч. II // Из истории античного общества: Сб. науч. трудов. Нижний Новгород, 2009. Вып. 12. С. 35–36), а затем посвятили данному вопросу специальную работу (Суриков И. Е. Понятия ΑΓΑΘΟΣ и ΚΑΚΟΣ в архаической Греции (по данным лирической поэзии) // Antiquitas aeterna. 2014. Вып. 4. С. 21–42).

Таким образом, цель поправки – в том, чтобы, если спартанский дамос, разделенный, согласно Великой ретре, огромными полномочиями, примет в апелле какое-либо решение, противоречащее существующим нормам, обычаям, законам, цари и геронты имели правовой механизм, который позволял бы им не дать подобному ошибочному решению вступить в силу. Подчеркнем, любое государство стремится (или, по крайней мере, должно стремиться) к тому, чтобы неправильные и незаконные решения не принимались: это – вопрос нормального государственного интереса, не имеющий ни малейшего отношения к форме правления.

При принятии поправки ставилась отнюдь не задача фактического отстранения народа от власти, а совсем иная, именно процедурная: создание института правового контроля и надзора. Ровно ничего антидемократического в этом нет. В конце концов, в любом современном демократическом государстве существует такой орган, как Конституционный суд, выполняющий аналогичные функции, и никому не приходит в голову, что это как-то ограничивает демократию.

В Афинах более позднего времени (с V в. до н. э.) весьма схожую контрольную роль (хотя, разумеется, при некоторых имевшихся отличиях) играли судебные процессы типа *ὑραφὴ παρὰ νόμων* ('обвинение в противозаконии') и добавившегося несколько позднее (с начала IV в. до н. э.) более редкого типа *ὑραφὴ νόμων μὴ ἐπιτίθδειον θεῖναι* ('обвинение в издании неподходящего закона')²⁵. И опять же, учреждение и активное использование названных правовых институтов отнюдь не приводило к большей олигархичности афинского государственного устройства по сравнению с предшествующим периодом²⁶. Перемены имели чисто технический характер; если что и подвергалось ограничению, то не власть народа, а произвол демагогов. Спарта, как можно убедиться, прошла через этот опыт ранее какого-либо другого эллинского полиса.

Итак, нельзя говорить о поправке к Великой ретре (даже если это действительно поправка) как о некоей олигархической мере. Оговорим, что античные авторы, заставшие расцвет Спарты, обычно не определяют ее государственное устройство как олигархию. Словом, все говорит о том, что вышеприведенный тезис Ф. Стенли нуждается в принципиальной корректировке. В процессе формирования спартанской политики не цари и аристократия вступили друг с другом в союз в борьбе против дамоса; нет, куда более обоснованным

²⁵ Об этих процессах см.: *Hansen M. H. The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Public Action against Unconstitutional Proposals*. Odense, 1974; *Суриков И. Е. Остракизм в Афинах*. М., 2006. С. 403 сл.; *Кудрявцева Т. В. Народный суд в демократических Афинах*. СПб., 2008. С. 345 сл.

²⁶ Ср.: *Rhodes P. J. Judicial Procedures in Fourth-Century Athens: Improvement or Simply Change? // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* Stuttgart, 1995. S. 303–319.

будет говорить о союзе, компромиссе всех этих трех сил. Собственно, именно такая ситуация эксплицитно отражена в Великой ретре. Уже не в первый раз прямое свидетельство античного источника оказывается предпочтительным по сравнению со смелым «полетом мысли» гиперкритически настроенного исследователя.

* * *

Вряд ли²⁷ у кого-либо вызовет возражение (и может даже прозвучать банальностью) утверждение, что война в античности (и, в частности, в мире греческих полисов) играла роль одного из наиболее важных факторов политогенеза²⁸. Несколько особняком стоит мнение²⁹, согласно которому как минимум не меньшее влияние, чем войны с внешними врагами, оказывали на политическое развитие в Элладе войны гражданские, внутрполисные конфликты (которые сами греки обозначали термином «стасис»). Возможно, последнее и соответствует действительности; но мы в ограниченных рамках данной работы сконцентрируемся все-таки на изучении вклада внешних войн в интересующий нас здесь процесс. Применительно к Спарте такой подход тем более резонен, что как раз в истории этого полиса – начиная с «ликурговых» реформ и до кризиса IV века – стасис занимал минимальное, близящееся к нулевому место; это резко отличало «лакедемонскую политику» от подавляющего большинства остальных государств греческого мира.

Сказанное в предыдущем абзаце, повторим, достаточно очевидно. Более интересен и неоднозначен другой, конкретизирующий вопрос: какова была направленность воздействия военного фактора на эволюцию государственности? Вела ли интенсивная военная практика к демократизации и эгалитарным тенденциям или же, напротив, к иерархизации социума и политики?

Казалось бы, в нашем распоряжении есть материал, свидетельствующий в пользу первого варианта ответа на поставленный вопрос. Так, гопплитская реформа архаической эпохи со временем повела, согласно распространенному мнению (в целом справедливому), к тому что аристократам пришлось

²⁷ Мысли, высказываемые в этой части работы, в тезисной форме были изложены в: Суриков И. Е. Война как фактор политогенеза в архаической и классической Греции: к вопросу о направленности воздействия // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 240–245.

²⁸ См., например: Scheidel W. Military Commitments and Political Bargaining in Ancient Greece // Princeton/Stanford Working Papers in Classics. November 2005 (<http://www.princeton.edu/~pswpc/pdfs/scheidel/110501.pdf>).

²⁹ Manicas P. T. War, Stasis, and Greek Political Thought // Comparative Studies in Society and History. 1982. Vol. 24. P. 673–688.

поделиться своей долей в государственном управлении с более широкими слоями гражданства. В результате реализации морской программы Фемистокла в Афинах в начале V в. до н. э. демократия из умеренной, клисфеновской начала становиться все более радикальной; эти сдвиги привели со временем к возникновению перикловского типа народовластия, а потом и к постперикловской охлократии.

В целом прекрасно известно, что одним из базовых принципов, на которых зиждилась вся модель полисного типа государственности, являлся принцип ответственности, корреляции роли индивида или социального слоя в военной организации с его ролью в политической организации. Чье место было более значимым на полях сражений – тот и в структуре государства мог с полным правом претендовать на более значимое место. Это связано с тем, что гражданский коллектив полиса одновременно был армией, полисным ополчением.

И все же тезис «развитие военной организации способствовало демократизации политических систем в государствах греческого мира», высказанный категорично и без оговорок, будет схематизацией истинного положения дел. Как мы увидим далее, более пристальный анализ показывает, что реальная картина была намного сложнее. Наверное, это и вполне естественно для пестрого, неоднородного мира эллинских полисов.

Весьма перспективным в данном плане представляется сравнительное рассмотрение двух случаев – афинского и спартанского. Перед нами – так сказать, два «полюса» Греции, в каком бы отношении их ни сопоставлять. Два более контрастных государственных устройства трудно представить, и не случайно противопоставление Афин и Спарты является одним из «общих мест» историографии³⁰. Причем не только современной; подобный подход проявился уже в античности, в классическую эпоху. Он красной нитью проходит через весь труд Фукидида³¹ (наиболее яркий в данном отношении пассаж: *Thuc. I. 70*), да уже и у Геродота отдельные элементы названного топоса имеют место (например: *Herod. V. 97; VII. 139*).

Итак, как же воздействовал военный фактор на политогенез в афинском и спартанском полисах на протяжении архаической и классической эпох?

³⁰ Например: *Powell A. Athens and Sparta: Constructing Greek Political and Social History from 478 BC. 2 ed. L.; N. Y, 2001; Raaflaub K. A. Op. cit.; Brock R. Athens, Sparta and the Wider World // A Companion to the Classical Greek World. Oxf., 2006. P. 84–98; Lendon J. E. Athens and Sparta and the Coming of the Peloponnesian War // The Cambridge Companion to the Age of Pericles. Cambridge, 2007. P. 258–281.*

³¹ См. к проблеме: *Gundert H. Athen und Sparta in den Reden des Thukydides // Thukydides. Darmstadt, 1968. S. 114–134; Cartledge P., Debnar P. Sparta and the Spartans in Thucydides // Brill's Companion to Thucydides. Leiden, 2006. P. 559–587; Will W. Thukydides Misolakon // Studien zur antiken Geschichtsschreibung. Bonn, 2009. S. 13–24.*

Спарта на протяжении периода архаики очень много воевала. В течение VIII–VII вв. до н. э. имели место Первая и Вторая Мессенские войны³², приведшие к покорению спартанцами соседней Мессении, включению ее в состав спартанского государства и превращению мессенян в илотов. Затем Спарта начала борьбу за гегемонию во всем Пелопоннесе. Это привело к военным столкновениям с другими противниками (Аргосом, городами Аркадии)³³. Войны шли с переменным успехом, но к середине VI в. до н. э. Спарта своей цели добилась. Аргос – ранее ведущая сила на полуострове – был ослаблен и изолирован; аркадские центры включены в состав созданного под спартанским верховенством Пелопоннесского союза³⁴. Теперь никто не сомневался в том, что в военном отношении Спарта – первое государство Греции.

Как все это сказалось на внутривнутриполитической жизни? Самым прямым образом: прекрасно известно, что именно к середине VI в. до н. э. окончательно сложилось формировавшееся на протяжении архаической эпохи знаменитое спартанское государственное устройство – «лакедемонская полития», или «ликургов космос». Это была уникальная по античным меркам система – в смысле своей жесткой иерархичности, регламентации всего и вся, верховенства дисциплины над свободой.

Что же происходит дальше? Спарта как бы замыкается в себе, отгораживается от остального мира подобием «железного занавеса». И – резко снижает военную, экспансионистскую активность. Это имело место уже в следующую, классическую эпоху, в V в. до н. э. Именно тогда и сложилась парадоксальная ситуация: спартанцы умели воевать лучше всех в Элладе, но делать это откровенно не любили и всякий раз вступали в ту или иную войну лишь под сильным давлением необходимости, после долгих колебаний. Агрессивной внешней политики с их стороны не наблюдалось, и Пелопоннесский союз имел оборонительную направленность. Главным интересом Спарты стало сохранение *status quo*.

Вспомним знаменитые характеристики, которые дает спартанцам Фукидид (устаами коринфян) для времени кануна Пелопоннесской войны³⁵:

³² О них см. новейшее исследование: *Luraghi N. The Ancient Messenians: Constructions of Ethnicity and Memory*. Cambridge, 2008.

³³ Подробнее см.: *Зайков А. В. Территориальная экспансия Лакедемона и становление спартанского полиса // Вестник ЛГУ. Сер. 2: История, языковедение, литературоведение. 1991. № 3 (16). С. 24–29.*

³⁴ *Cawkwell G. L. Sparta and her Allies in the Sixth Century // Classical Quarterly. 1993. Vol. 43. No. 2. P. 364 ff.; Bolmarcich S. Thucydides 1. 19. 1 and the Peloponnesian League // Greek, Roman and Byzantine Studies. 2005. Vol. 45. P. 5–34. О политогенезе в Спарте, Апроце, а также Коринфе см.: *Kōiv M. Ancient Tradition and Early Greek History: The Origins of States in Early Archaic Sparta, Argos and Corinth*. Tallinn, 2003.*

³⁵ В связи с этим пассажем см.: *Rawlings H. R. Thucydidean Epistemology: Between Philosophy and History // Rheinisches Museum für Philologie. 2010. Bd 153. S. 251 ff.*

...При всем вашем благоразумии вам иногда не хватает прозорливости во внешних делах... Только вы, лакедемоняне, одни из эллинов бездействуете, обороняясь не силой, а медлительностью; только вы одни стараетесь подавить вражескую мощь не в ее зачатке, а когда она вдвое возрастет... Вместо того, чтобы самим напасть на них (афинян. – *И. С.*), вы лишь обороняетесь, предпочитая в борьбе с сильнейшим врагом положиться на волю случая... Вы... держитесь за старое, не признаёте перемен, и даже необходимых... Вы всегда отстаёте от ваших возможностей, не доверяете надёжным доводам рассудка и, попав в трудное положение, не усматриваете выхода... Вы медлительны... Вы домоседы...³⁶ Вы же опасаетесь потерять и то, что у вас есть... Для вас справедливость заключается в том, чтобы и не нападать на других, и самим, защищаясь, не причинить обиды. Такая политика промедления едва ли принесет вам успех... (*Thuc.* I. 68–71).

Что и говорить: суровый приговор, звучащий как бы грозным предсказанием грядущего в следующем столетии упадка Спарты и крушения «Ликургова строя»³⁷. Некоторые нотки подобных опасений звучат уже у Геродота (VII. 139). Однако обратим внимание вот на какое принципиальное обстоятельство: процитированные слова, относящиеся к Лакедемону эпохи Пентеконтаэтии, никоим образом не коррелируют с образом *архаического* спартанского полиса. Вплоть до VI в. до н. э. (включительно) внешняя и военная политика лаконян была весьма активной и динамичной, отнюдь не консервативно-изоляционистской, как впоследствии, не замкнутой в рамках Пелопоннеса. Достаточно вспомнить об известных «рейдах против тиранов», в ходе которых спартанцы совершали не только достаточно далекие сухопутные походы, но даже и морские экспедиции, столь неприятные им в дальнейшем. Они свергли наксосского тирана Лигдамида и пытались низложить (правда, безуспешно) самого Поликрата Самосского.

³⁶ Ἐνδμήτοτοι, в противоположность афинянам, которые охарактеризованы как ἀποδμητοί. В литературе справедливо отмечалось (например: *Zatta C. Conflict, People, and City-Space: Some Exempla from Thucydides' History // Classical Antiquity. 2011. Vol. 30. No. 2. P. 318–350*), что спартанцы значительно больше держались за свою полисную территорию, чем, например, афиняне. Последние в 480 г. до н. э. рассматривали в качестве вполне реального варианта действий полное переселение из Аттики в Южную Италию, а в 431 г. до н. э. эвакуировали жителей со своей хоры, саму ее оставив на разор врагу. Афиняне полнее, чем кто-либо, проводили принцип «полис – это люди и ничто более»; спартанцы (как, впрочем, и представители большинства греческих государств) стояли в этом плане на более «почвеннических» позициях.

³⁷ Ср. в связи с этим упадком: *Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Причины и обстоятельства падения «Ликургова строя» в Спарте // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. Т. 12. С. 5–21.*

А вот в V в. до н. э., причем, кажется, с самого его начала, все кардинально изменилось. Спарта в лице своего тогдашнего «первого гражданина» – Клеомена I – отказала в военной помощи восставшим ионийцам. Афины, как известно, таковую помощь предоставили, чем дали повод Геродоту (отрицательно относившемуся к Ионийскому восстанию³⁸) поиронизировать на ту тему, что «многих людей, очевидно, легче обмануть, чем одного: одного лакедемонянина Клеомена ему (Аристагору Милетскому. – И. С.) не удалось провести, а 30 000 афинян он обманул» (Herod. V. 97). Заметим, впрочем, что в действительности тут перед нами не столько различие политических систем (тем более что Спарта монархией не являлась³⁹), сколько последствия того факта, что спартанский полис в области внешней политики уже шел тогда по вышеозначенному пути.

Далее эта тенденция только усугублялась. В 490 г. до н. э., в годину битвы при Марафоне, спартанцы повели себя всем известным образом: они опоздали к победе (хоть и очень спешили), успели только посмотреть тела погибших персов. Мы склонны защищать спартанские власти в этом случае от обвинений в «двуличности» и абсолютно искренне верить в то, что они действительно были вынуждены промедлить из-за религиозной скрупулезности, а не каких-то «шкурнических» соображений⁴⁰. Тем не менее негативные для них результаты не замедлили сказаться: первую великую победу греков в ходе войн с персами афиняне не преминули записать исключительно

³⁸ См. к проблеме: Munson R. V. The Trouble with the Ionians: Herodotus and the Beginning of the Ionian Revolt (5.28–38.1) // Reading Herodotus: A Study of the *Logoi* in Book 5 of Herodotus' Histories. Cambridge, 2007. P. 146–167.

³⁹ Это следует специально подчеркнуть: как ни парадоксально, Спарта, несмотря на наличие *царской власти*, не являлась *монархией*, а представляла собой республику, как и остальные греческие полисы. Понимаем, как дико прозвучит формулировка «царская власть, но не монархия» для большинства читателей. В частности, и академическая наука таких странностей просто не приемлет. Написали мы нечто подобное в первоначальном варианте одной из своих монографий (Суриков И. Е. Античная Греция: Политики в контексте эпохи. Архаика...), но вынуждены были снять по настоятельной просьбе покойного А. А. Молчанова (к которому мы всегда относились и относимся с глубоким пиететом, см.: Суриков И. Е. Слово о коллеге и друге: Аркадий Анатольевич Молчанов // Вопросы эпиграфики. 2011. Вып. 5. С. 445–458). Все-таки нам удалось «контрабандой протащить» этот тезис «Спарта – не монархия» в некоторых других, менее известных наших работах популярного или учебно-методического характера (Суриков И. Е. Древняя Греция: история и культура. М., 2005. С. 101; Суриков И. Е. Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб., 2008. С. 196; Ляпустин Б. С., Суриков И. Е. Древняя Греция: учеб. пособие для вузов. М., 2007. С. 174).

⁴⁰ Ср.: Goodman M. D., Holladay A. J. Religious Scruples in Ancient Warfare // Classical Quarterly. 1986. Vol. 36. No. 1. P. 157.

на свой счет и впоследствии экстраординарно гордились именно Марафонской битвой⁴¹.

Двинемся дальше. В годину похода Ксеркса спартанское командование Эллинского союза⁴² вело себя весьма нерешительно. В качестве основной стратегической задачи этим командованием обозначалась защита Истма, а более северные оборонительные рубежи мыслились как чисто предварительные. В результате были довольно-таки бездарно потеряны Фермопилы – а они являлись *очень* надежным оборонительным рубежом, который реально можно было удерживать даже против многократно превосходящих сил противника (тем более что, как прекрасно известно из всей военной истории, атакующая сторона всегда несет значительно большие потери, чем обороняющаяся). Как совершенно верно замечает Дж. Харт⁴³, битву при Фермопилах Эллинскому союзу было бы выиграть даже легче, чем битву при Платеях (тем не менее только в последней, но не в первой греки одержали победу).

Имели место, с одной стороны, грубая тактическая ошибка Леонида⁴⁴ (он не поставил даже минимальной охраны на известной горной тропе, по которой в результате в тыл эллинам смог пройти элитный персидский отряд), с другой – общая стратегическая ошибка союзного (читай: спартанского) командования (или то была не ошибка, а характерное проявление лаконского менталитета, к чему мы скорее склоняемся?): к злополучному проходу было выслано всего 7 тысяч человек. А если бы там стояли тысяч 40–50, что союз вполне мог себе позволить, то все пошло бы совершенно иначе! Можно с уверенностью утверждать: врага удалось бы остановить, не пустить в центральные области Эллады. И тогда весь дальнейший ход Греко-персидских войн был бы совершенно иным. Опасность была бы ликвидирована в самом начале, Ксеркс не смог бы захватить, разрушить и сжечь Афины.

Далее, прекрасно известно, насколько осторожной (скажем мягко) была позиция спартанского наварха Еврибиада, возглавлявшего союзный эллинский флот, перед Саламинским сражением – а ведь именно оно стало переломным пунктом всей кампании 480–479 гг. до н. э. Конечно, Еврибиад

⁴¹ *Schreiner J. H.* Two Battles and Two Bills: Marathon and the Athenian Fleet. Oslo, 2004; *Gehrke H.-J.* From Athenian Identity to European Ethnicity. The Cultural Biography of the Myth of Marathon // *Ethnic Constructs in Antiquity: The Role of Power and Tradition*. Amsterdam, 2004. P. 85–99.

⁴² О котором см.: *Kienast D.* Der Hellenenbund von 481 v. Chr. // *Chiron*. 2003. Bd 33. S. 43–77.

⁴³ *Hart J.* Herodotus and Greek History. L., 1982. P. 94.

⁴⁴ О Леониде см. недавнее исследование (скорее апологетическое по духу): *Bradford A. S.* Leonidas and the Kings of Sparta: Mightiest Warriors, Fairest Kingdom. Santa Barbara, 2011.

прекрасно знал, что как раз в это время его компатриоты во главе с Клеомбром – братом и преемником Леонида – возводят укрепления на Истме... Дело дошло до того, что Фемистоклу, дабы битва состоялась, пришлось пойти на беспрецедентную вещь – фактически применить военную хитрость против *своих*. Переписка с Ксерксом, к которой он в сих целях прибегнул, через несколько лет была вменена ему в вину, что повело к прекращению карьеры этого совершенно гениального человека на эллинской земле и к его переселению в Персию.

От Саламина – прямой путь к Платеям. Иначе ли было в данном случае? Нет. Чтобы побудить спартанцев выдвинуть-таки в Беотию против Мардония действительно крупный воинский контингент, афинским послам – Ксантиппу, Кимону (лаконофилу) и Мирониду – пришлось пойти на прямой шантаж, угрожать, что афиняне-де, если не получат своевременной помощи, склонятся к миру с персами. Это было именно введение союзника в заблуждение (в Афинах в тот момент – после двух персидских разорений города – сторонников Ахеменидов просто не было), но воистину с благой целью⁴⁵.

Распад Эллинского союза – объединения, имевшего, в принципе, весьма серьезные перспективы, – связан опять же в первую очередь с консервативной внешней политикой Спарты V в. Спартанским властям казалось достаточным, что Эллада как таковая очищена от врага, и к большому они не стремились. Те, кто считал иначе – регент Павсаний в первую очередь, – оказались грубо отторгнуты возобладавшим вектором. Получается даже несколько забавно, но тот же Павсаний, столь враждебный афинянам на субъективном уровне, на уровне объективном действовал в одном с ними направлении. Спарта же упустила очередной шанс...

Вообще говоря, на каком-то этапе спартанская история в принципе стала «историей упущенных шансов». Одержав в 457 г. до н. э. громкую победу над Афинами при Танагре, лакедемоняне ни в малейшей мере результатами этого успеха не воспользовались. Напротив того – именно после Танагры имел место *наивысший* взлет Афин, когда они даже поставили под свой контроль Беотию. Обычно за точку «пика афинской мощи» принимают 432 г. до н. э., канун Пелопоннесской войны (наподобие того, как у нас в России бытует выражение «уровень 1913 г.»). Однако Афины 455 г. были сильнее, чем Афины 432 г. Беотия затем освободилась от афинской зависимости (в 447 г. до н. э.)⁴⁶, но, кстати, самостоятельно, без помощи Спарты. На «родине Алкида» намечались уже те

⁴⁵ Относительно деталей см.: Суриков И. Е. Античная Греция: Политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М., 2008. С. 125–126.

⁴⁶ Баклер Дж. Спарта, Афины, Фивы и равновесие сил в Греции (457–359 гг. до н. э.) // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. Ч. 1. С. 81 сл.

тенденции, которые привели впоследствии к фиванской гегемонии в Элладе в эпоху Эпаминонда⁴⁷.

Наконец, напомним и о том, как долго и трудно решались спартанцы на Пелопоннесскую войну как таковую. Налицо совершенно определенная линия внешнеполитического поведения. Каким контрастом она выступает к той, которая со временем восторжествовала в Афинах (последние тоже ведь не сразу стали прибежищем тех лиц, которые, подобно оводам, сами не имеют покоя и другим его не дают, ср. *Thuc. I. 70. 8*)! Афинский материал будет, естественно, лишь кратко и суммарно рассмотрен в данной работе, поскольку она посвящена Спарте. Но совсем не указать на него – именно в тех самых сопоставительных целях – просто нельзя.

Сопоставление же показывает, что история архаических и классических Афин демонстрирует совершенно иную модель воздействия военного фактора на политогенез, фактически противоположную по сравнению со спартанской. Афинский полис в эпоху архаики воевал достаточно мало и редко. Нельзя сказать, конечно, что войн не было совсем; однако в целом внешняя ситуация была настолько спокойной, что в VI в. до н. э. на протяжении некоторого времени афиняне, кажется, могли позволить себе вообще не иметь полисного ополчения⁴⁸. А крупномасштабных войн, превращавшихся в «вопрос жизни и смерти» (какими были для Спарты некоторые из конфликтов с Мессенией и Аргосом), Афины в рассматриваемое время, насколько известно, в принципе не вели. Самым серьезным было столкновение с соседними Мегарами, но даже и там «на кону стоял» всего лишь спорный остров Саламин, а не какая-либо часть территории самой Аттики⁴⁹.

Другие же известные из источников вооруженные конфликты с участием Афин на протяжении VII и большей части VI в. до н. э. (вплоть до свержения

⁴⁷ О значении Эпаминонда см., например: *James C. M. Epaminondas and Philip II: A Comparative Study of Military Reorganization. Diss. Lexington, 1980.* Сохраняет свое значение и известное эссе П. Видаль-Накэ «Эпаминонд-пифагореец» (в русском переводе см. в: *Видаль-Накэ П. Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. С. 91–112.*)

⁴⁸ Подробнее см.: *Суриков И. Е. Воительница Афина: Солон, Писистрат и афинское полисное ополчение в VI в. до н. э. // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2010. Вып. 9. С. 27–54.*

⁴⁹ В связи с этой войной, в целом влотекущей, см.: *French A. Solon and the Megarian Question // Journal of Hellenic Studies. 1957. Vol. 77. No. 2. P. 238–246; Legon R. P. Megara: The Political History of a Greek City-State to 336 B.C. Ithaca, 1981. P. 124 ff.; Frost F. J. Solon and Salamis, Peisistratos and Nisaia // Ancient World. 1999. Vol. 30. No. 1. P. 133–139; Пальцева Л. А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999. С. 247 сл.; Касаткина Н. А. Солон Афинский и остров Саламин // АКРА. Сб. науч. трудов. Нижний Новгород, 2002. С. 59–70.*

Писистратидов), в числе которых – борьба с Лесбосом за Сигей, подчинение Херсонеса Фракийского, Лемноса и Имброса, установление Писистратом своего контроля над Делосом, Наксосом, территории на севере Эгейды⁵⁰, – происходили в рамках афинской колонизационной деятельности⁵¹. Последняя в силу ряда причин началась, как известно, позже, чем у большинства развитых эллинистических полисов, в тот период, когда наиболее «лакомые» территории были уже в основном поделены; не удивительно, что свои задачи на данном поприще афинянам пришлось решать в значительной степени путем межполисных столкновений⁵². Как бы то ни было, непосредственной опасности для самого Афинского государства все эти войны, повторим, не представляли.

Такова была ситуация в военной сфере. А что с динамикой афинского политогенеза в рассматриваемый период? Она прекрасно известна, соответствующие данные хрестоматийны, излагаются даже во всех учебниках, так что здесь вряд ли потребны развернутые ссылки. Эволюция государственности в архаических Афинах шла опять же совсем другим путем (фактически – противоположным) по сравнению со Спартой. Начиная с Солона, если не раньше, проводились реформы с несомненной тенденцией к демократизации государственного устройства, что завершилось установлением полноценной демократии в конце VI в. до н. э. Думается, такое соотношение внешнеполитических и внутривластных процессов опять же не является случайным совпадением. Состояние относительного спокойствия, безопасности от угроз способствовало большему развитию элементов свободы (даже тирания в Афинах

⁵⁰ Оставляем в стороне Первую Священную войну, о которой см., например: *Lehmann G. A. Der «Erste Heilige Krieg» – eine Fiktion? // Historia. 1980. Bd 29. Ht. 2. S. 242–246* (с полемикой против гиперкритицизма, высказываемого в: *Robertson N. The Myth of the First Sacred War // Classical Quarterly. 1978. Vol. 28. No. 1. P. 38–73*); *Howe T. Pastoralism, the Delphic Amphiktyony and the First Sacred War: The Creation of Apollo Sacred Pastures // Historia. 2003. Bd 52. S. 129–146*.

⁵¹ Об этой деятельности на протяжении архаической эпохи см. наиболее подробно: *Суриков И. Е. Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы (на примере ранней колонизационной деятельности Афин) // Античный мир и археология. 2010. Вып. 14. С. 20–48*.

⁵² Если прибегать к аналогиям из более близкого к нам времени, в чем-то схожа ситуация с Германией XIX в. Бурно растущее и развивающееся государство в какой-то момент ощутило необходимость выйти на арену колониальной политики, но на тот момент свободных для колонизации регионов уже почти не оставалось ввиду имевших место ранее интенсивных завоеваний других держав (Англии, Франции, Голландии, Испании, Португалии). Немцам пришлось либо брать те земли, которые до них никого особо не привлекли (как, допустим, Намибия или восток Новой Гвинеи), либо, коль скоро им хотелось большего, вступать в борьбу с другими «игроками» на этом поле.

была мягче и «либеральнее», чем где-либо в Элладе⁵³), которые в конце концов сложились в целостную систему.

А затем, как и в Спарте, все меняется – но в обратную сторону (что и логично). Рождение демократии и ее дальнейшее развитие приводит к тому, что внешний курс из изоляционистского становится несравненно более активным. «Афинская революция»⁵⁴ начинает защищать себя, потом сама переходит в наступление... И в V в. до н. э. в греческом мире не было более агрессивного и экспансионистского полиса, чем Афины.

Итак, здесь была предпринята попытка в какой-то мере дать представление (на конкретных примерах) о сложной диалектике взаимовлияния военного и политического факторов в полисной Греции. Возможно, это имеет шанс послужить поводом к созданию какой-то модели. Впрочем, любая модель представляет собой, в принципе, определенную схематизацию. Дабы в определенной мере избежать последней, абсолютно необходимо учитывать нюансы.

Применительно к Спарте первым таким нюансом (если, конечно, позволено назвать «нюансом» большую часть населения) являлось, естественно, наличие илотов, которых нельзя было оставлять без контроля во избежание весьма серьезных потрясений. В другом месте⁵⁵ мы высказали мысль о том, что в Платейской битве пяти тысячам спартиатов сопутствовало 35 тысяч илотов по единственной, в общем-то, причине: каждый спартиат взял с собой «своих» илотов, чтобы они, пока господа в походе, не учинили в Лаконике мятежа. Ясное дело, в гораздо большей степени полноправные граждане Спарты, гомеи⁵⁶, могли полагаться на находившихся ближе к ним по статусу периэков⁵⁷.

⁵³ Ср.: Суриков И. Е. Античная Греция: Политики в контексте эпохи. Архаика... С. 151 сл.

⁵⁴ Удачное выражение Дж. Обера. См.: Ober J. The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999.

⁵⁵ Суриков И. Е. Античная Греция: Политики в контексте эпохи. Архаика... С. 225–226.

⁵⁶ Термин «гомеи» (ὁμοιοί) часто переводят как «равные», что не вполне верно (вообще-то «равные» – ἴσοι). Буквально ὁμοίος – «подобный», *congruens*. Но «община подобных» как-то не очень хорошо звучит. Парадоксальный, но, как нам кажется, довольно удачный вариант предложил А. В. Зайков: ὁμοιοί – «одинаковые» (Зайков А. В. Спартанская община *одинаковых* в аспекте сословной семантики // Историческая наука на рубеже веков. Екатеринбург, 2000. С. 315–321). В сущности, спартанская внутренняя политика с какого-то момента ориентировалась на то, чтобы сделать всех граждан именно *одинаковыми*.

⁵⁷ О которых см.: Shipley G. «The Other Lakedaïmonians»: The Dependent Perioikic Poleis of Laconia and Messenia // The Polis as an Urban Centre and as a Political Community. Copenhagen, 1997. P. 189–281; Hall J. M. Sparta, Lakedaïmon and the Nature of Perioikic Dependency // Further Studies in the Ancient Greek Polis. Stuttgart, 2000. P. 73–89; Hansen M. H.

Итак, илоты, бесспорно, были проблемой. Однако подчеркнем: проблемой для спартиатов они начали быть не тогда, когда прекратилась внешнеполитическая активность Спарты, а много раньше. В VI в. до н. э. ситуация с илотами вряд ли была сильно иной по сравнению со следующим столетием, однако в тот период илоты почему-то не мешали спартанскому войску совершать походы аж до Самоса.

Стало быть, с течением времени появился какой-то новый «тормозящий» фактор? Да, бесспорно. Как представляется, таковым стала пресловутая «олигантропия», или «олигандрия» – катастрофическая убыль числа боеспособных граждан⁵⁸. Она, кажется, является безусловным фактом начиная уж точно с V в. до н. э.; в следующем столетии она влечет за собою просто фатальные последствия. Наверное, не случайно, что сведения о разных гипомейонах, неодамодах и т. п. мы впервые встречаем в источниках применительно именно к IV в. до н. э.

* * *

В третьей, последней части этого текста⁵⁹ нам хотелось бы, перейдя на более субъективный уровень осмысления материала, написать в кратких словах некоторую, так сказать, «апологию Спарты».

Было время, когда лакедемонский полис являлся предметом пристального и, можно, сказать, фанатичного внимания со стороны рафинированно-интеллектуальных кругов тогдашней Эллады. Как правильно выразился Ксенофонт: «И что удивительнее всего, ведь все хвалят эти (спартанские. – И. С.) порядки, а подражать им не хочет ни один полис» (Xen. Lac. pol. 10. 8).

Что касается нежелания подражать – тут все понятно: выражаясь словами баснописца Крылова, «зелен виноград». Чтобы быть спартиатом, нужно было для начала попробовать прожить жизнь на «черной похлебке» и походить в дырявом плаще, при этом гордо нося статус гегемонов Эллады. Тем, кто попытался пожить такой жизнью (как, например, Алкивиад), это довольно скоро не понравилось. Со временем, впрочем, не понравилось это даже и самим спартанцам; таковое изменение вкусов, по справедливому наблюдению

The Perioikic *Poleis* of Lak edaimon // Once Again: Studies in the Ancient Greek Polis. Stuttgart, 2004. P. 149–164; Wallner B. Die Perioiken im Staat Lak edaimon. Hamburg, 2008.

⁵⁸ К проблеме см.: French V. The Spartan Family and the Spartan Decline: Changes in Child-rearing Practices and Failure to Reform // Polis and Polemos: Essays on Politics, War and History in Ancient Greece in honor of D. Kagan. Claremont, 1997. P. 241–274.

⁵⁹ Вопросы, которые будут тут рассматриваться, в свое время активно (и даже ожесточенно) обсуждались автором этих строк с А. А. Немировским, которому мы здесь с большим удовольствием приносим благодарность за глубокие, ценные идеи, провоцировавшие несогласие и тем самым будившие мысль.

Л. П. Маринович и Г. А. Кошеленко, стало одним из важных факторов спартанского кризиса IV в. до н. э.⁶⁰ Но мы (оговорим сразу, во избежание возможных недоразумений) будем вести речь о Спарте «лучших времен», то есть периода полного оформления и расцвета «ликурго-хилонова» строя, до начала кризисных явлений.

Именно эта Спарта поры своей акме, разумеется, и вызывала восторг многих греков. Часто говорят в данной связи о «спартанском мираже»⁶¹, подразумеваемая под оным, разумеется, идеализацию лакедемонского государственного устройства и всего образа жизни античными авторами. Да, собственно, только ли античными? «Спартанский мираж» продолжал долго удерживать свои позиции и в последующие эпохи. Еще в XVIII⁶² и даже XIX в. он был достаточно силен, особенно в немецкой науке⁶³. Собственно, почему такой интерес вызывали дорийцы (что ярче всего проявилось в классическом четырехтомном труде «Die Dorier» Карла-Отфрида Мюллера)? Естественно, потому, что представителями этого субэтноса древнегреческого народа виделись в первую очередь спартанцы, воспринимавшиеся, так сказать, как дорийцы по преимуществу. Соответственно, спартанские обычаи (как сисситии, предельно строгое воспитание, ликвидация неполноценных младенцев и т. п.) трактовались в том духе, что спартанцы-дорийцы являлись самой «чистой», самой «нордической» частью эллинизма, сохранившей в незыблемости древние арийские традиции.

Но времена меняются... Если когда-то не было такого греческого полиса, которым так восхищались, как Спартой, то ныне, пожалуй, нет такого полиса, который так много критикуют, как Спарту, – именно за то, что она менее всего соответствует господствующим в современную эпоху идеалам либеральной

⁶⁰ Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Причины и обстоятельства... С. 20–21: после анализа источников авторы делают следующие выводы: «...Приведенный материал опровергает традиционное представление о том, что суть кризиса определялась вторжением товарно-денежных отношений в застойную экономическую структуру полиса. Как кажется, первопричиной кризиса стал слом традиционной морали и традиционных норм поведения внутри спартанского полиса... Введение монеты и последующие естественные следствия этого перераспределения собственности, в первую очередь земельной, – только результат слома морального кодекса спартиата».

⁶¹ См. прежде всего: Ollier F. Le mirage spartiate: Étude sur l'idéalisation de Sparte dans l'antiquité grecque. Lyon; P., 1933–1943. Vol. 1–2. Ср. также: Tigerstedt E. N. The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Stockholm, 1965–1978. Vol. 1–2.

⁶² Ж.-Ж. Руссо – а он был едва ли не самым демократически настроенным из мыслителей своего времени – говорил: «спартанцы – скорее полубоги, чем люди» (цит. по: Маринович Л. П. Античная и современная демократия: новые подходы. М., 2001. С. 5).

⁶³ Ср.: Суриков И. Е. Винкельман – Ницше – Гитлер: «Немецкая античность» и складывание нацистской идеологии // История и современность. 2012. № 1. С. 192–207.

демократии, «открытого общества» и т. п. Теперь чаще говорят не о «спартанском миреже», а о «тени Спарты»⁶⁴; а в понятии «тень», разумеется, имплицитно заложен негативный оттенок. Спарту сплошь и рядом характеризуют как тоталитарное общество⁶⁵. Впрочем, нам уже приходилось отмечать, что если подходить к проблеме с позиций сегодняшнего дня, то любое античное государство полисного типа (даже демократические Афины) окажется в какой-то мере «тоталитарным»⁶⁶.

В отечественном антиковедении вышеупомянутая критическая тенденция, «развенчивающая» и даже «демонизирующая» Спарту, бесспорно, в наибольшей степени проявилась в работах Ю. В. Андреева. И в своем обобщающем очерке «Спарта как тип полиса»⁶⁷, и в других исследованиях⁶⁸ этот ученый называет интересующий нас здесь полис тоталитарным и даже полицейским государством. Его тексты вообще изобилуют весьма жесткими, осуждающими высказываниями по адресу «лакедемонской политики».

Нам же, со своей стороны, хотелось бы руководствоваться не эмоциями, а принципом историзма при изучении социумов прошлого. Зачем в принципе подходить к древним государствам с современными критериями, которым они заведомо удовлетворить не смогут? По нашему глубокому убеждению, наиболее приемлемым критерием при оценке любой конкретной государственности может и должно служить не ее соответствие тем или иным позже сформировавшимся идеологемам (так, ход мысли в духе «самая плохая демократия лучше самой хорошей монархии – только потому, что она демократия» для нас решительно неприемлем⁶⁹), а единственно *эффективность* этой государственности.

⁶⁴ Яркий образчик – относительно недавний коллективный труд, который именно так и называется: *The Shadow of Sparta* / Ed. by A. Powell, S. Hodkinson. L.; N. Y., 1994.

⁶⁵ Например: *Powell A.* Plato and Sparta: Modes of Rule and Non-rational Persuasion in the *Laws* // *The Shadow of Sparta*. L.; N. Y., 1994. P. 307; *Lendon J. E.* Spartan Honor // *Polis and Polemos: Essays on Politics, War and History in Ancient Greece in honor of D. Kagan*. Claremont, 1997. P. 123; *Baltrusch E.* Sparta: Geschichte, Gesellschaft, Kultur. München, 1998. S. 12, 62. Возражения см.: *Welwei K.-W.* Sparta: Aufstieg und Niedergang einer antiken Großmacht. Stuttgart, 2004. S. 10–11, 345, 355.

⁶⁶ *Суриков И. Е.* Солнце Эллады... С. 329 сл.

⁶⁷ *Андреев Ю. В.* Спарта как тип полиса // *Античная Греция: Проблемы развития полиса*. Т. 1: Становление и развитие полиса. М., 1983. С. 194–216.

⁶⁸ Например, в весьма выраженной форме: *Андреев Ю. В.* Архаическая Спарта... С. 293 сл.

⁶⁹ Получила широкое распространение известная сентенция Черчилля: «Демократия – отвратительная вещь, но ничего лучшего человечество не придумало». Она цитируется настолько часто, что как-то уже подзабылось, кто ее истинный автор, и порой ее приводят просто как афоризм некоего «умного человека» (например: *Маринович Л. П., Кошеленко Г. А.* Уроки античной демократии // *Античная демократия в свидетельствах современников*. М.,

Что можно сказать о Спарте (повторим, что имеем в виду Спарту периода ее расцвета) с данной точки зрения?

Рассмотрим спартанский полис в целом. Это было по греческим меркам весьма крупное государство, не только по размеру территории (в данном отношении со Спартой вообще не мог сравниться ни один другой полис), но и по численности населения (следует полагать, в общей совокупности не менее 200 тысяч человек). В государстве сием имелось правящее военное сословие, которое, напротив, являлось очень небольшим – даже в лучшие времена менее 10 тысяч человек.

Сословие, о котором идет речь, с определенного момента (или, скорее, в ходе определенного исторического процесса, который мог растянуться и на достаточно долгий срок, но в данном случае это не столь принципиально) ввело в своей среде некие необычные порядки – довольно странные, а на чей-то взгляд даже и просто дикие – и в дальнейшем руководствовалось этими порядками во всей своей жизни. Имеем в виду, разумеется, ἄνωγῃ спартиатов. Подчеркнем, поскольку это очень важно: их сословие ввело эти пресловутые порядки *только* для себя, никому, кроме себя, их не навязывало и видело в них для себя своеобразную честь.

«Ликургов космос», который, собственно, и представлял собой сумму (вернее, систему) этих порядков, как раз традиционно и признаётся главным компонентом «спартанского тоталитаризма», вызывает наибольшее неприятие у либерально-демократически настроенной образованной публики. Еще бы: отсутствие свободы даже в среде полноправных граждан, полное подчинение индивида коллективу, культ жесткой дисциплины, вроде бы влекущий за собой приниженное положение человеческой личности!

Однако обратим внимание на то, что спартиаты (по крайней мере, в подавляющем большинстве) подчинялись этим порядкам вполне добровольно и сознательно, а не в силу какого-то внешнего принуждения. Да и не было в условиях античного полиса таких механизмов принуждения, которые могли бы заставить гражданскую общину на протяжении длительного исторического периода жить не так, как эта община хочет. И раз уж спартиаты придерживались подобных порядков, значит, они того хотели; получается, им эти порядки нравились, устраивали их, иначе сами порядки неизбежно были бы изменены. Так почему бы нам не относиться с уважением к этому, повторим, сознательному выбору спартиатов?

1996. С. 329 – тут к тому же сама цитата дана не совсем точно). Сказано, конечно, красиво, но ведь это же чистой воды риторика. В данном суждении неверны обе части. И то, что демократия якобы отвратительная вещь, – неправда; и то, что ничего лучшего человечество якобы не придумало, – тоже неправда.

Удивительное дело: адепты либеральных ценностей обычно настаивают на необходимости терпимости по отношению к чужим (пусть даже непонятным и несимпатичным) обычаям. Много говорится о «мультикультурализме», о толерантности, о том, что все имеют полное право на самовыражение, на собственную картину мира и поведенческую стратегию (собственно, это едва ли не главный лозунг идеологии постмодернизма). Но на спартанцев это все по непонятной причине не распространяется. Почему бы поставить вопрос так: какое у нас, в сущности, есть право на негативные этические оценки образа жизни рассматриваемого слоя, если он эффективно выполнял свои социальные функции? А оные функции коллектив спартиатов выполнял, скажем так, на «пять с плюсом». Наверное, данная мысль нуждается в пояснении.

Рассудим: если «вывести за скобки» гомеев-спартиатов, полноправных граждан, плохо ли жилось представителям остальных главных категорий населения лакедемонского полиса? Перизкам, можно полагать, жилось примерно так же, как афинским метэкам, вряд ли хуже. Кстати, в отличие от последних, которые в принципе не могли обладать правом собственности на землю, у перизков, вне сомнения, земельные участки имелись. Далее, говоря о спартанских женщинах, нельзя не отметить, что им жилось безусловно лучше, чем афинским⁷⁰, с этим никто не будет спорить.

Думаем, не прозвучит чрезмерно еретически даже утверждение, что спартанским илотам⁷¹ жилось лучше, чем рабам классического типа в Афинах или где бы то ни было. Хотя бы потому, что илот, отдав господину половину

⁷⁰ Замечания к сопоставлению см.: Суриков И. Е. Динамика гендерной ситуации в аристократических и демократических Афинах // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. 2007. Т. 14. С. 87–112. К проблеме см. также: Андреев Ю. В. Спартанская гинеократия // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 44–62. Об одной из типичных спартанских женщин см.: Kyle D. G. «The Only Woman in All Greece»: Kyniska, Agesilaus, Alcibiades and Olympia // Journal of Sport History. 2003. Vol. 30. No. 2. P. 183–203.

⁷¹ Об илотах, разумеется, написано очень много. В отечественной литературе см.: Шишова И. А. Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991. С. 133 сл.; ср. также и наши замечания: Суриков И. Е. Античная Греция: Политики в контексте эпохи. Архаика... С. 223 сл. Не утратили своего значения классические исследования, затрагивавшие, в числе прочего, и проблему илотов: Lotze D. Μεταξὺ ἐλευθέρων καὶ δοῦλων: Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4. Jahrhundert v. Chr. B., 1959 (ср.: Lotze D. Bürger und Unfreie im vorhellenistischen Griechenland. Stuttgart, 2000); Link S. Landverteilung und sozialer Frieden im archaischen Griechenland. Stuttgart, 1991. Небесполезна работа несколько «ревизионистского» характера: Whitby M. Two Shadows: Images of Spartans and Helots // The Shadow of Sparta. L.; N. Y., 1994. P. 87–126.

урожая⁷², другой половиной мог распоряжаться по своему усмотрению; классический же раб не распоряжался вообще ничем.

Чем объяснялся тот пиетет перед Спартой, который проявляли античные интеллектуалы из других полисов, восхищавшиеся и завидовавшие ей? Уж точно не тем, что спартиаты плохо кормили своих детей, собранных в агелы, да и сами ели почем зря свою «черную похлебку». И не тем, что они запретили роскошь, искоренили торговлю и т. п. Разумеется, образованного грека это мало чем могло прельстить. Нет, причиной преклонения, естественно, была другая вещь (которая, тем не менее, была косвенным, но прочным образом связана со всеми этими странными обычаями): тот ощущавшийся почти каждым факт, что Спарта на протяжении длительного времени оставалась *самым эффективным* из государств Эллады.

Одним из главных условий нормальной жизни (будь то на уровне индивидуальном, внутригосударственном, межгосударственном...) является *безопасность*. Был ли в греческом мире хоть один другой полис, который давал бы своему населению такую же степень безопасности (или схожую хотя бы в отдаленной степени), как Спарта? Нет.

Под безопасностью мы имеем в виду, во-первых, безопасность внешнюю – от успешного нападения врагов. Что касается этого аспекта – тут о спартанском первенстве, кажется, даже и спорить не имеет смысла. Правящее (и поэтому, само собой, привилегированное) военное сословие функционировало в плане обороны страны настолько эффективно, что Спарта на всем протяжении архаической и классической эпох могла позволить себе уникальную роскошь не иметь оборонительных стен – этого, казалось бы, интегрального признака эллинского полиса⁷³. Иноземные армии на протяжении веков не вступали на территорию Лаконики (естественно, из трепета перед спартанскими воинами); спартанские женщины, в отличие от остальных гречанок, вплоть до вторжения фиванцев Эпаминонда и в глаза не видали, как выглядят враги... Все это хрестоматийно, отражено в многочисленных сообщениях

⁷² Sealey R. A History of the Greek City States ca. 700 – 338 B.C. Berkeley, 1976. P. 68; Finley M. I. Early Greece: The Bronze and Archaic Ages. L., 1981. P. 107. Источник данных – Тиртей (fr. 5 Gentili – Prato). Отдавать половину – это, конечно, считается чудовищно высокой нормой эксплуатации. Тем не менее упомянем, что в науке нельзя до сих пор считать однозначно решенным вопрос, сколько отдавали господам афинские гектеморы («шестидольники») – одну шестую урожая или пять шестых. Хотя лично мы склоняемся к первому варианту (Суриков И. Е. Досолоновские «шестидольники» и долговой вопрос в архаических Афинах // ВДИ. 2007. № 3. С. 28–46), есть и такие исследователи, которые считают более вероятным второй.

⁷³ Ducrey P. La muraille est-elle un élément constitutif d'une cité? // Sources for the Ancient Greek City-State. Copenhagen, 1995. P. 245–256.

античных авторов (безусловно, эти свидетельства эмоциональны, но от того они не перестают быть истинными), и, в общем, вряд ли имеет смысл чрезмерно распространяться на эту тему.

Далее, безопасность предполагает также внутреннюю стабильность в общине, отсутствие междоусобной смуты – стасиса. Данный фактор не менее важен⁷⁴. И тут просто-таки необходимо заметить, что на протяжении архаической эпохи – а эта эпоха была ключевой для становления древнегреческой цивилизации, она стала временем рождения пресловутого «греческого чуда»⁷⁵ – от стасиса буквально терзалась вся остальная Эллада, *кроме* Спарты с того момента, как в последней восторжествовал «ликургов космос». Стасис был настоящим «бичом» греческого мира; совершенно не удивительно, что на Спарту, в корне покончившую с этим злом и установившую свое «благозаконие» (εὐνομία)⁷⁶, смотрели с самой настоящей завистью.

Подчеркнем: стабильность и безопасность государства (во внешнеполитическом и внутривнутриполитическом отношениях) – вещь, вне всякого сомнения, благотворная для всех жителей данного государства, в том числе и для тех, которые не являются его гражданами. И теперь скажем, пожалуй, главное: за эту безопасность, за эту стабильность крайне высокую цену платили прежде всего спартиаты. Они наложили на себя «вериги» ликурго-хилоновых порядков, которые – кто бы возражал! – во многом действительно бесчеловечны. Выносить подобное издевательство над личностью и вправду ведь очень сложно. А гоми тем не менее его терпели. Они – позволим себе анахронистичное выражение – приняли на себя этот крест, причем ради общего блага. Иначе было просто нельзя, что легко доказывается следующим: когда в IV в. до н. э. порядки смягчились и ликурго-хилонов строй стал «давать трещины» – вот тогда-то в Спарте и пришел конец как внутренней стабильности, так и внешней безопасности.

Последний тезис вряд ли возможно оспорить. Всем прекрасно памятно, что именно обрушилось на Спарту в этом злополучном для нее столетии (не с самого его начала, конечно, но, как говорится, с течением времени). В плане внешнеполитическом – поражение от Фив, утрата гегемонии в Элладе, распад Пелопоннесского союза, потеря Мессении. В плане внутривнутриполитическом –

⁷⁴ В связи с соотношением этих двух факторов – войны с внешним врагом и внутреннего стасиса – см. важную работу: *Manicas P. T. Op. cit.*

⁷⁵ К оценке этой эпохи см.: *Суриков И. Е.* Архаическая и классическая Греция: Проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 40 сл. (со ссылками на предшествующую литературу).

⁷⁶ Идею евномии-благозакония обычно связывают с афинянином Солоном: но, как уже говорилось выше, у спартанца Тиртея эта идея появляется раньше (ср. хотя бы: *Raaf-laub K. A. Op. cit.*).

разъединение гражданского коллектива какой-то скрытой коррупцией, или коррозией (уж не знаем, какой термин здесь будет лучше; может быть, даже и второй, коррелирующий с представлением о «железных» спартанцах). И ведь что самое интересное: пресловутые порядки, казалось бы, начали становиться более человечными (поскольку более свободными) – но, вопреки ожиданиям современного ученого, в его субъективных представлениях беспристрастного, а в объективной реальности бессознательно ангажированного господствующей ныне идеологией, всем в Спарте от этого смягчения стало не лучше, а значительно хуже. Или, по крайней мере, почти всем, кроме отдельных обогатившихся на волне кризиса личностей.

Характерно, что в докризисный период спартиаты несли эти свои «вериги» вроде бы еще и с радостью, как будто делая вид, что им «ликурго-хилоновы» ограничения даже приятны. В подобном жизнеотношении стороннему наблюдателю может увидеться некая фальшь.

Красна и сладка смерть за отечество:
А смерть разит ведь также бегущего
И не щадит у молодежи
Спин и поджилки затрепетавших.

Это, конечно, Гораций (Сам. III. 2. 12 sqq.), писавший много веков спустя. Но он на самом деле лишь перифразирует ряд мест, встречающихся уже у Тиртея – этого певца спартанской доблести⁷⁷. Приведем ближе всего относящийся сюда пассаж:

Вражеских полчищ огромных не бойтесь, не ведайте страха,
Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых бойцов,
Жизнь ненавистой считая, а мрачных посланниц кончины –
Милыми, как нам милы солнца златые лучи!
Опытны все вы в делах многослезного бога Ареса,
Ведомы вам хорошо ужасы тяжелой войны,
Юноши, вы и бегущих видали мужей и гонящих;
Зрелищем тем и другим вдоволь насытились вы!

⁷⁷ Анализ нижецитируемых стихов Тиртея см. в: *Irwin E. Solon and Early Greek Poetry: The Politics of Exhortation*. Cambridge, 2005. P. 37 ff. Впрочем, анализы памятников архаической поэзии, осуществляемые в этой книге Э. Ирвин (это относится к ее интерпретациям стихов не только Тиртея, но и Солона и даже Гомера), в значительной мере утрачивают свою ценность из-за того, что выполнены в рамках модного ныне подхода деконструкции (это постмодернизм в филологии; подробнее см.: *Щербенок А. Деконструкция и классическая русская литература: От риторики текста к риторике истории*. М., 2005).

Воины те, что дерзают, смыкаясь плотно рядами,
 В бой рукопашный вступить между передних бойцов,
 В меньшем числе погибают, а сзади стоящих спасают;
 Труса презренного честь гибнет мгновенно навек:
 Нет никого, кто бы мог рассказать до конца все мученья,
 Что достаются в удел трусу, стяжавшему стыд!
 (Tyr. fr. 8 Gentili – Prato. 2 sqq.)

Или еще:

Да, хорошо умереть для того, кто за землю родную
 Бьется и в первых рядах падает, доблести полн.
 Тот же, кто, город родной и тучные нивы покинув,
 Станет с сумою ходить, – горькую вкусит судьбу...
 (Tyr. fr. 6 Gentili – Prato. 1 sqq.)⁷⁸

Гораций на самом деле великолепно уловил суть той мысли, которую хочет передать Тиртей⁷⁹: шанс погибнуть у воина бегущего, «показавшего спину», значительно больше, чем у того, кто упорно держится до конца. Это, между прочим, одна из двух главных концепций отношения к битве, сформировавшихся у греков в архаическую эпоху; вторая представлена мотивом «бежал, бросив щит, – куплю новый», который встречаем уже у Архилоха, современника Тиртея, и далее неоднократно⁸⁰. Какой из двух подходов в большей степени способствует эффективности военной организации государства – судить читателю.

Но человека наших дней, привыкшего к высказываниям в духе «жизнь – высшая ценность», могут, конечно, смутить и даже шокировать суждения Тиртея (и следующего ему Горация) о том, что смерть может быть «красной и сладкой», а жизнь при определенных обстоятельствах следует считать ненавистой. Заметим, кстати, что далеко не каждый античный грек подписался бы под словами о жизни как высшей ценности, которые для нас представляются чем-то само собой разумеющимся. Для большинства эллинов свобода была более высокой ценностью, чем жизнь; для многих из них честь была также более высокой ценностью, чем жизнь⁸¹.

⁷⁸ Эти фрагменты Тиртея приведены в переводе Г. Ф. Церетели.

⁷⁹ В оригинале (*Dulce et decorum est pro patria mori; mors et fugacem, etc.*) это ощущается значительно лучше, чем в процитированном русском переводе А. П. Семенова-Тян-Шанского.

⁸⁰ Интересно, что у Горация (великолепного знатока архаической греческой лирики) и этот мотив тоже присутствует (Hor. Carm. II. 7. 9 sq.), но с ярко выраженной негативной оценкой: щит брошен *non bene*.

⁸¹ Напомним хотя бы известный эпизод со спартамцами Сперфием и Булисом при персидском дворе (Herod. VII. 134 sqq.). Они прибыли к Ксерксу специально для того, чтобы

В связи с тем, что спартиаты как бы даже с энтузиазмом переносили неизбежно накладываемые на них «ликурговым строем» лишения и трудности (как на полях сражений, так и в мирном повседневном быте), хотелось бы сказать еще следующее. Если уж человеку (или, как в данном случае, некой группе людей) приходится по независящей от его / их воли обстоятельствам носить – выразимся опять метафорически – пресловутые «вериги», причем есть четкое понимание (а в коллективе гомеев в докризисный период оно, бесспорно, присутствовало), что снять их нельзя без риска нанести тяжелый ущерб полису в целом и тем самым каждому его члену лично, то значительно лучше носить подобный груз с радостью, а не с кислой миной. Последнее не полезно ни самому носящему, ни его сотоварищам, поскольку это деморализовало бы и его, и их.

Как бы ни относиться к спартиатам, нельзя не признать, что они, целостные натуры, несли свой тяжелый (действительно тяжелый) крест без нытья и оханья, относясь к таковой необходимости позитивно. И, подчеркнем снова, никому, кроме себя, этого креста не навязывали. Выше уже говорилось, что Спарта (с тех пор, как «ликурго-хилонов строй» сформировался в ней в законченном виде) в общем и целом не была агрессивной. Мысли о «школе всей Эллады», о культуртрегерской миссии, о насаждении повсюду своих (и тем самых «лучших») порядков, столь популярные в перикловых Афинах, докризисную Спарту обошли стороной. Спартанцы отнюдь не заставляли кого-либо уподобляться им, перенимать их государственное устройство либо особенности образа жизни. Не предъявлялись такие требования даже к подчиненным союзникам Лакедемона по Пелопоннесскому союзу.

На это могут возразить в том смысле, что, согласно весьма распространенному мнению, Спарта именно повсюду насаждала олигархические режимы, как Афины – демократические. Но это распространенное мнение на деле представляет собой крайне грубую схему, которая даже применительно к Афинам не может быть признана безоговорочно соответствующей действительности. Прекрасно известно, что не во всех полисах, входивших в Афинскую архэ, установилась демократия. В таком влиятельном государстве, как Самос (фактически втором по значению в симмахии после самих Афин), долгое время у власти стояла олигархия, и афиняне относились к этому совершенно спокойно – до тех пор, пока самосцы не подняли свое антиафинское восстание 440–439 гг. до н. э. И только после этого самосские олигархи были отстранены от кормила правления⁸²: как видим, не по каким-либо принципиально-идеологическим соображениям, а по конкретно-политическим причинам. Приходится настойчиво

быть казненными, но при этом отказались совершить перед ним проскинезу. К смерти они были готовы, а к бесчестью (или к тому, что они считали бесчестьем) – не готовы.

⁸² Об этих событиях см.: Shipley G. A History of Samos 800–188 B.C. Oxf., 1987. P. 115 ff.

повторять: афино-спартанское противостояние V в. до н. э. представляло собой не «борьбу систем» (такое его видение обусловлено ложной аналогией с ситуацией в мире второй половины XX в., с «холодной войной»), а борьбу за гегемонию в Элладе.

Известно даже несколько случаев, когда в Архэ входили города, возглавляемые тиранами⁸³. Судя по всему, пребывание полиса в этом союзе и сохранение в полисе тиранического или олигархического правления не были вещами абсолютно несовместимыми. Все зависело от того, насколько тиран или олигархи были послушны воле Афин, умели найти с ними «общий язык».

Мы слишком мало знаем (или даже вообще ничего не знаем) об истории государственных устройств в подавляющем большинстве полисов, входивших в Архэ (сколь часто приходится горько сожалеть, что до нас не дошел огромный цикл аристотелевских «Политий» – за единственным исключением «Афинской»!). Но то, что нам все-таки известно, позволяет сделать вполне определенный вывод о симмахии как пестром конгломерате различных политических систем, среди которых преобладали олигархии и умеренные демократии; и притом, кажется, среди этих систем не имелось ни одного случая демократии такого же радикального типа, как в Афинах (последняя, как известно, вообще была уникальной в греческом мире)⁸⁴.

Вернемся к Спарте. Действительно ли она всегда и повсюду поддерживала олигархов как «идейно близких»? Во-первых, как мы уже отмечали выше, саму Спарту нельзя считать олигархией – или, по самой меньшей мере, типичной олигархией. Во-вторых, не все государства Пелопоннесского союза имели олигархическое государственное устройство. Так, среди полисов Аркадии встречались демократические (в том числе сильная Мантинея). Даже в рамках одного отдельно взятого города могли происходить перевороты, в ходе которых демократия сменяла олигархию и наоборот⁸⁵.

Вряд ли нуждается в специальных доказательствах тот тезис, что Пелопоннесский союз и в целом являлся более толерантной и гуманной организацией,

⁸³ Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. С. 133; Суриков И. Е. Очерки об историческом описании в классической Греции. М., 2011. С. 433.

⁸⁴ В другом месте (Суриков И. Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций. М., 2010. С. 16–17) мы вообще предлагаем выделять классические Афины в качестве единственного (или почти единственного) образца отдельного типа полиса – «модернизированного полиса» (в целом наша типология полисов предполагает их деление на архаические и классические, но Афины в период своего высшего расцвета не вписываются даже во вторую из этих категорий).

⁸⁵ Достаточно вероятно, что на протяжении V в. до н. э. несколько раз такие перевороты случались в Мегарах (Κριτῆας Χ. В. Τὸ πρῶτο μεγάρικο ὁστράκον // НОРОС. 1987. Т. 5. Σ. 59–73).

нежели Афинская архэ. Спартанцы не брали со своих союзников никаких регулярных податей типа фороса; в важных вопросах межгосударственных отношений реально прислушивались к их мнению (опять же в отличие от афинян); во внутренние дела союзных полисов, как правило, не вмешивались, да и на внешне-политическом уровне оставляли им значительную свободу (члены симмахии могли, если желали, даже воевать друг с другом). До Тридцатилетнего мира 446 г. до н. э. существовала свобода выхода из союза, да и последующего нового входа: дескать, если кому-то не нравится – не держим, если хотите вернуться – милости просим. Особенно часто этим пользовались Мегары, что легко объясняется их географическим положением на границе между спартанской и афинской зонами влияния. Но какой резкий контраст в отношении к союзникам между Спартой и Афинами V в. до н. э.! Последние против отпавшего союзника немедленно высылали военную силу, и даже еще до Тридцатилетнего мира (вспомним хотя бы подавление восстаний на Наксосе и Фасосе в 460-х гг. до н. э.).

Правда, в ходе Пелопоннесской войны Спарта действительно поддерживала в тех полисах, где шла внутривнутриполитическая борьба, по большей части олигархические группировки (а те, соответственно, платили ей взаимностью). Этот тезис, исключительно популярный в литературе, восходит, насколько можно судить, к Фукидиду. Великий историк прямо или косвенно высказывает его неоднократно: как в общей форме, в своих теоретических размышлениях (например: *Thuc.* I. 19; III. 82. 1; V. 31. 6; V. 81. 2; перечень такого рода примеров можно было бы еще и приумножить), так и через демонстрацию на конкретных примерах (см. особенно выразительный эпизод стасиса на Керкире, *Thuc.* III. 70 sqq.). Далеко не все суждения Фукидида так безукоризненно-объективны, как часто «по старинке» считается⁸⁶, и в максимальной степени это как раз касается того, что он говорит о Спарте: все-таки он был горячим афинским патриотом. Но все-таки данное конкретное суждение, видимо, следует признать отражающим истинное состояние дел.

В результате из работы в работу повторяются известные слова: «В каждом городе вожди народной партии призывали на помощь афинян, а главарь олигархов – лакедемонян» (*Thuc.* III. 82. 1)⁸⁷. Однако возьмем на себя смелость

⁸⁶ Для освещения вопроса об абсолютной объективности Фукидида как некой мнимой реальности см., в частности, важные работы: *Badian E.* From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993; *Will W.* Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003.

⁸⁷ Кажется, не излишним будет небольшой экскурс на тему «античность и современность». Обратим внимание на лексику, употребляемую переводчиком (Г. А. Стратановским). Демократические лидеры тут названы «вождями» (слово с заведомо позитивной окраской – во всяком случае, в советское время, когда делался этот перевод; ведь и Ленина всегда именовали вождем), а олигархические – «главарями» (лексема, окраска которой, напротив, заведомо

утверждать, что и описанная здесь ситуация обуславливалась со стороны Спарты не абстрактно-идейными, а вполне прагматическими соображениями. Если брать все три типа реально существовавших тогда политических устройств (демократия, олигархия, тирания), именно полисы, представлявшие вторую из этих форм, выглядели наиболее надежными партнерами, с которыми можно было иметь дело. Тирании, согласно твердому убеждению древнегреческих политических теоретиков и практиков, был имманентно присущ произвол; на тирана никогда нельзя было вполне положиться, он мог в любой момент отказаться от собственных же обещаний. Парадоксальным образом в чем-то аналогичные характеристики были свойственны и власти демоса, в крайних случаях превращавшегося в некоего «коллективного тирана». В демократическом полисе, в силу понятного закона ротации, на вершине власти каждый или почти каждый год могли оказываться новые лица, вполне способные заявить, что они не несут никакой ответственности за решения, принятые их предшественниками. Совсем иное дело – олигархия, выступающая контрастом к двум вышеописанным случаям: правление более или менее узкой, компактной группы элиты, когда власть на протяжении длительного периода оставалась в руках одних и тех же семей, чем обеспечивалась преемственность политической линии.

Одним словом, спартанцы, как нам представляется, жили, говоря в наиболее общей форме, по принципу «В чужой монастырь со своим уставом не ходят» и, пожалуй, придерживались этого принципа более последовательно, нежели какая-либо другая из ведущих сил эллинского мира. Логика (и мы бы

негативна). А что в оригинале? Да ничего подобного. В первом случае говорится о «простаках демоса» (τοῖς τε τῶν δήμων προστάταις), во втором – просто о «немногих» (τοῖς ὀλίγοις). Использована нормальная политическая терминология того времени, без каких-либо эмоциональных оценок. Вот ведь как можно было «препарировать» текст античных авторов, посредством небольших и, на первый взгляд, незначительных подмен вкладывая в сочинения направленность, которая на самом деле им была чужда! Фукидида *целиком в оригинале* у нас мало кто читал (мы честно признаемся, что не принадлежим к числу этих немногих избранных); пользуются обычно именно переводом Стратановского – как последним по времени. В результате уже на уровне чтения источника закладывалась некая предвзятость в восприятии автора – как его субъективных взглядов, так и объективных реалий, которые он описывал. И эту предвзятость, укоренившуюся еще в студенческую пору, так трудно потом искоренить... Приведем уж заодно другой пример с тем же Стратановским. Herod. III. 39: Поликрат Самосский «стал владыкой острова, подняв народное восстание». Так у переводчика. А у Геродота – просто ἐπανάστας, без каких-либо упоминаний о *народном* восстании. Этот, с позволения сказать, пассаж, случалось, приводили в свою пользу те отечественные авторы, которые считали архаических тиранов выразителями воли демоса. На этот последний пример обратил наше внимание С. Г. Карпюк. См. к тому же эпизоду: *Лантеева М. Ю. У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI–VI вв. до н. э.* СПб., 2009. С. 351.

даже сказали, идеология – если это можно назвать идеологией, а почему бы и нет?) их была такова: мы живем так, как нам нравится, и пусть другие живут так, как нравится, – до тех пор, пока поведение этих «других» не начнет становиться опасным для нас.

Какие аргументы могут быть приведены против вышеприведенного рассуждения о неагрессивности и толерантности Спарты? Суммируем здесь главные из этих контрдоводов, дабы попытаться их сразу же отпарировать.

1. Лисандр. Да, этот выдающийся спартиат вел себя, бесспорно, в точности противоположно по отношению ко всем тем нормам, о которых выше шла речь. Если уж кто-то «ходил со своим уставом в чужой монастырь», то это был именно он. На довольно краткий период первенства Лисандра в спартанском полисе (когда он играл роль самого настоящего *king-maker* 'а; в частности, его стараниями царем стал Агесилай Великий) как раз падает досадная практика подлинного насаждения лакедемонянами в эллинских полисах крайне-олигархических режимов (обычно т. н. декархий). До него чего-то подобного не было; после него – случилось, но это был уже кризисный период истории как Спарты, так и Эллады в целом⁸⁸.

Так почему же деятельность Лисандра не становится доводом, подрывающим нашу аргументацию? Потому, что Лисандр буквально во всем был человеком, ни в малейшей степени не напоминая «нормального», традиционного спартиата. Наверное, не случайно в античности сложилась традиция (с фактологической точки зрения, конечно, ложная), согласно которой он якобы являлся по рождению неполноправным мофаком⁸⁹; в нем инстинктивно ощущалось что-то чуждое духу спартиатского «ликурга космоса».

Скажем не скрывая (пусть это и прозвучит субъективно): из всех крупных фигур античной истории едва ли не единственная, которая нам глубоко антипатична, – это Лисандр. Он больше, чем кто-либо, может претендовать на «геростратовы лавры» губителя, разрушителя величия Спарты (несмотря на то, что при нем этот полис стоял, казалось бы, на вершине своего могущества). Да и Эллада в целом именно со времени Лисандра покатила по «наклонной

⁸⁸ Фукидид говорит: «Стоя во главе союзников, лакедемоняне... заботились лишь о том, чтобы у тех была всегда выгодная для лакедемонян олигархическая форма правления» (Thuc. I. 19). Подозреваем, что эти строки были написаны в последние годы жизни историка (как известно, его труд создавался и видоизменялся на протяжении нескольких десятилетий, причем так и остался незаконченным) и уже под впечатлением «лисандровых» порядков. Применительно к периоду до 405–404 гг. до н. э. данная фраза в ее столь категоричной форме выпадает преувеличением.

⁸⁹ О статусе мофаков см.: Печатинова Л. Г. Спартанские мофаки // Античный полис: Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. СПб., 1995. С. 89–103.

дорожке кризиса», что, полагаем, не является случайным совпадением; тут как раз тот случай, когда *post hoc est propter hoc*.

Лисандр – этакий «сверхчеловек», в полной мере ранний предтеча эллинизма⁹⁰. Не то чтобы он был первым и единственным в подобном духе; в Спарте у него имелись предшественники (прежде всего – Клеомен I, можно назвать и регента Павсания). Но в полной мере именно он воплотил в себе этот – совершенно особый для того времени (и, главное, никак не спартанский) – тип политика.

2. Пресловутое «истребление тиранов», которое на первый взгляд, что и говорить, выглядит вопиющим нарушением чужого суверенитета. Поневоле рождается в уме параллель с США и вспоминается судьба таких правителей, как Саддам Хусейн, Каддафи (это лишь парочка самых новейших примеров) и т. п. Нередко высказывается скептическое отношение к достоверности традиции об этой «антистиранической» политической линии архаической Спарты; мы этого скептицизма не разделяем. Однако сделаем ряд пояснений, которые, возможно, расставят нужные акценты на подобающие им места и помогут сделать «тень Спарты» еще несколько менее черной.

Как свидетельствуют те конкретные детали, которые известны нам в связи с экспедициями спартанцев против тираний в Элладе, обычно события развивались следующим образом (реконструируем некую общую модель). В Спарту прибывает группа лиц из полиса N – группа, подчеркнем, претендующая на то, что она каким-то образом представляет граждан этого полиса и их интересы. Оные лица просят освободить их полис от незаконно властвующего над ним тирана и, разумеется, обещают не забыть оказанную услугу и отплатить спасителям дружбой и союзом. На какое же реально мыслящее правительство не действуют аргументы в подобном духе?

Иными словами, инициаторами соответствующих переворотов, во-первых, выступали, как правило, не сами лаконские власти (напротив, их нередко приходилось долго уговаривать совершить акцию вторжения, а бывало, что уговоры и не имели успеха). Во-вторых, в любом случае здесь перед нами со стороны Спарты имеет место отнюдь не какое-то идеологизированное стремление «осчастливить народы» (в высшей степени характерен тот факт, что после свержения тираний лакедемоняне нигде, именно нигде не вводили свое устройство, свои «ликурговы» порядки), а в чистом виде пресловутая *Realpolitik*, то есть вещь абсолютно нормальная. Которая к тому же приносила свои плоды: ведь

⁹⁰ Не случайно его первым в греческом мире стали кое-где почитать как бога (см.: Muccioli F. Gli onori divini per Lisandro a Samo. A proposito di Plutarchus, *Lysander* 18 // The Statesman in Plutarch's Works: Proceedings of the Sixth International Conference of the International Plutarch Society. Leiden; Boston, 2005. Vol. 2: The Statesman in Plutarch's Greek and Roman Lives. P. 199–213).

«освобождаемые» от тиранов государства во многих случаях действительно вступали в состав Пелопоннесского союза. Спарта, имевшая серьезнейшую внутреннюю опасность в лице илотов, меньше всего была заинтересована во враждебном окружении, чреватом внешними угрозами. Поэтому спартанцы особенно заботились о том, чтобы как минимум на ближних подступах (а по возможности – и на дальних) иметь дружественные, союзные государства. И уж во всяком случае надежные, с ответственной властью (отсюда – отменявшееся выше предпочтение Спартой олигархий в качестве партнеров).

Заметим еще, что эта спартанская *Realpolitik* была вовсе не цинично-беспринципной, а по-своему очень даже принципиальной. Это хорошо видно из того, что со спартанцами, как правило, не проходил вариант, с точки зрения чистой выгоды абсолютно аналогичный вышеописанному, а вот с точки зрения этико-политической полярно ему противоположный. Имеем в виду ситуацию, когда из полиса N прибывает некий индивид и просит сделать его тираном, соответственно свергнув существующую в данном полисе демократию или олигархию. Естественно, он тоже обещает в ответ быть верным другом и пр. Но вот подобного рода «штучки» спартиатами не приветствовались. Их пытались проделывать, помнится, только Клеомен I (тоже не вполне «спартанец по духу», хотя и в меньшей степени, чем Лисандр⁹¹), но поддержки и понимания со стороны сограждан не получил⁹².

3. Покорение Мессении. Это военное мероприятие, бесспорно, было актом агрессии. Но и тут без объяснений не обойтись. Во-первых, Первая и Вторая Мессенские войны пришлось на период еще до окончательного оформления

⁹¹ Вероятно, не случайно, что из всего коллектива гомеев именно царские роды давали наибольшее количество подобных «девиантных спартанцев». Положение архагетов в «лакедемонской политике» было совершенно особым. Как мы писали в другом месте, «они могут считаться даже как бы “чуждым”, неорганичным элементом в сформировавшемся полисе, законсервированным “осколком прошлого”» (Суриков И. Е. Status versus charisma: сакрализация правителя в Греции и греческом мире I тыс. до н. э. // Сакрализация власти в истории цивилизаций. М., 2005. Ч. II, III. С. 17; ср.: Georges P. Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon. Baltimore, 1994. P. 152–157). Причины такого положения дел здесь, конечно, рассматриваться не могут, поскольку это увело бы нас слишком далеко от основной нити изложения (см. в данной связи соображения в нашей статье, указанной выше в этом примечании). Пожалуй, важно только отметить, что наследники спартанских престолов не подвергались ἀγωγή. Агесилай Великий, который в наследники не предназначался, прошел через этот «курс молодого бойца»; в результате за время своего длительного правления он никаких «девиантных черт» политического поведения, в общем, не проявил.

⁹² Herod. V. 74 sqq.: вполне провалившаяся инициатива Клеомена (конец VI в. до н. э.) по установлению в Афинах тирании Исагора, а затем столь же безуспешная попытка использовать для аналогичной цели изгнанного Гиппия.

и закрепления «ликурго-хилонова космоса». Во-вторых – и это еще важнее, – не нужно считать, что время, когда спартанцы покоряли мессенян, было этаким эпохой безмятежности и братской любви, на фоне которой одни только граждане Лакедемона выделялись немотивированной злобой и жестокостью.

Уж, конечно, не по злобе поработили лаконяне своих западных соседей, а просто потому, что в противном случае они сами были бы ими поработены. В высшей степени наивным будет полагать, что сохраняя они спокойствие, веди себя мирно и мягко – и добрые мессеняне пришли бы за это «погладить их по головке». Да, добрые мессеняне, весьма вероятно, пришли бы – но вот только с совершенно иной целью. В годину конфликтов и напряженности, увы, часто налицо имеется только одна альтернатива – «Или мы съедем, или нас съедят», и *tertium non datur*. В условиях же такой альтернативы любая здравомыслящая государственная власть выберет первый вариант.

В этой части работы мы при желании еще много могли бы сказать о причинах нашей позитивной оценки спартанского полиса, но, пожалуй, пора остановиться. Мы намеренно старались оперировать только такими доводами, которые для каждого читателя, независимо от его взглядов, могут оказаться более или менее приемлемыми: доводами логическими, прагматическими, отчасти этическими. Мотивации общемировоззренческого и эстетического характера (а они для поклонников Спарты всегда играли и играют немалую роль) не прозвучали здесь вовсе, поскольку эти мотивации разделяются не всеми (а для кого-то могут не иметь и совершенно никакого веса), нам же хотелось оставаться на почве сугубой объективности.

Раздел III

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

КАК НАЗЫВАЛСЯ ВЫСШИЙ ОРГАН ВЛАСТИ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ АФИНСКОМ ПОЛИСЕ?*

Вопрос, вынесенный в заголовок, пожалуй, многим покажется праздным, а то и попросту абсурдным. Всем прекрасно известно, что в любом полисе (таков уж один из базовых принципов этого типа государственности) официально высшим органом власти являлось народное собрание. Где-то его верховный статус был скорее номинальным, где-то он вполне соответствовал реальности – как, например, в Афинах V–IV вв. до н. э., о которых здесь и пойдет речь. В условиях классической афинской демократии народное собрание абсолютно полномочно и беспартийно распоряжалось всеми делами, большими и малыми¹.

Иными словами, вопрос ставится нами следующим образом: как называлось народное собрание в Афинах указанной эпохи? Парадокс в том, что, казалось бы, вопрос этот давным-давно решен и ответ вообще не вызывает каких-либо сомнений. В любом общем труде, в любом учебнике можно прочесть: афинское народное собрание именовалось экклесией (ἡ ἐκκλησία). Данное положение принадлежит к незыблемым, к числу тех «китов», на которых стоит антиковедение.

Однако и самые крепкие устои, бывает, рушатся. Совсем недавно были высказаны весьма весомые и убедительные возражения против только что приведенного тезиса. Самое интересное, что выдвинул их не кто иной, как Могенс Хансен. Тот самый Хансен, выдающийся датский антиковед, который на сегодняшний день является, безусловно, крупнейшим в мире специалистом по афинскому народному собранию, посвятил этому институту много лет жизни, опубликовал о нем ряд важнейших работ² и всегда ранее называл рассматриваемый орган экклесией, как и все остальные его коллеги.

* Впервые опубликовано в: Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование. Ярославль, 2012. С. 8–20.

¹ Hansen M. H. Was Athens a Democracy? Popular Rule, Liberty and Equality in Ancient and Modern Political Thought. Copenhagen, 1989. P. 20; Суриков И. Е. Державный демос – правитель и подданный (власть и социокультурная норма в демократических Афинах V в. до н. э. // Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти. М., 2008. С. 75.

² См., в частности: Hansen M. H. The Athenian Ecclesia: A Collection of Articles 1976–1983. Copenhagen, 1983; Hansen M. H. The Athenian Assembly: In the Age of Demosthenes. Oxf., 1987; Hansen M. H. The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983–1989. Copenhagen, 1989.

Строго говоря, от круга сюжетов, которые нас здесь интересуют, М. Хансен уже достаточно давно отошел; казалось, он нашел аргументированные, непротиворечивые решения буквально для всех проблем и сложностей, возникающих в связи с этой проблематикой. Как говорится, с чистым сердцем он обратился с начала 1990-х гг. к иной теме – феномену греческого полиса, создав для его изучения ставший всемирно известным центр³. Работа над этим воистину грандиозным проектом в основном завершена: опубликованы многочисленные сборники статей и коллективные монографии, издан полный каталог полисов эллинского мира, известных из источников, а также обобщающие труды о полисе, принадлежащие перу преимущественно самого Хансена⁴.

Завершать проект, вносить, так сказать, последние штрихи М. Хансен предоставил сподвижникам и ученикам, а сам в последнее время, судя по всему, возвратился к своей излюбленной теме – исследованию политических институтов афинской демократии⁵, прежде всего народного собрания и тесно связанного с ним суда присяжных (гелии). В 2010 г. он опубликовал довольно большую статью⁶, посвященную преимущественно соответствующей терминологии. Дело, впрочем, отнюдь не в размере: заведомо ясно, что статья специалиста такого уровня стоит нескольких увесистых монографий. В указанной работе в столь же полной мере, как в предыдущих исследованиях Хансена, проявились главные черты, в целом свойственные методу этого замечательного ученого, – максимальные, доходящие до какой-то фантастической степени скрупулезность и тщательность анализа, основанного на предельно полном учете всех имеющихся данных⁷. На базе такого анализа предлагается

³ К оценке деятельности М. Хансена на этом поприще см.: Суриков И. Е. Изучение феномена полиса в западной историографии на рубеже XX–XXI вв.: Копенгагенский центр М. Хансена // *Studia historica*. М., 2004. Вып. 4. С. 164–176.

⁴ В т. ч.: *Hansen M. H. Polis and City-State: An Ancient Concept and its Modern Equivalent*. Copenhagen, 1998; *Hansen M. H. Polis: An Introduction to the Ancient Greek City-State*. Oxf., 2006.

⁵ О значении их анализа для наилучшего постижения сущности афинской демократии он давно уже писал: *Hansen M. H. The Athenian Ecclesia II*... P. 263–269. Мы с ним в этом отношении полностью солидарны: Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 11–13.

⁶ *Hansen M. H. The Concepts of Demos, Ekklesia, and Dikasterion in Classical Athens* // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 2010. Vol. 50. P. 499–536.

⁷ Эту черту работ Хансена нам и раньше доводилось подмечать: Суриков И. Е. Изучение феномена полиса... Сказанное, разумеется, ни в коей мере не означает, что мы во всем солидаризируемся со взглядами этого ученого. Напротив, нам, пожалуй, чаще приходилось полемизировать с ним, чем соглашаться. Например: Суриков И. Е. Остракизм... С. 248 сл., 477 сл. и др.; Суриков И. Е. Еще раз об афинской гелие // *Древнее право*. 2008. М., 2010. № 2 (22). С. 8–24. Критику некоторых положений Хансена (впрочем, не во всем корректную

ряд оригинальных, интересных идей (с какими-то из них можно безоговорочно согласиться, какие-то пока еще нуждаются в осмыслении). Здесь мы остановимся лишь на одном из выводов, делаемых ученым, поскольку именно этот вывод представляется имеющим воистину принципиальное значение.

М. Хансен задался целью дать полную сводку значений термина δῆμος в афинских источниках классического времени (как нарративных, так и эпиграфических⁸) и сделал это, – разумеется, во всех случаях давая ссылки на релевантные тексты⁹. Получились следующие результаты. Слово δῆμος может означать: афинское государство (то есть выступает как синоним слова «полис»); демократическое государственное устройство (то есть выступает как синоним слова «демократия»¹⁰); народ как совокупность граждан (наиболее привычное нам значение, потому-то «демос» в русских переводах источников обычно и передается как «народ»); простой народ (такое словоупотребление встречается только в тенденциозных нарративных памятниках и никогда – в надписях); демократическая группировка в политической борьбе; дем, низшее административное подразделение афинского полиса¹¹.

Но одно из указываемых Хансеном значений мы специально оставили напоследок, для отдельного рассмотрения. А именно: δῆμος может означать «народное собрание». Первоначально отмечая это, датский ученый оговаривает, что в таких контекстах, получается, термин «демос» выступает синонимом термина «эκκλησία»¹². Однако в дальнейшем, приступая к более детальному разбору вопроса¹³, он делает важное уточнение:

и подчас искажающую его взгляды) см. также в: *Кудрявцева Т. В.* Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008. С. 415 сл.

⁸ На эпиграфические памятники им делается даже больший акцент, поскольку они, во-первых, заведомо современны эпохе, во-вторых, будучи документальными, более объективны и менее тенденциозны.

⁹ *Hansen M. H.* The Concepts... 502 ff.

¹⁰ Так, часто встречающееся выражение *καταλύειν τὸν δῆμον* означает, конечно, не «уничтожать народ», а «уничтожать, свергать демократию»; речь идет не о массовых убийствах, а о государственном перевороте.

¹¹ О демах см.: *Osborne R.* Demos. The Discovery of Classical Attica. Cambridge, 1985; *Whitehead D.* The Demes of Attica 508/7 – ca. 250 B.C. Princeton, 1986; *Суриков И. Е.* ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы) // ВДИ. 2005. № 1. С. 15–33. В последней работе мы указываем, в частности, и на коллизию, проистекавшую из возможного смешения значений понятия δῆμος – «народ» и «дем». Впрочем, строго говоря, *народ* – это *ὁ δῆμος*, с определенным артиклем, а *дем* – просто δῆμος.

¹² *Hansen M. H.* The Concepts... P. 502.

¹³ *Ibid.* P. 507 ff.

Два термина – не полные синонимы. В документах (надписях и речах¹⁴) «эκκλησία» означает либо отдельно взятое заседание народного собрания (в множественном числе – несколько таких заседаний), либо место проведения заседания, и лишь только в очень исключительных случаях – само народное собрание как институт в абстрактном смысле. Более того, об «эκκληсии» никогда не говорится как о действующем субъекте. Принимает декрет или голосует поднятием рук всегда «демос», никогда не «эκκληсия». Я делаю вывод, что «эκκληсия» означает заседание народного собрания или место такого заседания, но само народное собрание – это не «эκκληсия», это «демос». Современные историки (в том числе и я сам) часто пишут, например, что «эκκληсия» была уполномочена принимать такие-то решения и т. п. Подобная идиома временами попадает у Платона или Аристотеля, но она не встречается в документах... Итак, настоящим названием народного собрания было «демос»... И это слово официально употребляется в данном смысле в сотнях декретов и в сотнях пассажей из речей, произносившихся в народном собрании, Совете или судах.

Просим прощения у читателей за приведение довольно обширной цитаты *in extenso*, но это было решительно необходимо, чтобы мысль датского исследователя стала вполне ясна. Разумеется, каждый свой тезис он обильно аргументирует ссылками на свидетельства источников, которые мы при цитировании опустили (интересующиеся могут ознакомиться с самой статьей Хансена, что мы и в целом рекомендуем сделать: чтение столь филигранно написанных работ приносит одновременно и методологическую пользу, и настоящее наслаждение).

Акцентируем еще раз ключевой момент: согласно выкладкам М. Хансена (а они представляются надежно доказанными), народное собрание в классических Афинах официально называлось «демос» (ὁ δῆμος), экκληсией же чаще всего именовалось заседание этого органа. Важность рассмотренного здесь наблюдения трудно переоценить; оно сразу же влечет за собой ряд последствий для дальнейшего изучения афинской демократии, ее институтов и функционирования.

Прежде всего, теперь становится абсолютно ясно, что в источниках есть случаи (и их немало), когда многозначную лексему «демос» несравненно корректнее будет переводить именно через «народное собрание», а не через «народ», как обычно делается. И вот сразу один характернейший пример. Вспомним всем

¹⁴ Здесь нужно пояснить, что Хансен относит речи ораторов, дошедшие до нас от V–IV вв. до н. э., скорее как документальные, а не нарративные источники, приближает их по значимости к эпиграфическим памятникам. В подобном подходе есть, нам кажется, некоторое преувеличение (кто же не знает об элементах тенденциозной субъективности в памятниках классического афинского красноречия?), но он, бесспорно, имеет право на существование.

известное $\epsilon\delta\omicron\zeta\epsilon(v)$ τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ. Это стандартная формулировка, которой начинались афинские декреты¹⁵. Перевод всегда стандартен: ‘Совет и народ постановили’¹⁶. А ведь, если вдуматься, подобное выражение, мягко говоря, не идеально – как бы оно ни было традиционно и общепринято. Оно не блещет точностью, в нем сочетаются понятия из разных таксономических порядков. Совет (в данном случае Совет Пятисот) – политический институт афинского полиса; народ же, если мыслить строго-терминологически, политическим институтом не является, это категория социально-демографическая, отчасти юридическая, но все же не политическая¹⁷.

С учетом открытия Хансена (а это именно открытие, иным словом не назовешь) отныне имеем право ответственно переводить: ‘Совет и народное собрание постановили’. И такой перевод будет единственно верным, соответствующим реальной процедуре принятия решений в Афинах: вначале проект постановления рассматривался в Совете Пятисот, вырабатывался предварительный текст (пробулевма)¹⁸, который затем и выносился на рассмотрение народного собрания – для обсуждения и окончательного принятия.

Можно сколь угодно множить примеры того, как в целом ряде контекстов понимание термина ὁ δῆμος как ‘народное собрание’, а не ‘народ, демос’ значительно удачнее. Мы ограничимся лишь еще парой фраз из надписи IG. II². 1, о которой уже упоминалось.

Προαγαγεῖν δὲ τὴν προεβεία[v τῶν Σαμίων ἐς τὸν δῆμ]ον...¹⁹ В наиболее авторитетном на сегодняшний день издании П. Родса и Р. Осборна видим

¹⁵ О процедуре принятия декретов в Афинах и других греческих полисах см. наиболее подробно: *Rhodes P. J., Lewis D. M. The Decrees of the Greek States. Oxf., 1997.*

¹⁶ Аналогично и в переводах на другие новые европейские языки; например на английский – ‘resolved by the council and the people’ (*Rhodes P. J., Osborne R. Greek Historical Inscriptions 404–323 BC. Oxf., 2007. P. 13*, в связи с надписью IG. II². 1; пример взят практически наугад, поскольку он типичен).

¹⁷ Правда, сразу припоминается знаменитая римская формула SPQR. Однако, на наш взгляд, полностью тождественной параллелью к рассматриваемой афинской формулировке она все же не является. В специфических условиях римского государства сенат являлся не только политическим органом, но и нес на себе сильный отпечаток социально-юридического феномена (сословия). В демократических Афинах, где внутри гражданского коллектива сословные перегородки отсутствовали, ничего подобного не было.

¹⁸ О пробулевтической функции Совета см.: *Суриков И. Е. ΒΟΥΛΑΙ в Афинах (Эпоха архаики) // Studia historica. М., 2005. Вып. 5. С. 3–22.*

¹⁹ Декрет принят в 403/402 гг. до н. э. Только что произошел официальный переход Афин на ионийский алфавит со староаттического (так называемая реформа Евклида, которую правильно было бы называть реформой Архина). Новшество, ясное дело, прижилось не моментально, и в тексте надписи иногда промелькивают староаттические написания.

следующий перевод: 'Bring the Samian embassy before the *people*...' ²⁰ (курсив наш. – И. С.). А с учетом вышеизложенного переводить следует: 'Ввести посольство самосцев в народное собрание...'. Ибо трудно представить, как можно ввести послов «в народ». Вывести на улицу и показать добрым людям?

...καθάπερ ἡ βολὴ προβουλευσασα [ἐς τὸν δῆμον ἐσ]ήνεγκεν... Перевод Родса и Осборна: '...as the council in its *probouleuma* brought before the *people*...' ²¹ (курсив в первом случае принадлежит авторам, во втором случае наш. – И. С.). Перед нами абсолютно аналогичный случай. Соответственно, переводим: '...в таком виде, в каком Совет, предварительно обсудив проект, внес его на рассмотрение народного собрания...'.

Подчеркнем сразу: мы отнюдь не питаем надежды на то, что предлагаемые нами (в общем-то, резонные) коррективы для этого и подобных случаев будут немедленно (или в обозримом будущем) приняты научным сообществом. Бремя традиции чаще всего одерживает верх над доводами разума. Так, несколько лет назад мы писали ²² о том, что постоянно встречающееся в исследовательской литературе обозначение самых первых, «до-геродотовских» греческих историков (Гекатея и др.) как «логографов» решительно неприемлемо (термин λογογράφοι в античности никогда не употреблялся в этом смысле). Однако так писали, пишут и будут писать; «логографы», разумеется, останутся в терминологическом арсенале антиковедов ²³. Несомненно, так же будет и в случае с «эκκλησιей». Наш долг, тем не менее, заключался в том, чтобы указать на принципиально новые возникшие обстоятельства, которые, думается, должны рано или поздно оказать свое действие ²⁴.

²⁰ Rhodes P. J., Osborne R. Op. cit. P. 13.

²¹ Ibid. P. 15.

²² Суриков И. Е. ЛОГОГРАФОΙ в труде Фукидида (I. 21. 1) и Геродот (Об одном малоизученном источнике раннегреческого историописания) // ВДИ. 2008. № 2. С. 25–37.

²³ Вот хотя бы последний по времени пример – монография, в которой ранние историки именуются логографами: Строецкий В. М. Становление исторической мысли в Древней Греции и возникновение классической греческой историографии: Геродот, Фукидид, Ксенофонт. Нижний Новгород, 2010. Ч. 1: Геродот. С. 91 сл. С нашей аргументацией против употребления этого термина В. М. Строецкий знаком, но, похоже, недопонял ее (в чем автор этих строк, разумеется, должен винить только себя, – значит, недостаточно внятно изложил свои мысли).

²⁴ Строго говоря, удивляться приходится скорее тому, что аберрация относительно именования афинского народного собрания «эκκλησιей» так долго держалась в науке и только сейчас была разоблачена Хансеном (который, напомним, ранее и сам был в ее власти). Подозреваем, что следует говорить об «историко-терминологическом давлении» вот в каком смысле. Позже, в христианскую эпоху термин ἐκκλησία приобрел устойчивое значение Церкви как собрания верующих (от него, кстати, произошли и слова, означающие Церковь в некоторых современных западноевропейских языках, например во французском). Тем труднее

И еще на одной импликации вышесказанного нам хотелось бы остановиться. Здесь мы делаем шаг, который не делает (и, наверное, никогда не сделает) сам М. Хансен. Имеем в виду вот какую коллизию. В высшей степени дискуссионным является вопрос о тождестве или различии народного собрания и суда присяжных (гелии) в Афинах. Существуют две основные точки зрения. Одна из них, наиболее интенсивно, неустанно, из работы в работу отстаиваемая как раз Хансеном²⁵, предполагает, что гелиея с самого начала не имела ничего общего с экклесией, а была отдельным институтом (в отечественной историографии такого же представления придерживается Т. В. Кудрявцева²⁶). Однако, при всем уважении к авторитету выдающегося датского антиковеда, нам, не скроем, куда больше импонирует иное мнение²⁷, согласно которому гелиея, по меньшей мере на первых этапах своей истории, была практически тождественна народному собранию, но просто представляла, так сказать, его иную «ипостась» или функциональную разновидность. Когда коллектив граждан собирался, чтобы принимать законы или выбирать должностных лиц, такой сход назывался экклесией. А когда те же граждане заседали, чтобы разбирать судебные дела, они представляли собой уже гелиею.

Свою позицию мы неоднократно высказывали и аргументировали ранее²⁸. А теперь, кажется, можно наконец расставить точки над «i». Демос – афинское народное собрание (общее обозначение)²⁹. Экклесия – заседание народного

было (и будет) отказаться от представления, что экклесия в принципе есть некое собрание как институт.

²⁵ *Hansen M. H.* The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Public Action against Unconstitutional Proposals. Odense, 1974. P. 20; *Hansen M. H.* Demos, Ecclesia and Dicasterion in Classical Athens // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1978. Vol. 19. No. 2. P. 111–120; *Hansen M. H.* The Athenian Assembly... P. 128; *Hansen M. H.* The Athenian Ecclesia II... P. 241; *Hansen M. H.* The Political Powers of the People's Court in Fourth-Century Athens // *The Greek City: From Homer to Alexander*. Oxf., 1991. P. 216 ff. Ср. также: *Welwei K.-W.* Die Entwicklung des Gerichtswesens im antiken Athen: Von Solon bis zum Ende des 5. Jahrhunderts v. Chr. // *Große Prozesse im antiken Athen*. München, 2000. S. 17.

²⁶ *Кудрявцева Т. В.* Указ. соч.

²⁷ См., например: *Rhodes P. J.* Εισαγγελία in Athens // *Journal of Hellenic Studies*. 1979. Vol. 99. P. 109–114; *Humphreys S.* The Evolution of Legal Process in Ancient Attica // *Tria Corda: Scritti in onore di A. Momigliano*. Como, 1983. P. 237.

²⁸ *Суриков И. Е.* Некоторые проблемы истории афинской гелии // *Древнее право*. 2005. № 2 (16). С. 8–20; *Суриков И. Е.* Еще раз...

²⁹ Естественно, имеется в виду «демос» в одном из своих смыслов. О множественности значений этого слова см. выше. Как известно, для лексики классических языков характерна не только богатая синонимика, но и полисемантичность многих лексем.

собрания для рассмотрения законодательных или электоральных вопросов. Гелиея – заседание того же органа, но для разбора судебных дел³⁰.

Для полного обоснования предлагаемой здесь конструкции необходимо, собственно, одно – чтобы в источниках термин «демос» применялся не только по отношению к тому, что мы называем «экклесией», но и по отношению к гелиастам. И такие примеры есть (Aeschin. I. 141; Hyper. I. 28–29; Din. III. 19). М. Хансен, будучи честным и ответственным ученым, не замалчивает наличие этих пассажей. Но, конечно же, являясь представителем полярно противоположной (по сравнению с нашей) точки зрения, он старается всячески минимизировать их значение. А напрасно... Ведь, что ни говори, все свидетельства, на которые мы тут ссылаемся, находятся в судебных речах ораторов, которые сам же Хансен ставит весьма высоко в источниковом плане и фактически приравнивает к документам. Не будем, в отличие от него, допускать непоследовательность.

Более того, если бы до нашего времени дошло не столь мало судебных речей V в. до н. э.³¹, случаев, когда гелиастов называют демосом, было бы гораздо больше. Ведь в следующем столетии дифференциация институтов продвинулась в Афинах значительно больше (была введена коллегия номофетов для приятия законов и т. п.).

³⁰ Разумеется, неизбежен ряд оговорок. Во-первых, в качестве гелиеи народное собрание заседало, как правило, не *toto corpore*, а по коллегиям (дикастериям). Во-вторых, к разбору судебных дел допускались лишь граждане не моложе 30 лет (в экклесиях же можно было принимать участие с 20, а то и с 18 лет). В-третьих, судили только граждане, принесшие присягу на Ардетте. Подразумеваемое «в-четвертых, и прошедшие жеребьевку» – не более чем историографический миф, о чем мы и ранее неоднократно писали.

³¹ От V в. до н. э. до нас дошли, в сущности, судебные речи одного Антифонта. Заметим, кстати, что колоссальная роль этого оратора у нас до сих пор не оценена по достоинству. Антифонт – единственный автор V в. до н. э., пока не переведенный на русский язык. Рано или поздно мы ликвидируем эту лагуну, а пока см.: Суриков И. Е. Antiphon I: Нарративная традиция о жизни и деятельности оратора Антифонта // *Studia historica*. М., 2006. Вып. 6. С. 40–68; Суриков И. Е. Antiphon II: Антифонт-оратор и Антифонт-софист – два лица или все-таки одно? // *Studia historica*. М., 2007. Вып. 7. С. 28–43; Суриков И. Е. Antiphon III: Друзья и враги Антифонта (просопографический этюд) // *Studia historica*. М., 2008. Вып. 8. С. 67–95; Суриков И. Е. Antiphon IV: Фрагменты речей Антифонта как исторический источник (перевод и комментарий) // *Studia historica*. Вып. 9. М., 2009. С. 1–27; Суриков И. Е. Antiphon V: Философские фрагменты Антифонта // *Studia historica*. М., 2010. Вып. 10. С. 25–65. Упомянем важнейшее в мировой историографии исследование об Антифонте (почти достигающее уровня наших работ): Gagarin M. Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists. Austin, 2002. Заметим, что все речи Антифонта посвящены делам об убийствах и, стало быть, произносятся не в гелиее.

АРХОНТАТ В АФИНАХ: ОТ ИСТОКОВ ИНСТИТУТА ДО УТРАТЫ ИМ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ*

Принимаясь за очередную статью для ВДИ, мы первоначально планировали посвятить ее иной тематике, а именно рассмотреть степень специфичности становления афинского полиса в архаическую эпоху. Дело в том, что в последнее время в западном антиковедении появилась и приобрела значительную популярность довольно экзотическая концепция, в рамках которой для Афин постулируется совершенно уникальный, не имеющий параллелей в греческом мире вариант развития, приобретшего на определенном этапе регрессивный характер. Согласно данной точке зрения, в конце VIII в. до н. э. в Афинах процесс формирования полиса был свернут усилиями консервативной аристократии и афинское государство надолго, на целый век перестало быть полисом, а вновь стало таковым лишь в результате реформ Солона 594 г. до н. э.¹ Нам подобное мнение представляется в корне превратным, и мы ставили перед собой задачу привести достаточно веские доводы в пользу того, что на протяжении VIII–VII вв. до н. э. Афины развивались как нормальный архаический полис².

Однако, когда мы предварительно, в краткой форме изложили основные идеи будущей статьи (а она, разумеется, будет написана) в докладе на одной из конференций в ИВИ РАН³, в ходе дискуссии по докладу ряд полемических замечаний высказал С. Г. Карпюк. Он указал, что один из наших ключевых аргументов основывается на данных нарративной традиции о складывании

* Впервые опубликовано в: ВДИ. 2012. № 2. С. 29–54.

¹ Основоположник идеи – Иан Моррис (*Morris I.* *Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State.* Cambridge, 1987). Дальнейшее развитие этот взгляд получил, например, в работах: *Stanley P. V.* *The Economic Reforms of Solon.* St. Katharinen, 1999; *Almeida J. A.* *Justice as an Aspect of the Polis Idea in Solon's Political Poems: A Reading of the Fragments in Light of the Researches of New Classical Archaeology.* Leiden, 2003.

² О категориях «архаический полис» и «классический полис» см. подробнее: *Суриков И. Е.* *Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций.* М., 2010. С. 13 сл.

³ Тезисы доклада см.: *Суриков И. Е.* *К проблеме формирования греческого полиса: Афины в VIII–VII вв. до н. э. // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза.* М., 2011. С. 273–278.

и эволюции системы афинских магистратур в раннеархаический период, и поставил вопрос: насколько достоверны сами эти данные? В частности, в источниках содержатся сведения о том, как единоличная и пожизненная царская власть в Афинах постепенно перерастала в коллегиальный институт архонтата, к тому же ограниченный определенным сроком занятия должности; по нашему мнению, такой переход, безусловно, является одним из важнейших элементов процесса формирования полиса. Но имеем ли мы право считать, что источники в данном случае корректно отражают исторические факты? Ведь их авторы жили спустя много веков после описываемых событий, и могли ли они предполагать аутентичной информацией?

Соответственно, мы сочли необходимым прежде, чем вплотную обращаться к основной интересующей нас теме о специфике становления архаического афинского полиса (это мы сделаем в дальнейшем), подробно остановиться на поставленных выше вопросах, связанных с архонтом в рассматриваемую эпоху. Попытку разрешения возникающих на этом исследовательском поле сложностей и проблем представляет собой настоящая работа. Ее хронологические рамки, правда, выходят за пределы периода архаики в собственном смысле слова (VIII–VI вв. до н. э., как его обычно датируют): мы начнем изложение с рубежа II–I тыс. до н. э., а закончим его серединой V в. до н. э., поскольку важно, с одной стороны, проследить истоки и корни явлений, а с другой – довести рассмотрение процессов, начавшихся в архаический период, до их естественного завершения.

Подчеркнем, что тематика, относящаяся к архонтату, особенно к самым первым ступеням его эволюции, не только позволит пролить дополнительный свет на сюжеты более общего характера, но и представляет самостоятельный интерес⁴. По причинам, о которых будет говориться ниже, ученые, занимающиеся афинским архонтатом, не затрагивают или почти не затрагивают начального этапа его истории (или скорее «предыстории»), предпочитая иметь дело с уже сформировавшимся институтом. Так, в известной книге У. Динсмора⁵ речь идет только об эллинистических архонтах Афин. Монографических исследований о коллегии архонтов в архаическую и классическую эпохи, кажется, вообще нет⁶, так что приходится довольствоваться разделами в общих

⁴ О необходимости изучения полисных политико-правовых институтов см.: *Hansen M. H. The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983–1989. Copenhagen, 1989. P. 263–269; Сурков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 10–14.*

⁵ *Dinsmoor W. B. The Archons of Athens in the Hellenistic Age. Cambridge, MA, 1931.*

⁶ В этом плане значительно больше повезло, например, коллегии стратегов. О ней см., в частности: *Fornara C. W. The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden, 1971; Hamel D. Athenian Generals: Military Authority in the Classical Period. Leiden, 1998.*

трудах об афинских магистратурах⁷ и статьями (среди которых, впрочем, есть весьма важные⁸). Что уж говорить об еще более раннем времени! В отечественной же историографии архонтат фактически совсем не подвергался специальному изучению⁹.

* * *

В любом античном полисе высшая магистратура (часто являвшаяся одновременно эпонимной¹⁰) являлась одним из важнейших политических и государственно-правовых институтов, занимала ключевое место в иерархии власти; уже в силу этого она заслуживает самого внимательного к себе отношения. К сожалению, в рамках древнегреческого мира для подавляющего большинства полисов данные по интересующей нас проблематике чрезвычайно скудны. В лучшем случае известно лишь наименование соответствующей магистратуры; зачастую мы не имеем даже и этого.

Лишь одно греческое государство представляет собой исключение; само собой разумеется, это – Афины. Уже со времени архаики высшие афинские магистраты объединялись в коллегия, которая официально называлась «девять архонтов» (οἱ ἐννέα ἄρχοντες). Впрочем, несмотря на такое наименование, в действительности в состав коллегии в классический период, когда она

⁷ Например: *Kahrstedt U.* Studien zum öffentlichen Recht Athens. Teil 2: Untersuchungen zur Magistratur in Athen. Stuttgart, 1936; *Develin R.* Athenian Officials 684–321 B.C. Cambridge, 1989.

⁸ Прежде всего: *Cadoux T. J.* The Athenian Archons from Kreon to Hypsichides // *Journal of Hellenic Studies*. 1948. Vol. 68. P. 70–123. Несмотря на то что эта большая статья вышла довольно давно, она и поныне сохраняет значение. На другие ценные статьи об архонтате (как правило, в них освещаются отдельные аспекты истории института) ссылки будут даваться в соответствующих местах, по ходу изложения.

⁹ Одно из редчайших исключений: *Ленская В. С.* Архонт-басилевс в Афинах // ВДИ. 2001. № 4. С. 126–141.

¹⁰ Лучшее, что имеется на сегодняшний день в мировой историографии об эпонимных магистратах в античной Греции, – это, безусловно, серия больших статей Р. Шерка, которые в совокупности фактически представляют собой полноценную монографию. См.: *Sherk R. K.* The Eponymous Officials of Greek Cities: I // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1990. Bd 83. S. 249–288 (в этой статье, на с. 269–279, разбирается и вопрос об эпонимном архонтате в Афинах); *Sherk R. K.* The Eponymous Officials of Greek Cities: Mainland Greece and the Adjacent Islands // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1990. Bd 84. S. 231–295; *Sherk R. K.* The Eponymous Officials of Greek Cities III // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1991. Bd 88. S. 225–260; *Sherk R. K.* The Eponymous Officials of Greek Cities IV // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1992. Bd 93. S. 223–272; *Sherk R. K.* The Eponymous Officials of Greek Cities V // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1993. Bd 96. S. 267–295.

приняла свою окончательную форму, входили уже не девять, а десять должностных лиц – эпоним, базилей, полемарх, шесть фесмофетов и секретарь¹¹.

Уже из этого видно, что афинский архонтат был институтом, который на протяжении веков не оставался статичным, а претерпевал изменения различного рода, эволюционировал. Далее мы попытаемся дать краткую характеристику тех перемен и модификаций, которые в разные эпохи претерпевал институт архонтата, указать на сложности и проблемы, существующие в данной связи, и в некоторых случаях попытаться наметить возможные пути разрешения этих проблем. Разумеется, мы ни в коей мере не претендуем на то, чтобы написать полную и детальную историю интересующей нас магистратуры: такая задача, конечно, потребовала бы целой монографии.

История архонтата известна несравненно лучше, чем история высшей магистратуры в любом другом греческом полисе, прежде всего потому, что до нас дошел такой ценнейший источник по государственному устройству Афин, как «Афинская полития» Аристотеля¹². Именно этот небольшой, но исключительно информативный трактат в дальнейшем будет, так сказать, нашей «путеводной звездой», из него будет почерпнуто наибольшее количество сведений, что обусловлено самой тематикой аристотелевского труда. В его начале (Arist. Ath. pol. 3) автор делает экскурс, посвященный формированию коллегии архонтов, а в заключительной части (Arist. Ath. pol. 55–59) подробно останавливается на функциях и полномочиях, которые имели члены этой коллегии ко времени

¹¹ Sealey R. A History of the Greek City States ca. 700 – 338 B.C. Berkeley, 1976. P. 155; Develin R. Op. cit. P. 2.

¹² Мы не будем сколько-нибудь подробно касаться здесь спорного вопроса об авторстве «Афинской политии» (см. об этом подробнее: Scheidel W., Taeuber H. Aristoteles, Ath. Pol. Vorbemerkung: zu Verfasserschaft und Abfassungszeit der Athenaion Politeia // Ostrakismos-Testimonien I. Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.). Stuttgart, 202. S. 447–448). Как известно, принадлежность этого сочинения самому Аристотелю все чаще оспаривается в западной историографии. См., в частности: Hignett C. A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B.C. Oxf., 1952. P. 27–30; Rhodes P. J. A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxf., 1981. P. 58–63; Whitehead D. 1–41, 42–69: A Tale of Two Politeiai // Aristote et Athènes. P., 1993. P. 25–38. Мы не исключаем, что непосредственно над текстом «Афинской политии» мог работать не сам глава Ликия, а кто-то из его учеников (или, может быть, даже группа учеников). Однако, на наш взгляд, не подлежит сомнению, что Аристотель, во всяком случае, авторизовал трактат и издал его под своим именем. Ведь не случайно вся античная традиция называет «Афинскую политию» именно аристотелевым произведением. В отечественной историографии о проблемах, связанных с создававшимися в перипатетической школе «Политиями», см. классический труд: Доватур А. И. Политика и Политии Аристотеля. М.; Л., 1975.

написания «Афинской политики», то есть в последние десятилетия существования классической демократии в Афинах.

Создавая труд по истории и современному состоянию государственного устройства афинского полиса, Аристотель опирался как на собственные наблюдения, так и на результаты, полученные предшествующими поколениями ученых, прежде всего аттидографов – представителей локального аттического историописания¹³. К великому сожалению, до нас не дошли произведения этих историков – Гелланика, Клидема, Андротиона, Фанодема, Филохора и др. (сохранились лишь незначительные фрагменты): ведь в них, без сомнения, содержалась еще более детальная, чем в «Афинской политике», информация о государственно-правовых институтах Афин, в том числе и об архонтате¹⁴.

Нельзя умолчать о том, что работа с данными Аристотеля сама по себе сопряжена с определенными трудностями. Во-первых, при составлении «Афинской политики» явно ставилась задача – уложить как можно больший материал в как можно меньший объем. Отсюда – известная сжатость, «спрессованность» изложения, делающая многие места неясными и непростыми для интерпретации¹⁵. Во-вторых, даже такой могучий ум, как Аристотель, способен был ошибаться, особенно тогда, когда он чрезмерно полагался на свои источники,

¹³ Главный вклад в исследование аттидографии внес Феликс Якоби. Классическим стал его труд «Аттида» (*Jacoby F. Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens*. Oxf., 1949), а также обширный комментарий к сочинениям аттидографов (*Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker*. Tl. 3b. A Commentary on the Ancient Historians of Athens. Leiden, 1954. Vol. 1–2). В качестве краткого введения см. также: *Pearson L. The Local Historians of Attica*. Repr. ed. Ann Arbor, 1981. В последнее время изучением аттидографии наиболее плодотворно занимается Ф. Хардинг: Он опубликовал ряд статей (в т. ч.: *Harding Ph. Atthis and Politeia // Historia*. 1977. Bd 26. Ht. 2. S. 148–160; *Harding Ph. Local History and Atthidography // A Companion to Greek and Roman Historiography*. Oxf., 2007. Vol. 1. P. 180–188), монографию об Андротионе, одном из крупнейших аттидографов (*Harding Ph. Androtion and the Atthis*. Oxf., 1994), и, наконец, совсем недавно – комплексное исследование об «Аттидах» в целом (*Harding Ph. The Story of Athens: The Fragments of the Local Chronicles of Attika*. L.; N. Y., 2008).

¹⁴ О влиянии аттидографов, в особенности Андротиона, на Аристотеля, см.: *Schreiner J. H. Aristotle and Perikles: A Study in Historiography*. Oslo, 1968. P. 13–20.

¹⁵ Достаточно привести один небольшой пассаж – *Arist. Ath. pol.* 3. 3: *ὥς ἐπὶ τοῦτου (sc. Ἀκάστου) τῆς βασιλείας παραχωρήσαντων τῶν Κωδριδῶν ἀντὶ τῶν δοθεισῶν τῷ ἀρχοντὶ δορεῶν*. Это место весьма трудно для понимания. Соответственно, его переводят по-разному: ‘так как при нем (Акасте. – *И. С.*)... Кодриды отказались от царского достоинства ради привилегий, данных архонту’ или ‘так как в его царствование Кодриды отказались от привилегий, данных архонту’. Можно заметить, что ни тот, ни другой вариант перевода все-таки не дает понять с полной ясностью, что имеется в виду. Насколько можно судить, речь идет о том, что при правителе Акасте из династии Кодридов-Медонтидов (согласно традиционной генеалогии, он был внуком Кодра) афинские цари стали называться

которые подчас были проникнуты политической тенденцией и искажали факты в угоду тем или иным предвзятым идеям. А это значит, что далеко не всему, содержащемуся в «Афинской политике», мы должны безоговорочно доверять; нередко необходим критический анализ (который, впрочем, не должен переходить в гиперкритицизм¹⁶). В-третьих, как известно, до нас не дошли самые первые, вводные главы трактата, а в них речь шла о древнейших этапах развития Афинского государства. И уже поэтому начальные ступени формирования и эволюции архонтата для нас в некоторой мере «тонут во мгле».

В силу этого для исследования интересующего нас института необходимо привлекать данные и других источников. Как правило, это авторы более позднего времени (Дионисий Галикарнасский, Павсаний, Евсевий Кесарийский и др.), однако в своих изысканиях они опирались на не дошедшие до нас труды достаточно ранних историков, в том числе тех же аттидографов. Наконец, немаловажен и эпиграфический материал. Особо отметим в данной связи список ранних афинских архонтов, охватывавший период с VII по V в. до н. э. Этот список, выбитый на большой стеле, стоял на афинской Агоре; от него сохранились несколько небольших, но исключительно информативных фрагментов¹⁷. Список был составлен, очевидно, в календарных целях и, соответственно, учитывал только архонтов-эпонимов (как известно, именно по именам этих магистратов в Афинах обозначались годы¹⁸), что, впрочем, само по себе уже немало.

Пожалуй, важнейшие фрагменты списка следует здесь привести¹⁹. При некоторых именах стоят знаки вопроса, но это скорее «для порядка», а на самом деле восстановления почти бесспорны.

архонтами; соответственно, в какой-то мере изменился их статус, но в чем конкретно это проявилось – на основании цитированного пассажа нелегко сказать.

¹⁶ По поводу различия между критическим анализом и гиперкритицизмом см. методологические замечания в работах: *Немировский А. А.* У истоков древнееврейского этногенеза: Ветхозаветное предание о патриархах и этнополитическая история Ближнего Востока. М., 2001. С. 8 сл.; *Суриков И. Е.* Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 44 сл.

¹⁷ О списке архонтов написано немало, но важнейшим исследованием по данной проблематике (к тому же содержащим наиболее полную сводку фрагментов списка) и по сей день остается статья: *Bradeen D.* The Fifth-Century Archon List // *Hesperia*. 1964. Vol. 32. No. 2. P. 187–208. Д. Брадин реконструировал внешний вид стелы со списком и практически безоговорочно доказал, что перечень начинался с 683 г. до н. э., с Креонта.

¹⁸ Это, наверное, связано с тем фактом, что функцию контроля над календарем осуществлял в афинском полисе именно архонт-эпоним (*Samuel A. E.* Greek and Roman Chronology: Calendars and Years in Classical Antiquity. München, 1972. P. 57 ff.).

¹⁹ По изданию: *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised ed. Oxf., 1989. P. 9–12 (No. 6). Мейггс и Льюис, публикуя памятник, опираются на выкладки Брадина.

<i>Фрагмент А.</i>	<i>Фрагмент С²⁵.</i>
Кипсел ²⁰	Онеторид
Телекл ²¹	Гиппий
Филомброт (?) ²²	Клисфен
	Мильтиад
<i>Фрагмент В.</i>	Каллиад
К[- - -]	[Писи]страт
Фа[- - -]	
Те[- - -]	<i>Фрагмент D.</i>
Эрксиклид ²³	Фенипп (?) ²⁶
Фес[- - -]	Аристид (?) ²⁷
Фор[- - -] ²⁴	

Афинский архонтат вырос из института древней царской власти²⁸. Собственно, это можно сказать о высшей магистратуре практически в любом античном полисе. Достаточно вспомнить консулат в Римской республике, учрежденный после ликвидации монархии. Мы не случайно вспомнили здесь о консулате: его история освещена в источниках тоже достаточно подробно, что дает возможность сравнительного анализа параллельных институтов в Афинах

²⁰ Архонт 597/596 г. до н. э., представитель рода Филаидов, отец Мильтиада Старшего – первого афинского тирана Херсонеса Фракийского. Имя Кипсела свидетельствует о матримониальных связях Филаидов с коринфскими Кипселидами (об этих связях известно и из других данных: Herod. VI. 128).

²¹ Или Телеклид (конец имени утрачен).

²² Если имя восстанавливается корректно, то перед нами – непосредственный предшественник Солона на посту архонта-эпонима.

²³ Архонт 548/547 г. до н. э.

²⁴ Скорее всего, Формион (ср.: McGregor M. F. Phormion and Peisistratos // Phoenix. 1974. Vol. 28. No. 1. P. 18–21; Develin R. Op. cit. P. 45).

²⁵ Это – самый известный из фрагментов списка архонтов, охватывающий период 527/526–522/521 гг. до н. э. Среди названных здесь лиц – ряд очень известных исторических деятелей: тиран Гиппий и его сын Писистрат Младший, будущий «отец афинской демократии» Клисфен, будущий марафонский победитель Мильтиад Младший.

²⁶ Архонт 490/489 г. до н. э., при котором произошло сражение при Марафоне.

²⁷ Прославленный Аристид Справедливый.

²⁸ Важнейшие исследования о ранней царской власти в Греции: Drews R. Basileus: The Evidence for Kingships in Geometric Greece. New Haven, 1983; Carlier P. La royauté en Grèce avant Alexandre. Strasbourg, 1984. Первая из двух названных книг написана с несколько гиперкритических позиций; для второй характерно более конструктивное отношение к данным традиции. В более широком контексте см. также: Barceló P. Basileia, Monarchia, Tyrannis: Untersuchungen zu Entwicklung und Beurteilung von Alleinherrschaft im vorhellenistischen Griechenland. Stuttgart, 1993.

и Риме. Такой сравнительный анализ уже в самом первом приближении позволяет заметить: афинский архонтат прошел более сложный и значительно более длительный путь формирования, чем римский консулат²⁹.

За точку отсчета можно взять то государственное устройство, которое существовало в Афинах в начале I тыс. до н. э. и характеризовалось наличием царской власти. Эта последняя находилась в рассматриваемую эпоху в руках династии, которую различные источники называют то Кодридами, то Медонтидами. Строго говоря, не вполне понятно, почему за нею закрепились в традиции именно такие названия: ведь основателем ее считался не Кодр (легендарный царь, пожертвовавший жизнью ради спасения родины) и тем более не его сын Медонт, а отец первого и дед второго Меланф, прибывший, согласно традиции³⁰, в Афины из мессенского Пилоса после вторжения дорийцев в Пелопоннес.

Как бы то ни было, на протяжении нескольких веков характер и объем власти Кодридов претерпел существенные изменения – прежде всего в направлении снижения статуса этих правителей, ограничения их полномочий. Комбинируя данные Аристотеля и других авторов, получаем следующую картину развития событий.

Начиная с определенного момента (нельзя дать точный ответ на вопрос, когда это случилось³¹, но, во всяком случае, на весьма раннем историческом

²⁹ Правда, не исключено, что и история консулата была не столь прямолинейной, какой она предстает в основной линии нарративной традиции, согласно которой немедленно после изгнания Тарквиния Гордого были избраны на годичный срок два консула, и этот обычай сразу и прочно утвердился. В историографии высказывались самые различные мнения: что первоначально высшие магистраты в Риме назывались не консулами, а преторами; что на первом этапе истории Республики их было не два, а три (или, напротив, один); что власти коллегии консулов хронологически предшествовала власть диктатора и т. д. Сводку этих мнений см.: *Маяк И. Л.* Ранняя Республика в Риме (V–IV вв.) // *История Европы*. М., 1988. Т. 1: Древняя Европа. С. 348. Ситуация с консулатом еще усложняется существованием в Риме на несколько более позднем этапе института консулярных военных трибунов. Но даже и при всем этом эволюция афинского архонтата представляется гораздо более простой и запутанной.

³⁰ Весьма основательную, практически исчерпывающую сводку ссылок на источники в данной связи см.: *Молчанов А. А.* Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н. э. (Проблемы источниковедения минойстики и микенологии). М., 2000. С. 186–187.

³¹ Уже Аристотель не имел такого ответа. Он пишет: «Большинство говорит, что она (должность архонта. – *И. С.*) возникла при Медонте, а некоторые, что при Акасте. В доказательство последние ссылаются на то, что девять архонтов клянутся давать присягу таким же порядком, как во времена Акаста... Как бы ни было дело в действительности, разница во времени в том и другом случае небольшая (Акаст был сыном Медонта. – *И. С.*)»

этапе) сменилось название магистратуры: афинские цари стали именоваться не басилеями, как раньше, а архонтами (правителями, начальниками). Перемена произошла, скорее всего, не в силу какого-то конституционного акта, а чисто эмпирическим путем: новый титул постепенно стал более употребительным, чем старый. Впрочем, нельзя сказать, что последний был совершенно вытеснен. Обозначения «архонт» и «басилей» долгое время употреблялись параллельно либо в сочетании «архонт-басилей». Впрочем, в полной мере взаимозаменяемыми их нельзя назвать. В некотором роде «басилей» было видовым понятием, а «архонт» – родовым, более широким. Представлялось ли оно также и более престижным? Об этом можно только гадать. Не в первый и, увы, не в последний раз приходится повторять это унылое *non liquet* – такова уж специфика наших знаний о «Темных веках» древнегреческой истории³².

Очевидно, на том же этапе царская власть из наследственной превратилась в выборную. Иными словами, архонты отныне были уже не монархами, а должностными лицами формирующегося полиса. Правда, вначале, в течение нескольких веков, выбирали этих должностных лиц по традиции исключительно из рода Медонтидов. И даже можно предположить, опираясь на список этих ранних архонтов (о нем см. ниже), что, как правило, после смерти предыдущего правителя на престол по-прежнему заступал его сын. Но только теперь это происходило не автоматически, а через санкцию государства (пока еще, безусловно, в лице не всего демоса, а аристократической верхушки, составлявшей Совет

(Arist. Ath. pol. 3. 3). Цитаты из «Афинской политики» здесь и далее приводятся в переводе С. И. Раддига.

³² Кстати, судя по всему, именно по этой причине исследователи, занимающиеся проблемами архонтата, как правило, работают на данных более поздней эпохи – не ранее VII в. до н. э. См., в частности: *Cavaignac E.* La désignation des archontes athéniens jusqu'en 487 // *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes*. 1924. Vol. 48. P. 144–148; *Cadoux T. J.* Op. cit.; *Buck R. J.* The Reform of 487 B.C. in the Selection of Archons // *Classical Philology*. 1965. Vol. 60. No. 2. P. 96–101; *Badian E.* Archons and Strategoi // *Antichthon*. 1971. Vol. 5. P. 1–34; *Kelly D. H.* The Athenian Archonship 508/7–487/6 B.C. // *Antichthon*. 1978. Vol. 12. P. 1–17; *Figueira T. J.* The Ten Archontes of 579/8 at Athens // *Hesperia*. 1984. Vol. 53. No. 4. P. 447–473; *Forrest W. G., Stockton D. L.* The Athenian Archons: A Note // *Historia*. 1987. Bd 36. Ht. 2. S. 235–240. Более ранним материалом опасаются пользоваться, считая его не вполне аутентичным. Подобная позиция не представляется нам конструктивной. Ранняя история архонтата, на наш взгляд, в принципе доступна для изучения – конечно, при условии критического отношения и комплексного, комбинаторного подхода к информации, содержащейся в источниках. Именно поэтому мы в данной работе в наибольшей степени акцентируем внимание именно на первых этапах эволюции этого института, как наименее изученных в литературе.

Ареопага)³³. Статус архонта по-прежнему оставался пожизненным (Arist. Ath. pol. 3. 1; Paus. VI. 19. 13).

Список пожизненных афинских архонтов из рода Медонтидов сохранен Евсевием Кесарийским (Chron. I. 189 sqq. Schoene), а восходит, в конечном счете, к эллинистическому историку Кастору Родосскому³⁴ (FGrHist. 250. F4). В западной историографии, за редкими исключениями, к этому документу не принято относиться с доверием³⁵. Считается, что он был сфабрикован в политических целях аристократией более поздних эпох. С подобного рода гиперкритической тенденцией мы подробно полемизируем в другом месте³⁶ и поэтому не будем здесь повторять соответствующую аргументацию. Подчеркнем лишь, что спи-

³³ Строго говоря, в рассматриваемую эпоху тот орган, который позже назывался Ареопагом, был еще просто «Советом». Лишь позже, когда в ходе реформ Солона был введен Совет Четырехсот, для различения двух Советов между собой более древний из них стал называться Советом Ареопага. По истории Ареопага см. наиболее подробно: Wallace R. W. The Areopagus Council, to 307 B.C. Baltimore, 1989. О роли Ареопага в выборах архонтов будет говорить ниже.

³⁴ Harding Ph. Local History... P. 181. Кастор Родосский (первая половина I в. до н. э.) – один из первых представителей древнегреческой хронографии, автор фрагментарно сохранившегося труда «Хроника» в 6 книгах. В науке справедливо считается, что Кастор работал в традициях такого выдающегося, авторитетнейшего хрониста, как Аполлодор Афинский. Последнего же весьма ценили за ученость и скрупулезность работы. См., например, следующую его характеристику (Ps.-Scymn. 19 sqq.; перевод наш. – И. С.):

Один весьма ученый муж из Аттики,
Учившийся у Диогена-стоика
И с Аристархом много пообщавшийся,
Составил как-то летопись, идущую
От покоренья Трои и до наших дней.
Он, взявши время в тысячу и сорок лет,
Всё сосчитал и изложил подробнее:
Паденье городов и войск движение,
Племен переселения, войны варваров,
Флотов военных выступленья, плаванья,
Устройство игр, союзы с договорами,
Бои, дела царей, мужей великих жизнь,
Изгнания, походы, тираний конец
Он свел подряд в одном повествовании.

³⁵ В высшей степени характерно, что ни один из пожизненных архонтов не включен в новейший и наиболее полный ономастико-просопографический компендиум по Афинам: Osborne M. J., Byrne S. G. A Lexicon of Greek Personal Names. Oxf., 1994. Vol. 2: Attica.

³⁶ Суриков И. Е. Демократический полис и родословные аристократов: о некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // Древнейшие государ-

сок архонтов из Медонтидов находится на стыке, с одной стороны, устного генеалогического предания (ведь перед нами, по сути, родословие), которое само по себе в традиционных обществах является одним из наиболее устойчивых и достоверных элементов легендарной традиции, а с другой – практики фиксации высших полисных магистратов, имевшей весьма раннее происхождение. Получая, таким образом, опору сразу с двух сторон, список, о котором идет речь, с большой долей вероятности может быть признан в целом аутентичным (по крайней мере, в своей последней части).

Приведем этот список для времени после Кодра: Медонт, Акаст, Архипп, Ферсипп, Форбант, Мегакл, Диогнет, Ферекл, Арифрон, Феспией, Агаместор, Эсхил, Алкмеон. Два самых ранних члена перечня – Медонт и Акаст – названы, как мы видели, уже Аристотелем (*Ath. pol.* 3. 3), при этом, что интересно, Акаст упомянут со ссылкой на официальный документ³⁷ – афинскую клятву архонтов, появившуюся, не приходится сомневаться, на весьма раннем историческом этапе.

При именах всех пожизненных архонтов Кастором даются годы правления, которые легко переводятся на наше нынешнее летосчисление. И получается, например, что Медонт правил в 1069/1068–1049/1048 гг. до н. э., его сын Акаст – в 1049/1048–1013/1012 гг. до н. э., а, допустим, Алкмеон, сын Эсхила (последний пожизненный архонт), – в 755/754–754/753 гг. до н. э. Разумеется, как раз в том, что касается этих цифр, необходимо проявлять максимальную настороженность. В большинстве своем они не могут быть сколько-нибудь точными. Продолжительность правления большинства архонтов у Кастора достаточно велика³⁸, причем «среднее арифметическое» подозрительно тяготеет к четверти века (сроку, который в древних обществах был одним из стандартных для обозначения длительности жизни одного поколения). Правда, сильно выбивается из отмеченной закономерности тот факт, что последнему пожизненному архонту, Алкмеону, отводится всего лишь два года. Говорит ли это о чем-нибудь? И можем ли мы считать, что данная цифра более аутентична, чем остальные? Поставленных здесь вопросов мы еще коснемся ниже. Заметим лишь, что дата окончания правления Алкмеона (753 г. до н. э.) получает

ства Восточной Европы. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 175–188.

³⁷ Об использовании Аристотелем официальных документов см.: *Chambers M.* Aristotle and his Use of Sources // *Aristote et Athènes*. P., 1993. P. 39–52; *Rhodes P. J.* 1993: «Alles eitel Gold» The Sixth and Fifth Centuries in Fourth-Century Athens // *Aristote et Athènes*. P., 1993. P. 53–64.

³⁸ Приведем полную сводку: Медонт правил 20 лет, Акаст 36 лет, Архипп 19 лет, Ферсипп 41 год, Форбант 30 лет, Мегакл 30 лет, Диогнет 28 лет, Ферекл 19 лет, Арифрон 20 лет, Феспией 27 лет, Агаместор 17 лет, Эсхил 23 года, Алкмеон 2 года.

и дополнительные независимые подтверждения, как прямые, так и косвенные, о чем также будет говориться в дальнейшем.

Бросается в глаза тот факт, что некоторые из перечисленных имен характерны для ономастикона скорее не Кодридов-Медонтидов, а других знатных родов. Так, имена Мегакл и Алкмеон в архаическую и классическую эпоху были чрезвычайно употребительны в роде Алкмеонидов, имя Агаместор встречается в роде Филаидов, имя Арифрон – в роде Бузигов.

Является ли обозначенное противоречие реальным или кажущимся и может ли оно как-нибудь быть разрешено? Не считая вышеупомянутой гиперкритической гипотезы о фальсификации списка архонтов (ее приверженцы считают, что Алкмеониды, Филаиды и пр. «задним числом» вставили туда «свои» имена), теоретически возможны три ответа на вопрос. Первый из них предполагает, что архонтская магистратура уже в столь ранние времена не была монополией Медонтидов и ее могли занимать также представители других родов, которые и оставили в списке свой ономастический «след». Но это противоречит данным источников (см. ниже в связи с Гиппоменом).

Согласно другой точке зрения, имена, которые были указаны нами, первоначально принадлежали ономастикону Кодридов-Медонтидов, а впоследствии в результате матримониальных связей перешли в роды Алкмеонидов, Бузигов и др.³⁹ Сам тот факт, что личные имена в античных Афинах и в Греции в целом переходили из рода в род как следствие межродовых браков, не подлежит никакому сомнению⁴⁰. Но мы позволим себе усомниться в том, что в данном конкретном случае процесс имел именно такую направленность, как предполагается вышеупомянутой гипотезой. Если имена Мегакл, Алкмеон, Арифрон, Агаместор изначально были «кодридскими», то почему же мы не встречаем этих имен в последующей истории бывшего царского рода (а его представители встречаются в источниках вплоть до римского времени⁴¹). Особенно непонятно, каким образом имя Алкмеон могло перейти из рода Кодридов в род Алкмеонидов: а как же последний назывался до того?

³⁹ Молчанов А. А. Антропонимическая традиция как одно из слагаемых исторической памяти (на примере именослова афинских эвпатридов X в. до н. э. – V в. н. э.) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001 г. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 142.

⁴⁰ Brenne S. Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001. S. 69.

⁴¹ Парадоксальным образом это обстоятельство ускользнуло от внимания автора недавней работы о Кодридах (Ленская В. С. Афинский род Кодридов // ВДИ. 2003. № 3. С. 123–132), где утверждается, что их сохранившаяся генеалогия обрывается в IV в. до н. э. и что «дальнейшая история рода нам неизвестна». О более поздних представителях рода Кодридов (вплоть до V в. н. э.) см.: Молчанов А. А. Антропонимическая традиция... С. 145, 150.

Наконец, третья точка зрения⁴², которой придерживается и автор этих строк⁴³, близка к предыдущей по своим исходным принципам, но расходится с ней в их конкретной трактовке. Она предполагает, что в результате матримонимальных связей, когда правители из династии Кодридов-Медонтидов брали себе в жены представительниц других знатных родов (поскольку они не практиковали эндогамии, в отличие, например, от коринфских Бакхиадов), имена из этих родов попадали к Кодридам. Иными словами, например, Мегакл – не «кодридское» имя, ставшее «алкмеонидским», а наоборот – «алкмеонидское» имя, ставшее «кодридским».

Дальнейшее «дробление» института царской власти в Афинах, перерастание ее из монархии в коллегиальную полисную магистратуру – архонтат – шло по нескольким параллельным направлениям. Прежде всего, стал сокращаться срок пребывания архонта у власти. В 753 г. до н. э. этот срок был уменьшен с пожизненного до десятилетнего (Arist. Ath. pol. 3. 1; ср.: Paus. IV. 5. 10; IV. 13. 7). В качестве последнего пожизненного архонта в списке Кастора – Евсевия фигурирует некий Алкмеон, сын Эсхила, причем для него, как мы видели выше, указано крайне непродолжительное время правления – всего два года (755/754 – 754/753 гг. до н. э.). Был ли он в ходе реформы архонтата отстранен от власти? Или же допустить иной ход событий: Алкмеон оказался слабым, больным правителем (потому и у власти находился так недолго), что и стало после его смерти непосредственным поводом для реформы? Мы опять в ситуации, где категоричные суждения невозможны; в той или иной мере гипотетичной будет любая трактовка преобразования, о котором идет речь (а между тем значение самого этого преобразования трудно переоценить: ведь перед нами, по сути дела, ключевой шаг в складывании полиса со свойственной ему системой магистратур из примитивной протополисной монархии⁴⁴, первое ограничение – в данном случае временного характера, – наложенное на правителя его согражданами).

Более того, скептики, разумеется, подвергают сомнению как сам факт реформы, так и – особенно – ее датировку⁴⁵. Действительно, как мы можем быть уверены, что событие, о котором идет речь, имело место именно в 753 г. до н. э.? Разве возможно столь конкретное – с точностью до года – датирование фактов применительно к весьма ранней эпохе древнегреческой истории? Корректно ли

⁴² Arnheim M. T. W. Aristocracy in Greek Society. Plymouth, 1977. P. 142 ff.

⁴³ Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М., 2000. С. 56–57.

⁴⁴ Суриков И. Е. Архаическая и классическая Греция... С. 45.

⁴⁵ Именно в подобном ключе было сформировано, пожалуй, наиболее настойчивое возражение С. Г. Карпока при обсуждении нашего доклада, о котором говорилось выше.

опираться на хронологические выкладки таких авторов, как Кастор, живший много веков спустя? Имеем ли мы право указать даже более приблизительную дату (например, «середина VIII в. до н. э.»)? По мнению скептиков, ответы на все эти вопросы, конечно же, должны быть отрицательными; получается, что древнейшая история Афин «тонет во мраке неизвестности» и единственными достоверными данными о ней остаются археологические материалы.

Приведем некоторые контраргументы. Во-первых – тут нам придется забежать несколько вперед, – переход от десятилетнего срока архонтата к годовому твердо датируется 683 г. до н. э., и эта датировка вроде бы никем под сомнение не ставится. Как мы видели, и список эпонимных архонтов в Афинах начинался с 683/682 г. до н. э.; этот факт тоже надежно доказан. Далее, перед годовыми архонтами в источниках фигурируют семь десятилетних (имена см. ниже). Сумма сроков их правлений равняется 70 годам, что и дает нам в итоге опять же 753 г. до н. э. как время перехода от пожизненного архонтата к десятилетнему. Таким образом, движение с двух противоположных концов хронологической шкалы привело нас к одной и той же точке, и это, надо полагать, о чем-то говорит. Во всяком случае, приведенный ход рассуждений, думается, не покажется убедительным лишь тому, кто считает, что вся традиция насквозь фальсифицирована, – а так считают только гиперкритики.

А вот и второй довод – на сей раз именно от археологии, которую столь уважают все те, кто отвергает достоверность многих нарративных источников. Иан Моррис, один из авторитетнейших археологов-классиков нашего времени, в своей этапной книге⁴⁶ очень убедительно показал – причем на чисто археологическом материале, в основном путем анализа погребальных комплексов, – что в середине VIII в. до н. э. в Афинах имели место некие чрезвычайно серьезные изменения социально-политического плана. Эти изменения ученый интерпретировал как рождение полиса, что совершенно верно. Правда, сам Моррис, оставаясь на чисто археологической почве, ни в какой мере не попытался сопоставить свои выводы с сообщением традиции о реформе архонтата *в то же самое время* (!). Судя по всему, это даже и не пришло ему в голову, помешал субъективно-гиперкритический настрой, то, что мы однажды⁴⁷ (в иной связи) назвали «ультраархеологическим» подходом⁴⁸. Впрочем, строго говоря,

⁴⁶ *Morris J.* Op. cit. Passim.

⁴⁷ *Супиков И. Е.* «Херсонес изначальный» или «предхерсонесское поселение»? // *Studia historica*. 2009. Т. 9. С. 195.

⁴⁸ Последний является, в сущности, предельным выражением тенденций, заложенных в самом направлении «новой классической археологии» (к нему принадлежит и Моррис), которое стремится сделать археологическую науку независимой от исторической. Основные теоретико-методологические принципы этого модного ныне направления изложены, например, в обобщающих трудах его основателя Энтони Снодграсса: *Snodgrass A. M.*

далеко не факт, что исследователю было знакомо редкое свидетельство Кастора, которое известно даже далеко не всем антиковедам-нарративистам.

Но мы произвести соответствующее сопоставление просто обязаны. Ведь опять-таки оказывается, что данные, почерпнутые из совершенно разных сфер (письменного источника и данных археологии), дают фактически один и тот же результат, в том числе и в хронологическом отношении. Что же, мы должны и это считать случайным совпадением? Но не слишком ли уж много набирается случайностей? На наш взгляд, гораздо конструктивнее констатировать наличие системных связей между событиями и процессами. А односторонний, крайний скептицизм бесплоден и вреден, как любая крайность. Тем более что гиперкритики, как неоднократно отмечалось⁴⁹, вынуждены на место источниковых данных ставить собственные умозрительные реконструкции, и совершенно непонятно, чем последние лучше первых.

Так, Ф. Стенли (будучи последователем Морриса, он тоже «не замечает» реформу 753 г. до н. э.⁵⁰) постулирует три возможных варианта развития политической жизни в греческих полисах VIII–VII вв. до н. э. По его мнению, в каждом полисе в рассматриваемый период имелись три основные борющиеся силы: цари, аристократия и верхушка демоса (зажиточные крестьяне-гоплиты). Соответственно, могли объединяться либо аристократы с верхушкой демоса против царей (случай Коринфа, где это повело к ликвидации монархии и установлению олигархии Бакхиадов), либо цари с верхушкой демоса против аристократов (случай Аргоса, где на этой «волне» поднялся Фидон⁵¹), либо

An Archaeology of Greece: The Present State and Future Scope of a Discipline. Berkeley, 1987; Snodgrass A. M. Archaeology and the Emergence of Greece. Edinburgh, 2006. Ср. также довольно толковую характеристику направления в книге: Almeida J. A. Op. cit. P. 119 ff. В целом о роли археологии в изучении архаической Греции на современном этапе (с оценкой соответствующих тенденций) см.: Davies J. K. The Historiography of Archaic Greece // A Companion to Archaic Greece. Oxf., 2009. P. 3–21.

⁴⁹ См. хотя бы: Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 18 сл.

⁵⁰ И поэтому расплывчато пишет, что в Афинах «институт царской власти был отменен к 682/681 г. до н. э., когда была впервые учреждена годичная должность архонта» (Stanley P. V. Op. cit. P. 150).

⁵¹ Недавно М. Кыйвом были приведены аргументы в пользу датировки правления Фидона VIII в. до н. э. (*Kdiv M. Ancient Tradition and Early Greek History: The Origins of States in Early-Archaic Sparta, Argos and Corinth*. Tallinn, 2003. P. 239 ff.). Мы, однако, пока предпочитаем оставаться при своей прежней точке зрения, согласно которой Фидон жил в первой половине VII в. до н. э. и в конце жизни «приложил руку» к свержению коринфских Бакхиадов (ср.: Суриков И. Е. Status versus charisma: сакрализация правителя в Греции и греческом мире I тыс. до н. э. // Сакрализация власти в истории цивилизаций. М., 2005. Ч. 2–3. С. 22. Прим. 3). Наличие басилеев из рода Теменидов зафиксировано в Аргосе вплоть до первой половины V в. до н. э. (*Robinson E. W. The First Democracies: Early Popular Government*

цари с аристократией против верхушки демоса (случай Спарты, где в результате утвердилось ее уникальное государственное устройство)⁵². В Афинах, полагает Стенли, события пошли (вначале) скорее по «аргосскому» пути⁵³. Изложенная здесь гипотеза в некоторых отношениях небезынтересна, в других своих аспектах вызывает серьезные возражения. Но здесь мы не будем подробно углубляться в этот сюжет, отложив это до отдельной статьи, и вернемся к основной нити изложения.

После 753 г. до н. э. в свидетельстве Кастора присутствуют имена семи архонтов, правивших по десять лет каждый: Хароп, Эсимид, Клидик, Гиппомен, Леократ, Апсандр, Эриксий. Наиболее известен из перечисленных лиц Гиппомен, о котором будет сказано ниже; остальные же для нас – фактически *nomina nuda*⁵⁴. Только об Эсимиде, втором десятилетнем архонте, есть сообщение еще у Павсания (IV. 5. 10), где указано, что он был сыном Эсхила⁵⁵. Между прочим, эта деталь представляет значительный интерес. Напомним, что Эсхилом звали предпоследнего пожизненного архонта (правившего в 778/777–756/755 гг. до н. э.). Архонтат же Эсимида падает на 743/2–734/3 гг. до н. э. Весьма вероятно, что перед нами отец и сын. Во всяком случае, не приходится сомневаться в их родстве: оба принадлежали к роду Медонтидов, который и после учреждения десятилетнего архонтата еще некоторое время удерживал в своих руках монополию на пост архонта (об изменении ситуации см. ниже).

В конце концов, в 683 г. до н. э. был сделан еще один, последний шаг по тому же пути сокращения срока архонтства: отныне архонты оставались в своей должности в течение лишь одного года. Первым годичным архонтом

outside Athens. Stuttgart, 1997. P. 82 ff.). О династии Теменидов в целом см.: Молчанов А. А. Персеиды-Гераклиды-Темениды: идея непрерывной династической легитимности в официальных родословных античных монархов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти / Под ред. И. Г. Коновалова. М., 2004. С. 151–159.

⁵² Stanley P. V. Op. cit. P. 128.

⁵³ Ibid. P. 150.

⁵⁴ Кстати, ровно то же можно сказать и о подавляющем большинстве пожизненных архонтов. Между прочим, это один из аргументов в пользу того, что их имена не фиктивны, а историчны. Ср. описание аналогичной ситуации у И. Малкина – видного исследователя древнегреческой колонизации – в связи с именами ойкистов ранних колоний. Многие из этих имен никому ничего не говорят и именно поэтому вызывают у ряда специалистов недоверие. Но Малкин подчеркивает, что именно данное обстоятельство говорит в пользу аутентичности имен ойкистов: кому бы и зачем бы было нужно выдумывать абсолютно ни с чем не ассоциирующиеся имена? См.: Malkin I. Foundations // A Companion to Archaic Greece. Oxf., 2009. P. 374.

⁵⁵ Carlier P. Op. cit. P. 363.

стал некто Креонт (судя по имени, знатный аристократ). Отныне прочно утвердился именно такой порядок. Кстати, только с его введением высший магистрат полиса становился в полной мере и эпонимным магистратом. Годичного архонта (даже если бы он оставался единоличным), конечно, уже ни в коей мере нельзя назвать монархом.

Одновременно с описанным процессом имел место другой: была ликвидирована монополия одного рода Кодридов-Медонтидов на занятие архонтской должности. Теперь верховным магистратом в государстве мог становиться, насколько можно судить, любой из евпатридов – представителей высшей знати. Это произошло, по традиционной хронологии, около 713 г. до н. э., в конце правления десятилетнего архонтата Гиппомена (кстати, получается, что до того за ограничение власти правителя боролись его же родственники). О Гиппомене рассказывали, что он вызвал всеобщее возмущение тем, что подверг бесчеловечной казни собственную дочь, совращенную кем-то из афинян. После этого он был отрешен от должности – ἐξέπεσε τῆς ἀρχῆς (Suid. s.v. Ἴππομένης), и в результате власть Кодридов прекратилась⁵⁶ – τὴν Κοδριδῶν ἀρχὴν... καταλυθῆναι (Diogenian. III. 1; об инциденте с Гиппоменом см. также Arist. Ath. pol. epit. 3; Diod. VIII. 22. 1).

Разумеется, мы вовсе не обязаны верить всему в упомянутой истории. Не исключено, что перед нами этиологическая легенда, связанная с именем Гиппомена (орудием казни послужил конь-ἵππος). Однако сам тот факт, что этот архонт был отстранен и в связи с этим круг потенциальных кандидатов на архонтат расширен, вряд ли резонно отрицать. Дело, конечно, не в безнравственности Гиппомена, а в том, что афинские аристократы становились все более сильными и все более оттесняли от власти царскую династию. Не случайно уже в VII – начале VI в. до н. э. мы встречаем на посту архонта-эпонима представителей знатнейших евпатридских родов – Филаидов (Мильтиад⁵⁷,

⁵⁶ Строго говоря, здесь в источнике небольшая неточность: корректнее было бы в данной связи говорить не о Кодридах, а о Медонтидах. Два понятия не вполне совпадают. Медонтиды были лишь одной из ветвей рода Кодридов (который в свою очередь являлся одной из ветвей рода Нелеидов, пилосского по происхождению). Например, Солон фигурирует в нарративной традиции как Кодрид, но ни один источник не относит его к Медонтидам (Carlier P. Op. cit. P. 370); Писистрат не был ни Медонтидом, ни Кодридом, а вот к Нелеидам принадлежал (Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005 С. 176). Ошибочное мнение о происхождении Писистрата «из рода древних афинских царей Кодридов» см.: Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). СПб., 2002. С. 304.

⁵⁷ Архонт 664/663 и 659/658 гг. до н. э. (Paus. V. 23. 10; VIII. 39. 3). Кстати, если Павсаний не ошибся, перед нами редчайший случай – одно и то же лицо становится архонтом-эпонимом два раза, что в принципе было запрещено. Либо в первой половине VII в. до н. э. запрет еще не был установлен (что маловероятно, поскольку это подрывало бы сам принцип

Кипсел⁵⁸), Писистратидов (Писистрат⁵⁹), Алкмеонидов (Мегакл⁶⁰). Разумеется, на этот пост могли по-прежнему попадать и Кодриды (наиболее известные случаи – архонты Солона в 594/593 г. до н. э. и Дропида в 593/592 г. до н. э.), но теперь такие случаи были уже не правилом, как раньше, а скорее исключениями.

Наконец, параллельно шел и третий (пожалуй, самый важный) процесс. Наряду с сокращением срока власти правителя сокращался и ее объем. Одно из главных требований формирующейся полисной государственности заключалось в том, чтобы ни один гражданин не мог, пусть даже на краткое время, сконцентрировать в своих руках слишком обширные полномочия. Власть должна была быть как можно больше раздробленной, чтобы никто не выделялся из числа других, чтобы соблюдались принципы равенства и коллегиальности. Нет сомнения, что на этом особенно настаивала аристократия, для которой в эпоху архаики был характерен, по выражению одного исследователя⁶¹, своеобразный «республиканизм». Архаическое аристократическое общество было обществом «равных», так сказать, «пэров», которые старались не допустить существования над ними «первого». Потому-то они и покончили с правлением древних басилеев. Для ограничения притязаний этих последних были введены другие высшие (архонтские) должности, наряду с царской.

О том, как конкретно это происходило, наиболее подробно пишет Аристотель. Соответствующий пассаж (Ath. pol. 3. 2–4) настолько важен, что необходимо процитировать его *in extenso*:

Важнейшими и первыми по времени из должностей были бацилей⁶², полемарх и архонт. Из них первую была должность бацилея, она была унаследованной

эпонимности), либо мы имеем дело с какой-то экстраординарной ситуацией, о которой ближе ничего не известно, либо, наконец, следует говорить не об одном человеке, а о двух архонтах-тезках (а в таком случае они, несомненно, были родственниками).

⁵⁸ Архонт 597/596 г. до н. э. Факт его архонтата стал известен из фрагмента упоминавшегося выше списка архонтов.

⁵⁹ Архонт 669/668 г. до н. э. (Paus. II. 24. 7). Это, разумеется, не тиран, а кто-то из его предков.

⁶⁰ Точное время архонства Мегакла в источниках не зафиксировано. Однако известно, что как раз на его срок пришелся известный мятеж Килона, который, по нашим исчислениям, имел место с наибольшей вероятностью в 636 г. до н. э. (Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 33–36). Следовательно, Мегакла можно считать архонтом 636/635 г. до н. э. У Р. Девелина (Develin R. Op. cit. P. 30) его архонтат датируется 632/631 г. до н. э. (со знаком вопроса), но это менее вероятно.

⁶¹ Greenhalgh P. A. L. Aristocracy and its Advocates in Archaic Greece // Greece and Rome. 1972. Vol. 19. No. 2. P. 190 ff.

⁶² В переводе С. И. Радцига – «царь», что вряд ли уместно, поскольку перед нами явно *terminus technicus*.

от отцов (πατήριος). Второй присоединилась должность полемарха, ввиду того что некоторые из царей оказались в военных делах слабыми. По этой причине и пригласили Иона, когда наступили затруднительные обстоятельства. Последней является должность архонта. Большинство говорит, что она возникла при Медонте, а некоторые, что при Акасте... (Далее следует фрагмент, уже цитированный нами выше. – И. С.). А что эта должность установлена последней из высших должностей, доказательством служит и то, что архонт не распоряжается никакими из дел, унаследованных от отцов (τῶν πατρίων), как базилей и полемарх, а все только вновь введенными (τὰ ἐπιθετα). Поэтому лишь недавно эта должность приобрела важное значение, будучи расширена дополнительными обязанностями (τοῖς ἐπιθέτοις). Что же касается фесмофетов, то они были избраны много лет спустя, когда уже выбирали должностных лиц на год.

При всей своей информативности, это свидетельство порождает ряд проблем и недоумений. Прежде всего сразу бросается в глаза, что в нем отразилась дискуссия об «исконных, отеческих» (πατήριος) и «добавленных, нововведенных» (ἐπιθετος) полномочиях государственных институтов. Такая дискуссия разворачивалась в Афинах начиная с реформы Ареопага, проведенной Эфигальтом в 462 г. до н. э. (эта реформа декларировалась именно как лишение Ареопага «добавленных» полномочий⁶³), и достигла своего пика в период Пелопоннесской войны, когда в общественной мысли активно обсуждался вопрос об «отеческом государственном устройстве» (πατήριος πολιτεία). Иными словами, источник Аристотеля по данному сюжету (а это, весьма вероятно, кто-то из аттидографов) был отнюдь не свободен от политических пристрастий, что делает все свидетельство тенденциозным.

Далее, удивляют те весьма ранние датировки, которые мы встречаем в этом месте «Афинской политики». Если им верить, оказывается, что должность архонта-полемарха была введена уже во времена Иона, то есть до Троянской войны. Однако в ту далекую эпоху в Афинах, несомненно, вообще еще не существовало никаких архонтских должностей. Впрочем, не исключено, что до Аристотеля дошел в искаженной форме отголосок воспоминаний о реальном историческом событии – имевшем место на каком-то этапе истории «дворцовых царств» II тыс. до н. э. отделения должности военачальника (лавагета) от должности правителя (анакта). Таблички линейного письма В фиксируют уже именно такую ситуацию – с разделением функций этих двух лиц⁶⁴. Равным образом и датировка складывания коллегии трех высших магистратов – при Медонте или Акасте – явно представляется слишком ранней.

⁶³ Подробнее см.: Суриков И. Е. Афинский ареопаг в первой половине V в. до н. э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 23–40.

⁶⁴ Молчанов А. А., Нерознак В. П., Шарыпкин С. Я. Памятники древнейшей греческой письменности (введение в микенологию). М., 1988. С. 38–39.

Впрочем, это не должно нас смущать. Хорошо известно, что античные авторы имели склонность «удревнять» многие важные события своей истории, которые они не могли точно датировать. Так, синойкизм Аттики во всей нарративной традиции чрезвычайно устойчиво связывается с именем Тесея и, таким образом, тоже с периодом до Троянской войны. В действительности же, по практически единодушному мнению современных исследователей, он имел место значительно позже, осуществлялся в течение нескольких столетий и завершился к началу VII в. до н. э.⁶⁵ Скорее всего, аналогичным образом обстояло дело и с архонтатом: следует говорить о длительном процессе его формирования, охватившем «Темные века» и часть архаической эпохи.

О конкретных механизмах, посредством которых осуществлялся этот процесс перехода от монархии к своеобразному «триумвирату», можно опять же только догадываться. Отметим, однако, что та последовательность возникновения магистратур, которую приводит Аристотель (басилей – полемарх – архонт), представляется вполне историчной. В частности, чрезвычайно тонким и верным выглядит наблюдение автора «Афинской политики», что в компетенции архонта-эпонима оказались те функции, которые возникли довольно поздно. Это особенно отчетливо видно на материале религиозной жизни афинского полиса. Так, руководство теми праздниками, которые существовали с древнейшего времени, осуществлял архонт-басилей, а теми, которые были введены впоследствии, – архонт-эпоним⁶⁶.

Наиболее точно можно датировать возникновение последней архонтской магистратуры – фесмофетов. Кстати, она сама по себе имела коллективный характер, включая шесть должностных лиц, и это уже свидетельствует о ее позднем характере, о происхождении ее в аристократическую, полисную эпоху, когда любое проявление монархического принципа отвергалось. *Terminus post quem* для учреждения фесмофетов дает сам Аристотель – после того, как власть архонтов была сделана годичной, то есть после 683 г. до н. э. *Terminus ante quem* определяется тем обстоятельством, что Драконт, составивший в 621/620 г. до н. э. первый свод письменных законов для Афин, занимал пост фесмофета (Paus. IX. 36. 8). Таким образом, к его времени должность уже существовала. Высказывалось мнение⁶⁷, что уже сразу после подавления мятежа

⁶⁵ Исключение составляет точка зрения М. Финли, который вообще не верит в синойкизм и считает, что Аттика с бронзового века всегда была единой в политическом отношении: *Finley M. I. Early Greece: The Bronze and Archaic Age. L., 1981. P. 117.*

⁶⁶ Если взять в качестве примера праздники в честь Диониса, окажется, что Ленеями – более древним из этих праздников – руководил басилей (Arist. Ath. pol. 57. 1), а Великими Дионисиями, учрежденными в VI в. до н. э., – эпоним (Ibid. 56. 4).

⁶⁷ *Gagarin M. The Thesmothetai and the Earliest Athenian Tyranny Law // Transactions of the American Philological Association. 1981. Vol. 111. P. 71–77.*

Килона (636 г. до н. э.) фесмофеты осуществили запись закона, предусматривающего наказание за попытку установления тирании⁶⁸.

Как бы то ни было, во второй половине VII в. до н. э. коллегия архонтов в Афинах существовала уже практически в законченном виде. Позже к ним был добавлен лишь секретарь (впрочем, как мы уже знаем, это не отразилось на названии коллегии – «девять архонтов»), что произошло, судя по всему, довольно поздно, не раньше конца VI в. до н. э. (см. ниже).

На этапе, о котором идет речь, назначение архонтов на их должности осуществлялось, как сообщает Аристотель, Ареопагом: «В старину Совет Ареопага приглашал к себе кандидата и, обсудив в своей среде его кандидатуру, назначал на каждую из должностей подходящего человека на год, после чего отпускал его» (Ath. pol. 8. 2). Хотя это сообщение и вызывает иногда недоверие исследователей⁶⁹, мы, в принципе, не видим в нем ничего невероятного. Напротив, именно такой порядок представляется вполне естественным в аристократическом государстве, каким были досолоновские Афины. Высших магистратов избирал Совет, включавший в себя верхушку знати; он же проводил на своем заседании некое подобие докимасии кандидатов. Впоследствии, при возникновении классической демократии, эти принципы были позаимствованы у аристократии демосом – как заимствовал он в это время и прочие аристократические по происхождению институты и ценности⁷⁰.

Кстати, избирая архонтов, Ареопаг тем самым заботился и о чистоте собственного состава. Ведь этот орган комплектовался именно из бывших архонтов, чей годичный срок пребывания в должности закончился. А второй раз занимать архонтскую должность лицо, уже побывавшее на ней, не имело права. Правда, высказывалось мнение⁷¹, что этот запрет касался только поста архонта-эпонима, а басилеем, полемархом, фесмофетом можно было становиться неограниченное количество раз. Возможно, эта точка зрения и верна, но опоры в традиции для нее мы не находим. Большую помощь могли бы оказать списки младших членов коллегии. Но такие списки либо не велись (календарных функций они не могли выполнять), либо, во всяком случае, утрачены безвозвратно.

Очередная реформа архонтата падает на время деятельности Солона. Как известно, в 594 г. до н. э. последний был избран архонтом-эпонимом (Arist. Ath. pol. 5. 2; Plut. Sol. 14; Diog. Laert. I. 62) и одновременно облечен чрезвычайными

⁶⁸ Это тот самый древний закон о тирании, который упоминает Аристотель (Ath. pol. 16. 10).

⁶⁹ Например: Sealey R. Op. cit. P. 96.

⁷⁰ Ср.: Суриков И. Е. Функции института ostracism и афинская политическая элита // ВДИ. 2004. № 1. С. 20.

⁷¹ Forrest W. G., Stockton D. L. Op. cit.

полномочиями для проведения реформ. Иными словами, его назначение было экстраординарным. Механизм этого назначения сам по себе не вполне ясен. Если в досолоновское время архонты избирались Ареопагом, то в ходе соловских реформ в этом порядке произошли изменения. Если верить тому же Аристотелю (Ath. pol. 8. 1), архонтов теперь стали избирать по жребию из числа кандидатов, предварительно намеченных филами. Однако чуть ниже (Ath. pol. 13. 2) автор «Афинской политики» говорит в контексте 580-х гг. до н. э., то есть уже послесолоновского периода, об архонтах, избранных не жребием, а голосованием, употребляя глагол αἰρεῖω. Налицо явное противоречие.

Далее, из Фукидида (VI. 54. 6) известно, что тираны Писистратиды стремились всегда назначать на архонтские должности своих ставленников, и эта информация подтверждается фрагментом списка эпонимных архонтов 520-х гг. до н. э. (см. ниже). Такая практика вряд ли совместима с жеребьевкой (как можно влиять на жребий?). Скорее архонты в период тирании избирались, а правящий тиран просто рекомендовал гражданам своего кандидата (подобные же рекомендации при выборах консулов несколько веков спустя практиковали римские принцепсы). Естественно, рекомендация Писистрата или Гиппия оказывалась фактически принудительной, и нужное лицо добивалось должности. Наконец, в связи с реформой архонтата в 487 г. до н. э., когда архонты действительно стали избираться по жребию, Аристотель (Ath. pol. 22. 5) пишет: «Прежде же все (архонты. – И. С.) были выборные».

Из всего сказанного вытекает, что основатель перипатетической школы, приписывая Солону введение жеребьевки архонтов, допустил какую-то ошибку. Более того, он вступил в противоречие с собственными же суждениями, высказанными в других местах, причем не только в «Афинской политике», но и в «Политике»⁷². Действительно, в этом последнем трактате (Pol. 1274 a1 sqq., a15 sqq.) сказано буквально следующее: «Солон, по-видимому, удержал то, что уже существовало прежде, а именно ареопаг и выборность должностных лиц... Солон, по-видимому, дал простому народу лишь самую необходимую власть – избирать должностных лиц и принимать от них отчеты»⁷³. В этом пассаже перед нами предстает совсем иная картина. Ни о какой жеребьевке архонтов речь вообще не идет; напротив, эксплицитно утверждается, что архонтские должности остались выборными, но теперь прерогатива этих выборов перешла от Ареопага к демосу, то есть к народному собранию.

Именно такой ход событий представляется наиболее вероятным, тем более что он прекрасно коррелирует с тем, что известно о конституционной истории афинского полиса. Жеребьевка архонтов начала применяться лишь с первых

⁷² Ср.: Forrest W. G. The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800–400 B.C. L., 1966. P. 164; Figueira The Ten Archontes... P. 472–473.

⁷³ «Политика» цитируется в переводе С. А. Жебелева.

десятилетий V в. до н. э. (о сопряженных с этим вопросом трудностях см. ниже). До того их избирали голосованием, но на каком-то этапе это действительно стал делать не Ареопаг, а еkkлeсия. Чисто теоретически можно предложить четыре возможные датировки этого изменения: а) при Солоне, в 594 г. до н. э.; б) после свержения в 580 г. до н. э. Дамасия, незаконно удерживавшего архонтскую должность в своих руках более двух лет; в) при Писистратидах; г) при Клизфене. Два последних варианта можно сразу отбросить: с тираническим режимом подобное расширение полномочий демоса слабо согласуется, а в числе реформ Клизфена рассматриваемую здесь меру не называет ни один из античных авторов, подробно рассказывающих о его преобразованиях. Что же касается двух датировок, названных первыми, «солоновская», бесспорно, выглядит намного предпочтительнее, поскольку подкрепляется прямым свидетельством аристотелевой «Политики».

Нам представляется, что в 594 г. до н. э. Солон впервые в афинской истории стал архонтом именно таким путем – через избрание всем гражданским коллективом, а не одним Ареопагом, как раньше. Это воспринималось, повторим, как экстраординарная мера: ведь назначался не просто рядовой архонт, а законодатель и реформатор. А в дальнейшем новый порядок прижился и стал нормой. В этом-то, собственно, и заключалась солоновская реформа архонтата.

Тот же Солон, как известно, разделил афинских граждан на четыре имущественных класса – пентакосиомедимнов, всадников, зевгитов и фетов. Во всяком случае, так говорит традиция (или одна из ветвей традиции), хотя в действительности он, скорее всего, лишь внес определенные модификации в ранее существовавшую систему классов⁷⁴. Впрочем, данная проблема, сама по себе непростая и дискуссионная, лежит за пределами нашего исследования. Она интересует нас лишь постольку, поскольку имеет отношение к реформе архонтата.

Дело в том, что, хотя по солоновскому законодательству активное избирательное право получили все граждане, пассивное (право быть избранным на ту или иную должность) все же не стало прерогативой беднейших из них. Были установлены имущественные цензы для различных магистратур. Так, чтобы стать казначеем, необходимо было принадлежать к высшему классу пентакосиомедимнов.

⁷⁴ Ср.: *Bugh G. R.* The Horsemen of Athens. Princeton, 1988. P. 22; *Foxhall L.* A View from the Top: Evaluating the Solonian Property Classes // The Development of the *Polis* in Archaic Greece. L.; N. Y., 1997. P. 61 ff.; *Wees H. van.* Mass and Elite in Solon's Athens: The Property Classes Revisited // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 351 ff.; *Rhodes P. J.* The Reforms and Laws of Solon: An Optimistic View // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 253; *Суриков И. Е.* Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб., 2008. С. 44 сл.

Что же касается архонтских должностей, известно, что в 457 г. до н. э. к ним были впервые допущены зевгиты (см. ниже). Сообщая об этом, Аристотель (Ath. pol. 26. 2) добавляет: «А до этого времени все (архонты. – И. С.) были из всадников и пентакосиомедимнов, зевгиты же обычно исполняли рядовые должности, если только не допускалось какого-нибудь отклонения от предписаний закона». Кстати, обратим внимание на эту последнюю оговорку. Делая ее, автор трактата тем самым, по сути дела, признает, что нарушения закона, о которых он говорит, случались и что зевгиты в отдельных случаях могли становиться архонтами и в более ранние эпохи. Это вполне соответствует тому, что мы знаем о правосознании афинян, которые отнюдь не делали кумира из буквы закона⁷⁵.

Однако, если говорить не о нарушениях, а о норме, вполне ясно, что в рамках солонического порядка право становиться архонтами имели граждане, входящие в состав первых двух классов. Можно, правда, предположить еще, что первоначально это право вообще распространялось только на пентакосиомедимнов, а всадники получили его позднее, но тогда встанет вопрос: когда именно? А никакого ответа на этот вопрос, ни малейшего намека на такой ответ в источниках мы не находим. А значит, перед нами – менее вероятный вариант развития событий.

В послесолонических Афинах архонтские должности, особенно магистратура архонта-эпонима, стали предметом чрезвычайно острой борьбы. Это не удивительно, коль скоро теперь на них избирали общенародным голосованием: это уже само по себе должно было повысить значение данного властного института. Политический конфликт в ближайшие десятилетия после реформ Солона разворачивался во многом именно вокруг архонтата. Предоставим слово опять Аристотелю (Ath. pol. 13. 1–2):

На пятый же год после правления Солона не могли выбрать архонта вследствие смуты, и дальше на пятый год по той же причине было безвластие (ἀναρχία⁷⁶). А после этого, спустя такой же промежуток времени, Дамасий, избранный архонтом, управлял два года и два месяца, пока не был силой устранен с должности⁷⁷. Потом афиняне решили, ввиду происходивших смут, выбрать в архонты десятерых лиц:

⁷⁵ Суриков И. Е. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // Древнее право. 1999. № 2 (5). С. 37–38.

⁷⁶ Строго говоря, ἀναρχία здесь нужно понимать не в общем смысле, как ‘безвластие, анархия’, а в смысле узко-техническом, как отсутствие архонта – высшего должностного лица государства. Аристотель, несомненно, знакомился с афинским списком архонтов (эта его часть до нас не дошла), и там в соответствующих двух местах либо просто не стояло никаких имен, либо так и было написано: ἀναρχία.

⁷⁷ Дамасий стал архонтом в 582/581 г. до н. э., а отстранен был в начале 580/579 г. до н. э.

пятерых – из свпатридов, троих – из земледельцев, двоих – из ремесленников, и эти архонты правили в течение года после Дамасия. Это и показывает, что архонт имел весьма большую силу, так как, по-видимому, все время шла борьба из-за этой должности.

При интерпретации данного пассажа (очень ценного в источниковом отношении, поскольку Аристотель опирался на данные списка архонтов, а та его часть, которая относится к началу VI в. до н. э., до наших дней почти целиком не дошла) следует постоянно держать в памяти, что речь идет о том периоде истории Афин, когда назревали предпосылки для установления тирании. Борющимся друг с другом аристократам, вне сомнения, представлялось, что архонтская должность может стать очень удобным стартовым пунктом для захвата тиранической власти. С предельной ясностью это видно на примере инцидента с Дамасием. Этот предшественник Писистрата, незаконно удерживая власть в своих руках значительно дольше положенного годовичного срока, стремился таким способом стать единоличным правителем полиса, фактически осуществляя в мягкой форме государственный переворот. Новым явлением стали и годы «анархии», когда высшего магистрата просто не удавалось избрать. Очевидно, в условиях, когда выборы перешли в народное собрание, сделать это было значительно сложнее, чем раньше, когда ареопагиты в своем относительно небольшом составе всегда могли путем взаимных уступок прийти к какому-то компромиссу.

Но наиболее загадочно во всем процитированном пассаже то место, в котором говорится о выборах десяти архонтов после свержения Дамасия⁷⁸. Аристотель здесь, как и во многих других местах «Афинской политики», краток до невнятности, к тому же не дает никакого исторического контекста (похоже, что он его и не знал). Прежде всего, непонятно, были ли эти десять архонтов выбраны на место ординарной коллегии девяти архонтов или на место только архонта-эпонима. Второй вариант представляется предпочтительным, поскольку основная борьба шла именно за должность эпонима, и именно с нее был только что смещен Дамасий.

Другая неясность связана с теми социальными слоями, сословиями, классами или группировками, из которых на пропорциональной основе были избраны десять архонтов: свпатридами, агроиками (земледельцами, крестьянами) и демиургами (в позднейшем смысле – ремесленниками, но что этот термин

⁷⁸ Об этом эпизоде афинской истории см. наиболее подробно: *Figueira T. J. The Ten Archontes...* Впрочем, мы далеко не во всем согласны с выводами автора этой работы. В частности, он считает, что десять архонтов были избраны на 579/578 г. до н. э., в то время как, по нашему мнению, эти выборы имели место *сразу* после свержения Дамасия и имели в виду 580/579 г. до н. э. (его оставшуюся часть).

обозначал в начале VI в. до н. э., очень трудно судить)⁷⁹. Что это за внезапно появляющиеся группы населения? В каком отношении и соотношении они находились друг к другу (а также к региональным группировкам педиеев, паралиев и диакриев, которые как раз в то время зарождались в Аттике)? Почему была установлена именно такая пропорция – 5 : 3 : 2? На все эти вопросы пока нет (и, возможно, никогда не будет) однозначного и непротиворечивого ответа.

Нам кажется наиболее вероятной следующая реконструкция. Когда в начале 580/579 г. до н. э. Дамасий был отрешен от должности архонта-эпонима, в Афинах возникла беспрецедентная ситуация. На оставшиеся десять месяцев года государство не имело высшего магистрата, что, естественно, не могло быть допущено ни по каким соображениям – ни по политическим, ни по религиозным. А избирать на этот срок нового архонта было поздно, да и опять же шло вразрез со всеми традициями. Из экстраординарного положения был найден экстраординарный же выход: на место одного архонта избрали десять магистратов (так сказать, «децемвиров»), каждый из которых должен был занимать должность в течение месяца. А вышеупомянутая пропорция, очевидно, отражала соотношение сил борющихся сторон (хотя о деталях этой борьбы можно только гадать).

Разумеется, это – лишь одна из возможных гипотез, вовсе не претендующая быть абсолютной истиной. Впрочем, ясно одно: какой бы характер ни имел данный политико-правовой эксперимент, он не получил никакого продолжения и никаких последствий. Больше о подобной практике мы не слышим; судя по всему, после ликвидации кризиса власти афиняне вернулись к нормальной, традиционной системе.

В период тирании Писистратидов значение архонтата в Афинах несколько снизилось. Это и не удивительно: теперь архонт фактически больше не был первым лицом в государстве, выше него стоял тиран. Тем не менее никаких попыток отменить архонтат или внести в этот институт какие-либо изменения ни Писистрат, ни Гиппий, как и следовало ожидать, не предприняли. По словам Фукидида (VI. 54. 6), «тираны заботились лишь о том, чтобы кто-нибудь из их сторонников всегда занимал должность архонта».

Это суждение общего характера полностью подтверждается конкретными фактами. Известно, что должность архонта-эпонима занимали сам Гиппий (в 526/525 г. до н. э.), его сын Писистрат Младший (в 522/521 г. до н. э.), а кроме них, такие видные аристократические лидеры, как Клисфен из рода Алкмесонидов (в 525/524 г. до н. э.) – будущий «отец афинской демократии» – и Мильтиад из рода Филаидов (в 524/523 г. до н. э.) – будущий марафонский

⁷⁹ О трех перечисленных группах населения см.: Roebuck C. Three Classes (?) in Early Attica // *Hesperia*. 1974. Vol. 43. No. 4. P. 485–493.

победитель. Оба были еще молодыми людьми и входили в ту пору в окружение Гиппия⁸⁰.

Зато после свержения тирании в Афинах роль архонтата и особенно магистратуры архонта-эпонима чрезвычайно возросла⁸¹. Эта последняя стала, по сути дела, «президентской»; на хронологическом отрезке между 510 и 487 гг. до н. э. мы находим на ней виднейших афинских политиков. Среди них опять же представители старинных родов – Филаидов (Исагор)⁸², Алкмеонидов (Алкмеон)⁸³, Писистратидов (Гиппарх, сын Харма)⁸⁴, а также не столь знатные, но весьма перспективные Фемистокл⁸⁵ и Аристид⁸⁶.

⁸⁰ Об архонтате Писистрата Младшего сообщает Фукидид (VI. 54. 6–7), об архонтате Мильтиада – Дионисий Галикарнасский (Antiq. Rom. VII. 3. 1); об архонтате Гиппия и Клисфена впервые стало известно после публикации эпиграфического фрагмента списка архонтов 520-х гг. до н. э. (Meritt B. D. An Early Archon List // Hesperia. 1939. Vol. 8. No. 1. P. 59–65). Не скажем, что в связи с памятником не существует никаких проблем; см., например, попытку оспорить его аутентичность (Plommer W. H. The tyranny of the Archon List // Classical Review. 1969. Vol. 19. No. 2. P. 126–129), а также работу, где приводятся аргументы (впрочем, крайне неудачные) в пользу того, что Писистрат Младший был архонтом уже после свержения афинской тирании (Arnush M. F. The Career of Peisistratos Son of Hippias // Hesperia. 1996. Vol. 64. No. 2. P. 135–162). Однако все эти проблемы, на наш взгляд, разрешимы без помощи экзотических гипотез.

⁸¹ Об этом периоде истории архонтата см.: Kelly D. H. Op. cit.

⁸² Архонт 508/507 г. до н. э. (Arist. Ath. pol. 21. 1). О принадлежности Исагора к роду Филаидов см.: Bicknell P. J. Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972. P. 84–88; Суриков И. Е. Геродот и Филаиды // Аристей. 2011. Т. 3. С. 50–51. Попытка оспорить тождество Исагора-архонта и Исагора – противника Клисфена (McCargar D. J. Isagoras, Son of Teisandros, and Isagoras, Eponymous Archon of 508/7: A Case of Mistaken Identity // Phoenix. 1974. Vol. 28. No. 3. P. 275–281) не представляется убедительной.

⁸³ Архонт 507/6 г. до н. э. См.: Bicknell P. J. Studies... P. 54–63; McCargar D. J. The Archonships of Hermokreon and Alkmaion: A Further Consideration of Ath. pol. 22: 1–3 // Rheinisches Museum für Philologie. 1976. Bd 119. Ht. 4. S. 315–323.

⁸⁴ Архонт 496/495 г. до н. э. По поводу этого и следующих архонтатов см.: Суриков И. Е. Афинский ареопаг... С. 33.

⁸⁵ Архонт 493/492 г. до н. э. Фемистокл принадлежал к боковой ветви рода Ликомидов. О его происхождении см.: Frost F. J. Themistocles' Place in Athenian Politics // California Studies in Classical Antiquity. 1968. Vol. 1. P. 105–124; Bicknell P. J. Themistokles' Father and Mother // Historia. 1982. Bd 31. Ht. 2. S. 161–173; Harvey F. D. Neokles, Father of Themistokles // Historia. 1986. Bd 29. Ht. 2. S. 110–111; Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М., 2008. С. 150 сл. О его архонтате см.: Fornara C. W. Themistocles' Archonship // Historia. 1971. Bd 20. Ht. 5/6. S. 534–540; Ставнюк В. В. Фемістокл і Афіни: діяльність Фемістокла в контексті еволюції афінського поліса. Київ, 2004. С. 39 сл.

⁸⁶ Архонт 489/488 г. до н. э.

Интересно, что демократические реформы Клисфена, внесшие коренные изменения в государственное устройство Афин, при этом, насколько известно, практически никак не затронули институт архонтата. Единственное изменение в этой коллегии, которое можно с наибольшей долей уверенности приписать клисфеновским временам, – увеличение числа ее членов с девяти до десяти посредством прибавки секретаря. Сделано это было, скорее всего, не по каким-либо принципиальным соображениям, а просто в связи с тем, что после учреждения системы новых десяти фил возникла необходимость привести все коллегиальные магистратуры в соответствие с этим числом.

Таким образом, архонтат был инкорпорирован в политическую систему афинской демократии. Укажем в данной связи, что процедура ostracism, введенная законом, принятым при Клисфене⁸⁷, проводилась именно под председательством архонтов (Philochor. FGrHist. 328. F30); очевидно, каждый из членов коллегии наблюдал за голосованием граждан одной из десяти фил.

В период, о котором идет речь, архонтские должности не были еще отодвинуты на второй план никакими иными магистратурами. Правда, как раз в ходе клисфеновских реформ, в конце VI в. до н. э., была учреждена коллегия стратегов (Arist. Ath. pol. 22. 2), которую ждала большая будущность. Однако на первых порах стратеги отнюдь не были конкурентами архонтам и воспринимались как подчиненные, низшие по сравнению с ними магистраты. Об этом прямо говорит Аристотель, который, упомянув в только что приведенном месте о введении стратегов, тут же прибавляет: «предводителем же всей вообще армии был полемарх». Такое положение сохранялось (во всяком случае, номинально) еще в 490 г. до н. э., во время Марафонского сражения (ср.: Herod. VI. 109–110).

Когда же стратеги, так сказать, «одолели» архонтов? Сразу оговорим, что, употребляя это фигуральное выражение, мы отнюдь не имеем в виду, что в Афинах происходила борьба между институтами архонтата и стратегии. В нашей историографии популярно писать в этом ключе, например, утверждать, что в Спарте имела место «борьба между царской властью и эфоратом» и т. п. Подчеркнем: сами по себе архонтат и стратегия не могли вступать между собой в борьбу, поскольку они являлись институтами, стало быть, в известной мере абстракциями. Бороться друг с другом могли конкретные архонты и стратеги. Да и тут следует учитывать, что в условиях реальной политической жизни сегоднешний архонт мог на следующий год стать стратегом и наоборот.

Но все же, когда произошел, так сказать, «коренной перелом» в истории архонтата? Можно назвать точную дату этого события, последней по-настоящему крупной и значимой реформы интересующей нас магистратуры. Это – 487 г.

⁸⁷ Наиболее подробно см.: Thomsen R. The Origin of Ostracism: A Synthesis. Copenhagen, 1972; Суриков И. Е. Остракизм в Афинах...

до н. э., когда, по сообщению Аристотеля (Ath. pol. 21. 5), которое необходимо привести здесь полностью ввиду его значимости, впервые «избрали по жребию девятерых архонтов по филам из предварительно намеченных демами пятисот кандидатов».

Итак, суть реформы – переход от избрания архонтов голосованием в народном собрании к жеребьевке, правда, из предварительно намеченных кандидатов⁸⁸. Упомянем возникающую в связи с реформой хронологическую проблему. Геродот (VI. 109), говоря о событиях 490 г. до н. э., пишет, что архонт-полемарх этого года Каллимах был «избран афинянами по жребию». Либо «отец истории» ошибается (что, в принципе, вполне возможно и даже наиболее вероятно, поскольку он никогда специально не занимался проблемами конституционной истории Афин). Либо «младшие» члены коллегии архонтов стали избираться по жребию несколько раньше, чем архонт-эпоним, – но тогда, получается, неточность допустил Аристотель? Либо, наконец, как предположил Р. Сили⁸⁹, Геродот имеет в виду, что члены коллегии архонтов избирались голосованием, но затем распределяли между собой архонтские должности по жребию. Но этот вариант тоже представляется нам вряд ли возможным, к тому же, кажется, он противоречит словоупотреблению у Геродота.

Как бы ни решать данный спорный вопрос, ясно одно: реформа 487 г. до н. э. стала весьма важной вехой в эволюции архонтата, мерой, подорвавшей значение этого института. Теперь архонтами становились не крупнейшие политические деятели, как раньше, а в основном случайные люди. В первые годы после реформы в числе эпонимных магистратов еще изредка обнаруживаются (видимо, по инерции) представители знатнейших и наиболее влиятельных родов⁹⁰, но уже вскоре их удельный вес практически сходит на нет. Кстати, это оказало самое непосредственное, хотя и не сиюминутное, влияние на состав Ареопага: этот орган, комплектовавшийся, как мы знаем, из бывших архонтов, лет через 20–25 должен был тоже превратиться в собрание случайных людей (что, несомненно, облегчило Эфиальту его знаменитую реформу 461 г. до н. э.).

В исследовательской литературе ведется дискуссия о том, кто из афинских политиков стал конкретным инициатором реформы архонтата, кому она была

⁸⁸ О реформе 487 г. до н. э. см.: *Cavaignac E.* Op. cit.; *Buck R. J.* Op. cit.; *Badian E.* Op. cit.

⁸⁹ *Sealey R.* Op. cit. P. 203–204.

⁹⁰ Каллиад, архонт 480/479 г. до н. э., возможно, принадлежал к роду Кериков. Ксантип, архонт 479/478 г. до н. э., был либо Алкмеонидом, либо Бузигом (его не следует путать с Ксантиспом, отцом Перикла, занимавшим в том же году пост стратега: совмещать эти две должности не дозволялось ср.: *Figueira T. J.* Xanthippos, Father of Pericles, and the Prutaneis of the Naukraroi // *Historia*. 1986. Bd 35. Ht. 3. S. 257).

если не выгодна, то, так сказать, наименее невыгодна? В другом месте⁹¹ мы высказали предположение, что в данной связи речь следует вести о Фемистокле и Аристиде, и поныне остаемся на той же точке зрения. Оба названных политика к 487 г. до н. э. уже побывали архонтами-эпонимами, то есть лично им реформа ничем не угрожала. Более того, в Ареопаге, состоящем не из ярких личностей, а из посредственностей, им легче было играть «первую скрипку».

Обновленный реформой архонтат не мог уже соперничать по влиятельности с коллегией стратегов. Ведь члены этой последней по-прежнему избирались голосованием и выступали как ответственные представители демоса. Кроме того, не забудем, что архонтом можно было стать лишь один раз в жизни, а стратегом – неограниченное количество раз.

Впрочем, падение политического влияния того или иного института и падение его авторитета – не одно и то же. Характерен в данной связи последний значимый факт из истории архонтата. В 457 г. до н. э. зевгиты получили право становиться архонтами (Arist. Ath. pol. 26. 2). Фетам такого права, насколько можно судить, официально не было дано никогда. Однако, во всяком случае, во времена Аристотеля *de facto* запрет элементарно обходился. Когда кандидатам на жеребьевку задавали вопрос, членом какого имущественного класса они являются, феты просто давали ложные сведения о своей принадлежности (Arist. Ath. pol. 7. 4), и на это смотрели «сквозь пальцы».

В допущении зевгитов (а фактически – и фетов) к архонтату не следует видеть дальнейшее снижение роли этого института. Скорее наоборот: коль скоро представители низших имущественных классов добивались и добились для себя права быть архонтами, стало быть, они считали это право высоким и ценным. Никто не будет домогаться должности, которая не даст никакого престижа.

Более того, переход к жеребьевке архонтов в большей степени, чем раньше, придал этой процедуре отчетливо сакральный характер⁹². Ведь жребий в античности всегда рассматривался как проявление воли богов. И, в принципе, даже в эпоху поздней классики роль архонтата в системе афинского полиса не следует недооценивать⁹³. Не случайно Аристотель в очерке о современном

⁹¹ Суриков И. Е. Афинский ареопаг... С. 34–35. Там же – более подробная аргументация.

⁹² В целом о принципе жребия в античных полисах см.: Mulgan R. G. Lot as a Democratic Device of Selection // The Review of Politics. 1984. Vol. 46. No. 4. P. 539–560.

⁹³ С начала эпохи эллинизма эта роль, похоже, вновь возросла, да и в целом приходится говорить об определенных изменениях, связанных с архонтатом. Так, встречаются случаи, когда один и тот же гражданин повторно становился архонтом-эпонимом (например, известный политик и полководец Олимпиодор – в 294/293 и 293/292 гг. до н. э., два года подряд; см. Хабихт Х. Афины: История города в эллинистическую эпоху. М., 1999. С. 93).

ему состоянию государственного устройства Афин так подробно говорит обо всех членах коллегии архонтов и их функциях (Ath. pol. 55–59) – гораздо подробнее, чем о стратегах (Ath. pol. 61).

Главное, на наш взгляд, в другом. В результате длительного процесса эволюции, последним звеном которого стала реформа 487 г. до н. э., архонтат, оставаясь институтом по-прежнему значимым и авторитетным, перестал быть институтом *политическим* (в отличие от той же коллегии стратегов). Нетрудно заметить, что Аристотель применительно к IV в. до н. э. останавливается исключительно на религиозных и судебных полномочиях эпонима, басилея, полемарха и фесмофетов. Несомненно, он отразил реальное положение вещей. Архонтат выпал из политической жизни афинского государства, перешел в иные сферы общественного бытия⁹⁴. И в этом, пожалуй, главный итог его истории.

Не говоря уж о том, что в классическом афинском полисе подобная практика была настрого запрещена, – абсолютно невероятно, чтобы жребий два раза выпал одному и тому же лицу; следовательно, в начале III в. до н. э. архонты вновь избирались, как в архаическую эпоху. В целом проблематики, связанной с эллинистическим архонтатом, мы в этой работе не касаемся; заметим только, что переход от жеребьевки к избранию – весомый довод против точки зрения тех исследователей, которые считают, что в Афинах как минимум до 260 г. до н. э. сохранялась реальная демократия (например, *Dreyer B. Wann endet die klassische Demokratie Athens? // Ancient Society. 2001. Vol. 31. P. 27–66*). В действительности, конечно, народовластие рухнуло в 322 г. до н. э., а то, что было позже, – это в лучшем случае умеренная олигархия, маскирующаяся под демократию, «пустая оболочка», как мы выражаемся в другом месте (*Суриков И. Е. Солнце Эллады... С. 304 сл.*). Напомним, в частности, слова Аристотеля (Pol. IV. 1294 b8): «Одной из основ демократического строя является замещение должностей по жребию, олигархического же – по избранию».

⁹⁴ Как известно, политическая жизнь была лишь одним из видов коллективной деятельности граждан полиса (*Schmitt-Pantel P. Collective Activities and the Political in the Greek City // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 199–213*).

АФИНСКИЙ АРЕОПАГ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ V в. ДО Н. Э.*

Афинский Ареопаг – институт во многих отношениях уникальный в истории античности. Ведущий свое начало с незапамятной древности (восходя, судя по всему, еще к царской эпохе), окруженный ореолом мифов и легенд, этот совет проходит сквозь все периоды формирования, развития и упадка демократического афинского полиса, не только не теряя при этом своего авторитета, но, кажется, лишь укрепляя его, оставаясь неким островком стабильности в многократно изменявшейся политике. Он переживает ряд учреждений, появившихся гораздо позже него, и к рубежу нашей эры становится едва ли не высшим органом власти в городе¹.

Такая устойчивость тем более поразительна, что Ареопаг практически по всем параметрам резко контрастировал с общим духом афинской демократии. Способ формирования совета (не обычные для античных демократий жеребьевка или голосование, а кооптация бывших архонтов, сопряженная с докимасией, проводившейся, вероятно, самими же ареопагитами), пожизненный срок полномочий его членов, подчеркнуто архаичный характер заседаний – всё это черты, для Афин совершенно не характерные².

Наибольший интерес в истории Ареопага представляет период окончательного складывания классического полиса, V в. до н. э., когда за 70–80 лет (от Клизфена до Клеона) «политический климат» в Афинах претерпел грандиозные изменения³. Именно в это время обозначается и точное место Ареопага в афинской политике. В центре данного хронологического отрезка оказывается то событие в политической жизни Афин, которое принято в историографии

* Впервые опубликовано в: ВДИ. 1995. № 1. С. 23–40.

¹ Аттические надписи римского времени с редким постоянством называют Ареопаг первым при перечислении полисных институтов (ἡ ἐξ Ἀρείου πάγου βουλή καὶ ἡ βουλή τῶν Φ καὶ ὁ δῆμος κτλ., см., например: IG. III. 10; 41; 454; 680). Ср. Cic. De nat. deor. II. 74: государством афинян управляет (*regit*) Ареопаг.

² К чрезвычайно своеобразному положению Ареопага («аристократического совета в демократическом полисе») недавно привлек внимание В. А. Коршунков: Коршунков В. А. Ареопаг и политический радикализм конца V века до н. э. // Среда, личность, общество: Доклады конф. М., 1992. С. 138 сл.

³ Ср.: Frost F. J. Tribal Politics and the Civic State // American Journal of Ancient History. 1976. Vol. 1. No. 2. P. 66–73.

обозначать как «реформу Эфиальта». Целесообразно остановиться вкратце на главных интерпретациях этого сюжета в мировом антиковедении.

Традиционная, «хрестоматийная» трактовка (целиком преобладавшая вплоть до середины XX в., но сохраняющая сильные позиции и ныне) в самом общем виде может быть выражена следующим образом. В 462 г. до н. э. Эфиальт путем законодательной реформы лишил Совет Ареопага ряда важнейших полномочий, переданных более демократическим органам – Совету Пятисот, народному собранию и т. п. В результате реформы Ареопаг, ранее игравший важную роль в полисном устройстве, эту роль полностью утратил и был сведен к суду по некоторым второстепенным делам, что стало одним из решающих шагов в демократизации афинского полиса⁴.

Существует, однако, и иная точка зрения. Еще в 1931 г. Г. Т. Уэйд-Гери в статье «Евпатриды, архонты и Ареопаг»⁵ указал на большое значение реформы 487 г. до н. э. (Arist. Ath. pol. 22. 5), в ходе которой на место избрания архонтов путем голосования пришла жеребьевка; это обстоятельство привело к тому, что примерно через 25 лет (т. е. как раз к 462 г. до н. э.) Ареопаг оказался почти целиком составленным из более или менее случайных людей и не мог уже играть прежней роли. Таким образом, реформа Эфиальта лишь закрепила существующее положение вещей.

В 1960–1980-х гг. в направлении, намеченном Уэйд-Гери, работала целая когорта антиковедов: Р. Сили, Э. Рушенбуш и др.⁶ Выводя за скобки различие индивидуальных подходов авторов, можно в целом (безусловно, упрощенно)

⁴ Из работ последних лет: *Rhodes P. J.* A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxf., 1981. P. 309–322; *Lintott A.* Violence, Civil Strife and Revolution in the Classical City, 750–330 B.C. Baltimore, 1982. P. 128; *Finley M. I.* Politics in the Ancient World. Cambridge, 1983. P. 71; *Ostwald M.* From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Berkeley, 1986. P. 70–73; *Meier Chr.* Der Umbruch zur Demokratie in Athen (462/61 v. Chr.) // *Epochenschwelle und Epochenbewusstsein*. München, 1987. S. 353–380; *Cawkwell G. L.* Νομοφυλακία and the Areopagus // *Journal of Hellenic Studies*. 1988. Vol. 108. P. 1–11; *Ober J.* Mass and Elite in Democratic Athens. Berkeley, 1989. P. 77–78.

⁵ Ссылаемся на переиздание в книге: *Wade-Gery H. T.* Essays in Greek History. Oxf., 1958. P. 86–115. Ср. еще: *Cavaignac E.* La désignation des archontes athéniens, jusqu'en 487 // *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes*. 1924. T. 48. Но статья Кавеньяка не имела большого резонанса.

⁶ *Day J., Chambers M.* Aristotle's History of Athenian Democracy. Berkeley, 1962. P. 120–130; *Sealey R.* Ephialtes // *Classical Philology*. 1964. Vol. 59. No. 1. P. 11–22; *Sealey R.* A History of the Greek City States ca. 700–338 B.C. Berkeley, 1976. P. 257–261; *Ruschenbusch E.* Ephialtes // *Historia*. 1966. Bd 15. Ht. 3. S. 369–376; *Schachermeyr F.* Die frühe Klassik der Griechen. Stuttgart, 1966. S. 103; *Ehrenberg V.* The Greek State. 2 ed. L., 1969. P. 62; *Martin J.* Von Kleisthenes zu Ephialtes // *Chiron*. 1974. Bd 4. S. 5–42; *Wallace R. W.* Ephialtes and the Areopagos // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1974. Vol. 15. No. 3. P. 259–269; *Frost F. J.* Op. cit.; *Jones L. A.*

так обрисовать ту концепцию, что сложилась в результате их исследований. Снижение роли Ареопага в V в. до н. э. было делом нескольких десятилетий; оно произошло не вследствие одного законодательного акта, а постепенно, эволюционным путем. Имело место много событий, в том числе реформа 487 г. до н. э. (впрочем, как раз ее значительное влияние на эволюцию Ареопага отрицается рядом ученых⁷), реформа 457 г. до н. э., допустившая к занятию архонтских должностей и, следовательно, к местам в Ареопаге зевгитов (Arist. Ath. pol. 26. 2) и др. В этой цепи реформа 462 г. до н. э., связанная с именем Эфиальта, – в лучшем случае лишь одно звено, не более важное, чем остальные. Проведена она была скорее по конкретно-политическим (борьба с Кимоном), чем по принципиальным соображениям. Значение реформы и самой фигуры Эфиальта было преувеличено публицистикой и риторической историографией IV в. до н. э. и некритически воспринято последующей традицией.

Разновидностью рассматриваемого направления можно назвать концепцию, согласно которой позднейшей традицией преувеличены не только значение реформы Эфиальта, но и сама роль Ареопага в истории и полисном устройстве Афин. Именно в русле таких представлений написана монография Р. Уоллеса, посвященная истории Ареопага в VII–IV вв. до н. э.⁸, основных положений которой нам еще не раз предстоит коснуться.

В отечественной литературе последних десятилетий тема Ареопага также не обойдена вниманием. В. М. Строецкий, специально занимавшийся именно реформой Эфиальта⁹, является решительным приверженцем традиционной точки зрения в интерпретации этого события. В большей (хотя и не определяющей) степени «критическое» направление повлияло на разработки М. А. Цукановой¹⁰ и В. А. Коршункова¹¹, наиболее подробно в нашем антиковедении

The Role of Ephialtes in the Rise of Athenian Democracy // *Classical Antiquity*. 1987. Vol. 6. No. 1. P. 53–76; *Stein-Hölkeskamp E.* Adelskultur und Polisgesellschaft. Stuttgart, 1989. S. 218–233.

⁷ *Badian E.* Archons and Strategoi // *Antichthon*. 1971. Vol. 5. P. 1–34; *Martin J.* Op. cit. S. 27; *Cawkwell G. L.* Op. cit.

⁸ *Wallace R. W.* The Areopagos Council, to 307 B.C. Baltimore; L., 1989.

⁹ *Строецкий В. М.* Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии. Горький, 1987. С. 43–47; *Строецкий В. М.* Деятельность Эфиальта и радикальные тенденции афинской демократии середины V в. до н. э.: оценка традиции и уроки истории // *Античность и современность: Докл. конф. М., 1991.* С. 41–44; *Строецкий В. М.* Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991. С. 48–52.

¹⁰ *Цуканова М. А.* Аристотель о периоде главенства Ареопага после 480 г. до н. э. // *Античный мир и археология*. 1972. Вып. 1. С. 143–153.

¹¹ *Коршунков В. А.* Афинский Ареопаг: аристократический совет в демократическом полисе. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989; *Коршунков В. А.* Ареопаг и афинская демократия // *Античность и современность: Докл. конф. М., 1991.* С. 50–52; *Коршунков В. А.*

исследовавшего эволюцию Ареопага в течение архаической и классической эпох.

При всем несходстве двух точек зрения, традиционной и «критической», между ними есть нечто общее, а именно – констатация снижения роли Ареопага в первой половине V в. до н. э., утраты им своих важнейших полномочий, будь это эволюционный процесс или следствие одной радикальной реформы¹². Однако такое утверждение вызывает ряд новых вопросов. Почему же «деградировавший» совет в наиболее кризисные моменты истории Афин (конец Пелопоннесской войны, Херонейская битва) как бы возрождается, вновь начиная играть решающую роль? С чем связан его выход на первый план в позднейшую эпоху? Какова, наконец, причина воистину колоссального авторитета этого органа? Стремление разрешить противоречия побуждает вернуться к проблеме эволюции Ареопага в период окончательного становления афинской демократии, к реформе Эфиальта.

Предварительные источниковедческие замечания. Рассмотрим комплекс источников, относящихся к реформе 462 г. до н. э. Естественное внимание исследователя привлекают прежде всего свидетельства современников. Таковых два. Трагедия Эсхила «Эвмениды» имеет огромное значение для нашей проблемы (возможно, не меньшее, чем все остальные источники, вместе взятые). На этом памятнике мы подробно остановимся ниже, пока же отметим следующее: а) в трагедии, поставленной в 458 г. до н. э., то есть буквально по горячим следам событий, Ареопаг занимает важнейшее место, он сам выведен на сцену; драма полна явных и скрытых аллюзий на некие важные перипетии, связанные с изменением роли и значения Ареопага в афинском полисе; б) в то же время Эсхил нигде напрямую не упоминает ни реформы, ни самого имени Эфиальта (что, впрочем, не удивительно, имея в виду жанр произведения).

Второе упомянутое нами свидетельство принадлежит ритору Антифону (Antiph. V. 68), но в нем фигурирует лишь загадочная гибель Эфиальта и ни слова не говорится о каких-либо реформах, связанных с его именем.

Характерно, что у важнейших авторов V – первой половины IV в. до н. э., у которых мы могли бы ожидать если не рассказа о реформе Ареопага, то

Религиозные, судебные и политические полномочия афинского Ареопага // Античность и раннее средневековье: Социально-политические и этнокультурные процессы. Нижний Новгород, 1991. С. 37–42.

¹² Об этой утрате не говорят лишь исследователи, полагающие, что Ареопаг и до V в. до н. э. не играл важной роли (Уоллес, Штейн-Хелькескамп). Исключение представляет указание В. А. Коршункова на сохранение и после всех реформ непрерываемого морального авторитета Ареопага (*Коршунков В. А.* Религиозные, судебные и политические полномочия... С. 40; *Коршунков В. А.* Ареопаг и политический радикализм... С. 138 сл.).

хотя бы упоминания о ней, ничего подобного найти нельзя¹³. Умалчивают о ней и Геродот, для которого (Herod. VIII. 52) Ареопаг вообще ассоциируется только с холмом напротив Акрополя, и Фукидид, и Аристофан, и Ксенофонт, и Платон, и большинство аттических ораторов¹⁴.

Следующее (и не вполне ясное) упоминание о реформе мы встречаем лишь в 360–350-х гг. до н. э. (таковая наиболее широкая датировка «Ареопагитика» Исократ). Воспевая старинные афинские доблести, Исократ сетует (не называя имен) на «тех, которые управляли городом незадолго до нас (ὁλίγω πρό ἡμῶν)», и возлагает на них ответственность за разрушение власти Ареопага (καταλύσαντες τὴν τῆς βουλῆς δύναμιν, Isocr. VII. 50–51).

Имя Эфиальта в связи с реформой Ареопага впервые зафиксировано у Аристотеля, дающего наиболее подробный (хотя и очень неровный) рассказ о реформе (Arist. Ath. pol. 25). В данном случае Аристотель комбинирует сведения, почерпнутые им у аттидографов Андротиона и Клидема¹⁵. В трактовке Аристотеля Эфиальт отнимает у Ареопага τὰ ἐπίθετα (т. е. дополнительно приобретенные полномочия), δι' ὧν ἦν ἡ τῆς πολιτείας φυλακὴ (ср. Ibid. 26. 1) и передает их Совету Пятисот, народному собранию и дикастериям. Далее следует анекдот о роли Фемистокла в реформе. Ниже (Ibid. 41. 2) Аристотель, пользуясь лексикой Исократ, более категорично называет Эфиальта καταλύσας τὴν Ἀρεοπαγίτων βουλήν. Обычно с той же реформой соотносят еще ряд пассажей «Афинской политики» (27. 1; 35. 2). В «Политике» (1274a7) Аристотель выражается не столь определенно: Эфиальт «урезал» (ἐκόλουσε) Совет Ареопага. Характерно, что здесь (ср. Ath. pol. 27. 1) рядом с Эфиальтом появляется имя Перикла, а в другом месте (Ath. pol. 41. 2) – даже Аристида (sic!). В целом сообщения Аристотеля носят явные следы полемики в аттидографической традиции.

Не в меньшей степени это можно сказать об авторах эллинистического и римского времени. Аттидограф III в. до н. э. Филохор (FGrHist. 328. F64) пишет о некой коллегии номофилаков, созданной, когда Эфиальт оставил Ареопагу только τὰ ὑπὲρ τοῦ σώματος. Согласно Диодору (XI. 77. 6), Эфиальт убедил демос ψηφίσματι μειῶσαι τὴν ἐξ Ἀρείου πάγου βουλήν καὶ τὰ πάτρια... νόμιμα καταλῦσαι (вновь исократовская лексика). Характерно, что речь здесь идет уже не об ἐπίθετα, как у Аристотеля, а о πάτρια, то есть о чем-то традиционном, идущем от предков.

¹³ Ruschenbusch E. Ephialtes...

¹⁴ Ср., однако: Demosth. XXIII. 66: у Ареопага «ни тиран, ни олигархия, ни демократия не осмелились отнять суда об убийствах (τὰς φονικὰς δίκας ἀφελέσθαι)». Здесь можно при желании найти косвенный намек на то, что другие полномочия у Ареопага все же отнимались.

¹⁵ Schreiner J. H. Aristotle and Perikles: A Study in Historiography. Oslo, 1968. P. 63–71.

Немало реминисценций, связанных с реформой 462 г. до н. э., встречаем мы у Плутарха (Plut. Cim. 10. 8; 15. 2–3; Pericl. 7. 8; 9. 3–5; Mor. 805d; 812d). Говоря о том же «уничтожении» (κατάλυσις) Ареопага, он конкретизирует содержание реформы как лишение этого института большинства судебных функций (ἀφείλοντο... τὰς κρίσεις πλὴν ὀλίγων ἀπάσας); констатируется ущерб, нанесенный авторитету (ἄξιωμα) Ареопага. Само событие рассматривается в контексте борьбы Эфиальта с Кимоном и лаконофилами; упоминается важная роль Перикла в осуществлении реформы. Важно, что речь у Плутарха идет опять же не об ἐπίθετα, а ο πατρια (Plut. Cim. 15).

Павсаний (I. 29. 15) мимоходом замечает, что Эфиальт «особенно сильно поколебал законы, что на Ареопаге (τὰ νόμιμα τὰ ἐν Ἀρείῳ πάγῳ)». Наконец, анонимный автор позднеантичного предисловия к исократовскому «Ареопаги-тику» пересказывает с некоторыми отклонениями анекдот об Эфиальте и Фемистокле, ошибочно приписывает Аристотелю мысль о судебном характере реформы, характеризуя ее также как κατάλυσις Ареопага¹⁶.

Анализ античной традиции о реформе Эфиальта позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, вся эта традиция (не считая «Эвменид» Эсхила) достаточно поздняя; первые известные нам ее представители – Исократ, аттидографы – датируются серединой IV в. до н. э. Исократ вряд ли явился основоположником представления об «уничтожении» Ареопага: он говорит об этом как об общеизвестном факте (Isocr. VII. 59). Вероятнее всего, здесь источником Исократ послужила публицистика периода Пелопоннесской войны, в которой, как известно, весьма оживленно дискутировались сюжеты, связанные с πατριος πολιτεία¹⁷. Образцов такой публицистики, однако, не сохранилось, а практически все проанализированные нами тексты прямо или косвенно восходят к Исократу. В частности, Андриотон, особенно сильно повлиявший на Аристотеля (не только в интерпретации реформы 462 г. до н. э., но и вообще в описаниях Ареопага), был учеником Исократ¹⁸. У позднейших авторов (Филохор, Диодор, Плутарх) эта зависимость не столь непосредственна и осложнена последующей полемикой.

Тем не менее можно, по-видимому, уверенно говорить об определяющем влиянии на традицию о реформе Ареопага риторической историографии IV в. до н. э. Сам Исократ – предтеча этого направления, – как известно, достаточно

¹⁶ Ср. еще: Bekk. Anecd. I. 188. 12: Ἐφιάλτης: οὗτος ὑβρισθεὶς ἑαυτὸν τῆς βουλῆς ἀπεστέρεψε, κατακρίνας αὐτήν (явное влияние Аристотеля).

¹⁷ Jacoby F. Atthis. Oxf., 1949. P. 143; Fritz K. von. The Composition of Aristotle's Constitution of Athens and the Ao-called Dracontian Constitution // Classical Philology, 1954. Vol. 49. No. 2. P. 73–93; Schreiner J. H. Op. cit.; Ehrenberg V. From Solon to Socrates. L., 1968. P. 52; Rhodes P. J. Op. cit. P. 108.

¹⁸ Schreiner J. H. Op. cit. P. 13–20.

мало заботился об исторической достоверности приводимых им фактов; для него как ратора и публициста гораздо большее значение имело, насколько эти факты укладывались в проводимую им концепцию¹⁹. Коль скоро некогда имело место время преобладания Ареопага (и не столь уж давно: Исократ ассоциирует его с именами Солона и Клисфена), то, чтобы перейти к современной автору эпохе, просто необходимо было зафиксировать какое-то изменение порядка вещей. Каких бы то ни было деталей этого изменения Исократ не приводит. Не случайным кажется в данном свете тот факт, что чем дальше по времени от события, тем подробнее (и тем противоречивее) рассказывают о нем источники.

И все же поздний характер традиции, ее зависимость от риторической историографии последователей Исократа еще не позволяют нам совершенно отбросить ее как неаутентичную²⁰. Весомым свидетельством зерна истины, содержащегося даже в поздних источниках, являются вышеупомянутые указания Эсхила и Антифонта, которые не могли подвергнуться какому-либо влиянию. При всей осторожности подхода к первому и при всей недостаточности второго нельзя отрицать, что, во-первых, около 460 г. до н. э. в Афинах действительно велись серьезные дискуссии о сущности, роли, значении Ареопага, несомненно связанные с какими-то преобразованиями этого органа; во-вторых, информация о гибели Эфиальта, в большинстве источников сопутствующая сведениям о его реформе (Arist. Ath. pol. 25. 4; Diod. XI. 76; 77. 6; Plut. Pericl. 10. 7–8), безусловно аутентична²¹.

Таким образом, традиция о реформе Ареопага должна быть не отброшена, но критически пересмотрена. Ни одно сообщение античных авторов не должно отвергаться, но ни одно не должно и приниматься на веру. Все они подлежат комплексному изучению с учетом как контекста рассматриваемой эпохи, так и материала о роли, функциях, деятельности Ареопага в период как до, так и после предполагаемой реформы.

¹⁹ О влиянии риторики на историю в «Ареопагитике» см.: *Исаева В. И.* Проблема *πάτριος πολιτεία* у Исократа // ВДИ. 1976. № 3. С. 38; *Исаева В. И.* Особенности политической публицистики у Исократа // ВДИ. 1978. № 2. С. 72–73. У Исократа встречаются очевидные неточности, в частности, в описании деятельности Ареопага. Так он утверждает (Isocr. VII. 46), будто бы Ареопаг «поделил город на кварталы, а страну на демы (τὴν μὲν πόλιν κατὰ κώμας, τὴν δὲ χώραν κατὰ δήμους)», что противоречит всем нашим сведениям об истории полисного устройства Афин.

²⁰ Порой именно в такую крайность впадают исследователи, разделяющие «критическую» точку зрения.

²¹ О смерти Эфиальта см.: *Stockton D.* The Death of Ephialtes // *Classical Quarterly*. 1982. Vol. 32. No. 1. P. 227–228; *Roller D. W.* Who Murdered Ephialtes? // *Historia*. 1989. Bd 38. Ht. 3. S. 257–266.

К чему в сообщениях источников следует отнестись наиболее критически? Прежде всего, к общей характеристике преобразования как *κατάλυσις*, идущей от Исократа. Характеристики такого рода обычно носят печать риторики. Отметим, что в наиболее обстоятельном рассказе Аристотеля (Ath. pol. 25) речь идет не о *κατάλυσις*, а о лишении (*περιαιρέσις*) Ареопага каких-то полномочий (ср. Ibid. 27. 1; Plut. Cim. 15; Pericl. 9 – *ἀφαίρεσις*). Правда, у Диодора и Плутарха чаще встречается определение *κατάλυσις*. Однако уже отмечалось²², что в данном случае мы должны отдать бесспорное предпочтение сообщениям Аристотеля как самого раннего и заслуживающего наибольшего доверия автора. Далее, критическому комплексному анализу должна подвергнуться интерпретация источниками конкретного содержания реформы Ареопага.

Полномочия и функции Ареопага до и после реформы. Принятое нами положение о преимущественной ценности свидетельства Аристотеля по сравнению с другими источниками влечет за собой важные следствия. Так, необходимо признать, что реформа Эфиальта носила политический характер. Именно так она интерпретирована в «Афинской политике» в противовес биографиям Плутарха (Cim. 15; Pericl. 9) и предисловию к «Ареопагитику», где постулируется чисто судебный характер преобразования: у Ареопага отняты *κρίσεις*, переданные народным судилищам. Сложно сказать, каково происхождение этой традиции, но ее поздний характер достаточно ясен. Предпочтение должно быть отдано трактовке Аристотеля²³.

То же относится и к вопросу, являлись ли отнятые у ареопагитов полномочия *τὰ ἐπίθετα* (т. е. дополнительно приобретенными ими в какой-то период эволюции Ареопага) или *τὰ πάτρια* («изначальными», традиционными, основными полномочиями). Как указывалось выше, Аристотель говорит об *ἐπίθετα*, Диодор и Плутарх – о *πάτρια*. Большее распространение в современном антиковедении получила точка зрения, согласно которой более адекватно отражает ситуацию автор «Афинской политики»²⁴. Существует, впрочем, и мнение, что никаких *ἐπίθετα* просто не было и традиция о них – позднейшее измышление²⁵. Наконец, не вполне ясно, к какому времени относится появление этих *ἐπίθετα*. Распространенному представлению о том, что они связаны с усилением Ареопага после войны с персами 480–479 гг. до н. э., противостоит гипотеза Р. Уоллеса: под *ἐπίθετα* понималось все, что добавлялось к полномочиям Ареопага начиная с Солона²⁶.

²² Цуканова М. А. Аристотель... С. 143–146.

²³ Кориунков В. А. Афинский Ареопаг... С. 10.

²⁴ Цуканова М. А. Аристотель...; Строецкий В. М. Греческая историческая мысль... С. 43–47; Ober J. Op. cit. P. 77–78.

²⁵ Day J., Chambers M. Op. cit.; Rhodes P. J. Op. cit. P. 314.

²⁶ Wallace R. W. The Areopagos... P 83–87.

Если добавить к вышеизложенному, что совершенно не ясно соотношение τὰ πάτρια и τὰ ἐπίθετα в составе функций Арелопага, то станет ясно, что весь данный вопрос нуждается в дополнительном анализе²⁷. Итак, что же представляли собой, прежде всего, τὰ πάτρια Арелопага, его, так сказать, первичные полномочия и функции? Здесь мы вступаем в достаточно сложную для исследователя область. Отмечалось²⁸, что даже обычно весьма обстоятельный Аристотель говорит о полномочиях древнейшего Арелопага (Ath. pol. 3. 6; 4. 4; 8. 2; 8. 4) в основном в туманных и общих выражениях, в противоположность четкому описанию других институтов и магистратур. О деятельности Арелопага до Солона последующей традиции почти ничего не известно; не случайно многие античные авторы полагали, что Арелопаг был попросту создан Солоном (Plut. Sol. 19).

В литературе обычно отмечается, что Арелопаг произошел из совета старейшин царской эпохи²⁹. Впрочем, недавно Р. Уоллес достаточно резко выступил против этого мнения, утверждая (и в чем-то не без основания), что Арелопаг никогда не был таким советом³⁰. Для определения реальных функций и роли Арелопага в историческое время этот вопрос, подчеркнем, не имеет существенного значения, поскольку само понятие «совет старейшин» не наполняется определенным содержанием. Задача заключается скорее в том, чтобы, абстрагировавшись от общих дефиниций, по возможности максимально конкретно очертить круг полномочий Арелопага в архаическую эпоху.

Нужно сразу оговорить, что мы отнюдь не согласны с мнением Р. Уоллеса, согласно которому единственное собственное πάτριον этого органа — суд по делам об убийстве, все же остальные функции могут считаться лишь ἐπίθετα, так как прибавились лишь со времени Солон³¹. Даже если согласиться с утверждением исследователя, что многие полномочия Арелопага присвоены ему Солоном (а это само по себе далеко не бесспорно), такие полномочия в 462 г. до н. э. могли рассматриваться заведомо только как πάτρια, имея

²⁷ Удачная попытка такого анализа была предпринята М. А. Цукановой. В дальнейшем изложении мы во многом солидаризируемся с ее выводами, но считаем необходимым указать и на ряд дополнительных аргументов, ею не затронутых.

²⁸ Fritz K. von. Op. cit.; Ehrenberg V. From Solon... P. 52; Sealey R. A History... P. 96–97.

²⁹ Колобова К. М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961. С. 26; Коринков В. А. Афинский Арелопаг... С. 6; Bonner R., Smith G. The Administration of Justice from Homer to Aristotle. Chicago, 1930. Vol. 1. P. 89; Hignett C. A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B.C. Oxf., 1952. P. 79–87; Kahrstedt U. Untersuchungen zu athenischen Behörden // Zu griechischen Rechtsgeschichte. Darmstadt, 1969. S. 197; Ehrenberg V. The Greek State... P. 59–62; Arnheim M. T. W. Aristocracy in Greek Society. L., 1977. P. 49–50; Gagarin M. Drakon and Early Athenian Homicide Law. New Haven, 1981. P. 125–137.

³⁰ Wallace R. W. The Areopagos... P. XI.

³¹ Ibid. P. 55–69.

к тому времени уже более чем вековую историю; под ἐπίθετα в период реформы Ареопага должны были пониматься полномочия, приобретенные относительно недавно. С большей долей уверенности можно предположить, что речь шла о функциях, присвоенных Ареопагом около времени «мидийских войн», то есть за 20–30 лет до реформы.

Тем не менее представляется совершенно очевидным, что хотя и не единственным, но важнейшим из τὰ πάτρια был действительно суд по делам об убийствах. Значение этой функции, по-видимому неотрывной от самого существования Ареопага, не следует недооценивать³².

Судебные разбирательства на «холме Ареса» искони имели глубоко сакральный характер, что видно уже из густой пелены мифов, как бы окутывающей саму эту местность. Бесспорна связь судилища Ареопага с культом Эвменид, Σεμναὶ θεαί, имевших непосредственное отношение к родовой кровной мести. О том, что именно дела об убийствах, связанных с кровной местью, играли на Ареопаге главную роль, можно судить по тому, что понятия убийства и кровной мести в архаических Афинах (т. е. тогда, когда складывались полномочия Ареопага) были совершенно неразрывны. Эта неразрывность четко просматривается в законодательстве Драконта об убийствах (IG. I². 115)³³. Святилище Эвменид находилось на северо-восточном склоне Ареопага (Aeschyl. Eum. 805, 824 sq., 855 sqq.; Eur. El. 1258 sqq.; Iph. Taur. 961 sqq.; Din. I. 64; Paus. I. 28. 6; VII. 25; Lucian. Bis acc. 4; Schol. Aeschin. I. 188)³⁴; известен обычай жертвоприношений Эвменидам после тяжбы в этом судилище (Paus. I. 28. 6). К самому Ареопагу античные авторы настолько часто прилагают эпитет σεμνός (Lys. III. 1; VI. 14; Demosth. XXIII. 65; Aeschin. I. 81; Din. I. 66; Themist. Or. XXVI. 311cd; Suid. s.v. Ἀρεῖος πάγος; Ἀρεοπαγίτης), что не вполне ясно даже, кто был изначальным носителем этого эпитета – сами богини или же суд, ими покровительствуемый³⁵.

³² Ср.: Коршунков В. А. Религиозные, судебные и политические правомочия... С. 39. В работах В. А. Коршункова выделяется стремление подчеркнуть именно сакральные черты Ареопага, что чрезвычайно способствует лучшему пониманию его сущности.

³³ Вопросы законодательства Драконта об убийствах подробно рассмотрены в: Ruschenbusch E. Φόνος. Zum Recht Drakons und seiner Bedeutung für das Werden des athenischen Staates // Historia. 1960. Bd 9. Ht. 2. S. 129–154; Stroud R. S. Drakon's Law on Homicide. Berkeley, 1968; Gagarin M. Op. cit. Мифы связанные с Ареопагом, см.: Aeschyl. Eum. Pasim; Hellanic. FGHist. 323a. F1, F22; Eur. El. 1258 sqq.; Iph. Taur. 945 sq.; Or. 1648 cum schol.; Demosth. XXIII. 65–66; Marm. Par. 3; Apollod. Bibl. III. 14. 2; epit. 6. 25; Paus. I. 28. 5; Lucian. De salt. 38; Aristid. Panath. 46–48 cum schol.; Suid. s.v. Ἀρεῖος πάγος.

³⁴ Ср.: Judeich W. Topographie von Athen. 2 Aufl. München, 1931. S. 43, 299–301.

³⁵ Само слово σεμνός, судя по всему, носило амбивалентный характер (хотя и в меньшей степени, чем корень ἄγ-/ἁγ-), выражая как высокую степень священности, чтимости, так и неприкосновенность оскверненного убийством. Ср. Aeschyl. Eum. 441 (об Оресте): σεμνὸς προσίτωρ.

Не случайно, на наш взгляд, и то, что в версии мифа об основании Ареопага, приводимой Эсхилом (именно эту версию мы считаем древнейшей из дошедших, как будет показано ниже), Эринии-Эвмениды имеют самое непосредственное отношение к созданию суда. Религиозно-судебный ритуал, вершившийся на Ареопаге, имел в архаическом сознании огромное значение для стабильности и самого существования полиса, отводя от него гнев могущественных хтонических богинь³⁶. Не исключено, что и само название Ареопага первоначально происходило не от имени Ареса (в таком случае мы имеем дело с позднейшей народной этимологией), а от находившегося на нем (Paus. I. 28. 5) алтаря Афины Арей (Ἀρεΐα – от ἀρεῖα ‘проклятие’).

Функция суда по убийствам имела, таким образом, определяющее значение в складывании громадного морально-религиозного авторитета Ареопага. Однако она была не единственной в числе τὰ πάτρια. Это видно уже из того, что Ареопак (правда, в более поздний период, но нет оснований считать, что в эпоху архаики было иначе) посвящал заседаниям по делам об убийствах лишь три-четыре дня в месяц (Demosth. LIX. 80; Poll. VIII. 117–118; Schol. Aeschin I. 188; Etym. Magn. s.v. ἀποφράδες; Etym. Gud. s.v. ἀποφράδες)³⁷. Последнее вполне логично: в Афинах, небольшом по нашим меркам городе, вряд ли совершалось так много убийств, чтобы обеспечить ареопагитам «полную нагрузку». Чем занимался Ареопак в остальное время? Безусловно, уже достаточно рано он должен был получить и какие-то иные prerogatives.

Существует ряд веских оснований отнести к τὰ πάτρια Ареопага следующие функции: суд по политическим преступлениям (попытки ниспровержения существующего полисного устройства), куда поступали исангелии (Lys. Fr. 178; Androt. FGrHist. 324. F3; f4; Arist. Ath. pol. 4.4; 8.4; Philoch. FGrHist. 328. F20) и «надзор за законами» (νομοφυλακία: Androt. et Philoch. locc. cit.; Arist. Ath. pol. 3. 6; 4. 4; 8. 4; Plut. Sol. 19). Р. Уоллес относит обе эти функции ко времени Солона и к категории ἐπίθετα. Выше мы указывали, что даже если они были приданы Ареопагу в ходе солоновских реформ, это не дает основания исключать их из πάτρια: только как таковые они могли рассматриваться в середине V в. до н. э. Но помимо этого есть, кажется, основания полагать, что Ареопак обладал названными полномочиями и до Солона³⁸. К аргументам М. А. Цукановой мы присоединим еще несколько соображений, представляющих нам заслуживающими внимания.

В 636 или 632 г. до н. э. произошел известный мятеж Килона, пытавшегося установить в Афинах тиранию (Herod. V. 71; Thuc. I. 126; Arist. Ath. pol. 1;

³⁶ Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей. 3-е изд. Пг., 1916. Т. 1. С. 31–33.

³⁷ Sealey R. The Athenian Courts for Homicide // Classical Philology. 1983. Vol. 78. No. 4. P. 277; Parker R. Miasma. Oxf., 1985. P. 159.

³⁸ Цуканова М. А. Ареопак до Солона // Вестник ЛГУ. 1972. № 8. С. 59–65.

Plut. Sol. 12; Paus. I. 28. 1 VII. 25. 3)³⁹. Осажденные на Акрополе мятежники согласились предстать перед судом, но были перебиты Алкмеонидами на пути к судилищу. Какой суд должен был судить (и, вероятно, судил оставшихся в живых) килоновцев? Схолиаст к Аристофану (Eq. 445) прямо называет Ареопаг. Само по себе свидетельство позднего источника не может стать решающим аргументом. Но с ним хорошо согласуются имплицитные указания Фукидида, Плутарха, Павсания, согласно которым часть мятежников была убита у алтарей Σεμναί. Последнее предполагает путь сторонников Килона с Акрополя именно на Ареопаг, который, таким образом, выступил в качестве суда, разбиравшего дело о попытке установления тирании. После этого, основываясь на праве прецедента, вероятно, был записан соответствующий θεσμός⁴⁰.

Итак, суд по политическим преступлениям (и прием исангелий) был, вероятнее всего, функцией Ареопага еще до Солона. С меньшей уверенностью это можно сказать о номофилаксии. Не исключено, конечно, что соответствующие пассажи Аристотеля и других авторов навеяны консервативной утопией Исократы, как, скажем, и явно навеянное ею же представление о том, что в старину Ареопаг осуществлял надзор над всей жизнью граждан, в частности за их занятиями, материальным достатком и т. п. (Arist. Ath. pol. 3. 6; 8. 4; Din. I. 112; Plut. Sol. 19; Athen. IV. 168a; VI. 245c; XIII. 566f; Hypoth. Isocr. VII.).

Однако номофилаксия Ареопага, как она вырисовывается из источников, является чем-то несомненно более определенным, нежели расплывчатый «надзор над всем» (ἐπισκοπία πάντων). Конкретизируя содержание этой функции, можно охарактеризовать ее, безусловно, пользуясь современной терминологией, как некое подобие «конституционного надзора» за деятельностью магистратов. Аналогии из других эпох показывают, что подобные контрольные полномочия обычно становятся прерогативой наиболее авторитетного судебного органа, каковым и был Ареопаг. Не следует забывать и о том, что в него входили (и, возможно, составляли большую его часть) бывшие фесмофеты, то есть лица, уже по должности хорошо знакомые с законами и вполне пригодные для надзора за их выполнением. Таким образом, номофилакию также можно рассматривать в числе τὰ πάτρια Ареопага⁴¹.

³⁹ Недавняя попытка вновь пересмотреть датировку этого события не представляется убедительной (Lévy E. Notes sur la chronologie athénienne au Ve siècle. I. Cylon // Historia. 1978. Bd 27. Ht. 4. S. 513–521).

⁴⁰ Stroud R. S. Op. cit. P. 71; MacDowell D. M. The Law in Classical Athens. L., 1978. P. 27–29; Gagarin M. The Thesmothetai and the Earliest Athenian Tyranny Law // Transactions of the American Philological Association. 1981. Vol. 111. P. 71–77.

⁴¹ Rhodes P. J. Op. cit. P. 107; Ober J. Op. cit. P. 64.

Здесь уместно коснуться вопроса о том, почему Арелопаг не упоминается в законах Драконта (Plut. Sol. 19), хотя он безусловно существовал в то время (ср. солоновский закон об амнистии).

Из различных объяснений этого противоречия нам наиболее импонирует предположение⁴², согласно которому во времена Драконта этот совет еще не нуждался в особом названии, фигурируя просто как ἡ βουλή; лишь со введением Солоном Совета Четырехсот для более древнего совета, заседавшего на Арелопаге, потребовалось специальное обозначение: ἡ ἐξ Ἀρείου πάγου βουλή.

Итак, выделенные нами три функции (суд по убийствам, прием исангелий по серьезным политическим преступлениям, номофилакия) и можно считать τὰ πάτρια Арелопага. Сообщения же о каких-либо иных полномочиях архаического Арелопага (ἐπιτοκία πάντων, назначение магистратов, финансовые функции и т. п.) не соответствуют действительности⁴³.

Интересно проследить теперь, какая судьба постигла эти πάτρια в ходе реформы Арелопага. Наименее проблематично функционирование этого института как суда по делам об убийстве: оно продолжалось и после всех преобразований. И в IV в. до н. э. (Lys. I. 30; VI. 15; X. 11; XXVI. 12; Lycurg. Leocr. 12–13; Aeschin. I. 92; II. 93; Demosth. XXIII. 22–27, 65–69; LIV. 25; Arist. Ath. pol. 57. 3–4), и в эллинистическо-римскую эпоху (Val. Max. VIII. 1. amb. 2; Gell. XII. 7; Poll. VIII. 117–118; Paus. I. 28. 5) деятельность Арелопага в этом качестве надежно зафиксирована. Мы же помним о том, что данная функция была важнейшей из τὰ πάτρια; именно на ней в наибольшей степени зиждились и авторитет Арелопага, и большая роль, принадлежавшая ему в афинском полисе.

Номофилакия, по не вполне ясному утверждению Аристотеля (Arist. Ath. pol. 25. 2; ср. Philoch. FGrHist. 328. F64), была отнята у Арелопага Эфиальтом. Однако, в соответствии с принятым нами принципом критического подхода к источникам, обратимся к чуть более поздней эпохе. Андокид (I. 84) цитирует постановление народного собрания 403 г. до н. э., в котором есть слова: «После того, как законы будут составлены, пусть Совет Арелопага заботится о законах, чтобы власти соблюдали установленные законы»⁴⁴. Здесь Арелопагу явно поручается тот самый «конституционный надзор», который, как мы указывали, и составлял сущность номофилаксии⁴⁵.

⁴² Hignett C. Op. cit. P. 82; Rhodes P. J. Op. cit. P. 154 ff.; Копиунов В. А. Афинский Арелопаг... С. 6.

⁴³ De Sanctis G. Atthis. 3 ed. Firenze, 1975. P. 192; Ehrenberg V. The Greek State... P. 68.

⁴⁴ Ἐπειδὴν δὲ τεθῶσιν οἱ νόμοι, ἐπιμελείσθω ἡ βουλή ἡ ἐξ Ἀρείου πάγου τῶν νόμων, ὅπως ἂν αἱ ἀρχαὶ τοῖς κεμένοις νόμοις χρῶνται.

⁴⁵ См.: Цуканова М. А. Аристотель...

М. Гагарин заметил, что в ряде речей аттических ораторов (Lys. I. 30; VI. 15; Demosth. XXIII. 22–87) цитируются «законы с Ареопага», зачастую не имеющие прямого отношения к судебной компетенции ареопагитов, то есть к убийствам. Гагарин объясняет это тем, что в Ареопаге существовала отдельная стела с законами, имеющими хотя бы косвенное отношение к его юрисдикции⁴⁶. Не является ли такая трактовка слишком произвольной? Не будет ли более резонным предположить, что эти «законы с Ареопага» связаны именно с номофилакией, что на стелах Ареопага были записаны *все* афинские законы (θεσμοί, νόμοι) для того, чтобы ареопагиты могли пользоваться такими записями в целях контроля за соответствием этим законам действий и постановлений органов полисного управления и магистратов? Интересно в данной связи указание Полидевка (Poll. VIII. 86) на то, что девять архонтов перед вступлением в должность дают клятву, в частности, φυλάξειν τοὺς νόμους. Как известно, архонты после окончания своих полномочий становились ареопагитами.

Наконец, об исангелии по политическим преступлениям. В позднейшее время Ареопаг уже не имел такой функции. Но есть основания утверждать, что она была им утрачена до предполагаемой реформы 462 г. до н. э.⁴⁷, вероятнее всего, в связи с псефисмой Каннона (Xen. Hell. I. 7. 20), передавшей эту компетенцию народному собранию. Псефисму, исходя из архаизма языка и стиля, можно датировать концом VI – началом V в. до н. э. Правда, новейший исследователь⁴⁸ датирует ее приблизительно 410 г. до н. э. Однако не исключено, что в это время она была лишь возрождена из забвения и повторно записана: это был период обостренного интереса к старинным законам, плодом которого, в частности, стало копирование закона Драконта об убийстве, осуществленное в 409/408 г. до н. э. (IG. I². 115). Во всяком случае, лишение Ареопага права принимать соответствующие исангелии никак не связано с реформой Эфиальта.

Источники конца V – IV в. до н. э. упоминают также ряд второстепенных функций Ареопага, в основном религиозного характера (надзор за священными масличными деревьями, судопроизводство по асеебии). Возможно, что эти функции также входили в состав τὰ πάτρια и остались за Ареопагом после всех реформ; возможно также, что они были приданы ему позже. За недостатком сведений мы воздержимся здесь от ответа на этот вопрос⁴⁹.

⁴⁶ Gagarin M. Drakon... P. 26–28.

⁴⁷ Цуканова М. А. Аристотель...; Ostwald M. From Popular Sovereignty... P. 28–40.

⁴⁸ Lavelle B. M. Adikia, the Decree of Kannonos and the Trial of Generals // *Classica et mediaevalia*. 1988. Vol. 39. P. 19–41.

⁴⁹ Мы не упоминаем о ряде экстраординарных полномочий Ареопага, полученных им в период Херонейской битвы 338 г. до н. э. Р. Уоллес (Wallace R. W. The Areopagos... P. IX) считает, что это возрождение чисто политической роли Ареопага было вызвано именно публицистической полемикой, развернувшейся после появления «Ареопагитика» Исократ.

Суммируем вышеизложенное. Реформа Ареопага 462 г. до н. э. не лишила его ни одного из τὰ πάτρια. Таким образом, предметом преобразования были исключительно τὰ ἐπίθета, которые и были действительно сильно урезаны, практически ликвидированы. Подробный список этих ἐπίθета дает В. М. Строгеецкий⁵⁰ (хотя некоторые функции, относимые им к этой категории, мы скорее охарактеризовали бы как πάτρια). Среди них – право докимасии должностных лиц, принятия у них отчетов (εὐθυναί), суда над ними, то есть чисто политические функции, не имеющие ничего общего с изначальным предназначением Ареопага как религиозно-судебного органа огромного значения, призванного поддерживать гражданский мир и стабильность в микрокосме полиса, но не с помощью политических мер, а путем прямого, непосредственного воздействия на сакральные чувства индивида и коллектива. Все πάτρια Ареопага нужно рассматривать именно в этом ключе. Что же касается ἐπίθета, то с большой долей уверенности можно утверждать, что они были присвоены Ареопагом οὐδενὶ δόγματι (Arist. Ath. pol. 23. 1) сравнительно незадолго до 462 г. до н. э.

Цели, содержание и значение реформы Ареопага. Попытаемся реконструировать основные моменты политической эволюции Ареопага в первой половине V в. до н. э., что позволило бы дать ответ на вопрос о реальной направленности реформы или реформ этого института – направленности как субъективно вкладывавшейся в эти преобразования их инициаторами, так и объективной. Однако скудость и противоречивость источников обрекают на заведомую гипотетичность любые построения, касающиеся этой проблемы⁵¹. Мы сознаём, что предлагаемая нами реконструкция также является лишь гипотезой, одним из вариантов возможного развития событий.

Будем прежде всего исходить из того факта, что судьба Ареопага была неразрывно связана с эволюцией архонтата, ибо именно из числа архонтов рекрутировался этот институт. Любые изменения в способе избрания архонтов непосредственно отражались на составе и роли Ареопага⁵². В связи с этим

⁵⁰ Строгеецкий В. М. Греческая историческая мысль... С. 43–47.

⁵¹ В частности, период 500–480-х гг. до н. э. – едва ли не самая загадочная эпоха в истории афинской внутренней политики. Из огромной литературы, посвященной данному сюжету, см.: Knight D. W. Some Studies in Athenian Politics in the Fifth Century B.C. Wiesbaden, 1970. P. 13–32 (с исчерпывающей библиографией предыдущих работ); Podlecki A. J. The Life of Themistocles. Montreal, 1975; Karavites P. Realities and Appearances, 490–480 B.C. // Historia. 1977. Bd 26. Ht. 2. S. 129–147; Williams G. M. E. Athenian Politics 508/7–480 B.C.: A Reappraisal // Athenaeum. 1982. Vol. 60. No. 3/4. P. 521–544.

⁵² Наиболее интересные работы по истории афинского архонтата в рассматриваемую эпоху: Cadoux T. J. The Athenian Archons from Kreon to Hypsichides // Journal of Hellenic Studies. 1948. Vol. 68. P. 70–123; Badian E. Op. cit.; Kelly D. H. The Athenian Archonship

целесообразно начать изложение с 510 г. до н. э., когда архонты стали избираться народным собранием (до того они фактически назначались Писистратидами, в результате чего Архопат оказался составленным из ставленников тиранов⁵³). Реформы Клисфена, насколько можно судить, Архопада не коснулись⁵⁴. Клисфен как архонт 525/524 г. до н. э. (SEG. X. 352) сам должен был быть членом этого совета; не исключено, что Архопат оказывал ему определенную поддержку при проведении реформ⁵⁵. Во всяком случае, Клисфен, активно пользовавшийся в своей деятельности религиозными рычагами, вряд ли мог пренебрегать поддержкой столь авторитетного органа.

Со временем начали сказываться последствия реформы 510 г. до н. э. Происходила постепенная естественная ротация Архопада, ставленники Писистратидов всё более уступали место вливавшимся в число архопадитов видным политикам: именно эти последние теперь часто оказывались архонтами. В результате к началу 480-х гг. до н. э. в составе Архопада находились едва ли не все ведущие политические деятели того времени, лидеры основных соперничающих группировок. «Друзья тиранов» были представлены в нем Гиппархом, сыном Харма (архонт 496/495 г. до н. э.), лаконофильская аристократия, предводительствуемая Филаидами, – Мильтиадом (архонт 524/523 г. до н. э.)⁵⁶, нарождающаяся демократическая группировка – Фемистоклом (архонт 493/492 г. до н. э.); был архопадитом и Аристид (архонт 489/488 г. до н. э.). Была представлена в Архопаде и группировка, концентрировавшаяся вокруг Алкмеонидов: Клисфен если и не умер вскоре после своих реформ и не отправился с клерухами на Эвбею, то, во всяком случае, отошел

508/7–487/6 B.C. // *Antichthon*. 1978. Vol. 12. P. 1–17; *Forrest W. G., Stockton D. L.* The Athenian Archons: A Note // *Historia*. 1987. Bd 36. Ht. 2. S. 235–240.

⁵³ Эксплицитного упоминания о реформе архонтата 510 г. до н. э. источники не содержат. Однако совокупность информации о порядке избрания архонтов при Солоне (Arist. *Ath. pol.* 8. 1), в период тирании (Thuc. VI. 54. 6) и в начале V в. до н. э. (Arist. *Ath. pol.* 22. 5) заставляет признать реальность преобразования. Ср.: *Bicknell P. J.* *Studies in Athenian Politics and Genealogy*. Wiesbaden, 1972. P. 36.

⁵⁴ Впрочем, псефисма Каннона, если она относится к этому времени, могла быть принята в общем русле клисфеновских преобразований.

⁵⁵ В частности, высказывалось не лишнее оснований мнение (*Hignett C.* *Op. cit.* P. 93; *Jones L. A.* *Op. cit.* P. 59), что «советом», оказавшим сопротивление путчу Исагора – Клеомена (Herod. V. 72; Arist. *Ath. pol.* 20), был Архопат.

⁵⁶ Идентичность Мильтиада Младшего как архонта 524/523 г. до н. э. не является бесспорно установленной, но она хорошо объясняет, почему Мильтиад в начале V в. до н. э., будучи в апогее своего политического влияния, не занял авторитетного поста архонта (*Cavaignac E.* *Op. cit.* P. 147): дважды быть архонтом-эпонимом не разрешалось.

от политической деятельности⁵⁷, но безусловно был еще жив его племянник Алкмеон (архонт 507/506 г. до н. э.)⁵⁸.

Вследствие указанных перемен существенно изменилась роль Ареопага. Из старинного судебного и контрольного института, строившего свое влияние на религиозно-моральном авторитете, он все более превращался в чисто политический орган, едва ли не в поле «межпартийной» борьбы. Происходило это οὐδενὶ δόγματι, не на основании каких-то законодательных постановлений, а исключительно в силу изменения личного состава ареопагитов. Вполне естественно, что влиятельные политики, оказавшись в Ареопаге, были склонны использовать его именно в политических целях. Весьма вероятно, что именно в этот период Ареопагом и были присвоены τὰ ἐπίθετα.

Но такое изменение функций древнего совета означало в конечном счете отход его от изначального своего назначения. Как ни парадоксально, рост политической роли Ареопага в то же время способствовал упадку его морального ἀξιώμα, его сакральности. Ареопагу грозила опасность «вписаться» в систему полисного управления в качестве одного из институтов, не отличающегося качественно от остальных; τὰ ἐπίθετα могли заслонить собой τὰ πάτρια. Но это было бы идентично концу Ареопага: при наличии Совета Пятисот, регулярных магистратур, народного собрания он попросту оказался бы «пятым колесом», дублирующим функции других органов и потому не нужным.

Однако обстоятельства сложились иначе. 480-е гг. до н. э. увенчались двумя важнейшими событиями: чередой политических ostracismов (Гиппарх, Аристид, ряд представителей рода Алкмеонидов), в ходе которой наиболее влиятельной фигурой в Афинах стал Фемистокл (Мильтиад умер в 489 г. до н. э.), и реформой 487 г. до н. э. – возвращением к старинному порядку жеребьевки при избрании архонтов, результатом чего стало постепенное, но неуклонное новое изменение личного состава Ареопага, в котором всё большую роль теперь начинали играть граждане, менее связанные с текущей политической борьбой⁵⁹. Трудно предположить, что эти два события не были связаны между собою. Безусловно, реформу архонтата следует рассматривать как одну из акций в той же борьбе группировок.

Встает резонный вопрос: *сui bono?* Кому было более выгодно (или менее невыгодно) снижение политической роли Ареопага? Ответ может быть дан следующим образом: менее всего страдали от данного преобразования те политики, положение которых в Афинах зиждилось не только на их статусе членов Ареопага. В данном случае это – Фемистокл и (в меньшей степени) Аристид,

⁵⁷ Crome R. D. Kleisthenes' Fate // *Historia*. 1979. Bd 28. Ht. 2. S. 129–147.

⁵⁸ Bicknell P. J. *Op. cit.* P. 54–63.

⁵⁹ Wade-Gery H. T. *Op. cit.*; Buck R. J. The Reform of 487 B.C. in the Selection of Archons // *Classical Philology*. 1965. Vol. 60. No. 2. P. 96–101.

которые могли опереться на неофициальную, но чрезвычайно влиятельную позицию простатов демоса (Arist. Ath. pol. 28. 2). Кстати, именно в этом качестве они могли оказывать давление на народное собрание, которое и провело соответствующую реформу.

В высшей степени интересны в данном контексте два загадочных пассажи из «Афинской политики». Анекдот о Фемистокле как прямом инициаторе реформы 462 г. до н. э. (Arist. Ath. pol. 25. 3–4) по хронологическим соображениям не может соответствовать действительности, но он вполне мог опираться на какие-то реальные обстоятельства. То же относится к утверждению Аристотеля (Ath. pol. 41. 2), что реформу Эфиальта «наметил» (ὑπέδειξεν) Аристид.

Итак, выглядит весьма правдоподобным, что именно Фемистоклу и Аристиду принадлежала идея ослабления возросшей роли Ареопага в текущей политической борьбе. Осуществлялось оно двояким способом: через недопущение в Ареопаг новых активных политиков (жеребьевка должна была поставить для них надежный заслон) и через удаление из него влиятельных фигур из числа противников (в 489 г. до н. э. Мильтиада, в 488 г. до н. э. Гиппарха; возможно, подвергся ostracismу и Алкмеон). Судя по всему, имел место ряд не вполне ясных для нас складывавшихся и распадавшихся политических комбинаций, жертвой одной из которых несколько лет спустя стал, в частности, и сам Аристид. В итоге ведущей фигурой в Ареопаге (как и вообще в Афинах) стал Фемистокл, который мог теперь проводить свою линию, опираясь на сохранявшийся авторитет этого органа, фактически освобожденного от оппозиции и уже несколько ослабленного реформой 487 г. до н. э.

Является предметом дискуссии⁶⁰ вопрос о том, кто сыграл решающую роль при организации обороны от персов и эвакуации населения в 480 г. до н. э. — Фемистокл (ML. 23; Herod. VIII. 41; Plut. Them. 10) или Ареопаг (Arist. Pol. 1304a20; Ath. pol. 23. 1; Plut. Them. 10). На наш взгляд, противоречие источников в данном случае кажущееся: если Фемистокл был ведущим ареопагитом, нет ничего удивительного в предположении, что эвакуация была организована Фемистоклом *через* Ареопаг.

Во всяком случае, кампания 480–479 гг. до н. э., безусловно, прибавила авторитета древнему совету. Отметим, что те из подвергнутых ostracismу и досрочно возвращенных в 480 г. до н. э., кто был членом Ареопага (Аристид, Гиппарх), были наверняка автоматически восстановлены в своей должности: ostracism, в отличие от других форм изгнания, не приводил к ущемлению в гражданских правах. Это обстоятельство также укрепляло Ареопаг, который окончательно превратился в мощный *политический* институт. Указанная тенденция и нашла отражение в сообщениях Аристотеля и других авторов, постулирующих период «ареопагократии» после мидийских войн как особый

⁶⁰ Podlecki A. J. The Life... P. 19; Коршунков В. А. Афинский Ареопаг... С. 9.

этап в истории афинского полисного устройства. Подчеркнем еще раз, что эта «ареопагократия» базировалась не на каких-либо законодательных актах, а исключительно на существующем положении вещей: реальном значении Ареопага, обусловленном его личным составом.

Но последствия реформы 487 г. до н. э. продолжали сказываться. К 460-м гг. до н. э. в составе Ареопага, кажется, не осталось никого из видных деятелей предшествующего периода. На смену им пришли люди, далекие от текущей политики. В этих условиях политические полномочия, τὰ ἐπίθετα Ареопага всё более становились атавизмом, переставая соответствовать его реальной роли. Вероятно, пришло и понимание того, что чрезмерная вовлеченность Ареопага в политику была плодом чрезвычайных обстоятельств и наносит лишь ущерб его традиционному авторитету. Это становилось все более заметным по мере того, как поколение «марафонских бойцов» уступало место следующей генерации: наличие в сакральном по своей сути органе лиц откровенно ангажированных, а порой и скомпрометированных, не могло не бросаться в глаза.

Именно в данном контексте, на наш взгляд, надлежит рассматривать события 460-х гг. до н. э., связанные с именем Эфиальта. Вопрос о субъективных целях проведенных им преобразований оживленно дискутировался⁶¹. Впрочем, достаточно ясно, что реформа, осуществлявшаяся в пору напряженной политической борьбы с лаконофильской группировкой Кимона, просто не могла не нести на себе отпечатка этой борьбы. Плутарх (Plut. Cim. 10; 15) сохранил рассказ о резко отрицательном отношении Кимона к лишению Ареопага τὰ ἐπίθετα.

Нас же больше интересует объективное значение преобразований 460-х гг. до н. э. Начались они, как известно, с ряда судебных процессов, организованных Эфиальтом против отдельных, наиболее скомпрометированных ареопагитов (Arist. Ath. pol. 25. 2; Plut. Pericl. 10). Вряд ли правомерна традиционная оценка этих процессов как послуживших снижению авторитета Ареопага. Скорее можно говорить о противоположном: своеобразная «чистка», изгнания из рядов высокоавторитетного органа лиц, недостойных быть его членами, могли лишь восстановить его пошатнувшуюся репутацию. Когда спустя несколько лет, в 458 г. до н. э., Эсхил, прославляя Ареопаг, называл его «корысти недоступным» (κερδῶν ἄθικτον: Aeschyl Eum. 683), он имел на то полное право: к тому времени в составе совета остались действительно лишь граждане, ничем не скомпрометированные.

Затем наступила очередь собственно реформы 462 г. до н. э., проведенной постановлением народного собрания (Arist. Ath. pol. 25. 4). Практически невозможно восстановить конкретную формулировку постановления. Весьма

⁶¹ Строгоцкий В. М. Полис и империя... С. 4; Кориунков В. А. Афинский Ареопаг... С. 10; Sealey R. Ephialtes...; Ruschenbusch E. Ephialtes...

вероятно, что она не была апофатической («Совету Ареопага не заниматься тем-то и тем-то»), а включала, напротив, конкретное перечисление тех функций, которые за Ареопагом оставались, то есть τὰ πάτρια («Совету Ареопага заниматься тем-то и тем-то»). К подобному выводу приводит тот факт, что, когда в правление «Тридцати тиранов» постановление Эфиальта было отменено (Arist. Ath. pol. 35. 2), Ареопаг не только не восстановил, как можно было бы ожидать, своей былой политической роли, но и фактически утратил даже «постэфиальтовские» судебные полномочия⁶². Собственно, какого-то специального декрета, отменяющего τὰ ἐπίθετα, и не требовалось, поскольку последние были приобретены οὐδενὶ δόγματι. Необходима была лишь фиксация τὰ πάτρια, которая и составила, видимо, главное содержание реформы.

Анализ реформы позволяет сделать два взаимосвязанных вывода. Во-первых, роль Ареопага в текущей политике, основывавшаяся на τὰ ἐπίθετα, действительно была сведена на нет, хотя и не исключена возможность возобновления такой роли в будущем. Во-вторых, подобная «деполитизация» Ареопага, возвращение его в русло традиционных функций и полномочий, освобождение от ряда не свойственных ему прерогатив, приобретенных им в конкретных исторических условиях, – все это лишь укрепляло авторитет древнего совета, продлеvalo и консервировало его исключительное значение в других, не менее важных для античного менталитета сферах – судебной, религиозной, моральной. Как ни парадоксально, своей долговечностью, своим огромным авторитетом, позволявшим ему в критические моменты вновь выдвигаться на первый план в Афинах, Ареопаг в значительной мере обязан именно Эфиальту (вне зависимости от того, какие конкретные задачи преследовал политик).

Характерно, что в 457 г. до н. э., очевидно, по инициативе Перикла, состоялась очередная реформа архонтата (Arist. Ath. pol. 26. 3), которую можно рассматривать как составную часть мероприятий, разработанных погибшим к тому времени Эфиальтом. В коллегию архонтов (и, соответственно, затем в Ареопаг) получили доступ представители третьего имущественного класса, зевгитов. Правомерно ли видеть в этом дальнейшее снижение роли Ареопага? Думается, скорее наоборот: данное преобразование показывает, что Ареопаг продолжал оставаться авторитетным и влиятельным органом, коль скоро зевгиты, главная социальная база тогдашней демократии, стремились добиться (и добились) для себя участия в его работе.

Проблема «Перикл и Ареопаг», почти не разработанная в историографии, представляет большой интерес и могла бы стать темой отдельного исследования. Здесь укажем лишь на два обстоятельства. Во-первых, участие Перикла

⁶² Ruschenbusch E. Ephialtes...; Кориунков В. А. Ареопаг и политический радикализм... С. 139. Р. Сили не считает невозможным, что Эфиальт, лишив Ареопаг одних функций, присвоил ему другие (Sealey R. The Athenian Courts... P. 190).

в реформах, связанных с именем Эфиальта, зафиксированное рядом источников (Arist. Pol. 1274a10; Ath. pol. 27. 1; Plut. Pericl. 9; Mor. 812d), часто отрицается на основании того, что в 460-е гг. до н. э. Перикл-де еще не участвовал активно в политической борьбе⁶³. Однако это вряд ли основательно. Еще в 472 г. до н. э. Перикл выступил в качестве хорега, поставив тетралогию Эсхила, в которую входили знаменитые «Персы». Хорегия в Афинах была одним из важных средств политической борьбы. Далее, вскоре после 469 г. до н. э. Перикл уже был стратегом, командуя эскадрой из 50 кораблей (Plut. Cim. 13). Таким образом, хронологических препятствий для участия Перикла в мероприятиях Эфиальта не существует.

Во-вторых, некий Архестрат, законы которого «об ареопагитах» упоминаются Аристотелем (Ath. pol. 35. 2) вместе с Эфиальтовыми и который поэтому обычно считается одним из сотрудников Эфиальта, судя по всему, тождествен Архестрату, сыну Ликомеда, из Флии, достаточно известному деятелю эпохи Перикла, стратегу 433–432 г. до н. э.⁶⁴ Если это так, то не исключено, что при Перикле также принимались какие-то постановления, касающиеся Ареопага. Перикл, безусловно, прекрасно понимал важную роль Ареопага в Афинах; трудно предположить, что столь блестящий политик не пользовался в своей деятельности этим обстоятельством.

«Эвмениды» Эсхила и реформа 462 г. до н. э. Огромная литература, существующая по рассматриваемому вопросу, исчерпывает, похоже, всю совокупность возможных точек зрения на предмет: Эсхил предстает перед нами и как убежденный противник реформы Эфиальта⁶⁵, и как ее ревностный сторонник⁶⁶. Существует также компромиссная точка зрения: Эсхил не во всем принимал преобразование Ареопага⁶⁷. Высказывалось, наконец, мнение, согласно которому точную позицию драматурга определить ныне не представляется

⁶³ Например: *Кориунков В. А.* Афинский Ареопаг... С. 10.

⁶⁴ *Kirchner J.* Prosopographia Attica. B., 1901. Vol. 1. P. 162; *Daverio G.* I proponenti dei decreti ateniesi dal 469/68 al 410/09 // *Acme*. 1968. Vol. 21. Fasc. 2. P. 109–144.

⁶⁵ *Радциг С. И.* К вопросу о политической тенденции Эсхила в «Эвменидах» // ВДИ. 1968. № 2. С. 29–41; *Кориунков В. А.* Эсхил и Ареопаг // Вестник ЛГУ. 1989. № 9. С. 95–98; *Строгоцкий В. М.* Полис и империя... С. 50; *Forbes P. B. R.* Law and Politics in the Oresteia // *Classical Review*. 1948. Vol. 62. No. 3/4. P. 99–104; *Mazzarino S.* Eschilo, Pericle a la storia dell'Areopago // *Rivista di cultura classica e medioevale*. 1960. Vol. 2. Fasc. 3. P. 300–306.

⁶⁶ *Smertenko C. M.* The Political Sympathies of Aeschylus // *Journal of Hellenic Studies*. 1932. Vol. 52. No. 2. P. 233–235; *Gülke Chr.* Mythos und Zeitgeschichte bei Aischylos. Meisenheim am Glan, 1969. S. 23 ff.; *Macleod C. W.* Politics and the Oresteia // *Journal of Hellenic Studies*. 1982. Vol. 102. P. 124–144; *Wallace R. W.* The Areopagos... P. 87–93.

⁶⁷ *Лурье С. Я.* Политическая тенденция трагедии «Эвмениды» // ВДИ. 1958. № 3. С. 42–54; *Dodds E. R.* Notes on the Oresteia // *Classical Quarterly*. 1953. Vol. 3. No. 1/2. P. 19–20; *Dover K. J.* The Political Aspect of Aeschylus' Eumenides // *Journal of Hellenic Studies*. 1957.

возможным⁶⁸, а порой осуждались и сами попытки искать в данном художественном произведении непосредственную политическую тенденцию⁶⁹.

Мы тем не менее убеждены, что задача эта не является неразрешимой и тем более некорректно поставленной. Представление о некоем «чистом искусстве» в классической Греции является плодом определенной модернизации. Все жанры литературы этой эпохи глубоко проникнуты политической проблематикой. В полной мере сказанное относится и к трагедии, хотя в ней, в отличие, скажем, от комедии, данная проблематика обычно не эксплицируется в открытых суждениях «от автора». Нет никакого сомнения, что Эсхил как афинский гражданин имел вполне определенное мнение о реформе Эфиальта и что это мнение должно было так или иначе проявиться в столь злободневном произведении, как «Эвмениды». Подчеркнем, что, помимо субъективной позиции трагедиографа, нас не в меньшей степени интересует объективная позиция его аудитории. Поставленная в 458 г. до н. э. «Орестея» завоевала первый приз: верный симптом того, что в данном случае эти две позиции совпали – Эсхил смог адекватно выразить преобладающее умонастроение афинского гражданства по поводу рассматриваемых событий.

Справедливо отмечалось⁷⁰, что известный панегирик Ареопагу, вложенный драматургом в уста Афине (Aeschyl. Eum. 681–710), может быть при желании истолкован и как одобрение, и как порицание реформы. Все зависит от того, какой Ареопаг имеется в виду – дореформенный или уже преобразованный. В пользу как того, так и другого приводились достаточно убедительные, но в равной степени небесспорные аргументы. Последнее наводит на мысль, что ответ нужно искать в несколько иной плоскости. Важнее, может быть, не скрупулезный текстологический анализ «Эвменид», а более широкий обзор контекста, в частности того, что мы знаем о личности и политических симпатиях Эсхила.

Весьма убедительным является разделяемое большинством исследователей мнение, что Эсхил был приверженцем умеренно демократической группировки, концентрировавшейся вокруг Алкмеонидов, в частности в рассматриваемый период – вокруг Перикла⁷¹. Давние личные связи Эсхила и Перикла (возможно, унаследованные ими от предшествовавших поколений) зафиксированы вполне однозначно. О них говорит вышеупомянутая хорегия Перикла

Vol. 77. No. 2. P. 230–237; Podlecki A. J. The Political Background of Aeschylean Tragedy. Ann Arbor, 1966. P. 97–99; Jones L. A. Op. cit. P. 74.

⁶⁸ Lloyd-Jones H. The Justice of Zeus. Berkeley, 1971. P. 93–94; Bowie A. M. Religion and Politics in Aeschylus' Oresteia // Classical Quarterly. 1993. Vol. 43. No. 1. P. 10–31.

⁶⁹ Meier Chr. Die politische Kunst der griechischen Tragödie. Dresden, 1988. S. 132.

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ Smertenko C. M. Op. cit.; Mazzarino S. Op. cit.

при постановке «Персов» в 472 г. до н. э. Возможно, в 467 г. до н. э., при постановке тетралогии Эсхила «Фиваида», Перикл также был хорегом⁷². Существует гипотеза, согласно которой эта тетралогия (из нее сохранились «Семеро против Фив») выражала поддержку Периклу в начале его политической деятельности⁷³.

Можно, конечно, предположить, что к 458 г. до н. э. позиция Эсхила, его отношение к группировке Перикла изменились. Но не будет ли такое предположение натяжкой? В рассматриваемую эпоху политические альянсы зиждились скорее не на неких принципиальных соображениях, а на традиционных личных, семейных, локальных связях. Едва ли не в наибольшей степени такие связи играли роль в сотрудничестве поэтов с видными политиками, выступавшими по отношению к ним в качестве своеобразных патронов⁷⁴. Вероятнее, что, если проперикловская тенденция присутствовала у Эсхила, она должна была проходить через все его творчество.

Как эта проперикловская, «алкмеонидофильская» тенденция могла проявиться в «Эвменидах»? Указывалось⁷⁵, что в драме присутствует ряд аллюзий на историю рода Алкмеонидов, в частности, в связи с известной «скверной», лежавшей на нем после подавления мятежа Килона. Французский исследователь А. Плассар продемонстрировал, что начало драмы (Aeschyl. Eum. 1–33) представляет собой описание восточного фронтона дельфийского храма Аполлона; последний же был возведен Алкмеонидами. В этом изначально заданном контексте афинские зрители трагедии должны были ассоциировать «скверну» матереубийцы Ореста со «скверной» Перикла, потомка Алкмеонидов. В трагедии отмечается (Aeschyl. Eum. 443–445), что Орест уже получил ритуальное очищение в Дельфах и не является с тех пор формально «оскверненным». Это также прямой намек на Алкмеонидов, получивших в начале VI в. до н. э. аналогичное очищение (и тоже в Дельфах). Оправдание Ореста Ареопагом, таким образом, косвенно служило оправданию Перикла в глазах общественного мнения. Не случаен и пассаж (Aeschyl. Eum. 657–666) о большей «сравнительной ценности» отца по сравнению с матерью, о малой важности материнского

⁷² Kirchner J. Op. cit. Vol. 2. P. 196.

⁷³ Podlecki A. J. The Political Background... P. 31–32.

⁷⁴ Webster T. B. L. Athenian Culture and Society. Berkeley, 1973. P. 163–178. Традиционно (и совершенно ошибочно) к «кружку» Перикла относят Софокла, который скорее тяготел к окружению Кимона (Plut. Cim. 8).

⁷⁵ Smertenko C. M. Op. cit.; Plassart A. Eschyle et le fronton est du temple delphique des Alcmeonides // Revue des études anciennes. 1940. Vol. 42. P. 293–299; Defradas J. Les thèmes de la propagande delphique. P., 1954. P. 88; Dover K. J. Op. cit. P. 236; Forrest W. G. Themistocles and Argos // Classical Quarterly. 1960. Vol. 18. No. 2. P. 221–241; Schachermeyr F. Op. cit. S. 145; Blickman D. R. The Myth of Ixion and Pollution for Homicide in Archaic Greece // Classical Journal. 1988. Vol. 81. No. 3. P. 193–208.

начала в человеке. Это место, со времен Бахофена и Энгельса трактовавшееся как отражение борьбы патриархального и матриархального принципов, может получить конкретную политическую интерпретацию: Перикл был причастен к «скверне» Алкмеонидов именно по матери!

Отступление в историю Алкмеонидов потребовалось нам для того, чтобы показать безусловную ориентацию «Эвменид» на защиту и поддержку Перикла. Учитывая прямое отношение Перикла к реформам Ареопага, данный документ представляется нам достаточно весомым свидетельством позитивного отношения и к политической линии группировки Эфиальта – Перикла, к реформе 462 г. до н. э.

Как же в таком случае следует рассматривать предостережение поэта (Aeschyl. 696–698; пер. С. Апта)?

Пусть не будет новшеством устав мой осквернен:
Прозрачный ключ взмутив притоком грязным,
Свежей не испить воды...

По нашему мнению, под *κακάῖς ἐπιρροαῖσι* («притоком грязным») здесь понимаются не постановления Эфиальта и не зевгиты, допущенные в Ареопаг в 457 г. до н. э., а именно *τὰ ἐπίθετα*, «незаконно» присвоенные в свое время Ареопагом и теперь ликвидированные реформой 462 г. до н. э. Такая интерпретация достаточно четко дополняет общую картину решительной поддержки реформы Эсхилом.

В. А. Коршунковым⁷⁶ недавно высказано мнение о том, что негативное отношение Эсхила к реформе проявилось в выборе и трактовке им варианта мифа, положенного в основу «Эвменид». Такая гипотеза связана с распространенным представлением, согласно которому Эсхил отказался от первоначальной мифологической версии о создании Ареопага в связи с тяжбой Посейдона и Ареса и сделал основательницей судилища Афины, а первым делом, рассматривавшимся в нем, – спор Ореста и Эриний-Эвменид⁷⁷.

На наш взгляд, такая хронологическая расстановка вариантов мифа, обычно принимаемая как бесспорная, нуждается в более углубленном анализе. Впервые сведения о суде над Аресом на Ареопаге мы встречаем у Еврипида (Eur. El. 1258 sqq.; Iph. Taur. 945 sqq.) и Гелланика (Hellan. FGrHist. 323a. F1, F22), иными словами, явно позже, чем была поставлена трагедия Эсхила, который об этом суде не упоминает. Миф, прямо связывающий Ареса с Ареопагом, носит очевидный этиологический характер и вряд ли является древнейшим. Античная традиция знала довольно много мифологических объяснений названия Ареопага (Schol. Aristid. Panath. 46); то, что у поздних писателей миф

⁷⁶ Коршунков В. А. Эсхил и Ареопаг... С. 95–98.

⁷⁷ Ср.: Sealey R. The Athenian Courts... P. 289; Parker R. Op. cit. P. 386.

об Аресе и Посейдоне наиболее распространен, еще не говорит в пользу его первичности по отношению к остальным.

В то же время рассказ Эсхила о создании Ареопага для суда над Орестом имеет уже то преимущество, что он непосредственно привязывает к нему Эвменид, то есть тех самых Σεμναί, с культом которых это судилище было издревле и неразрывно связано. Здесь слышны отзвуки древнейших легенд, существовавших вокруг этого места, связанных еще не с рационализаторской этиологией, но напрямую с культом, ритуалом. Велика, таким образом, вероятность того, что Эсхил в «Эвменидах» дает версию, восходящую к изначальному (возможно, единственно известному ему) мифу об основании Ареопага. Характерно, что параллельно в трагедии (Aeschyl. Eum. 688–693) присутствует довольно неуклюжее объяснение названия Ареопага, связанное с амазонками; не исключено, что мы имеем дело с началом складывания этиологической традиции, вызванной утратой понимания связи Ареопага и ἄρᾱ Эвменид. В классической версии о суде над Аресом эта традиция достигает полного развития.

Итак, Эсхил принимает реформу Эфиальта и в то же время прославляет Ареопэг. В этом нет никакого противоречия, если принять аргументацию данной работы, если признать, что объективно реформа, снимая политические функции Ареопага, лишь способствовала укреплению его религиозного, морального, судебного престижа: именно эти стороны деятельности ареопагитов в панегирике Эсхила выдвинуты на первый план. Становится понятной и высокая оценка «Орестеи» афинянами, присудившими ей победу: чаяния Эсхила оказались созвучными настроением демоса, удовлетворенного восстановлением традиционного облика древнего учреждения, подобного которому, по словам драматурга (Aeschyl. Eum. 706; пер. Вяч. Иванова), не существовало ни где – ни в скифах, ни в земле Пелоповой.

P. S. Уже после завершения данной работы автору довелось ознакомиться со статьями М. Оствальда⁷⁸ и С. Саи⁷⁹, опубликованными совсем недавно. Их выводы лишь укрепляют нашу уверенность в обоснованности выдвинутых здесь гипотез. Притом что Оствальд придерживается традиционной точки зрения на реформу Ареопага, ряд формулируемых им положений (реальность периода «ареопагократии»; деятельность Фемистокла при Саламине в качестве ареопагита; исключительный авторитет Ареопага как источник его ἐπίθετα; зерно истины в традиции о противостоянии Фемистокла и Ареопага; ограничение в начале V в. до н. э. полномочий Ареопага по суду над государственными преступниками) прямо совпадают или соотносятся с развиваемыми нами выше.

⁷⁸ Ostwald M. The Areopagus in the Ἀθηναίων πολιτεία // Aristote et Athènes. P., 1993. P. 141–153.

⁷⁹ Saïd S. Le mythe d'Aréopage avant la Constitution d'Athènes // Aristote et Athènes. P., 1993. P. 155–184.

Единственное серьезное различие заключается в том, что Оствальд считает εὐθυναί функцией Ареопага еще со времен Солона, основываясь на принимаемой им конъектуре в «Афинской политике» Аристотеля (8.4) – εὐθύνεσθαι вместо ἐκτίνεσθαι. Однако, на наш взгляд, достаточных оснований для такой конъектуры нет.

Статья С. Саи, посвященная несколько иной проблематике, убедительно показывает поддержку Эсхилом реформы 462 г. до н. э. Ареопаг Эсхила – это именно суд по убийствам, и драматург подчеркивает важность такого суда для поддержания стабильности полиса. Саи также не исключает глубокой древности мифа об основании Ареопага, приводимого Эсхилом.

ΒΟΥΛΑΙ В АФИНАХ (ЭПОХА АРХАИКИ)*

По справедливому наблюдению одного из крупнейших современных специалистов в области изучения древнегреческой истории Дж. Дейвиса¹, полисный эллинский мир едва ли не с первых шагов своего развития с удивительным единообразием демонстрирует несколько основополагающих политических институтов. Среди них – народное собрание, магистратуры и Совет (βουλή). Именно этот последний интересует нас в рамках настоящей работы.

При этом, коль скоро изложение будет построено на афинском материале, необходимо сразу же оттенить специфику Афин в данном отношении. А такая специфика, бесспорно, имеется. Формирование и развитие института Совета в афинском полисе шло, насколько можно судить, значительно более сложными путями, чем в большинстве остальных государств греческого мира.

Нормой для типичного полиса, видимо, следует признать существование одного Совета, появляющегося на весьма ранней стадии (собственно, еще до формирования полисного типа государственности как такового, в его целостном виде), затем претерпевающего определенные модификации, но, в общем, сохраняющего свои функции, роль, структуру. Что касается этой последней, она может варьировать в достаточно широких рамках, в некоторых случаях допуская, в частности, элементы иерархии², в других же случаях не демонстрируя таковых. Вариабельны очень многие параметры: численность Совета, порядок избрания членов, срок пребывания лица в его составе (от годовичного до пожизненного). Весьма устойчива основная прерогатива Совета, которая может быть определена как пробулевтическая (рассмотрение проектов законов и постановлений и вынесение по ним предварительного решения перед передачей в народное собрание, которому принадлежит окончательный вердикт)³.

* Впервые опубликовано в: *Studia historica*. М., 2005. Т. 5. С. 3–22.

¹ *Davies J. K. Democracy without Theory // Herodotus and his World. Oxf., 2003. P. 325.*

² Ср., например, рассказ Страбона (IV. 179) о Совете тимухов в Массалии. Этот орган состоял из 600 человек, но внутри него существовала коллегия из 15 человек, осуществлявшая высшую власть, а внутри этой последней, в свою очередь, выделялась еще коллегия из 3 человек – верховных правителей. Обнаруживаем элементы иерархии, хотя и не столь четко институционализированные, также и в римском сенате (который в типологическом плане, разумеется, являет собой полную аналогию с греческими βουλαί), с различными «рангами» его членов – цензорию, консуляров, преторию и т. д.

³ О пробулевтической функции Совета см.: *Rhodes P. J., Lewis D. M. The Decrees of the Greek States. Oxf., 1997. P. 11–15.*

Вот что по этому поводу пишет Аристотель (Pol. 1299b30 sqq.)⁴:

...Совет же – учреждение демократическое (βουλὴ δὲ δημοτικόν), ведь обязательно должно существовать такого рода учреждение, которое имело бы своей задачей предварительное рассмотрение проектов, поступающих на решение народного собрания (τοῦ δήμου προβουλευεῖν), дабы последнее не тратило на обсуждение их слишком много времени.

Обратим внимание на парадоксальную оценку Аристотелем βουλὴ как демократического органа, которая в действительности может быть принята разве что с существенными оговорками. Совет мог, безусловно, воплощать в себе и демократический элемент, но с тем же успехом мог представлять и элемент олигархический⁵. Все зависело, с одной стороны, от общего государственного устройства полиса, с другой – от конкретного сочетания указанных выше критериев (численность, порядок избрания, срок). Скажем, в Спарте, несомненно, наличествовали демократические составляющие политической системы, но как раз герусию (спартанский Совет) к этим последним никак нельзя отнести.

Специфика же Афин состояла в том (как раз об этом и пойдет речь в дальнейшем изложении), что в них, начиная с определенного момента, действовали и сосуществовали два Совета. Можно ли говорить в данном случае не только о специфической, но и об уникальной, не имеющей аналогий черте? Пожалуй, все-таки нет. Широко известен такой эпиграфический памятник, как закон с Хиоса, датируемый первой половиной VI в. до н. э., скорее всего 570-ми гг.⁶ В надписи, к сожалению сохранившейся со значительными лакунами, упоминается некий «народный Совет» (βολὴ ἡ δημοσίνη), причем указан способ его комплектования – по 50 человек от каждой филы. Здесь мы видим несомненную параллель с афинскими реалиями, где Совет Четырехсот, а позже – Совет Пятисот комплектовались таким же образом.

В случае с хиосским Советом привлекает наибольшее внимание именно примененный к нему эпитет «народный». Сам тот факт, что упоминание данного органа пришлось в официальном документе снабдить поясняющим эпитетом, очевидно, свидетельствует о существовании в полисе и какого-то другого Совета (ср. ниже в связи с афинским Ареопагом). Более убедительную интерпретацию трудно представить. Можно, правда, предположить, что Совет

⁴ «Политика» цитируется в переводе С. А. Жебелева.

⁵ В частности, ничего демократического не находим мы в вышеупомянутом массалийском Совете. Интересно, впрочем, что Страбон называет его не βουλὴ, а συνέδριον.

⁶ Текст см.: Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised ed. Oxf., 1989. P. 14–15 (No. 8). По поводу этого закона см. также: Robinson E. W. The First Democracies: Early Popular Government outside Athens. Stuttgart, 1997. P. 90–101.

был назван «народным» из-за способа комплектования, в силу которого он репрезентативно представлял собой весь полис, входившие в его состав подразделения граждан. Но, кстати, к вопросу об этом способе комплектования. В цитируемом законе он описан эксплицитно, а следовательно, был на тот момент новшеством (иначе зачем бы входить в такие детали?). Хиосский «народный Совет», судя по всему, являлся созданием VI в. до н. э., учрежденным в результате какой-то политической реформы или даже переворота. Но ведь *какой-то* Совет, несомненно, должен был существовать на острове и ранее, до введения «народного»!

Закон с Хиоса дошел до наших дней в силу счастливой случайности, и в итоге мы кое-что знаем о конституционной истории этого полиса в архаическую эпоху. Подавляющему большинству остальных полисов не повезло в такой же степени, их ранние законодательные акты стали жертвой времени. А иначе, не исключено, у нас были бы данные об аналогичной ситуации (параллельное существование двух Советов) и в каких-то других местах. Как бы то ни было, более или менее обильный материал по данной проблематике, позволяющий трактовать ее с достаточной степенью системности и делать ответственные выводы, происходит только из Афин.

Древнейшим, так сказать, изначальным Советом, который мы застаем в афинском полисе уже на самой заре его истории, являлся Ареопаг⁷. Об этом органе нам уже приходилось писать⁸, и за прошедшее с тех пор время наша точка зрения на большинство связанных с ним проблем в основном осталась неизменной, не считая разве что более четкой формулировки некоторых положений. Поэтому об Ареопаге будет сказано достаточно кратко.

Древний Совет получил свое название от места, на котором происходили его заседания, – одноименного холма в центре Афин. Традиционно «Ареопаг» (Ἀρειος πάγος) переводится как ‘холм Ареса’, поскольку, согласно одному из вариантов мифа (впрочем, достаточно позднему, впервые встречающемуся у Еврипида и Гелланика), именно для тяжбы между Аресом и Посейдоном был в незапамятные времена создан этот орган. Однако, на наш взгляд,

⁷ Ареопагу в последние десятилетия был посвящен целый ряд интересных работ. Укажем только монографические исследования: Wallace R. W. *The Areopagos Council*, to 307 B.C. Baltimore, 1989; Bruyn O. de. *La compétence de l'Aréopage en matière de procès publics: Des origines de la polis athénienne à la conquête romaine de la Grèce (vers 700 – 146 avant J.-C.)*. Stuttgart, 1995; Braun M. *Die «Eumeniden» des Aischylos und der Areopag*. Tübingen, 1998.

⁸ Суриков И. Е. Афинский ареопаг в первой половине V в. до н. э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 23–40. При публикации этой статьи мы были вынуждены, соблюдая принятые в ВДИ нормы, повсюду писать название рассматриваемого здесь органа со строчной буквы. Однако нам кажется все-таки более правомерным написание с прописной буквы («Ареопаг», а не «ареопаг»), и в данной работе мы придерживаемся именно такой практики.

предлагаемая здесь этимология имеет вторичный характер и не может считаться вполне аутентичной. Во всяком случае, в «Эвменидах» Эсхила – первом сохранившемся нарративном памятнике, в котором мы находим обильную информацию об Ареопаге, – в качестве первого рассматривавшегося в нем судебного дела фигурирует не тяжба между Аресом и Посейдоном (о ней Эсхил вообще не упоминает и, судя по всему, еще не знает этой версии), а тяжба между Орестом и Эриниями-Эвменидами. Святилище этих грозных богинь, навлекавших на преступников проклятие, находилось как раз на северо-восточном склоне Ареопага⁹. В связи со сказанным нам представляется более вероятным, что изначально наименование интересующего нас Совета следует связывать скорее не с именем Ареса, а с лексемой ἄρᾶ (в эпическом языке ἄρεϊή) – ‘проклятие’. По сообщению Павсания (I. 28. 5), на холме находился алтарь Афины Арей (βωμός... Ἀθηνᾶς Ἀρείας), воздвигнутый, согласно преданию, самим Орестом после благоприятного решения его дела, которому, как известно, немало способствовала Афина, и освобождения от проклятия хтонических богинь. Гораздо резоннее ассоциировать данный эпитет Афины (resp. этимологию слова «Ареопаг») именно с ἄρᾶ, а не с Аресом, который к мифологии Ореста, в общем-то, не имеет никакого отношения.

Как бы то ни было, не приходится сомневаться в том, что речь идет действительно о весьма древнем органе, происхождение которого было окутано пеленой легенды. В противоречии с этим, казалось бы, находится мнение, не без колебаний передаваемое Плутархом (Sol. 19), согласно которому Ареопаг будто бы был основан Солоном. Но здесь имеет место недоразумение, о чем подробнее будет говориться несколько ниже, в соответствующем контексте.

Античные источники сообщают еще о нескольких судебных делах, разбиравшихся Ареопагом в легендарную эпоху, помимо дел Ореста и Ареса. Так, по данным Аполлодора, Ареопаг судил Кефала за убийство Прокриды (III. 15. 1), Дедала за убийство его племянника Тала (III. 15. 8–9).

Все это говорит о том, что Ареопаг древнейшей эпохи в восприятии нарративной традиции выполнял функции прежде всего суда по делам об убийствах. Эту функцию он сохранил и в дальнейшем, более того, именно она оказалась, так сказать, наиболее «живучей» и устойчивой, неизменной на протяжении веков¹⁰. Может быть, именно поэтому она и привлекала наиболее обостренное внимание древнегреческих авторов.

⁹ Judeich W. Topographie von Athen. 2 Aufl. München, 1931. S. 43, 299–301.

¹⁰ Об Ареопаге как судебном органе см.: Boegehold A. L. et al. The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia (The Athenian Agora XXVIII). Princeton, 1995. P. 43 ff. (интерпретация свидетельств), 126 ff. (сводка самих свидетельств).

Однако судебная функция Ареопага никак не могла быть единственной, ради которой он был создан и существовал¹¹. Этот орган (правда, в более поздний период, но нет оснований считать, что в эпоху архаики было иначе) посвящал заседаниям по делам об убийствах не более трех-четырёх дней в месяц (Poll. VIII. 117–118)¹². Это и не удивительно: в Афинах, небольшом по нашим меркам городе, вряд ли совершалось так много убийств, чтобы обеспечить ареопагитам «полную нагрузку».

Не случайно Аристотель, говоря в первых главах «Афинской политики» об архаическом Ареопаге, даже не упоминает о его работе как суда об убийствах. В его изложении (а оно, что ни говорить, для нас наиболее авторитетно) всецело на первый план выдвинуты иные прерогативы, хотя описываются они, как мы сейчас увидим, лишь отчасти точно и конкретно, отчасти же – достаточно расплывчато.

На наш взгляд, представит несомненный интерес сопоставление друг с другом этих аристотелевских пассажей об Ареопаге. Говоря о государственном устройстве Афин в VII в. до н. э., Стагирит пишет (Ath. pol. 3. 6)¹³:

Совет ареопагитов, хотя имел обязанность быть только блюстителем законов (διατηρεῖν τοὺς νόμους), распоряжался большинством важнейших дел в государстве, налагая кары и взыскания безапелляционно на всех нарушителей порядка (δικαίει δὲ τὰ πλεῖστα καὶ τὰ μέγιστα τῶν ἐν τῇ πόλει, καὶ κολάζουσα καὶ ζημιοῦσα πάντας τοὺς ἀκοσμοῦντας κυρίως).

Насколько можно судить, к этому же периоду относится сообщение Аристотеля (Ath. pol. 8. 2) о древнейшем порядке назначения на полисные должности (прежде всего архонтские):

В старину Совет Ареопага приглашал к себе кандидата и, обсудив в своей среде его кандидатуру, назначал на каждую из должностей подходящего человека на год, после чего отпускал его (τὸν ἐπιτήδειον ἐφ' ἐκάστῃ τῶν ἀρχῶν ἐπ' ἐνιαυτὸν διατάσσα ἀπέστελλεν).

При описании так называемой конституции Драконта 621 г. до н. э., которое, по практически единогласному мнению современных специалистов, является позднейшей вставкой, основанной на фальсифицированных источниках¹⁴, Аристотель так характеризует полномочия Ареопага (Ath. pol. 4. 4):

¹¹ Вопреки мнению, высказанному в работе: Wallace R. W. Op. cit. P. 55–69.

¹² Sealey R. The Athenian Courts for homicide // Classical Philology. 1983. Vol. 78. No. 4. P. 277; Parker R. Miasma: Pollution and Purification in Early Greek Religion. Oxf., 1985. P. 159.

¹³ «Афинская политика» цитируется в переводе С. И. Радцига.

¹⁴ Механизм появления этой вставки (сделанной, судя по всему, самим Аристотелем при переиздании «Афинской политики» в 320-х гг. до н. э.), вполне убедительно раскрыт в работе:

Совет Ареопага стоял на страже законов (φύλαξ ἦν τῶν νόμων) и наблюдал за должностными лицами, чтобы они правили по законам (διετήρει τὰς ἀρχάς, ὅπως κατὰ τοῦς νόμους ἀρχώσιν). Всякий человек в случае нанесения ему обиды мог подать о том заявление (εἰσαγγέλλειν) в Совет Ареопага, указывая при этом, какой закон нарушается чинимой ему обидой.

Наконец, излагая солоновские реформы 594 г. до н. э., Аристотель говорит (Ath. pol. 8. 4), что Солон

Совету ареопагитов назначил охранять законы (νομοφυλακεῖν); как и прежде, он имел надзор за государственным порядком (ἐπίσκοπος οὖσα τῆς πολιτείας), причем он обязан был не только следить вообще за большинством самых важных государственных дел, но между прочим и привлекать к ответственности (ἡϋθύνεν) виновных, имея власть налагать взыскания и кары, причем штрафы вносили в «город», не указывая, по какому поводу платится штраф. Наконец, он судил тех, кто составлял заговор для низвержения демократии (ἐπὶ καταλύσει τοῦ δήμου), в силу того, что Солон издал закон о внесении относительно их чрезвычайного заявления (νόμον εἰσαγγελίας).

Сведение этих пассажей воедино позволяет составить некоторое, пусть и достаточно расплывчатое, представление о функциях и прерогативах Ареопага на ранних этапах его истории. Правда, сразу бросается в глаза ряд несомненных анахронизмов и противоречий, впрочем вполне извинительных. Так, явно анахронистично упоминание демократии в связи с солоновскими временами¹⁵.

Далее, *cum grano salis* следует понимать слова о древнейшем Ареопаге как страже и блюстителе законов. Законы в собственном смысле слова (νόμοι) появляются в Афинах, согласно общепринятому мнению, при Драконте. Нельзя полностью отрицать возможность того, что в афинском полисе и до Драконта существовали какие-то записанные законодательные акты и нормы. По прямому указанию того же Аристотеля (Ath. pol. 3. 4), именно этим занималась и для этого была учреждена появившаяся около середины VI в. до н. э. коллегия из 6 архонтов-фесмофетов¹⁶. Однако, как явствует уже из названия

Ruschenbusch E. Die Quellen zur alteren griechischen Geschichte: Ein Überblick über den Stand der Quellenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Belange des Rechtshistorikers // Symposium 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 67–77.

¹⁵ Впрочем, эта aberrация тем более понятна, что ей подвержены и некоторые современные исследователи, полагающие, что Солон установил в Афинах демократию. См. один из самых последних примеров: Блаттская Т. В. Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н. э.). СПб., 2003. С. 388, 390.

¹⁶ См. по этому поводу: Gagarin M. The Thesmothetai and the Earliest Athenian Tyranny Law // Transactions of the American Philological Association. 1981. Vol. 111. P. 71–77.

вышеназванных магистратов, они имели дело еще не с νόμοι, а с θεσμοί (более древний термин). Даже к законам Драконта в источниках часто прилагается именно слово θεσμοί, тогда как применительно к законам Солона все говорят о νόμοι.

Иными словами, Арсепак в древнейшую эпоху был хранителем именно θεσμοί, а не νόμοι. Но этот анахронизм у Аристотеля, специально оговорим, имеет скорее терминологический, а не содержательный характер. Естественно, что основатель перипатетической школы (а скорее, те его ученики, которые непосредственно работали над текстом «Афинской политики»¹⁷) пользовался политико-правовыми категориями своего времени.

Обращает на себя внимание также и исангелия, фигурирующая в трактате в связи с Арсепак, каким он был при Драконте. Ведь ниже сам же автор говорит, что закон об исангелии издал Солон. Этот тип судебного процесса¹⁸, наряду с некоторыми другими, получил особенно широкое распространение в Афинах с конца V в. до н. э., в связи с принципиальными изменениями в политической жизни и политической практике¹⁹. Наверное, не случайно он без всяких на то оснований появился и в политическом памфлете о «конституции Драконта»²⁰, некритически использованном составителем «Афинской политики».

Но в то же время сам факт разбора Арсепак о судебных делах о политических преступлениях вряд ли может быть оспорен. В другом месте²¹ нам приходилось писать, подробно аргументируя, что в 636 г. до н. э., когда был подавлен мятеж Килона, те заговорщики, которых не перебили Алкмеониды, предстали, несомненно, именно перед судом Арсепака и были им отправлены в «вечное» изгнание. Это те самые осужденные ἐπὶ τυράννιδι, которых впоследствии не коснулась даже солоновская амнистия, как о том свидетельствует цитируемый Плутархом (Sol. 19) закон самого Солона²². Таким образом,

¹⁷ Судя по всему, имеет основания точка зрения, согласно которой «Афинская политика» – плод труда коллектива авторов (как минимум двух). См.: *Whitehead D.* 1–41, 42–69: A Tale of Two Politeiai // *Aristote et Athènes*. P., 1993. P. 25–38.

¹⁸ Наиболее детально (хотя и на материалах более позднего времени) описанный в работе: *Hansen M. H.* Eisangelia: The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Impeachment of Generals and Politicians. Odense, 1975.

¹⁹ *Mossé C.* De l'ostracisme aux procès politiques: le fonctionnement de la vie politique à Athènes // *Istituto universitario orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica*. 1985. Vol. 7. P. 9–18.

²⁰ Об этом памфлете см.: *Fritz K. von.* The Composition of Aristotle's Constitution of Athens and the So-called Dracontian Constitution // *Classical Philology*. 1954. Vol. 49. P. 73–93.

²¹ *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 109 сл.

²² Закон несомненно аутентичен. Плутарх ссылается на него с такой точностью и конкретностью, какая только была возможна (8-й закон 13-го аксона). См. по поводу этого

и здесь Аристотель по существу прав, не считая того чисто формального обстоятельства, что употребление термина «исангелия» для досолоновского времени неуместно.

Сложнее вопрос о принадлежности древнейшему Ареопагу такого полномочия, как принятие отчетов (εὔθυναί) у должностных лиц. В начале классической эпохи оно у ареопагитов имелось, но воспринималось не как исконное, а как позднее приобретенное (входило в категорию τὰ ἐπίθεται, а не τὰ πάτρια)²³ и, соответственно, было отнято у них Эфиальтом. Аристотель, как мы видели, употребляет не само слово εὔθυναί, а глагол εὐθύνειν, того же корня, но более широкого значения. К тому же это εὐθύνειν в его контексте, насколько можно судить, не относится к магистратам. Наконец, автор «Афинской политики» так строит фразу, что трудно определить, считает ли он рассматриваемую функцию досолоновской или введенной Солоном²⁴.

Как нам представляется, возможное решение проблемы лежит на следующем пути. Мы видели, что тот же Аристотель эксплицитно указывает: до соловских реформ Ареопаг назначал архонтов²⁵. Это само по себе было чрезвычайно важной прерогативой, позволявшей ареопагитам, по сути, держать судьбу государства в каждый конкретный момент под своим контролем. А архонты, без сомнения, согласовывали свою деятельность с пожеланиями древнего Совета. И не столько потому, что им было это конституционно предписано, сколько потому, что они знали: пройдет год – и им предстоит пополнить собой число его членов. Ведь именно из бывших архонтов комплектовался Ареопаг (Arist. Ath. pol. 3. 6).

Иными словами, подбирая лиц на архонтские должности, Ареопаг одновременно заботился и о чистоте собственного состава. Вряд ли архонт по истечении срока пребывания на этом посту становился ареопагитом автоматически. Учитывая все, что мы знаем о политической практике в античных полисах, можно с уверенностью утверждать: будущие коллеги, прежде чем допустить его в свои ряды, устраивали ему скрупулезную проверку. Эта проверка

закона и его значения для общей оценки достоверности традиции о соловском кодексе: Ruschenbusch E. ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwertes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden, 1966. S. 5 ff.

²³ *Спроггецкий В. М.* Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии. Горький, 1987. С. 44.

²⁴ Есть также мнение, что εὔθυναί для архонтов были введены Писистратом: Worthington I. Pisistratus and the εὔθυναί: a Conjecture // L'Antiquité classique. 1985. Vol. 54. P. 235–239.

²⁵ Этот вопрос и соловская реформа архонтата разбираются нами в статье: *Суриков И. Е.* Архонтат в Афинах: от истоков института до утраты им исторического значения // ВДИ. 2012. № 2. С. 29–54.

одновременно играла роль докимасии потенциального ареопагита и εὐθυνα того же лица, но уже как бывшего архонта. Магистрат, не прошедший проверку, то есть неудовлетворительно отчитавшийся за свой архонтат, не входил в состав Ареопага.

В целом, обобщая свидетельства «Афинской политики» о функциях интересующего нас органа в архаическую эпоху (до Солона и непосредственно после него), нельзя не заметить, что функции эти были едва ли не всеобъемлющими. Под расплывчатые формулировки «охраны законов» можно было фактически подвести все что угодно. По сути, перед нами высшая контрольная инстанция. В связи с этим есть мнение, что Ареопаг пользовался правом вето по отношению к решениям, принятым другими властными институтами²⁶. Строго говоря, эксплицитных указаний на это в источниках, кажется, нет, но тем не менее предположение представляется весьма вероятным.

Вообще наивно было бы ожидать, что мы найдем где-нибудь в традиции пассаж с исчерпывающим и систематичным перечнем prerogatives – будь то Ареопага, будь то какого бы то ни было иного государственного института античных Афин. Это свойственно скорее современным компендиумам по древнегреческому публичному праву. Самими греками работа по подобной систематизации не была проделана и стала, соответственно, задачей ученых – историков и юристов²⁷. Нужно только всегда помнить о том, что, внося организующие принципы в пестрый и хаотический мир правовых комплексов, существовавших в греческих полисах, мы проделываем в известном смысле формально-логическую операцию и получаем в результате некий веберовский «идеальный тип». Это полезно в эвристических целях, но, естественно, чревато опасностью, что «буква» той или иной нормы заслонит для нас внутренний дух целого. Реальность в принципе сложнее любого принципа, и тем более это относится к грекам, у которых правовое мышление всегда было достаточно аморфным²⁸.

Только что сделанное отступление, возможно, будет не лишним – во избежание чрезмерного увлечения при интерпретации материала «правовым формализмом» в ущерб историзму, навязывания людям иных эпох и цивилизаций наших собственных категорий как единственно верных и объективных. Возвращаясь к основной нити изложения, переходим к характеристике реформ Солона применительно к нашей проблематике.

²⁶ Бузескул В. П. История афинской демократии. СПб., 2003. С. 147.

²⁷ Ср.: Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 19.

²⁸ Суриков И. Е. Камень и глина: К сравнительной характеристике некоторых ментальных парадигм древнегреческой и римской цивилизаций // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). М., 2000. С. 280 сл.

Как видно из цитированного выше свидетельства «Афинской политики», после этих реформ полномочия Ареопага оставались весьма широкими, включая охрану законов и надзор за государственным порядком. Аристотелю в данном случае вторит Плутарх (Sol. 19). По словам этого последнего, Солон «“верхнему совету” (τὴν δ’ ἄνω βουλήν; о том, почему Ареопаг назван здесь “верхним” советом и какие это имеет импликации, речь пойдет чуть ниже. — И. С.)... предоставил надзор за всем и охрану законов (ἐπίσκοπον πάντων καὶ φύλακα τῶν νόμων ἐκάθισεν)».

Однако имели место два чрезвычайно серьезных новшества. Во-первых, начиная с 594 г. до н. э. Ареопаг больше не назначал архонтов. На смену этому порядку пришла иная процедура. Какая именно – вопрос крайне дискуссионный (есть два варианта ответа на этот вопрос: архонты стали выбираться либо жребием, либо голосованием народного собрания). Мы не будем здесь в него углубляться, поскольку это увело бы нас слишком далеко от основной тематики работы²⁹. Как бы то ни было, приходится констатировать, что ареопагиты отныне утратили этот важнейший механизм влияния на дела полиса.

Во-вторых, что для нас еще более важно в контексте данной работы, Солон учредил наряду с Ареопагом другой Совет. Именно этот орган, существовавший вначале как Совет Четырехсот, затем, с конца VI в. до н. э., как Совет Пятисот и, наконец, с конца IV в. до н. э. – как Совет Шестисот, обычно имеют в виду в историографии, когда говорят просто о βουλή³⁰. Аристотель (Ath. pol. 8. 4), лишь кратко сообщает о его создании и о способе комплектования – по сто человек от каждой филы. Плутарх (Sol. 19) приводит ту же информацию, но в целом останавливается на вопросе несколько более подробно. Он говорит о главной функции нового Совета – функции пробулевтической, а затем следует известный художественный образ: «он (Солон. – И. С.) рассчитывал, что государство, стоящее на двух советах, как на якорях, меньше подвержено качке и доставит больше спокойствия народу».

Здесь Плутарх явно переходит на поэтический язык. Высказывалась весьма импонирующая нам догадка³¹ о том, что в данном случае биограф парафразирует какое-то не дошедшее до нас стихотворение самого Солона. Если это

²⁹ См. по этому вопросу подробнее: *Суриков И. Е.* Эволюция афинского архонтата... Мы склоняемся к мнению о выборах архонтов, начиная с Солона, народным собранием.

³⁰ Соответственно, именно ему посвящена монография: *Rhodes P. J.* The Athenian Boule. Oxf., 1972. Эта книга и по сей день остается наиболее фундаментальным исследованием по проблеме.

³¹ *Колобова К. М.* Революция Солон // Ученые записки ЛГУ. Л., 1939. № 39. Сер. ист. наук. Вып. 4. С. 29.

действительно так³², то оказывается, что данные о Совете Четырехсот непосредственно восходят к самому его учредителю и тем самым значительно приобщают в аутентичности.

Вопрос об аутентичности поднят нами здесь не случайно. Имеет место следующее обстоятельство. К сожалению, практически полностью отсутствует информация о функционировании солоновского Совета Четырехсот на протяжении VI в. до н. э. В сущности, мы ничего о нем не слышим – от момента его появления вплоть до клисфеновских реформ, когда этот орган обрел новый облик. В связи с этим некоторые исследователи³³ склонны подвергать сомнению или просто отрицать те сведения, которые мы имеем о Совете Четырехсот, считать, что Совет Пятисот был создан Клисфеном, так сказать, «с нуля», а не на основе какого-то ранее существовавшего института.

Мы решительно не согласны с подобной гиперкритической позицией и солидаризируемся с мнением тех антиковедов (к счастью, они все-таки в большинстве)³⁴, которые доверяют традиции. Их аргументы представляются значительно более вескими. Воспроизведем важнейшие из этих доводов, при-свокупив некоторые собственные соображения.

Клисфен в своей деятельности вообще не занимался немотивированным «изобретательством», а опирался на опыт предшествующих поколений. Практически все введенные им институты имели прецеденты³⁵. Со стопроцентной уверенностью это можно утверждать о таком клисфеновском нововведении, как реформа фил (собственно, данный факт заметил уже Геродот, V. 71). Даже

³² А у Плутарха, в биографии Солона, действительно местами скрываются (и периодически обнаруживаются современными исследователями) скрытые, необозначенные цитаты из солоновских стихотворений. См., например: *Boer W. den. A New Fragment of Solon? // Mnemosyne. 1966. Vol. 19. Fasc. 1. P. 46–47.*

³³ В частности: *Levi M. A. Commento storico alla Respublica Atheniensium di Aristotele. Milano, 1968. Vol. 1. P. 128–129; McCargar D. J. New Evidence for the Kleisthenic Boule // Classical Philology. 1976. Vol. 71. No. 3. P. 250; Doenges N. A. Ostracism and the Boule of Kleisthenes // Historia. 1996. Bd 45. Ht. 4. S. 387–404; Hölkesskamp K.-J. Schiedsrichter, Gesetzgeber und Gesetzgebung im archaischen Griechenland. Stuttgart, 1999. S. 84.*

³⁴ В том числе: *Гриневич К. Э. Солон. II // Ученые записки Томского гос. ун-та. 1947. № 6. С. 26; Ledl A. Studien zur älteren athenischen Verfassungsgeschichte. Heidelberg, 1914. S. 275 ff.; Oliver J. H. Demokratia, the Gods, and the Free World. Baltimore, 1960. P. 59–60; Rhodes P. J. Op. cit.; Lévêque P. La naissance de la Grèce: des rois aux cités. P., 1990. P. 100; Walter U. An der Polis teilhaben: Bürgerschaft und Zugehörigkeit im archaischen Griechenland. Stuttgart, 1993. S. 199; Camp J. M. Athens and Attica: The Town and its Countryside // Culture et cité: L'avènement d'Athènes à l'époque archaïque. Bruxelles, 1995. P. 227.*

³⁵ Ср.: *Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). СПб., 2002. С. 376; Salmon J. Cleisthenes (of Athens) and Corinth // Herodotus and his World. Oxf., 2003. P. 219–234.*

такая процедура, как остракизм, о чем нам уже неоднократно приходилось писать³⁶, основывалась на уже существовавших обычаях. Странно было бы, если бы в случае с Советом ситуация оказалась иной.

А то, что мы ничего не знаем о деятельности Совета Четырехсот, совершенно не удивительно. Хронологический отрезок афинской истории между Солоном и Клисфеном специфичен с точки зрения освещенности в источниках. Мы довольно неплохо осведомлены о перипетиях борьбы группировок в это время, но авторами, писавшими о нем (Геродотом и Аристотелем), практически полностью оставлены в тени вопросы, связанные с политическими институтами. Мы точно так же ничего не знаем о том, как функционировала гелия в VI в. до н. э.³⁷ Почти не сообщает нарративная традиция (в лучшем случае сообщает очень невнятно) о работе экклесии, архонтата или того же Ареопага. Но нельзя же из этого заключать, что всех этих органов в позднеархаических Афинах просто не было!

Кроме того, в пользу историчности Совета Четырехсот есть аргумент хотя и косвенный, но, на наш взгляд, обладающий очень большой доказательной силой. Не мы его придумали³⁸, но здесь самое время его привести. Речь идет о следующем. Плутарх (Sol. 19) приводит – причем даже со ссылкой на «большинство» (οἱ πλεῖστοι) известных ему писателей – довольно-таки странное мнение, согласно которому Солон будто бы учредил Ареопаг. Это мнение казалось странным уже самому Плутарху, который тут же дает противоречащее свидетельство – солоновский закон об амнистии³⁹, из которой, в частности, исключаются лица, осужденные Ареопагом до архонтата Солона (πρὶν ἢ Σόλωνα ἀρξαί).

В целом, естественно, не может быть и речи о создании Ареопага Солоном. Дело в другом: что же все-таки заставляло многих представителей античной исторической науки придерживаться подобной точки зрения? Они выдвигали тоже довольно-таки весомое соображение: в памятниках досолоновского времени, в том числе в законах Драконта, нигде не упоминается Ареопаг. Данный факт сам по себе требует объяснения, и он получает это объяснение, если

³⁶ Последний раз – в работе: Суриков И. Е. Функции института остракизма и афинская политическая элита // ВДИ. 2004. № 1. С. 3–30.

³⁷ О раннем этапе истории этого органа см.: Hansen M. H. The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983–1989. Copenhagen, 1989. P. 219 ff.

³⁸ Хотя нам ранее уже приходилось им пользоваться. См.: Суриков И. Е. Афинский ареопаг... С. 31. Там же даются ссылки на более ранние работы, где этот аргумент фигурирует.

³⁹ Закон цитируется не только дословно (ὀνόμασι), но и – крайне редкий случай в традиции – с точным указанием номера (8-й закон 13-го аксона), что, бесспорно, говорит о его аутентичности. См. о законе: Bruyn O. de. Op. cit. P. 24 ss.

учесть, что до 594 г. до н. э. Ареопаг был единственным Советом в афинском полисе, а с 594 г. – уже не единственным⁴⁰.

Иными словами, до солоновских реформ упоминания этого органа не требовали какой-то дополнительной спецификации, и его определяли просто как ἡ βουλή. А в связи с появлением второго Совета во избежание путаницы возникла необходимость в более строгом определении первого; тогда-то и возникло особое обозначение ἡ ἐξ Ἀρείου πάγου βουλή. В этом, и только в этом смысле можно говорить о том, что Ареопаг – порождение Солона. Точнее, не сам Ареопаг, а его название. Все это, насколько можно судить, однозначно свидетельствует о том, что солоновский Совет Четырехсот – отнюдь не фикция. Кстати, в последующей традиции фигурируют еще вот какие, очевидно, неофициальные названия двух Советов: Совет Ареопага – ἡ ἄνω βουλή ('верхний совет'), Совет Четырехсот – ἡ κάτω βουλή ('нижний совет'). Сложно сказать, имеется ли здесь в виду некая формальная субординация или же просто локализация (Ареопаг заседал на одноименном холме, а Совет Четырехсот – в низине, на Агоре).

Итак, теперь в афинском полисе существовали два Совета. Можно ли сказать, что они дублировали друг друга, что их функции и прерогативы как-то пересекались? Говоря в строгом, «конституционном» смысле, это не так. И тот, и другой орган были причастны к принятию решений по государственным делам, но причастны на разных инстанциях. Лучше всего это можно представить с помощью следующей схемы.

Эта схема делает особенно понятным и наглядным вышеприведенный плутарховский (солоновский?) образ двух Советов как двух якорей, держащих полис, который воплощен здесь в экклесии.

Однако нормы нормами, а в реальной жизни, конечно, между двумя Советами отнюдь не были исключены конфликтные ситуации по поводу компетенции. Совет Четырехсот уже самим фактом своего существования не мог не снижать политическое значение Ареопага. В целом систему с двумя Советами следует охарактеризовать как отражение некоего переходного периода (как, кстати, и весь солоновский строй был, в сущности, переходным от аристократического правления к демократии).

⁴⁰ Строго говоря, есть и еще одна причина. В законе Драконта (о нем см.: Суриков И. Е. Проблемы... С. 27 сл., с текстом, переводом и указаниями на важнейшую литературу) эксплицитно описывается процедура суда по делам о неумышленных убийствах. А такие процессы действительно проводили не ареопагиты, а особая коллегия эфетов (Arist. Ath. pol. 57. 4).

Но вот что интересно. Переходные порядки редко бывают долговечными и стабильными. И солоновская «конституция» во всей своей совокупности не просуществовала длительное время. А два Совета в Афинах так и остались. Это, казалось бы, противоречит исторической логике. В принципе один из этих органов должен был со временем начать восприниматься как излишнее звено политической системы и отмереть. Такая судьба, казалось бы, ждала Ареопаг, тем более что свои контрольные функции он постепенно утрачивал и окончательно лишился их в результате реформы Эфиальта, когда они перешли к гелиее и был соответственно введен институт *ὑραφῆ παρὰ νόμον*⁴¹.

Ареопаг, однако, не только не умер – он пережил все перипетии многовековой истории Афин и продолжал существовать наряду с «нижним» Советом. Временами он даже как бы «поднимал голову», возрождая и наращивая собственное влияние. Так было несколько раз – на хронологическом отрезке 480–462 гг. до н. э., затем во второй половине IV в. до н. э.⁴², наконец, в эпоху эллинизма. Эта последняя, вообще ставшая для Афин во многих отношениях временем «аристократического ренессанса»⁴³, видела усиление Ареопага – вплоть до того, что он, пережив ряд учреждений, появившихся гораздо позже него, к рубежу нашей эры стал, пожалуй, высшим органом власти в полисе. Цицерон (*De nat. deor.* II. 74) мимоходом, как о чем-то само собой разумеющемся,

⁴¹ Об этом институте см. наиболее подробно: *Hansen M. H. The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Public Action against Unconstitutional Proposals.* Odense, 1974.

⁴² Достаточно вспомнить весьма весомую роль Ареопага в «деле Гарпала» (руками ареопагитов, в сущности, расправились над Демосфеном) или известный закон 336 г. до н. э. об Ареопаге, изданный в связи с угрозой установления тирании (последнее издание этого эпиграфического памятника: *Rhodes P. J., Osborne R. Greek Historical Inscriptions 404–323 BC.* Oxf., 2003. P. 388–393. No. 79). Здесь мы не касаемся вопроса о причинах этого усиления Ареопага и о том, какую роль в нем сыграл «Ареопагитик» Исократ.

⁴³ Ср.: *Суриков И. Е.* Демократический полис и родословные аристократов: о некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // *Древнейшие государства Восточной Европы.* 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 188. Возрождение афинской аристократией своей роли в постклассическое время зачастую не только не учитывается, но, можно сказать, просто-таки игнорируется в историографии, в том числе и в отечественной. Прочитируем одну недавнюю работу (*Ленская В. С.* Афинский род Кодридов // *ВДИ.* 2003. № 3. С. 132): «Сохранившаяся генеалогия (Кодридов. – *И. С.*) обрывается на Спевсишпе... Дальнейшая история рода нам не известна». А между тем представители рода Кодридов зафиксированы в источниках вплоть до V в. н. э.! См., например: *Молчанов А. А.* Антропонимическая традиция как одно из слагаемых исторической памяти (на примере именослова афинских эвпатридов X в. до н. э. – V в. н. э.) // *Древнейшие государства Восточной Европы.* 2002 год. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 141–150.

говорит, что государством афинян управляет (*regit*) Ареопаг. Аттические надписи римского времени с завидным постоянством называют Ареопаг первым при перечислении полисных институтов (ἡ ἐξ Ἀρείου παγὸς βουλὴ καὶ ἡ βουλὴ τῶν Χ⁴⁴ καὶ ὁ δῆμος κтл., см., например: IG. III. 10; 41; 454; 680).

Создается впечатление, что древний Совет воспринимался как некий островок стабильности в неоднократно изменявшейся политике. И дело здесь даже не в его формальных полномочиях. Характерный термин, употребляемый античными авторами в связи с Ареопагом, – «авторитет» (ἄξιωμα). Чем же порождался этот авторитет?

Насколько нам представляется, он прежде всего был связан со способом комплектования Ареопага и, соответственно, с его составом. Древний порядок, согласно которому гражданин, занимавший должность архонта, становился после этого ареопагитом и оставался им пожизненно (Arist. Ath. pol. 3. 6), никогда не был отменен. С другой стороны, члены солоновского Совета Четырехсот избирались жребием сроком на год. Эксплицитно источники об этом вроде бы не сообщают, но по аналогии с позднейшим Советом Пятисот, для которого такая процедура четко засвидетельствована (Arist. Ath. pol. 43. 2), данное предположение представляется единственно возможным.

Иными словами, в «нижнем» Совете булевтами по большей части становились люди вполне случайные, даже не политики. Кроме того, происходила постоянная их ротация, причем булевтом позволялось быть лишь дважды в жизни. Что же касается ареопагитов, то они, во-первых, являлись бывшими магистратами, то есть лицами, заведомо имевшими определенную компетентность в вопросах государственного управления. Во-вторых, они вообще не были подвержены никакой ротации, что позволяло им сохранять и даже с годами упрочивать свою компетентность. Можно сказать, что Ареопаг, в отличие от большинства других афинских полисных институтов, воплощал собой преемственность, причем преемственность, выраженную на персональном уровне.

Просто-таки напрашивается (и представляется вполне правомерной) параллель с римским сенатом. Этот последний, в сущности, был Советом именно такого типа, как и Ареопаг. Сходство несомненно при сравнении способа комплектации этих двух органов. Далее, и Ареопаг и сенат были сильны прежде всего своим авторитетом – в большей степени, нежели какими-либо чисто законодательно определенными прерогативами. К отличиям же между Ареопагом и сенатом следует отнести то, что последний не утратил и своей пробулевтической функции⁴⁵, что делало его все-таки еще более влиятельным.

⁴⁴ Совет Шестисот, пришедший в конце IV в. до н. э. на смену Совету Пятисот в связи с увеличением числа фил.

⁴⁵ Вряд ли нужно специально оговаривать, что, упоминая сенат, мы имеем в виду сенат республиканского периода.

Возвращаясь к Совету Четырехсот, существовавшему в период между солоновскими и клисфеновскими реформами, повторим, что в источниках сообщается очень мало (можно сказать, почти ничего) о его полномочиях. Эксплицитно оговаривается его роль как пробулевтического органа (об этом мы уже говорили), и это, пожалуй, всё.

Впрочем, на основании некоторых косвенных данных можно также утверждать, что в компетенции именно этого Совета, скорее всего, находилась процедура, которая лучше известна для классической эпохи, когда она называлась остракизмом и проводилась народным собранием. Каково было наименование этой процедуры в VI в. до н. э. – точно не известно (мы применяем в этой связи условный термин «протоостракизм»), но в том, что она уже тогда существовала, сомневаться, кажется, уже не приходится. Нам уже неоднократно приходилось писать по данному сюжету⁴⁶. Соответственно, вряд ли имеет смысл вновь повторять всю выдвинутую в других местах аргументацию. Достаточно будет кратко суммировать основные положения.

Согласно свидетельству анонимного поздневизантийского автора (*Vaticanus Graecus*. 1144, fol. 222^{rv})⁴⁷, восходящему в конечном счете, судя по всему, к такому авторитетному писателю, как Феофраст, первоначально остракизм проводился следующим образом: «Члены Совета, поразмыслив несколько дней, писали на черепках имя того из граждан, кого следовало отправить в изгнание, и бросали черепки в ограду булевтерия. Кому выпадало более двухсот черепков, тот изгонялся на десять лет...» Информация, как видим, вполне однозначная. Причем вполне ясно, о каком Совете идет речь: коль скоро минимальное количество голосов, требуемое для изгнания, равнялось двумстам, то никоим образом не может иметься в виду клисфеновский Совет Пятисот: это противоречило бы элементарной логике, так как решение принималось бы заведомым меньшинством⁴⁸.

⁴⁶ Наиболее подробно (в различных аспектах) – в работах: *Суриков И. Е.* Остракизм и остраконы: в Афинах и за их пределами // *Hyperboreus*. 2000. Vol. 6. Fasc. 1. P. 103–123; *Суриков И. Е.* Закон Клисфена об остракизме: к реконструкции некоторых формулировок // *Древнее право*. 2000. № 1 (6). С. 14–22; *Суриков И. Е.* Функции института остракизма... С еще большей степенью детальности вопрос трактуется в подготовленной нами монографии об остракизме.

⁴⁷ Данный пассаж был впервые опубликован в конце XIX в., но тогда не привлек внимания исследователей. Но после того, как его вновь опубликовали Дж. Кини и А. Раубичек (*Keaney J. J., Raubitschek A. E.* A Late Byzantine Account of Ostracism // *American Journal of Philology*. 1972. Vol. 93. No. 1. P. 87–91), он стал предметом широкого интереса, и о нем немало писали.

⁴⁸ Поэтому нам странно, что эту возможность считают наиболее вероятной авторы некоторых недавних работ об остракизме: *McCargar D. J.* Op. cit. P. 251; *Dreher M.* Verbannung

Стало быть «протоостракизм» в Афинах до установления демократии находился в ведении Совета Четырехсот: минимум в 200 голосов, фигурирующий в источнике, соответствует как раз половине численности этого органа. А может быть, все-таки Ареопаг? Строго говоря, абсолютно исключать такую возможность нельзя, но она представляется значительно менее вероятной. Во-первых, термином βουλή без дальнейшей спецификации в текстах послесолоновского времени обозначается уже не Ареопаг, а другой Совет⁴⁹. Во-вторых, что очень важно, некая разновидность остракизма в Совете зафиксирована в афинском полисе и для классической эпохи. Эта процедура, именовавшаяся экфиллофорией (ἐκφυλλοφορία), упоминается в произведениях как современных авторов – ораторов IV в. до н. э. (Aeschin. I. 111–112; Dinarch. fr. II Conomis), – так и позднейших лексикографов (Poll. VIII. 18–19; Harpocr. s.v. ἐκφυλλοφορησαι; Bekker Anecd. I. 248. 7 sqq.; Schol. Aeschin. I. 111; Suid. s.v. ἐκφυλλοφορεῖν; s.v. ἐκφυλλοφορησαι; Etym. Magn. s.v. ἐκφυλλοφορησαι; Tzetz. Chil. X. 40; XIII. 442 sq.; [Zonar.] Lex. s.v. ἐκφυλλοφορεῖν). Ее отличие от остракизма в собственном смысле слова заключалось единственно в том, что вместо черепков-остраконов члены Совета использовали надписанные листья оливы, с помощью которых они изгоняли из состава этого органа своих чем-либо дискредитированных коллег⁵⁰. Обратим внимание на то, что экфиллофорию проводил Совет Пятисот, не Совет Ареопага.

И уж, во всяком случае, не могут встретить нашей поддержки разного рода экзотические гипотезы, авторы которых для объяснения приведенного выше византийского текста прибегают к измышлениям без всякой опоры на источники якобы существовавших в Афинах каких-то иных βουλαί. Так, в одной из недавних работ⁵¹ было высказано предположение, что в 508/507 г. до н. э. Клизфен создал временный Совет Четырехсот (солоновский Совет этой численности исследователь не признаёт), которого и касался изданный им закон об остракизме, и лишь в 501/500 г. до н. э. на смену этому органу был учрежден постоянный Совет Пятисот. Все эти построения зиждятся на весьма шатких основаниях; нет никаких сведений, дающих повод предполагать подобные довольно странные манипуляции Клизфена с количеством членов Совета.

ohne Vergehen: Der Ostrakismos (das Scherbengericht) // Große Prozesse im antiken Athen. München, 2000. S. 67.

⁴⁹ Именно таково, в частности, словоупотребление в «Афинской политике» Аристотеля, особенно в ее второй, систематической части. В этом тексте просто βουλή – это всегда Совет Пятисот, но не Совет Ареопага.

⁵⁰ Об экфиллофории см.: Guarducci M. Epigrafia greca. R., 1969. Vol. 2. P. 525; Staveley E. S. Greek and Roman Voting and Elections. Ithaca, 1972. P. 94; Hall L. G. H. Remarks on the Law of Ostracism // Tyche. 1989. Bd 4. P. 96.

⁵¹ Doenges N. A. Op. cit. P. 387 ff.

Не более убедительной выглядит и другая вариация на ту же тему⁵², согласно которой поскольку демократические реформы растянулись на довольно длительное время, то вначале Клизфеном был создан совет, состоявший приблизительно из трехсот членов (цифра выводится чисто спекулятивным путем); в компетенцию этого гипотетического Совета будто бы и входило изначально проведение остракизма. Совет Пятисот же был учрежден лишь несколькими годами позже.

Эпоха клизфеновских реформ была, бесспорно, одним из самых сложных периодов конституционной истории Афин. И совершенно незачем, на наш взгляд, еще искусственно усложнять ситуацию, «изобретая» политические институты, таинственно появляющиеся и внезапно исчезающие по мановению чьей-то руки, – при том, что о таких институтах нет ни малейшего упоминания в нарративной традиции. Значительно плодотворнее будет отталкиваться от прямого сообщения Аристотеля, который в «Афинской политике» (гл. 21–22) наиболее подробно из всех античных авторов рассказывает о реформаторской деятельности Клизфена.

Аристотель же, сообщив об учреждении системы из десяти фил, сразу после этого прямо пишет (Ath. pol. 21. 3): «Затем он (Клизфен. – И. С.) установил Совет пятисот вместо четырехсот, по пятидесяти от каждой филы, а до тех пор было по сто». Как видим, эта информация не оставляет решительно никакого места для «временных» или «промежуточных» Советов, постулируемых вышеупомянутыми антиковедами. Может, правда, несколько смутить употребленное здесь словечко «затем» (ἐπειτα): оно в принципе может скрывать под собой какой угодно временной промежуток⁵³. Когда же конкретно Совет Пятисот был сформирован и начал функционировать? Чуть ниже Аристотель пишет, что присягу для Совета Пятисот установили в архонтство Гермocreонта, которое датируется 501/500 г. до н. э.⁵⁴ Можно со всеми основаниями предполагать, что присяга была введена именно в это время в связи с тем, что как раз к 501/500 г. орган был полностью сформирован и реально приступил к работе.

Получается, что создание Совета Пятисот растянулось на несколько лет. И такая ситуация выглядит более чем естественной: ведь вначале нужно было разработать во всех деталях – причем практически с нуля – всю систему новых

⁵² Rausch M. Kleisthenes, Isagoras, der Rat und das Volk: Die athenische Innenpolitik zwischen dem Sturz der Tyrannis und dem Jahr 507 v. Chr. // Chiron. 1998. Bd 28. S. 355–369.

⁵³ Ср. на другом примере из того же Аристотеля: Суриков И. Е. О некоторых факторах колонизационной политики Гераклеи Понтийской // Проблемы истории, филологии, культуры. 2002. Вып. 12. С. 75.

⁵⁴ Датировку см.: Develin R. Athenian Officials 684–321 BC. Cambridge, 1989. P. 54.

фил, триттий и демов, расписать по демам квоты булевтов⁵⁵ и только после этого приступить к жеребьевке членов Совета первого созыва. В теории эта реформа, нужно полагать, была продумана Клисфеном заранее, уже на тот момент, когда он стал простатом демоса; но воплощение ее в жизнь, несомненно, потребовало отнюдь не месяца и даже не года.

Так, может быть, все-таки правы те, кто считает, что в переходный период, пока Совета Пятисот на практике еще не существовало, должен был действовать какой-то временный орган с теми же функциями? Это было бы справедливо, если бы в ходе клисфеновских реформ система четырех старых ионийских фил, на которые делился афинский полис, подверглась полной отмене. Тогда действительно возникло бы некое «пустое место» в политико-административных структурах, и оно нуждалось бы в заполнении с помощью создания временно функционирующего института. Но как раз этого-то и не произошло! Как известно, ионийские филы Клисфеном не были ликвидированы: они и большинство элементов базирующегося на них устройства⁵⁶ сохранились, но с той оговоркой, что имели отныне отношение к религиозному, а не политическому аспекту общественной жизни.

А стало быть, вся эта система вполне могла работать в течение «переходного периода». В 508/507 г. до н. э. создание Совета Пятисот было продекларировано, в 501/500 г. он был впервые реально созван и булевты принесли присягу. А на хронологическом отрезке между двумя этими датами ничто не мешало по-прежнему ежегодно избирать Совет Четырехсот на основе старого деления на филы. Это, как нам кажется, наиболее простой и естественный способ решения обозначенной выше проблемы, имеющий преимущество перед чисто умозрительными гипотезами о «временных» Советах.

⁵⁵ Как известно, демы были представлены в Совете Пятисот разным количеством членов, в зависимости от конкретных размеров той или иной из этих единиц гражданского коллектива. Небольшие демы делегировали по 3–7 булевтов (некоторые, самые маленькие, – даже по одному), более крупные – по 10–17 булевтов (крупнейший дем Ахарны – 22 булевта). Поэтому, кстати, квоты булевтов для отдельных демов, вычисляемые по эпиграфическим данным, принадлежат к важным источникам по афинской демографии. См.: *Rhodes P. J. Ephebi, Bouleutae and the Population of Athens // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1980. Bd 38. S. 191–201.*

⁵⁶ В частности, фратрии (к интерпретации этих подразделений гражданского коллектива см.: *Forrest W. G. The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800–400 BC. L., 1966. P. 48 ff.*). Сложнее вопрос с доклисфеновскими тритттиями и навкратиями (см. о них: *Строгоцкий В. М. Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии // Античный мир: проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 76 сл., со ссылками на предшествующую литературу). Они либо прекратили существование в ходе реформ, либо «дожили» до реализации морской программы Фемистокла в 480-х гг. до н. э. (второе представляется более вероятным).*

С клисфеновскими реформами, одной из которых стало учреждение Совета Пятисот, Афины шагнули из архаической в классическую эпоху своей истории. Первоначально в наши планы входило остановиться на истории афинских βουλαί также и в V–IV вв. до н. э. Но это намерение приходится оставить ввиду ограниченного объема работы. Наше решение может быть в какой-то мере оправдано тем обстоятельством, что как раз вопросы, связанные с Советами в афинском полисе периода классики, несравненно лучше освещены как в источниках (Аристотель в «Афинской политике» посвящает обширный пассаж⁵⁷ структуре и полномочиям Совета Пятисот, как они выглядели в его время), так и в историографии (именно об этом преимущественно идет речь в упоминавшейся выше книге П. Родса, есть и на русском языке добротный, до сих пор не устаревший систематический очерк В. В. Латышева⁵⁸). Соответственно, имеется значительно меньше проблемных ситуаций. А именно проблемные, дискуссионные или недостаточно освещенные сюжеты нам хотелось в первую очередь рассмотреть в предлагаемой вниманию читателей работе.

⁵⁷ Arist. Ath. pol. 43–49.

⁵⁸ Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. 1: Государственные и военные древности. СПб., 1997. С. 200–205.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ АФИНСКОЙ ГЕЛИЕИ*

Со времен Солона (начало VI в. до н. э.) важным институтом судебной системы афинского полиса являлась гелиея (ἡλιαία) – суд присяжных. Особенно возросла роль этого органа в классическую эпоху истории Афин, в V и IV вв. до н. э., когда он превратился, без преувеличения, в ключевой элемент политической системы и политической жизни. По колоссальному объему своих полномочий, по игравшейся ею роли во всех сторонах функционирования афинской демократии гелиея может быть сопоставлена разве что с народным собранием. Более того, как считают некоторые специалисты (в частности, М. Хансен¹), по своей реальной значимости она, во всяком случае в IV в. до н. э., едва ли не превосходила экклесию. Может быть, эта точка зрения несколько преувеличена (об этом нам придется подробнее говорить ниже), но, как бы то ни было, речь идет о чрезвычайно важном феномене древнегреческого публичного права и судопроизводства. Достаточно вспомнить, что в классическую эпоху дикастерии (о соотношении понятий «гелиея» и «дикастерии» см. ниже) собирались для заседаний 150–200 дней в году², что говорит об огромной интенсивности работы. Поэтому представляется оправданным новое обращение с рядом вопросов, порождаемых историей гелиеи, тем более что в отечественной историографии данная тематика никогда не становилась предметом сколько-нибудь интенсивного исследования.

В западном антиковедении, напротив, гелисей давно и плодотворно занимаются в контексте изучения судебной системы Афин. Данная тема, как нетрудно заметить, лежит на стыке собственно исторических и правовых дисциплин, требует от разрабатывающих ее специалистов соответствующей компетентности в обеих этих сферах. Говоря о результатах, достигнутых на протяжении самых последних десятилетий, следует прежде всего упомянуть серию

* Впервые опубликовано в: Древнее право. 2005. № 2 (16). С. 8–20.

¹ Hansen M. H. The Political Powers of the People's Court in Fourth-Century Athens // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 215–243. См. также его же обобщающую статью «Афинская гелиея от Солона до Аристотеля», написанную в 1982 г., а впоследствии вошедшую в сборник: Hansen M. H. The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983–1989. Copenhagen, 1989. P. 219–262.

² Hansen M. H. How Often did the Athenian Dicasteria Meet? // Greek, Roman and Byzantine Studies. Vol. 20. No. 3. P. 243–246.

чрезвычайно ценных монографий уже упоминавшегося выше выдающегося датского антиковеда М. Хансена³, в которых разбираются сюжеты, связанные с различными типами судебных процессов, проходивших в гелиее. Укажем также на вышедший относительно недавно том из продолжающегося издания «Афинская Агора», посвященный судебным органам в Афинах. Этот труд, подготовленный А. Беджхолдом при участии ряда других авторов⁴, импонирует широтой и фундаментальностью подхода: в нем использованы практически все категории источников (нарративные, археологические, эпиграфические), затрагивается целый круг весьма разнообразных проблем – от процедуры проведения судебных заседаний до идентификации зданий, служивших местами работы коллегий гелиеи. Ряд интересных наблюдений об афинском суде присяжных был сделан в статьях, которые вошли в опубликованный в 1995 г. сборник по проблемам древнегреческой демократии в IV в. до н. э.⁵ и в другой, еще более недавний сборник (2000 г.), посвященный процессуальному праву Афин⁶.

В кратких рамках настоящей работы, естественно, ни в коей мере не может быть рассмотрена история гелиеи в ее полном объеме, в совокупности всех релевантных аспектов. Для этого потребовалось бы, как минимум, полномасштабное монографическое исследование. Наша задача представляется гораздо более узкой: остановиться на ряде вопросов эволюции гелиеи в течение архаической и классической эпох, и прежде всего на тех из этих вопросов, которые по-прежнему остаются недостаточно исследованными или дискуссионными, вызывают в науке споры. Мы не будем сколько-нибудь подробно касаться вещей очевидных, хрестоматийных (хотя, кстати, на самом деле подчас положения, представляющиеся вполне очевидными и доказанными, такими отнюдь

³ Hansen M. H. The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Public Action against Unconstitutional Proposals. Odense, 1974; Hansen M. H. Eisangelia: The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Impeachment of Generals and Politicians. Odense, 1975; Hansen M. H. Apagoge, Endeixis and Ephegesis against Kakourgoi, Atimoi and Pheugontes: A Study in the Athenian Administration of Justice in the Fourth Century B.C. Odense, 1976.

⁴ Boegehold A. L. et al. The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia (The Athenian Agora. Vol. 28). Princeton, 1995. Ср. нашу рецензию (ВДИ. 1999. № 1. С. 220–225).

⁵ В частности: Rhodes P. J. Judicial Procedures in Fourth-Century Athens: Improvement or Simply Change? // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 303–319; Thür G. Die athenischen Geschworenengerichte – eine Sackgasse? // Ibid. S. 321–331.

⁶ Welwei K.-W. Die Entwicklung des Gerichtswesens im antiken Athen: Von Solon bis zum Ende des 5. Jahrhunderts v. Chr. // Große Prozesse im antiken Athen. München, 2000. S. 15–29; Thür G. Das Gerichtswesen Athens im 4. Jahrhundert v. Chr. // Ibid. S. 30–49.

не являются, как это будет показано далее на примере сюжета с ежегодным изобранием 6000 гелиастов).

Предварительно нам представляется необходимым хотя бы кратко остановиться на одном терминологическом нюансе⁷. Для обозначения суда присяжных в Афинах употреблялись два термина: не только «гелиея», но и «дикастерий» (чаще во множественном числе – «дикастерии»). Хотя они и не были абсолютно тождественными, несколько различаясь по контекстному дискурсу (слово «гелиея» применялось либо к судебной системе в целом, либо к определенному зданию, в котором проходили заседания суда и которое по сей день еще нельзя назвать однозначно идентифицированным, а слово «дикастерий» чаще, особенно у ранних авторов, прилагалось к отдельным судебным коллегиям), но в целом их следует считать вполне взаимозаменяемыми. Соответственно, сами судьи могли называться и дикастами, и гелиастами. Это надлежит иметь в виду при дальнейшем изложении.

Итак, создание гелиеи надежно связывается античной традицией с реформаторской деятельностью Солона⁸. Приведем важнейшие свидетельства об этом⁹. На первое место следует поставить пассаж из «Политики» Аристотеля (1274a1 sqq.), в котором основатель перипатетической школы прямо говорит: «Демократию именно он (Солон. – *И. С.*) установил¹⁰ тем, что ввел народный

⁷ Вопрос разобран с предельной убедительностью в работе: *Boegehold A. L. et al. The Lawcourts...* P. 3–8.

⁸ Правда, в сохранившихся произведениях самого Солона упоминаний о гелиеи нет. Но этому как раз не приходится удивляться: стихи афинского поэта-законодателя представляют собой весьма специфический источник (ср.: *Sealey R. A History of the Greek City States ca. 700–338 B.C. Berkeley, 1976. P. 91*). Солон не был историком, да и жанр его сочинений отнюдь не предполагал точных, терминологичных указаний на те или иные конкретные политические реалии. К тому же мы обладаем лишь фрагментами солонического наследия, вырванными из контекста.

⁹ Наиболее полные сводки свидетельств о деятельности и законодательстве Солона см.: *Ruschenbusch E. ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden, 1966; Martina A. Solone: Testimonianze sulla vita e l'opera. R., 1968.*

¹⁰ Здесь отражен характерный для IV в. до н. э. взгляд, согласно которому именно Солон считался основателем афинской демократии. В настоящее время абсолютно преобладающей в историографии является точка зрения, отрицающая связь Солона с созданием демократической политической системы и связывающая это событие с именем Клисфена (например: *Fehling D. Die Sieben Weisen und die frühgriechische Chronologie: Eine traditionsgeschichtliche Studie. Bern, 1985. S. 110; Hanson V. D. The Other Greeks: The Family Farm and the Agrarian Roots of Western Civilization. Berkeley, 1999. P. 201*). Эта позиция и нам представляется вполне правомерной.

суд, где могут быть судьями все (τὰ δικάσθηρια ποιήσας ἐκ πάντων)¹¹. Это сообщение однозначно указывает на учреждение дикастериев (совокупность которых составляла гелиею) Солоном. Чуть дальше читаем о том же Солоне, что он передал «всякую власть суду, члены которого назначаются по жребию (κύριον ποιήσαντα τὸ δικάσθηριον πάντων, κληρωτὸν ὄν)». Эти слова, как нам представляется, следует трактовать в том смысле, что впоследствии, в классическую эпоху, во времена самого автора «Политики» состав дикастериев формировался с помощью жребия; как обстояло дело в этом отношении в период самих солоновских реформ, философ вряд ли мог с достоверностью судить.

В «Афинской политии» Аристотель (или тот из его учеников, кто непосредственно занимался составлением этого трактата¹²), рассказывая о законодательстве Солона, не говорит прямо о том, что этот последний создал гелиею, а выражается несколько иным способом. Перечисляя «наиболее демократичные» из солоновских преобразований, он указывает среди них, в частности (Ath. pol. 9. 1–2)¹³, «предоставление всякому желающему возможности выступать истцом за потерпевших обиду», а затем еще одно мероприятие, от которого

...приобрела особую силу народная масса, – апелляция к народному суду (ἡ εἰς τὸ δικάσθηριον ἔφεσις). И действительно, раз народ властвует в голосовании, он становится властелином в государстве (κύριος γὰρ ὢν ὁ δῆμος τῆς ψήφου, κύριος γίγνεται τῆς πολιτείας – известное своей афористичностью выражение)... Неизбежно возникало много споров, и решать все дела – и общественные и частные – приходилось суду (τὸ δικάσθηριον).

Отсюда мы, таким образом, получаем информацию о таком важнейшем институте, как апелляция к гелиею.

Вторым наиболее информативным источником по интересующему нас здесь вопросу является жизнеописание Солона, составленное Плутархом¹⁴. Подробно рассказывая в нем обо всей деятельности своего героя, херонейский биограф касается и вопросов, связанных с судом присяжных (впрочем, тоже не говоря эксплицитно о том, что этот орган введен Солоном). В частности,

¹¹ «Политика» цитируется в переводе С. А. Жебелева.

¹² Мы не можем коснуться здесь непростого вопроса об авторстве «Афинской политии». Нашу принципиальную позицию по этой проблеме см.: Суриков И. Е. Функции института ostracism и афинская политическая элита // ВДИ. 2004. № 1. С. 6. Прим. 19.

¹³ «Афинская полития» цитируется в переводе С. И. Радцига.

¹⁴ В целом о плутарховой биографии Солона см. наиболее подробно: Piccirilli L. *Commento // Plutarco. La vita di Solone* / A cura di M. Manfredini, L. Piccirilli. Roma, 1977. P. 107–286; Ruschenbusch E. *Plutarchs Solonbiographie* // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1994. Bd 100. S. 351–380.

характеризуя солоновскую цензовую реформу¹⁵, Плутарх пишет о четвертом, низшем имущественном классе – фетах (Plut. Sol. 18)¹⁶:

Они участвовали в управлении лишь тем, что могли присутствовать в народном собрании и быть судьями (δικάζειν). Последнее казалось в начале ничего не значащим правом, но впоследствии стало в высшей степени важным, потому что большая часть важных дел попадала к судьям (τὰ γὰρ πλεῖστα τῶν διαφόρων ἐνέπιπτεν εἰς δικάστας). Даже на приговоры по тем делам, решение которых Солон предоставил должностным лицам (ὅσα ταῖς ἀρχαῖς ἔταξε κρίνειν), он позволил также апеллировать в суд (εἰς τὸ δικάστηριον ἐφέσεις ἔδωκε τοῖς βουλομένοις)... Они (судьи. – И. С.) были некоторым образом господами над законами (τρόπον τινὰ τῶν νόμων κυρίουσιν ὄντας).

Затем Плутарх подробно останавливается на другом солоновском преобразовании – разрешении всякому, «кто мог и хотел (τῷ δυναμένῳ καὶ βουλομένῳ)» подавать в суд иск по делам, лично его не касающихся (об этом, как мы видели выше, сообщал и Аристотель).

Для лучшего понимания приведенных пассажей необходимо прежде всего знание диахронного контекста. Напомним, что представляла собой судебная система Афин в досолоновское время. Для столь раннего исторического периода, естественно, приходится говорить еще о достаточно примитивной степени развития соответствующих институтов. Афинский полис находился еще в процессе письменной кодификации права. В 621 г. до н. э. свой свод законов составил Драконт, однако эти законы, скорее всего, относились только к делам об убийствах и уж, во всяком случае, не были всеобъемлющими, охватывающими собой все сферы правовых отношений в государстве¹⁷. Эта последняя задача выпала как раз

¹⁵ Солон, как признается ныне в историографии (см., например: *Hansen M. H. Die athenische Demokratie im Zeitalter des Demosthenes: Struktur, Prinzipien und Selbstverständnis*. B., 1995. S. 29; *O'Neil J. L. The Origins and Development of Ancient Greek Democracy*. Lanham, 1995. P. 10; *Foxhall L. A View from the Top: Evaluating the Solonian Property Classes // The Development of the Polis in Archaic Greece*. L.; N. Y., 1997. P. 113–136), не изобрел *e nihilo* систему четырех имущественных классов, вопреки тому, что говорят об этом некоторые представители нарративной традиции. Классы существовали в Афинах и до него, а реформатор, судя по всему, лишь сделал более четкими критерии, разграничивавшие эти классы, и детально обозначил права и обязанности членов каждого из них.

¹⁶ Сочинение Плутарха цитируется в переводе С. И. Соболевского.

¹⁷ Подробнее см.: *Суриков И. Е. Законодательство Драконта в Афинах и его исторический контекст // Древнее право*. 2000. № 2 (7). С. 8–18; *Суриков И. Е. Законы Драконта как мнимая реальность // Восточная Европа в древности и средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии*. М., 2002. С. 215–221; *Schmitz W. «Drakontische Strafen»: Die Revision der Gesetze Drakons durch Solon und die Blutrache in Athen // Klio*. 2001. Bd 83. Ht. 1. S. 7–38.

на долю Солона. Кстати, во многом именно в связь со введением солоновских законов следует поставить учреждение их творцом нового судебного органа.

До Солона же судили в основном с опорой на нормы неписаного права. Важную роль в судопроизводстве играл древний Совет Ареопага¹⁸; существовали введенные не позднее Драконта коллегии судей по различным категориям убийств (Дельфиний, Палладий, Фреатто, Пританей), укомплектованные так называемыми эфетами¹⁹. Но в целом судебная система Афин вплоть до начала VI в. до н. э. — это в первую очередь суды магистратов. Из важнейших магистратов архаического афинского полиса преимущественную связь с вопросами суда и права имели, безусловно, шесть фесмофетов — в силу самой их непосредственной компетенции как хранителей θεσμοί, правовых норм²⁰. Однако и остальные три архонта — эпоним, базилей и полемарх — имели в своем ведении различные типы судебных процессов.

При этом чрезвычайно важно указание Аристотеля, относящееся к периоду до Солона (Ath. pol. 3. 5): «Архонты имели право решать дела окончательно, а не так, как теперь, производить только предварительное расследование (κύριοι δ' ἦσαν καὶ τὰς δίκας αὐτοτέλεῖς κρίνειν, καὶ οὐχ ὥσπερ νῦν προανακρίνειν)».

С учетом сказанного можно попытаться, как нам кажется, со значительной долей вероятности интерпретировать смысл интересующего нас солоновского нововведения, как оно вырисовывается из источников. Гелия была создана великим законодателем как *апелляционный суд* в противовес приговору магистратов²¹. Иными словами, если гражданин был недоволен приговором, который вынес по его делу тот или иной из архонтов, отныне он мог обжаловать этот приговор перед своими согражданами-присяжными — ранее такой возможности не было. Конкретный механизм, насколько можно судить, был следующим. Решение магистрата не было теперь окончательным; чувствовавшее себя ущемленным лицо имело право подать апелляцию (ἐφεσις) в дикастерий, который и собирался для повторного рассмотрения дела. Магистрат, вынесший первый приговор, присутствовал на заседании и даже председательствовал на нем

¹⁸ О нем см. важнейшие работы последнего времени: Wallace R. W. The Areopagos Council, to 307 B.C. Baltimore, 1989; Bruyn O. de. La compétence de l'Aréopage en matière de procès publics: Des origines de la polis athénienne à la conquête romaine de la Grèce. Stuttgart, 1995.

¹⁹ Sealey R. The Athenian Courts for Homicide // Classical Philology. 1983. Vol. 78. No. 4. P. 275–296; Boegehold A. L. et al. The Lawcourts... P. 43–50.

²⁰ Gagarin M. The Thesmothetai and the Earliest Athenian Tyranny Law // Transactions of the American Philological Association. 1981. Vol. 111. P. 71–77.

²¹ Ср.: Harrison A. R. W. The Law of Athens. II. Procedure. Oxf., 1971. P. 2; Eisenberger H. Gedanken zu Solons «Musenelegie» // Philologus. 1984. Bd 128. Ht. 1. S. 19.

(ἡγεμονία δικαστηρίου), но на этом его роль и заканчивалась: в голосовании дикастеров он участия не принимал и легальных способов повлиять на это голосование не имел. Дикастерий либо отменял, либо подтверждал приговор магистрата.

Нетрудно заметить, что учреждение Солоном апелляции в гелиею представляет собой полную стадильную и типологическую аналогию римской процедуре *provocatio ad populum*, введенной, согласно традиции, в 509 г. до н. э. Публиколой (*lex Valeria de provocatione*) и, во всяком случае, зафиксированной уже в Законах XII Таблиц²². Сама по себе такая апелляция могла бы и не иметь далеко идущих последствий. Все зависело от того, по какому пути далее пойдет политическая эволюция полиса. Развитие Афин пошло по пути поступательной демократизации, что отразилось и на судьбе гелиеи.

Не приходится сомневаться в том, что вначале случаи апелляционных жалоб в дикастерий на приговоры магистратов были достаточно редкими. Но впоследствии, в классическую эпоху афинской истории, они стали нормой. Теперь внесение приговора на повторное рассмотрение судом присяжных было уже не только правом, но и, по сути, обязанностью. В V–IV вв. до н. э., в период расцвета демократии, *все без исключения* тяжбы после разбора их должностным лицом попадали в конечном счете в коллегии гелиеи.

Это привело к тому, что суд у магистрата потерял всякое значение, превратился в чистую формальность и фактически отмер. Теперь должностное лицо вместо полноценного процесса проводило лишь предварительное расследование дела (ἀνάκρισις) и затем передавало его материалы в дикастерий²³. В римском праве, следует отметить, ущемление полномочий магистрата до такой степени никогда не доходило.

В связи с римскими параллелями резонно поставить вопрос: в каком соотношении находилась афинская гелиея с народным собранием? Ведь в Риме *provocatio* осуществлялось перед комициями, а не перед каким-либо специально судебным органом. Что же касается афинских реалий, по обозначенному здесь вопросу существуют две основные точки зрения. Одна из них, наиболее интенсивно отстаиваемая М. Хансеном²⁴, предполагает, что гелиея с самого

²² Маяк И. Л. Римское общество по Законам XII таблиц // Хрестоматия по истории Древнего Рима. М., 1987. С. 35. Прим. 15; Покровский И. А. История римского права. СПб., 1998. С. 85–86.

²³ Подробное изложение соответствующих процедур на русском языке см.: Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Государственные и военные древности. СПб., 1997. С. 225 сл.

²⁴ Hansen M. H. The Sovereignty... P. 20; Hansen M. H. Demos, Ecclesia and Dicasterion in Classical Athens // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1978. Vol. 19. No. 2. P. 111–120; Hansen M. H. The Athenian Assembly: In the Age of Demosthenes. Oxf., 1987. P. 128;

начала не имела ничего общего с экклесией, а была отдельным институтом. Однако, при всем уважении к авторитету выдающегося датского антиковеда, нам, не скроем, больше импонирует иное мнение²⁵, согласно которому гелиея, по меньшей мере на первых этапах своей истории, была практически тождественна народному собранию, но просто представляла, так сказать, его иную «ипостась» или разновидность. Когда коллектив граждан собирался, чтобы принимать законы или выбирать должностных лиц, такой сход назывался экклесией. А когда те же граждане заседали, чтобы разбирать судебные дела, они представляли собой уже гелиею.

В пользу именно такого подхода можно выдвинуть ряд аргументов. Во-первых, вышеприведенную аналогию с римским *provocatio ad populum*, во всех отношениях весьма близкую. Во-вторых, соображения, касающиеся общего уровня политического и правового развития Афин ко времени Солона. Вряд ли можно сомневаться в том, что здесь мы имеем дело еще с достаточно ранней стадией государственности, и трудно было бы ожидать в этот период наличия каких-то особо тонких и изощренных институциональных структур. Всё в сфере управления полисом было еще достаточно просто; классическая эпоха, когда действительно был разработан целый ряд сложных механизмов взаимодействия различных органов государственной власти, была отнюдь не близка.

В-третьих, о том же изначальном тождестве гелиеи и экклесии говорит сама этимология слова ἡλιαία, особенно четко прослеживающаяся для его дорийского и ионийского вариантов – соответственно ἁλία и ἁλίη. Несомненна близость к таким лексемам, как ἁλίζω ‘собирать’, ἁλής ‘собранный, соединенный вместе’, ἄλις ‘толпами, во множестве’, объединенным общей семантикой и вполне однозначно демонстрирующим, что интересующий нас термин первично означал народное собрание. Собственно, как раз в таком смысле он и употреблялся в ряде греческих государств²⁶. В Афинах аналогичные коннотации были тоже неизбежны.

М. Хансен утверждает даже, что власть дикастериев не была делегирована им народным собранием, с чем уже совсем трудно согласиться. Если не народным собранием, то кем же? Кто выступал в демократическом греческом полисе суверенным носителем верховной, ничем не ограниченной власти, ее единственным источником? Конечно, демос, воплощенный в народном собрании, и отрицать это можно, только если подходить к материалу формально.

Hansen M. H. The Athenian Ecclesia II... P. 241; Hansen M. H. The Political Powers... P. 216 ff. Ср. также: Welwei K.-W. Op. cit. S. 17.

²⁵ Rhodes P. J. Εισαγγελία in Athens // Journal of Hellenic Studies. 1979. Vol. 99. P. 109–114; Humphreys S. The Evolution of Legal Process in Ancient Attica // Tria Corda: Scritti in onore di A. Momigliano. Como, 1983. P. 237.

²⁶ Латышев В. В. Указ. соч. С. 230.

А на то, что народное собрание могло существовать в двух формах – экклесии и гелии, – показывает еще один интересный факт, кстати говоря приводимый самим же Хансеном как один из доводов в пользу собственных взглядов, но в действительности работающий против них²⁷.

В классическую эпоху одним из важнейших типов политических судебных процессов, разбиравшихся в гелие, была так называемая *ὑραφὴ παρανόμων* ('обвинение в противозаконии'). Любая псефисма, принятая экклесией, могла быть опротестована перед судом дикастов как противоречащая существующему законодательству. В случае, если ее незаконность подтверждалась дикастерием, псефисма отменялась, если же она признавалась законной, то продолжала действовать. Интересно для нас в данном случае, что процесс *ὑραφὴ παρανόμων* мог возбуждаться также и против псефисм, еще не принятых экклесией, а существующих в виде проекта. Какие последствия имел приговор суда в таких ситуациях? Если он был не в пользу псефисмы, то, понятно, она сразу отвергалась и уже не поступала в экклесию. А если присяжные не находили в проекте ничего незаконного и «оправдывали» его? М. Хансен убедительно и аргументированно показывает, что тогда декрет автоматически вступал в силу и уже не нуждался в санкции экклесии!

Что следует из этого порядка? Отнюдь не то, что, как считает Хансен, гелия стояла выше экклесии. В описанной ситуации до последней дело вообще не доходило. В действительности же здесь мы наблюдаем, как гелия *выполняет функции* экклесии – даже в IV в. до н. э. *A fortiori* следует полагать, что такое случалось и раньше, причем, очевидно, чаще. Суд присяжных и народное собрание, таким образом, выступали как взаимозаменяемые структуры.

Разумеется, мы не стали бы утверждать, что тождество солоновской гелии и экклесии было полным. Помимо специфики функций, имелись определенные расхождения в составе участников. Так, для классической эпохи зафиксирован возрастной ценз для дикастов, составлявший 30 лет. Скорее всего, этот ценз был введен уже Солоном, в самый момент организации суда присяжных²⁸. Данным ограничением законодатель придавал гелие ряд отличительных черт по сравнению с экклесией. Первая оказывалась меньшей по количеству членов, чем первая, и, судя по всему, даже значительно меньшей, если учитывать весьма значительный удельный вес молодых возрастов в демографической структуре античного общества. К тому же из всей совокупности граждан в гелие заседали только более или менее умудренные опытом и потому лучше приспособленные к исполнению властных функций²⁹. Уже в силу этого дикастерии

²⁷ Hansen M. H. The Athenian Ecclesia II... P. 271–281.

²⁸ Welwei K.-W. Op. cit. S. 17.

²⁹ Продолжая ряд параллелей с римскими институтами, можно припомнить разделение центуриатных комиций на *iuniores* и *seniores*.

обладали необходимым авторитетом, который со временем позволил им стать в известной степени контрольной инстанцией по отношению к экклесии, неким прототипом «конституционного суда» (процессы типа вышеупомянутой *γραφὴ παρανόμων* и близкой к ней *γραφὴ νόμων μὴ ἐπιτήδειον θείναι*)³⁰.

Большая ответственность гелиаста по сравнению с обычным членом экклесии обеспечивалась, кроме возрастного ценза, еще несколькими факторами: присягой, ежегодно приносимой судьями на холме Ардетт³¹, выдававшимися им пинакиями – именными бронзовыми табличками, имевшими характер официального документа³², заработной платой, которую дикасты начали получать значительно раньше, чем участники народного собрания, процедурой тайного голосования, принятой в дикастериях³³.

Можно отметить еще и тот нюанс, что гелиея практически всегда делилась на коллегии и лишь в исключительно редких случаях заседала в полном составе; экклесия же, напротив, во всех случаях собиралась *toto corpore* и никаких отдельно функционировавших коллегий не имела. Впрочем, так обстояло дело в классическую эпоху. Была ли ситуация в соловеских Афинах аналогичной или принципиально иной – судить трудно ввиду чрезвычайной скудости свидетельств для столь раннего времени. По некоторым косвенным данным можно заключить, что тогдашняя практика все же разнилась от классической. С одной стороны, вполне резонно предположить, что раздробление некогда единой гелиеи на дикастерии – явление позднейшее, связанное с возрастанием объема ее полномочий и количества подсудных ей дел после реформ Эфиальта – Перикла в середине V в. до н. э. С другой стороны, в общем-то, ни из чего не следует,

³⁰ Hansen M. H. The Sovereignty...; Mossé C. De l'ostracisme aux procès politiques: le fonctionnement de la vie politique à Athènes // Istituto universitario orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica. 1985. Vol. 7. P. 9–18; Piérart M. Du règne des philosophes à la souveraineté des lois // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 249 ff.

³¹ Об этой присяге см.: Isocr. XV.21; Напрощ. s.v. Ἀρδηττός. Текст присяги: Demosth. XXIV. 149–151. К дискуссии об аутентичности приводимого Демосфеном текста см.: Bonner R. J., Smith G. The Administration of Justice from Homer to Aristotle. Chicago, 1938. Vol. 2. P. 153 ff.

³² Lang M. Pinakia // Boegehold A. L. et al. The Lawcourts... P. 59–64.

³³ Тайное голосование дикастов было введено около 460 г. до н. э., в период реформ Эфиальта – Перикла: Boegehold A. L. Toward a Study of Athenian Voting Procedure // Hesperia. 1963. Vol. 32. No. 4. P. 366–374. В экклесии случаи тайного голосования тоже зафиксированы в источниках (см. сводки данных: Hansen M. H. The Athenian Ecclesia: A Collection of Articles 1976–1983. Copenhagen, 1983. P. 10 ff.; Gauthier P. Quorum et participation civique dans les démocraties grecques // Cahiers du Centre Glotz. 1990. Vol. 1. P. 77 ss.), но в ней такие случаи были редким исключением. А для гелиеи они являлись нормой.

что ранняя эkkлeсия функционировала только *toto corpore*³⁴. При нынешнем состоянии источниковой базы вопрос приходится оставить открытым.

В неразрывной связи с учреждением гелиеи стоит введение Солоном нового типа иска и процесса – ὑραφή, иска публичного, противостоящего иску частному (δίκη)³⁵. Это было осуществлено путем отмечавшегося нами выше разрешения всякому желающему гражданину возбуждать судебное дело по вопросам, лично его не касающимся. Ранее истцом мог выступать только сам потерпевший либо кто-то из его близких родственников.

Во введении ὑραφή часто видят меру демократического характера. Однако, на наш взгляд, демократический аспект деятельности Солона не следует преувеличивать. Ведь это значило бы прибегать к телеологической трактовке событий. Сам великий афинский законодатель не имел еще о демократии никакого понятия (и слова-то такого тогда не существовало). В работах последнего времени все чаще (и вполне обоснованно) подчеркивается³⁶, что Солон по своим воззрениям был отнюдь не «демократом», а, напротив, убежденным аристократом, что он являлся членом элиты, позиционировал себя именно в качестве такового и был озабочен в первую очередь проблемами элиты³⁷.

Солоновская эпоха была временем острой межаристократической борьбы. В этой борьбе каждый из соперничающих знатных родов старался любыми возможными средствами рекрутировать себе как можно большее число сторонников из среды рядовых граждан, создать некий слой «клиенты» (если опять

³⁴ Ср. опять реалии истории Рима, где эта практика так и не утвердилась.

³⁵ *Ranulf S.* The Jealousy of the Gods and Criminal Law at Athens. Copenhagen, 1933. Vol. 1. P. 130; *Humphreys S.* Op. cit. P. 238; *Allen D.* Imprisonment in Classical Athens // *Classical Quarterly*. 1997. Vol. 47. No. 1. P. 127.

³⁶ Например: *Barceló P.* Basileia, Monarchia, Tyrannis: Untersuchungen zu Entwicklung und Beurteilung von Alleinherrschaft im vorhellenistischen Griechenland. Stuttgart, 1993. S. 107; *Melissano P.* Solone e il mondo degli ἐσθλοί // *Quaderni urbinati di cultura classica*. 1994. Vol. 47. Fasc. 2. P. 49–59; *Osborne R.* Greece in the Making, 1200–479 BC. L.; N. Y., 1996. P. 217; *Foxhall L.* Op. cit. P. 113–136; *Mitchell L. G.* New Wine in Old Wineskins: Solon, Arete and the Agathos // *The Development of the Polis in Archaic Greece*. L.; N. Y., 1997. P. 137–147; *Туманов Х.* Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). СПб., 2002. С. 242 сл.

³⁷ См. к этому парадоксальное, но имеющее основания суждение В. Эдера, согласно которому архаическое законодательство в целом было не результатом борьбы демоса за свои права, как часто считают, а, наоборот, реакцией аристократии на ухудшение ее положения, консервативной, а не революционной мерой: *Eder W.* The Political Significance of the Codification of Law in Archaic Societies: An Unconventional Hypothesis // *Social Struggles in Archaic Rome*. Berkeley, 1986. P. 262–300.

воспользоваться здесь вполне уместной римской аналогией)³⁸, на которую можно было бы опираться. На наш взгляд, именно в этом контексте наиболее уместно трактовать то новшество в судебной системе, о котором сейчас идет речь.

Понятно, что с введением $\gamma\rho\alpha\phi\eta$ отнюдь не бедняки – крестьяне и ремесленники – устремились вступаться друг за друга, подавая иски в чужую защиту. У этих людей хватало собственных проблем. Политическая сознательность демоса на рубеже VII–VI вв. до н. э. была еще крайне невысокой, самостоятельную общественную силу он собой не представлял. Рядовым гражданам предстояло еще долго набираться опыта, участвуя в качестве рядовых членов в борьбе аристократов.

А воспользовались появившейся возможностью $\gamma\rho\alpha\phi\eta$ в первую очередь именно эти аристократы. Надежным способом приобретения «клиентов», лично обязанных людей стала отныне для евпатридов защита их в суде. Бедняк, облагодетельствованный подобным образом, не имел иной возможности расплатиться за благодеяние, кроме как вступить в «группу поддержки» своего покровителя. Таким же способом, кстати, можно было переманивать к себе и чужих «клиентов» (например, гектеморов³⁹). По меткому замечанию одного исследователя⁴⁰, в агональном обществе, каким было древнегреческое, право служит не столько средством улаживания конфликтов, сколько способом их выражения.

К сожалению, в источниках практически нет сведений о функционировании и эволюции гелии на хронологическом промежутке между введением ее Солоном и классической эпохой. В V в. до н. э., для которого данных об этом институте становится уже достаточно для репрезентативного системного

³⁸ Многие антиковеды считают понятие клиентелы вполне приложимым к афинскому обществу архаической эпохи: *Daverio Rocchi G.* Politica di famiglia e politica di tribù nella polis ateniese (V secolo) // *Acme*. 1971. Vol. 24. Fasc. 1. P. 13–44; *Bicknell P. J.* Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972. P. VIII–IX; *Littman R. J.* Kinship in Athens // *Ancient Society*. 1979. Vol. 10. P. 10; *Finley M. I.* Politics in the Ancient World. Cambridge, 1983. P. 46–47; *Ober J.* Mass and Elite in Democratic Athens. Princeton, 1989. P. 55–60. Иногда пишут даже о клиентеле в классических, демократических Афинах (*Mossé C.* Op. cit. P. 17–18), но это, на наш взгляд, уже анахронизм.

³⁹ Из литературы о гектеморах см.: *Cassola F.* Solone, la terra, e gli ectemori // *Parola del passato*. 1964. Fasc. 94. P. 26–68; *Fritz K. von.* Schriften zur griechischen und römischen Verfassungsgeschichte und Verfassungstheorie. B., 1976. S. 110 ff.; *Sakellariou M.* Les hectémores // *Terre et paysans dépendants dans les sociétés antiques*. P., 1979. P. 99–113; *Stanley P. V.* The Economic Reforms of Solon. St. Katharinen, 1999. P. 174–192; *Lotze D.* Bürger und Unfreie im vorhellenistischen Griechenland. Stuttgart, 2000. S. 15–26.

⁴⁰ *Cohen D.* Demosthenes' Against Meidias and Athenian Litigation // *Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 1991. S. 155.

анализа⁴¹, гелиея предстает уже полностью сформировавшейся, делящейся на коллегии, обладающей вполне разработанными процедурами. Тем не менее изучение этого этапа ее развития тоже сопряжено с отдельными спорными вопросами, на которых нам и хотелось бы остановиться.

Прочно закрепилось в историографии, стало фактически хрестоматийным, вошло во все справочники и учебники мнение, согласно которому гелиея состояла из 6000 граждан, избираемых ежегодно с помощью жребия. Однако насколько обосновано такое мнение? Оно базируется, по сути дела, на трех античных свидетельствах (Aristoph. *Vesp.* 661–662; Andoc. I. 17; Arist. *Ath. pol.* 24. 3), которые поэтому и надлежит внимательно рассмотреть.

Аристофан в указанном месте, разбирая устами персонажа Бделиклеона доходы и расходы афинского государства, говорит, в частности: ἀπὸ τοῦτου νῦν κατὰθες μισθὸν τοῖσι δικάστοις ἐνιαυτοῦ, ἐξ χιλιάσιν, κοῦπω πλείους ἐν τῇ χώρᾳ κατένασθεν – ‘Теперь отними от этого ежегодную плату дикастам, шести тысячам, а больше в стране не живет’⁴². Как показывает выражение οὕτω πλείους, здесь вряд ли можно говорить о сколько-нибудь точной цифре, она явно приблизительна и не менее условна, нежели, скажем, 30 тысяч афинян в народном собрании у Геродота (V. 97) и Платона (Axioch. 369a)⁴³ или 30 тысяч посетителей театра у того же Платона (Symp. 175e). То же самое следует сказать и по поводу заявления Андокида, согласно которому его отец «судился перед шестью тысячами афинян» (ἡγωνίσατο ἐν ἑξακισχίλοις Ἀθηναίων). Эти слова следует трактовать если не как обычное в ораторской прозе риторическое преувеличение, то, во всяком случае, в том смысле, что отец Андокида просто судился в одной из коллегий гелиеи; каждая из этих коллегий, независимо от конкретного числа входивших в нее дикастов, являлась в глазах афинян полноправным воплощением целого. Подобного рода круглым цифрам, особенно когда они встречаются в литературном памятнике, а не собственно историческом труде, не стоит придавать чрезмерного значения.

Бесспорно, несравненно большее доверие может вызвать Аристотель, который, рассказывая о положении в Афинах в V в. до н. э., говорит мимоходом, что «было шесть тысяч судей» (δικάστοι μὲν γὰρ ἦσαν ἑξακισχίλιοι). Однако – и это не может не поразить – в подробнейшем изложении современной ему афинской судебной практики (в заключительной части трактата о государственном устройстве афинян) Стагирит ни словом, ни полусловом не упоминает ни об этих пресловутых шести тысячах, ни о несколько поспешно постулируемой исследователями их ежегодной жеребьевке. Система оказывается

⁴¹ Очень важны, в частности, свидетельства Аристофана в комедии «Осы».

⁴² Редкая форма κατένασθεν – 3 Pl. aoristi indicativi passivi от κατάναιω (LSJ s.v.).

⁴³ Об условности этих цифр см.: Hansen M. H. *Demography and Democracy Once Again* // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1988. Bd 75. S. 191.

совершенно иной: каждый желающий из числа граждан, достигших тридцатилетнего возраста, мог, раз в год принеся присягу судьи на холме Ардетт, после этого приходить в присутственные дни к зданиям дикастериев, участвовать в жеребьевке (точнее, в ряде последовательных жеребьевок) и, соответственно, получать или не получать право судить тот или иной конкретный процесс, войдя в состав одной из коллегий гелиеи (Arist. Ath. pol. 63 sqq.)⁴⁴.

Расхождение настолько серьезно, что высказывалось даже предположение, согласно которому между V и IV вв. до н. э. произошли изменения в принципе комплектования гелиеи и ежегодное обновление состава судей вышло из употребления⁴⁵. Однако если такого рода перемена – довольно-таки радикальная – имела место, то почему же Аристотель, скрупулезно сообщающий на протяжении «Афинской политики» обо всех конституционных новшествах и преобразованиях и даже подсчитывающий их, ничего о ней не говорит?

На наш же взгляд, ежегодное избрание 6000 судей с помощью жребия – не более чем историографическая фикция. Кстати, довольно сложно представить себе, каким образом столь широкомасштабная, даже грандиозная жеребьевка могла бы проходить, сколько времени она занимала бы в таком случае и т. п. Исследование так называемых пинакиев – именных табличек, вручавшихся судьям⁴⁶, – только подтверждает этот наш вывод. Если судья находился в должности в течение года, то резонно предположить, что по истечении срока он обязан был во избежание недоразумений сдать свой пинакий. Однако же эти бронзовые таблички явно несут на себе следы многолетнего использования, и, что самое главное, многие из них найдены в могилах. Либо нужно предположить, что должность дикаста была настолько стрессовой, что они, как правило, умирали, не дожив до окончания годичного срока пребывания в ней (а это выглядит достаточно странно), либо напрашивается другой, несравненно более вероятный вывод: пинакий выдавался не на год, а раз и навсегда, и, попав в списки судей, афинский гражданин вплоть до своей смерти уже не имел необходимости новых переизбраний – путем ли жеребьевки или каким-нибудь иным способом. Что же касается числа в 6000 дикастов, упоминаемого Аристотелем для V в. до н. э., то, как можно предположить с немалой долей уверенности, философ взял это число из тех же аристофановских «Ос», некритически

⁴⁴ Подробнее для различных периодов классической эпохи см.: Boegehold A. L. Three Court Days // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 165–182.

⁴⁵ Например: Staveley E. S. Greek and Roman Voting and Elections. Ithaca, 1972. P. 95; Will É., Mossé C., Goukowsky P. Le monde Grec et l'Orient. P., 1975. T. 2: Le IVe siècle et l'époque hellénistique. P. 145.

⁴⁶ Lang M. Op. cit.

восприняв приблизительную и условную цифру как точную и имеющую институциональный характер.

Мы ни в коей мере не хотим отрицать, что в целом число членов гелии в классическую эпоху составляло около 6000 (выше уже говорилось, что их должно было быть значительно меньше, чем участников народного собрания⁴⁷). Но вряд ли в каком бы то ни было законе или ином нормативном акте это было официально зафиксировано. Ограничение численности судей той или иной конкретной цифрой окажется особенно далеким от принципов афинской демократии, если мы вспомним, что гелиея и экклесия, по сути, были двумя «ипостасями» одного феномена. Следовательно, обозначить конкретное количество присяжных – практически то же самое, что обозначить конкретное количество граждан в экклесии. А подобного рода меры были характерны отнюдь не для демократии, а для олигархии⁴⁸.

Нам приходилось и раньше обращаться к только что рассмотренному сюжету⁴⁹, и если мы сейчас вновь на нем останавливаемся, расширив аргументацию, то это только с той целью, чтобы в очередной раз привлечь внимание к парадоксу, когда кажущееся абсолютно устоявшимся мнение на деле является, в сущности, мало чем обоснованным, да к тому же вступает в противоречие с иными данными.

Наконец, коснемся вопроса, поднятого в свое время М. Хансеном: какой орган власти был в Афинах реально высшим, суверенным в эпоху поздней классики? Ранее сомнений по этому поводу ни у кого не возникало: предполагалось, что, кроме народного собрания, в демократическом полисе на такую роль претендовать вроде бы было некому. Хансен оспорил это *communis opinio* и стремился показать, что в течение IV в. до н. э. экклесия была ограничена в своих прерогативах и уже не могла претендовать на верховную власть. А статус этот в наибольшей степени перешел к дикастериям⁵⁰. Так, после 403 г. до н. э. народное собрание не принимало больше законов, имеющих общую силу (*νόμοι*), а только псефисмы (постановления по конкретным

⁴⁷ Хотя, впрочем, и на рядовом народном собрании, если оно не рассматривало каких-то чрезвычайно важных вопросов, присутствовали, как правило, около 6000 граждан. Перед нами – еще одно свидетельство принципиального тождества экклесии и гелии. Ничем иным, кстати говоря, не объяснить и огромные размеры афинского суда присяжных: рациональные соображения не дают достаточно убедительной мотивации.

⁴⁸ Не случайно олигархические режимы, приходившие к власти в Афинах в течение Пелопоннесской войны, именно это и делали. Правительство Четырехсот ограничило число граждан – участников экклесии пятью тысячами, а Тридцать тиранов – тремя тысячами.

⁴⁹ В частности: *Суриков И. Е.* Закон Клисфена об остракизме: к реконструкции некоторых формулировок // Древнее право. 2000. № 1 (6). С. 20 сл.

⁵⁰ *Hansen M. H.* The Athenian Assembly... P. 94–124.

вопросам)⁵¹. В принятии же собственно законов главную роль теперь играла коллегия номофетов, рекрутировавшихся из числа гелиастов. Иными словами, экклесия утратила законодательную власть⁵². Далее, в середине IV в. до н. э. народное собрание было лишено и судебных функций. Если ранее оно рассматривало некоторые типы важных судебных процессов (в частности, исангелию⁵³), то теперь и эта прерогатива полностью переходит к коллегиям гелиеи.

С формальной точки зрения датский антиковед, может быть, в чем-то и прав. Если принимать во внимание только букву закона, действительно окажется, что в позднеклассический период полномочия экклесии уменьшались, а полномочия дикастериев, напротив, росли. Однако вполне правомерной представляется и критика взглядов Хансена другими специалистами⁵⁴.

Прежде всего, не следует забывать, что форма – формой, а реальность – реальностью. Народное собрание, как воплощение гражданского коллектива Афин, в принципе не была скована в своих действиях какими-либо законами и постановлениями. Коль скоро экклесии было угодно чисто добровольно лишить себя определенных функций, делегировать их дикастериям – она имела на это полное право. Но если бы экклесия пожелала отобрать эти функции у дикастериев обратно в собственное ведение – то и в этой ситуации ей никто не смог бы помешать. А такой вариант развития событий был вполне возможен: политические структуры афинского полиса и в IV в. до н. э. не стояли на месте, а подвергались периодическим изменениям⁵⁵. Кроме того, достаточно припомнить параллель с Ареопагом, который в начале V в. до н. э. был облечен (несомненно, по решению экклесии) важными дополнительными полномочиями (τὰ ἐπιθῆτα), что позволяло ему в течение некоторого времени считаться едва ли не высшим органом власти, затем, при Эфиальте, снова лишен этих полномочий, а во второй половине IV в. до н. э. опять увеличил свою роль. Все эти

⁵¹ О различии между законом и псефисмой см.: *Quass F.* Nomos und Psephisma: Untersuchung zum griechischen Staatsrecht. München, 1971; *Hansen M. H.* Nomos and Psephisma in Fourth-Century Athens // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1978. Vol. 19. No. 4. P. 315–330.

⁵² *Hansen M. H.* Did the Athenian Ecclesia Legislate after 403/2 B.C.? // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1979. Vol. 20. No. 1. P. 27–53; *Hansen M. H.* Athenian Nomothesia in the Fourth Century B.C. and Demosthenes' Speech against Leptines // *Classica et mediaevalia*. 1980. Vol. 32. P. 87–104; *Hansen M. H.* Athenian Nomothesia // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1985. Vol. 26. No. 4. P. 345–371.

⁵³ Об исангелии см.: *Hansen M. H.* Eisangelia...; *Rhodes P. J.* Εισαγγελία...

⁵⁴ Например: *Rhodes P. J.* Judicial Procedures...; *Thür G.* Die athenischen Geschworenengerichte...

⁵⁵ *Errington R. M.* Ἐκκλησία κυρία in Athens // *Chiron*. 1994. Bd 24. S. 135–160.

перемены были вызваны конкретными обстоятельствами, а державный демос как был, так и оставался превыше всего.

Кроме того, напомним еще раз, что гелиея создавалась Солоном не как отдельный, независимый орган (о независимости судебной власти античная политическая теория и практика не имели, естественно, никакого представления), а как разновидность народного собрания, ориентированная специально на отправление правосудия. Рудименты именно такого понимания гелиеи сохранялись и в эпоху классики, как видно из примера с *γραφῆ παρανόμων*, о котором выше шла речь. Дикасты не воспринимались гражданским коллективом как магистраты; кстати, именно поэтому они (и только они), в отличие от всех должностных лиц, членов Совета Пятисот и пр., не подлежали ни докимасии, ни эвтинам (ср. Aristoph. Vesp. 587). Это роднило их с гражданами, заседающими в народном собрании, и больше ни с кем.

Но коль скоро еkkлeсия и гелиея, по большому счету, представляли собой один и тот же институт, только собирающийся по разным поводам и работающий по разным процедурам, то неправомерно вообще вести речь об ограничении суверенитета первой и увеличении полномочий второй. Перед нами – не передача властных функций от одного органа другому, а просто более рациональное распределение этих функций демосом в интересах большей эффективности их реализации. IV в. до н. э. в Афинах в целом характеризовался нарастанием рационального подхода к вопросам государственного управления по сравнению с предшествующим столетием. В частности, после потрясений и переворотов последних лет Пелопоннесской войны реставрированная демократия выдвинула лозунг «власти закона» и старалась неукоснительно придерживаться обозначенного курса⁵⁶. На протяжении 411–401 гг. до н. э. осуществлялась общая ревизия корпуса афинских законодательных установлений, складывавшегося в течение веков, начиная со времен Драконта и Солона. После этого процедура принятия новых законов значительно усложнилась; на пути разного рода неоправданного законотворчества был поставлен целый ряд препятствий. Все было сделано для того, чтобы реформированный свод законов оставался

⁵⁶ См. об этом процессе: *Harrison A. R. W.* Law-making at Athens at the End of the Fifth Century B.C. // *Journal of Hellenic Studies*. 1955. Vol. 75. P. 26–35; *Ostwald M.* From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens. Berkeley, 1986; *Piérart M.* Athènes et ses lois: Discours politiques et pratiques institutionnelles // *Revue des études anciennes*. 1987. Vol. 89. № 1/2. P. 21–37; *Cohen D.* The Rule of Law and Democratic Ideology in Classical Athens // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.* Stuttgart, 1995. S. 227–244; *Маринович Л. П.* Закон и власть в классических Афинах // *Власть, человек, общество в античном мире*. М., 1997. С. 5–18; *Суриков И. Е.* Изменения в афинских законах в V в. до н. э. (на примере закона об остракизме) // *Древнее право*. 2003. № 1 (11). С. 8 сл.

в дальнейшем как можно более стабильным, незыблемым, в минимальной степени подверженным каким бы то ни было модификациям.

Если в V в. до н. э. афиняне мыслили в категориях $\acute{o} \delta\eta\mu\acute{o}\varsigma \kappa\acute{\upsilon}\rho\iota\omicron\varsigma$, то в эпоху поздней классики – скорее в категориях $\acute{o} \nu\omicron\mu\omicron\varsigma \kappa\acute{\upsilon}\rho\iota\omicron\varsigma$. Институциональным проявлением этой «смены парадигм» и явилось расширение прерогатив дикастериев. Во-первых, уже по самой логике охранять «власть закона» более, чем кому-либо, пристало именно судебной власти, каковую представляла гелиея. Во-вторых, работа демоса в гелисе, разбивавшейся на сравнительно небольшие по размеру коллегии, конечно, была более упорядоченной и менее хаотичной, чем в огромной экклесии, которая могла временами даже выходить из-под контроля председательствующих.

В-третьих – и на этом обстоятельстве следует остановиться подробнее, – после Пелопоннесской войны афинский полис был значительно беднее, чем до нее, ввиду распада Архэ и прекращения поступлений фороса. В результате должна была со всей возможной остротой вставать проблема экономии государственных средств. Такой экономии тоже способствовала более частая работа дикастериев, чем экклесии.

В V в. до н. э. созвать народное собрание было дешевле, нежели гелиею. Собственно говоря, экклесия не стоила вообще ничего, поскольку ее участники тогда еще не получали жалованья. А судьям платился их традиционный триобол. В начале IV в. до н. э. ситуация изменилась: была введена плата за посещение народного собрания. Вначале она составляла один обол, но очень скоро ее повысили до двух, а затем до трех оболов (Arist. Ath. pol. 41. 3). А дикасты продолжали получать тот же традиционный триобол! Иными словами, работа коллегий гелиеи, даже если в один день заседало несколько таких коллегий, обходилась полису в меньшую сумму, чем созыв экклесии. При ухудшившемся состоянии финансов это соображение было крайне немаловажно и, надо полагать, тоже повлияло на возрастание интенсивности работы судов присяжных.

В заключение подчеркнем, что, полемизируя с точкой зрения М. Хансена на гелиею как на высший орган власти в позднеклассических Афинах, мы ни в коей мере не склонны и принижать значение этого института. Гелиея не стояла выше экклесии, но зато после нее она, бесспорно, занимала второе по значению место в афинском полисе. Ее роль – и тут мы вполне согласны с Хансеном⁵⁷ – была больше, чем роль любого другого элемента демократической политической системы, будь то Совет Пятисот, Ареопаг или любая магистратура.

⁵⁷ Hansen M. H. The Political Powers... P. 227 ff.

ЕЩЕ РАЗ ОБ АФИНСКОЙ ГЕЛИЕЕ*

Нам уже приходилось рассматривать на страницах «Древнего права» сюжеты, связанные с эволюцией и функционированием афинского суда присяжных – гелиси¹. Новое обращение к данной тематике обусловлено тем, что совсем недавно вышло в свет первое в отечественной историографии (и одно из очень немногих в мировой) монографическое исследование, специально посвященное истории этого института².

Автор упомянутой книги Т. В. Кудрявцева принадлежит к Санкт-Петербургской школе антиковедения. Последовательно придерживаясь принятых ныне в этой школе теоретико-методологических установок, исследовательница во всех спорных вопросах (а таковых немало возникает в связи с гелисеей) однозначно встает на ту позицию, которая представляется в наибольшей степени традиционной и общепринятой, восходящей к разработкам ученых XIX в. В результате в обширной (464 страницы) монографии, основанной на очень хорошем знании источников и литературы, практически не удастся найти каких-либо свежих, оригинальных идей, которые не высказывались бы ранее³. И дело

* Впервые опубликовано в: Древнее право. 2008. № 2 (22). С. 8–24.

¹ Суриков И. Е. Некоторые проблемы истории афинской гелиеи // Древнее право. 2005. № 2 (16). С. 8–20.

² Кудрявцева Т. В. Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008.

³ Исключением является ряд белло высказанных в заключении соображений об общем характере античной демократии (Там же. С. 425 сл.). Вот они-то как раз в полной мере оригинальны, и более чем оригинальны. Однако эти соображения, призванные подвести итоги исследования, на самом деле, по сути, никак не вытекают из анализа конкретного материала, проделанного в основной части работы. Более того, они достаточно далеки от требований строгой науки и больше похожи на выполнение некоего идеологического заказа. Прямая демократия полисного типа, по Т. В. Кудрявцевой, названа демократией лишь по недоразумению; в действительности же *«прямая демократия есть разновидность автократии и значит родственна не представительной демократии, а монархии и олигархии... Прямая демократия не есть ни вид, ни родоначальница, ни даже несовершенная форма демократии»* (Там же. С. 429; курсив принадлежит Т. В. Кудрявцевой). Подобная парадоксальная точка зрения (парадоксальность особенно бросается в глаза, если вспомнить, что сам термин «демократия» – а стало быть и феномен – родился именно в Древней Греции) обосновывается следующей, не менее парадоксальной аргументацией. Не может считаться демократией политическая система, в которой верховная власть принадлежит народу. В «настоящих» демократиях (а это демократии представительные, то есть, естественно, в первую очередь современные государства Запада) народ не обладает властью, а лишь правом на избрание

здесь не в неспособности автора генерировать подобные идеи (способность, не сомневаемся, наличествует), а в сознательно принятой линии: Т. В. Кудрявцевой глубоко антипатичны любые новые, неортодоксальные (и тем самым, естественно, дискуссионные) решения проблем, она предпочитает оставаться на почве тех выводов, которые, как говорится, прошли проверку временем (попали в учебники и пр.).

Не удивительно, что в числе коллег, попадающих под критические стрелы санкт-петербургской исследовательницы, оказывается и автор этих строк. «С рядом положений И. Е. Сурикова мы решительно не согласны и намерены их оспорить», – пишет она⁴. Спор, впрочем, ведется не вполне обычным образом: помимо прочего, нам приписываются мысли, которых мы не высказывали, и ошибки, которых мы не делали⁵. Вот типичный образчик:

... те точки зрения, которые не совпадают с его собственным видением и пониманием фактов и проблем, автор нередко отбрасывает как устаревшие, поднимая на щит некоторые новейшие концепции отнюдь не потому, что они имеют под собой более убедительную источниковую базу, а именно потому, что они «новые»⁶.

При столь категоричном суждении, вероятно, неплохо было бы привести ссылки на места, где мы якобы проводим подобные взгляды. Ссылки, однако, отсутствуют, и по вполне ясной причине: нигде и никогда мы не утверждали, что новые точки зрения хороши уже тем, что они новые, а старые плохи тем, что они старые. Вот уж воистину высказывание, полярно противоположное действительности! Не мы ли неоднократно цитировали в своих работах афористичное замечание патриарха российского антиковедения С. И. Соболевского «не всякое последнее слово бывает вернее предпоследнего»⁷? *Ceteris paribus*

тех, кто осуществляет власть. Столь замысловатый ход рассуждений – власть народа не есть демократия! – признаться, нам (думается, что и не только нам) не слишком понятен.

⁴ Кудрявцева Т. В. Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008. С. 13.

⁵ Характерный пример: в одном месте на протяжении двух строчек Т. В. Кудрявцева приписала нам две грамматические ошибки (Там же. С. 295. Прим. 1): будто бы в заглавии нашей статьи о судебном ораторе Антифонте фигурирует странное словечко *Antifontea* и будто бы мы в ней употребляем оборот «в отсутствии обвиняемого». Этих ошибок (они здесь выделены курсивом) мы, разумеется, не делали (это легко проверить, см.: Суриков И. Е. *Antiphontea I*: Нарративная традиция о жизни и деятельности оратора Антифонта // *Studia historica*. М., 2006. Т. 6. С. 61. Прим. 56) и не понимаем, зачем потребовалось их придумывать. Не нашлось более весомых доводов?

⁶ Кудрявцева Т. В. Указ. соч. С. 12–13.

⁷ Соболевский С. И. Транскрипция наименования Διογένης Λαέρτιος – Diogenes Laertius // ВДИ. 1948. № 2. С. 208. Коль скоро мы упомянули С. И. Соболевского, заметим, что Т. В. Кудрявцева (Указ. соч. С. 101. Прим. 3) уличает его в ошибке при переводе одного места из судебного оратора Лисия (XIII. 37). На самом же деле в указанном месте у Соболевского

мы, как правило, наоборот, отстаиваем традиционное видение античных реалий против «модных» построений⁸ – до тех пор, пока это традиционное видение не перерождается в отсталое и косное. А если мы и опровергаем ту или иную конкретную устоявшуюся концепцию (такое действительно бывает нередко), то стремимся делать это *только* с помощью аргументов.

Мы глубоко чтим традиции в науке, но твердо убеждены: самой главной из них является традиция критического отношения к достижениям предшественников. Только это дает возможность для поступательного роста научного знания. Собственно, наука – как феномен мировой культуры и как особая форма мышления – родилась именно в тот момент, когда Анаксимандр не согласился со своим учителем Фалесом и предложил альтернативную концепцию (хотя мог бы, как делали и делают многие, просто повторить то, что *magister dixit*)⁹. Нам поэтому глубоко симпатичны следующие слова Карла Поппера (с которым, кстати, мы по целому ряду других позиций отнюдь не солидарны):

Я допускаю даже, что может наступить такой день, когда сообщество ученых будет в основном или целиком состоять из лиц, некритически принимающих господствующую догму. Они, как правило, будут находиться под влиянием колебаний моды и станут принимать теорию только потому, что та представляет собой последний крик этой моды, а они боятся оказаться зачисленными в отстающие. Однако я настаиваю, что тогда придет конец той науке, которую мы знаем, – конец традиции, установленной Фалесом и Анаксимандром и возрожденной Галилеем¹⁰.

Повторим и подчеркнем: именно в этом, по нашему мнению, должно проявляться наше уважение к наставникам и следование им – не в том, чтобы мы повторяли за ними, а в том, чтобы мы старались идти дальше них. Эту нашу позицию, увы, совершенно неверно представляет Т. В. Кудрявцева, вопреки всякой логике сводя ее к совершенно чуждой нам погоне за модой.

не ошибка, а конъектура, причем вполне оправданная, поскольку оригинальный текст явно испорчен переписчиками: в нем присутствует невозможная грамматическая конструкция – оборот с μέν, но без последующего δέ.

⁸ См., например, нашу жесткую критику столь модного ныне гиперкритицизма (Суриков И. Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 44 сл.), да хотя бы даже такую кажущуюся «мелочь», как защита нами сложившейся в отечественном антиковедении системы ссылок на источники, в последнее время часто нарушаемой (Суриков И. Е. Очень субъективные заметки // Античная история и классическая археология. М., 2006. С. 240).

⁹ Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 566 сл. Поппер даже считает, что сам Фалес побудил своего ученика «попытаться узнать, не способен ли он выработать более удачное объяснение» (Там же. С. 570).

¹⁰ Там же. С. 588.

Понятно, что не составляет большого труда дискутировать с оппонентом так, как это делается в ее работе: для начала вульгаризировать его позицию до *nes plus ultra*, далее уснастить свои возражения риторическими оборотами типа «поднимает на щит»¹¹ и т. п. Мы совершенно не намерены отвечать на полемику, ведущуюся в подобном тоне. Не будем мы давать и общую оценку монографии, поскольку настоящая работа не является рецензией на нее¹². Здесь нам хотелось бы лишь заново поднять некоторые вопросы, о которых заставило задуматься чтение книги исследовательницы из города на Неве.

Сообщают ли античные авторы об учреждении гелиеи Солоном? Бывает, что общепринятая, хрестоматийная точка зрения, которой и сам ранее придерживался, встретившись в очередной раз, побуждает поставить вопрос: а действительно ли она безоговорочно верна? Здесь мы коснемся именно такого случая. Т. В. Кудрявцева пишет: «...наши античные источники... не сомневались в том, что одной из важнейших демократических реформ Солона является создание гелиеи – народного суда»¹³. «И Аристотель, и Плутарх считали гелиею новым институтом, изобретенным Солоном»¹⁴. Это мнение абсолютно преобладает в исследовательской литературе¹⁵. Автор этих строк тоже еще недавно высказывался в том же смысле: «Создание гелиеи надежно связывается античной традицией с реформаторской деятельностью Солона»¹⁶.

¹¹ Подобный прием вообще в высшей степени характерен для Т. В. Кудрявцевой. У нее один исследователь (М. Финли) «рисует идиллическую картину», другой (Дж. Обер) «рассыпается в дифирамбах», третий (М. Хансен) выступает плодовитым «певцом» афинской демократии, а все они вместе «чересчур рьяно» что-то там ищут. Примеры взяты буквально с трех страничек текста книги (Кудрявцева Т. В. Указ. соч. С. 6–8), из чего автор может составить достаточное представление о стиле, которым она написана. Мировое сообщество антиковедов в изображении Т. В. Кудрявцевой превращается в подобие какого-то балагана. Может быть, перед нами ирония? Нет, ирония должна быть, как минимум, тонкой. Выражения вроде «плодовитый певец» оставляем на совести автора.

¹² Не можем, однако, не отметить, что уже в первой (!) фразе основной части книги содержится занятная ошибка: Солон назван «архонтом-фесмофетом 594 г. до н. э.» (Там же. С. 18), в то время как в действительности он занимал, конечно же, пост архонта-эпонима, т. е. был высшим магистратом афинского полиса. Досадно, что в серьезной работе встречаются столь грубые «ляпы» (к сожалению, этот – не единственный).

¹³ Там же. С. 21. Т. В. Кудрявцева придерживается написания «гелиея», мы – написания «гелиеи», что, конечно же, совершенно не принципиально.

¹⁴ Там же. С. 26.

¹⁵ Из последних примеров см., в частности: *Gehrke H.-J. The Figure of Solon in the Athēnaiōn Politeia // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden, 2006. P. 276–289.*

¹⁶ *Суриков И. Е. Некоторые проблемы...* С. 9. Ср. также: *Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 131–132.*

Но настолько ли надежно? Прежде всего необходимо напомнить, о каких сообщениях источников идет речь. Это два достаточно подробных пассажа – из аристотелевской «Афинской политики» и из биографии Солона, составленной Плутархом, – а также краткие замечания Аристотеля в «Политике». Анализ упомянутых пассажей начнем с более пространных.

Arist. Ath. pol. 7. 3 («Афинская политика» здесь и далее цитируется в переводе С. И. Радцига): Солон «тем, которые принадлежат к классу фетов, дал участие только в народном собрании и судах (ἐκκλησίας καὶ δικαστηρίων μετέδωκε μόνον)».

По-видимому, вот какие три пункта в солоновском законодательстве являются наиболее демократичными: первое и самое важное – отмена личной кабалы в обеспечение ссуд¹⁷; далее, предоставление всякому желающему возможности выступать истцом за потерпевших обиду (τὸ ἐξεῖναι τῷ βουλομένῳ τιμωρεῖν ὑπὲρ τῶν ἀδικουμένων); третье, отчего, как утверждают, приобрела особую силу народная масса, – апелляция к народному суду (ἡ εἰς τὸ δικαστήριον ἔφεσις). И действительно, раз народ владычествует в голосовании, он становится властелином в государстве (κύριος γὰρ ὢν ὁ δῆμος τῆς ψήφου, κύριος γίγνεται τῆς πολιτείας)... Неизбежно возникало много споров, и решать все дела – и общественные, и частные – приходилось суду (καὶ πάντα βραβεύειν καὶ τὰ κοινὰ καὶ τὰ ἴδια τὸ δικαστήριον) (Ibid. 9. 1–2).

Где в процитированных местах сказано о том, что Солон учредил гелиею (или дикастерию, как бы ни называть данный институт)? Такой информации здесь не содержится. Эксплицитно указано на два обстоятельства. Во-первых, начиная с солоновских реформ, допуск в суд получили феты – представители низшего из имущественных классов, на которые был разделен афинский гражданский коллектив, причем, судя по всему, уже до Солона¹⁸. Во-вторых, народному суду были предоставлены апелляционные функции; именно это нововведение имело огромное значение; в конечном счете именно оно – но только со временем – привело к тому, что гелиея в классических Афинах сконцентрировала в своих руках колоссальные полномочия.

¹⁷ По этому вопросу мы здесь ничего специально говорить не будем, поскольку он не имеет отношения к истории гелиеи, а, кроме того, достоин быть предметом специального рассмотрения. Интересующихся им отошлем к нашей работе, где даются и ссылки на предшествующую литературу: Суриков И. Е. Досолоновские «шестидольники» и долговой вопрос в архаических Афинах // ВДИ. 2007. № 3. С. 28–46.

¹⁸ Об имущественных классах как досолоновской реалии см., в частности: Ste. Croix G. E. M. de. *Athenian Democratic Origins and Other Essays*. Oxf., 2004. P. 5 ff.; Raaflaub K. A. *Athenian and Spartan Eunomia, or: What to Do with Solon's Timocracy?* // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden, 2006. P. 406 (с указанием на важнейшую предшествующую литературу).

Более того, из сказанного автором «Афинской политики» косвенно вытекает: он считал, что гелиея существовала уже до Солона. Ведь только имеющемуся в наличии органу можно присваивать какие-то новые функции, разрешать участие в нем новым группам населения и т. д.

Plut. Sol. 18 (перевод С. И. Соболевского): феты по солоновским реформам

...участвовали в управлении лишь тем, что могли присутствовать в народном собрании и быть судьями (τῷ συνεκκλησιάζειν καὶ δικάζειν μόνον μετεῖχον τῆς πολιτείας). Последнее казалось в начале ничего не значащим правом, но впоследствии стало в высшей степени важным, потому что большая часть важных дел попадала к судьям (τὰ γὰρ πλεῖστα τῶν διαφόρων ἐνέπιπτεν εἰς τοὺς δικάστας). Даже на приговоры по тем делам, решение которых Солон предоставил должностным лицам, он позволил также апеллировать в суд (καὶ γὰρ ὅσα ταῖς ἀρχαῖς ἔταξε κρίνειν, ὁμοίως καὶ περὶ ἐκείνων εἰς τὸ δικάστηριον ἐφέσεις ἔδωκε τοῖς βουλευμένοις). Говорят, даже некоторой неясностью и многочисленными противоречиями в тексте законов Солон возвысил значение судов (αὐξῆσαι τὴν τῶν δικαστηρίων ἰσχύν): благодаря этому, когда предмет спора не мог быть решен на основании законов, приходилось всегда иметь надобность в судьях (ἀεὶ δεῖσθαι δικαστῶν) и всякое спорное дело вести перед ними, так как они были некоторым образом господами над законами... Он (Солон. – II. С.) позволил всякому гражданину выступать в защиту потерпевшего и требовать наказания преступника (παντὶ λαβεῖν δίκην ὑπὲρ τοῦ κακῶς πεπονθότος ἔδωκε). Если кого-нибудь били, производили над ним насилие, причиняли ему вред, всякий, кто мог или хотел, имел право жаловаться на преступника и преследовать его судом (ἐξῆν τῷ δυναμένῳ καὶ βουλευμένῳ γράφεσθαι τὸν ἀδικοῦντα καὶ διώκειν).

Этот пассаж нам тоже пришлось привести *in extenso* и с греческим текстом наиболее принципиальных выражений, поскольку от правильного понимания того, что говорят античные авторы, зависит то или иное решение проблемы, которой мы сейчас занимаемся. Нетрудно заметить, что Плутарх повсюду солидарен с «Афинской политией» (он, несомненно, пользовался ею) и высказывает, в сущности, те же мысли, но другими словами и, главное, более подробно и ясно. Если, опираясь на слова трактата о государственном устройстве афинян, можно только имплицитно предполагать существование досолоновской гелиеи, то херонейский биограф говорит о таковой прямо и открыто. В особенной степени обратим внимание на то, что, по Плутарху, Солон «возвысил значение судов». Разумеется, можно «возвысить значение» только уже существующего института.

Итак, в «Афинской политике» и биографии Солона упоминается о включении фетов в число дикастов и о введении процедуры апелляции в народный суд. Приписывать этим источникам мысль о том, что великий законодатель учредил самую гелиею, – не более чем историографическая фикция, сложившаяся под

влиянием общих априорных установок. Ничего подобного в рассмотренных текстах не содержится.

Однако, по общему мнению, указание на Солона как «отца» суда присяжных встречается в «Политике». К ней поэтому теперь необходимо обратиться, но предварительно представляется не лишним сказать несколько слов о характере этого нарративного памятника. В отличие от «Афинской политики», авторство которой, как известно, является дискуссионным, принадлежность «Политики» самому Аристотелю, кажется, никогда не ставилась под сомнение. «Политика» – одно из довольно большого числа так называемых эсotericических сочинений Стагирита, которые в составе библиотеки Феофраста на протяжении около двух столетий лежали без всякого применения в малоазийском Скепсисе, но в I в. до н. э. были доставлены в Афины, затем в Рим и таким образом вошли в широкий научный оборот¹⁹.

При первом же ознакомлении с произведениями, о которых идет речь, сразу бросается в глаза их интересная и принципиальная особенность: они меньше всего представляют собой законченные, вполне обработанные трактаты, предназначенные и подготовленные для публикации. Перед нами, несомненно, конспекты²⁰, писавшиеся либо самим Аристотелем перед своими лекциями, либо – что не менее вероятно – его учениками в ходе прослушивания этих лекций²¹. В любом случае, для конспективного изложения, как все знают, характерны краткость и сжатость, некоторая отрывочность, не слишком последовательное соблюдение единства терминологии и правил аргументации. Все эти черты в изобилии присутствуют и в «Политике».

Сделав эти замечания, переходим непосредственно к интересующему нас свидетельству Аристотеля о гелиее (Arist. Pol. II. 1273b36 sqq.). Вначале процитируем его в переводе С. А. Жебелева, а затем обоснуем возможность альтернативного понимания ключевого места (его мы в тексте перевода и оригинала выделяем курсивом).

¹⁹ Подробнее об этом см.: Суриков И. Е. Изучение древнегреческого публичного права в античной юридической науке: первые шаги // Древнее право. 2006. № 1 (17). С. 26–36.

²⁰ Рожанский И. Д. Естественнаучные сочинения Аристотеля // Аристотель. Сочинения в 4 томах. М., 1981. Т. 3. С. 11. Сказанное И. Д. Рожанским о «Физике» и примыкающих к ней трудах в полной мере относится и к «Политике».

²¹ Подобная практика существовала еще в российских университетах XIX – начала XX в.: студенты по своим конспектам составляли курс лекций преподавателя и давали ему на просмотр и авторизацию. Затем этот курс – силами самих же студентов – издавался (обычно самым дешевым на тот момент способом, литографированием) и был для них хорошим подспорьем при подготовке к экзаменам и т. п. Подобная ситуация обуславливалась тем, что отсутствовали еще учебники в современном понимании слова. А применительно ко временам Аристотеля ни о каких учебниках тем более говорить не приходится.

Солона же некоторые считают превосходным законодателем: он упразднил крайнюю олигархию, положил конец рабству простого народа и установил прародительскую демократию (δημοκρατίαν καταστήσαι τὴν πατρίον)²², удачно смешав элементы разных государственных устройств: ареопаг представляет олигархический элемент, замещение должностей посредством избрания – элемент аристократический, а народный суд – демократический (τὰ δὲ δικάστηρια δημοτικόν). Однако Солон, по-видимому, удержал то, что уже существовало прежде, а именно ареопаг и выборность должностных лиц, но демократию именно он установил тем, что *ввел народный суд, где могут быть судьями все* (τὸν δὲ δῆμον καταστήσαι, τὰ δικάστηρια ποιήσας ἐκ πάντων). Некоторые упрекают Солона за это, указывая, что он свел на нет другие элементы государственного строя, передав всякую власть суду, члены которого назначаются по жребию (κύριον ποιήσαντα τὸ δικάστηριον πάντων, κληρωτὸν ὄν). Когда народный суд усилился, то пред простым народом стали заискивать, как перед тираном, и государственный строй обратился в нынешнюю демократию... Перикл ввел плату за участие в суде (τὰ δὲ δικάστηρια μισθοφόρα κατέστησε)... Произошло это, как представляется, не в соответствии с замыслом Солона, а скорее по стечению обстоятельств... Между тем Солон, по-видимому, дал простому народу лишь самую необходимую власть – избирать должностных лиц и принимать у них отчеты (τὸ τὰς ἀρχὰς αἰρεῖσθαι καὶ εὐθύνειν)...

Если переводить выделенное курсивом место именно так, как оно переведено здесь – «ввел народный суд», – то действительно оказывается, что Аристотель считал основателем гелиеи Солона. Однако в таком случае величайший античный мыслитель оказывается в противоречии сам с собой. И какому тогда сочинению доверять – «Политике» или «Афинской политике»? Вне зависимости от решения вопроса об авторстве последней, глава Ликия издал ее под своим именем и, стало быть, отвечал за то, что в ней написано. И в целом между двумя названными сочинениями практически везде наблюдается полная согласованность, как в принципиальных вопросах, так и в деталях²³.

²² Т. В. Кудрявцева склонна доверять подобным оценкам, даваемым Аристотелем и рядом других авторов: она считает, что Солон «задал вектор движения в сторону демократии» (Кудрявцева Т. В. Указ. соч. С. 21). Нам это, признаться, не вполне понятно. Как можно было задать вектор движения в сторону того, что еще не существовало и о чем ни сам Солон, ни его современники не имели ни малейшего понятия? Напомним, что само слово *демократия* появилось чуть ли не через полтора столетия после реформ Солона. В формулировке санкт-петербургской исследовательницы видится некий телеологизм, Солон оказывается провидцем, который каким-то образом знал, что в Афинах в будущем установится демократия и что надо направлять развитие полиса именно по этому пути.

²³ Совсем недавно это в очередной раз настойчиво и аргументированно подчеркнуто в работе: Gehrke H.-J. Op. cit.

Но мы считаем, что имеется способ избежать постулирования противоречия, которое было бы трудно объяснить. Дело в том, что τὰ δικάστηρια ποιήσας ἐκ πάντων можно перевести и иначе, а именно – ‘составив суд из всех’. Другими словами, в таком варианте перевода упор будет сделан на то, что гелиея существовала уже ранее, до Солона, но включала лишь часть афинских граждан, а законодатель расширил ее состав до всего гражданского коллектива.

С языковой точки зрения предложенный нами перевод точно так же возможен, как и тот, который встречаем в вышеприведенной цитате. На наш взгляд, он выглядит даже предпочтительнее, поскольку, когда речь идет об учреждении какого-то института «с нуля», уместнее было бы ожидать не форму глагола ποιέω, а форму какого-либо из приставочных глаголов от ἵστημι или τίθημι. Обратим внимание, например, с одной стороны, на форму καταστήσαι от καθίστημι в той же цитате в связи с установлением Солоном демократии; из контекста явствует, что тут-то как раз имеется в виду создание демократического устройства, ранее не существовавшего. А с другой стороны, учтем – и снова в той же цитате – причастие ποιήσαντα от ποιέω в составе выражения κύριον ποιήσαντα τὸ δικάστηριον πάντων; последний оборот С. А. Жебелевым переведен несколько описательно, а дословно означает, что Солон сделал суд господином всего²⁴. Таким образом коннотация глагола ποιέω и здесь тоже – не полное нововведение, а изменение статуса уже существующего института.

Итак, наш альтернативный перевод, как минимум, представляется имеющим право на существование. А «плюс» его по сравнению с общепринятым заключается в том, что он позволяет согласовать между собой данные «Афинской политии» и «Политики». Теперь, наверное, уместно напомнить, как нами был поставлен вопрос в заголовке данной части работы: «Сообщают ли античные авторы об учреждении гелиеи Солоном?», а не «Учредил ли Солон гелиею?». По этому последнему вопросу мы здесь вообще ничего не говорим; вполне допускаем, что знаменитый афинский законодатель действительно являлся создателем суда присяжных. Но только вот античные авторы об этом не сообщают. И, следовательно, проводя точку зрения, мы волей-неволей исходим не из свидетельств источников, а из априорных представлений о ходе развития афинского полиса.

В этом нужно отдавать себе строгий отчет – что в наших взглядах находит опору в традиции, а что представляет собой современные реконструкции, пусть даже и вполне правдоподобные. Особенно актуальным становится сформулированное требование именно применительно к монографии Т. В. Кудрявцевой, поскольку ее автор постоянно повторяет свой базовый принцип – *ex ipso*

²⁴ См. к этому выражению: Ruschenbusch E. ΔΙΚΑΣΤΗΡΙΟΝ ΠΑΝΤΩΝ ΚΥΡΙΟΝ // Historia. 1957. Bd 6. S. 257–274.

fonte. А в данном конкретном случае черпать *только* из источника – означает отказаться от однозначной связи появления гелиеи с Солоном. Т. В. Кудрявцева пишет: «...любая ревизия данных Аристотеля и Плутарха приводит к тупику гиперкритицизма, по сути предлагающего нам вместо пусть неполной, а иногда и ненадежной традиции, воспользоваться еще более ненадежными догадками и шаткими построениями современных исследователей»²⁵. Исследовательница даже не замечает, что острое ее аргумента обращается против нее же самой. Ведь она, постулируя тезис «Солон – отец гелиеи», опирается не на источники (как мы видели при их анализе, в них всё гораздо сложнее), а, в сущности, на *communis opinio* современных ученых. Говоря несколько упрощенно, Солон – отец гелиеи потому, что так нас учили в вузе.

Перечисляя «четкие указания наших основных источников о создании народного суда именно Солоном»²⁶, Т. В. Кудрявцева ссылается еще на следующий пассаж из «Афинской политики» (из рассказа о реформе Эфиальта): этот законодатель, отняв у Ареопага некоторые права, «передал их частью Совету пятисот, частью народу и судам (τὰ μὲν τοῖς πεντακοσίοις, τὰ δὲ τῷ δήμῳ καὶ τοῖς δικαστηρίοις ἀπέδωκεν)» (Arist. Ath. pol. 25. 2). Исследовательница видит тут у Аристотеля противопоставление «народа» (эκκληсии) и «судов» (гелиеи), приходя к выводу: «уже в первой половине V в. (при Эфиальте) гелиея и экклесия существовали независимо друг от друга»²⁷.

Однако в том-то все и дело, что противопоставления в данном месте «Афинской политики» нет! Точнее, оно есть, но проходит по другой линии: с одной стороны, Совет Пятисот, с другой – народ и суды. Именно таким образом, как легко может увидеть знакомый с древнегреческим языком читатель, построен оборот с противительной конструкцией μὲν – δέ. Что же касается «народа» и «судов», то они связаны союзом καί, никогда не употребляющимся в ситуациях противопоставления, а, наоборот, только в ситуациях сближения, однородности, иногда даже отождествления (в гендиадисах). Не рискуем категорично утверждать, что в цитированном свидетельстве перед нами обязательно гендиадис (хотя и исключать этого нельзя), но, во всяком случае, из него никак нельзя сделать ответственный вывод о том, что для Аристотеля экклесия и гелиея – два разных органа (к вопросу об их различии или совпадении мы еще вернемся ниже). Вот если бы было τὰ μὲν τῷ δήμῳ, τὰ δὲ τοῖς δικαστηρίοις...

Итак, если Солон не создал гелиею, а лишь преобразовал ее в суд, включающий всех граждан, то резонен вопрос: а какой была гипотетическая досолоновская гелиея? Ответ будет вполне очевидным: она включала в себя не всех

²⁵ Кудрявцева Т. В. Указ. соч. С. 37.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

граждан. Вполне возможно даже предельно конкретизировать этот тезис: она не включала в себя фетов, членов низшего имущественного класса. Ведь и в «Афинской политике», и в плутарховой биографии Солона прямо сказано, что законодатель впервые позволил фетам становиться судьями.

Иными словами, ситуация оказывается совершенно аналогичной с экклесией и гелиеей: в оба органа до Солона феты не допускались, начиная с Солона – допускались, что позволило обоим институтам стать реальными выразителями воли всего гражданского коллектива. Аналогия настолько полна, что невозможно не обратиться к тесно сопряженному с предыдущей проблематикой вопросу о реальном соотношении этих двух институтов.

Демос, экклесия, гелиея. Вопрос о тождестве или различии экклесии и гелиеи (во всяком случае, в архаическую эпоху) – воистину один из «каменных преткновений» для историографии античных Афин. Мнения специалистов поделились практически пополам. Одни (в их числе – и автор этих строк) считают, что народный суд и народное собрание, по меньшей мере в доклассическую эпоху, фактически являли собой просто две «ипостаси» или функциональные разновидности одного и того же института. Когда коллектив граждан собирался, чтобы принимать законы или выбирать должностных лиц, такой сход назывался экклесией. А когда те же граждане заседали, чтобы разбирать судебные дела, они представляли собой уже гелиею.

Вкратце изложим наши аргументы²⁸. Важным представляется соображение, касающееся общего уровня политического и правового развития Афин ко времени Солона. Вряд ли можно сомневаться в том, что здесь мы имеем дело еще с достаточно ранней стадией государственности, и трудно было бы ожидать в этот период наличия каких-то особо тонких и изощренных институциональных структур. Все в сфере управления полисом было еще достаточно просто; классическая эпоха, когда действительно был разработан целый ряд сложных механизмов взаимодействия различных органов государственной власти, была отнюдь не близка.

Не менее значим этимологический аргумент: несомненна связь аттического ἡλιαία с названиями народного собрания в ряде других греческих полисов – ἀλιαία, ἀλία, ἀλή (возможны также варианты написаний с тонкими, а не густыми придыханиями). Все эти лексемы находятся в семантической связи с ἀλίζω ‘собирать’, ἀλής ‘собранный, соединенный вместе’, ἀλῖς ‘толпами, во множестве’. Собственно, «гелиея» означает не что иное, как «собрание».

²⁸ Многие из них более подробно развернуты в нашей статье, указанной выше, в прим. 1. Ссылки на предшествующую литературу *pro u contra* обеих точек зрения см. там же и – разумеется, в большем объеме – в монографии Т. В. Кудрявцевой.

Приводили мы и довод, исходящий из аналогии с римским институтом *provocatio ad populum*. Учтем и то обстоятельство, что в судебных речах, произносившихся в гелиее, ораторы нередко напрямую отождествляют дикастов с гражданским коллективом *in toto*.

Хотелось бы остановиться и еще на одном нюансе. Если бы гелия была отдельным органом, не совпадающим с народным собранием, то ее члены входили бы в число афинских магистратур (ἀρχαί). Это означает, что судьи-дикасты избирались бы каким-либо образом (голосованием или жребием) и, самое главное, что они обязаны были бы отчитываться перед гражданским коллективом, поскольку принцип отчетности был в политической системе полисной демократии одним из принципиальнейших. Отчитывались все: архонты и стратеги, агораномы и ситофилаки; отчитывались булевты – члены Совета Пятисот. А дикасты не отчитывались! В частности, у Аристофана (Vesp. 587) прямо сказано, что судьи ἀνυπεύθυνοι – неподотчетны. Это роднит их только с гражданами в экклесии – и больше ни с кем.

Не подлежали дикасты и избранию. Правда, в исследовательской литературе чрезвычайно распространено мнение (оно вошло даже во все учебники), согласно которому ежегодно избирались жребием 6000 членов гелии. Однако, как нам и раньше неоднократно приходилось подчеркивать, это мнение не находит серьезного основания в источниках (ниже мы еще остановимся на этом). Наконец, если бы гелия была отдельным от экклесии органом, то экклесия – как высшая власть – могла бы отменять решения гелии. А этого не было.

Разумеется, нельзя утверждать, что тождество архаических гелии и экклесии было полным. Помимо специфики функций, имелись и определенные расхождения в составе участников. Для дикастов зафиксирован возрастной ценз, составлявший 30 лет. Кроме того, в их число могли войти только те граждане, которые принесли особую присягу, которая была ежегодной. Иными словами, если кто-то из афинян не попадал на присягу (не хотел, не мог, был в отъезде и т. п.), из числа членов гелии на данный год он автоматически выбывал. Но в целом народное собрание и суд присяжных могли выступать как взаимозаменяемые структуры; случалось, что первое выполняло функции второго, а второй – функции первого.

Перейдем теперь ко второй точке зрения, согласно которой гелия с самого начала не имела ничего общего с экклесией, а была отдельным институтом. Главный адепт изложенного взгляда в мировой историографии – Могенс Хансен, из статьи в статью, из книги в книгу неустанно отстаивающий этот тезис. На тех же позициях стоит и Т. В. Кудрявцева.

Отметим интересное обстоятельство: в целом санкт-петербургская исследовательница по большинству вопросов, связанных с гелией, остро полемизирует с Хансеном. Один из параграфов ее монографии даже носит несколько

вызывающий заголовок «Анти-Хансен»²⁹. Но вот именно в данном вопросе – о соотношении гелиеи и экклесии – она всецело солидарна с датским ученым.

Подобный избирательный подход к чуждому концептуальному построению представляется несколько эклектичным. В каких-то других случаях он, возможно, и уместен, но не в этом. Ибо концепция Хансена отличается целостностью и полной внутренней взаимосвязью своих элементов. В ней все положения органично вытекают друг из друга, а в конечном счете – из исходных посылок. Такую теорию можно либо не принимать вообще (как делает, например, автор этих строк), либо принимать полностью, а не выборочно. Сказав «а», нельзя не сказать «б», иначе нас подстерегает опасность нарушить законы логики. А принимать на вооружение из идей Хансена *ad libitum* только те, которые «нравятся», и отбрасывать те, которые «не нравятся», – такой путь не кажется нам конструктивным.

Практикуемый Т. В. Кудрявцевой исследовательский эклектизм неизбежно приводит к тому, что в ее работе имеются внутренние противоречия, в том числе и по рассматриваемому здесь вопросу. С одной стороны, она справедливо отмечает: в ценнейшем, аутентичном, современном событиям источнике – «Осах» Аристофана – «народ и суд предстают как единое целое», судьи отождествляют себя с демосом, воспринимаются как воплощение всего демоса; такая же картина наблюдается и в речах судебных ораторов³⁰. Процедура *ὑραφῆ παρὰ νόμων*, проходившая в гелие, «была не средством контроля одной ветви власти – судебной – над другой – законодательной (афинские дикастерии едва ли можно рассматривать в качестве независимой ветви власти) – данная процедура давала возможность демосу для ревизии собственных решений»³¹ (курсив наш. – И. С.). Под любым из процитированных суждений охотно подпишемся и мы.

С другой же стороны, Т. В. Кудрявцева, несмотря на всё это, убежденно настаивает на полном различии экклесии (демоса) и гелиеи. В лучшем случае она готова допустить, что «афинские судьи были представителями (sic! – И. С.) суверенного демоса»³². А ведь сама же исследовательница – вот очередное противоречие в ее книге – в другом месте утверждает (и совершенно справедливо): «Следует признать несостоятельными попытки отыскать представительство в Афинах»³³.

В целом приходится констатировать, что Т. В. Кудрявцева не приводит в пользу своей позиции каких-то принципиально новых доказательств, которые

²⁹ Кудрявцева Т. В. Указ. соч. С. 415.

³⁰ Там же. С. 129–130.

³¹ Там же. С. 345.

³² Там же. С. 129.

³³ Там же. С. 426.

не высказывались бы в литературе ранее. Довод о маловероятности создания сложных специальных судебных структур в архаическую эпоху, когда система управления была еще достаточно простой, она парирует следующим контрдоводом: «...непохоже, чтобы афиняне во времена Солона представляли собой бессмысленную, запуганную толпу людей, неспособную к общественной деятельности»³⁴. Перед нами, безусловно, чисто эмоциональный аргумент «от вероятного» (оборот «непохоже, чтобы» говорит сам за себя»), усиленный разве что риторическими эпитетами, да еще утрированием противоположной точки зрения.

Этимологические соображения о происхождении и семантике термина «гелиея» Т. В. Кудрявцева отмечает: «с этой этимологией не всё безупречно»³⁵. С этимологией вообще редко когда бывает все абсолютно безупречно (хотя как раз в данном случае каких-то уж очень серьезных, непреодолимых сложностей, заставляющих отказаться от общепринятой этимологии слова, не возникает). Но главное в другом: не соглашаясь с этой общепринятой этимологией, исследовательница, по идее, берет на себя *onus probandi* – предложить и обосновать альтернативную. Она этого, естественно, не делает. В результате остаются две возможности: либо лексема ἡλιαία вообще не имеет этимологии (что было бы весьма странно), либо ее следует производить от ἥλιος ‘солнце’. Последнее, кстати, и делают некоторые античные авторы, но сама же Т. В. Кудрявцева не может не признать, что перед нами типичная *etymologia vulgaris*, порожденная единственно внешним созвучием и соответствующей игрой слов.

Итак, нет сколько-нибудь весомых оснований отказываться от единственно возможного и никем пока не поколебленного толкования термина ἡλιαία – ‘собрание, общая сходка’. Что интересно, этот элемент всеобщности в слове «гелиея» выражен даже сильнее, чем в слове «эκκλησία». Последнее все-таки несет неизбежные ассоциации с некими «избранными», «отобранными» – ἑκκλητοί (от ἑκκαλέω)³⁶. Не было ли именно «гелиея» первичным названием народного собрания, а «эκκλησία» вторичным? Или же – тоже вполне возможный вариант – хоть и ранним, но означавшим лишь ту разновидность собрания, в которой участвовали *не все граждане*, а лишь какая-то их часть? Но здесь мы затрагиваем вопрос, который ни в коей мере не может быть затронут в рамках данной работы, поскольку для его решения пришлось бы вводить обширный пласт материала, относящийся к относительной хронологии появления терминов «эκκλησία» и «гелиея», к самым ранним свидетельствам источников, в которых упоминаются первое и второе слово, к определению их точного смысла в таких свидетельствах и т. п. Это означало бы, по сути, проведение отдельного,

³⁴ Кудрявцева Т. В. Указ. соч. С. 33.

³⁵ Там же. С. 35.

³⁶ См. значения ἑκκλητος в LSJ, s.v.

самостоятельного исследования по проблеме, лишь косвенно связанной с анализируемой здесь тематикой.

Исходя из постулата, согласно которому народное собрание и народный суд в Афинах были принципиально разными органами, никак не сопряженными друг с другом³⁷, Т. В. Кудрявцева высказывает мнение, что экклесия могла отменять приговоры гелиеи. Выше мы утверждали, что это не так. Какие же факты Санкт-Петербургская исследовательница приводит в поддержку своей точки зрения? Перечислим и критически рассмотрим их³⁸.

После свержения «Тридцати тиранов» демос постановил, что судебные приговоры, вынесенные при их режиме, недействительны. Однако, судя по всему, в правление «Тридцати» гелиея вообще не функционировала, а судебные дела рассматривались экстраординарным порядком – самой правящей коллегией, а также Советом и т. п.; частные иски (*δίκαι*) не возбуждались вообще. И сама Т. В. Кудрявцева склонна признать, что «обычные суды... не заседали»³⁹, приводя ценные указания источников (Аристотеля, Исократы, Лисия, Ксенофонта). Стало быть, объявляя незаконными приговоры, вынесенные при «Тридцати», экклесия не отменяла никаких решений гелиеи.

Другие приводимые в книге примеры, долженствующие иллюстрировать верховенство экклесии над гелиеей, сводятся к нескольким случаям помилования (Алкивиад, родосец Дорией и др.) и амнистии, выносившимся народным собранием. На этом моменте просто необходимо остановиться несколько подробнее, дабы раскрыть юридическую аберрацию, лежащую в основе трактовки Т. В. Кудрявцевой.

Институты помилования и амнистии, как известно, существуют и по сей день, причем достаточно активно функционируют. Так, по нормам, принятым в большинстве современных стран (в том числе и в России), глава государства может миловать осужденных преступников, а высший законодательный орган – объявлять им амнистию. А теперь – очень тонкий нюанс. Означает ли это, что президент и парламент вправе *отменять* приговоры суда? Разумеется, нет. Ибо противное означало бы, что суды подчиняются президенту и парламенту, что те являются вышестоящими инстанциями над судебными органами. А считать так – грубая юридическая (и политическая) ошибка, поскольку по закону судебная власть является независимой и остальным ветвям власти не подчиненной.

³⁷ Она при этом называет гелиею «самым массовым народным органом» (Кудрявцева Т. В. Указ. соч. С. 112). Что же, даже более массовым, чем народное собрание? Это уж явное преувеличение.

³⁸ См. эти факты: Там же. С. 268–269.

³⁹ Там же. С. 103.

Надеемся, нам удалось разъяснить, что ни помилование, ни амнистия не суть отмена судебных приговоров, они осуществляются посредством совсем иных правовых механизмов. Так было и в античных условиях. Иными словами, рассмотренный аргумент в пользу тезиса о гелиее как органе, подчиняющемся экклесии, силы не имеет. Кстати, если бы гелиея подчинялась экклесии, то гелиасты отчитывались бы в экклесии, а источники, как мы видели выше, напротив, специально подчеркивают неподотчетность присяжных. Приговор гелиеи был всегда окончательным и безапелляционным, никакому обжалованию не подлежащим. Повторим и подчеркнем: над гелиеей не было никакой вышестоящей инстанции, куда можно было бы обращаться с обжалованием. Помилование же и амнистия ничего общего не имеют с удовлетворением прошения об обжаловании приговора.

Если считать гелиею отдельным органом, неизбежен вывод, что она имела фиксированное количество членов, которые к тому же должны были каким-то способом отбираться из массы граждан. Именно так и полагает Т. В. Кудрявцева, опираясь в данном случае на весьма почтенную историографическую традицию, которая решительно преобладает в антиковедении (особенно среди тех ученых, которые не занимались гелиеей специально): ежегодно избиралось жребием 6000 присяжных⁴⁰. Автор этих строк придерживается иного мнения, которое уже неоднократно им развернуто аргументировалось⁴¹. Мы вполне готовы признать, что в каждый конкретный момент число имевшихся в афинском полисе гелиастов составляло около 6000 человек; большая точность вряд ли уместна. И совсем уже мы не верим в ежегодную жеребьевку всего состава гелиеи. Во-первых, довольно сложно представить себе, каким образом столь широкомасштабная, даже грандиозная жеребьевка могла бы проходить, сколько времени она занимала бы и т. п.

Во-вторых – и это главное, – в источниках ничего и не говорится о такой жеребьевке, она априорно постулируется исследователями. Согласно античным авторам⁴², процедура комплектации суда оказывается совершенно иной. Каждый желающий из числа граждан, достигших тридцатилетнего возраста, мог, раз в год принеся присягу судьбы на холме Ардетт, после этого приходиться

⁴⁰ Кудрявцева Т. В. Указ. соч. С. 154 сл.

⁴¹ Кроме статьи, упомянутой в прим. 1, см. также: Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 253 сл.

⁴² Наиболее подробный рассказ: Arist. Ath. pol. 63 sqq. Но и он, во-первых, не полон, во-вторых, плохо сохранился в папирусной рукописи, так что необходимо привлечение данных и из других источников. Наиболее исчерпывающим образом работа по реконструкции функционирования гелиеи была проделана коллективом ученых под руководством А. Беджхолда. См.: Boegehold A. L. et al. The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia (The Athenian Agora. Vol. 28). Princeton, 1995.

в присутственные дни к зданиям дикастериев, участвовать в жеребьевке (точнее, в ряде последовательных жеребьевок) и, соответственно, получать или не получать право судить тот или иной конкретный процесс, войдя в состав одной из коллегий гелиеи. А когда Аристотель в цитиrowавшемся уже выше пассаже из «Политики» говорит о суде, «члены которого назначаются по жребию» (τὸ δικάσθηριον... κληρωτὸν ὄν), он тоже явно имеет в виду именно эти жеребьевки в судебные дни (ни один судья не занимал свое место, не пройдя через жребий), а не какую-то одну, большую и общую.

Между сторонниками и противниками теории о наличии или отсутствии фиксированного числа гелиастов главный спор постоянно идет по поводу одних и тех же трех свидетельств источников (Aristoph. Vesp. 661–662; Andoc. I. 17; Arist. Ath. pol. 24. 3). В первом из этих свидетельств – причем оно и самое ценное, поскольку содержится в единственном античном произведении, специально посвященном гелиею (комедии «Осы»), – сказано только то, что в Аттике есть *не более* (οὐπὼ πλείους) шести тысяч судей. Само выражение однозначно свидетельствует о том, что названа некая условная, приблизительная цифра, а вовсе не какая-то точная и фиксированная.

Во втором свидетельстве оратор Андокид утверждает, будто бы его отец Леогор «судился перед шестью тысячами афинян» (ἡγωνίσατο ἐν ἑξακισχιλίοις Ἀθηναίων) и выиграл дело. Заявлению столь тенденциозного и склонного к инсинуациям автора, как Андокид⁴³, вообще не стоит придавать доказательной силы, к тому же нужно еще учесть: в данном случае он был явно заинтересован в том, чтобы выгородить своего отца. Отметим также, что дикастерий из 6000 человек не созывался даже для процессов, несоизмеримо более важных. Было бы в высшей степени странно, если бы зачем-то вздумали собрать такую громаду для рассмотрения сравнительно ничтожного дела Леогора⁴⁴.

⁴³ Афинские судебные ораторы и в целом отнюдь не брезговали грубыми искажениями фактов. Блестящие примеры этого (в том числе из речей Демосфена против Эсхина) приводит сама же Т. В. Кудрявцева (Указ. соч. С. 232: «Современного читателя не может не поражать беззастенчивая ложь... в дошедших до нас речах афинских судебных ораторов»). А Андокид выделялся даже на этом фоне (см.: Суриков И. Е. Остракизм... С. 441).

⁴⁴ Этот процесс иногда привлекает внимание исследователей, но не из-за своей важности *per se*, а только потому, что он является первым известным из источников иском по процедуре γραφή παρανόμων. Заметим, кстати, что, по мнению Т. В. Кудрявцевой (Указ. соч. С. 346 сл.), данный тип иска был введен как раз незадолго до процесса Леогора в 415 г. до н. э. Последнее, однако, не следует ни из каких весомых доводов, если не считать *argumentum ex silentio*. Такие доказательства никогда не убеждают, и мы остаемся при прежнем своем мнении о введении γραφή παρανόμων, «скорее всего, в период реформ Эфиалты и Перикла, имевших место в середине того же столетия» (Суриков И. Е. Остракизм... С. 388). Это наше выражение Т. В. Кудрявцева (Указ. соч. С. 348) почему-то называет несколько расплывчатым. Решительно не можем понять, что же здесь расплыв-

Наконец, третье свидетельство – из «Афинской политики». В нем вроде бы однозначно (хотя и очень кратко, практически мимоходом) сказано: «было шесть тысяч судей» (δικασταὶ μὲν γὰρ ἦσαν ἑξακισχίλιοι). И, конечно, если подходить с позиций, согласно которым всё, что изрек столь великий муж, как Аристотель, являет собой истину в последней инстанции, то вопрос должен быть раз и навсегда решен: одно его заявление на чаше весов перевесит все соображения *contra*. Однако мы не будем подходить столь догматически, а, наоборот, констатируем: если пристальнее присмотреться к этой, полной чисел главе трактата о государственном устройстве афинян, то обнаруживается, что наряду с числами вполне корректными встречаются и явно недостоверные. Так, говорится, будто бы в Афинах середины V в. до н. э. было «местных властей до семисот человек, зарубежных до семисот (ἀρχαὶ δ' ἐνδημοὶ μὲν εἰς ἑπτακοσίους ἄνδρας, ὑπερόριοι δ' εἰς ἑπτακοσίους)».

Под ἀρχαὶ имеются в виду магистратуры, и приведенные цифры, конечно, выглядят сильно преувеличенными. Политическая система классической афинской демократии, безусловно, предполагала большое количество коллегияльных магистратур, но все-таки не столько же! Иначе получится, исходя из обычного для V в. до н. э. размера магистратской коллегии – 10 человек, – что самих коллегий имелось около 70. Афинские магистратуры известны хорошо (благодаря той же «Афинской политике», трудам лексикографов и др.), но сколько бы их ни считали, 70 (или хотя бы приближающееся к этому количество) все равно не насчитаем.

Речь, естественно, идет о серии реформ, начатых Эфиальтом в 461 г. до н. э., продолженных Периклом и проводившихся в общей сложности на протяжении примерно десятилетия (об этих реформах как едином, целостном процессе см.: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 24 сл.; Raaflaub K. A. Op. cit.). Или санкт-петербургскую исследовательницу не устраивает, что мы не назвали точный год введения данного института? Но на столь большую точность не дает права состояние источников. Мы хотели, предлагая датировку, сохранить ответственный характер суждения, и не нужно путать ответственность с расплывчатостью. В связи с проблемой γραφή παρανόμων не можем также не обратить внимания на следующее весьма странное рассуждение Т. В. Кудрявцевой (Указ. соч. С. 346): она аргументирует совпадение в V в. до н. э. понятий псефисмы и закона (сам по себе тезис вполне верный) тем, что «γραφή παρανόμων – жалоба на противозаконие... – могла быть направлена против любого постановления экклесии, будь оно названо псефизмой (декретом) или номосом (законом)» (курсив повсюду принадлежит Т. В. Кудрявцевой). По логике исследовательницы, противозаконным может быть только закон. Как-то даже неудобно разъяснять, что «противозаконие» означает «нарушение существующего законодательства», противозаконными могли быть и закон и псефисма, равно как и любой преступный акт. Например, воровство очевидным образом противозаконно, хоть оно и не является законом.

Еще хуже обстоит дело с «зарубежными властями», то есть с магистратами, которых афиняне посылали для надзора над полисами – членами Архэ (епископами, архонтами, фрурархами). Если их было тоже 700, то это означает, что они присутствовали в каждом из союзных городов, да еще и не по одному человеку. Но исследования политики Афин по отношению к союзникам ни дают никакого повода говорить о столь тотальном контроле со стороны полиса-гегемона⁴⁵. Это позже спартанцы после победы в Пелопоннесской войне ставили буквально во все перешедшие под их «попечение» города своих гармостов.

Сами фигурирующие здесь числа – 700 внутрполисных магистратов, 700 внеполисных – выглядят слишком уж подозрительно совпадающими, чтобы быть верными. Вообще вся 24-я глава «Афинской политики», о которой здесь идет речь, производит полное впечатление взятой из какого-то тенденциозного памфлета об Аристиде. Мы, таким образом, не можем безусловно и некритично принимать названные автором цифры⁴⁶. В любом случае напомним еще раз: в принципе мы ничего не имеем против *приблизительного* определения численности гелиастов в 6000, мы оспариваем только, что это число было строго фиксированным и предполагало ежегодное комплектование органа заново с помощью общей жеребьевки.

В связи с рассматриваемой проблематикой заметим еще, что подлинным «яблоком раздора» между нами и Т. В. Кудрявцевой являются так называемые пинакии – именные судебские таблички. Впрочем, строго говоря, спор идет не между нами, поскольку ни автор этих строк, ни Санкт-Петербургская исследовательница, естественно, этих артефактов в руках не держали и вынуждены опираться на работы тех антиковедов, которые ими специально занимались. А среди этих последних полного единства нет. Т. В. Кудрявцева апеллирует к выкладкам Дж. Кролла⁴⁷, мы – к выкладкам М. Лэнга⁴⁸. Эти маститые специалисты, надо полагать, ответственно относятся к собственным суждениям. А суждения между тем полярно противоположны, хоть и сделаны на одном

⁴⁵ См., например: *Кондратьев М. В.* Архэ и афинская демократия // *Античная Греция: Проблемы развития полиса*. М., 1983. Т. 1: Становление и развитие полиса. С. 362.

⁴⁶ С цифрами в «Афинской политике» вообще серьезные проблемы. Достаточно вспомнить безнадежную путаницу в этом трактате в связи с годами правления Писистрата, его изгнаний и новых приходов к власти (подробнее см.: *Heidbüchel F.* Die Chronologie der Peisistratiden in der Attis // *Philologus*. 1957. Bd 101. Ht. 1/2. S. 70–89). Кстати, именно у Аристотеля (правда, не в «Афинской», а в «Эгинской политике») содержится одна из самых чудовищных во всей античной традиции ошибок в числах: сказано, что якобы на Эгине было 470 тысяч рабов (Arist. fr. 472 Rose). Об абсурдности подобного утверждения см.: *Westermann W. L.* Athenaeus and the Slaves of Athens // *Slavery in Classical Antiquity*. Cambridge, 1960. P. 73–92; *Суриков И. Е.* Остракизм... С. 474. Прим. 3.

⁴⁷ *Kroll J. H.* Athenian Bronze Allotment Plates. Cambridge, MA, 1972.

⁴⁸ *Lang M.* Pinakia // *Boegehold A. L. et al.* Op. cit. P. 59–64.

и том же материале. Кролл убежден, что пинакии свидетельствуют о ежегодной жеребьевке 6000 судей, а Лэнг считает, что наоборот – они заставляют поставить такую жеребьевку под сомнение. Уж коль скоро между признанными экспертами нет согласия, то, значит, вопрос и действительно не столь прост и ответ не столь однозначен, как представляется Т. В. Кудрявцевой.

Мы, впрочем, готовы сделать одну уступку по сравнению со своей предшествующей позицией. Пожалуй, мы выражались слишком категорично и явно неудачно, утверждая, что пинакий выдавался судье раз и навсегда (этому противоречит тот факт, что на ряде пинакиев имена наносились два или несколько раз, со стиранием предыдущих), что афинянин, попав в списки гелиастов, вплоть до смерти не имел необходимости в продлении полномочий. В действительности ситуация была несколько сложнее. Да, новых переизбраний (путем ли жеребьевки или каким-нибудь иным способом) дикасту действительно не требовалось, поскольку не было никакого первого избрания. Но все-таки имелась процедура, которую никак нельзя было обойти: ежегодное принесение судейской присяги на Ардетте (напомним, кстати, что и сам современный термин «присяжный» – именно от присяги).

Насколько нам представляется, единственно возможным контекстом для смены владельцев пинакиев является именно принесение присяги. Иными словами, конкретный механизм был таким. Гражданин, который входил в число судей и хотел остаться в нем также на следующий год, приходил на Ардетт в день присяги, приносил ее и сохранял свой пинакий. А тот, кто по какой-либо причине (нежелание продлить обязанности судьи или физическая невозможность прибыть, например отсутствие в этот момент в Аттике) на присягу не являлся, из состава гелиен выбывал; соответственно, он обязан был сдать пинакий, который передавался другому лицу, с переправкой имени на табличке. Разумеется, если афинянин через год-другой желал возобновить свое членство в суде присяжных, он снова приходил на очередную присягу и получал новый пинакий.

Не сомневаемся, что Т. В. Кудрявцева будет настаивать на правоте собственной точки зрения, а нашу называть умозрительной реконструкцией. Но ведь и принимаемое ею построение имеет точно такой же умозрительный характер, обладая лишь тем (кажущимся) плюсом, что оно придумано давно и широко распространено в историографии. На самом деле наша реконструкция, по крайней мере, согласуется с данными источников (в которых о ежегодной присяге судей сообщается вполне недвусмысленно и однозначно), а тезис о связи смены пинакиев с общей жеребьевкой – не согласуется (ибо о такой жеребьевке в источниках, как мы видели, ничего не сказано). Санкт-петербургская исследовательница опять отступает от настойчиво декларируемого ею принципа *ex ipso fonte*. Или, точнее, в роли *fontis* выступают для нее мнения авторов Нового времени.

Один из доводов Т. В. Кудрявцевой, которым она пользуется в полемике с автором этих строк по вопросу о способе комплектации гелиеи, звучит особенно странно:

Утверждение о том, что судей вообще никто не считал и было их столько, сколько желающих «регистрировалось» в качестве дикастов, принося присягу, находится в вопиющем противоречии со всей судебной практикой: делением гелиеи на дикастерии... с *определенным* количеством дикастов... и системой распределения по палатам, ...которая подразумевает все же *конечное* число действующих судей и просто не могла бы функционировать, если б вдруг большое количество афинян... вдруг вздумало явиться, чтобы отобраться, например, на какой-нибудь громкий процесс⁴⁹.

Вновь перед нами развязно-риторический стиль («вопиющий», «вздумало»...), и вновь этой риторикой подменяется логика аргументации. Во-первых, из фиксированного количества членов в каждой конкретной коллегии дикастов *ни в малейшей мере* не вытекает, что и общее число дикастов было тоже фиксированным. А если вытекает – то пусть Т. В. Кудрявцева покажет почему, а не ограничивается декларированием. Скажем, все коллегии магистратов комплектовались из числа членов еkkлeсии и все они тоже были фиксированными по количеству членов; по анализируемому нами здесь ходу мысли, численность еkkлeсии тоже, получается, являлась фиксированной?

Во-вторых, никто никогда и не утверждал, что число действующих судей было *бесконечным*; это звучало бы очевидным абсурдом и подразумевало бы бесконечное количество граждан в Афинах. Наконец, в-третьих, ситуация, описанная в вышеприведенной цитате как якобы невозможная (на громкий процесс пришло слишком много желающих отобраться в судьи), на деле была не только возможной, но и регулярно повторялась. Естественно, в присутственные дни к зданиям дикастериев сплошь и рядом приходило больше потенциальных судей, чем требовалось. Осуществлялся ряд жеребьевок⁵⁰; по их

⁴⁹ Кудрявцева Т. В. Указ. соч. С. 155. Курсив принадлежит Т. В. Кудрявцевой.

⁵⁰ На протяжении IV в. до н. э. эти жеребьевки поступательно усложнялись (см. диахронную реконструкцию: Boegehold A. L. Three Court Days // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 165–182). Одна из преследовавшихся целей заключалась в том, чтобы тяжущиеся стороны вплоть до начала процесса не знали, кто именно будет их судить, – во избежание подкупа или иного воздействия с их стороны на судей. Т. В. Кудрявцева (Указ. соч. С. 160) все-таки считает, что, когда дикаст шел от места жеребьевки к конкретному помещению, где должен был проходить «его» процесс, «по дороге тяжущиеся или их приятели могли попытаться его улестить, подкупить или, напротив, запугать (чем? как? – И. С.)». Нашему взору представляется пикантная картина: дикасты – несомненно, общей массой, всей коллегией, а не вразброд, – следуют к месту суда, а в это время к ним (или к каким-то из них?) подбегает некие граждане и то

итогах кто-то из желающих попадал в число коллегий, призванных в данный день к работе, а кому-то приходилось отправиться домой несолоно хлебавши и, главное, без заветного триобола. Потому-то дикасты и старались явиться «с утра пораньше»: для пришедших позже шанс принять участие в процессе резко снижался⁵¹.

Кстати, высказанное соображение позволяет теоретически допустить возможность того, что и фиксированный по численности общий состав гелиеи – если мы признаем таковой – мог достигаться без всякой жеребьевки, а таким же образом: когда приносили присягу на Ардетте, первых 6000 пришедших граждан допускали к ней, и они тем самым становились дикастами, а далее допуск прекращался. Но, впрочем, это предположение будет в полном смысле слова «игрой ума», на прямых сообщениях источников не основывающейся. Тем более что – повторим снова и снова – сама эта фиксированная численность представляется более чем сомнительной.

В частности, тем, кто на ней настаивает (в том числе и Т. В. Кудрявцевой), придется утверждать, что в случае смерти гелиаста (а такие случаи, разумеется, бывали – вспомним судейские пинакии, найденные в могилах) проводилась досрочная дополнительная жеребьевка на его место – подобно тому, как в наши дни проводится досрочное голосование, если умирает депутат. Однако ничего подобного, естественно, не происходило. Стало быть, судей в любой момент могло стать не 6000, а 5999 или, скажем, 5967 – очередное свидетельство того, что пресловутые «шесть тысяч» – скорее некое магическое заклинание, нежели реалия.

ли суют деньги у всех на виду, то ли угрожают (сколько же их должно быть, этих «приятелей тяжущихся», чтобы запугать целую колледию?!). Взятки никогда не даются прилюдно, всегда только конфиденциально, а тут такой ситуации заведомо не возникало. Не говорим уж о том, что само тайное голосование исключает эффективный подкуп, поскольку никак нельзя было проконтролировать, «отработал» ли присяжный свою взятку, проголосовал ли так, как от него требовали. За афинской гелиеей числилось, никто не спорит, множество грехов (правовой дилетантизм, произвол и т. д.), но вот сколько-нибудь серьезной коррупции, похоже, среди этих грехов не было.

⁵¹ Парадоксальным образом наши слова звучат практически в унисон со словами самой же Т. В. Кудрявцевой: «Потенциальные дикасты выстраивались с утра пораньше в очередь перед судом, запускались в порядке прибытия, пока не набиралось необходимое количество, после чего двери закрывались» (*Кудрявцева Т. В.* Указ. соч. С. 158). «Дикасты, которым не повезло... расходились домой не солоно хлебавши» (Там же. С. 159). По меньшей мере странно, что исследовательница в одном месте своей монографии признает подобную ситуацию возможной и нормальной, а в другом месте (три странички выше!) высказывается о той же ситуации как о невозможной (в полемическом задоре?). Опять внутреннее противоречие в работе, «плюрализм мнений в одной голове»...

Тем более что – повторим мысль, нами уже и ранее высказывавшуюся, – официальное ограничение (законом или иным нормативным актом) численности судей той или иной конкретной цифрой окажется особенно далеким от принципов афинской демократии, если мы еще раз вспомним, что гелиея и экклесия, по сути, были двумя «ипостасями» одного феномена, двумя «лицами» державного демоса. Следовательно, обозначить конкретное количество присяжных – практически то же самое, что обозначить конкретное количество граждан в экклесии. А подобного рода меры были характерны отнюдь не для демократии, а для олигархии.

Настаиваем и будем настаивать: афинские гелиасты – не представители гражданского коллектива, не «депутаты»! Они – сам этот гражданский коллектив в одной из своих функций. Такая и только такая картина соответствует данным наиболее репрезентативных источников – «Ос» Аристофана, речей судебных ораторов.

АРХИВЫ В АНТИЧНОЙ ГРЕЦИИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА (НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ)*

Наверное, тривиальностью будет констатировать тот факт, что для представителей большинства гуманитарных наук архивы имеют весьма большое значение¹. И тем не менее это высказывание, видимо, парадоксальным образом применимо не ко всем гуманитариям. В частности, автор этих строк честно и покаянно признается, что, дойдя в научном плане «до степеней известных», являясь автором четырех сотен опубликованных работ, он, тем не менее, ни разу в своей жизни не был в архивах и даже, прямо говоря, не очень себе представляет, как ныне архив выглядит (но речь-то здесь пойдет об античных архивах, которые в любом случае выглядели совершенно иначе).

Таков уж удел российского историка-антиковеда (разумеется, здесь не имеются в виду исследователи, занимающиеся историей российского антиковедения; так, И. В. Тункина – виднейший архивист). Мы в поисках материалов для своих исследований можем идти куда угодно – в библиотеку, в музей, в лапидарий или иное хранилище артефактов, выезжать на археологические раскопки, в конце концов. Но уж куда мы точно не отправляемся – так это в архив (если, конечно, не иметь в виду какие-нибудь мелкие локальные архивы, как, например, мой собственный архив, который, естественно, с течением десятилетий накопился у меня, как и у любого другого ученого, или архив нашего дорогого друга и коллеги А. А. Завойкина², который намного ценнее, поскольку содержит никогда и нигде не публиковавшиеся отчеты о раскопках Фанагории и других античных памятников на территории нашей страны).

Однако – и вот тут время перейти к основной проблематике данной работы – в Древней Греции как таковой архивы конечно же существовали. И более

* Впервые опубликовано в: Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки. М., 2017. С. 855–865.

¹ См. хотя бы (в самой общей форме): *Wells S. Claiming the Archive for Rhetoric and Composition // Rhetoric and Composition as Intellectual Work. Carbondale; Edwardsville, 2002. P. 55–64.*

² См. его последний фундаментальный труд: *Завойкин А. А. Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь; Керчь, 2013.*

того, использовались представителями исторической науки³, то есть в какой-то (порой немалой) степени обеспечивали их деятельность. Вот об этих-то древнегреческих архивах и пойдет далее речь.

Они фиксируются уже во II тыс. до н. э., в т. н. дворцовых царствах микенской эпохи⁴. Специфика тогдашних архивов, как известно, заключалась в следующем. Алфавит еще не был изобретен; использовалась достаточно сложная для изучения и использования слоговая письменность (силлабарий), которую в науке принято называть линейным письмом В (поскольку линейное письмо А – это письменность критян-минойцев, созданная на догреческом языке и пока еще, к сожалению, в полной мере не расшифрованная⁵).

Так называемые архивы тогдашней эпохи были весьма своеобразными. Они состояли из глиняных табличек, на которых дворцовые писцы делали «расходно-приходные» надписи. Таблички, судя по всему, не предназначались для длительного хранения; предполагалось, что ненужные данные, содержащиеся на них, будут уничтожены (они, кстати, именно так и погибли бы, если бы не пожары в дворцах Пилоса и Кносса, закалившие глину и позволившие даже современным ученым – через три с лишним тысячи лет! –

³ Применительно, например, конкретно к Аристотелю (к его историко-политическому труду «Афинская полития») это наблюдение было сделано – на разном материале – одновременно аж тремя антиковедами (*Chambers M. Aristotle and his Use of Sources // Aristote et Athènes. P., 1993. P. 39–52; Rhodes P. J. «Alles eitel Gold»? The Sixth and Fifth Centuries in Fourth-century Athens // Aristote et Athènes. P., 1993. P. 53–64; Stroud R. S. Aristotle and the Athenian Homicide // Aristote et Athènes. P., 1993. P. 203–221*).

⁴ *Steele P. M. A Comparative Look at Mycenaean and Near Eastern Bureaucracies: 'Bilateral' Documentation in the Linear B Archives? // Kadmos. 2008. Bd 47. S. 31–49; Беликов А. М. О временной последовательности создания пилосских табличек серий Aa, Ab и Ad // ВДИ. 2011. № 1. С. 61–73*. Помнится мне, незабвенный А. А. Молчанов (в работах которого – итоговой из них стала монография: *Молчанов А. А. Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н. э. (Проблемы источниковедения минойстики и микенологии)*. М., 2000 – тематика ахейских глиняных архивов занимала тоже немалое место) незадолго до своей безвременной кончины очень положительно отзывался о работе молодого ученого А. М. Беликова, с которой он, к сожалению, смог ознакомиться только в рукописи; на момент выхода статьи, увы, А. А. Молчанова уже не было среди нас.

⁵ Ближе всех к ее расшифровке приблизился, пожалуй, безвременно ушедший из жизни наш соотечественник, сердечный друг автора этих строк А. А. Молчанов. См. (помимо вышеупомянутой работы: *Молчанов А. А. Социальные структуры...*) еще: *Молчанов А. А. Посланцы погибших цивилизаций (Письмена древней Эгеиды)*. М.: Наука, 1992, а также его вклад в коллективную монографию: *Молчанов А. А., Герознак В. П., Шарыпкин С. Я. Памятники древнейшей греческой письменности (введение в микенологию)*. М., 1988.

в результате раскопок А. Эванса и К. Блегена читать надписи, сохранившиеся вопреки воле их создателей), а нужные – перенесены на какой-то иной материал.

На какой? Уж точно не на бумагу, которая была изобретена лишь в раннем средневековье китайцами. Полагаем, что на кожу, поскольку именно куски кожи (διδφθέραι) использовались древними греками для письма и впоследствии, в период ранней архаики, пока не стал относительно широкодоступным папирус из Египта.

* * *

Далее, как известно, наступают «Темные века»⁶, характеризующиеся, так сказать, «провалом» в письменной традиции древних греков. Слоговая письменность была забыта во всем эллинском мире, кроме отдаленного Кипра⁷. Однако где-то на рубеже IX–VIII вв. до н. э.⁸ у эллинов появился, будучи впервые в мире изобретен именно ими, новый, наиболее совершенный тип письма – алфавит⁹ (в общем-то, ничего лучшего по сравнению с ним для передачи человеческих мыслей с тех пор не было придумано, так что мы должны глубоко поблагодарить «сынов Эллады» за этот их очередной громадный вклад в культуру человечества).

И вот только с этого момента (а на самом деле даже с еще более позднего времени) можно говорить о каких-либо архивах в античной Греции. Прежде чем переходить к дальнейшему, отметим, что наибольший вклад в изучение

⁶ К их характеристике см. нашу работу: *Суриков И. Е.* «Темные века» в Греции (XI–IX вв. до н. э.) – первый переходный период в истории европейской цивилизации // *Переходные периоды во всемирной истории: Трансформация исторического знания.* М., 2012. С. 13–38 (со ссылками на предшествующую литературу вопроса).

⁷ Роль Кипра в истории античной греческой цивилизации – отдельный большой вопрос, в который в рамках данной работы мы никак не можем углубляться, поскольку это увело бы нас далеко в сторону от основной ее проблематики. В качестве самого общего обзора полезна работа: *Karageorghis V.* *Aspects of Everyday Life in Ancient Cyprus: Iconographic Representations.* Nicosia, 2006. Конкретно же в связи с кипрским силлабарием см. коллективный труд: *Syllabic Writing on Cyprus and its Context* / Ed. by P. M. Steele. Cambridge, 2013.

⁸ О древнейшей из известных древнегреческих алфавитных надписей см.: *Ridgway D.* *Greek Letters at Osteria dell'Osa* // *Opuscula Romana.* 1996. Vol. 20. P. 87–97.

⁹ По ранней истории древнегреческого алфавита классическим и поныне является труд *Jeffery L. H.* *The Local Scripts of Archaic Greece: A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eighth to the Fifth Centuries B.C.* Oxf., 1963. Из теорий происхождения алфавита нам в наибольшей степени импонирует та (греки создали алфавит, чтобы записать поэмы Гомера), которая наиболее аргументированно изложена в монографии: *Powell B. B.* *Homer and the Origin of the Greek Alphabet.* Cambridge, 1991.

древнегреческих архивов внес американский ученый Джеймс Сикинджер. Он, в частности, опубликовал книгу «Общественные записи и архивы в классических Афинах»¹⁰; но и в его статьях¹¹ аналогичная проблематика отражена в максимально возможной степени. Поневоле приходится и нам в своих выкладках во многом ориентироваться на разработки зарубежного коллеги¹².

Итак, в чем же заключалась специфичность архивов в античных греческих полисах? Прежде всего, понятно, что уж коль скоро архивы были, то в них должны были храниться документы, в которых имелась нужда (актуальная или потенциальная). Приведем хотя бы такой пример.

В 480 г. до н. э. громадная персидская армия под предводительством Ксеркса двигалась на Афины. Афинянам пришлось срочно эвакуироваться, покинуть родной город (и он действительно был на время захвачен персами). В Афинах на тот момент существовали два свода законов – законы Драконта¹³ и законы Солона¹⁴. Первые были (с некоторыми исключениями) отменены как устаревшие, но, судя по всему, все-таки сохранялись. Вторые являлись действующим законодательством. Думається, праздным, бессмысленным будет вопрос: какие именно законы они при эвакуации захватили с собой, а какие оставили погибать.

Естественно, сохранены были действующие законы – законы Солона. А законы Драконта, кстати, ввиду потери их аутентичных записей были со временем порядком подзабыты и превратились, так сказать, в «мнимую

¹⁰ *Sickinger J. P.* Public Records and Archives in Classical Athens. Chapel Hill; L., 1999. Почему акцент в этой работе был сделан именно на Афины – будет ясно из дальнейшего изложения.

¹¹ *Sickinger J. P.* The Laws of Athens: Publication, Preservation, Consultation // The Law and the Courts in Ancient Greece. L., 2004. P. 93–109; *Sickinger J. P.* The Bureaucracy of Democracy and Empire // The Cambridge Companion to the Age of Pericles. Cambridge, 2007. P. 196–214.

¹² Представляет интерес также опубликованная на итальянском языке работа: *Boffo L.* Ancora una volta sugli «archivi» nel mondo greco: conservazione e «pubblicazione» epigrafica // *Athenaeum*. 1995. Vol. 83. P. 91–130, кстати опередившая по времени основные разработки Сикинджера.

¹³ О которых см.: *Carawan E.* Rhetoric and the Law of Draco. Oxf., 1998.

¹⁴ Литература о законах Солона колоссальна. Впрочем, образцовым и по сей день остается издание Э. Рушенбуша (*Ruschenbusch E.* ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwertes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden, 1966). Да, конечно, и у этого издания есть свои недостатки (о главных из них см.: *Scafuro A. C.* Identifying Solonian Laws // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden; Boston, 2006 P. 175–196). Но тем не менее по сравнению с выпедшим примерно в то же время изданием А. Мартини (*Martina A.* Solone: Testimonianze sulla vita e l'opera. Roma, 1968) оно производит куда более приятное впечатление.

реальность»¹⁵. Впрочем, солоновские законы были тоже со временем сильно изменены¹⁶.

Как известно, нужду в данных архивов всегда ощущает в первую очередь бюрократия (ну и, естественно, ученые-историки, но таковые в классической Греции как раз в архивы ходили редко, в основном пользуясь материалом, почерпнутым либо из устной традиции¹⁷, либо из уже опубликованных трудов своих же предшественников).

Так вот, что касается бюрократии: по большому счету, общим местом в исследованиях античного полиса является то положение, что полисная форма государственности вообще не предусматривала бюрократии. И это, на наш взгляд, вполне соответствует действительности. Все общественные решения в условиях полисного типа государственности принимались в обстановке обязательной публичности, не отдавались «на откуп» каким-то там канцеляриям. Главной функцией закона или любого иного постановления, государственного акта¹⁸ было не храниться где-либо в архиве, а быть выставленным в таком месте, где бы с ним мог ознакомиться каждый гражданин.

Если уж применять совсем строгие определения, некоторые зачатки бюрократии в античных греческих полисах (ближе к концу их существования) все-таки складывались. Речь идет в первую очередь о должности, которая в оригинальном тексте источников обозначается термином *γραμματεὺς* (грамматей), но вот как понимать сам этот термин – единого мнения нет, по данному вопросу даже имела место некоторая полемика между С. Г. Карпюком и автором этих строк. Первый¹⁹ предлагает переводить его как ‘писец’, второй²⁰ – как ‘секретарь’.

Но дело, собственно говоря, даже не в нюансах перевода; главное – уяснить, в чем заключалась основная функция должностных лиц, о которых идет речь. А для этого следует отдавать себе отчет о том, как работала процедура принятия решений в афинском народном собрании²¹ (необходимо исходить

¹⁵ Суриков И. Е. О некоторых мнимых реальностях в античной и современной историографии древних Афин // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 239–250.

¹⁶ Carawan E. The Athenian Amnesty and Reconstructing the Law. Oxf., 2013.

¹⁷ Thomas R. Oral Tradition and Written Record in Classical Athens. Cambridge, 1992; в более широком контексте см.: Thomas R. Literacy and Orality in Ancient Greece. Cambridge, 1999.

¹⁸ Об этих актах (которые в греческой античности именовались псефисмами, а ныне их часто определяют как «декреты») см.: Rhodes P. J., Lewis D. M. The Decrees of the Greek States. Oxf., 1997.

¹⁹ Карпюк С. Г. Писцы афинской демократии // ВДИ. 2009. № 1. С. 161–166.

²⁰ Суриков И. Е. Афинские граждане архаической и классической эпох как писцы // Вестник РГГУ. 2013. № 17 (118). С. 181–204.

²¹ По этой тематике основополагающей остается монография М. Хансена (*Hansen M. H. The Athenian Assembly: In the Age of Demosthenes. Oxf., 1987*) и дополняющие ее сборники

именно из опыта Афин, прежде всего потому, что «львиная доля» находящейся в нашем распоряжении информации о классической Греции по ряду причин, о которых здесь не место говорить, исходит именно от афинских авторов).

В еkkлeсии проходили дебаты, затем посредством голосования (как правило, прямого и открытого, лишь в очень редких случаях применялось тайное)²² принимались постановления (псефисмы). Какие-то из этих псефисм со временем переносились на прочный материал (т. е. собственно говоря, выбивались мастерами на каменных стелах, и в таких случаях уже в сам текст декрета вводилась соответствующая оговорка), а какие-то из них подобному увековечению не подлежали. Но ведь в любом случае первоначальной письменной фиксации подлежали все постановления. Забота о такой фиксации лежала на тех самых «грамматях» (как бы сей термин не переводить – «писцы» или «секретари»), но в контексте данной работы наиболее важно, на чем она осуществлялась и – самое главное – где соответствующие тексты могли храниться.

Относительно материала. Всем известно, что школьники в Греции писали свои упражнения на деревянных дощечках, покрытых воском. Для работы с ними употреблялась деревянная палочка (стиль), по форме напоминавшая хорошо знакомый карандаш (но только без грифеля): один конец заостренный, другой – тупой. Первый служил для нанесения букв на мягкий воск, второй – для того, чтобы их стирать и делать поверхность вновь гладкой, пригодной для дальнейших записей.

Строго говоря, совершенно нельзя исключать, что древнегреческие «граммати» также оперировали аналогичными табличками. Но эти последние, естественно, подходили только для самой первоначальной фиксации текста; сколько-нибудь долго буквы на воске, конечно же, сохраняться не могли. Соответственно, записи публичного характера должны были переноситься, скорее всего, на папирус. Потому-то мы их ныне и не имеем в своем распоряжении, поскольку климатические условия Греции²³ не способствовали и не способствуют сохранению папирусных текстов²⁴.

статей того же автора (*Hansen M. H. The Athenian Ecclesia: A Collection of Articles 1976–1983. Copenhagen, 1983; Hansen M. H. The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983–1989. Copenhagen, 1989*).

²² Все случаи тайного голосования в Афинах разобраны нами в: *Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006*.

²³ О которых см. (в самом общем виде): *Карпюк С. Г. Климат и география в человеческом измерении (архаическая и классическая Греция). М., 2010*.

²⁴ В Египте таковые неплохо сохраняются. Подавляющее большинство дошедших до нас папирусных памятников (в том числе и на древнегреческом языке) открыто именно там (можно было бы привести массу литературы, но ограничимся ссылкой на обобщающий труд: *Bagnall R. S. Reading Papyri, Writing Ancient History. L.; N. Y., 1995*). Однако по понятным

А теперь возвращаемся к важнейшей для нас проблеме: где хранились эти самые папирусные тексты? Сколько-нибудь детально можно говорить в данной связи только об Афинах. В одном лишь этом полисе, необычайно крупном и развитом по эллинским рамкам, документация существовала в достаточном обилии для того, чтобы потребовать создания архива как такового, архива в нашем понимании – то есть специального здания для хранения документов.

И такое здание, естественно, появилось. Располагалось оно на афинской Агоре, главной площади города (на ее западной стороне, наиболее импозантной с архитектурной точки зрения), и парадоксальным образом носило название «Метроон», что обозначает «Храм Матери». Имеется в виду Мать Богов – восточное (в основном малоазиатское) божество, которое с V в. до н. э. начало почитаться также и в Элладе²⁵, отождествляясь чаще всего с древнейшей греческой богиней Реей, супругой тирана Крона и, соответственно, родительницей Зевса и других олимпийских богов. Фигурировала Мать Богов (или Великая Мать – ее и так называли) также под именем «Кибела»²⁶.

Почему афинский государственный архив хранился в храме – здании, на наш современный взгляд не слишком-то подходящем для подобной функции? Как раз на этот вопрос ответить достаточно легко. В любом древнегреческом полисе религия являлась государственной; собственно, не было отдельных религиозных институтов, они полностью сливались с институтами государства, так что в известной мере полис был «сам себе церковью»²⁷. Соответственно, храмы являлись достаточно важными общественными зданиями, имевшими не только чисто сакральные, но и вполне гражданские функции. У греков, например, и казнохранилища обычно находились в храмах; считалось, что там деньги сохраннее, поскольку находятся под охраной богов, да и к тому же попытка похищения денег в таком случае оказывалась уже не обычным ограблением, а святотатством, что подпадало под категории куда более серьезных правонарушений – это должно было отпугнуть потенциальных преступников.

причинам в Египет вряд ли могли в заслуживающем внимания количестве попадать древнегреческие папирусные официальные документы. В отличие от памятников литературы, философии и т. п., они там были просто ни к чему.

²⁵ *MumM. The Mother of the Gods, Athens, and the Tyranny of Asia: A Study of Sovereignty in Ancient Religion. Berkeley, 2006.*

²⁶ *Näsström B.-M. Cybele and Aphrodite: Two Aspects of the Great Goddess // Aspects of Women in Antiquity: Proceedings of the First Nordic Symposium on Women's Lives in Antiquity. Jonsered, 1998. P. 29–43.*

²⁷ Подробнее см.: *Суриков И. Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис. Курс лекций. М., 2010. С. 23 сл.*

А вот почему архив в Афинах находился именно в данном храме (который, отметим, был не слишком большим по размерам) – проблема более сложная, нельзя с ходу найти ее однозначное решение. Это попытался сделать Сикинджер в упоминавшейся выше монографии²⁸. Не хотим, разумеется, близко к тексту пересказывать аргументацию упомянутого ученого в связи с данным кругом вопросов, но основные выводы, к которым он пришел, думается, имеет смысл привести.

Прежде всего, Метроон был удобен именно тем, что стоял на Агоре, в этом средоточии всей общественной жизни государства. В частности, рядом с ним, буквально бок о бок, располагался булевтерий – возведенное на рубеже VI–V вв. до н. э.²⁹, то есть во времена создания афинской демократии Клисфеном, сооружение для заседаний Совета Пятисот – одного из важнейших политических органов.

Главная прерогатива этого последнего заключалась в том, что именно на него возлагалось предварительное рассмотрение и обсуждение всех законодательных и иных инициатив, которые только после этого направлялись для окончательного принятия в народное собрание (экклесию). Конкретизируем ситуацию. Если кто-либо из граждан хотел предложить постановление, он не мог идти с ним непосредственно в экклесию, а должен был обязательно обратиться в Совет Пятисот. Если Совет одобрял предложение, то составлялась *пробулевма*, то есть, выражаясь современным языком, законопроект. На ближайшем заседании народного собрания *пробулевма* зачитывалась и, после дискуссии по ней, голосованием принималась (или, естественно, не принималась либо же принималась с поправками – случалось и такое).

Как бы то ни было, *пробулевмы* имели уже письменную форму и тем самым являлись документами, а документ, само собой, нужно же где-то хранить (хотя бы до того момента, когда он из законопроекта превратится в закон). В самом булевтерии сколько-нибудь обширных мест для хранения не предусматривалось, в нем был только зал заседаний; поэтому более чем логичным представлялось приспособить для подобных целей самый близкий храм, а таковым и являлся Метроон.

Сикинджер полагает, присоединяясь в этом вопросе к мнению большинства, что приспособление Метроона под архив произошло в последнее десятилетие V в. до н. э. Эта эпоха в афинской истории, вообще говоря, была весьма бурной; она характеризовалась тяжелыми военными поражениями, чередой государственных переворотов и, как следствие, обострением споров о необходимых реформах, которые сделали бы политическую систему более стабильной

²⁸ Sickinger J. P. Public Records... P. 105 ff.

²⁹ Shear T. L. *Ιστονόμεους τ' Ἀθήνας ἐποποισάτην*: The Agora and the Democracy // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 228.

и прочной. В конце концов, сошлись на том, что нужно в большей степени, чем раньше, уважать принципы законности³⁰.

Одним из косвенных последствий новой, набирающей силу тенденции стало резкое возрастание письменного элемента в государственной жизни, в судопроизводстве³¹, да и, пожалуй, во всех сферах культуры³², которая ранее имела в значительной степени устный характер. Можно выразиться и так: куда больше стало всяческого делопроизводства, а стало быть – и продуктов этого самого делопроизводства. Соответственно, и вопрос о хранении этих последних был теперь актуальнее, нежели прежде.

Правда, архив Метроона на протяжении еще какого-то времени продолжали в обиходной речи по инерции называть «архивом булевтерия»; такому смещению способствовало и следующее обстоятельство: два здания находились настолько близко друг к другу, что многими могли восприниматься как единый комплекс. Есть и такая версия, получающая определенные подтверждения из археологического материала: к концу V в. до н. э. клисфеновский булевтерий стал уже казаться тесным, неудобным для заседаний Совета, и, как следствие, рядом возвели новый. А помещение старого булевтерия передали целиком Метроону (ранее там, похоже, был только алтарь Матери Богов). Отсюда – и неразбериха в обозначениях: архивное строение могли именовать и «по старинке» (архив булевтерия), и «по новой моде» (архив Метроона). Даже у ораторов IV в. до н. э. наблюдается «разнобой» в данной связи³³.

В Метрооне – этом главном афинском архиве – хранились не только законопроекты, а также, например, данные финансовой отчетности и др. Помимо прочего, там, вне сомнения, находился и оригинал такого основополагающего для всего бытия афинского полиса документа, каковым был список эпонимных архонтов³⁴. Он был важен тем, что по нему вычислялся возраст каждого афинского гражданина.

³⁰ Этот процесс наиболее детально описан в фундаментальном исследовании: Ostwald M. From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law: Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens. Berkeley, 1986.

³¹ Boegehold A. L. et al. The Lawcourts of Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia. Princeton, 1995. P. 30 ff.

³² Wallace R. P. Speech, Song and Text, Public and Private. Evolution in Communications Media and Fora in Fourth-Century Athens // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 199–217.

³³ Sickinger J. P. The Laws... P. 106.

³⁴ Наиболее детальное исследование о нем, с попыткой максимально полной реконструкции документа на основе сохранившихся фрагментов: Bradeen D. The Fifth-Century Archon List // Hesperia. 1964. Vol. 32. No. 2. P. 187–208.

Тут необходимо небольшое пояснение. В рамках нынешних систем летосчислений, зиждущихся на цифрах, каждый легко определяет свой возраст: если я родился в 1965 г., а ныне 2016 г., то мне 51 год. Совершенно иначе было в античности, когда год определялся не цифрой, а именем эпонимного магистрата³⁵. Я родился в архонтство Коменя, а ныне архонтство Лисагора. Сколько мне сейчас лет и подлежу ли я еще призыву на военную службу или уже освобожден от этой повинности?

Кстати, успокоить нашего гипотетического призывника, увы, не удастся. Если он родился в год архонтства Коменя (561/560 г. до н. э.), то в год архонтства Лисагора (509/508 г. до н. э.)³⁶ он еще вполне входил в возраст военнообязанных³⁷.

Итак, к списку архонтов должен был обращаться по различным поводам каждый афинский гражданин – и почти с той же частотой, с какой мы, скажем, обязаны представлять разным инстанциям свой паспорт или его данные. Безусловно, этот список, выбитый на каменной стеле, стоял и в публичном месте, на Агоре. Однако вряд ли можно даже допустить, что экземпляр столь важного текста отсутствовал в архиве. Тем более что список, естественно, каждый год пополнялся новым именем, которое, разумеется, незамедлительно включалось и в архивную копию также.

Стоит отметить также, что именно в архиве Метроона, а не где-либо, должны были храниться (а иначе они, скорее всего, не сохранились бы вообще) такие исключительно интересные памятники (в те времена еще вполне относившиеся к государственным), как дидаскалии³⁸.

Безусловно, необходимо несколько слов для неспециалистов о том, «что сие есть». Термин «дидаскалии» происходит от слова διδάσκαλος ('учитель', в первую очередь применительно к драматургу, поскольку в Афинах он же, как правило, выступал и режиссером своих пьес³⁹). Постановка драм в классическом афинском полисе, как известно, являлось делом глубоко государственным. Ежегодно архонтом-эпонимом выдавалось разрешение трем трагедигра-

³⁵ К проблемам античных летосчислений, пожалуй, следует указать не особо сложный для неспециалистов труд *Samuel A. E. Greek and Roman Chronology: Calendars and Years in Classical Antiquity*. München, 1972.

³⁶ Даты архонтатов даем, естественно, по главному на сей счет справочнику: *Develin R. Athenian Officials 684–321 B.C.* Cambridge, 2003.

³⁷ Таковой, пишет В. В. Латышев, простирался от 18 до 60 лет (*Латышев В. В. Очерк греческих древностей: Государственные и военные древности*. СПб., 1997. С. 250). Автор этих строк считает, что верхнюю границу следовало бы сократить до 59 лет, но в аргументацию не будем вдаваться, поскольку в контексте данной работы вопрос не принципиален.

³⁸ *Sickinger J. P. Public Records...* P. 41 ff.

³⁹ См. применительно к Софоклу: *Marshall C. W. Sophocles Didaskalos // A Companion to Sophocles*. Oxf., 2012. P. 187–203.

фам и трем комедиографам показать свои творения. Авторы получали финансирование (не из государственных средств, а через институт хорегии – одной из литургий⁴⁰), набирали хор, актеров и, соответственно, ставили драмы.

Из сохранившихся дидаскалий следует немало весьма интересных вещей. Например: что хорегом знаменитой трагедии Эсхила «Персы» являлся, как бы это ни звучало удивительным, не кто иной, как 22-летний юноша Перикл⁴¹, которому только еще предстояло стать величайшим деятелем классической Эллады. Или: что трагедия того же Эсхила «Просительницы» была им написана не в самом начале V в. до н. э., как раньше считалось, а ближе к концу 460-х гг. до н. э.⁴² Мелочи? Отнюдь не мелочи! Напротив того, это очень важные нюансы для понимания нами, историками античности, самого хода основных событий ключевой для судьбы Эллады эпохи.

* * *

Каков был древнегреческий термин, который бы мог соответствовать (пусть даже приблизительно) нашему термину «архив»? Сикинджер, который, повторим, более скрупулезно, чем кто-либо, занимался всей этой «архивной» проблематикой в античной Греции (в основном, конечно, в классических Афинах), считает возможным утверждать, апеллируя к некоторым пассажам из источников, что таковым было слово τὸ δημόσιον⁴³.

С этим, пожалуй, в целом можно согласиться, но все-таки сделав одну немаловажную оговорку. Только что приведенная древнегреческая лексема является, в сущности, субстантивированной в среднем роде формой прилагательного δημόσιος, которое, со своей стороны, имело весьма широкий спектр значений (основные из них – ‘народный’, ‘публичный’, ‘общественный’, ‘государственный’). В сущности говоря, понятие τὸ δημόσιον могло относиться совершенно не обязательно именно к государственному архиву; его могли прилагать едва ли не к любому общественному зданию или институту (например, к государственной казне или даже к тюрьме).

В ограниченных рамках этой главы мы, само собой, не можем позволить себе проанализировать заявленную в названии тематику во всей ее полноте (потому-то мы и добавили подзаголовок «Некоторые замечания»). Тому же Дж. Сикинджеру потребовалась целая монография, чтобы подробно рассказать об архивах только в одном греческом полисе и только в один из периодов его

⁴⁰ Бондарь Л. Д. Афинские литургии V–IV вв. до н. э. СПб., 2009.

⁴¹ Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 193.

⁴² Суриков И. Е. Трагедия Эсхила «Просительницы» и политическая борьба в Афинах // ВДИ. 2002. № 1. С. 15–24.

⁴³ Sickinger J. P. Public Records... P. 108 ff.

истории. А в отечественной историографии весь этот круг вопросов вообще еще всерьез никем не рассматривался.

Подведем итоги. Хотя архивы в Древней Греции – ни в Афинах, ни где-либо еще – не служили специально для хранения трудов историков (на то имелись библиотеки), все-таки роль этих учреждений для представителей исторической науки уже и тогда была немаловажной в плане информационного обеспечения их изысканий. Древнегреческие папирусные архивы до нашего времени не сохранились и не могли сохраниться⁴⁴, но многие их данные дошли до нас опосредованным путем – через сочинения античных «служителей Клио», использовавших эти данные.

⁴⁴ Констатируем это применительно к территории Греции как таковой. А, например, в Египте имеются примеры частично сохранившихся архивов древнегреческих документов эпохи эллинизма. Самый известный из них – «архив Зенона» (III в. до н. э.), о котором см. *Turner E. Ptolemaic Egypt // The Cambridge Ancient History. 2 ed. Cambridge, 2006. Vol. 7. Pt. 1: The Hellenistic World. P. 141 ff.*

Раздел IV

ПРАВО И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В АНТИЧНОЙ ГРЕЦИИ: ЭПОХА АРХАИКИ

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ ДРАКОНТА И СОЛОНА: РЕЛИГИЯ, ПРАВО И ФОРМИРОВАНИЕ АФИНСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩИНЫ*

Уникальность афинского полиса в греческом мире выразилась, помимо прочих многочисленных обстоятельств, еще и в том факте, что в архаическую эпоху, когда передовые государства Эллады пережили своеобразный «законодательный бум», Афины – и, насколько известно, только они – стали ареной действия *двух* законодателей, местом письменной фиксации *двух* следовавших друг за другом с незначительным хронологическим разрывом законодательств. Причина этой необычной ситуации, возможно, отчасти станет нам ясна в ходе исследования, пока же отметим, что если первый из этих двух законодателей – Драконт – представляется фигурой, в общем, стандартной для своего времени, равно как и его деятельность не имеет значительных отличий от мероприятий его «коллег» из других городов, то со вторым – Солоном – дело обстоит совсем иначе. Этот последний был, безусловно, одной из самых ярких личностей во всей античной истории и уж во всяком случае не имевшей себе равных в архаической Греции по разносторонности и одновременной гармоничности своих проявлений. Уникальная деятельность Солон не стала определяющей для последующей политической, социальной, идейной эволюции Афин в той мере, в какой могла бы, лишь по той причине, что он, судя по всему, существенно опередил свое время.

Предметом анализа в настоящей работе станет именно законодательная деятельность Драконта и Солон, естественно, не во всем своем объеме – такая задача потребовала бы отдельной и весьма обширной монографии, – а в ряде представляющихся нам важными и недостаточно изученными предшествующей историографией аспектов.

Говоря об общегреческом контексте первых афинских письменных кодификаций права, следует отметить: нет никакого сомнения в том, что они проходили в общем русле «первоначальной законодательной реформы» (пользуемся выражением Э. Д. Фролова¹), осуществлявшейся в архаическую эпоху в целом ряде греческих полисов и обусловленной объективными факторами, в значительной мере общими для многих регионов Эллады. Явления того же порядка – законодательные реформы Залевка и Харонда в Великой Греции, Фидона в Коринфе, Филолая в Фивах, составление первых сводов писаных законов

* Впервые опубликовано в: Одиссей: человек в истории. 2006. С. 201–220.

¹ Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 120 сл.

в городах Крита, который вообще, судя по всему, можно считать «колыбелью» законотворчества в Элладе². Иными словами, Афины в этом отношении не уникальны. Однако несомненно и то, что объективная ситуация в каждом отдельно взятом полисе получала конкретное преломление и имела свои особенности. Диалектическая динамика объективного и субъективного являла собой сочетание и взаимодействие двух сторон единого процесса.

Ранние законодательные реформы внесли исключительно важный вклад в складывание феномена античного полиса прежде всего в том отношении, что они стали принципиальным шагом на греческой почве от «предправа» к праву в собственном смысле слова. Термин «предправо» (*prédroit*) был введен в свое время выдающимся французским антиковедом Л. Жерне³ и подразумевал следующие импликации. До выделения автономной «юридической функции» в греческом мире состояние отношений, которые мы ныне относим к праву, было принципиально иным и осмыслялось в рамках более широкого комплекса ментальных концептов, прежде всего религиозно-магического характера. Такое состояние и являлось «предправом». Для этой системы воззрений и практик характерна важнейшая роль таких институтов, как дар и порождаемая им обязанность⁴, клятва, родовое проклятие, из которого закономерно вытекает идея коллективной ответственности⁵, кровная месть как реализация закона

² О наиболее ранних греческих законах и сводах законов см.: *Gehrke H.-J. Der Nomos-begriff der Polis // Nomos und Gesetz: Ursprünge und Wirkungen des griechischen Gesetzesdenkens. Göttingen, 1995. S. 14 ff.* Специально о законодательствах Залевка и Харонда см.: *Спрогез-кий В. М. Античная традиция и современная историческая наука о законодательстве Залевка и Харонда // Античность, средние века и Новое время. Социально-политические и этнокультурные процессы. Нижний Новгород, 1997. С. 68–78.* О законодательстве Фидона: *Соломатина Е. И. Проблемы изучения деятельности архаических законодателей в Греции (к вопросу о законодательстве Фидона) // Древнее право. 2002. № 1 (9). С. 22–31.* О законодательстве Филолая: *Шнизова И. А. Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991. С. 74–93.* О раннем критском законодательстве см.: *Effenterre M. van. Ein neues Gesetz aus dem archaischen Kreta // Symposium 1985. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1989. S. 23–27; Effenterre H. van. Criminal Law in Archaic Crete // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 83–86.* О Крите как колыбели греческого законодательства см.: *Jeffery L. H. Archaic Greece: The City-States c. 700–500 B.C. L., 1978. P. 76.*

³ *Gernet L. Droit et institutions en Grèce antique. P., 1982. P. 7 ss.*

⁴ Для понимания института дара в архаических обществах и по сей день основополагающей остается классическая работа М. Мосса «Очерк о даре» (см. в русском переводе в книге: *Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М., 1996. С. 83–222.*)

⁵ См. об этом: *Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М., 2000. С. 238 сл.*

адекватного воздаяния, особое отношение к «чужакам», один из аспектов которого – специфический институт «моления» (ἱκετεία, *supplicatio*)⁶, процедуры типа ордалий и т. п. Право как таковое лишь постепенно выкристаллизовалось из этих практик, составив особую сферу, в то время как ранее оно находилось в тесном смешении с религиозными и этическими категориями.

Однако вряд ли верным было бы полагать, что после введения первых законодательных сводов в греческих полисах ситуация немедленно и кардинально изменилась, что право решительно высвободилось из-под влияния религии. Справедливо отмечалось⁷, что в полисных условиях и позже, после появления права как такового, сохранялись пережитки «предправа», что автономная «юридическая функция» долго еще не освободилась от магико-религиозного наследия (а собственно, освободилась ли она от него окончательно даже и по сей день, в нашем вполне светском, но тем не менее пронизанном различными ритуалами обществе?). К греческому праву все это приложимо в несравненно большей степени, нежели, скажем, к римскому, в котором достаточно четко отделялись друг от друга сферы *ius* и *fas*. Таким образом, ранние греческие своды законов, безусловно, следует трактовать как акты синкретического характера, имеющие прямое отношение как к праву, так и к религии.

Категория закона (θεσμός, νόμος) в архаическую эпоху относилась, в сущности, не столько к светской, сколько к религиозной, сакральной сфере жизни. Введение новых законов или изменение старых (даже такое изменение, как, например, простой их перевод из устной формы в письменную, без какого-либо вмешательства в формулировки) рассматривалось как акт космического значения, призванный восстановить гармоничный миропорядок, но могущий в то же время привести и к еще худшему его нарушению в случае, если этот акт не основывался на подобающей божественной санкции⁸. Данное обстоятельство, кстати, нередко упускается из виду в исследовательской

⁶ Об отношении к чужакам в архаических обществах см.: *Геннен А. ван*. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999. С. 29 сл. Об обрядах «моления» в греческом мире: *Schlesinger E.* Die griechische Asylie. Giessen, 1933. S. 33–52; *Gould J.* Hiketeia // *Journal of Hellenic Studies*. 1973. Vol. 93. P. 74–103.

⁷ Например: *Effenterre H. van*. Droit et prédroit en Grèce depuis le déchiffrement du linéaire B // *Symposion 1985. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 1989. S. 3.

⁸ О космичности, «глобализме» древнегреческого правосознания см.: *Суриков И. Е.* Камень и глина: к сравнительной характеристике некоторых ментальных парадигм древнегреческой и римской цивилизаций // *Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход)*. М., 2000. С. 281; *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 118. О сакральном характере ранних греческих законов ср. также в недавней работе: *Туманс Х.* Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). СПб., 2002. С. 240. Справедливости ради отметим, что некоторые тезисы о ранних

литературе, когда архаическое законодательство анализируется исключительно в социально-экономических и политических терминах.

Строго говоря, вообще не вполне ясно, можно ли вводить категорию «светского» применительно к греческому полису и его праву⁹. Так, техническое выражение τὰ ἱερὰ καὶ τὰ ὅσια зачастую трактуется как нечто вроде *sacra et profana*, то есть совокупность религиозного, «божеского», с одной стороны, и мирского, «человеческого», – с другой. Однако, как убедительно показал А. Маффи¹⁰, термин ὅσιος в подобных контекстах вряд ли может быть понимаем как «светский», «профанный» в полном смысле слова; скорее следует говорить о несколько ином уровне священного, имеющем отношение не к богам, а к самому полису. В сущности, автономную «религиозную функцию» в полисных рамках, подобно юридической, тоже нельзя считать четко выделившейся; она неразрывно переплеталась с прочими аспектами бытия¹¹. Последнему, кстати, способствовало отсутствие специального сословия духовенства. Даже пожизненные и наследственные жрецы, известные для некоторых культов (например, дадухи Элевсинских мистерий из рода Кериков), являлись полисными магистратами и могли параллельно активно заниматься политической деятельностью¹².

В полисе было сакрализовано буквально все, любая сфера общественной деятельности. Он являлся не только политическим, но и религиозным феноменом. Часто отмечают, что религия в полисе была тесно связана с политикой, государственностью¹³. Нам, однако, даже такая формулировка кажется недостаточной, слишком слабой. Вернее было бы сказать, что религиозные и государственные структуры в принципе совпадали.

Поясним свою мысль. Полис есть городская гражданская община, конституирующая себя в качестве политической организации, то есть государства. Но в той же самой мере полис есть городская гражданская община, консти-

законодательствах, высказываемые в этой книге, представляются весьма спорными, а порой – недостаточно продуманными.

⁹ Ср.: Jones J. W. *The Law and Legal Theory of the Greeks: An Introduction*. Oxf., 1956. P. 32.

¹⁰ Maffi A. *Tὰ ἱερὰ καὶ τὰ ὅσια*. Contributo allo studio della terminologia giuridico-sacrale greca // *Symposion 1977. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 1982. S. 33–52.

¹¹ Ср.: Finley M. I. *Early Greece: The Bronze and Archaic Ages*. 2 ed. L., 1981. P. 129.

¹² О некоторых аспектах политической деятельности этих дадухов см.: Суриков И. Е. Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи // *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности*. Казань, 2000. С. 101.

¹³ Например: Ehrenberg V. *The People of Aristophanes*. 2 ed. Oxf., 1951. P. 253 ff.; Flacelière R. *La vie quotidienne en Grèce au siècle de Périclès*. P., 1960. P. 236 ss.; Vernant J.-P., Vidal-Naquet P. *Mythe et tragédie en Grèce ancienne*. P., 1986. T. 2. P. 22–23.

туирующая себя в качестве религиозной организации. Напрашивается продолжение «...то есть церкви», и если мы воздерживаемся здесь от употребления термина «церковь», то только потому, что этот термин несет в себе ряд устойчивых коннотаций вполне определенного характера, с трудом увязывающихся в современном сознании с античной языческой религией. Впрочем, в западной исследовательской литературе можно встретить и определения именно такого рода: в условиях религии, не имевшей ни элементов откровения, ни канона священных текстов, ни духовенства, полис играл роль церкви¹⁴.

Сказанное о полисе в целом в полной мере относится и к его законам. Ранние законодательства как бы «творили» полис, причем в ряде различных отношений. С одной стороны, они создавали полисную государственность, фиксировали ее в стабильной, устойчивой форме. Потестарная структура может считаться полноценным государством, а не «протогосударством» или «квазигосударством» тогда, когда она обладает некоей совокупностью писанных (то есть уже не подлежащих несанкционированному изменению) авторитетных и обязательных для всех публично-правовых норм, а это и есть законы. Но, с другой стороны, архаические законодатели создавали полис и как религиозную организацию. Они одновременно давали полису религиозную санкцию и религии – санкцию полиса.

Вполне закономерно в данной связи то обстоятельство, что, согласно устоявшемуся в историографии (и, насколько можно судить, вполне обоснованному) мнению, значительное влияние на становление самого феномена раннего греческого законодательства оказал наиболее авторитетный религиозный центр греческого мира архаической эпохи – Дельфийский оракул¹⁵. В деятельности архаических Дельфов нашла выражение «легалистская» (термин М. Нильссона) тенденция эпохи, в силу чего они и оказывались способными влиять на первые кодификации права. Бесспорно, говорить о прямой дельфийской инспирации во всех конкретных случаях деятельности номофетов было бы слишком категоричным. Так, если взять пример Афин, ничего не известно о каких-либо контактах Драконта со святилищем на склоне Парнаса. Правда, это может объясняться тем, что о личности и деятельности Драконта вообще

¹⁴ См., в частности: *Sourvinou-Inwood Chr.* What is Polis Religion? // *The Greek City: From Homer to Alexander*. Oxf., 1991. P. 302. Названная статья вообще очень важна для понимания места религии в жизни полиса.

¹⁵ Особенно интенсивно этот тезис отстаивал крупнейший в XX в. исследователь древнегреческой религии Мартин Нильссон. См.: *Nilsson M. P.* Greek Piety. Oxf., 1948. P. 46; *Nilsson M. P.* Geschichte der griechischen Religion. 2 Aufl. München, 1955. Bd 1. S. 640–644. Ср. также: *Meier Chr.* The Greek Discovery of Politics. Cambridge, MA, 1990. P. 43; *Кулишова О. В.* Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.). СПб., 2001. С. 154 сл.

не сохранилось практически никаких конкретных фактов. Что же касается несравненно более знаменитого Солон, то существует обширная традиция о связях этого законодателя с Дельфами¹⁶. Эти связи начались еще в начале деятельности Солон (война Афин с Мегарами за Саламин, первая Священная война за контроль над оракулом). И когда этот афинский поэт и мудрец начал проводить свои кардинальные и всеобъемлющие законодательные реформы, он встретил самую решительную поддержку дельфийского жречества¹⁷. Поддержка, пожалуй, была даже слишком рьяной: в одном из пророчеств пифии (ар. Plut. Mor. 152c) Солону предлагалось ни более ни менее как провозгласить себя тираном. Законодатель, будучи убежденным противником единоличной власти, отверг это предложение (Sol. fr. 23 Diehl)¹⁸.

* * *

О законодательстве Драконта (621 г. до н. э.) нам уже приходилось писать¹⁹, и здесь мы во избежание повторений лишь сделаем акцент на нескольких моментах, наиболее важных в контексте данной работы. Важнейшее место в законодательстве, о котором идет речь, занимал комплекс законов об убийстве (частично сохранился аутентичный текст: IG. I³. 104). Есть даже мнение²⁰, что законы об убийстве были вообще единственными законами, кодифицированными Драконтом, а все остальные законы (о смертной казни за кражу, праздность и т. п., впоследствии давшие повод говорить об экстраординарной суровости вошедшего в поговорку «драконовского» законодательства) были неоправданно приписаны ему позднейшей традицией. Как бы то ни было, с какой-то степенью уверенности и системности мы, действительно, можем делать выводы только по поводу законов об убийстве²¹. Если и имелись какие-то другие законы Драконта, то они уже вскоре были отменены Солоном (Arist.

¹⁶ Эта традиция подробно разбирается нами в другом месте: Суриков И. Е. Солон и Дельфы // *Studia historica*. М., 2003. Т. 3. С. 38–52. Там же приводятся и соответствующие сообщения источников.

¹⁷ Hönn K. Solon: Staatsmann und Weiser. Wien, 1948. S. 84–85.

¹⁸ По поводу упомянутой перипетии см.: Forrest W. G. The First Sacred War // *Bulletin de correspondance hellénique*. 1956. Vol. 80. № 1. P. 48.

¹⁹ Суриков И. Е. Законодательство Драконта в Афинах и его исторический контекст // Древнее право. 2000. № 2 (7). С. 8–18; Суриков И. Е. Законы Драконта как мнимая реальность // Восточная Европа в древности и средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. М., 2002. С. 215–221.

²⁰ Humphreys S. A Historical Approach to Drakon's Law on Homicide // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 17–45.

²¹ О них см. наиболее подробно: Stroud R. S. Drakon's Law on Homicide. Berkeley, 1968; Gagarin M. Drakon and Early Athenian Homicide Law. New Haven, 1981.

Ath. pol. 7. 1; Plut. Sol. 17) и, таким образом, дойти до нас никоим образом не могли.

Что же можно сказать по поводу законов Драконта об убийстве в интересующем нас аспекте? Главной их целью было поставить под контроль формирующихся государственных структур архаичный обычай кровной мести. Не то чтобы кровная месть отныне была отменена совершенно: ее осуществление сохраняло законную силу для некоторых частных случаев (например, если убийца отказывался удалиться в изгнание или возвращался в Аттику, не достигнув предварительного примирения с родственниками жертвы). Тем не менее нормой отныне становилась не самочинная расправа, а организованный полисом судебный процесс.

Необходимо отметить, что убийство в греческом мире – не только в архаическую, но и в классическую и даже эллинистическую эпоху – в принципе считалось преступлением, имевшим отношение к частной, а не государственной сфере²². На институциональном уровне это проявлялось в том, что оно требовало возбуждения процесса типа δίκη, а не ὑραφή. Тем не менее убийство затрагивало, бесспорно, интересы не только отдельных лиц, но и полиса, однако, подчеркнем, лишь постольку, поскольку оно было не только юридическим, но и религиозным феноменом. Кровопролитие для архаического менталитета означало – далеко не в последнюю очередь – возникновение на территории полиса очага религиозной «скверны», которая, в свою очередь, понималась как нечто вроде заразной болезни²³. Для ее ликвидации применялись различного рода катартические ритуалы, считавшиеся достаточно эффективными: ритуальному очищению подвергалось место совершения преступления, а в наиболее «тяжелых» случаях – даже вся территория полиса.

Но «носителем скверны» κατ' ἐξοχήν оказывался, естественно, убийца, и в связи с этим оставалось не вполне ясным, как с ним надлежит поступать. Оставить его безнаказанным было, конечно, невозможно: это *ipso facto* создавало бы угрозу дальнейшего осквернения для всех его сограждан. Однако ответ на убийство новым убийством (будь то в виде кровной мести или в виде казни) тоже был не оптимальным решением проблемы: на смену старому возникал новый источник «скверны». А к идее о том, что само государство, как учреждение, санкционированное богами, может своей властью снять скверну убийства (наиболее ярко эта идея проявилась в «Эвменидах» Эсхила), афиняне VII в. до н. э. еще не пришли.

²² Méléze Modrzejewski J. La sanction de l'homicide en droit grec et hellénistique // Symposion 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 3–16.

²³ О категории «скверны» см.: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 227 сл. (с указаниями на литературу вопроса).

Самым лучшим в подобном положении казалось *изгнание* убийцы, удаление его за пределы полиса. Такой выход и ликвидировал непосредственную опасность для граждан, и в то же время не приводил к новой насильственной смерти. Поэтому абсолютно прав, на наш взгляд, М. Гагарин, показывающий, что в законах Драконта наказанием даже за умышленное убийство было именно изгнание, а не смертная казнь²⁴. Кроме того, убийце запрещалось посещать святины – естественно, во избежание их осквернения.

Все вышесказанное порождало необходимость более четко очертить территориальные границы полиса, ясно осознать, где же, собственно, убийца не должен находиться. Может ли он укрыться где-нибудь на окраине Аттики, скажем в Марафоне или Бравроне? Законодательство Драконта не допускало такой возможности, а, следовательно, вносило свой вклад в формирование полисного единства и целостности. Не случайно закон об убийстве – первый известный документ, в котором все жители Аттики определяются как Ἀθηναῖοι²⁵. Все они теперь были связаны определенным набором общеобязательных процедур для предотвращения и ликвидации «скверны», порождаемой убийством.

Законодательство Солон (594 г. до н. э.) известно несравненно лучше, нежели драконтовское²⁶. Более информативны данные и о тех его аспектах, которые находились на стыке права и религии. В частности, целый комплекс соловских законов (свидетельства о них: Demosth. XLIII. 62; Cic. Leg. II. 23. 59; II. 25. 64; Plut. Sol. 12; 21) имеет отношение к погребальной обрядности. Об этих законах мы тоже уже говорили подробно в другом месте²⁷ и здесь остановимся на данном сюжете лишь кратко. Солон упорядочивал и даже ограничивал обряды, совершавшиеся при погребении, вводил их в более умеренные, чем ранее, рамки. При этом великий афинский законодатель руководствовался, насколько можно судить, следующими основными соображениями.

Во-первых, он опять же стремился свести к минимуму возможность распространения в полисе «скверны», культовой нечистоты. Нам даже трудно в полной мере представить, насколько большое место в сознании (и подсознании) эллинов архаической эпохи занимал этот религиозный страх осквернения²⁸. «Скверна», согласно общераспространенному мнению, вызывалась не только

²⁴ Gagarin M. Op. cit. P. 65 ff.

²⁵ Frost F. J. The Rural Demes of Attica // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 173.

²⁶ Важнейшие сводки традиции об этом законодательстве: Ruschenbusch E. ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsge-schichte. Wiesbaden, 1966; Martina A. Solone: Testimonianze sulla vita e l'opera. R., 1968.

²⁷ Суриков И. Е. Законодательство Солон об упорядочении погребальной обрядно-сти // Древнее право. 2002. № 1 (9). С. 8–21.

²⁸ См. об этом: Доддс Э. Р. Греки и иррациональное. СПб., 2000. С. 60 сл.

убийством (это лишь крайний случай), но и вообще любым контактом с миром смерти. В частности, участие в похоронах само по себе оскверняло индивида²⁹. Соответственно, чем менее пышным был погребальный ритуал, чем меньше людей принимало в нем участие, тем меньше была религиозная опасность для полиса. Во-вторых, целью Солон было помешать использованию погребения в качестве повода для кровной мести. Таким образом, и в данном отношении он выступал в известной степени как продолжатель дела Драконта.

В-третьих, сыграла свою роль при принятии законов о погребальной обрядности и общая эгалитарная тенденция, связанная со становлением полиса³⁰. Не случайно меры, аналогичного характера, регулировавшие эту обрядность, осуществлялись и в других греческих государствах архаической, классической, да даже еще и эллинистической эпох. Ведь все такого рода ограничения имели в виду в первую очередь аристократов: именно они из жажды престижа устраивали демонстративно богатые похороны, что в целом должно было все более противоречить коллективизму полисного менталитета.

Согласно правовым воззрениям греков, человек и после смерти продолжал обладать определенной совокупностью прав³¹. Неясным оставалось, должна ли эта совокупность оставаться неизменной или же в ней можно осуществлять какие-то изменения, как это делалось в отношении прав живых граждан. Кажется, Солон был склонен ко второму ответу на этот вопрос. Он смело вторгся своими регулирующими установлениями в сакральную сферу, ранее находившуюся в исключительном ведении жреческих коллегий³², и фактически «ограничил права» покойных. Очевидно, без этого не мог быть сделан следующий шаг в постепенном складывании афинской гражданской общины.

Великий законодатель вторгнулся в компетенцию жречества и в ряде других случаев. Чуть подробнее рассмотрим в данной связи еще некоторые из его законов и реформ, имевшие отношение к религии. Известно, что именно Солон был введен принцип жребия при выборе высших должностных лиц полиса, в том числе коллегии девяти архонтов (Arist. Ath. pol. 8. 1). До того архонтов назначал Ареопаг³³. Принцип жеребьевки при избрании магистратов

²⁹ Ср.: Parker R. Miasma: Pollution and Purification in Early Greek Religion. Oxf., 1985. P. 34–35.

³⁰ См. об этой тенденции в архаической Греции в связи с погребальной обрядностью: Morris I. Burial and Ancient Society: The Rise of Greek City-State. Cambridge, 1989; Robinson E. W. The First Democracies: Early Popular Government outside Athens. Stuttgart, 1987. P. 65 ff.

³¹ Garland R. The Greek Way of Death. Ithaca, 1985. P. 8.

³² Ср.: Vlastos G. Solonian Justice. Classical Philology. 1946. Vol. 41. No. 2. P. 67, 74.

³³ О дальнейших изменениях в способе избрания архонтов см.: Суриков И. Е. Афинский ареопаг в первой половине V в. до н. э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 33–34.

в древнегреческих государствах, по справедливому мнению ряда ученых³⁴, имел, помимо прочих своих коннотаций, четко выраженный религиозный характер. Жребий рассматривался как воля богов, в чьи руки, таким образом, теперь и передавался высший контроль над полисными властями.

Солон осуществил реформу афинского календаря. Наиболее подробно об этом повествует Плутарх (Plut. Sol. 25):

Солон заметил аномалии месяца и видел, что движение луны не совпадает вполне ни с заходом солнца, ни с восходом, но часто в один и тот же день догоняет солнце и опережает его. Такой день он приказал называть «старым и молодым», ввиду того, что часть дня, предшествующая конъюнкции, относится к кончающемуся месяцу, а остальная – к уже начинающемуся... Следующий день он назвал новолунием. Дни от двадцатого до тридцатого он считал от конца месяца, называя их убывающими числами и сводя на нет соответственно ущерб луны.

Более кратко говорит о том же Диоген Лаэртский (I. 58–59): «Солон впервые назвал тридцатый день месяца старым и новым... Афинянам он присоветовал считать дни по лунным месяцам». Аристотель в «Афинской политике» ничего не говорит о календарных реформах Солона, скорее всего, потому, что заинтересован прежде всего изменениями в государственном устройстве Афин, а не какими-либо другими вопросами.

Из процитированных источников следует, что афиняне считали Солона фактическим создателем их полисного календаря со всеми его характерными особенностями. Так это или не так – судить трудно; вряд ли в Афинах досолоновского времени не существовало еще сколько-нибудь разработанной календарной системы. Несомненно, во всяком случае, следующее. Во-первых, Солон действительно проводил какие-то реформы в данной области. О конкретном содержании этих реформ можно спорить, но это конкретное содержание и не имеет для нас принципиального значения, коль скоро мы занимаемся здесь не историей греческих календарей, а религиозным аспектом законодательства Солона. Во-вторых, представляет особенный интерес тот факт, что Солон вносил изменения именно в религиозный календарь. Дело в том, что впоследствии, в классическую эпоху, в Афинах сосуществовали два календаря: религиозный (его еще называют праздничным или архонтским) и гражданский. Первый из них был основан на лунном месяце; именно по нему отмечались даты праздников и иных культовых мероприятий. В основе же гражданского календаря лежала притания – отрезок длиной в десятую часть года. Этот календарь служил для назначения сроков народных собраний, выборов

³⁴ Wade-Gery H. T. *Essays in Greek History*. Oxf., 1958. P. 113; Murray O. *Early Greece*. 2 ed. L., 1993. P. 195.

должностных лиц и в целом применялся в государственной жизни полиса³⁵. В солоновские времена календарь, основанный на притании, скорее всего, вообще еще не существовал, по крайней мере в своем окончательно сформировавшемся виде. Кроме того, из сообщений Плутарха и Диогена Лаэртца ясно видно, что Солон реформировал тот календарь, который имел основной единицей исчисления лунный месяц.

Таким образом, эта мера законодателя прямо относится к религиозной сфере³⁶. Крупнейший специалист в области греческой религии М. Нильссон считает, что календарные реформы в греческих полисах проводились под значительным дельфийским влиянием. Солон и здесь, как в случае погребальной обрядности, смело принимал на себя фактически жреческие prerogatives. Реформируя лунный календарь, он, конечно, отдавал себе отчет в том, что изменения в нем повлекут за собой изменения в сроках культовых действий – празднеств, жертвоприношений.

Афинский мудрец осуществлял нововведения и непосредственно в отношении этих последних. Плутарх (Sol. 23) отмечает, что им была проведена оценка жертвоприношений (τὰ τιμῆματα τῶν θυσιῶν). Он осуществил также переоценку наград победителям на общегреческих состязаниях культового характера, в частности на Олимпийских играх (Plut. Sol. 23; Diog. Laert. I. 55), причем при этой переоценке сократил размеры наград. Диоген Лаэртский приводит следующую мотивацию, которой будто бы руководствовался законодатель:

Нехорошо, говорил он, излишествовать в таких наградах, когда столько есть граждан, павших в бою, чьих детей надо кормить и воспитывать на народный счет... Гимнастические же борцы и в учении недешевы, и в успехе небезопасны, и венцы принимают за победу не столько над неприятелем, сколько над отечеством (ср. также Diod. IX. 25).

Эту мотивацию во всей ее совокупности нелегко принять. Она явно взята Диогеном у какого-то автора классической эпохи и отражает взгляды этого времени, когда, по наблюдению А. И. Зайцева, в связи с распространением демократии и реставрацией коллективистских ценностей происходила частичная утрата атлетикой ее места в жизни³⁷.

³⁵ О религиозном и гражданском календарях в Афинах см.: *Samuel A. E. Greek and Roman Chronology: Calendars and Years in Classical Antiquity*. München, 1972. P. 57 ff.

³⁶ О религиозном значении солоновской реформы календаря см.: *Hönn K. Op. cit.* S. 84; *Nilsson M. P. Geschichte...* Bd 1, S. 644 ff.; *Masaracchia A. Solone*. Firenze, 1958. P. 179–181.

³⁷ *Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э.* Л., 1985. С. 111 сл.

Однако обратим внимание на некоторые неожиданные выражения. Почему атлеты «в успехе небезопасны» (νικῶντες ἐπιζήμιοι)? Почему они принимают венцы за победу над отечеством (στεφανοῦνται κατὰ τῆς πατρίδος)? Все становится на свои места, если мы припомним, что олимпионики архаической эпохи действительно нередко представляли собой угрозу стабильности полиса, в частности начинали претендовать на тираническую власть³⁸. Олимпийские победители из Афин не были исключением. Наиболее известен в данной связи, безусловно, Килон, выигравший состязания в беге на Олимпийских играх 640 г. до н. э., а через несколько лет поднявший мятеж с целью установления тирании, но потерпевший неудачу, что повело к кровавой резне³⁹. Еще один афинский олимпиец – борец Фринон, победитель 636 г. до н. э. – также, видимо, оказался человеком с амбициями; он в конечном счете так и не смог ужиться со своими согражданами и, покинув город, отправился во главе колонизационной экспедиции на берега Геллеспонта, где и погиб⁴⁰. Все это происходило еще на памяти Солона, и нет ничего удивительного в том, что он в интересах единства и стабильности полиса, предотвращения гражданской распри принимал определенные меры для снижения престижа и значения олимпиоников. В целом эту меру не без оснований можно охарактеризовать как антиаристократическую⁴¹.

Назначал Солон и новые празднества. Одним из них стали Генесии – праздник в честь умерших, как бы день их общеполитического поминовения, отмечавшийся ежегодно в пятый день месяца боздромеона (Bekker Anecd. I. 86. 22)⁴². Это мероприятие, бесспорно, следует поставить в прямую связь с солоновскими законами, регулировавшими погребальную обрядность. Культ, связанный с погребением, превращался из частного, родового в государственное дело.

Другой, еще более важный введенный Солоном праздник, сопровождавшийся общим жертвоприношением, назывался Сисахфиями (Plut. Sol. 16). Не приходится сомневаться в том, что учреждение этого праздника должно

³⁸ См.: Зельин К. К. Олимпионики и тираны // ВДИ. 1962. № 4. С. 21–29.

³⁹ Наиболее подробно о мятеже Килона см.: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 78–124 (с указаниями на источники и на исследовательскую литературу).

⁴⁰ О времени олимпийской победы Фринона см.: Moretti L. Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici. R., 1957. P. 66. Об обстоятельствах его гибели см.: Jeffery L. H. Op. cit. P. 89–90.

⁴¹ Vlastos G. Op. cit. P. 74–75.

⁴² Об этом празднике и введении его Солоном см.: Jacoby F. ΓΕΝΕΣΙΑ. A Forgotten Festival of the Dead // Classical Quarterly. 1944. Vol. 38. No. 3/4. P. 65–75; Snodgrass A. Archaic Greece: The Age of Experiment. L., 1980. P. 117; Garland R. Op. cit. P. 105; Латышев В. В. Очерк греческих древностей: Богослужбные и сценические древности. СПб., 1997. С. 129.

было освятить память о, пожалуй, самой знаменитой из солоновских реформ – сисахфии, облегчении долгового бремени⁴³. По справедливому утверждению У. Р. Коннора⁴⁴, «Солон, как и многие политики архаической эпохи, действовал в значительной степени в рамках церемоний, ритуалов и праздников и через их посредство». Этот исследователь полагает, что и сама сисахфия проходила в форме праздника, вероятно представляя собой процессию граждан по афинской хоре с ритуальным уничтожением «закладных камней» (ὄροι). Характерно, что ни один из этих камней досолоновского времени не найден археологами. Создается впечатление, что они были демонстративно разрушены или, еще вероятнее, удалены за пределы Аттики, подобно останкам оскверненных. С этим-то актом высокого символического значения и было, судя по всему, связано учреждение благодарственного жертвоприношения богам.

Коннор считает также, что еще одна важнейшая социально-политическая мера Солон – разделение гражданского коллектива на четыре имущественных класса (пентакосиомедимнов, всадников, зевгитов и фетов) – тоже имела свой религиозный аспект. Он задается вопросом, почему в качестве критерия границ между классами фигурирует оценка их доходов в медимнах, и обращает внимание на то, что, согласно данным афинских надписей, именно в медимнах велось исчисление приношений начатков урожая (ἀπαρχαί) на аттических аграрных празднествах. Чем богаче был человек, тем он, естественно, больше приносил в жертву. Праздники такого рода по обычаю сопровождались процессиями, в которых, по мнению Коннора, статус представителей различных классов проявлялся даже внешне: пентакосиомедимны ехали в колесницах, всадники – на конях, зевгиты шли пешком. Феты к этим процессиям во времена Солон могли еще просто не допускаться. Таким образом, главное солоновское нововведение получало легитимацию путем включения его в традиционную ритуально-символическую модель. Тем конкретным праздником, процессия которого послужила основой для создания системы четырех классов, скорее всего, были Панафиней. В то время в Афинах еще не было Великих Панафиней, справлявшихся раз в четыре года с особым блеском. Однако ежегодные, обычные Панафиней с их процессией-помпой, безусловно, существовали и уже являлись самым важным событием религиозной жизни полиса⁴⁵.

⁴³ Н. Хэммонд даже считает, что само название этой реформы Солон, закрепившееся в античной традиции, произошло именно от названия праздника, которое было первичным: *Hammond N. G. L. Studies in Greek History. Oxf., 1973. P. 160.*

⁴⁴ *Connor W. R. Tribes, Festivals and Processions: Civic Ceremonial and Political Manipulation in Archaic Greece // Journal of Hellenic Studies. 1987. Vol. 107. P. 49.*

⁴⁵ Совсем недавно Х. Туманс предложил иное объяснение натурального характера солоновского имущественного ценза. Он считает, что Солон не желал улучшить положение богатых торговцев и ремесленников, которые, по мнению исследователя, измеряли свое

Таким образом, законодатель не только вводил новые празднества, но и осуществлял определенные изменения в существовавших ранее. Известно, в частности, что один из его законов касался Элевсинских мистерий (Andoc. I. 111). С именем Солон можно связать создание ряда культовых построек. Плутарх (Sol. 9) говорит о храме Эниалия, построенном Солоном на Саламине в ознаменование овладения этим островом. К. М. Колобова считает (на наш взгляд, не без основания), что первые каменные храмы на афинском Акрополе (в том числе, возможно, прообраз Гекатомпедона на месте царского дворца микенской эпохи) тоже были возведены именно при Солоне⁴⁶. Монументальный каменный храм, приходивший на место небольших частных (родовых) святилищ, был, конечно, ярко выраженным символом религиозного единства полиса. Сохранились упоминания о законах Солон, которые регулировали деятельность афинских культовых сообществ – фиасов, оргеонов и др. (Dig. XLVII. 22. 4; Phot. Lex. s.v. ὀρχεῶνες).

Коснемся религиозного компонента еще некоторых законов и реформ Солон. Говоря о «погребальном» законодательстве, мы уже указывали, что Солон, как, наверное, каждого грека архаической эпохи, очень заботились проблемы культового осквернения; он всячески старался избежать такового. «Скверна» могла прийти едва ли не отовсюду; приходилось постоянно быть начеку и в каких-то случаях даже заведомо подстраховываться. Признаки такого отношения прослеживаются во многих солоновских мероприятиях. Характерно, что Солон – при всей масштабности своих нововведений – всецело оставил

состояние не в сельскохозяйственных продуктах, а в деньгах, и потому автоматически попадали в низший класс фетов. См.: *Туманс Х.* Указ. соч. С. 241 сл. Подчеркнем, однако, что во времена Солон вряд ли вообще кто бы то ни было в Афинах измерял свое состояние в деньгах. В начале VI в. до н. э. афинский полис еще не чеканил монеты (*Kraft K.* Zur solonischen Gewichts- und Münzreform // *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte.* 1969. Bd 19. S. 7–24; *Crawford M. H.* Solon's Alleged Reform of Weights and Measures // *Eirene.* 1972. Vol. 10. P. 5–8; *Kraay C. M.* Archaic and Classical Greek Coins. Berkeley, 1976. P. 55 ff.). Монеты из других полисов могли, конечно, sporadически попадать в Афины, но еще не играли сколько-нибудь значительной роли в экономике и не могли использоваться для оценки состояний. Если и была какая-нибудь альтернатива медимнам как цензовой единице, то этой альтернативой могли быть только головы скота. Скот еще с гомеровских времен широко использовался в греческом мире для оценки богатства.

⁴⁶ *Колобова К. М.* Революция Солон // *Ученые записки ЛГУ.* Л., 1939. № 39. С. 70. Совершенно неубедительна недавняя попытка датировать старый храм Афины на Акрополе гораздо более поздним временем, самым концом VI в. до н. э., т. е. временем Клизфена: *Childs W. A. P.* The Date of the Old Temple of Athena on the Athenian Acropolis // *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy.* Oxf., 1994. P. 1–6. Эта попытка лежит в русле модной ныне тенденции приписывать все культурные достижения Афин только периоду демократии.

в силе законодательство Драконта об убийстве (Plut. Sol. 17), а в этом законодательстве, как мы видели выше, категория «скверны» занимает достаточно важное место. Плутарх (Sol. 23), насколько можно судить, указывает на то, что одно изменение в драконтовский закон Солон все-таки внес, а именно оговорил, что убийство любовника жены *in flagranti* не влечет за собой наказания (стало быть, не оскверняет убившего?)⁴⁷. Возможно, Солон действительно расширил круг убийств, не вызывавших «скверну». Впрочем, не менее вероятно, что он просто повторил предписание закона Драконта (как раз в части, касающейся убийств, не чреватых последствиями, дошедший до нас текст этого закона сильно испорчен и не подлежит полной и исчерпывающей реконструкции).

В солоновских законах идея «скверны» (по большей части, правда, имплицитно) встречается не раз. Так, законодатель издает закон о всеобщей амнистии (Plut. Sol. 19) – но не включает в эту амнистию лиц, виновных в индивидуальных или массовых убийствах, то есть тех, чья оскверненность была несомненной. Укажем еще и на то, что по солоновским законам архонт, нарушивший клятву, принесенную им при вступлении в должность, обязан был установить в Дельфах за собственный счет золотую статую в натуральную человеческую величину (Arist. Ath. pol. 7. 1; Plut. Sol. 25)⁴⁸. В данном случае, очевидно, имеется в виду искупление «скверны», порожденной клятвопреступлением. Обратим внимание на способ этого искупления – установку статуи. Способ этот весьма характерный, причем чисто дельфийский. Дельфы неоднократно в своей истории требовали от различных полисов очищаться от скверны, в числе прочего, именно таким образом. Так, когда спартанцы в V в. до н. э. уморили голодом в храме Афины Халкиойкос мятежного военачальника Павсания, оракул обязал их воздвигнуть близ этого храма две бронзовые статуи умерщвленного. В Афинах в тех же катартических целях была поставлена на Акрополе (скорее всего, в начале Пелопоннесской войны) статуя Килона, убитого при попытке захвата тиранической власти⁴⁹. Предписание Солон прекрасно укладывается в рамки той же парадигмы.

«Скверна», как известно, порождалась отнюдь не только убийством или клятвопреступлением. Характерен в этом отношении еще один солоновский закон, приводимый Диогеном Лаэртием (I. 55) со ссылкой на оратора Лисия.

⁴⁷ Именно на этот закон ссылается защищающийся в I речи Лисия.

⁴⁸ Именно Солону античная традиция приписывала (и, насколько можно судить, с полным основанием) учреждение целого ряда клятв – не только клятвы архонтов, но также клятвы членов Совета, присяги гелиастов (Demosth. XVIII. 6; XXIV. 147–148; Poll. VIII. 142; Liban. Decl. I. 9; Hesych.s.v. τρεῖς θεοί; Bekker Anecd. I. 242. 20). О религиозном значении клятвы вряд ли нужно специально говорить.

⁴⁹ См. об этих акциях: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 111–112. Там же приводятся ссылки на источники.

Этот закон запрещал развратникам выступать с трибуны (τὸν ἡταιρηκότα εἰργεῖν τοῦ βῆματος), то есть участвовать в политической жизни. Этический момент здесь, бесспорно, тоже присутствует. Но не будем забывать и о том, что общественные места полиса (во времена Солона к ним относились Акрополь и примыкавшая к нему с востока «Старая Агора» с административными постройками⁵⁰) считались территорией священной, «чистой» в культовом отношении. Допущение недостойных в эту сакральную зону, тем более дозволение им производить там какие-то важные действия общественного характера, безусловно, привело бы к осквернению полиса. Теми же опасениями, скорее всего, был продиктован закон Солона, запрещающий дурно говорить об умерших, а также браниться (даже по отношению к живым) «в храмах, судебных и правительственных зданиях, равно как и во время зрелищ» (Demosth. XX. 104 cum schol.; Plut. Sol. 21), то есть в тех же общественных местах и во время общественных мероприятий. Перед нами, по сути, перечисление потенциально оскверняющих действий. В том же ключе нужно рассматривать и атимию (лишение гражданских прав, то есть опять же запрещение участвовать в политической деятельности, появляться в общественных местах) для граждан, не содержащих собственных родителей или растративших их имущество (Diog. Laert. I. 55). Такие люди, в категориях архаического менталитета, нарушали неписанные, но священные и высокоавторитетные обычаи рода, родовой солидарности и, следовательно, тоже могли стать источником «скверны»⁵¹.

Вводимые Солоном правовые нормы, долженствовавшие воспрепятствовать возникновению и распространению культового осквернения, на наш взгляд, свидетельствуют, в числе прочего, и о дельфийском влиянии на его деятельность. Почтение к Аполлону – к светлому, гармоничному Аполлону, богу-очистителю – достаточно ясно видно в этих нормах. Отметим один интересный солоновский закон (Diog. Laert. I. 57): «Архонту, если застанут пьяным, наказание – смерть». Мера, кажущаяся очень суровой, прямо-таки жестокой и, во всяком случае, несоразмерной с тяжестью проступка, особенно если учитывать, что вино в Древней Греции было наиболее употребительным напитком. А не проявилось ли здесь стремление свести к минимуму эксцессы нарождающегося дионисизма⁵²? Култ Диониса, который как раз в это время стремительно распространялся по Греции, принимая на первых порах грубоватые, полуварварские и слабо гармонировавшие с полисными ценностями

⁵⁰ О местонахождении «Старой Агоры» см.: Robertson N. The City Center of Archaic Athens // *Hesperia*. 1998. Vol. 67. No. 3. P. 283 ff.

⁵¹ О факторе скверны в такого рода установлениях см.: Mikalson J. D. *Athenian Popular Religion*. Chapel Hill, 1983. P. 86.

⁵² См. об этом явлении: Dabdab Trabulsi J. A. *Dionysisme: pouvoir et société en Grèce jusqu'à la fin de l'époque classique*. P., 1990.

формы буйных оргий, встретил себе мощного противника в лице жречества Аполлона, особенно дельфийского. В конце концов, дионисизм удалось ввести в «цивилизованные» рамки и в таком виде сделать даже частью государственной религии (в том числе и в самих Дельфах), но это случилось уже несколько позже, в частности, в Аттике – не ранее, чем при Писистратидах. В солоновские же времена «дионисийский вопрос» должен был стоять весьма остро. Отсюда – и суровость наказания за пьянство, если речь идет о высшем должностном лице⁵³.

Судя по всему, именно Солон первым в Афинах, еще до Писистрата, всерьез занялся упорядочением эпической традиции, сбором гомеровских героических песен (Diog. Laert. I. 57; ср. Plut. Sol. 10). Это, конечно, было нужно ему и в политических целях (в частности, в контексте афино-мегарского соперничества за обладание Саламином). Но в целом данная мера имела также и религиозное значение; она может говорить о том же «аполлоновском духе»⁵⁴.

Итак, Солон с полным основанием можно назвать не только реформатором в социально-экономической и политической областях, но и религиозным реформатором (хотя на этот последний аспект его деятельности несравненно реже обращается внимание). Разумеется, далеко не все его законы, имевшие отношение к религии, являли собой новшества, изменения существующих обычаев. Зачастую прибегал он и просто к записи норм устного традиционного права. Так, одно из его сохранившихся установлений («Кто выколет глаз одноглазому, тому за это выколоть оба глаза», Diog. Laert. I. 57) представляет собой не что иное, как модификацию обычая талиона⁵⁵. Интересно, что аналогичный закон приписывается античной традицией и другим законодателям архаической эпохи, в частности Залевку. Из этого, на наш взгляд, не следует делать вывод ни о заимствовании одним законодателем у другого, ни тем более о недостоверности такого рода сообщений. Ведь талионные нормы и их эволюция были более или менее схожими в различных греческих полисах.

⁵³ Отметим, что у Солон был и закон, возбранявший всем гражданам употребление несмешанного вина (Alexis fr. 9 Kock).

⁵⁴ Писистратида, впоследствии наиболее активно занимавшиеся приведением в систему гомеровского эпоса, были враждебны дельфийскому жречеству. Но из этого не следует, что они неприязненно относились к культу Аполлона как таковому. Скорее напротив: они проводили очистительные ритуалы на Делосе – священном острове, где, по преданию, родился Аполлон (Herod. I. 64), создали в Афинах святилище Аполлона Пифийского (Thuc. VI. 54. 6–7).

⁵⁵ О рудиментах талионного права у древних греков см. наиболее подробно: *Дворецкая И. А., Залюбовина Г. Т., Шервуд Е. А.* Кровная месть у древних греков и германцев. М., 1993. С. 12 сл.

Однако, конечно, не в письменной фиксации обычного права главная заслуга Солон. Афинский мудрец, смело вторгаясь, как мы уже говорили, в прерогативы жречества, вносил серьезные изменения в религиозную жизнь государства. Сущность этих изменений можно определить как формирование системы полисной религии взамен родовой⁵⁶. Досолоновское жречество – в основном прерогатива знатных, евпатридских семей («кланов», как их часто, хотя не вполне точно, именуют в исследовательской литературе). Жречество после Солон – конечно, не одновременно, а постепенно – инкорпорируется в полисный мир. Жреческие должности в большинстве своем становятся полисными магистратурами и начинают восприниматься как таковые. Первые шаги к этому, насколько можно судить, сделал сам Солон. Так, по предположению ряда авторитетных исследователей⁵⁷, именно при Солоне в Афинах была учреждена коллегия экзегетов-пифохрестов, назначавшихся с санкции Дельфийского оракула и призванных толковать его прорицания. Это была, бесспорно, жреческая коллегия, причем высокого ранга и с важными полномочиями, но она фактически не имела ничего общего, кроме названия, с более древними коллегиями экзегетов из аристократических родов⁵⁸. Далее, по справедливому мнению В. Эренберга, при Солоне члены культовых ассоциаций незнатных афинян (фиасов, оргеонов) получили равные религиозные права с геннетами, то есть аристократами, членами родов⁵⁹.

Солон, разрешив любому желающему из граждан выступать истцом по прямому не касавшемуся его делу (Arist. Ath. pol. 9. 1; Plut. Sol. 18), таким образом, явился основателем нового типа иска и процесса – *ὑραφή*, иска публичного, противостоящего иску частному (*δίκη*). Это также демонстрирует сознательную устремленность на формирование полисных ценностей, на замену родовой

⁵⁶ Ср.: *Jacoby F.* Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens. Oxf., 1949. P. 38; *Ehrenberg V.* From Solon to Socrates. L., 1968. P. 72; *Alexiou M.* The Ritual Lament in Greek Tradition. L., 1974. P. 20; *Колобова К. М.* Указ. соч. С. 70.

⁵⁷ *Jacoby F.* Atthis... P. 38 ff.; *Parke H. W., Wormell D. E. W.* The Delphic Oracle. Oxf., 1956. Vol. 1. P. 110–112; *Parker R.* Op. cit. P. 131.

⁵⁸ Ранее в Афинах существовали две древние коллегии экзегетов (толкователей царских предписаний): экзегеты «из евпатридов» и экзегеты «из Евмолпидов». См. о них в исследовании: *Oliver J. H.* The Athenian Expounders of the Sacred and Ancestral Law. Baltimore, 1950. Насколько нам представляется, первая из этих коллегий была исконно афинской; ее члены были представителями высшего слоя собственно городской аристократии (евпатридов). Вторая же появилась после инкорпорации в состав афинского полиса (не позднее начала VII в. до н. э.) Элевсина – влиятельнейшего религиозного центра (Евмолпидами назывался главный элевсинский жреческий род).

⁵⁹ *Ehrenberg V.* The Greek State. 2 ed. L., 1969. P. 20.

солидарности солидарностью сограждан⁶⁰. В частности, к Солону, очевидно, восходит закон о γράφῃ ὕβρεος (см. об этом законе Aeschin. I. 15). Понятие ὕβρις (высокомерие, надменность, гордыня, превознесение себя над другими) было одним из ключевых для древнегреческого менталитета и в полисную эпоху всегда вызывало активное отторжение. Солон с его подчеркнутым пиететом перед «благозаконием», дельфийской этической идеей самоограничения, тоже должен быть считать ὕβρις достойным всяческого наказания: ведь он противоречил всем основным устоям полиса⁶¹.

Создание системы полисной религии всемерно поощрялось Дельфийским оракулом с его идеями «легализма». Солон шел в этом отношении по дельфийскому пути, и жречество Аполлона не забыло этого. Как известно, Солон довольно рано (очевидно, уже в течение VI в. до н. э.) оказался включенным в канон Семи мудрецов и занял в нем, пожалуй, самое устойчивое место. Канон же этот создавался при активном участии Дельфов.

* * *

Можно с достаточной уверенностью говорить о том, что раннее афинское законодательство (особенно солоновское) при всем разнообразии своих проявлений имело некую общую интенцию, единый стержень. И фиксировался он где-то на стыке права и религии. С одной стороны, законодательные реформы создали в Афинах целостную систему писаного права, по которому отныне полис жил на всем протяжении своей истории. С другой же стороны, как мы видели, эти реформы фактически создали целостную систему полисной религии (или, во всяком случае, заложили основание для ее создания). И все это в своей совокупности, безусловно, способствовало формированию классической афинской гражданской общины.

⁶⁰ Ср.: *Ramulf S.* The Jealousy of the Gods and Criminal Law at Athens: A Contribution to the Sociology of Moral Indignation. Copenhagen, 1933. Vol. 1. P. 130.

⁶¹ По поводу религиозного характера закона Солонa о ὕβρις см.: *Ленцман Я. А.* Рабы в законах Солонa: к вопросу о достоверности античной традиции // ВДИ. 1958. № 4. С. 67. В целом о понятии ὕβρις см.: *Del Grande C.* Hybris: Colpa e castigo nell'espressione poetica e letteraria degli scrittori della Grecia antica (da Omero a Cleante). Napoli, 1947; *Dirat M.* L'hybris dans la tragédie grecque. Lille, 1973; *Суриков И. Е.* Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э.: Софокл, Еврипид и Аристофан в их отношении к традиционной полисной религии. М., 2002. С. 40 сл.

ЕЩЕ РАЗ О ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ ДРАКОНТА И СОЛОНА В АФИНАХ (ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

Часть I*

Своды законов, принятые в Афинах в результате деятельности Драконта (621 г. до н. э.) и Солона (594 г. до н. э.), относятся к важным вехам в истории не только этого полиса, но и античного греческого мира в целом. В то же время оба этих законодательных корпуса порождают – в первую очередь в силу состояния источниковой базы – немалое количество серьезных проблем и даже загадок, которые и по сей день нельзя считать однозначно и непротиворечиво решенными в современной историографии. Появляются новые концепции; старые опровергаются и уходят в прошлое или, напротив, возрождаются; по тому или иному вопросу нередко вспыхивает острая полемика в исследовательской литературе. И это совершенно нормально, поскольку истина иначе, как в споре, родиться попросту не может. Автор хотел бы, чтобы нижеследующие строки тоже стали посильным вклад в конструктивную дискуссию по данной тематике.

* * *

О законодательстве Драконта нам уже неоднократно доводилось писать в целом ряде работ¹. В целом это событие афинской истории редко рассматривается в отечественном антиковедении, и потому каждое появляющееся

* Впервые опубликовано в: Из истории античного общества: Сборник научных трудов. Нижний Новгород, 2008. Вып. 11. С. 5–25.

¹ Суриков И. Е. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // Древнее право. 1999. № 2 (5). С. 34–42; Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 125–133; Суриков И. Е. Законодательство Драконта в Афинах и его исторический контекст // Древнее право. 2000. № 2 (7). С. 8–18; Суриков И. Е. Законы Драконта как мнимая реальность // Восточная Европа в древности и средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. М., 2002. С. 215–221; Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 27–52; Суриков И. Е. О некоторых мнимых реальностях в античной и современной историографии древних Афин // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 239–250; Суриков И. Е. Законодательные реформы Драконта и Солона: религия, право и формирование афинской гражданской общины // Одиссей: человек в истории. 2006. С. 201–220.

исследование о нем вызывает естественный интерес. Совсем недавно этой теме посвятила статью Л. А. Пальцева – ученый из Санкт-Петербурга², автор хорошо известной монографии об архаических Мегарах, вышедшей несколько лет назад³. А в последнее время она обратилась к интенсивному изучению раннегреческого (в том числе и афинского) законодательства и права⁴, что можно только приветствовать: на этой обширной и плодородной ниве явно не хватает работников. Разумеется, внимание исследовательницы не могли не привлечь и законы Драконта.

Однако не со всеми положениями, высказанными в указанной работе Л. А. Пальцевой, можно безоговорочно согласиться; некоторые тезисы представляются требующими корректировки или, по меньшей мере, уточнения. Для того чтобы лучше аргументировать свою позицию, нам нужно предварительно кратко резюмировать суть той точки зрения на драконтовскую кодификацию, которой мы придерживаемся уже давно и не изменили по сей день.

Мы не разделяем в полной мере крайностей направления, получившего ныне значительный вес в западной историографии вопроса. Представители этого направления решительно утверждают, что единственными законами, реально введенными Драконтом, были законы об убийстве, а остальные узаконения, которые последующая традиция связывает с этим деятелем, приписаны ему неправомерно⁵. У нас, признаемся честно, нет столь же твердой уверенности, имеются определенные сомнения. Ведь античные источники, что ни говорить, это такая вещь, совсем не считаться с которой нельзя, хотим мы того или не хотим.

Но вот в чем мы абсолютно убеждены – так это в том, что ответственные выводы системного характера могут делаться только в отношении цикла законов Драконта об убийстве. Здесь данные нарративной традиции могут быть

² Пальцева Л. А. К вопросу о составе законодательства Драконта // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2007. Вып. 6. С. 195–210.

³ Пальцева Л. А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999. См. также нашу рецензию на эту книгу (ВДИ. 2002. № 3. С. 212–217).

⁴ Пальцева Л. А. Суд у Гомера и Гесиода // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2002. Вып. 1. С. 21–32; Пальцева Л. А. К вопросу о кодификации права в Древней Греции // Древнее право. 2002. № 2 (10). С. 14–22; Пальцева Л. А. Основные направления развития судебной системы в архаической Греции (VII в. до н. э.) // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2005. Вып. 4. С. 73 сл.; Пальцева Л. А. Фесмофеты и раннее афинское законодательство // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2006. Вып. 5. С. 205 сл.

⁵ Например: *Humphreys S. C. A Historical Approach to Drakon's Law on Homicide // Symposium 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 17–45; Schmitz W. «Drakontische Strafen»: Die Revision der Gesetze Drakons durch Solon und die Blutrache in Athen // Klio. 2001. Bd 83. Ht. 1. S. 7–38.*

проверены путем привлечения замечательного эпиграфического памятника, дошедшего до нас (IG. I³. 104), – большого, вполне аутентичного фрагмента этого цикла законов. И, кстати, сравнение безусловно достоверной информации, содержащейся в этом тексте, с релевантными сообщениями античных авторов показывает, что последние далеко не во всем адекватно передавали основные черты драконтовского законодательства. Так, они утверждали, что Драконт якобы за все преступления, крупные и мелкие, без разбора назначил одно и то же наказание – смертную казнь. Выясняется, что это самым явным образом противоречит действительному положению дел: даже за такое серьезное преступление, как убийство, законы Драконта предписывали не смерть, а изгнание – по крайней мере, в случае неумышленного убийства, а по мнению такого авторитетного специалиста, как М. Гагарин, в случае умышленного тоже⁶.

Как видим, даже в таком принципиальнейшем вопросе, как общий дух драконтовского законодательства, его коренная особенность, мы не можем слепо и некритично принимать на веру сведения, фигурирующие в наших письменных источниках. Тем более сказанное должно относиться к конкретному содержанию, точным формулировкам тех или иных принятых в 621 г. до н. э. законов. Действительно, откуда бы позднейшим античным писателям знать эти формулировки? Ведь в любом случае кодекс Драконта, за исключением раздела об убийстве, был уже вскоре отменен Солоном (Arist. Ath. pol. 7. 1; Plut. Sol. 17; Aelian. Var. hist. VIII. 10). Следовательно, он перестал действовать, вышел из употребления и, в принципе, не должен был оставить каких-либо аутентичных следов, поскольку трудно представить, что афиняне стали бы хранить кирбы и аксоны⁷ с законодательными актами, уже утратившими силу.

Следует специально подчеркнуть: мы не исключаем полностью, что в драконтовском своде были и какие-то другие законы, кроме законов об убийстве. Но, с другой стороны, вынуждены признать, что, если они и существовали, положительные суждения о них (например, о пресловутых законах, назначавших наказание за праздность, кражу и т. п.) вряд ли возможны. Понятно, что это *non liquet* звучит несколько разочаровывающе; но оно все-таки предпочтительнее, чем произвольные догадки.

Л. А. Пальцева знакома с одной из наших работ по данной проблематике, упомянутых выше, в прим. 1. Насколько можно судить, она не считает наши аргументы серьезными, не видит необходимости на них специально остано-

⁶ Gagarin M. Drakon and Early Athenian Homicide Law. New Haven, 1981. Passim.

⁷ О кирбах и аксонах – деревянных вращающихся таблицах, на которые наносились тексты законов в архаических Афинах, – см. наиболее подробно в специальном исследовании: Stroud R. S. The Axones and Kyrbeis of Drakon and Solon. Berkeley, 1979.

ливаться и только по одному частному вопросу вступает с нами в спор⁸. Сама исследовательница настаивает на том, что нарративной традиции о законах Драконта нужно доверять, как содержащей вполне достоверную информацию. У нас, однако, остается все тот же недоуменный вопрос: посредством каких механизмов такая информация могла быть сохранена?

По этому поводу Л. А. Пальцева пишет: «Как значимая веха в истории государства, первое писаное законодательство, если не во всей его полноте, то хотя бы частично, должно было, несомненно, остаться в народной памяти, в устном предании»⁹. «Должно было», «несомненно» – все эти эмфатические конструкции не должны заслонять того обстоятельства, что перед нами – всего лишь предположение. Безусловно, выдвинуть и рассматривать подобное предположение автор имеет полное право, ибо предположить, вообще говоря, можно все, что только угодно. Беда в том, что на предположениях никак не выстроить системы строгих доказательств. «Должно было остаться» и «осталось» – думается, любой согласится, что модальность в двух случаях несколько разная.

Более того, только такое предположение обретает статус научной гипотезы, которое не противоречит наличным фактам. Л. А. Пальцевой, очевидно, не приходилось специально заниматься проблемами функционирования и трансляции устных традиций, иначе она вряд ли стала бы настаивать на своем тезисе. В данной сфере исторического знания в течение всех последних десятилетий происходило бурное развитие; выявлен ряд закономерностей, которые ныне уже являются общепризнанными, а если кто-либо их не признаёт, то на нем лежит *onus probandi* – опровергнуть наличие этих закономерностей.

Так, показано¹⁰, что в устной памяти даже важнейшие события сохраняются в относительно корректной форме примерно на протяжении столетия (жизнь трех человеческих поколений), а затем они начинают подвергаться самым разнообразным искажениям, обрастают красочными деталями и подробностями чисто легендарного характера. Сказанное *a fortiori* относится к своду законов, который действовал всего-то не более тридцати лет, а затем был отменен, и в дальнейшем ни у кого не было ровно никакой прагматической необходимости помнить его конкретное содержание. При этом нужно также учитывать, что рядовые афинские граждане времен Драконта, в отличие от своих потомков, живших в классическую эпоху, были еще в подавляющем большинстве

⁸ Пальцева Л. А. К вопросу о составе... С. 201 и прим. 16. На этом месте мы подробнее остановимся ниже.

⁹ Там же. С. 200.

¹⁰ См., например: *Ruschenbusch E. Die Quellen zur älteren griechischen Geschichte: Ein Überblick über den Stand der Quellenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Belange des Rechtshistorikers // Symposium 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 70.*

неграмотны и прочесть законы попросту не имели возможности. Так каким же образом «народная память» могла их запечатлеть, да еще и в точных формулировках, и адекватно воспроизводить через два-три века и позже (первые цитаты из законов Драконта, не относящихся к убийству, встречаем в источниках не ранее IV в. до н. э.)? Если привести параллель из нашей отечественной истории, – многое ли сберегла пресловутая память народная, допустим, из Полного собрания законов Российской империи, принятого при Николае I, или даже из конституции 1937 г. (совсем недавней по историческим меркам)? Будем уверены: если бы эти тексты не сохранились «в натуре» и их приходилось бы изучать *только* по «устному преданию», результаты такого изучения были бы, мягко говоря, более чем скудными. А что касается конкретно раннегреческих законодателей, то их образы по ряду причин в особенной степени подвергались, из поколения в поколение, поступательной и интенсивной мифологизации¹¹. Странно было бы, если бы только Драконт оказался исключением и о нем до нас дошли лишь достоверные данные.

Кажется, Л. А. Пальцева и сама осознает некоторую методологическую шаткость и уязвимость этого довода «от возможного» (а учитывая все вышесказанное – пожалуй, даже «от невозможного»). Поэтому исследовательница присовокупляет к нему и иное соображение – как она считает, более весомое. Законы Драконта существовали не только на деревянных аксонах, но и в папирусных копиях, которые находились «в особом государственном хранилище (своего рода архиве)»¹². Причем продолжали там храниться и после отмены драконтовского законодательства; соответственно ими-то и пользовались как судебные ораторы, так и все, кто интересовался данными сюжетами. Что можно сказать по этому поводу?

Первое. Даже принимая исходную посылку о помещении действующих законов в архив, мы не находим ровно никаких мотивов, по которым их продолжали бы сохранять в этом архиве после того, как они перестали быть действующими. Просто из «антикварного» интереса, чтобы удобнее было работать будущим историкам? Вряд ли в начале VI в. до н. э. кто-нибудь мог предполагать, что таковые появятся. Хранение утративших силу правовых актов вместе с актами, свою силу сохраняющими, порождало бы только постоянную путаницу и вредило бы судопроизводству. Более чем естественно предположить, что отмененные законы Драконта были и физически уничтожены (как, например,

¹¹ См. подробнее об этом процессе: *Ruschenbusch E.* ΠΑΤΡΙΟΣ ΠΟΛΙΤΕΙΑ. Theseus, Drakon, Solon und Kleisthenes in Publizistik und Geschichtsschreibung des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr. // *Historia*. 1958. Bd 7. Ht. 4. S. 398–424; *Szegedy-Maszak A.* Legends of the Greek Lawgivers // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1978. Vol. 19. No. 3. P. 199–209.

¹² *Пальцева Л. А.* К вопросу о составе... С. 200.

были уничтожены закладные камни-*ῥοοι* после отмены Солоном долговой кабалы).

Второе. Сделаем еще одну уступку и допустим, что свод Драконта в полном виде все-таки ради каких-то неизвестных нам целей (просто позабыли выбросить?) сохранялся в архиве даже и в послесолоновское время. Но тут следует напомнить, что в 480 г. до н. э. Афины были взяты и разрушены Ксерксом. Незадолго до того город подвергся эвакуации, а все, что не было эвакуировано, погибло в огне пожара. Действовавшие на тот момент законы Солон полисные власти, покидая родину, несомненно, захватили с собой (поскольку полис – в силу специфики этого типа государственного организма – продолжал функционировать даже после утраты территории, его «конституция» должна была быть спасена). Но с какой бы стати было спасать тексты отмененного законодательства Драконта, решительно никому уже не нужные? Ведь эвакуация проводилась в крайне спешном порядке, вывозилось только самое необходимое. Даже многих жителей «по причине старости оставляли в городе» (Plut. Them. 10). Покидать на верную гибель людей, но при этом брать с собой устаревшие законы – не отдает ли подобная гипотетическая ситуация абсурдом?

Третье. Сама исходная посылка, от которой мы до сих пор отталкивались, тоже не представляется нам безусловной. Не будем специально затрагивать общий вопрос о существовании архивов в архаической Греции: он сам по себе сложен, и еще не факт, что на него следует давать безоговорочно положительный ответ. В любом случае, если бы законы Драконта поместили в архив, то та их часть, которая после Солон сохранила силу, должна была оставаться в этом архиве и в дальнейшем. Мы имеем в виду законодательство об убийствах. Соответственно, когда это законодательство в конце V в. до н. э. копировалось на каменные стелы, резонно предположить, что в качестве источника для копирования был бы использован именно архивный папирусный экземпляр, а не деревянные аксоны. Ведь последние после двухвекового существования на открытом воздухе к тому времени уже практически пришли в негодность (Cratin. fr. 274 Kock), и текст на них, вне сомнения, плохо читался; скорее всего, как раз этим обстоятельством была вызвана и сама необходимость создания копии на камне, материале более прочном, чем дерево. Однако же законы Драконта об убийстве переносились на стелы явно именно с аксонов, а не с папируса. На дошедшей до нас стеле имеются подзаголовки: «Первый аксон», «Второй аксон».

Далее Л. А. Пальцева пытается ответить на резонно поставленный в свое время (в том числе и автором этих строк) вопрос: если кодекс Драконта имел в виду не только убийства, а был более или менее всеобъемлющим, зачем же через какие-нибудь 27 лет Солону потребовалось вводить совершенно новый кодекс, полностью отменяя старый, коль скоро можно было бы его просто

расширить, модифицировать и т. п.? Два свода законов на столь кратком хронологическом отрезке – это выглядит избыточным дублированием. Исследовательница находит, как ей кажется, простой и удобный выход из проблемы, объясняя этот плеоназм резким возрастанием социальной напряженности в афинском полисе на рубеже VII–VI вв. до н. э., в результате чего законы Драконта перестали соответствовать реалиям и запросам новой эпохи, и их пришлось заменить новыми¹³.

Сам факт обострения в Афинах в указанный период социальной (точнее, мы бы сказали, социально-политической) напряженности, интенсификации стасиса – налицо, его невозможно оспаривать, как бы ни интерпретировать причины складывания кризисной ситуации¹⁴. Но дело совсем не в этом. Наши возражения разделяются на два взаимосвязанных блока. Во-первых, едва ли не в каждом греческом полисе, особенно в архаическую эпоху, периодически напряженность резко возрастала, разгорался стасис¹⁵. По логике Л. А. Пальцевой, во всех таких случаях мы вправе ожидать частой и радикальной смены законодательств. Однако вот этого-то как раз мы и не находим! Пример Афин с их уникальной двойной законодательной реформой за краткий исторический период так и остается уникальным¹⁶. Стало быть, объяснение, предложенное Санкт-Петербургской исследовательницей, явным образом недостаточно.

Во-вторых, напряженность и стасис отнюдь не утихли в Афинах даже после солоновских реформ; скорее напротив – только обострились. Начались такие кризисные проявления, неизвестные еще во времена Солон, как невозможность из-за смуты избрать архонта-эпонима (Arist. Ath. pol. 13. 1), незаконная узурпация Дамасием архонтской магистратуры на два с лишним года (Arist. Ath. pol. 13. 2) и, наконец, увенчавший всё захват тиранической власти Писистратом¹⁷. Стасис, в сущности, не прекращался и на протяжении значительной части существования тирании, а после ее ликвидации в 510 г. до н. э. вспыхнул с новой силой. Да еще и в классическую эпоху его пароксизмы неоднократно давали о себе знать.

Если принимать ход рассуждений, предложенный Л. А. Пальцевой, каждая или почти каждая такая вспышка межполисной борьбы должна была влечь

¹³ Пальцева Л. А. К вопросу о составе... С. 200–202.

¹⁴ Напу интерпретацию см.: Суриков И. Е. Досолоновские «шестидольники» и долго-вой вопрос в архаических Афинах // ВДИ. 2007. № 3. С. 28–46.

¹⁵ Подробнее см.: Lintott A. Violence, Civil Struggle and Revolution in the Classical City, 750–330 B.C. Baltimore, 1982; Gehrke H.-J. Stasis. Untersuchungen zu den inneren Krisen in den griechischen Staaten des 5. und 4. Jahrhundert v. Chr. München, 1985.

¹⁶ Суриков И. Е. Проблемы... С. 27.

¹⁷ См. подробнее об этих событиях: Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 143 сл.

за собой новый свод законов. Взять хотя бы период государственной деятельности Клисфена. Ситуация в этот период была в Афинах воистину революционной¹⁸ и уж по крайней мере не менее острой, чем при Солоне (дело доходило до реальной опасности иностранной оккупации!). Казалось бы, Клисфен был просто обязан инициировать новое законодательство, тем более что с момента предыдущего (солоновского) прошел уже почти век: социально-политические реалии кардинально изменились, и старые законы вроде бы никак не могли соответствовать им. Тем не менее «отец афинской демократии» ничего подобного не предпринял, а ограничился всего лишь рядом конкретных реформ.

Настолько велик был авторитет кодекса Солона, что он в дальнейшем оставался действующим законодательством в течение веков и веков. Даже когда в конце V в. до н. э. (в обстановке уже и вовсе иной) солоновский свод подвергся частичному пересмотру¹⁹, изменения, которые в него внесли, были, по большому счету, не столь уж существенными и принципиальными. Континуитет по сравнению с предшествующей традицией демонстративно подчеркивался тем, что даже обновленный свод по-прежнему назывался «законами Солона».

Итак, тезис о том, что социально-политические сложности и перемены в греческом полисе сами по себе являлись достаточной причиной для полной (!) смены законодательства, вне всякого сомнения, неверен. А, стало быть, этот тезис ничего не доказывает и ни в чем не может убедить. Дела обстояли скорее противоположным образом: в архаическую эпоху пietet перед законами как таковыми был настолько велик (ведь закон считался божественным учреждением!²⁰), что изменение их воспринималось фактически как кощунство. Известный рассказ о том, как Залевк (или Харонд) предписал каждому гражданину, намеревающемуся ввести новый закон, являться в собрание не иначе как с петлей на шее²¹, может быть, и не является безусловно историчным, но, во всяком случае, общую тенденцию он отражает вполне корректно.

¹⁸ Ober J. The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999. P. 32–52.

¹⁹ Подробнее об этой процедуре см.: Суриков И. Е. Проблемы... С. 70 сл.

²⁰ Законодатели практически всегда перед началом своей деятельности консультировались с виднейшими оракулами. Лишь в V в. до н. э., в связи с интеллектуальным движением софистов, появляется идея о том, что законы – чисто человеческие установления. См.: Kerferd G. B. The Sophistic Movement. Cambridge, 1981. P. 111 ff.

²¹ Шишова И. А. Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991. С. 112. Прим. 106; Строгоцкий В. М. Античная традиция и современная историческая наука о законодательстве Залевка и Харонда // Античность, средние века и Новое время. Социально-политические и этно-культурные процессы. Нижний Новгород, 1997. С. 70; Высокий М. Ф. Древнегреческое законодательство на Сицилии: законы Харонда // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. Вып. 17. С. 51. Прим. 22.

А вот цитата из заведомо аутентичного документа – закона, принятого в Галикарнасе в начале второй трети V в. до н. э. и сохранившегося в эпиграфическом экземпляре (Meiggs – Lewis 32):

Если кто-либо пожелает отменить этот закон или предложит провести голосование о том, чтобы этот закон утратил силу, имущество такого человека следует продать с торгов и посвятить Аполлону, а самого его отправить в вечное изгнание; если же его имущество оценивается менее чем в десять статеров, то его самого продать в рабство на чужбину, и пусть никогда ему не будет возвращения в Галикарнас. Выступить с обвинением против него может любой свободный гражданин из числа всех галикарнасцев.

Вот как сурово относились к лицам, стремящимся к немотивированным изменениям в законодательстве. Подчеркнем, что эта цитата дана исключительно *exempli gratia*, мы могли бы присовокупить к ней многие другие. А именно галикарнасский акт мы приводим потому, что он должен быть хорошо знаком Л. А. Пальцевой: в одной из своих работ она на него ссылается (разумеется, в совсем другой связи)²².

Если подобное отношение к законам имело место даже еще и в классическую эпоху, то в еще большей степени оно должно было быть таким в эпоху предыдущую, архаическую. Автору этих строк уже доводилось писать о своеобразном «глобализме» древнегреческого правосознания²³. Ключевой для юридической сферы термин *δίκη* подразумевал не только чисто «человеческое» право, но и идею мировой гармонии, порядка, равновесия, нарушение которого влечет за собой неминуемое возмездие. В сущности, любое вмешательство в действие *δίκη* воспринималось во всей совокупности его космических импликаций. Даже незначительное отклонение от *δίκη* было, как считалось, чревато подрывом той самой мировой гармонии, наносило ущерб нормальным отношениям между людьми и сверхъестественными силами, в общем, угрожало не только конкретным индивидам, но и всему обществу.

Иными словами, совершенно невозможна параллель с ситуацией сегодняшних дней, когда в большинстве государств постоянно действующие законодательные органы (парламенты) непрерывно занимаются штампованием новых законов и «перелицовкой» имеющихся; такова главная задача этих органов, для которой они, собственно, и существуют. Ничего даже отдаленно

²² Пальцева Л. А. Греческие мнемоны // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2003. Вып. 2. С. 36. К сожалению, ссылка на документ тут дана некорректно: он фигурирует как ML, № 45. На самом деле, как мы видели, в подборке Мейтса и Льюиса галикарнасский закон значится под № 32, а № 45 в ней – это знаменитый Афинский монетный декрет.

²³ Суриков И. Е. Проблемы... С. 13–15.

подобного не находим в древнегреческих государствах. Для того чтобы изменять законодательство, нужны были *очень* веские основания – значительно более веские, нежели просто обострение социально-политической напряженности, интенсификация стасиса (вещь, в общем-то, отнюдь не редкая в любом полисе). В действующие законы могли, конечно, ничтоже сумняшеся вмешиваться тираны (да и то не все; в отношении Писистрата, например, источниками специально подчеркивается, что он не изменял законов). Но тираны – случай особый. Эти правители, являясь нелегитимными узурпаторами по самой своей сущности, и не чувствовали себя обязанными с уважением относиться к какой бы то ни было легитимности²⁴; кроме того, для тиранов был характерен специфический тип харизматической сакрализации собственной власти²⁵, и принимаемый ими особый «сверхчеловеческий» статус, как они считали, позволял им значительно более широкий спектр действий (в том числе и в правовой сфере), нежели обычным индивидам.

Солон же, как известно, не только не был тираном, но и с глубоким негодованием отвергал любые попытки уговорить его стать таковым. Афинского мудреца-поэта отличали такие качества, как искреннее благочестие, полная убежденность в тесной связи «земного» порядка с порядком «божественным», в том, что первый обуславливается последним и зависит от него. Всё это положения настолько хрестоматийные, даже тривиальные, что они вряд ли нуждаются в специальной аргументации.

Одним словом, очень не похоже, что Солон стал бы проявлять демонстративную непочтительность и к богам, и к своему непосредственному предшественнику, совершенно отменяя его законы и заменяя их новыми, хотя, если уж старые в чем-то перестали удовлетворять граждан, в них ведь можно было просто внести изменения и поправки. Ибо, повторим и подчеркнем, нам представляется абсолютно невероятным, чтобы на хронологическом отрезке 621–594 гг. до н. э. ситуация в Аттике переменилась настолько радикально, что требовала *полного* отказа от *всего* действующего свода законов, не считая небольшого цикла узаконений об убийствах. Да о такой радикальной перемене обстоятельств источники ничего и не сообщают. Поэтому – выразимся максимально мягко и осторожно – мы *допускаем*, что Драконт кодифицировал только нормы, касающиеся убийств: в его время это было особенно актуально, поскольку после неудачного мятежа Килона полис был обуреваем разгулом кровной мести.

²⁴ О правовых основаниях античной легитимности см.: *Finley M. I. Authority and Legitimacy in the Classical City-State. København, 1982.*

²⁵ *Андреев Ю. В.* Тираны и герои. Историческая стилизация в политической практике старшей тирании // ВДИ. 1999. № 1. С. 3–7; *Суриков И. Е.* Status versus charisma: сакрализация правителя в Греции и греческом мире I тыс. до н. э. // Сакрализация власти в истории цивилизаций. М., 2005. Ч. 2–3. С. 7–34; *Суриков И. Е.* Античная Греция... С. 163 сл.

Остальные же сферы жизненных отношений остались пока не кодифицированными писаным правом, и вскоре Солону пришлось это сделать.

С этой нашей позицией можно соглашаться или не соглашаться; мы и сами отнюдь не станем на ней настаивать, если будут представлены действительно убедительные аргументы *contra*. Пока таковых мы не знаем. А теперь перейдем в полемике с Л. А. Пальцевой от ее общих представлений о составе законодательства Драконта к трактовке ею некоторых конкретных законов, приписываемых этому историческому деятелю.

Прежде всего речь пойдет о пресловутом законе, назначавшем наказание за праздность. Закон этот весьма проблематичен; уже античные авторы колебались в вопросе, был ли он издан Драконтом, Солоном или даже Писистратом (Theophr. fr. 99 Wimmer; Plut. Sol. 31; Diog. Laert. I. 55). Л. А. Пальцева пытается выйти из противоречия, высказывая предположение, что в закон, принадлежавший Драконту, затем вносились изменения Солоном и Писистратом²⁶. В подкрепление своей точки зрения исследовательница ссылается на один малоизвестный фрагмент оратора Лисия, согласно которому Драконт, введя закон о праздности, назначил наказанием смертную казнь, а Солон затем наказание смягчил (штраф в 100 драхм, а в случае троекратного осуждения – атимию).

Л. А. Пальцева комментирует это свидетельство следующим образом:

Будучи профессиональным судебным оратором, Лисий, несомненно, имел возможность изучить афинское законодательство в максимально полном объеме, что само по себе уже заставляет нас внимательно отнестись к данному сообщению... Едва ли может вызвать сомнения историческая достоверность изображенного оратором процесса, что дает основание с доверием отнестись к его сообщению²⁷.

Да, Лисий, несомненно, хорошо изучил афинское законодательство, но, подчеркнем, законодательство *действующее*, поскольку именно его нужно было знать для участия в судебных процессах. Но зачем логографу могло потребоваться изучать законы, давным-давно уже утратившие силу? Так сказать, чисто из исторического интереса? Не думаем, что таковой у Лисия был. А никакого прагматического значения исследование отмененных узаконений иметь не могло. Добавим к этому еще, что судебные ораторы Афин (а к их числу принадлежал и Лисий) охотно шли в своих речах на извращение и искажение законов²⁸; ведь в условиях кратковременного (максимум несколько часов) судебного процесса присяжные, в сущности, не имели ни возможности, ни желания проверять слова тяжущихся сторон. А примененный Л. А. Пальцевой оборот

²⁶ Пальцева Л. А. К вопросу о составе... С. 202–204.

²⁷ Там же. С. 203.

²⁸ Кудрявцева Т. В. Карать или миловать: чем руководствовались афинские дикасты, вынося приговор // *Studia historica*. М., 2007. Вып. 7. С. 46.

«едва ли может вызвать сомнения историческая достоверность...», строго говоря, является вообще не аргументом, а риторическим приемом.

Принимая, что Солон не отменил закон Драконта о праздности, а лишь модифицировал его, мы вступаем в противоречие с основной линией нарративной традиции, согласно которой *все* законы Драконта, кроме законов об убийстве, были в 594 г. до н. э. отменены. Отрицать столь мощную, представленную самыми авторитетными авторами традицию – это уже, конечно, гиперкритицизм, и, насколько нам известно, до такого никто из исследователей вроде бы не доходил.

Но закон о праздности вызывает у нас сильные подозрения относительно своей подлинности даже не столько из-за несогласованности в источниках, сколько по своей содержательной стороне. Неясно, на кого такой закон распространялся и против кого он был направлен. Считать ли, что суровому наказанию за праздность подлежали все афинские граждане? В таком случае выходит, что аристократам-богачам, образ жизни которых в норме был вполне досужим, теперь тоже предписывалось трудиться «в поте лица своего». А это абсурдно. Да они, конечно, и не начали трудиться, – однако же неизвестно, чтобы кто-то из них был судим по закону о праздности.

Получается, что рассматриваемый закон имел, так сказать, избирательное действие: рядовые граждане под него попадали, знатные – нет. Так сказать, *quod licet Iovi, non licet bovi*. Но подобный «двойной стандарт» оказывается в противоречии с самой идеей закона как акта, в равной мере относящегося ко всем, не знающего каких-либо исключений, привилегий и т. п. Ведь и сам Солон писал в одной из элегий (fr. 24 Diehl. 18–20): «Для злых и благостных (какῶ τε κα̑γαθοῶ) законы равные я начертал...» (пер. Г. Ф. Церетели). Причем термины какоῖ и ἀγαθοῖ здесь, как и в целом в архаической лирике, необходимо понимать именно в социальном, а не нравственном смысле.

Правда, со стороны Л. А. Пальцевой могут возникнуть возражения. Дело в том, что, она считает законодательство Драконта «сугубо аристократическим»²⁹. Однако это чисто априорное суждение, поскольку никак не поясняется, что же специфически аристократического было в рассматриваемом законодательстве. Сам факт введения писаных законов (любых) ущемлял интересы аристократии, поскольку тем самым она лишалась безусловного контроля над нормами устного права. Бесспорно, в процессе нужно разделять объективный и субъективный моменты. Объективно архаические кодификации в конечном счете оказывались на пользу демосу; субъективно же раннегреческие законодатели действовали отнюдь не в его интересах. Кстати, и сами они в подавляющем большинстве являлись выходцами из знати. Есть даже точка зрения, согласно которой их законодательства – не уступка народу, а, напротив, реакция, попытка удержать

²⁹ Пальцева Л. А. К вопросу о составе... С. 202.

и укрепить за аристократией преобладающие позиции³⁰. Это мнение, впрочем, представляется нам уже крайностью. Как бы то ни было, считать ли номофетов архаической эпохи «антиаристократическими» или «проаристократическими» деятелями, Драконт ничем не выделяется из их общей массы.

Теперь обратимся к вопросу о потенциальных «адресатах» закона о праздности. От какого рода лиц он призван был защитить гражданскую общину? По мнению Л. А. Пальцевой, он противодействовал «образованию слоя не обеспеченных собственностью, праздношатающихся и потому опасных элементов»³¹. Насколько можем понять, речь здесь ведется о каких-то люмпенах. Даже не касаясь вопроса о том, были ли такие в Афинах времен Драконта и Солон, обратим внимание на следующее обстоятельство. Л. А. Пальцева, как мы видели, признает вполне аутентичным свидетельство Лисия, согласно которому штраф по закону о праздности составлял 100 драхм. Мы же, со своей стороны, вынуждены напомнить, что в рассматриваемую эпоху драхма приравнивалась к медимну зерна или овце, 5 драхм – к быку (Plut. Sol. 23). Иными словами, стоимость денег была на этом раннем этапе древнегреческой истории еще очень высокой (наверное, нужно оговорить в скобках, во избежание недоразумений, что это были домонетные деньги, поскольку монета в Афинах ранее второй половины VI в. до н. э. не чеканилась).

Путем простейших расчетов получаем, что штраф за праздность составлял денежный эквивалент стада в 100 овец или 20 быков. И каким же образом такой штраф мог заплатить праздношатающийся элемент, не обеспеченный собственностью, – то есть бедняк, чтобы не сказать нищий? Откуда у него были такие деньги? А обратить долг с состояния и имущества гражданина на его личность (то есть продать в рабство) было нельзя – как раз со времени реформ Солон!

Итак, лишний раз замечаем, какие методологические сложности и противоречия возникают, когда мы пытаемся подвергать интерпретации имеющуюся в нарративной традиции информацию о драконтовском законодательстве. Не иначе, чем с законом о праздности, обстоит дело и с другим, не менее известным «законом Драконта» – о кражах. Свидетельства об этом последнем узаконении – почти все поздние. Поэтому не случайно Л. А. Пальцева особенно акцентирует внимание на том, кажется, единственном тексте, который она считает ранним сообщением по данной тематике. Текст принадлежит Ксенофонту (Оес. 14. 4–5)³² и, по мнению исследовательницы, «является весомым

³⁰ Eder W. The Political Significance of the Codification of Law in Archaic Societies: An Unconventional Hypothesis // Social Struggles in Archaic Rome: New Perspectives on the Conflict of the Orders. Berkeley, 1986. P. 262–300.

³¹ Пальцева Л. А. К вопросу о составе... С. 203.

³² У Л. А. Пальцевой (Там же. С. 204) цитируемый источник назван трактатом «Экономика». Необходимо подчеркнуть: трактата «Экономика» у Ксенофонта нет. Речь идет,

подтверждением того, что поздняя традиция, приписывающая Драконтону законы о кражах, возникла не на пустом месте»³³.

Однако посмотрим, что же на самом деле сказано у Ксенофонта:

...Я все-таки пробую наставлять слуг на путь честности: для этого беру кое-что из законов Драконта, кое-что из законов Солонa. Мне кажется, и эти мужи при издании многих законов задавались целью учить такой честности. Так, в законе сказано: наказание за кражу... (далее следует закон, который процитирован и у Л. А. Пальцевой).

Итак, в данном пассаже говорится о законах Солонa и Драконта. Следовательно, и приводимый далее Ксенофонтом закон принадлежит не однозначно Драконтону, как думает Л. А. Пальцева, а *либо* Драконтону, *либо* Солону. Но кому же из двоих? На простой вопрос – простой ответ: разумеется, цитируется действующее законодательство, а не какое-то давным-давно отмененное. А действующим на тот момент законодательством в Афинах было солоновское. Значит, о законе Драконта, каким бы он ни был, это место трактата Ксенофонта ровно никаких конкретных сведений не содержит.

Л. А. Пальцева считает возможным связать с законотворческой деятельностью Драконта еще некоторые меры, в частности ужесточение долговой кабалы, инициативу установки закладных камней (ὄροι) на участках должников, учреждение статуса «шестидольников» (гектеморов)³⁴. Данная точка зрения

конечно, о его сократическом произведении Οἰκονομικός, которое на русском чаще всего передают как «Домострой» (именно такое название носит данный трактат в русском переводе сократических сочинений Ксенофонта, принадлежащем С. И. Соболевскому). Допускаем, что «Домострой» для древнегреческого памятника может звучать несколько «посконно-кондово», и вполне признаем за коллегами право давать заглавие в буквальной транскрипции. Но уж буквальность – так буквальность: тогда должно быть «Экономик», но никак не «Экономика». Отметим, к слову, что у Л. А. Пальцевой, к сожалению, встречаются и другие примеры неточностей в той же области. Так, у нее упоминается автор Свида (Там же. С. 195). «Уж сколько раз твердили миру», что никакого автора Свида никогда не было, а был византийский анонимный энциклопедический словарь «Суда», – но тем не менее и по сей день время от времени этот самый мифический Свида всплывает в отечественных исследованиях. Немецкий ученый Э. Рушенбуш (E. Ruschenbusch) фигурирует в статье как «Е. Рушенбуш» (Там же. С. 197). Опять же даже как-то неудобно напоминать, что ни в одном из западноевропейских языков буква *e* русского йотированного «е» не выражает. Аналогичен случай с американским антиковедом Линфортом, чье имя пишется в оригинале Ivan M. Linforth. Можно спорить о том, как будет звучать Ivan – «Иван» или «Айван», но ясно одно – «Дж. Линфорт» у Л. А. Пальцевой некорректно.

³³ Пальцева Л. А. К вопросу о составе... С. 204.

³⁴ Там же. С. 209–210.

не нова, она уже высказывалась в историографии³⁵, но от этого более верной не становится, поскольку не находит никакой опоры в источниках, а опирается, в сущности, только на косвенные соображения такого типа: «Мог ли стихийно, без специальных предписаний и кем-то обусловленных правил возникнуть порядок размещения на землях должников долговых камней? Могла ли спонтанно сложиться единая норма отчислений с так называемых гектеморов в пользу заимодавцев (одна шестая часть урожая)?»³⁶

Во-первых, строго говоря, ничего удивительного, даже если оно действительно так и было. В архаических обществах подобные процессы сплошь и рядом разворачиваются в рамках социальных норм, еще не получивших письменной фиксации. Во-вторых, даже если постулировать, что существовали какие-то специальные законы на сей счет, – повторим, из источников ни в малейшей мере не следует, что эти законы можно считать драконтовскими. А слишком далеко отходить от источника – вряд ли плодотворный путь, и, во всяком случае, для современной петербургской школы антиковедения он отнюдь не типичен.

То же касается и закона, запрещавшего поднимать вопрос о возобновлении войны с Мегарами. Л. А. Пальцева также «с известной долей вероятности» приписывает его Драконту³⁷. Непонятно, чем обусловлена эта вероятность: ведь у античных авторов говорится только, что закон был издан афинянами, без указания на конкретного законодателя. Разумеется, если считать, что до архонтата Солон в 594 г. до н. э. в Афинах действовали *только* законы Драконта, то иного выхода не остается, кроме как признать его же автором и данного постановления. Но так ли это? У Л. А. Пальцевой встречаем на сей счет некоторое противоречие.

С одной стороны, она, как мы видели, характеризует законы Драконта как «первое писаное законодательство» в Афинах³⁸. И это устоявшийся в историографии, даже расхожий взгляд, однако основанный, пожалуй, на недостаточно глубоком и полном учете исторического контекста события. Ведь сама же Л. А. Пальцева в другом месте своей статьи совершенно справедливо пишет: «В период, предшествующий законодательству Драконта, фесмофеты имели самое непосредственное отношение к законодательной деятельности»³⁹. Коллегия из шести архонтов-фесмофетов заведомо была создана в Афинах еще

³⁵ Помимо работ, указываемых Л. А. Пальцевой, см. также (в наиболее отчетливой форме): *Rihll T. E.* ΕΚΤΗΜΟΡΟΙ: Partners in Crime? // *Journal of Hellenic Studies*. 1991. Vol. 111. P. 102.

³⁶ *Пальцева Л. А.* К вопросу о составе... С. 209–210.

³⁷ Там же. С. 201. Прим. 17.

³⁸ Там же. С. 200.

³⁹ Там же. С. 196.

до Драконта⁴⁰, который сам входил в ее состав. И главной функцией коллегии была, несомненно, письменная фиксация правовых норм. Так, вскоре после мятежа Килона фесмофетами был записан суровый закон о тирании⁴¹, с чем вполне согласна и Л. А. Пальцева⁴².

Мятеж Килона имел место в 636 г. до н. э.⁴³, законодательство Драконта – в 621 (или, что менее вероятно, в 624) г. до н. э., то есть в любом случае позже. Таким образом, до Драконта в Афинах совершенно точно имелись уже какие-то писанные законы. Вероятно, они были еще разрозненными и не объединялись в целостный свод. Но, во всяком случае, это обстоятельство заставляет несколько иначе посмотреть на всю деятельность Драконта и, признавая ее роль как достаточно важной вехи в истории Афин, все-таки эту роль не преувеличивать, не считать ее уникальным первым шагом афинского писаного права. Соответственно, вряд ли следует приписывать Драконту не принадлежавшие ему в действительности меры.

В частности, не приходится сомневаться в том, что система афинских судов по делам об убийствах (Ареопаг, Дельфиний, Палладий, Фреатто, Пританей) существовала задолго до этого законодателя, в течение веков. В трех из этих судов (Дельфинии, Палладии и Фреатто) судили эфеты – особая коллегия из 51 человека. Учреждение этой коллегии Л. А. Пальцева приписывает Драконту⁴⁴, ссылаясь на свидетельство Юлия Полидевка (VIII. 125). Чтобы вынести суждение об аутентичности этого последнего, процитируем его: «Эфеты, числом пятьдесят один. Учредил же их Драконт, а избирались они по благородству происхождения. Судили же они дела, связанные с пролитием крови, в пяти судилищах. Солон же присовокупил к ним Совет Ареопага».

В маленьком, всего в несколько строк, тексте находим целый ряд грубых ошибок и несообразностей. Во-первых, создание Совета Ареопага связывается с Солоном, между тем как на самом деле этот древний аристократический орган, комплектовавшийся из бывших архонтов, существовал, конечно, задолго и до Солон, и до Драконта, вырастая из совета старейшин догосударственной эпохи. Во-вторых, указано, что эфеты судили во всех пяти судилищах, существовавших в связи с делами об убийстве. Это тоже неверно, поскольку эфеты,

⁴⁰ Суриков И. Е. Эволюция афинского архонтата // Третья международная конференция «Иерархия и власть в истории цивилизаций»: Статьи и тезисы докл. М., 2007. Ч. 2. С. 38.

⁴¹ Gagarin M. The Thesmothetai and the Earliest Athenian Tyranny Law // Transactions of the American Philological Association. 1981. Vol. 111. P. 71–77.

⁴² Пальцева Л. А. К вопросу о составе... С. 206. Прим. 27.

⁴³ Обоснование датировки см.: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 33–36.

⁴⁴ Пальцева Л. А. К вопросу о составе... С. 208.

как мы и отметили чуть выше, судили только в трех из них. В Ареопаге судьями были, естественно, ареопагиты, а в Пританее – филобасилеи⁴⁵. Кстати, каким же образом драконтовские эфеты могли, по Полидевку, судить «в пяти судилищах», если одного из этих пяти судилищ – Ареопага – еще не было? Налицо внутреннее противоречие. Лексикограф явно взял свои фантастические сведения из какого-то абсолютно ненадежного источника, причем не позаботился даже о том, чтобы сходились концы с концами. Поэтому ясно, что доверять информации, содержащейся в этой словарной статье, нельзя ни в чем. Ибо если мы будем ей в чем-то доверять, а в чем-то не доверять, то это будет означать не что иное, как наш субъективный произвол.

В законах Драконта об убийстве упоминается коллегия эфетов, причем без какого-либо пояснения. Это само по себе говорит о том, что данный орган уже существовал на тот момент. Если бы он создавался Драконтом, то в законах, разумеется, было бы сказано об этом эксплицитно, подробно пояснялись бы полномочия эфетов, способ их избрания и пр.

Кстати, в связи с эфетами Л. А. Пальцева выдвигает еще и следующий тезис: «Принципиально новым для Афин того времени был широкий численный состав судебной коллегии, состоявшей из пятидесяти одного члена, что было первым шагом в сторону создания еще более массового судебного органа (гелизи) в начале VI в. до н. э.»⁴⁶. И опять же перед нами не вполне корректное суждение. Выходит, что до учреждения эфетов в Афинах не было столь же многочисленного судебного органа. А в действительности, каким бы временем ни датировать введение коллегии эфетов, совершенно однозначен тот факт, что Ареопаг, в том числе и как судебный орган, существовал раньше нее. Численность Ареопага в связи с принципами его комплектования не была строго фиксированной, но во всяком случае в него входило намного больше 51 члена. Вопреки мнению Л. А. Пальцевой, создание коллегии эфетов означало появление не более многочисленного, а менее многочисленного судебного органа, чем существовавший ранее.

Общее представление петербургской исследовательницы о процессе развития аттического права, если мы его верно понимаем, сводится к тому, что это развитие шло по пути нарастающей дифференцированности. Нам эта позиция представляется несколько телеологичной. А против телеологизма в понимании раннегреческого законодательства как стадии в прогрессивной эволюции некой «правовой идеи» нам уже приходилось высказываться⁴⁷. Допускаем, что

⁴⁵ См. подробнее по этим вопросам: *Boegehold A. L. et al. The Lawcourts of Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia (The Athenian Agora. Vol. 28). Princeton, 1995. P. 43–50, 121–150* (с подборкой свидетельств источников).

⁴⁶ Пальцева Л. А. К вопросу о составе... С. 208–209.

⁴⁷ Суриков И. Е. Проблемы... С. 50.

наше мнение в данной сфере не является авторитетным, но в этом мнении мы отнюдь не одиноки. Так, регулярно и самым решительным образом высказывается против подобного телеологизма немецкий антиковед К.-Й. Хёльке-скамп – в настоящее время крупнейший в мире специалист по архаическому законодательству в Элладе⁴⁸, работы которого, к сожалению, не используются Л. А. Пальцевой (может быть, потому, что его выкладки находятся уж в очень сильном противоречии с ее собственными?).

Драконт, разумеется, не имел никакого понятия, что его законодательство является неким шагом в поступательном развитии греческого права. Он не знал и не мог знать, что в достаточно скором времени последуют более «совершенные» законы Солон. Драконт действовал в конкретной ситуации и применялся к ее потребностям. Он занимался, в сущности, не правотворчеством, а письменной фиксацией древних обычаев, причем лишь в тех их пунктах, которые вызывали сомнение и требовали разъяснения и уточнения⁴⁹.

Что же касается пресловутой нарастающей дифференциации в пенитенциарном праве, то мы поставили бы под сомнение сам факт слишком уж далеко продвинувшейся дифференциации такого рода даже и в Афинах классической эпохи. В V–IV вв. до н. э. в этом полисе законами предусматривалась смертная казнь за ряд преступлений, которые, на наш современный взгляд, вовсе не являются настолько уж тяжкими, в том числе за кражу и грабеж, фальшивомонетничество, лжесвидетельство, взяточничество, соблазнение свободных женщин, дурное обращение с родителями, нанесение побоев, ссылку на несуществующий закон, самовольное присвоение полномочий посла, занятие должности лицом, задолжавшим государству, участие в жеребьевке одного гражданина двумя табличками и т. д. и т. п.⁵⁰ Так было, насколько можно судить, и до Драконта, и при Драконте, и после Драконта, в том числе и в период существования самой развитой демократии. Однозначной тенденции к дифференциации, гуманизации наказаний за незначительные проступки не удастся обнаружить. Афинское право развивалось далеко не столь простыми и прямолинейными путями, как может показаться при беглом взгляде.

⁴⁸ *Hölkeskamp K.-J.* Written Law in Archaic Greece // *Proceedings of the Cambridge Philological Society*. 1992. Vol. 38. P. 87–117; *Hölkeskamp K.-J.* Schiedsrichter, Gesetzgeber und Gesetzgebung im archaischen Griechenland. Stuttgart, 1999; *Hölkeskamp K.-J.* What's in a Code? Solon's Laws between Complexity, Compilation and Contingency // *Hermes*. 2005. Bd 133. Ht. 3. S. 280–293.

⁴⁹ *Mélèze Modrzejewski J.* La sanction de l'homicide en droit grec et hellénistique // *Symposion 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 1991. S. 8–9; *Robinson E. W.* The First Democracies: Early Popular Government outside Athens. Stuttgart, 1997. P. 70.

⁵⁰ *Суриков И. Е.* О некоторых особенностях... С. 35 (со ссылками на источники).

ЕЩЕ РАЗ О ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ ДРАКОНТА И СОЛОНА В АФИНАХ (ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

Часть II*

Вряд ли кто-нибудь будет спорить с тем, что Солон – несравненно более крупная фигура афинской (да и античной в целом) истории, нежели его предшественник Драконт. Деятельность второго знаменитого аттического законодателя гораздо лучше освещена в источниках и многократно чаще освещалась в исследовательской литературе. Впрочем, нам уже приходилось обращать внимание¹ на то, что в 1970–1980-е гг. мировое «солоноведение» в известной мере зашло в тупик. Меньше стало работ о Солоне; количество монографий вообще практически иссякло. Конечно, филологи по-прежнему исправно продолжали публиковать статьи с толкованиями тех или иных конкретных пассажей из солоновского поэтического наследия². Однако в по-настоящему концептуальных, проблемных исследованиях деятельности Солона, выполненных в историческом ключе, начал ощущаться явный дефицит.

Это вовсе не означало, что «солоновская» тема была исчерпана и закрыта, что для связанных с нею вопросов нашлись убедительные и непротиворечивые решения. Скорее наоборот: наступило признание недостаточной плодотворности предыдущей работы в этом направлении, хоть она и была достаточно интенсивной. Методологические корни сложившейся ситуации мы видим в следующем. Целый ряд трудов общего характера по истории архаической Греции в целом и архаических Афин в частности, вышедших во второй половине XX в. (начиная с М. Финли, Ч. Старра и др.), серьезно подорвал

* Впервые опубликовано в: Из истории античного общества: Сб. научных трудов. Нижний Новгород, 2009. Вып. 12. С. 5–37.

¹ Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 58 сл.; Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 100 сл.

² Так, об одной только солоновской элегии «К музам» (другое название – «К самому себе») к началу 1980-х гг. уже имелось несколько десятков работ (их обзор со ссылками см.: Maurach G. Über den Stand der Forschung zu Solos «Musenelegie» // Göttingische gelehrte Anzeigen. 1983. Bd 235. Ht. 1/2. S. 16–33). К настоящему времени их число, наверное, удвоилось. Нам довелось ознакомиться с большинством этих работ, и мы не сказали бы, что это вывело наше понимание деятельности Солона на какой-то принципиально новый уровень.

традиционные представления об эволюции социальных и политических отношений в них, но, в общем-то, не предложил взамен альтернативной целостной и взаимосвязанной реконструкции. Была проделана скорее разрушительная, чем созидательная работа. Это, очевидно, оказалось необходимым на определенной стадии развития науки. Но в результате мы стали знать об этой эпохе не больше, а меньше, чем знали (или считали, что знают) антиковеды предшествующих поколений. Вопросы явно получили преобладание над ответами, загадки – над разгадками.

В новых условиях для того, чтобы всерьез заняться Солоном, исследователю требовалась даже некоторая дерзость и осознание риска, на который он идет. Писать о великом афинянине так, как писали еще несколько десятилетий назад, было уже решительно невозможно. Но как тогда писать? А вот этого никто не знал. Старые подходы в известной мере подверглись дискредитации, новые только еще обретали право на существование.

В отечественной историографии интересующим нас законодателем вообще долгое время предпочитали не заниматься, видимо, сознавая или интуитивно ощущая сопряженные с этим сложности. В частности, достаточно сказать, что до сих пор о Солоне, кажется, нет ни одной книги на русском языке.

В 1990-е гг. автор этих строк приступил к изучению различных аспектов солоновской деятельности. Результаты этого изучения начали появляться в печати уже в основном в первые годы наступившего тысячелетия³. Как раз в это самое время и в мировой науке о Солоне вроде бы наметился выход из тупика. Во всяком случае, на первый взгляд создавалось такое впечатление⁴. Правда, прежде всего бросался в глаза чисто внешний, количественный критерий. Вновь начали появляться посвященные законодателю-реформатору монографические

³ Суриков И. Е. Гостеприимство Креза и афиняне // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999. С. 72–79; Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднearchаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 133–140; Суриков И. Е. Законодательство Солон об упорядочении погребальной обрядности // Древнее право. 2002. № 1 (9). С. 8–21; Суриков И. Е. Авторское начало в лирике Солон // Восточная Европа в древности и средневековье: Автор и его текст. М., 2003. С. 235–240; Суриков И. Е. Солон и Дельфы // *Studia historica*. М., 2003. Т. 3. С. 38–52; Суриков И. Е. Проблемы... С. 53–144; Суриков И. Е. Античная Греция... С. 72–150; Суриков И. Е. «Солон» Плутарха: некоторые источниковедческие проблемы // ВДИ. 2005. № 3. С. 151–161; Суриков И. Е. Законодательные реформы Драконта и Солон: религия, право и формирование афинской гражданской общины // *Одиссей: человек в истории*. 2006. С. 201–220; Суриков И. Е. Досолоновские «шестидольники» и долговой вопрос в archаических Афинах // ВДИ. 2007. № 3. С. 28–46.

⁴ И не только у нас. Ср. оценку современного состояния проблемы в работе: Туманс Х. Еще раз об аристократизме и «буржуазности» Солон // ВДИ. 2007. № 2. С. 19 и прим. 2.

исследования: «Солон-певец: политика и поэтика» Э. Анхальт⁵, «Элевсинская перспектива в политике Солон» Л.-М. Л'Омм-Верн⁶, «Мудрец и царь: Солон и Крез у Геродота и Лукиана» И. Фрингс⁷, «Экономические реформы Солон» П. Стенли⁸, ««Илиада», афинская поэма эпохи Солон» А. Сожа⁹, «Политические элегии и ямбы Солон» К. Мюльке¹⁰, «Справедливость как аспект идеи полиса в политических стихах Солон» Дж. Альмейды¹¹. Перечень, как видим, получается достаточно внушительным, и мы отнюдь не претендуем на то, что он является исчерпывающим.

Самым заметным проявлением и, мы бы сказали, «пиком» этого нового всплеска интереса к Солону явился вышедший в 2006 г. весьма объемистый (почти 500 страниц) коллективный труд «Солон Афинский: новые исторические и филологические подходы»¹². В числе его участников встречаем, помимо прочих, таких маститых специалистов, как П. Родс, Дж. Обер, К. Раафлауб, М. Гагарин, Х. ван Веес и др. Естественно, этот сборник привлек наше особенное внимание. Ведь подобного рода издания заведомо претендуют на то, чтобы стать этапными: подвести итоги предшествующему изучению проблемы и задать определенные ориентиры на будущее.

Однако не скроем, что ознакомление с книгой принесло нам некоторое разочарование. Назрел однозначный вывод: кажется, «солонковский ренессанс» не состоялся. Тщетно мы искали в сборнике перспективных и конструктивных «новых подходов», эксплицитно заявленных в его названии. За редкими исключениями, они почти нигде в нем не проявляются. Вместо этого находим совсем иное. Одни авторы занимаются скрупулезным до ненужного педантизма анализом мелких и мельчайших деталей солоновской деятельности, не привносящих

⁵ *Anhalt E. K.* Solon the Singer: Politics and Poetics. Lanham, 1993.

⁶ *L'Homme-Wéry L.-M.* La perspective éleusinienne dans la politique de Solon. Genève, 1996. Эта монография пока осталась нам недоступной, но со взглядами автора мы знакомы по ряду статей: *L'Homme-Wéry L.-M.* Solon, libérateur d'Éleusis, dans les «Histoires» d'Hérodote // *Revue des études grecques*. 1994. Vol. 107. P. 362–380; *L'Homme-Wéry L.-M.* Eleusis and Solon's Seisachtheia // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1999. Vol. 40. No. 2. P. 109–133.

⁷ *Frings I.* Der Weise und der König. Solon und Kroisos bei Herodot und Lukian. Toruń, 1996.

⁸ *Stanley P. V.* The Economic Reforms of Solon. St. Katharinen, 1999.

⁹ *Sauge A.* «L'Iliade», poème athénien de l'époque de Solon. Bern, 2000.

¹⁰ *Mülke Chr.* Solons politische Elegien und Iamben (Fr. 1–13; 32–37 West): Einleitung, Text, Kommentar. Lpz., 2002.

¹¹ *Almeida J. A.* Justice as an Aspect of the Polis Idea in Solon's Political Poems: A Reading of the Fragments in Light of the Researches of New Classical Archaeology. Leiden, 2003.

¹² Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches / Ed. by A. P. M. H. Lardinois, J. H. Blok. Leiden, 2006 (Mnemosyne. Suppl. 272).

ничего или почти ничего нового в наше постижение образа этого великого афинянина. Другие – повторяют ранее неоднократно высказывавшиеся точки зрения, в лучшем случае разве что добавляя некоторые дополнительные доводы к уже предлагавшейся аргументации¹³. Третьи – выстраивают какие-то полужантасстические версии и гипотезы, опирающиеся не на факты и источники, а на умозрительные априорные представления, да еще – что ныне особенно модно – на параллели с современностью¹⁴. Четвертые, наконец, ударяются в самый крайний и бесплодный гиперкритический скептицизм. Последний по отношению к Солону уже далеко не нов. Так, не раз предпринимались попытки подвергнуть сомнению аутентичность дошедших до нас текстов солонических законов. Ныне же идут дальше: заявляют, что дошедшие до нас стихотворения Солонa (а уж их-то авторство всегда признавалось безоговорочно, и считалось, что если есть источник, по которому можно более или менее адекватно изучать солоническую деятельность, то таковым являются как раз эти стихи) на самом деле ему не принадлежат и сфабрикованы кем-то позже¹⁵. Значительный шаг по стезе гиперкритицизма! Теперь, пожалуй, осталось сделать в данном направлении еще только один, последний шаг и объявить, что самого Солонa никогда не существовало, что он – миф, вымысел последующей античной нарративной традиции. И мы не сомневаемся, что этот шаг рано или поздно (скорее рано, чем поздно) будет в западной историографии сделан. Что и говорить, самый простой и удобный способ «закрыть» трудную для интерпретации и тем вызывающую дискомфорт проблему Солонa.

Итак, что же мы имеем? Выход из тупика? Скорее наоборот: новейшее «солонведение» загоняет себя в этот тупик все дальше и дальше. Не только

¹³ Особенно показательна в этом плане статья: *Rhodes P. J. The Reforms and Laws of Solon: An Optimistic View // Solon of Athens...* P. 248–260. П. Родсу ранее неоднократно доводилось писать о Солоне (особенно подробно эта тематика освещена в его известном комментарии к «Афинской политике» Аристотеля), и создается впечатление, что с тех пор у автора не появилось принципиально новых идей по проблеме.

¹⁴ Особенно поразила нас в этом плане статья: *Ober J. Solon and the Horoi: Facts on the Ground in Archaic Athens // Solon of Athens...* P. 441–456. Дж. Обер – крупный исследователь в области афинской демократии классической эпохи, но солоническая тема, в общем-то, никогда не входила в круг его непосредственных интересов. Вторгаясь в такой сложнейший и многократно дискутировавшийся вопрос, как природа досолонических *ῥοι*, он, отбрасывая или просто игнорируя существующие точки зрения, предлагает взамен собственную – расплывчатую и неудобопонимаемую – трактовку, в результате которой пресловутые *ῥοι* буквально дематериализуются. А в качестве исторических параллелей в статье постоянно фигурируют... события арабо-израильского конфликта!

¹⁵ Например: *Stehle E. Solon's Self-Reflexive Political Persona and its Audience // Solon of Athens...* P. 79–113. В статье утверждается, что сборник стихов, приписываемых Солону, был на самом деле создан в IV в. до н. э.

не реконструируется новый образ великого афинского законодателя, соответствующий современному уровню нашего понимания истории архаической Греции, – нет, и ранее-то существовавший его образ разрушается, дематериализуется, превращается в какую-то ускользающую виртуальную реальность. Никак не можем одобрить подобного рода «интеллектуальные игры» с серьезными вещами.

Справедливости ради следует отметить, что в сборнике, о котором идет речь, имеются и интересные разработки. Но здесь самое время поставить вопрос о степени оригинальности этих разработок и даже – приходится рассмотреть проблему и в таком ракурсе – вопрос о приоритете.

В свое время нам довелось посвятить специальную работу слабо изученному в антиковедении циклу законов Солона, регулировавших погребальную обрядность¹⁶. В ней мы пришли к выводам, весьма далеко отстоящим от традиционной точки зрения на сей предмет, высказали мнения, которые могли показаться парадоксальными и даже «еретическими». В частности, мы показали, что упорядочение законодателем пышных похоронных церемоний не являлось «антиаристократической» и «эгалитарной» мерой, а прежде всего имело целью свести к минимуму возможность распространения в полисе «скверны», культовой нечистоты.

Ту же тему (и, разумеется, на том же самом источниковом материале) подробно рассмотрела теперь Жозин Блок, чья статья¹⁷ представляется одной из самых ценных в сборнике «Солон Афинский». Анализ соответствующей проблематики привел ее к практически совершенно аналогичным результатам! При этом Ж. Блок, которой наша работа, естественно, осталась не известна, позиционирует свою статью как первое в мировой историографии специальное исследование данного сюжета. Мы ни в коей мере не сетуем (прекрасно известно, что ныне на Западе *Rossica non leguntur*), однако и от своего приоритета отказываться тоже не намерены¹⁸.

¹⁶ Суриков И. Е. Законодательство Солона... Эта статья впоследствии вошла в книгу: Суриков И. Е. Проблемы... С. 102–131.

¹⁷ Blok J. H. Solon's Funerary Laws: Questions of Authenticity and Function // Solon of Athens... P. 197–247.

¹⁸ Заметим, кстати, что наша статья появилась в международном российско-итальянском журнале, распространяющемся в том числе и на Западе, и сопровождалась резюме на итальянском языке, в котором основные положения присутствовали. Что же, *Italica* тоже *non leguntur*? Или, скорее, следует говорить об очередном проявлении, увы, повсеместно распространяющейся в последнее время недоброй тенденции – приступая к изучению какой-либо проблемы, не особенно-то утруждать себя поисками того, что по этой проблеме было написано ранее?

* * *

Итак, с сожалением приходится констатировать, что количественный рост историографии¹⁹ по «солонической» теме пока не привел к качественным улучшениям в освоении этой темы, к выходу на новый научный уровень в постижении деятельности великого афинянина. На этом фоне радует появление любой работы, в которой имеет место хотя бы свежий (и при этом ответственный, а не демонстративно-произвольный) взгляд на интересующий нас комплекс вопросов.

В данной связи хотелось бы прежде всего сказать о недавней статье, принадлежащей перу латвийского ученого Харийса Туманса²⁰, который уже давно и плодотворно сотрудничает с российским антиковедением. Этому автору и ранее доводилось неоднократно высказывать интересные (хотя и далеко не всегда бесспорные) суждения по поводу различных процессов и событий, имевших место в архаической Греции²¹. Его новое исследование, как и предыдущие, богато идеями, читается с большим интересом, будит мысль. Более того, мы бы сказали, что оно написано сознательно-провокативно, вызывает на дискуссию, в которую мы с удовольствием включаемся. Пожалуй, мы даже не можем этого не сделать – уже потому, что Х. Туманс постоянно по ходу своей статьи вступает в полемику с нашей трактовкой реформ Солон, как он ее понимает.

В целом он оценивает наш вклад в разработку проблемы весьма высоко – и даже слишком высоко, делая нам такие комплименты, которых мы явным образом не заслуживаем. Так, из чтения его статьи может сложиться впечатление, будто бы именно автор этих строк стоит у истоков нового всплеска интереса к Солону или, по крайней мере, является его «предтечей»²². На самом же деле, как отмечалось выше, мы начали активно заниматься Солоном примерно

¹⁹ При штудировании «*Année philologique*» бросается в глаза, что особенно большое количество работ о Солоне появляется ныне в периферийных национальных историографиях (например, испанской, португальской или даже японской!). В тех нечастых случаях, когда эти работы удается раздобыть и прочесть, охватывает некоторое недоумение: а ради чего они, собственно говоря, писались? Чего-либо по-настоящему нового, оригинального в них не удастся обнаружить, даже прикладывая максимум усилий.

²⁰ Туманс Х. Еще раз об аристократизме...

²¹ Туманс Х. Идеологические аспекты власти Писистрата // ВДИ. 2001. № 4. С. 12–45; Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). СПб., 2002; Туманс Х. К идее государства в архаической Греции // ВДИ. 2006. № 3. С. 77–105.

²² «Тема Солон и его реформ... в последнее время вдруг снова обрела актуальность. Произошло это благодаря стараниям талантливого ученого Игоря Сурикова...» (Туманс Х. Еще раз об аристократизме... С. 19). «Работы И. Е. Сурикова... опередили этот всплеск по времени» (Там же. Прим. 2).

тогда же, когда и в западной историографии внимание к нему возросло. Иными словами, мы идем в русле общемирового процесса, но уж никак не во главе его.

Кроме того, Х. Туманс считает, что нам удалось выявить «религиозный стержень» всего законодательства Солон²³. Высокая честь, конечно, но принять ее мы не можем, поскольку не претендовали и не претендуем ни на что подобное. Нам только доводилось в одном месте²⁴ заметить, что такой стержень *в перспективе* может быть найден, причем специально оговаривалось, что это дело будущего, а пока такую задачу ставить рановато.

Дело, впрочем, не в этом, а в моментах расхождения между теми интерпретациями некоторых реформ Солон²³, которые высказаны нами и Х. Тумансом. Сразу оговорим, что таких расхождений немного; по гораздо большему спектру вопросов (в том числе по наиболее принципиальным из них) являемся единомышленниками. Так, мы оба подчеркиваем аристократический характер мышления, поведения, многих конкретных мероприятий Солон²³ и ни в коей мере не склонны считать его «отцом афинской демократии». Однако различия в позициях, какими бы частными они ни были, все-таки тоже существуют, и, наверное, имеет смысл остановиться на них несколько подробнее. Хотя бы для того, чтобы по возможности полно, эксплицитно и аргументированно очертить наше понимание некоторых аспектов солонической деятельности, ибо до сих пор, в предыдущих работах, мы затрагивали эти аспекты скорее спорадически и мимоходом, так что целостной картины не получалось.

Подчеркнем, что ниже будет представлена именно наша *нынешняя* точка зрения на «проблему Солон²³». Поэтому мы просим не удивляться тех из наших читателей, кто заметит определенное несоответствие между тем, что будет сказано в данной работе, и тем, что мы писали в монографиях, указанных в прим. 1. По нашему глубокому убеждению, постоянная эволюция воззрений на изучаемый предмет – совершенно нормальное и естественное дело для любого исследователя. И ничего нет страшного, если приходится отказаться даже от каких-то собственных былых мнений, коль скоро они уже не представляются верными. Полемизируя с Х. Тумансом, мы фактически одновременно полемизируем и со своими прежними взглядами – разумеется, не со всеми, а с теми из них, которые не выдержали проверку временем. И это ни в коем случае не признак какой-то неустойчивости и шаткости нашей базовой позиции, а скорее постепенный путь ко все лучшему постижению рассматриваемой проблематики.

Сразу оговорим: мы не сомневаемся в том, что законодательная и реформаторская деятельность Солон²³ в своих основных чертах может быть постигнута

²³ Туманс Х. Еще раз об аристократизме... С. 29.

²⁴ Суриков И. Е. Проблемы... С. 102.

и раскрыта должным образом. Это непросто и пока еще, может быть, недостижимо, но стремиться нужно именно к этому – к отысканию истины во всей ее реально-жизненной сложности и многогранности. В связи со сказанным нас несколько удивил общеметодологический тезис Х. Туманса, согласно которому по солоновской теме

...любое утверждение остается до конца недоказанным, равно как и до конца неопровержимым. Следовательно, основным критерием при выборе того или иного мнения становится уже не столько сам факт или аргумент, сколько логика и личные предпочтения²⁵ исследователя... Ис этим поделаться ничего нельзя, с этим можно только считаться. В данной ситуации все противоположные позиции одинаково хорошо и доказуемы, и уязвимы, а значит, решающим фактором становится логическое рассуждение с позиций наибольшей вероятности, опирающееся на личное мировоззрение каждого исследователя²⁶.

Тем самым становится очевидным, что при скудости наших источников решающее значение приобретают именно мировоззренческая позиция исследователя и его исходная установка²⁷.

Мы знаем Х. Туманса как решительного противника постмодернистского агностицизма в исторической гносеологии, и нам трудно понять, почему здесь он встает именно на точку зрения постмодернизма, фактически отрицая возможность объективного знания об анализируемом предмете. Получается, что каждый творит «собственного Солона», а вопрос о том, какое отношение все эти Солоны имеют к Солону реальному, историческому, в принципе неразрешим. Тем самым, по существу, отвергается сама возможность поступательного развития науки, и выходит, что мы сейчас стоим не ближе к пониманию Солона, чем когда бы то ни было в прошлом, да и в будущем к такому пониманию ничуть не приблизимся. Бесперспективное вращение в порочном круге, бесконечный бег «белки в колесе»... Зачем же тогда вообще заниматься Солоном

²⁵ *Sic!* «Логика» и «личные предпочтения» поставлены рядом, как вещи одного порядка. Между тем разница между ними – принципиальнейшая. Предпочтения, действительно, могут быть только личными и никакими иными, они субъективны. Что же касается логики, то она объективна и ее законы, смеем надеяться, одинаковы для всех. И *любое* объективное научное исследование обязательно опирается не только на факты, но и на логику, связующую эти факты в систему. Вопреки тому, что говорит Х. Туманс чуть ниже, классическая дедуктивная логика при ее корректном применении дает не вероятностные, а бесспорные результаты. Если же результаты оказались неверными или сомнительными, значит, где-то незаметно произошел логический сбой, и, как правило, бывает нетрудно обнаружить, где именно.

²⁶ Туманс Х. Еще раз об аристократизме... С. 20.

²⁷ Там же. Прим. 6.

или любым другим сюжетом из истории прошлого? Просто для манифестации собственного мировоззрения? Кстати говоря, весь подобный ход мысли закономерно приводит к тому, что исследователи, обладающие одинаковым или схожим мировоззрением, будут и по конкретно-историческим вопросам высказывать одинаковые или схожие взгляды. Но это ведь совсем не так. А тут еще невольно припоминается марксистский постулат о том, что позиция ученого определяется его социальным положением²⁸. Не сомневаемся, что Х. Туманс ни в малейшей мере не имел в виду ничего подобного, – а тем не менее ассоциации такого рода все-таки возникают; неплохая иллюстрация того, как крайности сходятся.

Мы же, со своей стороны, предлагаем посмотреть на проблему в ином ключе. Без тени колебания решимся утверждать, что мы сейчас лучше знаем и понимаем солоновскую деятельность, чем наши коллеги сто или пятьдесят лет назад, а, в свою очередь, наши потомки пятьдесят или сто лет спустя будут понимать ее лучше, чем мы. И дело, конечно, не в том, что кто-то кого-то умнее или глупее, эрудированнее или невежественнее... Просто нельзя же сбрасывать со счетов кумулятивный эффект, в силу которого уже само количественное накопление источникового материала по законам диалектики время от времени приводит к качественным сдвигам. Правда, нам могут возразить, что по «солоновскому вопросу» корпус нарративных источников уже давно не пополнялся, и весьма мало надежды, что в обозримом будущем это произойдет. Однако не следует забывать и о ненарративных данных. В частности, археологическое изучение архаической Аттики позволяет ныне значительно лучше, чем раньше, понять многие стороны жизни в ней²⁹. А это, в свою очередь, позволяет более адекватно реконструировать условия, в которых действовал Солон, контекст его реформ.

Но, кстати, действительно ли так скуден набор свидетельств письменной традиции об этом законодателе, как считает Х. Туманс? В свое время итальянский исследователь А. Мартина задался целью свести эти свидетельства воедино³⁰, и его подборка составила несколько сот страниц. Называя вещи

²⁸ См. хотя бы в одном из последних, уже постсоветских образчиков марксистской литературы: Семенов Ю. И. Философия истории: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М., 2003. С. 161, 337 и др.

²⁹ Так, весьма важными в этом отношении были археологические исследования: Snodgrass A. *Archaic Greece: The Age of Experiment*. L., 1980; Hurwit J. M. *The Art and Culture of Early Greece, 1100–480 B.C.* Ithaca, 1985; Morris I. *Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State*. Cambridge, 1987; Thomas C. G., Conant C. *Citadel to City-State: The Transformation of Greece, 1200–700 B.C.* Bloomington, 1999; Coldstream J. N. *Geometric Greece: 900–700 B.C.* 2 ed. L.; N. Y., 2003.

³⁰ Martina A. *Solone: Testimonianze sulla vita e l'opera*. R., 1968.

своими именами, мало о каком другом деятеле античной афинской истории количественно нарративных источников столь же велико. Безусловно меньше данных мы имеем, скажем, о Мильтиаде, Аристиде, Кимоне, – что, однако же, не препятствует плодотворному изучению их деятельности. В случае с Солоном «камнем преткновения» является скорее не количественный недостаток сообщений древних авторов, а сложность их интерпретации, усугубленная их зачастую проблематичной достоверностью, противоречивостью. Но на то нам и дано оружие критики источника (которую ни в коем случае не следует путать с гиперкритикой), чтобы применять его в таких вот наиболее сложных ситуациях.

Прежде чем перейти к дальнейшему, позволим себе сформулировать два почти банальных тезиса; цель этого будет ясна из нижеследующего изложения. Во-первых, только такое предположение обретает статус научной гипотезы, которое не противоречит наличным фактам. Во-вторых, корректный ответ на вопрос возможен лишь в том случае, если сам вопрос корректно поставлен.

А Х. Туманс ставит ключевой вопрос своей работы в виде следующей дилеммы: «носила ли политическая деятельность Солон характер про- или антиаристократический (т. е. “буржуазный”)»³¹. «Кто-то предпочитает видеть его антиаристократическим политиком “буржуазного” толка, а кто-то, наоборот, – аристократическим политиком “буржуазной” направленности»³². Далее становится ясным, что нас латвийский исследователь причисляет именно к числу сторонников трактовки Солон как «буржуазного» реформатора. Но это самым очевидным образом плод какого-то недоразумения: нам никогда даже и в голову не приходило воспринимать проблему в таком ракурсе.

Подчеркнем: дело не в терминологии. Да, нас не слишком-то устраивает, когда говорят о «буржуазии» (будь то в кавычках или без оных) применительно к античным реалиям, мы видим в этом определенную модернизацию докапиталистических обществ. Но мы признаем за коллегами полное право выражаться так, как они сочтут нужным, то есть, например, в данном случае следовать словоупотреблению, излюбленному Эд. Мейером, М. И. Ростовцевым и др. В конце концов, совершенно не принципиально, будем ли мы называть определенную социальную группу «буржуазией» или как-то иначе, коль скоро наличие самой этой группы (торговцев и ремесленников) несомненно и все специалисты более или менее понимают, о чем идет речь.

Дело, повторим, не в словах. Гораздо важнее другое: корректно ли сформулирована альтернатива, в рамках которой Солон если не является «аристократическим» политиком, то обязательно является политиком «буржуазным» – и *tertium non datur*? Это означало бы, что в Афинах солоновской эпохи

³¹ Туманс Х. Еще раз об аристократизме... С. 19.

³² Там же. С. 20.

существовали два и только два социальных слоя: аристократия и пресловутая «буржуазия»; соответственно, любой индивид должен был входить в какой-нибудь из этих двух «лагерей». Лишь в таком случае данная альтернатива имела бы силу. Но не забываем ли мы тогда о третьей и наиболее многочисленной силе – о собственно афинском демосе, крестьянах-гражданах, которые, не приходится сомневаться, составляли в полисе заведомое большинство и превосходили количественно остальные две группы, вместе взятые?

Далее, не вполне удовлетворяет нас и проявляющийся здесь «классовый подход» как таковой, принимающий как аксиому, что государственный деятель руководился в своих начинаниях благом какой-то одной конкретной социальной группы, выражал ее интересы. Между тем выдающиеся политики именно тем и отличаются от обычных (и потому, в отличие от последних, входят в историю со знаком позитива), что они стремятся не угождать однобоко какой-то одной из сторон, а действовать в интересах всего государства в целом. Ведь при улучшении общего положения государства в той или иной степени улучшается и положение входящих в него индивидов.

Зачем игнорировать слова самого Солона, который в своих стихотворениях неоднократно и настойчиво повторяет, что не потворствовал ни одному из борющихся «лагерей», а старался установить определенный баланс, воплощенный в категории «благозакона» (εὐνομία)³³? Или мы не должны верить замечательному поэту и мудрецу, следует считать, что это лишь красивая риторика в предвыборной борьбе? Но нет, все процитированные в примечании отрывки взяты из солоновской лирики послереформенного периода, когда законодатель уже отбыл срок своего архонтата, а больше ни на какие должности не избирался. Прибавим еще вот какое соображение. Солон поставили во главе государства (причем совокупными усилиями всех граждан, на время отложивших распри) в условиях жесткого стасиса и для того, чтобы он этот стасис прекратил или хотя бы умерил. Если бы в такой ситуации реформатор, вместо того чтобы приводить слои гражданского коллектива к компромиссу, демонстративно стал на сторону одного из этих слоев и проводил меры в его пользу, – как бы он тогда был воспринят современниками и вошел в историю: как мудрый и дальновидный политик (а именно такой его образ однозначно превалирует в традиции) или же как разжигатель смуты?

Х. Туманс приходит в своей статье к двум основным выводам. Оба они уже ранее фигурировали в его книге «Рождение Афины», но теперь подкреплены

³³ Вот несколько наиболее показательных фрагментов: «Мощным щитом прикрывая и тех и других, не дозволил / Я ни одним, ни другим верх взять в несправедливой борьбе» (Sol. fr. 5 Diehl); «Для злых и благостных законы равные / Я начертал, для всех введя суд праведный» (Sol. fr. 24 Diehl); «А я меж ними, как на спорном поле столб, / Стал на меже» (Sol. fr. 25 Diehl).

новыми доводами. Первый вывод заключается в следующем. К солоновскому времени в афинском полисе сформировалась прослойка «новых людей», как их называет исследователь³⁴, – разбогатевших торговцев и ремесленников незнатного происхождения. Эти «новые люди» рвались в политику, стремились достигнуть кормила власти, а Солон, аристократически мыслящая личность, не допустил их туда, применив следующий ход: разделяя граждан на четыре имущественных разряда, он выразил разграничительные между разрядами цензы не в денежных единицах, а в натуральных сельскохозяйственных продуктах. Соответственно, «новые люди», не являвшиеся земельными собственниками и не получавшие доход в таких продуктах, а состояния свои державшие в деньгах, автоматически попадали в низший, четвертый разряд фетов, как бы они ни были богаты. А значит, они не получали доступа к целому ряду сфер государственного управления.

Эта концепция в последнее время находит поддержку у некоторых представителей отечественной историографии³⁵. А мы тем не менее видим в ней некоторое количество слабых звеньев, и наш долг – указать на них. Сразу подчеркнем: мы ни в коем случае не хотим и не можем отрицать наличие в архаических Афинах социального слоя незнатных ремесленников и торговцев. Такое отрицание было бы абсурдом. Мы ставим под сомнение другое – факт их столь раннего стремления в политические «верхи». Если бы такое стремление имело место, если бы «новые люди» проявляли в данном отношении большую активность (так что Солону даже пришлось ставить барьеры против нее), то, несомненно, какие-то из них, вопреки всем рогаткам и препонам, добились бы своего, и мы уже в VI в. до н. э. (если не раньше) встретили бы их в составе полисной правящей элиты. А вот этого-то как раз и нет.

На протяжении ряда лет занимаясь проблемами политической истории архаических Афин и, в частности, ее просопографическим аспектом, мы не можем не задаться вопросом: если в общественной жизни этой эпохи действительно играли столь значительную роль пресловутые «новые люди», почему их никак не удастся обнаружить? Где они, куда прячутся от нас? Все сколько-нибудь видные политические деятели как досолоновского, так и послесолоновского времени – представители знатнейших аристократических семей. Такая

³⁴ Туманс Х. Еще раз об аристократизме... С. 20. Очевидно, это калька с латинского *homines novi*. Кстати, в том, что римские «новые люди» были в своем большинстве торговцами и ремесленниками, позволительно усомниться. Достаточно вспомнить наиболее известных из политиков, к которым этот эпитет прилагался: Катон Старший, Марий, Цицерон...

³⁵ Например: Коробкова Е. А. Законодательство Солон: реформы или реставрация? // Античная история и классическая археология. М., 2006. С. 90–94. В этой работе, правда, говорится не о «новых людях», а о «нуворишах», но суть не меняется.

ситуация сохраняется и в эпоху Писистрата, и в эпоху Клисфена³⁶, да и в V в. до н. э., на протяжении его большей части. В этой среде репутацию «парвеню» и «неполноценного» имел, например, Фемистокл – отнюдь не ремесленник и не торговец, а просто выходец из второстепенной, сельской ветви знатного рода Ликомидов³⁷.

Только с последней трети V в. до н. э. деятели, не принадлежащие к высшей аристократии, выдвигаются на влиятельные государственные посты, а в следующем столетии их роль становится даже абсолютно преобладающей. Это так называемые новые политики (Клеон, Лисикл, Гипербол, Клеофонт и др.)³⁸. Их связь с торгово-ремесленной сферой несомненна, но от периода реформ Солонa они очень далеки. Для более же раннего времени, повторим, источники не фиксируют аналогичных «новых политиков» – ни одного! В результате вся концепция о существовании таковых в солоновских Афинах в отсутствие позитивных фактов предстает несколько абстрактным построением.

На наш взгляд, более перспективным было бы поискать другие, истинные причины того факта, что солоновские имущественные цензы выражены в продуктах, а не в деньгах. Кстати, если бы законодатель действительно ставил перед собой ту задачу, которую постулирует Х. Туманс – не допустить к власти незнатных нуворишей, – то он вряд ли достиг бы своей цели. Ведь нувориши могли бы попросту купить земли, обеспечивавшие нужное количество ежегодного дохода для вхождения в один из высших классов. Земля в Аттике рубежа VII–VI вв. была уже вполне отчуждаемой, могла находиться в частной собственности и подлежать купле-продаже³⁹.

Да, собственно, нуворишам даже и не приходилось бы прибегать к подобным операциям. Дело в том, что в солоновских законах содержалась шкала пересчета натуральных продуктов на деньги. Базовые элементы этой шкалы приводит Плутарх (Sol. 23) со ссылкой на Деметрия Фалерского – весьма информированного автора IV в. до н. э. Согласно упомянутой шкале, одна драхма приравнивалась к стоимости медимна зерна или овцы, пять драхм – к стоимости быка. Из сказанного, кажется, вполне естественно вытекает, что

³⁶ Реформы Клисфена не привели к принципиальным изменениям в персональном составе правящей элиты: *Brenne S. Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka*. Wien, 2001. S. 17.

³⁷ Подробнее см.: *Суриков И. Е. Фемистокл: homo novus в кругу старой знати // История через личность: историческая биография сегодня*. М., 2005. С. 559–581.

³⁸ *Connor W. R. The New Politicians of Fifth-Century Athens*. Princeton, 1971; *Mossé C. La classe politique à Athènes au IVème siècle // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.* Stuttgart, 1995. S. 67–77.

³⁹ *Суриков И. Е. Досолоновские «шестидолтники»...* С. 36–37 (со ссылками на литературу).

к пентакосиомедимнам относили лиц, годовой доход которых в совокупности был соизмерим с 500 драхмами.

Х. Туманс с этим тезисом категорически не согласен. Он пишет: «Кажется маловероятным, чтобы в IV в. до н. э. были доступны источники, содержащие достоверную информацию об афинских ценах начала VI в. до н. э.»⁴⁰. Однако же такие источники, несомненно, были доступны, и ими являлось не что иное, как сами законы Солона. Плутарх в указанном пассаже ссылается на конкретное место из этих законов (16-й аксон). Но, продолжает Х. Туманс, «цены, которые видели Плутарх и Деметрий, могли быть внесены в текст законов Солона при их повторном издании в конце V – начале IV в. до н. э.». Эти цены Плутарх и Деметрий Фалерский «могли принять за настоящие, солоновские»⁴¹.

А вот с этим суждением уже невозможно согласиться ни при каких обстоятельствах. Зафиксированные у Плутарха низкие цены, соответствующие высокой ценности денег, относятся, конечно же, не к классической эпохе, а к архаической, то есть перед нами реальные солоновские расценки. К концу V в. до н. э. вся ценовая ситуация настолько изменилась, что бык стоил уже не пять, а пятьдесят драхм⁴².

Итак, возвращаемся к вопросу о натуральном выражении солоновского ценза. Прежде всего следует подчеркнуть, что разделение граждан на имущественные разряды, судя по всему, не было абсолютным нововведением Солона. Кажется, это понимал уже Аристотель, когда писал (*Ath. pol.* 7. 3), что Солон «ввел разделение на четыре класса, каковое разделение было уже и раньше» (*διεἴλεν εἰς τέτταρα τέλη, καθάπερ διήρτητο καὶ πρότερον*). Как нам уже приходилось указывать⁴³, в той или иной форме эти разряды имелись и в досолоновское время, а законодатель лишь модифицировал их систему, более четко и определенно отграничил их друг от друга, а также, возможно, ввел ранее отсутствовавший разряд пентакосиомедимнов, включив в его состав богатейшую верхушку всадников⁴⁴. Если же разряды и ценз существовали еще до Солона, были древним явлением, то натуральный характер ценза выглядит более чем нормальным: во времена, когда он – постепенно и естественным путем –

⁴⁰ Туманс Х. Еще раз об аристократизме... С. 21. Прим. 16.

⁴¹ Там же.

⁴² Суриков И. Е. О необходимости современных подходов к изучению архаической аристократии // *Studia historica*. М., 2007. Вып. 7. С. 217. Прим. 37. Там же приведены и некоторые другие цены эпохи Пелопоннесской войны.

⁴³ Суриков И. Е. Античная Греция... С. 97 (с прим. 62), 138.

⁴⁴ Ср. аналогичное мнение: *Rhodes P. J. The Laws of Athens in the Aristotelian Athenaiion Politeia* // *Nomos: Direito e sociedade na Antiguidade Clássica / Derecho y sociedad en la Antigüedad Clásica*. Coimbra; Madrid, 2004. P. 79.

устанавливался, иного способа оценивать доходы граждан просто не было, поскольку о деньгах речь идти еще не могла.

Здесь мы органично переходим к проблеме денег в солоновских Афинах. В своих более ранних исследованиях нам доводилось, к сожалению, допускать не слишком удачные выражения, которые, не исключая, могли привести кого-либо из читателей к мысли о том, что мы совершенно отрицаем денежное обращение в афинском полисе рассматриваемого периода. Это не так. Здесь мы будем исходить из тех положений общего характера о раннегреческом монетном деле, которые подробнее изложены нами совсем недавно в другом месте⁴⁵ и наиболее адекватно отражают нашу нынешнюю позицию.

Прежде всего, следует четко отделять друг от друга две разные проблемы: наличие / отсутствие денег и наличие / отсутствие чеканной монеты. Что касается второй из двух обозначенных альтернатив, то в мировой нумизматической науке она на сегодняшний день однозначно и бесповоротно решена: чеканка в начале VI в. до н. э. в Афинах еще не осуществлялась. Первые афинские монеты (т. н. *Wappenmünzen*) появляются только во второй половине этого столетия, никак не раньше, чем при Писистрате, а скорее – даже при его сыне Гиппии⁴⁶.

В последнее время мы не устаем повторять об этом буквально из работы в работу и при этом всякий раз приводим длинный список соответствующей западной нумизматической литературы. Делаем это, конечно, отнюдь не для того, чтобы «подавить всякое инакомыслие», как считает Х. Туманс⁴⁷ (мы даже несколько удивлены, что наш рижский коллега о нас столь низкого мнения), а единственно для того, чтобы прочно ввести наконец в отечественную историографию факт, который, увы, пока еще не стал в полной мере ее достоянием, т. к. у нас до сих пор принято апеллировать к давно устаревшей в своих хронологических выкладках книге Ч. Селтмана⁴⁸. Ибо следует повторить и подчеркнуть: речь идет не о каком-то нашем субъективном мнении, а именно о факте, абсолютно твердо и надежно установленном. Хотим мы того или не хотим, но с этим фактом мы обязаны считаться. Правда, Х. Туманс утверждает:

⁴⁵ Суриков И. Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 186 сл.

⁴⁶ К проблеме этих монет см., кажется, единственное в отечественной историографии исследование о них: Суриков И. Е. Древнейшие афинские монеты (*Wappenmünzen*): проблемы интерпретации и датировки // Античный мир и археология. Саратов, 2006. Вып. 12. С. 43–51.

⁴⁷ Туманс Х. Еще раз об аристократизме... С. 22.

⁴⁸ *Seltman C. T. Athens, its History and Coinage before the Persian Invasion*. Cambridge, 1924.

Отсутствие в Афинах того времени монеты еще нельзя назвать доказанным бесспорным фактом... С методологической точки зрения полностью опровергнуть традицию об афинских деньгах (имеется в виду монета. – И. С.) в солоновской Аттике так же невозможно, как и доказать ее. Шансы в обоих случаях примерно одинаковы и, по большому счету, близки к нулю⁴⁹.

Но так можно было говорить несколько десятилетий назад, а к сегодняшнему дню, когда раннегреческая нумизматика шагнула далеко вперед (в первую очередь благодаря скрупулезному изучению и корректному датированию монетных кладов), подобный скептицизм вряд ли уместен. Если кто-то не доверяет ответственным и аргументированным выводам нумизматов, считает, что они не правы, то на нем и лежит *onus probandi* – во всеоружии современных нумизматических методик опровергнуть их датировки, а не «отметать огульно» (воспользуемся выражением самого Х. Туманса).

Латвийский исследователь полагает, что солоновские монеты просто пока еще не найдены. Мы, со своей стороны, ответим на это: если не ожидать чуда, а исходить из существующих долговременных тенденций, они уже никогда и не будут найдены. XX в. ознаменовался, наверное, большей интенсивностью археологических раскопок и открытий в Греции в целом и в Афинах в частности, нежели все предшествующие столетия, вместе взятые. И тем не менее количество известных типов ранних афинских монет (т. е. относящихся к периоду до начала выпуска «сов») ныне ровно то же, что и сто лет назад, когда раскопки только начинались. Не прибавилось ни одного нового типа! В свое время Селтман, правда, претендовал на то, что ему удалось опознать такой новый тип – стоящий бык налево⁵⁰. Но его догадка не подтвердилась, монета оказалась не афинской. С тех пор аналогичных попыток пополнить типологию древнейшей аттической чеканки больше не повторялось, для них просто не было основания. Называя вещи своими именами, и в дальнейшем, исходя из сказанного, шансы такого пополнения (да еще за счет монет, которые можно было бы отнести ко времени Солона!) являются, без преувеличения, нулевыми.

Ну, а коль скоро «солоновские» монеты не обнаружены и не будут обнаружены, то можно, конечно, говорить об их гипотетическом существовании. Но реальность, не оставившая никаких следов, становится какой-то виртуальной, даже фантомной реальностью. Почему бы тогда не предположить существование в солоновских Афинах, допустим, космического корабля? Ведь выдвинул же в свое время такой авторитетный специалист, как Вяч. Вс. Иванов,

⁴⁹ Туманс Х. Еще раз об аристократизме... С. 22–23.

⁵⁰ *Seltman C. T. Op. cit. P. 27.*

гипотезу об изобретении ядерной бомбы гориллами Западной Африки несколько миллионов лет назад⁵¹.

Но может быть, Афины в рассматриваемый период пользовались монетой из других городов – за неимением своей? В принципе, в этом ничего удивительного не было бы. Достаточно вспомнить, что такой развитый в экономической отношении полис, как Мегары, не начинал собственной чеканки вплоть до начала IV в. до н. э. и, следовательно, вполне удовлетворялся для своего торгового оборота чужими монетами.

Однако дело в том, что в начале VI в. до н. э., по тем же нумизматическим данным, еще не чеканила даже Эгина – исторически самый первый центр монетного дела в Балканской Греции. На тот момент осуществлялись только электроновые выпуски некоторых восточноионийских центров. Монеты этих выпусков, несомненно, могли спорадически попадать и в Афины, однако оказывать хоть сколь-нибудь серьезного влияния на денежное хозяйство не были способны. Уже хотя бы потому, что они чеканились по совершенно иным весовым стандартам, не основанным на принятой в Аттике драхме.

Однако, строго говоря, все эти размышления по поводу времени появления в Афинах монет несколько иррелевантны для рассматриваемой нами здесь проблематики. Ведь, в конце концов, в законах Солона все-таки упоминаются драхмы, и отрицать это невозможно. Ибо – тут мы переходим ко «второй стороне медали» – методологически неверно отождествлять отсутствие чеканной монеты с отсутствием денег как таковых. До введения чеканки четко фиксируется стадия домонетных денег. При этом, подчеркнем, речь идет не о «протоденьгах» типа голов скота (применяющихся для оценки богатства уже в гомеровском эпосе) или медимнов зерна, а о самых настоящих деньгах, просто не имевших еще привычной нам монетной формы. Прекрасно известно, что в Пелопоннесе в этом качестве употреблялись стандартизованные металлические спицы (обо́лы). По весьма убедительному предположению ряда исследователей⁵², ту же функцию могли выполнять нечеканенные слиточки серебра. Особенно велика возможность такого положения дел именно в Аттике, где, как

⁵¹ В книге: *Иванов Вяч. Вс.* История славянских и балканских названий металлов. М., 1983.

⁵² *Зограф А. Н.* Античные монеты. М.; Л., 1951. С. 23; *Rhodes P. J.* Solon and the Numismatists // *Numismatic Chronicle*. 1975. Vol. 15. P. 6; *Kroll J. H., Waggoner N. M.* Dating the Earliest Coins of Athens, Corinth and Aegina // *American Journal of Archaeology*. 1984. Vol. 88. No. 3. P. 333; *Furtwängler A.* Neue Beobachtungen zur frühesten Münzprägung // *Schweizerische numismatische Rundschau*. 1986. Bd 65. S. 164; *Ruschenbusch E.* Plutarchs Solonbiographie. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1994. Bd 100. S. 362; *Kroll J. H.* Silver in Solon's Laws // *Studies in Greek Numismatics in Memory of M. J. Price*. L., 1998. P. 225–232; *Stanley P. V.* The Economic Reforms of Solon. St. Katharinen, 1999. P. 212.

известно, серебро добывалось в весьма значительном по греческим меркам количестве. Такие слиточки имели, вероятнее всего, круглую форму, а главное – фиксированный вес и отличались от «настоящих» монет, в сущности, только отсутствием штампа государства. С ними были полноценно возможны любые операции, которые позже были возможны с монетами. Подчеркнем, они представляли собой не какой-нибудь эрзац, а настоящие деньги, только без полисных эмблем.

Описанная здесь ситуация отнюдь не является какой-то уникальной. Напротив, она более чем типична для периодов истории древнего мира, предшествующих изобретению монеты. Серебряные сикли упоминаются еще в законах Хаммурапи⁵³.

Но коль скоро деньги, в какой бы то ни было форме, при Солоне уже существовали, то – вернемся к исходному вопросу, поставленному Х. Тумансом, – почему же афинский законодатель построил систему имущественных разрядов все-таки не на них, а на натуральном продукте? Насколько нам представляется, введение имущественного ценза в деньгах подразумевало бы стадию весьма развитых денежных отношений и широкое, повсеместное распространение этих самых денег, их наличие у каждого гражданина.

Насколько можно судить, Х. Туманс придерживается именно этой позиции. Он пишет:

Факт наличия денег как таковых в Афинах той эпохи *автоматически* предполагает и наличие денежных отношений, а также людей, обладающих этими деньгами, и людей, *живущих в основном за счет денег и ради денег* (как тут не вспомнить знаменитую фразу Остапа Бендера о том, что раз в стране бродят какие-то денежные знаки, то должны быть и люди, у которых этих знаков много, – вот уж воистину *универсальное* наблюдение!)⁵⁴ (курсив везде наш. – И. С.).

Нам, однако, это наблюдение вовсе не представляется универсальным, да и привлекать О. Бендера в качестве эксперта по ситуации в архаических Афинах мы не стали бы, тем более что «великий комбинатор» жил (насколько это можно сказать о литературном персонаже) действительно в эпоху пресловутых *денежных знаков*, в античности же как раз этих последних-то и не было, а были обладавшие реальной ценностью деньги. Дело, впрочем, даже не в этом последнем обстоятельстве. Важнее то, что, как нам представляется, Х. Туманс допускает здесь определенную модернизацию, напрямую отождествляя «экономический» менталитет человека современного буржуазного общества с довольно-таки далеким от него «политическим» менталитетом человека

⁵³ Гордон С. Г. Забытые письма: открытие и дешифровка. СПб., 2002. С. 98 и прим. 8 на с. 271.

⁵⁴ Туманс Х. Еще раз об аристократизме... С. 24.

античности⁵⁵. Но ведь латвийский исследователь, являясь представителем цивилизационного направления в изучении истории человеческих обществ, обычно и сам всегда признает и подчеркивает отличия между ментальными структурами разных цивилизаций.

В наличии денег уже в солоновское время, повторим, сомневаться не приходится; но вот тот тезис, что из этого факта автоматически вытекает существование людей, живущих именно ради денег, людей, для которых деньги – главное, еще нужно специально доказывать, а не просто априорно постулировать.

Попытаемся сформулировать как можно более четко свою позицию по рассматриваемому вопросу. Итак, почему же солоновский имущественный ценз имел натуральный характер? Будем исходить из того, что афинский реформатор, проводя свои преобразования, ставил, как минимум, одной из основных целей более эффективное функционирование государства, улучшение положения гражданского коллектива в целом. Эта посылка кажется вполне естественной. Наверное, никто или почти никто не проводит реформы специально, чтобы сделать людям хуже. Другое дело, что благие намерения нередко пропадают втуне из-за неумелой их реализации, но это совсем отдельная тема.

Если же Солон намеревался установить в полисе порядок (который сам он в своих стихах называл «благозаконием» – *евномисей*), а не усугубить в нем хаос и неразбериху, то и при учреждении имущественных разрядов логично для него было установить такую систему их разграничения, которая была понятной и удобной для *большинства гражданского населения*, а не для меньшинства. В афинском полисе, несомненно, были люди, у которых деньги имелись. Но столь же несомненно, что в нем было гораздо больше граждан, у которых денег не имелось или почти не имелось. В эту категорию смело можем зачислить все аттическое крестьянство – в численном отношении абсолютно преобладавшую в государстве социальную группу. Для этих людей натуральный ценз был, по сути, универсальным мерилom, единственным реальным средством оценить свои доходы, дабы приписаться к соответствующему классу.

При этом, подчеркнем, если деньги были только у части афинян, то натуральный продукт – у всех. Крайне маловероятно выдвигаемое Х. Тумансом мнение, что в солоновских Афинах были какие-то граждане, «чье благосостояние заключалось в “невидимом богатстве”, т. е. в деньгах, а не в земле или поголовье скота»⁵⁶. Ведь в таком случае пришлось бы допустить, что эти граждане не обладали земельными наделами. А между тем, даже если вести речь о ремесленниках и торговцах, они должны были всё равно быть также и земельными собственниками. Ведь одной из «азбучных» характеристик полиса,

⁵⁵ Это различие между античным *homo politicus* и характерным для Нового времени *homo economicus* не устал подчеркивать в своих работах Макс Вебер.

⁵⁶ Туманс Х. Еще раз об аристократизме... С. 25.

фигурирующей в любом описании данного феномена, является связь гражданского статуса с землевладением⁵⁷. Значительно позже, в период кризиса классического полиса, этот принцип мог в отдельных случаях нарушаться (да и то государство старалось следить за тем, чтобы этого по возможности не было, и различными способами восстанавливать статус гражданина как землевладельца). В любом случае, во времена Солон до этого было еще очень далеко. К тому же Х. Туманс явно ведь имеет в виду не бедняков «без кола и двора», а людей зажиточных.

Иными словами, если натуральный ценз в большей или меньшей степени подходил для всех, то ценз денежный явился бы чрезвычайно неудобным для подавляющего большинства. Правда, Х. Туманс указывает на тот важный нюанс, что в солоновских законах штрафы за различные деликты указаны в драмах, а вовсе не в медимнах, и недоумевает по этому поводу: «непонятно, почему... штрафы взимали в деньгах, а не в зерне или баранах»⁵⁸. На первый взгляд, действительно несоответствие налицо.

Однако ценз и штраф – вещи принципиально разные. Ценз не предполагает, что кто-то кому-то что-то выплачивает; имущество просто оценивается. Штраф же должен быть реально внесен в государственную казну, которая предназначалась и была приспособлена, естественно, для хранения именно денег, а не чего-либо другого, например тех же баранов. Если на гражданина решением суда или иного органа налагался штраф, то на этого гражданина, понятно, ложилось бремя изыскания денег – даже если он был, допустим, крестьянином и денег в норме не имел. Он мог продать что-нибудь, одолжить деньги т. п. Известно, кстати, что в Афинах не только в архаическую, но и в классическую эпоху ряд граждан испытывали трудности с немедленной выплатой штрафов. Вплоть до такой выплаты они попадали в категорию государственных должников и подвергались частичной атимии, а с рубежа V–IV вв. до н. э. для них была оборудована долговая тюрьма⁵⁹. Надо полагать, что, если бы штрафы были натуральными, расплатиться с полисом было бы много легче.

К только что разобранному суждению Х. Туманса тесно примыкает его гипотеза, согласно которой Солон, приглашая в Афины ремесленников из других городов и предоставляя им гражданские права (этот несомненно аутентичный

⁵⁷ Ср. у М. Вебера об античных «аграрных гражданах», которые именно тем и отличались от средневековых горожан, что имели земельные участки на хоре: Вебер М. История хозяйства. Город. М., 2001. С. 341.

⁵⁸ Туманс Х. Еще раз об аристократизме... С. 24–25.

⁵⁹ Ruschenbusch E. Die Quellen zur älteren griechischen Geschichte: Ein Überblick über den Stand der Quellenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Belange des Rechtshistorikers // Symposium 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 74.

закон – $\acute{o} \tau\acute{\omega}\nu \delta\eta\mu\omicron\tau\omicron\upsilon\eta\tau\omega\nu \nu\acute{o}\mu\omicron\varsigma$ – приводится Плутархом, Sol. 25), приписывал их всех к четвертому, низшему имущественному разряду фетов. Данный тезис нам трудно даже комментировать. В источниках не встречаем ни малейшего намека ни на что подобное; из чего следует этот вывод – непонятно. Основной довод автора следующий: «...Невозможно допустить, чтобы эти новые граждане могли сразу же получить все политические права – для полисного, для античного мышления вообще, а тем более в архаическую эпоху *такое было просто немыслимо*»⁶⁰ (курсив наш. – И. С.). Между тем сам же он несколькими страницами выше справедливо критикует исследователей, аргументирующих по принципу – чего-то не было просто потому, что «этого не могло быть»⁶¹. А здесь он сам встает на тот же путь априорного отрицания.

Имеется еще закон Солон (также передаваемый Плутархом, Sol. 22), обязывавший граждан обучать своих сыновей ремеслам. По его поводу Х. Туманс замечает: «Нет никаких гарантий того, что Плутарх, как это с ним не раз бывало, не приписал Солону закон, изданный кем-либо другим»⁶². К сожалению, примеров подобного вольного обращения Плутархом со своими источниками не приведено. Да это и трудно было бы сделать, поскольку в действительности херонейский биограф был одним из самых ответственных античных авторов, как правило не допускавшим столь грубую путаницу. Главное же здесь в том, что предлагаемый подход – любое античное свидетельство, не укладывающееся в авторскую концепцию, подвергнуть сомнению и отбросить как недостоверное – с одной стороны, конечно, удобен, но с другой – вряд ли конструктивен.

На этой ноте Х. Туманс переходит ко второму основному положению своей статьи: Солон никогда не занимался торговлей, никак не был с ней связан, соответственно, торговцам не симпатизировал и не мог проводить меры, улучшавшие их положение. Правда, о том, что Солон совершал торговые морские поездки, упоминается в источниках, в том числе уже у Аристотеля (Ath. pol. 11. 1). Но мы уже знаем, как нужно в таких случаях поступать с источниками. Стагирит, конечно же, ошибался: «...быть может, он сам добавил это ради того, чтобы сделать Солона идеальным “средним” гражданином... Во времена Аристотеля... торговля... была уже реабилитирована в этическом смысле»⁶³.

Последнее суждение представляется не вполне корректным. Идеальный «средний» гражданин Аристотеля – конечно, не торговец, а земледелец. К торговле же и торговцам Стагирит относится скорее подозрительно, являясь в этом смысле типичным представителем современных ему интеллектуалов. Он пишет,

⁶⁰ Туманс Х. Еще раз об аристократизме... С. 28.

⁶¹ Там же. С. 23. В сноске к этому пассажи фигурирует и наша фамилия, но здесь, вероятно, какое-то недоразумение: мы никогда не позволяли себе подобных «аргументов».

⁶² Там же. С. 29.

⁶³ Там же. С. 30–31.

в частности, об искусстве наживать имущество: «...с одной стороны, оно относится к области торговли, с другой – к области домохозяйства, причем последнее обусловлено необходимостью и заслуживает похвалы, обменная же деятельность по справедливости вызывает порицание» (Pol. 1258a38 sqq.). И в другом месте: «Благодаря удобствам морских сообщений в государство прибывает и проживает в нем масса торговцев из-за границы, а это обстоятельство стоит в противоречии с хорошим управлением» (Pol. 1327a16 sqq.). При желании подборку аналогичных пассажей из нашего философа можно было бы и пополнить. А вот слова его учителя Платона (Legg. 920a): «Тому, кто собирается торговать, надо быть метеком или чужеземцем».

Все это – к вопросу о «реабилитации» торговли. Как видим, такой реабилитации не было. Единственно достойным трудом для члена гражданского коллектива даже и в позднеклассическую эпоху признавался труд земледельческий. Если Аристотель имел в виду восхваление Солона, то он вряд ли стал бы ложно приписывать ему торговую деятельность: такой факт, напротив, был уж очень «неудобным» для характеристики идеального гражданина. Специально придумывать его Аристотелю не имело никакого смысла, но, коль скоро уж этот факт действительно имел место, глава Ликея, как честный и скрупулезный ученый, не мог о нем умолчать.

Мы решимся даже утверждать, что в классической Греции оценка торговли как рода деятельности ужесточилась по сравнению с периодом архаики. Согласно Х. Тумансу, изначально торговлей в греческом мире занимались только простолудины, затем же по их стопам пошла часть аристократии (исследователь называет ее «новой аристократией»), «обуржуазившаяся» и забывшая прежние идеалы доблести. К таковой Х. Туманс, если говорить об Афинах, причисляет прежде всего Алкмеонидов. Заметим к слову, что хотя точка зрения об участии Алкмеонидов в торговле с Востоком (Лидией) весьма распространена в историографии⁶⁴, но все-таки она является не более чем историографической конструкцией: источников, которые эксплицитно подтверждали бы данный факт, в нашем распоряжении нет⁶⁵.

Но вернемся к архаической аристократии в целом. Насколько можно судить, ее представители с самого начала отнюдь не гнушались торговой

⁶⁴ Автор этих строк и сам в свое время отдал ей дань – хотя и с некоторыми оговорками: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 70.

⁶⁵ Укажем еще на то, что Х. Туманс оспаривает напу точку зрения о близости Солона и Алкмеонидов, подчеркивая тот факт, что мы, аргументируя этот тезис, оказываемся вынуждены подвергнуть сомнению достоверность одного пассажа из Плутарха (Sol. 11). Это так. Но ведь и сам Х. Туманс, как мы уже видели, отвергает некоторые свидетельства Плутарха (и даже Аристотеля), не согласующиеся с его концепцией. Нам ничего не остается, кроме как возразить сделанный нам упрек.

деятельностью (речь, разумеется, идет не о мелкой розничной торговле на рынках – *κατηγλεία*, а о крупной оптовой морской торговле – *ἐμπορία*). В отечественной историографии большую торговую роль греческой аристократии в период архаики неоднократно и справедливо подчеркивал А. А. Курбатов⁶⁶. Но уже М. Вебер выделял в ранних обществах такой тип торговли, как «торговля господ», при которой аристократы, крупные земельные собственники, либо сами торгуют, либо купцы являются их агентами⁶⁷.

Тот факт, что у истоков морской торговли в раннеархаической Элладе стояла именно знать, а вовсе не простолюдины, ничуть не удивителен. Действительно, чтобы заняться этим родом деятельности, необходимо было прежде всего снарядить корабль, набрать экипаж – в достаточном количестве для того, чтобы не только управлять судном, но и при случае суметь защититься от пиратов, – да и в конце концов запастись товаром для обмена. Иными словами, для подобного «предпринимательства» нужен был достаточно большой «начальный капитал». А у кого такие средства могли иметься в то время, кроме как у аристократов? Явно не у рядовых общинников: тем это было просто не под силу⁶⁸.

Давайте познакомимся ближе с одним из этих раннегреческих купцов, появляющимся уже у Гомера (Od. I. 180 sqq.). Вот как он сам характеризует себя:

...Я царя Анхиала
Мудрого сын, именуяся Ментесом, правлю народом
Веселюбивых тафийцев; и ныне корабль мой в Итаку
Вместе с моими людьми я привел, путешествуя темным
Морем к народам иного языка; хочу я в Темесе
Меди добыть, на нее обменявшись блестящим железом.

Вопрос о локализации Тафоса и Темесы, а также то обстоятельство, что под обликом Ментеса скрывается богиня Афина, в данном контексте для нас иррелевантны. Важно, что описанный здесь гомеровский торговец – отнюдь

⁶⁶ Курбатов А. А. Роль аристократии в экономическом развитии греческого полиса VIII–VI вв. до н. э. // Античная гражданская община. М., 1986. С. 3–29; Курбатов А. А. Аристократия в социально-экономическом развитии архаической Греции. Астрахань, 1994. С. 29 сл.; Курбатов А. А. Аристократия в архаической Греции. Астрахань, 2006. С. 67 сл. К работам А. А. Курбатова у нас имеется ряд претензий иного плана, но как раз в данном вопросе он совершенно прав.

⁶⁷ Вебер М. Указ. соч. С. 188.

⁶⁸ Х. Туманс возражает нам (*per litteras*), что рядовые общинники для осуществления торговых плаваний могли кооперироваться, соединять усилия и средства, создавать «команды». Это опять же только гипотеза, сообщения источников о подобных артелях нам неизвестны. Но, даже если они и существовали, торговлю аристократов это не отменяет.

не простолюдин, не какой-нибудь «новый человек», а знатный аристократ, более того, царь, глава общины.

Перед нами вырисовывается своеобразный общественный слой, который в западной историографии иногда называют «воинами-торговцами». Аристократы архаического Милета носили прозвание «вечно плавающих» (ἀειναῦται, Plut. Mor. 298cd) – несомненно, именно потому, что они постоянно пускались в морские путешествия в торговых целях. Но самые яркие примеры этих людей, сочетавших «рыцарственные» доблести с купеческим делом, дает соседняя с Аттикой Эвбея, которая в X–VIII вв. до н. э. шла, без преувеличения, в авангарде развития греческого общества. Полисы острова – Эретрия, Халкида и тот, самый значимый из них, что известен ныне под условным наименованием Левканди, – непрерывно поддерживали контакты с Ближним Востоком, основали в Северной Сирии знаменитую факторию в Аль-Мине, а потом выступили «пионерами» колонизационного движения на западном направлении. Все эти экспедиции, бесспорно, возглавлялись представителями знатной элиты. Семейное кладбище одного из таких элитных родов раскопано в Левканди. Его могилы в целом имеют вполне «воинский» облик, но при этом наполнены роскошными импортными, в том числе восточными, ремесленными изделиями. А в одной из могил обнаружен набор каменных гирь!⁶⁹ Трудно предположить, для каких иных целей, кроме торговых, могли эти гири использоваться.

Следует подчеркнуть, что раннегреческая торговля, о которой идет здесь речь, основывалась еще не на началах «бизнеса» и прибыли, а на идее церемониального дарообмена между представителями элиты. Поэтому, может быть, уместно ввести для нее специальный термин – прототорговля. Она составляла важный элемент системы престижной, а не рыночной экономики⁷⁰.

Ростки последней начинают зарождаться в VIII в. до н. э. Имевший тогда место процесс коммерциализации элиты хорошо описан в монографии Д. Тэнди «От воинов к торговцам»⁷¹, где, впрочем, есть одно упущение: не учтено в должной мере, что этот процесс распространился не на всех аристократов. Как раз здесь мы вполне солидарны с Х. Тумансом: наряду с той частью аристократии, которая поддалась нараставшему духу стяжательства (ее вполне можно называть «новой аристократией», как это делает рижский антиковед), оставалась и знать «старинной закалки», в среде которой этот дух не находил поддержки.

⁶⁹ Coldstream J. N. Op. cit. P. 374. Подробнее о Левканди см. также: Thomas C. G., Conant C. Op. cit. P. 85 ff.

⁷⁰ О престижной экономике в ранних социумах см.: Семенов Ю. И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество, М., 1993. С. 238 сл.

⁷¹ Tandy D. W. Warriors into Traders: The Power of the Market in Early Greece. Berkeley, 1997.

Между двумя столь принципиально разделившимися группами высшего сословия не могла не возникать коллизия. «Старые» аристократы презирали «новых» (вероятно, нужно специально оговорить, что эпитет «новые» применяется здесь не в смысле «недавно возвысившиеся, не могущие похвастаться древностью происхождения», а в смысле «воспринявшие новую систему ценностей»). Напомним в данной связи еще один часто цитирующийся пассаж из Гомера (Od. VIII. 159 sqq.), где феакиец Евриал на играх издевательски говорит Одиссею:

Странник, я вижу, что ты не подобишься людям, искусным
В играх, одним лишь могучим атлетам приличных; конечно,
Ты из числа промышленных людей, обтекающих море
В многovesельных своих кораблях для торговли, о том лишь
Мысля, чтоб. сбыв свой товар и опять корабли нагруживши.
Боле нажить барыша: но с атлетом ты вовсе не сходишь.

Х. Туманс тоже приводит это место, причем считает, что Одиссея упрекают здесь в «дурной породе»⁷², иными словами, что его приняли за простолудина. На самом деле это не так, и «порода» тут ни при чем⁷³. Кто такой Одиссей – Евриал, конечно, прекрасно знает, ибо тот не далее как накануне на пиру у царя Алкиноя поведал свою печальную повесть. Благородство его происхождения никем сомнению не подвергается (иначе его просто и не пригласили бы на игры). Итакийского гостя обвиняют не в том, что он – не аристократ, а в том, что он – представитель «новой аристократии», всецело предавшийся морской торговле с целью наживы и забывший исконную атлетическую доблесть.

Однако уже к VI в. до н. э., ко времени Солон и Феогида, знать, не оторкшаяся от своих прежних принципов, явственно ощутила себя в положении «аутсайдеров». Хозяевами эпохи стали те представители аристократии (подчеркиваем снова и снова, именно аристократии, а не демоса), которые начали активно «делать деньги». А те, кто этим в свое время не озаботился, оказались в большинстве своем фактически отстранены от властных, авторитетных позиций, и им оставалось заниматься озлобленным или философским резонерством.

Какую же позицию занимал Солон на фоне этой постоянно изменявшейся, приводившей к острым кризисам ситуации? Вопреки мнению Х. Туманса, мы

⁷² Туманс Х. Еще раз об аристократизме... С. 36.

⁷³ В аристократическом гомеровском эпосе вообще почти не встречаются представители простонародья. Вопреки распространенному мнению, таковым не является и Терсит (см. Суриков И. Е. Античная Греция... С. 76. Прим. 6). У Гомера даже раб Евмей – «свинопас богоравный, людей повелитель» и отпрыск царского рода, в детстве похищенный пиратами.

отнодью не причисляем Солон к «торгово-ремесленной прослойке» (при этом, конечно, не отрицая самого существования такой прослойки). Местами, как нам кажется, латвийский коллега как бы «додумывает» за нас наши мысли, причем «додумывает» не в том направлении, в каком бы следовало.

Характерный пример: как мы отметили, Солон, завоевав Саламин, дал Афинам контроль над рядом гаваней в Сароническом заливе⁷⁴. Х. Туманс полагает, что тем самым мы «невольно» признали торговое значение Саламина⁷⁵. На самом же деле речь шла не о торговых, а о военно-стратегических целях. Пр процитируем по этому поводу одну из своих недавних работ:

Зачем Афинам на рубеже VII–VI вв. до н. э. был нужен Саламин? Прежде всего для того, чтобы им не владел кто-нибудь другой. Подчеркнем, что афиняне не пытались захватить остров, пока претензии на него не предъявили соседи-мегаряне. Дело в том, что Саламин занимал уж очень выгодное геостратегическое положение относительно Аттики. Он был отделен от нее лишь узким проливом и как бы нависал над ее побережьем, причем в самом уязвимом месте – там, где к морю выходили не горные цепи, а равнины, Афинская и Фриасийская. Иными словами, с Саламина было очень удобно осуществлять нападения на Аттику. А не допустить этого можно было только одним способом – самим укрепившись на саламинской земле. Таким образом, при колонизации Саламина ключевую роль играли, насколько нам представляется, не экономические, а внешнеполитические и военно-стратегические соображения⁷⁶.

Вернемся к вопросу о позиции Солон. Не видим оснований отбрасывать настойчивые утверждения Аристотеля, согласно которым афинский законодатель принадлежал к «средним» (μέσοι). Другой (и очень серьезный) вопрос – как трактовать этих «средних»? В западной историографии под ними подчас принято понимать разбогатевшую верхушку рядовых граждан, то есть тех самых нуворишей, о которых пишет Х. Туманс. И действительно, эти люди *уже* не принадлежали к массе демоса, но *еще* не принадлежали и к аристократии, – так почему бы не считать их пресловутым «средним классом»? В данной связи, например, Дж. Макглю искренне удивляется: что же общего имелось у Солон, человека очень знатного и при этом небогатого, с этими «средними», которым он фактически полярно противоположен?⁷⁷

⁷⁴ Суриков И. Е. Античная Греция... С. 110.

⁷⁵ Туманс Х. Еще раз об аристократизме... С. 27.

⁷⁶ Суриков И. Е. Ранняя афинская колонизация: политические и экономические мотивы // Материалы Всероссийской науч. конф. «X Чтения памяти проф. Н. П. Соколова». Нижний Новгород, 2007. С. 29–30.

⁷⁷ McGlew J. F. Tyranny and Political Culture in Ancient Greece. Ithaca, 1996. P. 97.

Нам, однако, представляется, что принадлежность Солонa к «средним» необходимо интерпретировать в ином ключе, привлекая не столько социально-экономические, сколько мировоззренческие категории. Солонa именно потому избрали *посредником* (μεσίτης), что он был *средним* (μέσος) – средним в том смысле, что он занимал равноудаленную позицию по отношению ко всем основным борющимся группировкам и при этом не был вполне чужд ни одной из них. Различные слои населения видели в нем «своего», потенциального заступника. Солон был «средним» не потому, что не принадлежал ни к аристократии, ни к демосу, а, как ни парадоксально, потому, что принадлежал одновременно к обеим этим традиционным частям гражданского коллектива. Он воплощал в своей фигуре то лучшее, что объединяло эти две части, и прежде всего здоровый, умеренный консерватизм, противостоящий разрушительным веяниям эпохи.

Солон, судя по всему, все-таки занимался морской торговлей. Х. Туманс видит в некоторых строках его сохранившегося наследия (Sol. fr. 7 Diehl; fr. 1. 43–46 Diehl) косвенное выражение страха перед морем, будто бы присущего афинскому реформатору⁷⁸. Суждение несколько категоричное и, пожалуй, даже пристрастное; нам в этих строках никакого страха не видится. К тому же, по вполне достоверным данным, Солон побывал, как минимум, в Египте, на Кипре и в Лидии. Это само по себе предполагает далекие и длительные путешествия на корабле. Вряд ли стал бы в них пускаться человек, столь уж боявшийся морской стихии.

Итак, Солон занимался торговлей, но это была торговля еще традиционного типа, ориентированная не на получение максимальных прибылей любой ценой, а на приобретение умеренного достатка, позволявшего не нуждаться. Именно умеренным следует назвать отношение Солонa к богатству. Правда, Х. Туманс считает это отношение «нигилистическим»⁷⁹, но здесь перед нами явное преувеличение. Не забудем о том, что сам поэт-мудрец говорит (fr. 1. 7 Diehl): χοῦματα δ' ἰμεῖω μὲν ἔχειν – «богатство же я желаю иметь». Другое дело, что обязательно приводятся необходимые оговорки (как непосредственно после этих слов, так и неоднократно в других стихотворениях): что это богатство должно быть не чрезмерным, нажитым честно, не превращаться в самоцель, что доблесть все равно превышает богатства и т. п. Таким образом, взгляды Солонa сложнее, чем представляется Х. Тумансу: тут не «нигилизм», а именно умеренная, взвешенная, «средняя» позиция. Богатство не отрицается как таковое, но вводится в подобающие ему рамки. Точка зрения вполне типичная для аристократа «старинной закалки».

⁷⁸ Туманс Х. Еще раз об аристократизме... С. 33.

⁷⁹ Там же. С. 34.

Коснемся еще одного смежного вопроса. Как показатель иерархического мировоззрения Солон латвийский исследователь цитирует его строки (fr. 23 Diehl), в которых говорится, что законодателю не хотелось бы

...в пажитях родных
Дать худым и благородным (κακοῖσιν ἐσθλοῦς) долю
равную иметь.

Однако этому фрагменту можно с полным основанием противопоставить другой (fr. 24 Diehl), где сказано, на первый взгляд, прямо противоположное:

Для злых и благостных (τῶ κακῶ τε καὶ ἀγαθῶ) законы равные
Я начертал, для всех введя суд праведный...

Что же, Солон противоречит сам себе? Да, но только если полагать, что «хорошие» (ἀγαθοί, ἐσθλοί) и «дурные» (κακοί) в словоупотреблении нашего поэта – чисто социальные термины. Таково уже давно *communis opinio* в мировой историографии: в греческом мире архаической эпохи указанные лексемы имели исключительно социальное наполнение, обозначая соответственно аристократов и всех остальных граждан, и именно эта ситуация отразилась в литературных памятниках названного времени⁸⁰. Но верно ли это мнение? Во всяком случае, можно с уверенностью утверждать, что в ряде мест у Феогнида слова «хорошие» и «дурные» употребляются в отчетливо выраженном этическом смысле и никак не могут быть понимаемы в смысле социальном (Theogn. 43 sqq., 165 sq., 305 sqq., 577 sq., 615 sq., 1079 sq.)⁸¹.

Почему бы не допустить, что ровно такая же ситуация имеет место и в стихах Солон – современника Феогнида? А если мы это допустим, то все встает на свои места и кажущееся противоречие исчезает. Действительно, если у Солон «добрые» и «дурные» – этические термины, то равные законы отнюдь

⁸⁰ Максимально четко данная точка зрения выражена у А. И. Доватура (применительно к лирике Феогнида): «...В глазах аристократа, для которого “добрыми, достойными” (ἀγαθοί), “благородными, честными” (ἐσθλοί) были только представители знати, все прочие граждане сливались в единую массу “подлых, дурных” (κακοί)» (Доватур А. И. Феогнид и его время. Л., 1989). Подобной тенденцией проникнуты практически все работы А. И. Доватура, вошедшие в только что упомянутую его посмертную книгу. Подчеркнем, здесь он не следует какому-то вульгарно-марксистскому подходу, а выражает общепринятое и по сей день мнение мирового антиковедения. В некоторых западных работах последнего времени (например: Morris I. Op. cit.; Wees H. van. Mass and Elite in Solon's Athens: The Property Classes Revisited // Solon of Athens... P. 351–389) предпринимаются попытки отчасти модифицировать оценку интересующих нас категорий (в смысле их конкретного состава), однако авторы все-таки не выходят за рамки их социального понимания.

⁸¹ К этому обстоятельству привлек наше внимание А. А. Немировский, за что мы ему искренне благодарны.

не обозначают для них равную долю: согласно этим самым равным законам каждому воздастся по достоинству, одни будут награждены, а другие наказаны.

Весь вопрос о характере принадлежности Солон к «средним», о «хороших» и «дурных» в его стихах затронут здесь лишь очень кратко и конспективно. Это очень сложная, комплексная проблема, настоятельно нуждающаяся в специальном исследовании. А таковое, конечно, не может быть проведено в рамках данной работы, которая и без того уже получилась достаточно обширной.

Хотелось бы только отметить в заключение: под тем, что мы написали в нескольких последних абзацах, Х. Туманс, полагаем, подписался бы без возражений. Ведь он и сам подчеркивает, что понятия «добрые» и «дурные» вмещали в себя не только социальные, но и «морально-этические категории»⁸². Это лишний раз показывает, что в целом наши с ним взгляды весьма близки, а разногласия имеют вполне частный характер. Не без основания надеемся, что спор, в который мы вступили с нашим латвийским коллегой по поводу этих разногласий, принадлежит к числу споров плодотворных и конструктивных, таких, из которых, по известному выражению, «рождается истина», а не только словесная эквилибристика.

⁸² Туманс Х. Еще раз об аристократизме... С. 38. Прим. 60.

САМЫЙ ЗАГАДОЧНЫЙ ЗАКОН СОЛОНА: ВОПРОСЫ АУТЕНТИЧНОСТИ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ*

Среди многочисленных законов, изданных в 594 г. до н. э. Солоном в ходе его реформаторской деятельности в Афинах¹, есть один особенно необычный и странный, постоянно вызывавший и вызывающий недоумение у исследователей и комментаторов, как античных, так и современных. Этому закону, который иногда называют «законом о стасисе», посвящен ряд специальных исследований², затрагивался он и в более общих работах о солоновских реформах и в целом об истории Афин³. Но полной ясности с ним по-прежнему отнюдь нет. Серьезные сложности порождаются целым рядом вопросов: об аутентичности текста закона, об интерпретации его терминологии, а самое главное – об исторических обстоятельствах, при которых был принят закон, о его причинах, целях и результатах.

Чтобы понять, почему «закон о стасисе» оказался столь дискуссионным, необходимо прежде всего рассмотреть свидетельства источников, в которых он упоминается и цитируется. Даже самый ранний из этих источников отделен от самого Солона временным промежутком в два с половиной столетия. Речь идет об «Афинской политии» Аристотеля, в которой, как известно, содержится

* Впервые опубликовано в: Вестник истории, литературы, искусства. М., 2009. Т. 6. С. 239–252.

¹ Дошедшие до нас тексты законов Солона см. в следующих сводках: *Ruschenbusch E.* ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden, 1966; *Martina A.* Solone: Testimonianze sulla vita e l'opera. R., 1968.

² *Lavagnini B.* Solone e il voto obbligatorio // *Rivista di filologia classica.* 1947. Vol. 25. No. 1/2. P. 81–93; *Goldstein J. A.* Solon's Law for an Activist Citizenry // *Historia.* 1972. Bd 21. Ht. 4. S. 538–545; *Bers V.* Solon's Law Forbidding Neutrality and Lysias 31 // *Historia.* 1975. Bd 24. Ht. 3. S. 493–498; *Fritz K. von.* Nochmals das solonische Gesetz gegen Neutralität im Bürgerzwist // *Historia.* 1977. Bd 26. Ht. 2. S. 245–247; *Develin R.* Solon's Law on Stasis // *Historia.* 1977. Bd 26. Ht. 4. S. 502–508; *David E.* Solon, Neutrality and Partisan Literature of Late Fifth-century Athens // *Museum Helveticum.* 1984. Vol. 41. Fasc. 3. P. 129–138; *Pecorella Longo C.* Sulla legge «Soloniana» contro la neutralità // *Historia.* 1988. Bd 37. Ht. 3. S. 374–379.

³ Один из последних примеров: *Forsdyke S.* Exile, Ostracism and the Athenian Democracy // *Classical Antiquity.* 2000. Vol. 19. No. 2. P. 240 ff.

один из самых информативных рассказов о солоновских реформах и законодательстве. В частности, Аристотель пишет (Ath. pol. 8. 5; пер. С. И. Радцига⁴):

Видя, что в государстве часто происходят смуты, а из граждан некоторые по беспечности мирятся со всем, что бы ни происходило, Солон издал относительно их особый⁵ закон: «Кто во время смуты в государстве не станет с оружием в руках ни за тех, ни за других, тот предается бесчестию и лишается гражданских прав⁶».

Как видим, данный пассаж состоит из двух частей. Первая из них представляет собой предположение автора «Афинской политики» о причинах издания закона, а вторая – текст самого закона. Закон сформулирован четко, просто и ясно, и, казалось бы, ничто не мешает считать его воспроизведенным вполне аутентично. Ведь известно, что Аристотель, осуществляя во главе Ликсея грандиозный проект по сбору законодательного материала, особенно пристально изучал именно законодательство Солон. Живя в Афинах, он имел такую возможность и активно ею пользовался. В частности, основатель перипатетической школы опубликовал с обширным комментарием солоновские законы (трактат «Об аксонах Солон» в пяти книгах, к сожалению, утраченный)⁷.

Тем не менее высказывались весьма категоричные сомнения в том, что «Афинская политика» доносит до нас данный закон Солон именно в такой форме, в какой он был сформулирован самим реформатором⁸. Основанием для сомнений служили терминологические соображения, а именно то значение, которое здесь у Аристотеля имеет прилагательное ἄτιμος. Оно понимается в «классическом» смысле, применяясь к лицу, лишенному гражданских прав. Но обычно считается, что в солоновские времена атимия трактовалась еще в «архаическом», более суровом смысле – как объявление гражданина вне закона, дозволение любому желающему безнаказанно убить его (к такому пониманию «архаической» атимии см. в другом месте «Афинской политики» Аристотеля, а также в одной из речей Демосфена: Arist. Ath. pol. 16. 10; Demosth. IX. 43–44).

Но вернемся к свидетельствам источников. Упоминает закон Солон о стасисе также Плутарх. Его сообщение звучит так (Plut. Sol. 20; пер. С. И. Соболевского⁹): «Из остальных законов Солон особенно характерен (ἰδιος)

⁴ Античная демократия в свидетельствах современников / Изд. подгот. Л. П. Маринович, Г. А. Кошеленко. М., 1996. С. 36.

⁵ В оригинале – ἰδιον, т. е. скорее «своеобразный, необычный». Ср. со свидетельством Плутарха, которое будет цитироваться ниже.

⁶ ὅς ἀν στασιαζούσης τῆς πόλεως μὴ θῆται τὰ ὄπλα μηδὲ μεθ' ἑτέρων, ἀτίμον εἶναι καὶ τῆς πόλεως μὴ μετέχειν.

⁷ Об этом трактате Аристотеля см.: Ruschenbusch E. Op. cit. S. 40 ff.

⁸ Ruschenbusch E. Op. cit. S. 83; Fritz K. von. Op. cit. S. 247.

⁹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. 2-е изд. М., 1994. Т. 1. С. 104.

и странен закон, требующий отнятия гражданских прав у гражданина, во время междоусобия не примкнувшего ни к той, ни к другой партии¹⁰».

Как видим, полного текстуального совпадения с пассажем из «Афинской политики» здесь нет. В частности, Плутарх не употребляет характерного выражения *μη θῆται τὰ ὄπλα* ('не станет с оружием'), которое как раз может быть аутентично солоновским¹¹. С другой стороны, у херонейского биографа встречаются, как и у Аристотеля, ключевые слова *στάσις* и *ἄτιμος* (какой смысл придается здесь термину «атимия», у Плутарха, правда, не пояснено). Да и общий смысл фрагмента в передаче обоих авторов абсолютно аналогичен.

В любом случае, однако, два достаточно важных, связанных друг с другом вопроса оказываются так и не выясненными до конца. Во-первых, в каком соотношении два приведенных свидетельства находятся с текстом самого закона Солон? Является ли какое-нибудь из них (и какое?) дословной цитатой или же перед нами в обоих случаях только вольный пересказ? Кто – Аристотель или Плутарх – точнее и вернее передает интересующий нас документ? И, во-вторых, в каком отношении два свидетельства находятся друг к другу? Использует ли здесь Плутарх «Афинскую политику» (с которой он был, безусловно, знаком) или опирается на иной, независимый источник?¹²

Третье важнейшее свидетельство об интересующем нас законе содержится тоже в достаточно позднем, но тем не менее ценном памятнике – «Аттических ночах» римского эрудита Авла Геллия, этом обширном своде самой разнообразной информации. Геллий пишет (II. 12. 1):

¹⁰ ἄτιμον εἶναι τὸν ἐν στάσει μηδετέρα μερίδος γενόμενον.

¹¹ Известно, что престарелый Солон в 561 г. до н. э., когда возникла опасность установления тирании Писистрата, именно *встал с оружием* у дверей своего дома (Arist. Ath. pol. 14. 2; Plut. Sol. 30; ср. Diog. Laert. I. 50). Иногда эту традицию считают анекдотической (например: Семенов А. Ф. Солон во всеоружии // Гермес. 1908. Т. 2. № 1. С. 23–25). Однако она обладает всеми чертами внутренней цельности и непротиворечивости, а также хорошо соотносится с законом Солон о стасисе. Судя по всему, законодатель совершил символический жест, демонстрируя, что он выполнил собственный закон и сделал всё, что мог.

¹² Плутарх упоминает закон Солон о стасисе еще в нескольких трактатах, входящих в состав «Моралий». Но эти свидетельства не привносят ничего нового по сравнению с основным, содержащимся в биографии Солон, и несомненно являются вторичными: Plut. Mor. 550c: ἄτιμον εἶναι τὸν ἐν στάσει πόλεως μηδετέρα μερίδι προσθήμενον μηδὲ συστασιάζοντα; Plut. Mor. 823f: ἄτιμον εἶναι τὸν ἐν στάσει πόλεως μηδετέροις; Plut. Mor. 965d: νόμος, τοὺς ἐν στάσει μηδετέρα μέρος προσγενομένους κολάζων. Плутарх из раза в раз касается этого закона; чувствуется, последний не давал покоя херонейскому мудрецу, приводил его в недоумение и даже в замешательство.

Среди знаменитых и древнейших законов Солон, которые были в Афинах вырезаны на деревянных аксонах¹³, ...есть закон, который, как сообщает Аристотель, гласит следующее: «Если из-за раздора и несогласия начнется смута и разделение народа на две части и по этой причине, в обстановке возбуждения умов, с обеих сторон будет поднято оружие и разгорится борьба, тогда тот, кто в это время и в таком случае гражданской распри не присоединится ни к одной из сторон, а устранился, чтобы быть самому по себе, обособленным от общего зла в государстве, должен быть лишен дома, родины и всего имущества, стать изгоем и изгнанником (*si ob discordiam dissensionemque seditio atque discessio populi in duas partes fiet et ob eam causam irritatis animis utrimque arma capientur pugnabiturque, tum qui in eo tempore in eoque casu civilis discordiae non alterutrae parti sese adiunxerit, sed solitarius separatusque a communi malo civitatis secesserit, is domo, patria fortunisque omnibus careto, exul extorrisque esto*)».

Сразу бросается в глаза чрезмерная многословность данного пассажа. Текст явно прошел уже риторическую обработку, преисполнен разного рода красот, фигур речи, в частности постоянно встречающихся гендиадисов (*ob discordiam dissensionemque, seditio atque discessio, arma capientur pugnabiturque, solitarius separatusque, exul extorrisque*). Это очевидным образом контрастирует с лапидарной краткостью (доходящей порой до неясности), свойственной аутентичным архаическим законодательствам. Уже этого достаточно, чтобы утверждать с полной ответственностью: у Геллия мы имеем не дословную цитату, а очень приблизительный пересказ закона. Впрочем, общий смысл его передан, если отвлечься от риторики, вполне верно.

Есть, впрочем, и обстоятельства, которые озадачивают. Геллий ссылается на Аристотеля, однако в принадлежащей последнему «Афинской политике» текст закона формулируется совсем иначе. И дело даже не только в большей лаконичности выражений. Аристотель, как мы видели выше, понимает аtimiю в этом законе в «классическом» смысле – как лишение гражданских прав. Геллий, разумеется, самого термина «атимия» не употребляет, поскольку пишет на латинском языке (кстати, сама иноязычность фрагмента затрудняет его сравнение со свидетельствами Аристотеля и Плутарха с терминологической точки зрения). Однако же он эксплицитно говорит о том, что виновный подвергается более суровой каре, нежели просто лишение каких-то прав: он изгоняется с родины, его имущество подлежит конфискации. Это уже больше напоминает аtimiю в «архаическом» понимании. Означает ли это, что Геллий в данном конкретном вопросе ближе к истине, чем автор «Афинской политики»?

¹³ Об аксонах – деревянных досках, на которых были вырезаны законы Драконта и Солон, – см. наиболее подробно в фундаментальном исследовании: *Stroud R. S. The Axones and Kyrbeis of Drakon and Solon. Berkeley, 1979.*

И, кстати, обязательно ли считать, что римский писатель опирается именно на «Афинскую политию»? Этому, кажется, препятствуют несомненные расхождения. Да и сам Геллий не указывает прямо, каким именно сочинением Аристотеля он здесь пользовался. А что, если это был какой-то иной труд? Например, упоминавшийся выше несохранившийся трактат «Об аксонах Солона», в котором, не приходится сомневаться, в числе прочих солоновских законов разбирался и комментировался также и закон о стасисе?

Знал об этом законе и автор еще одного жизнеописания Солонa, Диоген Лаэртский. Он, видимо, упоминал о нем, но из-за какой-то порчи рукописной традиции упоминание до нас не дошло. Во всяком случае, у Диогена сказано (Diog. Laert. I. 58; пер. М. Л. Гаспарова¹⁴): «А когда начались раздоры, он (Солон. – И. С.) не примкнул ни к городской стороне, ни к равнинной, ни к приморской». Союз *a*, точнее, *no* (ἀλλά) предполагает, что непосредственно перед этим говорилось как раз о законе, обязывающем каждого гражданина примыкать к какой-либо из борющихся сторон. Иными словами, указывалось, что Солон сам не выполнил свое же узаконение¹⁵.

Очень краткое, мимоходом сделанное упоминание об интересующем нас законе встречается у Цицерона. Как он пишет в одном из писем к своему другу Аттику (Cic. Epist. ad Att. X. 1. 2), Солон *capite sanxit, si quis in seditione non alterius utrius partis fuisset*. Со второй частью этого свидетельства все ясно: речь, как и в других источниках, идет о лицах, которые в гражданской смуте не примкнули ни к одной из борющихся сторон. Большее затруднение вызывает выражение *capite sanxit*. Как известно, *caput* в латинском языке может означать как 'жизнь', так и 'совокупность гражданских прав, правоспособность'. От того, какое из этих значений должно быть здесь взято, будет зависеть, имели ли в виду Солон, по мнению Цицерона, атимию в «архаическом» или в «классическом» смысле. А однозначных оснований для выбора в пользу одной или другой интерпретации у нас нет. Не исключаем, что римский оратор сознательно выразился не вполне ясно, поскольку такой ясности не имел и сам. Возможно, встретив в своем греческом источнике термин «атимия» и зная о возможности двойственного его понимания, он предпочел при переводе также воспользоваться лексемой максимально широкого значения. Таким образом, и перевод цитированного пассажа может быть двояким: либо Солон «обязал под угрозой смертной казни каждого во время смуты присоединяться к одной из сторон», либо он «обязал под угрозой утраты гражданских прав каждого во время смуты присоединяться к одной из сторон».

¹⁴ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 80.

¹⁵ Ruschenbusch E. Op. cit. S. 83.

Есть еще несколько свидетельств, относящихся к закону о стасисе, но они принадлежат позднеантичным и византийским авторам – Александру Афродисийскому, Никифору Григоре, Иоанну Кантакузину (Alex. Aphrod. in Arist. Top. II. 2. 109b13; Niceph. Greg. Hist. IX. 7; Cantacuz. Hist. IV. 13), – являются заведомо вторичными, самостоятельной ценности не представляют и ничего нового в рассматриваемый здесь вопрос не привносят.

Итак, что же необычного и загадочного в этом солоновском законе, чем он вызывает наибольшее недоумение? Прежде всего тем, что он, как часто считается, радикально противоречит общему духу законодательства Солон. Речь в законе идет о стасисе – внутрисполитической гражданской смуте, ожесточенной политической борьбе, которая практически постоянно сопутствовала истории античного греческого мира, но в некоторые периоды была особенно интенсивной¹⁶. В конечном своем проявлении стасис – это, по существу, гражданская война.

Нетрудно заметить, что Солон запретил афинянам оставаться нейтральными во время стасиса, под угрозой наказания обязал каждого присоединиться к какой-либо из сторон. Иными словами, законодатель фактически принуждал граждан бороться друг с другом. Это выглядит особенно странным, поскольку в исследовательской литературе чрезвычайно распространена и даже является доминирующей идея о том, что вся реформаторская деятельность Солон была направлена на достижение компромисса, на ослабление и по возможности ликвидацию жесткого гражданского конфликта¹⁷. В подобной системе взглядов Солон выступает как посредник-примиритель, стремящийся привести соперничающие группировки к согласию. А закон о стасисе в корне подрывает всю эту картину. И действительно, по парадоксальному, но справедливому замечанию одного современного антиковеда¹⁸, получается, что деятель, имеющий

¹⁶ О феномене стасиса в целом см. в монографиях: *Lintott A. Violence, Civil Strife and Revolution in the Classical City, 750–330 B.C.* Baltimore, 1982; *Gehrke H.-J. Stasis. Untersuchungen zu den inneren Kriegen in den griechischen Staaten des 5. und 4. Jahrhundert v. Chr.* München, 1985.

¹⁷ Например: *French A. Solon's Act of Mediation // Antichthon. 1984. Vol. 18. P. 1–12*; *Wood E. M. Peasant-Citizen and Slave: The Foundations of Athenian Democracy. L., 1988. P. 100*; *Sagan E. The Honey and the Hemlock: Democracy and Paranoia in Ancient Athens and Modern America. Princeton, 1991. P. 39*; *Raaflaub K. A. Homer to Solon: The Rise of the Polis. The Written Sources // The Ancient Greek City-State. Copenhagen, 1993. P. 67 ff.*; *Polignac F. de. Changer de lieu, changer des temps, changer la cité: sites et déplacements de la construction du temps dans l'Athènes archaïque // Constructions du temps dans la monde grec ancien. P., 2000. P. 148 ff.*; *Ставилюк В. В. Становлення афінського поліса. Київ, 2005. С. 108 сл.* Те, кто так считает, как правило, даже не упоминают закон о стасисе: настолько явно он противоречит их построениям.

¹⁸ *Vox O. Solone «nero». Aspetti della saggezza nella poesia Soloniana // Quaderni di storia. 1983. Vol. 9. No. 18. P. 314–315.*

репутацию «миротворца», принял закон, который, наоборот, всячески способствовал разжиганию политических страстей.

В данной связи не удивительно, что неоднократно уже предпринимались попытки поставить под сомнение саму историчность закона, принадлежность его Солону¹⁹. Предполагалось, что этот документ был сфабрикован олигархами (скорее всего, Фераменом²⁰) в конце V в. до н. э., то есть в период Пелопоннесской войны, когда в Афинах действительно имела место чрезвычайно острая и напряженная внутривнутриполитическая борьба между демократическими и анти-демократическими группировками. Есть и несколько смягченный вариант этой точки зрения: закон о стасисе, возможно, и был принят Солоном, но о его аутентичном содержании мы ничего не можем сказать, поскольку он, видимо, был рано утрачен и не существовал уже к рубежу V–IV вв. до н. э., что и давало почву для разных измышлений и фантазий по его поводу²¹.

В качестве аргумента в пользу подобных взглядов приводят 31-ю речь Лисия. В ней аттический оратор обвиняет некоего Филона, гражданина, готовящегося вступить в состав Совета Пятисот и проходящего докимасию. Лисий, в частности, ставит Филону в вину то, что последний в период борьбы демократов с олигархией «Тридцати тиранов» в 404–403 гг. до н. э. вместо того, чтобы примкнуть к одной из сторон, «собрал свои пожитки, уехал отсюда в чужую страну и поселился в Оропе» (Lys. XXXI. 9; пер. С. И. Соболевского²²). Предполагается, что в данном месте для Лисия было бы более чем уместно сослаться на солоновский закон, запрещающий нейтралитет во время стасиса, и уличить обвиняемого в нарушении этого закона: ведь это давало бы ему в руки очень мощный довод. А коль скоро Лисий ничего подобного не сделал, то, стало быть, и закона такого в его время не было.

Против такого хода рассуждений, однако, выдвигались весьма весомые контрдоводы²³. Не говоря уже о принципиальной слабости любого *argumentum ex silentio*, можно утверждать, что Филон, эмигрировавший из Атики, не подпадал под действие закона о стасисе. Закон, если трактовать его *stricto sensu*, а не расширительно, был направлен против тех, кто, находясь на территории полиса, не принял участия в политической борьбе. На лиц, которые пребывали за пределами полиса (по какой бы то ни было причине), он распространяться

¹⁹ David E. Op. cit. P. 129–138; Pecorella Longo C. Op. cit. S. 374–379.

²⁰ К слову сказать, Ферамен – это такая удобная фигура, своего рода «палочка-выручалочка», что его авторству регулярно пытаются приписать различные солоновские законы, по тем или иным причинам не удовлетворяющие субъективно-критическому чутью исследователей.

²¹ Fritz K. von. Op. cit. S. 245–247.

²² Лисий. Речи. М., 1994. С. 271.

²³ Bers V. Op. cit. S. 493–498; Develin R. Solon's Law... S. 502–508.

не мог: ясно, что они, даже если бы пожелали, физически не имели возможности включиться в стасис – уже в силу своего отсутствия.

Своеобразную позицию в дискуссии занял такой видный специалист, как Э. Рушенбуш²⁴. В своем издании законов Солон он не отнес данный закон в раздел, озаглавленный «Falsches, Zweifelhaftes, Unbrauchbares», следовательно, признал, что у него есть некая аутентичная основа. Но в то же время он предположил, что эта основа позднейшими авторами (как античными, так и современными) была понята неправильно. По мнению исследователя, закон о стасисе вообще не имел никакого отношения к внутривластительской борьбе. Рушенбуш считает, что это было бы в корне несовместимо с мировоззренческими установками Солон – противника всяческих гражданских смут, каким он предстает из сохранившихся фрагментов его стихотворений.

Какой же предлагается выход? Рушенбуш настаивает на том, что древним значением слова $\sigma\tau\acute{\alpha}\sigma\iota\varsigma$ было не ‘внутренняя смута’, а ‘война с внешним врагом’. Когда же хотели сказать о внутривластительском конфликте, употребляли выражение $\sigma\tau\acute{\alpha}\sigma\iota\varsigma$ $\epsilon\mu\phi\upsilon\lambda\omicron\varsigma$ (ср. во фрагментах самого Солон, а также Демокрита: Sol. fr. 3. 19 Diehl; Democr. fr. B 249 DK). Соответственно, закон, который здесь рассматривается, гласил на самом деле совсем об ином: о том, что во время войны ни один гражданин не должен уклоняться от военной службы, иначе будет наказан атимией. Так и озаглавлен у Рушенбуша параграф, в котором собраны свидетельства о данном законе, – «Entziehung vom Kriegsdienst (?)» (правда, знак вопроса показывает, что автор сам не вполне уверен в своей интерпретации). Кстати, говоря о самой атимии, немецкий исследователь именно на основании того, что у Аристотеля (Ath. pol. 8. 5) она фигурирует в «классическом», а не «архаическом» смысле, упрекает автора «Афинской политики» в совершенно неверном понимании закона и его искажении.

Свою точку зрения Рушенбуш высказал в коротеньком, на несколько строк, примечании к тексту закона, практически не аргументируя ее²⁵. Полемицизировать с суждениями, высказанными декларативно, а не доказательно, всегда очень трудно. Необходимо отметить: понимание стасиса, упоминаемого в законе Солон, как войны с внешним противником решительно противоречит формулировка, гласящая, что гражданин подвергается наказанию, если

²⁴ *Ruschenbusch E.* Op. cit. S. 82–83.

²⁵ Публикуя законы Солон, Рушенбуш обещал, что вскоре выйдет отдельной книгой его подробный комментарий к ним. Однако этого не произошло, что, безусловно, сильно затрудняет работу и с самой подборкой законов, оставшихся неоткомментированными (не считая спорадических кратких замечаний). Общую характеристику издания солонических законов Рушенбушем, с оценкой его сильных и слабых сторон, см.: *Scafuro A. C.* Identifying Solonian Laws // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden, 2006. P. 175–196.

не присоединился ни к одной из сторон. Именно такая формулировка фигурирует во всех без исключения источниках, упоминающих закон о стасисе. Что же, мы должны предположить, что Солон обязывал афинян вступать или в войско своего полиса, или во вражеское войско?! Только так можно трактовать предлагаемую альтернативу. Но это предположение очевидным образом абсурдно.

Что же касается двух значений терминов *ἀτιμία* и *ἄτιμος*, по этому вопросу необходимо заметить следующее. Действительно, на каком-то этапе развития афинского права категория атимии изменила свое содержание в сторону смягчения. Когда конкретно это произошло – сказать трудно. Ясно одно: те тексты, в которых мы встречаем «архаическую» атимию, восходят к досолоновскому времени. Это, во-первых, древний афинский закон о тирании (Arist. Ath. pol. 16. 10), который был издан, несомненно, до Солон и, скорее всего, даже до Драконта²⁶, а во-вторых, один из законов об убийстве, цитируемый Демосфеном (IX. 43–44). Законы об убийстве в Афинах были, как известно, приняты Драконом в 621 г. до н. э.²⁷, стало быть, тоже заведомо до Солон, а последний просто оставил их в силе (Arist. Ath. pol. 7. 1; Plut. Sol. 17).

Что же касается текстов, в которых упоминается атимия в «классическом» смысле (таких текстов, разумеется, многократно больше), то все они относятся к послесолоновскому времени. Уже этот факт побуждает выдвинуть предположение, что содержание понятия претерпело изменение именно при Солоне. Такое предположение представляется тем более вероятным, что именно деятельность этого законодателя стала самой важной вехой в эволюции афинского права за всю его историю²⁸. Собственно, Солон превратил афинское право в целостную систему, которой потом на протяжении многих веков руководствовался полис.

В силу сказанного мы полагаем, что Солон первым начал вводить понятие атимии в «классическом» смысле – как лишение гражданских прав, а не как объявление вне закона. Соответственно, в законе о стасисе атимия понимается именно в таком смысле. Да и странно было бы, если бы за неучастие в политической борьбе налагалось бы такое предельно суровое наказание, как «архаическая» атимия, представлявшая собой, по сути дела, санкцию на убийство. В таком случае оказывалось бы, что нейтралитет во время стасиса по степени

²⁶ Gagarin M. The Thesmothetai and the Earliest Athenian Tyranny Law // Transactions of the American Philological Association. 1981. Vol. 111. P. 71–77. М. Гагарин убедительно показывает, что закон о тирании был записан фесмофетами вскоре после мятежа Килона.

²⁷ Важнейшие исследования: Stroud R. S. Drakon's Law on Homicide. Berkeley, 1968; Gagarin M. Drakon and Early Athenian Homicide Law. New Haven, 1981.

²⁸ Ср.: Humphreys S. The Evolution of Legal Process in Ancient Attica // Tria Corda: Scritti in onore di A. Momigliano. Como, 1983. P. 237 ff.

тяжести приравнивался к попытке установления тирании! А применительно к солоновским законам, в отличие от узаконений Драконта, традиция ничего не сообщает об уравнительной тенденции, когда за самые различные преступления предписывалась одна и та же кара – смертная казнь. Одним словом, едва ли не самый серьезный довод против аутентичности закона Солон о стасисе снимается.

В данной ситуации может помочь еще рассмотрение исторического контекста анализируемого события. Какова была обстановка в Афинах на момент принятия закона о стасисе и как она изменилась после него?

Можно со всей определенностью утверждать (да с этим, кажется, никто и не спорит), что ко времени проведения солоновских реформ в целом афинское государство находилось в состоянии жестокого внутривластного кризиса. Это видно хотя бы уже из того, что Солон в 594 г. до н. э. был избран не только архонтом²⁹, но и законодателем с чрезвычайными полномочиями, вплоть до права вносить любые изменения в государственное устройство (Plut. Sol. 16). Иными словами, специально для него была создана разовая экстраординарная магистратура. А это означает, что и сама ситуация была экстраординарной.

Однако характер конфликта в досолоновских Афинах пока еще далеко не во всем ясен³⁰. До сравнительно недавнего времени преобладала точка зрения, согласно которой кризис порождался исключительно обострением крестьянского вопроса, борьбой рядовых граждан-земледельцев против засилья богачей, за улучшение своего положения³¹. Однако в последние десятилетия все чаще и чаще подчеркивается³², что в афинском полисе на рубеже VII–VI вв.

²⁹ Судя по всему, Солон был первым в афинской истории архонтом, которого избрал не Ареопаг, как раньше, а народное собрание. См.: *Surikov I. E. The Evolution of the Athenian Archonship as an Institution of Public Law // Diritto e storia. 2006. No. 5* (<http://www.dirittoestoria.it/5/Memorie/Surikov-Athenian-archonship-public-law.htm>).

³⁰ *Raaflaub K. A. Op. cit. P. 70; Burford A. Land and Labor in the Greek World. Baltimore, 1993. P. 51.*

³¹ Наиболее подробно эта точка зрения развита в одной из лучших книг о Солоне, которая стала практически классической: *Woodhouse W. J. Solon the Liberator: A Study of the Agrarian Problem in Attika in the Seventh Century. Repr. ed. N. Y., 1965* (впервые книга была издана в 1938 г.). Из относительно новых работ см., например: *Schiels G. Solon and the Hektemoroi // Ancient Society. 1991. Vol. 22. P. 75.* Что же касается отечественной историографии, то в ней, пожалуй, именно данный взгляд всегда оставался едва ли не единственным.

³² Например: *Ellis J. R., Stanton G. R. Factional Conflict and Solon's Reforms // Phoenix. 1968. Vol. 22. No. 2. P. 110; Starr Ch. G. The Economic and Social Growth of Early Greece 800–500 B.C. N. Y., 1977. P. 77 ff.; Osborne R. Greece in the Making, 1200–479 B.C. L.; N. Y., 1996. P. 221; Harris E. M. A New Solution to the Riddle of the Seisachtheia // The Development of the Polis in Archaic Greece. L.; N. Y., 1997. P. 111.*

до н. э. имел место острый конфликт между различными группировками элиты, межаристократическая распря. Это наблюдение в целом сделано совершенно верно, но его односторонняя абсолютизация вряд ли плодотворна.

Наиболее взвешенной представляется та позиция, которая предполагает, что «досолоновский кризис» имел два измерения, что одновременно происходили и смута в среде правящей аристократии, и рост крестьянского недовольства³³. Таким образом, ситуация предстает более сложной и неоднозначной, чем может показаться на первый взгляд. Кстати говоря, именно сочетание и переплетение двух различных конфликтов на одном и том же хронологическом отрезке, насколько можно судить, и привело к тому, что кризис в Афинах отличался особенной остротой и потребовал экстраординарных мер. Однако конкретных фактов, свидетельствующих о напряженности обстановки, в нашем распоряжении не так уж и много. Это такие события, как мятеж Килона (636 г. до н. э.), законодательство Драконта (621 г. до н. э.) и само облечение Солоня чрезвычайными полномочиями (594 г. до н. э.).

Какие изменения произошли после деятельности последнего? В результате такой солоновской реформы, как сисахфия, должна была уменьшиться напряженность крестьянского вопроса. Следовательно, резонно было бы предполагать, что и общая интенсивность стасиса пошла на убыль. В действительности же это отнюдь не так. Более того, свидетельства источников оставляют полное впечатление, что после Солоня внутривнутриполитическая борьба только еще сильнее обострилась! В 590 г. до н. э. имела место анархия, то есть из-за стасиса не смогли даже избрать архонта-эпонима, высшее должностное лицо государства. В 586 г. до н. э. такая же ситуация повторилась³⁴. Еще через несколько лет, в 582–580 гг. до н. э., произошла т. н. узурпация Дамасия: последний, занимая пост архонта-эпонима, противозаконно удерживал его в своих руках два года и два месяца – значительно дольше положенного годовичного срока. В конце концов Дамасий был свергнут с должности с применением силы, после чего афиняне осуществили странный и не вполне понятный для нас конституционный эксперимент, который Аристотель (*Ath. pol.* 13. 2) описывает так: «...решили, ввиду происходивших смут (*διὰ τὸ στασιάζειν*), выбрать в архонты десятиерых лиц: пятерых – из евпатридов, троих – из земледельцев (*ἀγροίκων*), двоих – из ремесленников (*δημιουργῶν*), и эти архонты правили в течение года после Дамасия»³⁵. Положение постоянно обострялось, что привело в конечном счете к установлению тирании Писистрата.

³³ Wood E. M. Op. cit. P. 99.

³⁴ Develin R. *Athenian Officials 684–321 BC*. Cambridge, 1989. P. 39.

³⁵ Об этих событиях, с попытками интерпретации в данном контексте дискуссионных терминов «евпатриды», «агройки» и «демиурги», см.: Roebuck C. Three Classes (?) in Early Attica // *Hesperia*. 1974. Vol. 43. No. 4. P. 485–493; Figueira T. J. The Ten Archontes of 579/8 at

На политическую арену выступили крупные группировки, строившиеся по принципу «регионализма»³⁶, базировавшиеся в различных частях Аттики, — педиеи, паралии, несколько позже диакрии. Не исключено, что эти группировки появились еще до Солон (Plut. Sol. 13), но, во всяком случае, после его реформ все они резко усилились. Создается полное (и, судя по всему, верное) впечатление, что участие в стасисе стало более массовым, чем прежде; в борьбу влились, наряду с группировками аристократов, также широкие слои гражданского коллектива³⁷.

Таким образом, мы сталкиваемся с определенным парадоксом. Если Солон выступал в качестве посредника-примирителя, стремился к достижению компромисса внутри полиса, как же получилось, что эта цель не только не была достигнута, но, напротив, результаты оказались скорее обратными? Одно из двух: либо деятельность Солон не достигла никакого успеха, породила противоположные последствия, и в таком случае афинского мудреца придется признать просто-таки бездарным реформатором, потерпевшим полное фиаско. Но такой ответ на поставленный вопрос неудовлетворителен, поскольку остается совершенно неясным, почему же в подобном случае вся последующая нарративная традиция относилась к Солону с исключительным пиететом, ставила его на небывало высокий «пьедестал».

Другой вариант ответа заключается в том, что Солон на самом деле и не ставил перед собой задачу прекратить стасис в Афинах. В историографии последних лет все чаще можно встретить мнение о том, что этот государственный деятель, вопреки своей устоявшейся с IV в. до н. э. репутации³⁸, отнюдь не являлся нейтральным и беспристрастным арбитром. Он был таким же активным участником политической борьбы, таким же *οτασιώτης*, как и все другие³⁹. Достаточно вспомнить некоторые фрагменты его стихов, которые, надо полагать, аутентично передают солоновские взгляды:

Athens // *Hesperia*. 1984. Vol. 53. No. 4. P. 447–473. Здесь перед нами один из самых сложных и запутанных вопросов истории афинского государственного устройства, и рассматривать его подробно у нас нет возможности.

³⁶ Sealey R. Regionalism in Archaic Athens // *Historia*. 1960. Bd 9. Ht. 2. S. 155–180; Sealey R. A History of the Greek City States ca. 700–338 B.C. Berkeley, 1976. P. 95–106.

³⁷ Forsdyke S. Op. cit. P. 240.

³⁸ Именно в IV в. до н. э. в традиции сформировался нормативный образ Солон. См. об этом: Mossé C. Comment s'élabore un mythe politique: Solon, «père fondateur» de la démocratie athénienne // *Annales: économies, sociétés, civilisations*. 1979. Vol. 34. No. 3. P. 425–437; Hansen M. H. Solonian Democracy in Fourth-Century Athens // *Classica et mediaevalia*. 1989. Vol. 40. P. 71–99.

³⁹ Forrest W. G. The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800–400 B.C. L., 1966. P. 160; Stinton T. C. W. Solon, Fragment 25 // *Journal of Hellenic Studies*. 1976. Vol. 96. P. 159–162; Vox O. Op. cit. P. 313.

...Вот почему, от всех обороняся,
 Кружился я, как волк средь стаи лютых псов.
 (Sol. fr. 24. 26–27 Diehl; пер. Г. Церетели⁴⁰)

Итак, законодатель сравнивает себя самого с волком! Ассоциации, связанные с этим животным, отнюдь не таковы, чтобы его можно было бы назвать воплощением посредника-миротворца⁴¹. Еще несколько примеров. Солон говорит о том, что он проводил свои реформы, «согласовав насилие с справедливостью (ὁμοῦ βίην τε καὶ δίκην συναρμόσας)» (fr. 24. 16 Diehl)⁴². Применение насилия – тоже отнюдь не жест примирителя. Данное место из Солон – хороший аргумент против тех, кто считает, что Солон в своей деятельности подчеркнуто избегал насильственных методов⁴³.

Солон не хочет, «чтобы в равной доле был злой с хорошим» (fr. 23. 20–21 Diehl; пер. Г. Церетели⁴⁴). Для него и в целом гражданская община делится на «добрых»–ἀγαθοί и «дурных»–κακοί (fr. 24. 18 Diehl), которые ассоциируются соответственно с друзьями и врагами. А по отношению к этим последним позиция поэта-законодателя тоже вполне однозначна: он молит богов сделать

Так, чтобы сладостен был я друзьям, горек – вражьему сердцу,
 И, чтимый другом своим, был бы грозой я врагу.
 (Sol. fr. 1. 5–6 Diehl; пер. Г. Церетели⁴⁵)

Все эти слова не очень-то ожидаешь услышать из уст нейтрального и беспристрастного арбитра. Разумеется, в соловских стихотворениях можно найти и немало примеров, имеющих противоположную окраску, – прославление «благозако́ния» (евномии) и т. п. Все это должно лишьшний раз напоминать о том, что Солон был фигурой многомерной и, по всей видимости, даже внутренне противоречивой.

Помимо всего прочего, с мнением о Солоне как образце «умеренности и осторожности» довольно слабо согласуется самая известная из его реформ – сисахфия. Ведь она представляла собой не что иное, как отмену долгов (χρεῶν ἀποκοπή), то есть социально-экономическую меру, которая во все времена считалась одной из самых радикальных, даже революционных. Не случайно

⁴⁰ Эллинистские поэты VIII–III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика. М., 1999. С. 251.

⁴¹ Ср.: *Stehle E.* Solon's Self-reflexive Political Persona and its Audience // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden, 2006. P. 93–94.

⁴² См. об этом: *Zunino M. L.* Ὅμοῦ βίην τε καὶ δίκην συναρμόσας: Solone e la creazione della giustizia // *Klio*. 2004. Bd 86. Ht. 1. S. 5–15.

⁴³ Например: *Ставилюк В. В.* Указ. соч. С. 126.

⁴⁴ Эллинистские поэты VIII–III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика. М., 1999. С. 251.

⁴⁵ Там же. С. 246.

на всем протяжении древнегреческой истории из реформаторов, действовавших в различных полисах, лишь считанные единицы решались на нее, и среди этих единиц – «умеренный» Солон!

Наступает время подводить некоторые итоги. Если допустить, что Солон был действительно, выражаясь современным языком, «партийным политиком» и что он ввел закон против нейтралитета в стасисе, тем самым интенсифицируя этот стасис (а, как мы видим, не допустить этого – во всяком случае, как один из возможных вариантов – нет оснований), то окажется, что он вполне достиг своего: стасис действительно интенсифицировался. Получается внутренне согласованная картина, каковой иные интерпретации, кажется, не дают.

Остается вопрос о конкретных причинах принятия Солоном закона о стасисе, о целях, которые ставил перед собой законодатель, издавая его. Разумеется, у нас есть определенные предположения на сей счет. Но здесь мы уже ограничены объемом работы. Изложить свою точку зрения во всей полноте аргументации нет возможности, а высказывать тезис декларативно, без подкрепления весомыми доводами, – нет желания. Приходится оставить этот аспект проблемы для рассмотрения в отдельном исследовании.

СТАСИС КАК ПРАВО И ОБЯЗАННОСТЬ: ЗАКОН СОЛОНА ПРОТИВ НЕЙТРАЛИТЕТА В ГРАЖДАНСКОЙ СМУТЕ*

Законы Солона¹, без преувеличения, относятся к числу самых важных источников по истории архаической Греции, но в то же время – к числу самых трудных для исследования, что обусловливается рядом взаимосвязанных обстоятельств. Прежде всего, к сожалению, не сохранился эпиграфический текст ни одного из аутентично солоновских законов². В результате мы знаем эти тексты только посредством цитат (а чаще – более или менее близких к оригиналу пересказов) у позднейших античных историков и писателей. Это всякий раз неизбежно ставит вопрос, насколько точно и даже насколько корректно передан автором-посредником тот или иной закон, и далеко не всегда на подобный вопрос удастся дать удовлетворительный ответ. Далее, очень часто насущными оказываются проблемы интерпретации терминологии солоновских узаконений, их исторического контекста, целей, результатов. А такие проблемы тоже никак не отнесешь к числу легких.

Закон, о котором пойдет речь в данной работе, является, возможно, самым загадочным во всем Солоновом корпусе. Основные свидетельства передают его следующим образом:

Arist. Ath. pol. 8.5 (пер. С. И. Радцига):

Видя, что в государстве часто происходят смуты, а из граждан некоторые по беспечности мирятся со всем, что бы ни происходило, Солон издал относительно их особый³ закон: «Кто во время смуты в государстве не станет с оружием в руках

* Впервые опубликовано в: Monumentum Gregorianum. Сб. научных статей памяти акад. Г. М. Бонгард-Левина. М., 2013. С. 222–230.

¹ Их наиболее полная критическая сводка: *Ruschenbusch E.* ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden, 1966. О сильных и слабых сторонах этого издания см.: *Scafuro A. C.* Identifying Solonian Laws // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden, 2006. P. 175–196. Нередко оказывается полезной также общая подборка источниковых материалов о жизни и деятельности Солона (хотя и не отличающаяся в нужной мере критическим характером): *Martina A.* Solone: Testimonianze sulla vita e l'opera. R., 1968.

² В отличие, например, от закона Драконта об убийстве, в связи с которым см.: *Суриков И. Е.* Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 27 сл.

³ В оригинале – ἰδιον, т. е. скорее «своеобразный, необычный». Ср. со свидетельством Плутарха, которое будет цитироваться ниже.

ни за тех, ни за других, тот предается бесчестию и лишается гражданских прав (ὅς ἂν στασιαζούσης τῆς πόλεως μὴ θῇται τὰ ὄπλα μηδὲ μεθ' ἑτέρων, ἄτιμον εἶναι καὶ τῆς πόλεως μὴ μετέχειν)».

Plut. Sol. 20 (пер. С. И. Соболевского):

Из остальных законов Солон особенно характерен (ἴδιος) и странный закон, требующий отнятия гражданских прав у гражданина, во время междоусобия не примкнувшего ни к той, ни к другой партии⁴ (ἄτιμον εἶναι τὸν ἐν στάσει μηδετέρας μερίδος γενόμενον).

Gell. II. 12. 1 (перевод наш):

Среди знаменитых и древнейших законов Солон, которые были в Афинах вырезаны на деревянных аксонах⁵, ...есть закон, который, как сообщает Аристотель, гласит следующее: «Если из-за раздора и несогласия начнется смута и разделение народа на две части и по этой причине, в обстановке возбуждения умов, с обеих сторон будет поднято оружие и разгорится борьба, тогда тот, кто в это время и в таком случае гражданской распри не присоединится ни к одной из сторон, а устранился, чтобы быть самому по себе, обособленным от общего зла в государстве, должен быть лишен дома, родины и всего имущества, стать изгоем и изгнанником (si ob discordiam dissensionemque seditio atque discessio populi in duas partes fiet et ob eam causam irritatis animis utrimque arma capientur pugnabiturque, tum qui in eo tempore in eoque casu civilis discordiae non alterutrae parti sese adiunxerit, sed solitarius separatusque a communi malo civitatis secesserit, is domo, patria fortunisque omnibus careto, exul extorrisque esto)».

Имеется и ряд других сообщений о том же законе (Cic. Epist. ad Att. X. 1. 2; Plut. Mor. 550c; 823f; 965d; Diog. Laert. I. 58; Alex. Aphrod. in Arist. Top. II. 2. 109b13; Niceph. Greg. Hist. IX. 7; Cantacuz. Hist. IV. 13), но все они являются либо значительно менее информативными, либо заведомо вторичными. Что же касается приведенных полностью главных свидетельств, то они, как видим, различаются в частности, но общий смысл закона передают в целом согласно друг с другом.

Нам уже приходилось однажды писать о рассматриваемом здесь законе⁶, но в указанной статье мы остановились лишь на некоторых из связанных с ним нюансов, фактически сделали только первый шаг в направлении его изучения.

⁴ Разумеется, никаких упоминаний о «партиях» в оригинале нет, это некоторая воляность переводчика.

⁵ Об аксонах – деревянных досках, на которых были вырезаны законы Драконта и Солон, – см. наиболее подробно в фундаментальном исследовании: Stroud R. S. The Axones and Kyrbeis of Drakon and Solon. Berkeley, 1979.

⁶ Суриков И. Е. Самый загадочный закон Солон: вопросы аутентичности и исторический контекст // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2009. Т. 6. С. 239–252. Там же

В первую очередь мы стремились продемонстрировать (надеемся, что доказательно) необоснованность иногда высказываемых сомнений в историчности и аутентичности закона Солон против нейтралитета во время гражданской смуты⁷, каким бы необычным он ни казался. Факты однозначно показывают, что после солоновских реформ в политической жизни афинского полиса произошли два важных изменения: стасис стал более интенсивным, чем был прежде, а также начали принимать активное участие более широкие слои гражданского коллектива, можно сказать, массы демоса⁸. Закон, таким образом, достиг своей цели.

Высказав эти предварительные соображения, мы в конце упомянутой статьи обещали вновь вернуться к данной теме, что теперь и делаем. Очередным этапом анализа должна стать попытка выявления направленности закона. Какие задачи ставил перед собой Солон, вводя запрет на нейтралитет во время смуты? Сразу необходимо подчеркнуть, что любая интерпретация при наличном состоянии источниковой базы может быть только предположительной. Но только такое предположение получает статус научной гипотезы, имеющей право на существование, которое, во-первых, не противоречит имеющимся фактам и, во-вторых, не содержит также и внутренних противоречий. К сожалению, этим условиям не удовлетворяет, например, весьма оригинальная трактовка закона, предложенная таким видным специалистом, как Э. Рушенбуш⁹.

Начнем с того, что сформулируем политическую максиму общего характера, действительную, насколько можно судить, для всех эпох и социумов: силы, по той или иной причине заинтересованные не в сохранении существующего положения (например, находящиеся у власти и желающие как можно дольше удержать ее), *eo ipso* заинтересованы не в активизации политической жизни, а скорее напротив – в том, чтобы она была по возможности спокойной, даже вялой. «Стабильность», «нам не нужны потрясения» – таковы их лозунги. И наоборот, силы, стремящиеся к изменению *status quo* (например, желающие

указана предшествующая литература по теме (не слишком обильная, а в отечественной историографии и совсем отсутствующая).

⁷ Примеры исследований, в которых прослеживается подобный скептицизм: David E. Solon, Neutrality and Partisan Literature of Late Fifth-century Athens // *Museum Helveticum*. 1984. Vol. 41. Fasc. 3. P. 129–138; Pecorella Longo C. Sulla legge «Soloniana» contro la neutralità // *Historia*. 1988. Bd 37. Ht. 3. S. 374–379.

⁸ Cp.: Forsdyke S. Exile, Ostracism and the Athenian Democracy // *Classical Antiquity*. 2000. Vol. 19. No. 2. P. 240.

⁹ Ruschenbusch E. Op. cit. S. 82–83: по мнению ученого, закон вообще не имеет отношения к внутренним смутам, а направлен на то, чтобы во время войны граждане не уклонялись от военной службы. Критику этого взгляда см.: Суриков И. Е. Самый загадочный закон... С. 244–245.

овладеть властью, которая им в данный момент не принадлежит), будут всегда стараться активизировать политическую жизнь. Любая дестабилизация ситуации – в их интересах.

Что можно сказать в данной связи о Солоне? Он вводил свои законы в 594 г. до н. э., находясь у власти (занимая высший в полисе пост архонта-эпонима), более того, будучи облечен чрезвычайными полномочиями¹⁰. Однако и сам он, и его современники прекрасно понимали, насколько эфемерна эта власть: магистратура архонта давалась лишь на один год без права повторного ее занятия, и для Солона не было сделано исключения. Способ сохранить первенствующее положение был только один, и он был нелегитимным: стать тираном. Именно так попытался поступить некоторое время спустя после соловских реформ архонт Дамасий, но был в конечном счете с позором низложен (Arist. Ath. pol. 13. 2); еще позже установление тирании удалось-таки Писистрату, да и то только с третьей попытки. Солон же был решительным противником тирании и гневно отвергал советы некоторых своих сторонников в подобном духе¹¹.

При этом по мере проведения соловских преобразований (как вообще часто бывает в «эпохи реформ») обстановка в государстве накалялась. Источники, будь то сохранившиеся фрагменты стихов самого Солон или рассказы более поздних авторов (Аристотеля, Плутарха), явственно свидетельствуют: и многие афиняне были недовольны деятельностью законодателя, и сам Солон был зачастую возмущен отношением к нему со стороны сограждан¹².

Несомненно, особенную оппозиционную активность проявляли те слои населения, положение которых в результате реформ ухудшилось (или не улуч-

¹⁰ Никак не можем согласиться с не основанным на данных источников предложением некоторых ученых (например: *Markianos S. S. The Chronology of the Herodotean Solon // Historia. 1974. Bd 23. Ht. 1. S. 1–20; Sealey R. Zum Datum der solonischen Gesetzgebung // Historia. 1979. Bd 28. Ht. 2. S. 238–241*) датировать законодательство Солон не годом его архонтата, а более поздним временем, 570-ми гг. до н. э. Анализ историографии по вопросу о хронологии деятельности Солон см.: *Almeida J. A. Justice as an Aspect of the Polis Idea in Solon's Political Poems: A Reading of the Fragments in Light of the Researches of New Classical Archaeology. Leiden, 2003. P. 20 ff.*

¹¹ *Суриков И. Е. Проблемы... С. 90 сл.; Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 139 сл.* (цитируются стихи Солон с осуждением тирании).

¹² *Vox O. Solone «nero». Aspetti della saggezza nella poesia Soloniana // Quaderni di storia. 1983. Vol. 9. No. 18. P. 313 ff.; Gottesman A. Solon's Fox: Poetry and Revolution in Archaic Athens // Pomoerium. 1998. Vol. 3. P. 19 ff.; Stehle E. Solon's Self-reflexive Political Persona and its Audience // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden, 2006. P. 93–94.* Не можем здесь не подчеркнуть, что предпринятая Эвой Штеле попытка вообще отрицать аутентичность соловских стихотворений, отнести их создание к классической эпохе представляется нам верхом гиперкритицизма.

шилось в той мере, в какой они ожидали). Собственно, об этом эксплицитно говорят источники (Arist. Ath. pol. 11; Plut. Sol. 16). Именно с их стороны можно было ожидать опасности, вплоть до ревизии итогов реформ. А, с другой стороны, те граждане, которые были удовлетворены новшествами, явно были склонны, пожиная их плоды, занять пассивную позицию, устранившись от дальнейшей политической борьбы: ведь они добились своего¹³.

Солон не мог не сознавать, что после того, как он покинет должность главы полиса, скорее всего, стасис немедленно разгорится с новой силой. При чем большой шанс победить в нем на сей раз имеют противники преобразований – именно из-за указанной пассивности их сторонников. Известно, что законодатель употреблял все возможные легитимные средства для упрочения результатов своей деятельности, обеспечения преемственности политической линии. Так, он сумел провести в архонты-эпонимы на следующий год своего брата Дропида¹⁴, а также (этот факт особенно хорошо известен) после реформ отправился в десятилетнее путешествие, перед тем, по некоторым сведениям (Herod. I. 29), взяв с афинян клятву, что они не изменят законы за время отсутствия их автора¹⁵. Полагаем, что в тот же контекст можно удачно вписать и закон против нейтралитета (который, таким образом, должен относиться к концу архонтского года Солон).

Здесь нужно еще учитывать, что в ходе солоновских реформ впервые получили доступ к общественной жизни, к участию в народном собрании – как в форме экклесии, так и в форме гелиеи¹⁶ – лица, принадлежавшие к низшему имущественному классу фетов (Arist. Ath. pol. 7. 3; Plut. Sol. 18). Эти афиняне не имели еще ровно никакого политического опыта и, не приходится сомневаться, на первых порах еще очень робко пользовались новыми предоставленными

¹³ В данном контексте мы не рассматриваем весьма сложный вопрос о том, какие именно слои граждан выиграли, а какие – пострадали от реформ. См. соображения в работе: Суриков И. Е. Досолоновские «шестидольники» и долговой вопрос в архаических Афинах // ВДИ. 2007. № 3. С. 28–46.

¹⁴ Develin R. Athenian Officials 684–321 BC. Cambridge, 1989. P. 38.

¹⁵ В исследовательской литературе подчеркивается, что Солон покинул Афины именно для того, чтобы начали реально работать его законы (Ker J. Solon's Theoria and the End of the City // Classical Antiquity. 2000. Vol. 19. No. 2. P. 327). О поездке Солон см. также: Reeker H.-D. Solons Reisen // Antike und Abendland. 1971. Bd 17. Ht. 2. S. 96–104; Piccirilli L. Erodoto e l'apodemia di Solone // Contributi di storia antica in onore di A. Garzetti. Genova, 1976. P. 23–30.

¹⁶ О том, что изначально эти два органа по существу были практически тождественны, см.: Суриков И. Е. Некоторые проблемы истории афинской гелиеи // Древнее право. 2005. № 2 (16). С. 8–20. Доводы в пользу противоположной точки зрения см.: Кудрявцева Т. В. Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008. С. 33 сл. Пока не увидела света подготовленная нами новая работа, в которой мы приводим контраргументы против позиции Т. В. Кудрявцевой.

им возможностями. Их активизации в данном плане тоже должен был способствовать закон против нейтралитета, тем более что они, естественно, должны были оказываться в лагере приверженцев Солона, поскольку многим были ему обязаны¹⁷.

Последний тезис закономерно выводит нас от субъективного аспекта рассматриваемой проблематики к объективному. В античной традиции Солон предстает как «отец-основатель» афинской демократии¹⁸. Разумеется, в наши дни подобных представлений практически никто уже не придерживается и не считает солоновские реформы демократическими¹⁹. В начале VI в. до н. э. в Афинах, разумеется, еще не существовало никакого понятия о демократии, и даже Солон, каким бы дальновидным он ни был, не мог предвидеть, что такая политическая система со временем сформируется. На самом деле имел место несколько иной процесс, который мы теперь и попытаемся охарактеризовать, – рождение иного типа полиса по сравнению с существовавшим ранее.

Недавно автором этих строк был разработан (пока в общих чертах) новый вариант типологии греческих полисов, кажется, никем еще не предлагавшийся, а именно деление их на полисы архаического типа и полисы классического типа²⁰. Если архаический полис складывался в Афинах в VIII – начале VII в. до н. э., в ходе первой «архаической революции»²¹, то путь к классическому полису реально начался именно в ходе реформ Солона (а завершился – преобразованиями Клисфена).

Классический полис не обязательно был демократическим в собственном смысле слова, но в любом случае представлял собой более эгалитарную социально-политическую структуру по сравнению с архаическим, предполагал

¹⁷ С другой стороны, нет твердой уверенности, что в том же лагере оказывались и шестидольники-гектеморы, поскольку, как мы показываем в другом месте (Суриков И. Е. Досолоновские «шестидольники»...), нет твердой уверенности в том, что Солон улучшил их положение.

¹⁸ О складывании этой традиции см.: Mossé C. Comment s'élabore un mythe politique: Solon, «père fondateur» de la démocratie athénienne // *Annales: économies, sociétés, civilisations*. 1979. Vol. 34. No. 3. P. 425–437; Hansen M. H. Solonian Democracy in Fourth-Century Athens // *Classica et mediaevalia*. 1989. Vol. 40. P. 71–99.

¹⁹ Впрочем, и поныне в литературе изредка можно встретить высказывания в подобном духе (хотя, как правило, в работах авторов, которые не являются специалистами по античной истории). См., например: Fleck R. K., Hanssen F. A. The Origins of Democracy: A Model with Application to Ancient Greece // *Journal of Law and Economics*. 2006. Vol. 49. P. 130, 139.

²⁰ Дементьева В. В., Суриков И. Е. Античная гражданская община: греческий полис и римская civitas. Ярославль, 2009. С. 5 сл.

²¹ О двух «архаических революциях» в Греции (а не одной, как часто считают) см.: Snodgrass A. *Archaic Greece: The Age of Experiment*. Berkeley, 1981.

большую степень равенства граждан²², в связи с чем гораздо более значимым, нежели прежде, оказывался и сам статус гражданина, в предшествующую эпоху как бы «растворявшийся» в широком спектре иерархически организованных статусов внутри гражданского коллектива.

Как известно, категория гражданина полиса характеризуется наличием комплекса неотъемлемых гражданских прав, которые, будучи взяты в другом ракурсе, одновременно выступают как обязанности. Соответственно, можно даже говорить о своеобразной категории «прав-обязанностей», не находящей прямого соответствия среди современных нам реалий²³. Так, право служить в полисном ополчении, которое в норме распространялось только на граждан, и воинская обязанность взаимодополняли друг друга, являлись, так сказать, двумя сторонами одной медали. В военной сфере, как часто бывает, феномен предстает в наиболее чистой и ясной форме; в сфере гражданской²⁴ в классическую эпоху право на участие в политической жизни не сопрягалось со столь же категорично обозначенной обязанностью принимать такое участие. Абсентизм в принципе порицался, однако, кажется, не существовало юридических норм, которые позволяли бы наказать гражданина за то, что он, скажем, не ходит в народное собрание, не выставляет своей кандидатуры на полисные должности и т. п. Не существовало – однако необходимо теперь сделать важную оговорку: одно исключение обнаруживается, и им был как раз солоновский закон против нейтралитета во время стасиса. Ведь он диктовал как раз принудительное, под угрозой наказания, привлечение граждан к политической борьбе.

Такая борьба, стасис²⁵, была неотъемлемым элементом единого, целостного полисного бытия²⁶. Здесь необходимо отметить, что ныне в историографии

²² В связи с некоторыми эгалитарными тенденциями в солоновской деятельности см., в частности: *Lape S.* Solon and the Institution of the «Democratic» Family Form // *Classical Journal*. 2002/2003. Vol. 98. No. 2. P. 135.

²³ Так называемые права человека, без которых не обходится ныне политический дискурс, не предполагают каких-либо ответных обязанностей для субъекта этих прав. Отметим в связи со сказанным, что античность не знала абстрактных «прав человека» (и потому допускала рабство, бесправие женщин и т. п.). В античном полисе существовали только права *гражданина*.

²⁴ Впрочем, всегда нужно помнить о том, что в полисных условиях военная и гражданская сфера не отделялись четко друг от друга. Лучший разбор проблемы см.: *Vernant J.-P.* Myth and Society in Ancient Greece. Brighton, 1980. P. 19 ff.

²⁵ Лучшим исследованием феномена стасиса остается монография: *Gehrke H.-J.* Stasis. Untersuchungen zu den inneren Kriegen in den griechischen Staaten des 5. und 4. Jahrhundert v. Chr. München, 1985.

²⁶ О полисе как о целостной, «тотальной» структуре, центрированной вокруг политического «стержня», см. важную статью: *Murray O.* Cities of Reason // *The Greek City: From Homer to Alexander*. Oxf., 1991. P. 1–25.

античной Греции достаточно активно обсуждается вопрос о том, какие факторы – внешние или внутренние – оказывали большее влияние на жизнь и развитие полисов. Точку зрения о приоритете внешних, военных факторов отстаивает В. Шайдель. В работе, опубликованной в Интернете²⁷, он со всей настойчивостью защищает тезис, согласно которому постоянно ведущиеся войны имели решающее значение для эволюции политических институтов в полисной Греции.

Противоположную позицию занимает П. Маникас²⁸, по мнению которого войны между полисами велись не так часто, как обычно считают. Он полагает, что гораздо более важным, ключевым для граждан полисов был внутренний стасис, а не внешние войны. В обоснование данного положения ученый, в частности, приводит следующий заслуживающий внимания аргумент. В ситуациях, когда полис вел войну и одновременно находился в состоянии стасиса, сплошь и рядом часть граждан готова была призвать вражеское войско, впустить его в город, дабы с его помощью одержать верх над группировкой своих соперников. Часто подобная измена не только замышлялась, но и осуществлялась на деле²⁹. Получается, что борьба с внутренним противником оказывалась более насущной, нежели оборона против общего внешнего врага; даже перед лицом угрозы со стороны последнего участники стасиса не проявляли никакого желания примириться, объединиться.

Весьма интересным представляется и вот какое соображение (П. Маникас заимствует его у М. Финли³⁰). Одно из фундаментальных отличий гражданина греческого полиса (в данном случае неважно даже, демократического или олигархического) от крестьянина-подданного какого-нибудь древневосточного царства заключалось в том, как тот и другой могли изменить свое положение, если считали его неприемлемым. Перс или египтянин в подобном случае «вынужден был обращаться к побегу или мятежу – в точности как раб, – а не к стасису, уделу свободных».

Итак, стасис (который нужно четко отличать от мятежа) – это тоже своего рода привилегия, доступная гражданам – и только им³¹. И вполне закономерно,

²⁷ Scheidel W. Military Commitments and Political Bargaining in Ancient Greece // Princeton/Stanford Working Papers in Classics. November 2005 (<http://www.princeton.edu/~pswpc/pdfs/scheidel/110501.pdf>).

²⁸ Manicas P. T. War, Stasis, and Greek Political Thought // Comparative Studies in Society and History. 1982. Vol. 24. P. 673–688.

²⁹ Примеров настолько много (особенно в период Пелопоннесской войны и позже), что не имеет никакого смысла их приводить. Каждый, кто знаком с историей античной Греции, и сам без труда припомнит целый ряд таких случаев.

³⁰ Finley M. I. Uses and Abuses of History. N. Y., 1971. P. 130; Manicas P. T. Op. cit. P. 680.

³¹ Напомним в данной связи один хорошо известный факт из другой эпохи. Когда в 403 г. до н. э. в афинском стасисе приняли участие метэки, боровшиеся рука об руку

поскольку стасис являлся предельно интенсифицированной формой политической жизни. А в связи с отмеченной выше диалектикой прав-обязанностей в полисных условиях право на стасис, взятое в другом ракурсе, оборачивалось обязанностью участвовать в стасисе. Подчеркнем, что в полностью сформировавшемся классическом полисе (V–IV вв. до н. э.) такая жесткая увязка во внутриполитической жизни уже не практиковалась. Однако на стадии становления этого классического полиса, когда контуры его основных характеристик еще только намечались, со стороны «творцов» нового порядка, среди которых одно из виднейших мест занимал как раз Солон, вполне возможен был некоторый максимализм в подходах. Как недавно убедительно продемонстрировал в фундаментальной монографии Дж. Альмейда³², идея полиса была самой главной как в практической деятельности Солон, так и в его поэтическом творчестве. Полис же, повторим снова и снова, воспринимался как некое целостное единство, скованное категориями единомыслия (ὁμόνοια), благозакония (εὐνομία) и прочими подобными. Подозреваем, что со стороны законодателя имело место желание организовать полис даже в его гражданской жизни по образцу войска с его обязательной дисциплиной.

Итак, закон Солон против нейтралитета во время стасиса, как можем убедиться, представлял собой явление достаточно многогранное и в то же время вполне органичное для той эпохи, когда он был принят. В интересующей нас мере прослеживается как субъективный аспект (желание реформатора принудить своих не слишком активных сторонников, даже помимо их воли, принимать более деятельное участие в отстаивании свершившихся преобразований), так и объективный (начало становления в Афинах полиса классического типа с более четким, чем прежде, оформлением понятия гражданства, очерчиванием комплекса прав-обязанностей, что на первых порах порождало разнообразные эксперименты, не все из которых, как показало дальнейшее разворачивание процесса, оказались перспективными и прижились).

с гражданами против режима «Тридцати тиранов», после восстановления демократии в народное собрание был представлен законопроект о даровании этим метэкам гражданских прав. Соответствующее постановление по ряду причин не было принято, однако характерен уже сам тот факт, что подобный вопрос был поднят именно в таких условиях.

³² Almeida J. A. Op. cit. Passim.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПОЭЗИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СОЛОНА*

Солон – тот редкостный и даже, пожалуй, уникальный (привести сколько-нибудь близкие параллели не удастся) представитель архаической эллинской истории и культуры, который являлся одновременно и крупным поэтом, и одним из самых выдающихся законодателей. Соответственно, он и в работах современных антиковедов предстает как бы в двух разных «ипостасях»; порой у неискушенного читателя может даже сложиться впечатление, что перед ним – две разные фигуры, имеющие мало общего друг с другом.

В частности, исследователи, которых интересуют законы и реформы Солон в контексте политических и/или юридических реалий истории Древней Греции¹, лишь спорадически обращаются к его стихам, да и то в лучшем случае только к тем из них, которые принято определять как политические. С другой стороны, филологи, занимающиеся солоновской поэзией², не проявляют уж

* Впервые опубликовано в: *Scripta antiqua*. М., 2016. Т. 5. С. 233–266.

¹ Например: *Ferrara G.* La politica di Solone. Napoli, 1964; *Woodhouse W. S.* Solon the Liberator. Repr. ed. N. Y., 1965; *Ruschenbusch E.* ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden, 1966; *Oliva P.* Solón. Praha, 1971; *Stanley Ph. V.* The Economic Reforms of Solon. St. Katharinen, 1999; *Barta H.* «Graeca non leguntur»? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Wiesbaden, 2011. Bd II: Archaische Grundlagen. Teil 1–2. В этом и нескольких следующих примечаниях указываются только монографические исследования – дабы «не распыляться», иначе можно ведь с первой же страницы работы «закидать шапками» неискушенного (да и искусственного) читателя, предъявив ссылки на десятки или сотни работ о Солоне, пропугдированных автором этих строк с тех пор, как в 1994 г. покойный В. И. Кузищин посоветовал нам заняться «солоновской» темой.

² *Anhalt E. K.* Solon the Singer: Politics and Poetics. Lanham, 1993; *Sauge A.* «L'Iliade», poème athénien de l'époque de Solon. Bern, 2000; *Mülke Chr.* Solons politische Elegien und Iamben (Fr. 1–13; 32–37 West): Einleitung, Text, Kommentar. Lpz., 2002; *Irwin E.* Solon and Early Greek Poetry: The Politics of Exhortation. Cambridge, 2005; *Noussia-Fantuzzi M.* Solon the Athenian, the Poetic Fragments. Leiden; Boston, 2010. Последний пример наиболее характерен. Греческая исследовательница Мария Нуссия (так она подписывала свои более ранние работы, например: *Noussia M.* Solon's Symposium (frs. 32–4 and 36 Gentili – Prato² = 38–40 and 41 West²) // *Classical Quarterly*. 2001. Vol. 51. No. 2. P. 353–359; *Noussia M.* Strategies of Persuasion in Solon's Elegies // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden; Boston, 2006. P. 134–156), впоследствии переселившаяся в Италию, выпедшая замуж за итальянского антиковеда М. Фантуцци (из его работ см. хотя бы: *Fantuzzi M.*

и вовсе никакого интереса к законодательному наследию великого афинянина, ставшего «по совместительству» автором этих элегий и ямбов. Попытки некоего синтеза действительно редки, да и они являются либо слишком уж давними³, либо имеющими скорее популярный, нежели строго научный характер⁴, либо не в полной мере компетентными⁵.

Так может ли быть найден синтез между Солоном-поэтом и Солоном-законодателем? Мы уверены, что этот вопрос имеет позитивное решение. В качестве, так сказать, *onus probandi* мы избираем гендерный аспект. В связи с ним и в стихах, и в законах Солон присутствуют репрезентативные данные (ниже это будет продемонстрировано). В то же время в обозначенном ракурсе вопрос просто еще не ставился в мировой историографии. Разве что, в лучшем случае, предпринимались попытки подхода к нему с разных сторон⁶. Сразу нужно оговорить, что в только что приведенной ссылке указаны, помимо прочих, работы

The Dream of the Charioteer in the *Rhesus* Ascribed to Euripides (728–803) // *Trends in Classics*. 2011. Vol. 3. P. 38–53) и ставшая Марией Нуссия-Фантуцци, посвятила буквально всю свою жизнь изучению поэзии Солон. Но ее совершенно не заинтересовали соловские законы!

³ Linforth I. M. Solon the Athenian. Berkeley, 1919; Freeman K. The Work and Life of Solon. Cardiff; L., 1926.

⁴ Hönn K. Solon: Staatsmann und Weiser. Wien, 1948; Masaracchia A. Solone. Firenze, 1958.

⁵ Almeida J. A. Justice as an Aspect of the Polis Idea in Solon's Political Poems: A Reading of the Fragments in Light of the Researches of New Classical Archaeology. Leiden, 2003. Не назовем эту книгу совершенно бесполезной (еще Плиний Старший говаривал, что не бывает совершенно бесполезных книг), но уровень рассуждений ее автора нас несколько удручил. В начале своей книги Дж. Альмейда «на полном серьезе» рассуждает о том, что перед ним стоит выбор – пользоваться ли в своем исследовании методологией «новой классической археологии» или же «культурной поэтики». И решительно делает выбор в пользу первой, а о второй высказывается в достаточно уничижительных тонах. Но тут перед нами – ложная, надуманная альтернатива.

⁶ Jacoby F. ΓΕΝΕΣΙΑ. A Forgotten Festival of the Dead // *Classical Quarterly*. 1944. Vol. 38. No. 3/4. P. 65–75; Flacelière R. Sur quelques passages des *Vies* de Plutarque. III. Solon – Publicola // *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes*. 1949. Vol. 23. No. 1. P. 120–132; Asheri D. Laws of Inheritance, Distribution of Land and Political Constitutions in Ancient Greece // *Historia*. 1963. Bd 12. Ht. 1. S. 1–21; Cantarella E. La ἐγγύη prima e dopo la legislazione di Solone nel diritto matrimoniale attico // *Istituto Lombardo. Accademia di scienze e lettere. Rendiconti. Classe di lettere e scienze morali e storiche*. 1964. Vol. 98. P. 121–161; Lloyd M. Cleobis and Biton (Herodotus 1, 31) // *Hermes*. 1987. Bd 115. Ht. 1. S. 22–28; Kurke L. Inventing the Hetaira: Sex, Politics, and Discursive Conflict in Archaic Greece // *Classical Antiquity*. 1997. Vol. 16. No. 1. P. 106–150; Humphreys S. C. Solon on Adoption and Wills // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung*. 2002. Bd 119. S. 340–347; Lape S. Solon and the Institution of the «Democratic» Family Form // *Classical Journal*. 2002/2003. Vol. 98. No. 2. P. 117–139 (особенно важная работа); Blok J. H. Solon's

1940–1960-х гг.; в них, естественно, даже и сам термин «гендер» физически не мог присутствовать, он (как научное понятие, используемое историками) является порождением более позднего времени⁷.

Разумеется, Солон со своими преобразованиями не мог не быть упомянут в классических трудах по гендерной истории античности (в той мере, в какой вообще применимо слово «классический», когда речь идет об очень молодой дисциплине) – в монографиях Сары Померой «Богини, блудницы, жены и рабыни: женщины в классической античности»⁸ и Салли Хамфрис «Семья, женщины и смерть: сравнительные исследования»⁹.

При написании данной работы, разумеется, мы использовали опубликованные в последнее время исследования, посвященные гендерной проблематике и написанные на материале античной Греции, – особенно те из них, которые ближе всего затрагивают вопросы, подлежащие освещению ниже¹⁰.

Funerary Laws: Questions of Authenticity and Function // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 197–247.

⁷ См. очень дельное введение в гендерную историю как таковую, прочитать которое будет, как минимум, не вредно любому антиковеду (проверено на себе): Ретина Л. П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. М., 2002.

⁸ Pomeroy S. B. Goddesses, Whores, Wives and Slaves: Women in Classical Antiquity. L., 1994. Ссылаемся на переиздание, с которым мы работали (впервые книга вышла лет на десять раньше).

⁹ Humphreys S. C. The Family, Women and Death: Comparative Studies. L., 1983. Строго говоря, это сборник статей. Но Хамфрис, готовя книгу именно в таком формате, уже в предисловии сослалась на аналогичный опыт французских ученых, труды которых она взяла за образец, – всем нам известных Луи Жерне, Жан-Пьера Вернана и Пьера Видаль-Накэ. И, помимо прочего, она уже в предисловии оговаривает, что термин «сравнительные» (*comparative*), употребленный ею в подзаголовке, не означает, что она намеревается сравнивать реалии, имевшие место в Элладе, с теми, которые наблюдались в каких-то иных цивилизациях. Нет, она поставила перед собой задачу сравнивать разные ситуации в самом греческом мире. Честная и искренняя позиция.

¹⁰ Например: Cantarella E. Gender, Sexuality, and Law // The Cambridge Companion to Ancient Greek Law. Cambridge, 2005. P. 236–253; Sissa G. Gendered Politics, or the Self-Praise of *Andres Agathoi* // A Companion to Greek and Roman Political Thought. Oxf., 2009. P. 100–117; Foxhall L. Gender // A Companion to Archaic Greece. Oxf., 2009. P. 483–507; Corner S. Bringing the Outside in: The *Andrōn* as Brothel and the Symposium's Civic Sexuality // Greek Prostitutes in the Ancient Mediterranean, 800 BCE – 200 CE. Madison, 2011. P. 60–85; Neils J. Age, Gender, and Social Identity // A Companion to Greek Art. Oxf., 2012. P. 498–509; McNiven T. J. Sex, Gender, and Sexuality // A Companion to Greek Art. Oxf., 2012. P. 510–524. Естественно, оказались в той или иной мере полезными практически все работы, вошедшие в «греческую» часть совсем недавно вышедшего коллективного труда: A Companion to Greek and Roman Sexualities / Ed. by T. K. Hubbard. Oxf., 2014.

* * *

Было время, когда автор этих строк, вдохновившись примером Л. П. Репиной, попытался сделать в российском антиковедении (во всяком случае, в его «греческой» части) нечто вроде зачина в области гендерных исследований. Нами тогда был написан ряд статей на эту тему¹¹ (вот только ни в тот момент, ни позже нас как-то никто или почти никто всерьез не поддержал¹²).

В своих разработках мы настаивали на признании сугубо маскулинного (и даже, так сказать, «гипермаскулинного») характера гендерного менталитета в условиях античного греческого полиса. Сама по себе эта констатация ныне звучит даже некоей тривиальностью; с этой, маскулинной, точки зрения в наши дни и рассматривается обычно эллинский полисный «гендер»¹³. Нам казалось важным скорее подчеркнуть некоторые нюансы¹⁴ – в частности,

¹¹ Суриков И. Е. Адам и... Адам (К вопросу о специфике гендерных ролей в условиях античного греческого полиса) // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. 2006. Т. 12. С. 23–47; Суриков И. Е. Динамика гендерной ситуации в аристократических и демократических Афинах // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. 2007. Т. 14. С. 87–112; Суриков И. Е. Удаляющиеся амазонки (Гендерная мифология и гендерная география в древнегреческих постестарных представлениях) // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. 2009. Т. 17. С. 7–39; Суриков И. Е. Архаический историк Геродот: гендерный аспект // *Antiquitas aeterna*. 2011. Т. 3. С. 15–24; Суриков И. Е. О возможном историко-географическом контексте сюжета обобщенного изображения на «вазе Евримедонта» (малоизвестный эпизод греко-персидских войн) // *Аристей*. 2013. Т. 7. С. 46–57 (эта последняя статья была написана раньше остальных четырех перечисленных, но по причинам, не зависевшим от автора, вышла позже них).

¹² Если, конечно, не принимать в расчет такие вопиюще дилетантские работы (способные вызвать у читателя лишь гомерический хохот), как, например: *Скворцов А. М., Любчанский И. Э.* Комедии Аристофана о тенденции изменения положения женщины в Афинах конца V – начала IV вв. до н. э. // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. 2007. Т. 14. С. 113–120. Отдельный вопрос – вклад Л. Л. Селивановой, в последнее время позиционирующей себя уже не столько как специалиста по всем мифологиям древности, а именно как гендерного историка античности. Нам довелось читать ее статью (*Селиванова Л. Л.* Гендерные исследования в антиковедении // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. 2007. Т. 14. С. 3–36), демонстрирующую хорошее знание литературы по вопросу, а также знакомиться с подготовленной ею хрестоматией (*Гендерная история Древней Греции: Хрестоматия* / Сост. Л. Л. Селиванова. М., 2009. Т. 1–2), которая очень сильно страдает от того, что приведенные в ней чрезвычайно разнородные тексты вообще никак не прокомментированы.

¹³ См. хотя бы: *Roisman J.* The Rhetoric of Manhood: Masculinity in the Attic Orators. Berkeley, 2005; *Sissa G.* Op. cit.; *King B. M.* Masculinity and Freedom in Sophocles // *A Companion to Sophocles*. Oxf., 2012. P. 395–407. К историографии вопроса см.: *Masterson M.* Studies of Ancient Masculinity // *A Companion to Greek and Roman Sexualities*. Oxf., 2014. P. 17–30.

¹⁴ Это нюансирование особенно выражено в работе: *Суриков И. Е.* Динамика гендерной ситуации...

коренное различие гендерной ситуации в классическом, более демократическом по характеру полисе (Афины V–IV вв. до н. э.) и в полисе архаическом¹⁵ и тем самым более аристократическом¹⁶, каковым оставалась, скажем, Спарта в тех же V–IV вв. до н. э.¹⁷

В связи с деятельностью Солон нас здесь будут интересовать только Афины рубежа VII–VI вв. до н. э. Конечно, это не демократические Афины двух следующих столетий¹⁸, в которых гендерная асимметрия и маргинализация женщин¹⁹ дошли до предельного масштаба («Та женщина заслуживает величайшего уважения, о которой меньше всего говорят среди мужчин, в порица-

¹⁵ Для нас «архаический полис» и «классический полис» – не хронологические, а стадийно-типологические понятия. Мы об этом писали немало, но наиболее подробно см.: Суриков И. Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций. М., 2010. С. 13 сл.

¹⁶ Естественно, если в греческом полисном мире какие-то женщины могли играть хоть сколько-нибудь значимую роль в обществе, то это были *только* (т. е. без исключения!) женщины из аристократических семей. Ср.: Mitchell L. G. The Women of Ruling Families in Archaic and Classical Greece // *Classical Quarterly*. 2012. Vol. 62. No. 1. P. 1–21. Сказанное вполне относится и к тому миру, который можно назвать не «греческим полисным» в строгом смысле слова, но близким к нему. См. применительно к Македонии и Кари: Carney E. D. Women and *Dunasteia* in Caria // *American Journal of Philology*. 2005. Vol. 126. P. 65–91; Carney E. D. *Macedonian Women* // *A Companion to Ancient Macedonia*. Oxf., 2010. P. 409–427.

¹⁷ В связи с гендерной ситуацией в Спарте см. прежде всего: Андреев Ю. В. Спартанская гинеократия // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 44–62. Кстати, Ю. В. Андреев корректно употреблял термины «гинеократия» и «матриархат» (Андреев Ю. В. «Минойский матриархат» (Социальные роли мужчины и женщины в общественной жизни минойского Крита) // ВДИ. 1992. № 2. С. 3–14), не отождествлял их друг с другом, чем выгодно отличался от некоторых других, тоже крупных отечественных исследователей (например: Граков Б. Н. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. 1947. № 3. С. 100–121).

¹⁸ В связи с положением женщин в этот период см.: Schaps D. M. *Economic Rights of Women in Ancient Greece*. Edinburgh, 1981; Just R. *Women in Athenian Law and Life*. L., 1989; Jameson M. H. *Women and Democracy in Fourth-century Athens* // *Ancient Greek Democracy: Readings and Sources*. Oxf., 2004. P. 281–292; Katz M. *Women and Democracy in Ancient Greece* // *Ancient Greek Democracy: Readings and Sources*. Oxf., 2004. P. 292–311.

¹⁹ Об этой маргинализации, приводившей к тому, что женщины приравнивались к варварам и рабам, см.: Castriota D. *Feminizing the Barbarian and Barbarizing the Feminine: Amazons, Trojans, and Persians in the Stoa Poikile* // *Periclean Athens and its Legacy: Problems and Perspectives*. Austin, 2005. P. 89–102; Pomeroy S. B. *Women and Ethnicity in Classical Greece: Changing the Paradigms* // *A Companion to the Classical Greek World*. Oxf., 2006. P. 350–366; Patterson C. *Other Sorts: Slaves, Foreigners, and Women in Periclean Athens* // *The Cambridge Companion to the Age of Pericles*. Cambridge, 2007. P. 153–178; Balot R. K., Atkinson L. M.

ние или в похвалу» – слова самого Перикла, переданные Фукидидом, *Thuc.* II. 45. 2)²⁰. Тем не менее наметившийся уже в солоновское время вектор был вполне определенным, и вел он именно в «том самом» направлении.

Применительно к стихотворному наследию нашего поэта-политика (во всяком случае, к той части этого наследия, которой мы располагаем, но не приходится сомневаться, что она в целом репрезентативна) можно сказать, что для Солон женщин как бы вообще не существует. Точнее, почти не существует. Один-единственный раз *γυνή* в его элегиях все-таки встречается. Причем чрезвычайно занятно, в каком именно контексте. В одном из очень характерных для него «умеренно-гедонистических» стихотворений (пафос их в том, что не нужно накапливать чрезмерные богатства, ничуть не хуже живет и человек среднего достатка) читаем²¹:

Равно богаты и тот, у кого серебро в изобилие,
Золото есть, есть поля, чтобы выращивать хлеб,
Кони есть, мулы, – но также и тот, кто немногого хочет:
Лишь бы усладу иметь чреву, бокам и ногам,
Да чтобы отрок был или жена (*παῖδος τ' ἢ δὲ γυναῖκος*)
– это тоже неплохо –
В самой цветущей поре, в юной своей красоте.
Вот и богатство для смертных...
(Sol. fr. 14 Diehl)

Как видим, женщина для Солон демонстративно на втором месте после мальчика. Не приходится удивляться тому, что и в других солоновских стихах для нее места нет. Возьмем хотя бы интереснейшую элегию, обычно фигурирующую в переводных изданиях под названием «Седмицы человеческой жизни». Стихотворение сохранилось полностью, и полностью же его имеет смысл привести. Предварительно оговорим, что оно уникально – в смысле отсутствия

Women and Slaves in Greek Democracy // *A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic*. Oxf., 2015. P. 389–404.

²⁰ О том, как свое отношение к женщинам Перикл проявлял в своей законодательной деятельности (имеется в виду закон о гражданстве 451/450 г. до н. э.), см.: *Will W.* Perikles. Reinbek, 1995. S. 50 ff.; *Osborne R.* Law, the Democratic Citizen and the Representation of Women in Classical Athens // *Past & Present*. 1997. Vol. 155. P. 3–33; *Blok J. H.* Perikles' Citizenship Law: A New Perspective // *Historia*. 2009. Bd 58. Ht. 2. S. 141–170 (особенно важная работа!); *Coşkun A.* Weitere Überlegungen zu den Voraussetzungen und Folgen des Perikleischen Bürgerrechtsgesetzes: Nataralisierung und Epigamie im Klassischen Athen // *Klio*. 2013. Bd 95. Ht. 2. S. 391–404. В связи с отношением к женщинам самого Фукидида см.: *Harvey D.* Women in Thucydides // *Arethusa*. 1985. Vol. 18. Fasc. 1. P. 67–90; *Суриков И. Е.* Архаический историк... (в сравнении с Геродотом и с некоторыми статистическими данными).

²¹ Стихи Солон здесь и далее цитируются в нашем переводе.

сколько-нибудь близких параллелей (по крайней мере в поэзии архаической эпохи) – и в этом смысле сродни знаменитым «гинофобским» ямбам Семонида Аморгского (Semonid. fr. 7 West).

Нет, Солон не порицает представительниц «слабого пола», в отличие от того же Семонида, восклицающего, что женщины

...и были бедствием и будут для мужей.
 Да, это зло из зол, что женщиной зовут.
 Дал Зевс, и если есть чуть пользы от нее –
 Хозяин от жены без меры терпит зло.
 И дня не проведет спокойно, без тревог,
 Кто с женщиной судьбу свою соединил.

Солон поступает с женщинами, пожалуй, даже хуже: он их просто не замечает. Обратимся же к его «Седмицам»:

Мальчик (παῖς²²) впервые ограду зубов²³, во
 младенчестве нежном
 Взросших, теряет, когда семь исполняется лет.
 Ну, а как только вторые семь лет ему бог завершает –
 Признаки явны уже будущей силы мужской²⁴.
 Что же в третью седмицу? Еще он растет, но пушок уж
 На подбородке его; кожа меняет свой цвет.
 Вот и четвертая: в возрасте этом любой совершенен
 Силой и тем, от чего высшая доблесть в мужах
 (ἀνδρες).
 В пятую – самое время мужчине (ἀνδρα) помыслить о
 браке (γάμου)
 И сыновей (παῖδων)²⁵ пожелать, чтобы
 продолжился род.
 Ну, а в шестую уже вполне упорядочен разум,
 И не стремится теперь муж (ἀνδρός) к
 бестолковым делам.

²² Как известно, παῖς – существительное обоюдного рода. Однако по согласованным с ним прилагательным и причастию видно, что здесь имеется в виду именно ὁ παῖς, то есть мальчик, а не девочка. Так и далее.

²³ Характерный гомеровский образ (ἔρκος ὀδόντων).

²⁴ Имеется в виду наступление половой зрелости.

²⁵ Здесь – без указывающих на род согласованных слов. Тем не менее вполне ясно, что и здесь Солон имеет в виду именно потомство мужского пола: только через них мог законно продолжиться род.

В годы седмицы седьмой и разум и речь совершенны.
 Также и в годы восьмой – вместе четырнадцать
 лет.
 Что же в девятую? Есть еще силы, но начали гаснуть
 Мудрость, дар речи – уже трудно большое
 свершить.
 Если же кто-то достигнет конца и десятой – то, значит,
 Срок наступил, и пора смертную участь встречать.
 (Sol. fr. 19 Diehl)

Ранее нам приходилось рассматривать этот памятник в связи с темпоральными категориями у Солон²⁶. И уже тогда не могло не броситься в глаза пресловутое «отсутствие женщины». В гендерном аспекте солоновская возрастная градация имеет предельно выраженный маскулинный характер. Упоминаются только *παῖς* (причем однозначно *ὁ παῖς*) и *ἀνὴρ*. Даже в связи с браком (!) автор каким-то хитрым образом умудряется вообще не упомянуть о той, с кем, собственно, брак заключается; речь заходит только о цели супружества, какой видится единственно продолжение рода.

Тут *volens nolens* вспомнишь известный, ныне многих шокирующий своим цинизмом пассаж из демосфеновского корпуса (Demosth. LIX. 122)²⁷: «Гетеры заводим ради наслаждения, наложниц²⁸ – ради ежедневных телесных потребностей, тогда как жен мы берем для того, чтобы иметь от них законных детей, а также для того, чтобы иметь в доме верного стража своего имущества».

Впрочем, кажется, Солон был настолько велик (или таковым себе представлялся), что его не интересовало даже продолжение рода. В дальнейшем его прямых потомков в Афинах не зафиксировано (косвенные – потомки брата

²⁶ Суриков И. Е. Солон и представления о времени в архаической Греции // Формы и способы презентации времени в истории. М., 2009. С. 13–36.

²⁷ Строго говоря, эта речь («Против Неэры») была, как обычно считается, написана не самим Демосфеном, а Аполлодором, сыном Пасиона. Но в данном контексте это совершенно irrelevantно.

²⁸ По поводу наложниц (*παλλακαί*) см.: Грейс (Казакевич) Э. Л. О конкубинате в Афинах классического периода // ВДИ. 1968. № 1. С. 28–52; Mossé C. La place de la pallakê dans la famille athénienne // Symposion 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 273–279. Они не обязательно являлись рабынями; среди них вполне могли быть свободные и даже гражданки. Однако дети гражданина от наложницы, как минимум, именно со времени реформ Солон (*Lape S. Op. cit. P. 118*) считались бастардами (*νόθοι*) и были ущемлены в правах по сравнению с детьми, рожденными в законном браке (*γνήσιοι*). См.: Maffi A. Matrimonio, concubinato e filiazione illegittima nell'Atene degli oratori // Symposion 1985: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1989. S. 177–214.

или братьев, – конечно, были, и в их числе, кстати, Платон, гордившийся своим родством со знаменитым поэтом-законодателем). Он, судя по всему, полагал, что сделанное им автоматически сохранит его в памяти поколений (и ведь сохранило же – вплоть до наших дней!), так что в иных средствах достижения бессмертия (в норме оно осуществлялось именно через род, через родовую традицию) просто нет нужды.

Обратимся к анализу с гендерной точки зрения некоторых других соловых фрагментов. В одной из известнейших своих элегий (традиционно ее называют «К музам» или «К самому себе», это – Sol. fr. 1 Diehl)²⁹ он приводит в некотором роде «каталог профессий». Архаические греческие поэты вообще были склонны к каталогизаторству³⁰ и иного рода классификациям. Коль скоро мы пишем здесь о гендерной проблематике, как не вспомнить упомянутое выше большое стихотворение Семонида Аморгского о женщинах (Semonid. fr. 7 West)? Оно насквозь пронизано пресловутым классификаторством. «Сверхзадача» подобных перечней – дать, если уж говорить по большому счету, исчерпывающую в совокупности картину социума или того его сегмента, который был интересен автору в момент написания стихов.

Какие же роды человеческой деятельности перебирает Солон?

Все суетятся вокруг: один вон по морю блуждает.
 Рыбой кишашему, чтоб прибыль домой привезти
 На кораблях, и повсюду влекут его мощные ветры:
 Право же, он не щадит даже и душу свою!
 Вот и второй: ежегодно он древообильную землю
 Пашет – тем служит, кому дело до гнутых плугов.
 Третий, Афины³¹ с Гефестом-искусником дело освоив,
 Неким ручным ремеслом хлеб добывает себе.

²⁹ Об этой элегии всегда писали много. К началу 1980-х гг. уже имелось несколько десятков работ, специально ей посвященных (их обзор со ссылками см.: *Maurach G. Über den Stand der Forschung zu Solos «Musenelegie» // Göttingische gelehrte Anzeigen. 1983. Bd 235. Ht. 1/2. S. 16–33*). К настоящему времени их число, наверное, удвоилось. Нам довелось ознакомиться с большинством этих работ, и мы не сказали бы, что это вывело наше понимание деятельности Солон на какой-то принципиально новый уровень.

³⁰ Уже начиная, как минимум, с Гесиода. См. о его «Каталоге женщин»: *The Hesiodic Catalogue of Women: Constructions and Reconstructions / Ed. by R. Hunter. Cambridge, 2005; Doherty L. Putting the Women Back into the Hesiodic Catalogue of Women // Laughing with Medusa: Classical Myth and Feminist Thought. Oxf., 2007. P. 297–325*. А гесиодовская «Теогония» разве не являет собой в известном смысле аннотированный каталог? Да, собственно говоря, уже в начале «Илиады» Гомера «список кораблей» и «список троянских союзников» – тоже каталоги.

³¹ Упоминание богини Афины здесь лишено какого-либо гендерного оттенка.

Ну, а четвертый дары получил от Муз Олимпийских.
Мудрость его такова: как людям радость дарить.
Пятого сделал пророком своим издаека разящий
Вождь Аполлон, так что он издали чует беду;
Боги такому сопутствуют. Но от судеб не спасешься,
Тут не помогут тебе знаменья, жертвы – ничто...
Есть и другие: их лекарь Пеон³² посвятил в свое дело.
Это – врачи. Но от них тоже ведь толк невелик...

Мы не сократили в цитате этукую архаическую улыбку Солонa, типичную для всей культуры тогдашнего времени, от литературы до искусства ваяния. Эта улыбка (может быть, лучше подойдет слово «усмешка»?) – не столько загадочная, как ее обычно характеризуют, сколько, так сказать, умудрено-скептическая (дескать, «трудитесь, ребята, трудитесь...»).

Кто же упомянут в солоновском «каталоге»? Мореплаватель-купец, земледелец, ремесленник, поэт, прорицатель, врач. Знаменательно, что среди перечисленных здесь нужных для общины людей совершенно не фигурирует воин, но по этому вопросу мы писали в другом месте³³. Здесь же для нас интересно, что в приведенном солоновском каталоге женщины опять же полностью отсутствуют. У Солонa – всё в мужском роде: *ὁ μὲν... ἄλλος... ἄλλοι...* А что же, не было, скажем, женщин-прорицательниц? Не было дельфийской пифии, к которой сам же автор процитированных строк неоднократно наведывался за советами³⁴? (Заметим в скобках: если уж в чем-то проявлялась роль древнегреческих женщин в общественной жизни – то в наибольшей степени именно в религиозной сфере³⁵.) Далее, не было женщин-поэтесс? Сапфо творила в те же десятилетия, что и Солон, и вряд ли последний о ней совсем уж ничего

³² Интересно, что у Солонa Пеон (обычно Пеон или Пеан – эпитет Аполлона) фигурирует как некий отдельный персонаж (Аполлон упомянут чуть выше).

³³ Суриков И. Е. Воительница Афина: Солон, Писистрат и афинское полисное ополчение в VI в. до н. э. // Мнемон. 2010. Вып. 9. С. 27–54.

³⁴ Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 79 сл. О пифии в целом см.: Davies J. The Origins of the Festivals, Especially Delphi and the Pythia // Pindar's Poetry, Patrons, and Festivals: From Archaic Greece to the Roman Empire. Oxf., 2007. P. 47–69.

³⁵ По этому вопросу написано очень много. См. хотя бы: Detienne M., Vernant J.-P. The Cuisine of Sacrifice among the Greeks. Chicago, 1989. P. 129 ff.; Osborne R. Women and Sacrifice in Classical Greece // Classical Quarterly. 1993. Vol. 43. No. 2. P. 392–405; Goldhill S. Representing Democracy: Women at the Great Dionysia // Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis. Oxf., 1994. P. 347–369; Dillon M. Girls and Women in Classical Greek Religion. L.; N. Y., 2002; Morgan J. Women, Religion, and the Home // A Companion to Greek Religion. Oxf., 2007. P. 297–310.

не слышал. Не было вообще женщин, занимающихся ремеслом? Небезосновательно полагаем, что таковые все-таки имелись и в архаической Греции. Но для Солон, повторим, женщины вообще как бы не существуют.

С куда большими энтузиазмом и прочувзованностью Солон описывает переживания, связанные с гомосексуальной любовью. Например:

Он пока отроков любит, чья юность в прелестном
расцвете:
Бедер их страждет он, жаждет их сладостных уст.
(Sol. fr. 12 Diehl)

Подчас может сложиться впечатление, что для афинского поэта παῖδες – это всегда «мальчики», понятые как *terminus technicus* в совершенно определенном контексте, а не дети, не сыновья. Нам все-таки трудно согласиться с этим применительно к следующему фрагменту:

Счастлив тот, у кого есть и милые дети (παῖδες τε
φίλοι), и кони,
Есть и охотничьи псы, и на чужбине есть друг³⁶.
(Sol. fr. 13 Diehl)

В дистихе перечислены основные атрибуты аристократического образа жизни. Но как понимать παῖδες φίλοι? М. Нуссия-Фантуцци в своем новейшем и подробнейшем комментарии к фрагментам Солон убеждена, что здесь выражение употреблено «в эротическом смысле»³⁷. Однако дети (в данном случае даже конкретнее – сыновья, поскольку согласованное прилагательное стоит в мужском роде) были все-таки, полагаем, важнее для аристократа (поскольку они обеспечивали продолжение рода, о котором уже упоминалось при анализе элегии о «седмицах»), чем какие-то возлюбленные мальчики.

Заметим, что у Гомера (Od. XIX. 455) встречается выражение παῖδες φίλοι – и применительно именно к сыновьям. Отношение Солон к эпической традиции было достаточно противоречивым: в целом принимая ее, он отчасти ее и перерабатывал³⁸. Но могли ли переработки формул заходить столь далеко, чтобы приводить к полному изменению их смысла? Но, с другой стороны,

³⁶ Собственно, ксен (друг-гостеприимец).

³⁷ *Noussia-Fantuzzi M.* Op. cit. P. 345.

³⁸ *Blaise F.* Poetics and Politics: Tradition Re-worked in Solon's «*Eunomia*» (Poem 4) // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches.* Leiden; Boston, 2006. P. 114–133; *Суриков И. Е.* Некоторые проблемы поэзии Солон // *Проблемы истории, филологии, культуры.* 2015. № 2 (48). С. 3–23. В нашей упомянутой работе вопрос разобран подробнее, со ссылками на предшествующую литературу.

вспомним и о том, что у самого-то Солонa детей, похоже, так-таки и не было. Одним словом, вопрос приходится оставить открытым.

Как бы то ни было, если в солоновских стихах и встречаются какие-то лица женского пола, то это исключительно богини. К последним-то как раз наш автор относится с максимально подчеркнутым пиететом. Например, свою знаменитую элегию «Благозаконие» (Sol. fr. 3 Diehl) он начинает с акцентированного высказывания:

Нет, никогда не погибнет наш город по Зевсовой воле
Иль по решенью других вечных, блаженных богов.
Руки над нами защитницы нашей – Паллады Афины:
Мощен отец у нее, также отважна сама.
Но в неразумье своем погубить наш город великий
Граждане сами хотят... и т. д.

В другом месте³⁹ мы, опираясь на мимоходом сделанные наблюдения Р. Мартина⁴⁰ и развивая их, пояснили смысл данного пассажа: афинский полис может погибнуть только от *внутренней* смуты (стасиса), а *внешняя* угроза государству не страшна – именно в силу попечения Афины.

Из прочих богинь у Солонa упоминается, естественно, Афродита (Киприда). Так, в стихотворении, написанном им на Кипре и посвященном царю Сол, одного из тамошних полисов, Филокипру, поэт говорит:

Мне же пора! Жду – придет от фиалковенчанной
Киприды
Быстрый корабль, чтоб я мог с острова славного
плыть.
За основание же⁴¹ пусть благодарность и добрую славу
Даст мне богиня и даст здоровым вернуться домой.
(Sol. fr. 7 Diehl)

Ничего специфически гендерного в этом отрывке, кажется, нет – в отличие от того, который будет процитирован следующим и создание которого Плутарх

³⁹ Суриков И. Е. Воительница Афина...

⁴⁰ Martin R. P. Solon in No Man's Land // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 161 ff.

⁴¹ Солон посоветовал Филокипру перенести Солы на новое, более удобное место, что в определенной мере приравнивалось к новому основанию города. Впрочем, традиция, согласно которой сам этот город будто бы раньше назывался Эпеей и именно в честь Солонa был переименован в Солы, не может быть принята. См.: Суриков И. Е. О принципах наименования новоосновываемых городов в греческом мире архаической и классической эпох // Город в античности и средневековье: общеевропейский контекст. Ярославль, 2010. Ч. 1. С. 9–15.

относит к преклонным годам Солона, к периоду, когда тот уже возвратился из своего путешествия по восточным странам (Plut. Sol. 31):

Ныне милы мне дела Кипрородной да Диониса,
Также и Муз – те дела, в коих веселье мужам.
(Sol. fr. 20 Diehl)

М. Нуссия-Фантуцци, комментируя эти строки⁴², сомневается в том, что они были написаны Солоном-стариком; она также настаивает на гомосексуальном, «педерастическом» характере упоминаемой автором Афродиты. Спорить с ней здесь мы не будем; тем не менее останемся при своем мнении – на симпозиях⁴³, где «царил Дионис», однозначно присутствовали не столько παῖδες καλοί, сколько гетеры. Последних-то там как раз было, как правило, несравненно больше: их притягивала обстановка симпозиального веселья, вина⁴⁴, непринужденного общения. Что же касается пресловутых παῖδες καλοί, – их-то, полагаем, отцы содержали в подобающей строгости. Не каждому «везло» так, как впоследствии юному Алкивиаду, который заводил «романы» с кем угодно, пользуясь тем, что отец погиб, а опекун – двоюродный дядя Перикл – был погружен в совсем иные дела⁴⁵, и даже однажды пытался – вопреки всяким обычаям – соблазнить Сократа.

Кстати, в приведенном последним отрывке упоминаются еще и музы (тоже ведь божества-женщины), равно как, само собой, упоминаются они (со своей матерью Мнемосиной) в цитировавшейся выше элегии (Sol. fr. 1 Diehl), именно им и посвященной:

Вас, славных чад Мнемосины и Олимпийского Зевса,
Муз-Пиерид прошу: слышите моленье мое!
Вот что мне дайте... и т. д.

Речь здесь все-таки не о богинях. Последние к реальной гендерной ситуации имели разве что опосредованное отношение. Выдающаяся французская исследовательница, рано покинувшая нас Николь Лоро (1943–2003) в одном

⁴² Noussia-Fantuzzi M. Op. cit. P. 391.

⁴³ О симпозиальном контексте солоновской лирики мы специально пишем в: Суриков И. Е. Некоторые проблемы поэзии... Там же приводятся и ссылки на соответствующую литературу.

⁴⁴ Blazeby C. K. Woman + Wine = Prostitute in Classical Athens? // Greek Prostitutes in the Ancient Mediterranean, 800 BCE – 200 CE. Madison, 2011. P. 86–105.

⁴⁵ К теме «Алкивиад и Перикл» см. совсем недавнюю, важную работу: Danzig G. Alcibiades versus Pericles: Apologetic Strategies in Xenophon's *Memorabilia* // Greece & Rome. 2014. Vol. 61. No. 1. P. 7–28.

из своих классических трудов («Дети Афины: афинские идеи о гражданстве и разделении полов»)⁴⁶, собственно, именно об этом настоятельно и говорит.

Итак, если подводить итог рассмотрению с гендерной точки зрения стихов Солонa, то впечатление об однозначно маскулинной интенции их автора, думается, будет неоспоримым.

* * *

А как в этом смысле обстояло дело с солоновскими законами? Рассматривая их, мы в первую очередь будем принимать во внимание те, которые имеют ярко выраженное «гендерное измерение». Таковых найдется немало. Известно, что прославленный законодатель в своем кодексе уделил весьма пристальное внимание регулированию норм, связанных с семейным правом; да и в цикле его узаконений, связанных с погребальными обычаями⁴⁷, гендерные нюансы очень ощутимы.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу законов Солонa, решительно необходим ряд поясняющих замечаний – пусть сделанных хотя бы в максимально краткой форме. Как известно, эти законы, записанные изначально на деревянных кирбах и аксонах⁴⁸, в конце V в. до н. э., в ходе известной афинской законодательной реформы⁴⁹, были скопированы на каменные плиты.

⁴⁶ *Loraux N.* Les enfants d'Athéna. Idées athéniennes sur la citoyenneté et la division des sexes. P., 1981.

⁴⁷ Об этом цикле солоновских законов мы ранее уже писали: *Суриков И. Е.* Законодательство Солонa об упорядочении погребальной обрядности // Древнее право. 2002. № 1 (9). С. 8–21; *Суриков И. Е.* Проблемы раннего... С. 102 сл. Теперь приходится вновь вернуться к этому вопросу – как в свете нового угла зрения, предлагаемого нами в данной работе, так и в связи с тем, что по той же тематике за прошедшее время появились новые интересные зарубежные исследования. В первую очередь отметим ценнейшую статью (*Blok J. H.* Solon's Funerary Laws...), автор которой пришла (естественно, совершенно независимо) фактически к тем же самым выводам, которые ранее были сделаны нами (в работах, указанных выше в этой сноске).

⁴⁸ В связи с тем, что представляли собой эти своеобразные артефакты (их остатки видел еще Плутарх), достаточно сослаться на основополагающее еще и поднесё исследование: *Stroud R. S.* The Axones and Kyrbeis of Drakon and Solon. Berkeley, 1979. Ср. также более скептическую по выводам (на наш взгляд, неоправданно) работу: *Robertson N.* Solon's Axones and Kyrbeis and the Sixth-Century Background // *Historia*. 1986. Bd 35. Ht. 2. S. 147–176.

⁴⁹ До недавнего времени, говоря об этой законодательной реформе, приходилось ссылаться на большое количество разнообразных статей (как и мы делали в предыдущих работах). Но теперь, к счастью, появилась обобщающая монография: *Carawan E.* The Athenian Amnesty and Reconstructing the Law. Oxf., 2013. Из нее уже и можно почерпнуть ссылки на предшествующую литературу.

В связи с реформой, о которой идет речь, надлежит отметить следующее. Она началась сразу после свержения олигархии Четырехсот⁵⁰, но растянулась на довольно длительный хронологический отрезок – естественно, ввиду сложных внешне- и внутривостановительских перипетий, с которыми тогда пришлось иметь дело афинянам (последний период Пелопоннесской войны, завершившийся поражением афинского полиса, установление режима «Тридцати тиранов», восстановление демократии...). В результате реформа была завершена лишь к рубежу V–IV вв. до н. э.

Задумывалась она, судя по всему, просто как «поновление» законов Драконта и Солон, перенесение их текстов с деревянных аксонов и кирб (которые ввиду естественной порчи уже трудно было пользоваться) на более долговечный материал. Начали эту процедуру с драконтовских законов об убийстве, и, как показывает сохранившаяся надпись IG. I³. 104 (409/408 г. до н. э.), являющаяся одним из продуктов предпринятой работы, тогда еще копирование древнего памятника осуществлялось весьма точно⁵¹, вплоть до воспроизведения архаичной, уже вышедшей из повседневного употребления лексики. Это и не удивительно: ситуации, связанные с убийствами (именно о них трактовали законы Драконта), повторялись, в общем, с минимальными вариациями из века в век. Тут даже трудно представить себе введение каких-то далеко идущих новшеств (во всяком случае, с тех пор, как на смену родовому обычаю кровной мести пришли институционализированные государством нормы наказаний).

А вот когда перешли к «поновлению» обширного свода законов Солон, тут уж не могло обойтись без внесения в них значительного количества изменений. Прошло почти два века с тех пор, как они начали действовать. И не просто два века, а два века в условиях полиса, наиболее динамично развивавшегося из всех, какие имелись в Элладе. Были реформы Клисфена, был взлет афинской демократии... Изменились буквально все реалии. Даже если брать, скажем, аспект «презренного металла»: цены в Афинах за этот срок – чуть меньше 200 лет – выросли раз в десять (если исходить из стоимости быка). А между тем в ряде солонических законов упоминались драхмы⁵², с указанием

⁵⁰ Ее инициатором с наибольшей вероятностью следует признать Ферамена (Суриков И. Е. Изучение древнегреческого публичного права в античной юридической науке: первые шаги // Древнее право. 2006. № 1 (17). С. 26–36). О личности и деятельности Ферамена в целом см.: Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М., 2011. С. 210 сл.

⁵¹ Суриков И. Е. Древнегреческие надписи классической эпохи как памятники исторической мысли // Вопросы эпиграфики. М., 2013. Вып. 7. Ч. 1. С. 399 сл.

⁵² Kroll J. H. Silver in Solon's Laws // Studies in Greek Numismatics in Memory of M. J. Price. L., 1998. P. 225–232; Kroll J. H. The Monetary Use of Weighed Bullion in Archaic Greece // The Monetary Systems of the Greeks and Romans. Oxf., 2008. P. 12–37.

их конкретного количества (в качестве размера штрафов, наград и т. п.). Эти цифры просто не могли не подвергнуться самой серьезной корректировке.

Что же получилось в итоге? Фактически – новый свод законов, по которому Афины с тех пор и жили. Назывался этот свод по традиции «законами Солона», и именно так на него ссылаются ораторы IV в. до н. э., когда они к нему апеллируют. Но нужно понимать, что к самому Солону он теперь уже имел скорее косвенное отношение. В него входили законы, имевшие по большей части «солоновское» ядро, но впоследствии претерпевшие значительные изменения и до нас дошедшие (посредством тех же ораторов IV в. до н. э.) уже в таком «модифицированном» виде⁵³. Причем сами аттические мастера красноречия на эти изменения, по большому счету, не обращали большого внимания⁵⁴ и, повторим, по-прежнему цитировали законы как солоновские. В каком-то смысле правомерно неоднократно делавшееся наблюдение⁵⁵, что выражение «законы Солона» в какой-то момент стало обозначать фактически то же, что «законы Афин», *corpus iuris Atheniensium*.

Да и в целом, как неоднократно отмечалось, Солону в эпоху афинской демократии было приписано немало мер, с которыми он не имел ничего общего⁵⁶. Ведь его личность и деятельность мифологизировалась ничуть не в меньшей степени, чем это можно сказать о других раннегреческих законодателях⁵⁷.

⁵³ Scafuro A. C. Identifying Solonian Laws // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 175–196.

⁵⁴ Редкое исключение: Lys. X. Эта речь («Против Феомнеста») специально посвящена разбору (в казуистических целях) лексики «древних законов Солона» (νόμους τοὺς Σόλωνος τοὺς παλαιούς). Лисий, несомненно, еще отличал эти древние, аутентичные законы от «новых законов Солона», поскольку законодательная реформа проходила на его памяти. А вот ораторы, жившие несколькими десятилетиями позже (Демосфен, Эсхин, Гиперид...), в эти тонкости уже не вникали. Они цитировали узаконения, являвшиеся действующими на момент произнесения их речей, при этом называвшиеся «законами Солона», и у них не было ровно никакого мотива проводить исследование на тему, в каком отношении данные узаконения находятся к аутентичным законам самого Солона.

⁵⁵ Ehrenberg V. From Solon to Socrates. L., 1968. P. 68–69; Murray O. Early Greece. 2 ed. L., 1993. P. 184.

⁵⁶ См., например: Mossé C. Comment s'élabore un mythe politique: Solon, «père fondateur» de la démocratie athénienne // Annales: économies, sociétés, civilisations. 1979. Vol. 34. No. 3. P. 425–437; Hansen M. H. Solonian Democracy in Fourth-Century Athens // Classica et mediaevalia. 1989. Vol. 40. P. 71–99; Rhodes P. J. «Alles eitel gold»? The Sixth and Fifth Centuries in Fourth-Century Athens // Aristote et Athènes. P., 1993. P. 53–64. Ср.: Gehrke H.-J. The Figure of Solon in the *Athênaiôn Politeia* // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 276–289 (в несколько ином ракурсе).

⁵⁷ См. по этому вопросу: Ruschenbusch E. ΠΑΤΡΙΟΣ ΠΟΛΙΤΕΙΑ. Theseus, Drakon, Solon und Kleisthenes in Publizistik und Geschichtsschreibung des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr. //

Соответственно, в связи с практически любым законом, который тот или иной оратор (да и не только оратор) связывает с именем Солона, не будет праздным вопрос: является ли он действительно солоновским?

Лучшим на сегодняшний день изданием текстов источников о законодательстве Солон и поныне остается то, которое в 1960-х гг. было предпринято Эберхардом Рушенбушем⁵⁸. У него, впрочем, есть как свои сильные, так и слабые стороны⁵⁹. К первым, бесспорно, следует отнести критический подход, который наличествует в этом издании в несравненно большей степени, нежели в вышедшем примерно тогда же своде свидетельств о Солоне, подготовленном А. Мартиной⁶⁰.

А с другой стороны, серьезно препятствует полноценной работе с трудом Рушенбуша следующее обстоятельство. Немецкий ученый сопровождал собранные им тексты лишь немногочисленными, кратчайшими примечаниями, пообещав, что вскоре последует отдельным томом детальный комментарий. Такой комментарий, что и говорить, стал бы чрезвычайно полезным подспорьем для специалистов. Но исследователь увлекся иными сюжетами...⁶¹

Э. Рушенбуш, повторим, предельно строг, даже жесток в отборе свидетельств. Если то или иное вызывает у него хоть какую-то долю недоверия в плане своей аутентичности, он хотя и включает его в свой свод, но лишь в его заключительный раздел, характерно озаглавленный «*Falsches, Zweifelhafes, Unbrauchbares*» (это означает, что содержащимся в нем материалом

Historia. 1958. Bd 7. Ht. 4. S. 398–424; *Szegeedy-Maszak A.* Legends of the Greek Lawgivers // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1978. Vol. 19. No. 3. P. 199–209.

⁵⁸ *Ruschenbusch E.* ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ...

⁵⁹ См. о них: *Scafuro A. C.* Op. cit.

⁶⁰ *Martina A.* Solone: Testimonianze sulla vita e l'opera. R., 1968.

⁶¹ Как раз в этот период Э. Рушенбуш особенно много интенсивно писал по разнообразным вопросам, связанным с афинским правом, законодательством, судопроизводством. Кроме вышеупомянутых его работ, см. также: *Ruschenbusch E.* ΦΟΝΟΣ. Zum Recht Drakons und seiner Bedeutung für das Werden des athenischen Staates // Historia. 1960. Bd 9. Ht. 2. S. 129–154; *Ruschenbusch E.* ΔΙΑΤΙΘΕΣΘΑΙ ΤΑ ΕΑΥΤΟΥ. Ein Beitrag zum sogenannten Testamentsgesetz des Solon // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. 1962. Bd 79. S. 307–311; *Ruschenbusch E.* Ἠλικία. Die Tradition über das solonische Volksgericht // Historia. 1965 Bd 14. Ht. 3. S. 381–384; *Ruschenbusch E.* Untersuchungen zur Geschichte des athenischen Strafrechts. Köln; Graz, 1968; *Ruschenbusch E.* Über das Bodenrecht im archaischen Athen // Historia. 1972. Bd 21. Ht. 4. S. 753–755; *Ruschenbusch E.* Die Quellen zur älteren griechischen Geschichte: Ein Überblick über den Stand der Quellenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Belange des Rechtshistorikers // Symposium 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 67–77.

пользоваться не рекомендуется). Этот раздел очень велик, в него вошли более трети всех собранных издателем источниковых пассажей⁶².

Следует сказать, что не все антиковеды, занимающиеся солоновским законодательством, столь же ригористичны, как Рушенбуш, для которого существуют только две категории свидетельств об этом законодательстве: достоверные и недостоверные. Более мягкий подход предложила, например, А. Скафуро в статье, на которую мы выше уже ссылались. По мнению этой исследовательницы, с полным основанием можно (и даже необходимо) выделить еще и третью категории. К ней будут относиться законы, в основе своей восходящие к Солону, а впоследствии изменившиеся. Однако изначальная их форма может быть все-таки с большей или меньшей детализацией восстановлена посредством скрупулезной аналитической работы с текстами свидетельств.

Допускаем, что у Скафуро есть достаточно серьезные резоны отстаивать свой тезис. Тем не менее в интересах максимальной «чистоты анализа» мы все-таки в дальнейшем изложении будем стараться ограничиваться теми законами, которые признал аутентичными Рушенбуш.

Начнем рассмотрение с интересного цикла законов, трактующих о совратителях, насильниках, проститутках и о прочих сопряженных вопросах. Ключевым для данной темы является сообщение Плутарха:

Солоновы законы о женщинах, вообще говоря, кажутся во многом нелепыми. Тому, кто застанет любовника своей жены⁶³ на месте преступления, он дал право его убить; а тот, кто похитит свободную женщину и изнасилует ее, карается штрафом в сто драхм. Если кто занимается сводничеством, – штраф в двадцать драхм; исключение он сделал только для женщин, которые «ходят открыто»⁶⁴, – Солон разумеет гетер, потому что они открыто ходят к тем, кто платит деньги. Далее,

⁶² *Ruschenbusch E.* ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ... S. 103–126. Сюда вошли свидетельства F94–F152. Что же касается разделов, включающих те солоновские законы, которые Рушенбуш признает аутентичными (свидетельства F1–F93), то они даже во всей своей совокупности (*Ibid.* S. 70–103) лишь слегка превышают по объему этот последний раздел.

⁶³ Собственно, речь идет о μοιχός – прелюбодее, совратителе. См. к вопросу об этой категории: *Cantarella E.* Moicheia. Reconsidering a Problem // Symposium 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 289–296.

⁶⁴ Πεφασμένως πωλοῦνται – *terminus technicus*, встречающихся и у других авторов (*Lys.* X. 19; *Demosth.* LIX. 67), которые, впрочем, скорее всего апеллируют к тому же самому закону. Строго говоря, πωλοῦνται может быть формой как от πωλεῖσθαι (‘ходят, захаживают’), так и от πωλέω (‘торгуют собой’). Второй вариант нам бы, пожалуй, представлялся даже предпочтительным, но мешает то, что и Лисий (в вышеуказанном месте), и Плутарх (в пассаже, который сейчас разбирается) исходят при интерпретации все-таки из первого.

он запрещает продавать⁶⁵ и дочерей, и сестер, если только девушку не уличат в преступной связи с мужчиной. Наказывать за один и тот же поступок то с неумолимой строгостью, то с благодушной шуткой, назначая какой попало денежный штраф, неразумно; впрочем, ввиду тогдашней редкости монеты в Афинах, трудность доставать деньги делала денежный штраф тяжелым (Plut. Sol. 23)⁶⁶.

Что интересно, последнее суждение в целом верно – если не считать той детали, что в солововских Афинах монета вообще еще не чеканилась, а ходили домонетные деньги (уже вполне выполнявшие все основные функции денег), но об этом Плутарх не мог знать, об этом не знал даже Аристотель. Следует подчеркнуть, что штраф, например, в сто драхм в те времена представлял собой огромную сумму (эквивалент стоимости двадцати быков!) и, нужно полагать, мало кому под силу было его выплатить⁶⁷. Но в первую очередь нас должны интересовать все-таки не умозрительные соображения херонейского биографа, а данные о том цикле законов, который он тут осветил.

Некоторые другие античные авторы добавляют к сведениям Плутарха кое-какую дополнительную информацию. Так, Гесихий указывает, что для обозначения изнасилования в законах Солон употреблялся глагол βινεῖν (Hesych. s.v. βινεῖν). Что же касается преступления прелюбодеяния, то еще из нескольких поздних источников мы узнаём об обстоятельствах, при которых μοιχός мог быть безнаказанно убит. Это дозволялось в случае, если он был захвачен ἐν ἔργῳ (Dig. XLVIII. 5. 24), а именно – ἀρθρα ἐν ἀρθροῖς ἔχων (Lucian. Eun. 10).

А если говорить об упомянутом запрете πωλεῖν дочерей и сестер, Э. Русенбуш⁶⁸ сопоставляет это место с другим из той же биографии Плутарха, где последний рассказывает о тяжелом положении демоса накануне солововских реформ (Plut. Sol. 13): «Многие вынуждены были продавать (πωλεῖν) даже собственных детей (никакой закон не воспрещал этого) и бежать из отечества из-за жестокости заимодавцев». Иными словами, речь идет о продаже

⁶⁵ Πωλεῖν – здесь, по всей видимости, имеются как раз своднические действия по отношению к упоминаемым далее лицам. Речь идет не о продаже «раз навсегда» (скажем, в наложницы), а именно о проституировании (употребление презенсного, а не аористного инфинитива, кажется, подтверждает это).

⁶⁶ «Солон» Плутарха здесь и далее цитируется в переводе С. И. Соболевского.

⁶⁷ О штрафах в солововских Афинах см.: *Туманс Х.* Еще раз об аристократизме и «буржуазности» Солон // ВДИ. 2007. № 2. С. 24–25 (неверный, на наш взгляд, тезис); *Суриков И. Е.* Еще раз о законодательствах Драконта и Солон в Афинах (полемиические заметки). Ч. II // Из истории античного общества. Нижний Новгород, 2009. Вып. 12. С. 26–27 (полемика с этим тезисом).

⁶⁸ *Ruschenbusch E.* ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ... S. 78–79.

в обеспечение долга⁶⁹. С мнением немецкого исследователя, пожалуй, можно согласиться.

Обратимся к определению общего характера цикла законов Солон, о котором идет речь. На первый взгляд, в нем вроде бы присутствуют элементы защиты прав женщин⁷⁰. Но если всмотраться пристальнее, это впечатление оказывается превратным. В действительности цель большинства вышеприведенных узаконений – защитить как раз права *мужчины*, гражданина-собственника, а женщина выступает не более чем в роли той самой собственности, право на которую охраняется здесь от посягательств. Бесспорно, интересной чертой выглядит назначение более сурового наказания за соращение женщины, чем за ее изнасилование⁷¹.

Впрочем, и здесь ситуация несколько сложнее, чем может представиться. Строго говоря, для застигнутого с поличным *μοιχός* Солон не то чтобы предписывает какое-то наказание, а просто включает его убийство мужем соращенной в категорию дозволенных (оправданных) убийств, не влекших за собой ответственности. К этой категории в классическую эпоху, в частности, относились⁷²: убийство при самообороне против грабителя; убийство лица, участвующего в перевороте с целью свержения демократии или занимающего государственную должность после такого свержения; убийство ночного вора; случайное убийство во время спортивных состязаний; случайное же убийство согражданина на войне; смерть, наступившая в результате лечения (врач считался свободным от вины). Как можно видеть, со времен Солон в данный перечень входило и убийство любовника жены, пойманного *in flagrante*. Известны случаи, когда к этой норме апеллировали в реальных судебных процессах (наиболее знаменит тот, в связи с которым написана I речь Лисия «Об убийстве Эратосфена»).

Говорится о женщинах также и в той части солоновского свода законов, которая посвящена наследственному праву. Тут в первую очередь приходится процитировать опять же Плутарха⁷³:

⁶⁹ Об острой ситуации с долговым вопросом в досолоновских Афинах см.: *Суриков И. Е.* Досолоновские «шестидольники» и долговой вопрос в архаических Афинах // ВДИ. 2007. № 3. С. 28–46.

⁷⁰ В некоторой степени подобная позиция прослеживается в работе: *Lape S.* Op. cit.

⁷¹ К толкованию этого пассажа см.: *Flacelière R.* Op. cit. P. 122–123.

⁷² Почти исчерпывающий перечень см. в книге: *Bonner R. J., Smith G.* The Administration of Justice from Homer to Aristotle. Chicago, 1938. Vol. 2. P. 203.

⁷³ О важности плутарховой биографии Солон как источника см.: *Piccirilli L.* Commento // *Plutarcho. La vita di Solone* / M. Manfredini, L. Piccirilli (a cura di). R., 1977. P. 107–284; *Blois L. de.* Plutarch's Solon: A Tissue of Commonplaces or a Historical Account? // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches.* Leiden; Boston, 2006. P. 429–440.

Солон прославился также законом о завещаниях⁷⁴. До него не было позволено делать завещания; деньги и дом умершего должны были оставаться в его роде; а Солон разрешил тем, кто не имел детей, отказывать свое состояние, кому кто хочет, отдавая преимущество дружбе перед родством, любви перед принуждением, и сделал имущество действительной собственностью владельца. Но, с другой стороны, он допустил завещания не во всех случаях, а лишь в тех, когда завещатель не находился под влиянием болезни или волшебного зелья, не был в заключении и вообще не был вынужден какой-либо необходимостью или, наконец, не подпал под влияние какой-либо женщины (Plut. Sol. 21).

К процитированному здесь переводу С. И. Соболевского у нас, честно признаемся, немало претензий. Прославленный филолог-классик не уделил, в сущности, ни малейшего внимания юридической стороне текста. Для историка античного права важно точное значение едва ли не каждого слова, а Соболевский, например, переводит одно и то же существительное ἀνάγκη то как ‘принуждение’, то как ‘необходимость’. Далее, χρήματα было бы уместнее перевести ‘имущество’, а не «деньги». «Отказывать» для греческого δοῦναι – тоже не оптимальный вариант, лучше было бы ‘завещать’, поскольку отказ (легат) – это несколько иное действие наследодателя. Χάρις – конечно, ‘благодарность’, а все-таки не «любовь». Для обозначения разных оттенков любви у древних греков было более чем достаточно слов⁷⁵, от ἔρως до στοργή, но χάρις среди них никак не числится. Не в восторге мы от перевода φαρμάκων как ‘волшебного зелья’ (имеется в виду в данном случае, конечно, приворотное зелье, а волшебных зелий, равно как и чего бы то ни было волшебного, в нашей суровой реальности не бывает, мы не живем в мире Гарри Поттера) или δεσμών как ‘заключения’. Заключение (т. е. тюремное заключение, или арест) – очень строгий термин; здесь предпочтительнее было бы говорить о «лишении свободы» (приведенная лексема, если брать ее в самом буквальном смысле, указывает на то, что некто был связан или скован).

С другой стороны, передача выражения τὰ χρήματα κτήματα τῶν ἐχόντων ἐποίησεν через ‘сделал имущество действительной собственностью владельца’ нам кажется удачной и, пожалуй, вносит некоторые нюансы в то,

⁷⁴ Между прочим, данный закон Солон – вообще самый ранний древнегреческий закон о завещаниях (или, во всяком случае, самый ранний, о котором сохранились какие-либо сведения): Asheri D. Op. cit. P. 7. Об этом законе см. также: Ruschenbusch E. ΔΙΑΤΙΘΕΣΘΑΙ ΤΑ ΕΑΥΤΟΥ...; Cataudella M. Intorno alla legge di Solone sul testamento // Iura. 1972. Vol. 23. Fasc. 1. P. 50–66; Humphreys S. C. Solon on Adoption...

⁷⁵ Суриков И. Е. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М., 2012. С. 236.

что мы сравнительно недавно⁷⁶ писали о понятии собственности в древнегреческом праве (вопрос требует отдельного рассмотрения). Но в контексте данной работы ключевой, конечно, является последняя формулировка в вышеприведенном пассаже: завещание не было действительным, если завещатель действовал, будучи *γυναικὶ πειθόμενος*. Иными словами, тут заведомо предполагается, что влияние женщины может быть только дурным. Можно догадаться, что речь здесь идет о ситуации, не понаслышке знакомой многим и в наше время: старик-муж, бросив первую жену и уйдя от нее к молодой любовнице, завещает свое состояние ей – и, естественно, под ее же воздействием. Другое дело, что в соловских Афинах такое было возможно только в случае бездетности (*εἰ μὴ παῖδες εἶεν αὐτῷ*!) гражданина, оставляющего завещание.

Формулировка *γυναικὶ πειθόμενος*, восходящая, как мы видели, к Солону, нередко в источниках, освещающих афинские правовые реалии. Чрезвычайно интересно, в частности, свидетельство Аристотеля (в «Афинской политике»), хотя оно и относится к режиму «Тридцати тиранов» (404–403 гг. до н. э.). Это олигархическое правительство, пишет Стагирит, отменило

... из законов Солон те, которые возбуждали спорные толкования... Например, закон о праве каждого отдать свое имущество, кому он пожелает, они утвердили безусловно, а осложняющие дело оговорки к нему – «буде он не лишился рассудка, не выжил из ума от старости или не подпал под влияние женщины (*γυναικὶ πειθόμενος*)» – отменили... (Arist. Ath. pol. 35. 2; пер. С. И. Радцига).

С чем была связана данная поправка, внесенная «Тридцатью тиранами», – ныне можно только догадываться (в любом случае после восстановления демократии она вновь была отменена). Для нас важно то, что Аристотель, говоря о ней, привел и исходное соловское положение. Оно же, кстати, встречается и еще в одном трактате Плутарха («Римские вопросы»): упоминается, что Солон «узаконил дары по завещанию, кроме тех, что вынуждены необходимостью или выпрошены женой (*γυναικὶ πειθόμενος*)» (Plut. Mor. 265e; пер. Н. В. Брагинской). Впрочем, мы, в отличие от переводчицы, не считаем, что речь здесь идет обязательно о жене. Несомненно, имеется в виду вообще любая женщина (определенного артикля при *γυναικὶ* в соловском выражении нет).

Наконец, нельзя не привести в данной связи и закон, включенный в одну из речей демосфеновского корпуса:

Все, кроме тех, кто были усыновлены ко времени вступления Солон в должность архонта и вследствие этого были лишены права отказа от наследства и возбуждения судебных претензий по вопросам наследства, – все, кроме этих людей,

⁷⁶ Суриков И. Е. Некоторые замечания о понятии собственности в древнегреческом праве // Древнее право. 2013. № 3 (28). С. 14–22.

могут завещать свое имущество кому захотят, если у них нет законных детей мужского пола, буде они не впали в безумие под влиянием старости, снадобий или болезней и не действуют под влиянием женщины (*γυναικὶ πειθόμενος*), безумствуя по одной из этих причин, или если их не принудили силой или лишением свободы (Demosth. XLVI. 14; пер. М. Н. Ботвинника и А. И. Зайцева).

Э. Рушенбуш в своей подборке свидетельств об интересующем нас законе именно это ставит на первое место⁷⁷. Оно и действительно выглядит наиболее подробным и детальным, то есть вроде бы максимально адекватно передает содержание закона. Более того, оно, собственно, подается как сам его аутентичный текст, а такая формулировка, как «ко времени вступления Солон в должность архонта», должна указывать на то, что таковым оно и является.

Однако всё опять же несколько сложнее. К законам, которые содержатся в судебных речах аттических ораторов, отношение у специалистов неоднозначное. Обычно считаются более заслуживающими доверия те пассажи этих памятников, в которых имеет место пересказ, а не прямая цитата. Это связано с одной особенностью практики афинского судопроизводства. Если нужно было дословно огласить закон, то сам выступающий этого не делал, а представлял слово секретарю; вода в клепсидре на время зачитывания закона приостанавливалась.

Соответственно, законы как таковые в текст речей их авторами-логографами при издании не включались. В рукописной традиции в таких случаях либо просто стоит *NOMOS*, либо же вписан какой-нибудь закон, в аутентичности которого никакой уверенности нет: весьма велика вероятность, что тут «постарались», заполняя лакуны, представители последующих поколений – в риторических школах, в Александрийской библиотеке, в многовековом процессе формирования рукописной традиции... А вот если закон у оратора пересказан – значит, это органичная часть речи и никаких домислов в дальнейшем возникать не должно было.

В данном случае перед нами цитата, и кто поручится за то, что это не «псевдоцитата»? Как бы то ни было, перед нами вновь пресловутое выражение *γυναικὶ πειθόμενος*. Итак, от женщины ничего, кроме вреда, ожидать нельзя даже в вопросах наследственного права, и законодатель как бы подстраховывается. Подобный подход, не приходится сомневаться, связан с с маргинализацией женщин в эллинском полисном социуме, с базовым взглядом на саму суть их «природы». Женщина для греков – существо, принадлежащее скорее к миру Хаоса, чем к упорядоченному мужскому Космосу⁷⁸. Она – игрушка страстей

⁷⁷ *Ruschenbusch E. ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ... S. 86.*

⁷⁸ Этот момент, на наш взгляд, наиболее удачно оттенен в монографии: *Just R. Op. cit. P. 217 ff.*

и эмоций, которые решительно преобладают у нее над разумом, между тем как в норме все должно быть наоборот. Так что ни до чего хорошего она мужчину не доведет.

Перейдем к солоновским узаконениям, касающимся эпиклер и эпиклерата⁷⁹. Этот последний институт был обусловлен отсутствием имущественных прав у афинских женщин, которые, соответственно, не могли наследовать в том числе и после своих ближайших родственников, даже родителей. В том случае, если по смерти гражданина у него не оказывалось сына, а только дочь, и использовался эпиклерат. Эпиклера (ἐπικληρος), что часто переводят как 'дочь-наследница', в действительности как раз наследницей-то в точном смысле слова и не являлась. Фактически она являлась лишь «передатчицей» отцовской собственности следующему владельцу. Сам соответствующий термин может быть описательно переведен как «приложенная к наследству».

Преимущественное право женитьбы на такой девушке имел ее ближайший родственник по отцу, например, дядя или двоюродный брат (родственников более близкой степени у эпиклеры не могло быть по определению). Он-то и получал вместе с нею все наследство. Столь близкородственные браки греков ни в малейшей степени не тревожили и считались совершенно нормальными; их больше волновало, как бы имущество вместе с эпиклерой не ушло из рода в «чужие» руки (собственно, именно по этой причине и был введен эпиклерат). Разумеется, если эпиклера была бедной и интереса с материальной точки зрения не представляла, ближайший родственник, как правило, отказывался от своего преимущественного права (особенно если он был уже женат, поскольку полигамии классическое греческое право не признавало и, чтобы вступить в брак с эпиклерой, нужно было расторгнуть предыдущий). И тогда девушку брал в жены кто хотел, а если никто не хотел – то «отказник» должен был обеспечить ее хотя бы минимальным приданым, чтобы облегчить ее замужество; иными словами, право оборачивалось для него обязанностью – нормальная диалектика в полисных условиях.

Афинское законодательство об эпиклерах, насколько можно судить, тоже восходит именно к Солону. Разбирая введенные им нормы, в очередной раз приходится опираться в первую очередь на данные Плутарха. Перед тем как процитировать соответствующий пассаж, совершенно необходимо оговорить:

⁷⁹ Об эпиклере см.: *Jones J. W.* The Law and Legal Theory of the Greeks: An Introduction. Oxf., 1956. P. 179–181; *Karabelias E.* L'épiclérate dans la comédie nouvelle et dans les sources latines // *Symposion 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte* / Hrsg. von H. J. Wolff. Köln, 1975. S. 215–254; *Глушкина Л. М.* Социальные институты, экономические отношения и правовая практика в Афинах IV в. до н. э. по судебным речам Демосфеновского корпуса // *Демосфен. Речи в трех томах.* М., 1994. Т. 2. С. 418–420.

в переводе С. И. Соболевского ἐπίκληρος повсюду передается как «богатая сирота». Мы прекрасно понимаем, что невозможно найти прямое русское соответствие для этого греческого термина (ввиду отсутствия у нас соответствующей реалии); так, может быть, и стоило просто написать «эпиклера», а в примечании разъяснить, о чем идет речь? Ведь поступаем же мы так в случаях со словами «гоплит», «остракизм», «триера», да во множестве других случаев. Иначе складывается какая-то совсем уж превратная картина: эпиклера в действительности – не всякая сирота, а только не имеющая родных братьев, и, далее, она совершенно не обязательно должна была быть богатой.

Итак, что же сообщает Плутарх?

Нелепым и смешным кажется закон, позволяющий богатой сироте (τῇ ἐπικλήρῳ), в случае неспособности ее мужа⁸⁰ (который в силу закона выступает ее опекуном) к брачному сожителству, вступить в связь⁸¹ с кем-либо из ближайших родственников мужа. Некоторые находят, что и этот закон установлен правильно: а именно, против мужчин, не способных к брачному сожителству, но женившихся на богатых сиротах (ἐπικλήρους) из-за денег и на основании закона производящих насилие над природой...⁸² Хорошо еще и то, что богатой сироте (τὴν ἐπικλήρον) было дано право выбирать себе любовником не всякого, а только одного из родственников мужа, чтобы ребенок был близок по крови ее мужу и происходил из одного с ним рода (Plut. Sol. 20).

В сущности, из сказанного уже четко видно, что Солон заботится отнюдь не об эпиклере, не о ее нуждах, а о продолжении рода, о том, чтобы женщина этого статуса дала потомство. Именно потому, конечно же, им принимаются меры, препятствующие браку эпиклеры со старым и бесплодным или импотентным мужем. Аналогичная направленность и у нескольких сопряженных законов. Анализируя их далее, нужно будет, как и раньше, проводить грань между солоновскими установлениями как таковыми и плутарховым морализаторством по их поводу.

⁸⁰ Строго говоря, речь идет не о муже как таковом, а о том самом ближайшем родственнике эпиклеры (о нем говорилось выше), который в силу этого являлся ее опекуном (κύριος) и имел преимущественное право взять ее в жены.

⁸¹ Имеется в виду, собственно, законный брак (ὀπύεσθαι), а не любая связь. Речь идет о том, что жениться на эпиклере получал право кто-либо из ближайших родственников опекуна. См.: *Ruschenbusch E. ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ...* S. 89 – против ошибочных пониманий глагола ὀπύειν, со ссылкой на: *Hesych. s.v. βινεῖν*.

⁸² Эта фраза – явно оценочное суждение самого Плутарха. Солон еще не мог мыслить в категориях дихотомии «закон – природа», которая появляется в древнегреческом дискурсе начиная с софистов.

Сюда же относится и закон, по которому невесте перед тем, как запереть ее с женихом, давали поестъ айвы⁸³, а также и то, что муж богатой сироты (τῇ ἐπικλήρῳ) должен иметь свидание с нею по крайней мере три раза в месяц. Если даже не родятся от этого дети, то все-таки это со стороны мужа по отношению к целомудренной жене есть знак уважения и любви; это рассеивает многие неудовольствия, постоянно накапливающиеся, и не дает ей совершенно охладеть к мужу из-за ссор с ним. Что касается других браков, то Солон уничтожил обычай давать приданое (τὰς φερνὰς) и разрешил невесте приносить с собою только три гиматия и вещи из домашней обстановки небольшой ценности – больше ничего. По его мысли, брак не должен быть каким-то доходным предприятием или куплей-продажей; сожителство мужа с женой должно иметь целью рождение детей, радость, любовь (Plut. Sol. 20).

Вполне четко видно, что из четырех фраз процитированного отрывка релевантную информацию о солоновском законодательстве можно почерпнуть только из первой и третьей; что же касается второй и четвертой, то они представляют собой комментарии и размышления Плутарха – человека, жившего в совершенно иную эпоху, в том числе и с точки зрения гендерной ситуации. Афиняне архаической (да еще и классической, ср.: Demosth. LIX. 122) эпохи применительно к браку не мыслили в таких категориях, как «радость» или «любовь», а главной целью брачных уз считали порождение законных детей. Именно такое отношение отразилось, как мы видели, и в солоновской элегии о «седмицах человеческой жизни» (Sol. fr. 19 Diehl).

Разумеется, именно в интересах появления потомства (а в случаях с эпиклерами рождение детей-мальчиков было особенно насущным: пока их не было, полноценное продолжение рода не обеспечивалось) Солон устанавливает и некие минимальные лимиты совокуплений между мужем и женой (не менее трех раз в месяц). Кстати, тот же Плутарх в другом месте (Plut. Mor. 769a) относит эту норму не только к мужу эпиклеры, но и к мужу вообще любой жены. Правда, Э. Рушенбуш считает, что нужно исправить γαμετῇ на ἐπικλήρῳ⁸⁴, но нам тут трудно с ним согласиться⁸⁵: эмendaция выглядит слишком уж тяжелой.

Интересны и сведения об отмене Солоном приданого, кроме самых минимального. Если такой закон был им действительно издан, то он явно не прижился. Прекрасно известно, что в классическую эпоху афиняне, выдавая

⁸³ Несомненно, здесь Солон законодательно фиксирует некий архаичный обычай, цель которого, как легко догадаться, заключался в обеспечении магическими средствами плодovitости новобрачной.

⁸⁴ Ruschenbusch E. ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ... S. 88.

⁸⁵ Ср.: Суриков И. Е. Геродот о древнегреческих законах // Древнее право. 2008. № 1 (21). С. 22.

дочерей замуж, всегда давали за ними приданое, причем отнюдь не являвшееся символическим, а выражавшееся либо в крупной денежной сумме, либо в недвижимости. «Не ударить лицом в грязь» тут было воистину делом престижа; многие граждане, стремясь блеснуть приданым, набирали долгов, а то и чуть ли не разорялись.

Не можем хотя бы вкратце не коснуться резкого контраста, существовавшего в данном вопросе между гомеровским раннеполисным обществом и обществом классического полиса. В первом жених давал выкуп ($\xi\delta\nu\alpha$) родителям невесты, чтобы получить ее в жены. Во втором случае – всё наоборот: жених получал от родителей невесты вместе с ней приданое ($\pi\rho\omicron\iota\xi$)⁸⁶. Девушку, не имевшую приданого, выдать замуж было весьма непросто, и уж во всяком случае достойное брачное партнерство ее не ожидало.

Просто-таки бросается в глаза различная позиция невесты в двух описанных ситуациях. У Гомера, в описанном им аристократическом мире, невеста – предмет желания; в каком-то отношении, конечно, вещь, которая «покупается», но все же вещь дорогая, ценная, и за нее щедро платят. Как нам кажется, в прямой связи с подобной практикой стоят образы гомеровских женщин: все эти Елены и Клитемнестры, Пенелопы и Навсикаи... Это зачастую сильные характеры, они знают себе цену. Женщины и даже девушки в «Илиаде» и «Одиссее» наделены относительной свободой. Достаточно вспомнить эпизод с царевной Навсикаей, которая вместе со своими служанками (без всякого сопровождения мужчин!) отправляется к морю стирать белье и там встречается с Одиссеем, вынесенным на берег после кораблекрушения. В классической Греции подобный эпизод – незамужняя девушка, оставленная без присмотра и вступающая в контакт с незнакомым мужчиной, – был бы просто заведомо невозможен. В классическом полисе невеста – уже не ценность, а, напротив, некое «бесплатное приложение» к приданому; именно это последнее преимущественно принимается во внимание, когда идет речь о заключении брака.

Солон, как можно увидеть, находится в условиях промежуточной ситуации между двумя вышеописанными практиками и как бы на распутье. Видимо, в его времена обычай, требовавший выкупа, «калыма» за невесту, отмирал, а обычай, требовавший приданого (которое у Солона обозначается термином $\phi\epsilon\rho\nu\eta$), зарождался. Законодатель с ним в меру сил боролся, но кончилось все тем, что афиняне, отнюдь не отказавшись от приданого, стали просто означать его словом $\pi\rho\omicron\iota\xi$, обозначавшим ‘дар, подарок’ (хотя с юридической точки зрения приданое даром отнюдь не являлось и возвращалось мужем в семью жены в случае его развода с ней или же смерти женщины, если она к тому времени еще не успела родить детей).

⁸⁶ См. об этой эволюции: *Vernant J.-P. Myth and Society in Ancient Greece*. Brighton, 1980. P. 45–68.

Солоновские законы об эпиклерах (оговорим это, дабы уже закрыть вопрос о них) наличествуют также в корпусе Демосфена (Demosth. XLVI. 18; 20), однако выше уже отмечалось, что ценность подобных цитат у многих исследователей вызывает серьезные сомнения; соответственно, лучше их и не касаться, тем более что никакого нового света на интересующую нас проблематику они не проливают.

Из уложений Солонa, имеющих гендерную окраску, вне сомнения, следует упомянуть еще и те, которые регулировали погребальную обрядность. Но тут мы о них именно что только упомянем и, поскольку подробнее писали о них в более ранних работах⁸⁷ (там же нами приведены и все основные свидетельства источников об этих законах, поэтому повторять их тоже не будем), просто в нескольких словах резюмируем те итоги этих исследований, которые соотносятся с тематикой данного.

Едва ли не большинство соловских погребальных предписаний (носивших ярко выраженный ограничительный характер) касаются участия женщин⁸⁸. Это должно стоять в связи с тем же самым общим восприятием женщины в мире греческого полиса, о котором уже говорилось выше. Напомним, в женщине греки, в том числе и в архаическую эпоху, видели средоточие сил хаоса, чуждое гармоничному порядку благоустроенного полиса. Женщина для них воплощала собой нечто стихийное, хтоническое. Соответственно, ее жизнь должна была подвергаться наибольшему количеству разнообразных ограничений и регуляций. Это проявлялось во многом, в частности в том, что в ряде полисов создавались коллегии специальных должностных лиц – гинекономов, призванных следить за поведением женщин, пресекая их чрезмерную «распушенность». Интересно, что в Афинах коллегию гинекономов ввел в конце IV в. до н. э. Деметрий Фалерский⁸⁹, который упорядочивал также и погребальные обряды. Очевидно, две сферы – сфера женского бытия и сфера смерти – лежали в непосредственной близости друг от друга, можно сказать, соприкасались. Считалось, что женщина по самой своей природе более предрасположена к осквернению⁹⁰.

⁸⁷ Суриков И. Е. Законодательство Солонa об упорядочении...; Суриков И. Е. Проблемы раннего... С. 102 сл.

⁸⁸ Alexiou M. The Ritual Lament in Greek Tradition. L., 1974. P. 16.

⁸⁹ Хабихт X. Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999. С. 61.

⁹⁰ Насколько можно судить, такое мнение связано с тем, что женщина действительно в течение своей жизни несравненно чаще, чем мужчина, находилась в «нечистом» состоянии (в периоды менструаций, при беременности, после родов). См.: Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический эгейский мир. М., 1958. С. 219–222; Sokolowski F. Lois sacrées de l'Asie Mineure. P., 1955. P. 186.

* * *

Настало время подвести определенные итоги. Мы ни в коей мере не будем утверждать, что нами здесь затронуты все законы Солона, которые могли бы подлежать рассмотрению с гендерной точки зрения. Такое и невозможно было бы осуществить в рамках одной главы. Тем не менее та картина, которая предстала перед нами и читателем из проанализированного материала, и рельефна, и достаточно определена, и, кажется, диалектически согласуется с теми данными, которые в первой половине работы были почерпнуты из солоновской поэзии.

Полной «конгруэнтности», конечно, не наблюдается. В стихах афинского мудреца женщина практически и вовсе не присутствует. В его же законах она очень даже присутствует, но в каком качестве? Иными словами, какую «сверхзадачу» несут солоновские меры, относящиеся к «слабому полу»? Уж точно не улучшить положение этого последнего. Напротив – сделать его (при всей важности выполняемых им функций) как можно более незаметным. Позиция Солон уже предвосхищает позицию Перикла: та женщина самая лучшая, о которой всего меньше говорят мужчины (соответствующая цитата из его «Надгробной речи» у Фукидида приводилась в начале главы). Как поэт-законодатель в целом ряде других отношений выступил в качестве деятеля, заложившего фундамент классической афинской демократии⁹¹, так он стал и первым ярким представителем ее гендерной идеологии – по своему характеру⁹² маскулинной и даже гипермаскулинной.

⁹¹ См. детальный анализ его вклада: *Ste. Croix G. E. M. de: Athenian Democratic Origins and Other Essays.* Oxf., 2005. P. 73 ff.; *Raaflaub K. A., Ober J., Wallace R. W. Origins of Democracy in Ancient Greece.* Berkeley, 2007. P. 49 ff.

⁹² Об этом характере (с диахронным анализом) см.: *Суриков И. Е. Динамика гендерной ситуации...*

ДРАХМЫ В ЗАКОНАХ СОЛОНА. I. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ*

В целом ряде законов, вошедших в известный свод¹, который был издан в Афинах Солоном в 594/593 г. до н. э.², фигурируют драхмы. Следует сразу

* Впервые опубликовано в: Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 1 (51). С. 30–56.

¹ По отношению к понятию «свод» («кодекс», «корпус»), подразумевающему нечто единое и целостное (реализацию хорошо продуманного и далеко идущего плана), применительно к архаическим эллинским законодательствам относительно недавно выразил определенный скептицизм К.-Й. Хёлкескамп, один из крупнейших ныне в Европе специалистов по раннему греческому праву (*Hölkeskamp K.-J. Schiedsrichter, Gesetzgeber und Gesetzgebung im archaischen Griechenland. Stuttgart, 1999. Passim; Hölkeskamp K.-J. What's in a Code? Solon's Laws between Complexity, Compilation and Contingency // Hermes. 2005. Bd 133. Ht. 3. S. 280–293*). Он настаивает на том, что не было «кодификации» как таковой (хоть в какой-нибудь мере сравнимой, скажем, с кодификацией Юстиниана), а были конкретные законы и циклы законов, принимавшиеся в связи с ситуативной необходимостью. Пожалуй, этот взгляд в чем-то коррелирует с концепцией М. Гагарина, виднейшего из американских специалистов по раннему греческому праву и автора, на наш взгляд, самой лучшей книги о нем из всех, что существуют в принципе (*Gagarin M. Early Greek Law. Berkeley, 1986*). На всем протяжении этой монографии акцентированно подчеркивается: для архаических эллинских законодателей значительно большее значение имели нормы не «субстанциального», а процессуального права. Являлся ли здесь Солон исключением (его предшественник Драконт таковым явно не был)? Ответственный ответ на вопрос можно было бы дать лишь после его *очень* скрупулезного исследования – и не такого, как у Х. Барты, который, написав о законах Солона более тысячи страниц (*Barta H. «Graeca non leguntur»? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Bd II: Archaische Grundlagen. Tl. 1–2. Wiesbaden, 2011*), как-то умудрился не только не сказать о них ничего нового, но даже и не ознакомиться с основной современной литературой по теме.

² Теория об издании законов Солоном не в год своего архонтата (датировку которого см.: *Develin R. Athenian Officials 684–321 BC. Cambridge, 2003. P. 37*), а несколько позже (то ли на два-три года, то ли на целое десятилетие, а то и на два-три) в свое время набрала было популярность (*Davies J. K. Athenian Propertied Families, 600–300 B.C. Oxf., 1971. P. 323–324; Càssola F. La proprietà del suolo in Attica fino a Pisistrato // Parola del passato. 1973. Vol. 28. P. 75–87; Hammond N. G. L. Studies in Greek History. Oxf., 1973. P. 145–170*;

оговорить, что законы Солон известны нам только из цитат в нарративной традиции³, поскольку по понятным причинам те деревянные артефакты, на которых они были первоначально записаны – кирбы и/или аксоны⁴, – дойти до нас в любом случае не могли. Больше всего цитат из солоновских законов приводит Плутарх в своем жизнеописании интересующего нас выдающегося афинянина. К этой биографии⁵ нам, соответственно, и впредь неоднократно предстоит обращаться.

Чем актуален вопрос о драхмах в законах Солон? Он не просто актуален, а, мы бы сказали, прямо-таки пикантен в связи с тем, что: а) драхма, вообще говоря, – основная древнегреческая монета (и не случайно указания солоновских законов на драхмы все античные авторы классической и последующих эпох понимали однозначно как свидетельство чеканки в Афинах монет уже при

Markianos S. S. The Chronology of the Herodotean Solon // *Historia*. 1974. Bd 23. Ht. 1. S. 1–20; *Sealey R.* Zum Datum der solonischen Gesetzgebung // *Historia*. 1979. Bd 28. Ht. 2. S. 238–241; *Stockton D.* The Classical Athenian Democracy. Oxf., 1991. P. 20; *Stanton G. R.* Athenian Politics c. 800–500 B.C.: A Sourcebook. L.; N. Y., 1991. P. 34; *Panchenko D.* Democritus' Trojan Era and the Foundations of Early Greek Chronology // *Hyperboreus*. 2000. Vol. 6. Fasc. 1. P. 61 ff.), но потом в буквальном смысле «сдулась» (поскольку она не опирается на данные источников) и ныне практически никем не поддерживается.

³ Свод этих цитат, составленный Э. Рушенбушем (*Ruschenbusch E.* ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden, 1966), значительно предпочтительнее того, который примерно в те же годы подготовил А. Мартина (*Martina A.* Solone: Testimonianze sulla vita e l'opera. R., 1968): последний отличается весьма малым уровнем критичности. Именно на свод Рушенбуша мы будем в дальнейшем опираться, пусть даже отдавая себе отчет в том, что и он имеет недостатки (указания на главные из них см.: *Scafuro A. C.* Identifying Solonian Laws // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden; Boston, 2006. P. 175–196).

⁴ Вопрос о кирбах и аксонах более чем скрупулезно изучался в антиковедении (см. хотя бы: *Ruschenbusch E.* ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ... S. 14 ff.; *Stroud R. S.* The Axones and Kyrbeis of Drakon and Solon. Berkeley, 1979; *Robertson N.* Solon's Axones and Kyrbeis and the Sixth-Century Background // *Historia*. 1986. Bd 35. Ht. 2. S. 147–176), но так и не сложилось однозначного мнения о том, идентичны ли эти два типа предметов или нет. Уже античные авторы недоумевали по данному поводу. Ясно, во всяком случае, одно: аксоны упоминаются как в связи с законами Драконта (IG. I³. 104. 10), так и в связи с законами Солон (Plut. Sol. 24 и др.).

⁵ Весьма ценные соображения в пользу достоверности содержащейся в ней информации см.: *Piccirilli L.* Commento // *Plutarcho. La vita di Solone* / M. Manfredini, L. Piccirilli (a cura di). R., 1977. P. 107–284; *Blois L. de.* Plutarch's Solon: A Tissue of Commonplaces or a Historical Account? // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden; Boston, 2006. P. 429–440. На русском языке о данном жизнеописании Плутарха см.: *Аверинцев С. С.* Наблюдения над композиционной техникой Плутарха в «Параллельных жизнеописаниях» («Солон») // *Вопросы классической филологии*. 1965. Вып. 1. С. 160–180; *Суриков И. Е.* «Солон» Плутарха: некоторые источниковедческие проблемы // *ВДИ*. 2005. № 3. С. 151–161.

Солоне); б) на сегодняшний день совершенно несомненно, что во времена Солон (как бы широко ни брать период его деятельности, мы не выйдем за пределы первой половины VI в. до н. э.⁶) монета в Афинах еще не чеканилась.

Как ни странно, оперируя в рамках отечественной историографии, данный факт еще приходится специально подчеркивать и доказывать. Дело в том, что в нашем антиковедении и в 1990-х, и даже в 2000-х гг. нередко встречались работы, авторы которых (ссылаясь, как правило, на Ч. Селтмана⁷) ничтоже сумняшся рассуждали о солоновской и досолоновской афинской чеканке⁸.

Книга Селтмана «Афины, их история и чеканка до персидского нашествия», вышедшая почти век назад, к сожалению, и поныне остается последним по времени специальным монографическим исследованием самых ранних стадий монетного дела Афин. К сожалению – не потому, что книга сама по себе плоха (это отнюдь не так, Селтман был очень крупным нумизматом, и то, что он сделал в своей области, стало для его эпохи во многих отношениях значительным, этапным шагом вперед), а потому, что на сегодняшний день очень многие ее принципиальные положения следует признать вполне устаревшими. С 1950–1960-х гг. датировки ранней греческой чеканки в целом были подвергнуты серьезному, даже революционному «омоложению»⁹, которое было

⁶ Солон скончался в возрасте восьмидесяти с небольшим, в архонтство Гегестрата (Phan. fr. 21 Wehrli, ap. Plut. Sol. 32), которое датируется 560/559 г. до н. э. (Develin R. Op. cit. P. 42).

⁷ Seltman C. T. Athens, its History and Coinage before the Persian Invasion. Cambridge, 1924.

⁸ Несколько недавних примеров: Блаватская Т. В. Черты истории государственности Элады (XII–VII вв. до н. э.). СПб., 2003. С. 370; Курбатов А. А. Аристократия в архаической Греции. Астрахань, 2006. С. 83; Туманс Х. Еще раз об аристократизме и «буржуазности» Солон // ВДИ. 2007. № 2. С. 22–23 (в последней работе – полемика с пассажами о Солоне в исследованиях автора этих строк: Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004; Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005; наш более развернутый ответ Х. Туманеу по данному вопросу см.: Суриков И. Е. Еще раз о законодательствах Драконга и Солон в Афинах (полемические заметки). Ч. II // Из истории античного общества. Нижний Новгород, 2009. Вып. 12. С. 20 сл.).

⁹ В этой, первой, части работы мы не ставим перед собой задачу приводить исчерпывающую библиографию в связи с упомянутой «революцией датировок». Пока укажем только, что наиболее значимый вклад в нее был внесен на первых порах К. Крээм (сопшемся на его обобщающий труд, вобравший в себя результаты многочисленных более ранних статей этого исследователя: Kraay C. M. Archaic and Classical Greek Coins. Berkeley, 1976), а впоследствии – Дж. Кроллом (Kroll J. H. From Wappenmünzen to Gorgoneia to Owls // The American Numismatic Society. Museum Notes. 1981. Vol. 26. P. 1–32; Kroll J. H. The Greek Coins (The Athenian Agora. Vol. 26). Princeton, 1993; Kroll J. H., Waggoner N. M. Dating the Earliest Coins of Athens, Corinth and Aegina // American Journal of Archaeology. 1984. Vol. 88. No. 3. P. 325–340).

очень здраво аргументировано (использовались в комбинации методы анализа состава кладов¹⁰ и штемпельного анализа), и сейчас данной новой точке зрения нечего противопоставить. Важно, что недавно на страницах ВДИ появилась весьма фундированная статья С. А. Коваленко и В. П. Толстикова¹¹, которая хотя и была посвящена, собственно говоря, боспорской проблематике, но в своей первой части расставила для российского читателя, как говорится, точки над «i» в вопросе о хронологии древнейших эллинских монет.

Бесспорно, сам Ч. Селтман до конца дней своих оставался на прежней точке зрения, не принимая новых выкладок; наряду с ним, бытовали до относительно недавнего времени и несколько других «последних могикан», писавших в том же духе¹², но это уже звучало неким явным анахронизмом. Как бы то ни было, в Афинах самые ранние монеты (их традиционно называют *Warrenmünzen*), непосредственно предшествовавшие знаменитым «совам» (т. е. монетам с типами «голова Афины – сова, АΘΕ»), совершенно точно появились намного позже реформ Солон. Интересно, что ближе к их верной датировке был автор первого профессионального труда по афинской чеканке Э. Беле¹³. Однако Селтман (как, впрочем, и практически все нумизматы первой половины XX в.) находился под определяющим влиянием идей классического компендиума Б. Хеда, в первом издании которого первый выпуск «сов» был решительно связан с Солон¹⁴, а во втором – сделаны некоторые корректировки к данному суждению, но не слишком принципиальные¹⁵.

Ныне абсолютно очевидно, что *Warrenmünzen* чеканились в афинском полисе во второй половине VI в. до н. э.¹⁶ и никак не раньше. К «совам» сказанное должно относиться *a fortiori*. Из этого со всей неизбежностью приходится исходить.

¹⁰ Об этой перспективнейшей методике применительно к греческой чеканке, особенно архаической, см. важные работы: Price M. J., Waggoner N. M. *Archaic Silver Coinage: The Asyut Hoard*. L., 1975; Kraay C. M. *The Asyut Hoard: Some Comments on Chronology* // *Numismatic Chronicle*. 1977. Vol. 17. P. 189–198; Kraay C. M. *Schatzfunde, Kleingeld und der Ursprung der Münzen* // *Methoden der antiken Numismatik*. Darmstadt, 1989. S. 180–210; Casey P. J. *Understanding Ancient Coins: An Introduction for Archaeologists and Historians*. L., 1986. P. 51 ff.

¹¹ Коваленко С. А., Толстиков В. П. О начале монетной чеканки на Боспоре // ВДИ. 2010. № 3. С. 31–59; № 4. С. 23–50.

¹² Например: Kagan D. *The Dates of the Earliest Coins* // *American Journal of Archaeology*. 1982. Vol. 86. P. 343–360; Hemmerdinger B. *Le régime des eupatrides dans Athènes (621–594)* // *Quaderni di storia*. 1984. Vol. 10. Fasc. 19. P. 165–170; Molina L. A. *Solon and the Evolution of the Athenian Agrarian Economy* // *Pomoerium*. 1998. Vol. 3. P. 5–18 (с колебаниями).

¹³ Beulé E. *Les monnaies d'Athènes*. P., 1858. P. 15 ss.

¹⁴ Head B. V. *Historia numorum: A Manual of Greek Numismatics*. Oxf., 1887. P. 311.

¹⁵ Head B. V. *Historia numorum: A Manual of Greek Numismatics*. 2 ed. Oxf., 1911. P. 368.

¹⁶ Более конкретная датировка их выпусков внутри указанного пятидесятилетия для нас здесь совершенно иррелевантна, и мы не касаемся ее вовсе, тем более что в прошлом

Итак, перед нами действительно проблема. Что же в солоновских законах имеется в виду под драхмами? Разумеется, никакие сколь-нибудь ответственные заключения не могут постулироваться перед тем, как будут скрупулезно рассмотрены основные свидетельства, доносящие до нас эти установления Солон. Свидетельства эти, как отмечалось, в основном почерпываются из Плутарха. Их, по большому счету, не так уж и много; есть полная возможность привести их (в оригинале и в переводе) и приведенные тексты проанализировать.

Перед тем необходима еще одна небольшая (но важная) оговорка. Аристотель (Pol. II. 1273b32 sqq.) справедливо подчеркивает, что Солон был творцом не только νόμοι (законов как таковых, «просто» законов), но и πολιτεία (того, что мы теперь назвали бы «конституционными законами»). В данном отношении Стагирит сопоставляет Солон со спартанцем Ликургом¹⁷ и, напротив, противопоставляет его же соотечественнику Драконту (Δράκωντος δὲ νόμοι μὲν εἰσὶ, πολιτεία δ' ὑπαρχούσῃ τοὺς νόμους ἔθηκεν: Arist. Pol. II. 1274b15f)¹⁸.

уже посвятили этому вопросу ряд работ: Суриков И. Е. Древнейшие афинские монеты (*Wappenmünzen*): проблемы интерпретации и датировки // Античный мир и археология. Саратов, 2006. Вып. 12. С. 43–51 (это, кажется, первая и единственная в отечественной историографии статья, посвященная специально и исключительно проблеме *Wappenmünzen*); Суриков И. Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 186 сл.; Суриков И. Е. От *Wappenmünzen* к «совам»: в поисках исторического контекста // XIV Всероссийская нумизматическая конф. Тезисы докл. и сообщ. СПб., 2007. С. 10–12; Суриков И. Е. О так называемой монетной реформе Гиппия в Афинах // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конф. Тезисы докл. и сообщ. М., 2009. С. 7–9. См. также: *Flament C.* Le monnayage en argent d'Athènes: De l'époque archaïque à l'époque hellénistique (с. 550 – с. 40 av. J.-C.). Louvain-la-Neuve, 2007. P. 9 ss.: это, видимо, самый новый обобщающий труд по афинской чеканке в целом, и в нем, естественно, присутствует и глава о *Wappenmünzen*, содержащая, в частности, и ссылки на основную литературу о них (хотя и неполные; в частности, не учтены важные статьи: *Rhodes P. J.* Solon and the Numismatists // *Numismatic Chronicle*. 1975. Vol. 15. P. 1–11; *Dawson S.* The Athenian *Wappenmünzen* // *Scholia*. 1999. Vol. 8. P. 71–77).

¹⁷ Не можем не привести занятого факта: в историографии Нового времени едва ли не первым, кто занимался сравнительным анализом законодательных реформ Ликурга и Солон, был Фридрих фон Шиллер, более известный в качестве великого немецкого поэта. См.: *Schiller F. von.* Die Gesetzgebung des Lykurgus und Solon. Hamburg, 1946 (переиздание работы 1789 г.).

¹⁸ Так – в «Политике». Иначе – в аристотелевской же (что бы там ни говорили и кто бы конкретно ни работал над текстом этого небольшого трактата, Аристотель, во всяком случае, авторизовал его) «Афинской политии». Злополучная глава о «политии Драконта», опирающаяся на фальсификат, была внесена во второе издание «Афинской политии» – и, сильно подозреваем, под влиянием достаточно субъективных и политизированных штудий

То, что относилось к νόμος, на солоновских аксонах, естественно, было зафиксировано; то, что относилось к πολιτεία, – скорее всего, не было: эти меры являлись, так сказать, единоразовыми и неповторимыми. Скажем, трудно представить себе записанный на аксонах «закон» о сисахфии¹⁹; это означало бы, что сисахфия должна регулярно повторяться – вот уж чего точно ни сном ни духом не мыслил Солон.

К категории πολιτεία, безусловно, принадлежали принятые им в качестве архонта с чрезвычайными полномочиями постановления о Совете Четырехсот²⁰, о гелиее²¹, о способе избрания архонтов²², возможно, даже и о четырех имущественных классах (пентакосиомедимны²³, всадники, зевгиты, феты), – впрочем, относительно последней меры категорически судить не возьмемся.

Деметрия Фалерского. Последний в «преемствах философов» числится учеником Теофраста, но это всего лишь издержки формалистического подхода, свойственного позднеантичной доксографии. Да, Теофраст был, выражаясь современным языком, «научным руководителем» Деметрия в Ликее; но ни из чего не проистекает, что только его Деметрий и слушал. Естественно, он посещал и лекции самого схоларха, вел с ним беседы, показывал ему свои труды и т. п., что не могло не оказывать обратного влияния на идеологию Аристотеля.

¹⁹ Которую мы понимаем все-таки как кассацию долгов. См. наиболее детальное изложение нашей позиции: Суриков И. Е. Досолоновские «шестицельники» и долговой вопрос в архаических Афинах // ВДИ. 2007. № 3. С. 28–46. Есть и иные точки зрения, но приводить исчерпывающую библиографию вопроса пока опять же нет смысла.

²⁰ Суриков И. Е. ΒΟΥΛΑΙ в Афинах (Эпоха архаики) // Studia historica. 2005. Т. 5. С. 3–22, со ссылками на предшествующую литературу и с доводами в пользу реальности солоновского Совета Четырехсот – тут мы солидарны с П. Родсом (см. хотя бы: Rhodes P. J. The Athenian Boule. Oxf., 1972; Rhodes P. J. The Reforms and Laws of Solon: An Optimistic View // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 248–260), да ныне мало кто с ним и не солидарен, скептицизм Ч. Хигнетта (Hignett C. A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B.C. Oxf., 1952) опять же, перестав быть модным (моды приходят и уходят), давно уже стал пройденным этапом. Ср.: Ste. Croix G. E. M. de. Athenian Democratic Origins and Other Essays. Oxf., 2005. P. 83 ff.; Raaflaub K. A., Ober J., Wallace R. W. Origins of Democracy in Ancient Greece. Berkeley, 2007. P. 63 ff.

²¹ Суриков И. Е. Некоторые проблемы истории афинской гелиеи // Древнее право. 2005. № 2 (16). С. 8–20; Суриков И. Е. Еще раз об афинской гелиее // Древнее право. 2008. № 2 (22). С. 8–24; Кудрявцева Т. В. Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008. С. 18 сл. В перечисленных работах достаточно репрезентативно представлена и предшествующая литература.

²² Суриков И. Е. Архонтат в Афинах: от истоков института до утраты им исторического значения // ВДИ. 2012. № 2. С. 44 сл. (с указанием на противоречие между «Политикой» Аристотеля и его же «Афинской политией» по этому вопросу; то же противоречие отмечено и в работе: Ste. Croix G. E. M. de. Op. cit. P. 89 ff.).

²³ Полагаем, только этот класс являлся действительно нововведением Солон. Подробнее см.: Суриков И. Е. Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб., 2008. С. 44 сл.

Как бы то ни было, свидетельством в пользу того, что о той же сисахфии на аксонах ничего написано не было, служит жесткий спор, разгоревшийся между аттидографом Андротионом²⁴ и Аристотелем. В суть этой полемики нам придется углубиться не в этой, а во второй части данной работы (там же и будут приведены соответствующие ссылки), а пока можно констатировать следующее. Основатель Ликее солоновские аксоны не только лично видел и изучал, но даже написал о них трактат *Περὶ τῶν Σόλωνος ἀξόνων* в пяти книгах²⁵. Тем более трудно представить, что Андротион, афинский уроженец, будучи политиком и одновременно историком, не удосужился сделать того, что сделал стагирский пришлец, – ознакомиться с теми же аксонами.

Вышесказанное служило одной цели: обозначить, что далее нами будут цитироваться и анализироваться именно законы, νόμοι Солон. И, повторим, в основном по Плутарху (есть, правда, еще один пассаж из Диогена Лаэртция, но он может быть рассмотрен только вкупе со свидетельством на ту же тему, принадлежащим опять же Плутарху; см. ниже).

* * *

Закон об оскорблении словом и ответственности за него. *Plut. Sol. 21*²⁶:

ζῶντα δὲ κακῶς λέγειν ἐκώλυσε πρὸς ἱεροῖς καὶ δικαστηρίοις καὶ ἀρχείοις καὶ θεωρίας οὐσης ἀγώνων, ἢ τρεῖς δραχμὰς τῷ ἰδιώτῃ, δύο δ' ἄλλας ἀποτίνειν εἰς τὸ δημόσιον ἔταξε. Бранить живого Солон запретил в храмах, судебных и правительственных зданиях, равно как и во время зрелищ; за нарушение этого закона он назначил штраф в три драхмы в пользу оскорбленного лица и еще две в пользу казны²⁷.

Здесь, обратим внимание, упоминаются дикастерии (коллегии гели-еи), к резкому возрастанию значения которых в период солоновских реформ (и в связи с оными) в свое время одним из первых привлёк внимание тот же Э. Рушенбуш²⁸. Видя по речам афинских судебных ораторов классической эпохи, какое место в ходе прений занимало пресловутое злословие (κακῶς λέγειν), причем именно по адресу живых (да заодно уж и умерших), даже

²⁴ О нем теперь есть выполненное на современном уровне монографическое исследование: *Harding Ph. Androton and the Atthis. Oxf., 1994.*

²⁵ В связи с дошедшими от этого трактата фрагментами см.: *Ruschenbusch E. ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ... S. 40 ff.*

²⁶ *Ruschenbusch E. ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ... S. 79 (F32a, в рубрике «Verbalinjuriën»).*

²⁷ «Солон» Плутарха здесь и далее цитируется в переводе С. И. Соболевского.

²⁸ *Ruschenbusch E. ΔΙΚΑΣΤΗΡΙΟΝ ΠΑΝΤΩΝ ΚΥΡΙΟΝ // Historia. 1957. Bd 6. S. 257–274; Ruschenbusch E. Ἡλιαία. Die Tradition über das solonische Volksgericht // Historia. 1965. Bd 14. Ht. 3. S. 381–384.*

трудно поверить, что было время, когда Солон пытался оное пресечь, даже путем назначения штрафов.

Впрочем, обратим внимание на то, что процитированный закон карает, пожалуй, не столько злословие как таковое, сколько кощунство, нечестие (каковым должно было считаться произнесение неподобающих выражений в неподобающей ситуации). Характерно, что перечисленные тут места все так или иначе обладали сакральным статусом, пусть и в разной степени²⁹; во всяком случае, к миру чисто «светского» они не относились. Еще более характерным подтверждением высказанного нами тезиса служит тот факт, что, согласно данному солоновскому установлению, провинившийся платил не один, а два штрафа – пострадавшему лицу и казне. Из этого с полной ясностью видно, что речь идет не о чисто частном деликте, а о преступлении, наказывавшемся по нормам публичного права.

Что касается цифр, фигурирующих в данном свидетельстве, можно констатировать: «две драхмы», «три драхмы» или, скажем, «сто драхм» в исчислении солоновского времени для Плутарха, автора эпохи принципата, являлись понятиями чисто умозрительными. Тут он не одинок, и мы его прекрасно поймем. Кто из нас даст себе ответственный и непоколебимый отчет в том, что представляют собой в реалиях нашего времени, скажем, «сто рублей» XIX в. (серебром или ассигнациями – обе формулировки постоянно встречаются в русской классической литературе, и всегда ясно из контекста, что они не эквивалентны друг другу)? А ведь и миновало-то с тех пор всего столетие с небольшим³⁰. Легко посчитать, что от эпохи Солон до эпохи Плутарха прошло во много раз больше времени.

Известно, что уже к концу V в. до н. э. цены в Афинах выросли по сравнению с солоновским периодом, как минимум, в десять раз³¹. Бык при Солоне стоил 5 драхм (см. ниже), в 415 г. до н. э. – 50 драхм (причем на аукционе, т. е. в ситуации, когда выставляемые цены обычно бывают заниженными).

²⁹ Об «уровнях сакрального» в греческом полисе см.: Суриков И. Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций. М., 2010. С. 23 сл. В связи с рассматриваемой здесь проблематикой см. интересные наблюдения в важной, хотя и малоизвестной, работе: *Maffi A. Tà ierà kai tà òσια*. Contributo allo studio della terminologia giuridico-sacrale greca // Symposion 1977: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1982. S. 33–53.

³⁰ Впрочем, зачем оперировать масштабами столетий? Российские граждане более молодого, чем мы, возраста, уже не заставшие СССР, всерьез затруднятся разьяснить, как соотносится советский рубль даже самого последнего времени (1980-е гг.) с нынешним рублем. Проверено экспериментально.

³¹ См. некоторые цифры: Суриков И. Е. О необходимости современных подходов к изучению архаической аристократии // *Studia historica*. 2007. Т. 7. С. 217. Прим. 37.

За 3 драхмы 1 обол тогда же было продано, например, сломанное (!) ложе. Ясно, что цифры, в которых выражаются штрафы в только что приведенном законе, – это цифры совершенно иного порядка.

В связи с чем мы здесь заводим об этом речь? В литературе порой подвергается сомнению аутентичность цифр, встречающихся в плутарховых свидетельствах о законодательстве Солонa. Как известно, в конце V в. до н. э. в Афинах имела место крупная законодательная реформа³²; в ее ходе древние драконтовские и солоновские законы, записанные изначально на кирбах и аксонах, были скопированы на каменные плиты.

В связи с реформой, о которой идет речь, надлежит отметить следующее. Она началась сразу после свержения олигархии Четырехсот³³, но растянулась на довольно длительный хронологический отрезок – естественно, ввиду сложных внешне- и внутривполитических перипетий, с которыми тогда пришлось иметь дело афинянам (последний период Пелопоннесской войны, завершившийся поражением афинского полиса, установление режима «Тридцати тиранов», восстановление демократии...). В результате реформа была завершена лишь к рубежу V–IV вв. до н. э.

Задумывалась она, судя по всему, просто как «поновление» законов Драконта и Солонa, перенесение их текстов с деревянных досок (которыми ввиду естественной порчи уже трудно было пользоваться, ср.: Cratin. fr. 274 Kock) на более долговечный материал. Начали эту процедуру с драконтовских законов об убийстве, и, как показывает сохранившаяся надпись IG. I³. 104 (409/408 г. до н. э.), являющаяся одним из продуктов предпринятой работы, тогда еще копирование древнего памятника осуществлялось весьма точно³⁴, вплоть до воспроизведения архаичной, уже вышедшей из повседневного употребления лексики.

А вот когда перешли к «поновлению» обширного свода законов Солонa, тут уж не могло обойтись без их пересмотра в прямом смысле слова, без внесения в них значительного количества значительных изменений, модификаций. Прошло почти два века с тех пор, как они начали действовать. И не просто

³² До недавнего времени, говоря об этой законодательной реформе, приходилось ссылаться на большое количество разнообразных статей (как и мы делали в предыдущих работах). Но теперь, к счастью, появилась обобщающая монография: Carawan E. The Athenian Amnesty and Reconstructing the Law. Oxf., 2013. Из нее уже и можно почерпнуть ссылки на предшествующую литературу.

³³ Ее инициатором с наибольшей вероятностью следует признать Ферамена (Суриков И. Е. Изучение древнегреческого публичного права в античной юридической науке: первые шаги // Древнее право. 2006. № 1 (17). С. 26–36).

³⁴ Суриков И. Е. Древнегреческие надписи классической эпохи как памятники исторической мысли // Вопросы эпиграфики. 2013. Вып. 7. Ч. 1. С. 399 сл.

два века, а два века в условиях полиса, наиболее динамично развивавшегося из всех, какие имелись в Элладе. Изменились буквально все реалии.

Итак, фактически был создан новый свод законов, по которому Афины с тех пор и жили. Назывался этот свод по традиции «законами Солона», и именно так на него ссылаются ораторы IV в. до н. э., когда они к нему апеллируют. Но нужно понимать, что к самому Солону он теперь уже имел скорее косвенное отношение. В него входили законы, имевшие по большей части «солоновское» ядро, но впоследствии претерпевшие значительные изменения и до нас дошедшие (посредством тех же ораторов IV в. до н. э.) уже в таком «модифицированном» виде³⁵. Причем сами аттические мастера красноречия на эти изменения, по большому счету, не обращали большого внимания³⁶ и, повторим, по-прежнему цитировали законы как солоновские. В каком-то смысле правомерно неоднократно делавшееся наблюдение³⁷, что выражение «законы Солона» в какой-то момент стало обозначать фактически то же, что «законы Афин», *corpus iuris Atheniensium*.

Причем сказанное в особенной степени относится к аспекту «презренного металла» – ко всему, что связано с ценами, штрафами, наградами и т. п., обозначенными в драмах. Драхма к моменту законодательной реформы конца V в. до н. э., как мы видели, очень сильно девальвировалась (факторы этого процесса были многочисленными, и здесь не место их обсуждать) и имела ценность, весьма отличающуюся от ценности солоновской драхмы.

Таким образом, в тех солоновских законах, в которых упоминаются драхмы³⁸ с указанием их конкретного количества, в IV в. до н. э. просто не могли не подвергнуться самой серьезной корректировке. В результате неизбежен

³⁵ *Scafuro A. C. Op. cit.*

³⁶ Редкое исключение: Lys. X. Эта речь («Против Феомнеста») специально посвящена разбору (в казуистических целях) лексики «древних законов Солона» (νόμοις τοῦς Σόλωνος τοῦς παλαιοῦς). Лисий, несомненно, еще отличал эти древние, аутентичные законы от «новых законов Солона», поскольку законодательная реформа проходила на его памяти. А вот ораторы, жившие несколькими десятилетиями позже (Демосфен, Эсхин, Гиперид...), в эти тонкости уже не вникали. Они цитировали узаконения, являвшиеся *действующими* на момент произнесения их речей, при этом называвшиеся «законами Солона», и у них не было ровно никакого мотива проводить расследование на тему, в каком отношении данные узаконения находятся к аутентичным законам самого Солона.

³⁷ Например: *Ehrenberg V. From Solon to Socrates. L., 1968. P. 68–69; Murray O. Early Greece. 2 ed. L., 1993. P. 184.*

³⁸ *Kroll J. H. Silver in Solon's Laws // Studies in Greek Numismatics in Memory of M. J. Price. L., 1998. P. 225–232.* Эту важнейшую работу указываем пока «мимоходом», поскольку того прямо требует данная ссылка; более подробное рассмотрение ее (а также продолжающей ее работы: *Kroll J. H. The Monetary Use of Weighed Bullion in Archaic Greece // The Monetary Systems of the Greeks and Romans. Oxf., 2008. P. 12–37*) отложим до второй части работы.

вопрос: все ли цифры в драмах изначально были в законах Солоната такими, какими их видел и знал, скажем, тот же Плутарх более полутысячелетия спустя? И можем ли мы в подобных материях полагаться на херонейского моралиста? К счастью, именно в данном конкретном случае в нашем распоряжении имеется очень хороший сравнительный материал.

Lys. X. 12³⁹:

...ἐάν δέ τις εἴπῃ ἀποβεβληκέναι (sc. τινὰ sive τὸν ἄλλον) τὴν ἀσπίδα, πεντακοσίας δραχμὰς ὀφείλειν κελεῖν (sc. νόμος). '...А закон назначает штраф в пятьсот драхм с того, кто скажет про другого, что он «отбросил щит»'.

Имеется в виду клеветническое, не соответствующее действительности утверждение о подобном поступке, которое, таким образом, тоже подпадало под понятие оскорбления словом, злословия (κακῶς λέγειν). Запомним цифру: 500 драхм.

Lex. Cantabr. p. 78, 17 sqq. Houtsma⁴⁰:

κακηγορίας δίκη· ἐάν τις κακῶς εἴπῃ τινὰ τῶν κατοικομένων καὶ ὑπὸ τῶν ἐκείνου παιδῶν ἀκούσῃ κακῶς, πεντακοσίας (sc. δραχμὰς) καταδικασθεὶς ὥφλε, τῷ δημοσίῳ διακοσίας, τριακοσίας⁴¹ δὲ τῷ ἰδιώτῃ. Ὑπερείδης δὲ ἐν τῷ κατὰ Δωροθέου χιλίας μὲν ζημιῶσθαι, ἐὰν τοὺς κατοικομένους, φησί, πεντακοσίας δὲ, ἐὰν τοὺς ζῶντας. 'Иск об оскорблении словом⁴²: если кто-либо дурно скажет о ком-то из усопших – даже спровоцированный на то его детьми, – в случае обвинительного приговора штрафовался на пятьсот драхм: двести в казну, а триста – пострадавшему лицу. Гиперид же в речи «Против Доротея» говорит,

³⁹ Ruschenbusch E. ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ... S. 79 (F32b, в рубрике «Verbalinjuriem»). Речь Лисия датируется 380-ми гг. до н. э., цитируется в переводе С. И. Соболевского.

⁴⁰ Ruschenbusch E. ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ... S. 80 (F33b в рубрике «Verbalinjuriem»; Рупенбуш ссылается на памятник по иному изданию). Сам этот памятник (расшифровываем ввиду его малоизвестности даже в среде специалистов) – «Lexicon rhetoricum Cantabrigiense» («Кембриджский риторический словарь»), хранящийся в Кембридже и не датируемый в точности (как часто бывает): позднеантичный или ранневизантийский (последнее вернее, но грань всегда провести очень сложно; см. к проблеме полезный труд: Dickey E. Ancient Greek Scholarship: A Guide to Finding, Reading, and Understanding Scholia, Commentaries, Lexica, and Grammatical Treatises, from their Beginnings to the Byzantine Period. Oxf., 2007).

⁴¹ Следуем правильной эмендации, которой здесь придерживается Якоби. В рукописи τριάκοντα ('тридцать'), что не вписывается в общий масштаб цифр, который фигурирует в данном свидетельстве.

⁴² Всем известно о нечеткости терминологии в греческом праве. Выражение κακῶς λέγειν (и производные от него κακηγορία и т. п.) с равным успехом могут пониматься как «оскорбление словом», «злословие», даже просто «брань» (так часто и переводит С. И. Соболевский). «Клевета» – уже менее приемлемо, поскольку клевета подразумевает обязательно ложное злословие, а в рассматриваемых законах речь идет о любом злословии.

что тысячей драхм наказывали тех, кто злословил усопших, а пятьюстами – тех, кто злословил живых⁴³.

Таковы-то данные для IV в. до н. э. Определенные (не принципиальные) противоречия в процитированных свидетельствах, безусловно, наличествуют. Но в любом случае, как можно видеть, речь идет уже о штрафах в *сотни* драхм! Афиняне классической эпохи ценили свое достоинство (а оскорбление словом – это именно преступление против личного достоинства гражданина) чрезвычайно высоко⁴⁴. Итак, данные цифры – явно не солоновские; а, стало быть, те, которые наличествуют в вышеприведенном свидетельстве Плутарха (напомним, это – в сумме пять драхм: три в пользу оскорбленного лица плюс две в пользу казны), по контрасту оказываются обязательно солоновскими. А какими же еще? Если, конечно, не рассматривать всерьез ту версию, что Плутарх, как говорится, взял их «с потолка»: он был слишком ответственным автором, чтобы его можно было заподозрить в чем-то подобном.

* * *

Закон об ограничении экспорта.

Plut. Sol. 24⁴⁵:

τῶν δὲ γιγνομένων διάθεσιν πρὸς ξένους ἐλαίου μόνον ἔδωκεν, ἀλλὰ⁴⁶
δ' ἐξάγειν ἐκόλυσε· καὶ κατὰ τῶν ἐξαγόντων ἀρὰς τὸν ἀρχοντα ποιῆσθαι
προσέταξεν, ἢ τίней αὐτὸν ἑκατὸν δραχμὰς εἰς τὸ δημόσιον· καὶ πρῶτος
ἄξων ἐστὶν ὁ τοῦτον περιέχων τὸν νόμον. 'Из продуктов, производимых
в стране, Солон разрешил продавать за границу только оливковое масло, а другие
вывозить не позволил. Кто вывозил их, того по закону Солон архонт должен был
подвергать проклятию, под угрозой в противном случае самому платить сто драхм
в казну. Этот закон записан на первой таблице'.

Речь идет о том, что подчас называют (и, видимо, небезосновательно) «протекционистской» политикой Солон. Аттика, как все знают, издавна славилась

⁴³ В тех случаях, когда имя переводчика не указано (здесь и далее), перевод выполнен нами.

⁴⁴ См.: к проблеме: Суриков И. Е. Державный демос – правитель и подданный (власть и социокультурная норма в демократических Афинах V в. до н. э.) // Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти. М., 2009. С. 79–95; Суриков И. Е. Демократия и достоинство: к характеристике некоторых аспектов правовой и политической культуры граждан классических Афин // Из истории античного общества. Нижний Новгород, 2010. Вып. 13. С. 37–60.

⁴⁵ Ruschenbusch E. ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ... S. 93 (F65, в рубрике «Wirtschaftliche Probleme»).

⁴⁶ У Рушенбуша явная опечатка: ἀλλὰ.

своими масличными деревьями и получаемым из их плодов великолепным оливковым маслом⁴⁷. Разумеется, в солоновском законе не сказано напрямую, что экспорт этого масла *поощряется*. Однако на фоне запрета вывоза всех остальных сельхозпродуктов фактически именно так оно и выходило.

Препятствие ставилось, естественно, в первую очередь экспортной торговле аттическим зерном (ясно, что не вином: вино этого «терруара» никогда особенной славой среди эллинов не пользовалось). Процитированный закон Солон часто интерпретируют как важное сообщение о том, что Афины уже в его эпоху испытывали дефицит в зерновых и потребность в импорте оных. Собственно, это и есть традиционная точка зрения: данным фактором объясняли, например, колонизационную экспедицию афинян в Сигей на Геллеспонте в конце VII в. до н. э.⁴⁸ и др. Согласно данной теории, Аттика уже тогда-де была в тисках стенохории⁴⁹.

Последнее никак не подтверждается фактами. Архаические Афины, обладая огромной – по греческим меркам! – хорой⁵⁰, в то время – даже несмотря на довольно крупное население – испытывали недостаток не в земле, а наоборот – в рабочих руках, необходимых для обработки этой земли⁵¹. Что же касается конкретно зерна, то имели очень большое значение наблюдения, сделанные в фундаментальном исследовании П. Гарнси: афинский полис начал зависеть от привозного хлеба отнюдь не в эпоху архаики, впервые потребность в нем начала ощущаться на протяжении V в. до н. э.⁵²

⁴⁷ См.: *Foxhall L. Olive Cultivation in Ancient Greece: Seeking the Ancient Economy.* Oxf., 2007.

⁴⁸ Нашу критику этой точки зрения см.: *Суриков И. Е.* Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы (на примере ранней колонизационной деятельности Афин) // *Античный мир и археология.* 2010. Вып. 14. С. 20–48.

⁴⁹ *Manville P. B. The Origins of Citizenship in Ancient Athens.* Princeton, 1990. P. 122, *Блаватская Т. В.* Указ. соч. С. 313, 315.

⁵⁰ Скажем, на территории Беотии – области, примерно сопоставимой по размеру с Атикой, находилось, по подсчетам Хансена, больше двух десятков полисов (*Hansen M. H. Boiotia // An Inventory of Archaic and Classical Poleis: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation.* Oxf., 2004. P. 431–461).

⁵¹ *Hurwit J. M. The Art and Culture of Early Greece, 1100–480 B.C.* Ithaca, 1985. P. 80; *Rihll T. E. EKTΗMOΠOI: Partners in Crime? // Journal of Hellenic Studies.* 1991. Vol. 111. P. 111; *Osborne R. Greece in the Making, 1200–479 B.C. L.; N. Y., 1996.* P. 221 (привлекаем особенное внимание именно к ссылке на Р. Осборна: это – ответственное, акцентированное суждение квалифицированнейшего специалиста); *Stanley P. V. The Economic Reforms of Solon.* St. Katharinen, 1999. P. 192.

⁵² *Garnsey P. Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World: Responses to Risk and Crisis.* Cambridge, 1989. P. 105, 273.

Соответственно, для солонического закона о запрете экспорта сельхозпродуктов Гарнси предложил конкретно-историческое объяснение⁵³: по мнению ученого, это была ситуативная (*ad hoc*) мера, порожденная разразившимся по какой-то причине в Аттике временным хлебным дефицитом, который усугублялся тем, что аристократы-землевладельцы продолжали вывозить зерно на продажу за границу, невзирая на его недостаток в собственной стране и помышляя только о личных прибылях (т. е. стремясь, так сказать, еще и нажиться на кризисе, как во все времена поступает определенная часть населения).

Ф. Стенли, автор специальной монографии об экономической политике Солон⁵⁴, в основном солидаризируется с точкой зрения Гарнси, добавляя еще, что рассматриваемый закон способствовал переходу многих производителей на выращивание оливковых деревьев как основной выращиваемой культуры. Последнее, пожалуй, представляется соответствующим действительности: ясно, что люди, обобщенно говоря, предпочитают заниматься тем, что им более выгодно.

Но в таком случае, кстати говоря, неизбежна еще одна импликация, которую, правда, напрямую не делают ни Гарнси, не Стенли, а вот мы здесь попробуем сделать. Коль скоро в каком-то (и, видимо, немало) количестве аттических хозяйств были расширены площади под маслины, то, стало быть, были урезаны площади под пашню. Закон Солон⁵⁴, таким образом, оказался «палкой о двух концах»: заложив, с одной стороны, основы для последующей всегреческой славы афинского оливкового масла, он, с другой стороны, привел со временем (в долгосрочной, очень долгосрочной перспективе – уже в классическую эпоху) к пресловутым проблемам с хлебом, превратившим «город Паллады» в крупнейшего его импортера.

Вернемся, однако, к нашему свидетельству в связи с упоминанием в нем драхм. Фигурирующая у Плутарха цифра, если считать ее аутентично солонической, выглядит какой-то уж очень большой, даже огромной. Сто драхм при Солоне – это эквивалент ста овец или двадцати единиц крупного рогатого скота. Так, может, в данном случае биограф напутал и взял информацию не из оригинального свода 594 г. до н. э., а из той его редакции, которая существовала с конца V в. до н. э.?

Правда, вроде бы прибавляет достоверности сообщению Плутарха указание на номер аксона, по которому он приводит закон (πρώτος ἄξων). Но нет, даже это указание может не иметь решающего значения. Когда в ходе рекодификации сводов Драконта и Солон⁵⁴ их переносили с аксонов на каменные плиты, номера аксонов все-таки сохраняли, что со всей ясностью следует

⁵³ Garnsey P. *Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World: Responses to Risk and Crisis*. Cambridge, 1989. P. 74–75.

⁵⁴ Stanley P. V. *Op. cit.* P. 229 ff.

из надписи IG. I³. 104. В этой копии драконтовского закона об убийстве⁵⁵ после краткой преамбулы 409/408 г. до н. э. стоит $\pi\rho\omega\tau\omicron\varsigma \acute{\alpha}\xi\omega\nu$, ниже – $\delta\epsilon\upsilon\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma \acute{\alpha}\xi\omega\nu$ (ниже явно должны были стоять и другие номера, но от надписи, как известно, сохранилась только начальная часть).

И все-таки нам представляется, что свидетельству Плутарха можно доверять, а чрезвычайно крупная сумма штрафа для архонта, не пожелавшего предать проклятию лиц, которые занимаются незаконным вывозом сельхозпродуктов, имеет свое объяснение. Во-первых, проклятие – вещь серьезная, относящаяся к религиозной сфере. Например, за иное преступление религиозного же характера (нарушение торжественно принесенной на агоре клятвы) Солон предписал архонтам-фесмофетам ставить в Дельфах золотую статую в рост человека ($\alpha\nu\delta\rho\alpha\nu\tau\alpha \chi\rho\upsilon\sigma\omicron\upsilon\nu \iota\sigma\mu\epsilon\tau\rho\eta\tau\omicron\nu$: Plut. Sol. 25)⁵⁶. Это наказание уж точно выглядит несравненно большим, нежели выплата даже ста драхм. Насколько нам представляется, для некоторых случаев законодателем намеренно назначались такие несообразно суровые кары – как говорится, чтобы никому неповадно было нарушать.

Во-вторых, обратим внимание на то, кто именно оказывается в «группе риска»: архонты, то есть полисные магистраты высокого ранга. Упомянем заодно еще вот какую меру, приписываемую Солону (правда, не Плутархом): «Архонту, если его застанут пьяным, наказание – смерть»⁵⁷ (Diog. Laert. I. 57)⁵⁸. Опять перед нами мера, кажущаяся очень суровой, прямо-таки жестокой и, во всяком случае, несоразмерной с тяжестью проступка, особенно если учитывать, что вино в Древней Греции было наиболее употребительным напитком.

Так в чем же значимость отмеченного здесь нами нюанса (имеем в виду, конечно, нюанс, связанный не с вином, а с архонтами)? В последние десятилетия целым рядом антиковедов настойчиво проводилась идея эгалитаризма как базового принципа полисного социума, с самого начала формирования последнего⁵⁹. С отдельными нюансами построений представителей этого течения

⁵⁵ См. важнейшие монографические исследования о памятнике: Stroud R. S. *Drakon's Law on Homicide*. Berkeley, 1968 (с образцовым изданием); Gagarin M. *Drakon and Early Athenian Homicide Law*. New Haven, 1981; Carawan E. *Rhetoric and the Law of Draco*. Oxf., 1998.

⁵⁶ Cp. Arist. Ath. pol. 7.1 – с некоторыми разногласиями: ничего не говорится о размере статуи, зато отмечается, что данная мера относилась не только к фесмофетам, но ко всем девяти архонтам и что она сохранялась еще и до времен самого Аристотеля.

⁵⁷ Диоген Лаэртций здесь и далее цитируется в переводе М. Л. Гаспарова.

⁵⁸ В пользу достоверности этого сообщения см.: Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства... С. 140–141.

⁵⁹ Эта идея у большинства из нас ассоциируется с именем И. Морриса, и это в целом справедливо: он – главный энтузиаст данной теории (Morris I. *The Early Polis as City and State // City and Country in the Ancient World*. L.; N. Y., 1992. P. 41 ff.; Morris I. *Equality*

нам приходилось ранее полемизировать⁶⁰, что тем не менее отнюдь не мешает признать принципиальную верность идеи как таковой.

Но вот что интересно. Эгалитаризм – это, в сущности, представление, согласно которому все (в рамках данной референтной группы!) равны. Однако должностное лицо полиса – магистрат – оказывается не равным другим уже в силу своих полномочий; характерно уже то, что его пост у греков обозначался такими почетными терминами, как ἀρχή⁶¹, τιμή и т. п. И тут сограждан начинало «заедать», что называется, чувство неудовлетворенной справедливости (на простом человеческом языке иногда именующееся еще завистью)⁶².

Еще до того, как сформировалась система взглядов, очерченная Моррисом и его единомышленниками, появилась книга⁶³, на которую вначале даже не очень-то обратили внимание, но уж когда обратили – то не могли не признать, что это – лучший труд по архаическому эллинскому праву (он и поднесь не превзойден). Нам приятно сознавать, что фамилия ее автора, профессора

and the Origins of Greek Democracy // *Ancient Greek Democracy: Readings and Sources*. Oxf., 2004. P. 45 ff.; *Morris I. The Eighth-Century Revolution // A Companion to Archaic Greece*. Oxf., 2009. P. 73 ff.). Но см. также: *Almeida J. A. Justice as an Aspect of the Polis Idea in Solon's Political Poems: A Reading of the Fragments in Light of the Researches of New Classical Archaeology*. Leiden, 2003. P. 159 ff.; *Raaflaub K. A., Ober J., Wallace R. W.* Op. cit. P. 22 ff.; *Farenga V. Liberty, Equality, and Authority: A Political Discourse in Greek Participatory Communities // A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic*. Oxf., 2015. P. 101–112.

⁶⁰ Мы уточняли, что следует вести речь скорее об «элитарном эгалитаризме» (Суриков И. Е. Афины в VIII–VII вв. до н. э.: становление архаического полиса (К вопросу о степени специфичности «аттического варианта»)) // ВДИ. 2013. № 4. С. 39).

⁶¹ Термином ἀρχή ‘власть’ (по метонимическому признаку) нередко обозначался и сам магистрат, носитель власти (особенно часто подобное словупотребление во множественном числе). Да ведь и у нас сплошь и рядом говорят о «властях», имея в виду не абстрактные понятия, а конкретных лиц.

⁶² Собственно, одна из ключевых для «Политики» Аристотеля тем – об ἀρχοντες и ἀρχόμενοι, о двуединстве этих понятий, о связанной с этим двуединством необходимости ротации лиц, находящихся у власти – в полной мере отражает этот круг понятий. Чуть ли не в еще большей мере отражает его сформировавшийся в демократических Афинах институт евтин – обязательных отчетов магистратов перед гражданами. В ходе этих (часто крайне нелюбимых выслушивавшихся) отчетов ἀρχοντες прямо-таки трепетали перед ἀρχόμενοι (ср. *Plut. Alc. 7* – сцена с Алкивиадом и Периклом, которая, хотя это мало кем замечено, напрямую опровергает знаменитую сентенцию в *Thuc. II. 65. 9*: ἐγίνετο τε λόγῳ μὲν δημοκρατία, ἔργῳ δὲ ὑπὸ τοῦ πρώτου ἀνδρὸς ἀρχή – ‘по названию это было правление народа, а на деле власть первого гражданина’, перевод Г. А. Стратановского). Кстати, совершенно превратно интерпретировано это место труда Фукидида у Г. А. Леманна, автора одной из последних по времени биографий Перикла: *Lehmann G. A. Perikles: Staatsmann und Strategie im klassischen Athen. Eine Biographie*. München, 2008. S. 20.

⁶³ *Gagarin M. Early Greek Law...*

Техасского университета, – Гагарин, то есть он, безусловно, имеет русские корни. В дальнейшем он написал еще целый ряд трудов, посвященных юридической проблематике в античной Греции⁶⁴, и на сегодняшний день является, безусловно, крупнейшим из американских специалистов в данной области.

В монографии М. Гагарина «Раннее греческое право» с предельной ясностью было продемонстрировано⁶⁵, что многие законы в полисах эпохи архаики были направлены на ограничение власти и полномочий магистратов. Собственно, именно таков уже самый ранний из дошедших до нас аутентичных древнегреческих законов (вторая половина VII в. до н. э.), содержащийся на эпиграфическом памятнике из критского города Дрерос⁶⁶: лицами, против которых он направлен, являются космы – высшие должностные лица. Имеются и другие примеры подобного же рода.

Установления Солона, о которых идет речь, прекрасно укладываются в обозначенную тенденцию. Магистратов старались поставить под контроль общины, подчас – с помощью достаточно жестких мер. Кстати, например, учреждение тем же Солоном гелиеи (первоначально – в качестве апелляционного суда)⁶⁷ урезало полновластие магистратов в сфере судопроизводства.

* * *

В особенной степени изобилует упоминаниями драхм 23-я глава плутархова жизнеописания Солона. На ней поэтому придется остановиться несколько более подробно.

Закон об изнасиловании и сводничестве.

Plut. Sol. 23⁶⁸:

ἐὰν δ' ἄρπάζῃ τις ἐλευθέραν γυναῖκα καὶ βιάσῃται, ζημίαν ἑκατὸν δραχμᾶς ἔταξε. καὶν προαγωγέῃ, δραχμᾶς εἴκοσι... 'Тот, кто похитит свободную женщину и изнасилует ее, карается штрафом в сто драхм. Если кто занимает сводничеством⁶⁹ – штраф в двадцать драхм...'

⁶⁴ Важнейшие из них: *Gagarin M. Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin, 2002; *Gagarin M. Writing Greek Law*. Cambridge, 2008.

⁶⁵ *Gagarin M. Early Greek Law...* P. 90–91, 125–126.

⁶⁶ *Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C.* Revised ed. Oxf., 1989. P. 2 (No. 2).

⁶⁷ *Суриков И. Е.* Некоторые проблемы... (со ссылками на предшествующую литературу).

⁶⁸ *Ruschenbusch E. ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ...* S. 77–78 (F26, F30a, в рубрике «Sittlichkeitsdelikte»).

⁶⁹ Речь идет опять же о сводничестве в отношении свободных женщин-гражданок, и тут не имеются в виду, скажем, рабыни в борделях (о которых см., например: *McGinn T. A. J.*

Кстати, здесь же Плутарх по контрасту отмечает: «Тому, кто застанет любовника своей жены⁷⁰ на месте преступления, он (Солон. – И. С.) дал право его убить». Сопоставление двух законов дает херонейцу возможность, по обыкновению, поморализировать:

Солоновы законы о женщинах, вообще говоря, кажутся во многом нелепыми... Наказывать за один и тот же поступок то с неумолимой строгостью, то с благодушной шуткой, назначая какой попаду денежный штраф, неразумно; впрочем, ввиду тогдашней редкости монеты в Афинах, трудность доставать деньги делала денежный штраф тяжелым.

Что интересно, последнее суждение в целом верно – если не считать той детали, что, как отмечалось выше, в солововских Афинах монета вообще еще не чеканилась, но об этом Плутарх не мог знать, об этом не знал даже Аристотель. Следует повторить, что штраф, например, в сто драхм в те времена представлял собой огромную сумму (эквивалент стоимости двадцати быков) и, нужно полагать, мало кому под силу было его выплатить. Но в первую очередь нас должны интересовать все-таки не умозрительные соображения биографа римского времени, а тот закон, который он тут процитировал.

В законе этом, на первый взгляд, вроде бы присутствуют элементы защиты прав женщин⁷¹. Но если всмотреться пристальнее, это впечатление оказывается превратным. В действительности цель большинства вышеприведенных узаконений – защитить как раз права *мужчины*, гражданина-собственника, а женщина выступает не более чем в роли той самой собственности, вещи, право на которую охраняется здесь от посягательств.

Как бы то ни было, легко заметить, что штрафы, назначенные законодателем, и в этом случае выглядят весьма существенными. Вообще говоря, пенитенциарное право в Афинах как архаической, так еще и классической эпохи отличалось суровостью. Традиция, согласно которой предшественник Солон Драконт якобы карал любое преступление, вне зависимости от степени его тяжести, смертной казнью, отражает, конечно, историографический миф,

Conclusion: Greek Brothels and More // Greek Prostitutes in the Ancient Mediterranean, 800 BCE – 200 CE. Madison, 2011. P. 256–268).

⁷⁰ Собственно, речь идет о *μοιχός* – прелюбодее, совратителе. См. к вопросу об этой категории: *Cantarella E.* Moicheia. Reconsidering a Problem // Symposium 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 289–296.

⁷¹ В некоторой степени подобная позиция прослеживается в работе: *Lape S.* Solon and the Institution of the «Democratic» Family Form // *Classical Journal*. 2002/2003. Vol. 98. No. 2. P. 117–139.

сложившийся уже в античности⁷² (очень легко доказать, что она не соответствует действительности: из надписи IG. I³. 104 известно, что, как минимум, неумышленный убийца подлежал не смерти, а изгнанию); однако какой-то реальности она косвенно соответствует. А именно: по отношению к лицам, совершившим деликты, которые, на наш современный взгляд, не являются такими уж сугубо серьезными (в ряде ситуаций – даже к банальным воришкам), нередко применялась высшая мера⁷³. На подобном штраф, даже крупный, выглядит даже определенным послаблением.

Закон о наградах победителям в панэллинских играх.

Plut. Sol. 23⁷⁴:

τῷ δ' Ἴσθμια νικήσαντι δραχμὰς ἑκατὸν ἔταξεν δίδοσθαι, τῷ δ' Ὀλυμπιονίκῃ πεντακοσίας. 'Победителю на Истмийских играх он назначил в награду сто драхм, а победителю на Олимпийских – пятьсот'.

Имеется параллельное свидетельство, принадлежащее Диогену Лаэртию: последний, правда, превратно понял меру, о которой идет речь.

Diog. Laert. I. 55⁷⁵:

συνέστειλε δὲ καὶ τὰς τιμὰς τῶν ἐν ἀγῶσιν ἀθλητῶν, Ὀλυμπιονίκῃ μὲν τὰξας πεντακοσίας δραχμὰς, Ἴσθμιονίκῃ δὲ ἑκατὸν καὶ ἀνὰ λόγον ἐπὶ τῶν ἄλλων. 'Далее, Солон сократил награды за гимнастические состязания, положив 500 драхм за победу в Олимпии, 100 драхм⁷⁶ – на Истме и соответственно в других местах'.

⁷² Суриков И. Е. О некоторых мнимых реальностях в античной и современной историографии древних Афин // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 239 сл.

⁷³ Суриков И. Е. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // Древнее право. 1999. № 2 (5). С. 34–42; Суриков И. Е. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М., 2012. С. 244 сл. В связи конкретно с ворами см.: Суриков И. Е. Кража в раннем греческом праве (на примере Афин) // Древнее право. 2015. № 1 (31). С. 12–26.

⁷⁴ Ruschenbusch E. ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ... S. 123 (F143a, в рубрике «Sonstiges»).

⁷⁵ Ibid. S. 123 (F143b, в той же рубрике).

⁷⁶ В русском издании Диогена в этом месте почему-то «700 драхм». Это не соответствует никаким вариантам рукописной традиции, да и в целом выглядит противоестественно: не могли же победителя на менее престижных Истмийских играх награждать более щедро, чем олимпионика. Не думаем, что М. Л. Гаспаров, тонкий знаток как языка, так и агональной тематики, допустил здесь какую-то ошибку. Несомненно, налицо банальная опечатка, на которую тем не менее необходимо обратить внимание читателей, поскольку у нас подчас работают с переводами, не заглядывая в оригинал, отчего порой и случаются ляпы. Характерный пример. Э. В. Рунг в одной из своих работ пишет, что в Платейской битве, согласно Геродоту, участвовали всего лишь 800 воинов из Афин, и из этого делает

Разумеется, ни о каком сокращении не может быть и речи. Диоген⁷⁷, живший еще позже, чем Плутарх, а главное – обладавший несравненно худшим по сравнению с ним историческим чутьем, посчитал, исходя из реалий своего времени, что 100 и 500 драхм – это какие-то не очень значительные суммы. А в действительности, как мы неоднократно видели выше, для солоновской эпохи они огромны. Понимавший это Плутарх потому-то и не говорит (совершенно справедливо) ни о каких сокращениях наград, а просто констатирует их назначение и называет цифры. Эти цифры, кстати, совпадают у обоих авторов; добавку Диогена καὶ ἀνὰ λόγον ἐπὶ τῶν ἄλλων, возможно, следует считать корректной.

Э. Рушенбуш поместил процитированные свидетельства в ту часть своей подборки, которая озаглавлена «Неподлинное, сомнительное, бесполезное». Мы, однако, не склонны разделять его скептицизм. Как прекрасно известно, победители в панэллинских состязаниях почитались своими согражданами совершенно экстраординарно – как люди, особо выделенные богами⁷⁸. Награждение их крупными денежными призами выглядит чем-то вполне естественным.

На момент солоновских реформ в Афинах уже было несколько олимпийников. Из источников известны следующие: Пантакл (победа в беге в 696 г. до н. э., две победы в беге в 692 г. до н. э.), Еврибат (победа в беге в 672 г. до н. э.), Стомас (победа в беге в 644 г. до н. э.), Килон (победа в беге в 640 г. до н. э.), Фринон (победа в панкратии в 636 г. до н. э.)⁷⁹. Размышляя над этим списком, поневоле делаешь два небезынтересных наблюдения.

Во-первых, как легко заметить, в VII в. до н. э. ни один из афинян не победил в Олимпии в самом престижном и почетном состязании – гонках колесниц. Для сравнения, в следующую, послесолоновскую, эпоху такие победы становятся весьма частыми: 592 г. до н. э. – Алкмеон, сын Мегакла; 564 г. до н. э. – Каллий, сын Фениппа; 560 г. до н. э. – Мильтиад, сын Кипсела; 532,

далеко идущие выводы (Рунг Э. В. «Платейская клятва» в нарративной традиции и эпиграфике: Проблема интерпретации текста // Вопросы эпиграфики. 2009. Вып. 3. С. 93). В действительности же о 800 афинянах в союзном греческом войске при Платеях говорится только в русском переводе Геродота, принадлежащем Г. А. Стратановскому; очевидно, в издание тоже вкралась опечатка. В оригинале же говорится о 8 тысячах (ὀκτακισχίλιοι). Афинский контингент в этой кампании был не каким-то незначительным, а вторым по размеру после спартанского и почти таким же, как в славном сражении при Марафоне!

⁷⁷ Автор этих строк должен покаяться, что в одной из своих более ранних работ по неопытности принял точку зрения Диогена (Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства... С. 133–135).

⁷⁸ См. в связи с этим интересные наблюдения: Гаспаров М. Л. Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика. СПб., 2000. С. 39

⁷⁹ Подробнее обо всех этих лицах (а также и об упомянутых ниже) см.: Surikov I. E. Athenian Nobles and the Olympic Games // *Mésogeios*. 2004. Vol. 24. P. 186 ff.

528 и 524 гг. до н. э. – Кимон, сын Стесакора; 500, 496 и 492 г. до н. э. – Каллий, сын Гиппоника.

Во-вторых, хотя в целом победы афинских граждан распределяются по VII в. до н. э. достаточно равномерно, но есть одно исключение: непосредственно перед архонтием Солон более сорока лет не было одержано ни одной. Конечно, можно возразить, что имеющиеся в нашем распоряжении данные об олимпиониках неполны⁸⁰ и какие-то имена могли просто не сохраниться. Это так, но, думается, следует исходить из того, что дошедшая выборка является случайной и тем самым репрезентативной.

Иными словами, наверное, можно все-таки констатировать, что в последней трети VII – начале VI в. до н. э. олимпийская слава афинян претерпела определенный упадок. Данный факт, несомненно, следует связать с тем кризисом, который как раз тогда переживал афинский полис и попыткой выхода из которого как раз явились действия Солон в 594/593 г. до н. э. Какова бы ни была природа этого кризиса⁸¹, в самой его реальности сомневаться не приходится, равно как и в том, что он (как любой кризис в любые времена) привел в той или иной степени к ухудшению общего материального положения жителей Аттики: тут уж было не до спорта.

А в то же время олимпийские победы уже к рассматриваемому периоду стали важной частью престижа эллинских государств. Мириться с тем, что такой полис, как Афины, больше на этом поприще не блещет, было, конечно, трудно. Мы предполагаем, что солоновские меры по награждению олимпиоников (и, видимо, также победителей в остальных панэллинских играх, – во всяком случае, относительно Истмийских об этом в источниках говорится эксплицитно) имели целью именно активизацию участия сограждан в таковых играх.

⁸⁰ Они тщательно собраны в известном издании: *Moretti L. Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici*. Roma, 1957.

⁸¹ На сей счет в исследовательской литературе имеется колоссальный спектр точек зрения. См. (чисто *exempli gratia*): *Hopper R. J. The Solonian 'Crisis' // Ancient Society and Institutions*. Oxf., 1966. P. 139–146; *Ellis J. R., Stanton G. R. Factional Conflict and Solon's Reforms // Phoenix*. 1968. Vol. 22. No. 2. P. 95–110; *Lévêque P. Formes des contradictions et voies de développement à Athènes de Solon à Clisthène // Historia*. 1978. Bd 27. Ht. 4. S. 522–549; *Gallant J. W. Agricultural Systems, Land Tenure, and the Reforms of Solon // Annual of the British School at Athens*. 1982. Vol. 77. P. 111–124; *French A. Solon's Act of Mediation // Antichthon*. 1984. Vol. 18. P. 1–12; *Gottesman A. Solon's Fox: Poetry and Revolution in Archaic Athens // Pomoerium*. 1998. Vol. 3. P. 19–25; *Stanley P. V. Op. cit.* P. 160 ff.; *Ober J. Solon and the Horoi: Facts on the Ground in Archaic Athens // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden; Boston, 2006. P. 441–456; *Raaflaub K. A., Ober J., Wallace R. W. Op. cit.* P. 49 ff.; *Туманс Х.* Указ. соч.; *Суриков И. Е.* Досолоновские «шестидольники»...; *Гуцин В. Р.* Цензовая реформа Солон и кризис в Аттике на рубеже VII–VI вв. до н. э. // ВДИ. 2011. № 3. С. 107–122.

Крупная награда (500 драхм, напомним вновь, – это эквивалент 100 быков) сама по себе, естественно, служила стимулом. Кроме того, может быть, даже стоит говорить не только о награждении как таковом, но и о, так сказать, спонсировании дальнейшего участия. Ведь спорт для тех, кто им занимался, был делом достаточно затратным. Атлеты придерживались специальной диеты, основанной на мясных блюдах, им необходимы были определенные условия для тренировок, наличие досуга и т. д.

Если цель анализируемого солоновского закона действительно была такой, то следует констатировать, что эта цель была достигнута. Как видно из вышеприведенных данных, после Солон афиняне впервые начали побеждать в Олимпии в колесничных бегах, а это был, помимо всего прочего, самый дорогостоящий вид спорта. Кроме того, возросло количество одержанных ими повторных и даже третьих побед. Разумеется, мы никак не хотели бы редуционистски сводить причины изменения ситуации к изданию одного конкретного солоновского закона. Но, вероятно, и его тоже следует учитывать – в числе прочих факторов.

* * *

Переходим, наконец, к самому важному пассажиу из «Солон» Плутарха, упоминающему драхмы. Строго говоря, это не один, а два пассажа⁸², но они настолько тесно взаимосвязаны, что их можно и должно рассматривать только вместе.

Plut. Sol. 23:

εἰς μὲν γὰρ τὰ τιμῆματα τῶν θυσιῶν λογίζεται πρόβατον καὶ δραχμὴν ἀντὶ μεδίμνου... Λύκον δὲ τῷ κομίσαντι πέντε δραχμάς, Λυκιδέα δὲ μίαν, ὧν φησιν ὁ Φαληρεὺς Δημήτριος τὸ μὲν βοὸς εἶναι, τὸ δὲ πρόβατον τιμὴν. ἃς γὰρ ἐν τῷ ἑκκαίδεκάτῳ τῶν ἀξόνων ὀρίζει τιμὰς τῶν ἐκκρίτων ἱερείων, εἰκὸς μὲν εἶναι πολλαπλασίας, ἄλλως δὲ κακεῖναι πρὸς τὰς νῦν εὐτελεῖς εἶσιν. 'Так, например, при оценке жертвоприношений Солон считает овцу и драхму равноценными с медимном хлеба... Кто принесет волка, тому он назначил пять драхм, а кто волчонка – тому одну; из этих сумм, по словам Деметрия Фалерского, первая есть цена вола⁸³, а вторая – овцы. Цены, установленные им на шестнадцатой таблице за отборных жертвенных животных, естественно, во много раз выше, чем за обыкновенных, но все-таки и они, по сравнению с теперешними, невелики'.

⁸² Ruschenbusch E. ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ... S. 99 (F77), 100–101 (F81).

⁸³ Не знаем, почему в переводе С. И. Соболевского фигурирует вол (кастрированный бык). В оригинале – просто βοός (без артикля), то есть речь идет либо о быке, либо о корове, иными словами, выражаясь современным языком, о единице крупного рогатого скота.

Сопроводим процитированное свидетельство некоторыми необходимыми комментариями. Во-первых, как следует правильно понимать выражение *λογίζεται πρόβατον καὶ δραχμήν ἀντὶ μεδίμνου*, ‘считает овцу и драхму равноценными с медимном хлеба’? Означает ли оно, что равноценны были медимн (ок. 52 литров) зерна, овца и драхма, или же к медимну приравнивались овца *плюс* драхма? Мы присоединяемся к практически общепринятой точке зрения, согласно которой правомерна первая из этих двух интерпретаций; иными словами, овца стоила драхму (это недвусмысленно следует из содержащегося чуть ниже утверждения – со ссылкой на Деметрия Фалерского), и драхму же стоил медимн зерна.

Во-вторых, в той же фразе *τὰ τιμήματα τῶν θυσίων* неоднократно⁸⁴ предлагалось исправить на *τὰ τιμήματα τῶν οὐσίων*. Тогда получается, что речь идет не об оценке жертвоприношений, а об оценке имуществ. Соответственно, Э. Рушенбуш заносит данное сообщение Плутарха в рубрику «Представление Ареопагу декларации о доходах с целью распределения по четырем имущественным классам».

Эмendaция, что и говорить, выглядит весьма интересной, имеющей палеографические основания (порча О на Θ и наоборот – вещь нередкая в любой греческой рукописной традиции), а главное – ставящей все свидетельство в совершенно иной контекст, относящей его не к религиозной «секции» солонического законодательства, а к постановлениям об имущественных классах⁸⁵. Кстати, если принять исправление, то становится понятным, почему у Плутарха овца и драхма приравниваются к медимну, а не овца и медимн – к драхме. Ведь, как известно, критерием распределения граждан по классам служил годовой доход каждого, выраженный именно в медимнах (Arist. Ath. pol. 3–4). В таком случае выходит, что здесь перед нами – так сказать, схема пересчета в доходы, полученные в земледельческих продуктах, доходов, полученных иным образом. И все становится на свои места: ведь ясно же, что уже и в солонские времена люди получали прибыль самыми разнообразными способами (ср. своеобразный «каталог профессий»: Sol. fr. 1. 43 sqq. Diehl), а не только выращиванием хлеба.

⁸⁴ Например: *Лурье С. Я.* К вопросу о роли Солон в революционном движении начала VI века // Ученые записки ЛГУ. Л., 1939. № 39. С. 84; *Ruschenbusch E.* ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ... S. 99.

⁸⁵ Из новой литературы об этих классах см., например: *Foxhall L.* A View from the Top: Evaluating the Solonian Property Classes // The Development of the *Polis* in Archaic Greece. L.; N. Y., 1997. P. 61–74; *Wees H. van.* Mass and Elite in Solon's Athens: The Property Classes Revisited // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 351–389.

На вышесказанное, правда, можно возразить, что далее в рамках рассматриваемого свидетельства все-таки заходит речь о делах религиозных, а именно – о ценах на отборных жертвенных животных. Причем в связи с ними упоминается конкретный аксон (16-й), а в случаях таких указаний достоверность соответствующего сообщения, ясно, возрастает.

Однако, строго говоря, нельзя категорично утверждать, что в первой части приведенного пассажа речь идет о тех же реалиях, что и во второй. Вполне возможно, что эти две части следует трактовать по отдельности друг от друга – тем более что между ними вторгается фраза о наградах олимпийским и истмийским победителям (разбиравшаяся выше).

Как бы то ни было, большое значение информации, содержащейся в этом месте у Плутарха, налицо. Именно она позволяет говорить – пусть и с определенной степенью приблизительности – о масштабах цен в солоновских Афинах, поскольку биографом сохранены некоторые базовые соотношения, причем со ссылкой, как видим, на Деметрия Фалерского. Последний был хотя и политически ангажированным автором, но при этом скрупулезным ученым, как любой перипатетик. Он мог, допустим, создать миф о «политии Драконта»⁸⁶ (или подхватить и «растиражировать» такой миф), но трудно представить, зачем бы ему понадобилось фальсифицировать цифры, относящиеся к ценам во времена Солонa. Никакими насущными политическими интересами подобная выдумка не могла бы диктоваться.

В плутарховом жизнеописании афинского реформатора есть еще одно свидетельство с упоминанием драхм (Plut. Sol. 15). Это – именно то, в котором говорится о сисахфии; оно отчасти коррелирует, отчасти же расходится с сообщением «Афинской политики» Аристотеля, который специально говорит о том, что Солон осуществил такую меру, как ἡ τοῦ νομίσματος αὐξήσις (Arist. Ath. pol. 10). Оба античных автора исходят из того, что при Солоне и даже до Солонa в Афинах уже чеканилась монета (что *не* соответствует действительности), а он осуществлял в этой сфере некие преобразования (в частности, менял соотношение стоимости драхмы по отношению к стоимости мины).

Постановление о сисахфии, как отмечалось выше, не входило в число солоновских законов в строгом смысле слова (νόμοι), записанных на аксонах. Соответственно, пассажи источников, упомянутые в предыдущем абзаце, не включены в свод Э. Рушенбуша. Для нас они, тем не менее, будут иметь ключевое значение – но не в этой, а в следующей, второй, части данной работы. Там-то они и будут процитированы в оригинале и в переводе, прокомментированы, разобраны; тогда же и будет указана посвященная им литература (а она достаточно обильна).

⁸⁶ См. выше, прим. 18.

Их анализ, полагаем, позволит внести определенный вклад в попытку решения основного вопроса – о каких драхмах идет речь в законах Солона, коль скоро Афины в начале VI в. до н. э. еще не чеканили? И тот конкретный исторический материал, который был приведен выше, также будет задействован в аналогичных целях (таким образом, первая часть работы стала необходимым и неизбежным подготовительным этапом для написания второй). Кроме того, будут рассмотрены основные существующие в современной исследовательской литературе точки зрения на солоновские драхмы и выделены наиболее перспективные из них. Одним словом, на смену описательному, чисто эмпирическому подходу, который пока у нас преобладал, придет концептуальный.

Пока, во всяком случае, можно безоговорочно констатировать: драхмы в законах Солона действительно фигурировали, и сохранившиеся свидетельства об этом (содержащиеся, как мы видели, в основном у Плутарха) в большинстве своем аутентичны. Что же это были за деньги, если не монеты (методологически неверно отождествлять отсутствие чеканной монеты с отсутствием денег как таковых, до начала чеканки четко фиксируется стадия домонетных денег⁸⁷), какой они имели вид? Об этом в дальнейшем и предстоит говорить.

⁸⁷ Подробнее см.: *Суриков И. Е.* Архаическая и классическая Греция... С. 189 сл. См. важные соображения в связи с тем, что для античной экономики начало чеканки не было такой уж радикальной инновацией, как обычно считается: *Servet J.-M.* *Nomismata: État et origines de la monnaie.* Lyon, 1984. *Passim.*

ДРАХМЫ В ЗАКОНАХ СОЛОНА. II. ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ В СВЕТЕ РЕАЛИЙ СОЛОНОВСКОГО ВРЕМЕНИ*

Конкретный (в чем-то даже описательный) анализ эмпирического исторического материала, которому была посвящена первая часть данной работы, должен был послужить необходимым подготовительным этапом для тех концептуальных суждений, которые будут предложены во второй, заключительной части. Напомним, предстоит решать вопрос о том, что именно представляют собой драхмы, упоминаемые в нарративных источниках в связи с законодательной и реформаторской деятельностью Солонa, имевшей место в 590-х гг. до н. э., коль скоро эти артефакты заведомо не могут быть монетами: чеканка последних начала осуществляться в афинском полисе лишь во второй половине VI в. до н. э., а солоновский архонтат датируется 594/593 г. до н. э.¹, смерть же законодателя приходится на 560/559 г. до н. э.²

Бессспорно, еще ведущие антиковеды-нумизматы второй половины XIX – первой половины XX в., такие как, например, Б. Хед, Ч. Селтман, Дж. Хилл, А. Н. Зограф³, были убеждены, что в солоновских (а то и в досолоновских) Афинах уже выпускалась монета. Тем не менее полный отказ от этого взгляда характерен для античной нумизматики начиная с 1950-х гг. Главную роль в фундаментальном изменении точки зрения сыграли, конечно, работы К. Крэя⁴ и тех

* Впервые опубликовано в: Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 4 (54). С. 34–52.

¹ *Develin R. Athenian Officials 684–321 B.C.* Cambridge, 2003. P. 37.

² Архонтство Гегестрата, датировку которого см.: *Ibid.* P. 42.

³ *Head B. V. Historia numorum: A Manual of Greek Numismatics.* Oxf., 1887; *Head B. V. Historia numorum: A Manual of Greek Numismatics.* 2 ed. Oxf., 1911; *Seltman C. T. Athens, its History and Coinage before the Persian Invasion.* Cambridge, 1924; *Hill G. F. Ancient Greek and Roman Coins: A Handbook.* Chicago, 1964 (переиздание книги 1899 г.); *Зограф А. Н. Античные монеты.* М.; Л., 1951 (посмертно опубликованный труд).

⁴ *Kraay C. M. The Archaic Owls of Athens: Classification and Chronology* // *Numismatic Chronicle.* 1956. Vol. 16. P. 43–68; *Kraay C. M. The Early Coinage of Athens: A Reply* // *Numismatic Chronicle.* 1962. Vol. 2. P. 417–423; *Kraay C. M. Archaic and Classical Greek Coins.* Berkeley, 1976 (обобщающий труд, включивший в себя главные наблюдения Крэя); *Kraay C. M. The Asyut Hoard: Some Comments on Chronology* // *Numismatic Chronicle.* 1977. Vol. 17. P. 189–198.

ученых, которые вскоре же согласились с ним⁵, будучи глубоко убеждены в продуктивности предложенной им методики анализа ранних кладов⁶. В дальнейшем исследователи – как нумизматы, так и историки – исходили уже из датировок начала афинской чеканки второй половиной VI в. до н. э., а не из каких-либо других⁷ (не берем в расчет экзотические суждения некоторых отечественных

⁵ Wallace W. P. The Early Coinages of Athens and Euboia // *Numismatic Chronicle* 1962. Vol. 2. P. 23–42; Raven E. J. P. Problems of the Earliest Owls of Athens // *Essays in Greek Coinage Presented to S. Robinson*. Oxf., 1968. P. 40–58; Hopper R. J. Observations on the Wappenmünzen // *Essays in Greek Coinage Presented to S. Robinson*. Oxf., 1968. P. 16–39.

⁶ Наиболее полное изложение этой методики см.: Kraay C. M. *Schatzfunde, Kleingeld und der Ursprung der Münzen* // *Methoden der antiken Numismatik*. Darmstadt, 1989. S. 180–210. Ее конструктивное применение к одному из конкретных важных кладов см.: Price M. J., Waggoner N. M. *Archaic Silver Coinage: The Asyut Hoard*. L., 1975. Для первичного ознакомления с этой перспективнейшей методикой антиковеду, не являющемуся нумизматом, будет небесполезен и пассаж в популярной книге: Casey P. J. *Understanding Ancient Coins: An Introduction for Archaeologists and Historians*. L., 1986. P. 51 ff.

⁷ Radnoti-Alfoldi M. *Antike Numismatik*. Mainz, 1978. Teil 1. S. 85; Kroll J. H. From Wappenmünzen to Gorgoneia to Owls // *The American Numismatic Society. Museum Notes*. 1981. Vol. 26. P. 1–32; Kroll J. H. *The Greek Coins (The Athenian Agora*. Vol. 26). Princeton, 1993; Kroll J. H., Waggoner N. M. *Dating the Earliest Coins of Athens, Corinth and Aegina* // *American Journal of Archaeology*. 1984. Vol. 88. No. 3. P. 325–340; Nicolet H. *Monnaies athéniennes perdues et retrouvées* // *Aux origines de l'Hellénisme: La Crète et la Grèce*. P., 1984. P. 222; Musiolek P. *Zur Problematik der solonischen Reformen* // *Familie, Staat und Gesellschaftsformation*. B., 1988. S. 450; Jenkins G. K. *Ancient Greek Coins*. 2 ed. L., 1990. P. 25–26; Welwei K.-W. *Athen: Von neolithischen Siedlungsplatz zur archaischen Großpolis*. Darmstadt, 1992. S. 199; Reden S. von. *Exchange in Ancient Greece*. L., 1995. P. 179–181; Howgego C. *Ancient History from Coins*. L.; N. Y., 1995. P. 7–9; Rebuffat F. *La monnaie dans l'antiquité*. P., 1996. P. 36–39; Osborne R. *Greece in the Making, 1200–479 BC*. L.; N. Y., 1996. P. 222; Theodorou J. *Athenian Silver Coins: 6th–3rd Centuries B.C. The Current Interpretation* // *Μνήμη Martin Jessop Price*. Athens, 1996. P. 53; Sear D. R. *Greek Coins and their Values*. L., 1997. Vol. 1: Europe. P. 181–185; Dawson S. *The Athenian Wappenmünzen* // *Scholia*. 1999. Vol. 8. P. 71–77; Kim H. S. *Archaic Coinages as Evidence for the Use of Money* // *Money and its Uses in the Ancient Greek World*. Oxf., 2001. P. 11; Seaford R. *Money and the Early Greek Mind: Homer, Philosophy, Tragedy*. Cambridge, 2004. P. 131; Schaps D. M. *The Invention of Coinage and the Monetization of Ancient Greece*. Ann Arbor, 2004. P. 126; Lavelle B. M. *Fame, Money, and Power: The Rise of Peisistratos and «Democratic» Tyranny at Athens*. Ann Arbor, 2005. P. 131; Flament C. *Le monnayage en argent d'Athènes: De l'époque archaïque à l'époque hellénistique (c. 550 – c. 40 av. J.C.)*. Louvain-la-Neuve, 2007. P. 9–23; Суриков И. Е. Древнейшие афинские монеты (Wappenmünzen): проблемы интерпретации и датировки // *Античный мир и археология*. Саратов, 2006. Вып. 12. С. 43–51; Суриков И. Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М, 2007. С. 186 сл.; Коваленко С. А., Толстиков В. П. О начале монетной чеканки на Боспоре. I // *ВДИ*. 2010. № 3. С. 47 сл. Ср. также: Vickers M. *Early Greek Coinage*,

антиковедов, которые еще в 2000-х гг. продолжали писать о монетах времен Солона, апеллируя при этом к Селтману как к высшему авторитету и тем самым демонстрируя лишь свое незнание о последующей «революции датировок»⁸, которая коснулась, естественно, монетного дела не только Афин, но и архаического греческого мира в целом).

Итак, в период солоновских реформ никаких афинских монет не существовало, и из этого волей-неволей приходится исходить. Перечисляя, цитируя, комментируя в первой части работы свидетельства источников, благодаря которым нам стали известны законы Солона, упоминающие драхмы (опирались мы прежде всего на известное издание Э. Рушенбуша⁹), мы сознательно не затронули (а лишь кратко упомянули), оставив для отдельного рассмотрения (к которому сейчас и перейдем) те из этих свидетельств, которые относятся к сисахфии – важнейшей экономической реформе Солона¹⁰, – а также к его так называемой «монетной реформе» (ставим данное выражение в кавычки, поскольку ни о какой монетной реформе в собственном смысле слова применительно к 594/593 г. до н. э. говорить, конечно, не приходится, исходя

a Reassessment // *Numismatic Chronicle*. 1985. Vol. 145. P. 1–44 (эта провокационная работа уж чрезмерно «омолаживает» афинскую чеканку, и ее принципиальный вывод был вскоре аргументированно опровергнут: *Root M. C. Evidence from Persepolis for the Dating of Persian and Archaic Greek Coinage* // *Numismatic Chronicle*. 1988. Vol. 148. P. 8–12). Сразу оговорим здесь, что в рамках второй половины VI в. до н. э. для начала афинской чеканки предлагаются достаточно разнообразные датировки, но здесь для нас важно не это, а только тот – ныне твердо установленный – факт, что любая из этих датировок позже времени проведения солоновских реформ.

⁸ Ссылки на несколько таких работ мы привели в первой части нашей работы (прим. 8) и повторять их не будем.

⁹ *Ruschenbusch E. ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte*. Wiesbaden, 1966.

¹⁰ Его экономическим реформам в целом посвящена относительно недавняя специальная монография (*Stanley P. V. The Economic Reforms of Solon*. St. Katharinen, 1999), впрочем имеющая ряд недостатков (в частности, в ней не столько говорится об экономических реформах Солона как таковых, сколько об общей экономической ситуации в тогдашней Греции. Безусловно устаревшим на сегодняшний день является написанное на ту же тему исследование: *Woodhouse W. J. Solon the Liberator*. Repr. ed. N. Y., 1965 (пепринт книги 1938 г.). В связи с экономическими реформами Солона см. также: *Lewis N. Solon's Agrarian Legislation* // *American Journal of Philology*. 1941. Vol. 62. No. 2. P. 144–156; *Milne J. G. The Economic Policy of Solon* // *Hesperia*. 1945. Vol. 14. No. 3. P. 230–245; *French A. The Economic Background to Solon's Reforms* // *Classical Quarterly*. 1956. Vol. 6. No. 1/2. P. 11–25; *Waters K. H. Solon's 'Price-equalisation'* // *Journal of Hellenic Studies*. 1960. Vol. 80. P. 181–190; *Gallant J. W. Agricultural Systems, Land Tenure, and the Reforms of Solon* // *Annual of the British School at Athens*. 1982. Vol. 77. P. 111–124; *Molina L. A. Solon and the Evolution of the Athenian Agrarian Economy* // *Pomoeium*. 1998. Vol. 3. P. 5–18

из вышеизложенных хронологических соображений). На наш взгляд, оба этих преобразования скорее следует относить не к νόμοι Солона в строгом смысле слова, а к его πολιτεία (о различии между этими двумя категориями см.: Arist. Pol. II. 1273b22 sqq.; говорилось о нем и в первой части данной работы).

На этих-то свидетельствах мы теперь подробно остановимся. Пусть они не имеют прямого отношения к законам Солона – но все-таки в них фигурируют драхмы. Так, может быть, они прольют какой-то новый свет на интересующую нас проблему? Нам кажется, они могут иметь для ее понимания даже ключевое значение; их необходимо будет процитировать в оригинале и переводе, а также прокомментировать.

Пассажей, которые надлежит иметь в виду (то есть с упоминанием драм), собственно, всего два¹¹. Ситуация фактически такова: Андротион *versus* Аристотель. О последнем много говорить не приходится; Андротион же был достаточно крупным политиком и историком-аггиографом середины VI в. до н. э.¹² Таким образом, налицо ситуация «авторитет против авторитета», и оба авторитета – отнюдь не «дутые», но притом их точки зрения входят в резкое противоречие между собой.

Естественно, об обоих вышеназванных солоновских мероприятиях существует весьма обильная литература, особенно о сисахфии (проблемам, связанным с этой последней, и нам в свое время довелось посвятить статью на страницах ВДИ¹³). Наверное, не стоит перечислять здесь ее исчерпывающим образом – во избежание перегрузки текста справочным материалом, и без того уже немаленьким, – но ссылки на некоторые важные и интересные работы, думается, все-таки необходимо дать¹⁴. Что же касается «монетной реформы» Солона (которую корректнее называть метрологической, см. ниже),

¹¹ Оговорим во избежание недоразумений: сообщений источников о сисахфии, естественно, намного больше. Но нас, повторим и подчеркнем, интересуют здесь только те, в которых фигурируют драхмы.

¹² См. о нем наиболее подробно: *Harding Ph.* Androtion and the Atthis. Oxf., 1994.

¹³ *Суриков И. Е.* Досолоновские «шестидольники» и долговой вопрос в архаических Афинах // ВДИ. 2007. № 3. С. 28–46.

¹⁴ *Хвостов М. М.* Сисахтия Солона и разложение эвпатридского землевладения // Филологическое обозрение. 1897. Т. 13. № 1. С. 3–26; *Семенов А. Ф.* Сисахтия // Гермес. 1908. Т. 3. № 13. С. 337–340; № 14. С. 364–369; *Mühl M.* Solons sogenannten χρῆσιν ἀποκοπήν im Lichte der antiken Überlieferung // Rheinisches Museum für Philologie. 1953. Bd 96. S. 214–223; *Hammond N. G. L.* Land Tenure in Attica and Solon's Seisachtheia // Journal of Hellenic Studies. 1961. Vol. 81. P. 76–98; *Oliva P.* Solon und seine Seisachtheia // Živa Antika. 1971. Vol. 21. No. 1. P. 103–122; *Harris E. M.* A New Solution to the Riddle of the Seisachtheia // The Development of the Polis in Archaic Greece. L.; N. Y., 1997. P. 55–60; *Harris E. M.* Did Solon Abolish Debt-Bondage? // Classical Quarterly. 2002. Vol. 52. No. 2. P. 415–430; *L'Homme-Wéry L.-M.* Eleusis and Solon's Seisachtheia // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1999. Vol. 40. No. 2. P. 109–133;

то исследований о ней меньше и они не столь известны, поэтому их тем более следует указать¹⁵.

* * *

Итак, углубимся в суть полемики Андротиона и Аристотеля о сисахфии. Начнем с сообщения агтидографа. Его версию этой солоновской реформы излагает Плутарх (Plut. Sol. 15) как альтернативную, стоящую абсолютно особняком по сравнению с пониманием данной меры остальными авторами. В античности обычно считалось, что осуществленная Солоном сисахфия («сбрасывание бремени», если переводить дословно) была попросту кассацией долгов, сопровождаемой запретом долгового рабства, и, на наш взгляд, это мнение следует признать верным¹⁶. Тем более интересна «еретическая» точка зрения Андротиона (Androt. FGrHist. 324 F34, apud Plut. Sol. 15)¹⁷:

Καίτοι τινὲς ἔγραψαν, ὧν ἐστὶν Ἀνδροτίων, οὐκ ἀποκοπῇ χρεῶν, ἀλλὰ τόκων μετριότητι κοθφισθέντας ἀγαπῆσαι τοὺς πένητας, καὶ σεισάχθειαν ὀνομάσαι τὸ φιλανθρώπευμα τοῦτο καὶ τὴν ἅμα τούτῳ γενομένην τῶν τε μέτρων ἐπαυξήσιν καὶ τοῦ νομίσματος τιμῆς. Ἐκατὸν γὰρ ἐποίησε δραχμῶν τὴν μνάν, πρότερον ἑβδομήκοντα καὶ τριῶν οὖσαν, ὥστ' ἀριθμῶ μὲν ἴσον,

Ober J. Solon and the *Horoi*: Facts on the Ground in Archaic Athens // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 441–456.

¹⁵ *Noyen P.* Aristote et la réforme monétaire de Solon // L'Antiquité classique. 1957. Vol. 26. No. 1. P. 136–141; *Kraft K.* Zur Übersetzung und Interpretation von Aristoteles, Athenaiōn Politeia, Kap. 10 (Solonische Münzreform) // Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte. 1959/1960. Bd 10. S. 21–46; *Kraft K.* Zur solonischen Gewichts- und Münzreform // Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte. 1969. Bd 19. S. 7–24; *Kraay C. M.* An Interpretation of Ath. pol. Ch. 10 // Essays in Greek Coinage Presented to S. Robinson. Oxf., 1968. P. 1–9; *Crawford M. H.* Solon's Alleged Reform of Weights and Measures // Eirene. 1972. Vol. 10. P. 5–8; *Chambers M.* Aristotle on Solon's Reform of Coinage and Weights // California Studies in Classical Antiquity. 1973. Vol. 6. P. 1–16; *Fischer T.* Zu Solons Maß-, Gewichts- und Münzreform // Chiron. 1973. Bd 3. S. 1–14; *Rhodes P. J.* Solon and the Numismatics // Numismatic Chronicle. 1975. Vol. 15. P. 1–11; *Creatini F.* Riflessi sociali della riforma ponderale di Solone // Studi classici e orientali. 1984. Vol. 34. P. 127–132; *Horsmann G.* Athens Weg zur eigenen Währung: Der Zusammenhang der metrologischen Reform Solons mit der timokratischen // Historia. 2000. Bd 49. Ht. 3. S. 259–277.

¹⁶ В современной историографии, конечно, наличествует немалое количество разнообразных теорий относительно сисахфии, вплоть до экзотических. Не место здесь их разбирать; отметим только, что правоту Андротиона не признает практически никто из антиковедов (разве что *Milne J. G.* Op. cit.).

¹⁷ В связи с ней см.: *Harding P.* Androtion's View of Solon's Seisachtheia // Phoenix. 1974. Vol. 28. No. 3. P. 282–289.

δυνάμει δ' ἑλάττων ἀποδιδόντων, ὠφελεῖσθαι μὲν τοὺς ἐκτίνοντας μεγάλα, μὴ δὲν δὲ βλάπτεσθαι τοὺς κομιζομένους.

‘Впрочем, по свидетельству некоторых авторов, в том числе Андротиона, бедные удовлетворялись тем, что Солон облегчил их положение не уничтожением долгов, а уменьшением процентов, и сисахфией называли этот благотворительный закон и одновременное с ним увеличение мер и возвышение ценности денег (дословно «монеты». – И. С.). Так, из мины, содержавшей прежде семьдесят три драхмы, он сделал сто драхм; таким образом, должники уплачивали по числу ту же сумму, а по стоимости меньшую; через это платившие получали большую пользу, а получавшие не терпели никакого убытка’ (перевод С. И. Соболевского).

Необходимо сразу оговорить, что в современной литературе часто поправляют рукописное «семьдесят три драхмы» на «семьдесят драхм»¹⁸, и, видимо, делают это совершенно резонно. Во-первых, та ситуация, которую предполагает имеющийся в нашем распоряжении текст, подразумевала бы, что досолоновская мина состояла из 36,5 статера, а мина не может делиться на дробное число стате-ров. Во-вторых – и это главное, – именно цифру 70 называет в аналогичном контексте Аристотель, как мы увидим, когда будем цитировать его свидетельство.

В свое время Т. Рейнак высказал довольно убедительное предположение по поводу того, как могла случиться порча¹⁹: изначально у Андротиона стояло ἐβδομήκοντ' ἄγουσαν, затем на каком-то этапе эволюции рукописной традиции это было понято как ἐβδομήκοντα γ' οὖσαν, и, наконец, какой-нибудь очередной переписчик «расшифровал» мнимую цифру γ', написав ее словом, что и дало на выходе ἐβδομήκοντα καὶ τριῶν οὖσαν.

В любом случае, интерпретация сисахфии Андротионом, что и говорить, выглядит более чем проблематичной. У него получается, что Солон фактически прибег к некоему «благочестивому обману», но кого можно было ввести в заблуждение столь незамысловатым трюком?²⁰ До недавнего времени большим авторитетом пользовалась концепция Ф. Якоби²¹. По мнению этого выдающегося

¹⁸ Один из последних примеров: *Harding P.* The Story of Athens: The Fragments of the Local Chronicles of Attika. L.; N. Y., 2008. P. 89.

¹⁹ *Reinach T.* Zu Androtion fr. 40 Müller // *Hermes*. 1928. Bd 63. Ht. 2. S. 238–240.

²⁰ Известна (Ps.-Arist. Оec. II. 1347a4 sqq.) в чем-то похожая манипуляция афинского тирана Гиппия, имевшая место в конце его правления (наши выкладки в связи с интерпретацией и датировкой «монетной реформы Гиппия» см.: *Суриков И. Е.* О так называемой монетной реформе Гиппия в Афинах // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конф. Тезисы докл. и сообщ. М., 2009. С. 7–9). Но, нужно сказать, недолго он после этого и удержался у власти, и, полагаем, хитрость с монетами стала одним из факторов, снизивших его популярность в среде афинского гражданства.

²¹ Наиболее подробно изложена в комментарии к рассматриваемому фрагменту Андротиона в: *Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker. Teil 3. Geschichte von Staedten

ученого, Андротион по своим политическим воззрениям был весьма умеренным демократом, едва ли не сторонником мягкой олигархии. Солон представителями этого лагеря весьма почитался, противопоставляясь ими Клисфену и еще более радикальным деятелям V в. до н. э. Соответственно, для аттидографа никак невозможно было допустить, чтобы древний законодатель пошел на такую революционнейшую меру, как отмена долгов (χρεῶν ἀποκοπή): эта последняя, наряду с переделом земли (γῆς ἀναδασμός), в IV в. до н. э. входила в число лозунгов самых бедных и недовольных, «смутьянских» слоев населения. Таким образом, с точки зрения Якоби, андротионовская превратная трактовка сисахфии явилась порождением идеологической ангажированности автора.

Однако Ф. Хардинг, на протяжении последних десятилетий наиболее углубленно занимавшийся Андротием, из работы в работу (на основные из них мы уже ссылались выше) последовательно отстаивает совершенно иной тезис. Он утверждает, что Андротион был добросовестным ученым, а не беспринципным фальсификатором истории. В своем понимании сисахфии автор одной из известнейших «Аттид», безусловно, не прав, но следует говорить именно об исследовательской ошибке с его стороны, а не о сознательном искажении фактов.

Мы в данном случае вполне солидарны с Хардингом. Представляется, что Андротион по какой-то причине попросту перепутал две солоновские меры, в реальности не имевшие между собой ничего общего – сисахфию и метрологическую реформу. О последней наиболее подробно сказано в аристотелевской «Афинской политии» (отметим, кстати, что между «Аттидой» Андротииона и «Афинской политией» имеются и иные расхождения, – правда, некоторые из них следует признать мнимыми²²), и к соответствующему пассажиру из этого трактата теперь необходимо перейти²³.

Arist. Ath. pol. 10:

...πρὸ δὲ τῆς νομοθεσίας ποιήσας τὴν τῶν χρεῶν ἀποκοπὴν, καὶ μετὰ ταῦτα τὴν τε τῶν μέτρων καὶ σταθμῶν καὶ τὴν τοῦ νομίσματος αὐξησιν. Ἐπ' ἐκείνου γὰρ ἐγένετο καὶ τὰ μέτρα μείζω τῶν Φειδωνείων, καὶ ἡ μνᾶ, πρότερον

und Voelkern (Horographie und Ethnographie). b (Supplement): A Commentary on the Ancient Historians of Athens. Leiden, 1954. Vol. 1–2.

²² Характерный пример: традиционно считается, что Аристотель (Ath. pol. 22) относит введение остракизма в Афинах к 508/507 г. до н. э., а Андротион – к 487 г. до н. э. (Androt. FGGrHist. 324. F6, ap. Harpocr. s.v. Ὀππάρχος). Однако это заблуждение: как было показано (Harding P. Atthis and Politeia // Historia. 1977. Bd 26. Ht. 2. S. 157 ff.; Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 167 сл.), в действительности оба автора не противоречат друг другу по этому вопросу, просто позднеантичный лексикограф Гарпократион некорректно процитировал Андротииона (либо же имела место ошибка переписчика).

²³ Непосредственно в связи с этим пассажем см.: Noyen P. Op. cit.; Kraft K. Zur Übersetzung...; Kraay C. M. An Interpretation...; Chambers M. Op. cit.

ἔχουσα σταθμὸν ἑβδομήκοντα δραχμάς, ἀνεπληρώθη ταῖς ἑκατόν. Ἦν δ' ὁ ἀρχαῖος χαρακτήρ διδραχμον. Ἐποίησε δὲ καὶ σταθμὰ πρὸς τὸ νόμισμα, τρεῖς καὶ ἑξήκοντα μῆας τὸ τάλαντον ἀγούσας, καὶ ἐπιδιενεμήθησαν αἱ τρεῖς μναὶ τῷ στατήρι καὶ τοῖς ἄλλοις σταθμοῖς.

‘Раньше законодательства он (Солон. – И. С.) произвел отмену долгов, а после всего этого увеличение мер, весов и монеты. Именно при нем и меры были увеличены в сравнении с фидоновскими, и мина, имевшая прежде вес в семьдесят драхм, доведена была до ста. Старинный тип чеканки представлял собой монету двухдрахмового достоинства. Он сделал и вес сообразно с монетой, так что шестьдесят три мины равнялись таланту, и эти три мины, пропорционально распределенные, прибавились на каждый статер и на другие меры веса’ (перевод С. И. Радцига).

Из приведенной цитаты, прежде всего, совершенно ясно видно, что автор «Афинской политики» четко отличал реформу мер, весов и «монеты» от сисахфии (отмены долгов), то есть не делал той ошибки, которую допустил Андротион. Кроме того, точно так же видно, что обе названных акции Солон Аристотель отделял от его законодательства. Разумеется, предлагаемый Стагиритом конкретный хронологический порядок событий (сисахфия – введение свода законов – метрологическая реформа) не обязательно должен быть верным; но важно то, что основатель Ликея, получается, не встретил упоминания о метрологической реформе на аксонах с солоновскими законами. А аксоны эти он изучал скрупулезно и, как известно, даже посвятил им специальный трактат Περί τῶν Σόλωνος ἀξόνων в пяти книгах²⁴.

Сомневаться в том, что Солон на самом деле провел реформу мер и весов, не приходится. Суть ее заключалась в том, что отныне Афины переходили с эгинских («фидоновских») весовых стандартов на эвбейские. На вопрос, для чего это было сделано, возможно несколько альтернативных ответов. Обычно исследователи подчеркивают экономические, торговые предпосылки данной акции²⁵, иногда указывается и на ее политический контекст (создание Солоном «тимократического» государственного устройства)²⁶.

А вот недавно, например, Дж. Холл²⁷ обратил внимание на интересное обстоятельство: именно при Солоне резко усилилась ориентация Афин на ионийский мир. Между прочим, в одной из своих элегий (Sol. fr. 4 Diehl) поэт-

²⁴ По поводу дошедших от этого трактата фрагментов см.: *Ruschenbusch E.* ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ... S. 40 ff.

²⁵ Характерные примеры: *Waters K. H.* Op. cit.; *Chambers M.* Op. cit.

²⁶ *Horsmann G.* Op. cit.

²⁷ *Hall J. M.* A History of the Archaic Greek World ca. 1200–479 BCE. 2 ed. Oxf., 2014. P. 280.

законодатель называет Аттику «древнейшей землей Ионии» (πρεσβυτάτην... γαῖαν Ἰαονίης) и оказывается, таким образом, древнейшим автором (во всяком случае, из числа известных нам), признающим афинян ионийцами, как известно, были и эвбейцы, в то время как эгинеты относились к дорийцам. Так что не исключена и культурно-историческая подоплека солоновской метрологической реформы как одного из шагов на пути определения афинянами своей этнической идентичности.

Как бы то ни было, примерно ясна причина заблуждения Аристотеля, приписавшего Солону, помимо метрологической реформы, еще и монетную, которая, повторим снова и снова, просто не могла иметь места в условиях отсутствия монеты. Другое дело, что когда Афины несколько десятилетий спустя все-таки начали собственную чеканку (речь идет о выпусках так называемых *Wappenmünzen*, а уже им на смену позже пришли знаменитые «совы»), они осуществляли ее изначально по эвбейскому стандарту.

В IV в. до н. э., когда писал Стагирит, драхма являлась одновременно и весовой единицей, и монетой. Автор «Афинской политики», перенося на солоновские времена реалии, характерные для его собственной эпохи (это, вообще говоря, было в высшей степени свойственно – в силу отсутствия чувства историзма – как ему самому, так и его современникам, в частности тому же Андротиону²⁸), полагал, что ровно так же обстояло дело и в начале VI в. до н. э. Он ведь не мог знать даты начала афинского монетного дела; а упоминание драхм в целом ряде законов Солона (эти упоминания были рассмотрены в первой части данной работы) только укрепляло Аристотеля в мысли, что ко времени реформ 594 г. до н. э. чеканка Афинами уже велась. Соответственно, он по своему логично заключил, что изменение весовых единиц автоматически влекло за собой аналогичное изменение стоимости монеты.

Тут же в «Афинской политике», как мы видели, упоминаются и сами первые афинские монеты, двухдрахмового достоинства (τὴν δ' ὁ ἀρχαῖος χαρακτήρ διδραχμὸν – фраза, надо сказать, несколько чужеродно смотрящаяся в процитированном пассаже). Не приходится сомневаться в том, что имеются в виду *Wappenmünzen*: именно дидрахма была основным и наибольшим номиналом почти во всех их сериях (кроме самых последних), в то время как «совы» начали выпускаться сразу тетрадрахмами²⁹.

Аристотелю, несомненно, попадались в руки образчики *Wappenmünzen* (которые, понятно, тогда так не назывались), и он не мог не понимать, что эти монеты в Афинах самые древние, более древние, чем «совы». Можем ли мы

²⁸ *Harding P. Androtion's View...* P. 288.

²⁹ Подробнее по проблеме см.: *Kroll J. H. From Wappenmünzen...*; *Суриков И. Е. От Wappenmünzen к «Совам»: в поисках исторического контекста // Четырнадцатая Всероссийская нумизматическая конф. Тезисы докл. и сообщ. СПб., 2007. С. 10–12.*

винить его за ошибочное мнение о чеканке их уже во времена Солона и даже раньше? Нет, не можем, учитывая, что именно так *Wappenmünzen* датировались, как отмечалось выше, еще в относительно недавнее время, все ведущие нумизматы были абсолютно убеждены в существовании солоновских монет, и лишь с 1950–1960-х гг. *communis opinio* радикально поменялось. Так какие же претензии могут быть к Стагириту?

Тем не менее принимать его путь решения проблемы мы ныне, конечно же, уже не можем. Совершенно ясно, например, что те долги, которые отменил Солон своей сисахфией, существовали преимущественно в натуральном продукте. Среди них, безусловно, могли быть и денежные долги, но, во-первых, таковые должны были составлять лишь незначительное меньшинство, а, во-вторых, даже в связи с ними речь должна вестись о домонетных деньгах (об этом феномене подробнее будет сказано ниже). Характерно, что в качестве критерия для разделения граждан на имущественные классы был принят размер дохода в медимнах, а отнюдь не в деньгах³⁰.

³⁰ Из относительно недавней литературы о данной солоновской реформе см.: *Skydsgaard J. E.* Solon's Tele and the Agrarian History: A Note // *Studies in Ancient History and Numismatics Presented to R. Thomsen. Aarhus, 1988. P. 50–54*; *Foxhall L.* A View from the Top: Evaluating the Solonian Property Classes // *The Development of the Polis in Archaic Greece. L.; N. Y., 1997. P. 61–74*; *Rosivach V. J.* The Requirements for the Solonic Classes in Aristotle, AP 7.4 // *Hermes. 2002. Bd 130. Ht. 1. S. 36–47*; *Wees H. van.* Mass and Elite in Solon's Athens: The Property Classes Revisited // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 351–389*; *Raaflaub K. A.* Athenian and Spartan *Eunomia*, or: What to Do with Solon's Timocracy? // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 390–428*; *Keesling C. M.* Solon's Property Classes on the Athenian Acropolis? A Reconsideration of IG I³.831 and *Ath. pol.* 7.4 // *Cities Called Athens: Studies Honoring John McK. Camp II. L., 2015. P. 115–135*; *Гуцин В. П.* Цензовая реформа Солон и кризис в Аттике на рубеже VII–VI вв. до н. э. // *ВДИ. 2011. № 3. С. 107–122*. Ср. также: *Oudenrijn C. M. A. von der.* Solon's System of Property-Classes Once More // *Mnemosyne. 1952. Vol. 5. Fasc. 1. P. 19–22*: эта работа хоть и не новая, но настолько сильная, несмотря на небольшой размер, что сам учитель молодого автора, Й. Тиль, против построений которого (*Thiel J. H.* On Solon's System of Property-Classes // *Mnemosyne. 1950. Vol. 3. Fasc. 1. P. 1–11*), собственно, направлена была его статья, вынужден был в специально написанном им к ней постскрипуме признать свою неправоту и поблагодарить ученика. Наверное, не лишним здесь будет и указать на полемику между Х. Тумансом и автором этих строк по вопросу о том, почему солоновский ценз исчислялся в натуральных продуктах, а не в деньгах: *Туманс Х.* Еще раз об аристократизме и «буржуазности» Солон // *ВДИ. 2007. № 2. С. 19–39*; *Суриков И. Е.* Еще раз о законодательствах Драконта и Солон в Афинах (полемические заметки). Ч. II // *Из истории античного общества. Нижний Новгород, 2009. Вып. 12. С. 5–37*.

* * *

Итак, как же нам все-таки оптимально решить проблему драхм, упоминаемых в законах Солон? В литературе указывалось, что, даже если Афины в его пору не чеканили, в них уже тогда могли обращаться монеты из других центров³¹. Теоретически говоря, такого исключать нельзя. Достаточно вспомнить, что такой развитый в экономическом отношении полис, как Мегары, не начинал собственной чеканки вплоть до начала IV в. до н. э. и, следовательно, вполне удовлетворялся для своего торгового оборота чужими монетами (во всяком случае, таким способом экономические нужды могли удовлетворяться хотя бы отчасти, но, с другой стороны, в сделках мегарянами, как мы предполагаем в другом месте³², должно было использоваться и нечеканеное серебро)³³.

Но, с другой стороны, о каких «других центрах» можно говорить для начала VI в. до н. э.? Тогда еще не выпускал монету ни один полис Балканской Греции: ни Эгина, ни Коринф. И та, и другая начали делать это только позже (хотя все-таки несколько раньше, чем Афины)³⁴. В солоновское время налицо

³¹ Например: *Chambers M.* Op. cit. P. 16.

³² *Суриков И. Е.* Архаическая и классическая Греция... С. 193–194.

³³ Заметим, что данную не вполне обычную практику Мегар разделяли и их колонии (и субколони). Очень поздно начали чеканить и Византий, и Гераклея Понтийская, и Херсонес Таврический. Кстати, скажем несколько слов в связи с последним. В свое время Ю. А. Виноградов, разбирая (применительно к региону Боспора Киммерийского) вопрос о том, по каким критериям отличать полисы от греческих поселений, полисами не являвшихся, высказал следующий тезис: «Принципиальное значение для определения полисного статуса имеет монетная чеканка» (*Виноградов Ю. А.* К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // *Античный мир и археология.* 1993. Вып. 9. С. 83). Иными словами, если данный центр чеканит – то он полис, если не чеканит – то он не полис. Это крайне спорное положение почему-то было с большим энтузиазмом встречено и поддержано многими российскими и украинскими специалистами по античному Северному Причерноморью. Так, и А. В. Буйских в своем монументальном труде о Херсонесе Таврическом (*Буйских А. В.* Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь, 2008) принимает в число абсолютно неотъемлемых атрибутов полиса наличие собственной монеты и в том действительно бесспорном факте, что Херсонес начинает чеканку поздно, в IV в. до н. э., видит очень весомое доказательство отсутствия в нем полисных институтов в более раннее время. Нам пришлось тогда же возразить киевской исследовательнице (*Суриков И. Е.* «Херсонес изначальный» или «предхерсонесское поселение»? // *Studia historica.* М., 2009. Вып. 9. С. 185–201) и, в частности, указать, что, согласно ее (и Ю. А. Виноградова) логике, Мегары стали полисом в IV в. до н. э., что, разумеется, смешно и абсурдно. Наверное, факт позднего начала чеканки у всего этого мегарского «куста» полисов нуждается в объяснении, но сам этот факт налицо, и оспорить его нельзя.

³⁴ В связи с соотношением во времени эгинской, коринфской и афинской чеканок см. прежде всего: *Kroll J. H., Waggoner N. M.* Op. cit.

были *только* электроновые выпуски Лидии и нескольких полисов Ионии. Однако в контексте этой ранней электроновой чеканки термин «драхма» вообще не употреблялся, да и не мог употребляться по понятным причинам. Да и в целом хотя восточные электроновые монеты, несомненно, могли в рассматриваемую эпоху спорадически попадать и в Афины, однако оказывать хоть сколь-нибудь серьезного влияния на денежное хозяйство не были способны.

Понимать солоновскую драхму в «пелопоннесском» смысле – как связку из шести «вертелов»-оболов, стандартизированных по весу металлических спиц, – мы тоже не можем. На Пелопоннесе такого рода деньги действительно зафиксированы³⁵, но в Аттике нет и следа ничего подобного.

Наиболее вероятным решением проблемы нам все-таки представляется то, которое еще в 1970-х гг. предложил (или, скорее, предсказал?) П. Родс³⁶ (не нумизмат, а просто выдающийся историк!), потом поддержал А. Фуртвенглер³⁷, а ныне активнейшим адептом этой точки зрения является такой виднейший представитель современной нумизматической науки, как Дж. Кролл³⁸, и его позиция быстро обрела сторонников³⁹. Согласно данной точке зрения, солоновская драхма – это нечеканенный слиточек серебра весом в одну драхму (по эвбейско-аттическому стандарту – ок. 4,36 г).

Такие слиточки, вне всякого сомнения, циркулировали в архаической Греции, и самое место им было в Аттике, где, благодаря Лаврийским рудникам, серебро добывалось в достаточном количестве (основные залежи Лаврии были,

³⁵ Дискуссионным является вопрос, восходят ли к старинным пелопоннесским обалам спартанские железные пеланоры. См. по проблеме: *Φιγεῖρα Τ. Δζ.* Спартанские железные деньги и идеология средств существования в архаической Лаконии // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 5–28.

³⁶ *Rhodes P. J.* Solon...; *Rhodes P. J.* Solon and the Numismatics: Postscript // *Numismatic Chronicle*. 1977. Vol. 17. P. 152; строго говоря, еще намного раньше аналогичную догадку высказывал (правда, не применительно конкретно к Афинам) наш великий нумизмат А. Н. Зограф: *Зограф А. Н.* Указ. соч. С. 23.

³⁷ *Furtwängler A.* Neue Beobachtungen zur frühesten Münzprägung // *Schweizerische numismatische Rundschau*. 1986. Bd 65. S. 164.

³⁸ *Kroll J. H.* Silver in Solon's Laws // *Studies in Greek Numismatics in Memory of M. J. Price*. L., 1998. P. 225–232; *Kroll J. H.* The Monetary Use of Weighed Bullion in Archaic Greece // *The Monetary Systems of the Greeks and Romans*. Oxf., 2008. P. 12–37. Более раннее предвосхищение им той же гипотезы (выраженное несколько косвенно) см. в работе, написанной им в соавторстве: *Kroll J. H., Waggoner N. M.* Op. cit. P. 333.

³⁹ *Ruschenbusch E.* Plutarchs Solonbiographi // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1994. Bd 100. S. 362; *Stanley P. V.* Op. cit. P. 212; *Kim H. S.* Op. cit. P. 8–11. Рушенбуш и Стенли делают, правда, оговорку: при Солоне в Афинах использовались деньги в форме либо серебряных слиточков, либо железных стержней. Однако, как оговаривалось чуть выше, второй из этих вариантов практически исключен.

правда, открыты позже, но трудно представить, что ранее афинянам оставалось совершенно неизвестным наличие сего благородного металла в их земле). Они имели фиксированный вес и, видимо, уже в основном круглую форму (что, кстати, делало их более пригодными для использования, нежели пресловутые пелопоннесские спицы-оболы). Одним словом, они отличались от «настоящих» монет, в сущности, только отсутствием клейма государства⁴⁰.

Коль скоро эти солоновские драхмы не являлись еще монетами, можно ли сказать, что они не являлись деньгами? Отнюдь нет. Методологически неверно отождествлять чеканную монету с деньгами как таковыми⁴¹. До появления чеканки четко фиксируется стадия домонетных денег. При этом подчеркнем, речь идет не о натуральных «протоденьгах» типа голов скота (применяющихся для оценки богатства уже в гомеровском эпосе) или медимнов зерна, а о самых настоящих деньгах, просто не имевших еще привычной нам монетной формы. Уже упоминалось (и всем это прекрасно известно), что в Пелопоннесе в этом качестве употреблялись стандартизованные металлические спицы (оболы), а в Аттике вот, как видим, слиточки. Несомненно, именно эти домонетные деньги имел в виду Солон в своих законах, упоминающих драхмы.

С такими деньгами были полноценно возможны любые операции, которые позже были возможны с монетами. Разве что они при транзакциях взвешивались – но взвешивались ведь и монеты, довольно долго еще после их появления.

Собственно говоря, экономика как таковая, если брать ее изолированно от других сфер бытия общества (чего, строго говоря, применительно к античной Греции делать не следует⁴², но здесь мы просто позволяем себе некий

⁴⁰ Образчики подобных нештемпелеванных «кругляшек» (правда, электровые) присутствуют уже в самом раннем кладе древнегреческих монет, заложенном в основание эфесского храма Артемиды. Как только они были обнаружены, ни у кого не было ни малейшего сомнения, что перед нами – «протомонеты», предпоследний шаг в процессе рождения монетной чеканки (последним же стали уже монеты как таковые).

⁴¹ См. данный тезис в акцентированной форме: *Kim H. S. Op. cit.* Для понимания этой сложной проблемы и для общей оценки значения перехода архаических греков к монете весьма важны две относительно недавние монографии: *Seaford R. Op. cit.*; *Schaps D. M. Op. cit.*

⁴² В связи со «встроенностью» экономики в общий «космос» древнегреческого общества, в результате чего она не представляла собой какого-то отдельного мира, управляющегося собственными законами, наверно, уместно сослаться на классические работы: *Finley M. I. The Ancient Economy. Berkeley, 1973*; *Austin M., Vidal-Naquet P. Economic and Social History of Ancient Greece: An Introduction. Berkeley, 1977*. Взгляды М. Финли сейчас много и жестко критикуют. Но всегда ли справедливо? Детальное ознакомление с одной из последних по времени «антифинлианских» работ (*Harris E. M. Finley's Studies in Land and Credit Sixty Years Later // Dike. 2013. Vol. 16. P. 123–146*) оставило, например, у нас следующее впечатление: озлобленность и больше ничего.

мысленный эксперимент), вполне могла обходиться нечеканенными (но уже стандартизованными по весу) домонетными деньгами, о которых шла речь выше. Повторим и подчеркнем, они представляли собой отнюдь не какой-нибудь эрзац, а полноценные деньги, только без полисных эмблем. Так что не следует преувеличивать влияние начала чеканки на эволюцию экономической жизни, которая, в общем-то, не изменилась сколько-нибудь серьезно с появлением монет *stricto sensu*⁴³.

Нам импонирует мысль, согласно которой рождение монетного дела было обусловлено в конечном счете не столько экономическими, сколько политическими надобностями. Так или иначе об этом писали и Осборн, и Ким в вышецитированных работах, но наиболее подробно данная мысль была развита в монографии французского ученого Ж.-М. Серве⁴⁴.

Нам представляется не лишним остановиться на основных его аргументах. Практика монетной чеканки не представляет собой какого-то радикального новшества для общества, поскольку оно, ранее не имея монеты, вполне обходилось без нее⁴⁵. Разве можно с этим спорить? Серебряные сикли (естественно, отнюдь не монеты, а слитки) упоминаются еще в законах Хаммурапи⁴⁶. Собственно, и то, что Серве говорит далее в своей книге, каких-то особых открытий не содержит; обо всем этом писалось и прежде – например, уже Максом Вебером (деньги в своей первоначальной функции – не инструмент для торговли, а инструмент для выплат государству: «в этой стадии деньги не являются орудием обмена»⁴⁷). Но французский ученый как-то достаточно удачно сводит воедино те аргументы, которые раньше (и позже) высказывались разрозненно.

В ряде глав, из которых состоит его книга, рассматриваются (в порядке сравнительной исторической вероятности) и одна за другой подвергаются сомнению основные гипотезы, высказывавшиеся о причинах «рождения монеты»: «коммерческая»⁴⁸, «финансовая» (имеется в виду начало чеканки для

⁴³ Osborne R. Op. cit. P. 250.

⁴⁴ Servet J.-M. Nomismata: État et origines de la monnaie. Lyon, 1984.

⁴⁵ Ibid. P. 8.

⁴⁶ См. хотя бы: Гордон С. Г. Забытые письмена: открытие и дешифровка. СПб., 2002. С. 98, 271, прим. 8.

⁴⁷ Вебер М. История хозяйства. Город. М., 2001. С. 223. См. практически аналогичное суждение в: Servet J.-M. Op. cit. P. 19. Впрочем, последний выражается терминологически точнее: он говорит не о *деньгах* (мы уже видели, что это очень растяжимое понятие), а конкретно о *монете*.

⁴⁸ Servet J.-M. Op. cit. P. 41–74. Резюме автора: говорить ли о внешней или о внутренней торговле, нужды рынка нельзя признать главной причиной первых греческих эмиссий (Servet J.-M. Op. cit. P. 71). Мы в одной из предыдущих работ писали в аналогичном духе (Суриков И. Е. Архаическая и классическая Греция... С. 190 сл.), еще не будучи знакомы с монографией Серве (и, соответственно, не ссылались на нее).

административных нужд полисов)⁴⁹, «культовая»⁵⁰ и, наконец, «политическая»⁵¹; именно эта последняя вызывает преимущественную симпатию автора, поскольку признается им наиболее комплексной, позволяющей оптимально синтезировать все лучшее, что имеется в остальных гипотезах. Типы и легенды появились на монетах, как выражается исследователь, в целях «аутентификации монет государством». Или, как мы в аналогичном духе писали в другом месте⁵², «выбивая на монете символ полиса, ее тем самым делали одним из главных атрибутов государственного суверенитета, каковым она с тех пор и оставалась».

Итак, подведем окончательные итоги. Упоминания драхм в законах Солона следует признать аутентичными, принадлежавшими самому афинскому реформатору, а не представляющими собой позднейшие вставки в солоновский корпус, делавшиеся в ходе внесения в него изменений (а такие изменения, естественно, имели место, как бывает с любым «живым», действующим, не сданным еще в архив законодательством). В то же время солоновские драхмы – это еще не монеты. Но в то же время они не являлись и чисто весовыми единицами. Нет, это именно деньги; пусть домонетные деньги, но тем не менее уже успешно выполнявшие все свойственные деньгам функции.

⁴⁹ *Servet J.-M.* Op. cit. P. 75–88. Резюме автора: данная гипотеза, при всей своей соблазнительности, с трудом согласуется с той информацией, которой мы располагаем о финансовой политике архаических полисов (*Servet J.-M.* Op. cit. P. 86).

⁵⁰ *Servet J.-M.* Op. cit. P. 89–110. Автор указывает, что эта гипотеза ему еще более симпатична, но в конечном счете он и ею поступает в пользу следующей.

⁵¹ *Servet J.-M.* Op. cit. P. 111–144.

⁵² *Суриков И. Е.* Архаическая и классическая Греция... С. 194.

ГДЕ БЫЛИ ПОМЕЩЕНЫ ЗАКОНЫ СОЛОНА?*

В данной работе рассматривается вопрос, который представляется нам не-безынтересным и в то же время пока не привлекавшим внимания антиковедов в той мере, в какой он того заслуживает. Сразу оговорим, что, анализируя тематику, связанную с солоновскими законами, мы исходим из того, что их издание относится к тому же времени, что и остальные мероприятия выдающегося афинского реформатора, то есть к 594/593 г. до н. э., году эпонимного архонтата Солон. Несколько десятилетий назад приобрела было популярность теория, согласно которой он опубликовал свой законодательный свод не тогда же, а позже – либо на два-три года, либо на целое десятилетие, а то и на два-три десятилетия, то есть, получается, уже после своего путешествия на Восток¹, но потом она в буквальном смысле сошла на нет и ныне, кажется, никем не поддерживается.

Дело в том, что эта теория не опирается на данные источников. И не просто не опирается: она входит в прямое противоречие со свидетельством такого важнейшего, ключевого источника, как поэтическое наследие самого Солон. Речь идет прежде всего о чрезвычайно важном ямбическом стихотворении политического характера (Sol. fr. 24 Diehl), подводящем итог деятельности автора (фактически представляющем собой его апологию)² и созданном, не приходится сомневаться, сразу после его архонтата и реформ, то есть в конце 590-х гг. до н. э.

* Впервые опубликовано в: ВДИ. 2016. Т. 76. № 4. С. 888–901.

¹ Например: *Davies J. K.* Athenian Propertied Families, 600–300 B.C. Oxf., 1971. P. 323–324; *Càssola F.* La proprietà del suolo in Attica fino a Pisistrato // *Parola del passato.* 1973. Vol. 28. P. 75–87; *Hammond N. G. L.* Studies in Greek History. Oxf., 1973. P. 145–170; *Markianos S. S.* The Chronology of the Herodotean Solon // *Historia.* 1974. Bd 23. Ht. 1. S. 1–20; *Sealey R.* Zum Datum der solonischen Gesetzgebung // *Historia.* 1979. Bd 28. Ht. 2. S. 238–241; *Stockton D.* The Classical Athenian Democracy. Oxf., 1991. P. 20; *Stanton G. R.* Athenian Politics c. 800–500 B.C.: A Sourcebook. L.; N. Y., 1991. P. 34. Запоздалый отголосок, в принципе, аналогичной теории см. в опубликованной на английском языке работе отечественного специалиста: *Panchenko D.* Democritus' Trojan Era and the Foundations of Early Greek Chronology // *Hyperboreus.* 2000. Vol. 6. Fasc. 1. P. 61 ff. В связи с путешествием Солон на Восток и порождаемыми традицией о нем хронологическими проблемами см.: *Суриков И. Е.* Солон на Востоке: коллизии нарративной традиции // ВДИ. 2015. № 4. С. 104–119 (со ссылками на предшествующую литературу по вопросу).

² См. о нем: *Blaise F.* Solon. Fragment 36 West. Pratique et fondation des norms politiques // *Revue des études grecques.* 1995. Vol. 108. P. 24–37.

(писать его сколько-нибудь длительное время спустя уже не имело бы ровно никакого смысла). В данном памятнике говорится, в частности, следующее:

Законы, для дурных и добрых равные,
 Чтоб каждому воздать по справедливости,
 Я написал...
 Θεσμούς δ' ὁμοίως τῶν κακῶν τε καὶ ἀγαθῶν
 Εὐθείαν εἰς ἕκαστον ἀρμόσας δίκην
 Ἐγραψα...

Правда, вместо привычного, ожидаемого термина νόμοι мы встречаем здесь более архаичную лексему θεσμοί, но не нужно придавать этому принципиального значения (полагаем, старинное, возвышенное слово лучше смотрелось в поэтическом произведении). В любом случае, совершенно ясно, о чем идет речь: о тех самых законах Солона, по которым с момента их издания афинский полис жил на протяжении длительного хронологического отрезка. А стало быть, несомненным оказывается и тот факт, что законы появились на свет в контексте деятельности Солона-архонта, а не позднее. Почему мы это подчеркиваем – будет ясно из дальнейшего изложения.

Известно, что записаны солоновские законы изначально были на неких специфических артефактах – аксонах (οἱ ἄξονες, ед. ч. ὁ ἄξων) и/или кирбах (οἱ κύρβεις, ед. ч. ὁ κύρβις); и те, и другие были изготовлены из дерева. Приведем два главных свидетельства об этих, вообще говоря, довольно загадочных предметах.

Arist. Ath. pol. 7. 1: «Написав эти законы на кирбах, афиняне поставили их в “царском портике”, и все поклялись их соблюдать (ἀναγράψαντες δὲ τοὺς νόμους εἰς τοὺς κύρβεις ἔστησαν ἐν τῇ στοᾷ τῇ βασιλείῳ καὶ ἄμοσαν χρῆσθαι πάντες)»³. Это сообщение кратко и, как увидим ниже, порождает серьезные проблемы, но его ценность – в том, что оно принадлежит Аристотелю⁴ – автору достаточно раннему и весьма авторитетному⁵, к тому же специально занимавшемуся солоновскими аксонами, написавшему труд о них (также см. ниже).

³ «Афинская полития» цитируется в переводе С. И. Радцига.

⁴ «Афинскую политию» мы рассматриваем как сочинение Аристотеля, и отнюдь не потому, что не видим сложностей, порождаемых данной точкой зрения (они подробно перечислены у П. Родса, самого активного адепта идеи о принадлежности трактата перу иного писателя, см.: Rhodes P. J. A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxf., 1981. P. 39 ff.), а потому, что полное отрицание аристотелевского авторства приводит к появлению еще большего количества сложностей. Нанпу позицию см.: Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 28–29. Прим. 28.

⁵ По поводу сообщений Аристотеля о Солоне и его реформах см.: Adcock F. E. The Source of the Solonian Chapter of the Athenaion Politeia // Klio. 1912. Bd 12. Ht. 1. S. 1–16; Leduc C. La représentation «aristotélicienne» de la politeia de Solon: la politique «dans» le domestique //

Гораздо пространнее освещает интересующий нас сюжет Плутарх⁶.

Plut. Sol. 25:

Они (законы. – *И. С.*) были написаны на деревянных таблицах (*ἄξονας*, то есть речь идет конкретно об аксонах. – *И. С.*), которые были заключены в четырехугольники и могли поворачиваться; небольшие остатки их хранились еще в наше время в пританее. По словам Аристотеля, они назывались «кирбы» (имеется в виду то самое место из «Афинской политики», которое цитировалось выше. – *И. С.*). Комик Кратин тоже говорит об этом:

Клянусь Солоном и клянусь Драконтом я,
На кирбах коих сушится ячмень теперь.

Некоторые говорят, что кирбами называются только те таблицы, которые содержат постановления о священнодействиях и жертвоприношениях, а остальные именуются «аксонами»⁷.

В той же биографии Солона, принадлежащей Плутарху, есть еще несколько упоминаний аксонов (но не кирб): Plut. Sol. 1⁸; 19; 23; 24. Особая ценность трех последних из четырех указанных свидетельств заключается в том, что в каждом из них назван номер аксона (а в одном случае – еще и номер закона на аксоне). Это, разумеется, не означает, что Плутарх в I–II вв. н. э. работал непосредственно с деревянными солоновскими аксонами, изготовленными много-много столетий назад: сам же он и отмечает, что в его время от них имелись только жалкие остатки, сохраняемые в пританее⁹. Если относить вышецитированный

Ktema. 1998. Vol. 23. P. 415–422; Gehrke H.-J. The Figure of Solon in the *Athēnaiōn Politeia* // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 276–289; Rhodes P. J. Solon in Aristotle's School // Trends in Classics. 2015. Vol. 7. No. 1. P. 153–160.

⁶ Оптимистический взгляд на источниковую ценность плутархова жизнеописания Солонa см.: Blois L. de. Plutarch's Solon: A Tissue of Commonplaces or a Historical Account? // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 429–440.

⁷ «Солон» Плутарха цитируется в переводе С. И. Соболевского.

⁸ «Грамматик Дидим в своем возражении Асклепиаду относительно таблиц (*ἄξονων*) Солонa, цитирует какого-то Филокла...» Уже отсюда, кстати, можно увидеть, что вопрос об аксонах занимал достаточно многочисленных античных авторов; о них писались целые труды, увы, не сохранившиеся. Такой труд был даже у Аристотеля. Но, кстати, можно ли быть уверенными, что ситуация с аксонами и кирбами стала бы для нас яснее, если бы все эти сочинения дошли? Не исключено, что она только еще сильнее запуталась бы, поскольку, как прекрасно известно, древнегреческие ученые обожали спорить друг с другом, выдвигая всё новые и новые точки зрения на обсуждаемый предмет, подчас экзотичные, бездоказательные, а то и дикие.

⁹ Ср.: Thomas R. Oral Tradition and Written Record in Classical Athens. Cambridge, 1989. P. 277. Павсаний, писавший еще позже Плутарха, замечает в своем рассказе об Афинах:

пассаж комедиографа Кратина (Cratin. fr. 274 Kock) именно к аксонам, то можно заключить, что уже во второй половине V в. до н. э. их состояние оставляло желать сильно лучшего. Собственно, потому-то законодательство Солон (и Драконта) и пришлось в конце того же столетия перенести с деревянных досок на каменные стелы¹⁰. Но при переносе этого номера аксонов проставлялись на стелах – несомненно, для того, чтобы каждый, кто будет работать со сводом законов, мог легче в нем ориентироваться.

В источниках еще несколько (правда, совсем немного) безусловных или сомнительных упоминаний солоновских законов с указанием на номер аксона. Начнем с безусловных: Schol. Hom. II. XXI. 282: цитируется закон о судебном процессе δίκη ἐξούλης как содержащийся на 5-м аксоне (ἐν ε' ἄξονι). P. Оху. II. 211, col. 14. 11: то же самое с чуть иной формулировкой (ἐκ ε' ἄξονος).

Нароскр. s.v. Ὅτι οἱ ποιητοὶ παῖδες...:

О том, что приемные сыновья не имели права унаследовать отцовское хозяйство, если они сами не оставили законных детей в доме усыновившего их, говорят Антифонт в речи об опекунстве [против] Каллистрата и Солон в 21-м из «Законов» (καὶ Σόλων ἐν κα' νόμων).

А вот это свидетельство куда более проблематично. Ссылка лексикографом дается, во-первых, на несохранившуюся речь известного афинского оратора и софиста второй половины V в. до н. э. Антифонта (Antiph. fr. 15 Blass – Thalheim)¹¹, во-вторых же – на Солон, но в последнем случае – в каком-то странном виде: как будто бы у Солон имелось какое-то произведение под названием «Законы» и тут цитируется его 21-я книга. Ссылка в подобном духе была бы уместна, скажем, на «Законы» Платона – философский трактат. Но законы (отнюдь не «законы» или «Законы») Солон ни в какой мере не являются трактатом, это реально действовавший в Афинах законодательный свод.

Поэтому Э. Рушенбуш осторожно предлагает поправить νόμων на ἀξόνων¹²; строго говоря, никто не может отрицать, что в «солоновском корпусе»

«Рядом находится пританей, в котором хранятся написанные Солоном законы» (Paus. I. 18. 3). Явно имеются в виду те же тщательно сохраняемые остатки, воспринимавшиеся как священные реликвии далекого прошлого.

¹⁰ Об этой мере (в широком историческом контексте) см. теперь: *Carawan E.* The Athenian Amnesty and Reconstructing the Law. Oxf., 2013.

¹¹ О фрагментах несохранившихся речей Антифонта, в том числе и об этом, см.: *Суриков И. Е.* Antiphontea IV // *Studia historica.* М., 2009. Вып. 9. С. 1–27.

¹² *Ruschenbusch E.* ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden, 1966. S. 64.

имелся даже и 21-й аксон¹³, но все же предлагаемая эмендация представляется чересчур уж тяжелой. Может быть, несколько более приемлемой стала бы иная: καὶ Σόλων ἐν κα' νόμῳ τοῦ (?) ἄξονος, 'и Солон в 21-м законе (такого-то) аксона'.

Еще более тяжела для поправок и интерпретаций другая словарная статья того же Гарпократиона (Напрост. s.v. Σίτος), впоследствии частично воспроизведенная также в лексиконе патриарха Фотия и в «Суде». Любые попытки того же Рушенбуша¹⁴ навести какой-то порядок в сильно испорченном тексте не выглядят безусловно убедительными. Лексикограф дает ἐκ τῶν τοῦ Σόλωνος πρῶτου κατὰ τοῦ ἄξονος, а это бессмыслица. Вариант Рушенбуша – 'из первого и (например) четвертого законов, стоящих на (например) 3-м аксоне'. В любом случае, какой-то аксон тут явно упоминался.

Прежде чем переходить к дальнейшему, оговорим важную вещь. И термин «аксон», и термин «кирба», без сомнения, являются аутентичными. Аксоны упоминаются уже в знаменитом законе Драконта – предшественника Солона – об убийствах, впервые изданном еще в 621 г. до н. э., а в 409/408 г. до н. э. перенесенном с этих самых аксонов, пришедших за два века в негодность, на стелу, причем, судя по всему, это было буквальное копирование текста. Как уверены практически все специалисты, сомневаться в абсолютной верности копии оригиналу нет оснований: об этом говорит, в числе прочего, архаичность лексики сохранившегося текста закона.

Переиздание драконтовского закона (IG. I³. 104)¹⁵ открывается преамбулой, а далее идет сам текст древнего памятника, и с каких же слов он начинается? «Первый аксон»! В оригинале – ἄχσον, староаттическое написание. Это совершенно отчетливо читается на стеле, причем слова «первый аксон» по размеру шрифта более крупные, нежели текст закона как таковой. Нижняя часть надписи сохранилась плохо, но в ней Р. Страуд смог не без труда разобрать «Второй аксон» (и, между прочим, опять более крупными буквами). Термин, конечно же, не был выдуман копировщиками *ad hoc* (да и зачем бы было это делать?).

Что же касается лексемы «кирба», мы выше встретили ее (во множественном числе κύρβεσιν) в цитате, приведенной Плутархом из комедиографа Кратина. Кратин, отметим, относится к весьма ранним авторам; это один из первых представителей древней аттической комедии, старший современник Аристофана (когда последний только-только начинал заниматься ремеслом

¹³ Ср.: Rhodes P. J. The Reforms and Laws of Solon: An Optimistic View // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 256.

¹⁴ Ruschenbusch E. Op. cit. S. 65.

¹⁵ Лучшее, образцовое издание этого памятника было предпринято Р. Страудом (в его книге: Stroud R. S. Drakon's Law on Homicide. Berkeley, 1968).

комедиографа, Кратин был уже стариком, завершавшим свою сценическую карьеру¹⁶). Он тоже, конечно, не стал бы бесцельно изобретать слово, которое ничего не сказало его читателям (то есть, конечно, в первую очередь зрителям и слушателям).

* * *

Перед тем как напрямую обратиться к проблеме, непосредственно интересующей нас в рамках данной работы, – где Солон поместил свои законы, все-таки имеет смысл хотя бы вкратце затронуть вопрос о соотношении аксонов и кирб. Этот последний как был не вполне ясен уже античным авторам, так, в сущности, остается неясным и поныне, несмотря на все попытки его разрешить. А ведь целый ряд работ был посвящен этой проблеме¹⁷, в том числе даже монография¹⁸. И Э. Рушенбуш в свое исследование о законах Солон, разумеется, включил главу, именно так и называющуюся – «Das Verhältnis der Kyrbeis zu den Axones»¹⁹.

Помогают ли разобраться (хотя бы отчасти) со стоящей перед нами загадкой свидетельства нарративной традиции (а иных свидетельств ведь и быть не может – не должны же мы надеяться на то, что когда-нибудь обречем фрагмент аксона или кирбы, деревянной доски возрастом 2600 лет?!)? Прочитав выше пассажи из Аристотеля и Плутарха, мы могли заметить, что не очень-то полезными они нам оказались в этом плане. Путаница, кстати, усугубляется тем, что, хотя в аристотелевской «Афинской политике» сказано, что законы Солон были написаны «на кирбах», у того же Аристотеля был трактат (к глубочайшему сожалению, не дошедший до нас) «Об аксонах Солон» в пяти книгах²⁰. И, кстати, впоследствии несколько эллинистических авторов (Асклепиад, Дидим, Селевк) написали труды (увы, тоже не сохранившиеся) по аналогичной тематике и с тем же словом «аксоны» в заголовках.

Но если вышеприведенные сообщения не помогают или почти не помогают, то, может быть, есть иные и они окажутся более информативными? Увы, картина остается столь же разочаровывающей. Соответствующие указания

¹⁶ О комедиях Кратина см., например: Rusten J. S. 'The Odeion on his Head': Costume and Identity in Cratinus' *Thracian Women* fr. 73, and Cratinus' Techniques of Political Satire // Performance in Greek and Roman Theatre. Leiden; Boston, 2013. P. 279–290.

¹⁷ Holland L. B. Axones // American Journal of Archaeology. 1941. Vol. 45. No. 3. P. 346–362; Hansen H. What was a Kyrbis? // Philologus. 1975. Bd 119. Ht. 1. S. 39–45; Wyatt W. F. Why Kyrbis? // Philologus. 1975. Bd 119. Ht. 1. S. 46–47; Robertson N. Solon's Axones and Kyrbeis and the Sixth-Century Background // Historia. 1986. Bd 35. Ht. 2. S. 147–176.

¹⁸ Stroud R. S. The Axones and Kyrbeis of Drakon and Solon. Berkeley, 1979.

¹⁹ Ruschenbusch E. Op. cit. S. 14 ff.

²⁰ О его возможном содержании см.: Ruschenbusch E. Op. cit. S. 40 ff.

источников, разумеется, давно уже были собраны в предшествующей литературе вопроса²¹, и нет никакой нужды в данной работе дублировать эти сводки. В них мы встречаем свидетельства авторов как ранних (Аристофан, Лисий), так и поздних (Авл Геллий, Гарпократион, Юлий Полидевк) или даже весьма поздних (Гесихий, патриарх Фотий, авторы анонимных лексиконов типа «Суды», *Etymologicon Magnum* или *Etymologicon Gudianum*, а также, естественно, разнообразных схолиасты). Разбор соответствующих пассажей, сопровождаемый их цитированием, мог бы стать предметом отдельного исследования (каковое автором этих строк в данный момент и предпринимается в рамках подготавливаемой им монографии о Солоне), а здесь нам совершенно незачем углубляться в эти хитросплетения. Достаточно констатировать, что в поздних источниках в связи с кирбами и аксонами царит полная неразбериха.

Нет, все-таки хочется, чтобы это наше высказывание не показалось голословным, привести, *exempli gratia*, пару цитат из схолиастов.

Кирбы: стелы. Автор (Аполлоний Родосский. – *И. С.*) имеет в виду аксоны, на которых записываются законы, как говорит комедиограф Аристофан (Aristoph. Av. 1353–1354. – *И. С.*). А Аполлодор²² утверждает, что любую государственную запись и законы называли кирбой (*sic.* – *И. С.*), поскольку древние записывали решения, устанавливая каменные плиты, которые назывались – от установки – стелами, а кирбами – от того, что они простирались в высоту и венчались верхушкой... А позже писали на выбеленных досках и подобным же образом их называли. Итак, кирба содержит священные записи. ...Кирбами называют, как говорит Эратосфен, аксоны, так именуемые в Афинах, на которых содержатся законы. А те, кто относится к делу с большей тщательностью, говорят, что аксоны были четырехугольными камнями, а кирбы треугольными. И на тех, и на других в Афинах были написаны законы... (Schol. Apoll. Rhod. IV. 280).

Кирбы – медные доски, на которых записывают законы. А, согласно некоторым, аксоны треугольные, и на них были записаны законы городов и государственные жертвоприношения, как говорит Аристотель в «Афинской политике» и Аполлодор, а кирбы названы или из-за того, что они венчались верхушкой, простирающейся в высоту, или в честь корибантов, будучи их изобретением... (Schol. Aristoph. Av. 1354).

²¹ Holland L. B. Op. cit. P. 360–362; Ruschenbusch E. Op. cit. S. 65 ss.

²² Предполагается, что это не кто иной, как знаменитый филолог-эрудит Аполлодор Афинский (ок. 180–110 гг. до н. э.), один из крупнейших представителей эллинистической учености (о котором см., например: Jacoby F. Apollodors Chronik. B., 1902; Bravo B. La Chronique d'Apollodore et le Pseudo-Skymnos: Érudition antiquaire et littérature géographique dans la second moitié du IIe siècle av. J.-C. Leuven, 2009).

Как не запутаться во всех этих противоречивых свидетельствах? Перед нами то деревянные, то каменные, то даже медные (то есть бронзовые) аксоны и кирбы. Отметим, что процитированные сообщения (и прочие, родственные им) – в подавляющем большинстве поздние, лексикографы и схолиасты даже отдаленно не могли бы претендовать на то, что своими глазами видели разбираемые артефакты.

Риском высказать несколько собственных суждений относительно аксонов и кирб. Во-первых, ни из камня, ни – тем более – из бронзы они, естественно, не были изготовлены. Речь идет о неких деревянных, притом вращающихся (на это традиция указывает особенно настойчиво) сооружениях, насаженных на ось (собственно, «аксон» и означает ось).

Во-вторых, у нас сложилось полное впечатление, что в свидетельствах источников (особенно в тех из них, которые выглядят наиболее достоверными) практически всегда термины «аксон» и «кирба» употребляются как взаимозаменяемые. Это означает, что они воспринимались как синонимы и применялись к одинаковым (или, во всяком случае, однотипным) предметам. Иными словами, мы, в сущности, склоняемся к той точке зрения, что между кирбами и аксонами вообще никакой принципиальной разницы не было.

Но если это так, то почему возникли два разных обозначения для одних и тех же объектов? Полагаем, причина в следующем. «Кирба» – архаичное слово, видимо восходящее к самому Солону. Хотя в поэзии самого законодателя, имеющейся в нашем распоряжении, оно не встречается (равно как и слово «аксон»), но не будем забывать, что до нас ведь дошли далеко не все солоновские стихи, а в утраченных оно вполне могло фигурировать.

Происхождение лексемы, строго говоря, неизвестно, и, соответственно, ее этимология довольно скоро стала предметом дискуссий между античными, а позже византийскими авторами²³. Совсем другое дело «аксон»: тут предельно прозрачна связь с некой осью, никаких споров возникать не могло. Так что термин «аксон» могли употреблять именно как более ясный и понятный. Из сказанного, подчеркнем, еще не вытекает, что мы считаем его более поздним, чем

²³ Занятна, в частности, высказываемая иногда в поздних источниках мысль о связи между словами «кирба» и «кирбасия» (остроконечная персидская шапка); см., например: Нагрост. s.v. Κύρβαις. Эту идею, между прочим, развил – но в несколько ином направлении – один современный ученый (*Wyatt W. F. Op. cit.*). Для него «солоновы кирбы» – это тоже «солоновы шапки», но он вспоминает известный эпизод с элегией «Саламин», которую будущий законодатель якобы прочитал согражданам, прикинувшись сумасшедшим и выбежав на Агору в какой-то шапочке, надеваемой обычно на умалишенных. Иными словами, «кирбы» – название, придуманное афинянами в шутку. Ни доказать, ни опровергнуть подобное предположение, естественно, не представляется возможным.

термин «кирба». На аксонах вроде бы было написано уже законодательство Драконта, более раннее даже по сравнению с солоновским.

Хотя так ли это? Выше упоминалась надпись IG. I³. 104 – драконтовский закон об убийстве, перенесенный с аксонов на каменную стелу. Выражения «первый аксон», «второй аксон» стоят там в качестве подзаголовков. Но вряд ли они принадлежат самому Драконту! Это – дело рук копировщиков. Из наличия данных выражений на самом деле следует только то, что древние артефакты, о которых идет речь, именовались аксонами в конце V в. до н. э., когда осуществлялось «переиздание» законов.

Попытаемся вкратце резюмировать наблюдения, сделанные в нескольких предыдущих абзацах. Невозможно с точностью сказать, какое из двух слов – «кирба» или «аксон» – является более ранним; точно так же невозможно и однозначно-уверенное суждение по вопросу, обозначали ли эти два слова одно и то же или нет. Здесь имеют право на существование только гипотезы. Та из них, которую выдвигаем мы, предполагает, что а) аксоны и кирбы ничем не отличались друг от друга; б) первоначальным названием предметов – считаем это более вероятным – было «кирбы», а потом, ввиду темной этимологии термина, делавшей его малопонятным, все чаще и чаще начали наряду с ним употреблять другой – «аксоны», хотя до полного вытеснения первого дело не дошло.

Отметим еще, что давно уже была выдвинута точка зрения, согласно которой кирбы и аксоны надлежит различать следующим образом: на первых содержались законы, относящиеся к сакральному праву, на вторых же – те, в которых трактовалось светское. В сущности, эта версия была известна уже Плутарху (Plut. Sol. 25; цитировалось выше). Можно встретить ее и в наши дни²⁴, но нам она все-таки не кажется безусловно верной и доказанной. В частности, в свете современных представлений применительно к древнегреческому полисному миру не приходится говорить о жестком противопоставлении «сакрального» и «светского», поскольку под сомнением само наличие в то время категории «светского» («профанного»)²⁵.

В свете вышеуказанного мы далее повсюду будем говорить об «аксонах-кирбах» или «кирбах-аксонах».

²⁴ Полемику с данной точкой зрения см.: Hansen H. Op. cit.

²⁵ См. к вопросу: Maffi A. Τα ἱερὰ καὶ τὰ ὄσια. Contributo allo studio della terminologia giuridico-sacrale greca // Symposion 1977: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1982. S. 33–53; Суриков И. Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций. М., 2010. С. 23 сл.

* * *

Итак, перейдем к вопросу о том, где Солоном были установлены эти самые кибы-аксоны с его законами. Одно релевантное свидетельство выше уже цитировалось (Arist. Ath. pol. 7. 1); в нем в качестве места их размещения указан «Царский портик» (или «Царская стоя»). Эта постройка на Агоре в классический период служила местом, где исполнял свои должностные обязанности архонт-царь (архонт-басилей, второй архонт). Находилась она на западной стороне главной афинской площади. Памятник раскопан археологами из Американской школы классических исследований в Афинах и датирован рубежом VI–V вв. до н. э.²⁶ – иными словами, он был сооружен в период демократических реформ Клисфена, почти век спустя после солоновских преобразований.

Итак, Аристотель ошибся? Но не будем торопиться и высказывать скоропелых суждений. На месте того здания, которое открыто в ходе раскопок и исследовано, могло ведь и ранее находиться другое, с аналогичными функциями, но просто от него ничего не сохранилось. И в любом случае, архонт-басилей должен же был где-то заседать еще до реформ Клисфена: эта магистратура являлась в афинском полисе весьма древней, давно уже существовавшей даже к временам Солон²⁷.

Осложняет ситуацию еще вот какое обстоятельство. Агора на Керамике, та самая, которую традиционно называют «Классической Агорой» и о которой здесь идет речь, была заложена, в чем ныне невозможно сомневаться, именно при Солоне и по его инициативе. Разумеется, имелась в Афинах какая-то агора и раньше: без нее просто немыслимо полисное бытие. И действительно, в источниках встречаются смутные намеки на «Старую Агору». Где располагалась эта последняя – данный вопрос является предметом дискуссий²⁸. Но наиболее вероятной представляется та точка зрения, согласно которой ее следует локализовать на восточном склоне Акрополя (позже по традиции именно там оставался древний афинский пританей²⁹ –

²⁶ Shear T. L. *Ἰσονόμους τ' Ἀθῆνας ἐποιοῦσάτην: The Agora and the Democracy // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy.* Oxf., 1994. P. 228.

²⁷ Ленская В. С. Архонт-басилевс в Афинах // ВДИ. 2001. № 4. С. 126–141; Суриков И. Е. Архонтат в Афинах: от истоков института до утраты им политического значения // ВДИ. 2012. № 2. С. 29–54.

²⁸ См. по проблеме, в частности: Robertson N. The City Center of Archaic Athens // *Hesperia*. 1998. Vol. 67. No. 3. P. 283–302; Papadopoulos J. K. The Archaic Wall of Athens: Reality or Myth? // *Opuscula*. 2008. Vol. 1. P. 36; Hall J. M. *A History of the Archaic Greek World ca. 1200–479 BCE*. 2 ed. Oxf., 2014. P. 84.

²⁹ Который не следует путать с Толосом – круглым в плане зданием, построенным гораздо позже (в V в. до н. э.) уже на «Классической Агоре» и предназначенным для дежурства пританов. Подробнее об этой проблеме будет сказано ниже.

он, правда, еще не открыт³⁰); она была, соответственно, очень небольшой по размерам.

Можем ли мы реконструировать следующий ход событий: Солон основывает новую агору, и тут же на ней возводится служебная резиденция архонта-басилея, в которой помещаются только что изданные законы? Это все-таки кажется крайне маловероятным³¹. Кроме того, такое место для установки аксонов-кирб само по себе представляется не вполне оправданным. Басилей отнюдь не выполнял в Афинах функцию, так сказать, блюстителя законов. Точнее, впрочем, будет выразиться так: поскольку он и в архаическую, и в классическую эпоху председательствовал на судебных процессах в Ареопаге и других судах, разбиравших дела об убийствах³², он, видимо, должен был отвечать за законы, трактующие данную тематику, – но только за эту часть афинского законодательства.

А законы об убийствах, как известно, были у афинян изданы не Солоном, а его предшественником Драконтом. В связи со сказанным, возможно, имеет смысл процитировать разбираемое свидетельство Аристотеля в более широком контексте:

Государственный строй, который установил Солон, и законы, которые он издал, были новые; законы же Драконта перестали применять, за исключением законов об убийствах. *Написав эти законы на кирбах* (*ἀναγράφαντες δὲ τοὺς νόμους εἰς τοὺς κύρβεις*), афиняне поставили их в «царском портике», и все поклялись их соблюдать (Arist. Ath. pol. 7. 1; курсив наш. – И. С.).

Так какие же законы были установлены в «Царском портике»? Бросается в глаза, что способ выражения, который встречаем в пассаже из «Афинской политики», отличается некоторой двусмысленностью. Строго говоря, сказанное можно понять и в том смысле, что в резиденцию басилея поставили *законы Драконта*, то есть те из них, которые не были отменены, именно законы об убийствах. Вот этим-то законам, действительно, там было бы самое подходящее место.

Теперь перейдем к другому важному свидетельству о местонахождении кирб-аксонов, которое, заметим сразу, дает совершенно иную картину. Свидетельство это цитируется в достаточно поздних источниках: вначале у Гарпократиона (Harposcr. s.v. *Ὁ κάτωθεν νόμος*), а потом повторяется в лексиконе

³⁰ Camp J. M. Athens and Attica: The Town and its Countryside // Culture et cité: L'avènement d'Athènes à l'époque archaïque. Bruxelles, 1995. P. 27. Дж. Кэмп поэтому допускает его расположение на северном склоне Акрополя, однако нам это кажется менее вероятным.

³¹ Хотя подчас свидетельство об помещении Солоном аксонов именно в этом месте принимается без каких-либо сомнений. См., например: Sagstetter K. S. Solon of Athens: The Man, the Myth, the Tyrant? Diss. Univ. of Pennsylvania, 2013. P. 28.

³² Gagarin M. The Basileus in Athenian Homicide Law // Polis & Politics: Studies in Ancient Greek History Presented to M. Hansen on his Sixtieth Birthday. Copenhagen, 2000. P. 569–579.

Фотия и в «Суде» (в статьях с такими же названиями). Однако ссылка идет на автора, куда более близкого по времени к описываемым событиям, да и в целом довольно авторитетного.

...Аконы и кирбы сверху, с акрополя, в булевтерий и на агору переставил Эфиальт, как говорит Анаксимен в «Филиппиках» (τοὺς ἄξονας καὶ τοὺς κύρβεις ἄνωθεν ἐκ τῆς ἀκροπόλεως εἰς τὸ βουλευτήριον καὶ τὴν ἀγορὰν μετέστησεν Εφιάλτης, ὥς φησι Ἀναξιμένης ἐν Φιλιππικοῖς).

Какой Анаксимен здесь упоминается? Это Анаксимен Лампсакский, ритор и историк, живший и творивший в IV в. до н. э. Если пытаются дать более точную датировку, то пишут обычно «ок. 380–320 гг. до н. э.»; таким образом, перед нами в полном смысле слова современник Аристотеля. Их сочинения даже, случалось, смешивали. Так, трактат «Риторика к Александру», как ныне считается доказанным, принадлежит Анаксимену³³. Однако он весьма рано попал по ошибке в аристотелевский корпус. Между прочим, это как раз случай «счастливой ошибки»: благодаря ей данный труд сохранился (поскольку был «освящен», пусть и ложно, громадным авторитетом Аристотеля) и является единственным произведением Анаксимена, дошедшим до нас целиком.

В остальном же из наследия этого писателя в нашем распоряжении имеются лишь фрагменты, и выше был, в сущности, процитирован один из них (Anaximen. FGrHist. 72. F13), взятый из исторического произведения «Филиппики» (Φιλιππικά), то есть «История Филиппа», написанного, как следует из заголовка, на весьма популярную во второй половине IV в. до н. э. тему (сочинение с таким же названием имелось, как известно, и у такого крупного представителя историографии того же времени, как Феопомп).

Если считать верной данную версию событий, то их последовательность окажется следующей. Сам Солон избрал местом размещения своих законов афинский Акрополь, и там они находились вплоть до конца 460-х гг. до н. э., когда решение об их переносе «в булевтерий и на агору» было принято по инициативе Эфиальта, – несомненно, в контексте знаменитой реформы, связываемой с именем этого последнего. Реформу, проведенную Эфиальтом³⁴, обычно называют реформой Ареопага. На самом деле она имела отношение к судебной системе в целом и явилась одним из важнейших этапов формирования афинских судов присяжных (дикастериев). Эти суды получили теперь целый ряд

³³ Chiron P. *The Rhetoric to Alexander* // *A Companion to Greek Rhetoric*. Oxf., 2007. P. 90–106.

³⁴ О ней см. хотя бы: Суриков И. Е. Афинский ареопаг в первой половине V в. до н. э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 23–40 (со ссылками на предшествующую литературу вопроса); Rihll T. E. *Democracy Denied: Why Ephialtes Attacked the Areiopagus* // *Journal of Hellenic Studies*. 1995. Vol. 115. P. 87–98.

функций, ранее принадлежавших древнему Совету Ареопага, да и в целом их значение в жизни полиса начало именно с указанного момента резко возрастать³⁵. А поскольку законы, собственно, нужны в первую очередь для исправного функционирования судебных учреждений, то и не удивительно, что солоновские аксоны-кирбы переставили на место, более удобное для дикастов, которые в свои присутственные дни заседали ведь как раз в помещениях, расположенных либо на самой Агоре (так, главным зданием гелиеи традиционно считается та постройка, которая располагалась на южной стороне площади), либо в ее ближайших окрестностях.

Между прочим, местом проведения судебных процессов мог становиться, в числе других зданий, также и упомянутый во фрагменте Анаксимена булевтерий. Его основным назначением было служить вместилищем Совета Пятисот, когда тот собирался в полном составе. Стало быть, помещение вполне подходило и для заседания стандартной судебной коллегии (500, позже 501 человек).

Конечно, булевтерий регулярно бывал занят, поскольку Совет в условиях классической афинской демократии заседал весьма часто (хотя, конечно, и не ежедневно). Но в любом случае, думается, не представляло больших технических сложностей «разводить» по времени работу Совета и работу судов. Находился булевтерий на той же Агоре, на ее западной стороне. Воздвигнут он был в клисфеновские времена, в последней трети V в. до н. э. перестроен³⁶.

Приведем теперь еще одно свидетельство, которое в значительной степени коррелирует с информацией, почерпываемой из фрагмента Анаксимена, как он передается Гарпократионом и прочими (однако в данном свидетельстве имеется и важное отличие). На сей раз перед нами – отрывок из еще одного лексикографа, Юлия Полидевка:

А хранились и кирбы, и аксоны в старину на акрополе; потом же, чтобы всем можно было к ним обращаться, они были перемещены в пританей и на агору (ἀπέκειντο δὲ οἱ τε κύρβεις καὶ οἱ ἄξονες ἐν ἀκροπόλει πάλαι· αὐθις δ', ἵνα πᾶσιν ἐξῇ ἐντυγχάνειν, εἰς τὸ πρυτανεῖον καὶ τὴν ἀγορὰν μετεκομίσθησαν) (Poll. VIII. 128).

Ссылки на Анаксимена здесь нет, но трудно отделаться от впечатления, что Полидевк опирался в конечном счете на его данные. Отличие, о котором было сказано выше, просто-таки бросается в глаза: вместо булевтерия почему-то упомянут пританей. Первое же возможное объяснение разногласия между

³⁵ Boegehold A. L. et al. The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia (The Athenian Agora. Vol. 28). Princeton, 1995. P. 21 ff.

³⁶ Естественно, уже и со времен Солон должен был в Афинах существовать какой-то булевтерий (для учрежденного им Советом Четырехсот), но о его местоположении можно только гадать (Camp J. M. Athens and Attica... P. 227).

двумя источниками, которое сразу приходит в голову, будет, разумеется, следующим: просто перепутаны эти два здания. В принципе, человеку стороннему, не вникавшему специально в институты и топографию классических Афин, сделать подобную ошибку было немудрено. Пританей, по идее, тесно связан с деятельностью Совета Пятисот. Пританами назывались, как известно, дежурные члены данного органа. Совет³⁷ делился на десять отделений, и в течение одной десятой части года члены каждого из этих отделений (как должно быть ясно, 50 человек всякий раз) исполняли обязанности пританов.

Однако в классическую эпоху пританы дежурили не в пританее как таковом, а в так называемом Толосе. Это здание, круглое в плане, находилось на западной стороне Агоры, близ булевтерия. Постройка его датируется эпохой Кимона, 460-ми гг. до н. э. Толос могли, вне сомнения, ошибочно называть пританеем (коль скоро в нем находились пританы!). Или, скажем менее категорично, Толос могли воспринимать как своего рода новый пританей. Может быть, на то и делался расчет; не случайно постройку сделали круглой. Дело в том, что была в афинском (и, конечно, не только афинском) обиходе такая практика: приглашать на угощение в пританей.

Подобной чести удостоивались, например, послы из других полисов. «Пригласить посольство эгестян на угощение в пританей в назначенное время» (IG. I³. 11, 450-е гг. до н. э.); «Восхвалить же и глашатаев, прибывших в Афины (из Карфагена. – *И. С.*), за то, что они мужи благорасположенные к народу афинян; пригласить их и на угощение в пританей на завтра» (IG. I³. 123, 406 г. до н. э.); «Пригласить Евмаха (посла с Самоса. – *И. С.*) на обед в пританей на завтра» (IG. I³. 127, 405 г. до н. э.); «Пригласить посольство самосцев и на обед в пританей на завтра» (IG. II². 1, 403/402 г. до н. э.); «Восхвалить и послов (с Боспора. – *И. С.*) Сосия и Феодосия за то, что они заботятся о прибывающих из Афин в Боспор, и пригласить их на завтра на угощение в пританее» (IG. II². 212, 346 г. до н. э.). Примеры можно было бы множить и множить...

Помимо послов, обедом в пританее награждались в Афинах и некоторые из своих же граждан: олимпионики, потомки тираноубийц Гармодия и Аристоклитона... Можно вспомнить, что Сократ, когда его судили в 399 г. до н. э., попросил себе в качестве «наказания» обед в пританее (Plat. Apol. 36d).

³⁷ Наверное, все-таки не будет излишним дать здесь ссылку на исследование об афинском Совете, которое является в полной мере образцовым и по сей день не утратило значения. Его автором был молодой ученый, которому в дальнейшем предстояло стать одним из крупнейших в мире специалистов по классической Греции (каковым он и поныне остается). Имеем в виду, естественно, книгу: *Rhodes P. J. The Athenian Boule. Oxf., 1972.*

А в то же время у греков как-то так сложилось, что подобного рода трапезы для привилегированных (своих и чужих) было принято проводить в круглых помещениях³⁸. Почему? Полагаем, целью было подчеркнуть полное равенство этих «пэров» (неизбежно приходит в голову «круглый стол короля Артура», который потому-то и имел такую форму, чтобы никто не сидел «во главе стола»).

Из вышесказанного, похоже, следует, что в классических Афинах именно в Толосе происходили угощения награжденных и почтенных; в результате именно он стал постепенно восприниматься как пританей. Во всяком случае, на уровне массового сознания. Люди, ближе знакомые с положением дел, должны были, конечно, знать, что существовал в «городе Паллады» и иной, «настоящий» пританей – тот самый, в котором, в частности, издревле собирались на судебное заседание архонт-басилей с филобасилеями в тех случаях, когда нужно было разобрать вопрос об убийстве человека неодушевленным предметом (Demosth. XXIII. 76).

Напомним, что этот «исконный пританей» находился где-то на восточном склоне Акрополя, в районе «Старой Агоры». Не могли ли именно там изначально быть поставлены аксоны-кирбы с законами Солонa? Есть несколько свидетельств, которые, кажется, можно трактовать именно в благоприятном для данной гипотезы смысле.

Уже цитировался пассаж из Плутарха, в котором сказано, что какие-то незначительные остатки (λείψανα μικρά) солоновских аксонов-кирб хранились в пританее (Plut. Sol. 25). В чем-то согласуются с данным высказыванием слова Павсания (тоже приводившиеся ранее): «Рядом находится пританей, в котором находятся написанные Солоном законы (πλήσιον δὲ πρυτανεῖόν ἐστιν, ἐν ᾧ νόμοι τε οἱ Σόλωνός εἰσι γεγραμμένοι... κεῖται)» (Paus. I. 18. 3).

Несколько странно, может быть, что Павсаний, писавший позже Плутарха, застал в пританее, в отличие от последнего, не жалкие остатки рассматриваемых артефактов, а вроде как сами солоновские законы (т. е. кирбы-аксоны?) в полной сохранности. Но, может быть, это просто риторическая «фигура речи»? Важнее другое: совершенно очевидно, что периегет отдельно пишет о Толосе (Paus. I. 5. 1), а отдельно – о пританее (и только в связи с последним упоминает законы Солонa); стало быть, он никак не смешивает друг с другом эти постройки.

Еще одно свидетельство (впрочем, и позднее, и не содержащее ничего принципиально нового по сравнению с предыдущими) тоже, пожалуй, все-таки следует процитировать: «сохраняются же они (аксоны. – И. С.) в пританее» (Harpocr. s.v. Ἀξόνι).

³⁸ Cooper F., Morris S. Dining in Round Buildings // Symptotica: A Symposium on the Symposion. Oxf., 1990. P. 66–85.

* * *

Теперь вновь предложим свою трактовку всего рассматриваемого круга проблем, связанного с первоначальным местом установки аксонов-кирб и с их последующими перемещениями. Во-первых, сообщение Аристотеля о том, что законы Солона на кирбах были поставлены в «Царской стое», не соответствует действительности. В этом здании (или перед ним) с большой вероятностью могли находиться законы Драконта об убийствах, записанные на аналогичных кирбах-аксонах³⁹. Возможно, именно в таком смысле (а не в общепринятом) и надлежит понимать пассаж из «Афинской политики».

Во-вторых, нам представляется, что наиболее вероятным первоначальным местонахождением солоновских законов был все-таки пританей. Тот самый исконный, старинный афинский пританей, который располагался на восточном склоне Акрополя, в районе «Старой Агоры». Солон создал новую Агору на Керамике, но пританей тогда не переносился.

В конце 460-х гг. до н. э., в связи с демократическими реформами Эфиальта – Перикла, была, видимо, предпринята акция по перемещению аксонов-кирб в место, более доступное для всех граждан и находившееся ближе к основным центрам общественной жизни, как они сформировались на тот момент. Перенос мог, подчеркнем, восприниматься как «опускание» законов с Акрополя: с точки зрения лиц, смотрящих с новой, нижней Агоры, старый пританей располагался, в общем-то, фактически на Акрополе⁴⁰.

Какое именно здание на Классической Агоре приютило теперь старые солоновские артефакты? Булевтерий? Нам это все-таки сомнительно. Анаксимен, свидетельство которого цитировалось, мог перепутать булевтерий с пританеем (он все-таки не был афинским уроженцем). Можно допустить, что законы поместили в Толос – «новый пританей». Но не исключаем даже, что их – для удобства обозрения каждым желающим – вообще поставили просто на самой площади, на открытом воздухе. Это должно было довольно пагубно сказаться на деревянных досках с вырезанными узаконениями. И ведь действительно, мы имели случай познакомиться с шуткой комедиографа Кратина (Cratin. fr.

³⁹ Между прочим, и в надписи IG. I³. 104 сказано, в частности: «Пусть писцы, получив закон Драконта об убийцах у базилея, с секретарем Совета напишут закон на каменной стеле и установят перед Царской стоей». Это лишь подтверждает, что законодательство об убийцах было именно в ведении архонта-базилея.

⁴⁰ О состоянии Акрополя в солоновское время в целом см.: Hurwit J. M. *The Athenian Acropolis: History, Mythology and Archaeology from the Neolithic Era to the Present*. Cambridge, 2001. P. 100 ff.; Keesling C. M. *Solon's Property Classes on the Athenian Acropolis? A Reconsideration of IG I³.831 and Ath. pol. 7.4* // *Cities Called Athens: Studies Honoring John McK. Camp II*. L., 2015. P. 115–135.

274 Kock), суть которой – в том, что все эти солоновские и драконтовские кирбы годятся уже только на то, чтобы сушить на них ячменные зерна.

Именно плохим состоянием кирб-аксонов, думается, не в последнюю очередь было обусловлено перенесение текста законов с них на каменные стелы в конце V в. до н. э. Когда стелы были изготовлены, как поступили с пришедшими почти в негодность «деревяшками»? Все-таки это были чтимые памятники, освященные великими именами, и трудно предположить, что их уничтожили. Похоже, их вернули в старый пританей, поскольку сохранялась память о том, что когда-то они там и находились. Но вернули уже как некие «музейные раритеты», и не более того. В пританее их остатки и видели несколько столетий спустя Плутарх, Павсаний, а также Гарпократион (или его источник).

ЗНАЛ ЛИ АНТИФОНТ ЗАКОНЫ СОЛОНА?*

Кажется, никогда еще в мировой историографии античности не звучала такая формулировка, какую мы предлагаем в подзаголовке данной работы. Таков уж, видимо, наш крест – замечать проблемы там, где их ранее не видели, оценивать значимость этих проблем и посылить осуществлять их постановку¹. А решение уж порой приходится оставлять «тем, кто придет за нами». Впрочем, еще Шеллинг почти два века назад заметил: «...достижения науки – не только в том, что она разрешает трудные вопросы; быть может, еще большая заслуга в том, чтобы создавать и отмечать для будущих исследований новые проблемы или же находить новые стороны в старых вопросах»².

Так почему же вопрос «Знал ли Антифонт законы Солона?» ранее в науке не ставился? Причина, казалось бы, очевидна: в сохранившихся речах нашего оратора Солон вообще не упоминается – ни разу, ни в связи с его законодательством, ни в каком-либо ином контексте³. Так, стало быть, о чем вообще может

* Впервые опубликовано (под заголовком «Antiphoneta IX: Знал ли Антифонт законы Солона?») в: *Studia historica*. М., 2015. Т. 14. С. 32–58.

¹ Приведем парочку недавних примеров: *Суриков И. Е.* Об этимологии названий Фанакрии и Гермонассы (к постановке проблемы) // *Древности Боспора*. 2012. Т. 16. С. 440–469; *Суриков И. Е.* Некоторые проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н. э. («взгляд из Эллады») // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2012 год. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М., 2014. С. 76–122. Обе работы довольно-таки порядочны по размеру, но главное не в этом, а в следующем: никак не мысля себя в роли видного специалиста по истории Северного Причерноморья, автор этих строк был неожиданно признан в этом качестве высказываниями целого ряда маститых коллег, действительно крупнейших экспертов в данной сфере (например: *Зубарь В. М.* Еще раз о времени основания Херсонеса Таврического // *Боспорские исследования*. Вып. 23. Симферополь; Керчь, 2009. С. 63–83; *Завойкин А. А.* Образование Боспорского государства: от полиса к царству (некоторые итоги и перспективы дискуссии) // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2012 год. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М., 2014. С. 18–56; *Подосинов А. В.* Образование Боспорского царства в свете теории протоэллинизма // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2012 год. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М., 2014. С. 123–140). Это для нас было неожиданно и, не скроем, весьма лестно.

² *Шеллинг Ф. В. Й.* Сочинения в 2 томах. М., 1989. Т. 2. С. 249.

³ Помимо полностью сохранившихся речей от Антифонта, как известно, дошло и некоторое количество фрагментов выступлений, написанных им (в основном в качестве логографа) для судебных процессов (о них см.: *Суриков И. Е.* *Antiphoneta IV: Фрагменты речей*

идти речь? Как можно рассуждать о сюжете, по которому нет источниковых данных?

Однако, подчеркнем, говорить приходится об отсутствии *прямых* данных, а ведь можно попытаться поискать косвенные и использовать их. Приведем такую параллель: Фукидид в своем труде тоже ни разу не упоминает Солон. Тем не менее один из видных специалистов по ранним греческим законодателям подготовил статью «Солоновские образы у Фукидида»⁴, в которой посредством привлечения именно косвенного материала убедительно продемонстрировал: историк Пелопоннесской войны хорошо знал наследие Солон и у него часто, причем в концептуально важных пассажах, появляются мотивы и сентенции, восходящие к афинскому мудрецу.

Кстати, напомним о том, что Фукидид был учеником Антифонта (на это нам не раз доводилось указывать в предыдущих статьях о нем), получил риторическое образование в школе, основанной и возглавленной этим ритором-софистом. Следовательно, велика вероятность того, что талантливый юноша и написанное Солоном штудировал именно там, под руководством и по инициативе своего наставника. А в таком случае последний должен был *a fortiori* быть знаком с соловским наследием – как литературным, так и законодательным.

А отсутствие имени Солон в произведениях Антифонта, по большому счету, ровно ни о чем не говорит. В этих памятниках мы ведь и имени Драконт тоже не встретим. Но кто решится утверждать, что Антифонт не знал законов Драконт об убийстве? Это вошло бы в самое решительное противоречие с действительностью. Во всех шести текстах, составляющих *Corpus Antiphonticum* (как в судебных речах, так и в «Тетралогиях»⁵), рассматриваются юридические

Антифонта как исторический источник (перевод и комментарий) // *Studia historica*. М., 2009. Т. 9. С. 1–27). Но и с фрагментами ситуация практически аналогична. Есть только один, да и то крайне сомнительный случай (Antiph. fr. 15 Blass – Thalheim), который поэтому следует привести и прокомментировать: Нагрост. s.v. Ὅτι οἱ ποικίλοι παῖδες...: «О том, что приемные сыновья не имели права унаследовать отцовское домохозяйство, если они сами не оставили законных детей в доме усыновившего их, говорят Антифонт в речи об опекунстве [против] Каллистрата и Солон в 21-м из “Законов”». Это, прежде всего, не прямая цитата из Антифонта, а пересказ, из которого не видно, упоминал ли сам оратор в своей речи закон Солон или же Гарпократион просто обратил внимание на совпадение мысли в двух источниках. Если исходить из способа выражения у лексикографа, то вероятнее второе. Далее, сама ссылка на законы Солон выглядит довольно странно: обычно на них ссылались по аксонам.

⁴ *Szegedy-Maszak A.* Thucydides' Solonian Reflections // *Cultural Poetics in Archaic Greece: Cult, Performance, Politics*. N. Y.; Oxf., 1998. P. 201 ff.

⁵ О специфике «Тетралогий» см.: *Суриков И. Е.* Antiphontea VIII: «Тетралогии» Антифонта в контексте древнегреческой юридической и философской мысли V в. до н. э. // *Studia historica*. М., 2013. Т. 13. С. 41–67.

казусы, связанные именно с различными убийствами. И совершенно справедливо именно эти тексты признаются едва ли не самыми важными и ценными нарративными источниками по драконтовскому законодательству⁶.

Сам оратор не устает повторять хвалебные слова об этих старинных законах. Так, уже в самом начале самой ранней из его полностью дошедших речей («О хоревете», составлена в 419/418 г. до н. э.) мы читаем:

...Законы, которые приняты об этих делах (об убийствах. — *И. С.*), всеми могут быть восхвалены как прекраснейшие и благочестивейшие из всех принятых законов. Ведь так получается, что они — самые древние в нашей стране; стало быть, они всегда гласят одно и то же об одном и том же, а ведь это — лучший признак того, что законы составлены хорошо; ибо время и опыт показывают людям, что не является хорошим (*Antiph.* VI. 2).

В речи «Об убийстве Герода», написанной несколько позже, Антифонт воспроизводит те же самые мысли почти дословно:

...Я считаю, все согласятся, что законы, имеющиеся относительно таких дел, — самые лучшие и самые благочестивые из всех законов. По крайней мере, они — древнейшие в этой земле; далее, об этих делах всегда оставались одни и те же законы, а это вернейший признак, что законы хорошо составлены. Ведь время и опыт учат людей отвергать то, что не хорошо (*Antiph.* V. 14).

На этом основании некоторые издатели (например, Л. Жерне⁷) даже атрибутируют данное место из речи «Об убийстве Герода»: оно-де появилось тут по ошибке, в результате дублирования. А мы, со своей стороны, полагаем, что в подобной операции нет никакой надобности: просто, видимо, автору понравилась, показалась эффектной сформулированная им однажды характеристика, и он счел вполне допустимым повторить ее в другом сочинении.

Но, вновь подчеркнем, неоднократно апеллируя к законам об убийстве, изданным Драконтом, Антифонт ни разу не упоминает самого Драконта. Не обстоят ли у него дела аналогичным образом и с Солоном?

* * *

Необходимо акцентировать внимание еще вот на каком обстоятельстве. Если удастся-таки обнаружить, что в речах Антифонта так или иначе отразилось солоновское законодательство, то это будет иметь чрезвычайно большое

⁶ См. хотя бы: *Carawan E. Rhetoric and the Law of Draco*. Oxf., 1998. P. 171 ff. Большая часть этой объемной книги, посвященной законам Драконта, построена на анализе речей Антифонта.

⁷ *Antiphon. Discours* / Ed. L. Gernet. P., 1965 (стереотипное переиздание издания 1923 г.).

значение в источниковедческом плане. Почему? Попытаемся объяснить, чем в этом плане Антифонт принципиально отличается от других писателей, работавших в том же, что и он, жанре.

Начнем с вещей достаточно тривиальных. Все согласится, что для изучения афинского права, законов Афин наиболее важна информация, содержащаяся в судебных речах аттических ораторов. Разумеется, есть и иные источники (как «Афинская полития» Аристотеля, позднеантичные лексикографы, некоторые эпиграфические памятники), но ораторов мы все-таки с безусловностью поставили бы здесь на первое место. Ведь они, готовя (для себя ли, для других ли) тексты выступлений на процессах в гелиее и других судилищах, должны были активно изучать действующее законодательство – причем не из абстрактного интереса, как тот же Стагирит, а ради насущных практических потребностей. Они, несомненно, работали с правовыми документами. Соответственно, в судебных речах достаточно часто цитируются законы, а еще чаще – не цитируются, а пересказываются.

Что интересно, в современной науке считаются более заслуживающими доверия именно те пассажи речей, в которых имеет место пересказ, а не прямая цитата. Это связано с одной особенностью практики афинского судопроизводства. Если нужно было дословно огласить закон, то сам выступающий этого не делал, а предоставлял слово секретарю; вода в клепсидре на время зачитывания закона приостанавливалась.

Соответственно, законы как таковые в текст судебных речей их авторами при издании не включались. В рукописной традиции в таких случаях либо просто стоит ΝΟΜΟΣ, либо же вписан какой-нибудь закон, в аутентичности которого никакой уверенности нет: весьма велика вероятность, что тут «постарались», заполняя лакуны, представители последующих поколений – в риторических школах, в Александрийской библиотеке, в многовековом процессе формирования рукописной традиции... А вот если закон у оратора пересказан – значит, это органичная часть речи и никаких домыслов в дальнейшем возникать не должно было.

Мы подходим теперь вплотную к вопросу об особом месте Антифонта в плеяде десяти аттических ораторов. Именно от представителей этого «канона десяти»⁸ до наших дней дошли памятники красноречия, в том числе от каждого из них – и судебные речи. Антифонт – не просто самый старший, самый ранний в «десятке»; еще более важно для нас то, что он – единственный из ее состава, кто писал заведомо ранее последнего десятилетия V в. до н. э. (как известно, он был казнен в 411 г. до н. э.).

⁸ О нем подробнее см.: *Worthington I. The Canon of the Ten Attic Orators // Persuasion: Greek Rhetoric in Action. L.; N. Y., 1994. P. 244–263.*

С какой целью мы это настойчиво подчеркиваем? Тут необходим экскурс в историю афинского права. На протяжении VI–V вв. до н. э. в Афинах действовали законы Драконта (изданные в 621 г. до н. э.), трактовавшие об убийстве, и законы Солон (изданные в 594 г. до н. э.), регламентировавшие всю остальную правовую сферу. А в последнем десятилетии V в. до н. э. в Афинах происходила серьезная законодательная реформа⁹. Она началась сразу после свержения олигархии Четырехсот, но растянулась на довольно длительный хронологический отрезок, – естественно, ввиду сложных внешне- и внутривнутриполитических перипетий, с которыми тогда пришлось иметь дело афинянам (последний период Пелопоннесской войны, завершившийся поражением афинского полиса, установление режима «Тридцати тиранов», восстановление демократии...). В результате реформа была завершена лишь к рубежу V–IV вв. до н. э.

Задумывалась она, судя по всему, просто как «поновление» законов Драконта и Солон, перенесение их текстов с деревянных аксонов и кирб (которые ввиду естественной порчи уже трудно было пользоваться) на более долговечный материал – каменные плиты. Начали эту процедуру с драконтовых законов об убийстве, и, как показывает сохранившаяся надпись IG. I³. 104 (409/408 г. до н. э.), являющаяся одним из продуктов предпринятой работы, тогда еще копирование древнего памятника осуществлялось весьма точно, вплоть до воспроизведения архаичной, уже вышедшей из повседневного употребления лексики. Это и не удивительно: ситуации, связанные с убийствами, повторялись, в общем, с минимальными вариациями из века в век. Тут даже трудно представить себе введение каких-то далеко идущих новшеств (во всяком случае, с тех пор, как на смену родовому обычаю кровной мести пришли институционализированные государством нормы наказаний).

А вот когда перешли к «поновлению» обширного свода законов Солон, тут уж не могло обойтись без внесения в них значительного количества изменений. Прошло почти два века с тех пор, как они начали действовать. И не просто два века, а два века в условиях полиса, наиболее динамично развивавшегося из всех, какие имелись в Элладе. Были реформы Клисфена, был взлет афинской демократии... Изменились буквально все реалии. Даже если брать, скажем, аспект «презренного металла»: цены в Афинах за этот срок – чуть меньше 200 лет – выросли раз в десять (если исходить из стоимости быка). А между тем в ряде солоновских законов упоминались драхмы¹⁰, с указанием

⁹ До недавнего времени, говоря о ней, приходилось ссылаться на большое количество разнообразных статей (как и мы делали в предыдущих работах). Но теперь, к счастью, появилась обобщающая монография: *Carawan E. The Athenian Amnesty and Reconstructing the Law*. Oxf., 2013. Из нее уже и можно почерпнуть ссылки на предшествующую литературу.

¹⁰ *Kroll J. H. Silver in Solon's Laws // Studies in Greek Numismatics in Memory of M. J. Price*. L., 1998. P. 225–232.

их конкретного количества (в качестве размера штрафов, наград и т. п.). Эти цифры просто не могли не подвергнуться самой серьезной корректировке.

Что же получилось в итоге? Фактически – новый свод законов, по которому Афины с тех пор и жили. Назывался этот свод по традиции «законами Солона», и именно так на него ссылаются ораторы IV в. до н. э., когда они к нему апеллируют. Но нужно понимать, что к самому Солону он теперь уже имел скорее косвенное отношение. В него входили законы, имевшие по большей части «солоновское» ядро, но впоследствии претерпевшие значительные изменения и до нас дошедшие (посредством тех же ораторов IV в. до н. э.) уже в таком «модифицированном» виде¹¹.

Что означает сказанное применительно к Антифону? *Только он один* из упоминавшихся X oratores жил и писал тогда, когда еще действовали *подлинны* законы Солона, не искаженные усилиями более поздних реформаторов. Строго говоря, одна оговорка все-таки необходима. Лисий, работавший на рубеже V–IV вв. до н. э., несомненно, имел еще доступ к древним солоновским аксонам с их архаичной терминологией. Тому свидетельством – его X речь.

Но все-таки и Лисий обращал внимание в первую очередь на законодательство *действующее*, поскольку именно его нужно было знать для участия в судебных процессах¹². В норме логографу, в общем-то, не требовалось изучать законы, уже утратившие силу.

Как бы то ни было, Антифонт в данном отношении требует особого к себе внимания, поскольку у него, как ясно из вышесказанного, мы в принципе не сможем встретить «псевдосолоновских» законов, а только аутентично солоновские. Этот оратор (который, помимо прочего, был, похоже, первым квалифицированным юристом в истории Древней Греции¹³) адекватно отразил в своих сочинениях то состояние аттического права, которое было сформировано Солоном (и, конечно, Драконом, но в рамках данной работы нас интересует все-таки Солон).

¹¹ Scafuro A. C. Identifying Solonian Laws // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 175–196.

¹² См. в данной связи полемику между Л. А. Пальцевой и нами: Пальцева Л. А. К вопросу о составе законодательства Драконта // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2007. Вып. 6. С. 202–204; Суриков И. Е. Еще раз о законодательствах Драконта и Солона в Афинах (полемические заметки). Ч. I // Из истории античного общества: Сб. научных трудов. Нижний Новгород, 2008. Вып. 11. С. 16–17.

¹³ Ср. его (несколько преувеличенно-восторженную, как мы считаем) характеристику как «первого европейского правоведа»: Barta H. «Graeca non leguntur»? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Wiesbaden, 2010. Bd 1. S. 49. Во втором томе своего труда Х. Барта обращает на Антифонта еще более пристальное внимание: Barta H. «Graeca non leguntur»? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Wiesbaden, 2011. Bd 2: Archaische Grundlagen. Teil 1. S. 139 ff.

В связи со складыванием античной нарративной традиции о законодательстве Солон существует весьма обширная литература¹⁴, но нигде в ней не упоминается Антифонт. Причина этого (просим прощения за повторение уже высказывавшегося тезиса) – отсутствие упоминаний о Солоне в речах Антифонта. Но, как мы видели, из этого отсутствия еще не следует заключать, что Антифонт не знал законы Солон и не внес никакого вклада в формирование традиции, о которой идет речь. Если какой-то его вклад на этом поприще удастся-таки зафиксировать (хотя бы гипотетически), – уже и это можно будет назвать «новым словом».

* * *

Какие же критерии могут быть использованы при попытке отыскания в речах Антифонта информации о солоновских законах? Предварительно оговорим два нюанса. Во-первых, у нашего оратора нигде не встречается прямое цитирование каких бы то ни было законов – только упоминания и пересказы. Это, как явствует из вышесказанного, скорее плюс, чем минус: значит, мы не встретим каких-то позже сфабрикованных (например, теми же александрийцами) текстов, заполняющих лакуны после слова ΝΟΜΟΣ.

Во-вторых, из шести сочинений, входящих в *Corpus Antiphonticum*, подлежат ответственному использованию только три (речи I, V, VI). Остальные три речи (точнее, «речи») – это «Тетралогии», которые писались, как мы показали в другом месте¹⁵, с философской целью и не отражали действовавшего в Афинах права.

Теперь к вопросу о критериях. В Афинах времен Антифонта актуальным законодательством¹⁶ являлись законы Солон и законы Драконта. Последние, как мы знаем, относились к делам об убийствах, первые – ко всему остальному. Периодически в историографии высказывается мнение, что и в правовые

¹⁴ Упомянем *exempli gratia* несколько важных работ: *Ruschenbusch E.* ΠΑΤΡΙΟΣ ΠΟΛΙΤΕΙΑ. Theseus, Drakon, Solon und Kleisthenes in Publizistik und Geschichtsschreibung des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr. // *Historia*. 1958. Bd 7. Ht. 4. S. 398–424; *Oliva P.* Solon im Wandel der Jahrhunderte // *Eirene*. 1973. Vol. 11. P. 31–65; *Mossé C.* Comment s'élabore un mythe politique: Solon, «père fondateur» de la démocratie athénienne // *Annales: économies, sociétés, civilisations*. 1979. Vol. 34. No. 3. P. 425–437; *David E.* Solon, Neutrality and Partisan Literature of Late Fifth-Century Athens // *Museum Helveticum*. 1984. Vol. 41. Fasc. 3. P. 129–138; *Hansen M. H.* Solonian Democracy in Fourth-Century Athens // *Classica et mediaevalia*. 1989. Vol. 40. P. 71–99.

¹⁵ *Суриков И. Е.* Antiphontea VIII...

¹⁶ Мы различаем понятия νόμοι (законы как таковые) и πολιτεία (конституция, как ныне говорят). В данной работе рассматриваются только νόμοι. По вопросу об афинской πολιτεία речи Антифонта не содержат никаких значимых данных.

нормы, связанные с процессами об убийствах, Солон тоже внес свой вклад¹⁷. Иными словами, он-де как-то изменял драконтовские законы.

Автор этих строк принадлежит к противникам данной точки зрения; но здесь даже не имеет смысла углубляться в этот достаточно частный вопрос. Лучше – так сказать, для чистоты анализа и его максимальной строгости – просто устранить из рассмотрения законы об убийстве, которые упоминает Антифонт (а он делает это нередко – ведь все его сохранившиеся речи посвящены этой тематике¹⁸) и обратить внимание на те места, где наш автор говорит о законах какого-то иного содержания. Таковые будут заведомо солоновскими, хоть напрямую у оратора об этом и не сказано.

Итак, переходим к конкретному анализу. Материал для него будет почерпнут в основном из V и VI речей Антифонта. Его I речь не дает позитивных данных, подходящих для нашей цели, а «речи» II–IV – это, напомним, «Тетралогии», к которым в целом необходим принципиально иной подход.

В речи V «Об убийстве Герода» неоднократно упоминается закон о «злодеях» (κακοῦργοι). Евксифей – лесбосец из Митилены, клиснт Антифонта в данном процессе – на протяжении всего выступления постоянно сетует на то, что его дело рассматривается по неправильной процедуре: допущено, как он считает, серьезное процессуальное нарушение, в результате чего решение суда не может иметь законной силы.

Обычно в случае убийства родственниками жертвы возбуждался (согласно законам Драконта) иск, влекий за собой частный процесс δίκη φόνου. Дело в таком случае разбиралось Ареопагом (если убийство было умышленным). Однако на сей раз обвинители предпочли действовать иным путем, а именно арестовали подозреваемого в совершении преступного деяния Евксифея (по прибытии его в Афины) посредством публичной процедуры ἀπαγωγή, применявшейся против пресловутых «злодеев» (κακοῦργοι)¹⁹. И обвиняемый

¹⁷ Например: *Ruschenbusch E.* ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden, 1966. S. 70 ff.; *Carawan E.* Rhetoric... P. 13 ff.

¹⁸ Это совершенно не означает, что Антифонт были чужды иные сферы права. Вот названия некоторых его речей, от которых сохранились лишь фрагменты: «О перевороте», «О незаконном обращении в рабство», «Речь об опекунстве против Каллистрата», «О форо-се линдийцев», «Против Никокла о границах (ὄροι)», «Обвинение в противозаконии (γρᾶφή παρανόμων)», «О форо-се самофракийцев», «Против Эрасистрата о павлинах», «Об оскорблении свободнорожденного мальчика»... Круг юридических интересов Антифонта был весьма широк. Тот факт, что полностью дошли до нас только его речи об убийствах, – просто следствие досадной случайности.

¹⁹ Об этой процедуре см.: *Hansen M. H.* Apagoge, Endeixis and Ephegesis against Kakourgoi, Atimoi and Pheugontes: A Study in the Athenian Administration of Justice in the Fourth Century B.C. Odense, 1976.

предстал перед коллегией гелиеи. А перед судом находился под арестом, чего требовали нормы института ἀπαγωγή. А между тем в норме убийцы вплоть до начала процесса отнюдь не арестовывались; им просто объявлялось официальное запрещение посещать отдельные места в полисе, считавшиеся сакральными (храмы, агору и др.).

Возможно, родственники убитого (точнее, пропавшего) Герода посчитали, что афинские дикасты не будут особо церемониться с каким-то там митиленинином, гражданином полиса, который незадолго до того восстал против афинского владычества и был за это сурово наказан. Но Евксифею удалось в Афинах «выйти» на Антифонта, который охотно занялся его защитой – быть может, не столько из соображений гонорара (Антифонт не бедствовал), сколько из побуждения побороться за права союзников. Одним из «пунктиков», на которые давили афинские олигархи в своей борьбе против демагогов постпериклова (да даже еще и периклова) времени, традиционно являлась чрезмерная эксплуатация державным демосом городов, входивших в Архэ.

И Антифонт представил, готовя речь для своего клиента, действительно сильные доводы. Евксифей в своей ἀπολογία говорит присяжным, в частности, следующее:

Прежде всего, поскольку я был вовлечен в этот процесс самым противозаконным (παράνομῶτατα) и насильственным образом, – это-то я вам и покажу: не для того, чтобы избегать суда вашего множества²⁰ – даже если бы вы были не связаны присягой и каким-либо законом (νόμον μηδένα), я бы вверил свою жизнь вашему решению (ведь я, со своей стороны, верю, что я совершенно невиновен в этом деле и что вы раскроете истину). Нет, я покажу это, чтобы у вас были свидетельства насилия и противозакония (παράνομία) этих людей (обвинителей, родственников Герода. – И. С.), как по отношению ко мне, так и в других делах. Ведь, прежде всего, я являюсь ответчиком в процессе об убийстве (φόνου δίκην φεύγω), при этом подвергшись доносу как злодей (κακοῦργος ἐνδεδειγμένος); но такого еще ни с кем никогда не случалось в этой земле²¹! А в том, что я не злодей и не подпадаю под закон о злодеях (τῷ τῶν κακοῦργων νόμῳ), – сами же эти люди мне в том стали свидетелями. Ибо против воров и грабителей (τῶν κλεπτῶν καὶ λωποδυτῶν) направлен этот закон, а они не доказали, что я имею какое-то отношение к ворам или грабителям. Таким образом, они именно сам арест (ἀπαγωγήν) сделали для вас законнейшим и справедливейшим поводом оправдать меня. Опять же, они, со своей стороны, говорят, что

²⁰ Под «множеством» (πλήθος) подразумеваются афинские граждане, судящие в дикастерии. Считалось, что каждая коллегия гелиеи полномочно представляет весь демос.

²¹ Таким образом, Евксифей утверждает, что процедура ἀπαγωγή применена к нему беспрецедентно.

убить – это великое злодейство (κακούργημα)²². И я, со своей стороны, с этим согласен: величайшее! Равно как и совершить святотатство или изменить своему государству (τὸ ἱεροσυλεῖν καὶ προδιδόναι τὴν πόλιν). Однако о каждой из таких вещей существуют отдельные законы (νομοί). А мне, во-первых, устроили суд вот здесь, на агоре²³, хотя другим, являющимся ответчиками в делах об убийстве, именно здесь специальным объявлением запрещают находиться (Antiph. V. 8–10).

Какую информацию можно извлечь из процитированного пассажа? Сразу бросается в глаза, что в нем упоминаются законы, *не* имеющие отношения к убийству, – иными словами, являющиеся не драконтовскими, а солоновскими. Среди таковых – законы о наказаниях за святотатство и за измену родине, а также закон о «злодеях». Последний, по словам Евксифея (Антифонта), применялся против воров и грабителей. Косвенно очерчена и последовательность действий, которую предусматривал этот закон: донос (ἐνδειξις) – арест (ἀπαγωγή) – суд.

Из наличия в данном свидетельстве выражений παράνομος, γραφή παρανομία ('противозаконный', 'противозаконие') можно было бы, в принципе, попытаться сделать вывод о том, что автор имеет в виду известный тип публичного процесса γραφή παρανόμων ('обвинение в противозаконии'). Но, думается, так далеко идти все-таки не следует. Нынче в исследовательской литературе обычно считается, что γραφή παρανόμων появляется не ранее V в. до н. э.²⁴ Правда, в некоторых старых работах (но зато принадлежащих корифеям – Виламовицу, Бузольту) учреждение данной процедуры связывается с Солоном; но к настоящему времени эта точка зрения, кажется, полностью оставлена, и одного неясного намека у Антифонта, конечно, недостаточно для того, чтобы вернуться к ней.

Чуть позже по ходу речи Евксифей обращается к главе обвинителей со следующими словами:

²² Если верить Евксифею, обвинители действительно вводят суд в заблуждение, прибегая к сознательной путанице между юридическим термином κακούργος (под эту категорию подпадали строго определенные типы преступников, и данное дело к ним действительно никакого отношения не имеет) и общим, нетерминологичным словом для обозначения «злодейства» – κακούργημα.

²³ Помещения, в которых проходила работа дикастериев, размещались в основном на агоре или близ нее; см. об этих помещениях: Boegehold A. L. et al. The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia (The Athenian Agora. Vol. 28). Princeton, 1995. P. 10 ff., 91 ff.).

²⁴ Hansen M. H. The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Public Action against Unconstitutional Proposals. Odense, 1974; Сырников И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 403 сл.; Кудрявцева Т. В. Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008. С. 346 сл. (с историографией вопроса).

...Тебе требовалось²⁵ принести величайшую и сильнейшую клятву (ὄρκον), призвав погибель на себя, на свой род и на свой дом; ты должен был поклясться, что будешь обвинять меня не в чем ином, а только в самом убийстве, что я его совершил. Тогда я, даже если бы сделал много зла, был бы осужден не из-за этого, а только по самому предмету рассмотрения²⁶; равным образом, если бы я сделал много хорошего, это хорошее меня не спасло бы. Это-то ты и нарушил, сам для себя изобретя законы (αὐτὸς σεαυτῷ νόμους ἐξευρών); и вот, сам обвиняешь меня, не принеся клятвы (ἀνώμοτος), и свидетели дают показания против меня, не принеся клятвы (ἀνώμοτοι), хотя им нужно принести одинаковую с тобой клятву, прикоснуться к жертвам и только после этого свидетельствовать против меня. Кроме того, ты настаиваешь, чтобы судьи разбирали дело об убийстве (φόνου δίκην), поверив свидетелям, не приносившим клятвы, – хотя ты сам, нарушив установленные законы (παρελθὼν τοὺς κεκμένους νόμους), сделал этих свидетелей не заслуживающими доверия. И опять же, ты считаешь, что судьи должны предпочесть твое противозаконие (τὴν σὴν παρανομίαν) самим законам (αὐτῶν τῶν νόμων)! (Antiph. V. 11–12).

Законы, о которых в конце данной цитаты упоминает Антифонт, – явным образом не только драконтовские, но и солоновские. Первые предписывали одни формулировки клятв, вторые – иные. На это здесь и «бьет» Антифонт. К клятвам в древнегреческом праве, вообще говоря, относились серьезно²⁷. Это для нас сейчас сказать «клянусь честью» или нечто в подобном духе – значит вроде как бы просто пообещать. Потому-то в наше время и совершенно утрачено такое понятие, как формула клятвы.

А вот в античности именно формула клятвы (или присяги, как ныне часто пишут) была принципиальна. Одним образом звучала клятва дикастов, вступающих в должность²⁸, другим – клятва эфебов²⁹. Ведь текст клятвы однозначно воспринимался как сакральный³⁰.

²⁵ Если бы процесс шел по нормальной процедуре дел об убийствах.

²⁶ В Ареопаге и других судах по убийствам сторонам запрещалось в выступлениях говорить о чем бы то ни было, кроме самого существа дела. Впрочем, даже и там эта норма, случалось, нарушалась, но в обычных дикастериях ею просто откровенно пренебрегали.

²⁷ См. труд общего характера: *Sommerstein A. H., Bayliss A. J. Oath and State in Ancient Greece*. B.; Boston, 2013

²⁸ *Harris E. M. The Rule of Law in Athenian Democracy. Reflections on the Judicial Oath // Etica & Politica*. 2007. Vol. 9. No. 1. P. 55–74. Это очень дельная статья.

²⁹ *Kellogg D. Οὐκ ἐλάττω παραδώσω τὴν πατρίδα: The Ephebic Oath and the Oath of Plataia in Fourth-Century Athens // Mouseion*. 2008. Vol. 8. No. 3. P. 355–376.

³⁰ См. к этому: *Wout E. van 't. From Oath-swearing to Entrenchment Clause: The Introduction of Atimia-Terminology in Legal Inscriptions // Sacred Words: Orality, Literacy and Religion*. Leiden; Boston, 2011. P. 143–160.

У Солонa была некая группа законов, относящихся к клятвaм свидетелей. Но, увы, о ней мало что достоверно известно. Э. Рушенбуш в своем известном издании законов Солонa³¹ уделяет ей страницу с небольшим³². Все свидетельствa источников об этих законах – чрезвычайно поздние: врач Гален, лексикографы (Полидевк, Гесихий, аноним из «Анекдотов» Беккера), византийские авторы Фотий и Евстафий. К тому же информация, содержащаяся в них, кратка и невнятна. Впрочем, справедливости ради нужно сказать, что и процитированный пассаж из Антифонта большой информативностью не отличается. Но зато он является несравненно более ранним по сравнению с вышеперечисленными авторами, а это уже достоинство.

Двинемся дальше. Евксифей приводит в свою пользу еще вот какой довод:

...Я, граждане, был заключен в тюрьму самым противозаконным образом (παράνομῶτατα) из всех людей. Ведь, хотя я желал, согласно закону (κατὰ τὸν νόμον), представить трех поручителей, эти люди (обвинители. – И. С.) так устроили, что мне не было позволено это сделать. А ранее всегда, если кто-нибудь из чужеземцев желал представить поручителей, – никто из них никогда не заключался в тюрьму. Однако должностные лица, ведающие злодеями, используют один и тот же закон – этот самый (τῷ αὐτῷ χρῶνται νόμῳ τοῦτῳ). Так что и он, будучи общим для всех остальных, только мне одному не смог помочь (Antiph. V. 17).

Каким образом обвинители добились того, чтобы обвиняемому отказали в этом послаблении, – в речи не разъясняется. Вероятно, они настойчиво утверждали, что обвиняемый скроется, если не будет арестован, а афинские судебные власти – из неприязни к недавно восстававшей Митилене – сочли возможным с ними согласиться.

Как бы то ни было, здесь перед нами новые данные именно о солоновском законодательстве: ясно, что не о драконтовском, поскольку последнее, как мы знаем, относилось только к процессам в судах по делам об убийствах (то есть в Ареопаге и в судах эфетов), а в таких процессах институт поручительства вообще не применялся. А в данном отрывке упоминаются поручители

³¹ О «плюсах» и «минусах» этого издания см.: *Scafuro A.* Op. cit. Главный «минус», в общем-то, очевиден. Э. Рушенбуш сопровождал собранные и критически проанализированные им свидетельства (именно критический анализ отличает эту книгу от, скажем, труда: *Martina A.* Solone: Testimonianze sulla vita e l'opera. R., 1968) лишь минимальными примечаниями. И обещал, что вскоре последует отдельным томом детальный комментарий. Как бы полезен был такой комментарий!! Но затем Рушенбуш отвлекся на иные сюжеты. Он скончался лет 7–8 лет назад, и вот теперь где-то как-то в интернете начинает просачиваться информация о сохранившихся материалах Рушенбуша по Солону...

³² *Ruschenbusch E.* ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ... S. 84–85.

(ἐγγυηταί). По словам оратора, даже чужеземец (то есть не гражданин Афин) мог, представив таковых в количестве трех (несомненно, из числа граждан), посредством этого избежать неприятной и унижительной вещи – досудебного ареста по процедуре ἀπαγωγὴ против какоῦρτος. Насколько можно понять, подобная формулировка содержалась именно в законе о «злодеях». В данном конкретном случае нормой закона попросту пренебрегли. Но удивляться этому не приходится: судебные власти демократического афинского полиса, в общем-то, никогда не делали из законов некую «икону» (во всяком случае, до законодательной реформы конца V в. до н. э.), выдержки из законодательных текстов использовались в ходе разбирательств наряду со свидетельскими показаниями и т. п.³³ Закон, иными словами, мог внести определенный (зачастую – немалый) вклад в исход дела, но отнюдь не предопределял его со всей безусловностью. В данном случае сам обвиняемый констатирует: закон-де не смог ему помочь.

Далее на протяжении речи «Об убийстве Герода» выясняется интересная правовая коллизия. Оказывается, что обвинители еще в Митилене, до того как прибыть в Афины и возбудить там судебный иск, частным образом прибегли к пытке рабов с целью получения от них свидетельских показаний. В результате один из рабов (да и то не сразу) заявил, что Евксифей действительно причастен к умерщвлению Герода, а сам он, раб, являлся его соучастником.

Евксифей в речи, подготовленной Антифонтom, опровергает это свидетельство раба как заведомо ложное, тем более что господа обещали его освободить, в случае если он скажет то, что им нужно. Перед рабом стояла дилемма – продолжение истязаний или свобода, и вполне ясно, какой выбор он сделал. А самое главное, что сразу после получения требуемых показаний раб был не освобожден, а... убит!

Ситуация действительно выглядела крайне некрасиво; создается полное впечатление, что обвинители Евксифея просто решили «спрятать концы в воду». Но в целом об этом прискорбном казусе мы значительно подробнее писали в другом месте³⁴, и здесь нет никакого смысла вновь на нем останавливаться. А упомянули мы о нем только потому, что инцидент с подвергнутым пытке и убитым рабом позволил Антифонту ввести в защитительную речь следующее рассуждение:

А они вот, купив раба, частным образом, в своем кругу его убили – доносчика! Ни город не выносил на то своего постановления, ни человек этот не совершал

³³ Подробнее см.: Суриков И. Е. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // Древнее право. 1999. № 2 (5). С. 34–42.

³⁴ Суриков И. Е. Antiphontea VII: Судебная пытка рабов в речах Антифонта // Studia historica. М., 2012. Т. 12. С. 45 сл. Там же освещается и сам институт свидетельской пытки рабов.

собственноручно убийства. Его нужно было, заключив в оковы, сторожить, или передать на поруки моим друзьям, или сдать вашим³⁵ властям и вынести решение относительно его. А вы вот сами вынесли человеку смертный приговор и убили его! А это даже никакому городу не позволено – в отсутствие афинян наказывать кого-либо смертью. И вы просите этих вот людей (дикастов. – *И. С.*), чтобы они стали судьями некоторых слов этого человека³⁶, а притом дела его вы сами уже рассудили. Однако даже те рабы, которые убили своих господ и при этом еще были взяты с поличным, – даже они не гибнут от рук самих родственников жертв; нет, их передают властям согласно вашим отеческим законам (*κατὰ νόμους ὑμετέρους πατρίους*). Ведь раз уж и рабу позволено свидетельствовать против свободного в делах об убийстве, и господину, если он так решит³⁷, позволено выступать обвинителем, вступаясь за раба, и приговор может быть вынесен в равной мере убившему раба и убившему свободного, то справедливо было бы, наверное, и этому рабу вынести приговор, а не погибать ему без суда от ваших рук. Так что гораздо справедливее вам было бы попасть под суд (за убийство раба. – *И. С.*), чем мне теперь [несправедливо]³⁸ подвергаться судебному преследованию с вашей стороны (*Antiph. V. 47–48*).

Здесь, конечно, немало чисто риторических уловок. Если уж на то пошло, хозяин раба имел полное право его убить без какой бы то ни было государственной санкции. Судебные процессы между жителями полисов, входивших в Афинскую архэ, действительно, обязательно рассматривались гелисеей в Афинах, если ввиду серьезности дела обвиняемому могла грозить смертная казнь. Однако, напомним еще раз, в данном случае речь идет о рабе, к которому все это относиться не могло.

Кстати, именно на основании только что процитированного свидетельства иной раз и делается вывод, что в классических Афинах нельзя было убивать без суда даже рабов: уж очень категорично, даже с пылом, оратор это утверждает. Подобный вывод, однако, представляется не безусловным, поскольку достаточно велика вероятность, что здесь перед нами риторическое преувеличение, вполне уместное в памятнике судебного красноречия. В любом случае, даже если в самих Афинах и существовала такая норма, это еще не означает,

³⁵ Афинским или митиленским. Неясность связана с тем, что говорящий обращается во втором лице множественного числа то к афинским дикастам (так чуть выше), то к обвинителям, прибывшим из Митилены. Впрочем, если Герод и его родственники были афинскими клерухами, а не митиленскими гражданами (кажется, это все-таки несколько вероятнее), то под «вашими» властями в любом случае имеются в виду афинские.

³⁶ Раба, подвергнутого пытке, а затем убитого.

³⁷ Характерная оговорка. Ясно, что в реальной жизни вряд ли каждый хозяин раба в случае убийства последнего затевал формальный судебный процесс.

³⁸ Это слово Л. Жерне в своем издании удаляет (возможно, и не без резона).

что она распространялась на города Архэ, в том числе на Митилену – полис заведомо менее демократичный, чем Афины. Иными словами, нельзя заключать, что обвинители Евксифея, убив принадлежащего им раба, каким-то образом нарушили законы.

Вернемся теперь, собственно, к этим законам. В историографии иногда высказывается мнение, что в афинском государстве имелся закон, по которому убийство раба вело к такому же судебному преследованию, что и убийство свободного человека³⁹. Нам это представляется маловероятным⁴⁰; и, в любом случае, если норма, наказывающая за убийство раба, даже и имелась, то она могла относиться только к убийству *чужого* раба, которое должно было восприниматься как порча чужого имущества.

Далее, такая норма не могла содержаться в законодательстве Драконта, и вот почему. Драконт эксплицитно предписывал (опираясь, вне сомнения, на древние устоявшиеся обычаи), что судебный иск против убийцы имели право возбуждать только родственники убитого и больше никто. Само государство в Афинах этим тоже не занималось – ни в архаическую эпоху, ни позже⁴¹. А юридических родственников у раба, естественно, быть не могло.

Стало быть, если в аттическом праве в какой-то момент появился закон о том, что рабов нельзя убивать, то это случилось не во времена Драконта. А в таком случае это с наибольшей вероятностью произошло во времена Солона. Совершенно точно известно, что какие-то узаконения, касающиеся рабов, афинский мудрец в своем кодексе вводил⁴². Итак, не исключаем (хотя и со стопроцентной уверенностью утверждать не можем), тут перед нами еще аллюзия Антифонта на солоновское законодательство.

Во второй половине речи «Об убийстве Герода» Евксифей, помимо прочего, опровергает тезис обвинения, согласно которому он-де совершил свое преступление по заказу некоего Ликина – своего земляка и приятеля, враждовавшего с Геродом. У тех из-за чего-то был конфликт, но, к сожалению, именно в этом месте речи наличествует лакуна, из-за которой не удастся установить причин вражды.

³⁹ Шишова И. А. Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991. С. 57.

⁴⁰ Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 33. Прим. 16.

⁴¹ *Mélèze Modrzejewski J.* La sanction de l'homicide en droit grec et hellénistique // Symposium 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 3–16.

⁴² *Ruschenbusch E.* ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ... S. 97–98 (с цитатами из источников).

Подсудимый парирует данное заявление своих противников так:

А вот важнейшее доказательство, что Ликин не желал его (Герода. – *И. С.*) убивать. Ведь у него была возможность погубить (*ἀπολέσαι*) этого человека посредством судебного процесса (*ἐν ἁγῶνι*), подвергнув его большой опасности, согласно вашим законам (*τῶν νόμων τῶν ὑμετέρων*), если он за что-то был на него обижен. Так бы он и свое собственное желание удовлетворил, и от вашего города получил благодарность – если бы избличил Герода как преступника. Но он не пожелал и не выступил против него. Однако, во всяком случае, тогда опасность была бы для него почетнее...⁴³ Но тогда Ликин простил его. А в том случае, когда ему предстояло подвергаться опасности, касающейся и его самого, и меня⁴⁴, – тогда он будто бы начал злоумышлять (*Antiph. V. 61–62*).

Заметим, что здесь упоминаются «ваши законы» – при том что речь произносится в афинской гелиее. Стало быть, речь идет о законах, действующих в Афинах (а не в Митилене, гражданами которой являлись Евксифей и Ликин). Имеются ли в виду драконтовские законы или солоновские? Практически с полной уверенностью можно утверждать, что последние. Спор между Ликином или Геродом, какую бы природу он ни имел, явно не был связан с каким-либо убийством. А вот с чем он был связан – этого мы, увы, никогда не узнаем из-за лакуны в тексте. Но, во всяком случае, можно констатировать еще одну (пусть и не ясную для нас) аллюзию Антифонта на законодательство Солона.

Ближе к концу рассматриваемой нами здесь речи содержится еще следующая немаловажная тирада:

Итак, граждане, я оправдался в том, что запомнил из обвинений, полагаю, что и вами я буду оправдан. Ведь одно и то же спасет меня и для вас станет законным и соответствующим вашей клятве (*νόμιμα καὶ εὐορκά*). Ибо вы поклялись судить согласно законам (*κατὰ... τοὺς νόμους*); а я, по законам (*τοῖς νόμοις*), не подлежу тому суду, на который меня привели, и в вашей власти назначить мне законный суд по тому обвинению, которое мне предъявлено⁴⁵. А если из одного

⁴³ Как раз тут налицо вышеупомянутая досадная лакуна: несомненно, в выпавшем отрывке подробнее говорилось о конфликте между Ликином и Геродом. Далее в речи шли свидетельские показания, которые, как известно, в издаваемые тексты памятников ораторского искусства не включались.

⁴⁴ Опасности быть избличенным в убийстве.

⁴⁵ Это, конечно, не означает, что гелиасты могли своим распоряжением перенести слушание дела в Ареопаг. Такой процедуры, насколько известно, аттическое судопроизводство не предусматривало. Коль скоро уж дело было принято к рассмотрению данным судебным органом, то это рассмотрение должно было завершиться вынесением приговора. Евксифей (Антифонт) здесь просто в завуалированной форме просит о том, чтобы приговор был оправдательным.

процесса были созданы два⁴⁶, – не я тому виной, а обвинители. Однако, нужно полагать, не выйдет так, что враждебнейшие мне люди затеяли против меня две тяжбы, а вы – справедливые судьи дел, относящихся к законности, – заведомо осудите меня за убийство уже в этом, первом процессе! Не делайте же этого, граждане! Лучше дайте пройти некоторому времени: с его помощью те, кто хочет расследовать дела в точности, находят самые правильные решения. Ведь я-то считал, граждане, что в таких случаях процесс должен идти согласно законам (*κατὰ τοὺς νόμους*), а согласно справедливости нужно всё проверять как можно чаще. Таким способом дело было бы лучше понято: ведь неоднократные суды – истине союзники, а клевете злейшие враги. Ведь дело об убийстве, даже неправильно решенное, сильнее справедливости и истины: ибо, если вы меня осудите, я неизбежно – хоть я не убийца и не причастен к делу – подпадаю под нормы права и под закон (*τῇ δίκῃ καὶ τῷ νόμῳ*). И никто не дерзнет не подчиниться уже принятому по делу решению, хоть он и уверен в своей невинности; равным образом и тот, кто знает о себе, что он совершил это преступление, не дерзнет пренебречь законом (*τῷ νόμῳ*). Нет, необходимо покориться приговору даже вопреки истине и тем более покориться самой истине – в любом случае и особенно тогда, когда нет мстителя за содеянное. Из-за этого самого и законы (*νόμοι*), и клятвы, и скрепляющие их жертвоприношения, и публичные объявления, и всё тому подобное бывает в процессах об убийствах сильно отличающимся от того, что принято в других процессах, потому что и сами дела, из-за которых люди подвергаются опасности, необходимо расследовать особенно тщательно. Ведь если такое дело решено правильно, это является местью за пострадавшего, а если невинного человека осуждают как убийцу, – это преступление и кощунство по отношению и к богам, и к законам (*εἰς τοὺς νόμους*) (Antiph. V. 85–88).

Что при внимательном чтении можно извлечь из этого пространныго, сложного пассажа? Законы в нем упоминаются неоднократно, причем это – законы как драконтовские (то есть относящиеся к процессам об убийствах), так и не принадлежащие Драконту, а, стало быть, принадлежащие Солону. Между этими двумя группами законов даже проводится вполне четкое разграничение. И это более чем естественно, поскольку в речи «Об убийстве Герода» главная задача Евксифея (Антифонта) – доказать, что к обвиняемому применили не тот закон: солоновский, об ἀπαγωγή, направленный против «злодеев», а не драконтовский, о δίκη φόνου, как следовало бы. Потому-то говорящий и подчеркивает столь настоятельно, насколько законы Драконта об убийстве отличаются от всех прочих законов (то есть от солоновских), причем отличаются в лучшую сторону. Просто в данной конкретной ситуации его непосредственный интерес заключается в том, чтобы расставить акценты именно таким

⁴⁶ То есть обвинители, возбуждая один процесс (ἀπαγωγή), зарезервировали для себя возможность и для второго, по иной процедуре (δίκη φόνου).

образом. Можно быть вполне уверенными: если бы клиента Антифонта судили по законам Драконта, а он мог бы ожидать лучшего для себя исхода в случае применения к нему законов Солона, – то перед судьями звучали бы совершенно противоположные слова: о преимуществе последних перед первыми.

* * *

Переходим к VI речи Антифонта – «О хоревете». Она считается наиболее политизированным из его целиком дошедших сочинений⁴⁷. «Подопечный» нашего логографа – некий знатный, богатый и влиятельный афинянин – уже в начале своего выступления высказывает суждение, которое очень напомнит нам то, что мы прочитали чуть выше, в конце речи «Об убийстве Герода»: «...И законы (νόμοι), и клятвы, и жертвы для скрепления клятв, и запрещения, и, в общем, все остальное, что бывает, когда начинается процесс об убийстве, – все это сильно отличается от обстоятельств в других процессах» (Antiph. VI. 6).

Сходство действительно настолько велико, что Л. Жерне – один из самых авторитетных издателей Антифонта – предлагал из какой-то из этих двух речей данный пассаж убрать, видя здесь неоправданное дублирование кем-то из переписчиков. Он склонялся к тому, что в речи «О хоревете» данное рассуждение на месте, а вот в речи «Об убийстве Герода» – не на месте. Но на самом-то деле оно вполне на месте в обоих случаях. И мы уже видели выше, что Антифонта, если какая-то идея казалась ему удачной, отнюдь не смущало повторить ее позже, в ином тексте. Как бы то ни было, отметить приходится то, что в приведенной цитате опять упоминаются законы об убийстве (то есть законы Драконта) как отличающиеся от прочих законов (то есть законов Солона).

Далее обвиняемый, подчеркивая чисто политическую подоплеку дела – тяжбу против начали по наущению демагогов, с которыми он вел суровую борьбу (опять же посредством судебных процессов), указывает:

...В этом процессе, хотя они обвиняют меня в убийстве, а соответствующий закон гласит (τοῦ νόμου οὕτως ἔχοντος), что в обвинительной речи нужно говорить строго по делу, – они мошенничают, сочиняя против меня лживые речи и клевета, будто я враждебен городу. А если уж нанесен вред городу, то полагается официальное обвинение, а не частная месть; а они говорят, что пострадал город, но при этом считают возможным возбуждать по такому вопросу частный иск (δίκη), в противоположность γράφῃ. – И. С.) (Antiph. VI. 9).

⁴⁷ Разумеется, еще более политизированной была последняя речь Антифонта – «О перевороте», но от нее сохранились только фрагменты, в которых нет никаких упоминаний о законах, и потому они нами здесь не рассматриваются.

Мы уже не первый раз встречаем прием, который, видимо, можно назвать одним из излюбленных у Антифонта, – уличение оппонентов в юридической непоследовательности. Будучи блестящим знатоком права, он часто имел такую возможность и охотно ею пользовался. В данном случае основной пафос аргументации таков: если истцы желают сводить политические счета, то почему они вместо того, чтобы начать правильный публичный процесс с соответствующей формулировкой обвинения, возбудили частный иск (причем довольно надуманный) о неумышленном убийстве? А если уж они предпочли пойти по этому пути, то зачем в своей обвинительной речи приплели к делу политику?

Говорящий ссылается на знакомую уже нам норму: в процессах об убийствах участникам запрещалось по ходу своих выступлений говорить о чем бы то ни было, кроме непосредственного предмета рассмотрения⁴⁸, а тут эта норма была обвиняющей стороной грубым образом нарушена. Самое интересное для нас здесь – то, что в связи с упомянутой нормой Антифонт, как видим, апеллирует к закону. А в законах Драконта, насколько известно, положение *εἰς αὐτὸ τὸ πρᾶγμα κατηγορεῖν* ('обвинять только по делу') еще не фигурировало. Да и слишком они еще были архаичны, примитивны для подобного рода тонкостей (достаточно почитать надпись IG. I³. 104). Стало быть, перед нами – опять солоновский закон.

Очень важный процессуальный закон затрагивается во второй части речи «О хореуте». Перед тем как привести относящиеся к нему цитаты, необходимо несколько пояснений. Все процессы по делам об убийствах проходили под председательством архонта-царя (архонта-басилея) – одного из высших и древнейших должностных лиц афинского полиса⁴⁹ (правда, при вынесении приговора сам он права голоса не имел). Именно басилею и подавали иск об убийстве родственники жертвы. После подачи иска и до суда как такового этот магистрат должен был в течение трех месяцев провести три предварительных слушания дела.

Что же произошло в том случае, который рассматривается здесь? Вначале Антифонт говорит об этом не слишком ясно:

И эти люди (обвинители. – *И. С.*) тогда со всем усердием бросились возбуждать против меня иск – прямо на следующий день после того, как хоронили мальчика, даже дом еще не очистив и не совершив того, что требует обычай в таких

⁴⁸ См. к вопросу: *Rhodes P. J.* Keeping to the Point // *The Law and the Courts in Ancient Greece*. L., 2004. P. 137–158; *Lammi A.* Relevance in Athenian Courts // *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law*. Cambridge, 2005. P. 112–128.

⁴⁹ См. по проблеме: *Gagarin M.* The Basileus in Athenian Homicide Law // *Polis & Politics: Studies in Ancient Greek History Presented to M. Hansen on his Sixtieth Birthday*. Copenhagen, 2000. P. 569–579.

случаях... Но... базилей прочел им законы (τοὺς τε νόμους ἀνέγνων) и показал, что у него не хватит времени принять у них иск и провести слушания, какие положены... (Antiph. VI. 37–38).

Таким образом, некий технический нюанс позволил магистрату отклонить иск. Какой именно нюанс – это раскрывается чуть ниже:

Ибо базилею следовало после принятия иска провести три предварительных слушания в течение трех месяцев, а на четвертый месяц внести дело в суд – подобно тому, как это происходит теперь. А ему оставалось пребывать в должности только два месяца: фаргелион и скирофорион. И ясно, что он не имел возможности внести дело в суд в свой срок, а передавать другому дело об убийстве не разрешается, и никогда в этой стране ни один базилей не делал этого. А раз он не мог ни внести дело в суд, ни передать его, он и не пожелал принимать иск вопреки вашим законам (παρὰ τοὺς ὑμετέρους νόμους) (Antiph. VI. 42).

Итак, действовавшему на тот момент базилею оставалось до окончания срока его пребывания на своем посту лишь два месяца. Потому-то он и отказал обвинителям в приеме искового заявления. Подчеркнем: отказал не в принципе, не навсегда, а просто предложил явиться с ним в начале следующего гражданского года, когда в должность вступит его преемник.

Действительно ли базилей поступил в строгом соответствии с законами? Это вызывает доверие не у всех исследователей. Есть, в частности, и точка зрения, согласно которой базилей в данном случае был лицом заинтересованным (возможно, другом или политическим соратником потенциального обвиняемого); потому-то он и отказал родственникам умершего мальчика в принятии иска, а ссылка на нехватку времени до конца года послужила для него лишь формальным поводом. Но это маловероятно. Ниже (Antiph. VI. 45) эксплицитно говорится, что и какие-то другие граждане получили от того же базилея отказ по аналогичной причине.

Можно допустить еще и такой ход рассуждения. Не исключено, что теоретически магистрат мог как принять иск, так и отклонить его, а отклонить предпочел по соображениям собственной безопасности: ведь ему вскоре предстоял отчет перед демосом, в ходе которого лучше было быть «чистым во всех отношениях». Иными словами, базилей решил «подстраховаться», а будь на его месте менее осторожный гражданин – возможно, он и рискнул бы дать делу ход.

Во всяком случае, Антифонт утверждает, что неудачливым обвинителям были зачитаны законы, и базилей отказывался именно действовать в нарушение этих законов. Ясно, что это опять же не были законы Драконта, а следовательно – солоновские.

Оратор далее описывает, как обвинители начали вроде бы испытывать какие-то колебания – возбуждать ли им вообще процесс? Безусловно, у них

имелись сомнения в успехе, поскольку основания для иска были слабыми. Напомним суть дела: на обвиняемого, клиента Антифонта, была наложена литургия: его назначили хорегом⁵⁰, и он должен был подготовить хор мальчиков для выступления на одном из празднеств. В ходе обучения хоревтов одному из них дали какое-то лекарство (очевидно, чтобы улучшить голос), от которого мальчик скончался. Вот тогда-то родственники умершего и решили обвинить хорего в неумышленном убийстве. Однако инцидент с лекарством произошел в его отсутствие и без его ведома; следовательно, обвиняемому не составляло особого труда доказать, что лично он ни в чем не виновен.

В результате сложилась следующая ситуация:

...Когда вступил в должность нынешний базилей и им было позволено подавать свой иск в любой день, в какой они пожелают, начиная с первого дня месяца гекатомбеона – а в этом месяце вообще-то тридцать дней, – ни в один из дней они иск не подали. И затем, начиная с первого дня месяца метагитниона, им тоже было позволено подавать иск в любой день, в какой они пожелают, – но они и тогда что-то иск опять не подали, а пропустили двадцать дней и этого месяца. Так что в целом у них прошло более пятидесяти дней – уже при нынешнем базилее, – в течение которых они имели возможность подать иск, но не подали! И все другие, которым при том базилее не хватало времени...⁵¹ А эти люди знали все законы (τοὺς νόμους ἅπαντας) и видели, что я член Совета и вхожу в булевтерий. А в самом булевтерии есть святилище Зевса Советника и Афины Советницы, и входящие члены Совета там молятся. И я был одним из них, и делал то же самое, и входил во все остальные святилища в составе Совета, и приносил жертвы, и молился за этот город; а, кроме того, я исполнял обязанности притана в течение всей первой притании, за исключением двух дней, был и иеропеем⁵², и приносил жертвы за демократию, и ставил предложения на голосование, и предлагал свои собственные проекты, касающиеся весьма серьезных и важных для города дел, – одним словом, находился на виду. Так вот, а они присутствовали, и были в городе, и имели возможность, подав иск, запретить мне всё это, – но не пожелали подавать иск! А ведь им достаточно было просто напомнить о деле и обратиться на него ваше внимание – если они и вправду потерпели от меня обиду... (Antiph. VI. 44–46).

⁵⁰ О хорегии (со ссылками на предшествующую литературу) см.: *Бондарь Л. Д.* Афинские литургии V–IV вв. до н. э. СПб., 2009. С. 15–81 (именно эта литургия рассмотрена в книге Санкт-Петербургской исследовательницы более подробно, чем все остальные).

⁵¹ Лакуна в тексте. Примерный смысл утраченной части фразы – «смогли подать свои иски при этом базилее».

⁵² В данном случае, очевидно, не в техническом смысле (иеропеи – должностные лица религиозного характера, ежегодно избиравшиеся по жребию в количестве десяти человек), а в том смысле, что обвиняемый, будучи булевтом и пританом, принимал участие и в организации сакральной жизни полиса. Убийце это, естественно, запрещалось самым решительным образом.

Говорящий настаивает, таким образом, на неискренности своих обвинителей. По его версии, они вообще действовали не по собственной инициативе, а под давлением демагогов, заинтересованных в устранении нашего хорега, который, напомним, являлся видным политиком. Что же касается упоминаемых в процитированном отрывке «всех законов», то имеются в виду все-таки преимущественно законы Драконта. Именно они предписывали, чтобы подозреваемый в убийстве не имел права участвовать ни в каких сакральных делах полиса и даже появляться в священных местах. Обвиняемый подчеркивает, что он в течение нескольких месяцев делал это, поскольку занимал высокие должности булевта и притана (религия в Афинах, как известно, была неразрывно связана с государственной жизнью), а родственники умершего мальчика как бы не замечали этого и продолжали оттягивать подачу иска. Таким образом, они сами нарушали законы! Очередной тонкий ход Антифонта, и опять в том же духе, что и в ранее встречавшихся нам случаях, – уличение оппонентов в юридической непоследовательности⁵³.

* * *

Подведем краткие итоги. Можно уверенно утверждать, что блистательное знание Антифонтom афинского законодательства распространялось не только на законы Драконта об убийстве (эти последние стоят на первом плане в его сохранившихся произведениях только в силу того случайного обстоятельства, что полностью до нас дошли только антифонтовские речи по проблематике, связанной с убийствами), но и на законы Солонa, регламентировавшие остальные стороны жизни полиса и граждан. Антифонт, будучи видным представителем софистического движения, вообще много размышлял о категории закона⁵⁴; ясно, что он не мог не интересоваться конкретными законами – особенно теми, которые являлись действующими в его государстве.

⁵³ В связи с речью «О хореуте» можно еще отметить, что в ней упоминается исангелия (Antiph. VI. 12, 35, 36). По одной из точек зрения, этот тип процесса ввел тоже Солон одним из своих законов; но есть и мнения о более позднем происхождении процедуры (см. к вопросу: Кудрявцева Т. В. Указ. соч. С. 270 сл.). Поэтому «для чистоты анализа» данные об исангелии у Антифонта лучше оставить за пределами рассмотрения в рамках данной работы.

⁵⁴ См. хотя бы: Saunders T. J. Antiphon the Sophist on Natural Laws (B44 DK) // Proceedings of the Aristotelian Society. 1977/1978. Vol. 78. P. 215–236.

Раздел V

ПРАВО И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В АНТИЧНОЙ ГРЕЦИИ: ЭПОХА КЛАССИКИ

СПЕЦИФИКА ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА В СРАВНЕНИИ С РИМСКИМ*

Когда автор этих строк, являющийся специалистом по Древней Греции, получил от Л. Л. Кофанова любезное приглашение стать участником поддержанного Российским гуманитарным научным фондом проекта, озаглавленного «Исследование по истории развития системы римского и европейского государственного права», то, в общем-то, сразу было ясно, что нужда в нас возникла именно в связи с необходимостью компаративного взгляда на релевантные римские реалии со стороны соответствующих (или не вполне соответствующих) им греческих.

Наверное, выбор руководителя проекта был все-таки верным. Нам в прошлом доводилось, и неоднократно, писать с той или иной степенью детализации о различных древнегреческих (в первую очередь афинских) государственно-правовых институтах. Среди таковых – народное собрание¹, Совет Ареопага², Совет Четырехсот / Пятисот³, архонтат⁴, гелиея (суд присяжных)⁵, армия⁶,

* Впервые опубликовано в: Древнее право. 2016. № 1 (33). С. 8–44.

¹ Суриков И. Е. Как назывался высший орган власти в демократическом афинском полисе? // Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование. Ярославль, 2012. С. 8–20.

² Суриков И. Е. Афинский ареопаг в первой половине V века до н. э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 23–40. Писать «ареопаг» со строчной буквы мы были тогда принуждены лицом, редактировавшим нашу упомянутую статью (*nomina sunt odiosa*). А на самом деле, конечно, требуется прописная буква, «Ареопаг» (как, в общем-то, и пишут во всех западных историографиях).

³ Совет Четырехсот – от реформ Солона до реформ Клисфена; Совет Пятисот – с момента реформ Клисфена. См.: Суриков И. Е. ΒΟΥΛΑΙ в Афинах (Эпоха архаики) // *Studia historica*. М., 2005. Т. 5. С. 3–22.

⁴ Суриков И. Е. Архонтат в Афинах: от истоков института до утраты им исторического значения // ВДИ. 2012. № 2. С. 29–54.

⁵ Суриков И. Е. Некоторые проблемы истории афинской гелиеи // Древнее право. 2005. № 2 (16). С. 8–20; Суриков И. Е. Еще раз об афинской гелиеи // Древнее право. 2008. М., 2010. № 2 (22). С. 8–24.

⁶ Суриков И. Е. Воительница Афина: Солон, Писистрат и афинское полисное ополчение в VI в. до н. э. // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2010. Вып. 9. С. 27–54.

специфический институт гетерий⁷, еще более специфический институт остракизма⁸. Собственно, и сам институт греческого полиса был нами рассмотрен в ряде своих аспектов⁹. Надеемся когда-нибудь осуществить свою мечту и описать в монографическом формате систему греческих полисных институтов – именно как систему, как некое единство.

Это одно. С другой же стороны, мы тут можем опереться не только на свой прежний опыт работы с эллинскими государственно-правовыми институтами, но и на свои же прежние попытки сравнительного анализа древнегреческой и римской цивилизаций, в том числе и в правовом ключе¹⁰. Да, уже в них мы отмечали различие между правосознанием греков и римлян, и на этом различии далее остановимся подробнее.

Но перед тем мы очень просили бы потенциального читателя не счесть ссылки автора на его собственные предыдущие разработки чем-то неподобающим – «саморекламой», что ли, или чем-то в этом роде (и в мыслях у нас ничего подобного не было). Нам это кажется совершенно нормальной практикой (которая, тем не менее, почему-то кое-кого раздражает): в итоговой работе ссылаться на те, ей предшествовавшие, которые были как бы «ступенями» к этому итогу. Единственная альтернатива – дублировать аргументацию из этих предварительных статей, но что тогда получится? Разрастание текста до размера книги.

⁷ Суриков И. Е. Демократия и гетерии: некоторые аспекты политической жизни Афин V в. до н. э. // Власть, человек, общество в античном мире: Доклады конф. М., 1997. С. 89–99.

⁸ Этому институту был посвящен целый ряд наших статей, но теперь уже нет смысла на них ссылаться, поскольку сделанные в них выводы так или иначе нашли отражение в итоговой монографии: Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006.

⁹ Дементьева В. В., Суриков И. Е. Античная гражданская община: греческий полис и римская *civitas*. Учебн. пос. Ярославль, 2010; Суриков И. Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций. М., 2010. С. 8–54. Применительно конкретно к Афинам см.: Суриков И. Е. Афины в VIII–VII вв. до н. э.: становление архаического полиса (К вопросу о степени специфичности «аттического варианта») // ВДИ. 2013. № 4. С. 23–43.

¹⁰ Например: Суриков И. Е. Камень и глина: К сравнительной характеристике некоторых ментальных парадигм древнегреческой и римской цивилизаций // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). М., 2000. С. 273–288; Суриков И. Е. Демократия и достоинство: к характеристике некоторых аспектов правовой и политической культуры граждан классических Афин // Из истории античного общества: сб. научных трудов. Нижний Новгород, 2010. Вып. 13. С. 37–60.

* * *

Порой тонкое наблюдение, сделанное даже по частному поводу, заставляет задуматься и о вещах более общих. Греки изобрели остракизм, а римляне – триумф; на символичность данного нюанса однажды указал¹¹ в очень интересной статье У. Рансимен – даже не историк-антиковед, а политолог, глубоко интересующийся античностью. Кстати, вся его статья, на которую мы только что сослались, проникнута духом компаративизма, попыткой понять, почему римляне создали Империю, а греки на этом поприще, так сказать, потерпели поражение.

Другой нюанс, который, на первый взгляд, не имеет отношения к предыдущему, но, если вдуматься, напрямую с ним связан (связь станет ясна из дальнейшего изложения): в мире древнегреческих полисов не было юристов. Журнал «Древнее право» читается в основном исследователями Рима (или тех обществ, которые подверглись римскому влиянию, так или иначе испытали рецепцию римского права), и им поэтому, наверное, даже трудно будет мысленно «переварить» сам факт существования какого-то западного общества без юристов. Тем не менее факт есть факт¹².

Соответственно, греческое право было, как выражаются, «правом без юриспруденции»¹³. Оно было, так сказать, рассеяно по обществу, являлось достоянием всех (т. е. всех граждан). Сказанное относится, само собой, и к государственному праву.

Здесь, наверное, самое время оговорить те хронологические рамки, в которых нам хотелось бы остаться. Это – архаическая и классическая эпохи (в своей совокупности VIII–IV вв. до н. э.), или, выражаясь иначе, *полисный* период древнегреческой истории. В эпоху эллинизма мы углубляться не планируем, поскольку эллинистическая цивилизация (в большинстве своих проявлений) была совершенно особой, не вполне греческой и даже не вполне античной. Сравнивать римские реалии (и в первую очередь государственно-правовые) следует именно с греческими *полисными* реалиями; сопоставление их с тем, что имело место в тех же эллинистических монархиях, не даст должного результата, поскольку в поле нашего зрения окажутся вещи, если можно так выразиться, из «разных измерений».

Всё это очень тонко прочувствовали авторы совсем недавнего коллективного труда¹⁴, посвященного сравнительному анализу древнегреческой демократии (т. е., в сущности, древнегреческого полиса, который был имманентно

¹¹ *Runciman W. G. Doomed to Extinction: The Polis as an Evolutionary Dead-End // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 366.*

¹² *Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 11–12.*

¹³ *Jones J. W. The Law and Legal Theory of the Greeks. Oxf., 1956. P. V.*

¹⁴ *A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic / Ed. by D. Hammer. Oxf., 2015.*

демократичен, эгалитарен по определению) и Римской республики. Эта работа ныне, пожалуй, становится ключевой для постижения соответствующей проблематики.

Несколько слов о ней. В последние полтора десятилетия в западной (конкретно – в англоязычной) литературе по антиковедению (и, кажется, не только по нему) получил чрезвычайно большое распространение жанр, который в оригинале означает как «Companion». Кстати, большой проблемой является поиск нужного русского слова, которое адекватно передавало бы данный термин. Пока проблема эта не решена, после всех обсуждений искомая лексема так и не найдена. Пособие? Справочник? Не вполне то... Приходилось слышать от кого-то даже вариант «компендиум», но это уж явно совсем не то. И притом нельзя же в переводе давать буквальную кальку, писать «компэньон» или «компаньон»... Это уж означало бы – расписаться в полной собственной несостоятельности, которая, полагаем, все-таки не имеет места. Автор этих строк даже как-то, выступая перед молодыми учеными, сказал, что просто-таки премии будет достоин тот, кто предложит оптимальный вариант.

В норме «Companion» – коллективный труд, посвященный некой единой (более или менее широкой) теме. В числе авторов такого труда мы, как правило, обнаружим антиковедов самого крупного масштаба (хотя, естественно, и не только их). В то же время книги, выходящие в подобных сериях, демонстративно ориентированы не на специалистов, а на более широкую аудиторию – на обучающуюся молодежь, да и, в общем-то, просто на образованную публику. Это накладывает свой отпечаток на всё – и на более облегченный по сравнению с монографиями и статьями характер изложения (причем по большей части скорее описательный, чем концептуальный), и на бóльшую категоричность суждений, и на достаточно скудный аппарат, ограничивающийся лишь небольшим количеством ссылок на литературу в тексте, да еще рекомендациями по дальнейшему чтению в конце каждой главы. Иными словами, перед нами в некотором роде популяризация науки; однако же популяризация, осуществляющаяся на весьма высоком уровне.

Та книга, о которой здесь идет речь¹⁵, имеет определенное несходство со своими многочисленными «сестрами» – в том плане, что, хотя она тоже является тематической, в ней освещены, вопреки традиции, две темы (обозначенные в заголовке), причем в постоянном сопоставлении. Работа имеет,

¹⁵ В настоящее время автор этих строк в соавторстве с А. В. Махлаюком готовит на нее рецензию для ВДИ. Когда она выйдет, читатель сможет получить из нее максимально общее представление обо всем вошедшем в книгу материале. А здесь мы акцентированно и подробнее остановимся только на тех высказанных в ней идеях, которые имеют прямое отношение к тематике настоящей работы.

таким образом, выраженно компаративный характер. Так она и задумывалась, что подчеркивает во введении к ней ее редактор Д. Хэммер¹⁶.

Буквально на первой же странице этого введения он вводит – применительно как к греческим полисам, так и к республиканскому Риму – новое понятие (действительно, раньше оно нам не встречалось): *participatory community*. Вот, опять проблема перевода... «Сообщество участников»? Или даже «соучастников»? (Разумеется, не в смысле «соучастников в преступлении» или чего-то в этом духе, а в том смысле, что это были участники, реально сочувствовавшие общему делу, «жившие» в нем.) Речь идет о так называемом политическом участии – категории достаточно важной, особенно в демократических обществах¹⁷.

Вот как сам Хэммер определяет¹⁸ тот тип сообщества, который он хочет описать: в нем «политика не представляется исключительной зоной некой небольшой группы, а предполагает законность важных политических результатов, принятых в какой-то степени с широким участием». В сущности, речь идет о том, управляет ли государством народ в целом или элита, контролируемая народом¹⁹. У нас в таких случаях принято прибегать к противопоставлению «прямая демократия – представительная демократия».

Д. Констан, автор первой главы (а фактически второго введения)²⁰ в коллективном труде, о котором идет речь, ставит вопрос в иную перспективу. Если Хэммер сконцентрировался в основном на том, что общего между греческими демократическими полисами и Римской республикой, то Констан, напротив, делает наблюдения о различиях. Справедливой представляется его точка зрения, что подчас интересно находить не только общее в разных обществах, но и различное в обществах, по видимости, весьма схожих. «На самом деле, Греция и Рим, возможно, различаются более радикально, чем Рим и древняя

¹⁶ Hammer D. Introduction // A Companion to Greek Democracy... P. 1–7.

¹⁷ Применительно к Греции см.: Sinclair R. K. Democracy and Participation in Athens. Cambridge, 1991; Mossé C. The Demos's Participation in Decision-making: Principles and Realities // The Greek Polis and the Invention of Democracy: A Politico-cultural Transformation and its Interpretations. Oxf., 2013. P. 260–273.

¹⁸ Hammer D. Introduction... P. 2.

¹⁹ Весьма спорные рассуждения, согласно которым только в последнем из этих двух случаев можно говорить о демократии, а, стало быть, античная прямая демократия вообще не может считаться демократией, см.: Кудрявцева Т. В. Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008. С. 425 сл. Наши возражения см.: Суриков И. Е. Еще раз об афинской гелиее...

²⁰ Konstan D. Reading the Past (On Comparison) // A Companion to Greek Democracy... P. 8–19.

Персия или Афины и Карфаген»²¹. Сказано сознательно-провокационно, но подумать есть о чем.

В той же главе Д. Констан акцентируется контраст между греческой (в основном, конечно, афинской²²) эгалитарностью и римской иерархичностью, между греческой *δημοκρατία* и римской *res publica*. В ней, в сущности, итожатся основные результаты, к которым пришли авторы глав основной части рассматриваемой тут книги. Из этих глав некоторые для нас будут особенно важны, и к ним мы вот-вот обратимся, но вначале скажем еще несколько слов о содержании заключения к рассматриваемому коллективному труду.

Написано заключение тем же Д. Хэммером²³, который в нем не только апеллирует к выкладкам коллег в предыдущих разделах, но и высказывает некоторые новые соображения. Например, он сравнивает римскую *libertas* с греческой *ἐλευθερία*.

У греков свобода возникает как самоутверждение против внутренней тирании, а затем, в течение Персидских войн, расширяется до претензии на государственный суверенитет... У римлян свобода возникает как реакция против царей (и дальнейшего олигархического управления), имевшая место в большей степени в сфере внутренней политики... В обоих случаях свобода ассоциируется с правовым статусом гражданина, демонстрирующим, что человек не является рабом²⁴.

Прервемся для небольшого комментария. Выше уже отмечалось, что одной из главных черт, характерных для такого жанра, как «Companion», является упрощенность изложения. Упрощенность эта удобна до известного предела; но когда она начинает уже приводить к неверному описанию действительности прошлого, сие не есть хорошо. Зачем так грубо связывать древнегреческое понятие свободы (*ἐλευθερία*) обязательно с борьбой против тирании? Да, мы согласимся с тем, что *ἐλευθερία* – понятие в основном внутриполитическое, в отличие от *αὐτονομία*, внешней независимости, государственного суверенитета. Однако же у греков термин *ἐλεύθερος* («свободный») все-таки не коррелирует напрямую с тираническим или нетираническим устройством

²¹ Konstan D. Reading the Past (On Comparison)... P. 8.

²² Необходимо оговорить, что авторы «греческой» части рецензируемой книги апеллируют в подавляющем большинстве случаев к реалиям Афин (примеры, относящиеся к другим полисам, составляют лишь незначительное меньшинство). От этого, видимо, никуда не деться – в силу самой источниковой ситуации; но все-таки всегда нужно держать в памяти, что Афины не есть вся Греция, они даже не типичны для Греции.

²³ Hammer D. Thinking Comparatively about Participatory Communities // A Companion to Greek Democracy... P. 503–519.

²⁴ Ibid. P. 505.

государства²⁵. Относительно же римлян тоже хотелось бы сказать, что, скажем, *civitates liberae* – уж точно не вполне внутривнутриполитическое понятие.

Еще одна чеканная (и на сей раз совершенно верная) формулировка Хэммера: «В отличие от Рима, где политическое неравенство отражало социальное неравенство, в Афинах социальное неравенство находилось в драматическом контрасте с политическим равенством»²⁶.

В очередной раз речь заходит о греческом эгалитаризме и римском иерархизме, о греческой «эксклюзивности» в плане абсорбции новых элементов и римской «инклюзивности» в том же плане, а, кроме того, автор заключения пытается под конец как бы «преподать урок» современным демократиям, указав на те негативные черты, которые присутствуют в них, но не были свойственны демократиям античным. Намерение, допускаем, благое, но, кажется нам, бесполезное, коль скоро полиса не возродить.

В любом случае, труд, о котором здесь идет речь, может быть (несмотря на недостатки, отмеченные выше) признан достойным вкладом в историографию античности. Во-первых, налицо большая информативность книги. Тот, кто впервые сталкивается с подобными сюжетами, узнаёт из нее очень много. На этом фоне даже повторы в разных главах практически одних и тех же тезисов (а таковые, бесспорно, имеются, и они, наверное, были неизбежны) не слишком-то раздражают: в конце концов, *repetitio est mater studiorum*.

Во-вторых, сравнительный подход, которого достаточно последовательно придерживаются авторы работы, безусловно, приносит свои плоды. Яснее становятся как то общее, что было между греческими полисами и республиканским Римом, так и различия между ними – различия весьма существенные, порой контрастные, а главное, имеющие системный характер. Так, нежелание греков абсорбировать «чужаков» было тесно связано с эгалитаризмом их политий, а иерархизм римлян, напротив, делал их несравненно более терпимыми в данном плане и, кстати, приводил тем самым к росту государства, в то время как эллинские полисы как бы «законсервировались» в своих размерах.

²⁵ Отмечалось (Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 212 сл.), что греч. ἐλεύθερος коррелирует с нем. *Leute*, русск. *люди*. Здесь мы имеем «свободу» как принадлежность к некоему коллективу в качестве полноправного его члена. Перед нами ярко выраженная «свобода для», а не «свобода от», позитивная, а не негативная свобода. Этой проблематикой много занималась Ханна Арендт, и вполне закономерно, что заключение Д. Хэммера пестрит ссылками на ее работы.

²⁶ Hammer D. Thinking Comparatively... P. 506.

* * *

В контексте данной обобщающей работы вполне естественным представляется обратить особенное внимание на два раздела изданного Д. Хэммером сравнительного исследования древнегреческих и римской политий: «Институты» и «Право». Каждый из них, согласно порядку, принятому в данном издании, включает две главы, написанные в компаративном по отношению друг к другу духе позиций.

Так, в разделе «Институты» (или «Учреждения») – и так тоже можно перевести английское *Institutions*, но в любом случае мы, специалисты, в общем-то, прекрасно понимаем, о чем идет речь²⁷) «греческая половина» принадлежит П. Родсу – уж кого, как не его, можно назвать одним из тончайших в современном антиковедении знатоком древнегреческих (преимущественно афинских) политических институтов и процессов? Он характерно озаглавил свою главу «Конгруэнтность власти»²⁸ (а, соответственно, его «римский» визави Х. Муритсен – «Неконгруэнтность власти»²⁹).

Впрочем, данный текст Родса показался нам несколько описательным – хотя, конечно, не лишенным верных наблюдений. Приведем несколько цитат из него (сноски, делаемые по ходу этих цитат, принадлежат нам – в порядке пояснения):

Вначале, как кажется, полисы управлялись царями (гораздо более умеренными³⁰ по сравнению с величественными деспотами ближневосточных царств), но довольно рано они уступили место коллективному правлению аристократии семейств, возросших в течение темных веков³¹ в качестве собственников крупней-

²⁷ О борьбе между «институциональным» и «неинституциональным» подходами к античной греческой демократии см.: Суриков И. Е. Остракизм в Афинах... С. 10 сл. Там уже названы основные адепты первого подхода (М. Хансен) и подхода второго (Дж. Обер), а также те, кто стремится занять, так сказать, «средневзвешенную» позицию (на сегодняшний день это прежде всего П. Родс).

²⁸ Rhodes P. J. The Congruence of Power: Ruling and Being Ruled in Greek Participatory Communities // A Companion to Greek Democracy... P. 131–145.

²⁹ Mouritsen H. The Incongruence of Power: The Roman Constitution in Theory and Practice // A Companion to Greek Democracy... P. 146–163.

³⁰ П. Родс и сам здесь выражается умеренно (всецело в присущем ему духе): ныне в западной историографии чрезвычайно распространен скептицизм (восходящий к.: Drews R. Basileus: The Evidence for Kingships in Geometric Greece. New Haven, 1983) в вопросе о том, следует ли считать раннегреческих базилеев царями. Одно из последних ярких проявлений этого скептицизма (которому мы, сразу скажем, не симпатизируем): Hall J. M. A History of the Archaic Greek World ca. 1200–479 BCE. 2 ed. Oxf., 2014. P. 127 ff.

³¹ Термин «темные века» ныне представляется неудовлетворительным. См. о соответствующих проблемах: Coulson W. D. E. The Greek Dark Ages: A Review of the Evidence and

ших наделов хорошей в сельскохозяйственном отношении земли, и (хотя в «Илиаде» и «Одиссее» цари в некоторых случаях консультируются с другими членами своих общин) официальные политические институты начали развиваться именно в этом контексте. Фундаментальными явлениями были собрание всех членов общины, имевшее свою долю в политической власти (членство всегда было ограничено взрослыми мужчинами, а в аристократических общинах – теми, кто принадлежал к «правильным» семьям и/или был достаточно состоятелен), а также должностное лицо или должностные лица, назначаемые на ограниченный период, обычно на год³².

«В греческих полисах подразделения не имели отношения к членству в гражданском коллективе, который являлся нераздельным органом тех, кто был признан как граждане, и каждый голосовал индивидуально»³³. Речь идет, естественно, о подразделениях гражданского коллектива. Таковые были в любом полисе – как в греческих, так и в римском. Но только в Риме встречаем мы «двухступенчатое» голосование в комициях, фактически групповое, коллегиальное голосование, а не индивидуальное, в то время как в Греции действительно в норме работал механизм «один гражданин – один голос».

Официальное отношение между Советом и собранием разительно отличалось в греческих полисах от того, что было в Риме, где сенат и магистраты на практике доминировали в процессе принятия решений (как, например, и в Спарте), но в теории функция сената заключалась только в том, чтобы давать советы магистратам³⁴.

В греческих полисах, были ли граждане в народном собрании активны, как в Афинах, или пассивны, как в Спарте, народное собрание выступало в качестве органа, которое в любом случае принимало важнейшие решения, и должностные лица, избранные жребием или голосованием, не стояли над гражданами, как в Риме, а были лишь агентами, получившими некие обязанности на ограниченный срок от граждан и подотчетными гражданам³⁵.

Если вдуматься, «агент» по отношению к греческим магистратам – не такое уж плохое слово. С другой стороны, к римским республиканским магистратам оно, конечно, никак не приложимо.

Suggestions for Future Research. Athens, 1990. P. 7 ff.; *Суриков И. Е.* «Темные века» в Греции (XI–IX вв. до н. э.) – первый переходный период в истории европейской цивилизации // Переходные периоды во всемирной истории: Трансформация исторического знания. М., 2012. С. 13–38.

³² Rhodes P. J. The Congruence of Power... P. 132.

³³ Ibid. P. 134.

³⁴ Ibid. P. 134.

³⁵ Ibid. P. 135.

«В греческих государствах, в то время как граждане сообща участвовали в принятии решений, они, в свою очередь, участвовали и в выполнении этих решений, и именно это имеет в виду Аристотель, когда он пишет, что гражданин – это человек, который должен по очереди властвовать и быть подвластным»³⁶. «Греческие государства, в отличие от Рима, не имели официального *cursus honorum*»³⁷. Последнее наблюдение, между прочим, чрезвычайно важно. В тех же Афинах мы вполне можем встретить человека, уже побывавшего стратегом, на посту какого-нибудь ситофилака³⁸. Возможно ли помыслить, что римский консуляр вдруг становится квестором или эдиллом??! Нет, конечно. «Вверх, только вверх!» В этом тоже сказывался иерархизм римлян³⁹.

«Должностные лица не просто назначались коллективом граждан и из своего числа, но (в греческих полисах по контрасту с Римом) они были подотчетны коллективу граждан»⁴⁰. И это тоже абсолютно верно. В Риме не было ни малейшей аналогии греческим *евтинам* – регулярным и обязательным отчетам магистратов (и любых иных носителей власти, например членов Совета Пятисот)⁴¹. «Судебная система в греческом мире опять же основывалась на участии граждан, а не на профессионализме»⁴². Об этом у нас выше уже говорилось: в Греции не было юристов, греческий суд был судом любителей, а не профессионалов.

Также Родс говорит о соотношении религиозных и светских правовых реалий у греков:

³⁶ Rhodes P. J. The Congruence of Power... P. 135.

³⁷ Ibid. P. 136.

³⁸ В данном случае речь идет об Аните – главном обвинителе Сократа в 399 г. до н. э. К биографии Анита см.: Nails D. The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics. Indianapolis, 2002. P. 37 ff.

³⁹ Занятно, конечно, что Россия (которую на Западе почему-то всегда упрекают за «тоталитаризм») в данном плане весьма эгалитарна и близка древнегреческим полисам. Скажем, бывший премьер-министр В. Черномырдин потом работал послом на Украине (уж куда как понижение в должности!). Бывший премьер-министр С. Кириенко стал полпредом в Приволжском федеральном округе, потом возглавил Росатом. Бывший премьер-министр Степашин возглавил Счетную палату. Бывший премьер-министр Фрадков возглавил СВР... Примеры можно было бы множить и множить.

⁴⁰ Rhodes P. J. The Congruence of Power... P. 136.

⁴¹ Об этой процедуре см., например: Carawan E. M. Eisangelia and Euthyna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1987. Vol. 28. No. 2. P. 167–208.

⁴² Rhodes P. J. The Congruence of Power... P. 138.

...они охотно использовали храмовые сокровищницы для светских целей, в своих народных собраниях они принимали решения по сакральным вопросам точно так же, как и по светским, и религиозные должностные лица были государственными должностными лицами, такими же, как и любые другие... Укорененность религии в обществе схожей была и в Риме, но там, кажется, благоприятные знамения чаще, чем в Греции, требовались для придания авторитета целому ряду осуществляемых государством действий⁴³.

Но вот здесь, мы убеждены, видный английский антиковед чрезмерно категоричен, он впал в крайности. Во-первых, греки тоже очень трепетно относились к знамениям. Приведем хотя бы один (но в высшей степени характерный) пример. 479 г. до н. э.; разгар Греко-персидских войн; «судьбоносная» битва при Платеях, которая должна определить, кто останется побежденным, а кто победителем. Главнокомандующий союзным эллинским войском спартанский регент Павсаний приказывает жрецам неустанно приносить жертвы и читать предзнаменования по внутренностям жертвенных животных. Как нарочно, предзнаменования идут неблагоприятные и неблагоприятные...

До получения благоприятных знамений нельзя начать битву. Благочестивые, но хитроумные греки давно уже изобрели такую практику: если при первой жертве хороших знаков не получится – приносить вторую, смотреть опять, при необходимости – третью, четвертую и т. д. Этим-то и занимался Павсаний, а тем временем персы уже атаковали, наносили ущерб греческим рядам, гибли люди... А командующий не мог даже отдать приказ отразить нападающих! И вот, наконец, жертвы «выпали удачно», и тотчас он посылает своих воинов в бой. Платейское сражение, как известно, окончилось полной победой греков.

Во-вторых, в принципе есть сомнения, можно ли говорить о чем-либо «светском» применительно к греческому религиозному менталитету. Кажется, всё, относящееся к полису, у эллинов было так или иначе сакрализировано. Можно говорить разве что о разных степенях сакральности⁴⁴.

Завершает свою главу П. Родс характерными словами:

В то время как Рим абсорбировал новые и новые общины, переходившие под его контроль, так что теория города-государства, управляемого гражданами, всё

⁴³ Rhodes P. J. The Congruence of Power... P. 140.

⁴⁴ См. к этому: Суриков И. Е. Категория сакрального в пространственной модели античного греческого полиса // Восточная Европа в древности и средневековье: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. М., 2006. С. 181–186; Papadopoulos J. K. The Archaic Wall of Athens: Reality or Myth? // Opuscula. 2008. Vol. 1. P. 31 ff.

более отрывалась от реальности, – греческие государства оставались государствами граждан (*citizen-states*), с учреждениями, отражавшими эту фундаментальную характеристику⁴⁵.

Каковы же наблюдения в том же контексте о римских реалиях, принадлежащие Х. Муритсену? Этот последний уже в самом начале изложения указывает на

...трудности, с которыми сталкивается сравнение греческих и римских институтов. На самом первичном уровне приходится признать тот простой факт, что мы противопоставляем один-единственный город-государство (имеется в виду Рим. – *И. С.*), причем такой, который... рос, абсорбируя другие города, с целой культурой городов-государств (имеется в виду Греция. – *И. С.*). А в рамках этой культуры лишь немногие полисы более или менее хорошо освещены источниками – и не обязательно самые типичные из них с точки зрения размера и структуры. Еще одна проблема связана с диахронным аспектом подобного сравнения. Римская республика существовала почти 500 лет и не оставалась статичной в течение этого периода, говорить ли о ее институциональных структурах или об их практическом выражении. И вправду, сами римляне видели в динамичной природе своей политической системы одно из ее главных качеств и достоинств. Таким образом, учитывая как продолжительность существования Римской республики, так и явные многочисленность и разнообразие греческих полисов, мы рискуем в конечном счете начать сравнивать некую «выжимку» Римской республики с неким обобщенным «греческим полисом»⁴⁶.

Как ни парадоксально, процитированное суждение одновременно и верно, и неверно. С одной стороны, греческие полисы (а их было более тысячи!⁴⁷) действительно были чрезвычайно многообразны, и не существовало двух «полисов-близнецов». С другой стороны, *все* греческие полисы отличались от республиканского Рима следующим: даже самая крайняя греческая олигархия или аристократия не может быть уподоблена по степени элитарности

⁴⁵ *Rhodes P. J.* The Congruence of Power... P. 144.

⁴⁶ *Mouritsen H.* Op. cit. P. 146.

⁴⁷ Естественно, если учитывать полисы-колонии. Точный подсчет был произведен учеными Копенгагенского центра по изучению полиса, которые под руководством М. Хансена предприняли грандиозный проект – составление полного каталога греческих полисов архаической и классической эпох. Когда этот каталог вышел (*An Inventory of Archaic and Classical Poleis: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation* / Ed. by M. H. Hansen and T. H. Nielsen. Oxf., 2004), общее число оказалось равным 1035.

Римской республике с ее сенаторским сословием⁴⁸. Так что повод (и материал) для сравнения все-таки имеется.

К тому же, заметим, чтобы предметы могли быть сравниваемы, в них должно быть не только что-то разное, но и что-то общее (как говорится, нельзя сравнивать круглое с красным). А в нашей ситуации определенная общность тоже налицо. Сам же Х. Муритсен отмечает, что «...республиканские структуры (римские. – И. С.) являются предметом серьезных дискуссий, но, похоже, они включали “стандартные” элементы – народное собрание, магистратов и Совет, – составлявшие систему, в широком смысле сопоставимую с системами греческих полисов»⁴⁹. Да, совершенно верно: здесь говорится именно о трех базовых компонентах, составлявших государственную власть в *любом* полисе (говорить ли о греческих или о римском), но просто в разных полисах, и компоненты эти находились в неодинаковом соотношении, и сама их сущность (в частности, методы комплектации соответствующих органов) тоже различалась⁵⁰. Но эти отличия мы не отнесли бы к принципиальным.

Например, Муритсен пишет: «Внутренняя структура сената была строго иерархичной: его члены ранжировались в соответствии с теми магистратурами, которые они занимали, а внутри каждого магистратского класса – в соответствии со старшинством»⁵¹. Да и все прекрасно знают, что в римском сенате были сенаторы-квесторы, сенаторы-эдилы и так далее, вплоть до редко встречавшихся сенаторов-цензоров. Если мы возьмем для сравнения некоторые греческие аналогичные органы, никакой близкой параллели мы не найдем. В афинском Совете Пятисот все были равны. Меньше ясности с афинским же Советом Ареопага: он составлялся, как известно, из бывших архонтов, а архонты были разного ранга (выше всех стоял архонт-эпоним, затем шли архонт-басилей, архонт-полемарх и – самые низшие в этой коллегии – шесть архонтов-фесмофетов). Тем не менее не имеется никаких данных о том, что ареопагиты как-либо ранжировались согласно занимаемым ими ранее должностям; судя по всему, они тоже были равны между собой⁵².

⁴⁸ *Runciman W. G.* Op. cit. P. 364; *Raaflaub K. A.* Why Greek Democracy? Its Emergence and Nature in Context // *A Companion to Greek Democracy...* P. 37.

⁴⁹ *Mouritsen H.* Op. cit. P. 147.

⁵⁰ Подробнее см.: *Суриков И. Е.* Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М., 2012. С. 39 сл.

⁵¹ *Mouritsen H.* Op. cit. P. 152.

⁵² Ареопаг – с принятым в нем пожизненным членством – в целом, конечно, был в куда большей степени подобен римскому сенату, нежели Совет Пятисот, члены которого ежегодно сменялись. Если же говорить о функциональной стороне дела, то, по сути, сенат объединял в себе функции двух афинских Советов – Совета Пятисот (до реформ Клисфена – Совета Четырехсот) и Совета Ареопага. См. к этому: *Суриков И. Е.* ΒΟΥΛΑΙ в Афинах...

А если взглянуть за пределы Афин? Возьмем спартанскую герусию. В этом небольшом (составлявшемся из 30 человек, причем тоже на пожизненной основе, что опять же являет черту сходства с римским сенатом) органе имелись два ярко выраженных привилегированных члена. Это были, естественно, цари, представители правящих династий Агиадов и Еврипонтидов⁵³. В отличие от остальных 28 геронтов, которые не могли быть моложе 60 лет (собственно, «геронт» в переводе означает ‘старец’), царь входил в состав герусии сразу, как только вступал на престол. Иными словами, в его лице мог появиться даже несовершеннолетний геронт⁵⁴. Далее, Геродот утверждает, что при голосовании в герусии каждый царь, в отличие от прочих геронтов, имел не один, а два голоса (Herod. VI. 57); но, впрочем, Фукидид оспаривает это его суждение (Thuc. I. 20. 3)⁵⁵, а кто из них прав – мы теперь уже не можем судить⁵⁶.

Интересен также рассказ Страбона о Совете тимухов в Массалии (Массилии) – греческой колонии на юге Галлии, с которой, кстати сказать, римляне весьма рано установили дружественные и весьма конструктивные отношения⁵⁷. Этот орган (Strab. IV. 179) состоял из 600 человек, но внутри него существовала коллегия из 15 человек, осуществлявшая высшую власть, а внутри этой последней, в свою очередь, выделялась еще коллегия из 3 человек – верховных правителей. Обнаруживаем элементы иерархии, хотя и иначе институционализированные по сравнению с римским сенатом. Оговорим тут же, что Массалия у греков считалась одним из самых крайне-олигархических полисов.

⁵³ «Выделенность» спартанских царей, их нарочитое неравенство остальным членам общины гомеев как будто просто-таки утрировались буквально во всех сферах жизни. См. яркую характеристику в книге: Georges P. *Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon*. Baltimore, 1994. P. 152 ff.

⁵⁴ Другое дело, что он был таковым чисто номинально. За несовершеннолетнего царя все публично-правовые действия совершал регент (он же и опекун, ἐπίτροπος) – как правило, ближайший взрослый родственник.

⁵⁵ См. об этом споре двух великих историков: Суриков И. Е. *Очерки об историописании в классической Греции*. М., 2011. С. 161 сл.

⁵⁶ К огромному сожалению, Ксенофонт, который знал спартанские реалии лучше Геродота и Фукидида, вместе взятых, не затрагивает этот вопрос в своей «Лакедемонской политике». Но, впрочем, в этом труде он согласен с Геродотом в том, что спартанские цари на сисситиях получали двойную порцию (Xen. Lac. pol. 15. 4). А стало быть, и информация «отца истории» о «двойном голосе» царей тоже может быть верной.

⁵⁷ Lomas K. *Hellenism, Romanization and Cultural Identity in Massalia // Greek Identity in the Western Mediterranean: Studies in Honour of B. Shefton*. Leiden; Boston, 2004. P. 475–498.

* * *

Обратимся теперь к разделу «Право» в том же коллективном труде, посвященном сравнению греческой демократии (фактически – греческого полиса) с Римской республикой. «Греческая часть» этого раздела⁵⁸ написана Д. Коэном⁵⁹, автор «римской» – К. Уильямсон⁶⁰.

Данный раздел, как нам показалось, относится к тем, в которых главы мало «стыкуются» друг с другом (хотя вообще-то при подготовке книги, о которой идет речь, была организована солидарная работа парами: авторы «греческой» и «римской» глав каждого раздела еще на стадии рукописи обменивались материалами, согласовывали между собой мнения и т. п.).

В большинстве случаев это при чтении действительно чувствуется, но вот в разделе, посвященном правовой проблематике, – как-то не очень. Впрочем, может быть, подобная ситуация вызвана объективными обстоятельствами. Древнегреческое право, «право без юриспруденции»⁶¹, и вправду ведь весьма трудно рассматривать в прямой корреляции с правом римским⁶², сложившимся в рамках общества, в котором юриспруденция, впервые в мировой истории возникнув, достаточно быстро достигла высочайшего уровня.

Д. Коэн в своей главе говорит, собственно, именно о чем-то подобном: «В Афинах не было юристов или хотя бы отдаленного подобия юристов, а риторы подошли к ним ближе всего»⁶³. Впрочем, наверное, все-таки лучше начать анализ его работы с вводных фраз, в которых говорится о необходимости

...различения официальных и неофициальных способов участия в управлении афинским полисом. Официальное участие определяется конституцией и законами афинской демократии. Хотя многие детали неясны, эволюция афинской демократии

⁵⁸ *Cohen D.* Tyranny or the Rule of Law? Democratic Participation in Legal Institutions in Athens // *A Companion to Greek Democracy*... P. 167–178.

⁵⁹ Дэвид Коэн – автор весьма интересных исследований о древнегреческом праве. Поскольку он все-таки не столь известен, как упоминавшийся выше Питер Родс, его важнейшую работу стоит указать: *Cohen D.* Law, Violence, and Community in Classical Athens. Cambridge, 2000. Его не следует путать с Эдвардом Коэном – тоже специалистом по древнегреческому праву, но стоящим на совершенно иных позициях (нам не близких, в отличие от позиций Д. Коэна): *Cohen E. E.* Athenian Economy and Society: A Banking Perspective. Princeton, 1997; *Cohen E. E.* The Athenian Nation. Princeton, 2000.

⁶⁰ *Williamson C.* The Evolution of Law and Legal Procedures in the Roman Participatory Context // *A Companion to Greek Democracy*... P. 179–192.

⁶¹ *Jones J. W.* The Law and Legal Theory of the Greeks: An Introduction. Oxf., 1956. P. V.

⁶² См. к этому еще: *Суриков И. Е.* Проблемы... С. 7 сл.

⁶³ *Cohen D.* Tyranny... P. 168. В любом случае не стоит уподоблять афинских риторов римским юристам. У греческого ῥήτωρ в Риме, естественно, имеется аналог – orator. Но кто поставит знак равенства между оратором и юристом?

вплоть до превращения ее в систему «радикальной демократии» V–IV вв. до н. э. – это история постоянного расширения народного участия в ключевых областях законодательства, судебных приговоров, политических решений, отчетности магистратов и должностных лиц⁶⁴.

Под неофициальным же участием автор понимает

...попытки отдельных индивидов достичь большего влияния, чем то, которое давала им официальная система... Из-за того, что афинские институты были институтами прямой демократии, а также по причине того, что включение в большинство этих институтов было обусловлено случайным выбором (по жребию)⁶⁵, неофициальные средства являлись единственным путем к политическому лидерству, за исключением единственной важной государственной должности, которая не замещалась посредством жребия, – стратегов, командовавших афинскими вооруженными силами⁶⁶.

Ниже в той же главе говорится – тут автор уже переходит от политических институтов к государственному праву как таковому, – что в Афинах

...возможность для каждого гражданина возбудить в массовом суде непрофессионалов (a mass lay court) уголовный процесс по вопросу о взяточничестве, должностном преступлении, измене, религиозном кощунстве, проституции, внесении незаконного предложения и т. п. была не только средством для массы граждан держать лидеров, полководцев или должностных лиц в состоянии подотчетности, но также и оружием, которое сами эти лица (т. е. политические лидеры. – И. С.) могли стремиться использовать, хотя и рискуя сами, против своих конкурентов⁶⁷.

В Афинах, как отмечает Д. Коэн, каждый гражданин – потенциальный толкователь права; весь характер правового процесса в этом полисе (как, заметим, и в других греческих) характеризовался подчеркнутым непрофессионализмом, «любительством» (*amateurism*). «Это безграничное любительство в области законодательства и принятия решений было одной из тех принципиальных, демонстрирующих политическое участие черт, которые заставляли таких критиков, как Аристотель или Платон, отрицать, что афинская демократия достигла

⁶⁴ Cohen D. Tyranny... P. 167.

⁶⁵ Это верно. См. интересную статью, в которой защищается принцип жеребьевки как наиболее демократический: Mulgan R. G. Lot as a Democratic Device of Selection // The Review of Politics. 1984. Vol. 46. No. 4. P. 539–560. В более нейтральном контексте см. также: Kosmetatou E. Tyche's Force: Lottery and Chance in Greek Government // A Companion to Ancient Greek Government. Oxf., 2013. P. 235–251.

⁶⁶ Cohen D. Tyranny... P. 167.

⁶⁷ Ibid. P. 168. В случае с институтом ostracism именно так оно и было, что мы ранее показали в работе: Суриков И. Е. Остракизм в Афинах... С. 355.

власти закона»⁶⁸. Законы, в конечном счете, принадлежали народу (демосу), а не наоборот; знаменитая идея «власти закона», сформировавшаяся в Афинах в IV в. до н. э.⁶⁹, фактически являлась некой правовой фикцией⁷⁰.

Современная американская демократия, – продолжает Коэн, – построена на системе «сдержек и противовесов», в которой высшая судебная власть передается элитному органу (имеется в виду Верховный суд США. – *И. С.*), который, будучи однажды назначен, является неподотчетным перед народом или перед какой-либо иной ветвью власти... Такое учреждение совершенно несовместимо с самой природой афинской прямой демократии⁷¹.

Автор этих строк тем более согласен с только что процитированным суждением, что он является одним из главных сторонников теории, согласно которой в Афинах гелиея – не отдельный орган, а, так сказать, судебная «ипостась» народного собрания – в то время как экклесия являлась иной «ипостасью» того же народного собрания⁷².

Приведем еще несколько суждений Д. Козна, в основе своей тоже глубоко верных:

Нежелание афинян препоручить область права какому-то учреждению, которое не было бы воплощением народа как такового, выбранным чисто случайным образом из числа граждан, породило систему с максимальным участием и максимальным непрофессионализмом, со всеми потенциальными проблемами, которые влечет за собой непрофессионализм (*amateurism*)⁷³.

Судьи⁷⁴ не были знатоками права, да у них и не было ни времени, ни возможности, ни способностей изучить право. Они, возможно, ничего не понимали в тех правовых вопросах, которые ставились перед судом или в тех узаконениях⁷⁵,

⁶⁸ *Cohen D.* *Tyranny*... P. 169.

⁶⁹ На эту тему написано немало. Наиболее подробно см.: *Ostwald M.* *From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law: Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens.* Berkeley, 1986.

⁷⁰ *Cohen D.* *Tyranny*... P. 170. Это верно. См. характерный пассаж: Demosth. XXI. 224.

⁷¹ *Cohen D.* *Tyranny*... P. 170.

⁷² Из наших последних работ на эту тему: *Суриков И. Е.* Еще раз об афинской гелиее...; *Суриков И. Е.* Как назывался высший орган власти...

⁷³ *Cohen D.* *Tyranny*... P. 170.

⁷⁴ Дикасты в афинских дикастериях – коллегиях гелиеи. Их в историографии обычно принято называть «присяжными», но это не вполне верно. Афинские дикасты были и присяжными (англ. *jurors*), и судьями (англ. *judges*), то есть они не только принимали решение «виновен – невиновен», но и выносили конкретный приговор с мерой наказания и т. п.

⁷⁵ Полагаем, в тексте опечатка (стоит бессмысленное *statues*, то есть «статуи», должно быть *statutes*).

которые существовали в данной сфере. И у них не было возможности посоветоваться со специалистами⁷⁶.

Решение оставить дела в таком состоянии – не результат «невежества» или такого положения Афин на некой воображаемой шкале «правовой эволюции», на котором идеи профессионализма еще не были в ходу, а скорее выбор, определенный природой правления, для которого главным было политическое участие (*participatory governance*) и которое было предметом их гордости⁷⁷.

Именно поэтому, считает Коэн, известная афинская коллегия Одиннадцати⁷⁸, занимавшаяся поимкой преступников и приведением в исполнение приговоров, так и не развилась в некое подобие «следственного комитета»⁷⁹. Таким образом, как можно видеть, исследователь в своей работе касается и некоторых частных вопросов. «Итак, мы видим на примере всего спектра правовых и судебных функций, что афинская система действовала для того, чтобы максимизировать прямое участие граждан⁸⁰, – пишет он. – Гражданство, в отличие от современных демократий, было не только равным для всех правом голосовать, но, скорее, правом участвовать в управлении (*right to govern*)»⁸¹.

Завершает автор свою главу также вполне справедливыми словами?

По причине своего непрофессионального характера, основанного на всеобщем участии, афинское право, особенно по сравнению с римским, внесло малый вклад в юриспруденцию или в западную традицию субстантивного права⁸². А с точки зрения правовой теории и правовой философии ситуация является, конечно, совершенно иной, но это потому, что Платон и Аристотель занимались исследованием права и политики в своем собственном кругу, вдали от шумного агонального мира непрофессиональных судов и народного собрания⁸³.

Что же касается К. Уильямсон, то она в аналогичной главе, но по римской правовой тематике, практически сразу замечает: «Центральным фактом для... развития права и правовых процедур было территориальное расширение Рима и рост численности римского гражданского населения, а в равной

⁷⁶ *Cohen D.* Tyranny... P. 171.

⁷⁷ *Ibid.* P. 171.

⁷⁸ О ней см.: *Burgess S. J.* The Athenian Eleven: Why Eleven? // *Hermes*. 2005. Bd 133. Hft. 3. S. 328–335.

⁷⁹ *Cohen D.* Tyranny... P. 172.

⁸⁰ *Ibid.* P. 174.

⁸¹ *Ibid.* P. 176.

⁸² О различии между субстантивным и процедурным правом (на греческом материале) см.: *Gagarin M.* Early Greek Law. Berkeley, 1986. *Passim*. Как раз процедурное, или процессуальное, право в греческих полисах было весьма детализированным.

⁸³ *Cohen D.* Tyranny... P. 177.

мере – постепенное расселение римлян по всей Италии»⁸⁴. Но особенно важны завершающие строки ее работы, поскольку они специально посвящены сопоставлению греков и римлян с точки зрения правовой сферы, поэтому имеет смысл процитировать их полностью⁸⁵:

Республиканский Рим, с его народными собраниями, сенатом и магистратами, по внешней видимости представляет собой управленческую структуру, сходную с теми, что имели место в Афинах и иных греческих сообществах участников (т. е. полисах. – *И. С.*) в V–IV вв. до н. э. Подобным же образом римская правовая система, как и греческая, была укоренена в управленческой структуре. Но стоит копнуть глубже – и сходство исчезает. В Риме было несколько типов народных собраний. Магистраты избирались голосованием, а не жребием⁸⁶. Римский народ не участвовал напрямую в формулировке политических решений или законов на каком-либо публичном форуме. Копнем еще глубже – на уровень, связанный с правом, – и различия между Римом и Афинами станут особенно глубокими. Римская правовая система, как и греческая, сложилась одновременно как продукт и как фактор развития участия граждан в общественной жизни в Риме. Несмотря на обусловленное социальным положением различие в степени участия при издании и претворении в жизнь законов, римские граждане на всех уровнях вносили весьма реальный вклад в развитие права и правовых процедур, требовавшихся для стабильности общины. И вправду, адаптируемость римской правовой системы к огромным изменениям в римском обществе в течение рассматриваемого периода – это уже немалый показатель ее успеха. В целом римская система представляется гораздо более динамичной, чем греческая, как в ее действии, так и в ее развитии на протяжении эпохи Республики. С другой стороны, самым «сердцем» римского права и правовых процедур в республиканский период было относящееся к V в. до н. э. составление законов, написанных на двенадцати стелах, – «Законов XII Таблиц». Эти «XII Таблиц», составленные, согласно римской традиции, по модели греческих сводов законов, а конкретно – афинского свода Солона VI в. до н. э., являются, вне сомнения, продуктом того же самого импульса социальной и политической креативности, который был характерен и для раннего развития греческих городов-государств. Однако в Риме «XII Таблиц» занимали центральное место гораздо дольше, чем греческие своды законов, играя ключевую роль в эволюции права и правовых процедур в течение всего 465-летнего периода Республики, на протяжении которого римляне разрослись от маленького города-государства до мировой империи.

⁸⁴ *Williamson C. Op. cit. P. 179.*

⁸⁵ *Ibid. P. 191.*

⁸⁶ Для сопоставительного анализа греческой и римской систем голосований и выборов и поныне остается основополагающей книга (хотя и отнюдь не лишенная недостатков): *Staveley E. S. Greek and Roman Voting and Elections. Ithaca, 1972.*

Честно говоря, нам оказался не очень понятным пафос, звучащий в начале только что приведенной цитаты в связи с резкими различиями между греческими и римскими реалиями. Где-то ближе к концу процитированного пассажа становится ясным, что не такими-то уж и резкими эти различия видятся автору. И все-таки принципиальные отличия были. О них-то и пойдет речь далее.

* * *

Наверное, во всех вопросах, которые касаются истории Древней Греции, афиноцентризма не избежать. Не ушли от него и авторы того обобщающего компаративного труда, который только что рассматривался. В нем сплошь и рядом определение «афинский» употребляется как синоним к «древнегреческий».

Типологически это неверно (Афины не были *типичным* древнегреческим полисом ни в каком отношении), однако и понять причины складывающейся аберрации (а тем самым отчасти оправдать ее) тоже можно. Классическую афинскую демократию, конечно, нельзя охарактеризовать как некий *τέλος* полиса, его, так сказать, завершающую и обязательную стадию⁸⁷; тем не менее она являла собой в известной степени один из «идеальных полюсов» эллинского полисного мира. Другим «полюсом» была, естественно, Спарта. А в диапазоне между ними наличествовали многочисленные промежуточные варианты (демократические и, весьма часто, тиранические Сиракузы; почти постоянно олигархический Коринф). В целом следует отметить, что, вопреки расхожему мнению, демократические полисы не преобладали в Греции. Во всяком случае, если говорить о радикальных демократиях, как те же Афины или Сиракузы. В большинстве были олигархии или же такие политические системы (находящиеся где-то на стыке между умеренной олигархией и умеренной демократией), которые часто обозначают как «гоплитские политии», поскольку в их рамках полными гражданскими правами обладали только те лица, которые могли за свой счет приобрести паноплию.

Но, как бы то ни было (это уже отмечалось выше со ссылкой на констатацию У. Рансимена), самая крайняя греческая олигархия была более демократичной, менее элитарной по сравнению с политическим устройством республиканского Рима.

Несколько принципиальных, притом взаимосвязанных отличий между греческими и римской политиями просто-таки бросаются в глаза. Здесь мы их в какой-то мере обобщим на основе разбиравшейся ранее конкретики, дабы в дальнейшем опять перейти «от абстрактного к конкретному».

⁸⁷ Eder W. Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Krise oder Vollendung? // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 1995. S. 16.

Итак, во-первых, противопоставляется эгалитаризм греков иерархизму римлян. Во-вторых, в той же степени противопоставляется греческая «эксклюзивность» при принятии новых граждан (спартанцы, наиболее типичные в данном отношении, случалось, веками не допускали в свой гражданский коллектив «чужаков») римской «инклюзивности».

Собственно, именно отношение к правам гражданства⁸⁸ должно стать «точкой отсчета» при сравнительном анализе конкретных институтов древнегреческого и римского государственного права. Сразу оговорим, что греческий материал нами берется из доэллинистической, или полисной, эпохи. Только это позволяет получить максимально четкую картину для сопоставления, ибо в период эллинизма наблюдается «греко-варварский синтез»⁸⁹, то есть, по сути, вторжение в менталитет, в том числе и правовой, ближневосточных начал, вообще не входящих в прямое соприкосновение с античными. Соответственно, и применительно к Риму сопоставительный материал нужно брать из республиканского периода:

⁸⁸ О гражданстве и правах гражданства на греческом полисном материале см.: Wood E. M. *Peasant-Citizen and Slave: The Foundations of Athenian Democracy*. L., 1988; Manville P. B. *The Origins of Citizenship in Ancient Athens*. Princeton, 1990; Raaflaub K. A. *Soldiers, Citizens, and the Evolution of the Early Greek Polis // The Development of the Polis in Archaic Greece*. L.; N. Y., 1997. P. 26–31; Ostwald M. *Shares and Rights: «Citizenship» Greek Style and American Style // Ancient Greek Democracy: Readings and Sources*. Oxf., 2004. P. 159–171; Carter D. M. *Citizen Attribute, Negative Right: A Conceptual Difference between Ancient and Modern Ideas of Freedom of Speech // Free Speech in Classical Antiquity*. Leiden; Boston, 2004. P. 197–220; Patterson C. *Athenian Citizenship Law // The Cambridge Companion to Ancient Greek Law*. Cambridge, 2005. P. 267–289; Farenga V. *Citizen and Self in Ancient Greece: Individuals Performing Justice and the Law*. Cambridge, 2006; Fisher N. *Citizens, Foreigners and Slaves in Greek Society // A Companion to the Classical Greek World*. Oxf., 2006. P. 327–349; Lintott A. *Citizenship // A Companion to Ancient History*. Oxf., 2009. P. 510–519; Rhodes P. J. *Civic Ideology and Citizenship // A Companion to Greek and Roman Political Thought*. Oxf., 2009. P. 57–69; Wohl V. *Rhetoric of the Athenian Citizen // The Cambridge Companion to Ancient Rhetoric*. Cambridge, 2009. P. 162–177; Lape S. *Race and Citizen Identity in the Classical Athenian Democracy*. Cambridge, 2010; Blok J. *Citizenship, the Citizen Body, and its Assemblies // A Companion to Ancient Greek Government*. Oxf., 2013. P. 161–175; Coşkun A. *Perikles und die Definition des Bürgerrechts im klassischen Athen: Neue Vorschläge zu Inhalt, Zeitpunkt, Hintergrund und Auswirkung seines Bürgerrechtsgesetzes // Historische Zeitschrift*. 2014. Bd 299. S. 1–35. Как можно видеть, эта тема ныне является весьма востребованной в западной литературе (особенно англоязычной). Об отношениях граждан с негражданским населением (метэками) см., например: Adak M. *Metöken als Wohltäter Athens: Untersuchungen zum sozialen Austausch zwischen ortsansässigen Fremden und der Bürgergemeinde in klassischer und hellenistischer Zeit (ca. 500–150 v. Chr.)*. München, 2003.

⁸⁹ Габелко О. Л. Еще раз о проблеме «предэллинизма» // *Политика, идеология, историческое описание в римско-эллинистическом мире*. Казань, 2009. С. 171–181.

для эпохи Империи, хотя ряд полисных начал сохранялся еще и тогда, все-таки в целом характерны иные тенденции.

Начнем с констатации очевидного факта: греческие полисы и римская *civitas* времен Республики типологически являют собой структуры аналогичного плана⁹⁰, в том числе и с точки зрения государственного права. Для простоты лучше пользоваться в отношении и греческих, и римской политий термином «полис». Далее, полисное государственное устройство традиционно включало в себя три основных компонента. Таковыми являлись народное собрание, Совет (постоянно функционировавший орган, необходимый именно в связи с тем, что народное собрание функционировать постоянно не могло физически), коллегии должностных лиц (магистратов). Иногда в качестве особого, отдельного компонента выделяют еще судебные органы, но это, думается нам, неверно. Представления о разделении «ветвей власти», одной из которых является судебная, в античности еще не существовало; оно было выработано значительно позже, в XVIII в., французским просветителем Ш. Монтескье на основе политико-правовых реалий и практик, характерных для Европы Нового времени. В Афинах главный судебный орган – гелисия – вообще не имел, как мы пытались показать в другом месте⁹¹, четкого отграничения от народного собрания; в Риме судом ведали преторы, которые по определению были магистратами (а о магистратах выше уже говорилось).

Итак, три вышеназванных основных компонента и подлежат сравнению. Естественно, автор этих строк, являясь специалистом по античной Греции, и сведения (в том числе ссылки на литературу) будет приводить главным образом из ее истории (в первую очередь из истории Афин, что неизбежно). Исходим, в числе прочего, и из того, что романисты – а таковыми в подавляющем большинстве являются читатели журнала «Древнее право» – легко припомнят соответствующие римские параллели (впрочем, чаще приходится говорить не о параллелях, а о контрастах).

* * *

Начнем с института народного собрания⁹². В данной сфере различия чрезвычайно рельефны. В греческих полисах этот, ключевой для всей системы

⁹⁰ См. книгу, где эти структуры и были рассмотрены в сравнении: Дементьева В. В., Суриков И. Е. Указ. соч.

⁹¹ Суриков И. Е. Некоторые проблемы...; Суриков И. Е. Еще раз...

⁹² Об афинском народном собрании написано много. Но наибольший вклад в его изучение внес, безусловно, М. Хансен. См. его главные работы на эту тему: Hansen M. H. The Athenian Ecclesia: A Collection of Articles 1976–1983. Copenhagen, 1983; Hansen M. H. The Athenian Assembly: In the Age of Demosthenes. Oxf., 1987; Hansen M. H. The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983–1989. Copenhagen, 1989; Hansen M. H. The Concepts

государственного управления, орган, был, как правило, абсолютно эгалитарным. В нем действовало правило «один человек – один голос», то есть при голосовании все были равны между собой; а само голосование было прямым, чаще открытым (в достаточно редких случаях – тайным) и всегда, так сказать, одноступенчатым.

Черты различия между отдельными полисами тоже, естественно, наличествовали. В более демократических эллинских государствах (прежде всего в Афинах) допускались и даже поощрялись активные дебаты при обсуждении всех стоящих на повестке вопросов: любой желающий мог взять слово, выйти на трибуну и говорить про или contra предложенного проекта, стараясь убедить или разубедить сограждан⁹³. В более тоталитарной Спарте дебаты не были разрешены: гражданам, пришедшим в апеллу (название спартанского народного собрания), оглашался проект постановления, после чего они должны были просто голосовать.

Последняя черта несет в себе определенное сходство с римскими комициями, также не предусматривавшими дебатов. Но на этом, собственно, сходство и заканчивается. В римских народных собраниях наблюдался уж точно не эгалитаризм, а, напротив, иерархизм. Во-первых, комиции, как всем известно, были нескольких различных типов, слабо коррелировавших между собой: выделяют комиции – если идти, так сказать, в обратном порядке с точки зрения времени их появления – трибутные, центуриатные, куриатные (иногда в отдельную категорию относят даже и калатные). Причем они различались именно по составу участников. Ничего даже отдаленно похожего в греческих полисах не наблюдается. Уж если в Спарте была апелла – то она всегда была апеллой, предполагающей присутствие всех спартиатов (другой вопрос, что, само собой, нигде и никогда в народное собрание не являлись *все без исключения* граждане: у кого-то имелись уважительные причины, кто-то был абсентеистом

of *Demos*, *Ekklesia*, and *Dikasterion* in Classical Athens // Greek, Roman and Byzantine Studies. 2010. Vol. 50. P. 499–536.

⁹³ См. в связи с классическим примером – дебатами в экклесии по вопросу о том, как поступить с восставшей и покоренной Митиленой (427 г. до н. э.): *Wassermann F. M.* Post-Periclean Democracy in Action: The Mytilenean Debate (Thuc. III 37–48) // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1956. Vol. 87. P. 27–41; *Debnar P. A.* Diodotus' Paradox and the Mytilene Debate (Thucydides 3.37–49) // Rheinisches Museum für Philologie. 2000. Bd 143. Ht. 2. S. 161–178; *Schmitz T.* The Mytilene Debate in Thucydides // Stimmen der Geschichte: Funktionen von Reden in der antiken Historiographie. B.; N. Y., 2010. S. 45–65; *Harris E. M.* How to Address the Athenian Assembly: Rhetoric and Political Tactics in the Debate about Mytilene (Thuc. 3.37–50) // Classical Quarterly. 2013. Vol. 63. No. 1. P. 94–109. Другой интересный пример – дебаты 425 г. до н. э. в связи с пилосской кампанией: *Flower H. I.* Thucydides and the Pylos Debate (4.27–29) // Historia. 1992. Bd 41. Ht. 1. S. 40–57.

по природе...). Аналогичным образом обстояли дела и в Афинах. Там, правда, существовало такое понятие, как ἐκκλησία κυρία, то есть как бы главное заседание экклесии⁹⁴ в течение данной притании (афинский гражданский год делился на 10 пританий – отрезков несколько больше лунного месяца), на котором решались наиболее важные вопросы. Созывались порой и экстраординарные собрания⁹⁵. Но состав участников всегда был одинаков.

Во-вторых, если взять центуриатные комиции, роль которых была особенно велика, равенство граждан в них отсутствовало. Реформу Сервия Туллия, повлекшую введение цензовых классов, часто сравнивают с соответствующей реформой Солона. Однако же солоновские классы не оказывали какого-либо серьезного влияния на политическую жизнь уже в классическую эпоху истории Афин⁹⁶. А сервиевские классы на римскую историю – очень даже оказывали: ведь центуриатные комиции потому и были центуриатными, что созывались по центуриям, а политические центурии с заложенным в них неравенством – прямое порождение реформы предпоследнего римского царя. Наконец, в-третьих, напрямую связана с этими неравенством и иерархичностью двухступенчатая система выборов в центуриатных комициях. Заметим еще, что в последних голосовали путем подачи бюллетеней в урны: это практика для греков очень редкая, хотя и не то чтобы совсем неизвестная⁹⁷.

Перейдем теперь к такому органу, как Совет. На этой почве контраст между двумя государственно-правовыми системами – греческой и римской – максимально рельефен. Особенно если брать в качестве иллюстрации древнегреческого материала афинские реалии. В Афинах классической эпохи, как известно, существовали два Совета – Совет Пятисот⁹⁸ (преобразован реформами Клисфена из Совета Четырехсот, функционировавшего в 594–508 гг. до н. э.) и более древний Совет Ареопага⁹⁹. Первый выполнял пробуллевтическую функцию,

⁹⁴ Об этом институте см.: *Errington R. M.* Ἐκκλησία κυρία in Athens // *Chiron*. 1994. Bd 24. S. 135–160.

⁹⁵ Все эти вопросы детально освещены в работах М. Хансена, ссылки на которые были даны выше.

⁹⁶ *Schmitz W.* Reiche und Gleiche: Timokratische Gliederung und demokratische Gleichheit der athenischen Bürger im 4. Jahrhundert v. Chr. // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.* Stuttgart, 1995. S. 573–597.

⁹⁷ См. в данной связи интересную статью: *Gauthier Ph.* Quorum et participation civique dans les démocraties grecques // *Cahiers du Centre Glotz*. 1990. Vol. 1. P. 73–99.

⁹⁸ Лучшим и поныне не превзойденным трудом об афинском Совете Пятисот остается классическое исследование: *Rhodes P. J.* The Athenian Boule. Oxf., 1972.

⁹⁹ Ареопагу в последние десятилетия был посвящен целый ряд интересных работ. Укажем только монографические исследования: *Wallace R. W.* The Areopagos Council, to 307 B.C. Baltimore, 1989; *Bruyn O. de.* La compétence de l'Aréopage en matière de procès publics: Des origines de la polis athénienne à la conquête romaine de la Grèce (vers 700 –

второй – контрольную¹⁰⁰ (а также оба имели определенные судебные полномочия).

Ареопаг в каком-то отношении способен напомнить римский сенат: он комплектовался на пожизненной основе из всех лиц, отбывших годичную архонтскую магистратуру. Но данный институт по большей части играл не очень значительную роль в афинском государственном устройстве; его значение ненадолго возрастало лишь несколько раз (в 480–470-х гг. до н. э., в 330-х гг. до н. э.), и возрастало всегда в связи с совершенно конкретной причиной: требовалось «подключение» опытных государственных мужей, каковыми были ареопагиты. В основном же Арёопаг находился скорее *ad marginem* – именно в силу «врожденного» эгалитаризма греков.

Гораздо более важное место в политической системе Афин занимал Совет Пятисот, а вот он с сенатом ни в малейшей мере не схож. Это был чрезвычайно эгалитарный орган абсолютно во всех отношениях. Избирались его члены по жребию; от каждой из десяти созданных Клисфеном территориальных фил в Совет включалось по 50 человек. При выборах социальный статус потенциального булевта (в частности, знатность) не имел ровно никакого значения; все граждане в этом плане были равны, имелся только возрастной ценз (30 лет). Далее, в отличие от сената, который был постоянен по составу, Совет Пятисот являлся органом постоянно ротирующимся. Должность булевта была годичной, причем ее дозволялось занять не более двух раз в жизни¹⁰¹. Из сказанного следует, что каждый следующий гражданский год¹⁰² начинался при практически абсолютно новом составе Совета.

Целью подобной практики, несомненно, можно назвать стремление обеспечить максимальное политическое участие для как можно большего количества членов гражданского коллектива. В идеале – для всех. Правда, не существовало

146 avant J.-C.). Stuttgart, 1995; Braun M. Die «Eumeniden» des Aischylos und der Areopag. Tübingen, 1998.

¹⁰⁰ О соотношении этих двух органов (правда, на более ранней стадии их истории, но и впоследствии ничего принципиально не изменилось) см.: Суриков И. Е. ΒΟΥΛΑΙ в Афинах...

¹⁰¹ О Совете Пятисот, равно как и о прочих институтах афинского и древнегреческого в целом государственного права, более подробные сведения можно почерпнуть из знаменитого компендиума, впервые изданного более века назад, однако и поныне не устаревшего, остающегося полезным: Латышев В. В. Очерк греческих древностей: Государственные и военные древности. СПб., 1997 (ссылаемся на относительно недавнее переиздание, поскольку оно, естественно, более доступно, нежели дореволюционный оригинал).

¹⁰² О гражданском календаре в Афинах, о его отличиях от астрономического и сакрального см.: Samuel A. E. Greek and Roman Chronology: Calendars and Years in Classical Antiquity. München, 1972. P. 57 ff. Главным отличием было то, что гражданский год делился не на месяцы, а на пританияи.

каких-либо механизмов насильственного принуждения граждан к вхождению в Совет, и на институциональном уровне это оставалось делом чисто добровольным. Однако существует ведь еще и уровень общественного мнения, а этим последним абсентеизм в высшей степени не поощрялся. Известно, что даже Сократ, хоть он всегда чуждался практической политики, побывал-таки булевтом.

Далее, если внутренняя структура римского сената, как уже отмечалось выше, была строго иерархичной, причем место каждого конкретного сенатора в этой иерархии привязывалось к наивысшей занимаемой им ранее магистратуре, то в афинском Совете Пятисот ничего подобного не было. Единственными членами этого органа, как-то выделенными по сравнению с остальными, являлись пританы – 50 дежурных булевтов. У них имелось больше полномочий; в частности, именно они председательствовали на заседаниях как самого Совета, так и народного собрания. Однако пританы, само собой, тоже ротировались, и в течение года любому булевту доводилось побывать пританом.

По сравнению с афинским Советом в большей степени напоминает римский сенат спартанская герусия (об этом тоже уже говорилось ранее). Статус геронта был пожизненным, как и статус сенатора. Однако геронты все-таки избирались прямым народным голосованием; в Риме применительно к сенаторам того же сказать нельзя. Практически не было в среде геронтов и иерархичности (если не считать вышеупомянутое вхождение в данный орган двух царей, положение которых было совершенно особым).

* * *

Обратимся теперь к сравнительному анализу магистратур в римской *civitas* и эллинских полисах. Здесь тоже глубоких, существенных отличий долго искать не приходится; они просто-таки бросаются в глаза.

Насколько можно судить, нигде в Греции не зафиксировано ничего хотя бы отдаленно схожего с римской магистратской карьерой, *cursus honorum*. Этот последний феномен – тоже, разумеется, порождение иерархичного сознания, присущего римлянам. Каждый из них прекрасно знал и понимал, что, например, должность эдила выше должности квестора, а должность консула выше должности претора. В соответствующем порядке эти должности и занимались.

А если бы, скажем, спросить афинянина классической эпохи, кто выше – архонт или стратег, – он, право же, затруднился бы с ответом. Соответственно, никакого порядка последовательности занятия этих (и иных) магистратур не существовало. Номинально архонты были старше. Они, кстати, были старше и в плане появления соответствующих магистратских коллегий. Коллегия

стратегов¹⁰³ была введена в 500-х гг. до н. э. Клисфеном, а годичный архонтат существовал уже с 680-х гг. до н. э.¹⁰⁴, причем до того на протяжении нескольких десятилетий существовал десятилетний архонтат, а еще раньше – пожизненный¹⁰⁵. Далее, еще в 490 г. до н. э., в годину Марафонской битвы, архонт-полемарх (третий архонт) официально являлся главнокомандующим, которому должны были подчиняться стратеги, хотя *de facto* они уже не делали это (ср. Herod. VI. 109).

Тем не менее в источниках содержатся сведения о случаях, когда тот или иной гражданин был архонтом, а уже после этого – стратегом. Это можно сказать, например, об Аристиде «Справедливом»¹⁰⁶. Тут даже случай еще более сложный: в 490/489 г. до н. э. Аристид – стратег, в 498/488 г. до н. э. он является архонтом-эпонимом (первым архонтом), а затем вновь неоднократно занимает пост стратега¹⁰⁷. Знаменитый Фемистокл, архонт-эпоним 493/492 г. до н. э., тоже впоследствии много раз был стратегом (архонтом можно было стать лишь один раз в жизни, а стратегом – неограниченное количество, Фокион, в IV в. до н. э., становился стратегом чуть ли не пятьдесят раз). Свою знаменитую морскую реформу, радикализировавшую афинский политический строй, он провел, будучи именно стратегом; и Саламинское сражение, ставшее переломным пунктом в Греко-персидских войнах, он выиграл, также будучи стратегом, а отнюдь не архонтом.

Признаемся, трудно представить, чтобы в Риме тот или иной политик занял, допустим, пост претора, затем пост консула, а впоследствии... вновь пост претора. Этого никто не понял бы, движение «по нисходящей» было невозможно. А в Афинах вполне в порядке вещей были даже и более экзотичные коллизии. Анит, больше всего известный как обвинитель Сократа на знаменитом процессе 399 г. до н. э., ранее, в ходе Пелопоннесской войны, занимал (и, возможно, не раз) должность стратега. А в 388/387 г. до н. э. мы встречаем его на посту ситофилака. Можно еще спорить о сравнительном «старшинстве» архонтов или стратегов, но каждому ясно, что ситофилак (хлебный смотритель) – магистратура заведомо более низкая, чем обе вышеупомянутые.

¹⁰³ О ней см.: Fornara C. W. The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden, 1971; Hamel D. Athenian Generals: Military Authority in the Classical Period. Leiden, 1998.

¹⁰⁴ Cadoux T. J. The Athenian Archons from Kreon to Hypsiechides // Journal of Hellenic Studies. 1948. Vol. 68. P. 70–123.

¹⁰⁵ К эволюции института архонтата см.: Суриков И. Е. Архонтат в Афинах...

¹⁰⁶ В целом об этой колоритной личности и ее карьере см.: Суриков И. Е. Аристид «Справедливый»: политик вне группировок // ВДИ. 2006. № 1. С. 18–47.

¹⁰⁷ Данные по Аристиду и другим афинским политикам, на которых мы основываемся, см. в чрезвычайно важном исследовании: Develin R. Athenian Officials 684–321 B.C. Cambridge, 2003.

В Спарте был даже и такой случай: свергнутый с престола царь (!) Демарат (из династии Еврипонтидов) занимал после своего низложения какую-то должность (Herod. VI. 67). Какую именно – Геродот не говорит, да дело и не в этом: главное – в том, что эта новая должность должна была быть по определению более низкой, нежели царский сан. Потом, правда, Демарат бежал из Спарты и в конечном счете оказался при дворе Ксеркса; но сделал он это по другой причине – из-за насмешек и издевательств Леотихида, его преемника на еврипонтидском престоле.

Есть еще ряд моментов, которых необходимо коснуться в ходе сравнительного анализа древнегреческих и римских магистратур. В отличие от Рима, в эллинских полисах весьма распространенным явлением были магистраты (и целые коллегии магистратов), вступающие в свои должности в силу избрания не голосованием, а жребием. В демократических Афинах таковые даже решительно преобладали. В сущности, афиняне избирали голосованием (причем обязательно открытым – хиротонией, простым поднятием рук) лишь только военных магистратов. Аристотель перечисляет их: это – стратеги, таксиархи, гиппархи, филархи (Arist. Ath. pol. 61). Даже архонты с 487 г. до н. э. избирались по жребию (правда, из списка предварительно отобранных в филах лиц – κλήρωσις ἐκ προκριτῶν).

Афинские магистраты между избранием и вступлением в должность обязательно проходили процедуру докимасии – некой официальной проверки на пригодность кандидата, на соответствие его тому посту, который он намеревался занять¹⁰⁸. В ходе докимасии, к слову сказать, выяснялась отнюдь не компетентность будущего магистрата в той сфере, а его, так сказать, общегражданские качества: чистокровного ли он происхождения, почитает ли родителей и т. п. Но здесь для нас это не столь важно.

Завершая же свой годичный срок пребывания у власти, магистрат обязательно должен был пройти так называемые евтины, то есть, иными словами, дать демосу полный и подробный отчет в своей деятельности (особое внимание обращалось на правильность расходования выдававшихся магистрату государственных средств).

И докимасия, и евтины проводились в разных случаях различными органами. Этими делами чаще всего занимались дикастерии, но они могли заслушиваться и Советом Пятисот, и самим народным собранием. Можно ли представить в Римской республике отчеты магистратов (в том числе магистратов самого высокого ранга) перед народом? Конечно же, нет. Это входило

¹⁰⁸ В связи с докимасией, а также евтинами (о которых пойдет речь чуть ниже) см.: Кудрявцева Т. В. Указ. соч. С. 332 сл.

бы в полное противоречие с понятием о *dignitas*, столь распространенным в Риме¹⁰⁹.

Резюмируя данный раздел нашей работы, пожалуй, можно было бы сказать так: в Греции (особенно если брать демократические полисы, те же Афины V–IV вв. до н. э.) народ властвовал над магистратами, был их господином. Державному демосу ничего не стоило «опустить» Перикла с положения безусловного лидера государства на положение всеми презиаемого парии (а потом вернуть его вновь на положение лидера государства, но уже слишком поздно – Перикл был тяжело болен и вскоре после нового избрания на пост стратега скончался). Возможно ли было что-то подобное в республиканском Риме? Не думаем. Было дело, пытались аналогичным образом «опустить» Сципиона Старшего – не удалось. В римских условиях, безусловно, магистраты стояли выше народа, а не *vice versa*. В этом социуме наблюдалось огромное уважение к государственным должностным лицам, в то время как в эллинском к ним было скорее подозрительное отношение. Повторим, очень остроумно заметил в свое время У. Рансимен, что греки изобрели остракизм, а римляне – триумф. И этим все сказано.

* * *

Необходимо остановиться (хотя бы чрезвычайно кратко) в сравнительном «греко-римском» аспекте также на таком вопросе, имеющем прямое отношение к государственному праву, как соотношение граждан и неграждан. В данной сфере при сопоставлении обнаруживается, в общем-то, именно то, что и должно было обнаружиться: римский иерархизм коррелирует с инклюзивностью в плане принятия новых граждан, а греческий эгалитаризм – с эксклюзивностью.

Ярким примером предстанет здесь Спарта, власти которой на протяжении нескольких веков принципиально противились принятию новых граждан. Допущено было чуть ли не единственное исключение (в начале V в. до н. э.): в состав спартанского гражданского коллектива были включены жрец-прорицатель Тисамен из Элиды (в котором спартанцы были чрезвычайно заинтересованы) и его брат Гегий (Herod. IX. 33).

Да и более демократичные афиняне в данном отношении не очень отличались от «тоталитарных» спартанцев. Возьмем хотя бы такую категорию жителей Аттики, как метэки (прибывшие на постоянное место жительства выходцы из иных полисов)¹¹⁰. Метэк мог жить в афинском полисе десятки лет, честно

¹⁰⁹ О категории *dignitas* см. теперь: De Filippi M. *Dignitas tra repubblica e principato*. Bari, 2009. В целом в связи с данной коллизией между римским и греческим восприятием власти см.: Суриков И. Е. Демократия и достоинство...

¹¹⁰ См. последние монографические исследования о метэках: Adak M. *Op. cit.*; Mansouri S. *Athènes vue par ses mètèques (V^e–IVe siècle av. J.-C.)*. P., 2011.

трудиться на благо государства, которое стало его «новой родиной» – и все-таки не становился гражданином; более того, его дети, родившиеся уже в Афинах, могли ровно с тем же успехом (или, скорее, без оного) десятки лет жить в полисе – и «при всём при том при этом» им гражданство отнюдь не «светило». Решения о принятии тех или иных метэков в состав гражданского коллектива все-таки время от времени принимались; но такое случалось редко, а главное – в чисто персональном порядке, как награда за личные заслуги, и ни одно из подобных решений ни в каком отношении не получило статуса прецедента.

Здесь опять перед нами полный контраст с тем, что было принято у римлян, которые искони включали в состав своей *civitas* новых граждан, и в немалом количестве (собственно, именно так и рос Рим). Происходило в том числе и распространение гражданских прав на всё более обширные территории. Завершился этот процесс известным эдиктом Каракаллы, по которому почти все жители Римской империи получили права гражданства; но данный феноменальный акт находится все-таки за пределами хронологических рамок нашей работы, поэтому здесь уместнее будет сослаться на результаты Союзнической войны 80-х гг. до н. э., по итогам которой союзники-италийцы стали римскими гражданами.

У тех же Афин была своя Союзническая война (359–357 гг. до н. э.), но она завершилась совершенно иначе – фактическим распадом Второго Афинского морского союза. Тогдашним союзникам афинян даже и в голову не пришло бы выдвигать им такое требование, как симполития (уравнение в правах гражданства). Им легче было просто отделиться и оставаться гражданами своих независимых полисов.

Кстати, обратим внимание вот еще на что. Римский вольноотпущенник (либертин) становился гражданином, правда, еще не вполне полноправным, но уже его сын обретал все права *civis Romanus*. Афинский вольноотпущенник становился метэком, и не более того. Известны (единичные) случаи, когда такой бывший раб обретал в конечном счете и гражданский статус (самый характерный пример – богатейший трапезит Пасион¹¹¹), но подобное опять-таки случалось в чисто персональном порядке, не создающем прецедента.

Соответственно, у афинян (равно как и у любых иных эллинов) совершенно не шел процесс расширения гражданских прав на жителей иных, новых территорий. Пожалуй, можно-таки назвать одно исключение. Имеем в виду афинскую практику выведения клерухий¹¹², зародившуюся в конце VI в. до н. э.

¹¹¹ До сих пор не утратил своего значения и с интересом читается очерк о Пасионе в старой книге: Гиро П. Частная и общественная жизнь греков. М., 1994. С. 67–75 (репринт издания 1913–1914 гг.).

¹¹² О клерухиях см.: Яйленко В. П. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. (По данным эпиграфических источников). М., 1982. Не можем не отметить, что указанной работе присущи серьезные недостатки.

(то есть, в сущности, являющуюся ровесницей самой афинской демократии, тоже, судя по всему, введенную Клисфеном¹¹³) и существовавшую на протяжении V–IV вв. до н. э.

Клерухии выводились на территории союзников Афин по Архэ (а позже – по Второму морскому союзу), в основном в бассейне Эгейского моря, но случалось, что и дальше (Перикл в 430-х гг. до н. э. основал клерухию в далекой понтийской Синопе). Афинянин-клерух не переставал быть афинским гражданином, а просто получал надел на землях, отторгнутых у другого полиса. В сущности, неясно даже, был ли он обязан отправиться на новое место жительства. Похоже, что нет (в отличие от колониста в традиционном смысле), и некоторые клерухи продолжали себе спокойно жить в Аттике, а с выделенных им «заморских» клеров просто получали доходы, например сдавая их в аренду и т. п.¹¹⁴

* * *

На самом деле в рамках такого рода обобщающей работы не лишним было бы затронуть в компаративном аспекте и ряд других вопросов. Например, подразделения гражданского коллектива в греческих полисах и в Риме (тут очень даже есть что сравнивать, как в плане сходства, так и в плане различий). Или: межгосударственное право у греков и у римлян.

Однако данный текст уже и так разросся. Остается только одно: пока завершить, а к обозначенным в предыдущем абзаце вопросам вернуться в дальнейшем в новой работе, которая станет, таким образом, продолжением этой.

Подводя же итог, можем сказать следующее: надеемся, из всего проведенного исследования читателю стало ясно, что все основные «контрасты» между эллинским и римским государственным правом, ставшие предметом данного исследования, коренятся в некой исходной «неконгруэнтности» двух систем, порожденной, как мы считаем, прежде всего разницей в менталитете. Эгалитаризму греков противостоит иерархизм римлян, а «эксклюзивности» греческих полисов – «инклюзивность» римского. Две названные черты для обоих сравниваемых социумов тесно, неразрывно связаны друг с другом.

¹¹³ Клисфену, подлинному «отцу» афинской демократии (*Raaflaub K. A., Ober J., Wallace R. W. Origins of Democracy in Ancient Greece. Berkeley, 2007. P. 83 ff.*), как-то не повезло ни в античной нарративной традиции (о нем очень мало известно), ни в современной историографии: ему, кажется, посвящено лишь одно монографическое исследование, да и то довольно давнее (*Lévêque P., Vidal-Naquet P. Clisthène l'Athénien. P., 1964*), в то время как число монографий о Солоне, наверное, приближается уже к трем десяткам.

¹¹⁴ См. в связи с этим вопросом: *Hampl F. Poleis ohne Territorium // Klio. 1939. Bd 32. S. 1–60; Gschnitzer F. Abhängige Orte im griechischen Altertum. München, 1958.*

ИЗМЕНЕНИЯ В АФИНСКИХ ЗАКОНАХ В V В. ДО Н. Э. (НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНА ОБ ОСТРАКИЗМЕ)*

На рубеже V–IV вв. до н. э. в Афинах имели место весьма существенные перемены в отношении к законам и законотворческой деятельности¹. В последний период Пелопоннесской войны (после олигархического переворота Четырехсот в 411 г. до н. э.) началась общая ревизия корпуса афинских законодательных установлений, складывавшегося в течение веков, начиная со времен Драконта и Солона. Эта ревизия продолжалась около десяти лет²; даже тирания Тридцати не приостановила ее, а лишь на время придала процессу иное направление (Arist. Ath. pol. 35. 2). Восстановленная в 403 г. до н. э. демократия продолжила и завершила законодательную реформу, в результате чего то, что можно условно назвать *Corpus iuris Atheniensium*³, получило каноническую, нормативную форму.

Отныне было проведено предельно четкое разграничение понятий νόμος (собственно закон, имеющий общий характер и приложимый к различным ситуациям) и ψήφισμα (псефисма, декрет, постановление народного собрания по конкретному вопросу)⁴. В отличие от псефисм, законы с начала IV в. до н. э. больше не принимались экклесией (что фактически означало определенное ограничение всеобъемлющей прежде власти этого органа). Специально для законодательной деятельности была учреждена особая коллегия номофетов, избиравшихся из числа гелиастов. Вообще процедура принятия новых законов или внесения изменений в существующие была значительно усложнена;

* Впервые опубликовано в: Древнее право. 2003. № 1 (11). С. 8–22.

¹ Об этих переменах в наиболее общей форме см.: Ostwald M. From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law: Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens. Berkeley, 1986; Piérart M. Du règne des philosophes à la souveraineté des lois // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 249 ff.; Маринович Л. П. Закон и власть в классических Афинах // Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997. С. 5–18; Маринович Л. П. Античная и современная демократия: новые подходы. М., 2001. С. 28 сл.

² О ревизии афинских законов в конце V в. до н. э. см.: Piérart M. Athènes et ses lois: Discours politiques et pratiques institutionnelles // Revue des études anciennes. 1987. Vol. 89. № 1/2. P. 21–37.

³ По поводу этого выражения см.: Ehrenberg V. From Solon to Socrates: Greek History and Civilization during the 6th and 5th Centuries B.C. L., 1968. P. 68–69.

⁴ О понятиях νόμος и ψήφισμα и различиях между ними см.: Quass F. Nomos und Psephisma: Untersuchung zum griechischen Staatsrecht. München, 1971.

на пути разного рода неоправданного законотворчества был поставлен целый ряд препятствий, в том числе введенный в это время новый тип судебного процесса против лиц, предлагающих «неподходящие» законы (γραφὴ νόμων μὴ ἐπιτήδειον θεῖναι). Словом, все было сделано для того, чтобы реформированный свод законов оставался в дальнейшем как можно более стабильным, в минимальной степени подверженным каким бы то ни было модификациям⁵.

Отнюдь не так обстояло дело в течение первого столетия классической афинской демократии. В V в. до н. э. понятия νόμος и ψήφισμα являлись еще синонимами, сколько-нибудь строгого разграничения между ними не проводилось. Любое решение демоса, принятое в народном собрании, могло быть названо и псефисмой, и законом. Единственным различием между этими терминами было различие аспекта, того угла зрения, под которым брался один и тот же феномен. В термине ψήφισμα упор делался на способ принятия решения (голосование), а в термине νόμος – на его нормативную силу, превращавшую его в органичную часть общего свода афинских законоположений⁶.

Естественно, что в подобных условиях практически не существовало препятствий как для принятия новых законов-псефисм (экклесия, подобно конвейеру, буквально штамповала их на каждом своем заседании), так и для внесения изменений и поправок в законы существующие (действительно, что демос установил своей полномочной властью, то он вправе и пересмотреть). Именно этот последний момент наиболее интересует нас в рамках данной работы. Мы рассмотрим его на примере одного, но чрезвычайно важного закона – закона об ostracismе, который (с точки зрения нашей сегодняшней юридической терминологии) может быть отнесен к категории конституционных законов и играл в высшей степени заметную роль во всей внутривластной жизни Афин V в. до н. э., а в IV в. до н. э. хотя де-юре продолжал действовать (Arist. Ath. pol. 43. 5), но на практике уже не применялся⁷.

⁵ Об изменениях в процедуре принятия законов в IV в. до н. э. по сравнению с предшествующим столетием см.: Hansen M. H. The Athenian Assembly: In the Age of Demosthenes. Oxf., 1987. P. 128–129; Rhodes P. J. Judicial Procedures in Fourth-Century Athens: Improvement or Simply Change? // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 304. Между М. Хансеном и П. Родсом имеется ряд весьма серьезных разногласий по вопросам функционирования афинской политической системы в IV в. до н. э. Так, Хансен считает, что в этом столетии дикастерии были едва ли не более полномочным органом, чем экклесия, а Родс не находит существенных различий в прерогативах судебных коллегий в V и IV вв. до н. э. Тем более знаменательно, что оба они солидарны в констатации факта отсутствия у народного собрания в IV в. такой функции, как принятие законов (νόμοι).

⁶ Ср.: Piérart M. Athènes... P. 22; Суриков И. Е. Закон Клисфена об ostracismе: к реконструкции некоторых формулировок // Древнее право. 2000. № 1 (6). С. 17–18.

⁷ Christ M. R. Ostracism, Sycophancy, and Deception of the Demos: [Arist.] Ath. pol. 43, 5 // Classical Quarterly. 1992. Vol. 42. No. 2. P. 336–346. Закон об ostracismе так и не был

Остракизм – внесудебное изгнание по политическим мотивам наиболее влиятельных граждан из полиса на фиксированный срок (10 лет) без поражения в гражданских (в том числе имущественных) правах и с последующим полным восстановлением в политических правах, осуществлявшееся путем голосования демоса в народном собрании при применении особой процедуры (с использованием надписанных глиняных черепков), – был в своей классической форме введен в Афинах законом, принятым в конце VI в. до н. э., в рамках полномасштабной реформы государственного устройства, предпринятой Клисфеном⁸. На протяжении V в. до н. э. этот закон один или два раза подвергался изменениям. Мы выражаемся пока достаточно неопределенно – «один или два раза» – именно потому, что в числе главных задач данной работы находится выяснение вопроса о том, сколько же изменений (и какого рода) вносилось в закон об остракизме. Одно из этих изменений можно считать твердо установленным фактом, надежно зафиксированным в источниках. Речь идет о наложении определенных ограничений на местопребывание афинских граждан, изгнанных из родного полиса посредством остракизма. Однако в науке существуют весьма значительные разногласия (можно говорить даже о полярной противоположности) в определении сущности и целей этого нововведения, чем нам, соответственно, и придется специально заняться. Что же касается второго изменения – гипотетического сокращения срока изгнания с десяти до пяти лет, – то нет полной ясности даже относительно самой историчности этого факта, что тоже побуждает к детальному рассмотрению проблемы.

* * *

В «Афинской политике» Аристотеля (22. 8) мы встречаем прямое указание на первое из вышеупомянутых изменений в законе об остракизме. Говоря о том, что в 480 г. до н. э. афиняне, ранее подвергшиеся остракизму, досрочно возвратили на родину ввиду опасности, порожденной нашествием Ксеркса⁹, автор трактата добавляет:

отменен, несмотря на свою полную практическую ненужность, наверное, именно из-за тех же ограничений, наложенных в IV в. до н. э. на изменения в законодательном своде. Аналогичный пример закона, формально существующего, но фактически утратившего силу, см.: Arist. Ath. pol. 60. 2 (ὁ μὲν νόμος ἔστιν, ἡ δὲ κρίσις καταλέλυσται).

⁸ О законе Клисфена, введившем остракизм, и его основных формулировках, см.: Суриков И. Е. Закон Клисфена об остракизме... Passim.

⁹ Это сообщение Аристотеля полностью подтверждается данными эпиграфического памятника – декрета Фемистокла из Трезена (Meiggs–Lewis, No. 23). Об этом декрете см.: Jameson M. H. A Decree of Themistokles from Troizen // *Hesperia*. 1960. Vol. 29. No. 2. P. 198–223; Dow S. The Purported Decree of Themistokles: Stele and Inscription // *American Journal of Archaeology*. 1962. Vol. 64. No. 4. P. 353–368; Treu M. Zur neuen Themistokles-

καὶ τὸ λοιπὸν ὥρισαν τοῖς ὀστρακισμένοις ἐντὸς Γεραιστοῦ καὶ Σκυλλαίου κατοικεῖν, ἢ ἀτίμους εἶναι καθ'ἅπαξ. 'И на будущее время определили, чтобы лица, подвергаемые остракизму, проживали в пределах Гереста и Скиллея или, в противном случае, раз навсегда лишались гражданских прав'.

Наверное, сразу же следует пояснить, о каких географических ориентирах идет речь. Мыс Герест (Γεραιστός) был крайней южной оконечностью острова Эвбея (Herod. VIII. 7; Strab. X. 444), а мыс Скиллей (Σκυλλαῖον) – крайней восточной оконечностью Аргολиды и всего Пелопоннеса (Thuc. V. 53; Strab. VIII. 373; Paus. I. 34. 7). Этими-то двумя точками и ограничивалось отныне пребывание афинян, изгнанных остракизмом.

Казалось бы, сколько-нибудь существенных проблем, связанных со свидетельством, не возникает: оно вполне ясно и определено. Однако вот что пишет о том же положении закона другой авторитетный автор – Филохор (начало III в. до н. э.), крупнейший представитель жанра аттидографии (локального афинского историописания)¹⁰. Достаточно подробно рассказывая об остракизме (FGrHist. 328. F30), этот историк пишет, что афинянам, ставшим жертвами этой

Inscription // *Historia*. 1963. Bd 12. Ht. 1. S. 47–69; *Hahn I.* Zur Echtheitsfrage der Themistokles-Inscription // *Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae*. 1965. Vol. 13. Fasc. 1/2. P. 27–39; *Chambers M.* The Significance of the Themistocles Decree // *Philologus*. 1967. Bd 111. Ht. 3/4. S. 151–169; *Burstein S. M.* The Recall of the Ostracized and the Themistocles Decree // *California Studies in Classical Antiquity*. 1971. Vol. 4. P. 93–110; *Figueira T. J.* Residential Restrictions on the Athenian Ostracized // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1987. Vol. 28. No. 3. P. 281–305; *Kennelly J. J.* Archaisms in the Troizen Decree // *Classical Quarterly*. 1990. Vol. 40. No. 2. P. 539–541; *Глушкина Л. М.* Трезенская надпись с декретом Фемистокла // ВДИ. 1963. № 4. С. 35–52. В целом по поводу весьма глубокомысленных и информативных пассажей Аристотеля, посвященных остракизму, см.: *Goossens R.* Le texte d'Aristote, Constitution d'Athènes, XXII, 8, et l'obligation de résidence des Athéniens ostracisés // *Chronique d'Égypte*. 1945. No. 39/40. P. 125–138; *Seager R.* Ἀθηναίων Πολιτεία 22. 4 // *Classical Review*. 1962. Vol. 12. No. 3. P. 201–202; *Fornara Ch. W.* A Note on ἈΘΠ. 22 // *Classical Quarterly*. 1963. Vol. 13. No. 1. P. 101–104; *Kinzl K. H.* AP 22. 4: The Sole Source of Harpokration on the Ostrakismos of Hipparkhos Son of Kharmos // *Klio*. 1991. Bd 73. Ht. 1. S. 28–45; *Musti D.* La cronologie du chapitre 22 de l'Ἀθηναίων Πολιτεία sur l'ostracisme // *Aristote et Athènes*. P., 1993. P. 251–259, и особенно принципиальное исследование: *Raubitschek A. E.* Aristoteles über den Ostrakismos // *Tyche*. 1986. Bd 1. S. 169–174.

¹⁰ О Филохоре и его пассаже, посвященном остракизму, см.: *Raubitschek A. E.* Philochoros frag. 30 (Jacoby) // *Hermes*. 1955. Bd 83. Ht. 1. S. 119–120; *Develin R.* Philochoros on Ostracism // *Civiltà classica e cristiana*. 1985. Vol. 6. P. 25–31. В целом об аттидографической традиции см.: *Jacoby F.* *Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens*. Oxf., 1949; *Jacoby F.* *Die Fragmente der griechischen Historiker*. Teil 3b. A Commentary on the Ancient Historians of Athens. Leiden, 1954. Vol. 1–2; *Pearson L.* *The Local Historians of Attica*. Repr. ed. Ann Arbor, 1981.

меры, следовало «удалиться из города, ... не приближаясь за черту Гереста, мыса на Эвбее» (μεταστῆναι τῆς πόλεως... μὴ ἐπιβαίνοντα ἐντὸς Γεραίου τοῦ Εὐβοίας ἀκρωτηρίου). Налицо явное противоречие между двумя античными писателями, и вряд ли это противоречие можно как-либо примирить. Ведь, согласно Филохору, нововведение в законе об ostracismе имело противоположный смысл по сравнению с тем, который ему придает Аристотель: изгнанные ostracismом должны были жить не поблизости от Афин, а, напротив, держать-ся от них на определенном расстоянии¹¹.

Ясно, что прав может быть только кто-то один из двух вышеназванных авторов, при этом мы не можем заключать в пользу кого-либо из них *a priori*, исходя, скажем, из их сравнительного источниковедческого «веса». Конечно, Аристотель был ученым, потрясавшим современников и потомков энциклопедическими знаниями и скрупулезностью работы; однако и он в некоторых случаях мог ошибаться, тем более что в Афинах глава Ликей был пришлецом-метэком и каких-то аспектов истории этого полиса мог попросту не знать во всех их подробностях. С другой стороны, Филохор – афинский уроженец, выполнявший функции прорицателя и экзегета, – несомненно, по долгу аттидографа специально и углубленно занимался практически всеми сюжетами, связанными с прошлым его родного города.

Ряд исследователей склоняются к признанию правоты Филохора в данном вопросе. В частности, именно такой точки зрения придерживался один из крупнейших в XX в. специалистов по древнегреческой истории и историографии – Феликс Якоби¹². Однако он не был склонен обвинять в неточности и Аристотеля. По мнению Якоби, имела место попросту погрешность переписчика (и действительно, дошедший до нас папирусный манускрипт «Афинской политики» представляет собой далеко не идеальную копию). Соответственно, он предложил несколько вариантов эмэндации текста: либо исправить рукописное ἐντός ('в пределах') на ἐκτός ('за пределами'), либо прибавить после ἐντός выражение πέρα τοῦ, что даст чтение «внутри территории за пределами», либо, наконец, добавить отрицательную частицу μὴ перед глаголом κατοικεῖν. Во всех трех случаях результат будет один и тот же: окажется, что жертвы ostracismа должны были проживать *вне* ареала, очерченного указанными пунктами, и, таким образом, данные Аристотеля и Филохора совпадут.

Впрочем, есть и антиковеды, полагающие, что рассматриваемый пассаж «Афинской политики» ни в каких эмэндациях не нуждается. Среди них,

¹¹ Филохор упоминает только Герест, но не Скиллей. Это кажется странным: одной точки явно недостаточно для того, чтобы очертить какой бы то ни было ареал. Скорее всего, фрагмент историка подвергся некоторой порче при передаче его поздними лексикографами, а в оригинале говорилось и о Гересте, и о Скиллее.

¹² Jacoby F. Die Fragmente... Vol. 1. P. 317.

например, Лоретана де Либери, в недавней работе¹³ высказавшая мнение, что афиняне, изгнанные остракизмом, с 480 г. до н. э. действительно не должны были слишком удаляться от родного полиса, хотя впоследствии это правило строго не соблюдалось. Для обоснования своих выводов де Либери привлекает надпись-граффито на одном из остраконов (черепков для голосования), направленном против афинского аристократа Мегакла, сына Гиппократы, из рода Алкмеонидов. Надпись сохранилась недостаточно полно, но основную нить содержания все же можно уловить: некий «доброжелатель» не советует Мегаклу отправляться в Эретию (полис на Эвбее, лежащий по отношению к Афинам за пределами линии Герест – Скиллей)¹⁴. Исследовательница, датируя остракон 470-ми гг. до н. э. (то есть временем после принятия интересующей нас поправки), видит в надписи подтверждение своего основного тезиса: раз в это время Мегаклу нельзя было жить в Эретрии, стало быть, пребывание жертв остракизма за пределами вышеуказанной линии было запрещено, а не предписано. Однако, как нам уже приходилось писать¹⁵, большая группа остраконов с афинского Керамика, к которой относится и вышеупомянутое граффито, должна датироваться не 470-ми, а 480-ми гг. до н. э. (конкретно, скорее всего, 486 г. до н. э., когда Мегакл был изгнан остракизмом), а, значит, привлекаемый де Либери памятник вообще не имеет никакой доказательной силы по отношению к любым событиям, имевшим место в 480 г. или позже.

Весь рассматриваемый вопрос является не таким уж частным и маловажным, как может показаться *prima facie*. В зависимости от того, как понимать суть поправки, о которой идет речь, окажутся наши общие суждения по поводу ее причин, целей, исторического контекста. Если афиняне, подвергнутые остракизму, должны были жить *в пределах* линии Герест – Скиллей, то это означает, что демос стремился с какой-то целью держать их неподалеку от полиса (например, для того, чтобы они не пытались бежать ко двору персидского царя). Если же им, напротив, предписывалось оставаться *за пределами* означенной

¹³ Либери Л. де. Ἐκτός или ἐντός? Назначение места изгнания (Arist. Ath. pol. 22, 8) и остракон против Мегакла // Проблемы истории, филологии, культуры. 1998. Вып. 5. С. 89 сл.

¹⁴ О рассматриваемом здесь остраконе, опубликованном в 1991 г. (Willemsen F. Ostraka einer Meisterschale // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. 1991. Bd 106. S. 137–145), существует уже определенная литература: Lewis D. M. Megakles and Eretria // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1993. Bd 96. S. 51–52; Raubitschek A. E. Megakles, geh nicht nach Eretria! // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1994. Bd 100. S. 381–382; Stanton G. R. A Graffito on a Megakles Ostrakon // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1996. Bd 111. S. 69–73.

¹⁵ Суриков И. Е. По поводу новой публикации острака // ВДИ. 1996. № 2. С. 143–146; Суриков И. Е. К интерпретации имени Арифрона на острака // ВДИ. 2000. № 4. С. 73–79.

линии, коннотации будут совершенно другими: получится, что изгнанники не имели права приближаться к Афинам (может быть, из опасения, что, находясь чересчур близко, они смогут оказывать влияние на политическую жизнь в городе или что им при желании будет нетрудно тайно возвратиться)¹⁶.

Мы не видим другого способа решения очерченной проблемы, кроме чисто эмпирического анализа фактов. Попытаемся рассмотреть свидетельства источников, содержащие информацию о том, где обычно пребывали жертвы ostracism до 480 г. до н. э. и после этой даты. Полученные данные, возможно, позволят дать на поставленный вопрос более уверенный ответ, а такие данные, как мы увидим, имеются по целому ряду афинских граждан.

Предварительно необходимо понять, что конкретно включала «запретная зона», обозначенная довольно расплывчатой формулировкой «за пределами (или “в пределах”) Гереста и Скиллея». Нам даны лишь две точки; опираясь на них, никак нельзя вычертить вокруг Афин некий пространственный ареал. Здесь, как нам кажется, нужно учитывать вот какое обстоятельство. Афиняне, приговоренные к изгнанию, как правило, покидали Аттику следующим образом: из города к побережью Саронического залива и затем от одной из афинских гаваней на корабле¹⁷. Именно поэтому, на наш взгляд, в качестве «точек отсчета» были выбраны пункты, тесно связанные с морем, – выступающие ориентиры мысов. Можно сказать, что Герест и Скиллей фактически ограничивали собой Саронический залив.

А теперь перейдем к рассмотрению свидетельств источников. До 480 г. ostracismu были подвергнуты пять афинских граждан: Гиппарх, сын Харма (глава группировки оставшихся в полисе сторонников свергнутых тиранов Писистратидов), Мегакл, сын Гиппократа (представитель рода Алкмеонидов), Ксантипп (из рода Бузигов, отец Перикла), Аристид (знаменитый политик, прозванный «Справедливым») и еще одно лицо, неизвестное по имени (Arist. Ath. pol. 22. 6)¹⁸. Только о месте пребывания Аристида в ходе изгнания есть прямые и определенные сведения: покинув родной полис, он обосновался на Эгине – острове в Сароническом заливе (Herod. VIII. 79; Demosth. XXVI. 6; Aristodem. FGrHist. 104. F1. 1; Suid. s.v. Ἀριστείδης). Что же касается остальных, то есть некоторые основания утверждать, что и они (если не все, то в большинстве своем), подвергшись изгнанию, жили там же¹⁹. Об этом косвенно свидетельствует

¹⁶ В связи с поправкой 480 г. до н. э. см. также: *Goossens R. Op. cit.; Figueira T. J. Op. cit.*

¹⁷ Именно так покидали Афины, в частности, осужденные на изгнание за убийство: *Boegehold A. L. et al. The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, et Testimonia (The Athenian Agora. Vol. 28). Princeton, 1995. P. 48.*

¹⁸ Об этих ostracismax подробнее см.: *Суриков И. Е. Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н. э. и первые остракофории // ВДИ. 2001. № 2. С. 118–130.*

¹⁹ *Figueira T. J. Op. cit. P. 285.*

существовавшая в Афинах поговорка βουκολήσεις τὰ περὶ τὸν βοῦν ('попашь быков вокруг быка'), встречающаяся в одном фрагменте анонимного комедиографа (Comic. anonum. fr. 40 Kock). Паремнограф (толкователь пословиц) Зенобий, писавший во II в. н. э., объясняет эту поговорку так (Zenob. 4, p. 384 Miller): ἐπὶ τὸ πλεῖστον οἱ ὀστρακίζόμενοι μεθίσταντο εἰς Αἴγιναν, ἐνθα ἦν βοῦς χαλκῇ παμμεγέθης – 'по большей части изгнанные остракизмом переселялись на Эгину, а там была огромная медная статуя коровы'. Насколько можно судить, эта пословица должна была сформироваться именно в период первых остракофорий.

Иногда высказывается предположение, что Мегакл, сын Гиппократы, после изгнания из Афин отправился в Дельфы²⁰. Эта гипотеза, однако, не основывается на недвусмысленных свидетельствах источников. Известно только одно: в 486 г. до н. э., вскоре после своего остракизма, Мегакл действительно *был* в Дельфах. Он участвовал там в Пифийских играх и даже победил в состязаниях колесниц-четверок. На эту победу написал оду прославленный беотийский поэт Пиндар (Pind. Pyth. VII). Но из того, что Мегакл побывал в Дельфах по совершенно конкретному поводу, никоим образом не следует, что он проживал там в течение всего срока своего изгнания.

Перейдем к тем афинским политикам, которые изгонялись остракизмом после поправки, принятой в 480 г. до н. э. Для некоторых из этих политиков тоже известно место пребывания. «Отец афинского морского могущества» Фемистокл подвергся остракизму в конце 470-х гг. до н. э.²¹ и проживал после этого в Аргосе – одном из крупнейших полисов Пелопоннеса (Thuc. I. 135. 3; Nep. Them. 8; Diod. XI. 55; Plut. Them. 23; Aristodem. FGrHist. 104. F1. 6)²². Впоследствии, когда афиняне заочно приговорили Фемистокла к смертной казни, ему пришлось бежать из Аргоса, скрываться в различных частях Греции и в конце концов искать убежища при дворе персидского царя. Однако, пока

²⁰ Например: *Cromey R. D. Kleisthenes' Fate // Historia. 1979. Bd 28. Ht. 2. S. 146.*

²¹ Датировки остракизма Фемистокла колеблются в литературе от 473 г. (*Lenardon R. J. The Chronology of Themistokles' Ostracism and Exile // Historia. 1959. Bd 8. Ht. 1. S. 48*) до 470 г. (*Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993. P. 88*).

²² Согласно интересному памятнику позднеантичной псевдоэпистографии – так называемым «Письмам Фемистокла», составленным, скорее всего, во II в. н. э. (об этом памятнике см.: *Миллер Т. А. Псевдоисторическая эпистолография // Античная эпистолография. М., 1967. С. 198–209; Podlecki A. J. Themistocles and Pausanias // Rivista di filologia e di istruzione classica. 1976. Vol. 104. Fasc. 3. P. 293–311*), Фемистокл вначале планировал удалиться в Дельфы, но встретившиеся ему по дороге друзья-гостеприимцы из Аргоса уговорили его изменить свои планы и отправиться с ними ([Themistocl.] Epist. I). Трудно судить, насколько достоверна эта информация, но иметь ее в виду, во всяком случае, приходится.

он был просто жертвой ostracism, его пребывание в Аргосе являлось, судя по всему, вполне законным и нареканий не вызывало.

В конце 460-х гг. до н. э. ostracism был изгнан Кимон, сын Мильтиада, представитель рода Филаидов, один из самых прославленных афинских аристократических лидеров. О его местопребывании в изгнании данных значительно меньше. В сущности, приходится довольствоваться путаным сообщением оратора Андокида (начало IV в. до н. э.), согласно которому афиняне «возвратили из изгнания Мильтиада, сына Кимона, подвергнутого ostracism и находившегося на Херсонесе» (Andoc. III. 3)²³. Андокиду «вообще свойственны некоторая небрежность и неаккуратность в изложении исторических событий»²⁴, и в данном пассаже эти черты проявились в полной мере: оратор, несомненно, попросту перепутал двух знаменитых афинян – отца и сына²⁵. Мильтиад, сын Кимона, марафонский победитель, умер в 489 г. до н. э., в то время как в процитированном отрывке речь идет о событиях 450-х гг. Кроме того, ни один источник не сообщает, что Мильтиад когда-либо в своей жизни подвергался ostracism; более того, ни на одном из открытых археологами черепков-ostrakonov (а их известно уже более 10 тысяч²⁶) не прочитано его имя. Можно сказать с полной степенью уверенности, что Андокид, говоря о Мильтиаде, сыне Кимона, в действительности имел в виду Кимона, сына Мильтиада²⁷. Об этом же свидетельствует и исторический контекст, и параллельные данные: именно Кимон, а не кто-либо другой, в середине 450-х гг. до н. э. был досрочно возвращен из ostracism, дабы содействовать скорейшему заключению перемирия со Спартой.

Итак, рассмотренное свидетельство Андокида можно привлечь как аргумент в пользу того, что Кимон после изгнания из Афин поселился на Херсонесе. Речь идет, конечно, о Херсонесе Фракийском (ныне Галлиполи) – полуострове в северо-западной части Эгейды, у входа в Геллеспонт. Пребывание Филаида Кимона в этом регионе не вызывает никаких недоумений. Херсонес Фракийский был, если можно так выразиться, родовым домом его предков

²³ Μιλτιάδην τὸν Κίμωνος ὠστρακισμένον ὄντα ἐν Χερρονήσῳ κατεδείξαμεθα...

²⁴ Фролов Э. Д. Из истории политической борьбы в Афинах в конце V века до н. э. (Андокид и процесс гермокопидов) // *Андокид. Речи*. СПб., 1996. С. 23.

²⁵ Характерно, что точно такую же ошибку допускает несколько позже еще один аттический оратор – Эсхин (II. 172).

²⁶ Об ostrakonax см.: Суриков И. Е. Острака как источник по истории раннеклассических Афин // *Античный вестник* (Омск). 1995. Вып. 3. С. 107–114; Суриков И. Е. Институт ostracism в Афинах: проблемы и перспективы изучения // *Античный вестник* (Омск). 1999. Вып. 4–5. С. 126–143; Суриков И. Е. Оstracism и ostrakonai: в Афинах и за их пределами // *Hyperboreus*. 2000. Vol. 6. Fasc. 1. P. 103–123.

²⁷ Может быть, мы вообще имеем дело с ошибкой не автора, а переписчика, переставившего местами имя и патронимик.

еще с середины VI в. до н. э. В частности, Мильтиад, отец Кимона, долгие годы правил на этом полуострове в качестве тирана (кстати, и сам Кимон родился там же), пока в 493 г. не был изгнан персами. Теперь же, когда Эгейское море было очищено от персидского флота²⁸, ничто не препятствовало главе рода Филадельфов вновь отправиться в свою «вотчину».

О местопребывании Фукидида, сына Мелесия, изгнанного остракизмом в середине 440-х гг. до н. э.²⁹, информация еще более скудна. По сути дела, прямых и аутентичных свидетельств по этому сюжету вообще нет. Как ни парадоксально, одновременно помогает и мешает то обстоятельство, что в трудах античных авторов последующих эпох Фукидид, сын Мелесия, политический противник Перикла, постоянно смешивается с Фукидидом, сыном Олора, прославленным историком Пелопоннесской войны. Этот, более известный Фукидид со временем затмил в глазах потомков своего тезку и родственника³⁰. Соответственно, целый ряд фактов биографии Фукидида-политика оказался ошибочно приписан Фукидиду-историку. С одной стороны, эта путаница, несомненно, затрудняет работу исследователя, но с другой – если бы не она, многие события, связанные с Фукидидом, сыном Мелесия, вообще остались бы нам неизвестными.

В написанной неизвестным позднеантичным автором биографии Фукидида, сына Олора, говорится, в частности, что он якобы подвергся остракизму и поселился на Эгине. Там он написал свою «Историю», а также продемонстрировал редкостное корыстолюбие, занимаясь ростовщичеством и разорив всех жителей острова (Anonym. Vita Thuc. 22). Многое в этом пассаже никак не может быть отнесено к историку Фукидиду. Во всяком случае, последний никогда в своей жизни не подвергался остракизму³¹. Остается единственная

²⁸ Есть большая вероятность того, что уже в 460-х гг. до н. э. был заключен первый мирный договор Афин с державой Ахеменидов, по которому персидским судам запрещался вход в Эгейское море. См.: *Badian E.* Op. cit. P. 1–72.

²⁹ О времени изгнания Фукидида, сына Мелесия, см.: *Wade-Gery H. T.* Essays in Greek History. Oxf., 1958. P. 239–270. Блестящее исследование Уэйд-Гери об этом политике, вошедшее в его вышеназванную книгу, можно считать одной из лучших работ, когда-либо появлявшихся по афинской политической истории V в. до н. э.; эта не очень большая статья стоит иной монографии. Предположение, согласно которому Фукидид был изгнан не в 440-х, а в 430-х гг. до н. э. (*Krentz P.* The Ostracism of Thucydides, Son of Melesias // *Historia*. 1984. Bd 33. Ht. 4. S. 499–504), имеет под собой несравненно меньше оснований.

³⁰ Оба Фукидида имели отношение к роду Филадельфов. Весьма вероятной представляется нам гипотеза о том, что Фукидид-политик был дедом Фукидида-историка по материнской линии: *Wade-Gery H. T.* Op. cit. P. 246.

³¹ Фукидид был изгнан из Афин (Thuc. V. 26. 5; Dion. Hal. De Thuc. 41; Plin. Nat. hist. VII. 111), но не остракизмом, а в результате приговора суда по обвинению в измене после его неудачных действий в качестве стратега у северных берегов Эгейды.

возможность – отнести рассматриваемую информацию к Фукидиду, сыну Мелесия, к которому ostracism действительно был применен³². Однако насколько эта информация достоверна – судить чрезвычайно трудно: слишком уж много в ней неувязок, вроде упоминания о создании «Истории» Фукидида именно на Эгине. Кроме того, образ Фукидида, сына Мелесия, как корыстолюбивого ростовщика весьма мало соответствует его репутации в античной традиции. Этот политик, как правило, признавался человеком весьма достойным³³.

Привлекает наше внимание и еще одно интересное свидетельство, тем более что оно принадлежит раннему и авторитетному автору – сицилийскому историку Тимею из Тавромения (конец IV – начало III в. до н. э.). Согласно этому свидетельству (Tim. FGrHist. 566. F135, F136) – в той форме, в какой оно дошло до нас через посредство опять же позднего биографа Фукидида, сына Олора, – историк Пелопоннесской войны якобы жил в изгнании в Италии и даже умер там. Если относить эти данные действительно к Фукидиду-историку, то всё в них окажется неверным: на самом деле последний находился в период изгнания, скорее всего, во Фракии и Македонии (т. е. в регионах, где позиции Филаидов были традиционно сильны), а, кроме того, умер все-таки в Афинах, куда в конце жизни получил разрешение вернуться. Уж не проскочила ли здесь снова информация, в действительности касающаяся Фукидида, сына Мелесия?³⁴ Ошибиться мог либо сам Тимей, либо – что еще более вероятно – использовавший его труд поздний писатель³⁵.

Возможность пребывания интересующего нас Фукидида в Великой Греции тем более вероятна, что он и ранее поддерживал тесные связи с этой частью эллинского мира. Г. Уэйд-Гери в вышеупомянутой работе аргументированно продемонстрировал, что этот политик сыграл весьма значительную роль в основании на юге Италии общегреческой колонии Фурии под афинской эгидой³⁶. Нельзя, в принципе, исключать того, что именно Фурии могли стать

³² Ср.: *Goossens R. Op. cit.*

³³ См. Arist. Ath. pol. 28. 5: «...относительно Никия и Фукидида почти все согласно признают, что это были люди не только “прекрасные и добрые” (καλοὺς καὶ ἀγαθοὺς), но и опытные в государственных делах, отечески относившиеся ко всему государству».

³⁴ Такое предположение уже было высказано Уэйд-Гери, который, впрочем, подчеркивает его сугубую гипотетичность. См.: *Wade-Gery H. T. Op. cit.* P. 262.

³⁵ Маркеллин (IV в. н. э.), автор самого подробного в античности, но весьма сумбурного жизнеописания Фукидида. Этого биографа интересовали, конечно, прежде всего данные о его «герое», и он вполне мог ничтоже сумняшеся включать в их число те сведения из древних источников, где речь шла о других лицах по имени Фукидид.

³⁶ Об основании Фурий см. также: *Ehrenberg V. Polis und Imperium: Beiträge zur alten Geschichte. Zürich – Stuttgart, 1965. S. 298–315; Строецкий В. М. Политика Афин в Западном Средиземноморье в середине V в. до н. э. и проблема основания колонии Фурии // Город и государство в античном мире. Л., 1987. С. 55–79; Касаткина Н. А., Антонов В. В.*

местом прибежища изгнанного Фукидида, сына Мелесия, особенно если учитывать, что, как известно, влияние его главного противника – Перикла – в этом вновь основанном полисе практически сразу сошло на нет. Как бы то ни было, вопрос о регионе пребывания Фукидида в период его остракизма приходится пока оставить открытым, поскольку имеющиеся источники не позволяют дать на него однозначный и непротиворечивый ответ.

Наконец, жертвой последней остракофории, состоявшейся в середине 410-х гг. до н. э., стал демагог Гипербол, на котором и вышел из употребления обычай остракизма³⁷. Относительно того, куда отправился Гипербол, подвергшись этой мере, не существует никаких разногласий: античные авторы единогласно указывают в этой связи на остров Самос (Thuc. VIII. 73. 3; Theopomp. FGHist. 115. F96; Schol. Aristoph. Pax 681). По сведениям некоторых источников, на рассматриваемом хронологическом отрезке остракизмом были изгнаны еще несколько афинских граждан: Алкивиад Старший (дед знаменитого Алкивиада)³⁸, Каллий, сын Дидимия (известный атлет)³⁹, Менон (возможно, натурализовавшийся в Афинах фессалийский аристократ)⁴⁰ и Дамон (музыкант, советник Перикла)⁴¹. Однако о местопребывании всех этих лиц в период изгнания ничего не известно.

Теперь можно сделать выводы из представленного выше фактологического материала. При этом будем исходить из того, что закон об остракизме не подвергался постоянным и систематическим нарушениям, что в целом он, как правило, соблюдался, в том числе и в части, внесенной поправкой 480 г. до н. э. Вряд ли в Афинах осталось бы незамеченным, если бы кто-либо из политиков – жертв остракизма демонстративно пренебрег официальными предписаниями и отправился не туда, куда следовало. Афинский демос всегда в высшей

Внутриполитическая борьба в Афинах в середине 40-х гг. V в. до н. э. и основание Фурий // Из истории античного общества. Нижний Новгород, 1999. Вып. 6. С. 55–63.

³⁷ Остракизму Гипербола посвящена довольно обширная историография. Из последних работ (в которых отражена и предшествующая литература) см.: *Rhodes P. J.* The Ostracism of Hyperbolus // *Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis.* Oxf., 1994. P. 85–98; *Карпук С. Г.* Гипербол, «человек негодный» // ВДИ. 1998. № 4. С. 142–156. О времени проведения этого остракизма см.: *Суриков И. Е.* К историко-хронологическому контексту последнего афинского остракизма // *Античность: эпоха и люди.* Казань, 2000. С. 17–27.

³⁸ *Vanderpool E.* The Ostracism of the Elder Alkibiades // *Hesperia.* 1952. Vol. 21. No. 1. P. 1–8.

³⁹ *Piccirilli L.* L'ostracismo di Callia figlio di Didimia // *Klio.* 1996. Bd 78. Ht. 2. S. 325–328.

⁴⁰ *Raubitschek A. E.* Menon, Son of Menekleides // *Hesperia.* 1955. Vol. 24. No. 4. P. 286–289.

⁴¹ *Raubitschek A. E.* Damon // *Classica et mediaevalia.* 1955. Vol. 16. P. 78–83.

степени болезненно относился к таким случаям неподчинения, поскольку они наносили удар по его суверенитету. Гражданин, который осмелился бы нарушить столь важный конституционный закон, думается, мог поставить крест на своей карьере и больше не помышлять о возвращении на родину, о восстановлении в политических правах⁴².

Итак, перед нами вырисовывается следующая картина. До принятия поправки 480 г. до н. э. жертвы ostracism по большей части находили себе пристанище на острове Эгина в Сароническом заливе (хотя и нельзя безоговорочно утверждать, что это было единственное возможное место их пребывания). Что же касается политических лидеров, подвергавшихся этой мере после 480 г., то все те из них, о чьей судьбе после изгнания имеются надежные сведения, проживали довольно далеко от Афин, во всяком случае, явно за пределами линии Герест – Скиллей (Аргос, Херсонес Фракийский, Самос). Информация об одном политике – Фукидиде, сыне Мелесия, – противоречива, но нет серьезных оснований считать, что он был исключением из общего правила.

Иными словами, анализ фактов привел нас к однозначному заключению: рассматриваемая здесь поправка предписывала гражданам, изгнанным ostracism, оставаться *за пределами* означенной в ней линии. Прав оказывается аттидограф Филохор, а в текст «Афинской политики» действительно должна быть внесена какая-либо из предлагавшихся выше конъектур.

С учетом сказанного можно позволить себе и некоторые суждения о возможных причинах и целях поправки 480 г. до н. э. Во-первых, очевидно, что знатные афиняне – жертвы ostracism – отныне не имели права слишком приближаться к границам Аттики. Вероятно, в среде демоса сформировалось мнение, что, находясь неподалеку от родного полиса, они могут представлять опасность для народовластия и стабильного порядка. Ситуация становится еще более понятной, если учесть, что у каждого из таких политиков в Афинах оставалась группировка сторонников, которые, безусловно, старались поддерживать контакты со своим вождем. В некоторых случаях должна была возникать даже угроза того, что эти сторонники организуют незаконное возвращение на родину изгнанного политика, а это было бы равносильно началу гражданской войны.

⁴² Вышесказанное имеет целью опровергнуть тезис де Либера о том, что предписания о местопребывании изгнанников не соблюдались строго. Здесь, как нам кажется, имеет место недопонимание специфики отношения афинского демоса к своим политическим лидерам. Этим последним не прощались малейшая погрешность (или даже подозрение в таковой), не говоря уж о серьезном и демонстративном нарушении действующего закона. См. по этой проблеме: Knox R. A. «So Mischievous a Beast»? The Athenian Demos and its Treatment of its Politicians // *Greece & Rome*. 1985. Vol. 32. No. 2. P. 132–161.

Хорошо известно, какое потрясение произвело появление в 457 г. до н. э. (перед сражением со спартамцами при Танагре) в выступившем в поход афинском войске подвергнутого ostracismу Кимона (наиболее подробное описание события: Plut. Cim. 17). Формально Кимон не нарушил закона, поскольку дело происходило за пределами Аттики. Более того, намерения его были самыми патриотическими: Кимон хотел на деле доказать, что не является агентом спартанского влияния. Однако Совет Пятисот и стратеги немедленно потребовали, чтобы он покинул лагерь. Насколько можно судить, властями Афин в этой ситуации руководили те же самые соображения и эмоции, которые привели к принятию поправки о месте пребывания изгнанников, прежде всего боязнью гражданской смуты (στάσις).

Следует, на наш взгляд, учитывать и еще одно обстоятельство. Не последовала ли поправка 480 г. до н. э. и еще одну, более узкую цель – запретить афинским политикам селиться на Эгине? Действительно, линия Герест – Скиллей, как мы видели, очерчивала собой преимущественно Саронический залив, а именно в нем и лежал этот остров – «бельмо на глазу Пирея», как его называл впоследствии Перикл (Plut. Pericl. 8). Между Афинами и Эгиной – двумя сильнейшими морскими державами Балканской Греции – уже с самого начала V в. до н. э. существовала серьезнейшая напряженность, которую не смягчило даже совместное участие обоих полисов в Греко-персидских войнах. Вплоть до 457 г., когда Эгина была окончательно разгромлена и насильственно включена в состав Афинского морского союза⁴³, она оставалась едва ли не главным врагом Афин. Вполне естественно, что в этой ситуации пребывание видных афинских лидеров на этом острове стало с определенного момента рассматриваться как крайне нежелательное, едва ли не как сотрудничество с противниками. Данный момент, как нам кажется, тоже следует учитывать при определении целей ограничения, наложенного на местопребывание жертв ostracismа: Эгина попадала в запретную для них зону в первую очередь.

Высказывалось еще одно предположение по поводу рассматриваемой поправки, привлекающее внимание к религиозному аспекту проблемы. Л. Холл поставила вопрос следующим образом: не была ли пределом, который нельзя было переступать изгнанникам, та линия, начиная с которой в поле зрения мореплавателей оказывался кончик копья статуи Афины на Акрополе?⁴⁴ По мысли исследовательницы, этим обозначалось некое сакральное пространство, вступать в которое возбранялось лицам, подвергшимся ostracismу, поскольку они считались «оскверненными».

⁴³ О подчинении Афинами Эгины см.: *Строгоцкий В. М.* Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991. С. 127–128.

⁴⁴ *Hall L. G. H.* Remarks on the Law of Ostracism // *Tyche*. 1989. Bd 4. S. 99.

Гипотеза Холл вызывает у нас серьезные возражения. В целом мы отнюдь не склонны игнорировать религиозные элементы института ostracism и, напротив, считаем, что в большинстве работ они незаслуженно оставляются без внимания⁴⁵. Однако, во-первых, на наш взгляд, эти элементы проявлялись не столь эксплицитно. Во-вторых же – и это главное, – статуя Афины Промакос работы Фидия на афинском Акрополе, о кончике копья которой идет речь, была воздвигнута лишь к 450-м гг. до н. э.⁴⁶, а следовательно, поправка 480 г. никак не могла иметь ее в виду.

* * *

Перейдем ко второму изменению в законе об ostracism, с которым дело обстоит еще более сложно: как отмечалось выше, сама его историчность является предметом дискуссий. Основным источником по данному сюжету служит опять-таки аттидограф Филохор. В достаточно обширном фрагменте об ostracism, который частично уже цитировался нами (FGrHist. 328. F30), он, помимо прочего, говорит еще, что афиняне, подвергшиеся этой мере, должны были «покинуть город на десять лет (позже же был установлен пятилетний срок)» – μεταστῆναι τῆς πόλεως ἔτη δέκα (ὅστερον δὲ ἐγένοντο πέντε).

Из этого свидетельства недвусмысленно следует, что в какой-то момент в закон об ostracism была внесена еще одна поправка, сокращавшая вдвое срок пребывания в изгнании. В том же смысле, судя по всему, следует трактовать и слова Диодора Сицилийского (XI. 55. 2): жертвам ostracism «предписывалось уходить в изгнание с родины на пятилетний срок» (φεύγειν ἐκ τῆς πατρίδος ἐτέτακτο πενταετῇ χρόνον). Диодор в этом месте, по авторитетному мнению Ф. Якоби⁴⁷, следовал изложению Эфора – одного из крупнейших представителей греческой историографии IV в. до н. э. Еще один знаменитый историк того же столетия – Феопомп (FGrHist. 115. F88), – рассказывая об ostracism Кимона, пишет, что его досрочно возвратили из изгнания, «хотя не прошло пяти лет» (οὐδέπω δὲ πέντε ἐτῶν παρεληλυθότων). Такой речевой оборот должен, кажется, предполагать, что в указанное время (450-е гг. до н. э.) срок изгнания ostracism действительно составлял уже не десять, а пять лет.

⁴⁵ Нашу точку зрения см., например: Молчанов А. А., Суриков И. Е. У истоков ostracism // Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997. С. 252–253; Суриков И. Е. Оstracism и ostrakones... С. 116.

⁴⁶ Mattusch C. The Eponymous Heroes: The Idea of Sculptural Groups // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 74.

⁴⁷ Jacoby F. Die Fragmente... Vol. 1. P. 317.

Поправку, о которой здесь идет речь, исследователи, пишущие об остракизме, предпочитают даже не упоминать в своих работах и тем более не вдаваться в обсуждение вопроса об историчности этой поправки и возможном времени ее принятия. В тех же случаях, когда все-таки приходится высказаться по этому сюжету, ход аргументации обычно бывает примерно таков: сокращения срока изгнания никогда не происходило, это – продукт ошибки античных историков. Диодор (Эфор) либо сделал неверный вывод о таком сокращении из факта действительно имевшего место досрочного возвращения Кимона, либо же перепутал Афины с Сиракузами, в которых существовала процедура петализма, предусматривавшая изгнание именно на пять лет (об этом см. ниже). Филохор либо тоже ошибся, либо вообще не писал ничего подобного, а его подлинные слова исказили позднейшие лексикографы, донесшие до нас фрагменты труда этого автора⁴⁸. Все доводы подобного рода не представляются нам (да и вряд ли представятся кому-либо) особенно убедительными: слишком много в них натяжек и недоказуемых допущений.

В гораздо более редких случаях историчность поправки, о которой идет речь, признается. Ее, например, считает действительно имевшей место отечественный автор С. И. Гинзбург, при этом полагая, что принята поправка была после остракизма Фукидида, сына Мелесия, в 440-х гг. до н. э.⁴⁹ С последним утверждением согласиться трудно, поскольку, как мы видели, если доверять Феопомпу, срок изгнания был сокращен уже к моменту досрочного возвращения Кимона, то есть случилось это не позже первой половины 450-х гг. до н. э.

Переходя к непосредственному рассмотрению вопроса, считаем необходимым предварительно оговорить несколько принципиальных моментов. Перед нами действительно сложный случай: прямых свидетельств источников – скудных и разрозненных – явно недостаточно для того, чтобы вынести категоричное и безоговорочное суждение. Придется примириться с тем, что выводы, к которым мы придем, неизбежно будут гипотетичными и всегда могут быть оспорены. Выяснить с абсолютной точностью, имела ли место вышеупомянутая поправка к закону об остракизме и когда это произошло, вряд ли удастся; в любом случае останется возможность для альтернативных точек зрения. Метод же работы, к которому мы прибегнем, будет тот же, что и в случае с первой анализировавшейся нами поправкой: эмпирический анализ сообщений античных авторов о судьбе отдельных афинян, изгнанных остракизмом. Только теперь эти сообщения будут взяты в ином аспекте (так сказать, не пространственном, а временном), к тому же удобнее будет пойти не с начала, а с конца, с последнего остракизма, имевшего

⁴⁸ Примеры такой аргументации: *Jacoby F.* Die Fragmente... Vol. 1. P. 317; *Develin R.* Op. cit. P. 29–30.

⁴⁹ *Гинзбург С. И.* Малоизвестный византийский источник об остракизме // *Античное общество и государство*. Л., 1989. С. 49.

место в 416 или, скорее, 415 г. до н. э. (но ни в коем случае не в 417 г., как ранее предполагали многие исследователи⁵⁰).

Ставший жертвой этой остракофории демагог Гипербол, как мы видели выше, удалился на Самос, но возвратиться на родину ему так никогда и не пришлось: в 411 г. до н. э. он был убит местными олигархами, которые стремились сделать приятное своим единомышленникам из Аттики, находившимся в составе афинского флота, стоявшего в тот момент в самосской гавани (Thuc. VIII. 73. 3)⁵¹. Зачем потребовалось убивать Гипербола, почему смерть этого демагога могла доставить удовольствие его врагам в Афинах? Ведь если изгнание остракизмом должно было продолжаться десять лет, то до возвращения опального политика на родину оставался еще длительный хронологический промежуток, в ходе которого он не мог представлять ни для кого никакой опасности. Всё станет на свои места, если признать, что к тому времени рок изгнания уже был сокращен до пяти лет: в таком случае Гипербол уже должен был готовиться к отплытию в Афины, где его прибытие в корне изменило бы расклад политических сил. Этот популярный демагог мог даже стать естественным вождем демократической группировки, тем более что серьезных соперников на пути к достижению этой цели у него практически не было: прежний кумир демоса Алкивиад находился в изгнании, к тому же был весьма сомнительным демократом⁵², другой видный демократический лидер – Андрокл – был только что убит заговорщиками (Thuc. VIII. 65. 2), Клеофонт, которому в будущем предстояло стать простатом демоса, еще не набрал достаточного политического «веса», а еще несколько политиков демократической ориентации (таких, как Писандр) перешли на сторону олигархов. В этих условиях появление Гипербола в Афинах было бы крайне невыгодным для противников народовластия; судя по всему, потому-то его и решили ликвидировать.

Фукидид, правда, ничего не пишет о подобном контексте, ограничиваясь кратким сообщением об убийстве демагога. Однако уже неоднократно отмечалось, что молчание этого великого историка по тому или иному поводу никогда не может быть использовано как весомый аргумент. Дело в том, что Фукидид

⁵⁰ В свое время Э. Вудхед, реконструировав один из афинских декретов лета 417 г. до н. э., очень убедительно показал, что в это время демагог Гипербол еще находился в Афинах, что было бы, конечно, невозможно, если бы его остракизм уже состоялся. См.: Woodhead A. G. I.G., I², 95, and the Ostracism of Hyperbolus // *Hesperia*. 1949. Vol. 18. No. 1. P. 78–83.

⁵¹ Напомним, речь идет о периоде подготовки олигархического переворота Четырехсот в Афинах. Судя по всему, в убийстве Гипербола принимали участие и некоторые из афинских сторонников олигархии.

⁵² Как раз незадолго до описываемых событий он предложил афинянам ввести олигархическое правление (Thuc. VIII. 47. 2).

вообще весьма склонен прибегать к «фигуре умолчания» и совершенно не упоминает о целом ряде важнейших событий афинской и общегреческой истории⁵³. Кстати, и об остракизме Гипербола он ровным счетом ничего не говорит в том месте своего труда, где это следовало бы сделать, упоминает же о нем совсем в другом контексте и буквально мимоходом.

Феопомп говорит в одном из дошедших фрагментов (FGrHist. 115. F96): ἐξωστράκισαν τὸν Ὑπέρβολον ἕξ ἔτη. Вряд ли следует переводить этот пассаж 'Гипербола изгнали остракизмом на шесть лет'⁵⁴. Шестилетнего срока изгнания закон об остракизме вроде бы все-таки никогда не предусматривал, да и странным было бы назначение такой «некруглой» цифры. Нам представляется более вероятным другое: Феопомп в данном месте хотел сказать, что Гипербол *находился* в остракизме в общей сложности шесть лет. Значит, все-таки шесть, а не пять, и, следовательно, все наши предыдущие рассуждения неверны? Однако не будем забывать о том, что древнегреческая хронология знала два способа счета лет: без включения того года, с которого начинался подсчитываемый период (это привычнее для нас), или с его включением. Второй из этих способов был даже более распространенным⁵⁵. Приведем лишь один пример, который сделает нашу аргументацию понятной. Каков был временной промежуток между двумя проведениями крупнейших греческих празднеств (Олимпийских игр, Великих Панафиней и т. п.)? В нашем понимании, бесспорно, четыре года. Однако античные авторы устойчиво называют этот промежуток «пятилетием» (πενταετηρίς)⁵⁶. Иными словами, рассматриваемый период составлял для них не четыре, а пять лет, то есть включал и свой первый, и последний год. Аналогичным образом, безусловно, дело обстоит и в случае с Гиперболом, о котором идет речь: указанный Феопомпом шестилетний срок соответствует нашему пятилетнему.

Итак, как мы видим, есть определенные основания (хотя, конечно, небесспорные) считать, что к моменту последней афинской остракофории закон предусматривал изгнание из полиса уже не на десять, а на пять лет. В целях дальнейшей верификации этого предположения и возможного определения времени внесения такой поправки обратимся к материалу, освещающему более

⁵³ Об умолчаниях у Фукидида см.: Суриков И. Е. Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. № 2. С. 100–101.

⁵⁴ Именно так понимает данное место Якоби, который, исходя из этого, приписывает греческому историку мнение, будто бы срок изгнания остракизмом особо фиксировался для каждого конкретного случая (*Jacoby F. Die Fragmente... Vol. 1. P. 317*).

⁵⁵ См.: *Panchenko D. Democritus' Trojan Era and the Foundations of Early Greek Chronology* // *Hyperboreus*. 2000. Vol. 6. Fasc. 1. P. 47.

⁵⁶ *Латышев В. В. Очерк греческих древностей*. СПб., 1997. Ч. 2: Богослужбные и спенические древности. С. 126.

ранние остракизмы. В ходе его рассмотрения мы встречаем еще некоторые (хотя тоже косвенные) свидетельства о сокращении времени пребывания в изгнании.

Выше уже упоминалось, что одной из жертв остракизма стал Дамон – музыкант и теоретик музыкального искусства, а кроме того, один из ближайших друзей и политических советников Перикла. Время изгнания Дамона не обозначено в источниках эксплицитно. Специально занимавшийся биографией этого деятеля А. Раубичек путем комбинированного анализа нарративной традиции и открытых археологами черепков-остраконов с именем Дамона пришел к выводу, что его остракизм относится к 430-м гг. до н. э.⁵⁷ Предлагались, правда, и другие датировки остракизма Дамона – от 440-х⁵⁸ до 420-х гг.⁵⁹ до н. э., однако хронология Раубичека остается наиболее убедительной.

Отбыв положенный срок изгнания, Дамон возвратился на родину. Когда это произошло? Знаменитый музыкант упоминается в нескольких произведениях Платона, в том числе в сократическом диалоге «Алкивиад I», где заглавный герой по ходу действия, в частности, говорит (Plat. Alc. I. 118c): «Он (Перикл. – И. С.) не сам собою стал мудрым, а потому что общался со множеством мудрых людей – и с Пифоклидом, и с Анаксагором, да и теперь еще, в свои-то годы, обучается у Дамона с той же самой целью». Итак, на момент произнесения этих слов Дамон находится в Афинах. Остается выяснить, в какое время, по мысли автора, развертывается действие диалога.

Прежде всего, это не может быть период после 429 г. до н. э., поскольку в этом году умер Перикл, а в диалоге он упоминается как живой и здравствующий. Еще немного уточнить дату действия позволяет характеристика Сократом Алкивиада как юноши неполных двадцати лет от роду (Plat. Alc. I. 123d). Алкивиад родился около 450 г. до н. э., незадолго до гибели его отца при Коронее (447 г. до н. э.).⁶⁰ Совокупность данных указывает на то, что действие произведения происходит в конце 430-х гг. до н. э. – никак не позже и, скорее всего, не раньше, поскольку Алкивиад в диалоге рассуждает отнюдь не как несмышленый ребенок. Но коль скоро Дамон был изгнан остракизмом в 430-х гг. до н. э., а в конце тех же 430-х гг. вновь оказался в Афинах, получается, что он никак не мог находиться в изгнании десять лет, а, значит, этот срок уже был сокращен до пятилетнего.

⁵⁷ Raubitschek A. E. Damon... S. 83.

⁵⁸ Thomsen R. The Origin of Ostracism: A Synthesis. Copenhagen, 1972. P. 83; Phillips D. J. Athenian Ostracism // Hellenika: Essays on Greek Politics and History. North Ryde, 1982. P. 28; Lang M. Ostraka. Princeton, 1990. P. 5; Piccirilli L. Op. cit. P. 326.

⁵⁹ Martin A. Notes sur l'ostracisme dans Athènes. P., 1907. P. 7; Guarducci M. Epigrafia greca. R., 1969. Vol. 2. P. 532.

⁶⁰ О битве при Коронее см.: Строецкий В. М. Полис и империя... С. 151–152.

Вышеприведенный аргумент мы, разумеется, ни в коей мере не расцениваем как решающий или просто особенно сильный, прекрасно сознавая, что он может работать лишь в совокупности с другими. Впрочем, сразу хотелось бы опровергнуть один из контрдоводов, который может быть против него приведен, а именно то соображение, что Платон в своих диалогах давал большой простор *licentia poetica* и не стремился к хронологической и просопографической скрупулезности. Нам уже приходилось отмечать, что материал такого рода в платоновских сочинениях, как правило, вполне надежен⁶¹. В тем большей мере это относится к ранним диалогам философа («Алкивиад I» принадлежит именно к этой категории), когда он еще не «возносился в небесные сферы», а, кроме того, был отделен от описываемых событий еще сравнительно непродолжительным хронологическим отрезком и вряд ли стал бы искажать факты, коль скоро еще живы были люди, которые могли его в этих искажениях уличить.

Мы, к сожалению, ничего не можем сказать о том, сколько лет пробыл в изгнании Фукидид, сын Мелесия, подвергнутый остракизму в 440-х гг. до н. э. Что же касается еще более ранней жертвы этой меры – Кимона, – то тут ситуация осложняется тем, что он был возвращен на родину до истечения положенного срока (Nep. Cim. 3; Plut. Cim. 17; Pericl. 10), ввиду обострения афино-спартанских отношений и необходимости заключения перемирия (Кимон, как лицо, пользовавшееся большим авторитетом в Спарте, был наиболее подходящей фигурой для ведения переговоров)⁶². Мы уже цитировали выше Феопомпа, отмечавшего, что Кимон не пробыл в изгнании и пяти лет.

Приведем еще один небезынтересный факт. В 454 г. до н. э. в Сиракузах, где незадолго до того была свергнута тирания Дейноменидов и установлена демократия, народ ввел процедуру петализма, полностью соответствовавшую афинскому остракизму, за тем единственным исключением, что вместо черепков использовались листья оливы (Diod. XI. 86–87)⁶³. Диодор прямо указыва-

⁶¹ Суриков И. Е. К интерпретации имени... С. 77.

⁶² Э. Бадян высказал предположение, что Кимон (в 457 г. до н. э.) был возвращен в Афины, но без права до истечения официального срока изгнания заниматься политической деятельностью, т. е. остракизм был фактически заменен атимией (Badian E. Op. cit. P. 18). Крайне сомнительная гипотеза. Если Кимон был лишен политических прав, как же он мог вести со спартанцами переговоры, завершившиеся пятилетним перемирием? Ведь для этого же его, собственно, и возвращали! Об упомянутом перемирии, состоявшемся, во всяком случае, не позже 453 г. до н. э., см.: Bengtson H. Die Staatsverträge des Altertums. B., 1962. Bd 2. Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 700 bis 338 v. Chr. S. 46 (№ 143).

⁶³ О петализме см.: Hommel H. Petalismos // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Hlbd. 37. 1937. Sp. 1117–1119; Guarducci M. Op. cit. Vol. 2. P. 525; Berger S. Democracy in the Greek West and the Athenian Example // Hermes. 1989. Bd 117. Ht. 3. S. 303–314.

ет на то, что сиракузяне позаимствовали этот обычай от афинян и сохранили все его черты, кроме единственной вышеуказанной. При этом согласно закону о петализме изгнание продолжалось пять лет (φεύγειν πενταετῇ χρόνον). Логично предположить, что и в Афинах, откуда шло заимствование, к тому времени ostracism предусматривал такой же срок изгнания.

Весь комплекс приведенных выше аргументов позволяет с определенной (хотя, конечно, отнюдь не безоговорочной) степенью вероятности предположить, что на каком-то этапе рассматриваемое изменение в законе об ostracismе, вопреки преобладающей точке зрения, могло действительно иметь место. Что же касается конкретного времени внесения данной поправки, возможны два варианта решения проблемы; оба имеют в виду период до 454 г. до н. э., то есть до введения сиракузского петализма.

Первый вариант связан с ostracismом Кимона. Не исключено, что именно тогда, когда его досрочно возвращали, и в прямой связи с этим обстоятельством срок ostracismа был сокращен вдвое⁶⁴. Второй вариант относится к несколько более раннему времени и учитывает некоторые сведения, имеющиеся об ostracismе Фемистокла. В конце 470-х гг. до н. э. этот политик был изгнан из Афин и несколько лет спокойно, никем не тревожимый, жил в Аргосе. А около 467 г. до н. э.⁶⁵ его внезапно стали преследовать, заочно приговорили к смерти и таким образом отрезали путь к возвращению на родину. Было ли дело только в спартанских интригах? А может быть, срок изгнания Фемистокла уже подходил к концу и его влиятельные противники в Афинах решили принять необходимые меры? В таком случае придется признать, что вторая поправка к закону об ostracismе была принята примерно тогда же, когда и первая, то есть около 480 г. до н. э. (может быть, обе поправки вообще принимались «единым пакетом»). Вопрос о выборе между этими двумя вариантами при нынешнем состоянии источников приходится оставить открытым. Равным образом рановато пока и рассуждать о том, какова была цель сокращения срока изгнания.

⁶⁴ Биограф Кимона Корнелий Непот прямо пишет, что этот политик был возвращен на родину после *пяти* лет изгнания (*post annum quintum, quam expulsus erat, in patriam revocatus est*, Нер. Сим. 3). Правда, здесь Непот вступает в противоречие с Феопомпом, согласно которому Кимон не пробыл в изгнании и пяти лет (см. выше). Трудно судить, кто из двух авторов ближе к истине в этой ситуации. Следует учитывать и нередко встречающиеся у Непота неточности и путаницу, и тот факт, что фрагмент Феопомпа дошел в передаче позднего схолиаста, что тоже могло привести к искажениям.

⁶⁵ Датировку см.: Badian E. Op. cit. P. 100.

* * *

Мы рассмотрели на примере одного конкретно взятого закона, какие изменения могли вноситься в афинские законодательные акты в V в. до н. э. Наверняка и процедура принятия такого рода поправок была предельно проста – через псефисму, принятую голосованием в народном собрании. Это представляет, повторим, резкий контраст с теми трудностями, с какими было сопряжено внесение любых изменений в законы в следующем столетии. Не возникает никаких сомнений, что на рубеже V–IV вв. до н. э. отношение афинского демоса к законодательству действительно радикально модифицировалось, и это явилось признаком общих существенных сдвигов в политической системе, политической жизни и политическом менталитете классической демократии.

СУДЕБНАЯ ПЫТКА РАБОВ В РЕЧАХ АНТИФОНТА*

Одной из весьма специфических практик, применявшихся в судебной системе демократических Афин V–IV вв. до н. э., являлась пытка (βάσανος) рабов при снятии с них свидетельских показаний. Если граждан полиса на- строго запрещалось пытать при каких бы то ни было обстоятельствах (попытка сделать это была бы воспринята как грубейшее нарушение всех и всяческих норм), то по отношению к рабам торжествовало диаметрально противополож- ное мнение: считалось, что при допросе раба в качестве свидетеля его обяза- тельно нужно пытать¹, иначе он ни за что не скажет правду.

В дошедших до нас судебных речах аттических ораторов такая пытка упо- минается достаточно часто, десятки раз. Но, прежде чем перейти к дальней- шему, необходимо сделать одно важное уточнение. Как прекрасно известно, афинский судебный процесс – даже по делам, связанным с публичным пра- вом, – был всецело делом частной инициативы; института государственного обвинения не существовало, возбуждение исков являлось прерогативой любо- го желающего (ὁ βουλόμενος) из числа обычных граждан. Соответственно, и сбор свидетельских показаний не входил в обязанности суда; этим занима- лись сами тяжущиеся стороны – истец и ответчик.

А во время рассмотрения дела коллегией гелиеи показания оглашались. Причем, что интересно, это оглашение не представляло собой отдельной части процесса. Показания инкорпорировались в речи тяжущихся. И, естественно, истец привлекал таких свидетелей, слова которых подтверждали его правоту,

* Впервые опубликовано (под заголовком «Antiphontea VII: Судебная пытка рабов в речах Антифонта») в: *Studia historica*. М., 2012. Т. 12. С. 33–60.

¹ Об исключениях (крайне редких) см.: *Todd S. C. The Shape of Athenian Law*. Oxf., 1995. P. 187. По справедливому указанию С. Тодда (*Ibid*. P. 96), к таким исключениям, меж- ду прочим, не относились (вопреки распространенному мнению, см., например: *Кудряв- цева Т. В. Народный суд в демократических Афинах*. СПб., 2008. С. 219) случаи участия рабов в качестве свидетелей в процессах, связанных с торговлей. Т. В. Кудрявцева для под- крепления своего мнения ссылается на довольно старую (1973 г.) работу Э. Коэна; однако этот исследователь давно уже и сам от него отказался. См.: *Cohen E. E. Athenian Economy and Society: A Banking Perspective*. Princeton, 1997. P. 97. Note 107: «Их (рабов. – *И. С.*) свидетельства могли использоваться *только* (курсив наш. – *И. С.*) в той степени, в какой они были получены под пыткой с применением определенной процедуры; эта форма дока- зательства действительно подчеркивает неспособность *doulos* быть свидетелем в обычных условиях».

а ответчик опирался на таких, которые были удобнее для него. Правда, пока судьи слушали свидетельства, воду в клепсидре служитель останавливал, так что потраченное на это время исключалось из общего времени, предоставляемого участникам процесса для выступлений.

Как ясно из сказанного, свидетельства эти подразделялись на показания свободных людей (*μαρτυρίαί*), данные ими под присягой, и показания рабов, полученные у них под пыткой (*βάσανοι*). Нас будут интересовать именно последние. Наверное, нужно еще специально оговорить, что непосредственно в зале суда пытка, как правило, не проводилась. Она осуществлялась ранее, самими тяжущимися сторонами, согласовывавшими между собой эти вопросы. Иными словами, употребляя современную терминологию, пытка применялась на стадии следствия, а не на стадии собственно суда. Хотя еще большой вопрос, можно ли говорить о следствии как таковом, когда речь идет об афинском судопроизводстве: в отсутствие следственных органов те действия, которые ныне нами воспринимаются как следственные, предпринимались опять же тяжущимися, в порядке их подготовки к процессу.

В связи с этим можно ли вообще пользоваться выражением «судебная пытка»? Думаем, что это все-таки правомерно. Пусть пытал и не суд, но все-таки это делалось для суда. Пытка рабов была частной процедурой² – но и само возбуждение процесса, повторим, было всегда частной процедурой. Суд не отдавал распоряжений о пытке – но суд не отдавал и распоряжений о сборе свидетельских показаний, да и вообще никаких распоряжений такого рода.

На всех отмеченных моментах необходимо было хотя бы вкратце остановиться, поскольку это позволит нам кое-что лучше понять в дальнейшем, при анализе основной проблематики данной работы. Итак, в свете наших нынешних представлений *βάσανος*, разумеется, воспринимается как институт вопиюще негуманный и просто-таки чудовищный. Действительно, пытать людей (причем, подчеркнем, не преступников, не обвиняемых, а людей невиновных) просто с целью получения некоей информации – это, кажется, «ни в какие ворота не лезет». Вполне закономерно, что антиковеды обычно пишут о пытке рабов с нотками возмущенного удивления³.

Естественно, предпринимались и предпринимаются попытки найти какой-то выход из возникающего противоречия (просвещенные демократы-афиняне,

² Thür G. The Role of the Witness in Athenian Law // The Cambridge Companion to Ancient Greek Law. Cambridge, 2005. P. 153.

³ См. в большей или меньшей степени эмоциональные пассажи у Дж. Джоунса (Jones J. W. The Law and Legal Theory of the Greeks: An Introduction. Oxf., 1956. P. 141–143), Д. Макдауэлла (MacDowell D. M. The Law in Classical Athens. Ithaca, 1986. P. 246), С. Тодда (Todd S. C. Op. cit. P. 172), Д. Коэна (Cohen D. Law, Violence, and Community in Classical Athens. Cambridge, 2000. P. 174), да и, пожалуй, практически у всех, кто об этом писал.

прибегающие к столь варварскому средству!). В результате ныне по вопросу о пытке рабов в литературе существуют несколько основных точек зрения. Оговорим, что мы не ставим здесь перед собой задачу дать сколько-нибудь исчерпывающий очерк историографии проблемы, перечислить все работы по данному сюжету. Мы лишь укажем на несколько исследований, в которых наиболее четко отразились эти главные имеющиеся в науке позиции.

В последние десятилетия все более влиятельным становится мнение, согласно которому пытка рабов – это вообще не реальность, а некая «правовая фикция». Так полагает, например, один из авторитетнейших специалистов в области древнегреческого права – М. Гагарин⁴. В чем же смысл и назначение подобной фикции? По мнению автора, ситуация могла развиваться двояким путем. Либо один из тяжущихся предъявлял другому требование выдать ему для пытки своего раба. При этом, например, предлагалось для выяснения какого-нибудь ничтожного вопроса пытать особо ценного или дорогого хозяину раба. Противник отказывался, а инициатор требования затем в своей речи на суде выставлял это как аргумент в свою пользу. Другой вариант – тяжущийся предлагает противнику своего раба на пытку, причем в связи с таким вопросом, для решения которого пытка все равно ничего не даст. Противник, понимая это, отказывается, а лицо, инициировавшее пытку, опять же в своей речи пользуется данным обстоятельством как доводом в свою пользу.

Если следовать изложенной точке зрения, то получается, что рабов в классических Афинах вовсе и не пытали в судебных целях, а все призывы к пыткам – чистая риторика. С предельной категоричностью высказывается Э. Коэн: «Несмотря на большое количество риторического позёрства, в Афинах в частных тяжбах ни один раб никогда не давал свидетельских показаний под пыткой»⁵. Что и говорить – считать так, конечно, очень удобно, тем более что это позволяет еще и оправдать столь симпатичных всем нам афинян от возводимой на них «напраслины». В рамках рассматриваемой концепции они оказываются не жестокими монстрами, а всего лишь хитроумными сутягами.

Впрочем, сохраняет сторонников и традиционный взгляд, признающий, что были случаи реального использования процедуры *βάσσανος*. Например, Д. Мерхади в статье, специально посвященной этой проблематике⁶, иронически резюмирует представления оппонентов так: «Но, конечно, это всего лишь риторика, и ораторов здесь не нужно воспринимать серьезно»⁷, – и в целом

⁴ *Gagarin M.* The Torture of Slaves in Athenian Law // *Classical Philology*. 1996. Vol. 91. No. 1. P. 1–18.

⁵ *Cohen E. E.* The Athenian Nation. Princeton, 2000. P. 141. Note 54.

⁶ *Mirhady D.* Torture and Rhetoric in Athens // *Oxford Readings in the Attic Orators*. Oxf., 2007. P. 247–268 (дополненный вариант работы, впервые опубликованной в 1996 г.).

⁷ *Ibid.* P. 260.

достаточно удачно полемизирует с ними. Правда, проблематична поддерживаемая им идея о том, что в случае, когда допрос с пыткой проводился, полученные результаты решали исход дела, так что уже не требовалось даже и суда.

Наконец, представлена и промежуточная между двумя крайностями точка зрения. В частности, Т. В. Кудрявцева, которая наиболее углубленно из отечественных антиковедов занималась проблемами, связанными со свидетельской пыткой рабов, анализирует сильные и слабые стороны как «ортодоксальных», так и «еретических» взглядов и пытается найти, так сказать, «средневзвешенную» позицию. Она пишет: «Не исключено, что когда свидетельская пытка рабов только появилась и укоренилась в обычном праве (в V в. до н. э.?), согласие на неё давалось чаще и охотнее, чем в IV в., – иначе неясно, откуда вообще взялась данная норма и похвалы в её честь»⁸.

Неясно, почему исследовательница склонна относить (правда, со знаком вопроса) появление процедуры βάσανος к столь позднему времени, как V в. до н. э. Ведь перед нами самым явным образом весьма архаичный обычай, коренящийся в обычном праве. Что интересно, Т. В. Кудрявцева, как мы видим из только что приведенной цитаты, и сама связывает пытку с обычным правом. Но обычное право формировалось уж никак не в V в., а в несравненно более раннюю эпоху – тогда, когда не было еще писаных законодательств. В классический период «укорениться в обычном праве», конечно, уже ничто не могло. Если в это время появлялась какая-то новая правовая норма, то она фиксировалась посредством закона.

К вопросу о происхождении судебной пытки рабов мы еще вернемся в конце этой главы, высказав там некоторые свои соображения по данному сюжету. А пока заметим: идея о том, что в V в. до н. э. к βάσανος обращались чаще, чем в следующем столетии, заслуживает самого пристального к себе отношения. Собственно, чтобы не рассуждать голословно, ее можно попытаться проверить и путем такой проверки либо перевести из числа гипотез («Не исключено, что...» – пишет Т. В. Кудрявцева) в число установленных фактов, либо отвергнуть. Возможности для проверки, как увидим, имеются.

Предварительно укажем на то, что в истории афинской судебной системы грань между V и IV веками следует проводить, строго говоря, не в 400 г. до н. э., а чуть раньше. На протяжении последнего десятилетия V в. до н. э. в этой сфере имела место серия серьезных реформ, начавшихся в 410 г. до н. э. и завершившихся в 403 г. до н. э.⁹ Именно тогда окончательно сформировалось

⁸ Кудрявцева Т. В. Указ. соч. С. 293.

⁹ Об этом подробнее см., например: Boegehold A. L. et al. The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia (The Athenian Agora. Vol. 28). Princeton, 1995. P. 21 ff.; Carawan E. The Athenian Amnesty and the 'Scrutiny of the Laws' // Journal of Hellenic Studies. 2002. Vol. 122. P. 1–23.

афинское судопроизводство в той форме, в какой оно функционировало на протяжении IV в. до н. э. Иными словами, наиболее резонно считать «точкой водораздела» 403 г. до н. э. Судебные речи, написанные ранее этой даты, должны отражать практику, характерную для V в. до н. э., а судебные речи, написанные после этой даты, – соответственно, практику, характерную для IV в. до н. э.

Нас будут по понятным причинам интересовать первые. Есть ли таковые в нашем распоряжении? Да, есть; это – произведения Антифонта, хронологически самого раннего автора из «канона десяти великих ораторов». Причем только они: даже если взять тех мастеров красноречия, которые непосредственно следуют по времени за Антифонтом – а это Андокид¹⁰ и Лисий¹¹, – мы не найдем у них ни одной судебной речи, созданной ранее 403 г. до н. э. С другой стороны, *все* речи Антифонта заведомо относятся ко времени до «точки водораздела», поскольку он, как известно, был казнен в 411 г. до н. э.

Таким образом, в контексте нашего исследования Антифонт может быть четко противопоставлен всем остальным судебным ораторам. Только у него отражается практика судопроизводства V в. до н. э. Перед нами – идеальная ситуация для анализа. И более чем резонно обратиться теперь к речам Антифонта на предмет выяснения того, что в них говорится о βᾱσινος и какие примеры приводятся. Необходимо будет максимально тщательно разобрать все соответствующие пассажи и сделать необходимые выводы.

Следует учитывать, что по парадоксальному стечению обстоятельств в нашей стране Антифонт как источник не просто недооценен, а, можно сказать, слабо известен – даже специалистам; на русский его речи до сих пор не переведены¹² (в настоящее время мы работаем над ликвидацией этой прискорбной лакуны). Соответственно, имеющие отношение к делу свидетельства из его речей будут процитированы в нашем переводе.

¹⁰ Речь Андокида «О своем возвращении» была произнесена в 407 г. до н. э., но она не является судебной.

¹¹ Иногда высказывается мнение, что Лисий писал речи в качестве логографа еще и до 403 г. до н. э. Но это крайне маловероятно. Согласно общепринятой (и вполне убедительной) точке зрения, первая по времени речь Лисия – «Против Эратосфена», а она датируется как раз 403 г. до н. э. Даже если у Лисия были какие-то более ранние речи, то, во всяком случае, до нас они не дошли и материал из них поэтому никак невозможно привлечь. Стало быть, вопрос об их существовании для нас здесь и не важен.

¹² Только третья «Тетралогия» появилась в свое время в переводе С. П. Кондратьева (в издании: Греческая литература в избранных переводах / Сост. В. О. Нилендер. М., 1939. С. 431–437). Впрочем, в ней как раз нет упоминаний о βᾱσινος.

* * *

Из наследия Антифонта полностью сохранились шесть сочинений¹³. Три из них – речи «Против мачехи» (I), «Об убийстве Герода» (V) и «О хореуте» (VI) – автор написал в качестве логографа, и они были произнесены в реальных судебных процессах. Остальные – это так называемые первая, вторая и третья «Тетралогии» (их номера в *Corpus Antiphonaeum* – соответственно II, III и IV); с ними дело обстоит сложнее. «Тетралогии» представляют собой циклы речей (по четыре в каждом, отсюда и название), посвященные вымышленным судебным сюжетам. Обычно считается, что они были составлены Антифонтом как риторические упражнения для нужд преподавания в основанной им школе ораторского искусства. Однако относительно недавно М. Гагарин в книге, которая на сегодняшний день является лучшим исследованием об Антифонтe, выдвинул и весьма убедительно обосновал иную идею¹⁴: в действительности «Тетралогии», несмотря на внешнюю риторическую форму, – по сути своей философские произведения в духе софистов (известно, что Антифонт был активным участником софистического движения).

Собственно, в эпоху софистов философия и риторика развивались еще в тесном синтезе (возьмем почти любую фигуру из этой плеяды – Горгия или Протагора, Фрасимаха или того же Антифонта...). Лишь во времена Платона и Исократы они оказались противопоставленными друг другу и чуть ли не до конца античности находились в отношениях соперничества.

«Тетралогии» признаются самыми ранними из дошедших сочинений Антифонта¹⁵. Одна из их интересных черт – то обстоятельство, что они написаны с опорой не на нормы действующего афинского права, а как бы для некоего несуществующего, выдуманного автором общества («Софистополя», по выражению Гагарина). В них, например, вполне могут фигурировать законы, которых в Афинах никогда не было (как, например, закон о запрещении любого

¹³ Имеется также немалое количество фрагментов из его речей и философских трудов. Их перевод см.: Суриков И. Е. *Antiphonaeum IV: Фрагменты речей Антифонта как исторический источник* (перевод и комментарий) // *Studia historica*. М., 2009. Т. 9. С. 1–27; Суриков И. Е. *Antiphonaeum V: Философские фрагменты Антифонта* // *Studia historica*. Т. 10. М., 2010. С. 25–65. В данной работе эти фрагменты рассматриваться не будут, поскольку в них ничего не говорится о пытке рабов.

¹⁴ Gagarin M. *Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin, 2002. P. 103 ff.

¹⁵ В целом в вопрос о датировке сочинений Антифонта (а это вопрос весьма сложный и дискуссионный) мы здесь не вдаемся, поскольку для тематики работы он irrelevant. Для нас вполне достаточна констатация того факта, что все его работы, как и отмечалось выше, созданы не позже 411 г. до н. э.

убийства, «справедливого и несправедливого», – а в афинском праве имелась категория убийств неподсудных, не наказуемых).

Это означает, что данными «Тетралогий» только с большой осторожностью можно пользоваться для реконструкции фактически имевшей место правовой ситуации в Афинах: они явно не во всем ее отражают. Поэтому мы сосредоточимся преимущественно на материале из речей Антифонта-логографа, а свидетельства из «Тетралогий» затем приведем лишь в качестве дополнительных. Нужно говорить о свидетельствах только одной «Тетралогии» – первой, ибо во второй и третьей ο βᾱστανος ничего не сказано.

Все дошедшие сочинения Антифонта – и судебные речи, и «Тетралогии» – посвящены проблематике, связанной с делами об убийствах¹⁶. Из «реальных» речей в речи «О хоревте» есть только одно упоминание о свидетельской пытке¹⁷ (но, впрочем, это довольно пространный пассаж), в речи «Против мачехи» – аналогично, а вот речь «Об убийстве Герода» отличается довольно большим количеством релевантной информации. Наше рассмотрение мы начнем с речи «О хоревте».

Это – защитительная речь, написанная для некоего знатного и богатого афинянина (к сожалению, имя его неизвестно), явным образом принадлежащего к политической элите, причем, судя по всему, придерживающегося консервативных взглядов (таким образом, он был единомышленником самого Антифонта). На этого гражданина была наложена литургия: его назначили хорегом, и он должен был подготовить хор мальчиков для выступления на одном из празднеств. В ходе обучения хоревтов одному из них дали какое-то лекарство (очевидно, чтобы улучшить голос), от которого мальчик скончался. Родственники умершего обвинили хорегга в убийстве.

Обвиняемый в своей речи заявляет, что процесс имеет чисто политическую подоплеку: иск возбужден по наущению его врагов – демагогов Филина¹⁸,

¹⁶ Поэтому они входят в число самых важных источников по древнегреческому законодательству об убийствах. Именно на их материале в весьма значительной степени основывается фундаментальное исследование: *Carawan E. Rhetoric and the Law of Draco*. Oxf., 1998.

¹⁷ Если уж соблюдать полную точность, то в речи (Antiph. I. 20) есть еще одно мимолетное упоминание о наложнице (возможно, рабыне), подвергнутой пытке (употреблен иной термин, τροχίλειν, ‘пытать на колесе’) за отравление. Но здесь, по согласному мнению исследователей, речь идет не о пытке для получения информации, а об истязании, наложенном в качестве наказания. Лично нам данный вопрос пока не представляется столь однозначно решенным; возможно, и стоило бы как-нибудь к нему вернуться. Но, во всяком случае, ввиду спорного и неясного характера эпизода мы исключаем его из рассмотрения в данной работе.

¹⁸ Филин был братом гораздо более известного Клеофонта (о них см.: *Vanderpool E. Kleophon* // *Hesperia*. 1952. Vol. 21. No. 2. P. 114–115; *Raubitschek A. E. Philinos* // *Hesperia*.

Аристиона и др., ибо незадолго до того хорег выступил против них с серьезным обвинением и они хотели от него избавиться. Что же касается смерти мальчика, подзащитный Антифонта подчеркивает, что инцидент с лекарством произошел в его отсутствие и без его ведома; следовательно, лично он ни в чем не виновен. Он указывает, что это легко продемонстрировать, ибо все случилось при большом количестве свидетелей, как свободных, так и рабов.

Antiph. VI. 23 sqq.:

И я говорил это в суде, и призывал этого человека¹⁹ разобрать дело тотчас же, а потом призывал снова – на следующий день, перед теми же судьями. Я побуждал его прийти к присутствующим судьям, взяв с собой столько свидетелей, сколько он хочет (я называл ему каждого по имени), допросить и испытать их: свободных – так, как подобает допрашивать свободных, которые ради себя самих и ради справедливости сообщили бы, как оно было поистине. А рабов – если ему при допросе покажется, что они говорят правду, то так же; но если нет – я готов был выдать ему на пытку (βασανίζειν) всех моих, а если он заставит выдать и чьих-то чужих, я соглашался, убедив хозяина, предоставить и их ему для пытки (βασανίζειν) любым способом, как он пожелает.

(24). И хотя я так призывал и говорил в суде, где в качестве свидетелей присутствовали и сами судьи, и многие другие, частные лица, – обвинители ни тогда, тотчас же, ни позже в какое-нибудь иное время, вообще никогда не пожелали прибегнуть к этому законному средству: они прекрасно знали, что оно стало бы не для них уликой против меня, а для меня уликой против них, доказательством, что в их обвинении нет ничего ни справедливого, ни истинного.

(25). А вы знаете, граждане, что пытка для людей – самое действенное и сильное средство и улики, полученные с ее использованием, – самые верные и надежные в правовых вопросах. Так бывает в случаях, где среди свидетелей много свободных, но есть и рабы, причем позволено принуждать свободных говорить правду с помощью клятв и речей – для свободных это самые сильные и важнейшие средства, – а рабов позволено принуждать к этому другими средствами, именно пытками: под ними рабы, даже если им из-за их показаний предстоит умереть²⁰, все-таки вынуждены говорить правду. Ведь наличное бедствие для каждого имеет большее значение, чем бедствие предстоящее.

1954. Vol. 23. No. 1. P. 68–71). Оба брата-демагога, разумеется, принадлежали к числу врагов Антифонта. У оратора была и специальная речь «Против Филина», от которой сохранилось лишь несколько фрагментов (Antiph. fr. 61–64 Blass – Thalheim).

¹⁹ Филократа – старшего брата умершего мальчика, который выступил в качестве обвинителя.

²⁰ Имеется в виду, что хозяин, против которого дал свидетельское показание его раб, может из мести умертвить этого раба, пользуясь правом господина, и не примет в расчет, что показание было получено под пыткой.

(26). Итак, я призвал их ко всему этому, и у них была возможность разузнавать, что истинно и справедливо, из тех источников, из которых, во всяком случае, следует разузнавать такие вещи тому, кто является человеком; и никаких отговорок у них не оставалось. И я – виновник и преступник, как они заявляют, – был готов предоставить им законнейший способ найти улики против меня самого! А обвиняющие и объявляющие себя пострадавшими – эти-то самые люди не желают изблаживать меня, в чем это они пострадали.

(27). И если бы они меня призывали, а я не пожелал бы назвать присутствовавших²¹, или они бы спрашивали слуг для пытки, а я бы не желал их выдавать, или уклонялся бы от какого-нибудь иного их предложения, – они сам этот факт представили бы как сильнейшее свидетельство против меня, что обвинение было справедливым. А когда я призываю, а они выступают в роли уклоняющихся от получения улик, нужно полагать, что сам этот факт становится для меня прекрасным свидетельством против них, что несправедливым было обвинение, которое они мне предъявляют.

Итак, пытка не состоялась, и здесь перед нами как раз «классический» случай, описанный М. Гагариным. Обвиняемый предлагает обвинителям пытать рабов для выяснения вопроса о его присутствии или отсутствии при даче лекарства, прекрасно понимая, что те откажутся: такая процедура им не только не нужна, но и невыгодна, поскольку ясно, что хорега в тот момент действительно не было в помещении для занятий и ничего иного рабы не покажут. Хорег все точно просчитал, и расчет оказался верным: обвинители действительно не приняли вызов, и обвиняемый с максимальной пользой для себя воспользовался этим в своей речи.

Бросаются в глаза похвалы пытке как самому надежному средству установления истины (это, вообще говоря, мотив, довольно часто встречающийся в судебных речах²², можно сказать, «общее место»), но особенное внимание хотелось бы обратить вот на какое обстоятельство. Если верить тому, что пишет здесь Антифонт, пытка представляла собой суровое, мучительное истязание – такое, которое заставляло раба дать показания даже несмотря на риск погибнуть от руки господина. Похоже, это опровергает иногда высказывавшуюся точку зрения²³, согласно которой пытка, даже если она применялась, была скорее формальной процедурой, по большей части устрашающего характера: рабу показывали пыточные орудия, угрожали при необходимости пустить их в ход и таким образом добивались, чтобы он заговорил.

²¹ Имеются в виду лица, присутствовавшие при событии, которое повлекло смерть мальчика, и могущие вследствие этого выступить в качестве свидетелей.

²² Кудрявцева Т. В. Указ. соч. С. 220.

²³ Например: Jones J. W. Op. cit. P. 142.

В речи «Против мачехи» клиент Антифонта, молодой человек, обвиняет собственную мачеху в том, что она отравила его отца, своего мужа. Интересы обвиняемой (сама она, будучи женщиной, не имеет права выступать в суде) отстаивает ее родной сын – от того же отца. Таким образом, получается, что фактически тяжущимися сторонами являются два единокровных брата: довольно своеобразная ситуация.

Antiph. I. 6 sqq.:

Мой противник и сам не скажет, будто он твердо знает, что его мать не убивала нашего отца. Ведь у него и была возможность что-то надежно узнать, посредством пытки (παρὰ τῆς βασάνου), – но он не захотел. А что невозможно было толком разузнать – в этом-то он и смел. Однако следовало-то как раз, как и я призывал, постараться, чтобы содеянное было явлено воистину.

(7). Ведь если бы рабы не признались, то он со знанием дела защищался бы и успешно противостоял бы мне, и мать его была бы освобождена от этого обвинения. А поскольку он не пожелал произвести расследование содеянного, каким образом то, чего он не пожелал разузнать, может быть ему известным? Следовательно, судьи, каким образом возможно ему знать о том, о чем он уж точно не получил истинных сведений?

(8). Интересно мне, что он скажет в свою защиту. Он ведь хорошо понимал, что в случае пытки рабов (τῆς τῶν ἀνδραπόδων βασάνου) не удалось бы спасти его матери, и поэтому посчитал: спасение – в том, чтобы их не пытать (μὴ βασανισθῆναι). Они решили, что таким образом получится скрыть содеянное. Каким же образом мой противник окажется принесшим неложную клятву, заявляя, что он имеет верные сведения, если он не пожелал получить эти верные сведения, хоть я и предлагал воспользоваться в нашем деле таким справедливейшим средством, как пытка (βασάνω)?

(9). Ибо я хотел подвергнуть пытке (βασανίσαι) их рабов, поскольку они знали, что уже и ранее эта женщина, мать моих противников, хитростью, отравой хотела убить нашего отца, и отец поймал ее в этом с поличным. Да она и сама этого не отрицала, а только говорила, что давала ему снадобье не чтобы убить, а чтобы приворожить.

(10). Итак, для этого-то я и хотел учинить рабам подобную пытку (βάσανον) по названным вопросам, написав в письменном заявлении, в чём я обвиняю эту женщину. При этом я предлагал самим моим противникам и пытать их (βασανιστάς τε αὐτοὺς τουτούς... γίγνεσθαι), в моем присутствии, чтобы рабы не говорили под принуждением то, что я от них требую. Нет, меня вполне устраивало, чтобы они подтвердили то, что сказано в письменном заявлении: это самое и стало бы подобающим свидетельством в мою пользу – о том, что я правильно и справедливо преследую убийцу моего отца. А в случае, если рабы стали бы отрекаться и говорить не согласное с моим обвинением, пытка (βάσανος) с неизбежностью показала бы, как было на самом деле: ибо она даже тех, кто замыслил лгать, заставит дать истинные показания.

(11). Однако я, во всяком случае, хорошо знаю: если бы мои противники, придя ко мне (поскольку им было сразу сообщено, что я намерен преследовать в судебном порядке убийцу отца), пожелали передать мне для пытки рабов, которые у них были, а я бы не захотел этих рабов принять, они бы тем самым представили весомейшее свидетельство в пользу того, что они не виновны в убийстве. А теперь, поскольку именно я требую пытки (ὁ θέλων... βασανιστῆς γενέσθαι), но предлагаю, чтобы пытали (βασανίσαι) они сами, а не я, мне-то уж явно подобает считать их отказ свидетельством в пользу того, что они виновны в убийстве!

(12). Если бы они пожелали дать рабов на пытку (εἰς βασανον), а я бы не принял, тогда это было бы свидетельство в их пользу. Но пусть то же самое относится и ко мне, коль скоро я желаю получить улики по нашему делу, а мои противники не захотели их дать. По крайней мере, мне кажется невиданным делом, что они стремятся у вас вымогать, чтобы вы их не осудили, а в то же время они не захотели стать судьями самим себе, предоставив своих рабов для пытки (βασανίσαι).

(13). Итак, относительно этих вещей вполне ясно: они избегали того, чтобы разузнать в точности то, что произошло. Ведь они знали, что проявится-то зло, имеющее прямое отношение к ним, и рассудили: лучше о нем умолчать и не расследовать его (σιωπῶμενον καὶ ἀβασανιστον αὐτὸ ἔδοξα)...

На первый взгляд, перед нами вроде бы казус, тоже вполне укладывающийся в концепцию βασανος как фиктивного института. Он являет собой как бы «зеркальное отражение» рассмотренного выше. На сей раз одна из тяжущихся сторон не предлагает другой своих рабов для пытки, а, наоборот, требует у нее выдать ее рабов на такой же допрос. Вторая сторона отвечает отказом, и первая опять же в полной мере пользуется этим обстоятельством в ходе самого процесса.

Однако при более пристальном взгляде складывается впечатление, что в данном случае требование пытки – не риторическая уловка, а проявление самых серьезных намерений обвинителя. И вправду, пытать рабов он предлагает для выяснения вопроса отнюдь не маловажного: действительно ли обвиняемая уже и прежде предпринимала покушение на отравление супруга (или, во всяком случае, попытку тайно дать ему какое-то снадобье)? Если бы этот факт удалось установить, он стал бы, конечно, мощнейшим аргументом, говорящим в пользу обвинения. А сильные аргументы истцу были необходимы как воздух, поскольку, вообще говоря, с вескими уликами против мачехи у него было слабовато²⁴.

Таким образом, предложение пытки с его стороны выглядит вполне естественным. Деяние, которое предполагается расследовать, имело место дома; иными словами, свидетелями могли быть только домашние рабы. Их-то клиент

²⁴ Ср.: Gagarin M. Antiphon the Athenian... P. 146 ff.

Антифонта и потребовал допросить, а сделать это по афинским законам можно было только с применением пытки.

Обвинитель был настолько заинтересован в этом допросе, что даже сделал весьма серьезную уступку представителям противной стороны, соглашаясь на то, чтобы они сами пытали своих рабов. Вообще-то, разумеется, в нормальных обстоятельствах пытку должно было проводить лицо, нуждающееся в получении информации; но юноша не хочет, чтобы на полученные показания пала хоть тень подозрения в необъективности и во всем идет навстречу своим оппонентам. Он оговаривает лишь одно: необходимость своего собственного присутствия при пытке. Но уж это-то было бы более чем естественно: понятно, что на допросе такого рода должны находиться обе тяжущиеся стороны, иначе нет способа контролировать возможные злоупотребления. Ясно, что представители ответчицы, пытая собственных рабов без участия противника, нашли бы средство заставить слуг сказать то, что на пользу им, представителям ответчицы.

Однако они не пошли на проведение βᾶσανος даже на максимально благоприятных для себя условиях. И это, несомненно, заставляет задуматься. Почему они отказались? Очевидно, понимали, что в результате пытки действительно могут быть получены сведения, уличающие обвиняемую. Иного ответа просто не можем предложить.

Перейдем теперь к речи «Против Герода» – самой большой из полностью сохранившихся произведений Антифонта и, как считается, одной из лучших в его наследии. Здесь клиент Антифонта – митиленинин Евксифей, который обвиняется в убийстве некоего Герода – то ли также гражданина Митилены, то ли афинского клеруха в этом городе (пожалуй, последнее все же чуть вероятнее). В любом случае, слушание дела происходит в афинском суде.

Евксифей в своем выступлении подробно рассказывает об обстоятельствах происшедшего. Он и Герод случайно оказались пассажирами на одном корабле, шедшем из Митилены в Энос на северном берегу Эгейского моря. Однако, когда судно еще огибало Лесбос, ввиду разразившейся бури пришлось сделать вынужденную остановку в какой-то бухте; там и заночевали. Шел дождь, и плывшие на судне перешли на пришвартованный рядом другой корабль, поскольку на нем имелась крыша или навес.

«А когда мы перешли на другое судно, мы там пили», – откровенно сообщает Евксифей (Antiph. V. 23). Ночью Герод пропал, и утренние поиски не принесли никакого результата. По вопросу о том, как произошло исчезновение, тяжущиеся стороны выдвигают кардинально различающиеся версии. Обвиняемый заявляет, что сам он лег спать и вообще не сходил с корабля на берег, а вот Герод куда-то ушел и не вернулся. Приняв активное участие в безуспешных поисках пропавшего, Евксифей затем отбыл в Энос. Обвинители же – родственники Герода – настаивают на том, что он был убит на суше

Евксифеем, а труп утоплен в море. Причем избавиться от тела убийце будто бы помогал некий раб – имя, конечно, не называется – из числа бывших с Геродом (тот вез с собой партию рабов на продажу). Установлено это было следующим образом (приводим, разумеется, версию обвинителя, поскольку иной в нашем распоряжении нет):

Antiph. V. 29 sqq:

Когда же меня уже не было – я плыл в Энос, – а в Митилену прибыло судно, на котором мы с Геродом пили, обвинители первым делом, взойдя на это судно, учинили там обыск. И, поскольку нашли кровь, заявили, что тут-то и погиб этот человек. А когда у них это не прошло и выяснилось, что это кровь овец, они, отрекшись от своих же слов, начали пытать (ἐβασάνιζον) рабов, схватив их.

(30). И тот раб, которого они пытали (ἐβασάνισαν) сразу же, ничего дурного обо мне не сказал. А тот, которого они пытали (ἐβασάνισαν) много дней спустя (хотя они имели его в своем распоряжении и до того), – вот он-то, повинувшись им, и оболгал меня. Я предоставляю вам свидетелей этого.

СВИДЕТЕЛИ²⁵

(31). То, что этого человека пытали (ὁ ἀνὴρ ἐβασάνισθη) настолько позже, вам было засвидетельствовано. Но обратите внимание и на саму пытку (βασάνω), как она проходила. Ведь раб, которому они, с одной стороны, пообещали освобождение, – а, с другой стороны, в их власти было прекратить его мучения, – склоненный обоими этими мотивами, оболгал меня: он надеялся, что получит свободу, и хотел быть немедленно извлеченным от пытки (βασάνου).

(32). Я полагаю, вы знаете: от тех людей, которые осуществляют большую часть пытки (βασάνου), зависит, чтобы подвергающиеся ей говорили такие вещи, которые тем будут угодны. Ведь им от этого польза – и во всех прочих случаях, и даже тогда, когда им не случилось присутствовать при событиях, про которые они лгут. Ибо если бы я приказывал истязать этого раба как говорящего неправду, уже это самое отвратило бы его от какой-либо клеветы против меня. А тут обвинители сами и пытали, и оценивали сказанное – и добились нужных для себя результатов.

(33). Итак, пока раб честно питал надежду на лучшее, он сознательно меня оговаривал, полагаясь на слова этих людей; а когда он узнал, что ему предстоит умереть²⁶, – вот тут он уже обратился к истине и говорил, что был ими склонён оклеветать меня.

(34). Вначале, под пыткой, он говорил ложь, а потом – правду, но ни то, ни другое ему не помогло: этого человека взяли и убили – обличителя, из веры к которому

²⁵ Показания свидетелей, по обыкновению, в тексте речи не сохранены.

²⁶ Поясним сразу, поскольку это важно для дальнейшего анализа: после того, как родственники Герода получили под пыткой от раба именно ту информацию, которая была им нужна, они, вопреки обещаниям, не освободили его, а убили, явно торопясь это сделать, пока не прибыл из Эноса Евксифей (последнему, согласно нормам права, в первую очередь и следовало бы пытать чужого раба).

преследуют меня. Так они совершили противоположное по сравнению с остальными людьми. Ведь остальные дают доносчикам деньги, если те – свободные люди, а если они рабы, то свободу. А эти дали доносчику в дар смерть, хотя мои друзья требовали не убивать этого человека, пока я не прибеду.

(35). Итак, ясно, что не сам раб был им нужен, а слова его. Ибо этот человек, если бы он был жив и если бы той же самой пытке (βασάνου) его подверг я, стал бы обличителем их козней. А поскольку он мертв, истинного доказательства он меня лишил, погибнув, а из-за его лживых слов я теперь погибаю, как будто они истинны. Пригласи мне свидетелей этого.

СВИДЕТЕЛИ

(36). Ведь им²⁷ следовало, как я полагаю, обвинять меня, доставив сюда самого обличителя, и воспользоваться самим процессом как поводом представить налицо этого человека и назначить ему пытку (βάσανίζειν), а не убивать. Так вот, каким из его показаний они воспользуются? Тем, которое он дал вначале, или тем, которое потом? И какое из них истинно – то, в котором он говорил, что я это совершил, или то, в котором говорил, что не я?

(37). Ведь, если следует расследовать дело исходя из правдоподобия, последние слова оказываются ближе к истине. Ибо раб лгал ради собственной пользы, а когда из-за лжи ему пришлось погибать, он, сказав правду, счел, что этим спасется. Итак, говоря правду, он не имел никакого заступника: ведь я тогда еще не прибыл – я, которому правда его последних слов была в помощь. А эти его последние слова должны были отменить предыдущие, клеветнические – так, что никогда тем было не стать истиной.

(38). И другие люди, против которых кто-нибудь дает обличающие показания, скрывают таких обличителей, а потом и устраняют. А эти, возбудив иск и расследуя дело, сами устранили того, кто был у них обличителем против меня! И если бы я устранил этого человека, или не захотел бы его им выдать для пытки, или каким-либо другим образом препятствовал бы получению доказательств, обвинители уж точно в максимальной степени воспользовались бы этим в своих интересах, и это было бы для них величайшей уликой против меня. А теперь, коль скоро они сами, вопреки требованиям моих друзей, таким образом ускользнули от проверки показаний, ясно, что это самое обстоятельство служит мне уликой против них – что не согласно с истиной то обвинение, которое они на меня возводят.

(39). Они же говорят еще, будто бы под пыткой (βάσανιζόμενος) тот человек признавался, что и сам участвовал в убийстве. А я заявляю: он этого не говорил, а говорил, что свел меня и Герода с судна и что потом взял его, уже убитого мной, погрузил на судно и утопил.

(40). Однако посмотрите: вначале, до того, как взойти на колесо²⁸, этот человек до последней возможности придерживался истины и оправдывал меня от обвинения.

²⁷ Обвинителям, родственникам Герода.

²⁸ Τροχός, пыточное орудие.

А когда он взшел на колесо – тут уж поневоле стал оговаривать меня, желая прекращения пытки (βασάνου).

(41). Когда же его перестали пытать (ἐπαύσατο βασανιζόμενος), он больше не говорил, что я совершил что-либо из этих дел. Напротив, напоследок он оплакивал меня и себя как людей, безвинно погибающих. И делал он это не из расположения ко мне – как это было бы возможно? Ведь сам же он меня и оболгал! Нет, делал он это, принуждаемый самой истиной и подтверждая, что истинными были его первые слова.

(42). А затем другой человек, пливший на том же самом судне, присутствовавший там всё время и сопутствовавший мне, был подвергнут такой же пытке (τῇ αὐτῇ βασάνου βασανιζόμενος). Он признал истинными первые и последние слова того человека, чем окончательно меня оправдал. А со словами, сказанными тем на колесе – сказанными более из-за насилия, чем ради истины, – с ними он не согласился. Ведь тот раб утверждал, что я сошел с судна, убил Герода, а он-де сам помогал мне нести его, уже мертвого. А этот человек говорил, что я вообще не сходил с судна.

Далее следует пассаж, не имеющий отношения к пытке (выступающий хочет убедить судей, что ситуация с ночным убийством на берегу абсолютно невероятна), затем Евксифей возвращается к той же теме пытки:

Antiph. V. 46 sqq.:

...Пусть никто не отнимет у вас памяти о том, что эти люди убили доносчика и постарались, чтобы он и перед вами не предстал, и мне не достался, когда я пришел, для допроса и пытки (βασανίσαι). Именно от них это зависело.

(47). А они вот, купив раба, частным образом, в своем кругу его убили – доносчика! Ни город не выносил на то своего постановления, ни человек этот не совершал собственноручно убийства. Его нужно было, заключив в оковы, сторожить, или передать на поруки моим друзьям, или сдать вашим властям²⁹ и вынести решение относительно его. А вы³⁰ вот сами вынесли человеку смертный приговор и убили его! А это даже никакому городу не позволено – в отсутствие афинян наказывать кого-либо смертью³¹. И вы просите этих вот людей, чтобы они стали судьями некоторых слов этого человека, а притом дела его вы сами уже рассудили...

²⁹ То есть афинским должностным лицам в Митилене.

³⁰ Здесь «вы» относится уже к обвинителям (довольно неожиданный переход от третьего лица ко второму – особенно неуместный ввиду того, что буквально чуть выше второе лицо применялось к афинянам). Но, возможно, здесь Антифонт-логограф искусно моделирует поведение человека возбужденного и взволнованного, не очень-то следящего за правильностью своих грамматических конструкций.

³¹ Здесь есть некоторая степень демагогической риторики. В любом случае хозяева могли распорядиться судьбой принадлежащего им раба как им угодно – вплоть до убийства. И «отсутствие афинян» здесь совершенно ни при чем.

(49). Взвесьте же, граждане, на основании показаний каждого из двух людей, подвергнутых пытке (βασάνισθέντων): что справедливо и правдоподобно? Ведь раб дал два показания: то он заявлял, что я совершил это дело, то не говорил ничего подобного. А свободный³², подвергнувшись такой же пытке (τῇ αὐτῇ βασάνου βασανισόμενος), так по сей день ничего дурного и не сказал обо мне.

(50). Ведь, с одной стороны, нельзя же было его убедить, как того, другого, – предложив ему освобождение. А с другой стороны, он желал, подвергаясь опасности за истину, претерпеть всё, что полагалось, – при том, что и он, во всяком случае, знал свою пользу: его прекратили бы истязать, как только он сказал бы то, что устраивало этих людей. Так кому из двух правдоподобнее верить: тому, кто до конца говорит всё время одно и то же, или тому, кто утверждает то одно, то другое? Но и без такой пытки (βασάνου τοιαύτης) те, кто говорит всегда одно и то же об одних и тех же вещах, заслуживают большего доверия, нежели те, кто сам себе противоречит.

(51). Далее же, и сила двух свидетельств раба разделилась поровну. В пользу обвинителей было его признание, в мою пользу – непризнание. А из двух людей, подвергнутых пытке (τοῖν βασάνισθέντων), один признался, а другой до конца всё отрицал. А когда такие вещи разделяются поровну, – это, конечно, помогает обвиняемому, а не обвинителю, коль скоро уж и голоса, при подсчете разделившиеся поровну, дают победу обвиняемому, а не обвинителю³³.

(52). Пытка (βάσανος), граждане, была такова, что эти люди, доверяя ей, заявляют, – дескать, они твердо знают, что Герод погиб от моей руки. Однако если бы я, со своей стороны, вообще знал за собой что-то дурное и если бы что-либо подобное было мной совершено, я бы устранил обоих свидетелей, так как в моей власти было либо увезти их в Энос вместе с собой, либо отправить их на материк³⁴, а не оставлять доносчиков, знающих что-то, что могло быть направлено против меня.

(53). Говорят они, что нашли на судне письмецо, которое я послал Ликину – якобы о том, что я убил этого человека. Однако с чего бы это нужно было мне посылать письмецо, если сам его доставляющий был моим соучастником? Так что, с одной стороны, сам он вернее рассказал бы о деле, в котором участвовал, с другой стороны, не потребовалось бы это и скрывать от него. Ведь посылают в письменном виде обычно то, чего не может знать доставляющий письмо.

³² Всплывает удивительная подробность: один из подвергнутых пытке был не рабом, а свободным. См. ниже.

³³ Намек на обычай, принятый в афинских судах: при равенстве голосов, поданных в пользу обвинителя и в пользу обвиняемого, оправдывать обвиняемого (так называемый голос Афины).

³⁴ Тоже довольно-таки неясный нюанс. См. ниже (хотя и там ситуация не получит однозначного разрешения).

(54). Затем же, если предмет рассказа пространен – вот тогда приходится его записать, чтобы сообщаемому не приходилось запоминать его во всех деталях. А тут сообщалось нечто краткое: что человек мертв. Затем, примите во внимание, что письмоцо разногласит с рабом, подвергшимся пытке (βασανισθέντι), а раб разногласит с письмоцом: он под пыткой (βασανιζόμενος) заявил, что сам убил Герода³⁵, а вскрытое письмоцо обличало меня как убийцу.

(55). Однако чему же следует верить? И ведь вначале-то они не нашли письмоцо на судне, хоть и искали, а нашли только позже. Ведь сперва они еще не изобрели этой уловки; а когда тот человек, который первым подвергнулся пытке (βασανισθείς), ничего не сказал против меня, – вот тогда они подкидывают это письмоцо на судно, чтобы с его помощью получить возможность взвалить вину на меня.

(56). А когда письмоцо было прочитано и тот раб, которого пытали (βασανιζόμενος) позже, давал показания, не согласные с письмоцом, уже не было возможности скрыть прочтенное. Ведь если бы обвинители полагали, что они с самого начала убедят раба оклеветать меня, они же не стали бы придумывать содержание письмоца. Пригласи мне свидетелей этого.

СВИДЕТЕЛИ.

Этот довольно обширный пассаж из речи привести было необходимо, поскольку это позволит нам теперь лучше разобраться с тем, что произошло. По всему видно, что описанный здесь случай пытки – необычный даже до экстраординарности. Обвинители пытаются раба – причем своего собственного раба – в частном, одностороннем порядке, не дождавшись возвращения из Эноса второй заинтересованной стороны – самого Евксифея. В норме пытка должна была осуществляться по согласованию сторон, причем лицо, не являющееся хозяином раба, должно было само проводить пыточные действия или, как минимум, лично присутствовать при них (этот «облегченный» вариант, как мы видели выше, предлагал противникам истец в речи «Против мачехи»). Иначе оказывались бы отброшены какие бы то ни было критерии объективности допроса: хозяева имели все возможности получить от своего раба – угрозами, обещаниями или любыми иными средствами – именно такую информацию, какая их устраивала.

Да и вообще существовали определенные процедурные требования, применявшиеся к свидетельской пытке рабов; в данном же случае они не были

³⁵ Вопиющее противоречие с тем, что было сказано выше (Antiph. V. 39): раб под пыткой признался не в убийстве, а только в том, что он помогал убийце Евксифею избавиться от трупа. Предполагать ли здесь какую-либо порчу текста? М. Гагарин комментирует это место так: противоречие «можно объяснить, вероятно, как попытку запутать судей» (Antiphon & Andocides / Translated by M. Gagarin & D. M. MacDowell. Austin, 1998. P. 63. Note 30). Но подобная уловка выглядит какой-то уж слишком грубой...

соблюдены ни в какой степени. Более того, после пытки раб был умерщвлен. Таким образом, нарушение процессуальных правил налицо. И в то же время – вот парадокс! – нельзя сказать, что противники Евксифея совершили что-либо противоправное. Будучи господами, они имели полную и абсолютную власть сделать со своим рабом все, что им заблагорассудится: хоть пытать, хоть убить, хоть освободить...

Таким образом, описанный эпизод, строго говоря, нельзя напрямую относить к случаям правильной судебной пытки. Не было главного – запроса одной из тяжущихся сторон к другой выдать рабов на пытку или, наоборот, предложения выдать ей своих. Нет, обвинители Евксифея намеренно приложили все усилия к тому, чтобы именно этого-то и не случилось, поторопились, так сказать, «спрятать концы в воду». В результате перед нами – просто частная пытка раба хозяевами, предпринятая для их личных целей. Она проводилась чисто по их инициативе, никакой судебной санкции на то не выдавалось. Право же, могли ли полученные в ходе такой пытки «показания» (их заведомая необъективность совершенно очевидна) иметь хоть какую-то юридическую силу?

Одним словом, кажется, что фигурирующий здесь казус вообще нельзя привлекать для исследования свидетельской пытки. Обычно именно так и считают и, соответственно, просто исключают его, когда пишут о βάσανος. Попробуем показать, что это неправомечно.

Первое. Да, пытка проводилась в сугубо частном порядке. Однако, напомним (об этом мы говорили и выше), в афинском судебном процессе, будь то δίκη или γραφή³⁶, подготовка к слушанию и в целом осуществлялась сторонами именно в частном порядке. Суд как таковой не требовал и не собирал никаких свидетельств, будь то μαρτυρία или βάσανος. Их по своему желанию предоставляли истец и ответчик.

Второе. Обвиняемый Евксифей в рассматриваемой речи Антифонта активно полемизирует против показаний подвергнутого пытке раба, старается показать, что они несостоятельны. Это однозначно показывает, что обвиняющей стороной данные показания *были* представлены к рассмотрению суда (иначе зачем бы их опровергать?). Таким образом, и довод о том, что свидетельство пытаемого раба, полученное в частном порядке, не могло иметь юридической силы, также приходится отбросить. Назовем уж вещи своими именами: в афинских дикастериях V в. до н. э. юридическую силу имело все, за чем судьи (заметим, отнюдь не специалисты в правовой сфере) признавали оную юридическую силу.

Третье (это, может быть, самое важное). Почему обвинители, проведя пытку раба и заставив его сказать то, что им было нужно, после этого убили этого

³⁶ Процесс Евксифея принял форму γραφή. Он, кстати, на протяжении всей речи активно протестует против этого и требует перевода иска в категорию δίκη.

раба – вместо обещанного в ходе пытки освобождения? Евксифей (Антифонт) говорит об этом, в общем-то, совершенно правильно: «Не сам раб был им нужен, а слова его». Несомненно, принудив раба дать требовавшиеся им показания, хозяева немедленно устранили его (повторим, на то была их полная воля, раб находился у них в собственности), не ожидая, пока вернется Евксифей. И понятно почему: последний, несомненно, затребовал бы раба для пытки, проведенной с большим согласием с принятыми нормами. И результаты этой пытки явно оказались бы совсем иными. Ведь раб, судя по всему, действительно солгал хозяевам по их же наущению. Если верить Евксифею, он вначале говорил о непричастности этого митиленинина к убийству, потом – в ходе пытки – заявил, что Евксифей виновен, а сам он, раб, был пособником при совершении преступления, и, наконец, еще позже, когда понял, что будет убит, вновь отрекся от этих обвинений.

Разумеется, верить Евксифею (Антифонт) мы совершенно не обязаны. Прекрасно известно, сколько инсинуаций и прямой, самой грубой лжи можно найти в судебных речах аттических ораторов³⁷. Но, во всяком случае, бесспорно одно: обвинители боялись, что раб достанется для пытки обвиняемому, и добились того, чтобы этого не произошло (коль скоро раба нет в живых, то, как говорится, «и взятки гладки»). А значит, они расценивали возможность правильной свидетельской пытки как вполне реальную. Перед нами – еще один аргумент против того, что *βᾱσσανός* – всего лишь риторическая фикция и не более. По крайней мере, этот аргумент имеет силу применительно к реалиям V в. до н. э.

Просто не можем не остановиться на том отмеченном выше обстоятельстве, что, помимо рабов, пытке был подвергнут и один свободный. Этот факт настоятельно нуждается в объяснении. М. Гагарин комментирует это место (Antiph. V. 49) так: «Со статусом этого человека есть неясность... В любом случае подвергшийся пытке свободный был, вероятно, митиленинином низкого статуса»³⁸. Каких-то более конкретных предположений касательно этого статуса ученый не делает.

Мы же, со своей стороны, считаем, что лицо, о котором идет речь, являлось пелатом. Проблему пелатов нам в свое время доводилось затрагивать в работе, посвященной гектеморам³⁹. Там мы показали, что, вопреки распространенному мнению, пелатский статус отнюдь не исчез в Афинах в результате солоновских

³⁷ См. хотя бы: Суриков И. Е. Кое-что о родственниках Эсхина и Демосфена («Раб Тромет», «предатель Гилон» и другие, или: а был ли «нимфейский след»?) // Древности Боспора. 2009. Т. 13. С. 393–413 (с примерами из речей Эсхина и Демосфена).

³⁸ Antiphon & Andocides... P. 62. Note 28.

³⁹ Суриков И. Е. Досолоновские «шестидольники» и долговой вопрос в архаических Афинах // ВДИ. 2007. № 3. С. 28–46.

реформ и эти зависимые работники, как минимум, до рубежа V–IV вв. до н. э. встречались в хозяйствах афинских граждан (если не в самой Аттике, то, во всяком случае, в клерухиях).

Весьма показательно свидетельство Платона в диалоге «Евтифрон» (4cd), на котором обязательно нужно остановиться, поскольку оно прольет важный свет на интересующий нас здесь случай. Отец заглавного героя жестоко наказал своего пелата, работавшего у него в клерухии на Наксосу: «связав его по рукам и ногам, бросил в какой-то ров». Пелат от такого обращения умер. Таким образом, фактически было совершено убийство. И что интересно, оно осталось бы абсолютно безнаказанным, если бы не сам Евтифрон, который возбудил по этому делу иск. Просто он, будучи профессиональным прорицателем и, следовательно, экспертом по религиозным вопросам, не желал, чтобы на его семью легла скверна.

Так вот, если бы не поступок Евтифрона, очень нестандартный и даже дикий в свете традиционных афинских представлений (сын, подающий в суд на собственного отца!), то убийство афинянином пелата осталось бы вообще без каких-либо правовых последствий: за беднягу просто некому было бы вступить. Две ситуации – с пелатом, замученным до смерти, и с пелатом (?), подвергнутым пытке, – представляются достаточно близкими. Если уж пелата можно было безнаказанно убить, то, значит, безнаказанно пытаться его можно было *a fortiori*.

Остается нерешенным вопрос: чьим пелатом был человек, о котором идет речь у Антифонта? М. Гагарин считает, что он входил в число спутников Евксифея⁴⁰. Нам это представляется крайне сомнительным. Если бы это действительно было так, то с чего бы после пропажи Герода этому пелату (или кто бы он ни был по статусу) возвращаться в Митилену вместо того, чтобы продолжить с Евксифеем путь в Энос? Правда, сам Евксифей, напомним, говорит, что в его власти было увезти с собой в Энос обоих свидетелей (и раба, впоследствии оказавшегося обличителем, и пелата, который даже под пыткой так и не сказал ничего дурного о подозреваемом). Но это может совершенно не означать, что раб и пелат принадлежали Евксифею. Во всяком случае, уж раб-то точно ему не принадлежал; с этим согласен и сам М. Гагарин в только что упомянутом комментарии. А то, что относится к рабу, должно по аналогии относиться и к пелату, поскольку в изложении они фигурируют вместе. Продолжаем считать, что это были раб и пелат Герода. Евксифей же, судя по всему, имеет в виду только то, что он имел полную возможность укрыть от пытки обоих, если бы имел основание опасаться их показаний. Речь идет о практической, а не правовой возможности: он мог взять их с собой на корабль – и всё. Никто не смог бы ему воспрепятствовать, поскольку Герода не было.

⁴⁰ Antiphon & Andocides... P. 58. Note 21.

Наконец, рассмотрим пассажи, относящиеся к βάσανος, которые содержатся в первой «Тетралогии» Антифонта. Это, как уже упоминалось, описание в четырех речах вымышленного судебного процесса. Содержание его таково: однажды ночью на улице был найден труп гражданина, а рядом – раб-проводной, смертельно раненный, но еще живой. По словам обвинителей (естественно, родственников жертвы), раб, прежде чем умереть, успел сказать, что узнал одного из нападавших, и назвать его имя. Этот человек оказался давним врагом убитого; он-то и фигурирует в процессе в качестве обвиняемого. Он, разумеется, старается продемонстрировать свою невиновность и в первой защитительной речи, в частности, говорит следующее:

Antiph. II. 2. 7:

А свидетельство проводного – разве оно заслуживает того, чтобы ему верить? Он был вне себя от грозившей ему опасности, и невероятно, чтобы он смог опознать убийц, а похоже, что он указал на того, на кого ему велели указать хозяева. Свидетельствам других рабов мы не доверяем – иначе мы не подвергали бы их пытке (ἐβασανίζομεν), – так разве справедливо поверить этому, выступающему свидетелем, и тем погубить меня?

Обвиняемый, таким образом, указывает, что показания раба суд вообще не может и не должен принимать во внимание, поскольку они были получены без применения пытки, а так делать нельзя. Разумеется, и он сам, и судьи не могут не понимать, что в той конкретной ситуации допрос с пыткой был физически невозможен: раб умирал от ран. Однако формальное требование закона – допрашивать раба только под пыткой, – видимо, оказывается все-таки более весомым, чем соображения, связанные с фактической стороной дела. Во всяком случае, даже обвинители в своей второй речи не пытаются возражать противнику тем доводом, что пытку осуществить не было возможности. Они парируют аргументацию обвиняемого иным способом:

Antiph. II. 3. 4:

И неправильно они⁴¹ говорят, что свидетельство проводного не заслуживает доверия. Ведь за такие-то свидетельства рабов не пытаются (βασανίζονται), а отпускают на волю. Вот когда они украдут и не сознаются или показаниями покрывают своих хозяев – тогда мы их пытаем (βασανίζοντες), желая, чтобы они сказали правду.

Это, по правде сказать, звучит не слишком сильно. Обвинители (очевидно, намеренно, чтобы запутать судей) смешивают две вещи: пытку рабов, подозреваемых в преступлении, и свидетельскую пытку ни в чем не виновных рабов.

⁴¹ В данном случае «они» – это обвиняемый, хоть он и был один. В афинском судебном дискурсе употребление в таких ситуациях множественного числа отнюдь не является редким.

Данное слабое место сразу же замечено их оппонентом и, когда наступил черед, прекрасно использовано им. Во второй защитительной речи он заявляет:

Antiph. II. 4. 7 sq.:

А свидетельство слуги – разве следует считать его более заслуживающим доверия, чем показания свободных людей? Ведь последних лишают гражданских прав и наказывают деньгами, если сочтут, что они лжесвидетельствуют; а раб не представил никакого доказательства и не прошел через пытку (βάσανον) – так какое наказание он понесет? Или как это можно расследовать? Во всяком случае, он знал, что будет свидетельствовать безнаказанно, и ничего удивительного, что его хозяева – а они мне враги – убедили его оклеветать меня. А я-то могу нечестиво пострадать, если буду ими погублен посредством ненадежных показаний!

(8). Они заявляют, что подозрительнее для меня было бы не присутствовать при убийстве, чем присутствовать. А я покажу, что не присутствовал, причем покажу, опираясь не на соображения вероятности, а на факты. Я передаю на пытку (παράδωμι βασανίσαι) всех рабов и рабынь, которые у меня есть. И если окажется, что в ту ночь я не спал дома, а куда-то выходил, – тогда согласен, я убийца. А та ночь была не простая: убийство произошло во время Диполий.

В начале приведенного пассажа есть выражения, которые могут показаться несообразными. «Какое наказание он понесет?» – говорится, и именно в будущем времени, об уже умершем рабе. Выражение «свидетельствовать безнаказанно» употреблено применительно к тому же рабу; это, мягко говоря, не самый лучший (в том числе и с этической точки зрения) способ выразиться о последних словах умирающего от смертельных ран человека. Конечно, безнаказанно; но «ускользнул»-то раб от наказания не каким иным путем, а скончавшись. И вряд ли перед смертью его очень грела мысль о том, что он «свидетельствует безнаказанно».

Однако говорящий речь, несомненно, высказывается именно в подобном духе совершенно намеренно. Он хочет перевести разговор с частного случая на общее правило: показания раба, полученные без пытки, ни при каких обстоятельствах (даже при таких!) не могут быть аргументом в суде.

А затем обвиняемый делает свой, так сказать, «коронный ход». Он вдруг объявляет, что у него есть алиби (а коль скоро это так, то любые подозрения с него, понятно, заведомо снимаются)! И готов подтвердить это алиби, предлагая для пытки всех своих рабов и рабынь.

Почему же, если этот человек имел алиби, он так долго молчал о нем и привел соответствующий довод только почти в самом конце своей последней речи? Ведь, если бы он сделал это уже в начале суда, а лучше – еще до процесса, позиции обвинения были бы сразу же полностью разрушены. Точки зрения исследователей по данному вопросу разошлись.

Так, Э. Караван⁴² видит здесь как раз доказательство того, что предложение пытать рабов – это всего лишь риторическая уловка, даже несколько «театрального» характера: броская и эффектная инициатива, которая при этом не могла быть реализована, поскольку прозвучала уже во время судебного заседания, а пытку следовало проводить до того, судьям же оглашать уже ее результаты. Не можем согласиться с мнением этого исследователя. Кто был властен над афинскими судьями? Кто мог им запретить санкционировать пытку прямо в ходе разбирательства дела, раз уж всплыли принципиально новые обстоятельства, способные существенно повлиять на приговор?

Более взвешенно смотрит на ситуацию М. Гагарин⁴³. Он полагает, что автор «Тетралогии», Антифонт, вводит мотив алиби в конце, имея определенную цель. А именно: он хочет показать, что в тех судебных процессах, в которых прения сторон основываются на слабых, косвенных доводах (здесь перед нами как раз такой случай), один по-настоящему сильный аргумент может внезапно коренным образом изменить весь ход дела. Мы вполне солидаризируемся с ходом мысли американского исследователя, но только хотели бы дополнить его еще одним соображением: обвиняемый у Антифонта противопоставляет собственное поведение поведению обвинителей, причем, разумеется, к вящей своей пользе. Те, дескать, опираются на показания одного-единственного раба, причем полученные неправильным образом, без пытки. А сам он готов предоставить для допроса *всех* своих рабов, причем для допроса по всей форме – с пыткой.

В целом можно со всей уверенностью сказать, что данные, имеющиеся в первой «Тетралогии» касательно βάσανος, не противоречат той информации об этой процедуре, которая содержится в судебных речах Антифонта, а, напротив, вполне коррелируют с ней. Теперь мы можем говорить со всей определенностью, что в V в. до н. э. пытка рабов для получения свидетельских показаний вовсе не была какой-то фикцией, к которой охотно прибегали судебные ораторы для чисто риторических целей, а была вполне реальной возможностью и периодически действительно применялась. Предположение Т. В. Кудрявцевой, таким образом, оказывается совершенно верным. В следующем же столетии ситуация могла измениться (а могла и не измениться), но из речей Антифонта, казненного в 411 г. до н. э., извлечь какие-либо выводы об этом по понятным причинам невозможно, а к анализу речей других ораторов мы в этой работе, построенной всецело на свидетельствах Антифонта, не прибегаем.

В заключение хотелось бы еще затронуть вопрос о генезисе института βάσανος и в кратчайшей форме поделиться с читателями своим мнением по этому вопросу. В самых разных обществах на наиболее ранних этапах

⁴² Carawan E. Rhetoric... P. 213.

⁴³ Gagarin M. Antiphon the Athenian... P. 114 ff.

развития права (на стадии так называемого *предправа*, *prédroit*, пользуясь выражением, которое с легкой руки Луи Жерне стало часто употребляться⁴⁴) достаточно широкое распространение имела такая правовая практика, носившая еще очень сильный религиозно-магический оттенок, как ордалии, «божий суд». В ходе ордалий мучительные истязания применялись отнюдь не как наказание приговоренному преступнику; нет, к ним обращались еще до приговора, они считались именно средством выявления истины.

Мы полагаем, что пытка-*βάσανος* являла собой именно одну из форм такого рода ордалий. Ведь совершенно ясно, что прямого рационального смысла в ней нет, а вот как рудимент весьма древних, уходящих в глубины первобытности воззрений она становится вполне понятной. Соответственно, первоначально никто не был освобожден от пытки, ей можно было подвергать любого. Изменение же свершилось в результате становления полиса и полисной идеологии. Последняя ставила во главу угла коллектив граждан – полноправных и равноправных «людей первого сорта», противопоставленных по принципу заведомого превосходства лицам всех остальных статусов.

Эта своеобразная «эгалитарно-элитаристская» идеология⁴⁵ в классических Афинах, где она достигла полного развития, породила, в частности, представление о том, что тело гражданина неприкосновенно, а вот гражданин, напротив, властен над телами других⁴⁶. Отсюда – и та ситуация, которую мы встречаем в аттическом судебном процессе: пытка граждан безоговорочно запрещена, но той же самой пытке регулярно подвергают рабов и спорадически – даже свободных неграждан.

⁴⁴ Gernet L. Droit et institutions en Grèce antique. P., 1982. P. 7–119. Ср.: Effenterre H. van. Droit et prédroit en Grèce depuis le déchiffrement du linéaire B // Symposion 1985: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1989. S. 3–6; Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 52.

⁴⁵ Ученые школы И. Морриса хорошо подмечают одну из сторон полисной идеологии – эгалитаризм, но не уделяют должного внимания второй – элитаризму. Подробнее данный вопрос мы рассматриваем в другой работе (на этот момент еще не опубликованной): Суриков И. Е. Афины в VIII–VII вв. до н. э.: становление архаического полиса (К вопросу о степени специфичности «аттического варианта») // ВДИ. 2013. № 4. С. 23–43.

⁴⁶ Ср. интересные соображения в: Kurke L. Inventing the Hetaira: Sex, Politics, and Discursive Conflict in Archaic Greece // Classical Antiquity. 1997. Vol. 16. No. 1. P. 128 ff.

РЕЧИ АНТИФОНТА КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ПРАВЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХИ*

Афинянин Антифонт – очень крупный (и незаслуженно недооцениваемый) представитель древнегреческой интеллектуальной и общественной жизни второй половины V в. до н. э.¹ Он был и замечательным мастером красноречия (Антифонт – древнейший из канона десяти великих эллинских ораторов), причем как практиком (первый логограф!²), так и теоретиком (основатель и глава первой в Афинах постоянно действующей риторической школы³, автор трактата по *ars rhetorica*⁴); он был и видным мыслителем, активным представителем распространенного в то время в Греции движения софистов⁵; он входил и в число ведущих политических деятелей своего времени, причем являлся убежденным противником существовавшей тогда в Афинах радикальной демократии и в 411 г. до н. э. стал одним из организаторов олигархического переворота

* Впервые опубликовано в: Древнее право. 2014. № 1 (29). С. 10–35.

¹ На данный момент наиболее адекватная оценка вклада Антифонта в античную культуру и историю дана в лучшем, наиболее глубоком исследовании о нем: *Gagarin M. Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin, 2002. К оценке этого труда см.: *Суриков И. Е. Antiphontea VI: Важнейшее в мировой историографии исследование об Антифонте* // *Studia historica*. М., 2011. Т. 11. С. 257–275. Американский антиковед Майкл Гагарин, профессор Техасского университета (г. Остин), на сегодняшний день является крупнейшим в мире специалистом как конкретно по Антифону, так, пожалуй, и по древнегреческому праву в целом.

² О профессии логографа – ратора, пишущего судебные речи по заказам клиентов, – см., например: *Lavency M. The Written Plea of the Logographer* // *Oxford Readings in the Attic Orators*. Oxf., 2007. P. 3–26. Именно Антифонт изобрел эту профессию.

³ Одним из учеников Антифонта был великий Фукидид, в своей «Истории» отозвавшийся о наставнике в максимально позитивных тонах (см. данную им восторженную характеристику Антифонта: *Thuc. VIII. 68. 1–2*).

⁴ От трактата, к сожалению, дошли лишь фрагменты. Их перевод на русский язык, выполненный нами, см.: *Суриков И. Е. Antiphontea IV: Фрагменты речей Антифонта как исторический источник (перевод и комментарий)* // *Studia historica*. М., 2009. Т. 9. С. 21–22.

⁵ О месте Антифонта среди софистов см.: *Guthrie W. K. C. The Sophists*. Cambridge, 1977. P. 285–294; *Kerferd G. B. Cambridge*, 1981. P. 30–31, 50–51.

«Четырехсот»⁶, за что потом и был казнен, когда через несколько месяцев эта олигархия пала⁷.

Об Антифонте можно было бы говорить много и в самых разных аспектах (особенно учитывая, что автор этих строк занимается им уже в течение ряда лет, опубликовал ряд посвященных ему статей⁸, впервые перевел на русский язык его речи⁹). Но, получив от Л. Л. Кофанова любезное предложение подготовить работу об этом писателе, предназначенную специально для «Древнего права», мы, естественно, решили рассматривать в ней исключительно юридические аспекты его творчества.

Тут тоже имеется немало сюжетов, над которыми есть смысл задуматься. Достаточно упомянуть о том, что Хайнц Барта, начав недавно издавать свой колоссальный труд об истоках европейского права в античной Греции, сразу же привлечший большое внимание юристов, интересующихся античностью, уже в первом его томе охарактеризовал Антифонта как «первого европейского правоведа»¹⁰. Впрочем, вот тут, как нам кажется, Барта допускает-таки определенное преувеличение. При всей нашей симпатии к Антифону, мы всё же констатировали бы, что на обозначенную здесь роль скорее должен претендовать Протагор – основатель движения софистов и его крупнейший представитель. Но Антифонт был весьма значимым последователем Протагора, его вклад в развитие правовой теории у греков тоже невозможно отрицать: с его именем явно связаны определенные открытия в данной сфере. Для нас они даже очевиднее, чем те, которые связаны с Протагором, поскольку от последнего в нашем распоряжении имеются лишь фрагменты, а дошедшее наследие Антифонта обширнее.

⁶ Об этом перевороте написано много, но нам бы хотелось рекомендовать для прочтения прежде всего отличную статью: *Taylor M. C. Implicating the Demos: A Reading of Thucydides on the Rise of the Four Hundred* // *Journal of Hellenic Studies*. 2002. Vol. 122. P. 91–108.

⁷ *Ferguson W. S. The Condemnation of Antiphon* // *Mélanges Gustave Glotz*. P., 1932. T. 1. P. 349–366.

⁸ В основном в ежегоднике «*Studia historica*». См. его выпуски за 2006–2013 гг. с циклом наших статей под общим заголовком «*Antiphontea*» (I–VIII). Помимо этого, см. также: *Суриков И. Е. Этопия в судебных речах Антифонта* // *Мнемон*. 2013. Т. 12. С. 99–126.

⁹ Перевод опубликован в ВДИ, и, таким образом, речи Антифонта наконец введены в российский научный оборот. Парадоксальным образом Антифонт – самый ранний из «десяти великих ораторов» – до недавнего времени (до того, как мы им занялись) оставался единственным из этой «декады», не переведенным на русский.

¹⁰ *Barta H. «Graeca non leguntur»? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland*. Wiesbaden, 2010. Bd 1. S. 49. Во втором томе своего труда Барта обращает на Антифонта еще более пристальное внимание: *Barta H. «Graeca non leguntur»? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland*. Wiesbaden, 2011. Bd 2: *Archaische Grundlagen*. Teil 1. S. 139 ff.

О нем мы скажем со всеми деталями чуть ниже, а пока заметим: вполне закономерно, что практически ни одна современная работа о древнегреческом праве не обходится без ссылок на Антифонта. Сказанное, впрочем, относится всецело к западной историографии. Что же касается российского антиковедения, то в нем встречаем ситуацию более грустную: само по себе греческое право не вызывает особого интереса у соотечественников¹¹, а если брать конкретно Антифонта – им у нас вообще никто до автора этих строк всерьез не занимался¹².

Все дошедшие до нас речи Антифонта посвящены одной и той же теме – судебным делам, связанным с убийствами. Однако из этого не следует делать вывод, что его интересовала только эта проблематика: насколько можно судить, та подборка его трудов, которой мы теперь располагаем, имеет в известной степени случайный характер. Похоже, что тот архетип¹³, на котором основываются дошедшие до нас рукописи *Corpus Antiphonticum*, был заказан к переписке лицом, по какой-либо причине интересовавшимся именно этими вопросами. Антифонт же деятельно занимался также и другими, о чем, например, свидетельствует следующее. Через посредство цитат из позднейших авторов, а также на папирусах сохранились фрагменты почти из двух десятков других речей Антифонта¹⁴, сюжеты которых весьма разнообразны: защита союзных полисов

¹¹ Именно поэтому нас, например, очень порадовал сам факт появления довольно новой книги: Кудрявцева Т. В. Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008. Подчеркнем: именно сам факт. Ибо в книге как таковой имеются, наряду с достоинствами, бросающиеся в глаза недостатки. Указание на некоторые из них см. в: Суриков И. Е. Еще раз об афинской гелиее // Древнее право. 2008. М., 2010. № 2 (22). С. 8–24.

¹² С. Я. Лурье посвятил несколько работ (Лурье С. Я. К хронологии софиста Антифонта и Демокрита // Греко-римский сборник. Пг., 1918. С. 2285–2306; Лурье С. Я. Антифонт: творец древнейшей анархической системы. М. 1925; Luria S. Eine politische Schrift des Redners Antiphon aus Rhamnus // Hermes. 1926. Bd 61. Ht. 3. S. 343–348; Luria S. Antiphon der Sophist // Eos. 1963. Vol. 53. Fasc. 1. P. 68–80) софисту Антифону, которого он отличал от оратора Антифонта – в соответствии с точкой зрения, принятой в те годы. Ныне это мнение является однозначно устаревшим; найдены аргументы, не оставляющие практически никакого сомнения в том, что «два» Антифонта – в действительности одно и то же лицо. См.: Gagarin M. The Ancient Tradition on the Identity of Antiphon // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1990. Vol. 31. No. 1. P. 27–44; Gagarin M. Antiphon the Athenian... P. 38 ff.; Суриков И. Е. Antiphontea II: Антифонт-оратор и Антифонт-софист – два лица или все-таки одно? // Studia historica. М., 2007. Т. 7. С. 28–43.

¹³ О понятии архетипа в текстологии см.: Маас П. Критика текста // Аристей. 2011. Т. 4. С. 142.

¹⁴ Об этих фрагментах см.: Суриков И. Е. Antiphontea IV... Mészáros T. Some Thoughts on the Fragments of Antiphon // Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae. 2008. Vol. 48. Fasc. 1/2. P. 193–200.

от чрезмерного повышения фороса («О форосе линдийцев», «О форосе самофракийцев»), атаки на демагогов («Против Филина») и др. Особо следует отметить последнюю и самую знаменитую речь Антифонта – «О перевороте». Эта блистательная речь, произнесенная оратором в 411 г. до н. э. в собственную защиту, не спасла его от осуждения, но произвела сильнейшее впечатление на современников (Thuc. VIII. 68. 2; Arist. Eth. Eud. 1232b7 sqq.). К глубокому сожалению, до нас она дошла тоже лишь фрагментарно.

С фрагментами же, как известно, работать трудно, поскольку они вырваны из контекста, часто очень кратки и почти никогда не позволяют делать ответственных выводов. Сконцентрируемся поэтому на тех произведениях нашего автора, которые имеются в нашем распоряжении полностью. Таковых шесть, и каждое из них дает ценный материал по аттическому уголовному праву, прежде всего по той его части, которая относилась к убийствам¹⁵. Это, кстати, самый древний слой афинского правотворчества, зафиксированный в письменном виде уже в 621 г. до н. э. Драконтом – первым законодателем этого полиса; в дальнейшем узаконения Драконта, касающиеся процедуры судебных процессов об убийствах, наказаний за это преступление и т. п., афиняне сознательно не подвергали практически никаким изменениям на протяжении многих веков и очень гордились ими.

Уже ко времени Драконта в Афинах в основном сложилась разветвленная система судебных учреждений, разбиравших дела об убийствах¹⁶. Главным из них был Ареопаг, члены которого судили лиц, совершивших умышленное убийство. В трех судилищах заседала особая коллегия эфетов. В суде Палладия она слушала дела о неумышленных убийствах; в суд Дельфиния поступали случаи так называемых оправданных или дозволенных убийств – когда обвиняемый признавал сам факт умерщвления человека, но утверждал, что это произошло без нарушения закона¹⁷; суд Фреатто был создан для тех (надо

¹⁵ О проблематике, связанной с убийствами, в древнегреческом праве существует достаточно обильная литература. См., в частности: *MacDowell D. M. Athenian Homicide Law in the Age of the Orators*. Manchester, 1963; *Stroud R. S. Drakon's Law on Homicide*. Berkeley, 1968; *Gagarin M. Drakon and Early Athenian Homicide Law*. New Haven, 1981; *Carawan E. Rhetoric and the Law of Draco*. Oxf., 1998. Указываем здесь только монографические исследования, а статей, естественно, гораздо больше.

¹⁶ Об этом тоже написано немало, но достаточно сослаться на фундаментальный труд, непревзойденный по полноте привлечения источникового материала, как нарративного, так и археологического: *Boegehold A. L. et al. The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia (The Athenian Agora. Vol. 28)*. Princeton, 1995. P. 3, 43 ff., 121 ff. Тут указаны те страницы этого исследования, на которых речь идет именно о судах, разбиравших дела об убийствах.

¹⁷ К категории таких оправданных (дозволенных) убийств, не влекших за собой ответственности, относились: убийство при самообороне против грабителя; убийство лица,

полагать, весьма редких) казусов, когда человек, находящийся в изгнании за убийство, обвинялся в совершении нового убийства. Наконец, существовал еще весьма архаичный суд Пританея, в котором собирались архонт-басилей¹⁸ и четыре филобасилея для разбора таких дел, когда убийство было совершено животным, неодушевленным предметом или же когда убийца не был установлен. Оговорим еще, что при определенных обстоятельствах лицо, совершившее убийство, могло оказаться и перед коллегией гелиеи, но в таких случаях изменялась формулировка обвинения, подсудимый фигурировал в документах не как убийца, а как «злодей» (κακούργος)¹⁹. Упоминаем об этом постольку, поскольку, как увидим ниже, в одной из речей Антифонта («Об убийстве Герода») отразилась именно подобная ситуация.

Вернемся же к этим речам. Впрочем, строго говоря, только три из них являются судебными речами в собственном смысле слова. Антифонт написал их в качестве логографа. Это речи I («Против мачехи по обвинению в отравлении»), V («Об убийстве Герода»), VI («О хоревте»). Первая из них является обвинительной, остальные две – защитительными. А под номерами II, III и IV в *Corpus Antiphonaeum* стоят «Тетралогии» – произведения несколько иного характера. «Тетралогии» стоят совершенно особняком, не имеют сколько-нибудь близких параллелей во всей античной греческой литературе. Перед нами три цикла речей (в каждом две обвинительные и две защитительные, итого четыре, отсюда и название «Тетралогии»), написанных для вымышленных, никогда реально не проходивших судебных процессов.

Дискуссионным является вопрос о цели написания «Тетралогий». Обычно считается, что они были составлены Антифонтom как риторические упражнения для нужд преподавания в основанной им школе ораторского искусства²⁰. Однако относительно недавно М. Гагарин выдвинул и убедительно обосновал иную идею²¹: в действительности «Тетралогии», несмотря на внешнюю рито-

участвующего в перевороте с целью свержения демократии или занимающего государственную должность после такого свержения; убийство ночного вора; случайное убийство во время спортивных состязаний; случайное же убийство согражданина на войне; убийство любовника жены, пойманного *in flagrante*; смерть, наступившая в результате лечения (врач считался свободным от вины). Почти исчерпывающий перечень см. в книге: Bonner R. J., Smith G. The Administration of Justice from Homer to Aristotle. Chicago, 1938. Vol. 2. P. 203.

¹⁸ О роли этого магистрата в афинском уголовном праве см.: Gagarin M. The Basileus in Athenian Homicide Law // Polis & Politics: Studies in Ancient Greek History Presented to M. Hansen on his Sixtieth Birthday. Copenhagen, 2000. P. 569–579.

¹⁹ Подробнее о κακούργος см.: Hansen M. H. Apagoge, Endeixis and Ephegesis against Kakourgoi, Atimoi and Pheugontes: A Study in the Athenian Administration of Justice in the Fourth Century B.C. Odense, 1976.

²⁰ Carawan E. Op. cit. P. 171 ff.; Barta H. Op. cit. Bd 2. Teil 1. S. 139 ff.

²¹ Gagarin M. Antiphon the Athenian... P. 103 ff.

рическую форму, – по сути своей философское произведение в духе софистов (выше упоминалось, что Антифонт был активным участником софистического движения²²). Как нам представляется, по-своему правы обе стороны – и М. Гагарин, и представители традиционной точки зрения. «Тетралогии» являются одновременно и философским трактатом, и риторически отточенным текстом, и – не в последнюю очередь – немаловажным памятником юридической мысли.

Но вот *источником* по истории аттического права «Тетралогии» не могут в полной мере служить. Причина – в том, что Антифонт, сочиняя (со всеми подробностями!) судебные процессы, естественно, давал полную волю полету своей фантазии, вполне мог и придумывать законы, какие ему заблагорассудится²³, – в частности, те, которые наилучшим образом помогали бы развивать наиболее интересные для него мысли. В сущности, Афины «Тетралогий» – это весьма условные Афины, это скорее некий «Софистополь», как выражается М. Гагарин²⁴, – абстрактное общество, где живут не люди, а идеи и аргументы. В этом «Софистополе» нет ни Ареопага, ни Палладия, ни Дельфиния... Кстати, названия этих трех судов и не упоминаются в «Тетралогиях».

Таким образом, мы – для чистоты анализа – все-таки будем в данной работе опираться на данные, почерпнутые из собственно судебных речей Антифонта. Из них в речи I рассматривается наиболее простой случай, в речи VI – случай более сложный, в речи V – еще более сложный. В таком порядке мы и будем их рассматривать. Хронологическим соображениям это тоже не противоречит, поскольку сравнительная хронология перечисленных речей Антифонта в точности установлена быть не может, но, с другой стороны, вполне ясно, что все они недалеко отстоят друг от друга по времени: их датируют 410-ми гг. до н. э. (иногда оговаривая, что речь V может датироваться самым концом 420-х гг. до н. э., но это совершенно не принципиально)²⁵.

²² Попытку соотнести Антифонта с другими современными ему мыслителями см. также: *Saunders T. J.* Antiphon the Sophist on Natural Laws (B44 DK) // *Proceedings of the Aristotelian Society.* 1977/1978. Vol. 78. P. 215–236.

²³ Например, закон, запрещающий *любое* убийство – «справедливое и несправедливое». В аттическом праве, как указывалось выше, существовала категория неподсудных убийств. См. к проблеме: *Gagarin M.* The Prohibition of Just and Unjust Homicide in Antiphon's Tetralogies // *Greek, Roman and Byzantine Studies.* 1978. Vol. 19. No. 4. P. 291–306.

²⁴ *Gagarin M.* Antiphon the Athenian... P. 57, 104. Ср.: *Eucken C.* Das Tötungsgesetz des Antiphon und der Sinn seiner Tetralogien // *Museum Helveticum.* 1996. Vol. 53. No. 2. P. 73–82 (весьма схожие рассуждения).

²⁵ К хронологии судебных речей Антифонта см.: *Dover K. J.* The Chronology of Antiphon's Speeches // *Classical Quarterly.* 1950. Vol. 44. No. 1/2. P. 44–60; *Freeman K.* The Mystery of the *Choreutes* // *Studies in Honour of G. Norwood.* Toronto, 1952. P. 85–94; *Schindel U.*

* * *

Итак, начинаем с речи I «Против мачехи». Эту речь высоко оценивал великий Виламовиц²⁶; впоследствии, однако, ее стали считать едва ли не самым слабым произведением Антифонта, и только в последнее время раздались голоса в пользу ее «реабилитации» как памятника ораторского искусства и правовой мысли²⁷. Здесь клиент Антифонта, совсем юный афинянин (имя неизвестно), только что достигший совершеннолетия, обвиняет собственную мачеху в том, что она за несколько лет до того отравила (точнее, организовала отравление) его отца, своего мужа. Таким образом, перед нами – процесс об умышленном убийстве, и, соответственно, дело рассматривается судом Ареопага.

При дальнейшем изложении не обойтись без достаточно пространных цитат из этой и других речей Антифонта. Соответствующие отрывки переведены нами; собственно, какого-либо иного русского перевода этих памятников пока и не существует.

Почему иск был возбужден не сразу? Согласно афинским законам, обращаться с таким иском могли после убийства *только* родственники жертвы – и никто другой. Иными словами, процессы об убийствах относились к категории частных (δίκαι), а не публичных (ὑραφαί) судебных дел. Причем даже родственники были не обязаны начинать в таких случаях процесс, а лишь имели на это право. Они могли поступить и иначе: договориться с убийцей, получить от него выкуп и вообще не доводить до суда. Иными словами, если у убитого не было родственников или они не желали судиться, убийство, в принципе, оставалось без юридических последствий.

В данном случае ситуация была такая: родственниками отравленного гражданина являлись, во-первых, наш юноша-обвинитель, во-вторых же – его единокровные братья, дети умершего от другой жены, той самой мачехи, которая здесь выступает в роли обвиняемой. Кстати, поскольку сама она, будучи женщиной, не имела права выступать в суде, ее представляет один из этих ее сыновей (видимо, старший) и говорит речи в ее защиту, таким образом являясь

Der Mordfall Herodes. Zur 5. Rede Antiphons. Göttingen, 1979. S. 6; *Heitsch E.* Recht und Argumentation in Antiphons 6. Rede. Philologische Erläuterungen zu einem attischen Strafprozeß. Wiesbaden, 1980. S. 3; *Heitsch E.* Antiphon aus Rhamnus. Wiesbaden, 1984. S. 32, 90; *Avery H. C.* One Antiphon or Two? // *Hermes*. 1982. Bd 110. Ht. 2. S. 157; *Gagarin M.* Antiphon the Athenian... P. 180.

²⁶ *Wilamowitz-Moellendorff U. von.* Die erste Rede des Antiphon // *Hermes*. 1887. Bd 22. S. 194–210.

²⁷ *Carawan E.* Op. cit. P. 216 ff.; *Gagarin M.* Antiphon the Athenian... P. 146 ff. В отечественной литературе об этой речи (а также о речах V и VI, которые будут рассматриваться ниже) см.: *Суриков И. Е.* Antiphontea VII: Судебная пытка рабов в речах Антифонта // *Studia historica*. 2012. М., 2012. С. 43 сл.; *Суриков И. Е.* Этопея... С. 105 сл.

главным оппонентом обвинителя. Налицо, таким образом фактически тяжба между братьями – вещь редкая в Афинах и, в общем, не приветствуемая (считалось, что родственникам не пристало судиться, «выносить сор из избы», а лучше решать дела в своем кругу, полюбовно).

Обвинитель понимает некоторую щекотливость своего положения, однако пытается (точнее, это, конечно, делает Антифонт его устами) представить дело под таким углом, чтобы порицание у судей вызвал не он, а, наоборот, его единокровный брат:

... Те, кому следовало бы стать мстителями за умершего и моими помощниками, стали умершему убийцами, а против меня выступают как противники... А я, признаться, удивляюсь и брату: что это у него за мысль – стать моим противником? Или, он считает, благочестие заключается в том, чтобы не предать мать? Я же полагаю, что гораздо безбожнее пренебречь мщением за умершего²⁸, особенно если он умер против своего желания, в результате злого умысла, а она его намеренно, обдуманно убила (Antiph. I. 4–5).

С какой целью мы это всё детализируем? Для того, чтобы обратить внимание на любопытный нюанс. Кто в данном случае мог возбудить судебный процесс? Кто-либо из сыновей отравленного. И ясно, что его дети от женщины, которая сама же и виновна в этом преступлении, не стали бы делать этого – обвинять в суде собственную мать! Оставался только сын от другого брака, то есть наш обвинитель. По его словам, отец лично перед смертью поручил ему предпринять соответствующие действия (он не сразу скончался от яда, а некоторое время болел):

... Те, против кого злоумышляют, ничего не знают до тех пор, пока уже не столкнутся с самим злом²⁹; тогда-то они понимают, в каком несчастье оказались. Тогда они, если имеют возможность и время перед смертью, созывают и друзей и родственников своих, и свидетельствуют, и говорят им, по чьей вине они гибнут, и поручают отомстить за них обидчикам. Именно это и мне, когда я был мальчиком, поручил отец, страдая от тяжелой, смертельной болезни. А если им это не удастся, то они пишут письма, призывают своих домашних³⁰ в качестве свидетелей

²⁸ Тут, несомненно, слушателям должен был припомниться миф об Оресте, который убил свою мать, именно мстя за отца, а затем был оправдан тем самым Ареопагом, перед которым в данный момент слушается дело. Необычайно выигрышная тактика, предложенная Антифонтом своему клиенту! Последний и в дальнейшем апеллирует к этому мифу, называя мачеху «Клитемнестрой» и т. п.

²⁹ То есть не станут жертвами преступления.

³⁰ Здесь под «домашними» (οἰκεῖται) имеются в виду, очевидно, домашние рабы. Это вытекает из сопоставления данной фразы со следующей.

и объявляют, кем они убиты. Вот и отец мне, еще в юности моей, это объявил и написал³¹ – мне, граждане, а не своим рабам (Antiph. I. 29–30).

Но сразу выполнить поручение отца этот его сын не мог – именно потому, что являлся в ту пору, как он сам говорит, «мальчиком» (полагаем, скорее подростком), во всяком случае, лицом еще несовершеннолетним. Соответственно, он пока не имел права обращаться в суд (и не приходилось надеяться на то, что это сделает кто-нибудь другой), поэтому был вынужден ждать достижения положенного возраста.

Вот как обвинитель излагает конкретные обстоятельства дела, как они ему видятся:

Была у нашего дома надстройка сверху³², а пользовался ей Филоней, когда ему случалось бывать в городе³³. Человек он прекрасный и доблестный (καλὸς καὶ αὔθους), да и отцу нашему друг. И была у него наложница, которую Филоней намеревался отправить в публичный дом³⁴. Таковую-то женщину мать моего брата, познакомившись с ней, сделала подругой. А узнав, что той грозит обида от Филоней, она приглашает ее к себе. Когда та пришла, моя мачеха сказала, что она-де и сама терпит обиды от нашего отца³⁵. Она заявила, что, если та женщина желает ее послушаться, она может сделать так, чтобы и Филоней вновь полюбил свою наложницу, и мой отец – ее саму, мачеху. Она говорила, что берет на себя составление плана, а той предоставляет исполнение... После этого случилось так, что

³¹ То есть и устно объявил, и дал письменное распоряжение.

³² Древнегреческие жилые дома чаще были одноэтажными, но в данном случае речь идет о двухэтажной постройке (из всего видно, что отец обвинителя был зажиточным гражданином). В любом случае, даже в таких домах второй этаж часто не играл важной роли, воспринимался именно как «надстройка» и нередко сдавался внаем жильцам (как и в этом случае).

³³ Далее говорится о том, что основным местожительством Филоней был Пирей. Скорее всего, он был торговцем-эмпором, и ему по своим делам часто приходилось подолгу бывать в Афинах. Чтобы не утруждать себя постоянными переходами (хотя вообще-то между Афинами и Пиреем всего несколько километров), он и снял жилье у приятеля.

³⁴ Статус этой наложницы (παλλακή), судя по тому, как с ней обращался Филоней (из дальнейшего видно, что она заодно выполняла у него роль служанки), был невысок. Высказывалось даже предположение, что она являлась рабыней (хотя с уверенностью утверждать этого нельзя). Впрочем, среди наложниц афинских граждан (а они были достаточно распространенным явлением) встречались и женщины более высокого положения, даже гражданки (в целом о наложницах в классических Афинах см.: Mossé C. La place de la pallakê dans la famille athénienne // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 273–279). Но здесь явно не тот случай.

³⁵ О характере этих обид ничего конкретного не говорится, но можно догадаться из контекста, что отец обвинителя разлюбил свою законную жену.

у Филонея в Пирее было жертвоприношение Зевсу Ктесию³⁶, а мой отец собирался плыть на Наксос³⁷. Филонею казалось, что лучше всего будет поступить так: одновременно и проводить в Пирей моего отца – ведь он был ему другом, – и после принесения жертвы угостить его³⁸. А наложница Филонея следовала с ним – именно из-за жертвоприношения. И вот, когда они были в Пирее, то Филоней принес жертву, какую подобало. И когда жертвоприношение у него было уже совершено, это человеческое существо³⁹ раздумывало, как бы дать им зелье – до обеда или после обеда. И по здравом размышлении показалось ей, что лучше будет дать его после обеда: так она исполняла поручения этой Клитемнестры, матери моего противника... Когда отобедали эти двое – один принеся жертву Зевсу Ктесию и угощая другого, другой же – намереваясь отплыть и пируя у своего друга, – они, как подобало, совершали возлияние и возлагали на алтарь ладан за свое здоровье⁴⁰. А наложница Филонея, пока они молятся о том, чему не было дано свершиться, готовит возлияние, а тем временем, граждане, наливает в вино зелье. И вот, считая, что делает это на благо⁴¹, большую часть налитого она дает Филонею, как будто, если она больше даст, Филоней сильнее будет ее любить⁴². Она ведь не знала, что введена в обман моей мачехой, пока зло уже не свершилось. А отцу нашему она налила меньшую часть. И они, после того, как совершили возлияние, взяв в руки, пьют свое последнее питье, которое их и убило. Ведь Филоней умирает буквально сразу, а с нашим отцом случается болезнь, от которой он и умер на двадцатый день (Antiph. I. 14–20).

В процитированном пассаже много выразительной риторики (что вполне естественно), но нас обстоятельства дела интересуют исключительно с юридической стороны. На что здесь следует обратить внимание? Обвиняемая – даже по версии обвинения – не совершила убийство (путем отравления) собственноручно; она препоручила это своей подруге, а сама только приготовила яд. Таким образом, она находится под судом не в качестве исполнителя, а в качестве организатора преступления. В компетенцию Ареопага входили также

³⁶ Зевс в этой своей ипостаси (Ктесий – от κτᾶομαι, ‘приобретать’) считался, естественно, покровителем торговцев и прочих «деловых людей».

³⁷ Цель поездки опять же не указывается. Скорее всего, отец обвинителя также занимался морской торговлей и был коллегой (возможно, даже партнером) Филонея (отсюда и дружба между ними).

³⁸ В своем собственном доме, находившемся в Пирее.

³⁹ Таким унижительным образом (ἡ ἀνθρώπος) обозначена здесь наложница Филонея. Возможно, тут еще и намек на ее рабский статус.

⁴⁰ Нагнетание пафоса, продолжающееся и далее.

⁴¹ Наложница полагала, что жидкость, данная ей, является приворотным зельем. Сообщница же ее, мачеха обвинителя, по его версии, совершенно сознательно приготовила именно яд.

⁴² Ирония.

и такие случаи. Заметим тут, что аттическое право уже со времен Драконта проводило различие между исполнителем (ὁ αὐτόχειρ) и организатором (ὁ βουλευσας), но юридической градации в плане ответственности между ними не устанавливало (IG. I³. 104. 12–13)⁴³.

Что же касается непосредственной исполнительницы, вышеупомянутой наложницы Филонея, то с ней его родственники расправились сразу же, причем, похоже, во внеправовом порядке. Антифонт говорит по этому поводу: «...Исполнительница, которая сделала дело своими руками, получает⁴⁴ достойное возмездие, хоть она и не была истинной виновницей: ведь ее пытали и отдали палачу» (Antiph. I. 20). Если она действительно была рабыней, как мы предположили выше, то для любого наказания, вплоть до пыток и смертной казни, не требовалось никакого судебного приговора.

Несколько удивляет при прочтении рассматриваемой речи то, что обвинитель, рисуя в ней, как мы видели, весьма яркую картину совершённого преступления, но при этом не приводит ровно никаких аргументов (например, свидетельских показаний⁴⁵) в пользу того, что ход событий был именно таким, как он описывает. Получается, судьи должны поверить ему на слово? Именно поэтому данную речь Антифонта часто считают слабой и неубедительной. Впрочем, возможно и иное объяснение: мачеха юноши и не отрицала, что по ее инициативе двум мужчинам было дано некое снадобье, но просто настаивала на том, что это было приворотное зелье, а намерение убить с ее стороны отсутствовало; она-де хотела просто с помощью такой вот незамысловатой магии⁴⁶ вернуть утраченную любовь своего мужа. Обвинитель же настаивает на том, что обвиняемая умышленно приготовила именно яд (потому дело

⁴³ См.: *Суриков И. Е.* Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 31. Крупнейший ныне в Европе специалист по древнегреческому праву, австрийский ученый Г. Тюр считает, что исполнителей убийства судил Ареопаг, а организаторов – суд Палладия (*Thür G. The Jurisdiction of the Areopagus in Homicide Cases // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 53–72*). Но это ошибка, о чем свидетельствует хотя бы та речь, которую мы сейчас рассматриваем. Дело рассматривается в Ареопаге, но ответчику никто не обвиняет в том, что она убила собственноручно.

⁴⁴ *Praesens historicum*: в настоящем времени говорится о прошлых событиях.

⁴⁵ О месте свидетельских показаний в афинском судопроизводстве см.: *Mirhady D. C.* Athens' Democratic Witnesses // *Phoenix*. 2002. Vol. 56. No. 3/4. P. 255–274; *Thür G.* The Role of the Witness in Athenian Law // *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law*. Cambridge, 2005. P. 146–169; *Humphreys S. C.* Social Relations on Stage: Witnesses in Classical Athens // *Oxford Readings in the Attic Orators*. Oxf., 2007. P. 140–213.

⁴⁶ Кстати, о магических мотивах в памятниках древнегреческой риторики см. интересную работу выдающейся французской исследовательницы: *Romilly J. de.* Magic and Rhetoric in Ancient Greece. Cambridge, MA, 1975.

и рассматривается Ареопагом, а не судом в Палладии, который ведал неумышленными убийствами) и ввела в заблуждение соучастницу-наложницу.

Э. Караван, выдвинувший этот тезис⁴⁷, приводит в его поддержку следующее интересное свидетельство Аристотеля:

Рассказывают, например, что одна женщина дала кому-то выпить любовный напиток и человек потом умер от этого напитка, а женщина предстала перед Ареопагом, однако была оправдана именно потому, что действовала без злого умысла: напоила из любви, но ошиблась. Убийство признали невольным, поскольку она давала любовный напиток без умысла погубить человека (Arist. Magn. Mor. 1188b32 sqq.).

И действительно, обстоятельства дела, как они здесь изложены, настолько близко напоминают процесс, для которого писалась I речь Антифонта, что поневоле приходится задуматься: а не ту ли самую тяжбу имеет в виду Стагирит? Весьма вероятно. В таком случае получается, что клиент Антифонта не достиг своей цели, проиграл. Впрочем, афинские судьи (не только дикасты в гелиее, но даже и ареопагиты⁴⁸) при вынесении приговора руководствовались соображениями не столько закона, сколько, так сказать, гражданской совести (которая в конечном счете представляет собой некую сумму эмоций, всякий раз разную). На этот раз они рассудили так; в другом случае, даже вполне аналогичном, они же могли рассудить и совершенно иначе (например, засудить невиновного)⁴⁹.

В речи «Против мачехи» (а также в речах «Об убийстве Герода» и «О хоревте»), кроме того, содержится источниковый материал по такой своеобразной юридической практике, как применявшаяся в классических Афинах судебная (точнее, досудебная) пытка (βαρσανος) рабов при снятии с них свидетельских показаний. Если граждан полиса настрого запрещалось пытать при каких бы то ни было обстоятельствах (попытка сделать это была бы воспринята как грубейшее нарушение всех и всяческих норм), то по отношению к рабам торжествовало диаметрально противоположное мнение: считалось, что при допросе раба в качестве свидетеля его *обязательно* нужно пытать, иначе он ни за что

⁴⁷ Carawan E. Op. cit. P. 216 ff.

⁴⁸ Хотя в целом, безусловно, правовая культура ареопагитов должна была быть выше, чем у обычных присяжных в дикастериях. В отличие от последних, совершенно ординарных граждан, члены Ареопага все-таки являлись – все без исключения – бывшими архонтами.

⁴⁹ См. в связи с этими особенностями: Суриков И. Е. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // Древнее право. 1999. № 2 (5). С. 34–42. В связи с указанной работой нужно также смотреть (в качестве несколько запоздалого дополнения к ней): Суриков И. Е. Правосознание афинян классической эпохи: некоторые характерные свидетельства источников // Studia historica. М., 2011. Т. 11. С. 85–118.

не скажет правду⁵⁰. Но по вопросу о феномене подобной пытки – и именно на материале речей Антифонта – мы писали в другом месте⁵¹, поэтому не будем здесь повторяться.

* * *

Речь VI «О хоревете» произносится перед судом Палладия (как нам уже известно, этот орган разбирал дела о неумышленных убийствах). В данном случае клиент Антифонта (имя, к огромному сожалению, неизвестно) – немолодой уже афинянин, знатный и богатый, входящий в состав политической элиты и, судя по всему, даже принадлежащий к числу наиболее видных государственных деятелей своего времени, причем, судя по всему, придерживающийся консервативных взглядов, позиционирующий себя врагом демагогов (таким образом, он был единомышленником самого Антифонта).

На этого гражданина была наложена литургия⁵²: его назначили хорегом, и он должен был подготовить хор мальчиков для выступления на одном из празднеств. В ходе обучения хореветов одному из них дали какое-то лекарство (очевидно, чтобы улучшить голос), от которого мальчик скончался. Родственники умершего обвинили хорега в неумышленном убийстве. Подзащитный Антифонта в своей речи подчеркивает, что инцидент с лекарством произошел в его отсутствие и без его ведома; следовательно, лично он ни в чем не виновен. Кроме того, он заявляет, что процесс имеет чисто политическую подоплеку: иск возбужден по наущению его врагов – демагогов Филина⁵³, Аристиона и др., ибо незадолго до того хорег выступил против них с серьезным обвинением и они хотели от него избавиться. В данной речи Антифонта, таким образом, политические мотивы наиболее сильны. Похоже, здесь перед нами одна из тех речей, которые Антифонт в качестве логографа составлял

⁵⁰ О пытке рабов, выступавших в роли свидетелей, см., в частности: *Gagarin M.* The Torture of Slaves in Athenian Law // *Classical Philology*. 1996. Vol. 91. No. 1. P. 1–18; *Mirhady D.* Torture and Rhetoric in Athens // *Oxford Readings in the Attic Orators*. Oxf., 2007. P. 247–268; *Кудрявцева Т. В.* Указ. соч. С. 219 сл.

⁵¹ *Суриков И. Е.* Antiphontea VII...

⁵² Об афинских литургиях (в том числе и о хорегии, которая нас тут преимущественно интересует) недавно появилось довольно дельное монографическое исследование на русском языке: *Бондарь Л. Д.* Афинские литургии V–IV вв. до н. э. СПб., 2009.

⁵³ Филин был братом гораздо более известного Клеофонта (о них см.: *Vanderpool E.* Kleophon // *Hesperia*. 1952. Vol. 21. No. 2. P. 114–115; *Raubitschek A. E.* Philinos // *Hesperia*. 1954. Vol. 23. No. 1. P. 68–71). Оба брата-демагога, разумеется, принадлежали к числу врагов Антифонта. У оратора была и специальная речь «Против Филина», от которой сохранилось лишь несколько фрагментов (Antiph. fr. 61–64 Blass – Thalheim).

для своих соратников, противников радикальной демократии (ср. *Thuc.* VIII. 68. 1)⁵⁴.

Но мы, понятно, опять займемся только юридическими аспектами памятника. Сразу же обращает на себя внимание необычно частое (можно сказать, даже навязчивое) употребление лексемы «закон» (*νόμος*) в тексте речи, особенно в ее вводной части (в вышерассмотренной речи «Против мачехи», заметим, дело обстоит совсем не так; там слово «закон» встречается лишь несколько раз).

Так, уже чуть ли не в первых словах вступления находим настоящий панегирик афинским законам об убийстве, восходящим к Драконт:

И законы, которые приняты об этих делах, всеми могут быть восхвалены как прекраснейшие и благочестивейшие из всех принятых законов. Ведь так получается, что они – самые древние в нашей стране⁵⁵; стало быть, они всегда гласят одно и то же об одном и том же, а ведь это – лучший признак того, что законы составлены хорошо; ибо время и опыт показывают людям, что не является хорошим. Так что не подобает вам на основании слов обвинителя исследовать законы – хороши они или нет (*Antiph.* VI. 2).

Далее наш обвиняемый говорит, демонстративно изъявляя свое уважение к законам:

...Неизбежно, если вы вынесете обвинительный приговор, человек, который и не убивал и не причастен к этому делу (хорег имеет в виду себя. – *II. С.*), будет вынужден подчиниться вашему решению: по закону он будет лишен города, святынь, состязаний⁵⁶, жертвоприношений – всего того, что людям особенно ценно и искони свойственно⁵⁷. Ведь такое обязательство налагает закон, так что даже

⁵⁴ Ср.: *Erbse H.* Über Antiphons Rede über den Choreuten // *Hermes*. 1963. Bd 91. Ht. 1. S. 17–35. В связи с рассматриваемой речью см. также: *Vollgraff W.* Observations sur le sixième discours d'Antiphon // *Mnemosyne*. 1948. Vol. 1. P. 257–270; *Freeman K.* Op. cit.; *Heitsch E.* Recht und Argumentation...

⁵⁵ Может быть, в действительности это и не так. Известный нам М. Гагарин однажды предположил, что еще до Драконта афинские архонты-фесмофеты записывали некоторые законы (например, закон против лиц, планирующих установить тиранию, принятый, похоже, сразу после мятежа Килона, имевшего место в 636 г. до н. э., за полтора десятилетия до миссии Драконта). См: *Gagarin M.* The Thesmothetai and the Earliest Athenian Tyranny Law // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1981. Vol. 111. P. 71–77.

⁵⁶ Или «судебных процессов» (слово *ἀγών* может быть понято и в этом смысле). Возможно, Антифонт намеренно допускает двусмысленность.

⁵⁷ В случае, если подсудимого в Палладии признавали виновным в неумышленном убийстве, смертная казнь ему не грозила, однако ему приходилось покинуть полис, ибо наказанием за такое деяние было изгнание.

если кто-нибудь убьет человека из числа подвластных ему и некому будет за того отомстить, все-таки убийца, страшась установленных обычаев и божественного гнева, будет вести себя благочестиво и воздержится от посещения мест, перечисленных в законе⁵⁸, надеясь, что такой образ действий с его стороны будет наилучшим⁵⁹... И никто не может дерзнуть ни преступить уже вынесенный приговор – даже будучи убежден, что он не причастен к делу, – ни отказаться подчиниться закону, вполне сознавая, что он сам это дело совершил... Из-за этого-то самого и законы, и клятвы, и жертвы для скрепления клятв, и запрещения, и, в общем, всё остальное, что бывает, когда начинается процесс об убийстве, – всё это сильно отличается от обстоятельств в других процессах (Antiph. VI. 4–6).

Последнее вполне соответствует действительности. Как мы знаем, дела об убийствах в Афинах даже разбирались особыми, специально для них созданными судебными органами и не подлежали общей юрисдикции гелиеи. Соответственно, и вся процедура в этих органах была иной по сравнению с дикастериями и, можно сказать, уникальной. Антифонт, как видим, говорит об этой процедуре лишь мимоходом, не вдаваясь в детали, что вполне естественно: ведь его аудитория в данном случае являются эфеты в Палладии, то есть люди, которым все соответствующие нюансы и так прекрасно известны, им ничего объяснять не надо.

Ценное указание встречаем чуть ниже (Antiph. VI. 9): «...Они обвиняют меня в убийстве, а соответствующий закон гласит, что в обвинительной речи нужно говорить строго по делу». Это, кажется, самое раннее в дошедших до нас источниках свидетельство о том, что в афинских судах по делам об убийствах существовала именно такая практика: обе стороны – и обвинитель, и обвиняемый – должны были в своих выступлениях упоминать только об обстоятельствах, имеющих отношение к процессу, не допускать отклонений, например, лично-инвективного характера и т. п. Несколько позже о том же упоминает Лисий (III. 46): «Закон не разрешает у вас (речь произносится в Ареопаге. – И. С.) говорить о том, что не относится к делу (ἐξω τοῦ πράγματος λέγειν)». А в дальнейшем имеем и аналогичные сообщения ряда других авторов (например: Arist. Rhet. 1354a23; Poll. VIII. 117; Lucian. Anach. 19; Apul. Met. X. 7).

⁵⁸ Если иск об убийстве принимался к рассмотрению, обвиняемому вплоть до суда запрещалось находиться в местах, считавшихся священными. В число последних входили Агора и многие другие общественные места. В данном случае для хореха это означало бы, помимо прочего, что он не сможет вести задуманный им судебный процесс против демагогов. По его идее, именно этого-то они и добивались, для чего и подкупили родственников умершего мальчика (ведь вчинить иск об убийстве могли, напомним, только родственники жертвы).

⁵⁹ Явное риторическое преувеличение. На самом деле хозяин, убивший собственного раба, мог, конечно, не опасаться каких-либо правовых последствий.

Интересно, что в Афинах подобное требование предъявлялось именно только к участникам процессов об убийствах; в коллегиях же гелиеи, насколько можно судить, истцу и ответчику была предоставлена практически полная свобода отклоняться сколь угодно далеко от непосредственного предмета тяжбы⁶⁰.

Но мы, конечно, не ставим перед собой задачу перечислить и охарактеризовать все места в речи «О хореуте», в которых упоминаются законы; таковых, повторим, очень много. Обратимся к рассмотрению вот какой интересной проблемы: почему родственники умершего мальчика Диодота вообще обвинили хорега в его убийстве, пусть и неумышленном? И, главное, почему дело было доведено до суда? Ведь обвиняемый весьма доказательно, с привлечением неопровержимых свидетельских показаний, продемонстрировал, что сам он не давал хореуту снадобье, повлекшее его кончину. Он рассказывает о том, как стал хорегом, набрал хор, обустроил помещение для занятий, а потом оговаривает:

А когда мальчики пришли, во-первых, мне было недосуг лично присутствовать и заниматься ими: так получилось, что у меня тогда было судебное дело против Аристиона и Филина, которому я придавал большое значение, поскольку я обвинил их посредством исангелии⁶¹ и желал истинно, справедливо доказать всё Совету⁶² и остальным афинянам. Но я и об этом подумал: поручил заботиться на случай, если хору что-нибудь понадобится, Фанострату – гражданину из одного дема с вот этими обвинителями, а моему зятю (я выдал за него дочь); я считал, что он проявит наибольшее усердие. А кроме него, я дал такое же поручение еще двум людям: Аминию из Эрехтеиды, которого сами члены этой филы назначили, чтобы он всегда набирал из нее хореутов и заботился о них, – он слыл человеком порядочным, – и другому, [...] ⁶³ из Кекропиды, который по обыкновению всегда набирал хореутов из этой филы. Был еще и четвертый, Филипп, который имел предписание покупать, если что укажет учитель или кто-нибудь другой из них, и нести на это траты, – чтобы мальчики обучались как можно лучше и чтобы ни в чем не имели нужды из-за моей занятости. Вот так я исполнял обязанности хорега... Я не приказывал мальчику пить это зелье, и не принуждал, и не давал ему

⁶⁰ См. к вопросу: *Rhodes P. J. Keeping to the Point // The Law and the Courts in Ancient Greece. L., 2004. P. 137–158* (в этой работе – несколько иная точка зрения); *Lanni A. Relevance in Athenian Courts // The Cambridge Companion to Ancient Greek Law. Cambridge, 2005. P. 112–128.*

⁶¹ Тип судебного иска, использовавшийся, как правило, для возбуждения процессов по серьезным (часто политическим) преступлениям. Об исангелии см., в частности: *Hansen M. H. Eisangelia: The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Impeachment of Generals and Politicians. Odense, 1975; Кудрявцева Т. В. Указ. соч. С. 270 сл.*

⁶² Исангелия подавалась либо в Совет Пятисот, либо непосредственно в народное собрание.

⁶³ Имя утрачено.

его, и вообще не присутствовал, когда он его пил. И я говорю это совершенно не для того, чтобы себя самого вывести из-под обвинения, а кого-нибудь другого под него подвести. Ни в малейшей мере! Обвиняю я только судьбу, которая, полагаю, и для многих других людей стала причиной смерти (Antiph. VI. 12–15).

Но ведь все эти обстоятельства, говорящие о личной непричастности клиента Антифонта к смерти хоревта, должны были выявиться уже в ходе предварительных слушаний. Такие слушания в количестве трех обязательно должны были проводиться под председательством архонта-басилея до суда в каждом случае подачи иска об убийстве. Почему же родственники мальчика все-таки до конца настаивали на том, что виновен именно хорег?

Интересно проследить: в чем, собственно, его обвиняют? У Антифонта говорится об этом так: «Они (обвинители. – И. С.) клялись, что я убил Диодота, умышленно подстроив его смерть» (Antiph. VI. 16). Но как же так, ведь перед нами – дело о *неумышленном* убийстве?

Здесь мы выходим на любопытнейшую коллизию, связанную с некоторыми особенностями аттического права. Обвинители ставят вопрос о «планировании неумышленного убийства», что для нашего уха, конечно, звучит дико. На современном юридическом языке речь шла бы об обвинении в преступной халатности: мальчик умер, в конечном счете, потому, что хорег, отвечавший за свой хор, увлекся политическими играми и не уделял подопечным должного внимания, препоручив хоревтов сторонним лицам. Но в античном греческом праве таких категорий, как «преступная халатность», естественно, не существовало, да и в целом правовая терминология была еще достаточно примитивной. Вот в подобных случаях и обвиняли в «планировании неумышленного убийства».

В связи с речью «О хоревте», пожалуй, осталось еще отметить, что в ней содержатся наиболее информативные сведения, относящиеся к процедуре предварительных досудебных слушаний у басилея. Обвиняемый-хорег говорит о представителях противной стороны:

...Эти люди тогда со всем усердием бросились возбуждать против меня иск – прямо на следующий день после того, как хоронили мальчика, даже дом еще не очистив и не совершив того, что требует обычай в таких случаях... Басилей прочел им законы и показал, что у него не хватит времени принять у них иск и провести слушания, какие положены... Ибо басилею следовало после принятия иска провести три предварительных слушания в течение трех месяцев, а на четвертый месяц внести дело в суд – подобно тому, как это происходит теперь. А ему оставалось пребывать в должности только два месяца: фаргелион и скирофорион. И ясно, что он не имел возможности внести дело в суд в свой срок, а передавать другому дело об убийстве не разрешается, и никогда в этой стране ни один басилей не делал этого. А раз он не мог ни внести дело в суд, ни передать его, он и не пожелал принимать иск вопреки вашим законам (Antiph. VI. 37–38, 42).

Таким образом, по данным рассматриваемой речи Антифонта, архонт-басилей мог отклонить иск, апеллируя к техническому нюансу: он не успевал до окончания срока своего пребывания в должности провести три необходимых слушания. В нашем случае он именно так и поступил. Действовал ли магистрат в согласии с нормами права? Это вызывает согласие не у всех исследователей. Есть, в частности, и точка зрения, согласно которой басилей в данном случае был лицом заинтересованным (возможно, другом или политическим соратником нашего хорега); потому-то он и отказал родственникам умершего мальчика в принятии иска, а ссылка на нехватку времени до конца года послужила для него лишь формальным поводом. Но это маловероятно⁶⁴. Ниже в той же речи (Antiph. VI. 45) эксплицитно говорится, что и какие-то другие граждане получили от того же бasilaей отказ по аналогичной причине.

* * *

Переходим, наконец, к речи V «Об убийстве Герода», которая, согласно единодушному мнению специалистов (как античных, так и современных), и в художественном, и в юридическом отношении принадлежит к числу лучших творений нашего автора⁶⁵. Кстати, она и по размеру является самым большим из сохранившихся сочинений Антифонта, намного превосходя в этом отношении две вышерассмотренные речи, вместе взятые. Поэтому о ней нам не удастся говорить с той же степенью подробности (она заслуживала бы отдельного исследования), однако ряд наиболее важных наблюдений все же необходимо сделать.

Перед нами новый клиент Антифонта – Евксифей (имя в самой речи не упоминается, но известно по независимым данным). Это человек довольно молодой, гражданин Митилены (крупнейшего полиса на Лесбосе). Он обвиняется в том, что в ходе совместного плавания (из Митилены в Энос на северном берегу Эгейского моря) с неким Геродом, – скорее всего, афинским клерухом в Митилене – ночью, на вынужденной стоянке судна где-то у лесбосских берегов, убил этого Герода. Евксифей отрицает свою вину.

Митилена входила в состав Афинской архэ. Именно потому дело и слушается в афинском суде. Хорошо известно, что граждане союзных полисов принуждались представлять все свои сколько-нибудь серьезные иски в Афины, а не рассматривать их в своих городах.

⁶⁴ См. к вопросу: *Gagarin M.* Antiphon the Athenian... P. 143 ff.

⁶⁵ В связи с речью «Об убийстве Герода» см.: *Roussel P.* Remarques sur un discours d'Antiphon (Περὶ τοῦ Ἡρώδου φόνου) // *Mélanges Gustave Glotz*. P., 1932. T. 2. P. 813–822; *Scheidweiler F.* Antiphons Rede über den Mord an Herodes // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1966. Bd 109. Ht. 4. S. 319–338; *Erbse H.* Antiphons Rede (or. 5) über die Ermordung des Herodes // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1977. Bd 120. Ht. 3/4. S. 209–227; *Schindel U.* Op. cit.

Необычность процедуры в «деле Герода» заключается в следующем. Несмотря на то что перед нами опять процесс об убийстве, он проходит не в Ареопаге, а в коллегии гелиеи. Евксифей на протяжении всей речи настаивает на том, что его дело рассматривается с грубыми процессуальными нарушениями и должно быть передано в Ареопаг.

Он говорит дикастам:

Прежде всего, поскольку я был вовлечен в этот процесс самым незаконным и насильственным образом, – это-то я вам и покажу... Я покажу это, чтобы у вас были свидетельства насилия и беззакония этих людей⁶⁶, как по отношению ко мне, так и в других делах. Ведь, прежде всего, я являюсь ответчиком в процессе об убийстве, при этом подвергшись доносу как злодей; но такого еще ни с кем никогда не случалось в этой земле! А в том, что я не злодей и не подпадаю под закон о злодеях, – сами же эти люди мне в том стали свидетелями. Ибо против воров и грабителей направлен этот закон, а они не доказали, что я имею какое-то отношение к ворам или грабителям. Таким образом, они именно сам арест сделали для вас законнейшим и справедливейшим поводом оправдать меня. Опять же, они, со своей стороны, говорят, что убить – это великое злодейство. И я, со своей стороны, с этим согласен: величайшее! Равно как и совершить святотатство или изменить своему государству. Однако о каждой из таких вещей существуют отдельные законы. А мне, во-первых, устроили суд вот здесь, на агоре⁶⁷, хотя другим, являющимся ответчиками в делах об убийстве, именно здесь специальным объявлением запрещают находиться⁶⁸. Далее, они сделали так, чтобы суд определял мне меру наказания⁶⁹ (хотя, согласно закону, убийца в возмездие сам должен умереть⁷⁰); но сделали они это не для того, чтобы мне

⁶⁶ Обвинителей, родственников убитого (или пропавшего) Герода.

⁶⁷ То есть в одной из коллегий гелиеи (помещения, в которых происходила их работа, размещались в основном на агоре или близ нее; см. об этих помещениях: *Boegehold A. L. et al. Op. cit. P. 10 ff., 91 ff.*).

⁶⁸ Лицам, обвиненным в совершении убийства, согласно законам Драконта, от вчинения иска и вплоть до суда, который должен был решить их судьбу, запрещалось находиться в местах, которые считались священными, в том числе и на агоре.

⁶⁹ Иными словами, добились того, чтобы процесс проходил как ἀγὼν τιμῆτος. В таком типе процесса (в отличие от ἀγὼν ἀτίμῆτος, в котором мера наказания предусматривалась в законах) дикасты после первого голосования (о виновности или невиновности подсудимого) приступали ко второму этапу суда, в ходе которого назначали наказание осужденному. Это осуществлялось также посредством голосования. Наиболее известный из процессов такого типа – знаменитый суд над Сократом (399 г. до н. э.).

⁷⁰ По законам Драконта за умышленное убийство (в данном случае Евксифей обвиняется именно в таковом) назначалась не смертная казнь как таковая; просто в подобном случае убийца, если он не покидал полис, подлежал кровной мести со стороны родственников жертвы (см. в связи с этими законодательными нормами: *Gagarin M. Drakon... Passim*).

помочь, а в своих собственных интересах, и притом оказали меньшее почтение умершему, чем того требует закон. А из-за чего они так поступили – это вы узнаете из дальнейшего изложения. А затем – я полагаю, что вы все это знаете, – все суды⁷¹ разбирают дела об убийствах под открытым небом, и не ради чего иного, как ради того, чтобы, с одной стороны, судьи не входили в одно помещение с теми, у кого руки нечисты, а с другой стороны, чтобы обвинитель в деле об убийстве не оказывался под одной кровлей с убийцей. А ты⁷², с одной стороны, нарушая этот закон⁷³, поступил противоположным образом по сравнению с другими. С другой стороны, тебе требовалось⁷⁴ принести величайшую и сильнейшую клятву, призвав погибель на себя, на свой род и на свой дом; ты должен был поклясться, что будешь обвинять меня не в чем ином, а только в самом убийстве, что я его совершил. Тогда я, даже если бы сделал много зла, был бы осужден не из-за этого, а только по самому предмету рассмотрения⁷⁵; равным образом, если бы я сделал много хорошего, это хорошее меня не спасло бы. Это-то ты и нарушил, сам для себя изобретая законы; и вот, сам обвиняешь меня, не принеся клятвы, и свидетели дают показания против меня, не принеся клятвы, хотя им нужно принести одинаковую с тобой клятву, прикоснуться к жертвам и только после этого свидетельствовать против меня. Кроме того, ты настаиваешь, чтобы судьи разбирали дело об убийстве, поверив свидетелям, не приносившим клятвы, – хотя ты сам, нарушив установленные законы, сделал этих свидетелей не заслуживающими доверия (Antiph. V. 8–12).

Согласно распространенному мнению, позже эта норма была изменена, однако в нарративной традиции настойчиво утверждается, что законы Драконта на протяжении долгих веков не претерпели никаких перемен (см. хотя бы в этой же речи ниже: Antiph. V. 14–15). Комментируемое здесь суждение Антифонта, в принципе, допустимо понимать в обоих возможных смыслах (либо убийцу ждет казнь, либо месть). В любом случае, процессы по делам об убийствах однозначно относились к категории ἀγῶνες ἀτίμητοι.

⁷¹ Имеются в виду пять афинских судилищ, ведавших делами об убийствах: Ареопаг, Палладий, Дельфиний, Фреатто и Пританей (все они упоминались выше).

⁷² Обращение к обвинителю.

⁷³ В отличие от вышеперечисленных судов, коллегии гелиеи могли заседать и в помещениях с крышей (хотя, например, та постройка, которая находилась на южной стороне агоры и большинством исследователей интерпретируется как главное здание гелиеи, как раз крыши не имела: Boegehold A. L. et al. Op. cit. P. 99 ff.). Судя по этим словам Евксифея, данное дело слушалось дикастами в каком-то из «покрытых» зданий.

⁷⁴ Если бы процесс шел по нормальной процедуре дел об убийствах.

⁷⁵ Данный нюанс выше уже также отмечался: в Ареопаге и других судах по убийствам сторонам запрещалось в выступлениях говорить о чем бы то ни было, кроме самого существования дела. Впрочем, даже и там эта норма, случалось, нарушалась, но в обычных дикастриях ею просто откровенно пренебрегали.

Прервем цитирование и поясним, какого рода информация извлекается из только что приведенных слов Евксифея. Будучи вызван из родной Митилены в Афины по делу Герода, он явился в уверенности, что его будут судить по обычной процедуре. В чем заключалась последняя – нам известно: родственниками убитого возбуждался (согласно законам Драконта) иск, влекший за собой процесс *δίκη φόνου*. Дело в таком случае разбиралось Ареопагом (если убийство было умышленным).

Однако на сей раз обвинители предпочли действовать иным путем. Подозреваемый в совершении преступного деяния Евксифей, прибыв в Афины, был, вопреки его ожиданиям, арестован посредством специальной процедуры *ἀπαγωγή*⁷⁶ и заключен под стражу, а потом предстал перед коллегией гелиеи. Процедура *ἀπαγωγή* (ареста, буквально – ‘увода’) в норме применялась к так называемым злодеям (*κακούργοι*). Обвиняемые же в убийстве задержанию вплоть до суда не подлежали; им только, как отмечалось выше, запрещалось появляться в местах, которые признавались священными.

Под *κακούργοι* обычно понимались разного рода воры, грабители, святотатцы⁷⁷. Правда, некоторые убийцы тоже могли подпадать под эту категорию, а именно – либо схваченные на месте преступления (*ἐπ’ αὐτοφώρῳ*), либо нарушавшие ограничения, которые на них налагались законами Драконта (например, появлялись на агоре). Но в данном случае ничего подобного не было. Соответственно, Антифонт устами своего клиента Евксифея настаивает на том, что допущено серьезнейшее нарушение процедуры, в результате чего решение суда не может иметь законной силы.

Евксифей, как видим, утверждает, что процедура *ἀπαγωγή* применена к нему беспрецедентно. Если верить нашему обвиняемому, обвинители действительно вводят суд в заблуждение, прибегая к сознательной путанице между юридическим термином *κακούργος* (под эту категорию подпадали строго определенные типы преступников, и данное дело к ним действительно никакого отношения не имеет) и общим, нетерминологичным словом для обозначения «злодейства» – *κακούργημα*.

Почему обвинители так квалифицировали свой иск и на что они надеялись, прибегая к столь грубой и, казалось бы, каждому заметной подтасовке? Попробуем вначале ответить на первый из этих вопросов. Отчасти материал, помогающий решить проблему, содержится в цитате, приведенной выше; но для внесения большей ясности этот материал следует дополнить некоторыми новыми нюансами, так что продолжим цитирование:

⁷⁶ О ней см.: *Hansen M. H. Apagoge...*

⁷⁷ К конкретизации этой категории см.: *Латышев В. В. Очерк греческих древностей. СПб., 1997. Ч. 1: Государственные и военные древности. С. 228, 230.*

Евксифей говорит главному обвинителю:

Ты заявляешь, будто я не остался бы в городе (в Афинах. – *И. С.*), если бы меня отпустили, а спасся бы бегством, – словно ты меня против моей воли принудил прибыть в эту землю. Однако, если для меня не имело никакого значения, что я лишусь этого города (Афин. – *И. С.*), я мог с тем же успехом вообще не явиться, когда был вызван на суд, – и пусть бы меня осудили в мое отсутствие⁷⁸. А в делах об убийствах ответчику позволено после первой речи удалиться, и это правило, общее для всех. Ты же пытаешься частным образом лишить меня того, что является общим для других эллинов, то есть сам для себя придумываешь закон... Ты не возбудил один процесс по этому делу, как человек, непоколебимо верящий в свою правоту; нет, ты поберег для себя еще одно рассмотрение и речь⁷⁹, а значит, ты не доверяешь и этим судьям. Ты устроил так, чтобы мне ничего не оставалось делать, даже если я буду оправдан: ты сможешь говорить, что от обвинения в злодействе-то меня оправдали, а по делу об убийстве – нет!.. Ведь этим людям (обвинителям. – *И. С.*) была от того следующая польза: чтобы я, прежде всего, не мог сам хлопотать о своих делах⁸⁰ и оказался неподготовленным; затем, чтобы я претерпел телесные страдания⁸¹; да чтобы и друзья мои стали более склонны ложно свидетельствовать в их пользу⁸², чем истинно – в мою. Позором окружили и меня самого, и моих близких на всю жизнь! (*Antiph. V. 13, 16, 18*).

⁷⁸ Евксифей имеет в виду следующее: если бы он не явился на суд в Афины в качестве обвиняемого, то был бы, несомненно, осужден *in absentia*. В родной Митилене это ему ничем не угрожало бы (туда, конечно, не были бы направлены афинские или иные должностные лица с целью взять осужденного под стражу и доставить для приведения в исполнение наказания – такое обычно не практиковалось, никакого «Интерпола» не было), но путь в Афины для него с этого момента был бы закрыт. Но если Евксифей и не особо-то стремился в Афины, он мог и всю жизнь вполне благополучно прожить в своей Митилене.

⁷⁹ Имеется в виду следующее: если обвинитель не выиграет данный процесс в гелиее, у него еще остается возможность возбудить против Герода новый процесс – на сей раз в Ареопаге, по традиционной процедуре *δίκη φόρου*.

⁸⁰ Ясно, что для арестованного и находящегося в тюрьме человека это действительно затруднительно (особенно учитывая, что Евксифей был не афинянином, а гражданином другого полиса и, соответственно, вряд ли имел в Афинах много близких друзей, которые могли бы принять на себя положенные хлопоты).

⁸¹ Имеется в виду тюремное заключение как таковое; каким-то специальным телесным наказанием Евксифей, человек достаточно высокого статуса, естественно, не подвергался.

⁸² Евксифей имеет в виду, что даже друзья могли отвернуться от человека, подвергнутого такому позору, как тюремное заключение. Напомним, что в классических Афинах, вообще говоря, попасть в тюрьму было весьма редкой возможностью: лишения свободы как меры наказания не существовало, а до суда обвиняемых тоже по большей части не изолировали.

Итак, насколько можно судить, мотивация обвинителей была следующей. Во-первых, перед процессами, проводившимися в Ареопаге и других судах по делам об убийствах, как от тяжущихся сторон, так и от свидетелей требовали принесения особо торжественных клятв, что, понятно, должно было отпугивать заведомых клеветников; а в коллегиях гелиеи такого требования не предъявлялось, так что легче было и выступить с обычным обвинением, и найти лжесвидетелей. Во-вторых, в процессах об убийстве обвиняемый мог после первой пары речей добровольно удалиться в изгнание и тем самым хотя бы спасти себе жизнь, если понимал, что шансы на оправдание минимальны; процессы, проводившиеся в гелиее, такой возможности опять же не давали, и если кто-либо приговаривался присяжными к смертной казни, то приговор по возможности немедленно приводили в исполнение. В-третьих, обвинители наверняка имели в виду и то, что в случае проигрыша ими дела о «злодействе» в гелиее они смогут после этого возбудить еще и правильный процесс об умышленном убийстве, обратившись в Ареопаг, то есть резервировали для себя возможность второй атаки. В-четвертых, Евксифей, арестованный как «злодей», был заключен в тюрьму, что, естественно, сильно затрудняло для него подготовку к процессу (ознакомление с соответствующими законами, выработку аргументации в свою пользу, а главное – сбор свидетельских показаний, которым в афинском судопроизводстве занимались сами тяжущиеся, а не специальные следственные органы: таковых и не было), а обвиняемые в убийстве, как уже отмечалось выше, тюремному заключению не подвергались. В-пятых – этот момент тоже немаловажен, – в Ареопаге нужно было в судебных речах строго придерживаться существа дела и не допускать нападок на личность оппонента, очернения его родителей и тому подобных экскурсов, не имеющих прямого отношения к рассматриваемому вопросу; а в коллегиях гелиеи такого рода недобросовестные приемы были широко распространены, и с их помощью противника легче было «утопить».

Здесь нужно напомнить, что обвиняемый Евксифей являлся гражданином Митилены, а этот полис за несколько лет до дела об убийстве Герода поднял восстание и пытался выйти из состава Афинской архэ (в 428–427 гг. до н. э.). Восстание было подавлено, зачинщики сурово наказаны, но с тех пор афиняне негативно, с враждебностью относились к митиленианам в целом⁸³; на этом, несомненно, и решили «сыграть» противники Евксифея.

⁸³ См. к этой проблематике: *Wassermann F. M.* Post-Periclean Democracy in Action: The Mytilenean Debate (Thuc. III 37–48) // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1956. Vol. 87. P. 27–41; *Wassermann F. M.* Die mytilenaiische Debatte bei Thukydides: Bild der nachperikleischen Demokratie // Thukydides. Darmstadt, 1968. S. 477–497; *Debnar P. A.* Diodotus' Paradox and the Mytilene Debate (Thucydides 3.37–49) // Rheinisches Museum für Philologie. 2000. Bd 143. Ht. 2. S. 161–178; *Schmitz T.* The Mytilene

Правда, сам обвиняемый на момент восстания был еще слишком молод и физически не мог принимать в нем участие; но, судя по всему, в инцидент с отпадением Митилены был каким-то образом замешан его отец. И обвинители в своей речи припомнили это, хотя к вопросу о виновности или невиновности Евксифея данный факт не имел ровно никакого отношения. В результате бедному Евксифею приходится, помимо всего прочего, еще и оправдываться за отца, объяснять, что тот был втянут в восстание вопреки своей воле, не входил в число главарей мятежников, после того он ничем дурным себя не зарекомендовал и т. д. (Antiph. V. 74 sqq.).

Становится ясным (по крайней мере, отчасти) и то, почему родственники Герода довольно-таки нагло нарушали правовые нормы и на что они могли рассчитывать. А ведь применением неподобающей процедуры их бесчинства не ограничивались. Евксифей говорит:

Вот еще что: я, граждане, был заключен в тюрьму самым незаконным образом из всех людей. Ведь, хотя я желал, согласно закону, представить трех поручителей, эти люди (обвинители. – *И. С.*) так устроили, что мне не было позволено это сделать. А ранее всегда, если кто-нибудь из чужеземцев желал представить поручителей, – никто из них никогда не заключался в тюрьму. Однако должностные лица, ведающие злодеями, используют один и тот же закон – этот самый. Так что и он, будучи общим для всех остальных, только мне одному не смог помочь (Antiph. V. 17).

Каким образом родственники Герода добились того, чтобы обвиняемому отказали в разрешенном законом послаблении – представить поручителей и таким образом избежать ареста, – в точности неизвестно, но можно догадываться: по всей вероятности, они настойчиво утверждали, что Евксифей скроется, если не будет взят под стражу. И афинские магистраты, в компетенцию которых входит этот вопрос, сочли возможным с ними согласиться. А почему? Да именно потому, что априорно испытывали неприязнь к митиленскому гражданину, то есть руководствовались внеправовыми соображениями. К глубокому сожалению, так и неизвестно, удалось ли Евксифею доказать свою правоту и добиться признания того, что вопиющим образом нарушена сама процедура рассмотрения его дела. Исходя из всего, что мы знаем об афинских дикастах, – скорее нет, чем да: эти люди были не слишком щепетильны в отношении юридических тонкостей.

* * *

Можно было бы еще достаточно долго говорить о различных аспектах правовой проблематики речи «Об убийстве Герода» (она, напомним, является самой большой у нашего автора), но пришло уже время подводить некоторые итоги, пусть пока хотя бы предварительные.

Глубоко символичным выглядит тот факт, что Антифонт родился и вырос в аттическом деме Рамнунт, в котором находился единственный на территории афинского полиса и один из очень немногих во всей Греции храм Фемиды – богини правосудия⁸⁴. Сыграло ли свою роль именно это обстоятельство или же что-либо другое, – как бы то ни было, Антифонт в очень значительной мере связал свою жизнь с правом. Он – насколько это было возможно в V в. до н. э. – изучил данную сферу до тонкостей, как в теории, так и на практике (подвизаясь на поприще логографа). Соответственно, он в своих произведениях сохранил для нас целый ряд интереснейших сведений о древнегреческих законах, об особенностях судопроизводства в Афинах, о разного рода юридических процедурах и категориях... В рамках данной работы могла быть затронута лишь малая часть этой чрезвычайно важной информации. Судебные речи Антифонта – источник, являющийся исключительно перспективным для исследования, и мы не устаем вновь и вновь привлекать к нему внимание коллег.

⁸⁴ См. о нем: *Stafford E. J. Themis: Religion and Order in the Archaic Polis // The Development of the Polis in Archaic Greece. L.; N. Y., 1997. P. 87–91.*

«ТЕТРАЛОГИИ» АНТИФОНТА В КОНТЕКСТЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ V В. ДО Н. Э.*

«Тетралогии» Антифонта (сразу подчеркнем, что мы будем рассматривать их как единое, целостное произведение, части которого органично связаны между собой¹) – самый ранний полностью дошедший до нас памятник аттической прозы², датирующийся 440-ми гг. до н. э.³ Во всяком случае, так считают специалисты, признающие, что «Тетралогии» действительно написаны Антифонтом и входят в число его первых сочинений. Есть, правда, и альтернативная точка зрения, согласно которой они попали в его корпус по ошибке, а на деле принадлежат перу какого-то другого, неизвестного нам писателя, причем даже не афинского⁴. В таком случае их обычно относят к гораздо более позднему времени – к первой половине IV в. до н. э., и, соответственно, о претензиях на хронологический приоритет даже и речи быть не может. Однако сторонники этого второго мнения находятся, пожалуй, в меньшинстве, да и аргументы их выглядят слабее. В частности, сравнительно недавно рядом исследователей

* Впервые опубликовано (под заголовком «Antiphontea VIII: “Тетралогии” Антифонта в контексте древнегреческой юридической и философской мысли V в. до н. э.») в: *Studia historica*. М., 2013. Т. 13. С. 41–67.

¹ Эта оговорка, полагаем, не покажется излишней. В *Corpus Antiphonticum* «Тетралогии» присутствуют как три отдельные «речи» (II, III, IV), по какой-то случайности «спрятавшиеся» между речами (I, V, VI), которые Антифонт написал в качестве логографа для реально проходивших судебных процессов. Отсюда, полагаем, и некая аберрация, препятствующая специалистам увидеть в «Тетралогиях» единый текст совершенно иного характера.

² Афинским прозаиком, более ранним, чем Антифонт, был только Ферекид; однако он писал еще на ионийском диалекте.

³ Zuntz G. Once Again the Antiphontean Tetralogies // *Museum Helveticum*. 1949. Vol. 6. Fasc. 2. P. 103; Avery H. C. One Antiphon or Two? // *Hermes*. 1982. Bd 110. Ht. 2. S. 157; Gagarin M. Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists. Austin, 2002. P. 179. Ср.: Dover K. J. The Chronology of Antiphon's Speeches // *Classical Quarterly*. 1950. Vol. 44. No. 1/2. P. 59 (с некоторыми колебаниями).

⁴ Mühl P. von der. Zur Unechtheit der antiphontischen Tetralogien // *Museum Helveticum*. 1948. Vol. 5. Fasc. 1. P. 1–5; Carawan E. The *Tetralogies* and Athenian Homicide Trials // *American Journal of Philology*. 1993. Vol. 114. No. 2. P. 266–267; Carawan E. Rhetoric and the Law of Draco. Oxf., 1998. P. 171 ff.

были высказаны весьма убедительные, веские доводы в пользу антифоновского авторства⁵. Особенно важны наблюдения М. Гагарина о корреляции в идеях между «Тетралогиями» и философским трактатом «Об истине» (из него в нашем распоряжении имеются довольно пространные и репрезентативные фрагменты⁶), в принадлежности которого Антифону сомневаться нет никаких оснований⁷.

Из этого мы и будем исходить. Следующим по времени сохранившимся прозаическим текстом на аттическом диалекте является «Афинская политика» Псевдо-Ксенофонта, которую, как правило, датируют 420-ми гг. до н. э.⁸ Еще чуть позже, в 410-х гг. до н. э., были составлены судебные речи того же Антифонта, первым в Афинах обратившегося к ремеслу логографа⁹. Далее, в самом конце V в. до н. э. написали свои первые речи Андокид и Лисий¹⁰; наконец, тогда уже работал над своей «Историей» Фукидид, ученик Антифонта, но опубликован его труд был только в следующем столетии.

Таким образом, уже данная черта интересующего нас памятника – столь раннее время его появления – делает его заслуживающим самого пристального внимания. Ведь, по сути дела, это единственное древнегреческое сочинение в прозе, которое у нас имеется от периода Пентеконтаэтии¹¹ (повторим

⁵ Например: *Zinsmaier T.* Wahrheit, Gerechtigkeit und Rhetorik in den Reden Antiphons: Zur Genese einiger Topoi der Gerichtsrede // *Hermes*. 1998. Bd 126. Ht. 4. S. 398–422; *Gagarin M.* Op. cit. P. 52 ff.

⁶ См. об этих фрагментах (с их русским переводом): *Суриков И. Е.* Antiphoneta V: Философские фрагменты Антифонта // *Studia historica*. М., 2010. Т. 10. С. 25–65.

⁷ *Gagarin M.* Op. cit. P. 103 ff.

⁸ Кстати, мы не исключаем, что Псевдо-Ксенофонт – это в действительности тоже наш Антифонт; но здесь, конечно, не место подробно обсуждать данный вопрос.

⁹ Это произошло не ранее конца 420-х гг. до н. э. (*Avery H. C.* Op. cit. P. 157; *Gagarin M.* Op. cit. P. 180). В связи с хронологией судебных речей Антифонта см. также: *Dover K. J.* Op. cit.; *Freeman K.* The Mystery of the *Choreutes* // *Studies in Honour of G. Norwood*. Toronto, 1952. P. 85–94; *Schindel U.* Der Mordfall Herodes. Zur 5. Rede Antiphons. Göttingen, 1979. S. 6; *Heitsch E.* Recht und Argumentation in Antiphons 6. Rede. Philologische Erläuterungen zu einem attischen Strafprozeß. Wiesbaden, 1980. S. 3; *Heitsch E.* Antiphon aus Rhamnus. Wiesbaden, 1984. S. 32, 90. Конкретные датировки для той или иной речи у различных исследователей несколько расходятся, но остаются в пределах конца 420–410-х гг. до н. э.

¹⁰ Некоторые речи Лисия были достаточно подробно проанализированы в совсем недавнем исследовании: *Mansouri S.* Athènes vue par ses mètèques (V^e–IVe siècle av. J.-C.). P., 2011.

¹¹ Геродот начал писать свою «Историю» в период Пентеконтаэтии, но продолжал работу и в начале Пелопоннесской войны, и уж, во всяком случае, опубликован труд (в неоконченном виде) был не ранее 420-х гг. до н. э. См. к проблеме: *Суриков И. Е.* Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011. С. 271 сл.

и подчеркнем, что речь идет о сочинениях, дошедших полностью, а не во фрагментах), да и самое древнее *вообще!*

Дело, впрочем, даже не столько в этом, сколько в том, что «Тетралогии» Антифонта воистину уникальны, и приходится даже удивляться тому, что они довольно-таки редко становятся предметом интереса антиковедов. Так, в отечественной историографии о них просто никто никогда специально не писал, на и на Западе с посвященной им литературой, скажем так, «не густо».

В чем же заключается уникальность «Тетралогий»? Этот памятник стоит совершенно особняком, не имеет сколько-нибудь близких параллелей во всей античной греческой литературе. Перед нами три цикла речей (в каждом две обвинительные и две заключительные, итого четыре, отсюда и название «Тетралогии» – как бы «Четырехречия»), написанных для *вымышленных*, никогда реально не проходивших судебных процессов. Иными словами, в них действуют фиктивные действующие лица и разворачивается придуманная фабула. Данная особенность сама по себе беспрецедентна для 40-х гг. V в. до н. э. Ничего подобного до Антифонта не создавалось – и уж, во всяком случае, в прозе-то точно¹². Произведения (имеем в виду те, которые обладали сюжетом) писались о том, что в действительности когда-то происходило (по крайней мере, по мнению самих греков¹³). Это можно сказать об эпических поэмах, лирических стихотворениях (тех из них, в которых присутствовал элемент повествования), исторических трактатах, драмах, – во всяком случае, принадлежащих к жанру трагедии¹⁴. С комедиями, впрочем, дело обстояло иначе: их авторы с самого начала в полной мере позволяли себе художественный вымысел¹⁵. Комедии, безусловно, уже писались и ставились в Афинах в те годы, когда Антифонт создавал свои «Тетралогии». Позволительно даже предположить, что он мог в данном отношении ориентироваться (хотя бы отчасти) именно на комедиографов. Тем не менее уже сам перенос этой «игры с вымыслом» из поэзии

¹² Если и создавалось кем-то из софистов (например, Протагором), мы об этом ровно ничего не можем ответственно сказать, а гадать бессмысленно.

¹³ Эта оговорка необходима в связи с тем, что многие сюжеты брались из мифологии. Нужно помнить, что для эллинов их мифы были не фантазиями и побасенками, а воспринимались как описание событий вполне реального древнейшего прошлого. Легендарно-мифологическая традиция «воспринималась и трактовалась как историческая» (Видаль-Накэ П. Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. С. 228; ср. также: Starr Ch. G. The Origins of Greek Civilization 1100–650 B.C. L., 1962. P. 68).

¹⁴ Трагедиографы обращались либо к мифам, либо (гораздо реже) к недавним событиям (как Эсхил в «Персах», известно и еще несколько примеров). См. к проблеме: Суриков И. Е. Очерки об историописании... С. 44 сл.

¹⁵ Похоже, что это вообще первый жанр в греческой (и, стало быть, европейской) словесности, где оный вымысел эксплицитно появляется.

в прозу был, безусловно, весьма смелым новшеством. В сущности, Антифонт предлагает нам три небольших «романа в речах»¹⁶ (если прибегнуть к, может быть, рискованной аналогии с «романами в письмах», столь распространенными в европейской литературе последующих эпох).

Дискуссионным является вопрос о цели написания «Тетралогий». Обычно считается, что они были составлены Антифонтom как риторические упражнения для нужд преподавания в основанной им школе ораторского искусства¹⁷. Однако относительно недавно М. Гагарин в книге, которая на сегодняшний день является, безусловно, лучшим исследованием об Антифонтe¹⁸, выдвинул и убедительно обосновал иную идею¹⁹: в действительности «Тетралогии», несмотря на внешнюю риторическую форму, – по сути своей философское произведение в духе софистов (Антифонт был активным участником софистического движения²⁰).

Известно, что величайший из софистов, Протагор, писал (к сожалению, не сохранившиеся) «антилогии» – речи, направленные друг против друга, с аргументацией в пользу полярно противоположных точек зрения. Это вообще считалось «высшим шиком» для софистов – в ходе одного «сеанса» максимально убедительно доказать и максимально убедительно опровергнуть какой-либо тезис. В той же – типично софистической – манере созданы и «Тетралогии» Антифонта. В данном плане они стоят в одном ряду еще и с трактатом «Двойные речи» (Δίοσοι λόγοι), созданным ближе к концу V в. до н. э. каким-то анонимным софистом. Более того, к той же традиции относится, по большому счету, даже и «Афинская полития» Псевдо-Ксенофонта²¹. В какой-то степени Антифонт даже развил, усовершенствовал данный жанр: в «Тетралогиях» не по две речи, как в обычных «антилогиях», а по четыре. Это обстоятельство, впрочем, не представляется столь уж принципиальным: все равно в каждой

¹⁶ Хотя, насколько помнится, Антифонта обычно уж никак не числят среди предтеч жанра античного романа (лишнее свидетельство того, что интересующий нас писатель находится в незаслуженном пренебрежении).

¹⁷ Carawan E. Rhetoric and the Law... P. 171 ff.; Barta H. «Graeca non leguntur»? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Wiesbaden, 2011. Bd 2: Archaische Grundlagen. Teil 1. S. 139 ff.

¹⁸ Характеристику этой работы см.: Суриков И. Е. Antiphontea VI: Важнейшее в мировой историографии исследование об Антифонтe // Studia historica. М., 2011. Т. 11. С. 257–275.

¹⁹ Gagarin M. Op. cit. P. 103 ff.

²⁰ Kerferd G. B. The Sophistic Movement. Cambridge, 1981. P. 30–31, 50–51.

²¹ На «диалогичный» характер этого последнего сочинения редко обращают внимание, считая обычно его направленность чисто олигархической. На самом деле ситуация сложнее, на что справедливо указано, например, в работе: Туманс Х. Псевдо-Ксенофонт – «Старый олигарх» или демократ? // ВДИ. 2004. № 3. С. 14–27.

из «Тетралогий» автор предоставляет слово двум (а не четырем) сторонам, носителям двух точек зрения.

Считать «Тетралогии» Антифонта памятником философской мысли представляется вполне правомерным (кстати, опять же получается, что они представляют собой самый ранний имеющийся в нашем распоряжении античный философский трактат, пусть даже и «замаскированный» под что-то иное). Тем не менее перед нами также и риторически отточенный текст, а кроме того, несомненно, немаловажный памятник юридической мысли. Проартикулируем этот момент специально. Памятник юридической мысли – у древних греков! У тех самых греков, которые, как считается, были, в отличие от римлян, начисто лишены развитой правовой культуры и не создали ничего подобного римскому слою специалистов-юристов. В последние годы австрийский правовед Х. Барта пытается бороться с этим расхожим воззрением (и пишет с сей целью огромный многотомный труд), но делает это, прости Господи, так, что, демонстрируя на каждом шагу свою некомпетентность в рассматриваемых вопросах, только компрометирует идеи, которые сами по себе являются вполне здоровыми. Воистину, «услужливый дурак опаснее врага», как сказал баснописец Крылов.

В частности, Барта называет Антифонта «первым европейским правоведом»²². При всем нашем уважении к Антифону (а читатель, надеемся, уже убедился, что мы отнюдь не склонны преуменьшать его заслуги, а, скорее, наоборот, пользуемся любой возможностью, чтобы подчеркнуть его уникальность), мы бы все-таки отдали «пальму первенства» на этом поприще Протагору (при всей нашей нелюбви к этому мыслителю и его «коронному» тезису – человек есть мера всех вещей, – справедливость соблюсти мы все-таки обязаны). Антифонт был крупным его последователем и кое-что действительно открыл в юридической сфере (мы увидим это ниже). Тем не менее «первопроходцем» в этой области он не был все-таки или, во всяком случае, был таковым не во всех отношениях.

* * *

Три «Тетралогии» посвящены процессам, связанным с теми тремя видами убийств, которые выделяло аттическое право и которые, соответственно, находились в компетенции трех разных судебных органов. А именно: дела об умышленных убийствах слушались в Ареопаге, дела о неумышленных – в суде Палладия, а в суд Дельфиния поступали случаи так называемых оправданных или дозволенных убийств – когда обвиняемый признавал сам факт умерщвления человека, но утверждал, что это произошло без нарушения

²² Barta H. «Graeca non leguntur»? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Wiesbaden, 2010. Bd 1. S. 49.

закона. К категории таких дозволенных убийств, не влекших за собой ответственности, относились²³: убийство при самообороне против грабителя; убийство лица, участвующего в перевороте с целью свержения демократии или занимающего государственную должность после такого свержения; убийство ночного вора; случайное убийство во время спортивных состязаний; случайное же убийство согражданина на войне; убийство любовника жены, пойманного *in flagrante*; смерть, наступившая в результате лечения (врач считался свободным от вины).

Поясним, почему мы так подробно остановились именно на этом третьем виде убийств. Дело в том, что в связи с третьей «Тетралогией» существуют определенные проблемы. С остальными двумя все более или менее ясно, особенно с первой. Сюжет ее таков: родственники некоего гражданина, чей труп был найден ночью на улице, обвиняют в убийстве одного из его личных недругов, а тот отрицает свою причастность к преступлению. Таким образом, здесь речь идет об умышленном убийстве; если бы процесс реально проходил в Афинах, он имел бы место в Ареопаге.

Во второй «Тетралогии» обвинитель возбуждает иск о неумышленном убийстве в связи с тем, что его мальчик-сын погиб во время спортивной тренировки от удара копья, брошенного другим ее участником, юношей несколько постарше. Данное дело слушалось бы в Палладии. Здесь, правда, нюанс заключается в том, что представитель защиты (им является отец обвиняемого юноши, ввиду несовершеннолетия последнего), не исключено, мог бы при желании попытаться потребовать переqualифицировать дело в подсудное Дельфинию. Правда, мы точно не знаем, приравнивалось ли убийство на тренировке к убийству на состязании, которое, как мы отмечали выше, входило в категорию оправданных. В любом случае, отец юноши избрал иную стратегию защиты. Он заявляет, что его сын вообще не виновен в убийстве: гибель мальчика произошла вследствие его собственной неосторожности, а, стало быть, он парадоксальным образом является убийцей себя самого (подробнее см. ниже).

С третьей же «Тетралогией», повторим, дело обстоит несколько сложнее. Два человека, молодой и пожилой, поссорились и вступили в драку. В ее ходе старик получил серьезные травмы, от которых через некоторое время скончался. Его родственники обвиняют молодого человека в умышленном убийстве. Тот строит свою защиту на двух пунктах. Во-первых, по его словам, начинщиком драки был старик (под влиянием алкогольного опьянения), сам же он лишь оборонялся и, следовательно, не виновен. Во-вторых, он утверждает, что смерть в действительности наступила не от его ударов, а из-за того, что впоследствии пострадавшего плохо лечил врач, которого, стало быть, и следует

²³ Почти исчерпывающий перечень см. в книге: Bonner R. J., Smith G. The Administration of Justice from Homer to Aristotle. Chicago, 1938. Vol. 2. P. 203.

признать истинным убийцей. Этот довод сторона обвинения парирует ссылкой на (тоже уже известную нам) правовую норму, согласно которой в таких случаях врач является неподсудным.

В каком афинском суде проходил бы этот процесс, если бы он имел место на самом деле? Традиционно считается, что в Дельфинии²⁴, ибо обвиняемый не отрицает своей причастности к делу, но говорит, что при этом закон с его стороны не был нарушен. В результате получается красивая, стройная картина: три «Тетралогии» – три разных вида убийства – три различных судебных органа. Однако М. Гагариным подобный ход мысли был оспорен²⁵. По мнению исследователя, нет серьезных оснований относить рассматриваемый случай к категории оправданных убийств. Да, обвиняемый ссылается на то, что действовал в порядке самообороны; однако не всякая самооборона подпадала под данную категорию, а только самооборона при нападении грабителя, а тут ни о каком грабеже речь не шла, просто случилась пьяная драка. Далее, хотя в тексте речи и фигурирует врач, по чьей оплошности умер человек (еще один тип оправданного убийства), но сам этот врач участником процесса не является, и судят не его.

С чисто формальной точки зрения М. Гагарин, допускаем, вполне прав. Но формалистический подход вряд ли конструктивен применительно к произведению, которое не является реально произнесенной судебной речью (такая речь всегда представляет собой не только нарративный источник, но и в известном смысле документ, и критерии ее исследования должны быть соответствующими), а лишь имитирует таковую. Сам же Гагарин в другом месте своей книги – там, где отстаивает авторство Антифонта для «Тетралогий»²⁶, – совершенно справедливо указывает, что в сочинении подобного рода пишущий мог дать полную волю полету своей фантазии, придумать законы, какие ему заблагорассудится, – в частности, те, которые наилучшим образом помогали бы развивать наиболее интересные для него тогда мысли. В сущности, Афины «Тетралогий» – это весьма условные Афины, это скорее некий «Софистополь», как выражается Гагарин, – абстрактное общество, где живут не люди, а идеи и аргументы. В этом «Софистополе» нет ни Ареопага, ни Палладия, ни Дельфиния... Кстати, названия этих трех судов и не упоминаются в «Тетралогиях». Так какой же смысл рассуждать, какой из них слушал бы дело, которого вообще не было, которое было создано воображением Антифонта?

²⁴ Например: *Carawan E. Rhetoric and the Law...* P. 201.

²⁵ *Gagarin M. Op. cit.* P. 106; *Antiphon & Andocides / Translated by M. Gagarin & D. M. MacDowell. Austin, 1998.* P. 40.

²⁶ *Gagarin M. Op. cit.* P. 52 ff. Ср.: *Eucken C. Das Tötungsgesetz des Antiphon und der Sinn seiner Tetralogien // Museum Helveticum. 1996. Vol. 53. No. 2. P. 73–82* (весьма схожие рассуждения).

Одним словом, мы продолжаем придерживаться того мнения, что наш оратор²⁷ имел-таки красивый, просто роскошный замысел – осветить в трех частях своего труда три вида убийств – и претворил этот замысел в жизнь. Мы находим (пусть даже в порядке гипотезы) в самом конце третьей «Тетралогии» аллюзию на первые две. А именно: вторая защитительная речь третьей «Тетралогии» завершается следующими словами, обращенными к судьям.

...Считайте своим долгом чистого от вины человека освободить от обвинения, а оскверненный пусть будет обнаружен со временем и наказан ближайшими родственниками убитого. Сделав так, вы поступите наиболее справедливым и благочестивым образом (Antiph. IV. 4. 11).

Это место как-то не очень согласуется с предшествующим текстом данной «Тетралогии». Кто это «будет обнаружен со временем»? Такое завершение речи скорее подошло бы для обвиняемого в первой «Тетралогии», который настаивает на том, что убийство было совершено не им, а какими-то еще не пойманными грабителями. А тут перед нами совсем иной случай: виновником является если не ответчик, нанесший старику травмы, то либо сам этот старик (так на виновности самого погибшего настаивает обвиняемый во второй «Тетралогии»), либо врач, который известен и разыскивать которого поэтому тоже не надо. На первый взгляд, перед нами явная несообразность. Однако именно потому, что она выглядит слишком уж явной, недостойной такого мастера, как Антифонт, мы и подозреваем: не ввел ли автор сознательно в самый конец третьей «Тетралогии» скрытую, завуалированную аллюзию на первые две (если нам действительно удалось корректно ее отыскать), дабы подытожить все произведение и подчеркнуть его единство?

Дав, таким образом, общую и краткую характеристику содержания «Тетралогий», обратимся теперь к звучащим в них философским и юридическим идеям, обращая особое внимание (как оговорено и в подзаголовке данной главы) на тот контекст, в котором они появились.

Оным контекстом – укажем сразу на вещь, наверное, всем известную, – была интеллектуальная жизнь Афин эпохи Перикла и старших софистов, Афин кипящих, бурлящих, находящихся в состоянии перманентного агона (на всех

²⁷ Точнее, в ту пору еще не оратор, а только философ. Впрочем, он и в дальнейшем не ораторствовал публично (за исключением своей «лебединой песни» – речи «О перевороте», произнесенной им в 411 г. до н. э. в собственную защиту, произведшей сильное впечатление на слушателей, однако же и его не спасшей, и до нас дошедшей только в виде нескольких фрагментов (см. их русский перевод: Суриков И. Е. Antiphontea IV: Фрагменты речей Антифонта как исторический источник (перевод и комментарий) // Studia historica. М., 2009. Т. 9. С. 5–8). Впрочем, у антиковедов принято называть ораторами всех авторов, которые писали речи, даже если они их и не произносили (как Исократ).

поприщах, будь то театр, суды, политика...), весьма оптимистично настроенных и испытывающих полную уверенность в конечном успехе «великого проекта»²⁸ (последний возник, в сущности, при Кимоне, но был потом очень ловко поставлен Периклом на службу себе).

В многогранной деятельности софистов, этих «площадных учителей», правовое мышление было самым тесным образом слито с философским. Точнее будет сказать так: юридическая мысль тогда еще не получила права на самостоятельное существование (впрочем, у эллинов она не получила этого права и позже, и специалистов-юристов в Древней Греции не было²⁹) и развивалась в рамках этических учений, которые всегда являются частью философии. Интерес же к этике (а стало быть, и к праву) особенно обострился как раз в софистический век, что стало одним из результатов «поворота философии к человеку», связываемого именно с софистами.

О юридических и философских аспектах «Тетралогий» можно было бы при желании написать книгу. А в рамках небольшого текста, понятно, получится разве что поднять какие-то вопросы, рассмотреть какие-то отдельные нюансы, связанные с интересующей нас тематикой... Впрочем, уже и это немало, если учитывать, как незаслуженно «невостребован» Антифонт у нас (да и в целом в мире).

* * *

Начать анализ лучше всего со второй «Тетралогии». Те проблемы, которые в ней ставятся, судя по всему, вызвали самый жгучий интерес в перикловых Афинах. Приведем хотя бы вот такую цитату:

...когда какой-то пентатл (пятиборец. – И. С.) нечаянно брошенным дротом убил Эпитима из Фарсала, Перикл... потратил целый день, рассуждая с Протагором о том, кого, по существу, следует считать виновником (αἰτίους) этого несчастья³⁰, – дрот, или бросавшего, или распорядителей состязания (Plut. Pericl. 36).

²⁸ О «великом проекте» и связанном с ним историческом оптимизме этой эпохи (проявляющемся, например, у Геродота) см.: Суриков И. Е. Очерки об историописании... С. 60 сл. В несколько ином ключе, но о том же феномене см.: Панченко Д. В. Культурный расцвет в Афинах в V в. до н. э. в сравнительно-историческом освещении // ВДИ. 2012. № 2. С. 142 сл.

²⁹ О возможных причинах этого см.: Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 11 сл.

³⁰ Здесь вносим поправку в перевод С. И. Соболевского, которым мы в целом пользуемся. У него в данном месте: «...этого несчастного случая» (в оригинале – τοῦ πᾶθους). Однако в афинском праве V в. до н. э. не было такой категории, как «несчастный случай» (об этом у нас как раз пойдет речь ниже). С. И. Соболевский был замечательным филологом, но в его времена переводчику античных текстов не обязательно было задумываться

Сходство описанного тут эпизода с тем, который берет Антифонт для своей второй «Тетралогии», настолько бросается в глаза, что, естественно, абсолютно все специалисты, занимавшиеся «Тетралогиями», обращали на это внимание (так что и ссылок приводить не имеет смысла). Сразу оговорим, что однозначно решить иногда ставящийся вопрос – не повлиял ли случай, упомянутый Плутархом, на выбор Антифонтом сюжета для этой «Тетралогии»? – не представляется возможным, поскольку нет никакой ясности ни с хронологией визитов Протагора в Афины³¹, ни – как мы видели – с точным временем написания Антифонтом «Тетралогий».

Первая обвинительная речь во второй «Тетралогии» необычайно коротка. Собственно, она содержит только обвинение метнувшего копье юноши в неумышленном убийстве мальчика. Отец последнего, выступая обвинителем, специально подчеркивает, что убийство – даже и по его мнению – не было умышленным, однако ему-то, отцу, потерявшему сына, от этого не легче (Antiph. III. 1. 1–2)!

По замыслу Антифонта, обвинитель настолько уверен в своей правоте и победе (дело кажется ему абсолютно ясным), что даже не считает необходимым полностью использовать положенное ему для речи время. Однако далее Антифонт показывает, что в действительности ситуация гораздо сложнее. Частный случай становится для него поводом рассмотреть важные вопросы о причинности и вине. Совершенно необходимо указать на то, что в древнегреческом языке «причина» и «вина» – одно и то же слово αἰτία. Здесь есть о чем задуматься. Для нас «причина» – категория либо, так сказать, общежитейская, либо уж философская (у философов традиционно считается одним из важнейших вопросов о каузальности). А «вина» – разумеется, категория юридическая.

Описываемая во второй «Тетралогии» ситуация в современном праве, безусловно, подпадала бы под категорию несчастного случая, когда не виноват никто³². Но древнегреческое право этой юридической категории еще не знало (Антифонт только подходит к ней), нужно было обязательно обозначить

еще и о корректной передаче юридической лексики, а нам ныне, увы, приходится это делать.

³¹ То посещение им Афин, которое столь ярко описано в диалоге Платона «Протагор», обычно датируют 432 г. до н. э. (или даже более поздним временем). Однако это было уж точно не первое прибытие великого софиста в «город Паллады». Он, как известно, был привлечен Периклом еще к основанию Фурий, которое имело место в 444–443 гг. до н. э.

³² Под современное понятие убийства по неосторожности данный случай, похоже, не подпадает: насколько можно судить по тексту речей второй «Тетралогии», мальчик убежал под копье тогда, когда оно уже летело, так что метатель даже и при всем желании не мог предотвратить смертельного удара.

виновника, что и порождало соответствующие коллизии, подобные той, которая разбирается в этой «Тетралогии».

Интересно, что в ней вопрос ставится в существенной мере иначе по сравнению с процитированным выше свидетельством Плутарха о беседе Перикла и Протагора. Те склонны в качестве возможных виновников рассматривать «дрот, или бросавшего, или распорядителей состязания». Что мы имеем у Антифонта? Вопрос о том, что «виновато» брошенное копье, даже не ставится³³. Что касается «распорядителей состязания»: инцидент происходит во второй «Тетралогии» не на состязании как таковом, а в ходе обычных занятий в гимнасии. Отец погибшего мальчика в ответ на постоянные замечания представителя противоположной стороны о том, что «не был бы он убит, если бы стоял спокойно, а не бегал туда-сюда» (Antiph. III. 2. 5), в какой-то момент отвечает: «Ведь мальчика в тот момент позвал педотриб, чтобы он подносил копьеметателям копья, и он из-за распушенности того, кто метал, наткнулся на его враждебное оружие» (Antiph. III. 3. 6). Противник же парирует: «Что же касается причины, по которой он побежал: если он сделал это, позванный педотрибом, то педотриб и есть его убийца, а если он пошел под удар по собственному побуждению, то сам он себя и погубил» (Antiph. III. 4. 4).

Между прочим, тут перед нами нюанс, который, хотя и звучит в речах обеих сторон лишь как-то вскользь – и, стало быть, не рассматривается в качестве сколько-нибудь важного, – в наше нынешнее время привлек бы к себе куда большее внимание. Более того, пожалуй, по нормам современного права именно педотриба-то (а он сыграл в рассматриваемом деле роль, аналогичную роли «распорядителей состязания» в пассаже из Плутарха) в конечном счете и признали бы виновным, коль скоро он дал мальчику распоряжение, приведшее к его гибели. Разумеется, если бы удалось доказать, что он это действительно сделал. Но тяжущиеся во второй «Тетралогии» совершенно не настроены это доказывать (или опровергать), им это вообще не интересно, они заняты полемикой друг с другом. Их понять можно; другое дело, что современное

³³ Хотя теоретически даже и он мог бы быть поставлен. В Афинах, наряду с Ареопагом, Палладием, Дельфинием, был еще один суд по делам об убийствах – Пританей. В нем судили как раз неодушевленные предметы, «совершившие» убийство (см.: Demosth. XXIII. 76). Почему-то Антифонт не написал четвертую «Тетралогию», в которой в качестве судебного органа, рассматривающего дело, мыслился бы Пританей (имелось еще и пятое судилище – Фреатто, – так что, в принципе, можно было бы ожидать даже и цикла из пяти «Тетралогий»). В связи с этими пятью афинскими судами по делам об убийствах написано немало, но отослать нужно прежде всего к работе: Boegehold A. L. et al. The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia (The Athenian Agora. Vol. 28). Princeton, 1995. P. 3, 43 ff., 121 ff. В ней собрано, несомненно, наибольшее количество свидетельств, как нарративных, так и археологических.

судопроизводство и не оставило бы решение столь важного вопроса на усмотрение частных лиц. Было бы проведено следствие, которое с максимальной тщательностью рассмотрело бы все возможные версии о виновнике, в том числе и ту, в которой таковым является педотриб. Однако прекрасно известно, что никаких следственных органов в античных Афинах не существовало. В результате то, что мы ныне определяем как следственные действия, осуществлялось самими тяжущимися – в процессе их подготовки к процессу. Фактически одновременно шли два альтернативных «следствия», и, разумеется, люди, которые их вели, действовали «кто во что горазд», а суд добытые материалы никак не проверял³⁴.

Вернемся к основной нити изложения. Итак, если виновны не копье, оружие убийства, и не педотриб, то кто? В беседе Протагора и Перикла приводится только еще один вариант для такой ситуации: виновник – тот, кто бросил копье. Во второй «Тетралогии» Антифонта именно из этого исходит обвинитель: юноша является убийцей мальчика, хотя и невольным. Он подлежит ответственности, поскольку кровь все-таки пролита, и должен уйти в изгнание: за неумышленное убийство еще законами Драконта предписывалось именно это наказание, а не смертная казнь.

Такой ход мысли вполне согласен с традиционными, архаичными представлениями. Ведь, надо полагать, именно для подобных случаев (когда субъективной вины нет, но объективно некие действия повели к гибели человека) и создавался, и веками функционировал суд в Палладии. И, несомненно, лица, им осужденные, принимали приговор как нечто должное.

Но теперь на дворе стоял «софистический век», и к тому же за разработку данного вопроса принялся такой яркий представитель движения софистов, как Антифонт. И какой же ответ он нашел? Напомним, что поиск осуществлялся в условиях отсутствия такой категории, как несчастный случай, когда виновника искать было просто бессмысленно. И наш автор (устаами представителя защищающейся стороны во второй «Тетралогии») предлагает парадоксальный, даже ошарашивающий ответ: убийца – сам убитый мальчик. Ведь по его вине (нечего бегать там, где метают копья!) произошла его собственная смерть. А с другой стороны, сам же он своей гибелью наказал себя за свой проступок. Стало быть, преступление и наказание совместились в одном акте, преступник сам себя тут же и наказал (Antiph. III. 2. 8), и дело должно быть закрыто.

Объяснению этого посвящена по большей части первая защитительная речь во второй «Тетралогии». В ответном выступлении обвинитель выглядит

³⁴ Одна из черт, побудивших Г. Тюра, крупнейшего в Европе специалиста по греческому праву, назвать афинскую систему производства тупиковой (*Thür G. Die athenischen Geschworenengerichte – eine Sackgasse? // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 321–331*).

совершенно растерянным, он не ожидал ничего подобного. Он сразу же так прямо и заявляет:

...В прежнее время он³⁵, во всяком случае, менее всего был бесстыдным и дерзким, а теперь он своим несчастьем принужден говорить так, что мне и в голову бы не пришло, что он может такое сказать. И я ведь проявил полную глупость, не предположив, что он будет возражать; иначе я не лишил бы себя наполовину обвинения, сказав одну речь вместо двух³⁶ (Antiph. III. 3. 1–2).

Вторая обвинительная речь, вообще говоря, производит впечатление довольно противоречивой, построенной в значительной степени на эмоциях. По большей части обвинитель в ней категорически настаивает на невиновности своего погибшего сына:

...Этот человек (имеется в виду опять отец обвиняемого. – *И. С.*) дошел до такой дерзости и бесстыдства, что объявляет того, кто бросил копье и убил, не равнившим и не убившим, а того, кто не прикоснулся к копью, да и не намеревался его метать, – виновным перед всей землей и всеми людьми, говорит, что он сам вонзил себе копье между ребрами. Кажется мне, что я, если бы выдвигал обвинение в умышленном убийстве, мог бы получить больше веры, чем он, утверждающий, что юноша и копья не метал, и не убивал (Antiph. III. 3. 5).

Здесь со стороны обвинителя – явная гиперболизация, искажение доводов противоположной стороны. Разумеется, в защитительной речи ничего подобного не утверждалось – ни что юноша не метал копья, ни что мальчик сам вонзил в себя это оружие; аргументация в ней была гораздо тоньше.

Обвинитель продолжает твердо стоять на своем: «Умышленно он не убивал, но уж скорее можно сказать, что он убил умышленно, чем утверждать, что он вообще не бросил копье и не убил. Неважно, умышленно ли или неумышленно они убили моего мальчика, – они вообще отрицают, что убили его» (Antiph. III. 3. 6–7). Кстати, как видно из употребленного здесь множественного числа, говорящий прибегает к риторическому обобщению, «записывая в убийцы» заодно уж и отца обвиняемого. Подобные аргументы, входящие в разительное противоречие с любой логикой, тем не менее гарантированно оказывали эмоциональное воздействие на часть судей.

Однако далее в какой-то момент обвинитель вроде бы демонстрирует готовность признать, что и его сын тоже не вполне невиновен в трагическом происшествии. А именно – он говорит:

³⁵ Отец обвиняемого юноши, выступавший в его защиту. По замыслу Антифонта, обвинитель и ранее был с ним знаком.

³⁶ Обвинитель имеет в виду, что первую речь из двух положенных каждой стороне на процессе он фактически не сказал (мы выше упоминали, что она экстраординарно кратка).

Даже если мальчик – из-за того, что он вышел под полет копья, а не стоял неподвижно, – по справедливости является убийцей себя самого, всё равно юноша не чист от вины: он был бы таковым, если бы не метал копье, а стоял неподвижно, мальчик же умер бы. Убийство произошло по вине обоих; но мальчик, совершив оплошность по отношению к себе самому, сам же и наказан этой оплошностью, и даже слишком сурово: ведь он мертв. А разве справедливо, чтобы соучастник и сообщник оказался в числе не имеющих отношения к преступлению и ушел без наказанным? (Antiph. III. 3. 10).

Итак, здесь фигурирует «вина обоих», а предполагаемый убийца даже назван «соучастником и сообщником» убитого! Противоречие с тем, что говорилось раньше, налицо. Это, полагаем, сознательный ход со стороны Антифонта, который создает вот такой образ обвинителя в этом процессе – образ человека несколько беспечного (он, как мы видели, «профукал» свою первую речь), не поднаторевшего в тяжбах, находящегося не в ладах с логикой, порой не понимающего (или делающего вид, что не понимает?) суть доводов защищающейся стороны (например: Antiph. III. 3. 8)... Не забудем о том, что Антифонт – первый крупный мастер этопеи³⁷.

Не случайно отец обвиняемого начинает свое второе выступление словами: «Похоже, что этот человек (обвинитель. – И. С.), всецело погруженный в свое обвинение, не вник в мою защитительную речь» (Antiph. III. 4. 1). В общем-то справедливое замечание: тонкостей аргументации защищающегося его оппонент действительно не уловил. А тот по-прежнему последовательно проводит свою позицию: «...Мальчик, погибший по своей же вине, одновременно и совершил проступок, и сам себя наказал. А коль скоро убийца наказан, убийство не осталось неотомщенным» (Antiph. III. 4. 8). «Помните, что случившееся произошло по вине того, кто вышел под полет копья, и оправдайте нас: ведь мы не виновны в убийстве» (Antiph. III. 4. 10) – завершающая фраза, «финальный аккорд» и этой речи, и всей второй «Тетралогии».

Интересно было бы знать: а на чьей стороне в данной тяжбе сам Антифонт? Кажется, ему более симпатичен защищающийся, но это наше впечатление субъективно, и допускаем, что оно ошибочно. В высшей степени характерно, что ни в одной из трех «Тетралогий» после речей не приведен приговор. А ведь автор вполне мог бы это сделать – он придумывал судебные процессы, и в его полной воле было обозначить для каждого из них результат, представлявшийся ему наиболее справедливым. Однако же он так не поступил – и, несомненно, совершенно сознательно. Судя по всему, задачу свою он видел в том, чтобы

³⁷ Подробнее см.: Суриков И. Е. Этопея в судебных речах Антифонта // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2013. Вып. 12: Из истории античности и нового времени. Сб. статей к 80-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. С. 99–126.

поставить перед аудиторией ряд сложных проблем, а решение их предоставить своим читателям / слушателям³⁸. Чувствуется, ему вообще больше нравилось задавать вопросы, а не давать ответы, и в этом он был типичным софистом.

* * *

Перейдем к первой «Тетралогии». Если во второй Антифонт под маской простенького судебного процесса рассмотрел весьма сложный вопрос о причинности, то в том тексте, который мы будем анализировать теперь, он делает нечто подобное применительно к проблеме не менее сложной. Это – проблема истины, которая нашего автора и в целом не оставляла равнодушным (достаточно напомнить, что один из его философских трудов, причем хронологически, похоже, самый ранний, назывался «Об истине» или «Истина»³⁹).

В каком аспекте данная тема проходит через первую «Тетралогию»? Прежде всего – в аспекте контраста между истиной и вероятностью. Поясним здесь, что в древнегреческих судебных речах традиционно играли большую роль соображения «вероятности» или «правдоподобия» (*τὸ εἰκός*). Собственно, именно на них строится такой важнейший вид риторического дедуктивного аргумента, как энтимема.

Энтимему определяют как «риторический силлогизм». Часто пишут, что она-де отличается от нормального силлогизма, употребляемого в логике, тем, что в ней одна из посылок прямо не высказывается. Это не верно ни в каком отношении. Сколько угодно можно встретить энтимем, в которых присутствуют обе посылки; с другой стороны, сколько угодно можно встретить (и построить) силлогизмов классического типа с опущенной посылкой. Даже и тот всем знакомый «гимназический» силлогизм о Кае, который упоминается в «Смерти Ивана Ильича» Льва Толстого и служит обычно первой пришедшей в голову «иллюстрацией силлогизма», когда приходится объяснять кому-нибудь, что это

³⁸ Традиционно считается, что в V в. до н. э. литературные произведения писались еще для восприятия слухом, а не зрением. В целом это так; но, кажется, именно Антифонт первым стал отходить от этого правила (ср.: *Gagarin M. Op. cit. P. 103 ff.*), и, кстати, впоследствии по тому же пути пошел лучший из его учеников – Фукидид (*Thuc. I. 21–22*). «Тетралогии» – очень трудные тексты (и с точки зрения содержания, и с точки зрения языка); их надо было именно читать, а не слушать, чтобы понять в полной мере. Напомним, кстати, что Антифонт являлся и первым логографом, а с этим ремеслом связана необходимость именно читать, ведь клиенты логографов заучивали написанные теми речи наизусть, а это можно сделать только путем чтения.

³⁹ Его анализ см.: *Gagarin M. Op. cit. P. 63 ff.* Датировать трактат трудно, но он явно относится примерно к тому же времени, когда писались и «Тетралогии». Трактат «О согласии» (или «Согласие») был написан Антифонтom позже.

такое («Кай – человек. Все люди смертны. Следовательно, Кай смертен»), может быть построен в форме «Кай – человек. Следовательно, Кай смертен»⁴⁰.

Нет, энтимема отличается от силлогизма другим: в ней либо одна посылка, либо даже обе имеют не обязательный, а вероятностный характер⁴¹. Соответственно, если правильно построенный силлогизм даст на выходе абсолютно непоколебимый в своей истинности результат⁴², то заключение, выведенное из энтимемы, может быть тоже только вероятностным.

Все античные теоретики риторики призывали в своих трудах активно пользоваться энтимемами. В частности, много об энтимемах пишет Аристотель в своей «Риторике» (Arist. Rhet. 1354a 13 sqq., 1356b2 sqq., 1395b22 sqq. – особенно обширный пассаж). А вот Антифон⁴³ в своей первой «Тетралогии» (если мы ее правильно понимаем) нанес серьезный удар всякой такого рода вероятностной аргументации, показал, что правдоподобие отнюдь не тождественно правде.

⁴⁰ Автор этих строк вспоминает свой давний (где-то на рубеже 1980–1990-х гг.) спор с А. А. Немировским о том, какой предмет в средней школе находится в незаслуженном пренебрежении. Мы тогда настаивали на том, что нужно возрождать преподавание логики, а наш оппонент говорил, что логика – это ерунда и лучше более углубленно учить школьников математике. Мы на своих тогдашних позициях остались и по сей день. Человеку, чей ум имеет какую-то организацию, даже само прочтение, допустим, «Логики» В. Ф. Асмуса доставит большое эстетическое наслаждение (знаем по себе). Кроме того, для нас очевидно, что человек, овладевший логикой, никуда никогда не опаздывает, а также и живет долго.

⁴¹ Ср.: Корнилова Е. Н. Риторика – искусство убеждать: Своеобразие публицистики античного мира. 3-е изд. М., 2010. С. 102. Данный тезис в указанной книге совершенно верен. Но, коль скоро уж мы о ней упомянули, просто не можем не отметить, что работа буквально изобилует грубыми, дилетантскими ошибками. Автор берется писать об античном ораторском искусстве, не зная толком древнегреческого языка (это с полной ясностью видно из того, какой вид имеют часто приводимые Е. Н. Корниловой греческие термины), постоянно путаясь в фактах и реалиях, будучи даже не в курсе относительно верного написания многих имен. В книге обитают «Зелевк» (Залевк), «Гисперид» (Гиперид), «Марк Прорий Катон», «Сервилий Сульпиций Гальба» и ряд других сомнительных личностей. Всё это особенно прискорбно в связи с тем, что книга издана в качестве учебного пособия факультетом журналистики МГУ (причем даже несколько переизданий не побудили автора исправить свои смешные ляпы), а стало быть, предназначена для чтения студентами, которых так легко обмануть...

⁴² Преимущество дедукции по сравнению с индукцией: правильно выполненная дедукция без вариантов дает стопроцентно верный результат, об индукции этого сказать нельзя. Недостаток дедукции по сравнению с индукцией: первая не дает никакого нового результата (в заключении нет ничего, что не содержалось бы в посылках), а вторая порой может и дать оный новый результат.

⁴³ Хотя сам термин «энтимема» мы у него не встретим. Возможно, что он еще и не существовал в его время.

Рассмотрим, как он это сделал. В отличие от второй «Тетралогии», где гибель мальчика произошла у всех на глазах (так что вопрос о выяснении обстоятельств дела просто не вставал, нужно было только решить, кто должен нести ответственность), в данном случае перед нами убийство, совершенное тайно, в ночи. Обвинитель, доказывая, что виновен именно тот, кого он призвал к суду, опирается (примерно в равной степени) на два типа аргументов: на показания раба-проводжатога и на соображения правдоподобия.

С последних он даже начинает и говорит о них подробнее (получается, считает их более весомыми?), но коснемся вначале первых, дабы, разобравшись с ними, больше к ним уже не возвращаться. Убитый ночью шел по улице в сопровождении раба; на них напала группа неких лиц и нанесла им смертельные удары или раны. Хозяин погиб сразу же, а раб был еще жив, когда жертв нападения обнаружили, но вскоре тоже скончался. Тем не менее, говорит обвинитель, «мы его расспрашивали, и он сказал, что из тех, кто их бил, он узнал только этого человека (обвиняемого. – *И. С.*)» (*Antiph. II. 1. 9*).

Обвиняемый в ответной речи указывает, что, согласно действующим нормам права, свидетельские показания раба могут быть признаны имеющими силу только в том случае, если они получены с применением пытки (*Antiph. II. 2. 7*). В Афинах действительно именно так и было⁴⁴. Нюанс, впрочем, заключался в том, что допрашиваемый проводжатый, напомним, и сам был смертельно ранен, так что использовать по отношению к нему полагающуюся процедуру с пыткой просто не было никакой физической возможности. Тем не менее интересующий нас персонаж и во втором своем выступлении проводит ту же мысль, даже еще более акцентированно:

А свидетельство слуги – разве следует считать его более заслуживающим доверия, чем показания свободных людей? Ведь последних лишают гражданских прав и наказывают деньгами, если сочтут, что они лжесвидетельствуют; а раб не представил никакого доказательства и не прошел через пытку – так какое наказание он понесет? Или как это можно расследовать? Во всяком случае, он знал, что будет свидетельствовать безнаказанно, и ничего удивительного, что его хозяева – а они мне враги – убедили его оклеветать меня (*Antiph. II. 4. 7*).

В другом месте⁴⁵ мы писали, что, несмотря на кажущуюся несообразность подобного рода высказываний, говорящий на самом деле вполне последователен. Он хочет перевести разговор с частного случая на общее правило: показания раба, полученные без пытки, ни при каких обстоятельствах (даже

⁴⁴ Подробнее см.: *Суриков И. Е. Antiphontea VII: Судебная пытка рабов в речах Антифонта // Studia historica. М., 2012. Т. 12. С. 33–60* (со ссылками на важнейшую предшествующую литературу)..

⁴⁵ *Суриков И. Е. Antiphontea VII... С. 57.*

при таких!) не могут быть аргументом в суде. Между прочим, *stricto iure* он прав.

Но вернемся к аргументации «от правдоподобия» во второй «Тетралогии». Тут мы наблюдаем, как говорится, сеанс с разоблачением. Обвинитель первую свою речь начинает характерными словами:

Те дела, которые замышляются кем попало, нетрудно изобличить. Но когда такое совершают люди с недурными способностями, опытные в делах, находящиеся в том возрасте, в котором мысль работает лучше всего, – трудно их и опознать, и изобличить... Итак, вам (судьям. – *И. С.*), зная это, следует, даже если вы услышите что-нибудь всего лишь правдоподобное, вполне верить (*Antiph. II. 1. 1–2*).

В дальнейшем он перечисляет именно доводы от правдоподобия:

[И ведь не похоже, что этого человека убили злодеи]⁴⁶, ибо никто, коль скоро он так сильно рисковал своей жизнью, не отверг бы готовой выгоды, находящейся у него в руках: а между тем жертвы были найдены в гиматиях⁴⁷. И, право же, не убил его кто-то, бесчинствуя в пьяном виде; иначе он был бы опознан участниками пирушки⁴⁸. И не из-за перебранки случилось это: не на исходе ночи и не в одиночестве бранились они. И не попал он в него, метя в другого⁴⁹: иначе он не убил бы вместе с ним и провожатого. А коль скоро устраняется любое другое подозрение, сама смерть показывает, что человек был умышленно убит. Кто же с большей вероятностью предпринял это дело, если не тот, кто уже раньше претерпел от убитого много зол и считал, что претерпит еще больше? Обвиняемый именно таков: ведь он, издавна будучи враждебен своей жертве, возбуждал против нее многочисленные и серьезные иски публичного характера, но ни в одном не победил. Он и сам подвергался со стороны жертвы еще более серьезным и многочисленным искам, причем ни разу не был оправдан, и в результате лишился значительной части состояния. Так, совсем недавно он был обвинен убитым в краже священных предметов, и ему грозил штраф в два таланта. Он сознавал, что совершил преступление, на опыте столкнулся с искусством своего противника и питал к нему злобу за эти прежние события. Так вероятно, что он и замыслил убийство; вероятно и то, что он убил человека, защищаясь от его враждебности. Ведь и желание мести заставило его забыть об опасностях, и боязнь грядущих

⁴⁶ Заключенные в квадратные скобки слова в рукописях выпали, но, впрочем, реконструируются вполне надежно. «Злодеи» (κακοῦργοι) – здесь уличные грабители. См. об этой категории преступников: *Hansen M. H. Apagoge, Endeixis and Ephegesis against Kakourgoi, Atimoi and Pheugontes: A Study in the Athenian Administration of Justice in the Fourth Century B.C.* Odense, 1976.

⁴⁷ То есть не раздетые, не ограбленные.

⁴⁸ С которой ночью шел убитый.

⁴⁹ То есть по ошибке.

неприятностей, вывода его из себя, побудила действовать с большей горячностью. К тому же он надеялся, совершив это, что убийство останется нераскрытым и он избежит процесса о краже: никто не выступит с жалобой и дело пройдет без последствий. Впрочем, он полагал, что даже если и будет осужден, то достойнее претерпеть это отомстив, чем малодушно погибнуть в результате процесса, никак за это не оплатив. А он твердо знал, что процесс проиграет: ведь иначе он не счел бы, что теперешний суд для него безопаснее⁵⁰ (Antiph. II. 1. 4–8).

Просим прощения за длинную цитату, но она была необходима, поскольку от нее придется в дальнейшем и отталкиваться. В пространном пассаже мы встречаем *только* вероятностные аргументы, – конечно, значительно различающиеся по силе своей убедительности. Самым сильным из них является тот, согласно которому обвиняемый был злейшим врагом убитого, постоянно судился с ним, причем не в свою пользу, и, следовательно, имел мотивы для преступления. Оппонент своей враждебности и не отрицает, однако делает из нее полярно противоположные выводы, причем, надо признать, достаточно логичные:

... Коль скоро из-за страшной вражды между мною и убитым вы, исходя из соображений вероятности, теперь подозреваете меня, – то ведь еще вероятнее, что я перед тем, как что-либо совершить, подумал бы о том, что на меня-то и падет подозрение. Я уж скорее и кому-нибудь другому стал бы препятствовать, если бы узнал, что он злоумышляет против убитого, и уж тем более не взялся бы за преступление сам, чтобы по своей воле попасть под явное подозрение! Ибо в случае раскрытия дела я погибал бы безусловно, но я точно знал, что даже и в случае, если дело не раскроют, это подозрение всё равно падет на меня... Далее, было много людей, ненавидевших его не намного меньше, чем я, – почему более правдоподобно, что я его убил, а не они? Они прекрасно понимали, что подозрение падет на меня, а я точно знал, что меня объявят виновником вместо них... А если кто считает, что доводы от правдоподобия в равной степени с истиной свидетельствуют против меня, тому опять же следует принять в расчет, что я с большей вероятностью остерегался бы, держась подальше от коварных замыслов, и не появился бы лично при деле, не дал бы этому провожатому опознать меня, когда его закалывали (Antiph. II. 2. 3, 6, 8).

Далее он указывает, что в случае проигрыша процесса, который возбудил против него убитый, он терял бы только деньги, в то время как за умышленное убийство полагался смертный приговор⁵¹, так что неразумным было бы для него идти на такой риск.

⁵⁰ Некорректный аргумент, основанный на *petitio principii*.

⁵¹ Которого, правда, обвиняемый мог избежать, уйдя в добровольное изгнание, но, как прекрасно известно, для гражданина греческого полиса потерять родину и оказаться в положении беженца-изгоя считалось тоже чрезвычайно тяжелым уделом.

Ответчик также предлагает внимательнее присмотреться к версии убийства грабителями:

Вовсе не является невероятным, как они говорят, а, напротив, вполне вероятным, что человека, бродящего поздно ночью, убили именно из-за гиматиев. А что его не раздели – это ничего не доказывает: возможно, убийцы не успели снять с него одежду, а, услышав, что кто-то идет, испугались и удалились. Предпочтя спасение выгоде, они поступили как здравомыслящие, а не как безумные люди. А возможно, он и не ради гиматиев был убит, а увидел, что другие люди творят какое-нибудь зло, и они погубили его, чтобы он не стал доносчиком об их преступлении... (Antiph. II. 2. 5–6).

Так он парирует доводы «от правдоподобия», предложенные обвиняющей стороной. Что судьи слышат в ответ от последней? Так сказать, опровержение опровержения:

...Если бы убийцы⁵², увидев издали каких-то подходящих людей, бросились бежать, оставив убитых и не успев их раздеть, то люди, наткнувшись на них, увидели бы, что хозяин мертв, а слуга-то жив; ведь его потом подняли еще в сознании, и он свидетельствовал⁵³. И они, хорошенько расспросив его о виновниках, сообщили бы нам; и тогда этого человека не обвиняли бы. А если бы люди были убиты теми, кого они застали при совершении какого-то другого злодеяния, чтобы они их не опознали, – то тогда одновременно с убийством было бы объявлено и об этом другом злодеянии, и подозрение пало бы на людей, его совершивших. И я не знаю, каким образом против убитого скорее стали бы злоумышлять те, кто находился в меньшей опасности, чем те, кто испытывал больший страх. Ибо последних страх и обида должны были в достаточной мере заставить забыть об осторожности. А для первых опасность и стыд значили бы больше, чем вражда; даже если бы они и замыслили совершить такое, эти чувства побудили бы их образумиться и смирить гнев в душе... Также не более правдоподобно было обвиняемому отсутствовать при убийстве, чем присутствовать. Ведь если бы он и отсутствовал, всё равно опасность для него была бы такая же, как и в случае присутствия. Ибо любой из убийц, будучи схвачен, показал бы именно на него как на организатора преступления. А притом дело без него пошло бы хуже: никто же из участников не стремился совершить его с большей решительностью, чем он. Теперь покажу, что от затеянного против него публичного процесса опасность для него была не меньше, а намного больше, чем эта, из-за убийства, и он это понимал. Положим, что у него в обоих судебных делах были равные шансы быть осужденным или оправданным. При этом пренебречь публичным процессом

⁵² Имеется в виду версия, согласно которой убийство совершили грабители.

⁵³ Последняя часть фразы (от «ведь») в издании Бласса – Тальхейма исключается, но, на наш взгляд, без серьезных оснований.

у него не было никакой возможности, пока был жив обвинитель: его он не уговорил бы отозвать иск. А на этот суд он надеялся и не попасть, поскольку считал, что ему удастся совершить убийство тайно (Antiph. II. 3. 2–3, 5–6).

И наконец, финальное резюме обвиняемого. Он прибегает к неприкрытой иронии, заявляя:

Обвинители утверждают, что среди тех, кто наткнулся на людей, подвергшихся нападению, не могло быть такого, кто с большей вероятностью не разузнал бы в точности, кто были убийцы, и не сообщил бы о них в дом жертв, а оставил бы место происшествия и обратился бы в бегство. А я вот полагаю, что вообще нет такого отважного и мужественного человека, который, случайно встретив среди ночи еще трепещущие трупы, не убежит, а будет подвергать опасности свою жизнь, расспрашивая о тех, кто совершил это злодеяние. А коль скоро вероятно, что очевидцы поступили бы именно так, то невероятно, что лица, совершившие убийство из-за гиматиев, напали бы на них. И это тоже снимает с меня подозрения. А было ли объявлено о каком-либо другом злодеянии, совершенном одновременно с убийством этих людей, – кто знает? Ни у кого не было заботы следить за этим. А коль скоро такое объявление прошло незамеченным, нет ничего невероятного, что убитый пал жертвой именно этих злодеев (Antiph. II. 4. 4–6).

Логично? Безусловно, логично. Каждый из нас может представить себя в положении лица, внезапно ночью на пути обнаружившего труп и рядом с ним – умирающего, корчащегося в предсмертных муках. Бесспорно, долг гражданина говорит, что нужно немедленно бежать в полицию. А вот долг *boni patris familias* говорит несколько иное – обращай, и затаскают по следствиям и судам, и конца-края этому не будет, да, чего доброго, еще и самому же мне это убийство припишут, и осудят... Мы намеренно попробовали передать достаточно бессвязный ход мыслей человека, оказавшегося в подобной ситуации. Но для нас совершенно очевидно, что именно так рассудит подавляющее большинство тех, кто оказался бы на месте преступления. И скорее ретируется с этого места, нежели поступит как-либо иначе.

Таким образом, говорящий, как нам представляется, продолжает удачно отражать приводившиеся противной стороной аргументы «от правдоподобия». Но это, как говорится, цветочки, а ягодки следуют несколько позже. В какой-то момент обвиняемый высказывает следующую мысль:

Они заявляют, что подозрительнее для меня было бы не присутствовать при убийстве, чем присутствовать. А я покажу, что не присутствовал, причем покажу, опираясь не на соображения вероятности, а на факты. Я передаю на пытку всех рабов и рабынь, которые у меня есть. И если окажется, что в ту ночь я не спал дома, а куда-то выходил, – тогда согласен, я убийца (Antiph. II. 4. 8).

Перед нами – «коронный ход». Вдруг выясняется, что у подсудимого имеется алиби (а коль скоро это так, то любые подозрения с него, понятно, заведомо снимаются)! Но, коль скоро это так, почему же этот человек так долго молчал о своем алиби и привел соответствующий довод только почти в самом конце своей последней речи? Ведь, если бы он сделал это уже в начале суда, а лучше – еще до процесса, позиции обвинения были бы сразу же полностью разрушены.

Тут надлежит памятовать о том, что ход процесса в любой из «Тетралогий» всецело зависел от воли автора, Антифонта⁵⁴. Поэтому нам глубоко импонирует позиция М. Гагарина⁵⁵, убежденного в том, что наш оратор-софист вводит мотив алиби в конце, имея определенную цель. А именно: он хочет показать, что в тех судебных процессах, в которых прения сторон основываются на слабых, косвенных доводах «от правдоподобия» (здесь перед нами как раз такой случай), один по-настоящему сильный аргумент может внезапно коренным образом изменить весь ход дела.

Концепции «правдоподобия» нанесен серьезный удар. Отметим здесь, что в ходе эволюции практики афинского судопроизводства происходило постепенное смещение в сторону большего внимания к так называемым не-техническим (ἄτεχνοι) аргументам (т. е. безыскусственным, объективным). Здесь тоже, безусловно, необходимо пояснение. Аристотель (Rhet. I. 1355b35 sq.) делит аргументы в речах (а разумеет он по понятным причинам преимущественно судебные речи) на «не-технические» (ἄτεχνοι) и «технические» (ἐντεχνοι). Последние, если переводить буквально, – искусственные (τέχνη – искусство), то есть субъективные. Энтимемы и прочие вероятностные заключения заведомо относятся к их числу. Что же касается «не-технических» доказательств, то самим Аристотелем определяются в число таковых «пять: законы, свидетели, договоры, показания под пыткой, клятвы» (Arist. Rhet. I. 1375a21 sq.).

Характерно, что этим «не-техническим» аргументам Стагирит в «Риторике» уделяет весьма большое внимание, в то время как вопрос о «технических» затрагивает лишь мимоходом. Это отражает реалии, характерные для его времени, для IV в. до н. э. В этом столетии по сравнению с предыдущим в афинской судебной практике произошло, помимо прочих, и такое изменение, как значительное увеличение удельного веса письменных элементов по сравнению с устными⁵⁶. Так, перестали заслушиваться «живые» свидетельские показания;

⁵⁴ Именно поэтому нам представляются бессмысленными попытки найти какое-то объяснение данной ситуации путем ссылок на нормы афинского права (как, например, в: Carawan E. Rhetoric and the Law... P. 213).

⁵⁵ Gagarin M. Op. cit. P. 114 ff.

⁵⁶ Подробнее см.: Boegehold A. L. et al. Op. cit. P. 21 ff.; Rhodes P. J. Judicial Procedures in Fourth-Century Athens: Improvement or Simply Change? // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 303–319.

теперь их заранее записывали, хранили в запечатанном сосуде, а в ходе процесса оглашали.

Причиной подобной перемены, несомненно, является общая переакцентировка в культуре IV в. до н. э. с устных форм на письменные⁵⁷. Традиционно этот процесс связывают с именем Платона, однако недавно Дж. Моррисон справедливо подчеркнул, что следует отступить на одно поколение и начинать отсчет данной тенденции с Фукидида⁵⁸. Правильный ход мысли, но нам представляется, что можно двинуться дальше еще на поколение и именно в данной связи назвать имя как раз нашего Антифонта (как мы знаем, учителя Фукидида). Повторим снова и снова: в то время, как его предшественники и даже современники продолжали еще произносить речи в чисто устной форме, Антифонт первым начал их записывать.

Он, таким образом, стоит у истока тех тенденций, которые получили полное свое воплощение к той эпохе, когда работал Аристотель и выступали современные ему ораторы – Демосфен, Гиперид и др. А теперь установим некое соответствие. С одной стороны, «технические» аргументы, как их понимала греческая теория риторики, имеют, напомним, вероятностный характер и поэтому весьма большую долю субъективности; что же касается «не-технических», они, напротив, объективны. С другой стороны, «технические» аргументы ближе к письменной сфере культуры, «не-технические» – к устной. Вырисовывается единый процесс перехода от преобладания одного типа аргументации к преобладанию другого (мы, разумеется, ни в коей мере не хотим сказать, что переход был полным и безусловным, но определенный «вектор» все же налицо), и важную роль Антифонта в данном процессе, как видим, отрицать невозможно.

Вернемся в связи со сказанным к содержанию первой «Тетралогии». Сторона обвинения буквально-таки усевает свои речи тонкими, изящными «техническими» аргументами, а обвиняемый в конце концов отражает их все аргументом «не-техническим», простым и грубым – фактом своего алиби.

* * *

Остановимся, наконец, на третьей «Тетралогии». Она представляется нам итоговой по отношению к первым двум, в частности и потому, что она как бы синтезирует фигурирующую в них проблематику. Напомним, что в первой «Тетралогии» разбирался вопрос об истине и правдоподобию, а во второй – механизмы причинности. В третьей же в поле зрения автора попадают оба этих

⁵⁷ См.: *Seidensticker B.* Dichtung und Gesellschaft im 4. Jahrhundert: Versuch eines Überblicks // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.* Stuttgart, 1995. S. 175–198; *Wallace H. P.* Speech, Song and Text, Public and Private: Evolutions in Communications Media and For a in Fourth-Century Athens // *Ibid.* P. 199–217.

⁵⁸ *Morrison J. V.* Reading Thucydides. Columbus, 2006. P. 9

круга проблем. Тот, который связан с истиной (с него мы начнем), проанализирован более кратко; это заключается в том, что обвиняющая сторона в одном месте приводит крайне неудачный вероятностный аргумент, а сторона защищающаяся его умело парирует.

Обвиняемый, молодой человек, нанеший старику в ходе драки смертельные удары, настаивает на том, что он лишь оборонялся, а зачинщиком выступил сам пострадавший:

Ведь он первым несправедливо начал рукоприкладство и в пьяном виде обижал человека, ведшего себя гораздо более сдержанно; значит, он стал виновником не только собственного несчастья, но и того обвинения, которое теперь на меня возводится... Я никаким образом не являюсь его убийцей; а умерший, если он погиб в результате несчастного случая, сам же в этом несчастном случае и виноват – он его вызвал, поскольку начал драку. А если он погиб из-за неосторожности – его собственная неосторожность погубила его: не от большого ума он бросился меня бить (*Antiph. IV. 2. 1. 6*).

Имеется в виду, что зачинщик, человек пожилой, под воздействием опьянения начал драку с человеком более молодым и сильным, так что заведомо подвергался опасности.

Что же в ответ заявляют обвинители?

Прежде всего он сказал, что он, мол, не убивал человека, даже если тот и скончался от побоев. Дескать, виновником происшедшего является зачинщик драки, и его следует осудить согласно закону; а начал драку умерший. А вы, со своей стороны, учтите: более вероятно, что драки начинают и бесчинствуют в пьяном виде те, кто моложе, а не те, кто старше. Ведь первых и гордость своим происхождением, и расцвет сил, и неопытность в питье побуждают поддаваться гневу; а вторых делают спокойными и опытность в употреблении вина, и старческая немощь, и страх перед силой молодых (*Antiph. IV. 3. 2*).

Перед нами – весьма характерный топос «от правдоподобия». Похожий (хотя и не вполне тождественный) упоминается, например, Аристотелем:

...если в нанесении побоев обвиняется человек слабый, его можно защищать на том основании, что это неправдоподобно... если обвиняется человек сильный, есть повод для защиты на том основании, что это неправдоподобно, ибо должно было показаться правдоподобным (*Arist. Rhet. II. 1402a17 sqq.*).

Ход мысли крайне замысловатый, что вообще характерно для энтимем, но в целом логичный. И в каких-то случаях аргументация подобного рода, несомненно, срабатывала. Но только не в этом! Дело в том, что драка произошла при свидетелях, которые подтвердили, что ее зачинщиком выступил все-таки

старик. Во второй защитительной речи рассматриваемой «Тетралогии» это эксплицитно оговаривается:

Обвинитель, пользуясь неподходящими аргументами, заявляет, что ее начал обвиняемый⁵⁹. Если бы «молодые люди наглы, а старики сдержанны»⁶⁰ было таким же законом природы, как «мы видим глазами, а слышим ушами», ваш суд вообще был бы не нужен: молодым выносил бы⁶¹ обвинительный приговор сам их возраст. А на самом деле многие молодые люди сдержанны и многие старцы бесчинствуют в пьяном виде; так что этот довод на пользу обвинителю нимало не более, чем обвиняемому... В целом мы имеем преимущество: ведь свидетели говорят, что драку начал умерший (Antiph. IV. 4. 2–3).

Таким образом, вероятностный довод обвинения опровергается защитой как противоречащий фактам. Прямые свидетельские показания в норме были, конечно, убедительнее, нежели рассуждения о том, как могло и должно было быть. Впрочем, в афинских судах, где эмоции значили не меньше, чем голос разума, все было возможно... Но социум, изображенный в «Тетралогиях», – это не Афины, а «Софистополь».

Но особенно интересна в третьей «Тетралогии» проблематика, связанная с причинностью. Выстраивается довольно сложная цепочка причинно-следственных связей. Непосредственной причиной смерти жертвы стало неправильное лечение, прописанное врачом. Однако, собственно, к врачу пришлось обратиться из-за того, что старик серьезно пострадал в ходе драки. Но, с другой стороны, пострадал-то он потому, что сам эту драку начал. Так на ком же лежит вина?

Естественно, на сей предмет у обвинения и защиты взгляды полярно противоположные. Обвинитель настаивает на том, что виновен молодой человек, нанесший удары. А последний и его друзья в ответ рассуждают следующим образом (Antiph. IV. 2. 4–6; 4. 3): виновником является либо умерший (поскольку его действия, так сказать, запустили весь процесс), либо врач (поскольку его действия напрямую привели к кончине пострадавшего). А сам он, обвиняемый, в этой цепи находится посередине; его действия не стали ни первопричиной, ни непосредственной причиной случившегося несчастья.

Во всем этом, безусловно, больше философии, чем риторики или юриспруденции. Уже предчувствуется Аристотель с его утонченными решениями вопросов каузальности. Антифонт такие вопросы не решает, он их пока только

⁵⁹ Вторую защитительную речь говорит не сам обвинитель, а один из его друзей (о причинах см. ниже).

⁶⁰ Характерно, что Аристотель в «Риторике» (II. 1389a2 sqq.) принимает этот тезис как нечто само собой разумеющееся.

⁶¹ Частица *ἀν*, добавляемая здесь в издании Жерне, выглядит вполне уместной.

ставит. Хотя, возможно, именно в этой, третьей, «Тетралогии» он все-таки наметнул на собственную позицию относительно того, аргументы какой из двух сторон имеют больший резон.

А именно – вторая защитительная речь здесь начинается так:

Обвиняемый ушел в изгнание – не потому, что сам признал себя виновным, а из страха перед упорством обвинителей. Для нас же, друзей его, высший долг благочестия – помогать ему живому, а не мертвому. Конечно, лучше всего было бы, если бы он сам себя защищал; но, коль скоро он счел, что удалиться будет безопаснее, следует защищать его нам – ведь для нас величайшим горем было бы потерять его (Antiph. IV. 4. 1).

Поясним, что, согласно нормам аттического права, в ходе суда об убийстве обвиняемый мог после первой пары речей добровольно уйти в изгнание, дабы обезопасить себя от грозящей в случае осуждения казни. В данном случае ответчик воспользовался этой возможностью, и, соответственно, вторую защитительную речь говорит за него кто-то из его друзей. Кстати, налицо некая коллизия: возможно ли было в реальной судебной практике продолжение процесса при подобной ситуации, да и имело ли оно смысл? Впрочем, Антифонт, придумывая в «Тетралогиях» никогда не происходившие тяжбы, был, разумеется, волен обставлять их какими угодно деталями.

И тут вопрос следует ставить скорее так: что хотел сказать автор, «заставляя» этого своего героя покинуть полис? Как нам представляется, прав М. Гегарин⁶², полагающий, что тем самым Антифонт хотел указать на слабость позиции защищающейся стороны.

* * *

Работа подошла к концу. Разумеется, в ее рамках мы не исчерпали (да и не планировали исчерпать) обширную тему философской и правовой проблематики «Тетралогий». Говорить можно было бы еще много и о многом. Например, затронуть вопрос о ритуальном осквернении, наступающем в результате убийства: в историографии часто отмечается⁶³, что у Антифонта, причем именно в «Тетралогиях» (в его судебных речах, написанных для реальных процессов, эта черта не наблюдается), данный мотив занимает необычно большое место. Или остановиться на таком, к примеру, юридическом нюансе, как превышение самообороны: имеет ли право обороняющийся применить против нападающего большую силу (обвиняемый в третьей «Тетралогии» именно так и считает: «... Тому, кто начал драку, я не причинил бы несправедливости, даже если бы оборонялся от него железом, камнем или деревом: ведь тем, кто

⁶² Gagarin M. Op. cit. P. 130.

⁶³ См. хотя бы: Carawan E. Rhetoric and the Law... P. 192 ff.; Gagarin M. Op. cit. P. 109 ff.

начинает, справедливо в ответ пострадать не так же, а больше и сильнее (как бы в отместку за агрессию. – И. С.)» (Antiph. IV. 2. 2).

Но обо всем этом будет уместно порассуждать где-нибудь в другом месте, поскольку настоящая работа и так разрослась. Впрочем, уже и сказанного, думается, достаточно для того, чтобы стало ясно: «Тетралогии» – весьма значительный памятник древнегреческой мысли V в. до н. э. Помимо прочего, это – самое большое софистическое сочинение, дошедшее до нашего времени.

Ведь, в сущности, что еще имеется в нашем распоряжении из наследия софистов? Лишь разрозненные фрагменты из трудов нескольких крупных представителей их движения – Протагора, Продика, Гиппия, Горгия и др.; от Горгия, кроме того, две довольно кратких речи; плюс парочка небольших анонимных произведений («Двоякие речи», «Аноним Ямвлиха»). И поэтому «Тетралогии», если рассматривать их в контексте старшей софистики, могут, как нам представляется, дать новую интересную информацию о самом этом явлении.

Но в том-то и дело, что обычно «Тетралогии» в связи с деятельностью софистов *не* рассматривались! Причиной такого пренебрежения явилось исключительно долго господствовавшее в науке ошибочное мнение о том, что Антифонт-софист и Антифонт-оратор – два разных лица. Лишь относительно недавно это заблуждение было развеяно усилиями ряда ученых, прежде всего М. Гагарина⁶⁴. И это поставило весь вопрос о софистическом течении в совершенно новую перспективу. Ранее Антифонта признавали лишь одним из второстепенных его участников. Соответственно, в важнейших исследованиях о софистах ему было уделено очень мало места: у Гатри – меньше десятка страниц⁶⁵, у Керферда – и вовсе парочка⁶⁶. Теперь же его роль оказывается несравненно большей.

В частности, «Тетралогии» позволяют достаточно серьезно скорректировать некоторые стереотипы, существующие в восприятии философии софистов. Одним из таких стереотипов является представление, согласно которому едва ли не главной характеристикой этой философии, проявлявшейся практически у всех ее приверженцев, был демонстративный релятивизм⁶⁷. При этом припоминали прежде всего ряд известных высказываний Протагора и Горгия – о человеке как мере всех вещей, о том, что ничего не существует, и т. п.

Да, бесспорно, эти два конкретных мыслителя действительно были ярко выраженными релятивистами. Однако чем дальше, тем больше становится

⁶⁴ Gagarin M. Op. cit. P. 38 ff. К проблеме см. также: Суриков И. Е. Antiphontea I: Антифонт-оратор и Антифонт-софист – два лица или все-таки одно? // Studia historica. М., 2007. Т. 7. С. 28–43.

⁶⁵ Guthrie W. K. C. The Sophists. Cambridge, 1977. P. 285–294.

⁶⁶ Kerferd G. B. Op. cit. P. 50–51.

⁶⁷ См. хотя бы: Romilly J. de. The Great Sophists in Periclean Athens. Oxf., 2002. P. 93 ff.

ясным, что не следует, как говорится, стричь всех софистов под одну гребенку. Взгляды каждого из них имели индивидуальные особенности. Так, уже идеи Продика отличались, судя по всему, не столь высокой степенью релятивизма.

С еще бóльшим основанием это можно сказать об Антифонте. Для него, вне всякого сомнения, существовали объективные, безотносительные ценности. Одной из них была природа (φύσις), под которой, по удачной формулировке одного современного ученого⁶⁸, следует, в сущности, понимать сам феномен жизни. Далее, из «Тетралогий» видно, что и истина для нашего автора является объективной, противопоставляясь субъективному правдоподобию.

Еще один стереотип, касающийся софистов, – тезис об их принципиальных демократических убеждениях⁶⁹. И опять же припоминают в данной связи в первую очередь Протагора и Горгия. Ситуация вполне аналогична предыдущей: применительно именно к ним тезис, видимо, верен, но неправомерно эксплицировать его на всех их «коллег по учению». Тот же Антифонт – это представляется абсолютно однозначным – занимал совершенно иную позицию. Давно миновали те времена, когда С. Я. Лурье называл Антифонта едва ли не отцом анархизма⁷⁰; на современном этапе развития науки преобладают, мягко скажем, другие характеристики. Так, в работе Т. Саундерса (одной из немногих, где предпринимается попытка соотнести Антифонта с другими мыслителями V в. до н. э.) наш автор определен как «консервативный фундаменталист», уникальный для греческой общественной мысли⁷¹. Мы бы, пожалуй, поспорили буквально со всем в этой формулировке⁷², но главное – в другом: воззрения Антифонта были откровенно антидемократическими.

На эти и многие другие раздумья наводит внимательное прочтение «Тетралогий», да и других антифонтонских сочинений. Перед нами – крупный, своеобразный мыслитель, к которому можно (и нужно) обращаться снова и снова, всякий раз обнаруживая у него что-нибудь такое, что раньше оставалось незамеченным.

⁶⁸ Furley D. J. Antiphon's Case against Justice // The Sophists and their Legacy. Wiesbaden, 1981. P. 90.

⁶⁹ Gagarin M. Op. cit. P. 9 ff.; Туманс Х. Сократ и софисты: проблематизация интеллектуального творчества // Мнемон. СПб., 2011. Вып. 10. С. 335–362.

⁷⁰ Лурье С. Я. Антифонт: творец древнейшей анархической системы. М., 1925.

⁷¹ Saunders T. J. Antiphon the Sophist on Natural Laws (B44 DK) // Proceedings of the Aristotelian Society. 1977/1978. Vol. 78. P. 230.

⁷² У Антифонта был скептический, ищущий ум, что чуждо фундаментализму. Консерваторами же во второй половине V в. до н. э. являлись как раз сторонники демократии, а не ее противники; последние, напротив, выступали в роли революционеров-ниспровергателей. Преувеличено и суждение об уникальности взглядов Антифонта: весьма близок к нему Критий, да и Сократ не так далек, как может показаться на первый взгляд.

ФИЛОСОФСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ТОРГОВЛИ И ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ У ГРЕЧЕСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ АРХАИЧЕСКОЙ И КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХ*

В названии семинара, в рамках которого был сделан доклад, легший в основу настоящей работы, фигурировали такие категории, как философия, экономика, право, – кстати говоря, в условиях античного греческого полиса теснейшим образом связанные между собой (см. ниже). С другой стороны, там упоминались также Родос и Рим – но вот об этих государствах ни в нашем докладе, ни, соответственно, в данном тексте ничего не говорится. Нам бы хотелось углубиться в эпоху несколько более раннюю – в порядке, как говорится, поиска истоков.

Ведь уже задолго до расцвета эллинистического Родоса и Рима пути рыночной экономики в античном мире вполне определились и получили отражение в древнегреческих источниках, в том числе и в литературе (понимаемой здесь в максимально широком смысле, включая философские трактаты и т. п.). Временем возникновения рыночных отношений в Элладе следует признать архаическую эпоху. По мнению некоторых специалистов¹, уже в VIII в. до н. э. рыночная торговля в греческих полисах начала интенсивно развиваться и вытеснять традиционные институты перераспределения (*redistribution*) и взаимного дарообмена (*reciprocity*). Правда, из поэм Гомера, как раз тогда создававшихся², мы мало что узнаем о рыночных отношениях; но причина этого ясна – героический эпос был сознательно ориентирован на изображение прошлого, а не настоящего, то есть в нем давалась архаизированная картина бытия. А вот,

* Впервые опубликовано (под заголовком «Философско-юридические концепции торговли и денежного обращения у греческих мыслителей архаической и классической эпох») в: Древнее право. 2014. № 2 (30). С. 8–24.

¹ Особенно настаивает на этом Д. Тэнди. См.: Tandy D. W. Warriors into Traders: The Power of the Market in Early Greece. Berkeley, 1997.

² Мы в этом вопросе стоим на традиционных позициях. Нам не близок постмодернистский образ «деконструированного Гомера», творящего начиная с бронзового века и вплоть до времен Писистратидов (то есть, естественно, чисто условной, фиктивной фигуры). Этот образ см. прежде всего в работах Г. Нады (итоговая из них: Nagy G. Homer the Preclassic. Berkeley, 2010).

скажем, эпос Гесиода не был героическим, и в «Трудах и днях» упоминания о торговле уже вполне органичны.

Что касается VII в. до н. э., в это время тенденция к развитию торговли и рынка стала значительно более явной. Соответственно, власть богатства росла; этот процесс, конечно, был не по вкусу лицам с традиционным мировосприятием. $\chi\rho\eta\mu\alpha\tau\alpha\ \chi\rho\eta\mu\alpha\tau'\ \alpha\nu\eta\rho^3$, – горестно восклицает Алкей (fr. 360 Lobel – Page); похожие ламентации встречаем мы у многих поэтов, являвшихся современниками (или младшими современниками) Алкея – Солона⁴, Феогида⁵ и др.

Принципиально новым феноменом, появившимся в Ионии в самом конце VII в. до н. э., а в Балканской Греции – около середины следующего столетия, стала чеканка монет⁶. Значение данного новшества невозможно переоценить.

³ В другом варианте просто $\chi\rho\eta\mu\alpha\tau'\ \alpha\nu\eta\rho$. В переводе М. Л. Гаспарова: «В богатстве – весь человек». Кстати, в оригинале – еще более жестко и выразительно: «Богатство, богатство – человек!» Интересно, что автором этих слов Алкей называет некоего спартанца Аристодама. А. В. Зайков справедливо видит тут указание на то, что даже в Спарте в VII в. до н. э. роль рыночных отношений в экономике была больше, чем обычно полагают (Зайков А. В. Общество древней Спарты: основные категории социальной структуры. Екатеринбург, 2013. С. 35).

⁴ См. хотя бы Sol. fr. 1 Diehl (перевод наш):

И никакой не поставлен предел для стремленья к наживе.

Вот человек: он богат, вдоволь всего у него –

Вдвое желает иметь! Ну кто их всех сможет насытить?

⁵ Мы, вопреки А. И. Доватуре (кстати, высказавшему свое мнение совершенно бездоказательно; см.: Доватура А. И. Феогида и его время. Л., 1989. С. 36–37; ср.: Немировский А. А. Походы Гарпага и «мидяне» Феогида (757–768; 773–782): границы применения «психологической» аргументации // *Studia historica*. М., 2011. Т. 11. С. 328–340), считаем Феогида автором не второй половины VI в. до н. э. или тем более рубежа VI–V вв. до н. э., а поэтом, работавшим в первой половине VI в. до н. э. или даже на рубеже VII–VI вв. до н. э. См. более верную датировку: Legon R. P. Megara: The Political History of a Greek City-State to 336 B.C. Ithaca, 1981. P. 104 ff. Другое дело, что в «Феогидов корпус» со временем попали позднейшие «наслоения» – стихи авторов самой поздней архаики и даже классики. Обсуждаемый здесь вопрос не празден: мы хотим сказать, что Феогид – все-таки младший современник Алкея, а не современник, скажем, внуков или правнуков лесбосского лирика.

⁶ Обычно пишут, что родина монеты – Лидия. Но вопрос о лидийском приоритете более спорен, чем обычно считается. В свидетельстве Геродота (I. 94), к которому обычно апеллируют при рассмотрении данной проблемы, говорится, что лидийцы «первыми из людей, насколько мы знаем, отчеканили монету из золота и серебра и стали ей пользоваться» (курсив наш. – И. С.). Если уделить должное внимание ключевым здесь словам «из золота и серебра», то оказывается, что речь идет о Крезовой чеканке. А до Креза (правил в 560–546 гг. до н. э.) монеты уже были; имеем в виду, разумеется, электровые выпуски,

Хотя, подчеркнем, монета не тождественна деньгам как таковым (были и до-монетные деньги, как быки у Гомера, железные оболы – тонкие и длинные бруски в форме вертелов – на архаическом Пелопоннесе или нечеканенные, но стандартизированные по весу круглые серебряные слиточки в солоновских Афинах⁷), и хотя она, весьма вероятно, была изобретена не для коммерческих целей (вопрос этот чрезвычайно сложен, но в последние десятилетия все-таки наметились серьезные подвижки, и не в пользу торгового происхождения монеты⁸), но все-таки роль появления монеты для развития коммерческого рынка (как внешнего, так и внутреннего) не может быть подвергнута сомнению. Выпуск древнейших монет, скорее всего, был обусловлен не нуждами торговцев, а нуждами властей (такими, как необходимость платить жалованье воинам-наемникам, взимать с населения фиксированные платежи – штрафы, налоги и т. п.); часто эти монеты имели также политические функции (тип, выбивавшийся на монете, был эмблемой, «гербом» государства-эмитента); нельзя исключать также религиозные и/или культурные коннотации ранних чеканок. Тем не менее торговцы, безусловно, очень быстро осознали, как полезен может быть для них этот новый феномен – монета.

Соответственно, процесс монетизации в Греции VI в. до н. э. оказался чрезвычайно быстрым. Этот процесс рассматривался в важных и относительно недавних монографиях Шапса и Сифорда⁹. Особенно интересна, богата оригинальными идеями (хотя и во многом спорна) именно книга Ричарда Сифорда «Деньги и ранний греческий дух». С момента своего выхода она постоянно привлекает внимание других специалистов, часто цитируется ими и, можно

которые начались примерно одновременно в Лидии и малоазиатских греческих полисах. И, строго говоря, мы в точности не знаем, лидийцы или ионийцы дошли до идеи монеты раньше. Есть еще свидетельство Ксенофана (fr. B4 DK = Poll. IX. 83), но он тоже на самом деле проблематичен (*Kraay C. M. Archaic and Classical Greek Coins. Berkeley, 1976. P. 313*). К проблеме см. также: *Seaford R. Money and the Early Greek Mind: Homer, Philosophy, Tragedy. Cambridge, 2004. P. 125 ff.* (автор осторожно склоняется к идее лидийского приоритета, но полной уверенности не высказывает).

⁷ *Kroll J. H. Silver in Solon's Laws // Studies in Greek Numismatics in Memory of M. J. Price. L., 1998. P. 225–232.*

⁸ К вопросу см.: *Kraay C. M. Archaic and Classical...; Kraay C. M. Schatzfunde, Kleingeld und der Ursprung der Münzen // Methoden der antiken Numismatik. Darmstadt, 1989. S. 180–210; Servet J.-M. Nomismata: État et origines de la monnaie. Lyon, 1984; Reden S. von. Exchange in Ancient Greece. L., 1995; Reden S. von. Money, Law and Exchange: Coinage in the Greek Polis // Journal of Hellenic Studies. 1997. Vol. 117. P. 154–176; Суриков И. Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 186 сл.*

⁹ *Schaps D. M. The Invention of Coinage and the Monetization of Ancient Greece. Ann Arbor, 2004; Seaford R. Op. cit.*

сказать, стала весьма авторитетной и влиятельной. Тем не менее этот автор, как нам представляется, часто чрезмерно категоричен в своих выводах. В частности, упрощением реальной ситуации выглядит его попытка продемонстрировать, что именно деньги (в форме монеты) породили почти все важнейшие феномены позднейшей культурной жизни эллинов, будь то философия, театр или тирания. На наш взгляд, это чисто «монетарное» объяснение «греческого чуда» близко к редукционизму.

Как бы то ни было, изобретение чеканной монеты и обусловленные им перемены в торговле – все это не могло не побудить древнегреческих мыслителей попытаться осмыслить имеющие место процессы и выдвинуть соответствующие теоретические концепции. Такие концепции были как философскими, так и юридическими; те и другие находились в тесной взаимной связи. В определенном смысле три важнейших феномена – развитая торговля коммерческого типа¹⁰, основанная на монете, развитая философия (как тип мышления, отличный от традиционной «мудрости», которую воплощали фигуры типа Солона или Фалеса) и развитая правовая мысль, основанная на идее закона (*νόμος*), – возникли практически одновременно, что ни в коей мере не являлось случайным совпадением. Нельзя, конечно, назвать совпадением и тот факт, что греческие термины *νόμος* ('закон') и *νόμισμα* ('монета') являются однокоренными.

Мы начнем анализ конкретной фактологии с Анаксимандра (первая половина VI в. до н. э.), которого с большим, нежели кого-либо, основанием можно охарактеризовать как *самого первого* философа в Греции и в античности (а стало быть, и во всей мировой истории). Именно он должен претендовать на эту роль, а – вопреки широко распространенному мнению – не его учитель Фалес, который еще принадлежал к кругу старинных «мудрецов» и не писал никаких философских трудов¹¹. А Анаксимандр – уже писал! До нас, правда, дошел только один его безусловно аутентичный и дословно (а не в пересказе) процитированный фрагмент (Anaximandr. fr. B1 DK); выдающийся немецкий мыслитель XX в., глубокий знаток и тонкий ценитель архаической досократовской философии Мартин Хайдеггер назвал его «древнейшим изречением западного

¹⁰ Как справедливо указывает Д. Шапс (*Schaps D. M. Op. cit. P. 74 ff.*), торговля (*trade*) как таковая не тождественна коммерции (*commerce*). Торговля более раннего типа велась с целью получить недостающий товар в обмен на имеющийся в изобилии, а коммерция – это такая торговля, цель которой состоит в получении прибыли.

¹¹ Современные курсы истории античной философии обычно начинаются с фигуры Фалеса, а Анаксимандр помещается в них под «номером два». Правильнее смотреть на вещи Диоген Лаэртский: в его сборнике биографий мыслителей Фалес (Diog. Laert. I. 22–44) рассмотрен вместе с «мудрецами», а часть труда, посвященная философам как таковым, начинается все-таки с Анаксимандра (Diog. Laert. II. 1–2).

мышления»¹². Именно этот фрагмент исключительно важен для интересующей нас проблематики, и необходимо привести его полностью:

А из каких [начал] вещам рождение, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности (κατὰ τὸ χρεόν), ибо они выплачивают друг другу правозаконное возмещение (διδόναι... δίκην καὶ τίσιν) неправды [= ущерба] (ἀδικίας) в назначенный срок времени¹³.

Какова наиболее интересная и значительная черта этой (действительно темной и потому часто обсуждающейся в литературе) фразы? Ее основной смысл лежит на грани философии, права и торговых отношений. Философский элемент представлен космологией Анаксимандра, запечатленной здесь. Правовой элемент не менее очевиден: мы встречаем во фрагменте правовые (если говорить совсем точно, морально-правовые) термины: τίσις ('наказание, возмездие'), δίκη (в технической идиоме δίκην δίδοναι – 'нести наказание'), ἀδικία ('несправедливость, преступление'), причем эти термины применены к объектам физического мира. Анаксимандр мыслит этот мир, природу, в человеческих категориях: как будто вещи, подобно людям, имеют некое собственное право. И, кстати, также некую собственную торговлю! Ведь отношения вещей у Анаксимандра напоминают отношения людей на рынке, где покупают и продают.

Здесь уместно напомнить, что Анаксимандр жил в Милете, наиболее процветающем в то время полисе Ионии¹⁴. А в позднеархаической Ионии VI в. до н. э. торговля была высокоразвитой и чеканная монета уже широко использовалась. Р. Сифорд совершенно прав, привлекая наше внимание к этому обстоятельству и его почти несомненному влиянию на идеи, высказывавшиеся философом, о котором только что шла речь¹⁵.

Затем он идет дальше и предполагает, что, например, такая грандиозная фигура в истории античной философии, как Пифагор, тоже подверглась влиянию идеи монеты¹⁶. Прекрасно известно, что основной категорией в пифагорейской философской системе является Число как начало всех вещей. Но откуда в этом учении такой интерес к числам? Сифорд связывает его также с изобретением монеты. И ведь действительно, монета и число неотделимы друг от друга,

¹² Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Избранные статьи позднего периода творчества. М., 1991. С. 28.

¹³ Пер. А. В. Лебедева.

¹⁴ «Украшением Ионии» называет Милет В. Горман (*Gorman V. Miletos: The Ornament of Ionia. A History of the City to 400 B.C.E.* Ann Arbor, 2001). Об архаическом Милете см. также: *Greaves A. M. Miletos: A History.* L.; N. Y., 2002.

¹⁵ *Seaford R.* Op. cit. P. 190 ff.

¹⁶ *Ibid.* S. 266 ff.

и монеты имеют какой-то смысл только в соотношении с числами (с «внутренней» стороны, если брать их стоимость, или с «внешней» стороны, если брать их количество). Пифагор родился в той же Ионии, и время его юности как раз пришлось на эпоху монетизации в этом регионе. Около 530 г. до н. э.¹⁷ он уехал на запад, в Великую Грецию. В данной области временем активной монетизации стала, согласно археологическим данным, последняя треть VI в. до н. э. Нельзя исключать даже такой возможности, что лично Пифагор сыграл значительную роль в этом процессе (перенес идею монеты на свою новую родину, к эллинам-италиотам?).

Конечно, в подобного рода реконструкциях немало гипотетичного, и какие-то из соображений Сифорда выглядят куда менее убедительными и более уязвимыми по сравнению с другими идеями того же автора¹⁸. Но сама его концепция, предполагающая тесную связь между монетизированной экономикой, философией и правом уже начиная с архаической эпохи, производит импонирующее впечатление.

* * *

Теперь мы переходим к мыслителям классической эпохи. Тут необходимо отметить, что практически каждый из классических (и тем более доклассических) греческих философов одновременно являлся представителем круга древнейших европейских экономистов и правоведов: ведь философия на этом этапе имела в ряде отношений «тотальный», всё собою охватывающий характер (в немецком языке есть для этого феномена хороший термин *Weltanschauung*, частично передающийся русским словом «мировоззрение»). Именно таким «общим мировоззрением» была философия во времена досократиков, софистов, Сократа, Платона, даже Аристотеля... Только после Аристотеля началось дробление единого феномена (хотя, конечно, он и сам к этому процессу «руку приложил»). Не лишним тут будет оговорить и то, что как экономика (включая торговлю), так и право были тогда еще абсолютно укоренены (в западной литературе в данной связи часто употребляется труднопереводимый термин *embeddedness*) в жизнь общества в целом. Все это было блистательно продемонстрировано в работах К. Поланьи (для докапиталистических обществ

¹⁷ Суриков И. Е. Пифагор. М., 2013. С. 118 сл.

¹⁸ Так, его мысль о том, что сам монизм, действительно свойственный натурфилософии VI в. до н. э., обязан своим возникновением феномену монеты – универсальной, единой меры стоимости (*Seaford R. Op. cit. P. 217 ff.*), – явно неверна. Заметим в связи со сказанным: в V в. до н. э. на смену монизму (идеи Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена, Пифагора, Гераклита, Ксенофана) в связи с критикой Парменида приходит отчетливый плюрализм (Эмпедокл, Анаксагор, Демокрит). Что же, это означает откат в обществе от идеи монетизации? Да ни в малейшей степени!

в целом), М. Финли (конкретно для античного общества¹⁹). Экономической науки еще не было; экономику – как в общем, так и в конкретном смысле – изучали в результате именно только философы или люди их круга.

Применительно конкретно к мыслителям классической Греции, в данной связи всегда упоминается «тройка великих» – Платон, Аристотель, Ксенофонт²⁰. Последний особенно часто фигурирует в исследованиях как тот автор, который из древних греков будто бы стоит наиболее близко к современному понятию «экономиста». Но это абберация, возникшая только потому, что в богатом наследии чрезвычайно плодovitого эллинского писателя мы находим и трактаты, казалось бы, вполне экономические по тематике («Домострой» – *Oikonomikos*; «О доходах»²¹). В действительности же Ксенофонт был, в сущности, эссеистом и писал по всем многочисленным темам, которые его интересовали, по-дилетантски поверхностно.

В частности, он не имел ни малейшего понятия о процессах инфляции и дефляции (а может ли вообще называться экономистом человек, игнорирующий столь важные феномены?). Характерный пример: в представлениях Ксенофонта, скажем, цена серебра (а в Греции его времени серебро было практически синонимом денег) не зависит от количества этого металла, которое доступно и находится в обращении; соответственно, он призывал к всемерному наращиванию его добычи, к резкой активизации эксплуатации Лаврийских рудников²². «Великий экономист» совершенно не отдавал себе отчета в том,

¹⁹ *Finley M. I. The Ancient Economy. Berkeley, 1973.* М. Финли был горячим сторонником идей Поланьи. В настоящее время эта «примитивизирующая», как ее называют противники, концепция античной экономики подвергается жесткой критике, но, думается, напрасно. Тут большую роль играют идеологические соображения, обусловленные конкретной конъюнктурой. Посмотрим, что будут писать о древнегреческой экономике лет через двадцать, когда конъюнктура, безусловно, изменится. Не исключено, что вернутся к идеям Финли.

²⁰ См. хотя бы: *Amemiya T. Economy and Economics of Ancient Greece. L.; N. Y., 2007.* P. 115 ff.

²¹ Именно небольшой трактат Ксенофонта «О доходах» выглядит в литературе как особенно интригующий, его (крайне спорными) «экономическими» данными и идеями пользуются в самой разной связи (см. хотя бы: *Schütrumpf E. Politische Reformmodelle im vierten Jahrhundert: Grundsätzliche Annahmen politischer Theorie und Versuche konkreter Lösungen // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 1995. S. 293 ff.; Mansouri S. Athènes vue par ses mètèques (V^e–IVe siècle av. J.-C.). P., 2011. P. 39).* Это, безусловно, ценный источник. Но между понятиями «ценный источник» и «важный памятник экономической мысли» – все-таки, как говорится, дистанция огромного размера.

²² На что справедливо обращается внимание в работе: *Patronis V. Economic Ideas of Ancient Greek Philosophers: Assessing their Impact on the Formation of the World Economic*

что подобная экономическая политика неизбежно вызовет инфляционные эффекты. Будущие события, после походов Александра, продемонстрировали это, что разочаровало бы не только Ксенофонта, но и его современника Исократы, «отца панэллинизма», предлагавшего аналогичные рецепты; но обоих уже не было в живых, когда результаты, отнюдь не предвиденные ими, сказались в своей полной силе.

Впрочем, оставим в стороне эти попытки первых греческих «экономистов» (на деле просто публицистов) разобраться с финансовой политикой их времени и обратимся к тем мыслителям, чьи высказывания могут быть действительно интересны и полезны в связи с поднятой здесь темой. Это, само собой, Платон и Аристотель, стремившиеся разработать детальные философские и юридические концепции, размышлявшие о коммерции, торговых отношениях, о роли монеты в процессе обмена. Названных двух авторов вряд ли кто-нибудь не признает серьезными философами, притом людьми, оригинально и системно мыслившими, к тому же получившими великолепное образование, многосторонними по кругу интересов, хорошо разбиравшимися в самых различных сферах бытия, знавшими многое, чего мы теперь уже не знаем. Они должны оказаться в самом центре нашего внимания.

Как Платон, так и Аристотель неоднократно высказывались о торговле и феномене монеты. И, во всяком случае, некоторые основные их высказывания, наиболее характерные и авторитетные суждения, в особенной мере повлиявшие на складывавшиеся позже, вплоть до современности, научные представления, обязательно должны быть рассмотрены здесь. Особенно влиятелен на протяжении многих веков был Аристотель²³. Вот что он писал, в частности, в «Политике»:

...Когда стала больше требоваться чужая помощь для ввоза недостающего и вывоза излишков, неизбежно стала ощущаться потребность в монете (νομίσματος), так как далеко не каждый предмет первой необходимости можно было легко перевозить. Ввиду этого пришли к соглашению давать и получать при взаимном обмене (ἀλλήλας) нечто такое, что, представляя само по себе ценность, было бы вместе с тем вполне сподручно в житейском обиходе, например, железо, серебро (σίδηρος καὶ ἄργυρος) или нечто иное; сначала простым измерением и взвешиванием определяли ценность таких предметов, а в конце концов, чтобы освободиться от их изменения, стали отмечать их чеканом

Thought // Hellenic Dimension: Materials of the Riga 3rd International Conference on Hellenic Studies. Riga, 2012. P. 13.

²³ О влиянии классической греческой философской диалектики (в первую очередь аристотелевской) на развитие, в частности, римского права см.: *Гарсия Гарридо М. Х.* Римское частное право: Казусы, иски, институты. М., 2005. С. 87 сл.

(χαράκτῆρ), служившим показателем их стоимости (τοῦ πόσου σημεῖον) (Arist, Pol. I. 1257a31–40)²⁴.

В процитированном суждении Аристотеля, в самом его конце, есть нечто странное, нормально звучащее для нас, но представляющее собой серьезную передержку применительно к особенностям античных греческих монет. Их «чекан», χαράκτῆρ, то есть тип, если употребить нумизматический термин), совершенно не обязательно служил «показателем их стоимости». Прекрасно известно, что во многих полисах монеты различных номиналов несли на себе одинаковый (или практически одинаковый) тип, так что отличать их друг от друга приходилось чисто эмпирическим путем (взвешивая – если не на весах, то хотя бы в руке). Если мы и встречаем сильно разнящийся тип, то таковым он сделан был явно не для того, чтобы служить пресловутым «показателем стоимости». Так, декадрахма обычно чеканилась с типом, сильно отличным от меньших номиналов. Но такую крупную монету, как декадрахма, в общем-то, и без всяких отличий в типе каждый пользователь мог легко отличить – по самим ее физическим свойствам – от любой другой.

Аристотель в процитированном отрывке как будто говорит с нами нашим же языком. Ведь это нам привычно – ввиду того, что мы пользуемся кредитными деньгами, – при получении любой монеты (или купюры) смотреть на изображения, чтобы не спутать ее с какой-нибудь другой (в качестве рудимента остались небольшие отличия в размере, скажем, между купюрами в 500, 1000, 5000 рублей, но это именно рудимент – мы в быту обращаем внимание не на «длину-ширину», а на то, что изображено на полученном дензнаке, включая в первую очередь цвет, – ср. постоянно встречающиеся даже в классической русской литературе XIX в. выражения типа «синенькая», «беленькая» и т. п.). А у греков, с их полноценной (в норме) монетой, обращалось преимущественное внимание, конечно, на другое – на вес, а не на «картинки».

Как бы то ни было, для Аристотеля в «Политике» феномен монеты и ее изображение тесно связаны с процессом обмена. Монета, по его мнению, появилась для того, чтобы удовлетворять интересы интенсифицирующейся торговли. Одна из главных функций денег действительно заключается в том, чтобы быть средством обращения. Другая, не менее важная, – мера стоимости. Этот аспект проблемы также освещен Аристотелем, но в его другом фундаментальном трактате – «Никомаховой этике»:

...Строителю нужно приобретать часть работы этого башмачника, а свою собственную передавать ему. Если сначала имеется пропорциональное равенство работы, а затем произошла расплата, получится то, что называется правосудным в смысле справедливого равенства. А если нет, то имеет место неравенство,

²⁴ Пер. С. А. Жебелева.

и взаимоотношения не поддерживаются; ничто ведь не мешает работе одного из двух быть лучше, чем работа другого, а между тем эти работы должны быть уравниены... Поэтому всё, что участвует в обмене (ἀλλαγή), должно быть каким-то образом сопоставимо. Для этого появилась монета (νόμισμα) и служит в известной мере посредницей (μέσον), ибо ею всё измеряется, а значит, как избыток, так и недостаток, и тем самым сколько башмаков равно дому или еде. Соответственно отношения строителя дома к башмачнику должны отвечать отношению определенного количества башмаков к дому или к еде. А если этого нет, не будет ни обмена, ни общественных взаимоотношений (ἀλλαγή οὐδὲ κοινωνία) (Arist. Eth. Nic. V. 1133a8–24)25.

Перед нами весьма важное заявление – учитывая, что понятие κοινωνία и в греческом языке, и в греческом мире имело крайне большое значение. Данное существительное производится от прилагательного κοινός – ‘общий’ (в максимально широком смысле), ‘общественный’, иногда даже ‘государственный’. И смыслы самого существительного имели столь же широкий спектр. В конце концов, согласно знаменитому определению того же Аристотеля, сам полис есть не что иное, как κοινωνία πολιτῶν πολιτείας (сообщество граждан государства – Arist. Pol. III. 1276b2²⁶). Как мы можем видеть в только что процитированном пассаже, для великого философа такое сообщество просто невозможно без обмена, торговли, денег (в форме монеты).

По мнению Д. Шапса, существует интригующая коллизия между двумя суждениями Аристотеля, которые только что были рассмотрены. Он считает, что в первом случае монета определяется мыслителем как средство обращения, а во втором – как мера стоимости²⁷. Мы, со своей стороны, отнюдь не убеждены, что тут вообще есть какое-либо противоречие. Возможно ли в принципе отделить друг от друга две вышеупомянутые функции денег? Они становятся

²⁵ Пер. Н. В. Брагинской.

²⁶ В переводе С. А. Жебелева – «политическое общение граждан», что совершенно превратно передает идею Аристотеля. Вообще, следует заметить следующее. Перевод «Политики» Аристотеля, выполненный еще в начале XX в. С. А. Жебелевым, и поныне остается весьма авторитетным; именно к нему в подавляющем большинстве обращаются те, кому приходится работать с «Политикой» (мало кто читает в оригинале этот трудный трактат). А между тем перевод этот давно устарел и ныне не может считаться адекватно передающим то, что говорится в оригинале. Достаточно упомянуть, что у С. А. Жебелева вообще не фигурирует термин «полис», который для Аристотеля, понятно, является одним из ключевых. Настоятельно назрел новый, современный перевод «Политики». Все гуманитарии (и историки, и юристы, и философы, и политологи, и социологи...) будут глубоко благодарны тому подвижнику, который взялся бы за подобную – чрезвычайно сложную и ответственную – задачу.

²⁷ Schaps D. M. Op. cit. P. 6–7.

мерой стоимости в процессе обращения и служат нуждам обращения именно в своем качестве меры стоимости. В данном случае перед нами «вопрос о курице и яйце».

В аристотелевском анализе роли чеканной монеты в процессе обмена есть нечто более интересное (и проблематичное). Для Стагирита возникновение монеты связано скорее с крупной оптовой торговлей (ἐμπορία), чем с мелкой розничной (καπηλική). Последнюю греческие интеллектуалы обычно презирали²⁸. Аристотель родился, вырос и был воспитан в необычном (для среднего эллина), находившемся под македонским влиянием северогреческом мире. Там деньги уже с архаической эпохи преимущественно ассоциировались с аристократическими вождями, можно сказать, такими «владельческими князьками». Македонские правители необычайно рано начали чеканить додекадрахмы (!), и явно не для торговых нужд. Скорее их целью была оценка своих финансовых ресурсов путем чеканки монет из находившихся в их распоряжении запасов драгоценных металлов (в период до Филиппа II – почти исключительно из серебра).

Учитель Аристотеля, великий Платон²⁹, жил в совершенно иной среде. Афины его эпохи были в полном смысле слова «миром монет». Нарративная традиция демонстрирует это в полной мере (каждый может почитать хотя бы Аристофана, автора ярчайших описаний афинской жизни времен молодости Платона), а археологические данные подтверждают. Оболы, триоболы, драхмы, тетрадрахмы и т. п. были в те дни не менее вездесущими и необходимыми реалиями, чем в наши дни рубли, доллары или евро. Приходя на рынок, совершая, так сказать, «шопинг» (как ныне выражаются), афиняне держали свои монеты (порой крохотные, как рыбы чешуйки, – Аристофан и из этого извлекает предмет для шуток) за щекой. Декадрахмы и додекадрахмы, конечно, на афинском рынке не обращались, будь то рынок внутренний (агора) или даже внешний (эмпорий в Пирее).

Соответствующие взгляды и должны были выработаться у Платона (знатного и, конечно, состоятельного афинянина), когда он размышлял о монете в ее связи с торговлей. Несомненно, он знал, что существуют даже золотые монеты (в последние годы Пелопоннесской войны афиняне, находясь в состоянии крайней необходимости, переплавили на монеты статуи богини Ники,

²⁸ Суриков И. Е. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М., 2012. С. 214 сл.

²⁹ Иногда оказывается полезным рассмотрение идей Платона после идей Аристотеля, хотя такой порядок и могут назвать «перевернутым» (на деле он скорее ретроспективен). См. хороший пример: Cohen D. The Rule of Law and Democratic Ideology in Classical Athens // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 1995. S. 227 ff.

сделанные из золота) и что могут существовать даже медные (бронзовые) монеты (афинские власти того же периода в какой-то момент решили на некоторое время пустить в оборот этого рода кредитные деньги). Но, разумеется, монетами, в наибольшей степени знакомыми Платону, были серебряные монеты не очень высокой стоимости (обол и его фракции), обычно использовавшиеся на внутреннем афинском рынке.

Итак, Платон напрямую ассоциирует монету с этим внутренним рынком: «Из этого у нас возникнет и рынок (ἀγορά), и монета (νόμισμα) – знак обмена (σύμβολον τῆς ἀλλαγῆς)» (Plat. Resp. II. 371b)³⁰. Что характерно в данном высказывании? Для Платона безусловно первична внешняя торговля, имеющая крупный оптовый характер³¹. Но, по его мнению, такая торговля еще не нуждается обязательно в монете, она может осуществляться и посредством бартерного обмена «товара на товар». Мыслитель пишет:

...Понадобятся еще и люди для доставки того, что требуется из другой страны... Но если такой посредник отправится в другую страну порожняком, не взяв с собой ничего такого, в чем нуждаются те люди, от которых он собирается забрать то, что нужно здесь, то он так и уедет от них ни с чем... Нашей общине понадобится побольше... посредников для всякого рода ввоза и вывоза (εἰσαχόντων καὶ ἐξαχόντων). А ведь это купцы (ἐμπόροι)... Значит, нам потребуются и купцы... Очевидно, они будут продавать и покупать (Plat. Resp. II. 370e – 371b).

Возникновение же феномена монеты тесно и недвусмысленно увязывается Платоном с возникновением феномена агоры – внутреннего рынка в греческих полисах³². Действующий механизм прост. Поскольку оптовый купец-эмпор не может лично сидеть на рынке, тратя на это время, появляются перекупщики – мелкие розничные торговцы, капелы (κάπηλοι) (Plat. Resp. II. 371d).

Деятельность последних Платон описывает в довольно пренебрежительных тонах (разделяя в данном отношении предубеждение, характерное для греческой интеллектуальной элиты в целом³³):

³⁰ «Государство» и «Законы» Платона здесь и далее цитируются в пер. А. Н. Егунова.

³¹ Насколько можно судить, так и исторически было в греческом мире. См. применительно к эпохе ранней архаики: *Tandy D. W.* Op. cit. Такая торговля как в доклассической, так и в классической Греции в силу понятных условий осуществлялась почти исключительно морем. См.: *Reed C. M.* *Maritime Traders in the Ancient Greek World.* Cambridge, 2003.

³² Об агоре в этом ее аспекте см., например: *Thompson H. A., Wycherley R. E.* *The Agora of Athens: The History, Shape and Uses of an Ancient City Center (The Athenian Agora. Vol. 14).* Princeton, 1972; *Donati J. C.* *Towards an Agora: The Spatial and Architectural Development of Greek Commercial and Civic Space in the Peloponnese.* Diss. N. Y., 2010; *Mansouri S.* Op. cit. P. 85–98.

³³ Ср. в связи с этим отрицательное отношение эллинических интеллектуалов к метэкам, которые в значительной части и занимались торговлей: *Mansouri S.* Op. cit. P. 17 ss.

...Это, пожалуй, самые слабые телом и непригодные ни в какой другой работе (люди. – И. С.). Они там, на рынке (περὶ τὴν ἀγοράν), только того и ждут, чтобы за деньги приобрести (ἀντ' ἀργυρίου ἀλλάξασθαι) что-либо у тех, кому нужно сбыть свое, и опять-таки обменять (διαλλάττειν) это на деньги с теми, кому нужно что-то купить (πράσσειν) (Plat. Resp. II. 371cd).

Философ характеризует капелов как «посредников по купле и продаже, которые засели на рынке» (Plat. Resp. II. 371d). Ясно, что именно им-то и нужна монета.

Платон, как прекрасно известно, являлся в высшей мере консервативным мыслителем³⁴, неприязненно относившимся к разного рода новшествах, в том числе и к развитию товарно-денежных отношений. Ясно поэтому, что монета не могла быть любезной ему реалией. Скорее он относился к ее употреблению как к досадной необходимости – но все же необходимости: иначе было уже нельзя. Противоречивое, неоднозначное, двойственное восприятие философом денег видно хотя бы из следующего пассажа (из того же «Государства»):

Когда надо сообща распорядиться серебром или золотом³⁵, бывают ли случаи, чтобы справедливый человек был полезнее других? – Бывают, Сократ³⁶. Это когда надо отдать их на хранение или сбережение. – То есть, по твоим словам, когда они лежат без употребления? – Конечно. – Значит, когда деньги бесполезны, тогда-то и полезна справедливость? – Похоже, что это так... Если справедливый человек способен сохранить деньги, то он способен и похитить их... Значит, справедливый человек оказывается каким-то вором (Plat. Resp. I. 333c–334a).

Такие вот парадоксы (но для Платона – вполне логичные). Получается, в частности, что всего справедливее, когда деньги лежат без употребления. Ведь это тормозит столь ненавистный ему процесс нарастания проникающей во все поры общества купли-продажи, порождающего релятивизацию ценностей...

Не менее интересны высказывания Платона на изучаемую здесь тему в его последнем, еще более консервативном, чем «Государство», произведении –

³⁴ Rowe C. J. Killing Socrates: Plato's Later Thoughts on Democracy // Journal of Hellenic Studies. 2001. Vol. 121. P. 63–76. Некорректной представляется распространенная в последнее время в западной науке тенденция делать из Платона большего «демократа» и «прогрессиста», чем он был на самом деле (например: *Monoson S. S. Plato's Democratic Entanglements: Athenian Politics and the Practice of Philosophy*. Princeton, 2000; *Wallach J. R. The Platonic Political Art: The Study of Critical Reason and Democracy*. University Park, 2001).

³⁵ Наиболее общее обозначение денег. Чаше даже говорили в этом смысле просто о «серебре».

³⁶ Платон, как известно, в большинстве произведений (здесь тоже) излагает свои идеи в диалогической форме. Но, конечно, устами обоих собеседников (в данном случае Сократа и Полемаху) говорит он сам.

«Законах». Этот трактат представляет собой утопический проект создания государства если не идеального (от мечты о земном воплощении идеала пожилой философ уже отказался), то хотя бы «правильного» и упорядоченного.

В «Законах» Платон прямо пишет, что прибыль (‘нажива’, χρηματισμός) – зло уже в принципе. «Никто не должен – да, впрочем, и не может – наживаться (χρηματίζεσθαι)³⁷ неблагородным способом³⁸; поскольку это зазорное, так сказать, ремесло развращает благородные нравы, недопустимо даже желать подобного обогащения» (Plat. Legg. V. 741e).

Из сказанного тут Платоном следует дальнейшее, чрезвычайно важное:

Никто из частных лиц не имеет права владеть золотом или серебром³⁹. Однако для повседневного обмена (ἀλλαγῆς) должна быть монета (νόμισμα), потому что обмен почти неизбежен для ремесленников и всех тех, кому надо выплачивать жалованье, – для наемников, рабов и чужеземных пришельцев. Ради этого надо иметь монету, но она будет ценной лишь внутри страны, для остальных же людей не будет иметь никакого значения. Общей же эллинской монетой государство будет обладать лишь для оплаты военных походов или путешествий в иные государства посольств либо – если это нужно будет государству – всевозможных вестников. Словом, всякий раз, как надо кого-то послать в чужие земли, государству необходимо для этой цели обладать действительной по всей Элладе монетой (νόμισμα Ἑλληνικόν). Если частному лицу понадобится выехать за пределы родины, оно может это сделать лишь с разрешения властей; по возвращении домой оно должно сдать государству имеющиеся у него чужеземные деньги (νόμισμα... ξενικόν), получив взамен местные деньги, согласно расчету. Если же окажется, что кто-либо присвоил чужеземные деньги, они забираются в пользу казны (Plat. Legg. V. 741e–742b).

Данный пространственный пассаж, повествующий, если в него внимательно вчитаться, о дуализме валют – конвертируемой и неконвертируемой, – автору этих строк однозначно напоминает советскую практику – с выдачей «международных» денег тем, кому позволили отправиться в поездку за рубеж, но и с необходимостью сдать потом оставшиеся излишки. Платон же, разумеется,

³⁷ Русские слова «нажива», «наживаться» не являются (в отличие от греч. χρηματισμός, χρηματίζω) нейтральными с оценочной точки зрения; в них заведомо присутствует какой-то негативный оттенок. Есть и нейтральные синонимы, например «прибыль», «доход»; но характерно, что здесь переводчик (А. Н. Егун) выбрал именно слова, в которых заключено имплицитное порицание. Тут он верно уловил дух платоновского философствования.

³⁸ Понятие о «благородных» и «неблагородных» видах занятий у греков сильно отличалось от того, что мы имеем в цивилизации сегодняшнего дня. Тяжелый физический труд крестьянина считался более «благородным», нежели труд торговца (явно не требовавший таких же трудозатрат).

³⁹ Уже не в первый раз встречающаяся нам идея денег как таковых.

исходил из реалий «самого благоустроенного» тогдашнего государства – обожжаемой им Спарты с ее железными оболами⁴⁰ для внутреннего употребления, поскольку больше нигде они, естественно, не были в ходу.

Главное, впрочем, не в этом, а в другом. Платон в процитированном месте высказывает ряд интереснейших мыслей о монете как средстве выплаты жалования, о монетах внутреннего и внешнего потребления... Но почему-то во всем этом значимом пассаже привлекает внимание только пресловутая связь монеты с обменом (торговлей)⁴¹.

В любом случае, Платон, подобно Аристотелю, многократно говорит о монете как об универсальном средстве обращения и универсальной же мере стоимости. Бесспорно, это сопровождается характерными lamentациями: люди-де неправильно пользуются деньгами и попросту злоупотребляют ими, стараются приобрести их в слишком большом количестве, избирают ради этого презренное занятие торговца и т. д. (Plat. Legg. XI. 918cd). Позицию свою Платон проводит весьма последовательно. В тех же «Законах» он резко протестует против того, чтобы основываемый город находился на самом берегу моря⁴². Море, по Платону, развращает, поскольку побуждает торговать. Экономика приморского государства,

...обладая большим вывозом (ἐξαγωγὴν, речь идет, естественно, об экспорте. – И. С.), ...наполнилась бы в обмен на него серебряной и золотой монетой. А для государства, если взять вопрос в целом, нет, так сказать, большего зла, чем это, когда речь идет о приобретении благородных и справедливых нравов (Plat. Legg. IV. 705b).

Для Платона этика однозначно важнее экономики, что он не устает подчеркивать.

⁴⁰ См. об этом феномене: *Фигейра Т. Дж.* Спартанские железные деньги и идеология средств существования в архаической Лаконии // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 5–28.

⁴¹ См. хотя бы: *Patronis V.* Op. cit. P. 15.

⁴² Постоянно встречающийся в произведениях Платона протест против приморской (и тем самым торговой) цивилизации находит свой апогей в его грандиозном мифе об Атлантиде, созданной морем (лично Посейдоном), но потерпевшей поражение от вполне сухопутных, нимало не торговых, мужественных древнейших Афин. В связи с платоновским мифом об Атлантиде существуют моря и моря (написался невольный каламбур) литературы. На русском языке мы до недавнего времени имели (не считая дилетантских трудов «атлантологов») лишь довольно дельную работу: *Панченко Д. В.* Платон и Атлантида. СПб., 1990. К счастью, теперь у нас переведен, пожалуй, лучший труд из всех, которые когда-либо появлялись по этой проблематике: *Видаль-Наке П.* Атлантида: Краткая история платоновского мифа. М., 2012.

Аристотель, не будучи таким же ригористом, как его учитель, тем не менее резко отрицательно высказывался о ростовщичестве, банковской деятельности:

...С полным основанием вызывает ненависть ростовщичество, так как оно делает сами денежные знаки (*νομισματα*)⁴³ предметом собственности (*κτησιν*), которые, таким образом, утрачивают то свое назначение, ради которого они были созданы: ведь они возникли ради меновой торговли (Arist. Pol. I. 1258b3 sqq.).

* * *

Подведем итоги. Как Платон, так и Аристотель настойчиво, вновь и вновь повторяют тезис о прямой связи начала чеканки монеты с обменом, торговлей, коммерцией. Между ними возможны некоторые расхождения по конкретным вопросам. Так, Платону была ближе идея о том, что монета изобретена для нужд мелкой розничной торговли, а Аристотель, чувствуется, больше склонялся к мысли, что интересующий нас феномен изначально был связан с межполисным обменом. Но основная тенденция высказываний обоих авторов, как видим, одна и та же – решительная поддержка теории коммерческого происхождения монеты.

Сама эта теория, как, в общем-то, ясно на сегодняшний день, неверна. Но почему же два великих мыслителя так ошибались? Дело в том, что они писали исходя из реалий уже *своего времени* – IV в. до н. э., когда товарно-денежные, рыночные отношения получили значительное развитие⁴⁴ и феномен монеты трактовался в соответствующем духе. Они некритично эксплицировали знакомую им ситуацию на архаическую эпоху, в течение которой характер экономических отношений был совершенно иным (как с полной ясностью показали исследования последнего времени). Как ни парадоксально, мы ныне знаем о греческой архаике в каких-то отношениях больше, чем знали они.

Правда, в одном месте Аристотель замечает, что безусловной необходимости в монете, в принципе, нет.

⁴³ Речь идет о монете. Выражение «денежные знаки» совершенно напрасно употреблено в переводе С. А. Жебелевым. В греческих полисах пресловутых дензнаков не было, а были обладавшие реальной ценностью деньги. См.: Суриков И. Е. Еще раз о законодательствах Драконта и Солона в Афинах (полемиические заметки). Ч. II // Из истории античного общества: Сборник научных трудов. Нижний Новгород, 2009. Вып. 12. С. 24.

⁴⁴ По этой проблематике написано немало. См. хотя бы: *Reden S. von. Exchange...*; *Cohen E. E. Athenian Economy and Society: A Banking Perspective. Princeton, 1997*; *Cohen E. E. The Elasticity of the Money-Supply at Athens // The Monetary Systems of the Greeks and Romans. Oxf., 2008. P. 66–83.*

И под богатством зачастую понимают именно преизобилие денег (*νομίσματος*, монеты. – *И. С.*)... Иногда, впрочем, и деньги (*νόμισμα*, монета. – *И. С.*) кажутся людям пустым звуком и вещью вполне условной, по существу, ничем, так как стоит лишь тем, кто пользуется деньгами, переменить отношение к ним, и деньги потеряют всякое достоинство... (Arist. Pol. I. 1257b1–24).

Тут с философом выразили бы согласие представители целого ряда полисов. Возьмем Мегары, которые уже в архаическую эпоху находились в авангарде экономического развития Эллады. А между тем мегарский полис не чеканил вплоть до IV в. до н. э.⁴⁵ и, получается, как-то обходился без собственной монеты! Как именно обходился – вопрос отдельный; обычно считалось, что мегаряне пользовались чужой монетой, но, в принципе, нельзя исключить и употребление домонетных денег – нечеканенных слиточков серебра фиксированного веса⁴⁶.

Итак, рассмотренный нами материал позволяет, кажется, с полной уверенностью говорить, что как в архаическую, так и – в особенной степени – в классическую эпоху феномены торговли и денежного обращения привлекали пристальное внимание философов (которые в то же время были и первыми серьезными правоведами в Элладe), что способствовало появлению интересных, оригинальных (пусть порой и спорных) философско-юридических концепций, интерпретирующих эти феномены.

⁴⁵ Подобная практика оставила свой след и в нумизматической истории мегарских колоний (они все поздно, очень поздно начали чеканку). Жителей Византия (мегарских колонистов) попрекали какими-то железными деньгами. Херсонес Таврический не имел своей монеты вплоть до IV в. до н. э., из чего недавно был даже сделан превратный вывод, будто бы херсонесский полис и возник только в IV в. до н. э. (Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь, 2008; критику данного взгляда см.: Суриков И. Е. «Херсонес изначальный» или «предхерсонесское поселение»? // *Studia historica*. Т. 9. М., 2009. С. 185–201).

⁴⁶ Этой реальией наиболее детально в мировой историографии занимался Дж. Кролл, посвятивший ей ряд работ (см. итоговую из них: *Kroll J. H. The Monetary Use of Weighed Bullion in Archaic Greece* // *The Monetary Systems of the Greeks and Romans*. Oxf., 2008. P. 12–37).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС АРХАИЧЕСКОЙ И КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХ*

Бесспорно, тема полиса является одной из ключевых (а может быть, и просто самой главной) при изучении античности, во всяком случае греческой античности доэллинистического времени¹. Не имея адекватного понятия о полисе, в истории этой эпохи вообще мало что можно в полной мере постигнуть. В то же время следует отметить, что составление этого адекватного понятия об античном полисе – дело очень нелегкое. Полисная проблематика не только исключительно важна; она с полным основанием может быть названа также

* Впервые опубликовано в: Античный полис: Курс лекций. М., 2010. С. 8–54. По условиям этого издания в нем нельзя было делать ссылки на литературу. Теперь мы этот пробел хотя бы частично восполняем.

¹ В отечественной историографии см.: Гускина Л. М. О специфике классического греческого полиса в связи с проблемой его кризиса // ВДИ. 1973. № 2. С. 27–41; Щеглов А. Н. Полис и хора. Симферополь, 1976; Античная Греция: Проблемы развития полиса / Под ред. Е. С. Голубцовой и др. М., 1983. Т. 1–2; Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988; Строгоцкий В. М. Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991; Маринович Л. П. Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса). М., 1993; Суриков И. Е. «Полиархия» или всё-таки полис? // *Studia historica*. М., 2004. Вып. 4. С. 150–163; Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. Из зарубежной литературы упомянем прежде всего классический труд: Фюстель де Куланж Н. Д. Древняя гражданская община. М., 1903. Также см. хотя бы: Ehrenberg V. Der Staat der Griechen. Lpz., 1957; Glotz G. La cité grecque. P., 1968; Hellenische Poleis: Krise – Wandlung – Wirkung / Hrsg. von E. Welskopf. B., 1974. Bd 1–4; Sealey R. A History of the Greek City States ca. 700 – 338 B.C. Berkeley, 1976; Finley M. I. Authority and Legitimacy in the Classical City-State. København, 1982; Finley M. I. Politics in the Ancient World. Cambridge, 1983; Gawantka W. Die sogenannte Polis. Stuttgart, 1985; Starr Ch. G. Individual and Community: The Rise of the Polis, 800–500 B.C. N. Y.; Oxf., 1986; The Greek City: From Homer to Alexander / Ed. by O. Murray and S. Price. Oxf., 1991; Walter U. An der Polis teilhaben: Bürgerschaft und Zugehörigkeit im archaischen Griechenland. Stuttgart, 1993; Rhodes P. J., Lewis D. M. The Decrees of the Greek States. Oxf., 1997; The Development of the Polis in Archaic Greece / Ed. by L. G. Mitchell and P. J. Rhodes. L.; N. Y., 1997; Welwei K.-W. Die griechische Polis: Verfassung und Gesellschaft in archaischer und klassischer Zeit. 2 Aufl. Stuttgart, 1998; Welwei K.-W. Polis und Arché: Kleine Schriften zu Gesellschafts- und Herrschaftsstrukturen in der griechischen Welt. Stuttgart, 2000; Thomas C. G., Conant C. Citadel to City-state: The Transformation of Greece, 1200–700 B.C. Bloomington, 1999.

чрезвычайно сложной – как ввиду своей многогранности, так и в связи с подчеркнуто дискуссионным характером многих возникающих вопросов, отнюдь не решенных еще и по сей день, остающихся предметом напряженных споров. Поэтому, разумеется, и то, что будет сказано нами ниже, отнюдь не претендует быть некой «истиной в последней инстанции»; это один из возможных взглядов на полис, хотя мы сделаем всё от нас зависящее, чтобы наша позиция была максимально аргументированной, насколько это возможно в рамках ограниченного объема работы.

Отметим сразу, что имеют право на существование самые различные подходы к проблеме полиса. В русле одного из таких подходов особенно интенсивную работу провел Копенгагенский центр по изучению полиса под руководством выдающегося антиковеда М. Хансена². В качестве своеобразной «сверхзадачи» этот центр поставил выработку определения феномена полиса – определения развернутого и исчерпывающего, которое было бы внутренне непротиворечивым, соответствовало бы полной совокупности источниковых данных, а также по возможности удовлетворяло бы всех работающих на данном поприще специалистов. Вне всякого сомнения, эта задача весьма актуальна. В историографии, как известно, бытует множество определений полиса, подчас весьма сильно отличающихся друг от друга. В каждой из этих дефиниций выдвигается на первый план то одна, то другая сторона изучаемого явления (нередко в ущерб всем остальным), в результате все они страдают теми или иными недостатками, больше всего неполнотой, и, как следствие, неудовлетворительны или не вполне удовлетворительны. В подобной ситуации решительно необходимо рано или поздно прийти к «общему знаменателю», без чего вряд ли возможно результативное движение вперед.

Однако сама эта ситуация показывает, насколько все-таки трудно прийти к искомому определению, которое можно было бы назвать во всех отношениях безупречным. Не удивимся, если эта цель так и не будет достигнута. С одной стороны, весьма импонирует, что исследователи, участвующие в разработках Копенгагенского центра, стремятся понять, какой смысл (или смыслы) вкладывали в понятие «полис» сами античные греки и уже на основании этого попытаться прийти к определению данного понятия, а не навязывать им это определение, исходя из априорных установок. Для этого предпринимается тщательнейшая проработка всего колоссального источникового корпуса по греческой античности, включая и нарративную традицию, и эпиграфические тексты,

² См.: Суриков И. Е. Изучение феномена полиса в западной историографии на рубеже XX–XXI вв.: Копенгагенский центр М. Хансена // *Studia historica*. М., 2004. Вып. 4. С. 164–176.

и даже археологические памятники: все это может иметь прямое или косвенное отношение к проблеме полиса.

По итогам исследования большого массива данных Хансену удалось вывести определенную закономерность, которую он, на наш взгляд, несколько претенциозно называет «Копенгагенским законом о полисе» («*Lex Hafniensis de civitate*»)³. Ученый формулирует этот закон следующим образом: в источниках архаического и классического времени термин *полис*, используемый в смысле 'город' (*town*) для обозначения того или иного городского центра (*urban centre*), прилагается не к любому городскому центру, а только к такому городу, который в то же время является центром полиса как политического сообщества (*political community*). Иными словами, термин *полис* в этих источниках имеет два разных значения: 'город' и 'государство'. Но даже тогда, когда он используется в смысле 'город', все-таки он одновременно почти всегда указывает на то, что греки называли полисом в политическом смысле, в смысле гражданской общины (*κοινωνία πολιτῶν πολιτείας*).

Этот закон, который, как подчеркивает Хансен, имеет в виду только древнегреческие полисы, насколько можно судить, призван оттенить «двуединство» категории полиса, причем при преобладании все же скорее «государственных», чем «городских» коннотаций.

С другой же стороны, для работы центра характерен один недостаток, за который уже и ранее по различным поводам критиковали его руководителя М. Хансена: чрезмерно формальный подход к свидетельствам источников. Так, и материал по полису также максимально формализован: не случайно издания центра изобилуют разного рода перечнями, реестрами, каталогами. Просто-таки грандиозным предприятием представляется составление общего каталога всех древнегреческих полисов архаической и классической эпох, известных из источников (каталог выпущен в 2004 г.⁴). Все такого рода списки могут быть весьма информативными, однако создается впечатление, что за ними как-то теряется живая реальность античной эпохи: ведь реальность, как известно, заведомо сложнее и многограннее любой, самой лучшей схемы.

Важное место в исследованиях Копенгагенского центра занял сравнительный подход. Эллинский полис берется как явление не только античной, но и мировой истории и в этом качестве сопоставляется более чем с 30 типами

³ Hansen M. H. Polis and City-State: An Ancient Concept and its Modern Equivalent. Copenhagen, 1998; Hansen M. H. A Survey of the Use of the Word Polis in Archaic and Classical Sources // Further Studies in the Ancient Greek Polis. Stuttgart, 2000. P. 173–215.

⁴ An Inventory of Archaic and Classical *Poleis* / Ed. by M. H. Hansen and T. H. Nielsen. Oxf., 2004.

городов-государств, известных для других эпох и регионов⁵. Для сравнения берутся как вполне хрестоматийные примеры (города-государства Шумера, Финикии, Ассирии, Эбла, этрусские города, Рим и другие *civitates* Лация, кельтские *oppida*, города древней и средневековой Средней Азии, позднесредневековой и ренессансной Италии, города-государства майя и ацтеков и т. п.), так и отнюдь не очевидные, подчас даже спорные (например, раннесредневековые города Аравии типа Мекки, поселения викингов в Ирландии X в., «имперские» и «вольные» города Германии от средневековья до XIX в., «города-государства» Юго-Восточной Азии и Африки или даже «викингские города Южной России», как они определены в сборнике). Несколько смущает все тот же известный формализм подхода; в одну и ту же весьма расплывчатую, не-терминологичную категорию «городов-государств» оказались отнесены образования самого неодинакового порядка, отнюдь не родственные структурно-типологически.

* * *

Подчеркнув еще раз некоторую непродуктивность формального анализа, когда он применяется изолированно, без сочетания с иными методиками, дающими возможность содержательного постижения материала по существу, возвращаемся к основной нити изложения. Повторим, что применительно к полисной проблематике имеет место отсутствие согласия между специалистами практически в каждом вопросе. В том числе, например, и в таком ключевом, как рождение полиса: при преобладающем мнении, согласно которому это продукт послемикенской эпохи, сформировавшийся на протяжении первой половины I тыс. до н. э., имеются, однако, и идеи о микенском или даже домикенском происхождении полиса (А. ван Эффантерр⁶, отчасти Ю. В. Андреев⁷). Нет единства и в отношении проблемы критериев. Можно ли любую общину в Греции считать полисом?

Очевидно, все-таки нельзя, поскольку полису в греческом мире имелись альтернативы⁸. Данная тема в последнее время становится популярной в западной науке, хотя отечественного антиковедения эти новые веяния, как обычно

⁵ Hansen M. H. The Hellenic Polis // A Comparative Study of Thirty City-State Cultures. Copenhagen, 2000. P. 141–187.

⁶ Effenterre H. van. La Crète et le monde grec de Platon à Polybe. P., 1948.

⁷ Андреев Ю. В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Л., 1976; Андреев Ю. В. Античный полис и восточные города-государства // Античный полис. Л., 1979. С. 8–27; Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998.

⁸ Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece / Ed. by R. Brock, S. Hodkinson. Oxf., 2000; Funke P. Politische und soziale Identitätsformen

и бывает, пока не коснулись. Даже в классическую эпоху, во времена высшего расцвета полисного строя, полис не являлся единственной формой государственного объединения в Элладе. Наряду с ними существовали, преимущественно в периферийных регионах, так называемые этносы. Именно «этнос» следует признать важнейшей альтернативой архаическому и классическому полису.

Но что такое греческий «этнос» – в этом вопросе пока нет почти никакой ясности, поскольку названный феномен еще мало исследовался и до сих пор изучен в явно недостаточной степени. Не разработаны еще вполне четкие критерии, по которым можно было бы отличать «этнос» от полиса, так что не всегда понятно, к какой из этих двух категорий относить ту или иную конкретную политику. Если можно привести ряд примеров «этносов» в чистом виде (Этолия, Акарнания, Локрида и др.), то, с другой стороны, имелись и государственные образования, в которых черты «этноса» и полиса сочетались и переплетались, при преобладании одних или других. Таковы Фессалия, Аркадия, Беотия, Элида и др. Характер перечисленных объединений неоднороден. В частности, Фессалию как целое на шкале «“этнос” – полис» следует разместить ближе к первому; но в то же время на ее территории постепенно формировались полисы. В Беотии и Аркадии полисы, которые мы застаем в классическую эпоху, являются уже вполне сформировавшимися, но некоторые рудименты «этноса» сохранялись на общем уровне региона. Элида же, судя по всему, прошла путь перерождения «этноса» в единый крупный полис.

Несмотря на то что сам термин «этнос» может быть буквально переведен как «племя», греческий «этнос», конечно, не был каким-то примитивным племенем в смысле категории родо-племенного строя, изучаемого этнографией и историей первобытности. Он являлся, как и полис, тоже некоей формой социально-политического устройства, общиной, предполагавшей наличие гражданства. Пожалуй, в «этносе» в большей степени выступал на первый план территориальный элемент, в то время как в полисе – человеческий фактор. Ведь, по известной формулировке Фукидида, отразившего здесь общегреческие представления, полис – это «люди, а не стены».

В связи со сказанным отметим, что в историографии велась дискуссия на тему, возможны ли были в античной Греции полисы вообще без территории. Некоторые ученые отрицают такую возможность. Мы же считаем, что в принципе она наличествовала. Случаи такого рода были очень нечастыми; обычно приводят одни и те же, ставшие хрестоматийными примеры (афинский флот на Самосе в 411 г. до н. э., не признавший олигархического переворота Четырехсот на родине, отказавшийся подчиняться новому правительству и на какое-то

время конституировавшийся как своего рода отдельный независимый полис; наемное войско «Десяти тысяч» в составе сил Кира Младшего, в ходе своего отступления из Персии тоже, по сути дела, организовавшееся в «полис на походе». Иными словами, перед нами в любом случае не правило, а исключение, возможное только в неординарных, чрезвычайных обстоятельствах.

В норме полис, безусловно, должен был обладать определенными постоянными земельными владениями. Не случайно одно из самых серьезных наказаний для гражданина полиса – это изгнание с полисной *территории*. Тем не менее сама возможность пусть редко и ненадолго, но все-таки создавать «бестерриториальные» полисы лишний раз подчеркивает отмеченную выше первичность человеческого фактора в полисном типе государственности.

«Этнос» был в известном смысле одной из пресловутых «альтернатив полису». Однако эта альтернатива так и осталась на заднем плане, а специфику греческой античности во всех отношениях определил именно полис. Он не был и не признавался единственно возможной для эллинов формой сообщества людей. Но он был и признавался формой, так сказать, «идеальной». Таковую картину встречаем и в реальной жизни греков, и во всех теоретических построениях их мыслителей – Платона, Аристотеля и т. д.

* * *

Переходя к более детальной характеристике категории полиса, в первую очередь настоятельно подчеркнем необходимость различать между полисом архаическим и полисом классическим. Это, разумеется, не одно и то же; это – две стадии в развитии феномена. Формирование архаического и классического полиса – тоже два разных процесса, которые не следует смешивать друг с другом. Оба процесса имели в полной мере революционный характер (революцию понимаем здесь в максимально широком смысле, не обязательно как некий насильственный переворот, но как качественный скачок, выход на новый уровень).

Совершенно справедливо выдающийся археолог и один из крупнейших специалистов в области складывания полиса Э. Снодграсс⁹ модифицирует давно уже вошедшее в арсенал антиковедения понятие «архаической революции». Он указывает, что на самом деле имели место две «архаические революции»¹⁰ – в начале и в конце эпохи архаики. В ходе первой из них произошло формирование полисов из «осколков» распавшихся монархий микенского времени, через промежуточный этап протополиса. В этот период полис возникал как полис

⁹ Snodgrass A. *Archaic Greece: The Age of Experiment*. Berkeley, 1981.

¹⁰ О значении архаической эпохи см. также: Morris I. *Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State*. Cambridge, 1989; Osborne R. *Greece in the Making, 1200–479 B.C. L.*; N. Y., 1996.

архаический. Главный элемент данного процесса – складывание системы полисных институтов. Следует упомянуть, в частности, постепенное создание набора базовых магистратур. Оно лучше всего прослеживается на афинском материале, из которого видно, что путь от пожизненной царской власти к полисной магистратуре архонтата шел по нескольким параллельным линиям¹¹. Во-первых, должность становится выборной, затем в несколько этапов происходит сокращение срока пребывания в ней – до 10 лет, затем до 1 года. Одновременно расширяется круг лиц, имеющих право занимать эту магистратуру – от царского рода Медонтидов ко всем евпатридам. Третья линия – увеличение количества магистратур от одного царя до девяти архонтов; это предпринималось в целях придания власти коллегиального характера, дабы избежать ее концентрации в одних руках. В целом можно считать, что в Афинах процесс формирования архаического полиса завершился к середине VII в. до н. э., то есть охватил собой первую половину эпохи архаики. В сопоставимые сроки это произошло и в ряде других регионов греческого мира, а именно в тех, которые развивались относительно быстрыми темпами.

Вторую же половину архаической эпохи охватывает формирование классического полиса, в основном завершившееся в тех же передовых регионах к рубежу VI–V вв. до н. э. Если брать уже упомянутые Афины, то в них основные шаги на этом направлении – законодательство Драконта, реформы Солона, тирания Писистрата и Писистратидов, наконец, деятельность Клисфена. Если же брать греческий мир в целом, то не может не броситься в глаза целый ряд принципиально новых реалий, появившихся именно на указанном хронологическом отрезке. Среди них – кодификация права; введение гоплитской фаланги и нарастание связанных с ее социальными функциями эгалитарных тенденций; резкая интенсификация внутрполисных смут (стасиса) и, как результат, часто установление тиранических режимов, относимых наукой к т. н. Старшей тирании; вытеснение архаических форм зависимости (как долговая кабала или внеэкономическая эксплуатация покоренного местного населения) и развитие классического рабства.

Подчеркнем, что в категории «архаический полис» и «классический полис» мы вкладываем не столько хронологический, сколько стадийно-типологический смысл. Дело в том, что даже и в классическую эпоху в греческом мире вполне можно было встретить полисы, остававшиеся еще на «архаической» стадии и не продвинувшиеся на «классическую». Если говорить о полисах крупных и известных, то таковы, бесспорно, Спарта, полисы Крита, в значительной степени Аргос и др.

¹¹ Суриков И. Е. Эволюция афинского архонтата // Третья международная конф. «Иерархия и власть в истории цивилизаций». Статьи и тезисы докл. М., 2007. Ч. 2. С. 28–48.

Сказанное позволяет предложить новый вариант типологии греческих полисов. Вопрос о такой типологии весьма сложен и дискуссионен; выдвигались разные ее варианты. Например, полисы аграрные и полисы торгово-ремесленные. Но подобная дихотомия некорректна. Ведь хотя степень развития ремесленного производства и торгового обмена в различных государствах Эллады могла быть большей или меньшей, но, насколько можно судить, ни в одном из них эта сфера хозяйственной деятельности не являлась основой экономики; такой основой всюду являлось сельское хозяйство. Иначе говоря, ни один полис не может быть назван торгово-ремесленным в строгом смысле слова.

Далее, предлагалось делить полисы на демократические и олигархические, то есть за базовый критерий различения бралась форма политического устройства. Но такая классификация тоже несет в себе некоторое упрощение. Как демократия, так и олигархия в полисных условиях могли быть очень разными; провести четкую грань, скажем, между умеренно-олигархическими режимами и некоторыми более консервативными («гоплитскими») демократиями вообще вряд ли представляется возможным. Не говорим уже о том, что в одном и том же полисе государственный строй мог меняться: олигархическое правление сменялось демократическим, впоследствии вновь возвращалась олигархия (случалось и такое), вкрапливались интерлюдии тирании, вообще не находящей отражения в разбираемой типологии, и т. д.

Итак, предлагаемый нами вариант типологии греческих полисов доэллинистического времени – полисы архаического типа и полисы классического типа. Безусловно, и такая типология тоже не охватит всего разнообразия существующих условий. Двух «полисов-близнецов» в Греции просто не было. Любое обобщение в какой-то степени «хромает», тем не менее без обобщений обойтись нельзя. И тут уж приходится мириться с тем, что всегда останутся исключения из правила. В первую очередь таким исключением будут, конечно, Афины на протяжении большей части V и IV вв. до н. э., когда они были полисом уникальным¹², близких аналогий практически не имеющим.

Афинское государство стало столь нетипичным, разумеется, далеко не сразу: не в ходе законодательства Солона и даже не в результате реформ Клисфена. Даже после этих последних Афины оставались еще более или менее «нормальным» классическим полисом. В серьезное отклонение от этой нормы

¹² В связи с особенностями этого полиса см., например: *Connor W. R. The New Politicians of Fifth-Century Athens*. Princeton, 1971; *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.* / Hrsg. von W. Eder. Stuttgart, 1995; *Davies J. K. Democracy without Theory // Herodotus and his World*. Oxf., 2003. P. 319–335; *Карпюк С. Г. Общество, политика и идеология классических Афин*. М., 2003; *Суриков И. Е. ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы)* // ВДИ. 2005. № 1. С. 15–33

они начали превращаться ближе к середине V в. до н. э. Главную роль в указанном процессе сыграли реформы Эфиальта – Перикла, в результате которых в «городе Паллады» установилась самая развитая демократия античного мира, опирающаяся на гегемонию в имперской по своей сути Афинской архэ. Этот последний шаг не был сделан, пожалуй, ни одним другим полисом.

В связи с Афинами встает вопрос: не следует ли ввести в нашу типологию еще один, третий тип – «модернизированный полис» (наименование условное)? Однако несколько беспокоит, что такой тип окажется в греческом мире исключительно редок, в сущности, единичен. В полной мере к нему можно отнести только Афины периода расцвета демократии. Ближе всего к этому образцу подошли, быть может, Сиракузы V в. до н. э. Но они, во-первых, всё же не прошли тот же путь полностью; во-вторых, сиракузская демократия оказалась нестабильной и на исходе столетия, как известно, уступила место тирании Дионисия Старшего. Одним словом, данный полис не являет собой столь же яркого и характерного примера предложенного здесь третьего типа, скорее находится где-то на подступах к нему. Удивляться этому тоже не следует: чистота типов возможна только в теории, на практике же, естественно, имел место широкий спектр различных переходных вариантов.

Афины – сюжет сам по себе весьма интересный, о котором с большой пользой можно было бы долго и подробно говорить. Однако нас здесь интересуют не столько Афины, сколько полисы более типичные (будь то архаического или классического типа). Только это позволит как-то обобщить ситуацию. Поэтому нижесказанное будет, конечно, базироваться в числе прочего и на афинском материале, но в основном не из «Периклова века», а более раннем, когда Афины еще не столь уникальны и более показательны.

* * *

Далее необходимо оговорить, что в типах «архаический полис» и «классический полис» следует видеть не только различие, но и черты сходства – те, которые позволяют относить оба типа к категории полиса (а не сближать, скажем, архаический полис с «этносом»). Речь, таким образом, идет о том, что в первую очередь характерно для полиса как такового – при всех конкретных отличиях и почти необъятном разнообразии проявлений общих принципов. Какие признаки делают полис полисом?

Ставя эти вопросы, мы напрямую выходим на проблему определения полиса. Проблема эта также является сложнейшей, по ней немало сломано копий в научных дискуссиях. Нам представляется, что в данной ситуации особенно уместен совет «Семь раз отмерь – один отрежь». Не станем спешить со скоропелыми выводами; будем двигаться к искомому определению постепенно, шаг за шагом, уточняя его, конкретизируя, оттачивая. Главное – заботиться о том,

чтобы выстроилась четкая логическая цепочка аргументации, без пробелов и по возможности без «слабых звеньев», чтобы полученные результаты не содержали противоречий, как внутренних, так и с источниковым материалом.

В любом случае определение, которое получится, будет, бесспорно, рабочим, предварительным. Оно, в частности, будет сделано всецело на тех данных, какие предоставляет история греческих полисов архаической и классической эпох, то есть на данных, которые лучше всего известны автору этих строк. Мы уверены, что рассмотрение данных по эллинизму и Риму, осуществляемое в других лекциях этого курса, позволит обогатить понимание полиса рядом других важных и ценных деталей.

Прежде всего выскажем свое отношение к весьма распространенному в западном антиковедении определению полиса как города-государства. В отечественной науке эта формулировка обычно подвергается критике, признается некорректной или даже вообще неприемлемой. Мы в данном вопросе занимаем не столь ригористичную позицию и в принципе допускаем, что разбираемое определение может иметь определенную эвристическую ценность. Но только в том случае, если не забывать обязательно делать две важные оговорки. Во-первых, применительно к полису сами понятия «город и государство» нужно понимать в специфически античном смысле, который далеко не во всем тождествен современному. Во-вторых, следует учитывать, что полис – не только город и не только государство, а нечто большее: при применении системного подхода сумма не вполне совпадает с совокупностью своих слагаемых.

Разберем сказанное более детально и аргументированно. Прежде всего, очевидно, все согласится с тем, что полис есть *община*. Оговорить это необходимо, так как это первый шаг к пониманию феномена, но именно пока только первый. Сказать, что полис есть община, – еще почти ничего не сказать, поскольку общин в мировой истории было чрезвычайно много и все они были очень разными и непохожими друг на друга.

Поэтому делаем второй шаг: полис есть *гражданская община*. На этом этапе анализа мы выходим на такую характеристику полиса, которую вообще следует признать одной из важнейших, наиболее принципиальных: полис теснейшим образом связан с категориями гражданина и гражданства. Эти категории имели ключевое значение для всего полисного бытия, и только на их основе может быть адекватно познан феномен полиса.

Но и на этом втором шаге тоже нельзя останавливаться: пока мы еще не отметили всю специфику полисного типа общества. Скажем, к греческому «этносу» все вышесказанное тоже в полной мере относится: он также являлся общиной, и в нем также имелось гражданство. Последнее выражалось в том, что граждане «этносов» (как и граждане полисов) носили этникины, то есть в состав их полного гражданского имени входило обозначение принадлежности к данному

государству. Как гражданин Афин при контактах с иноземцами именовался «имярек, афинянин», так, допустим, житель Этолии – «имярек, этолиец».

Следовательно, для уточнения определения нужно делать очередной шаг. И если два предыдущих, думается, ни у кого сомнения не вызвали, то этот, третий, скорее всего, вызовет у части читателей возражения. Он заключается в следующем: полис есть *городская* гражданская община.

Почему мы говорим о возможных возражениях? В отечественной историографии получила широкое распространение точка зрения, особенно детально развивавшаяся выдающимся антиковедом Г. А. Кошеленко¹³ и учеными его школы. Согласно данной точке зрения, полис и город – принципиально разные феномены, не имеющие, в сущности, ничего общего. Соответственно, двумя не совпадающими друг с другом процессами являются, с одной стороны, формирование и развитие полиса в Греции, а с другой – формирование и развитие там города. Эти процессы даже во многом ставятся в ситуацию противоположности, противостояния между собой.

Традиционно приводятся аргументы такого рода: существовал афинский полис, в котором в классическую эпоху имелся не один, а как минимум два городских центра – сами Афины и Пирей. Кстати, по нашему мнению, городских центров в Аттике было даже больше, чем два; по крайней мере, Элевсин мы явно тоже должны относить к их числу. В то же время существовал и такой полис, как Спарта, – вообще не урбанизированный, не имевший четких признаков городского центра.

Все это, бесспорно, верно. Однако надлежит помнить о нескольких существенных обстоятельствах. Во-первых, вышеприведенные примеры представляют собой исключения, отклонения от нормы. Ни Афины, ни Спарту никто не назовет типичным полисом. А исключениями вряд ли могут аргументироваться общие закономерности. Во-вторых, необходимо придерживаться принципа историзма и не применять к иным эпохам критерии, свойственные нашей. Такой тип населенного пункта, который по современным меркам никак не может считаться городом и который мы ни в коем случае не признали бы таковым, в античном греческом мире вполне мог восприниматься как город.

В-третьих – и это, пожалуй, наиболее важно, – пользуясь категорией «город», следует учитывать, что в античности она не только в количественном, но и в качественном аспекте имела во многом иное смысловое наполнение, нежели в наши дни. Противопоставление полиса и города правомерно, если исходить из нынешнего понимания города как более или менее крупного центра промышленного (применительно к доиндустриальному времени – ремесленного) производства и торговли, центра, противопоставленного деревне, сельской

¹³ Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979; Кошеленко Г. А. Полис и город: к постановке проблемы // ВДИ. 1980. № 1. С. 3–27.

местности – средоточию аграрного сектора экономики. Такая ситуация сложилась в Европе в эпоху средневековья и существует, в общем, по сей день.

В античной Греции было иначе: противопоставления города и деревни не наблюдалось, они воспринимались не как антагонистические элементы, а как необходимые части единого целого. Применительно к греческим реалиям следует вести речь об аграрных городах, по крайней мере в подавляющем большинстве случаев. Основу населения древнегреческого города составляли не ремесленники и торговцы (хотя они, вне всякого сомнения, наличествовали почти в любом полисе), а крестьяне. Противопоставления горожан и крестьян как социально-экономических групп уже поэтому не могло получить развитие. В условиях полиса город был интегрально, теснейшим образом связан со своей хорой. Они были взаимодополняющими и друг без друга не мыслились, представляли собой два компонента одной системы «город – хора», которая, в сущности, и представляла собой полис. Именно в рамках названной системы «город – хора» уместнее всего трактовать определение полиса как городской гражданской общины. Поэтому, кстати, встречающееся в исторической литературе выражение «полис и хора» представляется нам не вполне корректным, поскольку нельзя противопоставлять целое и его часть.

Следующий (и уже, наверное, последний) шаг в формулировке нужно нам определения будет таким: полис есть городская гражданская община, *конституирующая себя как государство*. Здесь подчеркивается момент политического суверенитета, представляющийся исключительно важной характеристикой архаического и классического полиса. Полис, каким бы маленьким он ни был, являлся полноценным государством, со всеми атрибутами государственной независимости: властями, армией, финансами, законами и т. д. Акцент на этом позволит нам еще лучше отличать полис от других гражданских общин, существовавших даже и в той же Греции, но государствами не являвшихся. Достаточно вспомнить, например, о демах в Аттике. Они ведь тоже были гражданскими общинами; более того, дем – в некоторых отношениях полис в миниатюре, что давно уже было замечено: в античности Фукидидом, в современной историографии целым рядом исследователей. В демах имелись даже органы местного самоуправления, копировавшие общеполисные институты и располагавшие довольно существенными полномочиями. Поэтому, кстати, не столь давно появилась парадоксальная точка зрения, согласно которой Афины, воспринимавшиеся как «федерация демов», были, собственно, не полисом, а «этносом»¹⁴. Но согласиться с этой точкой зрения нельзя (да и в античности Афины всегда воспринимались именно как полис, а отнюдь не как «этнос»). Дем не может быть «точкой отсчета» для политической структуры именно

¹⁴ Cohen E. E. The Athenian Nation. Princeton, 2000.

потому, что он, в отличие от полиса, не обладал политическим суверенитетом, не являлся государством.

Говоря о принципе политического суверенитета, следует учитывать, что из него, на первый взгляд, были возможны исключения. Так, полисы в системе Афинской архэ V в. до н. э. были с определенного момента фактически лишены своей государственной независимости. Но ведь жители этих полисов и осознавали такое положение как совершенно ненормальное, при первой же возможности пытались избавиться от чрезмерно далеко зашедшей гегемонии Афин. Кстати, давно уже было подмечено: временем высшего экономического, политического, культурного расцвета Ионии была первая половина архаической эпохи. Попад под власть Персии, этот передовой регион пришел в некоторый упадок, но, что самое главное, не возродился от упадка и после освобождения от контроля Ахеменидов в ходе Греко-персидских войн. И не возродился именно потому, что на смену одному чуждому владычеству пришло другое, афинское (а потом спартанское, а потом снова ахеменидское...). Иными словами, один из кардинальных принципов полисного типа социума по отношению к этим городам продолжал нарушаться, и они уже не являлись полноценными полисами.

Коль скоро об этом зашла речь, автору представляется необходимым сделать небольшое отступление и хотя бы в двух словах сформулировать свое отношение к эллинистическим полисам, дабы в его позиции были расставлены все точки над «i». Часто подчеркивают, что полисные формы жизни оказались весьма живучими, что они продолжали свое существование и в период эллинизма, и позже, вплоть до конца античности. В целом ряде отношений это, бесспорно, так. Но можно ли считать полноценными полисами те полисы, которые находились на территории эллинистических монархий и подчинялись власти их царей? Мы в этом не уверены – именно потому, что они уже не являлись политически суверенными. Общинами они, разумеется, были, но не были уже государствами. И, во всяком случае, *sub specie* архаического и классического полиса эти эллинистические полисы – вопиющее отклонение от нормы.

Принцип политического суверенитета в словоупотреблении самих греков выражался термином «автономия» (т. е. «жизнь по собственным законам»). Рука об руку с этим понятием шло понятие автаркии – экономического суверенитета. Впрочем, строго говоря, автаркия (самодовление, самодостаточность) – категория не чисто экономическая; она являлась в значительной степени одной из общих основ всего бытия греческого полиса и мировосприятия, выросшего в рамках этого бытия.

Итак, подведем некоторые предварительные итоги. Из краткой формулировки «город-государство» мы путем ряда последовательных корректировок

и уточнений выводим следующее рабочее определение полиса: городская гражданская община, конституирующая себя как государство. Акцент здесь делается, во-первых, на ключевом значении категорий гражданина и гражданства для жизни полиса; во-вторых, на городском (в античном смысле) характере полисной цивилизации; в-третьих, на наличии политического суверенитета.

* * *

До сих пор речь шла в основном о политическом аспекте феномена полиса. Но не менее важным представляется нам его религиозное «измерение» – несмотря на то, что оно обычно в исследовательской литературе не является предметом столь же пристального внимания. С одной стороны, полис есть городская гражданская община, конституирующая себя в качестве политической организации, то есть государства. Но, с другой стороны, в той же мере полис есть городская гражданская община, конституирующая себя в качестве религиозной организации. Здесь напрашивается продолжение «...то есть церкви», и если мы воздерживаемся от употребления слова *церковь*, то только потому, что это слово несет в себе ряд устойчивых коннотаций вполне определенного характера, с трудом увязывающихся в современном сознании с античной языческой религией. Впрочем, в западной исследовательской литературе можно встретить и формулировки такого рода: в условиях религии, не имевшей ни элементов откровения, ни канона священных текстов, ни духовенства, полис играл роль церкви. Во всяком случае, церкви как особой, отдельной от государства организации никогда не существовало ни в одном полисе.

Указанный религиозный аспект полиса также совершенно необходимо учитывать, причем не только на стадии уже развитого полисного социума, но и на стадии его формирования. Французский ученый Ф. де Полиньяк в 1980–1990-х гг. в ряде этапных работ¹⁵ убедительно продемонстрировал синхронность и взаимосвязь «рождения» полиса в Греции и появления крупных святилищ, детально изучил, насколько велика была роль этих святилищ в складывании полисных структур. На эту роль еще до него указывал Э. Снодграсс, но новизна подхода де Полиньяка заключалась в том, что он сделал особый акцент на святилищах на окраине хоры и ввел категорию «биполярного полиса». В этой системе появляется, так сказать, два «полюса», создающие в совокупности «сакральную ось» государства: центральный полюс – сам город с его святынями на акрополе и маргинальный полюс – крупное святилище на хоре.

¹⁵ Polignac F. de. La naissance de la cité grecque: Cultes, espace et société VIIIe – VIIe siècles avant J.-C. P., 1984; Polignac F. de. Cults, Territory, and the Origins of the Greek City-State. Chicago, 1995.

Французский антиковед считает, что имелись и исключения из выведенной им нормы «биполярного полиса», и важнейшим из этих исключений он называет Афины. Однако, на наш взгляд, они таковым все же не являлись, во всяком случае, с того времени, как в состав афинского государства был включен Элевсин: тамошнее святилище Деметры стало выполнять искомую роль второго, маргинального полюса. В целом, конечно, нельзя сказать, что концепция де Полиньяка всеми безоговорочно принята; раздаются и голоса против, акцентирующие некоторую умозрительность предложенной схемы. Разумеется, любая схема, более того, любое обобщение в какой-то степени является упрощением действительности, и с этим ничего поделать нельзя. Но из этого не вытекает, что мы должны отказаться от обобщений. Во всяком случае, концепция «биполярного полиса» заслуживает самого внимательного к себе отношения; после ее появления уже нельзя ее не учитывать и писать о полисной организации так, как писали до того.

Итак, полис – не только политическое пространство, но еще и пространство сакральное. Остановимся на этом подробнее. Любая цивилизация творит собственную пространственную модель¹⁶ и, в свою очередь, сама как бы творится ею. Разумеется, сформировалась своя пространственная модель – самобытная и, возможно, даже уникальная – и в рамках древнегреческой полисной цивилизации. Здесь невозможно рассмотреть эту модель во всей ее целостной совокупности. Мы кратко сформулируем лишь некоторые положения, имеющие отношение к одному из ее аспектов, а именно к тому, который связан с категорией сакрального.

Среди важнейших бинарных оппозиций, характеризующих ментальность человеческих обществ, находится оппозиция «сакральное (священное) – профанное (мирское, светское)». Эта оппозиция, рождающаяся из религии, оказывает принципиальное влияние и на пространственное мышление: пространство в традиционных культурах воспринимается не как семантически нейтральное и однородное, а как по-разному структурированное и иерархизованное в зависимости от степени своей сакральности. При этом, насколько можно судить, такое структурирование имеет неодинаковую форму в различных цивилизациях.

Что касается конкретно античного греческого полиса, в его пространственной модели категория сакрального также имела существенную специфику, порожденную самим характером полисной религиозности. Как уже отмечалось чуть выше, полис как таковой являлся не только политическим, но и религиозным феноменом; в нем религиозные и государственные структуры в принципе совпадали. «Религиозная функция» в Греции с самого начала существования полисов не была автономной, четко выделенной, в отличие от большинства

¹⁶ В данном контексте интересные мысли на древнегреческом материале см. в известной книге: Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988.

других социумов; она неразрывно переплеталась с прочими аспектами общественной жизни. В подобных условиях было решительно невозможно, например, такое явление, как конфликт между духовной и светской властями. Собственно, конфликтовать было некому и не с кем: духовная и светская власть воплощалась в одних и тех же институтах и лицах.

Описанная ситуация предопределяла практическую невозможность строго разграничения сакральной и «светской» сфер на уровне полиса. В полисе было сакрализовано буквально всё, любая сфера общественной деятельности. Это очень четко видно, в частности, на уровне правовой культуры. Если римское право содержало в себе подчеркнутое различие *ius* и *fas*, права светского и права сакрального, то в древнегреческих правовых системах грань между этими областями провести чрезвычайно трудно, если вообще возможно. Проиллюстрируем данный тезис конкретным примером. Техническое выражение τὰ ἱερά καὶ τὰ βίαια означало в греческом праве, как обычно считают, эквивалент латинского *sacra et profana*, совокупность религиозного, «божеского», с одной стороны, и мирского, «человеческого» – с другой. Однако, как убедительно показал итальянский исследователь А. Маффи¹⁷, в таких контекстах слово βίαιος все же вряд ли может быть безоговорочно понимаемо как «светский», «профанный» в полном смысле слова. Резоннее вести речь о различных уровнях сакрального. Если ἱερός имеет отношение к сфере, связанной собственно с богами, то βίαιος – к сфере, связанной с полисом, который, как мы видели, был сам по себе организацией насквозь сакрализованной.

Сказанное об «уровнях сакрального» имеет самое прямое отношение к пространственному структурированию полиса. В его сакральной «плоти» отчетливо выделялись отдельные участки, обладавшие повышенной сакральностью, так сказать, «очаги сакрального». Применительно к урбанистическому центру полиса, к городу как таковому, следует говорить прежде всего о двух таких «очагах». Во-первых, это акрополь, городской «кремль», средоточие религиозного и цивилизационного континуитета, место концентрации наиболее древних и священных преданий и символов. Отметим, что даже и на акрополе степень сакральности пространства не повсюду была равной и однородной. В Афинах она в наибольшей мере концентрировалась в храме, который для классической эпохи известен под названием Эрехтейона и находился на месте царского дворца микенской эпохи. Во-вторых, агора – главная городская площадь. Сакральный характер этого пространства на практике выражался, помимо прочего, в том, что входы на агору маркировались специальными пограничными камнями (ὄροι). Доступ на агору категорически запрещался, в частности,

¹⁷ Maffi A. Τὰ ἱερά καὶ τὰ βίαια. Contributo allo studio della terminologia giuridico-sacrale greca // Symposion 1977: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1982. S. 33–53

лицам, считавшимся «оскверненными» в религиозном отношении (например, совершившим убийство), дабы они своим присутствием не запятнали святыни.

Конкретная сакральная семантика акрополя и агоры была, естественно, неодинаковой; этот вопрос не может быть детально рассмотрен здесь и требует отдельного исследования. Отметим лишь, что агора, в отличие от акрополя, не была раз и навсегда неизменно локализована; она могла перемещаться. Так, в Афинах до начала VI в. до н. э. агора (так называемая Старая Агора) располагалась, судя по всему, у восточного склона акрополя, а затем (в ходе реформ Солона или даже позже) перенесена в район Керамик, на место, где ранее были в основном городские некрополи. На этом новом месте и сформировалась знаменитая Классическая Агора, функционировавшая вплоть до конца античности и от века к веку украшавшаяся все новыми замечательными памятниками архитектуры и искусства.

Семантическая оппозиция «сакральное – профанное» в большинстве традиционных цивилизаций тесно сопряжена с пространственной оппозицией «центр – периферия». Как правило, чем дальше от центра, тем слабее интенсивность элементов сакрального, тем в большей мере пространство оказывается во власти профанных сил. Однако античный греческий полис и в данном отношении имел немаловажную специфику. Вспомним об упомянутой чуть выше концепции «биполярного полиса», выдвинутой де Полиньяком: согласно его выкладкам, в становлении полисной формы государственности определяющую роль сыграло основание крупных святилищ на границах хоры, на самой что ни есть «периферии». Такое святилище (аргосский Герайон, милетский Дидимейон и т. п.) служило сакральному «освоению» удаленного пространства, между ним и святынями города устанавливались незримые связи, возникало некое «силовое поле», сакрализующее в идеале всю территорию полиса. Впрочем, эта территория и в остальном была буквально наполнена «очагами сакрального» второго порядка – всеми этими многочисленными святилищами богов и героев, священными рощами, чтимыми гробницами и пр.

В различных полисах сакрализация пространственных структур имела, что вполне закономерно, свои особенности. В частности, уникальным в этом плане, как и в большинстве других, был «несиноикизированный полис» Спарта. Упомянем хотя бы о территориальном аспекте спартанских погребальных обрядов: вразрез с общегреческой практикой, запрещавшей погребение умерших в городской черте, в Спарте никаких ограничений подобного рода не существовало. Это предполагает особый, совершенно нетипичный вариант сакрализации пространства.

Повторим и подчеркнем: мы попытались здесь только поставить (или даже, скорее, наметить) ряд проблем, связанных с пространственным моделированием античного греческого полиса. Решение этих проблем представляется

делом будущего; они еще не исследовались в историографии всерьез и на современном уровне и настоятельно требуют самого пристального изучения.

Акцентируем еще раз внимание на том принципиальном обстоятельстве, что полис целиком являлся сакральным пространством. Приведем в пользу этого дополнительный аргумент конкретно-эмпирического характера. В Афинах по законам Драконта об убийствах, принятым в 621 г. до н. э., но сохранявшим силу еще на протяжении веков после этого, убийца изгонялся за пределы полисной территории. И если он затем спокойно жил в изгнании, не предпринимая попыток возвратиться на родину, то никто его не разыскивал и не преследовал. Дело в том, что в античном менталитете едва ли не важнейшим аспектом убийства был аспект религиозный. Кровопролитие оскверняло убийцу, он становился источником культовой нечистоты, которая понималась в известном смысле как заразная болезнь. Соответственно, «заразиться» от него и стать тоже оскверненными могли сограждане, да даже и весь полис. Какой мог быть выход из этой ситуации? Оставить убийцу в полисе было, безусловно, нельзя; однако и его казнь представлялась не оптимальным выходом. Ответить на убийство убийством же – это означало породить взамен старого источника скверны новый. Кровная месть порождала ровно те же проблемы: возникала бесконечная цепь осквернений... А идея о том, что государство обладает достаточным сакральным авторитетом, чтобы своей властью снять скверну, ко времени Драконта, судя по всему, еще не сформировалась; мы встречаемся с ней только позже, с VI–V в. до н. э. В результате казалось, что самая безопасная для полиса мера по отношению к убийце – именно изгнать его, удалить из сакрального пространства. То, что он продолжал и после этого «носить свою скверну» где-то в другом месте, для полиса уже не было релевантным.

Еще один весьма характерный факт. «Рождение греческого полиса», или «первая архаическая революция», приходится в основном на VIII в. до н. э. Замечены два важных нюанса в области сакральной археологии этого периода. Один из них – появление крупных святилищ – уже отмечался выше. Не менее интересен другой, заключающийся в том, что именно на указанном хронологическом отрезке резко уменьшается количество предметов, особенно дорогостоящих, которые при похоронах кладутся родственниками в могилы умерших, и столь же резко увеличивается количество аналогичных предметов, но уже посвященных в храмы в качестве votivных приношений. Иными словами, то, что раньше шло в захоронения – средоточия частных, семейных культов, отныне идет в святилища – средоточия культов общеполисных.

В сущности, храм – один из ключевых пунктов, где происходит пресловутое рождение полисного духа, полисного единства и солидарности. Главные храмы полиса расположены в его центре, на почетнейшем месте. Это самые

монументальные и импозантные здания в государстве, остальные постройки даже и сравниться с ними не могут. И подобное трепетное отношение эллина к храму связано не с религиозно-мистической экзальтацией (как раз эта последняя была не слишком свойственна классическому греческому менталитету), а с тем, что храм для него есть средоточие полиса, полисного «космоса», полисных ценностей.

* * *

Переходим к таким чертам полиса, которым часто придают большое значение (особенно в отечественном антиковедении) и порой даже включают в определение этого феномена, но реальную роль которых, на наш взгляд, не следует преувеличивать, считая их интегральными, базовыми характеристиками полисного типа социума. Прежде всего речь идет о так называемой античной форме собственности. Именно ее наличие по большей части фигурирует в определениях полиса, даваемых в марксистской и постмарксистской российской историографии («гражданская община с античной формой собственности»). Как известно, понятие, о котором идет речь, введено К. Марксом – кстати, в одной из его самых сильных работ «Формы, предшествующие капиталистическому производству».

В связи с античной формой собственности прежде всего необходимо сказать несколько слов относительно того, в каком смысле понимать данную категорию. Иногда ее трактуют несколько упрощенно: в полисе имелись частновладельческие земли, но имелись в то же время и общинные, государственные (нередко их даже при описании греческих полисов называют римским термином *ager publicus*, ‘народное поле’). И в этом видят двуединство частной и общественной собственности. Кстати, наверное, не случайно используется именно латинское словосочетание: в Риме категория *ager publicus* фиксируется наиболее четко. Для ряда греческих полисов вопрос о формах существования «народного поля» не столь прост и однозначен. Впрочем, отвлекаясь от частных случаев, в целом, видимо, выделение двух типов земель можно признать приемлемым и достаточно корректным.

Однако мы сразу оказываемся перед проблемой: а что же здесь специфически античного, специфически полисного? В очень многих обществах мы встречаем такую дихотомию между частной и государственной собственностью на основное средство производства. Мы бы даже сказали, что таких обществ в истории подавляющее большинство. Чрезвычайно редки типы государств, в которых наличествовала бы только и исключительно государственная собственность, да и в них-то этот принцип никогда не был проведен с полной и исчерпывающей последовательностью. Что же касается государств, в которых была бы только частная собственность, то они, насколько можно судить,

вообще невозможны по определению. Одним словом, выдвинутый принцип никакой полисной специфики еще не демонстрирует.

Античную форму собственности понимают также и в ином, более продуцируемом смысле: суть ее видят в том, что гражданин полиса был собственником земли именно постольку, поскольку он являлся гражданином. Эти два статуса следует признать, как правило, неотделимыми друг от друга и обуславливавшими друг друга. Индивид лично свободный, но не пользовавшийся гражданскими правами, не мог получить в собственность земельный надел. Сразу отметим, что, строго говоря, даже и из этого правила возможны исключения, однако их сейчас можно не принимать во внимание, поскольку мы изучаем общий принцип. С другой стороны, гражданская община наделяла такими наделами своих членов, а при необходимости могла и отобрать участок.

Сказанное означает, что именно полис, община, коллектив граждан выступал как верховный собственник всей полисной земли. В подобных условиях само право собственности на основное средство производства было обусловлено принадлежностью к гражданскому коллективу и контролировалось им. Это и выступает как античная форма собственности – форма, которую можно назвать двуединой и которой, вне сомнения, присуща некоторая парадоксальность. С одной стороны, нельзя сказать, что гражданин полиса не являлся частным собственником. С другой же стороны, в каком-то смысле он им действительно не являлся или, по крайней мере, не вполне являлся. Ведь его право на землю было неотъемлемым, только пока он оставался гражданином. В случае утраты этого статуса (например, по приговору суда за какое-либо преступление) полис на вполне законных основаниях лишал его надела. В принципе, полис мог провести и общий принудительный передел всех частновладельческих земель ($\gamma\eta\varsigma \alpha\nu\alpha\delta\alpha\sigma\mu\acute{o}\varsigma$) на началах полного равенства между гражданами, то есть «черный передел», если пользоваться русской терминологией. Безусловно, названная здесь мера считалась революционной и/или тиранической по своей сути, применялась крайне редко, но все-таки примеры такого рода известны.

Иными словами, античную форму собственности в таком понимании можно назвать неполной частной собственностью. Ее, как уже говорилось выше, часто считают интегральной и едва ли не главной чертой полисного типа общества. Так ли это? И имеем ли мы здесь столь уж непреодолимую границу с другими типами государств? Однако и в подавляющем большинстве современных обществ, даже самых либеральных, вряд ли существует такое положение вещей, при котором негражданину, иностранцу дозволялось бы, приехав, свободно и без каких-либо ограничений приобретать в собственность землю. А на протяжении большей части человеческой истории это вообще не допускалось по вполне понятным причинам. Какие-то ограничения в данной сфере

всегда налагались и, наверное, всегда будут налагаться, пока мир не превратился в единое государство.

Во многом аналогично обстоят дела и с лишением права собственности. Опять же, и в большинстве современных государств, в принципе, приговором суда может быть проведена такая мера, как конфискация имущества. Можно поставить вопрос и в более общей форме: не является ли *любое* государство верховным собственником, в том числе и по отношению к частной собственности его граждан? В нормальных условиях это его право обычно не реализуется, однако, как ни парадоксально, оно все-таки существует. Строго говоря, каждое государство обладает достаточной силой – силой, намного превосходящей возможности отдельных граждан, – чтобы осуществить по отношению к этим гражданам, в том числе и к их собственности, меры легитимного насилия.

Повторим: в стабильной политической ситуации такого, как правило, в массовых масштабах не бывает. Но в условиях чрезвычайного положения, тем более, скажем, в условиях государственного переворота случаи, о которых идет речь, не столь уж и редки. Бесспорно, это не норма – но ведь и в условиях полиса экспроприация земли и иной собственности государством у граждан отнюдь не являлась нормой. А теоретически, в порядке исключения, обусловленного какими-либо обстоятельствами, государственными нуждами и т. п., такая экспроприация практиковалась и практикуется, как в античности, так и в наши дни. Ныне ее даже несравнимо легче осуществить технически. Мы, например, не понаслышке знаем, как государство может лишить граждан всех годами накопленных сбережений. Существуют даже разные способы сделать это: заморозить счета в сберкассах, провести конфискационный обмен купюр и др. Нельзя не признать, что в античном полисе столь грубый узаконенный произвол был невозможен или почти невозможен.

Правда, источники доносят до нас сведения о нескольких акциях подобного рода. Известна, в частности, так называемая монетная реформа тирана Гиппия в Афинах, осуществленная в конце его правления (510-е гг. до н. э.). «Ту монету, которая ходила у афинян, он объявил негодной и, установив стоимость ее, велел возвращать ему; а когда они были собраны для перечековки, он выдал то же серебро» ([Arist.] Оес. II. 1347a4 sqq.). Никакой перечековки не было предпринято, а просто при повторной раздаче денег гражданам статер (дидрахма) был объявлен тетрадрахмой; иными словами, ценность денег была приказным порядком понижена в два раза. Однако в любом случае такие меры могли быть только единичными, к тому же осуществимыми только при тираническом режиме. В обычных условиях из подобных манипуляций ничего бы не вышло – уже хотя бы потому, что древнегреческие деньги были полноценными, а не кредитными деньгами.

Одним словом, проблема античной формы собственности действительно нуждается в дополнительном осмыслении на предмет выявления действительно античной специфики, насколько таковую удастся обнаружить. Вопрос надлежит ставить так: не является ли государство в принципе – любое государство, не только полис – фактически верховным собственником, только в нормальных условиях не пуская в ход все свои потенции в этом направлении. Подробно углубляться в эту тематику весьма общего характера здесь нет, конечно, никакой возможности. А пока проблема не прояснена, нет полной уверенности, что неполная частная собственность, обусловленная принадлежностью к гражданскому коллективу и предполагающая наличие *ager publicus*, характерна именно и только для полисной цивилизации, не встречаясь в иных социумах. Коль скоро это так, она не может выделяться в качестве отличительной черты полиса, его принципиальной характеристики.

* * *

А теперь остановимся на другой такой характеристике, которая, пожалуй, еще чаще (но, на наш взгляд, столь же неправомерно) акцентируется в связи с полисом – и опять-таки преимущественно в советском и российском антиковедении. Речь идет о рабовладении, классическом рабстве. В отечественной историографии марксистского периода (а ее важнейшие работы и по сей день остаются авторитетными¹⁸, поскольку более новых по данной проблематике появилось очень мало) полис однозначно характеризуется как рабовладельческое государство. Более того, атрибут «рабовладельческий» устойчиво прилагается к основным феноменам, существовавшим в рамках полиса («античная рабовладельческая демократия», «полисная рабовладельческая экономика» и т. п.).

Сформулируем свою принципиальную точку зрения по этому вопросу. Безусловно, никто не отрицал и никто никогда не будет отрицать сам факт наличия рабов в древнегреческом обществе. Рабство – такая форма зависимости и эксплуатации, которая имеет более чем почтенный возраст. Существовало оно задолго до появления полисов в Элладе, существует, в сущности, и по сей день. Нельзя не отметить, что и такая, например, форма зависимости и эксплуатации, как наемный труд, ни в коей мере не является порождением капитализма, а имеет не менее древнюю историю. Уже Гомеру известны лично свободные наемные работники (феты), причем их положение оценивается в эпосе как худшее по сравнению даже с положением раба.

¹⁸ Более взвешенный взгляд см. в работе: Wood E. M. *Peasant-Citizen and Slave: The Foundations of Athenian Democracy*. L., 1988.

Повторим, рабы, бесспорно, в полисах были; а вот существовал ли в них *класс* рабов – вопрос уже гораздо более сложный, и давать на него однозначно положительный ответ, как у нас обычно делалось, не столь уж и просто. Как известно, классы – группы людей, различающиеся по своему месту в системе общественного производства. А у рабов никогда не было какого-то единого места в этой системе. Имелись рабы, занимавшиеся сельскохозяйственным трудом, и рабы-ремесленники, домашняя прислуга и «рабская интеллигенция»... В чисто хозяйственном отношении рабы были «рассеяны» по самым разным ячейкам социума. Что их всех объединяло – полное отсутствие каких-либо законом установленных прав, вплоть до права на человеческую личность. Иными словами, если рабы и выступают как какая-то общность – то не как общность экономического характера (класс в марксистском понимании), а как общность юридического характера, то есть *сословие*.

Но вернемся к основной нити изложения. Ныне уже никто не будет утверждать, что рабы когда-либо в древнегреческом обществе составляли большинство населения. Такого не было даже в самых высокоразвитых полисах и даже в эпоху их наивысшего процветания. В Афинах V–IV вв. до н. э. рабы составляли, насколько можно судить, не более трети всех жителей государства. Из этого *a fortiori* вытекает, что в других полисах, более типичных и, так сказать, средних, удельный вес рабов был еще меньше. Сразу договоримся, что мы не учитываем здесь илотов и сходные формы зависимости (статусы, определявшиеся античными авторами как «между свободными и рабами»), поскольку эти статусы были от статуса раба классического типа даже дальше, чем, скажем, от статуса крепостного крестьянина.

Указанный факт – численное меньшинство, часто значительное, рабов по сравнению со свободными – на самом деле очень важен, поскольку он подрывает представление о рабах как об «основном классе». Не удивительно, что в марксистской литературе этот факт обычно затушевывался диалектическими соображениями о том, что «основной класс» не обязательно должен быть самым многочисленным; достаточно, чтобы он был, так сказать, самым типичным. А что типично, что нетипично – в рамках этой системы взглядов определяется априорными установками. Русские революции 1905 и 1917 гг., крестьянские по своей сути, объявляли пролетарскими, а пролетариат, которого в стране было на тот момент ничтожное меньшинство, – «основным классом», и всё это для того, чтобы история России лучше укладывалась в марксистскую «пятичленку». Не схожим ли образом обстоит дело и с рабами в античной Греции?

Был ли в действительности полис, и в частности классический демократический полис, основан – в системном смысле – на рабском труде? Те, кто так считает, придерживаются, в частности, следующего хода аргументации. Члены

гражданского коллектива полиса, массы граждан потому имели возможность принимать активное участие в управлении своим государством, что они располагали необходимым для этого досугом. А досуг у этих людей был именно потому, что им не приходилось работать: за них трудились рабы. «Цивилизация досуга» – так, например, характеризует греческую полисную цивилизацию Э. Д. Фролов; такое заглавие он даже дал ключевой главе своей книги «Факел Прометея»¹⁹.

Однако в действительности ситуация значительно сложнее. Парадокс греческой античности заключается в том, что те же самые крестьяне-граждане, которые посещали народное собрание и воплощали высшую власть в полисе, в полной мере занимались и физическим, сельскохозяйственным трудом. Если у крестьянина были рабы, они тоже, конечно, работали вместе с хозяином, однако же это ни в коей мере не освобождало и его самого от необходимости трудиться. Тем не менее у него при всем этом оставалось время и для общественно-политической жизни.

Подчеркнем: мы отнюдь не отвергаем принципиальную характеристику полисной греческой цивилизации как «цивилизации досуга». Досуг у граждан полиса действительно был, но был вовсе не потому, что они, возложив всю работу на плечи рабов, бездельничали. Ни в коей мере; они трудились, но при этом располагали и необходимым досугом. Как и почему это получалось? Кратко сформулируем свою точку зрения на этот предмет.

Создается впечатление – и, насколько можно судить, оно обоснованно, – что в доиндустриальные, докапиталистические эпохи люди в принципе работали меньше. Труд не был еще, как впоследствии, возведен в некий абсолют бытия. Трудовая этика традиционных обществ, в отличие от капиталистической этики, предполагала не постоянный труд, направленный на производство максимально возможного количества товаров, а труд, необходимый для обеспечения условий существования.

Несколько отвлекаясь от античности (но это отступление поможет кое-что лучше понять в ней), отметим интересное наблюдение, сделанное в этнографической литературе относительно первобытных обществ. Для нас является школьным постулатом, что жизнь человека первобытности была заполнена постоянным тяжким трудом, борьбой за выживание. Однако ученые, пронаблюдав за наиболее «примитивными» племенами наших дней, подсчитали, сколько времени их члены трудятся. Результат оказался неожиданным: в сумме 7–8 часов в неделю. Иными словами, они работают ровно столько, сколько нужно, чтобы создать себе некий жизнеобеспечивающий минимум на определенный период. Затем работа прекращается, и люди переходят к потреблению полученного в ходе этой работы; наступает время досуга. Кстати, если бы

¹⁹ Фролов Э. Д. Факел Прометея: Очерки античной общественной мысли. Л., 1981.

первобытные люди действительно беспрерывно трудились, вряд ли человечество в принципе смогло бы продвинуться по пути цивилизации, оно осталось бы на низком уровне развития. Постоянный физический труд – мягко говоря, не лучшее условие для творчества.

Так и жизнь античного грека не была без остатка поглощена работой. В труде, как и во всем остальном, эллин знал меру, ощущая, что для гармоничного развития личности не менее необходим досуг. И трудился столько (и не больше), сколько было нужно, чтобы обеспечить себе этот досуг в достаточном количестве.

Вернемся к исключительно важному тезису: гражданин греческого полиса работал сам, рабский труд существовал, но имел – во всяком случае, в сельском хозяйстве, то есть в основной сфере экономики, – скорее вспомогательный характер. Взгляд на древнегреческое общество как на рабовладельческое по существу, то есть основанное на рабском труде и без него невозможное, является собой упрощение. Безусловно, представители социальной верхушки, люди самые зажиточные, лично не занимались физическим трудом (или, по крайней мере, имели такую возможность). Но здесь опять же нет ничего специфически античного и рабовладельческого: элита общества во все эпохи не занимается физическим трудом, а нас сейчас интересует не она. Подавляющее же большинство свободных граждан от необходимости работать не были освобождены, даже и фактом наличия рабов.

Если выразиться несколько патетически, классический греческий полис – не полис бездельников-рабовладельцев, это, напротив, в полном смысле слова полис тружеников, земледельцев и ремесленников с мозолистыми руками. Основным производителем в греческом мире являлся не столько раб, сколько свободный гражданин; соответственно, роль рабовладения в этом социуме следует считать часто без нужды преувеличиваемой в историографии.

* * *

Итак, выработка даже самого первичного, рабочего определения полиса оказалась делом достаточно сложным, а само это определение – чрезвычайно многокомпонентным. В какой-то степени можно сказать, что уже делом вкуса того или иного исследователя является, какие из компонентов выдвигать на первый план, а какие считать второстепенными. Так, автору этих строк исключительно важной характеристикой именно архаического и классического полиса (то есть собственно «полиса полисной эпохи», если выразиться несколько тавтологично) представляется государственный суверенитет. По контрасту с периодом эллинизма, когда полис уже не обязательно являлся государством (хотя в ряде случаев и являлся), в доэллинистическое время он в норме выступает именно как государство.

Почему мы делаем на этом особенный акцент? В связи с интересной концептуальной коллизией, возникшей в последнее время в науке. Полисный тип государственности очень оригинален и своеобразен. В частности, его весьма рельефной особенностью, бросающейся в глаза каждому, кто им сколько-нибудь углубленно занимается, является следующее обстоятельство: полис был «государством без бюрократии». Вот этот-то момент в наибольшей степени поражает, причем не столько историков, сколько многих представителей политических наук. Последним обычно приходится иметь дело с более традиционными государственными формами, вполне бюрократическими: ведь таковые на протяжении человеческой истории в целом, конечно, решительно преобладали.

В связи со сказанным ряд влиятельных специалистов (повторим, что речь идет в основном не об исторической, а о политологической литературе) высказывают сомнения, можно ли вообще считать полис государством, не является ли он какой-то иной формой общности людей. Нередко предлагается применять к полису определение «протогосударства».

Данный тезис, проведенный в категоричной форме, бесспорно, являет собой досадную крайность и не может вызвать одобрения у историков – хотя бы потому, что они прекрасно знают: государства в мировой истории могут принимать самые разнообразные формы, они совершенно не обязательно должны быть похожи на то, что привычно нам. Однако даже и крайние точки зрения не возникают немотивированно. В данном случае объективным основанием для недоразумения послужило то обстоятельство, что полис действительно уникален. Он не просто не похож, а кардинально не похож на большинство иных государств, будь то древних или современных. Его специфика, возможно, и заслуживала бы какого-то специального места в категориальном аппарате.

Но при всем том отнесение полиса к разряду «протогосударств» решительно неприемлемо. На этой шкале полис оказался бы уравнен, скажем, с потестарными образованиями позднего родо-племенного строя, накануне перехода к «настоящей» государственности. Но на самом деле полис – нечто совсем, совсем иное. Кроме того, в самой приставке «прото-», хотим мы того или не хотим, присутствует некий пренебрежительный оттенок, предполагающий как бы в известном смысле что-то «недоделанное», несовершенное по сравнению с традиционными бюрократическими государствами. А в действительности ситуация прямо противоположна. В полисе нет ничего «недоделанного». Он напоминает произведение искусства, поражающее совершенством своего исполнения, является системой настолько продуманной и отточенной во всех деталях, что уже ничего «ни прибавить, ни убавить». Полис – некая великолепная целостность, социальный и духовный «космос».

По нашему глубокому убеждению, это вообще самый совершенный тип общности людей, какой только существовал когда-либо в мировой истории. Он в наибольшей степени способствовал развитию как личности, так и коллектива, давал реальное, а не фиктивное равенство граждан, реальное, а не фиктивное широкое политическое участие. Все остальные формы государственности по сравнению с полисом выглядят уже некоторой деградацией, пусть даже и неизбежной. Ни в каких других типах государств не было такого раскрепощения творческого, состязательного духа, такого взлета и процветания культуры и т. д.

Здесь мы хотели бы высказать мысль, которая, несомненно, покажется парадоксальной: полис – не «протогосударство», а, если можно так выразиться, «постгосударство», более высокая и совершенная ступень человеческого общежития, нежели обычные государства. Подчеркнем, что данный тезис предлагается в сугубо гипотетической форме, как тезис заведомо спорный; если введение нового термина вызовет дискуссию, с чьей-то стороны – несогласие, то это будет только полезно для развития науки об античности.

Такой тип общности людей, «постгосударство», насколько можно судить, был редчайшим и нигде более за пределами полисного мира не встречающимся. Да и полисному миру античной Греции на этой высоте суждено было удержаться не очень долго – всего лишь несколько веков, а потом, в эпоху эллинизма, в основном произошел «откат» к обычному для древности типу государственности, к бюрократическим монархиям, процесс эволюции «от гражданина к подданному», как его часто характеризуют в историографии. Может быть, дух «постгосударства» долгие, чем в эллинистическом мире, удержался в Риме: Римская империя, например, в годы правления династии Антонинов производит какое-то очень благоприятное впечатление. В Риме, впрочем, тоже в конце концов полисная по истокам система принципата сменилась чуждой полису системой домината, но на римских реалиях мы, естественно, специально останавливаться здесь не будем.

Вернемся к полису греческому. Этот уникальный феномен мог сложиться только в уникальных исторических условиях. «Постгосударство» уже по определению должно формироваться после государства. В Греции мы имеем как раз такой случай: повторное рождение государственности на обломках микенских дворцовых царств – государств обычного, «бюрократического» типа. Для греков речь шла о второй попытке создания цивилизации, и этим уже много сказано.

Иными словами, полис был вторичным образованием. Государственность же, формирующаяся не «с нуля», а на руинах предыдущей государственности, вольно или невольно учащаяся на ее ошибках и старающаяся этих ошибок не делать, вырастает в конечном счете во что-то новое, невиданное.

* * *

В связи с проблемой происхождения полиса нам представляется необходимым специально оговорить одно важное обстоятельство. В исторической науке является чрезвычайно распространенной, можно сказать, общепринятой точка зрения, суть которой выражается, например, следующей цитатой: «История человечества знает самые разнообразные формы государства, возникавшие в ходе разложения родоплеменного строя. Античный полис представляет собой один из вариантов нередко возникающего в этих условиях города-государства...». Говорят о «разрушении родоплеменного уклада жизни», о «процессе разрушения родоплеменной структуры связей» в Греции в период становления полиса.

Приведенные цитаты взяты из замечательной книги А. И. Зайцева «Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э.»²⁰. Но это получилось чисто случайно – просто книга оказалась под рукой. С тем же успехом мы могли бы процитировать абсолютно аналогичные суждения из десятков других работ. Поэтому никаких претензий к такому выдающемуся специалисту, каким был А. И. Зайцев, нет и быть не может. Ученый просто воспроизвел решительное преобладающее в антиковедении мнение. Но верно ли само это мнение?

Здесь у нас имеются серьезные возражения. Вырос ли полис из родоплеменной структуры общества, в ходе разложения и разрушения этого строя? Несомненно, в большинстве случаев ранние государства именно так и рождались. Но греческий полис, как мы уже видели, являет собой особый случай.

Первые государства в Греции появились во II тыс. до н. э., и, следовательно, пресловутые родо-племенные структуры были в основном разрушены уже тогда. В ходе «микенского коллапса» (который, кстати, в действительности не был таким уж коллапсом, как еще не столь давно принято было считать) произошла регенерация некоторых элементов догосударственного, позднепервобытного социума. Но родовое общество как система в полном и целостном виде возродиться, конечно, уже не могло. Так, можно с полной уверенностью утверждать, что уже греческая община II тыс. до н. э. – это соседская община. И именно из нее, а не из общины родовой, сложился полис. К периоду греческой архаики подлинное родовое общество давно уже было позавчерашним днем.

В рассмотрение данного вопроса вносит некоторую путаницу тот факт, что в архаической Элладе (да и не только в архаической, но еще и в классической, и даже в послеклассической) источниками фиксируются аристократические роды (если ограничиться афинским материалом – Алкмеониды, Филаиды,

²⁰ Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. 2-е изд. СПб., 2000.

Керики, Ликомиды, Этеобутады и др.). И, казалось бы, логичен ход рассуждения: раз есть роды («кланы»), как их весьма нередко, хотя и некорректно, именуют в исследовательской литературе) – значит, есть и родовое общество или, во всяком случае, его рудименты. Однако на самом деле здесь дезориентирует многозначная лексема «род»: все эти и другие греческие аристократические роды²¹ имеют ничуть не большее отношение к родо-племенным структурам, чем, допустим, русские аристократические роды Шереметевых, Голицыных, Юсуповых и др. Приведенная параллель не имеет характера некой описательной метафоры, она вполне буквальна: речь идет о феноменах аналогичных во всех отношениях, не только по форме, но и по сути. В обоих случаях перед нами вторичное, достаточно позднее явление, к первобытности отнюдь не восходящее и с древним кланом ни в какой связи не состоящее. Относительно русских дворянских родов столь очевидную вещь и доказывать не надо; что же касается родов греческих, то их схожая сущность была убедительно продемонстрирована Ф. Буррио, Д. Русселем²² и рядом других антиковедов.

Сказанное относится и к другим реалиям, которые обычно считают пережиточными элементами родо-племенного быта в античной Греции. Речь идет о филах и фратриях. Однако и здесь сходство мнимое, чисто внешнее. Термин «фила» обычно переводят как «племя». Но далеко не факт, что такое соответствие вполне корректно. Есть, в частности, мнения, что греческие филы – единицы, близкие скорее к индийским варнам, то есть явлению совсем иного порядка. В любом случае, вопрос весьма сложен и не может быть однозначно решен при имеющемся состоянии источников. Наконец, фратрия, как весьма убедительно показал в свое время У. Дж. Форрест²³, является довольно поздним социальным феноменом, возникшим уже в начале I тыс. до н. э. и искусственно соотнесенным с системой родов.

Кстати, следует обратить внимание на следующее важное обстоятельство. В отличие от «классических» ирокезских родов, описанных Морганом и ставших неким эвристическим эталоном, и даже в отличие от римских родов, роды

²¹ В связи с греческой аристократией см.: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М., 2000; Суриков И. Е. Демократический полис и родословные аристократов: о некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 175–188.

²² Bourriot F. Recherches sur la nature du *genos*: Étude d'histoire sociale athénienne. *Periodes archaïque et classique*. Lille; P., 1976. T. 1–2; Roussel D. *Tribu et cité. Études sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique*. P., 1976.

²³ Forrest W. G. *The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800–400 B.C. L.*, 1966.

греческие включали в себя не всех граждан, а именно только аристократов. Члены фратрии в Афинах делились на «геннетов» и «оргеонов». Первые – это те граждане, которые, по определению, входили в состав родов (γεννήται – от γένος, ‘род’), и они же являлись полисной знатью. А семьи оргеонов (незнатных афинян) входили во фратрии напрямую, минуя роды. Родо-племенные структуры в их традиционном понимании подобных ситуаций не предусматривают.

* * *

Итак, тезис о вырастании полиса непосредственно из родо-племенного общества в корне неверен. Он просто противоречит фактам, не выдерживает критики ни с исторических, ни со структурных позиций. Полис, повторим, вырос на обломках другой государственности, уже высокоразвитой, погибшей, но оставившей о себе память. И это во многом обусловило специфику полиса.

Ряд характерно полисных потестарных терминов встречается уже в письменных памятниках микенской эпохи, в том числе такой важный, как «демос». Особо интересна эволюция термина «басилей». На табличках линейного письма В эта должность фигурирует, но отнюдь не предстает каким-то очень высоким саном. Басилеи того времени были, по преобладающему в науке мнению, главами отдельных сельских общин и подчинялись верховной власти владыки дворцового царства – анакта, то есть являлись фактически чиновниками в бюрократическом аппарате государства, нижними звеньями административной цепочки. Басилей II тыс. до н. э. – что-то вроде сельского старосты; под контролем царя-анакта могли находиться несколько десятков басилеев.

А впоследствии, в классическом греческом языке, слово «басилей» получило в высшей степени устойчивое значение ‘царь’, вытеснив в этой роли слово «анакт». Эта-то смена царского титула – от «анакта» к «басилею» – в значительной степени является ключом к разгадке тех перемен в политической сфере, которые произошли в Греции между II и I тыс. до н. э., породив радикальные новшества в характере социума. Катастрофические этномиграционные процессы конца микенской эпохи, в источниках определяемые как «дорийское вторжение», стали катализатором падения ахейских дворцовых царств. Дворцы были сожжены или разрушены, в лучшем случае постепенно заброшены; исчезла (сохранившись только на отдаленном Кипре) слоговая письменность, применявшаяся исключительно для нужд дворцового хозяйства, а отныне больше не нужная.

Однако мир сельских общин, входивший в состав микенских государств, естественно, никуда не делся, он продолжал существовать. Если можно так выразиться, анакты исчезли, но басилеи остались. Они-то и стали теперь высшей, ни от кого не зависящей властью, «последней инстанцией». С социума был как бы снят самый верхний этаж. И этот социум распался, расчленился,

превратился в конгломерат мелких сельских общин, пестрый и в то же время единообразный. Каждая такая община на начальном этапе представляла собой деревню или в лучшем случае поселок, окруженный сельскохозяйственными угодьями, но все они гордо называли себя полисами, то есть «городами» (хотя в стадийном плане являлись еще протополисами). Как бы то ни было, эти общины пользовались полной самостоятельностью и в этом смысле являлись уже зачатками будущих архаических и классических полисов. Дальнейшее их развитие было развертыванием потенциалов, изначально заложенных в самом феномене.

Полис и даже протополис уже с первых шагов своего существования замыкался на себя, «окукливался», превращался в самодовлеющий мирок, опирающийся по возможности только на собственные силы и противопоставленный остальному миру. В чисто гипотетическом порядке выскажем предположение, что это было своеобразной реакцией на централизацию «дворцовых царств» микенской эпохи – централизацию, от которой общины, входившие в состав государства, ничего не имели, кроме безудержной эксплуатации. По контрасту с таким прошлым теперь хотелось «пожить на свободе». Именно понятие свободы (ἐλευθερία), политической и экономической, стало ключевым для полиса²⁴, формировалось вместе с ним, проявлялось в уже упоминавшихся выше принципах автономии и автаркии.

В течение эпохи архаики, в ходе первой «архаической революции» полисы шагнули на стадию государственности. Собственно, именно здесь мы видим грань между протополисом и полисом в точном смысле слова: протополис – гражданская община, еще не ставшая государством, а полис как таковой – гражданская община, уже таковым ставшая. Процесс формирования государственности – процесс всегда не одномоментный, а достаточно длительный и постепенный. К тому же многокомпонентный и тем самым сложный для постижения. Всегда очень трудно, зачастую невозможно провести четкое и однозначное деление: вот до такого-то момента данная община – еще не государство, а с такого-то уже государство. Здесь играют роль и скудость источниковой базы для этой ранней эпохи, и проблема единого критерия.

Так, часто считается, что моментом перехода на государственную стадию следует признавать издание в том или ином полисе свода письменных законов. И значительная доля истины в такой точке зрения есть. Никто не будет спорить с тем, что категория закона (νόμος) была очень важна для полисного бытия. Вспомним известный афоризм философа Гераклита Эфесского (DK 22 B44): «Народ должен сражаться за попираемый закон, как за стену [города]».

²⁴ Raaflaub K. Die Entdeckung der Freiheit: Zur historischen Semantik und Gesellschaftsgeschichte eines politischen Fundbegriffes der Griechen. München, 1985.

Однако существует и обстоятельство, в известной степени ослабляющее силу только что приведенного аргумента. Законы в одних полисах принимались раньше, в других позже, и, строго говоря, нет полной уверенности в том, что все без исключения греческие полисы в архаическую и даже классическую эпоху располагали законодательными сводами. Вполне допускаем возможность, что какие-то из малых полисов вообще никогда такими сводами не обзавелись, что, однако, не дает еще возможности исключать их из числа полисов. Следовательно, все-таки нельзя категорично говорить о законах как об абсолютно необходимом условии существования полиса, без наличия которого он полисом быть не может.

В связи с процитированным чуть выше суждением Гераклита обратим внимание на вторую, наряду с законом, реалию, упоминающуюся в нем, то есть на городскую стену. Вот ее наличие, кажется, можно признать интегральным, конституирующим элементом и признаком полиса²⁵ – во всяком случае, полностью сформировавшегося полиса. Имеющиеся исключения только подтверждают правило. Так, оборонительных укреплений ни в архаическую, ни в классическую эпоху не имела Спарта; но то была вполне сознательная позиция гражданского коллектива спартиатов. «Бесстенная» Спарта была в данном отношении уникальной и всеми современниками воспринималась в качестве таковой.

* * *

В рамках столь краткого очерка, разумеется, не представляется возможным затронуть – хотя бы в самой краткой форме – все сколько-нибудь важные вопросы, связанные с архаическим и классическим полисом. Какие-то проблемы неизбежно остаются за пределами нашего рассмотрения. Можно лишь попытаться в заключительной части предельно конспективно поставить – или даже просто наметить – некоторые из этих проблем.

Так, весьма интересным, пока еще недостаточно изученным представляется вопрос о подразделениях полиса. В Афинах такими подразделениями были прежде всего демы – в некоторых отношениях своеобразные «мини-полисы», если не считать отсутствия политического суверенитета. Да, кстати, и это «мини-» следует понимать весьма относительно. Например, такой дем, как Пирей, по численности населения, несомненно, превосходил многие «настоящие», независимые полисы.

Дем²⁶ может быть определен, хотя и не без оговорок, с одной стороны, как административно-территориальный округ, а с другой – как локальная община,

²⁵ *Ducrey P.* La muraille est-elle un élément constitutif d'une cité? // *Sources for the Ancient Greece City-State*. Copenhagen, 1995. P. 245–256.

²⁶ О нем см.: *Osborne R.* Demos. The Discovery of Classical Attika. Cambridge, 1985; *Whitehead D.* The Demes of Attica 508/7 – ca. 250 B.C. Princeton, 1986.

естественно выросшая или искусственно созданная. В четырехчленной системе «дем – триттия – фила – полис» он являлся, говоря формально, низшим, так сказать, «первичным» звеном. Однако это его кажущееся низким положение не должно вводить в заблуждение. Для реального функционирования афинского государства дем имел, пожалуй, большее значение, нежели фила или триттия. По своим ключевым параметрам это низшее звено, как ни парадоксально, в наибольшей степени приближалось к высшему, то есть полису в целом. Дем, как и полис, в полной мере представлял собой политическое единство, чего нельзя сказать о промежуточных структурных единицах.

Роль демов в общественной жизни выступает в Аттике весьма выпукло. Статус гражданина полиса обуславливался в первую очередь именно членством в деме, поскольку гражданские списки велись по демам. Если даровали гражданские права чужеземцу, то его обязательно приписывали к какому-нибудь дему. Демотик (то есть обозначение принадлежности именно к дему, а не к триттии или филе) был, начиная с реформ Клисфена, обязательным, неотъемлемым компонентом официального гражданского имени каждого афинянина.

Еще важнее для нас, что дем по своему устройству, как уже отмечалось выше, представлял точную копию полиса, был, по, сути, полисом в миниатюре²⁷. Кстати, тем самым Афины в целом парадоксальным образом приобретали некоторые характеристики федеративного государства. Дем обладал функционировавшим на постоянной основе штатом выборных магистратов во главе с демархом, наделенным довольно значительными полномочиями. В демах регулярно созывались народные собрания (характерно называвшиеся *ἄγοραι*), на которых принимались псефисмы, кипели такие же страсти, как и в «большой» экклесии. Таким образом, на уровне дема существовала своя политическая жизнь, развертывавшаяся параллельно общеполисной, складывалась своя политическая элита – в известной мере «кузница кадров» для политической элиты полиса. Так, именно из среды верхушки демотов, насколько можно судить, вышли многие (если не большинство) из так называемых демагогов, или «новых политиков», начиная с последней трети V в. до н. э.

Кстати, складывание политической элиты полиса, ее состав – тоже круг весьма интересных вопросов, которые мы здесь в полной мере не можем осветить. Отметим только, что мы не солидарны с развиваемой некоторыми специалистами (в частности, Х. Тумансом²⁸) точкой зрения, согласно которой «новые

²⁷ Whitehead D. Athenian Demes as Poleis (Thuc. 2. 16. 2) // *Classical Quarterly*. 2001. Vol. 51. No. 2. P. 604–607.

²⁸ Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). СПб., 2002; Туманс Х. К идее государства в архаической Греции // ВДИ. 2006. № 3. С. 77–105.

политики» из числа незнатных, но разбогатевших ремесленников и торговцев вошли в состав этой элиты уже в архаическую эпоху. На протяжении ряда лет занимаясь проблемами политической истории архаических Афин и, в частности, ее просопографическим аспектом, мы можем ответственно утверждать, что для этого периода в числе сколько-нибудь видных политиков лица, не принадлежавшие к аристократии, вообще не фиксируются. Все ведущие «государственные мужи» – представители знатнейших семейств. Так было и во времена Солона и Писистрата, и во времена Клисфена и Мильтиада, и даже во времена Кимона и Перикла (лишь в послеперикловское время ситуация меняется). В этой среде репутацию «парвеню» и «неполноценного» имел, например, Фемистокл – отнюдь не ремесленник и не торговец, а просто выходец из второстепенной, сельской ветви аристократического рода Ликомидов.

Подводя итоги, необходимо еще раз заметить: практически все проблемы, связанные с феноменом греческого полиса, чрезвычайно сложны и многогранны, не поддаются однозначному и категоричному разрешению. Здесь мы представили свой взгляд на вещи, отнюдь не настаивая на его безусловной и единственной истинности. На все без исключения вопросы, поставленные нами, возможны и иные ответы. Какие-то из тезисов, выдвинутых выше, имеют сознательно-полемический характер. Хочется надеяться, что обсуждение тематики полиса, в последнее время активизировавшееся как в зарубежной, так и в отечественной науке, приведет в конечном счете если не к исчерпывающему (это вряд ли возможно), то, во всяком случае, к лучшему, более полному и корректному пониманию этого явления античной и мировой истории.

Научное издание

Игорь Евгеньевич Суриков

**АНТИЧНАЯ ГРЕЦИЯ
ПОЛИТОГЕНЕЗ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ
Opuscula selecta II**

2-е издание

Корректор О. Круподер
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 31.08.2018. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 61,27. Тираж 300 экз. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ госрегистрации 1147746155325
Phone: 8 (495) 624-35-92 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Игорь Евгеньевич Суриков
(р. 1965) — специалист по истории
и культуре античной Греции.
Доктор исторических наук (с 2004 г.).
Главный научный сотрудник Инсти-
тута всеобщей истории РАН,
профессор отделения социокультур-
ных исследований РГГУ. Автор около
450 опубликованных работ,
в том числе около 30 книг.

